

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

9
ВЫПУСК

ТВЕРЬ 2013

Тверской государственный объединённый музей

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
13-го–15-го ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ»

ТВЕРЬ 2013

УДК 902/904
ББК 63.4
Т26

Т26 **Тверской археологический сборник.** Выпуск 9. Материалы 13-го–15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013 – 508 с.: 284 ил.

ISBN 978-5-94789-568-1

В данный выпуск сборника вошли представленные для публикации материалы 13-го (24–28 марта 2009 г.), 14-го (23–27 марта 2010 г.) и 15-го (22–26 марта 2011 г.) заседаний научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности», действующего на базе Тверского государственного объединённого музея с 1994 года.

Хронологически выпуск охватывает периоды от финального палеолита до раннего средневековья, территориально – тундровую, лесную и лесостепную зоны Восточной Европы и шире – Северную Евразию.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных, в т.ч. экспериментальных, изысканий, как сугубо археологических, так и произведённых на стыке с другими науками, а также разработки теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер, часть материалов была переработана авторами с учётом исследований последних лет.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и её связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым России, сопредельных государств и Тверского края.

Сборник издан за счёт средств, полученных Тверским государственным объединённым музеем от проведения хоздоговорных охранных археологических исследований.

ББК 63.4

Ответственный редактор выпуска **И.Н. Черных**

ISBN 978-5-94789-568-1

© ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», 2013 г.

© И.Н. Черных – редактор сборника, 2013 г.

© Авторы статей, 2013 г.

© ООО «Издательство «Триада», 2013 г.

Tver State United Museum

**TVER
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION**

**THE MATERIALS
OF THE 13th–15th MEETINGS OF THE SCIENTIFIC
AND METHODIC SEMINAR «TVER LAND AND NEIGHBOURING
TERRITORIES IN ANCIENT TIMES»**

TVER 2013

Tver Archaeological Collection. Issue 9. The Materials of the 13th–15th Meetings of the Scientific and Methodic Seminar «Tver Land and the Neighbouring Territories in Ancient Times». Edited by I.N. Tchernykh. – Tver: «Triada» Publishers» Ltd, 2013. –508 p. : 284 ill.

ISBN 978-5-94789-568-1

The given issue of the Collection consists of the presented for publication materials of the 13th (March 24–28, 2009), the 14th (March 23–27, 2010) and the 15th (March 22–26, 2011) sessions of the Scientific and Methodic Seminar with international membership «Tver Land and the Neighbouring Territories in Ancient Times», which has been working on the base of the Tver State United Museum since 1994.

Chronologically the issue covers periods from the Final Palaeolithic to the Early Middle Ages, as well as the territories of the tundra, wood and wood-steppe zones of Eastern Europe and wider, Northern Eurasia.

New materials gained from the field and laboratory studies (including experimental) are published. Along with purely archaeological investigations the complex studies made on the junction of sciences as well as theoretical researches are introduced into scientific circulation. The articles reflect modern methods of research and suggest new approaches to the study of archaeological objects. Artifacts connected with material and spiritual culture of various epochs are presented.

Several articles put forward various problems and are disputable. Some materials have been partly revised by the authors who have taken into account recent researches.

The collection on the whole directly relates to the study of antiquities of the Tver land and its connections with other territories.

The book is addressed to archaeologists, historians, museum experts, students as well as to regional researchers and all interested in the most ancient past of Russia and the Tver land in particular, and the neighbouring states.

The Collection has been published on account of resources gained by the Tver State United Museum from commercial protective archaeological excavations.

Chief Editor of the Issue **I.N. Tchernykh**

ISBN 978-5-94789-568-1

© Tver State United Museum, 2013
© I.N. Tchernykh, Editor-in-Chief, 2013
© Contributors to the collection, 2013
© «Triada» Publishers» Ltd, 2013

ПАМЯТИ ЛЕОПОЛЬДА ДМИТРИЕВИЧА СУЛЕРЖИЦКОГО

(04.05.1929 – 24.01.2012)

24 января 2012 г. ушёл из жизни Леопольд Дмитриевич Сулержицкий – старший научный сотрудник радиоуглеродной группы лаборатории геохимии изотопов и геохронологии ГИН РАН, замечательный человек и учёный, полностью посвятивший свою жизнь служению науке.

Родился Леопольд Дмитриевич в Москве 4 мая 1929 г. в артистической семье. Был назван в честь своего деда – Леопольда Антоновича – известного литератора, режиссёра и театрального деятеля, руководителя 1-й Студии МХАТ. Другой его дед был актёром Художественного театра, отец – театральным художником. Леопольду Дмитриевичу также уготована была стезя искусства: он закончил музыкальное училище им. Гнесиных по классу фортепьяно. Однако увлечение геологией взяло верх над семейными традициями.

В 1952 г. он впервые попал в геологическую экспедицию, и это определило его дальнейшую судьбу. В 1953 г. он был зачислен в штат Геологического института АН СССР (ГИН АН СССР), в котором проработал всю оставшуюся жизнь.

Становление Л.Д. Сулержицкого как учёного проходило под влиянием А.А. Арсеньева и Н.В. Кинд. Особенно большую роль в его жизни сыграла Наталья Владимировна Кинд, основным помощником которой и постоянным спутником в экспедициях он стал. Сначала это были «алмазные экспедиции» в Якутии, затем – работы в Красноярском крае и – с 1971 г. – на Таймыре. За 10 полевых таймырских сезонов был собран богатейший материал, а массив радиоуглеродных дат по коллекции мегафауны Таймыра – до сих пор самый большой в мире.

В 1964 г. Л.Д. Сулержицкий заинтересовался проблемой радиоактивного углерода в вулканических районах. Тогда же он организовал и первую экспедицию на Камчатку. Всего же более 20 полевых сезонов он провёл на Камчатке и Курильских островах. Вместе с коллегами он проделал огромную работу по датированию вулканических отложений, что позволило реконструировать вулканическую активность Камчатки за последние 10000 лет.

Леопольд Дмитриевич был очень хорошим «полевиком» – незаменимым в трудных условиях работы геологических партий. Приходилось сплавляться на лодках по рекам, копать шурфы и расчищать обнажения, добывать из вечной мерзлоты образцы. Он мог быстро разжечь костёр, поставить палатку, наловить рыбы. Первым брался за самую грязную и тяжёлую работу.

Среди археологов Л.Д. Сулержицкий был известен прежде всего как специалист по радиоуглеродному датированию. Радиоуглеродные даты, полученные в лаборатории ГИН, или «у Сулержицкого», как все обычно говорили, считались в высшей степени надёжными.

Л.Д. Сулержицкий за работой в радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН. 2003 г.

(Фото Е.М. Инешина)

В.В. Чердынцев, Н.В. Кинд, Л.Д. Сулержицкий. 60-е годы XX в.

Леопольд Дмитриевич, вместе с Н.В. Кинд, приглашённой на работу в Геологический институт АН СССР в 1959 г., стоял у истоков создания радиоуглеродной лаборатории. Во многом это было его детище, которому он отдал полвека своей жизни. Сначала он в должности инженера занимался преимущественно технической частью работ – монтировал оборудование, участвовал в создании сцинтилляционных установок. Впоследствии, получив звание старшего научного сотрудника (несмотря на отсутствие специального образования), стал одним из основных специалистов в области радиоуглеродного датирования как геологических событий – оледенений, морских трансгрессий, извержений вулканов и проч., – так и археологических объектов, относящихся к различным эпохам – от палеолита до позднего средневековья. После ухода Н.В. Кинд на пенсию Л.Д. Сулержицкий возглавил радиоуглеродную группу лаборатории. Вместе с коллегами он принимал участие в разработке методик и усовершенствовании инструментальной базы лаборатории. Им был подготовлен эталонный измерительный препарат (Э-5), который используется всеми радиоуглеродными лабораториями бывшего Советского Союза, были сделаны новые счётчики.

В 70-е годы прошлого века Л.Д. Сулержицким была разработана методика очистки костного коллагена. Благодаря этому появилась возможность получить большие серии дат по костям мегафауны из геологических отложений и палеолитических памятников, костям из погребений каменного – бронзового веков, костному углю и т.п. Особенно большое значение имело датирование древних захоронений (Сунгирь, Олений Остров, Попово, Сахтыш, Фофаново, Шумилиха, Семёново и многие другие памятники Восточной Европы и Сибири).

Датирование проводилось по классической β -распадной методике, которую Леопольд Дмитриевич считал более надёжной, чем датирование методом ускорительной масс-спектропии (AMS-методом).

Радиоуглеродное датирование образцов из археологических объектов стало производиться в лаборатории Геологического института практически с начала её работы – с 1961 г.

Первые образцы поступили с палеолитических памятников Молодово 5, Сунгирь, Курск 1, Кокорево 1, Ахштырская пещера, Костёнки 1, 2, 12, 14, 17, 18, Борщёво 2.

Вслед за датированием образцов с палеолитических стоянок началось и датирование образцов с памятников мезолита и неолита (Берендеево Болото, Бесовы Следки, Ивановское II, III и др.), а затем – эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Наиболее привлекательными для Леопольда Дмитриевича оставались памятники палеолита, так же как и для археологов-палеолитчиков лаборатория ГИН всегда была в числе приоритетных. Так, из имеющихся в настоящее время 1200 дат по палеолитическим памятникам европейской части России 315 получены в лаборатории ГИН, что составляет 26 %; а из 270 датирований по Костёнкам 78 (28,8 %) произведено Л.Д. Сулержицким. 15 лет назад их число доходило до 40 %: из 500 дат для верхнего палеолита Восточной Европы 210 (~ 42 %) были получены в ГИН. Изменение баланса в последнее время произошло

из-за включения исследований палеолита Восточной Европы в международные программы сотрудничества, активности иностранных участников и, как следствие, датирования в европейских и американских лабораториях.

Около 120 дат были получены Л.Д. Сулержицким по образцам Байкало-Патомского нагорья, в том числе 30 – для многослойного памятника финального палеолита Большой Якорь I. Благодаря проведённым исследованиям здесь была заново создана хронологическая схема четвертичных отложений региона и намечены пути решения важнейших вопросов, связанных с культурно-хронологическим членением памятников позднего плейстоцена – раннего голоцена в Северной Азии. Около 50 датировок по археологическим объектам Забайкалья также стали основой культурно-хронологической шкалы.

Большую работу провёл Леопольд Дмитриевич и по датированию материалов, относящихся к мезолиту и неолиту как европейской части России, так и Сибири, – всего более 700 дат. Он датировал образцы органики из культурных слоёв торфяниковых поселений мезолита – неолита (Веретье, Ивановское 7, Замостье и др.) и антропологический материал из погребений (Олений Остров, Попово, Сахтыш и др.). Непревзойдённым является массив дат по погребениям Восточной Сибири (около 300).

Однако, несмотря на интерес к объектам каменного века, Леопольд Дмитриевич никогда не отказывался датировать и образцы более поздних эпох, включая средневековые. Существенный вклад был внесён им в разработку хронологии как погребальных, так и поселенческих памятников дьяковской культуры раннего железного века Восточной Европы (более 200 дат).

Даты, полученные в лаборатории Л.Д. Сулержицкого, позволяли определять не только абсолютную хронологию тех или иных археологических объектов, но и пересматривать традиционно сложившиеся представления о датировке целых культур и групп памятников, как это было, в частности, с неолитом Сибири, прежде всего китойской культурой, или мезолитическими памятниками типа Андозеро-М на Русском Севере. Его датировки сыграли решающую роль в подтверждении возраста древнейшей керамики Северной Азии из раскопок многослойного памятника Усть-Каренга на Витиме.

Сейчас уже трудно перечислить все памятники, откуда поступали образцы. География их очень широка – европейская территория России, Урал, Прибайкалье и Забайкалье, Дальний Восток, Камчатка, Средняя Азия, а также зарубежные страны (Йемен, Финляндия).

Количество образцов, поступающих на датирование от археологов, резко возросло в 80-е годы прошлого столетия и с тех пор поддерживается постоянно: около 350 образцов в год.

Всего с 1961 г. из 14000 продатированных в лаборатории образцов (по событиям истории вулканизма, геодинамики, палеосейсмологии и т.д.) для археологических объектов было получено более 3000 дат.

Наибольшее количество образцов было представлено на датирование Н.Н. Мамоновой (более 300), Н.Д. Прасловым (~ 150), Н.А. Кренке (более 200), С.Н. Корневским (~ 140), М.Г. Жилиным (~ 120), Е.М. Инешиним (~ 100), Д.А. Крайновым (~ 80), Н.В. Косоруковой (~80). Образцы для датирования предоставляли Сулержицкому также Н.Н. Диков, М.Д. Гвоздовер, А.В. Энгватова, А.Е. Кравцов, С.В. Ошибкина, Н.А. Макаров, Е.Д. Каверзнева, Х.А. Амирханов, А.В. Трусов, Б.А. Фоломеев, А.Н. Башенькин, Н.В. Овчинникова, А.А. Выборнов, А.Е. Мамонов, Е.В. Козин, П.П. Барынкин, А.И. Юдин, И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.А. Масленников, А.К. Пономаренко, М.В. Константинов и др.

Радиоуглеродные даты, полученные по разным памятникам, были опубликованы как в археологических и академических периодических изданиях и монографиях, так и в журналах, посвящённых изотопным радиоуглеродным исследованиям. В соавторстве с Леопольдом Дмитриевичем публиковали свои статьи Н.Д. Праслов, А.А. Синицын, Н.О. Бадер, С.В. Ошибкина, Н.Н. Мамонова, М.Г. Жилин, Б.А. Фоломеев, Н.А. Кренке, Е.М. Инешин, В.М. Белоусов, А.В. Тетенкин, С.П. Нестеров, Я.В. Кузьмин, Л.А. Орлова, Е.И. Деревянко, А.В. Виноградов, Э.Д. Мамедов, Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев, Н.И. Шишлина, Д.Д. Соколов и др. Многие археологи самостоятельно публиковали многочисленные даты, полученные по археологическим образцам в лаборатории ГИН.

Понимая обоюдную заинтересованность в датировании археологических объектов, особенно эпохи камня, дающих возможность перекрёстной проверки геологических и палеогеографических событий позднего плейстоцена и голоцена, Л.Д. Сулержицкий выполнял датирование бесплатно. Ему требовалась лишь помощь в подготовке образцов. И он с удовольствием учил археологов обрабатывать образцы в кислоте, варить в щёлочи, промывать и сушить, объяснял, почему это делается так и что с ними происходит. Сам он иногда казался похожим на средневекового алхимика, увлечённо колдующего среди сложного и совершенно непонятого непосвящённым оборудования, где что-то варилось, пузырилось, дымилось и кипело.

Л.Д. Сулержицкий не только принимал образцы на датирование, но и сам выезжал в археологические экспедиции, отбирал образцы с очень серьёзным обсуждением каждого из них и брал далеко не все, что предлагали археологи. Так, он с полным основанием был постоянным членом Костёнковской экспедиции, часто приезжал, участвовал в полевых семинарах. С удовольствием работал в Сибири на разрезах Мамаканского георхеологического микрорайона, в том числе на Большом Якорь I, лично отбирал образцы из многослойных памятников Забайкалья – Студёное, Усть-Менза, Толбага и Приисковая.

Леопольд Дмитриевич был исключительным человеком, обладавшим огромными и разносторонними знаниями, высочайшей квалификацией и редкостными душевными качествами. Его отличали глубочайшая

интеллигентность, доброжелательность, скромность и величайшее трудолюбие, заставлявшее его приходить в лабораторию даже в праздники и выходные дни. И археологи ещё долго будут использовать в своих работах радиоуглеродные даты «от Сулержицкого».

*Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин
Ивановский государственный университет,
Иваново
E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru*

*Н.Е. Зарецкая,
Геологический институт РАН,
Москва
E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru*

*А.А. Сеницын, Г.В. Сеницына,
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru*

*М.Г. Жилин,
Институт археологии РАН,
Москва
E-mail: mizhilin@yandex.ru*

*Н.В. Косорукова,
Череповецкий государственный университет,
Череповец
E-mail: natalik@mail.tchercom.ru*

*Е.М. Инешин,
Лаборатория археологии и палеоэкологии
Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН,
Иркутский государственный университет,
Иркутск
E-mail: ineshin.evgen@yandex.ru*

А.Д. Максимов

ЮБИЛЕЙНЫЕ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 2009 ГОДА

С Тверским краем тесно связаны имена трёх знаменитых русских учёных конца XIX–XX в., занимавшихся археологическим изучением этой земли.

Ю.Г. Гендуне (1869–1909)

В 2009 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Юлии Густавовны Гендуне – действительного члена Императорского Археологического института и Тверской учёной архивной комиссии (с 1903 г.). Ю.Г. Гендуне родилась и жила под Москвой. Последние годы жизни провела в д. Плоски и сельцах Карачарове и Сучки Клинского уезда Московской губернии, на берегу р. Волги (ныне Конаковский район Тверской области).

С 1903 по 1908 г. она проводила раскопки на двух городищах Дьякова типа конца I тыс. до н.э. у с. Сухарино в урочище Топорок и у г. Корчевы близ д. Городище, а также археологические исследования славянских курганов XI–XII вв. в могильниках у с. Загорье, дд. Глинники, Устье в Корчевском уезде и курганов у д. Дуденево Тверского уезда (1903 г., совместно с В.И. Колосовым). Раскопки городища в ур. Топорок у с. Сухарино являлись самыми крупномасштабными исследованиями подобного рода памятников до начала 30-х годов XX в. не только на территории Тверской области, но и далеко за её пределами. Открытый на нём уникальный археологический комплекс до сих пор остаётся единственным и загадочным для всей территории лесной зоны Восточной Европы.

Наиболее полно работы Ю.Г. Гендуны и о ней, включая архивные материалы, представлены в двух библиографических указателях литературы по археологии Тверской области [1, с. 2, № 16; с. 45 и 51, № 397 и № 465; с. 55, № 501; с. 58, № 528; с. 115, № 1060; 2, с. 8, №№ 1217, 1218, 1219]. Справедливости ради надо сказать, что в указателе 2004 г. названия архивных дел, хранящихся в архиве ИИМК РАН (фонд 1), даны не совсем точно и неправильно. Так, под № 1217 (с. 8 указателя) отмечено: «Гендуне Ю.Г. Отчет за 1903 г. // Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1903. – д. 15». В действительности, под одним № 15 зафиксированы 5 отдельных дел, которые соответствуют раскопкам городищ у с. Сухарино в ур. Топорок и у г. Корчевы, а также раскопкам курганов у дд. Загорье, Заборье и Дуденево [3–7]. Под № 1218 (с. 8 указателя) отмечено «Гендуне Ю.Г. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 и 1906 гг. // Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1906. – д. 30». В данном случае под одним № 30 зафиксированы 2 отдельных дела [8; 9]. Кроме того, с именем Ю.Г. Гендуны связано ещё несколько дел, хранящихся в архиве ИИМК РАН в фонде 1. Под № 93 (1903 г.) значатся два отдельных дела [10; 11]. Дело под № 293, датированное 1895 г., отдельно не выделено, но отмечается на нескольких карточках, связанных с работами Ю.Г. Гендуны в Тверской губернии [12]. Следует ещё отметить, что и сегодня архивные материалы Ю.Г. Гендуны изучены недостаточно. Дополнительные сведения о ней и её работах можно найти в Библиографическом указателе по истории исторической науки [13, с. 251].

По иронии судьбы к 2009 г. приурочена и другая памятная дата, связанная с именем Ю.Г. Гендуны. Прошло 100 лет со дня её трагической гибели 4 августа 1909 года. От посмертной записки, оставленной Ю.Г. Гендуне, веет мистическим холодом. По её словам, со ссылкой на Фому Аквинского, любопытство – один из смертных грехов.

Раскопки финского обрядового городища шаманского типа (по выражению самой Ю.Г. Гендуне) в ур. Топорок, исследование многочисленных славянских захоронений в курганах и последовавшее затем неожиданное самоубийство автора раскопок наводят нас на глубокие размышления. Ю.Г. Гендуне была похоронена на Сучковском кладбище в заранее подготовленном склепе (ныне это городская черта г. Конаково), недалеко от церкви и почти рядом с семейной усыпальницей князей Гагариных, владельцев сельца Карачарова.

Я.В. Станкевич (1909–1959)

В 2009 г. (3 октября) исполнилось 100 лет со дня рождения Ядвиги Вацлавовны Станкевич – ведущего специалиста по археологии финно-угров, балтов и славян I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э. центральных и северо-западных областей европейской части России. За 20 лет научной деятельности ею опубликовано всего 23 печатных работы, среди которых, однако, нет ни одной “проходной”. Для всех исследований Я.В. Станкевич характерны академизм изложения и свежесть научной мысли, что дано далеко не каждому учёному [14, с. 3–5].

Первые работы Я.В. Станкевич были связаны с её раскопками известного Михайловского могильника IX–X вв., находящегося около г. Ярославля [15, с. 56–88]. Много лет работала Я.В. Станкевич над археологическими материалами из Приладожья, принимая участие в раскопках курганов Южного Приладожья и в исследовании городища Старая Ладога [16, с. 187–216; 17, с. 219–246]. В 1946 г. Я.В. Станкевич защитила кандидатскую диссертацию «Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья IX–XII вв.», части которой были опубликованы [18, с. 219–246; 19, с. 94–110]. В послевоенные годы она была привлечена также и к руководству исследованиями известных Шестовицкого поселения и могильника под Черниговом [20, с. 6–30].

Последние 10 лет научной деятельности Я.В. Станкевич были связаны большей частью с Тверской (в то время Калининской) областью. Внимание её привлек район, имевший ключевое значение

в период возникновения и становления Древнерусского государства. С 1949 по 1959 г. она занималась изучением археологических памятников, расположенных в особой исторической зоне. Эта территория являлась важнейшим звеном на пути «из варяг в греки». В ходе широкомасштабных работ в междуречье верховьев Западной Двины и Ловати Я.В. Станкевич открыла и обследовала 271 памятник археологии без учёта 2 городищ и 11 курганных групп, отмеченных только на карте условными значками без цифровых обозначений [21, рис. 1]. Кроме того, рассматривая археологические объекты, датированные в целом от 2-й пол. I тыс. до н.э. до нач. II тыс. н.э., Я.В. Станкевич сообщает большую информацию о находках каменного и бронзового веков [21, с. 7–327].

Тверская область

На территории Тверской области Я.В. Станкевич изучено 202 памятника археологии. Раскопки проводились на 4 объектах 2-й пол. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. и 6 объектах рубежа I и II тыс. н.э. [21, с. 153–155, п. 124; с. 155–176, п. 140; с. 186, 188–190, п. 53; с. 236, п. 141; с. 288, 291–293, п. 13; с. 294–306, п. 54; с. 312, п. 144; с. 313, п. 145; с. 313–314, п. 147; с. 316, п. 201]. Наиболее значимые для науки материалы были получены в результате раскопок 2 городищ 2-й пол. I тыс. до н.э. – первых веков н.э. у д. Новобридино, в ур. Подгай, и у д. Курово с площадями раскопок 576 м² и 90 м² соответственно [21, с. 155–176, п. 140; с. 186, 188–190, п. 53], а также курганных могильников рубежа I–II тыс. н.э. у д. Андроново (изучен 1 курган), у д. Курово (изучены 7 курганов), на юго-западной окраине г. Торопца (изучены 2 насыпи) и остатков разрушенного кургана между дд. Бенцы и Барузда с «богатым» женским захоронением [21, с. 288, 291–293, п. 13; с. 294–306, п. 54; с. 313–314, п. 147; с. 316, п. 301 соответственно]. Интересны и результаты начатых в 1957 г. систематических раскопок Малого городища в г. Торопце [21, с. 312, п. 144].

Шурфовка в пределах 1–1,5 м² проведена на 38 памятниках археологии Тверской области [21, с. 152, п. 5; с. 155, п. 126; с. 184, 186, п. 12; с. 186, п. 19; с. 190, п. 80; с. 190–192, п. 90; с. 195, пп. 136 и 150; с. 195, 197–198, п. 172; с. 198, пп. 180, 193; с. 198–200, п. 203; с. 220, п. 21; с. 223, п. 34; с. 223–224, п. 58; с. 227, п. 84; с. 228, 230–231, п. 103; с. 231, п. 104; с. 231–232, п. 106; с. 234, пп. 122 и 129; с. 239, пп. 152 и 154; с. 241, п. 166; с. 241–244, п. 168; с. 244, пп. 173 и 174; с. 244, 246, п. 179; с. 246, п. 185; с. 248, п. 191; с. 293, п. 32; с. 308–309, п. 107; с. 311, пп. 121 и 125; с. 314, п. 162; с. 315, п. 177; с. 315–316, п. 189; с. 316, п. 195].

Псковская область

На территории Псковской области Я.В. Станкевич открыты и обследованы 69 памятников археологии. Раскопки проводились на 9 объектах 2-й пол. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. и 1 объекте рубежа I–II тыс. н.э. [21, с. 176, 202–217, п. 216; с. 214, 256–262, п. 246; с. 252–255, п. 217; с. 262–266, п. 247; с. 266–268, п. 248; с. 268, 270, 271, п. 249; с. 270, 272–276, п. 251; с. 276–282, п. 262; с. 278, 281–285, 287, п. 263; с. 323, п. 268]. Наиболее значимые для науки материалы были получены в результате раскопок городища против с. Михайловского (на площади в 188 м²), городища у д. Жабино (исследовано 115 м²), селища близ д. Жабино (2 раскопами

изучены 166 м²), курганных могильников против с. Михайловского (исследованы 4 насыпи) и против д. Полибино – группа 1 (изучены 3 насыпи), датированных в целом 2-й пол. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. [21, с. 176, 202–214, п. 216; с. 214, 256–262, п. 246; с. 262–266, п. 247; с. 252–255, п. 217; с. 278, 281–285, 287, п. 263 соответственно]. Особый интерес представляют результаты раскопок исследованного полностью городища у д. Городище на правом берегу р. Ловать, в 4 км выше г. Великие Луки, датированного 2-й пол. X – нач. XII в. [21, с. 323, п. 268]. Шурфовка в пределах 1–1,5 м² проведена на 13 памятниках археологии Псковской области [21, с. 178, п. 224; с. 184, п. 258; с. 192, п. 111; с. 232–234, п. 112; с. 251, п. 210; с. 256, пп. 221 и 238; с. 276, п. 259; с. 287, п. 265; с. 316, 317–319, 321, п. 214; с. 322, пп. 242 и 243; с. 322–323, п. 253].

Все материалы, полученные в результате археологических работ Я.В. Станкевич с 1949 по 1959 г., вошли в целую серию статей и, главным образом, монографию, вышедшую из печати уже после смерти автора [21, с. 7–327]. Эта книга является одним из лучших фундаментальных исследований по археологии европейской части России 2-й пол. XX в. и несомненно соответствует уровню докторской диссертации. Ещё более важной оценкой этого труда является понимание работы Я.В. Станкевич не только с научной точки зрения, но и с гражданских позиций. В труднейших условиях послевоенного времени Я.В. Станкевич сделала практически невозможное, подняв и исследовав мощнейший пласт археологических древностей. Это был настоящий трудовой подвиг, который, к сожалению, стоил ей жизни.

Благодаря работам Я.В. Станкевич удалось получить ответы на многие вопросы, связанные с возникновением и становлением Древнерусского государства. В 2009 г. исполнилось ровно 50 лет со дня её смерти, но мы до сих пор изучаем археологическое наследие Я.В. Станкевич и всё больше и больше убеждаемся в правильности выдвинутых ею научных гипотез и идей.

П.Н. Третьяков (1909–1976)

В 2009 г. (13 ноября) исполнилось 100 лет со дня рождения Петра Николаевича Третьякова – члена-корреспондента Академии наук СССР (с 1958 г.), крупнейшего специалиста по археологии финно-угров, балтов и славян Восточной Европы. Его имя хорошо известно широким научным кругам как в нашей стране, так и за рубежом – в Польше, Чехии, Словакии, Болгарии, Венгрии и других странах. Подробная его биография издана отдельной книгой в серии «Материалы к библиографии ученых СССР» издательством «Наука» [22, с. 1–63].

П.Н. Третьяков родился в г. Костроме 12 ноября 1909 г. (по другим данным – 13 ноября) [23, с. 323–324]. Увлечение археологией пришло к нему в школьные годы, и уже в двенадцатилетнем возрасте он впервые участвовал в раскопках. В 1927 г. П.Н. Третьяков поступил на историко-лингвистический факультет Ленинградского университета, окончил обучение в 1930 г. В 1928 г. (тогда ещё студентом-первокурсником) он был зачислен в штат Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) на должность научно-технического сотрудника «по разряду этнографии», а в 1930 г., после окончания университета, стал младшим научным сотрудником.

Первые свои археологические исследования П.Н. Третьяков проводит совместно с краеведом Н.И. Гумилевским на территории Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в 1929 г. В верховьях р. Мсты, её правого притока р. Пуйги, а также на озёрах Пудоро и Тубос обследован 31 памятник эпох камня и бронзы [24; 25, с. 97–180, с. 105, рис. 1, карта памятников]. С 1933 по 1937 г., как начальник Верхневолжской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, П.Н. Третьяков возглавил археологическое обследование территории строительства Норской и Угличской гидроэлектростанций и зон затопления будущих водохранилищ (Угличского и Рыбинского). Под его руководством и во многих случаях при непосредственном участии были изучены берега р. Волги от д. Соболево (в то время Кимрский район Тверского округа Московской губернии) до г. Ярославля, а также нижнее течение рек Мологи и Шексны. В результате исследований на этой площади открыты и обследованы 199 памятников археологии от мезолита до средневековья [26, с. 100–164]. Большая их часть находится в Ярославской области и только 33 объекта – на территории Тверской области. За 2 года работ (1932–1933 гг.) на берегах р. Волги в Калязинском, Калининском и Кимрском районах изучены 20 памятников археологии, на некоторых проведены раскопки [26, с. 103, рис. 91 (карта), пп. 70, 71, 79, 80, 89, 90, 91–97].

С 1932 по 1935 г. П.Н. Третьяков проводит раскопки на памятниках раннего железного века и начала средневековья в Ярославской области (изучались городище Березняки, Попадьянское селище и ряд других объектов), а с 1935 по 1937 г. он исследует городища этого же времени и на территории Тверской (в то время Калининской) области. В Калязинском районе им раскапывается городище Скнятино I на площади ок. 130 м². По справочнику «Археологическая карта России» (АКР) это городище Красная Горка 2 [27, с. 206, п. 446]. Тогда же исследуются полностью остатки площадки городища Скнятино 2 размерами 12×6 м (72 м²). Эти работы проводились совместно с Н.П. Милоновым. По АКР это городище Красная Горка 3 [27, с. 206, п. 447]. В Кашинском районе на знаменитом Калязинском городище в 1935 и 1937 гг. исследовано ок. 50 м² культурного слоя. По АКР это городище Городищи [27, с. 217–219, п. 468]. Небольшие по объёму работы

П.Н. Третьяков проводит и на 2 городищах в Кимрском районе. На городище у д. Старое Городище вскрыты 24 м², а на городище у д. Старое Селище шурфом изучены 4 м². По АКР это городища Медведицкое и Селище соответственно [27, с. 265–266, п. 594; с. 275, п. 629]. В это же время он осуществляет небольшие разведки и раскопки в Бологовском районе Тверской области. Раскопками на площади 60 м² частично изучено Бологовское городище, разрушенное полностью карьером в последующие годы [28, с. 69–70; 29, с. 36–41]. На основании исследований, проведённых П.Н. Третьяковым на территории Ярославской и Тверской областей с 1929 по 1937 г., были написаны несколько книг и целая серия статей, явившихся ценным вкладом в историческую науку [30; 31, с. 24–26; 32, с. 101–106; 33; 34, с. 61–78; 35, с. 15–25].

Из наиболее важных для археологии открытий, сделанных на материалах Тверской области, следует отметить два. На основании вещевого комплекса Калязинского городища, охватывающего последовательно большой период времени от конца эпохи бронзы до начала средневековья, – удалось расчлнить всю материальную культуру городищ этого времени на четыре хронологические группы от сер. I тыс. до н.э. до V–VI вв. н.э. Находки со стоянок Скнятинских дюн позволили впервые достаточно полно обосновать вопрос о существовании на Верхней Волге памятников эпипалеолитических культур, т.е. поселений, связанных технологически с палеолитической традицией (поздний дриас) 2-й пол. IX тыс. до н.э. [36, с. 293, 302].

Начиная с 1937 г. научные интересы П.Н. Третьякова становятся значительно шире. Его исследования охватывают уже территорию расселения не только финно-угорских народов, но также ранних балтов и славян в бассейнах Верхнего и Среднего Днепра, его притоков и по берегам Верхней Оки и Дона [37, с. 33–51; 38, с. 9–55; 39; 40; 41; с. 11–16; 42, с. 64–77; 43, с. 9–17; 44, с. 76–93; 45]. Заметным итогом изучения финно-угорских, балтских и славянских племён явилась обобщающая монография по истории этих народов в раннем железном веке и в начале средневековья [46].

В 50-е–70-е гг. XX века П.Н. Третьяков, совместно с группой учёных, принимает активное участие в разработке и написании древнейшей и славянской истории населения Польши, Чехословакии, Болгарии и других европейских соседних стран [22, с. 37–46].

Науке была посвящена почти полувековая творческая деятельность П.Н. Третьякова. За это время им опубликованы 244 научные работы, а имя П.Н. Третьякова по праву неоднократно включалось во все наиболее значимые справочники и энциклопедические издания России [22, с. 29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Указатель литературы по археологии Тверского Поволжья: библиографический указатель для студентов исторического факультета и учителей. Калинин, 1990:
  - с. 2, № 16:

Городцов В.А. Ю.Г. Гендуне: (некролог) // Труды Московского археологического общества. Т. 23. Вып. 2. М., 1914. С. 202–203. с. 45 и 51, № 397 и № 465;

Гендуне Ю.Г. Городище Топорок Тверской губернии Корчевского уезда // Труды II областного Тверского археологического съезда. Отдел I. Тверь, 1906. С. 261–274. с. 50, № 501;

Максимов А.Д. К истории изучения памятников раннего железного века Верхнего Поволжья и Подвинья // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 40–50. с. 58, № 528;

Смирнов К.А. Находки с Корчевского городища из раскопок Ю.Г. Гендуне // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 136–140. с. 115, № 1060;

О раскопках В.И. Колосова и Ю.Г. Гендуне курганов XI–XII вв. у с. Дуденево (Тверской уезд) // Труды II областного Тверского археологического съезда. Отдел I. Тверь, 1906. С. 39.
2. Указатель литературы по археологии Тверской области. Вып. 2. Тверь, 2004:
  - с. 8, № 1219:

Гендуне Ю.Г. Отчет в Археологическую Комиссию о раскопках в 1908 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1907. Д. 67.
  3. О раскопках Ю.Г. Гендуне в Тверском уезде (в 1903 г.).
  4. О раскопках Ю.Г. Гендуне в Корчевском уезде (в 1903 г.).
  5. Тверская губ. О раскопках Ю.Г. Гендуне в Корчевском и Тверском уездах (в 1904 г.).
  6. О раскопках Ю.Г. Гендуне в Корчевском уезде (в 1904 г.).
  7. Передача древностей из раскопок Ю.Г. Гендуне в 1903 г., г. Тверь. Музей.
  8. О раскопках Ю.Г. Гендуне в Корчевском уезде (в 1906 г.).
  9. Тверская губ., Корчевской уезд. Присылка древностей (Ю.Г. Гендуне). 1907.
  10. Тверь. ТУАК. Присылка древностей из раскопок Ю.Г. Гендуне в Корчевском у. Книга записи кладов // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 93 (1903 г.).
  11. Тверская губ. 1904. Присылка древностей из раскопок (Гендуне Ю.Г. в 1903 г.) // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 93.
  12. Архив ИИМК РАН. Ф. I. № 293. 1895 г. Лл. 345об.–346, 351об.–352, 420об.–421.
  13. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.
  14. От редакции. Станкевич Я.В. (Некролог) // КСИА. Вып. 87. 1962.
  15. *Станкевич Я.В.* К вопросу о этническом составе населения Ярославского Поволжья // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. (МИА. № 6)
  16. *Станкевич Я.В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi // СА. № XIV. 1950.
  17. *Станкевич Я.В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi // СА. № XV. 1951.
  18. *Станкевич Я.В.* Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья // КСИИМК. Вып. XIV. 1947.
  19. *Станкевич Я.В.* Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.

20. Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. Вып. 87. 1962.
21. Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР. М.; Л., 1960. (МИА. № 76)
22. Петр Николаевич Третьяков (1909–1976). Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1983.
23. Петр Николаевич Третьяков: [Некролог] // СА. 1977. № 1.
24. Третьяков П.Н. Дневник о поездке в Вышневолоцкий уезд в 1929 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 271.
25. Третьяков П.Н. К истории доклассового общества // Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л., 1935. (Известия ГАИМК. Вып. 106)
26. Археологические работы Академии [ГАИМК] на новостройках в 1932–33 гг. М.; Л., 1935. (Известия ГАИМК. Вып. 109)
27. Археологическая карта России. Тверская область. Часть I. М., 2003.
28. Третьяков П.Н. Бологовское озеро // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941.
29. Третьяков П.Н. Бологовское городище // КСИА. Вып. 87. 1962.
30. Третьяков П.Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья: Очерки по истории Верхнего Поволжья в эпоху первобытнообщинного строя. Ярославль, 1939.
31. Третьяков П.Н. Памятники I тысячелетия до н.э. в Верхнем Поволжье // КСИИМК. Вып. 2. 1939.
32. Третьяков П.Н. К вопросу об эпилеолитических памятниках Верхнего Поволжья // СА. № 5. 1940.
33. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // М.; Л., 1941. (МИА. № 5)
34. Третьяков П.Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // СА. № 9. 1947.
35. Третьяков П.Н. Эпилеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. № 13. 1950.
36. Брей В., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
37. Третьяков П.Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. № 2. 1937.
38. Третьяков П.Н. Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. (МИА. № 6)
39. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.
40. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. М.; Л., 1948. (МИА. № 8)
41. Третьяков П.Н. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье // КСИИМК. Вып. 55. 1954.
42. Третьяков П.Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // СА. 1957. № 2.
43. Третьяков П.Н. Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья // СЭ. 1958. № 4.
44. Третьяков П.Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен // СЭ. 1961. № 2.
45. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
46. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Тверь

A.D. Maksimov

ANNIVERSARY AND MEMORABLE DATES OF 2009

Summary

2009 saw several anniversary and memorable dates, connected with well-known Russian and Soviet archaeologists who carried out investigations also in the Tver Region.

140 years have passed since Yulia Gustavovna Gendune (1869–1909), an actual member of the Imperial Archaeological Institute and the Tver Scientific Archival Committee (since 1903), was born. From 1903 to 1908 she carried out the excavations of 2 hillforts of the Dyakovo type dated back to the end of the 1st millennium BC – the beginning of the 1st millennium AD near settlement Sukharino in the Toporok hole and in Korcheva, as well as Slavic barrows of the XI–XII centuries AD in the burial grounds near settlements Zagorye, Glinniki, Ustye and Dudenevo in the Korcheva and Tver Districts (Uyezds).

100 years have passed since Yadviga Vatslavovna Stankevich (1909–1959), a key specialist in the archaeology of the Finno-Ugric, Baltic and Slavic people of the 2nd half of the 1st millennium BC – the beginning of the 2nd millennium AD who lived on the territory of the Central and Northwestern regions of the European part of Russia, was born. From 1949 to 1959 Ya.V. Stankevich conducted the large-scale archaeological researches in the interfluvium of the upper reaches of the Western Dvina and the Volga – the strategical zone on the Trade route «from the Varangians to the Greeks». As a result of these works 271 archaeological monuments dated back to the 2nd half of the 1st millennium BC – the beginning of the 2nd millennium AD were discovered and explored, including 202 objects that were noted on the territory of the Tver (Kalinin) region. The excavations were carried out in 9 settlements and burial grounds of the Pskov Region and 10 – in the Tver Region.

100 years have passed since Petr Nikolaevich Tretyakov (1909–1976), a corresponding member of the USSR Academy of Science (since 1958), a main specialist in archaeology of the Finno-Ugric, Baltic and Slavic people in Eastern Europe, was born. As a result of all years of the researches conducted by P.N. Tretyakov on the territory of the Tver Region more than 100 archaeological monuments from the Stone Age to the Middle Ages were discovered and explored by him. Lots of settlements were studied with the help of excavation and probe trenches.

*33, 15A, Migalovskaya Embankment, Tver,
170040, Russia*

Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КРАЙНОВА В ФОНДАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Имя Дмитрия Александровича Крайнова (30.09.1904–08.11.1998) – доктора исторических наук, крупного специалиста в области археологии каменного и бронзового веков – хорошо известно как в нашей стране, так и за её пределами. Длинный и сложный жизненный путь его нашёл отражение в серии публикаций [1–15].

Территориальный охват проводимых Д.А. Крайновым исследований был достаточно широк: Крым, Северный Кавказ, Брянская, Московская, Владимирская, Ярославская, Калининская (ныне Тверская), Костромская области. Значительная часть научной деятельности Д.А. Крайнова была связана с работами на территории Ивановской области. Здесь он провёл раскопки ряда фатьяновских могильников эпохи бронзы (Милославский, Ильинско-Хованский, Тимофеевский, Кривцовский, Мытищинский, Дьяковский, Заборьевский, Ясновский, Скомороховский), почти три десятка лет исследовал памятники Сахтышского торфяника (Сахтыш 1, 2, 2А, 4, 7, 8, 9) и стоянки в среднем течении р. Лух, на востоке области (Стрелка 1, 2, Клячино 1, 2, Шадрино 4), проводил многочисленные разведки. В составе созданной им Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР студенты исторического факультета Ивановского педагогического института (с 1974 г. – государственного университета, ИвГУ) ежегодно проходили археологическую практику. Здесь воспитывались и получали навыки полевых исследований многие его ученики. Поэтому неслучайно на историческом факультете университета был открыт Археологический музей, базирующийся на переданных Д.А. Крайновым в 1980-е–1990-е гг. коллекциях из его раскопок на территории Ивановской и Ярославской областей¹.

Помимо основного фонда музей имеет также достаточно представительный научно-вспомогательный фонд. В составе последнего хранится и личный архив Д.А. Крайнова. Хронологические рамки архива охватывают период с 1913 г. по 1997 г.

Архив формировался постепенно на протяжении примерно четверти века. Первые документы отложились в нём ещё при жизни исследователя во второй половине 1980-х–1990-е годы прошлого столетия. В основном это были материалы, связанные с полевыми археологическими исследованиями учёного на территории Ивановской, Ярославской и Калининской (ныне Тверской) областей (полевые чертежи, фотографии, коллекционные описи находок, научные отчёты о проведённых работах и др.).

В конце 1990-х гг. вдова исследователя Мара Борисовна Крайнова передала в музей ещё значительную часть документов, связанных с научным наследием своего супруга (фотографии, слайды, коллекционные описи находок, дубликаты научных отчётов).

Третье поступление, завершающее формирование личного фонда Д.А. Крайнова, относится к лету 2010 г. Документы (письма, фотографии, дневники и др.) были переданы наследницей учёного – его двоюродной внучатой племянницей Мариной Александровной Яценко.

Параллельно шло формирование личного архива Д.А. Крайнова и в Институте археологии РАН, где он работал последние четыре десятилетия своей жизни. Туда передавались, прежде всего, документы, не требующие специальной обработки (расшифровки, атрибуции и т.д.) или уже прошедшие, благодаря М.Б. Крайновой, первичную обработку. Среди них – значительная часть переписки с российскими археологами и краеведами, полевые дневники, рукописи научных работ, негативы полевых фотографий и найденных при раскопках артефактов и т.п.

Большая часть материалов, поступивших в Археологический музей ИвГУ (далее – АМУ) после смерти Д.А. Крайнова, требовала тщательной обработки – систематизации документов, атрибуции фотографий, расшифровки дневниковых записей и прочего.

---

¹ См. сайт Археологического музея ИвГУ – [http://: amu.ivanovo.ac.ru](http://amu.ivanovo.ac.ru)

В основу систематизации архива Д.А. Крайнова, хранящегося в АМУ, был положен хронологический принцип. Располагая материалы в хронологическом порядке, мы выделили важный рубеж в жизни Д.А. Крайнова, наложивший отпечаток на формирование и сохранение архива, – Великая Отечественная война и лагеря ГУЛАГа. В соответствии с этим первый блок архива составили документы довоенных лет (1913 г. – май 1941 г.). Второй – материалы, связанные с войной и пребыванием учёного в лагерях ГУЛАГа (июнь 1941 г. – июль 1951 г.). Третий – документы, отражающие возвращение Д.А. Крайнова домой, к нормальной жизни, и со временем – к научной работе (1951–1956 гг.). Четвёртый – документы, связанные с наиболее плодотворным периодом его научной жизни – работой в Институте истории материальной культуры/Институте археологии АН СССР/ РАН (1956–1998 гг.)².

Довоенные годы (1913 г. – май 1941 г.)

Довоенный архив Д.А. Крайнова представлен очень фрагментарно. Основная часть его пропала в годы «военно-гулаговской эпопеи» Д.А. Крайнова. Сам учёный рассказывал авторам настоящей статьи, что целая корзина его бумаг, оставленных перед отправлением на фронт хозяйке квартиры, которую он снимал перед войной, сжёг сын женщины после её смерти. Поэтому у Д.А. Крайнова на память о тех далёких временах осталось лишь то, что сохранилось у матери в деревне³.

Документы детско-юношеской поры. К наиболее ранним свидетельствам той поры относятся лишь фотографии. Первая датируется 1913 г. На ней запечатлены родители Д.А. Крайнова, он сам в возрасте 9 лет и его старший брат Иван 11 лет (ил. 1)⁴. Фотография была сделана профессионально, в фотомастерской. В архив АМУ попали лишь копии с этой фотографии, оригинал остался у родственников⁵. На обороте оригинала была сделана рукой Д.А. Крайнова надпись: «Я слева, отец Александр Гаврилович, мать Мария Степановна, брат Иван. 1913. Москва».

На второй фотографии (есть оригинал и копии с него) – три брата – Дмитрий, Иван и Алексей. Судя по их возрасту, фотография была выполнена в 1915–1916 гг. На обороте имеется плохо читаемая шуточная надпись, сделанная Д.А. Крайновым в то время.

К довоенной поре относятся ещё несколько семейных фотографий – отца, сестёр, других родственников.

Документы студенческих лет (1925–1928 гг.). Представлены также в основном немногочисленными фотографиями. Два почти одинаковых снимка 1926 г. с заседания археологического кружка, где Д.А. Крайнов председательствует. Фото 1927 г. – рабочий момент на раскопках в экспедиции А.Я. Брюсова в Беломорье. Кроме Д.А. Крайнова и начальника экспедиции на снимке присутствуют В. Прокошев, В. Подгорнова и др. (ил. 2). На обороте фотографии надпись: «Дмитрию Александровичу на память о раскопках в экспедиции А.Я. Брюсова «Бесовы Следки», порог Шойрукша, великий клич архо «Н.Н.», и о многом другом, и хорошем, и смешном. А. Лишвиц. 1927 г. Выг-Остров».

Серия фотографий датируется 1928 г. Это – коллективные снимки и виды полевых работ на позднелепестических стоянках Тимоновка и Супонево в экспедиции В.А. Городцова; общая фотография преподавателей и студентов историко-археологического отделения этнологического факультета Первого МГУ; портретные снимки самого Крайнова и друзей его студенческих лет – Е.И. Крупнова и В.Г. Карцова.

Ил. 1. Дмитрий Крайнов с родителями и братом. Москва. 1913 г. (размеры оригинала фото примерно 10×15 см). Все размеры фотографий даны без учёта паспарту

² Последние годы жизни Д.А. Крайнов по причине болезни уже не ходил в Институт, однако, будучи оставленным, благодаря директору Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, на должности ведущего научного сотрудника-консультанта, не терял связи с коллегами.

³ Родители Д.А. Крайнова Александр Гаврилович и Мария Степановна проживали в д. Ивашево Киржачского района Владимирской области. Отец умер в декабре 1950 г., когда учёный ещё находился в лагере. Мать – в 1953 г. У неё Д.А. Крайнов жил после освобождения и ухаживал за ней до её кончины.

⁴ Все документы, представленные в статье, публикуются впервые.

⁵ Д.А. Крайнов всегда делал и сохранял копии старых фотографий.

Ил. 2. Дмитрий Крайнов (третий слева) на раскопках в экспедиции А.Я. Брюсова. Беломорье. 1927 г. (размеры оригинала фото примерно 21,5×16,5 см)

Раритетным является сборник статей в честь профессора В.А. Городцова – «Сборник научно-археологического кружка. Вып. 1»⁶ (М., 1928), выпущенный участниками археологического кружка Первого МГУ в количестве 60 экз. (ил. 3). Он был отпечатан на бумаге низкого качества, на плохой пишущей машинке. Там опубликовали свои первые научные статьи Б. Рыбаков, А. Марушенко, Е. Веймарн, С. Романовская, Д. Крайнов и др.

Кроме того, от студенческих лет сохранился и маленький талончик – на покупку тапочек в магазине.

После завершения обучения в университете Д.А. Крайнов устраивается на работу в Государственный Исторический музей (ГИМ).

Документы ГИМовского периода (1929–1941 гг.). Состоят из фотографий, полевых дневников, деловой переписки и др.

Среди фотографий особый интерес представляет общее фото сотрудников ГИМа (судя по возрасту Д.А. Крайнова, скорее всего – 1929 г.). В центре его – В.А. Городцов. Присутствуют также М.Е. Фосс, Б.А. Рыбаков, Д.А. Крайнов и ещё 23 сотрудника.

На другой ГИМовской фотографии, подписанной на обороте, в круглом зале стоят Д.А. Крайнов, Е.И. Крупнов, С.В. Киселёв, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов и молодой человек, фамилию которого Крайнов забыл, но указал, что впоследствии тот стал профессором Ярославского пединститута. На обороте фотографии стоит дата – 1939 г.⁷ (ил. 4). Несколько фотографий относятся ко времени работы Д.А. Крайнова директором филиала ГИМа – музея «Александрова слобода» (1930 г.). На одной из них – в центре – Д.А. Крайнов и молодой сотрудник этого музея – Б.А. Рыбаков, рядом с ними – К.А. Рыбакова (мать будущего академика), Клавдия Крайнова (сестра Д.А. Крайнова), художник, «историк городов» <??.> Верхотурский, сторож музея <??.> Шаханов (ил. 5). Эта фотография подписана на обороте Д.А. Крайновым с указанием года, места и присутствующих на ней лиц⁸. Среди снимков – также фото Д.А. Крайнова с сестрой Клавдией, фото сидящего на кирпичных ступеньках монастырской постройки Б.А. Рыбакова, три фотографии с раскопок Д.А. Крайновым дворца Ивана Грозного.

Очень бережно Д.А. Крайнов хранил всё, что связано с его учителем профессором МГУ Василием Алексеевичем Городцовым. Так, чудом уцелели раскопочные инструменты из английской стали (лопаточка, совочек и нож), подаренные профессором своему ученику⁹. Портрет В.А. Городцова (их в архиве сохранилось несколько) всегда стоял за стеклом книжной полки над рабочим столом Дмитрия Александровича рядом с портретами отца и Е.И. Крупнова¹⁰. В 1931–1932 гг. Д.А. Крайнов помогает В.А. Городцову в организации и проведении раскопок Тимоновской позднелепестчатой стоянки¹¹. Сохранились четыре фотографии с этих раскопок.

Среди довоенных фотографий с раскопок – около сотни малоформатных снимков (5×7 или 7×9 см), связанных с работами Д.А. Крайнова в Крыму на стоянках Таш-Аир I, Замиль-Коба I, Чуфут-Кале и др. в 1930-х–1940-х гг., пара снимков с раскопок Вауловского фатьяновского могильника (1934 г.).

⁶ Это был первый и единственный выпуск.

⁷ На обороте снимка – в верхней части – стоит ещё одна дата – 1932. Однако надпись сделана очень неуверенной рукой, явно позднее первоначальной, весьма чёткой надписи.

⁸ Заметим, что большая часть фотографий из архива не имеют подписей, или они очень краткие – указывается только год и место, или то и другое в отдельности. Чаще всего эти надписи сделаны Д.А. Крайновым уже на склоне лет, на что указывает очень неуверенный «старческий» почерк.

⁹ В ходе разборки архива и вещей Крайновых в июне 2010 г. инструменты с разрешения М.А. Яценко были переданы Е.Л. Костылёвой с.н.с. ИА РАН А.В. Энгватовой для последующей передачи в ГИМ в личный фонд В.А. Городцова.

¹⁰ Е.И. Крупнов – друг студенческих лет, коллега по работе в довоенные годы в ГИМ. Благодаря Е.И. Крупнову, который был зам. директора в ИИМК АН СССР, Д.А. Крайнов был принят на работу в Институт в 1956 г. и смог вернуться в «большую» науку.

¹¹ В.А. Городцов в сентябре 1929 г. был уволен из ГИМ [16, с. 163] и лишился возможности продолжения работ на Тимоновке из-за отсутствия финансирования.

К довоенным годам относятся также ещё несколько фотографий – без точной хронологической привязки. На одной из них – очень небольшой (77×97 мм) – на катке молодые и весёлые Е.И. Крупнов, Б.А. Рыбаков, С. Романовская (их имена указаны на обороте снимка) и ещё две девушки. Другая – большого формата (178×240 мм) – у экспедиционного костра в лесу – юноша, четверо мужчин, Д.А. Крайнов и его первая жена Нина Таратушенко.

Кроме фотографий – полевые дневники по раскопкам Сущёвского (1930 г.), Вауловского (1933 г.) и Холмовогорского (1935 г.) могильников фатьяновской культуры.

Хранил Дмитрий Александрович и документы по своим научным командировкам. Среди них – памятная книжка о поездке в 1930 г. для просмотра археологических коллекций в Пермь, отчёт о командировке в Киев в январе–феврале 1940 г. Целый комплект документов (приглашения, программа, путеводитель, фотографии и др.) связан с поездкой на Объединённый пленум по изучению четвертичных отложений бассейна Дона 22–29 мая 1941 г. в Воронеже – последнее крупное научное мероприятие перед войной, на котором присутствовал и делал доклад Д.А. Крайнов. Был там и его учитель – профессор В.А. Городцов. И кто-то из участников пленума (Дм. Казанский ?) сделал карандашом портрет Василия Алексеевича в профиль, также представленный среди материалов.

Война и лагерь ГУЛАГа (июнь 1941 г. – июль 1951 г.)

Этот блок связан с военно-фронтовыми годами (июль 1941 г. – май 1944 г.) и временем пребывания учёного в лагерях ГУЛАГа на Крайнем Севере (июнь 1944 г. – июль 1951 г.).

Годы Великой Отечественной войны нашли отражение в очень немногих документах. Прежде всего, это справка от 28 июля 1941 г., выданная Государственным Историческим музеем для домоуправления, о том, что Д.А. Крайнов вступил в ополчение (ил. 6).

Ил. 3. Сборник научно-археологического кружка. Обложка. 1928 г. (размеры оригинала примерно 23×36 см)

Ил. 4. В круглом зале ГИМ. Справа налево: Д.А. Крайнов, Е.И. Крупнов, С.В. Киселёв, Е.В. Веймарн, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, неизвестный. 1939 г. (размеры оригинала фото 23×17 см)

Ил. 5. Во дворе музея «Александрова слобода». Слева направо: К.А. Рыбакова, Верхотурский, Б.А. Рыбаков, Д.А. Крайнов, Шаханов, К.А. Крайнова. 1930 г. (размеры оригинала фото 15,9×10,7 см)

Ил. 6. Справка, выданная Государственным Историческим музеем для домоуправления, о том, что Д.А. Крайнов вступил в ополчение. 1941 г. (размеры оригинала 21×15 см)

Сохранились также стихи, сочинённые на фронте и записанные впоследствии в лагере по памяти.

О пребывании Д.А. Крайнова на фронте, его пленении, побегах из плена, жизни на оккупированной территории имеются сведения в черновике жалобы, написанной учёным на имя председателя Верховного суда СССР в лагере в январе 1948 г. Запись сделана на семи разлинованных страницах большого формата (31,5×22,5 см) с подробным изложением всех событий.

Ни писем, ни фотографий той военной поры не сохранилось.

Годы заключения в лагерях ГУЛАГа. Большой интерес представляют достаточно многочисленные документы лагерного цикла, впервые подвергнутые нами технической и научной обработке. Дмитрий Александрович всю последующую жизнь (почти полвека) хранил всё, связанное с его пребыванием в лагерях. Это – рисунки, фотографии, письма, дневники, записки, заявления и прочее.

Среди бумаг – зачётная книжка за 1949 – первый квартал 1950 г., заявление на имя начальника КВО (культурно-воспитательного отдела) майора внутренних войск Голубева с просьбой исправить неправильно подсчитанные ему зачёты, записная книжка со стихами Д.А. Крайнова, черновики стихов, письмо к «Дорогому другу» (видимо, В.М. Белой) и ответное письмо, записка от знакомой женщины, самодельная

пасхальная открытка, черновик письма о помиловании, написанного Д.А. Крайновым для заключённого А.Т. Асовского, упомянутый выше черновик жалобы, написанной учёным на имя председателя Верховного суда СССР в лагере в январе 1948 г., и некоторые другие.

Сохранились четыре рисунка. Они сделаны в карандаше на низкокачественной бумаге желтоватого цвета. Два из них выполнены И.И. Горбуновым в пересылочной тюрьме в Котласе в 1945 г. На одном из них – лагерный барак, на другом – портрет Д.А. Крайнова. На обороте портрета надпись, сделанная рукой Крайнова: «На память дорогому брату. Портрет написан в то время, когда я еле двигался, в апреле 1945 г. Вес мой был около 50 кг.¹² Меня ветром сдувало». К 1950 г. относится ещё один рисунок с портретом Д.А. Крайнова, созданный в Игарке Л.Л. Оболенским – известным советским актёром кино и театра. На четвёртом рисунке, сделанном Игорем М. в Котласе в июле 1948 г., – Д.А. Крайнов в роли коменданта в музыкальной комедии «Когда поют соловьи».

Кроме этого рисунка ещё около двух десятков документов связаны с деятельностью Д.А. Крайнова в лагерном театре¹³. Это десяток фотографий – сцены из спектаклей с участием Д.А. Крайнова, сам учёный в той или иной роли, два групповых снимка (актёры после спектакля – ещё в костюмах и гриме (ил. 7), вся труппа на ступенях, видимо, Дома культуры в Игарке или Ермакове), актёры, идущие к месту выступления по бескрайней снежной тундре.

Сюда же относятся и рукописный сценарий оперы С.С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», где Д.А. Крайнов исполнял роль запорожского казака Ивана-Карася, и написанные на обороте каких-то бланков монтажи и сценки, сочинённые самим артистом; список исполняемых им музыкальных произведений; нормы питания артистов; записка в Торготдел о выдаче продуктов для артистов, отправляющихся в гастрольную поездку¹⁴.

Огромный интерес для изучения культурно-воспитательной деятельности в лагерях ГУЛАГа представляют дневники и записки Д.А. Крайнова. Заметим, что эта сторона жизни лагерей известна во многом лишь по воспоминаниям артистов или сотрудников театра, отдельным публикациям, основанным на тех же воспоминаниях и немногочисленных архивных документах [17–25]. В этом отношении дневники Д.А. Крайнова уникальны, и чрезвычайно актуальным представляется введение их в научный оборот.

Ил. 7. Актёры лагерного театра после спектакля. Д.А. Крайнов – в верхнем ряду крайний слева (размеры оригинала фото 10×8 см)

¹² Рост Д.А. Крайнова был 193 см.

¹³ Д.А. Крайнов кроме высшего исторического образования, полученного на историко-археологическом отделении этнологического факультета Первого МГУ в 1925–1928 гг., имел ещё специальное музыкальное образование. В 1937 г. он, одарённый от природы прекрасным голосом (басом), окончил музыкальное училище им. М.М. Ипполитова-Иванова по классу оперного певца. Это-то и позволило ему попасть в лагерный театр.

¹⁴ Д.А. Крайнов исполнял также и обязанности администратора театра.

Что побудило учёного вести дневники? Ответ мы находим в первой из записей от 20 августа 1946 г.: «Безумная тоска по исследовательской научной работе побудила меня начать эти «записки». Это не дневник – записи сокровенных мыслей в определённой последовательности, а отдельные куски моих и чужих мыслей, касающихся интересующих меня вопросов. Никаких целей я не ставлю и пишу не для кого-нибудь, а только для себя. Боязнь деградации заставляет меня вести эти записки».

Дневниковые лагерные записи (всего таких насчитывается 13 единиц) сделаны в блокнотах и записных книжках небольшого формата, как типографских, так и самодельных, на сброшюрованных тетрадных листах, на «восьмушках» папиросной бумаги. Первые записи датируются августом 1946 г., последние – июлем 1951 г., когда Д.А. Крайнов получает освобождение¹⁵.

Погодно-помесячное распределение записей выглядит следующим образом: 1946 г. – август; 1947 г. – апрель–сентябрь, ноябрь–декабрь; 1948 г. – апрель–август; 1949 г. – январь, март–июль; 1950 г. – март–сентябрь, декабрь; 1951 г. – январь–август.

Таким образом, записи далеко не полностью «покрывают» срок пребывания Д.А. Крайнова в лагерях, т.к. не всегда была возможность, а иногда и желание, писать. Кроме того, часть из них была утрачена (утрачена, отобрана).

В большинстве случаев записи в дневниках трудночитаемы, особенно когда они выполнены карандашом и очень мелким почерком.

Кроме сюжетов, связанных с деятельностью театра, в дневниках Д.А. Крайнова имеются содержательные зарисовки быта и нравов узников ГУЛАГа, лирические описания северной природы, размышления над своей судьбой. Временами дневниковые записи перемежаются стихами собственного сочинения, воспоминаниями из прежней жизни, письмами к «Несуществующему другу» и «Прекрасной незнакомке», а также некоторыми черновыми заметками по работе театра.

Представлены в архиве и справка об освобождении, выданная Управлением лагеря 13 июля 1951 г., бережно сохранённые железнодорожные билеты на проезд от Красноярска до станции Бельково...

Возвращение домой, возвращение в науку (1951–1956 гг.)

Это, прежде всего, записная книжка и блокнот с дневниковыми записями, где отражены основные события его жизни в деревне с умирающими матерью и сестрой (первые записи сделаны в октябре 1951 г., последние – в январе 1954 г.). Не имея возможности уехать от больных женщин, требующих постоянного ухода, Д.А. Крайнов устраивается на работу в пос. Горки. К этому времени относятся справка с места работы при клубе им. Ленина фабрики «Свобода» в качестве руководителя драматического кружка, сценарии пьес, которые он ставил в этом кружке, и прочее.

Однако Д.А. Крайнов не оставляет надежды вернуться в науку и предпринимает для этого некоторые шаги.

Сохранился черновик его заявления на имя министра культуры РСФСР Т.М. Зуевой с просьбой направить на работу по основной специальности археолога и музейного работника, ходатайства и характеристики по этому поводу от Е.И. Крупнова, М.М. Герасимова, А.Я. Брюсова и дирекции ГИМ в Министерство культуры.

Хлопоты увенчались успехом, и с 1 апреля 1954 г. Д.А. Крайнов был принят на работу в Краеведческий музей г. Углича Ярославской области. Сохранилась автобиография на 7 страницах, написанная в связи с приёмом на работу.

О начале работы в Угличе сделано несколько записей в «Памятной книжке». Фактически это был последний личный дневник Д.А. Крайнова.

Вполне объяснимо то, что Д.А. Крайнов перестаёт вести дневники. Исчезла та «Безумная тоска по исследовательской научной работе», которая побудила его в лагере взяться за перо. Он вновь возвратился к любимому делу. И это нашло отражение в полевых дневниках по археологическим разведкам и раскопкам стоянки Золоторучье I под Угличем, предпринятым Д.А. Крайновым уже летом того же года.

К тому же вскоре место дневника занимают письма к М.Б. Бохиной (урождённой Полторацкой) – учительнице из Пензы, ставшей впоследствии женой Д.А. Крайнова и сопровождавшей его до конца жизненного пути. В этих письмах учёный очень подробно описывает свою жизнь (работу в Угличе, поездки в Москву, встречи с коллегами), свои чаяния и надежды. Кроме писем Д.А. Крайнова (их – 82) – очень объёмных (на 6–10 страниц) – сохранились и ответы М.Б. Бохиной (69) – всего 151 письмо¹⁶. Переписка эта датируется 1954–1955 гг. К этому же времени относится и несколько лирических стихов, посвящённых М.Б. Бохиной.

Работа в ИИМК/ИА АН СССР (1956–1998 гг.)

Документы четвёртого блока отражают самый плодотворный период в жизни Д.А. Крайнова. В 1956 г. происходит знаменательное событие – его принимают на работу в ИИМК АН СССР на должность младшего

¹⁵ По возвращении из заключения Д.А. Крайнов временами возобновлял ведение дневников. Сохранились записи за отдельные периоды 1951, 1953 и 1954 гг.

¹⁶ Впоследствии Д.А. Крайнов всегда писал жене письма из экспедиций, где достаточно подробно описывал экспедиционную жизнь, особенности и условия работы на памятниках археологии.

научного сотрудника. Сохранились служебные удостоверения: первое – от мая 1956 г., второе – от октября 1979 г., а также личный листок по учёту кадров.

Ещё два важных события в жизни учёного происходят в 1957 г. Первое – с него снимают судимость и поражение в правах. В архиве сохранился ответ Главной военной прокуратуры СССР на заявление Крайнова по этому поводу. Второе – он защищает кандидатскую диссертацию.

Это время научного взлёта Д.А. Крайнова, когда он чрезвычайно много работает и в 1967 г. защищает докторскую диссертацию.

В архиве представлены авторефераты обеих диссертаций, а также многочисленные подготовительные материалы к докторской диссертации и к сводам памятников по фатьяновской культуре (фотографии, рисунки, карточки). Они были систематизированы нами по территориальному принципу и составили более десятка объёмных папок. Вместе с тем необходимо отметить, что достаточно большое число фотографий атрибутировать пока не удалось.

Фотоархив этого времени очень объёмен и представлен многими сотнями фотографий. Это снимки с коллегами и друзьями, фотопортреты учёного, семейные фотографии. Многочисленны фотографии, связанные с экспедиционными работами на территории Ивановской и Ярославской областей.

Есть и рисунки. Сохранился карандашный набросок портрета Д.А. Крайнова в профиль (апрель 1957 г.) с подписью «Иван Сусанин» (ил. 8); альбом для рисования с шуточными зарисовками из экспедиционной жизни; акварельные зарисовки художником Потехиным окрестностей села Золоторучья под Угличем. Оригинальные альбомы В.М. Массона – директора Ленинградского отделения Института археологии, сменившего на этом посту Н.Н. Гурина. Раз в году Крайновы и «Массоны» (В.М. Массон и Г.Ф. Коробкова) отдыхали вместе в санатории в Перedelкине, и В.М. Массон к дню рождения М.Б. Крайновой (2 февраля) обычно делал поздравительные альбомы со стихами и иллюстрациями, четыре из которых также сохранились в архиве.

Достаточно многочисленны книги и оттиски статей с дарственными надписями авторов, в том числе книги академика Б.А. Рыбакова.

Интерес представляет эпистолярный блок. Среди наиболее активных корреспондентов были сотрудницы Верхневолжской экспедиции Л.С. Китицына, Е.Н. Ерофеева, Е.М. Молодцова, Н.А. Кирьянова, О.С. Гадзяцкая, друг студенческих лет Е.В. Веймарн. Сохранились также письма от таких известных учёных, как П.И. Борисовский, Н.Н. Гурина, Е.И. Крупнов, С.Н. Тюремнов, А.Х. Халиков, М.В. Фехнер, И.А. Лозе, Р.Я. Денисова, Л.В. Кольцов и др. Директор Института археологии академик Б.А. Рыбаков предпочитал общаться с Д.А. Крайновым лично, но к праздникам присылал весьма оригинальные открытки. Поддерживал Д.А. Крайнов и переписку с бывшими артистами лагерного театра – Д.А. Петровой и В.В. Харченко.

Фрагментарно представлена переписка с издательством БСЭ, для которой Д.А. Крайнов писал отдельные статьи по археологии и истории; авторская карточка с краткой биографией.

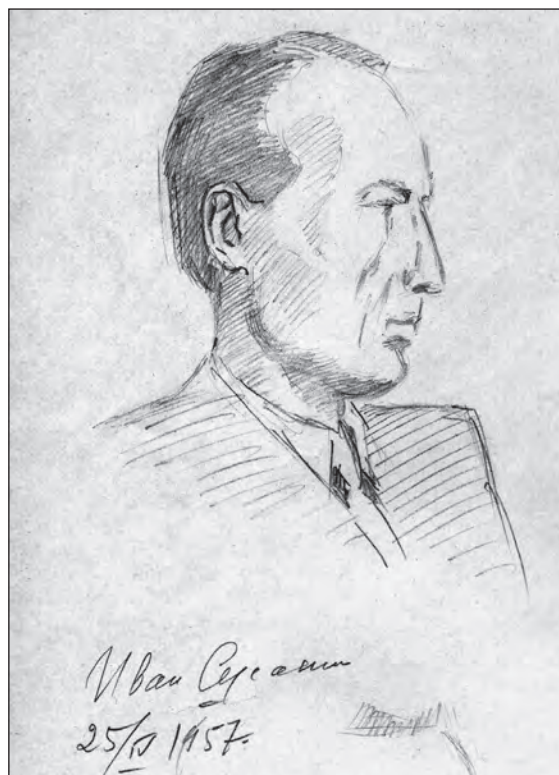
Имеются и более подробные автобиографии. Одна написана в связи с защитой кандидатской диссертации – на 2 страницах. Другая, – видимо, в связи с 65-летием – на 15 страницах.

Среди поступивших документов к этому времени также относятся благодарственные письма, поздравительные адреса, почётные грамоты.

Достаточно много «Открытых листов» как самого Д.А. Крайнова, так и других сотрудников Верхневолжской экспедиции¹⁷.

В документах нашла отражение и педагогическая деятельность Д.А. Крайнова, связанная с его работой на заочном отделении историко-филологического факультета Ярославского педагогического института.

До конца дней учёный не расставался и со своим вторым, наряду с археологией, увлечением всей жизни – пением. Теперь он пел лишь в экспедициях, на дружеских вечеринках, банкетах. С этим хобби связан комплект нот оперных арий, романсов и народных песен из его репертуара.

Ил. 8. Карандашный набросок портрета Д.А. Крайнова в профиль. Апрель 1957 г. (размеры изображения 12,5×8 см)

¹⁷ Раньше, где-то до 1980-х годов, не требовалось в обязательном порядке сдавать Открытые листы вместе с научным отчётом в Отдел полевых исследований ИА АН СССР.

В архиве Д.А. Крайнова выделяется небольшой блок документов М.Б. Крайновой, связанных с её студенческой жизнью, учительской работой, игрой в любительских спектаклях и прочим, а также несколько документов сестры Д.А. Крайновой – Прасковьи (паспорт, несколько «лагерных» рисунков и справка об освобождении)¹⁸.

Обработка архива продолжается. В перспективе планируется присвоить ему к той части архива учёного, которая хранится в Институте археологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головицын С.К., Головицына М.В., Бакаев А.М. Д.А. Крайнов: Жизнь и творчество. Александров, 1996.
2. Еришов Б. Дмитрий Крайнов: Археолог и человек // «Караван плюс Я». Тверь, 2004. № 17 (21–28 апреля).
3. Кольцов Л.В., Максимов А.Д. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904–1998) // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
4. Костылева Е.Л. Вклад Дмитрия Александровича Крайнова в изучение археологии Ивановской области // Альманах: История Тейкова в лицах. Тейково, 2004.
5. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904–1998) // РА. 1999. № 4.
6. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Дмитрий Александрович Крайнов: Судьба поколения в биографии археолога // Рождественский сборник. Вып. X: История в лицах (Выдающиеся уроженцы и деятели Владимирского края). Ковров, 2003.
7. Костылева Е.Л., Уткин А.В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
8. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Сын Маши-сарафаницы. Дмитрий Александрович Крайнов: Судьба поколения в биографии археолога // «Наша Родина – Иваново-Вознесенск». Иваново, 2006. № 2.
9. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Исследования Д.А. Крайнова в Ярославской области // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2006.
10. Костылева Е., Уткин А. Дмитрий Александрович Крайнов // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2008Kostylev.htm>
11. Костылева Е.Л., Уткин А.В., Эгзоватова А.В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // РА. 2005. № 1.
12. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Д.А. Крайнов и война: По материалам личного архива ученого // Материалы по истории и археологии России. Т. II. Рязань, 2012.
13. Крутных Е.И. К 60-летию Дмитрия Александровича Крайнова // СА. 1964. № 4.
14. Уткин А.В., Костылева Е.Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // РА. 1994. № 4.
15. Уткин А.В., Костылева Е.Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново, 1994.
16. Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011. № 1.
17. Пентюхов В. За кулисами «крепостного театра» // «Красноярский комсомолец». Красноярск. 11.07.1989.
18. Пентюхов В. Узники «крепостного театра» // «Речник Енисей». Красноярск. 17–23.03.2000.
19. Пентюхов В. Лебединая песня «крепостного театра» // «Красноярский рабочий». Красноярск. 11.02.2003.
20. Пентюхов В. Крепостной театр в Заполярье // «Красноярский рабочий». Красноярск. 12.08.2005.
21. Пентюхов В. Пленники печальной судьбы. Красноярск, 2008.
22. Пентюхов В. Раб красного погона // <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Pentyuhov/00.htm>
23. Савнор В.А. Рассказ очевидца: стройка № 503 (1947–1953) // Документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Красноярск, 2000. <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/503/13.htm>
24. Юхин Л.И. Рассказ очевидца: стройка № 503 (1947–1953) // Документы. Материалы. Исследования. <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/503/13.htm>
24. Штильмарк Р. И вот сию я в Туруханском крае // Полярные горизонты. 1989. №№ 2, 3.

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

¹⁸ П.А. Крайнова была осуждена по 58 статье на 8 лет лишения свободы. Отбывала срок заключения с 23.04.1943 г. по 11.11.1950 г. Умерла от туберкулёза в 1954 г. Д.А. Крайнов ухаживал за ней до её последних дней.

E.L. Kostyleva, A.V. Utkin

THE PERSONAL ARCHIVES OF DMITRY ALEXANDROVICH KRAINOV IN THE HOLDINGS OF THE ARCHAEOLOGICAL MUSEUM OF IVANOVO STATE UNIVERSITY

Summary

The materials from the archive of the famous Russian archaeologist D.A. Krainov (1904–1998) are stored in the holdings of the Archaeological museum of the Ivanovo State University. Among them – the card catalogue of battle-axes and vessels from the burial grounds of the Fatyanovo culture, the collection inventory lists of the finds, duplicates of the research reports on the results of field studies in the territory of the Ivanovo and Yaroslavl' regions, photographs, letters. Of particular interest are the documents related to the presence of the scientist in the camps of the GULAG (diaries, photographs, drawings, letters).

*Ivanovo State University,
47-26, Avdotinskaya St.,
Ivanovo, 153023, Russia
E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru*

Ю.Б. Сериков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РИТУАЛАХ И КУЛЬТАХ ДРЕВНОСТИ

Появление погребального обряда привело и к появлению разнообразных действий с костями умершего (погибшего) человека. По всей видимости, эти действия связаны с особыми ритуалами при совершении погребения. К ним можно отнести перезахоронения костей, выкладывание костей скелета или его части в анатомическом или ином порядке, замена одних костей человека на другие, преднамеренное нарушение анатомической целостности костяка, расчленение трупа и т.п. Упомянутые действия являются частью погребальной обрядности, хорошо представлены в литературе [1, с. 64–65; 2, с. 12–16; 3, с. 29–31; 4, с. 27–28; 5, с. 42–44; 6, с. 168–169; 7, с. 144–147; 8, с. 28–30; 9, с. 55] и в данной работе не рассматриваются. Также не рассматриваются ритуалы, связанные со скальпированием черепов и изготовлением изделий из человеческой кожи [10; 11, с. 59–68; 12, с. 178–180].

Действия с костями человека, не связанные собственно с его погребением, я рассматриваю как своеобразные ритуалы уже другой направленности. Чаще всего объектом ритуальных действий являлся череп человека. Этнографические данные свидетельствуют, что черепа являлись эмблемами воинской власти, трофеями, амулетами, предметами поклонения [13, с. 104–111; 14, с. 173–180]. Следует отметить, что ритуалы с использованием черепа производились в могилах, межмогильном пространстве и на святилищах. Довольно часто череп просто изымался из погребения (Аятское озеро, Старичный Гребень (Урал), «Циклодром», Сухая Падь II, Большой Мыс, Журавлёво-4, Боровянка XVII, Шабаново-II и др. – все – Западная Сибирь) [15, с. 82; 16, с. 197–200; 17, с. 134–135]. Так, в могильнике Журавлёво-4 (Западная Сибирь, ирменская культура эпохи бронзы) черепа отсутствовали у 27 погребённых. В 49 случаях зафиксировано отделение головы умершего с последующим помещением её в могилу лицом к земле [18, с. 4–5].

Отделение и перемещение головы умершего зафиксировано и в других погребениях. По всей видимости, с отчленённой головой был погребён мужчина на неолитическом поселении Дружный. Голова стояла теменем вверх, а шейные позвонки находились в сосуде [19, с. 184–185]. Подобная ситуация зафиксирована и в гроте у Каменного Кольца: череп погребённого находился в центре могилы затылочным отверстием вверх [20, с. 104–109].

В последние годы всё чаще археологи фиксируют обряды, связанные с жертвоприношением на святилищах отрезанных голов или черепов. Два черепа найдены в 2009 г. в Капелле Черепов Купольного зала Каповой пещеры (Шульган-Таш). Там же в середине XVIII в. была обнаружена «сухая человеческая голова». Датируются они предположительно ранним железным веком [21, с. 107–108]. В основании Усть-Вагильского холма – культового сооружения Северного Зауралья – обнаружено неолитическое костеище, в котором зафиксированы семь человеческих черепов [22, с. 194–195]. На стоянке Модлона (неолит) довоенными раскопками в культурном слое вместе с кухонными отбросами были обнаружены обломки черепов и фаланги кистей рук минимум пяти человек (мужчина, женщины и дети). А в 1948 г. возле одного из жилищ найден череп молодой женщины без нижней челюсти, который, по мнению М.М. Герасимова, был надет на деревянный кол [23, с. 161–162]. В пещере Каминной (Горный Алтай) обнаружена каменная выкладка, при разборке которой встречено большое количество костей животных (марала, косули, лошади, овцы и др.), а также развал черепа человека и две нижние челюсти, принадлежащие другим особям [24, с. 47]. На неолитическом святилище Савин I в жертву были принесены черепа взрослого человека и ребёнка [25, с. 207]. Жертвоприношение человеческого черепа отмечено на береговом валу Карасьего озера (Свердловская область) [26, с. 46]. Два человеческих черепа обнаружены у подножья Больших каменных палаток с наскальными изображениями (озеро Большие Аллаки, Южный Урал) [27, с. 47]. Следует подчеркнуть, что несколько каменных останков этого комплекса имеют очертания, напоминающие человеческие черепа. В одной из могил Кара-Якуповского неолитического могильника (погребение 5) был захоронен только череп. Он лежал теменем вниз в окружении нескольких подвесок из камня и кости [28, с. 45]. На культовой площадке бронзового века памятник Шайтанское озеро II в каменной оградке мелкие кальцинированные косточки черепа младенца залегали в сопровождении миниатюрного сосудика [29, с. 70].

На Южном святилище Шайтанского озера (Среднее Зауралье) между двумя валунами найден раздавленный череп женщины с остатками налобной повязки. На уровне висков к повязке крепились медные диски

диаметром около 4 см, которые представляли собой вписанный в круг крест. Недалеко от отрезанной головы женщины найден медный птицевидный идол. Жертвоприношение головы связано с иткульской культурой раннего железного века [30, с. 291]. Полуобожжённый череп и крупные фрагменты ещё двух найдены на Туманском костыше (Северный Урал), которое датируется VIII–XIX вв. н.э. [31, с. 151–152].

Многие исследователи отмечают особое отношение древнего человека к черепу. Одни считают, что ритуальные действия с черепом связаны с культом предков и культом плодородия [32, с. 340–342]. Другие в этих обрядах видят древние представления о черепе как оместилище души [18, с. 4–5]. Особенности в обрядовых действиях с черепами умерших или погибших людей, зафиксированные на разных памятниках, на мой взгляд, свидетельствуют о неоднозначности ритуалов, связанных с представлениями о черепе [33, с. 116–117; 14]. В энеолитическом могильнике Боровянка XVII, а также на Гремячанском святилище существовал ритуал преднамеренного разбивания черепов. Возможно, такой же особенностью ритуала являются два черепа в неолитическом могильнике Братский Камень, залегающие рядом с могилой и как бы вставленные один в другой [34, с. 141]. Следы необычного ритуала с черепом погребённого отмечены в неолитическом могильнике Дуонкалнис (Литва): все органы контакта человека с окружающим миром (глаза, уши, нос и рот) были заткнуты просверлёнными резцами лося [35, с. 152–153].

На многих культовых памятниках (пещерных святилищах, жертвенных местах на вершинах гор, скал и шиханов, костышах и жертвенных площадках) часто обнаруживались разрозненные кости человека. Обычно их принимали за разрушенные погребения, но с накоплением фактов стало ясно, что они являются остатками жертвоприношений и связаны с проведением каких-то особых ритуалов.

Чаще всего такие человеческие останки находят в пещерах. Много их и в пещерах Урала. На Южном Урале по несколько десятков разрозненных человеческих костей обнаружено в пещерах Бурановская, Усть-Катавская II, Смеловская 2, Верхне-Бейдинская, Сухарышская Сквозная 2, гроте Кульметовский и др. Фрагменты черепа человека найдены в Копейско-Зауральской пещере. В Усть-Катавской II пещере разрозненные кости взрослого человека залегают над захоронением ребёнка с богатым погребальным инвентарём, который состоял из 150 подвесок, пронизок и бус из камня, кости и раковин. В известной своими рисунками Игнатьевской пещере отмечены находки отдельных костей ребёнка и взрослого человека. На некоторых костях имеются следы рубки. В пещерах реки Ай (Башкортостан), в 9 пещерах Сикийз-Тамакского пещерного комплекса обнаружены отдельные человеческие кости [36, с. 98, 113–119; 37, с. 350–352; 38, с. 157, 197–198; 39, с. 66–69].

Пещеры Среднего и Северного Урала беднее такими находками, быть может, только потому, что их исследование проводилось не в таком объёме. Отдельные или единичные кости человека выявлены в пещере Котёл. С мезолитом связаны две метаподии, в энеолитическом слое найдены пястная кость руки и нижний конец плюсневой кости взрослой особи. А в слое раннего железного века выявлены кальцинированные и сильно раздробленные фрагменты черепа и первая фаланга человека. В Пещере Туристов найден обломок бедренной кости [40, с. 55, 134], в Уньинской – 9 зубов и 3 фаланги [41, с. 130], в гроте Бурмантовский – зуб. Также отдельные кости человека найдены в гроте Зотинском (р. Пышма) и в пещере, расположенной в Георгиевских скалах на р. Чусовой (устное сообщение П.А. Косинцева). Следует подчеркнуть, что большая часть человеческих останков, найденных в пещерах, относится к раннему железному веку.

Ритуалы с использованием человеческих костей зафиксированы и на святилищах, расположенных на скалах, шиханах или вершинах гор (Голый Камень, Старичный, Шайтанский и Южный Шиханы). На Шайтанском Шихане кроме раздавленного черепа найдены свыше 300 сильно раздробленных кальцинированных костей человека, которые были рассеяны практически по всей площади святилища. Выше уже упоминался череп женщины с медными украшениями, найденный на Южном шихане. Там же присутствуют и несколько десятков раздробленных кальцинированных костей человека. На вершине останца Старичный в средневековом культовом комплексе найдены зуб и обломок бедренной кости. В непосредственной близости от останца находится писаница на скале Старичный камень. Из трещины под писаницей вместе с каменными орудиями и отщепами извлекли локтевую кость человека. Следует отметить, что находки отдельных человеческих костей под наскальными изображениями встречены и в других местах (озеро Большой Аллак, Идрисовская II писаница, Кульметовский грот) [42, с. 4; 43, с. 168; 44, с. 45–47; 45, с. 78; 46, с. 45].

На святилищах лесостепного Зауралья Савин-1 и Слободчики-1, которые функционировали в энеолитическое время, обнаружены ритуальные погребения расчленённых и неполных скелетов взрослых мужчин и женщин, а также ребёнка. На ритуальной площадке энеолита памятника Остров 2 (Тюменская область) в двух ямах найдены черепа девушки и ребёнка. Жертвоприношение в виде обгоревших костей ребёнка отмечено на культовом памятнике Палатки I (окрестности Екатеринбург). Следы необычного ритуала зафиксированы в могильнике афанасьевского времени Урускин лог-1 (курган 3) (Горный Алтай). Рядом с правой рукой погребённого кучкой лежали 25 зубов человека (резцы, клыки, коренные). Судя по отсутствию зубов в его челюстях, они принадлежали умершему и находились в мешочке или сумочке. На скальном святилище Шайтанского озера (Шайтанский Шихан) в щели между валунами обнаружены сожжённые кости взрослого человека (позвонки, рёбра, фаланги), которые сопровождалось 76 костяными подвесками (энеолит). На городище поздней бронзы Чудская Гора в скоплениях среди костей животных трижды были найдены единичные кости человека. Также трижды фрагменты черепа и отдельных костей скелета были зафиксированы в заполнении и на дне построек [47, с. 148; 48, с. 153; 49, с. 178; 50, с. 30; 51, с. 40].

Свидетельства ритуалов с человеческими жертвоприношениями выявлены и на памятниках раннего железного века Приуралья (Усть-Туйское костыше, Юго-Камское костыше, Конецгорское городище, Гремя-

чанское святилище, Половинное I и др.). Обычно костяки перемешаны и имеют следы искусственного расчленения, иногда обожжены. Черепа почти всегда разбиты. Могильные ямы отсутствуют. На Половинном I в одном случае череп не имел нижней челюсти, а во втором – нижняя челюсть была отделена от черепа и закопана ниже остальных костей. На Гремячанском святилище обнаружены останки 11 детей разного возраста, причём в одном случае была захоронена только нижняя челюсть ребёнка. На некоторых святилищах (Усть-Туйском, Юго-Камском, Гремячанском) археологи фиксируют разбрасывание костей человека по культовой площадке (подобное разбрасывание сожжённых и раздробленных костей человека отмечено мной и на трёх святилищах Шайтанского озера). Считать человеческие останки следами военных действий, по мнению А.Н. Лепихина, нет никаких оснований. Он полагает, что «никакая военная необходимость не могла заставить ананьинцев рубить трупы на мелкие куски, четвертовать, отделять от черепов нижние челюсти, обжигать убитых на кострах и т.д. Все эти действия носят явно ритуальный характер». К тому же маловероятно, чтобы жертвами боёв стали исключительно дети, как на Гремячанском святилище [52, с. 41–42; 53, с. 52; 54, с. 88–89].

Ритуалы с применением человеческих жертвоприношений доживают до этнографической современности. При раскопках средневекового святилища (XIII–XVIII вв.) на могильнике Сопка-2 найдена обожжённая нижняя челюсть взрослого человека. На святилище Сат-виклы (р. Ляпин, Западная Сибирь), которое датируется примерно XVII в., среди костей медведя и лося обнаружена правая плечевая кость взрослого мужчины. В середине XIX в. при молениях у священного озера Лызи (Татарстан) завятыские удмурты совершали странный обряд. На огромную ель вешали лубяное чучело человека, которое ударами палок сбивали на землю, и в том месте, куда оно падало, приносили в жертву барана. По свидетельству старожилов, прежде во время эпидемий и в других исключительных случаях у этого озера совершались человеческие жертвоприношения, которые впоследствии были заменены принесением в жертву овцы [54, с. 88–89]. В этнографии известны и другие случаи человеческих жертвоприношений [55, с. 128, 135; 56, с. 108–109, 151].

Отдельные человеческие кости неоднократно находили и при исследовании торфяников (Шигирский, Горбуновский). В западноевропейских торфяниках, по данным Н.Б. Медниковой, обнаружено около 1800 трупов людей. Некоторые тела были связаны, не имели головы, у многих присутствуют следы смертельных ранений. Вполне вероятно, что данные находки представляют собой особые ритуальные жертвы. Думается, что и на уральских торфяниках не все находки следует интерпретировать как останки утопленников. По-видимому, в древности существовали и специальные ритуалы, связанные с жертвоприношением людей в воду [23, с. 162].

Совершенно особой частью древних ритуалов являлось использование костей человека для изготовления предметов, видимо, культового характера.

Самой ранней находкой такого рода (возраст – 25–24 тысячи лет) является обработанный и заполненный охрой диафиз левой бедренной кости человека, который находился в погребальном инвентаре богатейшего захоронения подростков на палеолитической стоянке Сунгирь [57, с. 79].

Также к палеолиту относятся находки из детского погребения стоянки Ушки I (Камчатка) (12–10 тысяч лет назад). Среди мелких обломков разрушенного черепа выявлены молочные зубы человека без корней. Там же найдено и около десятка зубов с подточеными корнями и тонко просверлёнными отверстиями для подвешивания [58, с. 25]. Две подвески из зубов человека найдены в одном из позднемезолитических погребений могильника Звейниекки (Латвия) [59, с. 125].

Начиная с неолита для изготовления необычных ритуальных предметов стали использовать человеческие черепа. Из костей черепа делали ритуальные чаши, украшения-амулеты и погребальные маски.

На Урале такие находки крайне редки и пока встречены только на двух памятниках. В Кумышанской пещере (р. Чусовая) найдено размытое поздненеолитическое погребение, в котором были захоронены три женщины, два новорождённых ребёнка и два выкидыша. Среди сохранившегося погребального инвентаря следует отметить подвеску в виде профильного изображения лица человека, выполненную из офита – мягкой разновидности змеевика, и локтевую кость бизона, которая лежала вместе с рыболовным грузилом в отдельной засыпанной охрой ямке. В изголовье погребённых стояла чаша из черепа годовалого ребёнка, заполненная охрой. Поскольку кости черепа у годовалого ребёнка ещё не срослись, свод черепа мог служить чашей только в том случае, если он был покрыт стягивающей кости кожей. Погребение имеет калиброванную дату ^{14}C – 5622–5574 лет назад [60, с. 56–57].

Вторая чаша из свода черепа взрослого человека найдена на Южном шихане Шайтанского озера (Свердловская область). Шихан представляет собой гранитный останец высотой около 7 м. Чаша была раздавлена каменной плитой, которой она была перекрыта. Особенностью чаши являются необычно толстые кости черепа, который, по мнению антропологов, принадлежал больному человеку. Ниже чаши между двумя валунами находился раздавленный череп женщины с остатками налобной повязки и медными украшениями [61, с. 64].

В других регионах также известны чаши из человеческих черепов. Большей частью они происходят с территории Украины, где относятся к разным культурам поздней бронзы – раннего железа [62, с. 73, 77; 63, с. 122–124]. Представляют интерес и некоторые обряды, связанные с этими чашами. Например, в одном из погребений могильника Малополовецкое-3 чаша из свода черепа стояла рядом с головой погребённого. Ещё в одном захоронении (мужском) в ногах и головах погребённого стояло по чаше из человеческих черепов. В этом же могильнике зафиксированы 11 захоронений отдельных чаш из сводов черепов [63, с. 123–124].

Другие культовые предметы также изготавливались из костей черепа. Один из них обнаружен в могильнике Сопка-2 (Новосибирская область). Могильник располагается в труднодоступном месте на своеобразном «острове мёртвых». В разрушенном коллективном погребении эпохи раннего металла найдены костные останки шести человек: мужчины, двух женщин и трёх детей разного возраста. Погребальный инвентарь составляли подвески, проколка, игольник, каменный наконечник стрелы и птичьи кости. В развале сосуда байрыкского типа лежала лопатка прямоугольной формы, вырубленная из человеческого черепа. Размеры лопатки – примерно 8×3,5 см [64, с. 34, 37].

В неолитическом кургане (IV–III тыс. до н.э.) в станице Новосвободской (курган 31, 5-е погребение) найден коренной зуб в оправе из золота с проделанным (в золоте) отверстием для подвешивания. По мнению исследователей, он являлся оберегом. Данная находка экспонируется в Особой кладовой Эрмитажа.

В составе Карбунского клада (энеолит) находился коренной зуб пожилого человека с двумя отверстиями [65, с. 146].

На территории Западной Европы изготовление подвесок-амулетов из черепных костей получает распространение уже в неолите [23, с. 133–135]. На территории России такие изделия появляются начиная с раннего железного века. Первая подвеска из черепной кости была найдена Ф.Д. Нефёдовым в 1883 г. при раскопках городища в Костромской области. Позднее подвески из костей черепа были выявлены при раскопках Ооевского городища в бассейне р. Ветлуги [23, с. 18–19].

Есть подобные находки и на Урале. В Сибирской коллекции Петра I известны 2 человеческих зуба в золотой оправе, подвешенных на цепочке. Ещё 2 человеческих зуба (женский и пожилого человека) были переданы голландскому исследователю сибирских древностей Н.К. Витзену [66, с. 4–5].

В одном из погребений Котловского могильника (Прикамье, ранний железный век) найден амулет из черепной кости человека [67, с. 114].

В Игнatieвской пещере (Южный Урал) сохранился фрагмент верхней челюсти взрослого человека, который, по мнению антропологов, также вырублен из черепа. Автор раскопок В.Т. Петрин относит находку к раннему железному веку [38, с. 157, 198].

Впечатляющими изделиями являются пять подвесок из вырубленных верхних челюстей человека (рис. 1: 1–5), найденные в мощном прокале надмогильного сооружения погребений 12 и 13 Кипчаковских курганов (Башкортостан). Одна подвеска была вырублена из верхней челюсти с остатками зубов. У нижней челюсти отрубили венечный отросток, затем её распилили пополам вдоль и поперёк, и из каждой четверти изготовили по подвеске. В самой крупной подвеске сохранились зубы. Все подвески из нижней челюсти имели по два отверстия, а из верхней – одно. Все части челюстей происходят от одной особи, предположительно женщины 18–30 лет. Датируются данные находки II–I вв. до н.э. [68, с. 79, рис. 6].

Подобная подвеска из фрагмента просверлённой нижней челюсти человека известна на Серенькинском городище раннего железного века (Башкортостан) [69, с. 202]. Изделия (подвески) из вырубленных верхних челюстей человека с отверстиями найдены в погребениях 25/1 и 37 Андреевского кургана (Мордовия). Относятся они к более позднему времени – к первым векам н.э. П.Д. Степанов считает их военным трофеем, который крепился на конской упряжи и являлся показателем воинской доблести [70, с. 86–87, рис. 27–29].

Есть случаи, когда лицевой отдел черепа использовался в качестве ритуальной маски. В большей степени такие находки известны в Европе (пещера Майда-Храшко, Словакия, гальштат; Манхинг, Германия, кельты). В России подобная маска отмечена в таштыкском могильнике Абаканоперевоз (Минусинская котловина), где она лежала на черепе женщины [23, с. 155, 160, 236].

С Серенькинского городища происходит ещё одно изделие из кости человека: подвеска, выполненная из просверлённой фаланги пальца [69, с. 202]. Подвески из фаланг пальцев человека были известны уже в эпоху бронзы. В погребении 37 Андреевского кургана находились первые фаланги пальцев человеческой руки, которые, по мнению автора раскопок, подвешивались вместе с кожей, снятой с кисти [70, с. 87]. Возможно, три фаланги человека, найденные в Уньинской пещере, также использовались в качестве подвесок. А.И. Соловьёв отмечает особое отношение к пальцам у разных народов. Он приводит сведения о том, что пальцы считались вместилищем души и физической силы. Поэтому у убитых врагов отрезали пальцы и использовали их в качестве важных фетишей [71, с. 100].

Ещё один удивительный артефакт обнаружен в Пещере Туристов на р. Чусовой. Это обломанное остриё длиной 10,3 см, изготовленное из бедренной кости человека (рис. 1: 8). Обработано оно металлическим ножом [60, с. 42]. Из мифов манси и хантов следует, что стрела, изготовленная из человеческой кости, обладала большой смертоносной силой. Сделанная из голени человека, она пробивала камень [72, с. 538; 27, с. 85]. Можно также добавить, что туземцы с островов Прокажённых изготавливали наконечники стрел из костей своих умерших родственников [73, с. 94].

Подобная находка – шило из человеческой кости – сделана и на Юшковском городище ананьинской культуры [67, с. 114].

Необычные ритуалы с использованием человеческих костей выявлены на территории Северной Украины и Молдовы в погребениях бронзового века. На длинных костях рук и ног погребённых фиксируются следы обработки в виде рубки, строгания, нанесения насечек, вырезания выемок. На верхних и нижних челюстях срезали углы, удаляли мышелки. В одной челюсти у всех резцов было вертикально отпилено по ползуба [74, с. 43–44].

В данной работе я хотел показать, что существовал целый пласт ритуалов, которые часто рассматриваются в рамках погребального обряда, но на самом деле свидетельствуют о существовании постпогребаль-

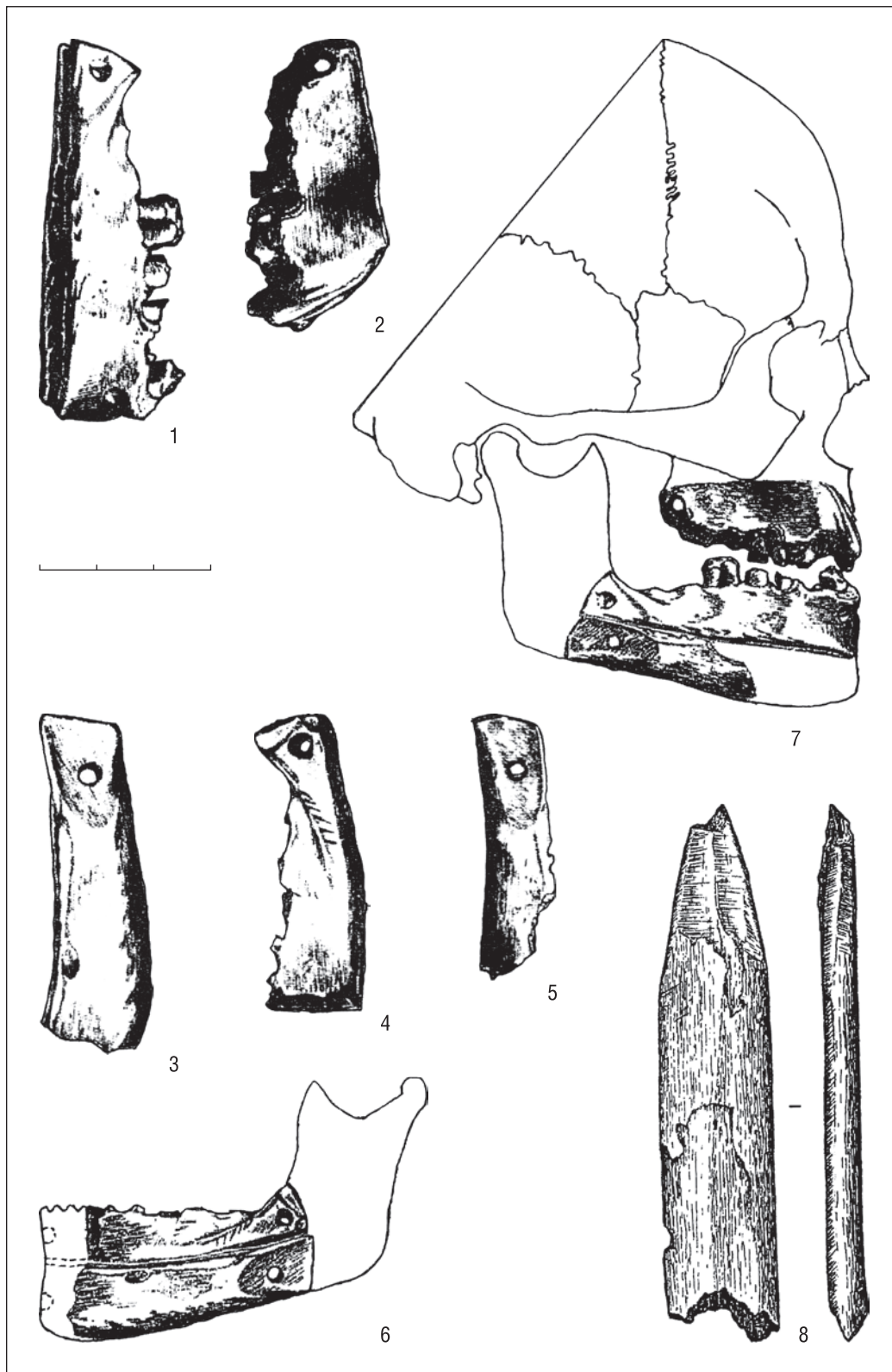

Рис. 1. Изделия из костей человека:

1-5 – подвески из челюстей; 6-7 – местоположение костей-подвесок в черепе; 8 – остриё из бедренной кости
 (1-7 – Кипчаковские курганы (Башкортостан) (по С.Э. Зубову, [68]); 8 – пещера Туристов (р. Чусовая, Средний Урал)

ных ритуальных действий, связанных с использованием человеческих костей и изделий из них. Причины появления таких ритуалов ещё долго будут оставаться объектом внимания не только археологов, но и антропологов и философов. Корни этого явления лежат не только в социальной организации древнего общества, но и в коллективной и индивидуальной психике человека. К.Г. Юнг называл мифологию коллективной психикой. Восприятие окружающей реальности в традиционных культурах определялось мифологическим сознанием. Психологическую устойчивость социума обеспечивала обрядность. В кризисных в жизни древних коллективов ситуациях благополучие социума пытались достичь с использованием костей умерших (погибших или принесённых в жертву) людей, при жизни выделявшихся своим социальным статусом или другими факторами.

Важную роль в культовой практике древности, как было отмечено выше, имели ритуальные действия с головой (черепом) погребённого. Именно череп человека (или его части – свод, челюсти, зубы) чаще всего являлся объектом ритуальных действий.

По всей видимости, эти ритуалы имели различное семантическое наполнение, о котором мы можем только догадываться. Следует учитывать и точку зрения В.С. Флёрова, который считает, что ритуальные действия с черепами являлись отражением в том числе обрядов обезвреживания погребённых и обрядов перезахоронений [75, с. 157–158].

Любопытные данные о культе голов можно найти в этнографии обских угров. В.Н. Чернецов отмечал, что после похорон у них очень часто сохранялись черепа умерших. Объясняется это тем, что череп является самой важной частью скелета, так как именно в нём обитает главная возрождающаяся (четвёртая) душа человека. Сохранение черепов особенно распространяется на покойников, являвшихся при жизни наиболее важными представителями данного рода. Он также подчёркивал, что и у человека, и у животного первоначальной обителью души после третьей, окончательной, смерти являлся именно череп [76, с. 154–156].

Неоднократно фиксируемые ритуалы с изъятием и использованием нижних челюстей человека (например: [24; 75]) свидетельствуют о специфике их семантического наполнения. По представлениям эвенков-орочонов, в нижней челюсти находилась душа животного [77]. Возможно, это относится и к человеку. Колдуны в Новой Каледонии использовали челюсть из скелета предка в обряде магического управления солнцем [78, с. 94]. По свидетельству Н.Н. Миклухо-Маклая, местные туземцы сохраняют нижнюю челюсть умершего человека. Ближайший родственник умершего нередко носит её при себе в виде браслета [79, с. 174, 395].

Подвески из челюстей, зубов, свода черепа, по-видимому, могли использоваться (в зависимости от ситуации) и в виде амулетов (оберегов, апотропеев), и в качестве талисманов (приносящих удачу). Чем выше был социальный статус человека, тем более сильным и эффективным было воздействие изготовленных из его костей амулетов и талисманов.

Изделия из костей человека использовались в древних ритуалах крайне редко. Тем не менее, они применялись в разные археологические периоды от палеолита до позднего железного века. Преобладание подобных находок на памятниках раннего железного века, возможно, связано с милитаризацией общества в это время, когда жизнь человека являлась ценностью только в связи с благополучием данного общества.

По всей видимости, обряды с использованием костей человека и изделий из них были строго конкретны и индивидуальны в каждом отдельном случае. Пока об этих обрядах мы можем говорить только в общих чертах: жертвоприношения; страх перед мёртвыми; обезвреживание погребённых; культ предков и т.п. Ясно одно – кости человека и после его смерти обладали высокой сакральной силой. И сила эта, по всей видимости, зависела от статуса умершего. Сила умершего вождя или шамана продолжала служить конкретному социуму в изделиях из их костей и после их смерти. Анализ представленных материалов показывает, что ритуальная практика древнего человека была более многообразной и разносторонней, чем мы можем себе представить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
2. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989.
3. Флёров В.С. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребённых // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992.
4. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1 (Алтай). Барнаул, 1995.
5. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники предгорий Алтая. Барнаул, 2000.
6. Суворов А.В. Ярусное погребение № 19 мезолитического могильника на памятнике Минино I // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
7. Шилов С.Н., Маслоуженко Д.Н. К вопросу о человеческих жертвоприношениях в эпоху неолита – энеолита на территории Зауралья // Святые места: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000.
8. Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребённых неолита Алтая. Барнаул, 2005.
9. Шерстобитова О.С. Символы смерти в погребениях бронзового века (по материалам Западной Сибири) // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007.
10. Бородавский А.П. Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997.
11. Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3.
12. Федоров В.К., Горшкова В.Е. Колчан из человеческой кожи в погребении раннего кочевника из Башкирского Зауралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа, 2001.

13. *Вадецкая Э.Б.* О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // *Духовная культура народов Сибири.* Томск, 1980.
14. *Сериков Ю.Б.* «Культ голов» в каменном веке Урала // *Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья.* Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2002.
15. *Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993.
16. *Берс Е.М.* Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // *СА.* 1976. № 4.
17. *Хвостов В.А.* Захоронения эпохи неолита могильника Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // *Проблемы изучения неолита Западной Сибири.* Тюмень, 2001.
18. *Бобров В.В.* Реконструкция обрядовых действий с головой умершего // *Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова.* Доклады Всероссийской научной конференции. Ч. 2. Омск, 1995.
19. *Шорин А.Ф.* Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // *Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла.* Куйбышев, 1982.
20. *Бадер О.Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца // *Проблемы археологии Урала и Сибири.* М., 1973.
21. *Юсупов Р.М., Нечволода А.И.* О находке человеческого черепа в пещере Шульган-Таш // *Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс».* Уфа, 2010.
22. *Панина С.Н.* Фрагмент сакрального пространства эпохи неолита Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // *III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов.* Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.
23. *Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М., 2004.
24. *Ефремов С.А.* Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная (Горный Алтай) // *Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая.* Барнаул, 2006.
25. *Потемкина Т.М.* Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // *Миф, обряд и ритуальный предмет в древности.* Екатеринбург; Сургут, 2007.
26. *Мамин Д.Н.* Отчет по археологическим раскопкам за 1889 год // *Древности (Труды Московского археологического общества).* Т. XV. Вып. 2. М., 1894.
27. *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала. М., 1971. (САИ. В4-12(2))
28. *Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // *Эпоха меди юга Восточной Европы.* Куйбышев, 1984.
16. *Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала / Ю.Б. Сериков, О.Н. Корочкова, С.В. Кузьминых, В.И. Стефанов // Археология, этнография и антропология Евразии.* Новосибирск, 2009. № 2.
30. *Сериков Ю.Б.* Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.* Т. II. М., 2008.
31. *Викторова В.Д.* Туманское I поселение, святилище, костнице // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале.* Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
32. *Усманова Э.Р.* О ритуале намеренного разрушения погребения // *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.* Томск, 2005.
33. *Усманова Э.Р.* «Культ черепа» в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // *XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции.* Оренбург, 2001.
34. *Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976.
35. *Бутримас А., Гириинкас А.* Старые местные и новые погребальные обряды в неолите Литвы // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры (погребальный обряд).* М., 1990.
36. *Бибииков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // *СА.* № XIII. 1950.
37. *Юрин В.И.* Комплексные исследования в Южном Зауралье // *Археологические открытия 2003 года.* М., 2004.
38. *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
39. *Кокшаров С.Ф., Широков В.Н.* Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Препринт. Свердловск, 1990.
40. *Сериков Ю.Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
41. *Канивец В.И.* Канинская пещера. М., 1964.
42. *Сериков Ю.Б., Серикова Л.В.* Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005.
43. *Викторова В.Д., Чаиркин С.Е.* Останец Старичный – новый памятник петрогромской культуры // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале.* Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
44. *Широков В.Н., Чаиркин С.Е.* Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал) // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале.* Вып. 1. Екатеринбург, 1997.
45. *Сериков Ю.Б.* Культурный комплекс святилища на острове Шайтанский Шихан // *Пятое Берсовские чтения.* Екатеринбург, 2006.
46. *Сериков Ю.Б.* Скальные культовые памятники Шайтанского озера // *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной).* Курган, 2007.
47. *Вохменцев В.П.* Энеолитические святилища Зауралья // *Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции.* СПб., 2000.
48. Рекогносцировочные раскопки в Ингальской долине в 1995 г. / *А.В. Матвеев, Л.А. Дрябина, Н.П. Матвеева, А.Д. Дегтярева // Вестник археологии, антропологии и этнографии.* Тюмень, 1997. Вып. 1.
49. *Викторова В.Д.* Культовые памятники в верховьях р. Исети // *Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции.* СПб., 2000.
50. *Погожева А.П.* Могильник афанасьевской культуры Урускин лог-1 (Каракол-1) // *Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая.* Барнаул, 2006.
51. *Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.
52. *Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Человеческие жертвоприношения на памятниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье // *Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока.* Т. 3. Красноярск, 1991.
53. *Коренюк С.Н.* Образ волка-собаки в идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // *Оборинские чтения. Материалы IV–V региональных археологических конференций.* Пермь, 2004.
54. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.

55. *Молодин В.И.* Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
56. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986.
57. *Бадер О.Н.* Сунгирь. Позднепалеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.
58. *Диков Н.Н.* Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993.
59. *Zagorskis, F.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga, 1987.
60. *Сериков Ю.Б.* Культурные пещеры реки Чусовой // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
61. *Сериков Ю.Б.* Культурные центры Урала // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. (Материалы I Всероссийской научной конференции «Пермские финны: археологические культуры и этносы»)
62. *Кузнецова Т.М.* «Ποτήριον» Скифского логоса Геродота // Петербургский археологический вестник. № 4. СПб., 1993.
63. *Лысенко С.Д.* К семантике захоронения свода черепа // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2004.
64. *Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск, 2001.
65. *Сергеев Г.П.* Раннетрипольский клад у с. Карбун // СА. 1963. № 1.
66. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008.
67. *Лепихин А.Н.* Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007.
68. *Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа, 2007.
69. *Иванов В.А.* Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003.
70. *Степанов П.Д.* Военские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. Вып. 136. 1973.
71. *Соловьев А.И.* О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
72. Мифы, сказки, предания хантов и манси. М., 1990.
73. *Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М., 1997.
74. *Лысенко С.Д.* Ритуальные расчленения эпохи поздней бронзы на Северной Украине // XXX Урало-Поволжская археологическая конференция молодых ученых. 1998: Материалы конференции. Самара, 1998.
75. *Флеров В.С.* Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М., 2007.
76. *Чернецов В.Н.* Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
77. *Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочанов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1984.
78. *Лаушкин К.Д.* Онежское святилище. Ч. 1: Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Т. 4. Таллин, 1959.
79. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений в пяти томах. Том I. Дневники путешествий (1870–1872). М.; Л., 1950.

*Нишнетагильская государственная
социально-педагогическая академия,
Нишний Тагил*

Yu.B. Serikov

THE USE OF HUMAN BONES IN THE RITUALS AND CULTS OF THE ANTIQUITY

Summary

Funeral ritualism also includes various actions with the bones of a deceased person. But there also were peculiar rituals with human bones, which were not connected directly with a burial. Most often a human skull was the object of such rituals. Skulls were separated from the bodies of the deceased, moved, and buried separately, as well as sacrificed at the sanctuaries.

Scattered human bones were often found in many cultic monuments of different types. With accumulation of facts it became clear that those were not destroyed burials, but the remains of sacrifices that were connected with the conducting of the special rituals. Such ceremonies had been recorded from the Mesolithic till the 18th century BC.

A special part of the ancient rituals was the use of human bones (especially skulls) for the manufacture of objects of cultic nature. The ritual cups, pendants and burial masks were made of skulls; pendants were made of phalanges, edges – of thighbones.

Thus, the analysis of the data shows that there was a whole layer of post-burial actions connected with the use of human bones and objects of them.

*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russia*

*E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru*

Ю.Б. Сериков

ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ В КУЛЬТАХ И ОБРЯДАХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Поскольку основным способом осмысления мира в древности являлся миф, уже в верхнем палеолите, осваивая новые пространства, человек создавал и пространство мифологическое. Освоенное пространство сразу же сакрализовывалось и приобретало определённую структуру. Урал – горная страна, поэтому не удивительно, что основными элементами этой мифологической структуры становились различные скальные образования: горы, скалы, пещеры, отдельные камни и их скопления.

Самым первым природным объектом, вписанным в сакрализованное пространство, явилась пещера (грот) [1–8].

На Урале пещеры использовались в культовой практике начиная с верхнего палеолита и кончая средневековьем. Следует подчеркнуть, что оформление сакрального пространства разных пещер сильно различается. А это свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности ритуалов и обрядов, проводимых в святилищах. Многогранность и разнообразие ритуальной практики местного населения подтверждают и разнообразные культовые комплексы, зафиксированные в целом ряде пещер [8, с. 178–198].

С появлением мифопоэтической традиции пещера выступала как место зачатия, рождения и погребения. Она также считалась и входом в Нижний мир. Причём особое почитание пещеры как входа в Нижний мир являлось одной из универсалий, связанной с шаманизмом.

Именно в пещерах зафиксировано наибольшее количество шаманских погребений. Самое богатое на Урале погребение шамана исследовано в гроте на камне Дождевом (р. Чусовая, неолит). На Южном Урале погребения служителей культа зафиксированы в пещерах Бурановской, Старичный Гребень, Усть-Катавской II, а также в гроте у Каменного Кольца [9, с. 143–145]. Захоронения шаманов в пещерах и гротах (у входа в Нижний мир) глубоко символично: люди, которые при жизни являлись посредниками между мирами живых и мёртвых, даже после своей смерти продолжали служение своему роду, препятствуя проникновению чужих сил в мир людей [10, с. 225–226].

Очень часто на Урале обожествлялась гора, которая воспринималась как образ мира, модель Вселенной. Сакрализация горы происходит в конце каменного века. Чаще всего на вершинах гор располагались святилища железного века и средневековья. При анализе семантически значимых находок (пряслиц, бусин, кремней, огней, наконечников стрел) становится понятно, что они отражают разные стороны культа Солнца, в котором соединились основные проявления поклонения Солнцу в виде «небесного огня» как символа защиты и плодородия [11–19].

Все известные культовые памятники на вершинах гор и скал вытянулись цепочкой вдоль восточного склона Среднего Урала с юга на север. Основная их часть расположена в полосе предгорий. Условно выделяются 4 района их расположения. Самой северной является группа памятников, сконцентрированная вокруг г. Нижнего Тагила (Голый Камень, горы Деляночная, Елевая, Лисья, Медведь-Камень, Пихтовая, Сияняя и др.). Немного южнее находится Екатеринбургская группа памятников (Шабровские и Шарташские каменные палатки, горы Матаиха, Петрогром, Чёртово городище, мыс Еловый и др.). Довольно близко к ним примыкает группа памятников, расположенная в верховьях р. Нейвы (Вороний Камень, скалы Три Сестры, горы Скворцовская, Лубная). Самыми южными являются святилища, находящиеся в районе г. Полевского (горы Азов, Думная, Караульная) [14, с. 57–60]. Исследования последних лет привели к открытию святилищ на вершинах гор и на территории Южного Урала (Чека, Лысая и др.) [20, с. 46–71].

Интересно отметить, что святилища располагались далеко не на каждой горе. Причины выбора той или иной вершины горы или скалы под святилище ещё предстоит определить. Но нет сомнения, что этот выбор основывался на особенностях топографии скал и гор. По всей видимости, предпочтение отдавалось тем горам, которые по их природным особенностям можно считать семантической доминантой окружающего ландшафта. Такой принцип выбора зафиксирован А.И. Готлибом при анализе феномена сибирских «све» – крепостных культовых сооружений на вершинах гор. Интересен и его взгляд на семантику подобных памятников. По его мнению, они отображали процесс структурированного ритуального восхождения, которое символизировало овладение пространством [21, с. 92–95].

Ещё одним природным объектом, который часто использовался в культовой практике, являлись скалы. Их использование носило разнообразный характер. Чаще всего на скалы наносились рисунки (петроглифы

или писаницы), которые и являлись основными элементами ритуалов. Иногда у подножья писаных скал находят остатки жертвоприношений [22]. Известны скалы без рисунков, у которых в сакральных целях использовались вершины, – например, останец Старичный на р. Нейве (Средний Урал) [24]. Скалы причудливых, необычных форм также служили объектами поклонения, и у их подножия проводились обряды и совершались жертвоприношения.

Особый интерес представляет отвесная скала Камня Дыроватого (р. Чусовая), в которой расположена пещера с культовыми комплексами мезолита – средневековья. На этой 60-метровой скале отчётливо видно зачлещённое между двумя расселинами лицо, на котором различаются глаза, нос и открытый рот с зубами-колоннами (ил. 1). Скала Камня Дыроватого находится примерно посередине водного пути по Чусовой с востока на запад (или с запада на восток). Автор считает, что пещера на скале воспринималась как рот грозного «хозяина», «духа» Чусовой. Данный природный объект, судя по расположению, количеству (25,5 тыс.) и составу (21,8 тыс. наконечников стрел) находок, занимал особое место среди скальных и пещерных святилищ Чусовой [25, с. 142–155].

Святилища в виде подобных «лиц идолов» на скалах известны и на других территориях. А.П. Окладников отмечал, что в верховьях р. Кондо есть священная скала. На её вершине стоят камни, очень похожие на человека: «нос, глаза и все человеческие черты видны» [26, с. 84]. На острове Радколье, расположенном на Онежском озере, известно изображение «хозяина острова». Оно находится на скальном разломе высотой 6 м и выглядит как голова человека с длинной бородой в профиль. С двух сторон изображение «хозяина» ограничивают «идолы» в виде каменных останцов высотой до 2 м, на которых присутствуют углубления, напоминающие глаза, нос и рот человека [27, с. 79–80]. На севере Урала, в истоках реки Печоры, находится урочище с семью каменными столбами, которые выстроились в один ряд на плоской вершине одной из гор.

Некоторые столбы высотой до 50 м имеют антропоморфные очертания. Называется это место Мань-Пупы-Нёр (с мансийского – Малый хребет идолов). Там же находится и Яны-Пупы-Нёр – Большой хребет идолов. С давних времён эти каменные идолы служили местом поклонения духам [2, с. 40]. Известен случай, когда человек лишь подправлял сделанное природой. На скале Мугур-Саргора (Тува) выбита огромная личина. М.А. Дэвлет считает, что «лицо камня» первобытный художник только доработал: нос личины совпал с выступающим изгибом скальной поверхности [28, с. 192].

На Урале в культовых целях использовались так называемые шиханы – нагромождения валунов, часто имеющие причудливые очертания. Находятся они обычно на вершинах разного рода возвышенностей. Наиболее изученными являются шиханы Шайтанского озера (Среднее Зауралье) [29, с. 42–49]. Использовались шиханы эпизодически, и в различные эпохи. На Шайтанском Шихане – самом крупном скальном святилище Шайтанского озера – обнаружено свыше 4,5 тысячи артефактов, которые представляют все археологические эпохи и периоды от мезолита до раннего железного века [30, с. 113–140]. В щели между валунами обнаружен погребально-жертвенный комплекс, который состоял из кальцинированных и сильно раздробленных костей человека, 76 костяных подвесок, 180 отщепов и единичных каменных изделий. Сверху погребение было засыпано пятьюстами пластинками серебристого талька. Такой обряд на Урале зафиксирован впервые [31]. В восточной части шихана расчистка расселин позволила обнаружить около 800 сильно раздробленных и кальцинированных костей ребёнка и взрослого человека.

Большой интерес представляет комплекс находок с Южного шихана. Сам по себе Южный шихан представляет неприметный и сильно заросший останец скалистой гряды высотой всего 7 м (ил. 2). И артефактов на нём обнаружено всего 231. Самые впечатляющие находки на святилище связаны с остатками человеческих жертвоприношений. Под каменной плитой в восточной части шихана обна-

Ил. 1. Лицо «хозяина» Чусовой на скале Камня Дыроватого

Ил. 2. Скальное святилище на Южном шихане

ружена чаша, выполненная из черепа взрослого мужчины. В 1,5 м ниже чаши в расселине между двумя валунами найден раздавленный череп пожилой женщины со следами воздействия высокой температуры. Судя по наличию в скоплении, кроме костей черепа, челюстей и зубов, также и шейных позвонков, – перед нами отрезанная и сожжённая голова женщины. На костях в виде черной полосы органики прослеживались остатки налобной повязки. На уровне висков к повязке крепились медные диски диаметром 4,5 см, которые представляли собой вписанный в круг крест. Лицевая сторона дисков имеет ребристую поверхность. Диски отлиты в разных литейных формах. Среди костей черепа выявлена и медная петелька-застёжка, которая, по-видимому, крепила налобную повязку. Между чашей из черепа и остатками отрезанной головы найдены 2 медные бляшки. К северу от отрезанной головы женщины лицевой поверхностью вниз лежал медный птицевидный идол. Кроме чаши и черепа на святилище зафиксированы кальцинированные и сильно раздробленные кости ещё одного человека. Они были рассеяны практически по всей восточной части шихана [32, с. 40–49].

Интересно, что и на третьем шихане – Среднем – также присутствуют сильно раздробленные и кальцинированные кости двух человек – взрослой женщины и младенца, а также медный птицевидный идол [32, с. 33].

Святилища на шиханах являются новым типом культовых памятников на Урале – до начала раскопок на Шайтанском озере такие культовые скальные объекты известны не были.

Очень часто в сакральных целях использовались отдельные камни (валуны). Причём их использование известно на разных территориях. И.В. Мельников отмечает, что в Балтийском регионе, Северо-Западной и Центральной России почитание культовых камней прослеживается вплоть до современности. К числу культовых камней он относит «так называемые «следовики», то есть камни с естественными или искусственными углублениями в виде следов ног или рук человека, лап животных и птиц; «чашечные» камни – с углублениями чашевидной формы; камни с углублениями в виде крестов, кругов, стрелок или иных фигур; камни правильной геометрической формы; а также, иногда, обычные валуны...» [27, с. 106]. Некоторые исследователи отмечают, что культовые камни обычно располагаются на границе освоенной и неосвоенной территорий [33, с. 222, 227; 34, с. 156].

В верховьях Малого Югана (Западная Сибирь) есть священный камень, лежащий у берега и своей формой напоминающий голову медведя. Задабривая «находящегося» в нём местного духа, жители мажут этот камень рыбьим жиром. Подобные священные камни известны также на Большом Югане, в верховьях Пима и Казыма [35, с. 148–149].

У ненцев жертвенные места обычно располагались возле камня какой-нибудь особенной формы, на вершине сопки, которая в разную погоду «меняет» свои очертания [36, с. 200].

Подобные факты известны и на других территориях. Исследователь культуры саамов А. Воррен свидетельствует, что скандинавские саамы свои жертвоприношения очень часто совершали у скал или валунов необычной зоо- или антропоморфной формы [27, с. 61–63].

В последнее десятилетие культовые камни стали находить и на Урале. К сожалению, чрезмерная увлечённость некоторых исследователей этой проблемой привела к тому, что на Урале стали находить и камни зооморфных очертаний, и менгиры, и дольмены, и цисты, и тоннели [37, с. 119–125]. По моему мнению, большая часть подобных сооружений является природными образованиями. Какое отношение к подлинным менгирам могут иметь вертикально стоящие камни высотой всего 0,5–0,6–0,7–0,9 м [38, с. 39]? Тем более, что никаких находок возле этих менгиров не сделано. Раскопки вокруг других объектов дали большое количество гранитных обломков, которые, по мнению автора раскопок, являются фигурками зверей и птиц (их количество доходит до нескольких сотен) [37, с. 39]. На самом деле эти «фигурки» являются обычными продуктами распада гранитных массивов во время сильных морозов или резкого перепада температур. Подобная ситуация характерна не только для Урала. Вот что пишет по этому поводу М.Г. Косменко: «Как правило, интерпретаторы опираются на собственные догадки и предвзятые убеждения и не приводят оснований для определения назначения и хронологии сооружений, кроме поверхностных сопоставлений с памятниками северной Фенноскандии, наподобие сейдов. В результате мы имеем дело с вольными допущениями и шаблонными объяснениями, смешанными с изрядной долей фантазии.» [39, с. 31–32].

По моему мнению, только наличие археологических артефактов возле природных объектов может служить доказательством их использования в культах и ритуалах. Серия таких объектов выявлена мной при исследовании Шайтанского озера.

На восточном берегу озера на скалистом мысу (Каменушки I) в разных местах выявлены 9 чашевидных углублений. В возвышенной части мыса располагается крупная плоская плита размерами 10,8×6 м. На плите зафиксированы 5 чаш разных форм и размеров (ил. 3). К югу от плиты найдены каменный наконечник стрелы, фрагмент керамики и кости животных. Раскопки в районе одиночной большой чаши (ил. 4) выявили керамику бронзового века, отщепы и несколько костей животных [40, с. 128–130]. У остальных чаш раскопки пока не проводились.

На этом же берегу находятся ещё три скальных объекта, которые использовались в древних ритуалах. Наиболее интересно и необычно каменное образование в виде своеобразного гриба – каменная плита размерами 9,8×6 м поставлена природой на валун высотой 1,2 м (ил. 5). Раскопки под “шляпкой гриба” дали свыше 400 изделий (керамика, каменный наконечник стрелы, тальковая подвеска, скребки, заготовки орудий, пластинки, отщепы и осколки), а также свыше 500 костей животных. Основная часть находок относится к раннему железному веку, отдельные каменные изделия и фрагменты керамики датируются энеолитом и периодом поздней бронзы [41, с. 216].

Ил. 3. Природные чаши на Каменушках I

Ил. 4. Одиночная чаша на Каменушках I

Ил. 5. Шайтанское озеро. Скальный объект в виде каменного гриба

В центральной части Каменушек на высоте 14 м находится навес в виде своеобразного грота. Сложен он громадными гранитными валунами, которые образуют камеру размерами 6,6×4×3 м. Раскопки свердловских археологов выявили богатый комплекс находок (около 1800), в котором представлены материалы практически всех археологических эпох и периодов от мезолита до раннего железа. В основном это керамика, отщепы и чешуйки. Из других находок нужно отметить 5 каменных наконечников стрел, 7 костяных и 1 каменную подвеску, фрагмент талькового изделия [42, с. 110–116]. Оригинальными в этом комплексе можно считать 915 фрагментов костяных пластин от панциря, 149 из которых орнаментированы [43, с. 74].

Ещё один объект – вертикально стоящий камень высотой всего 1,08 м (ил. 6). Он получил условное название «Менгир-1». Находится он на небольшой возвышенности мыса среди россыпи валунов, хорошо просматривается с озера. Пробное зондирование вокруг камня неожиданно дало материалы мезолита (нуклеусы и микропластинки) и раннего железного века (керамика, наконечник стрелы, отщепы).

Интересное скальное образование выявлено и изучено на западном берегу озера. Следует подчеркнуть, что западный берег Шайтанского озера является берегом громадного острова площадью около 20 кв. км, с запада и севера которого по заторфованной долине протекает р. Нейва. На этом острове находятся десятки разнообразных гранитных шиханов. Примерно в километре от современного берега озера расположен шихан (Дальний) высотой 9 м. Шихан заинтересовал меня по двум причинам. В 20 м к юго-востоку от него проходит граница болота (т.е. бывшего озера). В юго-западной части шихана зафиксирована своеобразная камера размерами 1,3×0,6 м. Она имеет естественное происхождение, сложена вертикально стоящими гранитными плитами высотой от 1 до 1,4 м (ил. 7). Раскопки камеры дали небольшой комплекс находок (около 100 единиц) – средневековую керамику и пластинки серебристого талька.

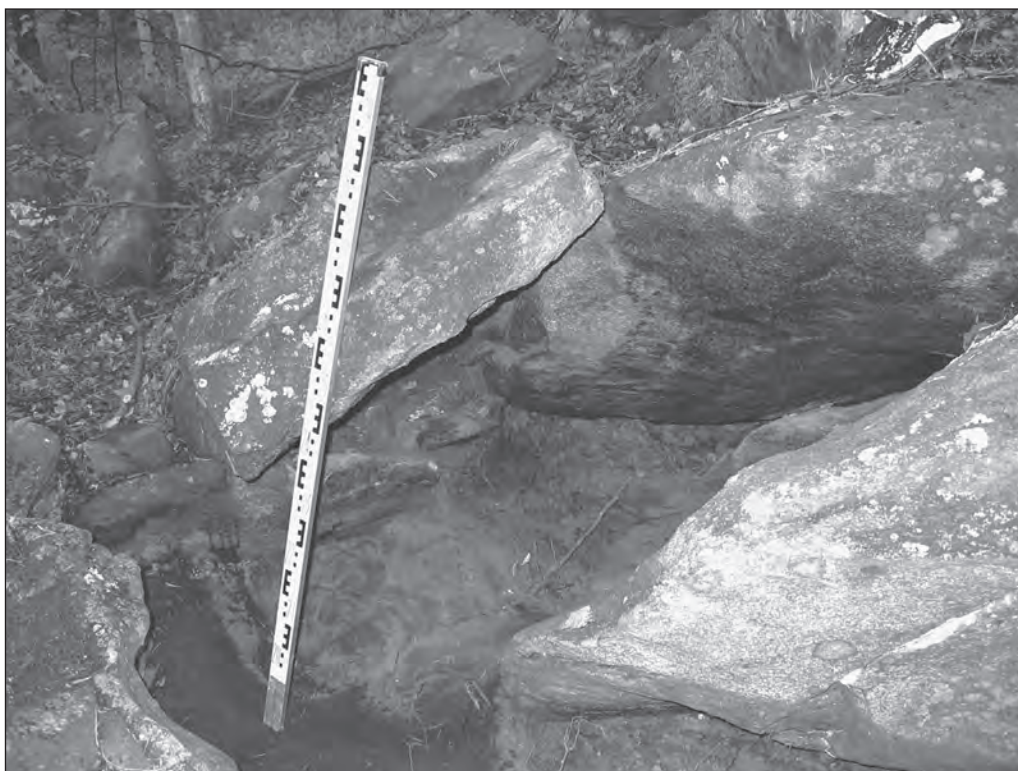
Южный и северный берега Шайтанского озера заболочены, в северном болоте находится остров диаметром около 500 м, южная оконечность которого примыкает к озеру и является северным его берегом. Именно на этом острове располагается самое крупное скальное святилище Шайтанский Шихан. В 400–500 метрах к северу от острова в глубине болота находится ещё один остров. Из-за небольших своих размеров он получил название «Островок в болоте».

Высшая точка острова отмечена в его северо-восточной части. Там имеются крупные валуны и плиты. В центре каменного скопления находится вертикально стоящая треугольная плита высотой 0,8 м – «алтарик», лицевой стороной обращённый на северо-запад. По бокам с каждой стороны к нему примыкали ещё по одному вертикально стоящему камню меньшей высоты (ил. 8). Создаётся впечатление искусственного характера данного сооружения. Перед «алтариком» были расчищены остатки кострища в виде прокала и углистых пятен. Вокруг кострища залегали отщепы туфопорфирита и фрагменты энеолитической керамики. Там же найдены и два наконечника стрел энеолитического облика.

Ниже «алтарика» по склону берега находится группа крупных камней, лежащих по кругу (ил. 9). Внутренний диаметр круга – около 3 м, внешний – до 4,5 м. В центре круга расположен округлой формы ва-

Ил. 6. Вертикально стоящий камень «Менгир-1»

Ил. 7. Природная камера из вертикально стоящих камней на Дальнем шихане

Ил. 8. «Алтарик» из вертикально поставленных камней на «Островке в болоте»

Ил. 9. Каменный круг на «Острове в болоте»

лун – своеобразный пяточный камень, у которого найден неполный развал сосуда раннего железного века. Другие артефакты, кроме нескольких отщепов внутри круга, не обнаружены. Круг камней не является искусственным сооружением. В лучшем случае из скопления валунов было вынута несколько камней с целью получить более чёткие очертания круга [29, с. 46–47].

Широкие и многолетние исследования скальных шиханов позволили выявить интересные детали в использовании отдельных валунов. Иногда некоторые валуны, наиболее подходящие для проведения конкретных ритуалов, человек выделял особо и наделял их дополнительными сакральными функциями.

На Шайтанском Шихане в верхней его части находится массивная ровная плита размерами 3,7×1,3×1,1 м. Ориентирована она по линии запад–восток, т.е. параллельно берегу озера. На восточной части плиты присутствуют восемь проточенных канавок длиной от 25 до 35 см, которые идут к двум вышлифованным углублениям диаметром до 0,6 м, расположенным в центральной и западной частях плиты (ил. 10). Вполне вероятно, что данная плита служила жертвенником. Ещё один интересный объект на святилище – это небольшой гранитный грот, в настоящее время обрушившийся.

В восточной части шихана над его краем нависал гранитный блок длиной 3,5 м. Под ним находилась ниша глубиной до 1,5 м. В древности она использовалась для жертвоприношений. Впоследствии блок по неизвестной причине обломился (а может быть, был обрушен намеренно) и практически полностью перекрыл нишу.

В одной из расселин северо-восточной части шихана, между валунами, выявлен необычный погребально-жертвенный энеолитический комплекс. Он состоял из кальцинированных костей человека, которые залегали вперемешку с обломками костяных подвесок (свыше 70 экз.), отщепами, дроблёной керамикой, кусочками талька и охры. Сверху погребение было засыпано пятьюстами пластинками слюдяного талька. Над расселиной с погребением в вертикальном положении находится гранитная плита размерами 0,4×0,7×0,8 м. При взгляде с северо-востока плита очень похожа на изображение головы медведя (ил. 11).

Немного ниже щели с погребением находится ещё одна плита, напоминающая голову медведя (ил. 12). Рядом с ней залегали обломки кальцинированного черепа мужчины [44, с. 145–150].

Здесь следует отметить, что в религиозных представлениях зауральского населения медведь играл большую роль. У селькупов, например, дом «старухи жизни» в семимном болоте охраняют два медведя. В мире умерших вход охраняет богатырский зверь. Он не выпускает оттуда злых лозов (духов) и не даёт им преследовать шамана после его выхода из мира мёртвых. Медведь – основной помощник шамана в Нижнем мире. На р. Тым (правый приток Оби) возле каждого селения на столбах находились черепа медведей, охранявшие селение от злых духов [45, с. 368–369]. Отсюда можно предположить, что зооморфные валуны на святилище также играли охранительную роль.

Ил. 10. Жертвенная плита на Шайтанском Шихане

Ил. 11. Каменный валун в виде морды медведя над щелью с погребально-жертвенным комплексом на Шайтанском Шихане

Ил. 12. Каменный валун в виде морды медведя рядом с кальцинированным черепом человека на Шайтанском Шихане

С восточной стороны «Шихана на просеке» (западный берег Шайтанского озера) одна плита нависает метровым карнизом. В профиль она походит на голову кошачьего хищника (ил. 13). На верхней ровной поверхности валуна, ближе к краю, вышлифовано небольшое чашевидное углубление размерами 25×30 см, глубиной 3–5 см (ил. 14). Шлифовкой снят поверхностный выветренный слой гранита и обнажён внутренний тёмного цвета слой монолита. Нет никаких сомнений в рукотворном характере данного углубления.

Широкие исследования на Шайтанском озере показывают, что святилища на озере функционировали в разные эпохи, иногда с большими перерывами. Л.С. Марсаолов считает, что в горных районах удобных мест для святилищ гораздо меньше, чем в долинах, «поэтому, несмотря на большие перерывы в их использовании, они функционировали гораздо дольше и в разные исторические эпохи» [46, с. 42]. По моему мнению, при смене населения всё же существовала связь времён, и новое население знало, где находятся могильники, святилища и другие святыни предшествующего населения. Обычно такие памятники воспринимались как места локализации особой сакральной силы. И если эти сакральные точки ландшафта соответствовали их мировоззрению, их могли использовать уже в своих обрядах и ритуалах. Н.И. Шутова отмечает, что «в районах контактных зон часто одно и то же святилище служило местом совершения обрядовых действий разными группами населения, с разными вариациями и на протяжении нескольких археологических эпох, нередко от эпохи мезолита до средневековья или от раннего железного века до позднего средневековья» [47, с. 26].

О связи времён можно судить на примере Шайтанского озера. Учёные XVIII–XIX вв. связывали топонимы Шайтан, Шайтанка, Шайтанская с местами идолопоклонничества местных вогул. Они полагали, что топографические объекты получали название «Шайтан» потому, что в древние времена на их территории находились капища, т.е. святилища [48, с. 13–14]. Анализ характера археологических памятников с названием «Шайтан» (горы, скалы, пещеры), проведённый мной, действительно показал их связь с древними святилищами [49, с. 81–84].

Присутствие на Шайтанском озере целого комплекса культовых памятников разной направленности, в том числе и с совершением человеческих жертвоприношений, позволяет предполагать, что в древности данное озеро в силу каких-то особых, пока неизвестных причин обладало высоким семиотическим статусом и у местного населения считалось святым, священным. Подобные святыне озёра до сих пор известны у ряда народов Западной Сибири. Следует подчеркнуть, что на них запрещалась любая хозяйственная деятельность [35, с. 144]. Подобные священные озёра до недавнего времени почитались и по другую сторону Урала – у марийского и удмуртского народов. Интересно отметить, что самое легендарное священное озеро марийцев имеет название Шайтан [47, с. 30–34]. А в Шайтанском микрорайоне, расположенном в устье

Ил. 13. Каменный валун в виде головы кошачьего хищника на «Шихане на просеке»

Ил. 14. Искусственная чаша на валуне в виде головы кошачьего хищника на «Шихане на просеке»

р. Шайтанки (Томская область) из 13 открытых памятников 7 являются могильниками, а ещё 3 – городищами [50, с. 15]. Безусловно, на других территориях тоже были святыне озёра – по моему мнению, таковым было озеро Сахтыш.

Крупными природными объектами, которые также часто использовались в культовой практике древнего населения, являются острова. На Урале таким культовым памятником можно считать упомянутый выше «Островок в болоте». К сожалению, острова нечасто являются объектами исследований. То же самое можно сказать и о «стоянках» на гранитных кряжах и островах. Е.М. Берс в своей обобщающей работе упоминает стоянки на гранитных кряжах и островах. Но находки ещё дореволюционных времён очень своеобразны: медные бляхи, птицевидные идолы, медные наконечники стрел [51, с. 222]. Такие изделия более характерны для святилищ, а не для стоянок. Поэтому характер этих памятников подлежит пересмотру.

Особенности водного режима превратили останец террасы р. Омь (урочище Сопка) в труднодоступный остров. Именно поэтому на острове были устроены могильники и культовые места. В.И. Молодин называет этот остров «островом мёртвых». Такими же «островами мёртвых» он считает Оленеостровский могильник на Онежском озере, Китайский могильник на Ангаре, могильник Крутиха-5 на Оби [52, с. 6–7]. По всей видимости, к ним можно добавить и могильник на Большом Оленьем острове Баренцева моря.

Имеется ещё один крупный природный объект, который предварительно также можно отнести к культовым. Речь идёт о реке Чусовой. Река Чусовая – это своеобразный природный уникум, это единственная река, пересекающая Уральский хребет с востока на запад. Берёт начало она из озера Сурны Челябинской области, около 700 км протекает по территории Челябинской, Свердловской областей и Пермского края и впадает в р. Каму в районе г. Перми. Некоторые уральские археологи считают, что на каждой реке, как правило, располагается одно пещерное святилище [53, с. 25] (я не согласен с данным предположением). На Чусовой же уже сейчас изучены раскопками 15 пещерных святилищ с выразительными культовыми комплексами. Именно на Чусовой расположено уникальное пещерное святилище на Камне Дыроватом. На самом деле святилищ на реке гораздо больше, так как исследована только небольшая часть пещер [8, с. 5].

Из других природных объектов, как свидетельствуют этнографические данные, в древних ритуалах «участвовали» родники и даже водопады и пороги [47, с. 27–29].

Следует подчеркнуть, что все сакральные природные объекты практически всегда находились на границе между мирами. Эта символическая граница проходила через пещеры и вершины гор. Берег озера и река также обладали пограничной функцией, служили рубежом между своим пространством и чужим, между своим миром и Нижним. Культовые камни обычно располагаются на границе освоенной и неосвоенной территорий [33, с. 222, 227; 34, с. 156; 54; 10].

Таким образом, взаимодействуя с природной средой, первобытный человек пытался отобразить природное окружение в виде определённой суммы представлений о нём. Результатом такого отображения является создание мифопоэтической модели мира. Модель мира была нужна для выработки человеком адекватной стратегии поведения и ориентации в пространстве и времени. Назначение модели мира – выявлять и описывать космологизированный образ жизни, а также основные характеристики Вселенной [55, с. 288–290]. Освоенное пространство человек структурировал посредством выделения в нём сакрально отмеченных точек – священных мест. Такими точками являлись выделяющиеся чем-то элементы природного окружения. Эти точки маркировались помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства [56, с. 82–86]. Именно в этих сакрально отмеченных точках – пещерах, вершинах гор и холмов, скалах, шиханах, писаницах и т.п. – и располагались древние святилища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Часть I. Новосибирск, 1994.
2. Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.
3. Кызласов И.Л. Камень Дыроватый (Символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4.
4. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980.
5. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
6. Сериков Ю.Б. Об использовании уральских пещер в древности (к вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Тюмень, 2007.
7. Сериков Ю.Б. Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1. Барнаул, 2007.
8. Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
9. Сериков Ю.Б. Шаманские погребения каменного века // Археолого-этнографические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003.
10. Сериков Ю.Б. Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.
11. Викторова В.Д. Жертвенные места на горах и холмах // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
12. Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водопадающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
13. Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. № 2.
14. Мищенко О.П. География, топография и хронология святилищ на вершинах гор Среднего Зауралья // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
15. Мищенко О.П. Святилище на скалах Три Сестры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Материалы научной конференции. Омск, 1997.

16. *Потапов Л.П.* Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2.
17. *Сериков Ю.Б., Серикова Л.В.* Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005.
18. *Теплоухов А.Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 6. Вып. 1. Екатеринбург, 1880.
19. *Тиваненко А.В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, 1989.
20. *Дюрягин В.С.* Святилище «Лысая гора» раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск, 2009.
21. *Готлиб А.И.* Феномен сибирских «све» // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск, 2004.
22. *Бадер О.Н.* Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. Т. XXI. 1954.
23. *Дэвлет М.А.* Священные скалы // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998.
24. *Викторова В.Д., Чаиркин С.Е.* Останец Старичный – новый памятник петрогромской культуры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
25. *Сериков Ю.Б.* К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // Этнографическое обозрение. 2007. № 6.
26. *Окладников А.П.* Исторические рассказы и легенды Нижней Лены // Сборник МАЭ. Т. XI. 1949.
27. *Мельников И.В.* Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998.
28. *Дэвлет М.А.* Священные скалы // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998.
29. *Сериков Ю.Б.* Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.
30. *Сериков Ю.Б.* Скальное святилище на северном острове Шайтанского озера // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Общественные науки. Нижний Тагил, 2011.
31. *Сериков Ю.Б.* Новое энеолитическое погребение с Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа, 2010.
32. *Сериков Ю.Б.* Скальные святилища западного берега Шайтанского озера // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 3. Тюмень, 2011.
33. *Короткевич Б.С.* Волыжа: уникальное святилище – типичный культовый памятник Псковской области // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002.
34. *Шарапов В.Э.* О почитании священных камней в традиционной культуре коми // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. Сыктывкар, 2005.
35. *Балалаева О.Э.* Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
36. *Хомич А.В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966.
37. *Викторова В.Д.* Природные и рукотворные мегалитические изваяния // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2010. № 1 (31).
38. *Викторова В.Д.* Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2008. № 1 (23).
39. *Косменко М.Г.* Древности приморской зоны южного и западного Беломорья. Проблемы происхождения и адаптации культуры древнего населения // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007.
40. *Шимаковская К.В.* Чаши на скалах Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. V. Университет и историко-культурное наследие региона. Пермь, 2008.
41. *Шимаковская К.В.* Культовые скальные объекты восточного берега Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2010.
42. *Волков Р.Б., Ерохин Н.Г., Тихонова Н.Р.* Гранитный грот (навес) Шайтаноозерский Каменный Остров I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
43. *Ерохин Н.Г.* Шайтаноозерский Каменный Остров I – многослойный археологический объект в гранитном гроте (особенности формирования культурного слоя) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
44. *Сериков Ю.Б.* Новое энеолитическое погребение с Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут, 2011.
45. *Прокофьева Е.Д.* Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник МАЭ. Т. XI. М.; Л., 1949.
46. *Марсадолов Л.С.* Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1.
47. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / *Н.И. ШUTOVA, В.И. Капитонов, Л.Е. Кириллова, Т.И. Останина.* Ижевск, 2009.
48. *Малахов М.В.* Доисторические времена на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXVII. Екатеринбург, 1908.
49. *Сериков Ю.Б.* Взаимосвязь топонима «Шайтан» с древними культовыми памятниками Урала // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.
50. *Зайцева О.В., Капитонова М.А.* Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожевниковского района Томской области) // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003.
51. *Берс Е.М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. № 21. 1951.
52. *Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск, 2001.
53. *Чаиркин С.Е.* Пещеры Урала: общий обзор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

54. Сериков Ю.Б. Символическая граница между мирами по данным археологии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005.
55. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995.
56. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

**NATURAL OBJECTS IN THE CULTS AND RITUALS OF THE ANCIENT POPULATION
OF THE URALS**

Summary

The Urals is a mountainous country, so the basic elements of mythological structures of the ancient population were different rocky formations: the mountains, cliffs, caves, individual rocks and their concentrations. On concrete examples the author considers the use in religious practice of such widespread objects as a cave, mountain, cliff, «shihan». Of particular interest is the sheer cliff of the Dyrovaty stone (the Chusovaya River), which clearly shows the face of the «owner of the Chusovaya» created by nature. In the last decade in the Urals the use of distinct cobbles (sometimes in zoomorphic outlines), as well as of individual rocky formations in the shape of stone box, stone mushroom, stone circle, «menhir» – an upright standing stone, «chancel» formed by vertically set slabs etc. for sacral purposes was revealed.

*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russia*

*E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru*

Ю.Б. Сериков

УКРАШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Точное число украшений, найденных на памятниках каменного века Урала, не известно, поскольку далеко не все они упоминаются в публикациях. Тем не менее автору удалось учесть около тысячи изделий, которые употреблялись в качестве украшений. Все украшения можно подразделить на две большие группы – выполненные из природных форм и полученные в результате глубокой переработки материала. В типологическом отношении украшения также делятся на несколько категорий. В данной работе будут рассмотрены только подвески, нашивки, пронизки, бусы, бляшки.

Под природными формами понимаются предметы природного происхождения, которые древний человек использовал в естественном состоянии без подработки или же с минимальной (подправляющей) подработкой. К таким формам относятся кости животных, раковины, кораллы, окаменелости, гальки, кристаллы [1, с. 414–425].

Природные формы для украшений первобытный человек достаточно широко использовал уже в палеолите. Самые древние украшения на Урале выявлены в гроте Большой Глухой и на стоянке Заозерье (оба памятника расположены на р. Чусовой). В нижнем слое грота возрастом 33900 лет найдены 4 зуба мелких копытных животных с глубокими двусторонними пропилами (рис. 1: 1–2) [2, с. 62]. В последнее время искусственность пропилов ставится под сомнение. Стоянка Заозерье функционировала 33–31 тысячу лет назад. На ней найдены подвеска (бусина) из окаменевшего стебля морской лилии, в центре которого просверлено отверстие (рис. 1: 3). Окаменевшие членики морских лилий в плане обычно имеют форму звезды или круга, на их боковых плоскостях сохраняется внутренняя структура стебля, которая воспринимается как своеобразный орнамент в виде лепестков или идущих по кругу рисок (рис. 1: 4–5). Бусины из члеников морских лилий известны на палеолитической стоянке Амвросиевка (Украина) и стоянке Костёнки 17. Из других окаменелостей для украшений использовались белемниты, аммониты и кораллы (Сунгирь и Костёнки 17) [3, с. 381]. Известны также редкие украшения из окаменевших игл морского ежа (Костёнки 14 и 17). Следует отметить, что возраст этих стоянок не превышает 35 тысяч лет [4, с. 88–89].

В более поздние эпохи украшения из окаменелостей использовались гораздо реже. Просверлённая бусина из членика морской лилии найдена возле черепа человека в мезолитическом ярусном погребении могильника Минино I (Кубенское озеро, Вологодская область). В составе одного из кладов (№ 7) на энеолитической стоянке Володары найдены три просверлённых окаменевших аммонита. На Урале несверлённые членики лилий зафиксированы в пещерных святилищах на Камне Дыроватом (р. Чусовая) и в Шайтанской (Лобвинской) пещере (р. Лобва, Северный Урал). По всей видимости, они служили нашивками и крепились к одежде при помощи плотного пришивания [3, с. 381].

Кроме окаменелостей достаточно широко использовались и раковины. В раннем комплексе стоянки Заозерье обнаружены 2 подвески из раковин *Unio* [5, с. 11]. Свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с проткнутыми отверстиями найдены в Каповой пещере на Южном Урале [6, с. 33]. В раннеэнеолитическом погребении № 6 могильника у с. Съезжее (р. Самара) украшения из морских раковин находились в области шеи и груди покойника. Причём на груди они лежали двумя рядами [7, с. 151]. Подобные бусы (около 200 экз.) из раковин беззубки обнаружены в неолитическом Русско-Шуганском погребении (Татарстан). Набор бус из 53 раковин наземного моллюска *Dentalium* найден в энеолитическом погребении в Усть-Катавской пещере (р. Юрюзань, Южный Урал). Там же залежали и 36 плоских бус, также вырезанных из раковин [8, с. 118]. Подвески из раковин (5 экз.) известны на Кара-Якуповской стоянке энеолита (Башкортостан). Важно отметить, что 2 подвески выполнены из ископаемых раковин [9, с. 46, 57]. Пять подвесок из раковин *Unio* найдены в Кумышанской пещере (р. Чусовая) (рис. 1: 6).

В Русско-Шуганском погребении зафиксирован уникальный случай использования в качестве украшений необычных природных форм. На одежду погребённого были нашиты гантелевидные кремнёвые конкrecии – 11 экз. [10, с. 174].

Также к редким природным формам можно отнести так называемый куриный бог – небольшой камень с естественным отверстием. Такие подвески найдены в палеолитическом слое пещеры Байсланташ (р. Белая) (рис. 1: 7) [11, с. 51] и в пещерном святилище Камня Дыроватого (рис. 1: 8).

Довольно редко встречаются и подвески из небольших галек, у которых кроме просверлённых отверстий или противолежащих насечек дополнительная обработка отсутствует. На Урале подвески из галек известны в Каповой пещере (Южный Урал), на Усть-Вагильском холме, I-й Береговой стоянке Горбуновского торфяника, поселении Шувакиш I, стоянке Чашиха II и культовое памятнике Шайтанское озеро II (рис. 1: 9) (все – Среднее Зауралье) [12, с. 74]. Каповая пещера датируется палеолитом, последующие три комплекса – энеолитом, оставшиеся два относятся к бронзовому веку.

Нельзя не упомянуть редчайшие украшения из кристаллов исландского шпата, найденные на Мальтинской палеолитической стоянке (р. Белая). Древние люди находили кристаллы в окрестностях стоянки, раскалывали их по спайности на плитки нужного размера, прорезали посередине канавку для крепления и использовали эти плитки в качестве подвесок [13, с. 6].

Ещё одним видом природных форм, которые древний человек использовал для украшений, являются кости животных и рыб. Таких находок немного, но бытовали они на протяжении всего каменного века и позже. К палеолиту относится личина, выполненная из межпозвоночного диска мамонта, с Гаринской палеолитической стоянки (Северный Урал). Минимальная подработка – в центре диска пробиты два отверстия – превратила его в зооморфную личину, где естественные симметричные выступы в верхней его части представляли уши, зауженный нижний конец – нос, а пробитые отверстия являлись глазами. В данной личине можно увидеть морду медведя ан фас [14, с. 59]. Оригинальные украшения из трахейных колец (24 экз.) найдены в мезолитическом слое грота Большой Глухой. Ещё одно мезолитическое украшение – подвеска из фаланги северного оленя (рис. 1: 12) – выявлено на Кокшаровско-Юрьинской торфяниково-стоянке (Свердловская область). Значительная часть подобных украшений происходит с пещерных святилищ р. Чусовой. На Камне Дыроватом найдены 8 костей животных с пробитыми отверстиями, пять из которых принадлежат зайцу (рис. 1: 19–25). Там же обнаружена подвеска из просверлённой жаберной крышки крупной рыбы (рис. 1: 15). В ряду расположенной Пещере Туристов отмечены подвески из просверлённой плечевой кости бобра (рис. 1: 18), плюсны и фаланги северного оленя (рис. 1: 13–14) и просверлённых позвонков рыбы (рис. 1: 10–11). На рукава рубахи и штанины «шамана» с Камня Дождевого были нашиты расколотые кости северного оленя (4 экз.) [15, с. 39].

Однако самыми распространёнными природными формами, которые древний человек использовал для украшений, являются зубы и челюсти животных. Чаще всего подвески изготавливались из костей тех животных, которые пользовались особым почитанием. Их можно разделить на три условные группы: хищники, копытные и грызуны.

Из группы хищников в качестве подвесок использовались зубы медведя, волка, песца, лисицы, куницы (соболя), выдры. Клык медведя с круговой канавкой найден в Пещере Туристов (рис. 2: 1). В гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая) в женском погребении неолита была найдена подвеска из просверлённого резца медведя. А на святилище Камня Дыроватого у подножия отвесной скалы под пещерой вместе с наконечниками стрел залегали три коренных зуба медведя без отверстий, которые могли служить нашивками. Следует упомянуть и оригинальную подвеску, изготовленную из когтевой фаланги медведя. В основании фаланги проделано сквозное отверстие (рис. 2: 2). Подвеска найдена на полу Игнatieвской пещеры (Челябинская область), поэтому её датировка затруднена. Там же обнаружена подвеска из просверлённого клыка песца [16, с. 138, 203]. Ещё 3 подвески из клыков медведя найдены в процессе добычи золота на Шигирском торфянике (Свердловская область), но их датировка неизвестна.

Подвеска из расколотого вдоль зуба волка происходит с мезолитической Кокшаровско-Юрьинской I стоянки (рис. 2: 19). В Усть-Койвинской пещере обнаружена плохо сохранившаяся подвеска из клыка волка, у которой вокруг корневой части прорезана канавка для подвешивания (рис. 2: 8). Украшения из клыков лисицы отмечены в святилище на Камне Дыроватом (рис. 2: 17) и в погребении в гроте на Камне Дождевом (рис. 2: 20).

Самыми распространёнными являются украшения из зубов представителей семейства куньих. Одна подвеска из клыка куницы (или соболя) найдена в пещере Камня Дыроватого. В соседней Пещере Туристов обнаружена подвеска из клыка выдры (рис. 2: 18). Основной комплекс подвесок происходит из женского неолитического погребения в гроте на Камне Дождевом. Одежду женщины украшали 73 просверлённых клыка выдры (рис. 3: 1–54). Любопытно, что для подвесок использовались клыки только из нижних челюстей выдры. Всего были взяты зубы от 37 особей [17, с. 130]. Семантика таких находок подчёркивает особый статус погребённой женщины. По силе выдра считалась вторым после медведя подземным духом. Также она являлась духом, помощником шамана, который помогал шаману своей хитростью и ловкостью.

Подобная избирательность зубов, отобранных для изготовления украшений, отмечена ещё на одном памятнике. В третьем погребении могильника Карасук II (р. Енисей) обувь женщины была расшита 310 зубами соболя. У каждого соболя из верхней челюсти было взято по одному третьему коренному зубу [18, с. 83]. Такой способ оформления одежды и обуви свидетельствует о необычайно высоком социальном статусе погребённых женщин.

Копытные животные представлены зубами лошади, северного оленя, лося и марала. Самые ранние подвески поры верхнего палеолита происходят из пещерных святилищ. Выше уже упоминались подвески из зубов копытного животного (рис. 1: 1–2), найденные в гроте Большой Глухой. Из Игнatieвской пещеры происходит подвеска из зуба копытного животного (бизона?), а из Пещеры Туристов – из резца дикой лошади (рис. 2: 3). Интересно отметить, что обычно для украшений использовались резцы и клыки животных. Но одежду женщины, захороненной в гроте на Камне Дождевом, украшали 2 просверлённых коренных зуба се-

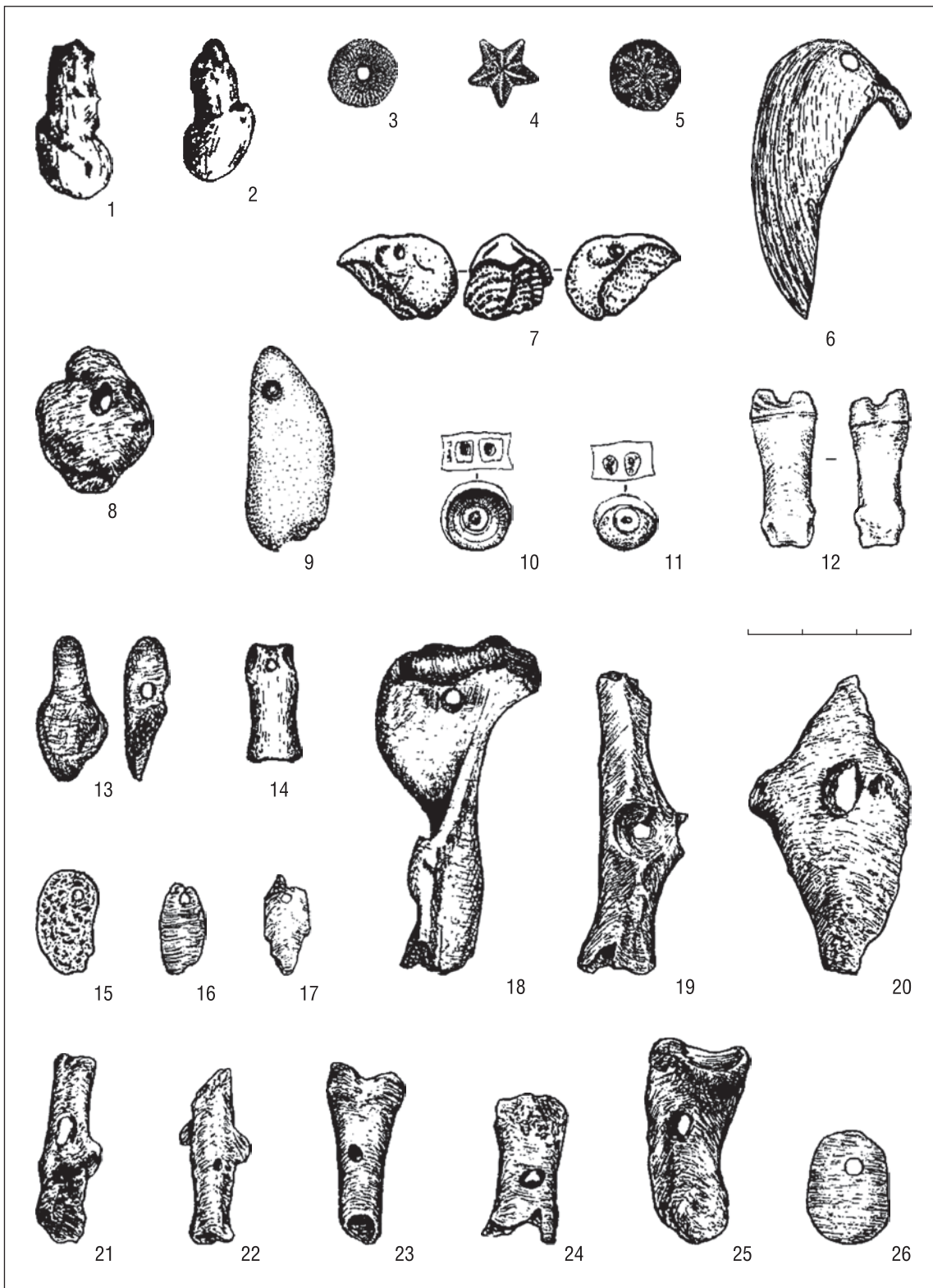

Рис. 1. Украшения из кости (1-2, 10-26), камня (3-5, 7-9) и раковины (6).

1-2 – грот Большой Глухой; 3 – Заозерье; 4-5 – членики стеблей морских лилий; 6 – пещера Кумышанская; 7 – пещера Байсланташ; 8, 15-17, 19-26 – Камень Дыроватый; 9 – Шайтанское озеро II; 10-11, 13-14, 18 – Пещера Туристов; 12 – Кокшаровско-Юрьинская I

верного оленя (рис. 2: 21–22). На неё же были нашиты 2 крупных резца лося без отверстий и круговых канавок для крепления. Канавки и отверстия имеются на резцах лося, обнаруженных в Пещере Туристов (рис. 2: 4–5). Там же найдены подвески из просверлённого обломка коренного зуба лося (рис. 2: 7) и клыка очень старой лошади (рис. 2: 6). Последняя подвеска интересна тем, что кроме отверстия, расположенного на значительном расстоянии от верхнего края изделия, в её центре имеются две глухие (несквозные) сверлины. Крайне любопытной находкой является зуб марала с просверлённым отверстием из пещерного святилища на Камне Дыроватом (рис. 2: 9). Значение этой находки ещё предстоит осмыслить, так как останки древних маралов на территории Урала не встречены [15, с. 38–49].

К ещё одной условной группе относятся украшения из зубов бобра и байбака. На пояс мужчины из грота на Камне Дождевом были нашиты десять резцов бобров (рис. 2: 13–14). Две подвески из просверлённых резцов бобра выявлены на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке (рис. 2: 12, 15). Украшения в виде отшлифованных пластинок из резцов бобра найдены в пещере Жилище Сокола, гроте на Камне Денежном (по 2 экз.) (рис. 2: 10–11), в пещере на Камне Дыроватом (рис. 2: 16) и на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке (4 экз.). Большие серии украшений из резцов байбака происходят из Русско-Шуганского погребения (свыше 50 экз.) и захоронения ребёнка в Усть-Катавской пещере II (20 экз.). Отверстия на зубах отсутствуют, к одежде их пришивали.

Нижние челюсти животных также иногда служили украшениями одежды, в частности, пояса. На Урале такое изделие известно только в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Там обнаружена нижняя челюсть бобра с пробитым отверстием. Но на других территориях такие находки не являются редкостью. В энеолитическом погребении на стоянке Кубенино (озеро Лача, Архангельская область), в котором лежал скелет длиной 193 см, в области пояса найдены 9 нижних челюстей выдры и 2 – куницы [19, с. 78]. В вертикальном погребении № 100 (Оленеостровский могильник) к поясу погребённого были прикреплены шесть нижних челюстей бобра с отверстиями [20, с. 340]. Следует отметить, что в этом уникальном мезолитическом погребении находились 303 резца лося и 126 пластинок из резцов бобра. А всего в Оленеостровском могильнике найдены 6 тысяч подвесок из зубов животных, в основном лося (4,5 тыс. экз.).

Таким образом, из шести групп природных форм, которые в древности использовались древним человеком для изготовления украшений, на Урале встречены пять, отсутствуют только украшения из кристаллов. Чаще всего для украшений использовались зубы животных (43,6 %) и раковины (38,4 %). Затем следуют кости животных – 14,4 %. На окаменелости и гальки приходится соответственно 0,9 и 2,7 %. Следует также отметить, что 15 пещерных святилищ дали 93,1 % всех украшений, в то время как на 10 стоянках найдено только 6,9 %. Необходимо также учесть, что 52 % всех украшений из природных форм происходят из четырёх пещерных погребений.

Если проанализировать украшения из костей и зубов животных, то выясняется, что свыше половины подвесок изготовлены из костей хищников (52,1 %), затем идут украшения из костей грызунов (29,5 %), копытных (14,7 %) и рыб (3,7 %). В абсолютном выражении преобладают украшения из зубов выдры (45,4 %) (за счёт 73 подвесок из зубов выдры в женском погребении на Камне Дождевом), костей и зубов бобра (14,1 %) и байбака (12,3 %) (все подвески происходят из одного погребения в Усть-Катавской пещере). Данный анализ показывает, что для каких-то серьёзных обобщений всё ещё мала источниковая база (всего 333 украшения). Находка всего одного погребения с украшениями из зубов или раковин может значительно поменять и процентное соотношение, и всю картину [21, с. 16–17].

Пока можно говорить лишь о том, что на Урале украшения из природных форм стали использоваться уже в начальную пору верхнего палеолита (34–33 тысячи лет назад). Дени Виалю – известный французский исследователь первобытного искусства – считал, что появление украшений в шательперроне Западной Европы является первым проявлением символики трансформированных знаков, в которой украшения выступают как связь между жизнью и смертью [22, с. 178]. Во всяком случае оно свидетельствует о существовании деятельности, выходящей за рамки хозяйственных и производственных задач. По всей видимости, украшения являлись маркерами социального статуса отдельных членов общества. Этот статус подчёркивали как необычные и редкие природные предметы (кристаллы, конкреции, окаменелости), так и зубы, челюсти и другие кости различных животных, преобладающие среди украшений. Семантика таких украшений сугубо индивидуальна и в каждом случае требует отдельного детального исследования.

Среди украшений, изготовленных глубокой переработкой материала, наиболее многочисленной группой в каменном веке Урала являются подвески. Изготавливали их из камня, кости, глины, раковины. Подвески из камня были известны уже в палеолите. В Смеловской II пещере (Южный Урал) найдена 31 подвеска, выполненная из мягкого талькового камня серого, коричневатого и желтоватого цветов. Изготовлены они из плоских бесформенных плиток талька, боковая поверхность которых обработке не подвергалась. Но плоскости подвесок выровнены строганием каменным ножом. Длина подвесок варьирует от 4,5 до 11 см, ширина – от 1,7 до 7,5 см, толщина – от 0,6 до 1,7 см [23, с. 202, 206–207]. По всей видимости, их следует отнести к нашивкам, так как отверстие всегда одно и почти всегда расположено в центре изделия.

В мезолите появляются подвески миндалевидной формы из зеленоватого офита (мягкой разновидности меевика) – погребения в Бурановской пещере и навесе Старичный Гребень (р. Юрюзань, Южный Урал) [8, с. 100, 110]. Мезолитические подвески Бурановской пещеры отличаются крупными размерами – от 3,7 до 7,7 см в высоту (рис. 4: 1–8). Подвески из Старичного Гребня – меньшего размера: 3–4 см в высоту (рис. 4: 9–19). Оригинальная подвеска из глинистого алевролита найдена на мезолитическом поселении Парч I (Республика Коми). Она изготовлена в виде стерженька длиной 7,7 см, имеет 4 круговые нарезки [24, с. 64]. По-

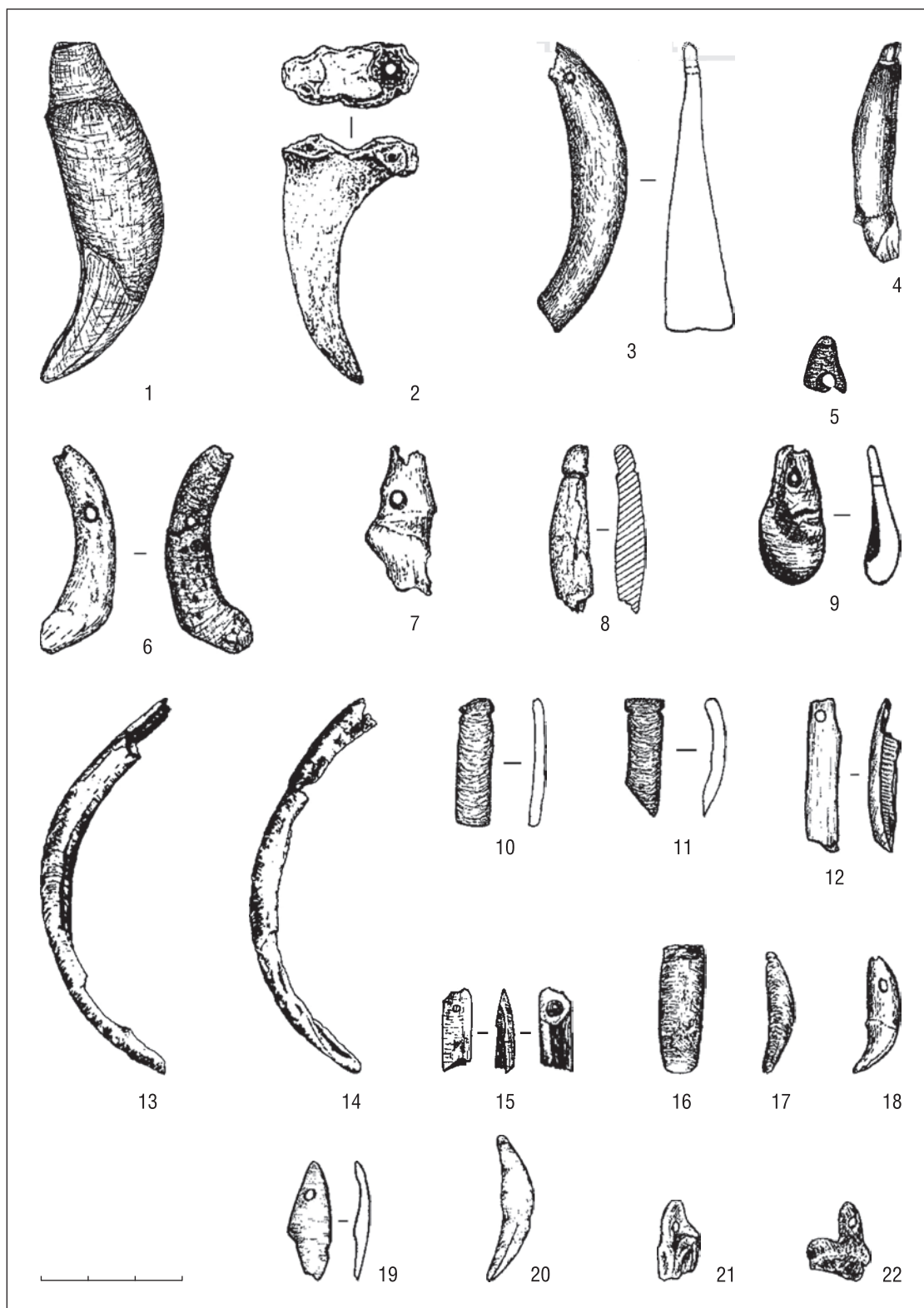

Рис. 2. Украшения из зубов (1, 3–22) и костей (2) животных.

1, 3–7, 18 – Пещера Туристов; 2 – Игнатиевская пещера; 8 – Усть-Койвинская пещера; 9, 16–17 – Камень Дыроватый;
 10–11 – грот в камне Денежный; 12, 15 – Кокшаровско-Юрьинская II; 13–14, 20–22 – грот на Камне Дождевом;
 19 – Кокшаровско-Юрьинская I

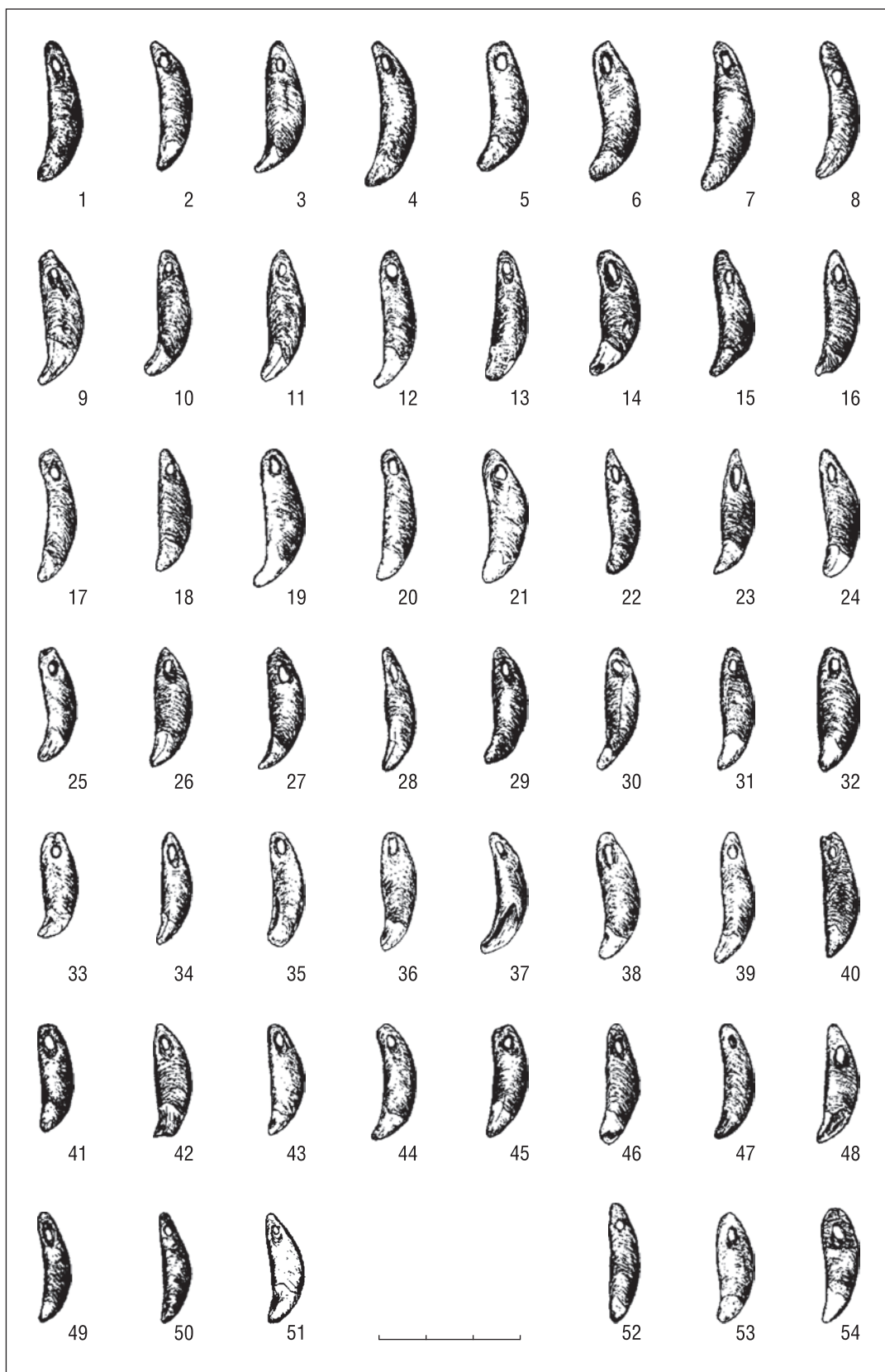

Рис. 3. Украшения из зубов животных. Грот на Камне Дождевом

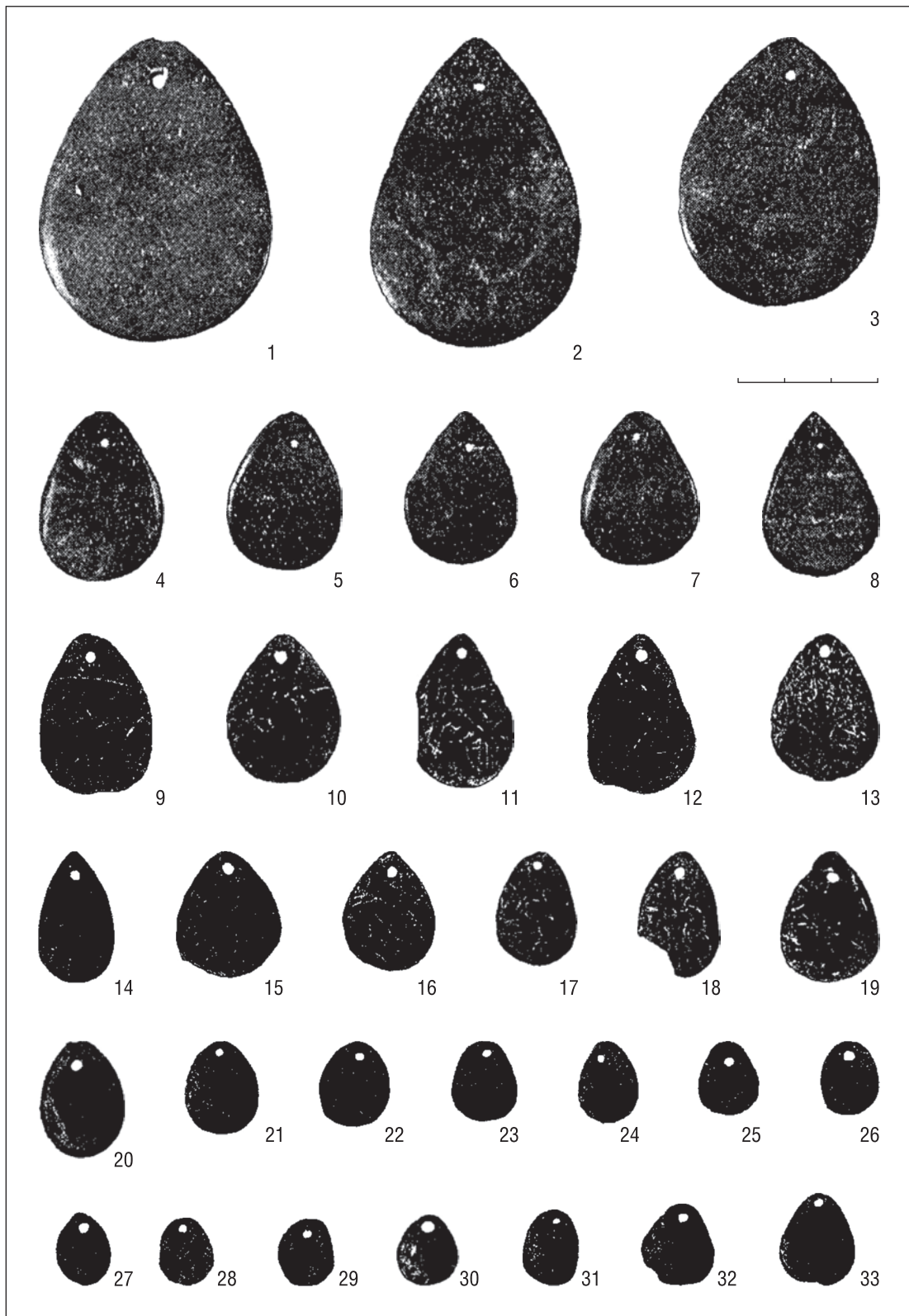

Рис. 4. Украшения из камня.

1–8 – Бурановская пещера; 9–19 – навес Старичный Гребень; 20–33 – Усть-Катавская II пещера.
1–19 – зелёный змеевик (офит); 20–33 – серый сланец

моему, она могла изображать клык крупного хищника. Подвески миндалевидной или каплевидной формы, только меньшего размера бытовали и в неолите.

Традиция использовать для подвесок минералы зелёных оттенков сохраняется и в энеолите, но большей частью – в южных районах Урала. На Кара-Якуповском поселении (Башкортостан) обнаружены 29 подвесок из зеленоватого сланца высотой 2,3–4,1 см (рис. 5: 1–9; 6: 30–34). Единичные экземпляры подвесок из зелёного змеевика известны в погребении Берёзки Vг (оз. Аргазы, Челябинская область) (рис. 6: 17) и в энеолитическом культовом центре Шайтанское озеро I (Свердловская область) (рис. 5: 39–40). В это же время для изготовления подвесок начинают использовать и мягкий серый сланец. В “богатом” погребении из Усть-Катавской II пещеры найдены 32 подвески из серого сланца (рис. 4: 20–33) [25, с. 100–102].

В энеолите Среднего Зауралья и Западной Сибири более всего были распространены подвески из красно-бурого шифера (пиррофиллитового сланца). Их размеры уменьшаются до 1–1,5 см. Зато резко возрастает их количество. Как единично, так и сериями они встречаются на поселениях, стоянках, святилищах, в погребениях. Больше всего их находят в погребениях: Шайтанское – 13 экз., Аятское – 52 экз. (Среднее Зауралье), в двух погребениях могильника Бузан 3 – 170 и 220 экз. (Ингальская долина, Западная Сибирь). Хорошо представлены они и на культовых памятниках: на Усть-Вагильском холме и Шайтанском озере I их количество составляет от 30 до 40 экз. (рис. 5: 10–15, 17, 20, 22, 27, 29–31, 34). Все подвески имеют форму, близкую к каплевидной. У некоторых подвесок из шифера по периметру – тщательно вырезанные зубчики: Аятское погребение, Шайтанское озеро I (рис. 5: 11, 17, 34). Оригинальные каменные подвески найдены на Шайтанском озере. Одна из них имеет подтрапециевидную форму и высоту 3,2 см. Нижний край у подвески зубчатый (рис. 5: 40). Отверстие для подвешивания совершенно необычно как по форме, так и по технике изготовления. Оно образовано тремя соединёнными сверлинами, в результате чего получило сердцевидную форму. Подвеска изготовлена из зеленоватого змеевика. Аналоги данной подвески пока неизвестны, но подвески из змеевика выявлены в пещерных погребениях Южного Урала. Вторая подвеска выполнена из светло-серого глинистого сланца, который имеет ноздреватую структуру из-за присутствия в ней кристаллов. Она изготовлена таким образом, что отпечаток кристалла в виде параллелепипеда оказался в центре подвески под просверлённым отверстием (рис. 5: 32). Ещё на одной подвеске в центре изделия прочерчен косяк крест (рис. 5: 33) [25, с. 100–101].

Следует подчеркнуть, что цвет играл важную роль в оформлении подвесок. Когда не хватало красно-бурого шифера, его могли заменить галечками такого же размера и цвета. Такие подвески найдены на Усть-Вагильском холме и I-й Береговой стоянке Горбуновского торфяника. В коллекции с Шайтанского озера среди подвесок красно-бурого шифера присутствует подвеска, изготовленная из шифера чёрного (рис. 5: 21). Однако изучение её под микроскопом показало, что в древности подвеска была окрашена охрой в красный цвет. Кроме шифера для изготовления подвесок в энеолите использовались также светло-серый тальк и серый сланец (рис. 5: 16, 28, 32–33, 35, 36, 38) [26, с. 52].

Костяные подвески каплевидной формы в небольшом количестве были известны уже в мезолите и неолите. Они полностью отшлифованы, их высота колеблется от 2 до 3,6 см. Интересно, что все костяные подвески этого времени найдены в погребениях: навес Старичный Гребень, Берёзки Vг (рис. 6: 7–16), грот в Камне Дождевом (рис. 6: 1–6).

Основная масса костяных подвесок (около сотни) относится к энеолиту. Их высота варьирует от 1 до 3 см. По своей форме и размерам они являются полными аналогами подвесок каменных. Единичные находки костяных подвесок небольшого размера известны на целой серии памятников (I-я Береговая, Камень Писаний на Вишере, Крутяки I, Муллино III, Шувакиш I, Шигирское городище, Шигирский Исток I и др.). Чаще всего костяные подвески составляли погребальные комплексы: Аятское погребение, Скворцовская Гора V (Средний Урал), грот Бурмантовский, пещера Жилище Сокола (Северный Урал), Кульметовский грот (Южный Урал). Любопытна подвеска из грота Кульметовского. Её высота – 1,5 см, по всему периметру нанесены многочисленные нарезки. Такая же подвеска найдена в культовом комплексе Шайтанского озера II. Оригинальные подвески выявлены в пещерном святилище Камня Дыроватого. Две подвески изготовлены из обломков кости (рис. 1: 16–17). Одна выточена из расколотой кости (рис. 1: 26). Ещё одна выполнена из тонкой тщательно отшлифованной костяной пластинки в виде неправильного треугольника. В зауженной части треугольника имеются две противоположные выемки, образованные ретушированием. Высота подвески – 1,7 см.

Крупный комплекс костяных подвесок (не менее 70) выявлен в 2009 г. на скальном святилище Шайтанского озера Шайтанский Шихан (Свердловская область). Они обнаружены вместе с раздробленными и кальцинированными костями человека в щели между крупными валунами. Подвески выпадают из традиционного круга украшений энеолита. Они сильно различаются по размерам и форме. Их высота колеблется от 1,5 до 2,5 см. Правильную каплевидную форму имеют единичные подвески. Некоторые экземпляры сильно вытянуты, но заужены; другие имеют грушевидную или почти круглую форму. В комплексе есть подвески толщиной 1 мм, а есть в 4 раза толще. Большая часть подвесок изогнута в профиле и отличается небрежностью в изготовлении. Боковые плоскости некоторых подвесок вообще не обрабатывались (рис. 6: 18–29).

Довольно редко в материалах каменного века встречаются подвески из глины, точнее, – из фрагментов разбитых сосудов. Самая крупная серия керамических подвесок выявлена на озёрном культовом центре энеолита Шайтанское озеро I. Представлены они разными типами. Любопытна керамическая подвеска, изготовленная из венчика неолитического сосуда. Она имеет размеры 7×4,5 см. В зауженной части изделия присутствуют две противоположные выемки, вырезанные каменным ножом. Подвеска сохранила про-

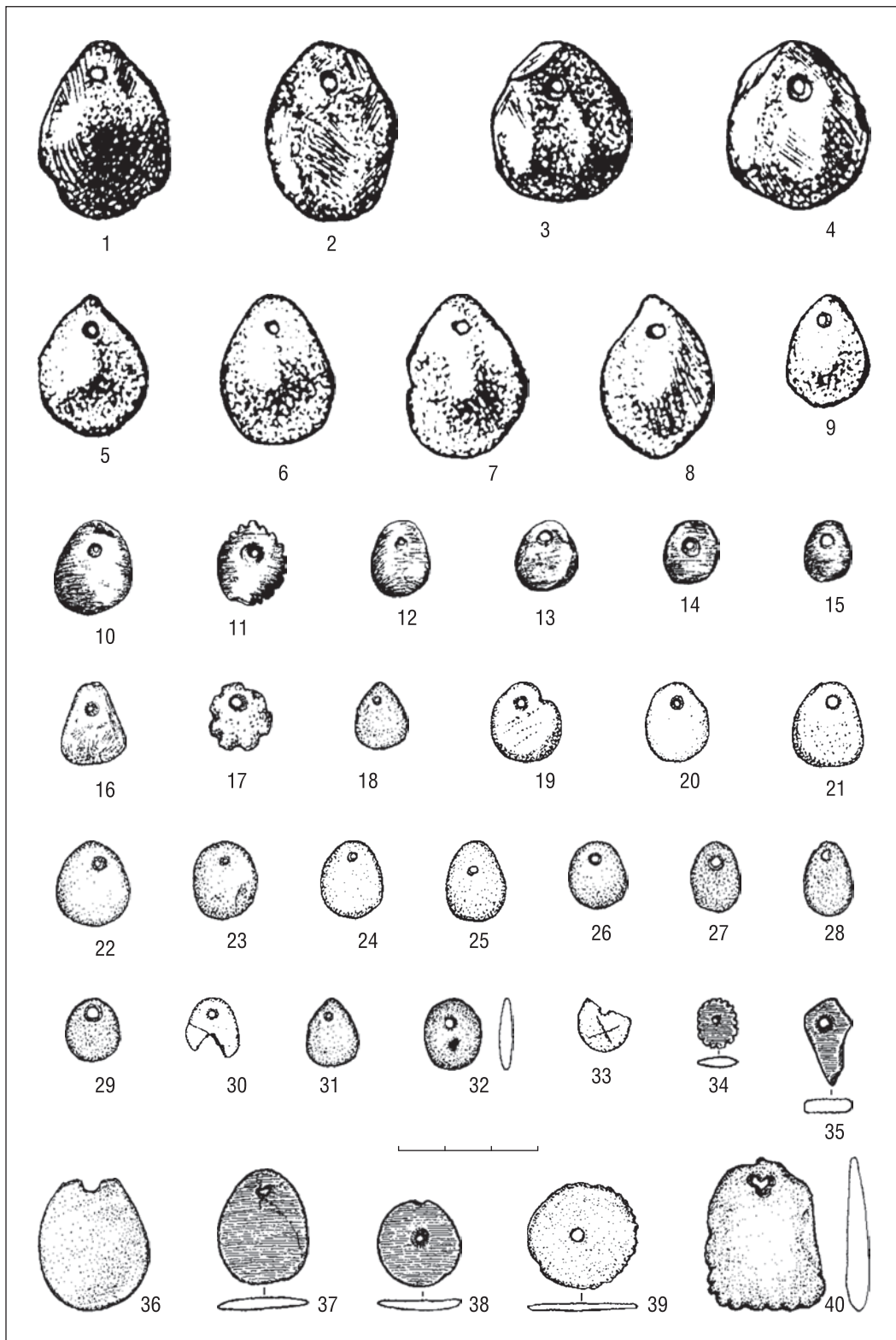

Рис. 5. Украшения из камня.

1-9 – Кара-Якуповская; 10-40 – Шайтанское озеро I. 1-9 – зелёный сланец; 10-15, 17-20, 22-27, 29-31, 34 – красно-бурый шифер (пиррофиллитовый сланец); 16, 28, 33, 36 – светло-серый тальк; 21 – чёрный шифер; 32, 35, 38 – серый сланец; 37, 39-40 – зеленоватый офит

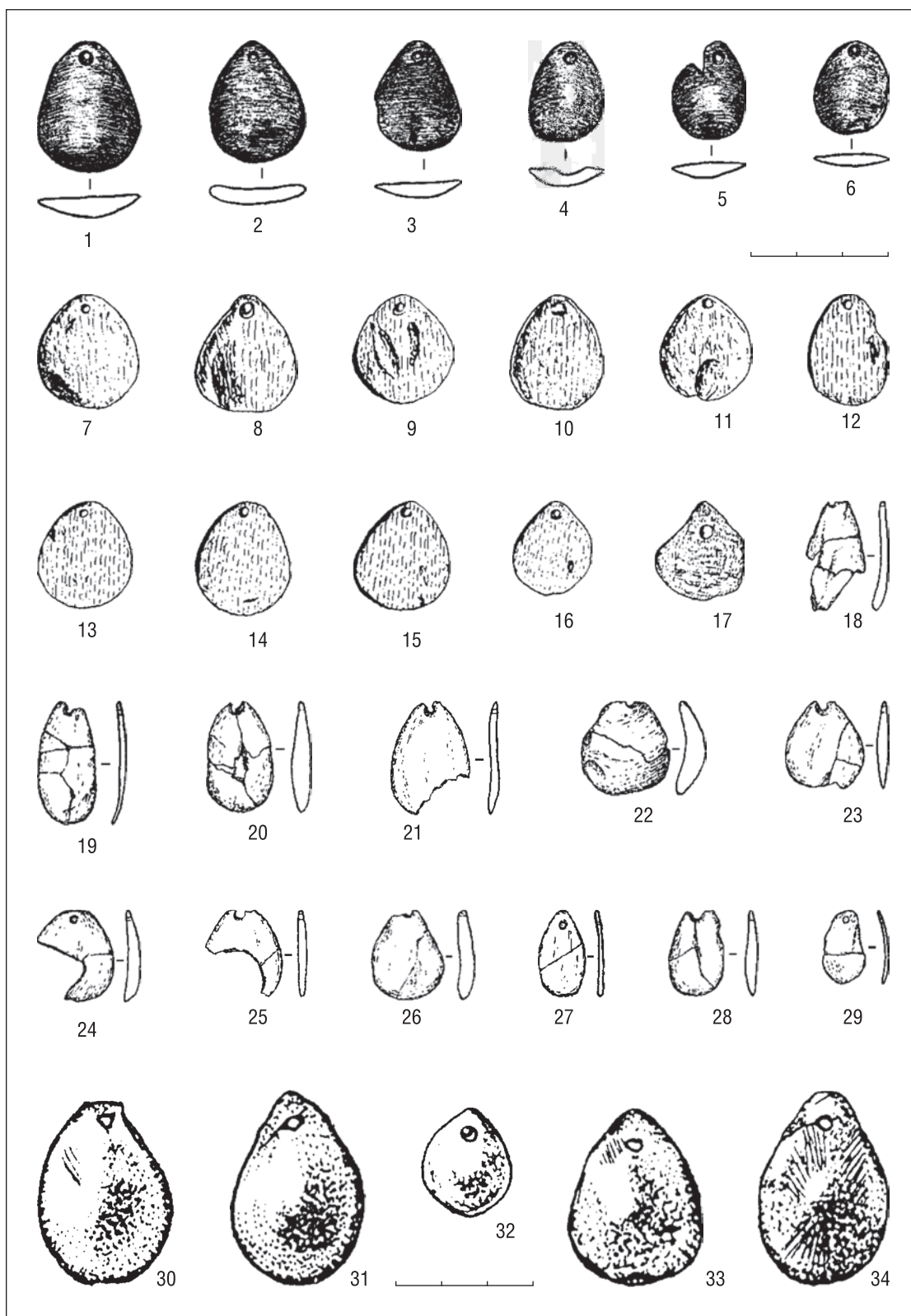

Рис. 6. Украшения из кости и камня.

1-6 – грот на Камне Дождевом; 7-17 – погребение Берёзки Vг; 18-29 – Шайтанский Шихан; 30-34 – Кара-Якуповская.
 1-16, 18-29 – кость; 17 – зелёный змеевик; 30-34 – зелёный сланец

черченный орнамент в виде прямых и зигзагообразных линий (рис. 7: 5). Вторая подвеска имеет прямоугольную форму, размеры – 7,5×5,2 см. В верхней части изделия просверлено отверстие для подвешивания (рис. 8: 1). Также в качестве подвески использовался венчик энеолитического сосуда с просверлённым отверстием (рис. 8: 2). На Шайтанском озере известна подвеска каплевидной формы, выточенная из стенки энеолитического сосуда толщиной 1 см. Отверстие на ней отсутствует, но торцевые её плоскости по отношению к плоскостям боковым располагались перпендикулярно и образовывали ровные поверхности, пригодные для обвязывания изделия по периметру (рис. 8: 8). Такое изделие можно было обвязать узким ремешком и подвесить к одежде. Тогда функционально оно будет выступать в качестве подвески [27, с. 24]. Таким же способом могла крепиться ещё одна подвеска, изготовленная из обломка энеолитического сосуда (рис. 8: 7). Среди подвесок есть изделия и из неорнаментированных фрагментов керамики. Крепились они либо с помощью отверстий, либо при помощи противоположащих выемок (рис. 8: 11).

Раковины в древности использовались не только как самостоятельные украшения, но служили также и сырьём для их изготовления. Особенно часто они использовались в энеолитическое время. Подвески из

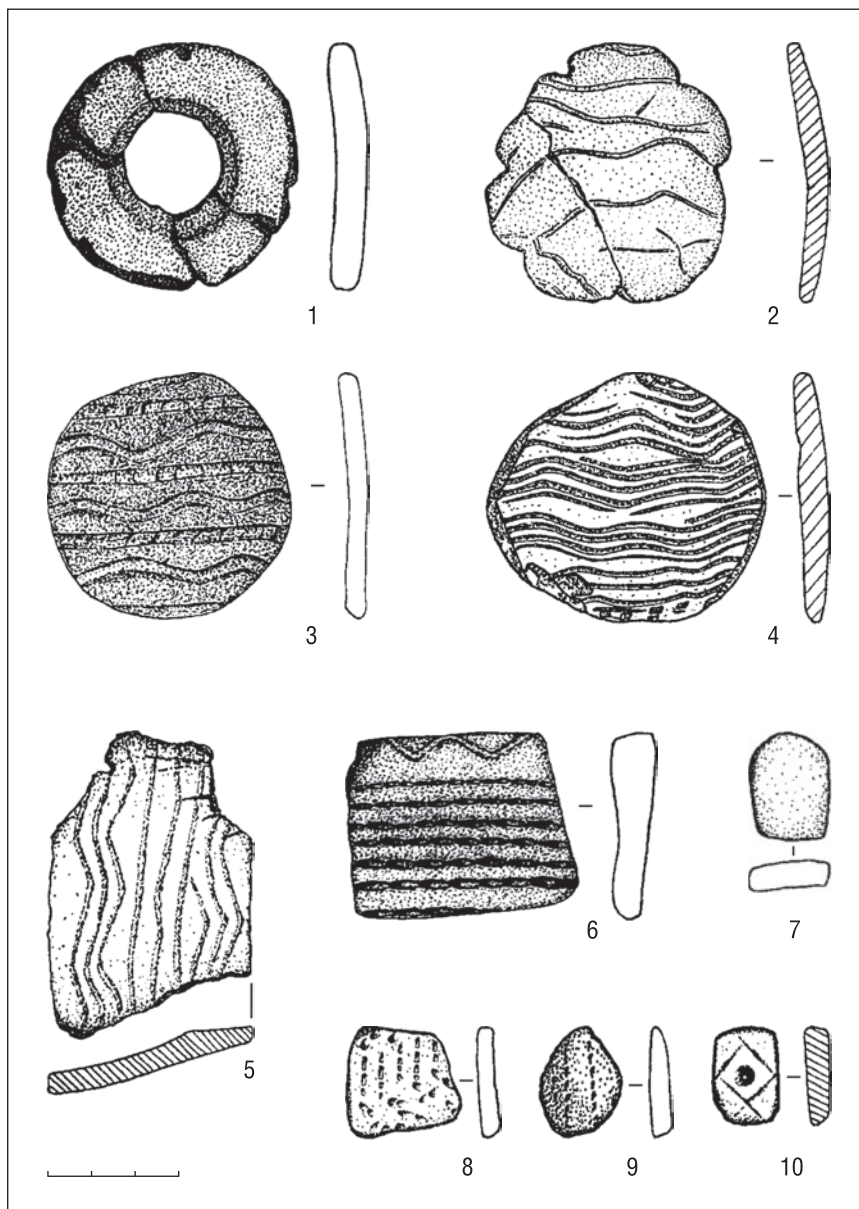

Рис. 7. Украшения из керамики.

1, 3 – Кокшаровский холм; 2 – Юрьинское поселение; 4–5, 7–10 – Шайтанское озеро I; 6 – Кокшаровско-Юрьинская II

раковин обычно обтачивались по периметру до получения типичной каплевидной формы и просверливались в верхней части. Но на I Береговой стоянке Горбуновского торфяника найдена оригинальная подвеска из перламутровой раковины в виде сильно вытянутого треугольника с выделенным сверху заострением (рис. 10: 19). Выделенное заострение по бокам ограничивают две противоположные выемки для подвешивания. Среди сотни подвесок и бус в разрушенном погребении грота Бурмантовский найдены 3 выточенные из раковины округлые подвески [28, с. 30].

В отдельную группу украшений можно выделить уникальные подвески в виде фигур человека или животного (фигуративные подвески). В неолитическом погребении мужчины в гроте на Камне Дождевом найдены 9 подвесок в виде полных фигур птиц (уточек). Они имеют подквадратное тулово, короткую шею и массивную голову. Длина фигурок 2,2–2,5 см, высота – 2,3–2,5 см. У хвостов фигурок просверлены отверстия для подвешивания (рис. 9: 1–9). Изготовлены уточки из таранных костей бобра [17, с. 136]. В погребении № 5 Кара-Якуповского могильника находились 2 фигурки уточек с отверстиями, выточенные из зелёного сланца (рис. 9: 10–11). Они имеют плавные очертания, маленькую головку, толстую шею и массивное

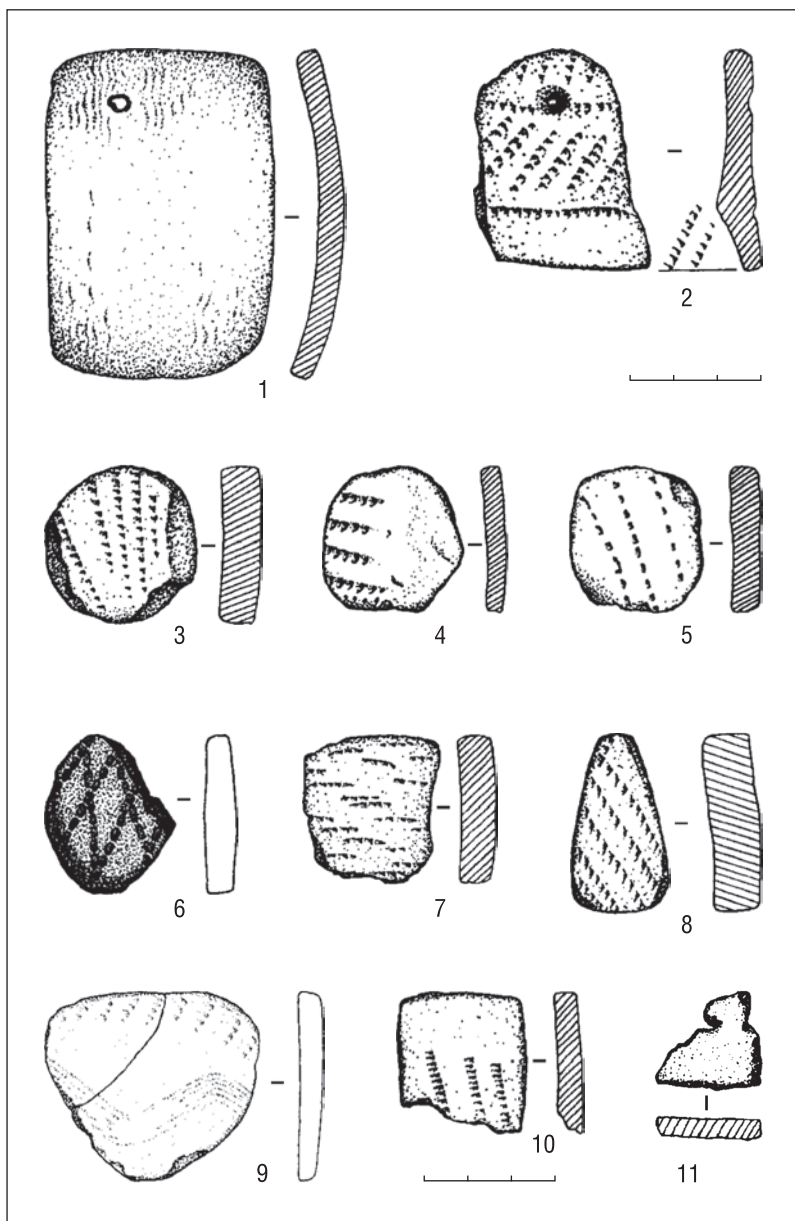

Рис. 8. Украшения из керамики.

1–5, 7–8, 10–11 – Шайтанское озеро I; 6 – Шайтанский Шихан; 9 – Южный шихан

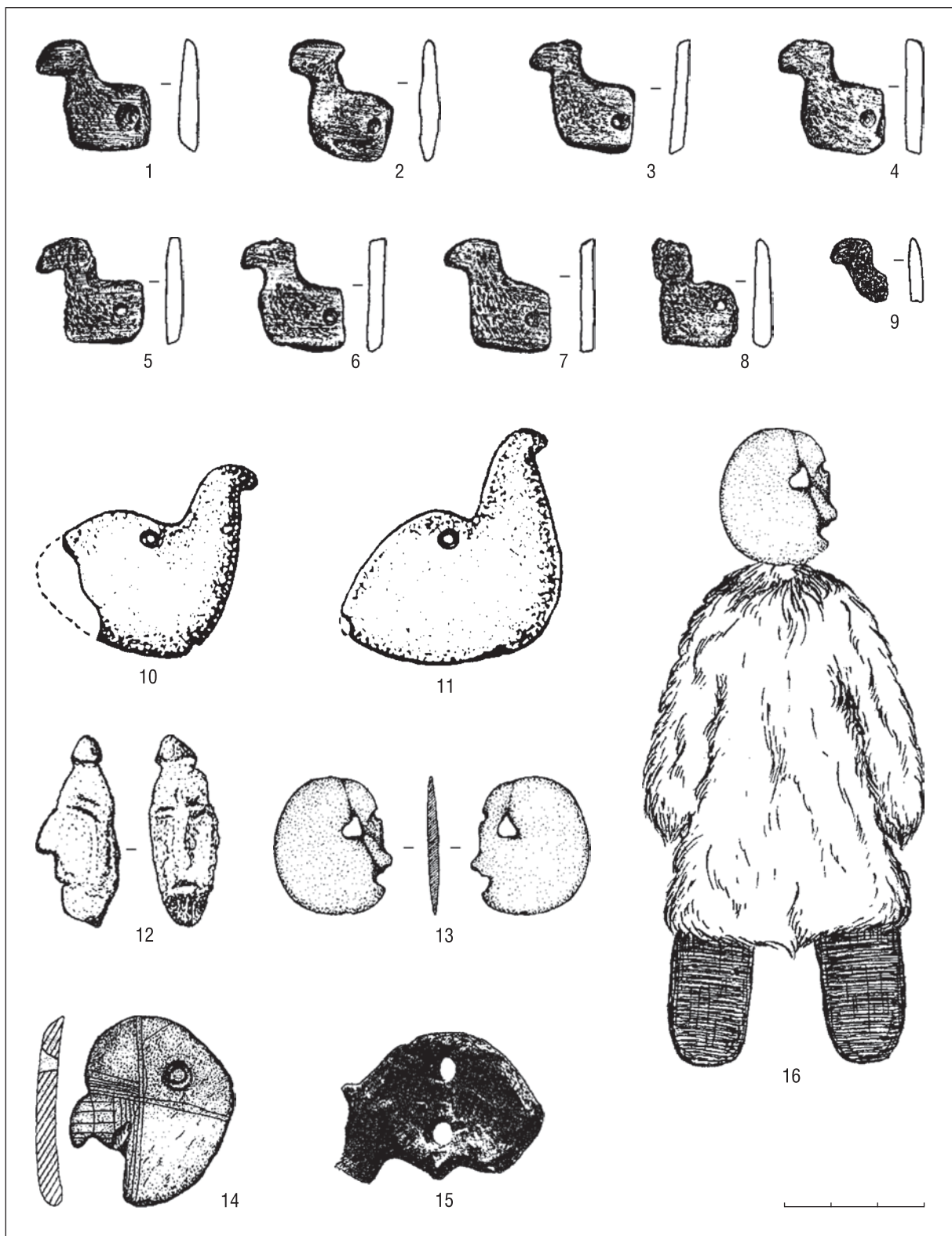

Рис. 9. Украшения из кости и камня.

1-9 – грот на Камне Дождевом; 10-11 – Кара-Якуповская; 12 – Усть-Кедва II; 13, 16 – Кумышанская пещера; 14 – Муллино III; 15 – Еловый мыс. 1-9 – кость; 10-11 – зелёный сланец; 12 – песчаник; 13 – зелёный офит; 14 – сланец; 15 – тальк; 16 – реконструкция украшения (офит, кожа)

тулово. В другом неолитическом погребении р. Чусовой – в Кумышанской пещере – найдена подвеска из тёмно-зелёного офита в виде лица человека (рис. 9: 13). Высота подвески 3 см, ширина 2,5 см. Техникou выверливания подчёркнуты лоб, нос и подбородок. На месте глаза находится просверлённое отверстие. Проточенности отверстия и канавки на боковых поверхностях свидетельствуют о долгом ношении подвески на ремешке. Однако если изделие подвесить на ниточке, то линия нитки не совпадёт с проточенным углублением. На лицевой поверхности подвески присутствуют и другие проточенные канавки, которые идут от отверстия к “носу”, “подбородку” и “лбу”. Образовались эти потёртости при ношении подвески от трения пропущенными через “глаз” (отверстие) к “носу”, “подбородку” и “лбу” нитями. Проточенности на оборотной стороне подвески отсутствуют, потому что она была пришита к какому-то предмету и нити не соприкасались непосредственно с оборотной стороной изделия. По всей видимости, “лицо” было пришито к контуру человеческого тела, вырезанному из бересты или, скорее, кожи. Для проверки предположения подвеска была пришита к контурной фигурке человека высотой 13 см, вырезанной из кожи (рис. 9: 16). При контрольном подвешивании проточенные канавки, идущие выше отверстия, совпали с линией натяжения нити. Это свидетельствует о правильности нашего предположения. Определяя сакральное назначение подвески, можно предположить, что, скорее всего, она служила итермой – вместилищем души предка. Этим предком мог быть и шаман. У юкагиров, например, череп умершего шамана приставляли к изображавшей его деревянной фигуре и покрывали шапкой. К лицевой части черепа прикрепляли маску с отверстиями для глаз и рта. На фигуру надевали одежды и сажали её в переднем углу жилища [29, с. 244].

Подобная подвеска в виде лица человека обнаружена на энеолитическом поселении Муллино III (Южный Урал). Она немного крупнее, её высота 4 см, ширина 3,6 см. На подвеске также подчёркнуты “лоб”, “нос”, “подбородок” (рис. 9: 14). Кроме этого пропилом показан разрез “рта” [30, с. 56, рис. 14: 8]. В верхней части подвески (но не на месте “глаза”) просверлено отверстие для подвешивания. Ещё одна фигуративная подвеска происходит из жилища эпохи бронзы поселения Усть-Кедва II. Она изготовлена из песчаника также в виде лица человека, но не плоского, а объёмного (рис. 9: 12). Для подвешивания использовалась круговая канавка в верхней части скульптуры [24, с. 64].

Нашивки от подвесок отличаются отсутствием приспособления для подвешивания. В качестве нашивок могли выступать зубы и кости животных, фрагменты керамики. Все эти виды нашивок встречены в неолитическом погребении Камня Дождевого: резцы бобра украшали пояс, расколотые кости северного оленя крепились к рукавам и штанинам одежды, фрагменты керамики были нашиты на штанины на уровне колен. Своеобразная нашивка выявлена в пещере Камня Дыроватого. Изготовлена она из полой птичьей кости длиной 1,2 см (рис. 10: 22). Её следовало бы отнести к пронизкам, но посередине изделия прорезана круговая канавка для пришивания.

Большая серия нашивок происходит с энеолитической части культового комплекса на Шайтанском озере. В ней представлены свыше 30 плиток камня со следами оббивки. Плиткам придана овальная или круглая форма, диаметр – от 1,1 до 3,3 см (рис. 10: 1–6, 16). Большинство плиток имеет серебристый цвет, одна – светло-красный и три – тёмно-серый. Любопытна плитка подквадратной формы размерами 2,4×3,1 см. Она оббита таким образом, что в её центре оказалась естественное вздутие в виде своеобразной “опухоли” (рис. 10: 1). Иногда в качестве нашивок использовались природные формы без следов обработки – небольшие плоские галечки или плитки определённых формы и цвета. Среди них преобладают нашивки зеленоватого цвета овальной, округлой, реже – каплевидной форм (рис. 10: 7). К природным формам относится и оригинальная нашивка из расколотой гальки сердцевидной формы (рис. 10: 13).

Среди нашивок присутствуют каменные изделия, боковые края которых не оббиты, а пришлифованы. Также пришлифованы и их плоскости. По форме и размерам – это те же «подвески», только без отверстия. Такие нашивки известны в Аятском погребении, на поселениях Макуша III, Шувакиш I и Шайтанском озере (рис. 10: 8–12). На одной из нашивок прочерчен крест (рис. 10: 8). Изготовлены они из шифера, талька и серого сланца [31, с. 82].

В коллекции с Шайтанского озера присутствуют пять каменных нашивок, которые заметно отличаются по форме и технике изготовления. Одна из них изготовлена из розового халцедона. Она имеет вытянутую каплевидную форму и большие размеры: высота 7,5 см, ширина в нижней части 4,3 см. В верхней трети изделия находятся две противоположные выемки, которые давали возможность пришивать его или подвешивать к одежде. Вторая нашивка изготовлена также из халцедона, но уже светло-коричневого. Она имеет овальную форму, размеры 2,2×1,4 см и две противоположные выемки (рис. 10: 14). Самые оригинальные украшения могут быть отнесены к фигурным кремням. Одно из них можно принять за скребок. Оно имеет форму неправильного круга диаметром 2,3 см. По всему периметру обработано мелкой крутой ретушью. Толщина в самом толстом месте не превышает 2 мм. Именно поэтому изделие можно расценивать как украшение, а не орудие. Изготовлена нашивка из серого кремнистого сланца. Два других изделия имеют форму пятиугольников и одинаковые размеры – 1,6 см в поперечнике. Одна нашивка изготовлена из углистого сланца, наполовину тёмного, наполовину светлого, а вторая – из тёмно-серой яшмовидной породы. По всему периметру они обработаны ретушью, в одном случае – плоской с двух сторон, а в другом – достаточно крутой с одной стороны. Нашивку, обработанную плоской ретушью, можно принять за сломанный наколечник стрелы. Но место слома было дополнительно обработано для придания изделию пятиугольной формы (рис. 10: 15).

Значительной серией на памятниках Урала представлены керамические нашивки неолита – энеолита. На Кокшаровском холме (Юрьинское озеро, Свердловская область) найдены крупные кольца, вырезанные

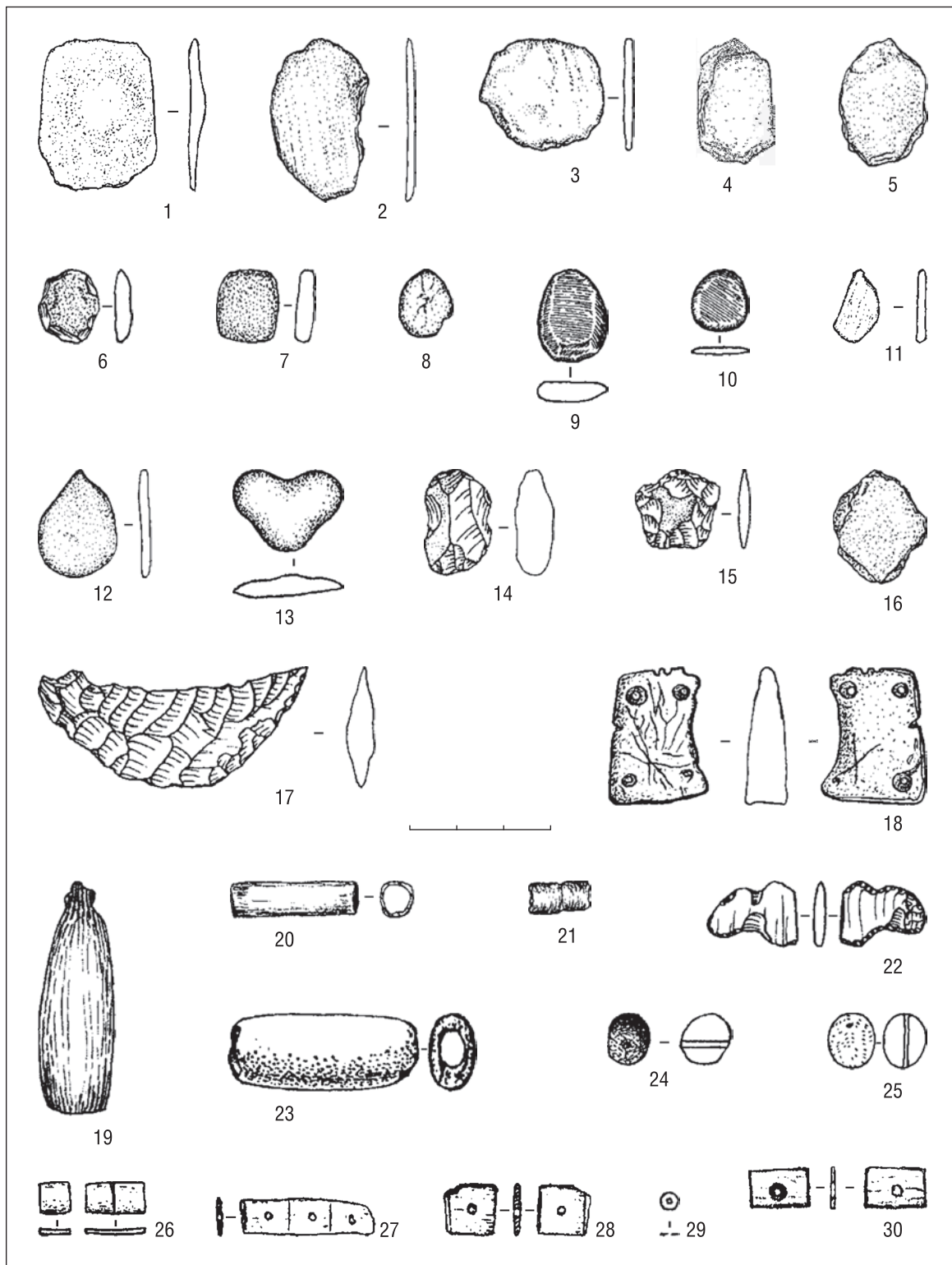

Рис. 10. Украшения из камня (1–18, 23), раковины (19), кости (20–22, 30), глины (24–25) и бивня мамонта (26–29).

1–10, 12–16, 25 – Шайтанское озеро I; 11 – Шайтанский Шихан; 17 – озеро Таватуй; 18 – Крутяки I; 19 – Береговая I; 20 – грот Жилище Сокола; 21 – грот Безымянный; 22–23 – Камень Дыроватый; 24 – Пещера Туристов; 26 – грот Бобылёк; 27–29 – пещера Байсланташ; 30 – грот Бурмантовский

из фрагментов керамических сосудов. Одно кольцо целое, имеет не совсем правильную форму, его диаметр составляет 5,4–5,8 см. В центре кольца прорезано круглое отверстие диаметром 2,3 см (рис. 7: 1). На Юрьинском поселении, расположенном вокруг холма, найдена вырезанная из фрагмента керамики овальная шестилепестковая розетка (рис. 7: 2). Оба изделия относятся к неолиту. Оригинальной находкой является овальный диск размерами 5,1×4,3 см с маленьким отверстием в центре (Шайтанское озеро I). Неолитический сосуд, из фрагмента которого изготовлено изделие, был орнаментирован поясами треугольников. Диск выточен таким образом, что один из этих треугольников оказался в его центре. По всей видимости, это сделано намеренно. Скорее всего, изделие служило своеобразным украшением – нашивкой на одежду служителя культа. Также нашивкой служили диски округлой формы, выточенные из фрагментов неолитических сосудов. Один диск диаметром 5,4 см происходит с Кокшаровского холма (рис. 7: 3), второй – с Шайтанского озера I (рис. 7: 4). Его размеры – 5,6×6,2 см, в поверхность изделия была втёрта охра [27, с. 23–24]. Представляет интерес прямоугольная нашивка, выточенная из привенчиковой части неолитического сосуда, со стоянки Кокшаровско-Юрьинская II (рис. 7: 6). Она изготовлена таким образом, что в верхней (утолщённой) её части расположена волнистая линия, а под ней идут шесть (седьмая сохранилась не полностью) прямых линий, образованных отпечатками «отступающей палочки».

Энеолитические керамические нашивки по форме подразделяются на 2 типа: круглые-овальные и прямоугольные. Первые нашивки довольно стандартизированы, они имеют в диаметре 3,2–3,5 см (рис. 8: 3–5). Обычно их считают заготовки пряслиц. Однако на некоторых из них в центре круга имеется небольшое углубление. Круг с точкой в центре всегда трактуется как изображение солнца. Прямоугольные нашивки имеют разные размеры, они являлись, скорее всего, украшением пояса (рис. 7: 7–8; 8: 7, 10). В центре овальной нашивки со святилища Шайтанский Шихан оказались три ромба, образованные отпечатками гребенчатого штампа (рис. 8: 6). Оригинальной нашивкой служил обточенный со всех сторон фрагмент керамики, которому обработкой придали прямоугольную форму, размерами 2,2×1,5 см. В центре изделия просверлено отверстие. Причём стенка была обточена таким образом, что в её центре оказался ромб, отверстие же находится в центре ромба (рис. 7: 10) [27, с. 24].

Таким образом, приходится признать, что орнамент на керамических подвесках и нашивках очень часто целенаправленно включался в общий замысел изделия (рис. 7: 2–6, 9–10; 8: 6–8) [32, с. 17–18].

Разновидностью нашивок можно считать разного рода бляшки. Они могут иметь одно отверстие в центре или два и более в других местах изделия. Обычно бляшки строго индивидуальны и крайне редко образуют серии. Одна такая серия из пяти изделий выявлена в гроте Бурмантовском и на Шайтанском озере. Все бляшки имеют круглую форму, диаметр 1,5–2,5 см. По периметру изделий прорезаны зубцы, а в центре просверлено отверстие (рис. 5: 39). Любопытная бляшка обнаружена на стоянке Еловый мыс на Исетском озере. Она выполнена из тальковой пластины в виде головы медведя, в тыльной части имеет 2 отверстия (рис. 9: 15) [33, с. 93]. Бляшка из талька со стоянки Крутяки I имеет трапециевидную форму, в каждом её углу просверлено по отверстию (одно недосверлено). На одной её стороне в бессистемном порядке прорезаны прямые и волнистые линии, а на другой – косой крест (рис. 10: 18).

Роль фигурных нашивок могли выполнять и кремнёвые скульптурки. На озере Таватуй (Свердловская область) найден фигурный кремень в виде лунницы, на одном из концов которой оставлен необработанный ретушью выступ, своими очертаниями напоминающий головку птицы. На противоположном конце скульптурки присутствуют две оформленные ретушью неглубокие выемки (рис. 10: 17). Судя по всему, фигурка за выступ и выемки пришивалась к одежде. Подобной нашивкой могла служить и кремнёвая скульптурка лосихи, найденная у подножья Камня Дыроватого. Она залегала в одном слое с энеолитическими наконечниками стрел. Скульптура длиной 1,7 и высотой 1,3 см изображает головку лосихи. Фигурка обработана краевой ретушью, но с двух сторон (рис. 10: 23). Находки кремнёвых фигурок в погребениях известны, по видимому, в отдельных случаях их могли нашивать на одежду погребённых (могильники Иловец, Репище, Кончанский – Тверская и Новгородская области).

Ещё к одной категории украшений следует отнести пронизки, бусы и бисер. Все эти изделия в центре имеют отверстия. Но длина пронизок в два и более раз превосходит их диаметр, тогда как длина бус равна или менее диаметра. Бисер отличается от бус своими миниатюрными размерами.

Самая древняя (19 тысяч лет) пронизка обнаружена в палеолитическом слое грота Безымянный (р. Пышма). Изготовлена она из фрагмента трубчатой кости длиной 4 см и диаметром 1,5 см. Поверхность изделия хорошо отшлифована. Губчатое вещество кости высверлено (рис. 10: 21) [34, с. 60]. Пронизки меньшего размера происходят из энеолитических комплексов пещер Усть-Катавская, Шайтанская, Лобвинская, Жилище Сокола (рис. 10: 20).

Украшения-бусы также стали применяться с палеолита. Уже тогда было несколько видов бус: из целых раковин наземных моллюсков, из бивня мамонта, камня и перламутра. Каменные бусы из желтовато-зеленоватого змеевика найдены в Каповой пещере. Они бочонковидной формы, длиной до 1 см. Отверстие проделано встречным сверлением. Там же выявлены 2 бусины из бивня мамонта диаметром 0,6 и 0,9 см. По сериям находок бус и их заготовок в ряде пещер (Байсланташ, Бобылёк, Игнатиевская) удалось восстановить процесс их изготовления. Сначала из бивня мамонта изготавливалась пластинка, которая тщательно обрабатывалась строганием и шлифовкой. Затем пластинка делилась нарезками на близкие по форме к квадрату секции (рис. 10: 26). В центре секций сверлили отверстие (рис. 10: 27). После этого лёгким нажимом секции отделяли друг от друга (рис. 10: 28), затем их углы стачивали и превращали прямоугольную заготовку в круглую бусину (рис. 10: 29). Диаметр таких бусин колебался от 0,3 до 0,9 см. Бусины из рако-

вины и кости также были известны уже в палеолите (стоянка Талицкого). В более поздние эпохи бусы, выточенные из перламутровых раковин, получают широкое распространение. В энеолитическом погребении в гроте у Каменного Кольца найдены 38 круглых плоских бусин с отверстием в центре, 36 – в погребении из Усть-Катавской пещеры, 6 – в Кара-Якуповском могильнике. Диаметр таких бус составлял 0,7–0,9 см. На территории Урала известны свыше 150 подвесок и бус, изготовленных из раковин. Представляет интерес оформленная в виде шарика глиняная бусина (Шайтанское озеро I). Она овальная в плане, её размеры по осям – 1,1 и 0,9 см, диаметр отверстия – 1 мм. Поверхность бусины покрыта отпечатками тоненького гребенчатого штампа (рис. 10: 25). Три глиняные, но, видимо, позднего времени, бусины найдены в Пещере Туристов (рис. 10: 24).

Мелкой разновидностью бус является костяной бисер. Пока он встречен всего в двух энеолитических погребениях – в гроте Бурмантовский (26 экз.) и Скворцовская Гора V (данные отсутствуют). Диаметр бисера всего 2–3 мм. Обнаружить его удалось только благодаря промывке слоя.

Разного вида украшения автору известны более чем на 60 памятниках каменного века Урала. На самом деле их гораздо больше. Единичные подвески (а иногда и серии) не всегда становятся объектом публикаций. Тем не менее необходимо отметить, что около 65 % всех подвесок найдено в культовых памятниках. А почти 60 % – в погребениях. Это подчёркивает специфику семантического назначения подвесок [31, с. 78–84].

Появившись в начале верхнего палеолита – около 35 тысяч лет назад, все виды украшений обладали особым символическим значением. В этом отношении материалы уральских памятников ничем не отличаются от комплексов украшений верхнего палеолита Европы и Сибири [35, с. 243–253]. В архаичном обществе с его традиционной культурой украшения выступали прежде всего как знаки (символы) силы, защиты, как маркеры принадлежности, социального статуса или заслуги [36, с. 5]. Позднее эти символические значения украшений только углубляются и детализируются. Появляются понятия «амулет» и «талисман» [37, с. 77]. Ещё позднее на первое место выходит эстетическое значение украшений.

Если обратиться к семантическому наполнению украшений, нас ожидает большое количество трудно решаемых вопросов [38, с. 121–126]. С одной стороны, можно предполагать, что подвески из костей и зубов животных наделяли владельца качествами зверя (силой, отвагой, быстротой, хитростью и т.п.). Они помогали ему перевоплощаться в зверя, были тотемными знаками и оберегами. Относительно подвесок из нижних челюстей и нижних клыков можно напомнить, что, по представлениям эвенков-орочонок, в нижней челюсти находилась душа животного [39, с. 26–27].

С другой стороны, если сравнивать процентное соотношение украшений из костей и зубов разных видов животных с образами животных, представленных в скульптуре (круглой и плоской каменной, кремнёвой, глиняной и деревянной), то мы увидим почти полное несоответствие. В скульптуре преобладают образы птицы (55,4 %), которая в украшениях представлена только фигуративными подвесками с двух памятников (6,3 %). Среди украшений преобладают изделия из костей и зубов хищников (48,8 %), тогда как в скульптуре изображений хищников только 13,3 %. Но хищники представлены изображениями только медведей, а подвесок из костей медведя всего 6 экз. (3,5 %). Условная группа грызунов в украшениях составляет 27,6 %, а скульптурных изображений этой группы всего 6 (4,7 %). Большой разброс мы наблюдаем и для рыб: скульптурных изображений – 13,3 %, украшений – 3,5 %. Единственное почти полное совпадение присутствует только в группе копытных животных: скульптур – 13,3 %, украшений – 13,8 %. Данные различия, по всей видимости, свидетельствуют о разном семантическом наполнении скульптурных изображений и украшений.

Анализ украшений каменного века Урала показывает, что встречаются они на разных типах памятников: стоянках, поселениях, святилищах, могильниках. Но их соотношение по памятникам убедительно доказывает ритуальный характер использования украшений. 65 % всех украшений выявлено в 13 погребениях (если к ним добавить украшения из неопубликованного погребения Скворцовая гора V (Шигирский торфяник), то этот процент значительно увеличится), 30 % – в 22 культовых памятниках и только 5 % – на 21 стоянке и поселении. Количество памятников с украшениями и самих украшений на всём Урале чрезвычайно мало, особенно если вспомнить, что памятники палеолита – энеолита на Урале исчисляются сотнями (не менее 800). Отсюда становится ясным, что украшения не являлись принадлежностью каждого охотника. Представление о том, что каждый охотник, убивший зверя, мог в знак своей доблести повесить на грудь выбитые клыки, – оказывается ошибочным. 614 украшений, найденных в погребальных комплексах, принадлежали всего 14 человекам. В среднем на одного погребённого приходится по 44 экземпляра. Если убрать из этого списка разрушенные погребения (как минимум 3) с небольшим количеством находок, то количество украшений на одном погребённом возрастёт до 54. Среди костных останков определены кости двух мужчин (Бурановская и Дождевой), трёх женщин (Дождевой, Кумышанская и Старичный Гребень) и ребёнка (Усть-Катавская II). Вполне очевидно, что подвески, нашивки, бусы и прочее использовались для украшения одежды лиц, имевших высокий социальный статус, – вождей, шаманов и их помощников [40, с. 49].

Хотелось бы отметить ещё некоторые аспекты использования украшений в древности. На Урале и в Сибири известны случаи, когда подвески изготавливались из расколотых вдоль зубов животных. Что стоит за таким обычаем, остаётся невыясненным. Использование окаменелостей для украшений, по-видимому, объясняется их формой и «орнаментом». Но каково их семантическое наполнение? Чем объясняется каплевидная форма большинства каменных и костяных подвесок? В Сибири, например, большое распространение имеют лепестковые подвески из зубов марала. Но там же известны и подражания этим подвескам, выполненные из камня или кости. Может быть, и на Урале каплевидная форма каменных и костяных подвесок является подражанием таким природным формам, как зубы животных?

Ещё один интересный аспект – оформление подвесок. Практически постоянным атрибутом подвески является присутствие на ней просверлённого отверстия. Считается, что его появление объясняется функциональными причинами (для удобства крепления). Но существует точка зрения, что камень с отверстием мог символизировать вход в Нижний мир. В пользу этого предположения свидетельствует сложившаяся погребальная традиция сопровождать умершего камнем с отверстием. Таким камнем, по мнению В.В. Никитина, могли быть «оселки», топоры-молоты, булавы, пряслица, а также подвески и бусы [41, с. 213–215]. По-видимому, особое содержание имели подвески с вырезанными по периметру зубцами, подвески намеренно сломанные, подвески с нанесёнными изображениями креста.

В заключение ещё раз хотелось бы остановиться на принципах выделения подвесок и нашивок. К сожалению, чёткие критерии определения типов украшений до сих пор не разработаны [36, с. 5; 42, с. 17–119], поэтому выделение данных категорий носит предварительный характер. Традиционно подвесками называются изделия, которые имеют оформленные приспособления для подвешивания. Это могут быть отверстия, круговая канавка по периметру изделия или противоположные выемки для привязывания. На Урале отверстия проделывали различными способами. Их могли сверлить с одной или с двух сторон как вручную, так и при помощи лучкового или дискового приспособления. Их могли прорезать острым концом каменного ножа или резца. И, наконец, их могли просто пробивать. Круговую канавку и выемки на подвесках также прорезали или пропиливали каменным ножом. Нашивки от подвесок отличаются отсутствием приспособления для подвешивания. Но если к данным изделиям подходить с функциональной точки зрения, то, кроме путаницы, у нас ничего не получится. Если исходить из этимологии слова «подвеска», то изделие, которое мы относим к подвескам, должно находиться в подвешенном (свободном) положении, тогда как нашивка должна быть плотно пришита к одежде. Однако в женском погребении из грота на Камне Дождевом 76 сверлённых зубов животных были плотно пришиты к одежде на уровне бёдер, лодыжек, кистей, а также вокруг колен. Функционально такие украшения следует отнести к нашивкам. В этом же гроте одежду погребённого мужчины украшали фигурные подвески в виде уточек. У них есть просверлённые отверстия, однако нахождение на скелете отломанной головки уточки позволяет понять, что уточки пришивались к одежде за отверстие и за шейку. Иначе головка на одежде не сохранилась бы. То есть и в этом случае перед нами нашивки. На Шайтанском озере известно керамическое изделие в виде подвески каплевидной формы. Отверстие отсутствует, но торцевые его плоскости настолько широкие (1 см), что позволяли обвязать изделие по периметру узким ремешком и подвесить к одежде. В данном случае функционально оно выступает в качестве подвески.

Следует также отметить, что следы ношения в виде проточенности краёв отверстия на подвесках выявляются крайне редко. Проточенность краёв отверстий, по наблюдениям автора и других исследователей, отсутствует даже на подвесках, изготовленных из мягких минералов типа талька (твёрдость 1), шифера (пиррофиллитового сланца – твёрдость 1,5) и графита (графитита – твёрдость 1–2) [43, с. 30]. Отсюда следует, что так называемые подвески были намертво пришиты к одежде, поэтому протачивания краёв отверстия не происходило. А проточка непременно появилась бы, находясь предмет в подвешенном состоянии. Поэтому функционально такие изделия относятся к нашивкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сериков Ю.Б. Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
2. Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.
3. Сериков Ю.Б. Использование древним человеком окаменелостей и костей вымерших животных // Эволюция жизни на Земле: материалы III Международного симпозиума. Томск, 2005.
4. Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005.
5. Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Препринт. Сыктывкар, 2004.
6. Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции. Уфа, 1997.
7. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4.
8. Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. Т. XIII. 1950.
9. Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
10. Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2.
11. Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.
12. Сериков Ю.Б. Природные формы в украшениях древнего человека // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. Вып. 4. Омск, 2007.
13. Мальгинское палеолитическое местонахождение: (по итогам полевых работ 1995 года). Иркутск, 1996.
14. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
15. Сериков Ю.Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
16. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
17. Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
18. Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.
19. Фосс М.Е. Погребения на стоянке Кубенино // Труды ГИМ. Вып. VIII. М., 1938.

20. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. (МИА. № 47)
21. Сериков Ю.Б. Природные формы в украшениях человека каменного века Урала // Археология. История. Культура: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук, профессора М.В. Обыденнова. Уфа, 2009.
22. Абрамова З.А. Новый взгляд на искусство палеолита // Археологические Вести. Вып. 1. СПб., 1992.
23. Бадер О.Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. № 173. 1971.
24. Карманов В.Н. Мелкая пластика европейского Северо-Востока // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2006.
25. Сериков Ю.Б. Подвески и нашивки энеолитической эпохи (по материалам культового центра на Шайтанском озере) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
26. Сериков Ю.Б. Символика цвета у древнего населения Урала по данным археологии // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005.
27. Сериков Ю.Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2007.
28. Чаиркин С.Е. Пещеры Урала. Общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
29. Иванов С.В. Скульптура народов Сибири. Л., 1970.
30. Матюшин Г.Н. Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
31. Сериков Ю.Б. Украшения древнего человека по материалам археологических памятников Урала // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium. Вып. 4. Омск, 2007.
32. Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. II. Барнаул, 2008.
33. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. М., 1940.
34. Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
35. Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005.
36. Демещенко С.А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // РА. 2006. № 1.
37. Фишман А.М. Камни – талисманы и амулеты // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. Сыктывкар, 2005.
38. Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.
39. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочанов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1984.
40. Сериков Ю.Б. Шаманские погребения каменного века // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск, 2003.
41. Никитин В.В. К вопросу о месте и назначении каменных «орудий» со сверленным отверстием в древнем погребальном обряде // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
42. Краткий словарь украшений / авторы-составители. Т.В. Летаева, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов; под ред. О.Я. Гойхмана. М., 2008.
43. Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Использование экзотических пород в культурах каменного века бассейна Витима // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. Сыктывкар, 2005.

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

DECORATIONS OF THE POPULATION OF THE URALS IN THE STONE AGE

Summary

About 1000 decorations recorded in the Urals can be divided into two groups – those made of natural forms and those resulting from deep processing of the material. This paper covers only pendants, galloons, beaded decorations, beads, patches. As the natural jewelry the ancient man used animal bones, shells, corals, fossils, pebbles, crystals. The most ancient ornaments in the Urals appeared about 33 thousand years ago. Most often teeth of animals (43,6 %) and shells (38,4 %) were used for jewelry.

The second group of jewelry includes pendants, galloons, patches, beaded decorations, beads and pearls. They appeared in the Palaeolithic, but gained a wide circulation to the end of the Stone Age, to the Aeneolithic. Decorations were made of stone, bone, shell, clay, pottery. The group of figurative pendants is singled out. The connection between jewelry (pendants) with a certain material and color was noted. 65 % of the jewelry was found in graves. The problems of the semantic content of jewelry and some aspects of their use are being discussed.

*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russia*

*E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov@yandex.ru*

А.Я. Мартынов, А.В. Шутихин, А.А. Казаков

ПЕРВОБЫТНОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ В ПРИПОЛЯРЬЕ: ОПЫТ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблематика реконструкции древнего мореплавания на приполярном Севере принадлежит к числу слабо разработанных, прежде всего, по причине скудости и фрагментарности археологических источников. К числу таковых можно отнести сам факт присутствия на морских островах летних поселений, немногочисленные каменные «якоря» [1, с. 481–486], каменный инвентарь материковых и островных стоянок, а также петроглифы Залавруги, открытые в низовьях р. Выг (Северная Карелия), среди которых есть немало изображений лодок [2, с. 181, 182, 197, 204, 205, 222, 227, 239–241, 253; 3, с. 119–149].

Результаты полевых работ

Основными объектами первобытной археологии, дающими материал для суждений о времени и причинах первых морских «путешествий», продолжительности древнего мореплавания, маршрутах, средствах передвижения по морю, расстояниях, которые преодолевали древние обитатели Беломорья, а также об эволюции мореплавания в эпохи камня и раннего металла, являются островные поселения, стоянки, мастерские и местонахождения: их география, топография, размеры, мощность культурного слоя, каменный инвентарь, керамика, предметы культового назначения. К настоящему времени на беломорских островах зафиксировано более 70 памятников первобытной культуры, открытых и исследованных в основном Соловецкой археологической экспедицией и в той или иной степени «проливающих свет» на данную проблему. Шестнадцать из них находятся на Соловецких островах (рис. 1).

Ответ на вопрос о **датировке начала первобытного мореплавания** и его **продолжительности** в древности кроется в материалах островных стоянок. Самые ранние из них (Соловецкая-4, Малое Кумино и Муксалма-6, нижний горизонт) находятся на Соловецком архипелаге и датируются по радиоуглероду (6460 ± 70 лет ВР; 5900 ± 400 лет ВР) и ямочно-гребенчатой керамике сер. V – 1-й пол. IV тыс. до н.э. (рис. 2). Наиболее поздние стоянки (Соловецкая-2, Андреевская пустынь, смешанные комплексы Колгуйевской-3, Муксалмы-6 и Муксалмы-8) относятся к 1-й пол. – сер. I тыс. н.э. (1810 ± 100 лет ВР; 1690 ± 150 лет ВР; 1450 ± 70 лет ВР, 1390 ± 80 лет ВР). Остальные памятники также датированы по керамике с разнообразным орнаментом и радиоуглероду (5340 ± 70 лет ВР; 5300 ± 100 лет ВР; 5090 ± 25 лет ВР; 4740 ± 70 лет ВР; 4600 ± 100 лет ВР; 4320 ± 230 лет ВР; 3400 ± 100 лет ВР; 2250 ± 20 лет ВР) поздним неолитом, энеолитом и эпохой бронзы. Поскольку во все эти периоды и эпохи древние обитатели морского побережья могли добраться до Соловков и иных островов Белого моря только по морю, начало первобытного мореплавания можно датировать пограничным от мезолита к неолиту временем – сер. V тыс. до н.э. (следует заметить, что анализ угля из шурфа 2010 г. на новой стоянке Соловецкая-21 дал дату 7600 ± 100 лет ВР, но она требует подтверждения). Окончание первобытного мореплавания относится к финалу эпохи железа (сер. I тыс. н.э.).

Несомненный интерес представляет вопрос о **первопричинах** открытия архипелага, которое, безусловно, было рискованным предприятием. Традиционным в археологии является мнение о том, что миграции на новые земли в древности вызывались чаще всего исчезновением или резким уменьшением количества объектов охоты – зверя и птицы – и в связи с этим, необходимостью поисков ещё неосвоенных человеком территорий. В данной ситуации, когда одним из таких объектов был морской зверь, эту причину можно признать, если морские охотники наблюдали в районе Кузовов за его миграцией в направлении Соловецкого архипелага. Вполне вероятно и иная первопричина – присущие человеческой природе во все времена любознательность, любопытство, желание рассмотреть вблизи тёмные полосы далёких островов. Наблюдая со скальных вершин Немецкого Кузова эти возвышения на горизонте (а в V–IV тыс. до н.э. они были ниже примерно на 18–20 м и значительно меньше по размерам) и обладая опытом каботажного плавания, люди решались на первые поездки. Учитывая небольшое количество непродолжительных по времени бытования островных стоянок, которые приходятся на пять тысяч лет древней истории Соловков, можно утверждать, что острова открывались заново многократно.

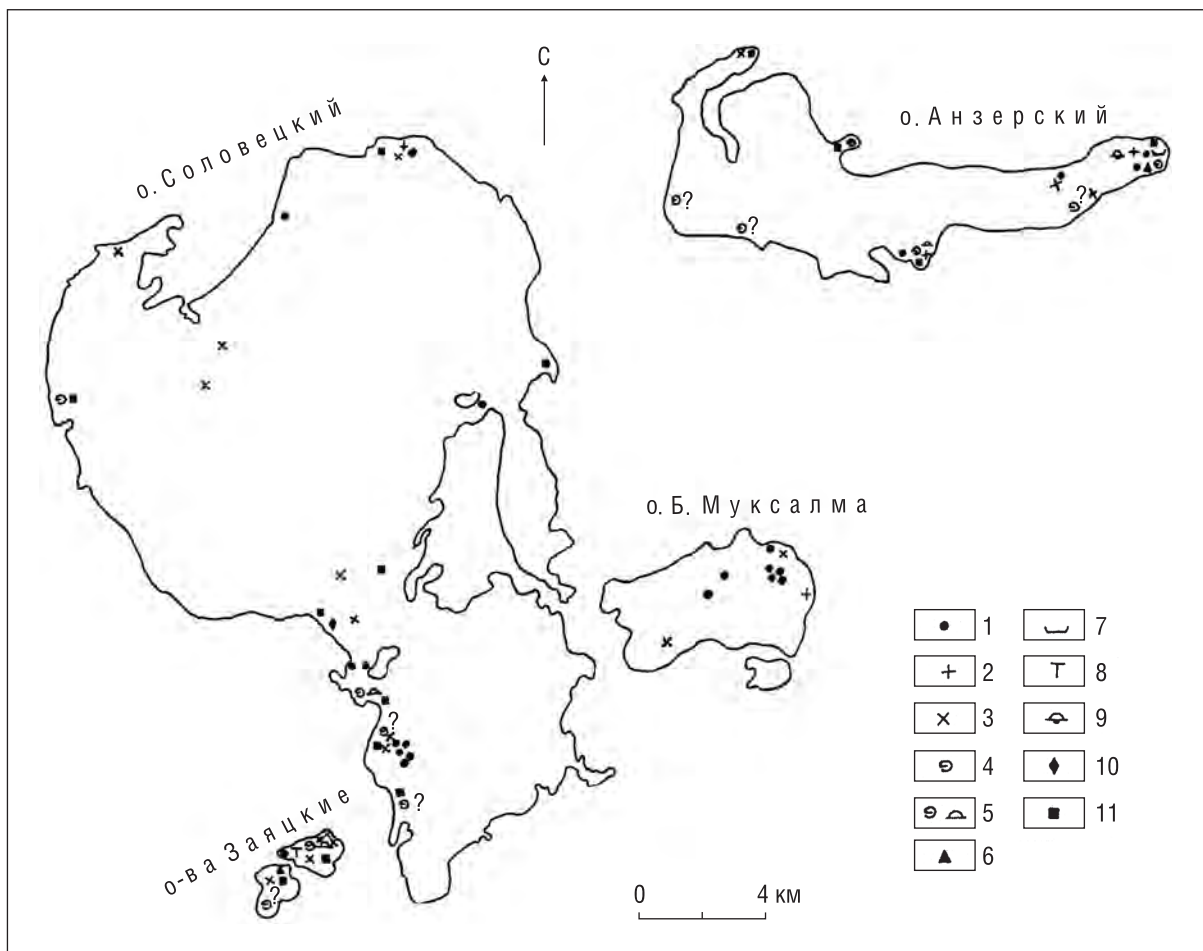

Рис. 1. Археологические памятники Соловецкого архипелага (неолит – средневековье):

- 1 – стоянка; 2 – местонахождение «мастерская»; 3 – местонахождение кварцевой индустрии; 4 – каменный лабиринт; 5 – «святилище»; 6 – артефакт (единичная находка); 7 – «саамский могильник»; 8 – «сейд»; 9 – погребение «корелянина»; 10 – чудское местонахождение; 11 – прочие искусственные сложения из камня

Помимо вышеуказанных для этого могли быть и другие причины: строительство древнейших каменных лабиринтов и других каменных выкладок, отправление символического обряда погребения, совершение иных магических действий, связанных с верованиями первобытного населения Прибеломорья.

Проследить наиболее вероятные маршруты морских передвижений в западной части Белого моря можно только на основании аналогов в материалах островных и материковых поселений с учётом местоположения островов. Аналоги керамике с ямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией, а также кварцевому инвентарю ранне-неолитических памятников Соловецкого архипелага прослеживаются в материалах, близких по времени бытования стоянок в низовьях рек Кемь, Выг и Кереть [4, с. 40–47; 5, с. 5–28; 6, с. 89–93, 111–113; 7, с. 120–123]. Данное обстоятельство позволяет считать древнейшим путём на Белом море маршрут из низовьев р. Кемь через острова архипелага Кузова (Русский Кузов и Немецкий Кузов) к Заяцким островам, с Большого Заяцкого острова на остров Большой Соловецкий, с которого добирались до островов Большая Муксалма и Анзерский.

Открытие Соловецких островов, удалённых от архипелага Кузова на 25–30 км, не могло произойти без «участия» последнего по нескольким причинам. Прежде всего потому, что Соловки, как цель морского путешествия, и сейчас и тем более в древности были видны только со скальных вершин Немецкого и Русского Кузовов. Сложно предположить, что жители Беломорья в неолите предпринимали морские путешествия, не видя объекта, к которому они направлялись. Аргументом в пользу данной гипотезы можно считать и расположение древнейших стоянок (№№ 1, 3) архипелага Немецкий Кузов в непосредственной близости от наиболее высоких скал. Гипотетически возможное плавание обитателей древних поселений, расположенных в низовьях рек Выг и Кереть, на Соловецкие острова проходило, скорее всего, также через Кузова, поскольку лишь с них Соловки находились в пределах видимости. Связь между Выгом и Кемью, а также Керетью

Рис. 2. Стоянка-мастерская Муксалма-6. Неолит – бронза. Раскоп 2006 г. Вид с севера

и Кемью могла осуществляться как по побережью, так и по морю. Сомневаться в появлении у западнобеломорского населения навыков прибрежного плавания за ту тысячу лет, которая прошла со времени основания древнейших поселений Западного Прибеломоморья, не приходится.

Материалы отдельных поздненеолитических памятников позволяют сделать вывод о возникновении второго по времени морского маршрута между Соловками и материком в кон. IV – нач. III тыс. до н.э.: со стрелки Онежского полуострова на о. Анзерский. Убедительные аналоги ямочно-ребенчатой керамике, каменному инвентарю и топографии («закрытая» дюна) островной стоянки Колгуевская-2 и местонахождение Колгуевские 1–12 обнаружены на промысловом поселении Галдарея-1 Летнего берега Белого моря [8, с. 139, 140, 142; 9, с. 60].

Данные маршруты продолжали существовать в эпоху раннего металла, о чём свидетельствуют островные и материковые стоянки. По материалам памятников энеолита – раннего железа Соловецкого архипелага и Западного Прибеломорья в III тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. прослеживается маршрут Кемь–Кузова–Соловки и Выг–(Кузова)–Соловки. Сходство в топографии, керамике и кремнёвом инвентаре островных стоянок эпохи бронзы (Муксалма-1, Капорская, Колгуевская-1) и памятников Летнего берега указывает на «восточные» маршруты между островами Анзерский и Б. Муксалма, с одной стороны, и мысами Ухтнаволок (через о. Жижгин) и Летний Орлов, с другой (рис. 3), во 2-й пол. II–I тыс. до н.э.

Серьёзной проблемой, от решения которой во многом зависит достоверность наших представлений о первобытном мореплавании, является **реконструкция средств передвижения** по Белому морю. Круг конкретных источников для этого весьма узок и не беспорен, однако и они дают основания для формулирования гипотезы.

Прежде всего, это каменные «якоря» или, точнее, якорные камни, обнаруженные в культурном слое стоянок Колгуевская-2, Муксалма-2 и Капорская. Якорные камни представляют собой сланцевые или песчаниковые плиты со слабо заметными (на Муксалме-2 и Капорской) или ярко выраженными (на Колгуевской-2) углублениями, выполненными на противоположных гранях для линия, соединявшего камень с лодкой. Размеры «якорей» варьируют от 32×30×4 см до 44×31×5 см, вес изделий – от 5 до 18 кг, форма – прямоугольная или трапециевидная (рис. 4).

Отдельной группой источников является каменный инвентарь, использовавшийся при заготовке и обработке дерева (рубящие орудия, скрёбла, скобели, тёсла), охоте на морских животных (наконечники копий, охотничьи топоры) и обработке шкур (ножи, скребки, проколки). Он в той или иной мере присутствует на большей части материковых и островных стоянок эпох камня – раннего металла (рис. 5).

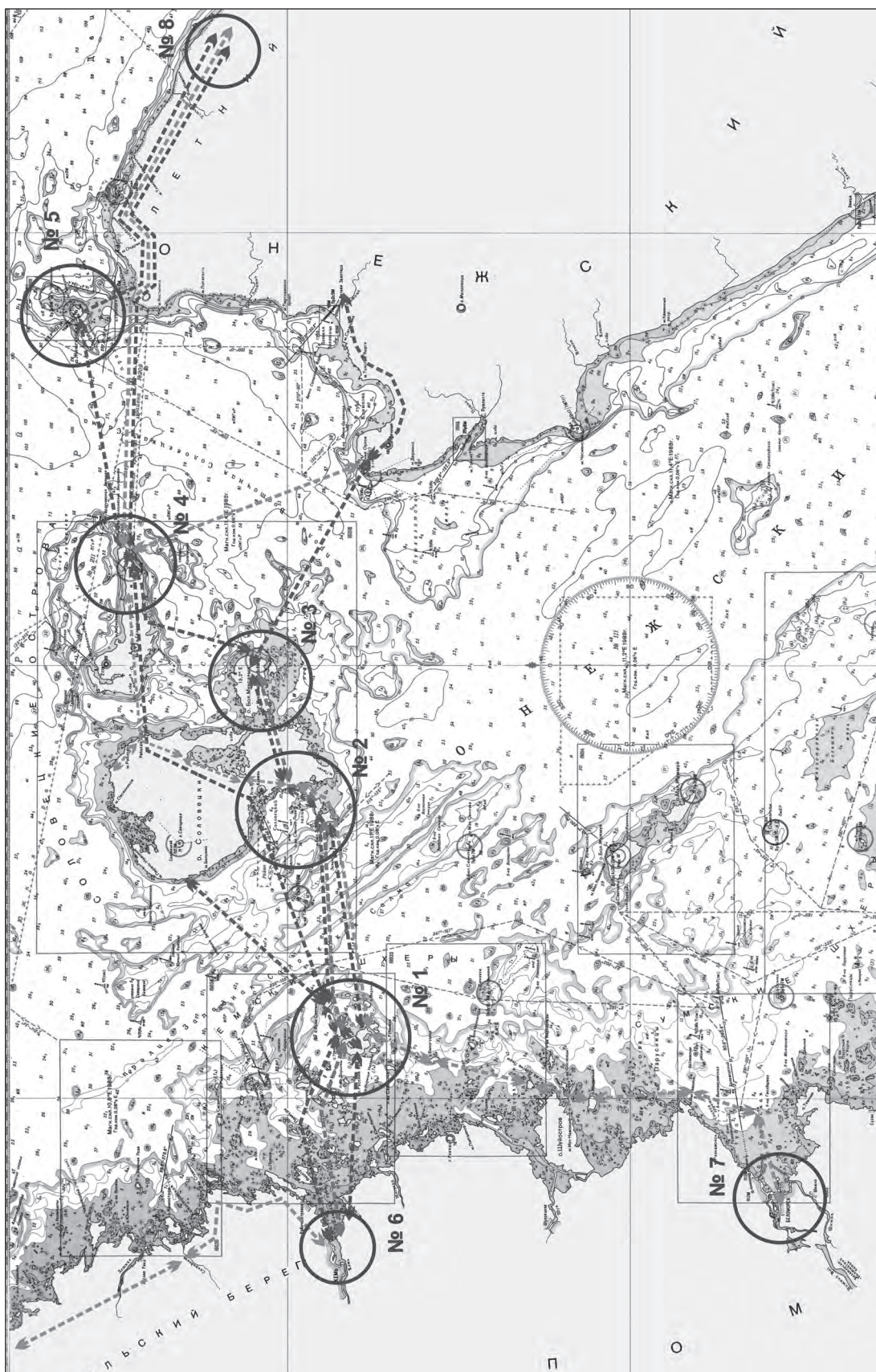

Рис. 3. Соловки – материк: древние морские пути. Реконструкция на основе археологических источников

Рис. 4. Якорный камень из культурного слоя стоянки Колгуевская-2. Вес – 5 кг. Неолит

прямоугольной формы (тип 2). Следующим этапом было оформление небольших (3×1 см) углублений для фиксации линя сначала на одной, а потом на двух противоположных гранях (тип 3). Скорее всего к неолиту относится начало обработки «якорей» по всему периметру и оформление ярко выраженных углублений (тип 4). На наш взгляд, «якоря» всех выше описанных модификаций могут носить только одно определение – **якорные камни**.

Настоящим открытием в «якорном» деле было высверливание отверстий в якорных камнях, которые позволили добавить к ним второй важнейший элемент – деревянный (а возможно, и костяной) «рог», который, собственно, и превратил данные приспособления в **каменные якоря** (тип 5). По всей вероятности, в их поздней истории также имела место эволюция, выразившаяся в появлении последовательно двух противоположных (для фиксации линя и «рога»), а затем – трёх (одного – для линя и двух – для «рогов») отверстий (типы 6 и 7). Камни с одним отверстием (для линя) можно считать переходной формой изделия от якорных камней к каменным якорям.

Согласно имеющимся в распоряжении археологов источникам в мезолите, очевидно, использовали «якорные камни» первого и второго типов. Камни с одним и двумя маленькими углублениями (тип 3) появляются в раннем неолите, обработанные по периметру с ярко выраженными углублениями (тип 4) – в развите неолите.

* * *

Рассуждая чисто **теоретически**, до проведения экспериментальных исследований, можно было предположить четыре возможных варианта передвижения по Белому морю в древности: на плотках, на долблёнках, на каркасных лодках и на катамаранах, состоящих из двух лодок. Оставалось ответить на вопрос, на какие из этих способов указывают источники, имеющиеся в распоряжении археологов.

Способ первый: на плотках. Каменный инвентарь стоянок (топоры, ножи, скребки и пр.) позволял осуществлять заготовку материала для собственно плотов (дерево достаточного диаметра) и парусов (шкуры морских или лесных животных). Якорные камни 5–18 килограммового веса не позволяют делать какие-либо определённые выводы, поскольку всё зависело от количества подвешенных к плоту камней и от реальной надобности в них. Вполне вероятно, что якорные камни вообще не использовались при передвижении на плотках. Открытым остаётся вопрос о том, каким материалом могли скреплять брёвна плотов. Если это были ремни из шкур животных, то они размокали в воде и растягивались, ослабляя конструкцию. Если использовали какие-то гибкие прутья, то такой способ требует экспериментальной проверки. Что касается передвижения по морю на дальние расстояния, то оно, помимо очевидной опасности, было затруднено многочисленными морскими течениями и всецело зависело от наличия подходящего по направлению ветра, который к тому же должен был совпадать с направлением течения. При этом плавание на плотках было, видимо, возможно только в относительно тихую погоду, что случается при слабом ветре. Всё это делает практически невозможным передвижение по морю на плотках на дальние расстояния в течение длительного времени.

Таким образом, две категории источников могут косвенно свидетельствовать о возможности существования такого способа передвижения по Белому морю в эпоху камня. Напрашивается вывод, что использова-

Важным источником для реконструкции морских средств передвижения можно считать одну категорию наскальных изображений, обнаруженных в низовьях реки Выг, – лодки. Согласно описанию Ю.А. Савватеева [2, с. 181, 182, 204–205, 222, 227, 239–241, 253] лодки, изображённые на беломорских петроглифах, несли на себе от одного до 24 гребцов. На преобладающей части лодок изображены по 2–4 человека. По мнению карельских археологов [2, с. 172; 3, с. 143–144], петроглифы Залавруги изображают долблёнки и каркасные лодки.

Описывая данные источники, необходимо сделать отступление общего характера, посвящённое терминологии так называемых каменных якорей. Опыт их изучения, накопленный исследователями [10, с. 8–13; 11, с. 80–96], позволяет проследить следующую эволюцию морского «такелажа» данной категории. Первоначально в качестве «якорей» использовались валуны подходящего веса и размеров, которые не подвергались какой-либо обработке (тип 1). Осознав со временем, что они обладают как минимум одним существенным недостатком (теряются из-за соскальзывания размокшего линя), древние мореплаватели начали подбирать камни (плиты) с параллельными противоположными гранями преимущественно под-

Рис. 5. Кремнёвый инвентарь из культурного слоя стоянок Муксалма-1, Капорская и Колгуйевская-1. Эпоха бронзы

ние плотов было возможным, но лишь для преодоления небольших пространств между соседними островами в Кемских шхерах, на архипелаге Кузова и, возможно, на Соловках, **но не между двумя архипелагами.**

Способ второй – на лодках-долблёнках (возможно, с балансиром). По данным палинологов [12, с. 99; 13, с. 101–108] трудно судить о наличии или отсутствии в эпоху камня деревьев подходящих размеров на территории Северной Карелии. В любом случае, заготовка и в особенности обработка (выдалбливание) их с использованием известных по материалам беломорских стоянок кварцевых и сланцевых топоров и тёсел представляется очень трудоёмким и длительным процессом. К использованию способа выжигания современные мастера относятся скептически в связи с большой опасностью раскалывания заготовок в процессе «доводки» лодки. Вместе с тем исключать применение такого метода на начальной стадии изготовления долблётки для ускорения процесса постройки нельзя.

Передвижение по приполярному морю на «плавсредствах» такого рода представляется также небезопасным, но гораздо менее зависимым от морских течений по сравнению с плотами. Возможным было использование паруса. Якорные камни, описанные выше, могли соответствовать долблёткам малых размеров.

Таким образом, некоторые источники (топоры, якорные камни, наскальные изображения длинных лодок) могут свидетельствовать об использовании древними мореплавателями лодок-долблётки, в том числе снабжённых балансирами. Нельзя исключать также и возможности изготовления катамаранов, состоящих из двух долблётки.

Ни в археологических материалах островных стоянок, ни в беломорских наскальных изображениях более надёжных источников в пользу первого и второго способов мореплавания нет. Экспериментальная проверка возможности передвижения по Белому морю на плотках и долблётках до настоящего времени не принималась.

Способ третий – на каркасных лодках. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники указывают на вероятность **наиболее простого способа изготовления и использования** для хождения на значительные расстояния по Белому морю именно каркасных лодок. Каменный инвентарь всех без исключения стоянок (рис. 5) указывает на возможность быстрой заготовки и обработки тонких деревьев и веток для лодочного каркаса и вёсел (рубящие орудия, тёсла, скрёбла, скребки), а также для охоты на морского зверя (сечения ножевидных пластин, наконечники копий и заготовки наконечников, охотничьи топоры и фрагменты топоров) и обработки шкур убитых животных, необходимых для изготовления обшивки лодок (ножи, скребки, скобели). Для сшивания обрезанных кусков шкур существовали и бытовой инвентарь (проколки) и материал (сухожилия ног лесных животных, корень сосны), для склеивания – смола деревьев, смешанная с животным жиром. Следует подчеркнуть, что для обшивки могли использоваться преимущественно шкуры морских животных, не пропускающие воду: тюленя, кольчатой нерпы, морского зайца и, возможно, кита, промысел которого в Белом море продолжался ещё в двадцатые годы XX века. При необходимости они могли смазываться водоотталкивающим веществом – тюленьим жиром. Обнаруженные на стоянках якорные камни вполне соответствуют таким средствам передвижения. Подтверждают данное предположение и петроглифы р. Выг, где обнаружены изображения лодок с обозначением «шпангоутов» каркаса [3, с. 143–144].

Преимущества изготовления и использования в древности лодки перед плотами и лодками-долблётками очевидны. Их устройство требует меньшего времени, они легки для переноски, на них могут идти 3–4 человека. На каркасных лодках можно преодолевать за одно и то же время гораздо большее расстояние, нежели на плотках. Косвенным аргументом в пользу строительства в эпохи камня – раннего металла каркасных лодок можно считать использование подобных средств передвижения на морском зверобойном промысле жителями Севера Евразии и Аляски в XX веке и ранее [14, с. 42; 15, с. 284–299; 16, с. 139].

Вторым вариантом составных лодок могли быть в древности лодки с каркасом из дерева и обшивкой из бересты – материала, доступного обитателям Прибеломорья в любые эпохи. Разновидностями каркасных лодок могли быть также лодка с балансиром и катамаран – каркасная лодка со вторым корпусом. Отдельного анализа требует вопрос о возможности установки на лодках с балансиром и катамаранах паруса, необходимого для более быстрого хождения по морю.

Для формулировки достоверных выводов все описанные выше варианты морских средств передвижения должны быть проверены экспериментально. В 2009–2010 гг. данная экспериментальная работа была начата Соловецким музеем-заповедником в содружестве с мастерами из Архангельской области А.В. Шухтинным и А.А. Казаковым.

Экспериментальные данные Каркасная лодка – «берестянка»

На основании археологических, этнографических и иконографических источников народным мастером по бересте А.В. Шухтинным (г. Котлас) в 2007 году была изготовлена берестяная лодка длиной 4,50 м, шириной 0,90 м и весом 35 кг, на которой первоначально пройден путь длиной 140 км по рекам Пушма и Юг. Общий вес двух гребцов и груза составил около 300 кг. В 2008 году была построена вторая лодка, и переход составил уже около 600 км по реке Северной Двине за 8 дней. Таким образом, практическая возможность передвижения двух человек с грузом до 100 кг на длинные расстояния по крупной реке была доказана [17].

Для проверки возможности плавания на берестяной лодке по Белому морю рабочей группой во главе с А.В. Шухтинным (А.А. Полежаев, В.И. Ярыш, А.А. Мартынов, И.Б. Дубровский и М.П. Хохлина) была построена третья – «морская» – лодка 5,5 м длиной, 1,0 м шириной и 0,6 м высотой. Вес лодки перед спуском на воду не превышал 45 кг.

Строительство «морской» каркасной лодки и экспериментальное испытание её в условиях Белого моря осуществлялись в несколько этапов.

Этап 1. Заготовка материала

Для строительства берестяной лодки необходим следующий материал: береста для обшивки, ветки ели для изготовления бортов («рамы») и шпангоутов, сосновый корень для сшивания бересты и крепления её к бортам, ветки лиственных деревьев для прокладки стрингеров, еловая смола, смешанная с животным жиром, для смоления швов.

Заготовка бересты – наиболее ответственная часть работы. Качество бересты во время заготовки должно приближаться к качеству кожи. Поэтому лишь одна из нескольких сотен берёз может сгодиться для строительства лодки. Берёза должна быть высокой и стройной, без сучков от основания до высоты 5–6 метров. Минимальный диаметр ствола на высоте 1,5 метра – 30 см, толщина самой бересты – не менее 3 мм. При этом она не должна ломаться и тянуться.

Снимать бересту можно используя длинный шест, на тонком конце которого привязан нож. Её заготовка, как правило, осуществляется в конце мая – первой половине июня, когда береста хорошо отходит от ствола. Снимать бересту можно и осенью, но это более трудоёмкий процесс. Идеальной можно считать ситуацию, когда строительство лодки начинается сразу после заготовки, пока береста ещё не высохла. В остальных случаях снятую бересту нужно скрутить в рулон и в таком виде хранить до начала строительства. Бересты с двух хороших берёз хватает на одну лодку.

Ветки ели идут на шпангоуты и верхние борта («раму»). Для «рамы» нужны 8 длинных (свыше трёх метров), плавно изогнутых ветвей диаметром в основании от 4 до 5 сантиметров. Для шпангоутов используются ветки длиной от одного до двух метров, толщиной в основании до 2,5 см из расчёта, что шпангоуты должны быть через каждые 10 см. Все ветки, выбранные для строительства, необходимо очистить от коры и сучков.

Для формирования прокладки между берестяной обшивкой и еловыми шпангоутами можно использовать длинные (2–2,5 м) и тонкие (1,5–2 см в диаметре) стволы молодых лиственных деревьев (берёза, рябина, ольха, осина), предварительно «окорённых» (частично освобождённых от коры и полностью – от сучков). Условное название данных деталей лодки – стрингеры.

Заготовку соснового корня легче всего производить на песчаной почве, на борových террасах, где, кстати, чаще всего находятся северные стоянки мезолита и эпохи раннего металла. Его находят на расстоянии 2–3-х метров от дерева на глубине 5–10 см. Толщина корня должна составлять от 5 до 15 мм. Руками без помощи каких-либо инструментов он легко выдёргивается из земли или обнажается в процессе разборки культурного слоя при стационарном исследовании первобытного поселения. Перед употреблением корень необходимо размочить в воде, очистить от коры и расщепить надвое. Чтобы быстро приготовить корень, его размачивают в **горячей** воде. Корень легко расщепляется пополам, и пока он гибкий, им шьют бересту и скрепляют другие детали («раму») лодки.

Еловую смолу заготавливают с помощью ножа. Смола на елях обычно сочится на местах повреждения ствола (сломанный сучок, естественная трещина и т.д.). Для использования годится и высохшая, и свежая смола. При нагревании она расплавляется, и в неё добавляют любой животный жир (свиной, гусиный, тюлений, китовый). Пропорции определяют в зависимости от температуры воды там, где лодка будет использоваться. Стандартное соотношение: 10 частей смолы на одну часть животного жира.

Этап 2. Строительство

Для строительства экспериментальных лодок использовались простейшие орудия труда: топор, нож и шило. На земле по контуру днища будущей лодки вбиваются колья высотой 60–70 см. Береста укладывается между кольями и прижимается каким-нибудь грузом, например камнями. Для днища лодки выбирают самые длинные и прочные куски бересты (3–4×1 м). К ним пришиваются сосновым корнем сверху дополнительные куски бересты, которые формируют борта (рис. 6). Верх бортов зажимают между двумя толстыми ветвями верхней «рамы», которые обвязывают сосновым корнем. Через 60–100 см верхние борта («рама») соединяются между собой поперечными «шпангоутами», которые впоследствии служат спинками для гребцов. На корме и носу береста обрезается или сгибается, после чего прошивается корнем. При прошивке бересту прокалывают толстым шилом (в древности это могли делать каменной проколкой или сверлом). Шпангоуты (еловые ветви диаметром от 15 до 25 мм) упирают концами в верхние борта. Они располагаются через каждые 7–12 см. Между шпангоутами и берестой прокладывают «стрингеры», как можно плотней друг к другу, образуя как бы второе – деревянное – дно и вторые борта. До прокладки шпангоутов лодка имеет почти плоскостонную форму, в процессе их установки береста на лодке натягивается (рис. 7).

Швы на берестяном полотнище замазывают еловой смолой, смешанной с животным жиром. Вся нагрузка в лодке приходится на каркас из «стрингеров» и шпангоутов. Прошитое и просмоленное полотнище бересты нагрузки почти не несёт, но играет роль водонепроницаемой обшивки.

Трудозатраты относительно небольшие. Два человека при достаточном опыте и наличии поблизости материала могут сделать лодку за 4 световых дня: один день уходит на заготовку и обработку материалов, два – на прошивку берестяных пластов и один – на сборку каркаса лодки.

Этап 3. Переход по маршруту Кемь (Рабочееостровск) – Кузова – Соловки

В соответствии с археологическими данными (стоянки с аналогичным инвентарём и каменные лабиринты на архипелаге Кузова и Соловках), периодичностью приливов и отливов, прогнозом погоды (направление и сила ветра) и здравым смыслом переход с западного побережья на Соловки предполагалось осуще-

Рис. 6. «Морская» берестяная лодка в процессе «пришивания» бортов к днищу

Рис. 7. Лодка после закрепления бортов на «раме» и прокладки стрингеров

ствить за два дня с ночёвкой на о. Немецкий Кузов. Однако обстоятельства, связанные с работой съёмочных групп, и неблагоприятный прогноз погоды на 30 мая (усиление ветра до 8 м/с) заставил нас принять решение попытаться осуществить переход до Соловков лишь с короткой остановкой на о. Немецкий Кузов. Экипаж лодки составили А. Мартынов и А. Шутихин.

Переход от Рабочеостровска до о. Немецкий Кузов (22–23 км) был осуществлён за 6 часов со средней скоростью 3–3,5 км/ч, с двумя короткими (по 15–20 минут) остановками на промежуточных островах, которые были вызваны необходимостью вылить накопившуюся в лодке воду и «размять ноги» гребцам. Лодку сопровождали два скоростных катера службы безопасности Соловецкого музея-заповедника «Master» и «Silver», катер ГИМС Кемского района Республики Карелия и теплоход «Печак», обеспечивавшие безопасность экипажа берестяной лодки и работу съёмочных групп.

Первые два часа перехода совпали со средней фазой отлива, когда скорость течения наиболее велика, поэтому на данном этапе была зафиксирована максимальная скорость движения лодки – 6 км/ч. Поскольку маршрут лодки совпал также с направлением течения, управление ею не составляло большого труда и в основном заключалось в том, чтобы удержать лодку в нужном направлении. Остаток пути до Немецкого Кузова пришлось идти в ситуации, когда, с одной стороны, движению способствовало постепенно ослабевающее отливное течение, а с другой – ему препятствовал встречный ветер, поэтому скорость лодки упала до 2,5–3 км/ч. В зависимости от местонахождения лодки (с подветренной стороны за островом, между островами, на открытом месте) высота волны колебалась от 20 до 70 см, а направление – от встречной, «носовой», до бортовой (рис. 8). Данные обстоятельства осложняли движение и в то же время позволяли проверить возможности лодки в условиях Белого моря.

После 5-часовой остановки на о. Немецкий Кузов лодка взяла курс на Большой Заяцкий остров Соловецкого архипелага. Движение на этом, наиболее трудном и длинном, участке пути было осложнено двумя обстоятельствами: сильным встречным ветром, вынуждавшим гребцов работать с большим, нежели на первом этапе, усилием, и накопившейся за длинный рабочий день усталостью. Резкое понижение температуры воздуха создало ещё одну проблему: прекращая из-за усталости работу вёслами, гребцы быстро начинали мёрзнуть, возобновляя работу, – быстро утомлялись. По этим причинам удалось пройти за два с половиной часа наиболее сложный участок («сувои» между о. Олёшин и о. Большой Топ), а часть пути до Пёсей луды залива Благополучия проделать «на буксире». Финальный отрезок данной части маршрута был пройден на лодке без помех. В течение лета 2009 года на лодке периодически ходили по Святому озеру и бухте Благополучия. В июле сотрудниками Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника А. Мартыновым и С. Балан был пройден за 3 часа 15 минут маршрут от царской пристани Большого Соловецкого острова до гавани на острове Большой Заяцкий протяжённостью около 10 км (рис. 9).

Рис. 8. «Берестянка» между западным побережьем Белого моря и архипелагом Кузова. Экипаж: А. Мартынов (справа), А. Шутихин

Рис. 9. Переход из бухты Благополучия до гавани Большого Заяцкого острова.
Экипаж: А. Мартынов (слева) и С. Балан (сотрудники Соловецкого музея-заповедника)

* * *

Наблюдения за «поведением» каркасной лодки, осуществлённые в процессе перехода, позволили сделать несколько выводов, важных для практики хождения по Белому морю на столь малом и хрупком судне.

1. Береста является достаточно прочным материалом для обшивки каркасных лодок, использующихся при движении в морской (солёной) воде. Вода поступает в лодку через недостаточно тщательно просмоленные швы, в бересту она впитывается медленно, что позволяет преодолевать значительные расстояния по морю.

2. Берестяная лодка является вполне надёжным средством передвижения по Белому морю в условиях приливо-отливных течений, действия морских волн, меняющихся направлений ветров. Её подвижная конструкция и отсутствие киля позволяют лодке подниматься и опускаться на любой по направлению (кормовой, бортовой, «в скулу») волне, слегка деформируясь, но не наклоняясь и не нарушая балансировки. Минимальная скорость движения равна 2,5–3,0 км/ч, максимальная – 6 км/ч, средняя – 3,5 км/ч.

3. Остойчивость лодки обеспечивается также местоположением гребцов (на сидениях, расположенных на уровне ватерлинии). В древности сидениями могли служить короткие «циновки», сплетённые, подобно традиционным северным веникам, из веток берёзы. Сидения, расположенные выше ватерлинии, нарушают остойчивость лодки. Идти на каркасной лодке стоя практически невозможно.

4. Успешное передвижение по Белому морю на берестяной лодке в заданном направлении возможно лишь при условии знания и использования основных приливо-отливных течений, а также с учётом направления ветра. Противостоять морю невозможно, к нему можно только приспособиться.

5. В ходе эксперимента берестяная лодка без напряжения выдержала волнение до 2 баллов (высота волны до 0,7 м) и, очевидно, может выдержать более сильное волнение (до 3 баллов), что свидетельствует о значительном запасе прочности судна. В условиях Белого моря с его нечастыми штормами и нередкими штилевыми днями в летний период можно было на такой лодке «сходить» на Соловки много раз.

6. Максимальный общий (гребцы, груз) вес, который может выдержать данная берестяная лодка на морском переходе, не должен превышать 300 кг.

7. Переход с западного побережья Белого моря до Соловков на расстояние в 50 км необходимо делить как минимум на две части с достаточно длительным отдыхом и ночёвкой на архипелаге Кузова.

Деревянная лодка-долблёнка

Этап 1. Строительство лодки-долблёнки

«Морской» вариант лодки-долблёнки («осиновки», «однодеревки», «камьяги») был выполнен по заказу Соловецкого музея-заповедника мастером по дереву из деревни Бородинская (куст деревень под общим местным названием Верхний Березник) Устьянского района Архангельской области А.А. Казаковым в 2010 году. Бесценная помощь в реализации проекта была оказана спонсором – ООО «Экологические техно-

логии» (руководитель – Ю.Н. Рогачёв, посёлок Октябрьский Устьянского района Архангельской области), предоставившим мастеру исходный материал (два ствола осины длиной 10 м и диаметром в месте спила 0,8 м), а также доставившим изготовленную лодку за 1200 км в г. Кемь.

Основные этапы изготовления лодки-долблѐнки:

- заготовка подходящей для строительства лодки древесины (осина нужной длины, диаметром в месте спила от 40 до 80 см, цилиндрической формы, без внешних «пороков»: сучков, гнили, наростов, механических повреждений);
- освобождение ствола от коры («окаривание») в тёплое время года (при плюсовой температуре), когда кора отсоединяется от блестящей поверхности дерева с потрескиванием;
- установка ствола в стапели, так чтобы имеющиеся «пороки» можно было выдолбить, а выпуклость («горб») осины находился внизу;
- разметка будущей лодки по стволу с напуском на обрезку и по торцу;
- оформление формы носа и кормы лодки;
- выборка топором полосы, в рамках которой предполагается выдалбливание древесины;
- выдалбливание древесины стальным (в древности – кварцевым, кремнёвым или сланцевым) теслом по принципу: сначала – центральную часть, затем – боковые (рис. 10);
- установка контрольных сторожков из ивовых веток длиной, соответствующей толщине борта (2–3 см), на смоле или клее для грубого оформления бортов;
- дальнейшее выдалбливание до кламп (выступов с отверстиями, к которым крепятся шпангоуты) и их оформление, выборка древесины между клампами до сторожков;
- зачистка внутренней и внешней поверхностей лодки стальным скобелем (в древности это можно было сделать каменными скребками и скобелями);
- поэтапная разводка бортов до необходимой ширины посредством нагревания до кипения налитой в лодку воды и распираания бортов толстыми еловыми ветками (рис. 11);
- установка шпангоутов из еловых загнутых веток посредством прикрепления их к клампам;
- просушка и пропитка лодки тюленьим жиром.

Рис. 10. Изготовление «морской» лодки-долблѐнки (выдалбливание). На снимке А.А. Казаков

Рис. 11. Строительство лодки-долблѐнки (разводка бортов)

Параметры «морской» лодки: длина – 8 м, максимальная ширина – 1,2 м, высота бортов – 40–45 см, вес – около 180 кг, приблизительная грузоподъёмность – около 1,2 тонны (для сравнения: обычные размеры речной долблѐнки 5,0×0,8×0,4 м).

Этап 2. Испытание долблѐнки в условиях Белого моря

В процессе подготовки к морскому переходу сложился экипаж долблѐнки в составе 6 человек: А.Я. Мартынов – капитан и рулевой, С.Б. Балан и А.Л. Шарков (Соловки), А.А. Казаков и Ю.Н. Рогачѐв (Устьяны) и С.А. Денисов (Москва) – гребцы. Испытания лодки-долблѐнки состоялись 27–28 июля 2010 года в разных погодных условиях: при попутном, встречном и боковом ветре до 5 м/с, по течению и против течения, против течения и ветра, на волне высотой до 30 см и в штиль. Работали пятью вѐслами, предоставляя возможность гребцам отдыхать по очереди. Переход от Рабочеостровска до о. Немецкий Кузов был осуществлѐн за 6 часов с коротким – на 20 минут – отдыхом на одном из Кемских островов (рис. 12). На данном отрезке пути были осуществлены следующие наблюдения:

- лодка устойчива в большей степени, нежели «берестянка», при условии, что сидения для гребцов и пассажира находятся на уровне ватерлинии или ниже её. Степень устойчивости напрямую зависит также от общего веса гребцов и груза (чем больше вес, тем устойчивее лодка);

- скорость движения зависит от нескольких обстоятельств. Максимальной скорости (8 км/ч) лодка достигла при движении в русле магистрального течения, минимальная (1,5 км/ч) была зафиксирована при движении против течения и ветра в проливе между островами Русский и Немецкий Кузова. Средняя скорость составила 4–4,5 км/ч;

- при движении по морю в условиях часто меняющегося ветра (прежде всего, между островами) необходимо использовать разные способы гребли: парами вѐсел при попутном или встречном ветре, тремя (или даже четырьмя) вѐслами против одного при боковом ветре, всеми пятью вѐслами с одного борта при сильных порывах бокового ветра;

- для выдерживания заданного курса на тяжѐлой лодке-долблѐнке, в отличие от лёгкой каркасной лодки, необходимо **постоянно** работать рулевым вѐслом, а также контролировать и регулировать работу гребцов;

- подобно «берестянке» долблѐнка «прорезает» встречную волну, бортовая волна до 30 см высотой поднимает и опускает её, при встрече с волной «в скулу» в лодку попадает небольшое количество воды;

- благодаря пропитке днища и бортов тюленьим жиром долблѐнка не пропускает воду; попасть в лодку она может только через борта.

В связи с усилением ветра и высокой волной на участке о. Немецкий Кузов – о. Большой Заяцкий и не имея возможности задержаться на Кузовах до следующего дня, а также в целях обеспечения безопасности экипажа данную часть маршрута лодка прошла на буксире за теплоходом Соловецкого музея-заповедника «Печак», показав способность держаться на воде при волне до 1 м высотой и движении со скоростью до 8 узлов.

Рис. 12. Лодка-долблѐнка на переходе Кемь–Кузова.
Экипаж (слева направо): А. Мартынов, С. Балан, А. Казаков, Ю. Рогачѐв, А. Шарков, С. Денисов

Переход от гавани XVI в. на о. Большой Заяцкий до монастырского дока Большого Соловецкого острова был осуществлён при штилевой погоде за 2 с половиной часа. Максимальная скорость, зафиксированная на данном участке, также составила 8 км/ч.

Заключение

Эксперимент, осуществлённый Соловецким музеем-заповедником, мастерами А.В. Шутихиным и А.А. Казаковым, а также рабочими группами и экипажами, доказал **возможность** плавания по Белому морю на каркасных берестяных лодках и лодках-долблёнках в любую из исследуемых археологами Севера эпох. Он также подтверждает достоверность изображений двух видов лодок в петроглифах Залавруги (выполнены в технике сплошной и контурной выбивки) и правомерность их интерпретации как долблённых и каркасных. В качестве доказательств **факта** существования такой практики в древности могут служить лишь непосредственные археологические источники. Это фрагменты берестяных лодок и деревянных долблёнок, связанные с первобытными стоянками и, возможно, территориями, прилегающими к ним (например, болото, примыкающее к террасе, на которой находятся пять древних стоянок, обозначенных названиями «Соловецкие-4, 5, 6, 13, 15, 21»). Учитывая незначительную раскопанную площадь памятников – не более 7–8 % от общей площади культурного слоя первобытных стоянок Беломорья [18, с. 187–212; 19, с. 313], – можно надеяться, что такие источники появятся в процессе будущих стационарных работ. Что касается лодок с баландирами и парусами, катамаранов и иных «маломерных» судов, то возможность их использования на Белом море также необходимо проверять экспериментально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартынов А.Я. Древнейший памятник материальной культуры на Соловецких островах // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1990.
2. Савватеев Ю.А. Залавруга. Часть I. Петроглифы. Л., 1970.
3. Жюльников А.М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
4. Савватеев Ю.А. Залавруга. Часть II. Стоянки. Л., 1977.
5. Песонен П.Э. Стоянки в низовье р. Кереть // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
6. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
7. Филатова В.Ф. Мезолитические памятники Карельского побережья Белого моря // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003.
8. Брюсов А.Я. Очерки по истории племён Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
9. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск, 1978.
10. Окороков А.В. Якоря корабельные. М., 1986.
11. Мартынов А.Я. О начале северного мореплавания // Русская культура нового столетия: проблемы сохранения, изучения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.
12. Девятова Э.И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л., 1976.
13. Елина Г.А. Лукашов А.Д., Юрковская Т.К. Позднеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастиельность и палеогеография). Петрозаводск, 2000.
14. Алеуты // Новый энциклопедический словарь. Под общей редакцией академика К.К. Арсеньева. Том 2. М., 1998.
15. Меновицков Г.А. Азиатские эскимосы // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей. М., 2002.
16. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
17. Шутихин А.В. Историческая реконструкция древней каркасной лодки из бересты // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России». Котлас, 2008.
18. Мартынов А.Я. Археологическая карта Беломорья: некоторые итоги и проблемы изучения // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
19. Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.

*Соловецкий государственный историко-архитектурный
и природный музей-заповедник,
Соловецкие острова, Архангельская область*

A.Ya. Martynov, A.V. Shutikhin, A.A. Kazakov

**THE PREHISTORIC NAVIGATION NEAR THE NORTH POLE:
THE EXPERIENCE AND RESULTS OF THE FIELD AND EXPERIMENTAL INVESTIGATIONS**

Summary

According to the archaeological sources (the petroglyphs of Zalavruga in North Karelia, the continental and island ancient settlements, the stone anchors and other inventory), the prehistoric navigation on the White Sea lasted from the middle of the 5th millennium BC to the second part of the 1st millennium AD. The main itineraries were: Kem' River and Vyg River – the Kuzova Archipelago – the Solovetsky Islands, the Onega Peninsula – Zhizhgin Island – the Solovetsky Archipelago. The experiments, organized by the scientists of the Solovetsky museum-reserve altogether with the national masters A. Shutikhin and A. Kazakov, showed that ancient people could go from the western and south-eastern coasts of the White Sea to the Sea Islands on the boats made with birch-bark and one tree.

*The State Historical, Architectural and Natural Museum-Reservation
of the Solovetsky Islands,
12, 9, Primorskaya St.,
Solovetsky Settlement, Primorsky District,
Arkhangelsk Region, 164070, Russia*

E-mail: martinov@solovky.ru

**А.Л. Александровский, К.В. Воронин,
Е.И. Александровская, Д.А. Мамонтова, А.В. Долгих**

**ПОЧВЕННО-ГЕОХИМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ
ИЗУЧЕНИЯ СТРАТИГРАФИИ МНОГОСЛОЙНЫХ
ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

Исследование многослойных археологических памятников нередко осложняется в связи со слабой расчленённостью культурных отложений. Это объясняется малыми темпами антропогенной седиментации и перемешиванием напластований человеком. По нашему мнению, большую роль в гомогенизации культурного слоя играют и процессы почвообразования. Данные процессы развиваются в верхней части естественных или культурных отложений (до глубины 1 м и более) и в течение длительного времени, после того как поселение прекратило своё функционирование, перерабатывают эти отложения и формируют в них систему горизонтов почвенного профиля. Причём признаки, сформировавшиеся ранее, на стадии седиментации, например палинологические спектры, часто не соответствуют почвенным горизонтам, вновь образующимся в толще данного седимента [1]. Особенно интенсивно культурные слои трансформируются и в том числе гомогенизируются под действием процессов накопления гумуса, а также турбаций (перемешивания), осуществляемых почвенной фауной [2].

Для исследования подобных стратиграфически и планиграфически гомогенных отложений могут быть применены методы естественных наук. Они используются в археологии для решения широкого круга задач, касающихся хронологии археологических памятников, процессов формирования культурного слоя, а также для проведения реконструкций палеосреды [2]. Такие методы, как радиоуглеродный и палинологический, достаточно прочно вошли в практику датирования археологических объектов и проведения палеореконструкций [3; 4; 5]. Вместе с тем методы геохимии и палеопочвоведения применяются ещё недостаточно. Среди первых работ в этом направлении следует упомянуть исследования геохимии средневековых городских отложений [6; 7]. Этими и последующими работами было установлено, что в результате деятельности человека культурный слой обогащается многими элементами. Предложено антропохимическое направление исследований, которое заключается в комплексном изучении элементного состава культурных отложений, почв, археологических объектов, останков человека, а также остатков фауны и флоры, окружавших человека и служивших ему источником пищи [8]. Широко известным и относительно простым методом элементного анализа археологических памятников является определение содержания фосфора [9]. Фосфор хорошо сохраняется в почве и отложениях и указывает на интенсивность накопления органического вещества животного происхождения.

Среди методов элементного анализа, перспективных для изучения культурных отложений, в том числе и слаборасчленённых, выделяется рентген-флуоресцентный. С его помощью можно определять большое количество макро- и микроэлементов не только в самих отложениях, но и в отдельных артефактах, что позволяет выяснять источники поступления элементов [8]. Данный метод применяется для изучения мощных культурных отложений городов, в которых “записана” ранняя и относительно недавняя история изменений окружающей среды [6; 10]. Также имеются примеры использования данного метода при исследовании внегородских археологических памятников с маломощным культурным слоем [8; 11; 12].

Данные валового анализа позволяют определять генезис пород, скрытую слоистость почв и культурного слоя (которая может быть не видна морфологически), характер почвенных процессов (подзолистого, лугового, чернозёмного) и по ним реконструировать условия почвообразования – лесные, степные и др. Микроэлементы накапливаются в культурном слое ещё более отчётливо, чем макроэлементы. Если анализ макроэлементов в основном направлен на изучение природных процессов, то по накоплению тех или иных микроэлементов можно более чётко реконструировать интенсивность и род деятельности человека, наличие тех или иных производств [2].

Примером таких археологических объектов со слабо дифференцированным культурным слоем является многослойное поселение Песочное-1 (оз. Неро, Ярославская область). Культурные отложения памятника

ка, изученные в раскопе 3 и шурфе 1, имеют тёмную, почти чёрную монотонную окраску. По археологическим данным, выделяются слои от неолита (лялово) до поздней бронзы (сетчатая керамика). Они залегают слитно и не различаются по внешнему облику. В целом культурные отложения памятника однородны и по вертикали, и по горизонтали.¹

Обычно содержание элементов в маломощных слоях подобных памятников невелико и слабо отличается от такового в естественных отложениях и почвах. Вместе с тем работы, начатые нами в 2008 г. на поселении неолита – бронзового века Песочное-1, дали необычные результаты, до того нам не встречавшиеся. В частности, были выявлены очень высокие концентрации ряда элементов в культурном слое. Кроме элементного анализа, в рамках комплексных исследований этого многослойного памятника были выполнены определения радиоуглеродного возраста культурного слоя и почвенные анализы (рН, содержание гумуса, фосфора, гранулометрический состав). С целью выяснения уникальности полученных данных по Песочному-1 были проведены определения элементов в культурном слое других поселений бронзового века на оз. Неро: Липовка-1 и в районе Яковлевского монастыря в Ростове Великом. Также изучались почвы, погребённые под культурным слоем.

Данные физико-химических анализов

Аналитические данные свидетельствуют о существенных различиях между культурным слоем, погребённым гумусовым горизонтом, нижележащими срединными горизонтами погребённой почвы и верхним слоем аллювия. Культурный слой выделяется легкосуглинистым составом с несколько повышенным содержанием фракций песка. Реже его состав среднесуглинистый. В отличие от культурного слоя в гумусовом горизонте погребённой почвы значительно меньше примесь фракции среднего песка. Культурный слой на месте поселения и фоновые почвы перекрыты слоем аллювия в 15–20 см, состав которого в основном среднесуглинистый. Фоновый разрез 7, расположенный в нижней части склона террасы, как и поселение Песочное-1, выделяется супесчано-песчаным составом. Выше на поверхности террасы состав почвы (разрез 4) более глинистый, но в верхней части профиля содержание тонких частиц уменьшается и, как в культурном слое, заметно возрастает содержание среднего песка (табл. 1).

Реакция почвенного раствора (рН) в проанализированных образцах почв и культурного слоя варьирует от кислой до нейтральной (табл. 2). Большинство значений находится в области слабокислой реакции. Наиболее кислые значения рН отмечены в фоновой подзолистой почве. В дерново-глеевой почве рядом с поселением значения рН менее кислые. В образцах из раскопа 3 и шурфа 1 они ещё менее кислые.

Наиболее кислые значения рН характерны для верхних горизонтов фоновых почв и почв на поселении. Это гумусовый горизонт и горизонт АВ, сформировавшиеся в слое аллювия, перекрывшего культурный слой. Наименее кислые – для нижних горизонтов, обычно подстилающих культурный слой. Для культурного слоя наиболее характерны слабокислые к нейтральным значения рН – 5,4–5,5, но в его верхней части они понижаются до 5,85–6,0.

Потеря при прокаливании наиболее велика в верхних гумусовых горизонтах, сформированных на мелодом аллювии. Книзу, в пределах культурного слоя и под ним, она постепенно снижается. Такое же распределение характерно и для органического вещества (гумуса) (рис. 1). При этом потеря значительно выше

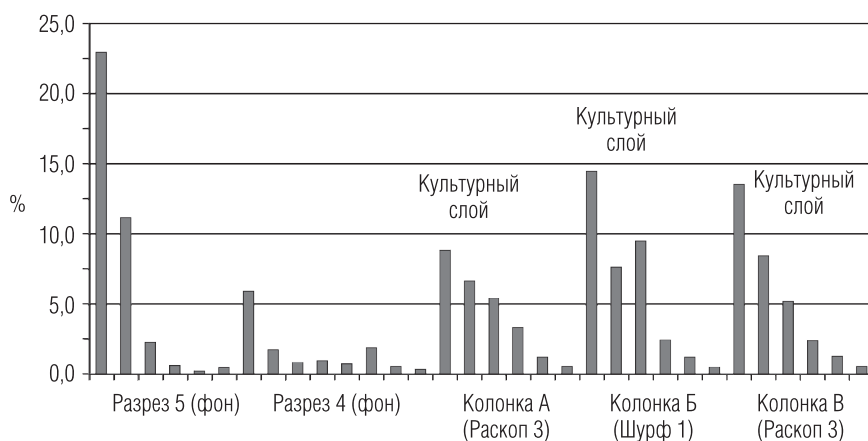

Рис. 1. Песочное-1. Содержание гумуса в культурном слое и почвах

¹ Результаты археологического изучения представлены в статье К.В. Воронина «Комплексы бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская Слобода II» в данном сборнике, подробные описания культурного слоя, результаты радиоуглеродных исследований рассмотрены в статье А.Л. Александровского и др. «Палеосреда голоцена и стадии формирования почв и культурного слоя поселений Песочное-1 и Липовка-1 на оз. Неро» в данном сборнике.

Таблица 1. Песочное-1. Гранулометрический состав почв и культурного слоя (содержание фракций в %)

Горизонт, глубина (см)	Фракции, мм							Название состава почвы
	1–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001	<0,01	
Раскоп 3, кв. 3–4, колонка Ж								
Ad, 10–15	5,25	33,27	31,56	7,22	9,06	13,64	29,92	Суглинок лёгкий
КС ₁ , 25–30	8,01	43,83	23,19	4,64	7,28	12,51	24,97	Суглинок лёгкий
КС ₂ , 35–45	5,97	48,80	23,72	3,79	5,26	12,46	21,51	Суглинок лёгкий
В, 50–55	3,47	45,66	27,99	4,29	4,37	14,22	22,88	Суглиное лёгкий
Шурф 1, колонка Б								
Ad, 0–8	4,71	20,85	33,40	10,32	14,44	16,28	41,04	Суглинок тяжёлый
AB, 8–26	3,77	18,78	38,09	11,86	13,05	14,45	39,36	Суглинок средний
КС ₁ , 26–40	6,64	33,22	29,32	8,31	9,11	13,40	30,82	Суглинок средний
КС ₂ , 40–64	3,35	41,82	27,87	4,09	6,36	16,51	26,96	Суглинок лёгкий
А1кс, 64–74	1,51	42,89	28,21	4,71	6,22	16,46	27,39	Суглинок лёгкий
В, 74–(84)	0,56	25,62	43,73	6,61	6,28	17,40	30,29	Суглинок средний
Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А								
Ad, 0–12	9,98	30,65	27,62	7,46	11,45	12,84	31,75	Суглинок средний
AB, 12–17	10,60	31,05	32,47	7,97	7,36	10,55	25,88	Суглинок лёгкий
КС ₁ , 17–37	13,00	35,83	27,17	6,45	7,96	9,59	24,00	Суглинок лёгкий
КС ₂ , 37–46	11,48	38,75	23,52	5,57	7,61	13,07	26,25	Суглинок лёгкий
А1кс, 46–55	8,20	34,43	24,67	11,48	6,37	14,85	32,70	Суглинок средний
В, 55–65	4,31	13,62	34,46	9,08	13,14	25,39	47,61	Суглинок тяжёлый
Разрез 7, фоновая почва								
Ad, 0–5	19,25	23,77	21,33	7,49	12,43	15,73	35,65	Суглинок средний
AB, 5–16	1,80	35,89	20,42	8,34	14,56	18,99	41,89	Суглинок тяжёлый
А1, 16–37	2,90	74,32	7,45	2,56	2,64	10,13	15,33	Супесь
ABg, 37–48	5,57	80,33	6,77	0,96	1,77	4,60	7,33	Песок связный
В ₁ g, 48–57	12,78	72,40	9,26	1,17	1,37	3,02	5,56	Песок связный
В ₂ , 57–63	2,85	13,92	41,88	7,44	9,42	24,49	41,35	Суглинок тяжёлый
Разрез 4, фоновая почва								
Ad, 0–7	7,54	38,66	30,53	6,35	7,58	9,34	23,27	Суглинок лёгкий
Ap, 7–30	8,59	40,76	24,29	6,67	10,09	9,60	26,36	Суглинок лёгкий
EL, 30–46	3,36	17,97	39,52	12,18	12,69	14,27	39,15	Суглинок средний
Ah, 32–45	1,30	13,76	44,47	12,85	14,36	13,26	40,47	Суглинок тяжёлый
ELB, 46–56	0,31	2,51	33,49	8,87	21,54	33,28	63,69	Глина лёгкая
Кротовина, 50–58	1,26	12,06	39,79	10,53	16,01	20,35	46,89	Суглинок тяжёлый
BT ₁ , 56–77	0,83	9,94	27,00	9,72	14,15	38,36	62,23	Глина лёгкая
BT ₂ , 77–100	0,04	50,98	16,52	3,62	4,82	24,02	32,46	Суглинок средний

1–0,25 – песок средний; 0,25–0,05 – песок мелкий; 0,05–0,01 – пыль крупная; 0,01–0,005 – пыль средняя; 0,005–0,001 – пыль мелкая; <0,001 – ил; <0,01 – физическая глина; КС – культурный слой; кв. – квадрат; **жирным** шрифтом выделена повышенная концентрация. Почвенные горизонты: Ad – дернина; А1 – гумусовый; Акс – гумусовый с участием материала культурного слоя; Ap – пахотный; AB – переходный от гумусового к срединному; BT – иллювиальный (срединный); Bg – срединный оглеенный

содержания гумуса. При прокаливании кроме гумусовых веществ теряются недоразложившееся органическое вещество, некоторые минеральные вещества, а в культурном слое – и углистое вещество и дисперсная кальцинированная кость.

Содержание фосфора в культурном слое очень высоко (табл. 2, рис. 2). В раскопе 3 и шурфе 1 его в 20–50 раз больше, чем в фоновых почвах. Максимально содержание фосфора в верхней и средней частях культурного слоя и заметно снижается в горизонте А1кс.

Важно отметить, что его содержание в обоих горизонтах, лежащих под культурным слоем: и в чёрном А1кс и в светлоокрашенном В (материк) – почти одинаково и существенно выше, чем в горизонтах А1 и В фоновых почв. Следовательно, фосфор проник в погребённую почву, в горизонты А1кс и В, после погребё-

Таблица 2. Песочное-1. Результаты почвенных анализов

Горизонт, глубина (см)	pH _{H2O}	ППП, %	Сорг, %	Гумус, %	P ₂ O ₅ , %
<i>Разрез 7, фоновая почва</i>					
Ad, 0–5	5,25	–	13,46	22,882	0,3
AB, 5–16	5,15	–	6,55	11,135	0,21
A1, 16–37	6,05	5,1	1,33	2,261	0,11
ABg, 37–48	6,3	1,94	0,37	0,629	0,08
B ₁ g, 48–57	6,65	–	0,12	0,204	0,04
B ₂ , 57–63	6,4	–	0,25	0,425	0,014
<i>Разрез 4, фоновая почва</i>					
Ad, 0–7	5,1	–	3,47	5,90	0,18
Ap, 7–30	5,45	–	1,02	1,73	0,15
EL, 30–46	5,75	–	0,49	0,83	0,13
Ah, 32–45	5,5	–	0,55	0,94	0,12
ELB, 46–56	5,4	–	0,41	0,70	0,15
Кротовина, 50–58	5,45	–	1,1	1,87	0,20
BT ₁ , 56–77	5,45	–	0,33	0,56	0,15
BTg ₂ , 77–100	5,7	–	0,19	0,32	0,14
<i>Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А</i>					
Ad, 0–12	5,7	17,6	5,19	8,82	2,08
AB, 12–17	6	14,96	3,9	6,63	2,68
KC ₁ , 17–37	6,5	12,78	3,18	5,41	5,23
KC ₂ , 37–46	6,55	8,26	1,95	3,32	3,8
A1кc, 46–55	6,4	5,4	0,72	1,22	0,92
B, 55–65	6,5	–	0,31	0,53	0,65
<i>Шурф 1, колонка Б</i>					
Ad, 0–8	5,25	26,71	8,47	14,40	1,01
AB, 8–26	5,6	20,18	4,47	7,60	1,25
KC ₁ , 26–40	6,3	11,76	5,57	9,47	5,48
KC ₂ , 40–64	6,5	6,99	1,41	2,40	2,36
A1кc, 64–74	6,6	4,84	0,72	1,22	0,91
B, 74–(84)	6,6	–	0,3	0,51	0,79
<i>Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В</i>					
Ad, 0–8	5,4	–	7,94	13,50	1,18
AB, 8–12	5,4	–	4,95	8,42	1,77
KC ₁ , 12–41	6,45	12,3	3,05	5,19	4,67
KC ₂ , 41–59	6,5	6,65	1,39	2,36	2,49
A1кc, 59–68	6,55	4,18	0,76	1,29	0,83
B, 68–75	6,5	–	0,31	0,53	0,75
<i>Раскоп 3, кв. Р-10, колонка Г</i>					
AB, 10–20	5,45	–	4,55	7,74	1,08
KC, 20–27	5,85	–	3,36	5,71	2,33
KC, 27–34	6	–	2,87	4,88	2,69
KC, 34–40	6,15	–	1,73	2,94	2,41
B, 40–60	6,25	–	0,43	0,73	1,04
<i>Раскоп 3, кв. З-4, колонка Ж</i>					
AB, 10–15	5,85	14,78	3,78	6,43	1,43
KC, 25–30	6,4	8,53	1,84	3,13	2,9
KC, 35–45	6,45	6,4	1,15	1,96	3,18
B, 50–55	6,35	4,26	0,42	0,71	0,89

Значения pH: 4,5–5,5 – кислые; 5,5–6,5 – слабокислые; 6,5–7,0 – нейтральные. **Жирным** шрифтом выделены повышенные концентрации. Прочерк означает – не определялось.

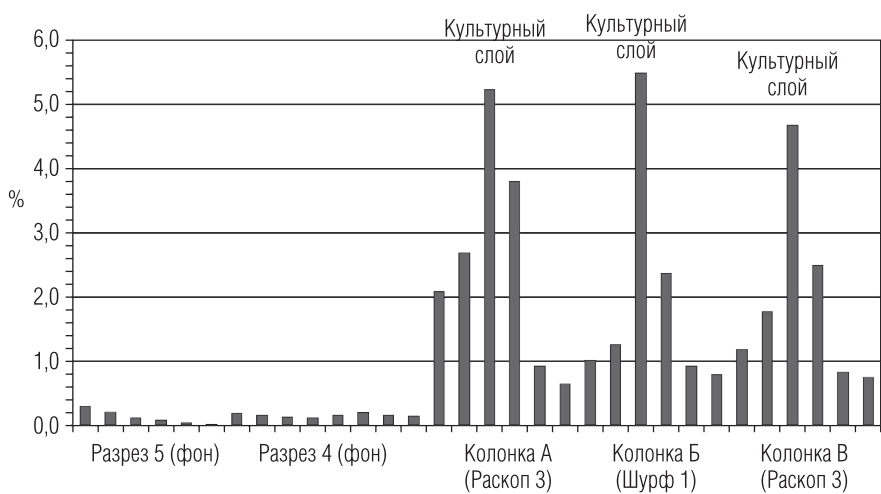

Рис. 2. Песочное-1. Содержание фосфора в культурном слое и почвах

ния в результате вымывания сверху. Также фосфор в значительных количествах проник и в аллювий, перекрывший культурный слой. Видимо, это связано с биотурбациями. В этом же слое аллювия, лежащем на фоновой почве за пределами поселения, фосфора мало.

Обнаруженные невысокие концентрации фосфора в фоновом разрезе 7 (табл. 2) позволяют сделать ещё один вывод: богатые фосфором сапропелевые отложения, имеющиеся в озере, никогда не попадали естественным путём в отложения террасы, на которой находится поселение. Данный разрез расположен на склоне к озеру, в геоморфологической позиции, сходной с поселением. Также маловероятно, что человек мог транспортировать озёрные сапропели на место поселения из озера.

Данные валового элементного анализа

С целью выявления неоднородности культурного слоя было определено содержание элементов как по колонкам, характеризующим полный профиль почв и отложений от верхнего аллювия и культурного слоя до погребённой почвы и материнской породы, так и по всей площади раскопа – по образцам, отобраным полойно по сетке с шагом 1 м. Содержание кальция, фосфора, меди, цинка, железа, марганца, свинца, мышьяка и других элементов определяли с помощью метода *рентген-флуоресцентного анализа*. К настоящему времени проанализировано около 350 образцов по трём верхним пластам (I верх, I и II подошва) раскопа 3. Проведены такие же определения для культурных слоёв бронзового века из поселения Липовка-1 и в районе Яковлевского монастыря в Ростове Великом – проанализировано около 50 и 20 образцов соответственно.

По результатам определений в культурном слое поселения Песочное-1 обнаружены высокие концентрации не только фосфора, который характерен для поселений древнего человека, но и других элементов (табл. 3), например кальция, в культурный слой обычно поступающего с антропогенными карбонатами. Однако в культурном слое поселения Песочное-1 карбонаты отсутствуют, кальций находится преимущественно в составе фосфата кальция (апатита), что соответствует химическому составу кости. Среди микроэлементов высоким содержанием отличались медь и цинк. Определения по колонкам показали, что содержание четырёх элементов – Ca, P, Cu, Zn – является высоким и очень высоким только в культурном слое. Сразу под слоем содержание этих элементов резко понижается и постепенно приближается к фоновым значениям (табл. 3, рис. 3). Это свидетельствует о хорошо выраженной сорбции этих элементов и очень слабой их миграции вниз по профилю.

Послойные определения по площади раскопа, характеризующие верхнюю и среднюю части культурного слоя, показали, что содержание указанных четырёх элементов поднимается до столь высоких концентраций, какие в культурных слоях ранее нам наблюдать не доводилось (табл. 3, 4). Они встречаются лишь в единичных случаях в более молодых, мощных слоях городов, средневековых и Нового времени, насыщенных следами различных производств [8]. В культурном слое обычных внегородских поселений концентрации Cu и Zn находятся на уровне фона или незначительно выше. В данном случае (Песочное-1) отмечается достаточно ровное содержание данных элементов, без обычных для культурных слоёв резких колебаний, что, вероятно, связано с перемешиванием почвенной массы землероями (биотурбации). В среднем содержание CaO в 6–7 раз выше, чем в фоновых почвах, P₂O₅ – в 30–40, Cu – в 4–5, Zn – в 10–15 раз (табл. 5).

Также отмечается, что содержание CaO, P₂O₅, Cu, Zn местами согласованно увеличивается при наличии (в культурном слое) кальцинированной кости (табл. 4). Содержание других элементов – свинца, мышьяка, – нередко повышенное в слоях древних поселений, здесь находится в пределах фоновых значений. Причём некоторые флуктуации в их содержании, в отличие от Cu и Zn, никак с колебаниями в содержании Ca и P не совпадают.

Таблица 3. Песчаное-1. Содержание макроэлементов (оксиды в %) и микроэлементов (в мг/кг)

Горизонт, глубина (см)	CaO	P ₂ O ₅	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	Cu	Zn	Pb	Cr	Co	Ni
	(%)	(%)	(%)	(%)	(%)	(ppm)	(ppm)	(ppm)	(ppm)	(ppm)	(ppm)
Разрез 7, фоновая почва											
Ad, 0–5	2,09	0,54	0,49	0,179	6,51	46	102	57	81	13	46
AB, 5–16	0,83	0,36	0,64	0,024	4,94	26	46	28	103	8	25
A1, 16–37	0,8	0,48	0,42	0,013	2,5	8	13	18	56	2	6
AB _g , 37–48	0,62	0,29	0,37	0,024	1,62	3	2	10	42	1	2
B _{1g} , 48–57	0,67	0,16	0,39	0,024	1,16	4	4	6	61	1	3
B ₂ , 57–63	1,05	0,2	0,93	0,049	5,03	21	43	27	120	9	26
Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А											
Ad, 0–12	5,25	3,88	0,62	0,34	5,17	64	298	16	82	13	23
AB, 12–17	4,79	3,20	0,57	0,23	4,20	74	244	15	77	9	25
KC ₁ , 17–37	11,06	8,32	0,45	0,22	3,24	104	447	8	53	12	22
KC ₂ , 37–46	8,42	6,11	0,53	0,16	3,15	60	326	13	66	12	17
A1 _{кс} , 46–55	2,06	1,34	0,67	0,05	3,36	23	75	13	92	10	12
B, 55–65	1,37	0,73	0,85	0,06	5,06	16	88	18	122	10	21
Шурф 1, колонка В											
Ad, 0–8	2,64	1,51	0,71	0,28	6,07	53	220	41	102	8	34
AB, 8–26	3,26	2,09	0,72	0,16	5,56	69	224	21	102	13	30
KC ₁ , 26–40	9,32	6,70	0,50	0,14	3,19	85	384	12	59	5	25
KC ₂ , 40–64	4,63	2,97	0,61	0,09	3,13	38	132	16	75	7	24
A1 _{кс} , 64–74	2,05	1,16	0,65	0,05	3,03	25	62	13	79	9	20
B, 74–(84)	1,80	1,25	0,74	0,07	4,68	27	58	20	104	9	25
Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В											
Ad, 0–8	3,51	2,17	0,67	0,27	5,30	55	228	31	89	17	27
AB, 8–12	3,69	2,76	0,62	0,15	5,49	61	213	21	87	10	20
KC ₁ , 12–41	11,20	8,80	0,44	0,30	3,56	140	417	12	53	10	16
KC ₂ , 41–59	6,89	5,09	0,45	0,09	2,53	45	232	11	50	6	14
A1 _{кс} , 59–68	1,97	1,31	0,68	0,04	3,11	18	65	20	92	5	10
B, 68–75	1,55	1,07	0,74	0,08	4,03	15	57	17	95	10	18
Раскоп 3, кв. Р-10, колонка Г											
AB, 10–20	3,08	2,45	0,7	0,225	4,99	69	235	28	80	12	25
KC, 20–27	5,17	3,55	0,59	0,289	3,95	115	382	14	73	10	26
KC, 27–34	6,47	4,86	0,56	0,189	3,53	114	372	10	74	7	26
KC, 34–40	5,01	3,54	0,59	0,152	3,51	117	297	12	91	5	21
B, 40–60	1,23	0,8	0,8	0,05	5,76	21	106	21	121	8	29
Раскоп 3, кв. 3–4, колонка Ж											
AB, 10–15	3,42	2,39	0,61	0,08	4,81	51	147	19	86	13	23
KC, 25–30	6,79	5,21	0,51	0,09	3,42	59	207	12	70	11	11
KC, 35–45	6,96	5,38	0,48	0,10	2,85	40	184	14	53	11	16
B, 50–55	2,68	1,80	0,60	0,07	2,84	24	68	9	71	9	19

Жирным шрифтом выделены максимальные концентрации; ppm – 10⁻⁶ (или мг/кг).

При сравнении поведения четырёх элементов (Ca, P, Cu, Zn) и анализе их распределения по пластам выявляются определённые различия (рис. 4, 5). Вниз по профилю, от пласта Iв к пластам IIп и IIIп, содержание кальция увеличивается, также увеличивается и содержание фосфора. Наоборот, содержание меди, максимальное в верхнем слое Iв, с глубиной уменьшается. Распределение цинка по глубине более равномерное, местами с небольшим его накоплением с глубиной. Однако на некоторых участках, например 5 и 6, в нижнем проанализированном слое (пласт 2) содержание цинка, фосфора и кальция снижается. Причём это снижение отмечается в квадратах, расположенных в самой верхней части склона. Вероятно, здесь, на уровне

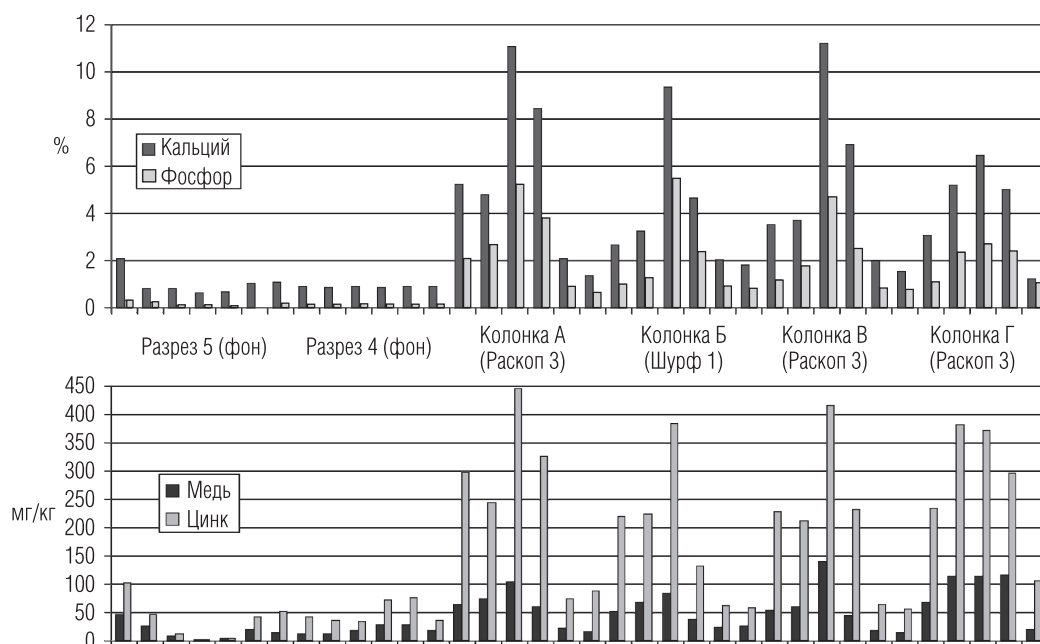

Рис. 3. Песочное-1. Сравнительные диаграммы концентрации кальция, фосфора, меди и цинка в культурных отложениях и фоновых почвах

Таблица 4. Песочное-1. Содержание макроэлементов (даны в оксидах в %) и микроэлементов (в мг/кг) в культурном слое поселения (участки 5 и 6, пласт Iв – верхний) и фоновой почве

Квадрат	Характеристика слоя	CaO	MnO	Fe ₂ O ₃	P ₂ O ₅	Cr	Co	Ni	Cu	Zn	Pb
		(%)				(мг/кг)					
	Кларк*	1,5	0,1	5	0,2	122	29	99	30	76	13
Н-5	ТКС+кк	9,55	0,177	3,44	7,58	55	10	26	125	509	17
Н-6	ТКС+кк	8,79	0,239	3,58	6,6	57	8	27	128	507	18
Н-7	ТКС+кк	7,72	0,198	3,8	6,02	67	8	27	126	472	8
Н-8	ТКС	4,13	0,128	4	2,87	75	13	21	74	285	20
Н-9	ТКС	3,93	0,155	3,97	3,08	75	10	26	90	261	20
Н-10	ТКС	3,92	0,217	4,22	3,02	71	9	25	99	289	21
Н-11	ТКС	4,19	0,371	4,5	3,25	83	7	26	103	311	16
О-5	ТКС+кк	8,48	0,186	3,36	6,5	59	6	28	139	517	14
О-6	ТКС+кк	7,74	0,245	3,62	5,9	65	7	27	119	486	13
О-7	ТКС+кк	7,36	0,147	3,39	5,42	67	5	32	124	469	17
О-8	ТКС	4,56	0,439	4,66	3,86	79	11	28	92	324	24
О-9	ТКС	4,43	0,198	4,12	3,48	78	4	23	101	311	16

* Кларк – среднее содержание элемента в земной коре. **Жирным** шрифтом выделены максимальные концентрации. ТКС – тёмно-коричневый слой; кк – кальцинированная кость.

Таблица 5. Песочное-1. Концентрация элементов в культурном слое и фоновых почвах

Элемент	Фон (ближний)	Раскоп 3, слой бронзы	Шурф 1, слой бронзы	Фон (дальний)
Медь (мг/кг)	10	80–150	85	20
Цинк (мг/кг)	35	350–500	380	40
Фосфор (%)	0,3	8–10	8	0,15
Кальций (%)	1	8–12	9	1

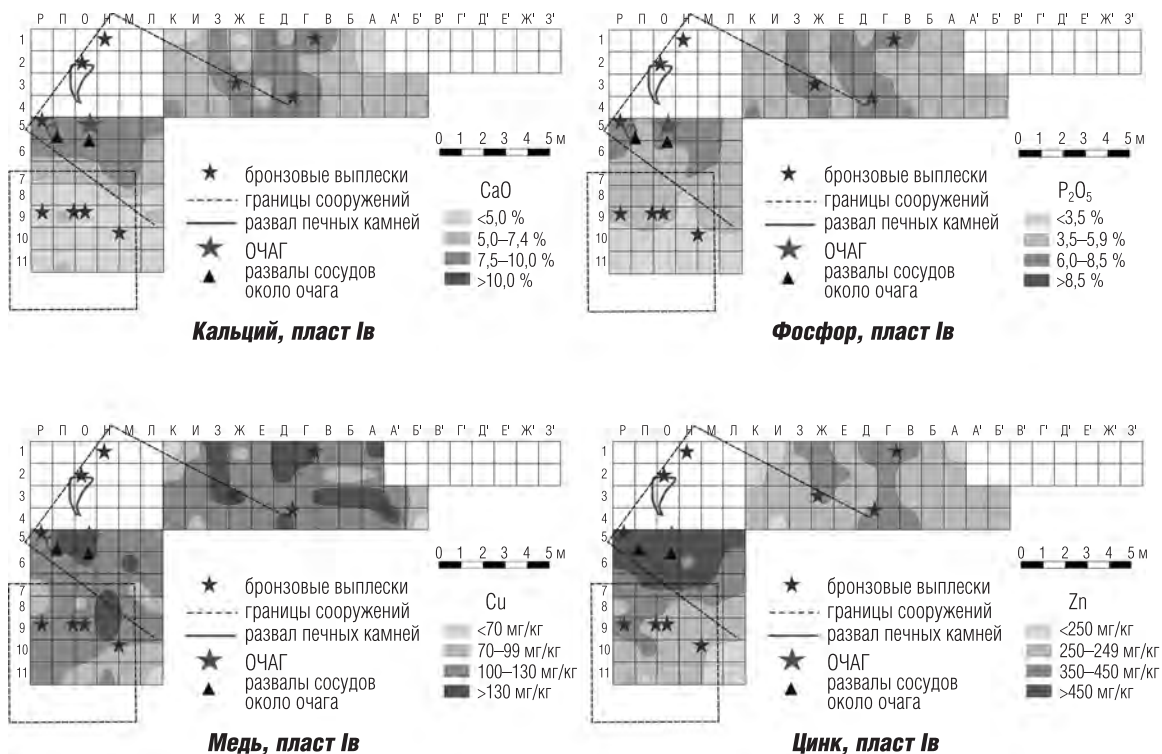

Рис. 4. Песочное-1. Раскоп 3. Карта-схема распределения концентраций элементов (кальций, фосфор, медь, цинк) по пласту Ib

пласта 2, в связи с меньшей мощностью культурного слоя уже начинается его нижняя часть, а максимум содержания элементов располагается выше. Содержание элементов повышается на отдельных микроучастках. Например, в квадратах П-5, П-6, О-5, О-6, Н-5, Н-6; также М-4, Н-4; Ж-1, 3-1, 3-2; Б-1, Б-2. Эти микроучастки характеризуют образцы с кальцинированной костью (табл. 4, рис. 4, 5).

В пределах раскопа 3 можно выделить зоны повышенных значений содержания четырех наиболее показательных элементов.

В пределах верхнего слоя (пласт Ib) выделяется зона пониженного содержания Са и Р – в кв. Л–Р-8–11, в юго-западной части раскопа. Цинк концентрируется в кв. Л–Р-5–7 – в западной части. Медь распределена относительно равномерно с небольшой мозаичностью (рис. 4).

Средний слой (пласт II) характеризуется более равномерным распределением элементов. Три из них, Са, Р, Zn, как и в верхнем слое, характеризуются пониженными концентрациями в кв. Л–Р-8–11. Также несколько ниже содержание всех четырех элементов в восточной части раскопа. Меди меньше в западной части раскопа (рис. 5).

Нижний из проанализированных слоёв (пласт III) характеризуется неравномерным распределением элементов. Обнаруживается зона наибольшего накопления Са, Р, Zn в средней части раскопа от линии квадратов В' до линии квадратов Д и почти так же много от линии Е до линии Н. Это можно было бы связать с существованием более узкой первоначальной зоны освоения данного памятника. За её пределами, в западной его части, особенно в юго-западном углу раскопа, содержание этих элементов понижено. Вместе с тем отметим, что в этой части раскопа мощность культурного слоя снижается, появляется опесчаненность, и образцы слоя 3, вероятно, здесь характеризуют более глубокий горизонт культурного слоя. Содержание меди понижено по всей площади раскопа, за исключением некоторых квадратов в западной и центральной его частях.

На участке, где были найдены следы очага (кв. Н–П-4–5), отмечаются очень высокие концентрации меди и цинка, что свидетельствует о металлургической активности в этом очаге (рис. 5).

Источники поступления кальция, фосфора, меди и цинка – четырех элементов, содержащихся в больших количествах, – разные. Кальций и фосфор, видимо, представляют собой компоненты фосфата кальция (апатит), составляющего основу кости. Поступление кости в культурный слой было очень интенсивным. Поэтому, несмотря на большую древность и относительно неглубокое залегание, на отдельных участках (пятнах) фрагменты кальцинированной кости обнаруживаются в большом количестве. Имеется предположение об использовании кости в качестве топлива. Часто этим пятнам соответствуют и проявления керамической крошки. Также, возможно, это зоны более активного поступления пищевых остатков (кости животных, а может быть, – и не сохранившиеся кости рыбы) и посуды. Это могут быть кухонные зоны. О возможности присутствия здесь в прошлом костей рыб свидетельствует и повышенная концентрация цинка. Известно,

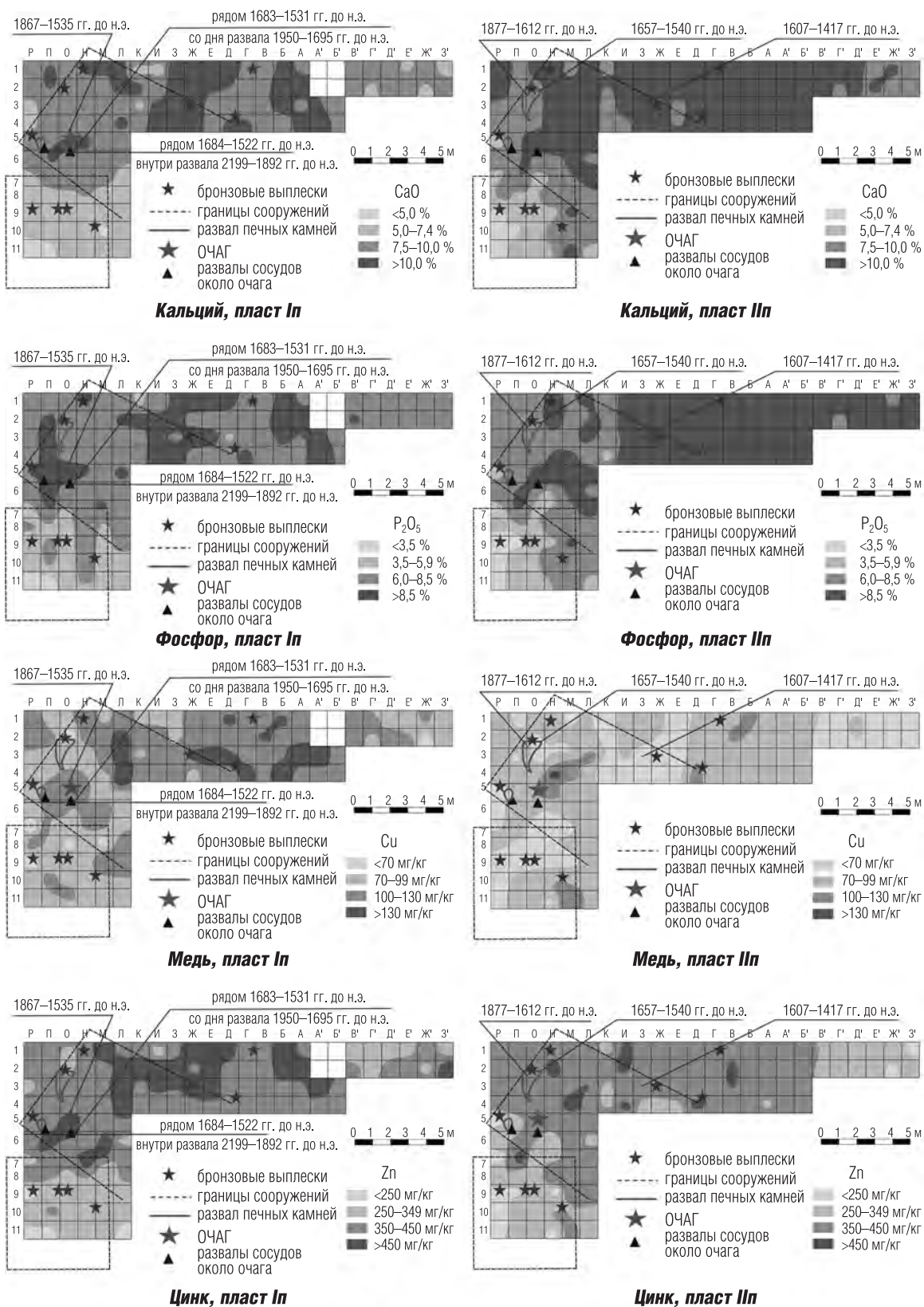

Рис. 5. Песочное-1. Раскоп 3. Карта-схема распределения концентраций элементов (кальций, фосфор, медь, цинк) по пластам Iп и IIп

что цинк накапливается в чешуе и жабрах рыб. Поэтому высокие концентрации этого элемента могут указывать на места разделки рыбы [8]. Высокое содержание кальция обуславливает возникновение особых геохимических условий. Известно, что многие элементы при избытке кальция становятся малоподвижными. Особенно высокую их стабильность обеспечивает фосфат кальция. Можно полагать, что в условиях высокого содержания кальция и фосфора сорбируются (становятся неподвижными) в основном цинк и медь.

Содержание меди максимально в верхнем слое. Источником её является металлургическое медное и бронзолитейное производство, имевшее место на данном памятнике на последнем этапе накопления культурного слоя. Время интенсивного поступления кости до конца неясно. Максимальное количество кальция и фосфора, наблюдающееся в нижнем (третьем) проанализированном пласте, может свидетельствовать о том, что поступление кости в большей степени шло в ранние этапы освоения территории (неолит). Не исключено, что на ранних этапах кальций и фосфор поступали вместе с костями рыб. Также вероятно возможность миграции кальция и фосфора вниз по профилю в виде трикальцийфосфата, что было установлено нами ранее на других археологических объектах [8].

Таким образом, на основании большого количества сделанных по пластам определений элементов обнаруживается максимальное накопление кальция и фосфора в нижнем проанализированном пласте (III), меди – в верхнем пласте (Iв). Средний слой занимает промежуточное положение по содержанию меди и часто близок к нижнему по содержанию фосфора. Цинк имеет высокое содержание во всех слоях, в некоторых случаях его повышенные концентрации локализуются в среднем слое (табл. 6).

Таблица 6. Песочное-1. Раскоп 3. Концентрация элементов по пластам

Пласт	Кальций (Ca)	Фосфор (P)	Медь (Cu)	Цинк (Zn)
I верх	+	+	+++	++
I подошва	++	++	++	+++
II подошва	+++	+++	+	+

+ – высокая концентрация; ++ – очень высокая концентрация; +++ – максимальная концентрация.

В составе выплесков, обнаруженных в культурном слое, кроме меди в большинстве случаев в значительном количестве содержится олово (табл. 7). Причём в выплеске 6 олова значительно больше, чем меди. Однако в культурном слое олово отсутствует. Наоборот, зафиксировано высокое содержание цинка. При плавке цветных металлов цинк обычно активно “летит” и накапливается на почве и других окружающих поверхностях [8]. Обнаруженные в составе выплесков элементы (Fe, Al, Si, P, Ca, S), вероятно, поступают из почвы и концентрируются на поверхности проанализированных фрагментов металла в окисленном слое.

Можно полагать, что металлургическое производство на поселении Песочное-1 служило источником поступления как минимум меди, олова и цинка. Однако в условиях высокого содержания кальция и фосфора сорбируются только медь и цинк, олово выносятся за пределы культурного слоя. Подвижными являются также свинец и, вероятно, многие другие элементы.

В течение функционирования поселения соотношение источников поступления элементов менялось. На более ранней стадии преимущественно поступали кости животных (кальций, фосфор)². В бронзовом веке в большей степени поступали остатки рыбы (цинк). В период поздней бронзы продолжается поступление кости и в большом количестве поступают остатки металлургического производства бронзы (медь, цинк).

Таблица 7. Песочное-1. Раскоп 3. Элементный состав выплесков

Выплески	Cu Медь	Sn Олово	Fe ₂ O ₃ Железо	P ₂ O ₅ Фосфор	SiO ₂ Кремний	Al ₂ O ₃ Алюминий	SO ₃ Сера	CaO Кальций
1а	21,4–28,8	28,7–20,4	1,5–1,0	30,5–23,0	4,4–7,9	1,6–1,7	8,6–11,5	2,8–5,3
1	20,1–23,2	15,9–9,6	1,0–0,6	27,7–17,9	17,3–26,5	4,3–3,8	7,7–8,8	5,6–9,1
2	23,9–26,3	11,5–6,7	0,36–0,2	24,2–14,9	24,0–34,9	5,6–4,8	8,2–9,0	2,0–3,1
3	66,7–67,8	4,6–2,5	4,7–2,4	4,0–2,3	4,3–5,8	1,1–0,9	3,4–3,5	9,4–13,6
4	33,7–42,0	0,0–0,0	0,12–0,08	47,8–33,4	5,5–9,0	2,7–2,6	9,0–11,1	0,8–1,5
5	81,0–82,8	2,7–1,5	1,5–0,75	4,4–2,5	3,5–4,7	1,3–1,0	3,0–3,0	2,4–3,4
6	15,0–20,4	42,9–30,8	1,6–1,1	17,9–13,7	4,8–8,6	1,2–1,3	12,4–16,7	3,5–6,7
7	57,6–62,2	0,0–0,0	0,48–0,25	19,2–11,5	8,4–11,8	1,8–1,5	10,1–10,7	1,6–2,5
8	30,5–34,8	4,7–2,8	2,1–1,2	31,7–20,3	15,5–23,4	2,9–2,6	11,2–12,8	1,1–1,7
9	89,6–89,8	0,60–0,32	0,27–0,13	1,50–0,84	2,9–4,0	1,2–1,0	2,5–2,5	0,8–1,2
9а	37,0–35,3	0,0–0,0	9,0–4,3	5,4–2,9	23,6–29,8	2,9–2,2	5,1–4,8	12,8–17,4
10	20,3–25,3	22,9–15,0	0,8–0,5	28,3–19,7	11,3–18,7	4,2–4,0	8,0–10,0	3,4–6,0

Жирным шрифтом выделены максимальные концентрации.

² Как уже отмечалось, не исключена миграция кальция и фосфора сверху.

Первые результаты исследований культурного слоя бронзового века в Ростове Великом и на поселении Липовка-1, а также известные по литературе данные не показали таких высоких концентраций элементов (Са, Р, Cu, Zn), как в Песочном-1 (рис. 6). Следовательно, поселение Песочное-1 пока является единственным с геохимически уникальным (аномальным) культурным слоем.

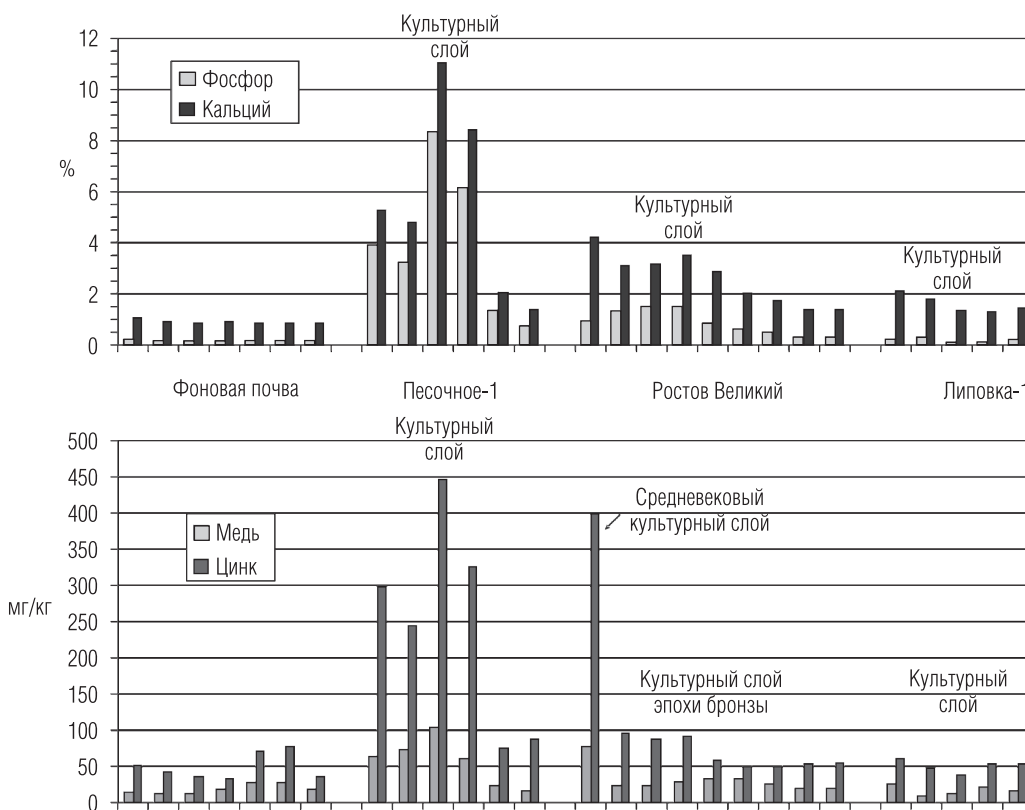

Рис. 6. Сравнительные диаграммы концентрации кальция, фосфора, меди и цинка в культурных отложениях поселений и фоновых почвах

Заключение

Использование почвенно-геохимических методов исследования позволяет стратифицировать морфологически гомогенные культурные отложения и оценить их пространственную неоднородность, а также соотносить с выделяемыми слоями археологических культур определённые разновидности деятельности древнего человека.

Следы разнообразной хозяйственной активности можно декодировать с помощью подробных определений содержания макро- и микроэлементов как по колонкам, характеризующим полный профиль почв и культурных отложений, так и по всей площади раскопа по образцам, отобраным послойно по сетке с шагом 1 м, включая ямы.

Среди методов элементного анализа, перспективных для изучения культурных отложений, в том числе и слабодоступных, выделяется рентген-флуоресцентный. С его помощью можно определять большое количество макро- и микроэлементов не только в самих отложениях, но и в отдельных артефактах, что позволяет выяснять источники поступления элементов.

В культурных отложениях поселения Песочное-1 выявлено высокое содержание кальция и фосфора, которые накапливаются в культурном слое за счёт поступления кальцинированной кости (апатита). Достаточно ярко в составе химических элементов «прочитываются» признаки присутствия металлургии бронзового века, приуроченные к верхней части слоя (последний этап существования культуры сетчатой керамики), признаки поступления жжёной кости (возможна частичная миграция Са и Р в нижнюю часть «сетчатого» и в льяловский слой) и цинка, видимо, в связи с рыболовецкой деятельностью (максимально выражено в средней части слоя с сетчатой керамикой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dimbleby, G.W.* The Palynology of Archaeological Sites. London, 1985.
2. Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений / Отв. ред. С.А. Сычева, Н.Б. Леонова. М., 2004.
3. Распределение радиоуглеродных дат археологических памятников мезолита и неолита Европейской России и корреляция их с изменениями природных процессов / *Г.И. Зайцева, В.И. Тимофеев, В.А. Дергачёв, А.А. Семенцов* // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. (Ежегодник радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Вып. I)
4. *Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А.* Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы // РА. 1999. № 3.
5. *Спиридонова Е.А., Алешина А.С.* Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М., 1995.
6. *Евдокимова А.К.* Тяжелые металлы в культурном слое средневекового Новгорода // Вестник Московского университета. Сер. геогр. М., 1986. № 3.
7. *Кайданова О.В.* Геохимия культурных слоев древних городов // Эколого-геохимический анализ техногенного загрязнения. М., 1992.
8. *Александровская Е.И., Александровский А.Л.* Историко-географическая антропохимия. М., 2003.
9. *Веллесте Л.* Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // КСИИМК. Вып. 42. 1952.
10. *Thornton, I.* Metal Contamination of Soils in Urban Areas // In Bullock et al.(ed.). Soils in the Urban Environment. Oxford, 1991.
11. *Александровская Е.И., Александровский А.Л.* Почвенно-геохимические исследования курганов Северного Кавказа // Известия АН. Сер. геогр. М., 2004. № 1.
12. *Николаев В.И., Якумин П., Александровский А.Л. и др.* Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М., 2002.

*Институт географии РАН,
Москва*

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.L. Alexandrovskiy, K.V. Voronin, E.I. Alexandrovskaya, D.A. Mamontova, A.V. Dolgikh

THE SOIL-GEOCHEMICAL METHODS FOR STUDYING THE STRATIGRAPHY OF THE MULTILAYER PREHISTORIC SETTLEMENTS

Summary

The use of the soil-geochemical methods can stratify the morphologically homogeneous cultural deposits and assess their spatial heterogeneity. The traces of the various household activities of ancient people can be decoded with the help of the detailed definitions of the content of macro- and microelements, such as the columns, characterized by the complete profile of soils and cultural deposits, and the entire area of the excavation on the samples collected in the layers in a grid step of 1 m, including the pit. Among the methods of the elemental analysis is promising for the study of the cultural deposits, including poor partitioned ones, released by the X-ray fluorescence. It can help to identify a large number of macro- and microelements, not only in the sediments themselves, but also in some artifacts that can ascertain the sources of the elements.

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny Lane, 119017, Russia*

*A.L. Alexandrovskiy, E.I. Alexandrovskaya – E-mail: alexandrovskiy@mail.ru
A.V. Dolgikh – E-mail: an_dolgikh@mail.ru*

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., 117036, Moscow*

*K.V. Voronin – E-mail: arch_burean@mail.ru
D.A. Mamontova – E-mail: mqs.dina@mail.ru*

И.В. Федюнин

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧЕТВЕРИКОВО: КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И ВОПРОСЫ ПЛАНИГРАФИИ

Введение

Изучение культурного слоя любого мезолитического памятника имеет свою специфику, обусловленную, помимо множества частных факторов, решением ряда источниковедческих проблем. Среди них – слабо насыщенный культурный слой, его нарушения природными и антропогенными механизмами, смешение разновременных и разнокультурных материалов и другие составляющие феномена натурации, отмеченные А.Н. Сорокиным [1, с. 7–26].

Казалось бы, при таком обилии объектов негативного влияния на культурный слой его информативность должна равняться нулю. Однако при понимании механизмов данных процессов изучение культурного слоя всё же необходимо.

В 2008–2010 гг. стоянка Четвериково обследовалась автором сборами, шурфами и раскопами общей площадью 136 м² [2, с. 110–132]. Памятник расположен на оконечности высокого мыса, возвышающегося над уровнем поймы левого берега р. Казынка на 14–16 м. Обзор с него включает пойму р. Казынка на 5 км западного сегмента горизонта и первые террасы всего левого берега реки. Культурный слой мезолитической стоянки в центре мыса перекрыт насыпью кургана эпохи бронзы.

Пространственный анализ является одним из эффективных инструментов комплексного изучения культурного слоя археологического памятника. В ряде исследований понятия «пространственный анализ» и «функционально-планиграфический анализ» считаются тождественными [3, с. 284]. Однако содержание первого термина гораздо шире: оно может включать в себя не только проблематику функционирования поселения и его планиграфических особенностей, но и решение других, чисто археологических, задач, например установления хронологии и разработки периодизации материалов памятника на основе данных, сохранившихся в культурном слое. Применение компьютерных средств трёхмерного моделирования позволяет использовать данный метод на совершенно ином качественном уровне, открывая его новые реконструктивные возможности [4, с. 12–15].

Пользуясь систематизированной А.Ф. Гореликом концепцией поселений ряда европейских и американских исследователей, имея определённые представления о материалах исследований стоянки Четвериково, можно ограничить её интерпретационные возможности наиболее дробной структурной единицей пространственного анализа («микроуровень А по Д. Кларку») [3, с. 284–304]. Ситуация здесь к тому же осложняется наличием неисследованного пространства между двумя раскопами в центральной части памятника.

Вопросы стратиграфии и горизонтальной протяжённости культурного слоя

Стратиграфия памятника достаточно сложна. Шурф 2008 г. не дал оснований для выделения в нём слоя насыпи кургана, хотя факт переотложения верха вмещающего находки грунта был зафиксирован [5]. Шурф 2009 г., поставленный с целью выявления границ памятника, также дал его стратиграфию без слоя насыпи. Сам этот слой был выделен по наблюдениям за бортами раскопов 2009–2010 гг. по ряду прямых и косвенных признаков, повторяемость которых была обусловлена большой (по сравнению с шурфами) вскрытой площадью.

Данные стратиграфии разных участков памятника приведены в таблицах 1, 2.

Они позволяют сделать некоторые выводы. Стратиграфия стоянки мезолита до возведения на её поверхности курганной насыпи, скорее всего, отражена в шурфе 2009 г. и раскопе 2 2010 г. Здесь нужно иметь в виду, что описанные литологические отложения будут более мощными в наиболее возвышенной части мыса и менее мощными, как в шурфе, – на его сниженных участках, подвергающихся плоскостным деформациям. Судя по большому количеству карбонизированных мезолитических изделий, определённая их часть первоначально залегала на суглинке.

Профиль культурного слоя по линии «север–юг» имеет форму изогнутой книзу линзы, что в общем соответствует уровню древней дневной поверхности. Не исключено, что формирование пространственной структуры залегания находок обусловлено склоновыми процессами.

Таблица 1. Стратиграфия раскопа 1 2009–2010 гг.

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	0,08 м	Современная почва. Слой дёрна с нечёткой нижней границей. Находки отсутствуют.
2	От 0,7 м на Ю до 0,4–0,3 м на С	Насыпь кургана. Слой пылеватой бесструктурной тёмной гумусированной супеси, книзу более тяжёлой и влажной. Не вскипает с HCL. Нижняя граница ровная, прямая в профиле, структура однородная, за исключением участков, разрушенных землероями. Содержит переотложенные находки мезолита и энеолита, материалы погребений эпохи бронзы.
3	0,01–0,03 м	Тонкая белёсая прослойка, состоящая из супеси, небольшой суглинистой фракции с мергелевыми включениями. Вскипает с HCL. Структура столбчатая, неоднородная. Форма тонкая, линзовидная. Прослежена участками по всем стенкам раскопа, за исключением северной. Данная прослойка разграничивает насыпь кургана и монолитный слой памятника.
4	От 0,4 м на Ю до 0,2 м на С	Погребённая почва. Тёмная гумусированная супесь. Структура плотная, однородная. Вскипает с HCL. Нижняя граница «рваная» в профиле, иногда нечёткая из-за повреждений землероями, смешанная с суглинком. Культурный слой мезолита. Судя по данным профильной развёртки и реконструкции микрорельефа поверхности слоя, он в древности подвергся плоскостному смыву по линии СЗ–ЮВ – по диагонали относительно стенок раскопа.
5	Прослеженная – 0,4 м	Материк. Коричнево-жёлтый неоднородный суглинок. Структура разнородная, с включением отдельных крупных песчинок кварца при преобладании лёссовидной основы. Верхняя граница неровная, местами несколько более тёмная. Вскипает при взаимодействии с HCL, содержит видимые мелкие карбонатные включения. Нарушен землероями. Содержит погребение эпохи бронзы.

Таблица 2. Стратиграфия раскопа 2 2010 г.

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	0,08 м	Современная почва. Слой дёрна с нечёткой нижней границей. Находки отсутствуют.
2	От 0,1 м на В до 0,5 м на З	Тёмная гумусированная супесь. Структура плотная, однородная. Вскипает с HCL. Нижняя граница «рваная» в профиле, иногда нечёткая. Вверху слоя встречены изделия энеолита, в его основании – мезолита.
3	0,02 м	Тонкая прослойка разнородного материала, содержащая в себя суглинки, гумус, мелкие карбонатные включения. Маркирует границу выкида из траншеи, пересекающей памятник.
3	От 0,4 м на Ю до 0,2 м на С	Слой светло-жёлтого суглинка со значительной долей песчано-гумусной фракции. Структура рыхлая, неоднородная. Вскипает с HCL. Нижняя граница неровная в профиле, иногда нечёткая из-за повреждений землероями, смешанная с суглинком. Содержит изделия мезолита.
4	Прослеженная – 0,4 м	Материк. Коричнево-жёлтый неоднородный суглинок. Структура разнородная с включением отдельных крупных песчинок кварца при преобладании лёссовидной основы. Верхняя граница неровная, местами несколько более тёмная. Вскипает при взаимодействии с HCL, содержит видимые мелкие карбонатные включения. Нарушен землероями. Находок не содержит.

Вопросы изучения планиграфии

Все материалы раскопок стоянки Четвериково были занесены в базу данных с целью создания трёхмерной модели культурного слоя по авторской методике¹. Ниже приводятся планы раскопов, в т.ч. отдельно для каждой категории находок.

1. Планиграфия всех находок в раскопах (рис. 1: А). Изучение планиграфического размещения всех материалов в раскопах приводит к выводу о наиболее плотной концентрации находок на центральной, самой возвышенной площадке мыса (раскоп 1) и наименьшей плотности находок на его западном склоне (раскоп 2). Здесь же, во втором раскопе, было выявлено мезолитическое погребение. Микроскопления на вскрытой двумя раскопами площади не обнаружены. Во втором раскопе, заложенном на периферии памятника, выразителен минимальный процент орудий при преобладании дебитажа.

2. Нуклеусы (рис. 1: Б). Образуют аморфные рассеянные скопления, занимающие $\frac{3}{4}$ северной части раскопа 1 и южную часть раскопа 2. Скопления – бесструктурные, в первом раскопе находки нуклеусов образуют линзу, расположенную по центру его длинной оси.

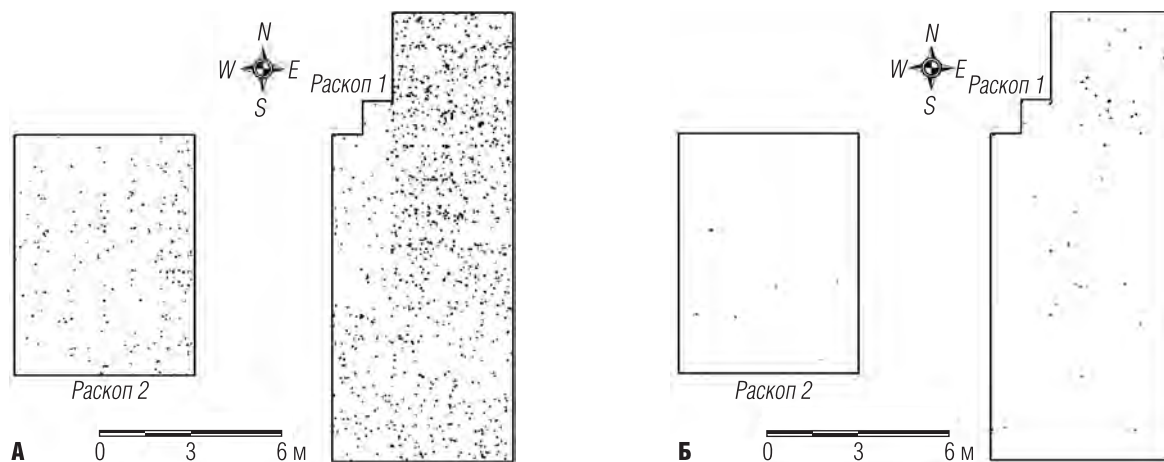

Рис. 1. Размещение находок в раскопах мезолитической стоянки Четвериково: А – всех находок; Б – нуклеусов

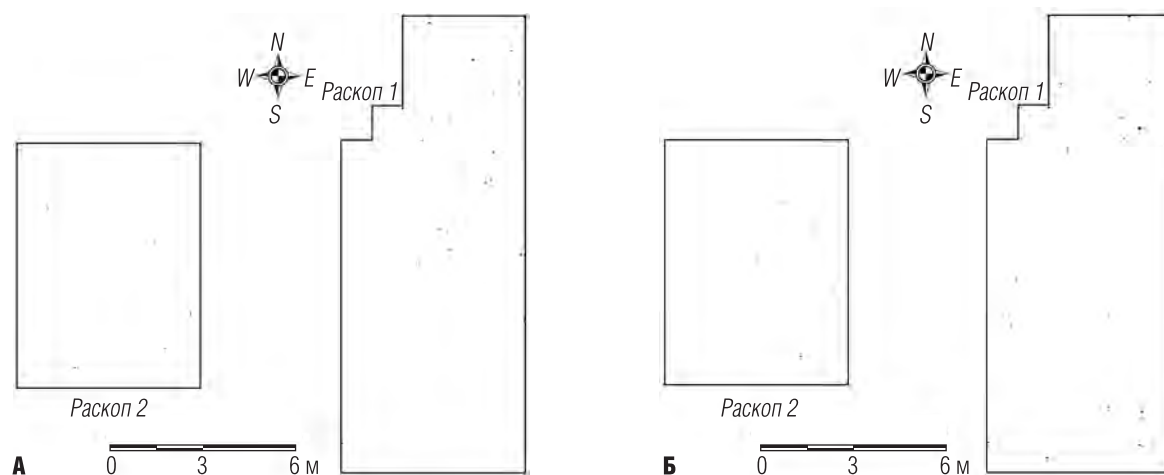

Рис. 2. Размещение находок в раскопах мезолитической стоянки Четвериково: А – резцов; Б – скребков

¹ Из подсчётов исключены материалы из насыпи кургана.

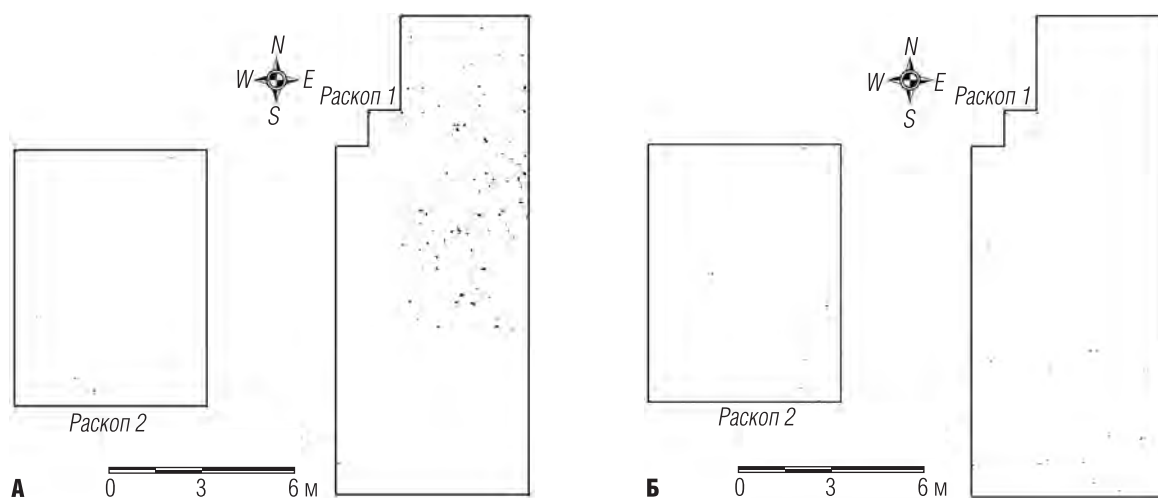

Рис. 3. Размещение находок в раскопах мезолитической стоянки Четвериково:
 А – фаунистических материалов; Б – изделий из импортного кремня

3. Орудия труда (рис. 2). Наиболее распространённые их категории – резцы и скребки. В первом раскопе резцы концентрируются в северной его половине, во втором – в юго-восточной. Скопления аморфны, не имеют чётких границ (рис. 2: А). Планиграфическое размещение скребков даёт иную картину: в раскопе 1 они образуют скопления в его северной и южной частях, в раскопе 2 занимают восточную часть раскопа (рис. 2: Б).

4. Фаунистические материалы (рис. 3: А). В первом раскопе локализованы в виде подпрямоугольного скопления, занимающего северо-восточную и центрально-северную части. Единичные находки фауны во втором раскопе расположены в его юго-западном углу.

5. Изделия из импортного кремня (рис. 3: Б). Находки из явно импортного для памятника чёрного мелового кремня оскольского или донецкого происхождения занимают южную половину первого раскопа и западную – второго.

Выводы

Представленные выше материалы стоянки мезолита характеризуются, за редкими исключениями, отсутствием чётко выраженных в плане структур, что может отчасти объясняться разрушением слоя.

Скорее всего, наибольшая интенсивность трудовых операций во время бытования памятника имела место в его центральной части (раскоп 1). Наложение уровней залегания разных категорий находок показывает сходные конфигурации скоплений резцов и фаунистических остатков. Такая ситуация может объясняться как наличием здесь площадки по обработке кости (на памятнике встречены костяные орудия труда), так и случайными факторами. «Размытые» скопления связаны с скребковыми орудиями, их планы свидетельствуют о том, что орудия, видимо, оставлены на местах работы. В остальных случаях имеющихся данных недостаточно для выделения производственных участков стоянки.

В целом, говоря о планиграфической структуре памятника, можно предположить наличие на нём нескольких производственных зон, в то время как утилизация нуклеусов, судя по всему, осуществлялась практически везде в пределах стоянки.

Высказанное ранее предположение о хронологической неоднородности изделий, изготовленных из местного и импортного кремня [2, с. 128], подтверждается в какой-то степени планиграфическими наблюдениями: артефакты из импортного кремня сосредоточены в южной части раскопа 1, в то время как стратиграфическая позиция данной группы находок не даёт оснований для установления хронологических приоритетов.

В заключение необходимо отметить, что исследование стоянки Четвериково даёт пример решения типичной для памятников мезолита с разрушенным культурным слоем проблемы, которое может быть связано с тщательным изучением планиграфии размещения находок и анализом обособленных в плане скоплений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М., 2006.
2. Федюнин И.В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.
3. Горелик А.Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита юго-восточной Украины. Киев; Луганск, 2001.
4. Федюнин И.В. Трёхмерные реконструкции культурного слоя памятников мезолита Среднего Дона (к методике исследования) // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета ВГПУ. Вып. 2. Воронеж, 2007.

5. Федюнин И.В. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Казынка (окрестности с. Четвериково) в Калачеевском районе Воронежской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

*Воронежский государственный
педагогический университет,
Воронеж*

I.V. Fedyunin

**THE MESOLITHIC SITE CHETVERIKOVO:
THE CULTURAL LAYER AND THE QUESTIONS OF PLANIGRAPHY**

In consequence of the study of the Mesolithic site Chetverikovo in the south of the Middle Don region the faintly isolated planigraphic structures which make it possible to outline the characteristics of the stereoscopic specialization within the monument were singled out. The question about the separation of two chronologically different groups of stone inventory is raised.

*Voronezh State Pedagogical University,
86, Lenina St., Voronezh,
394043, Russia,*

E-mail: feduniniv@mail.ru

Е.А. Юдина

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ФРАГМЕНТОВ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ (применительно к изучению древних жилых построек)

В самом общем виде планиграфический анализ обычно подразумевает изучение взаиморасположения объектов либо их фрагментов, представляющих собой некое логическое единство (например, относящихся к одному горизонту, одной постройке, памятнику и т.д.), и, как следствие, выявление и объяснение некоторых закономерностей в их пространственном распределении [1, с. 333–336; 2, с. 274–277]. В ходе изучения материала археологических памятников и позже, путём экспериментальных исследований, метод разрабатывался и апробировался прежде всего на планиграфии залегания каменного инвентаря [3, с. 9–12; 4, с. 4–8; 5, с. 97–149; 6, с. 60–69; и др.]. По этой причине большинство выявленных пространственных моделей отражает специфику “поведения” именно этого материала. Между тем в настоящее время метод в равной степени применяется для анализа распределения как каменных артефактов, так и других категорий находок, в том числе керамических изделий [7, с. 200–202; 8, с. 70–74; 9, с. 170–180; 10, с. 155–163; и др.].

Материал, из которого изготовлен тот или иной предмет, по вполне понятным причинам определяет некие детерминанты как в его использовании, так и в наиболее характерных “метаморфозах” после его выхода из актуальной культуры (характер поломки, способ уничтожения, удаления либо утилизации, изменения под влиянием осознанного и неосознанного воздействия человека и, позже, – естественных факторов). Очевидно, что все эти процессы (и, следовательно, моменты, их определяющие) в той или иной степени находят своё отражение в перемещении предметов или их фрагментов по территории жилых площадок и внутри помещений.

Привлечение данных, связанных со специфическим поведением керамики как материала, в ходе планиграфического изучения археологических комплексов не является широко распространённой практикой. Информация подобного рода изредка приводится в виде отдельных наблюдений за той или иной (чаще – исключительной) планиграфической ситуацией. По этой причине судить о том, какие отличительные свойства и характеристики фрагментированных глиняных изделий существенны для анализа, а какие – второстепенны, по материалам археологических памятников пока затруднительно. Альтернативой им могут послужить результаты немногочисленных экспериментальных исследований, затрагивавших вопросы археологизации керамики. Обратимся к некоторым фактам, характеризующим типичное перемещение и преобразование (дробление) фрагментов керамики на жилой территории – внутри постройки либо на открытой хозяйственной площадке – в зависимости от их расположения относительно различных функциональных зон [11, с. 87–91] и элементов интерьера и конструкции [12, с. 58–65].

В первое время после поломки сосуда – за первые 3–5 дней – его крупные осколки естественным образом удаляются из зон активных перемещений и деятельности людей: они либо дробятся до размеров около 1–3 см² и втаптываются в верхний рыхлый почвенный слой (при условии отсутствия покрытия поверхности пола), либо перемещаются (зачастую просто пинком) туда, где они не мешают; если жилая площадка невелика, то – за её пределы, но более вероятно удаление в зоны минимальной активности. К таким участкам относятся конструкции, перекрывающие пол, либо препятствующие хождению. В зависимости от характера элементов, ограничивающих на определённом участке активную деятельность обитателей, они могут обеспечивать длительную сохранность как мелких осколков (например, вокруг столбов и стоек), так и крупных (например, под низкими сидениями, в каменной обкладке очага). За пределами приочажной зоны и производственных площадок фрагменты перемещаются в соответствии с основными векторами передвижений обитателей лагеря. По отношению к местам частой поломки глиняной посуды такие участки являются периферийными. На данные участки фрагменты чаще всего попадают не сразу, нередко – в результате целого ряда не всегда известных нам процессов, уже испытав определённое механическое воздействие [12].

Приведённые факты иллюстрируют в основном три процесса: перемещение горизонтальное, вертикальное (“втаптывание”) и дробление. И если первые два затрагивают самые различные категории предметов, в том числе и каменные артефакты, то третий, а ещё вернее – тесное переплетение трёх процессов, – на мой взгляд, более характерно для преобразований, происходящих с глиняными изделиями, вышедшими из активного употребления, фрагментированными и т.д. Соответственно специфической оказывается корреляция размерных показателей фрагмента, места его залегания (относительно элементов конструкции и

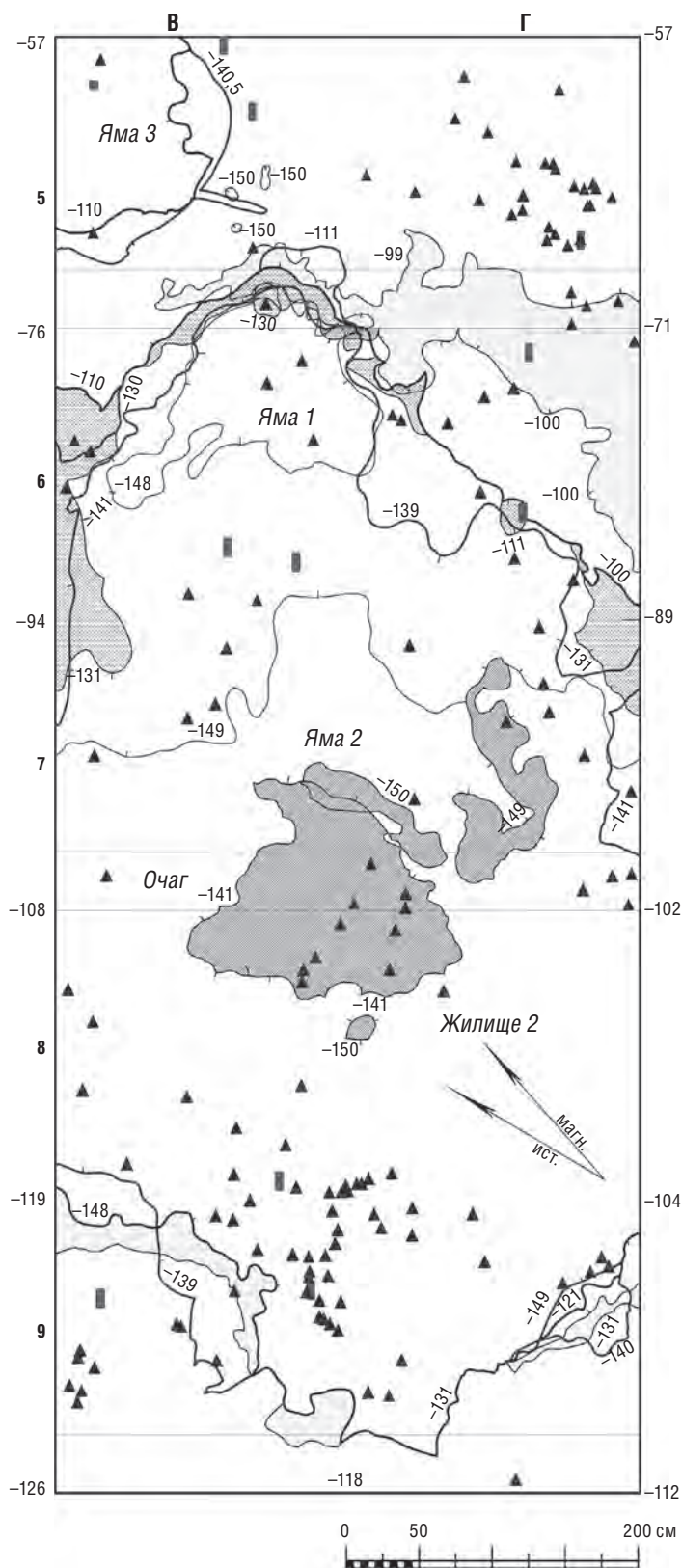

Рис. 1. Селище Барсова Гора II/19 (Сургутский район, Ханты-Мансийский автономный округ). Жилище 1. План распределения находок

зон повышенной либо пониженной активности обитателей) и глубины залегания (относительно уровня земляного пола либо уровня обитательной дневной поверхности).

В качестве примера ниже представлен небольшой эпизод, конкретная планиграфическая ситуация, проанализированная с учётом дополнительных данных по перечисленным процессам (прежде всего – первым двум, в связи с характером и степенью сохранности источника), демонстрирующая специфику и количество информации, которую можно извлечь при незначительных методических коррективах.

Селище Барсова Гора II/19 находится в одноимённом урочище, в 14–15 км к западу-северо-западу от г. Сургута. В 2008 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 88 кв. м (раскопки Е.Н. Дубовцевой) [13, с. 221–240]. Культурный слой на всей площади раскопа был сильно повреждён современными ямами различного происхождения. В ходе работ было исследовано несколько объектов, в т.ч. центральная часть жилища 1 кульгёганского типа эпохи бронзы (I-я пол. – сер. II тыс. до н.э.) (рис. 1). Объект был вскрыт не полностью: в пределы раскопа не вошли северо-западный и юго-восточный углы постройки. Судя по вскрытой части, можно предполагать, что котлован имел правильную прямоугольную форму и был ориентирован длинными сторонами по линии север – юг. Его размеры составляли примерно 6,2×5,3 м. Высота стенок варьировала от 40–45 см в северной части постройки до 30–35 см в южной (из-за общего наклона древней поверхности). Были зафиксированы локальный подъём уровня пола котлована на 5–7 см в северном и южном направлениях и общее понижение к юго-западу вслед за естественным уклоном поверхности, из чего можно сделать вывод об отсутствии сплошного жёсткого покрытия пола. Очаг размерами 1,2×1,2 м находился в центре жилища.

В качестве объекта планиграфического анализа рассматривалась выборка находок по дну жилища и по реконструируемой древней дневной поверхности. С учётом общего уклона и неровностей микрорельефа в выборку также были включены находки, залегавшие выше или ниже искомого уровня на 5–10 см. Чтобы иметь возможность подробнее остановиться на интересующих нас моментах, анализ был пространственно ограничен одним из наиболее крупных скоплений находок (западная половина жилища) и прилегающими к нему участками.

Если рассмотреть распределение фрагментов керамики по дну постройки (рис. 1), визуально можно выделить скопление, занимающее центр западной половины котлована. К югу и к северу от него концентрация находок значительно меньше. Усреднённые показатели количества фрагментов по квадратным метрам позволяют эту картину уточнить (рис. 2: 1): помимо основного крупного скопления в центре имеется ещё одно (поменьше) – у южной стенки. Средняя площадь фрагментов на единицу площади (квадратный метр) показывает несколько иную картину (рис. 2: 2): максимальные размерные показатели совпадают с южным “разрывом” в скоплении. На участке к северу от него (а также к югу, у самой стенки) средняя площадь фрагментов уже меньше, вокруг костра залегают совсем мелкое крошево.

Поскольку условно выбранные единицы площади совершенно не обязательно совпадают с неким планировочным модулем постройки (если таковой и имелся), то от обобщённой картины нам следует перейти к пофрагментному анализу выборки. Рассмотрим материал по размерным группам. Основанием для группировки послужили упоминавшиеся ранее экспериментальные данные по процессам археологизации керамики в различных условиях [11; 12]. Были выделены 4 размерных группы: до 3 см², до 8 см², от 8 до 15 и свыше 15 см².

Первая группа (рис. 3: 1) включает фрагменты площадью поверхности не более 3 см², которые маркируют собой зоны повышенной активности. Фрагменты относительно равномерно распределены вдоль западной стенки за исключением юго-западного угла (здесь, у самой стенки, залегают единственный осколок).

Следующая группа (рис. 3: 2) включает фрагменты площадью не более 8 см² – это своеобразный размерный максимум для активно эксплуатируемых зон (прежде всего – активного передвижения обитателей). Зона залегания этих фрагментов отчасти повторяет локализацию находок предыдущей группы, вписывается в неё, занимая её южную часть.

Площадь фрагментов, входящих в следующую, третью, группу, не превышает 15 см² (рис. 3: 3). Для фрагментов этой группы можно предположить незначительное (возможно, – непродолжительное) механическое воздействие. Зона их залегания несколько смещается к югу. При этом прослеживавшаяся ранее достаточно чётко южная граница скопления “размывается”.

Фрагменты последней, четвёртой, группы (рис. 3: 4), предположительно не испытывавшие сколько-нибудь серьёзного физического воздействия, “очерчивают” юго-западный сектор постройки, образуя две полосы, расположенные почти под прямым углом друг к другу. Единственный фрагмент, залегающий севернее, зафиксирован у самой стенки котлована, т.е. в зоне заведомо пониженной интенсивности перемещений, попав сюда случайно либо в результате целенаправленного удаления мусора.

Наконец, рассмотрим “связи” по фрагментам. Учитывались как случаи подклейки, так и взаиморасположение неподклеивающихся фрагментов одного изделия. По венчикам были выделены 12 сосудов, однако в коллекции присутствует большое количество фрагментов стенок и днищ, которые соотнести с выделенными сосудами не удалось. С учётом единичных фрагментов общее количество сосудов, соотносимых с комплексом, – более 20 [13, с. 229–231].

Формально “связи” между фрагментами распадаются на три варианта: “связи” между осколками, залегающими за пределами постройки; “связи” между осколками, залегающими как внутри, так и за пределами постройки; локализованные в пределах жилища. Во всех трёх случаях присутствуют сосуды, представленные различным числом фрагментов (начиная от одного) разного размера и сохранности. Для нас наибольший интерес представляет третий вариант “связей”: почти все они ограничены рассматриваемым скоплением (рис. 4). Кроме того, именно здесь сконцентрирована наибольшая часть “связей” по подклеивающимся фрагментам. Стоит отметить: скопление, его “границы”, пространство вокруг очага и вдоль стенок котлована маркированы фрагментами разных сосудов, т.е. отмеченные выше закономерности характеризуют не ситуацию поломки конкретного изделия, а более продолжительные процессы, протекавшие в помещении постоянно либо периодически.

Сведённые вместе, полученные данные позволяют предпринять попытку объяснения такого пространственного распределения материала.

Очевидно, мы наблюдаем естественную для приочажной зоны картину: непосредственно примыкающие к очагу участки равномерно покрыты мелким керамическим крошевом, которое образовалось здесь в результате постоянных активных действий и перемещений людей и предметов. Непосредственно к западу от очага картина примерно такая же. По мере приближения к юго-западному сектору количество чуть более крупных фрагментов (до 8 см) увеличивается, однако фрагменты и первой, и второй групп, т.е. демонстрирующие достаточно высокую степень механического воздействия, весьма чётко очерчивают некий разрыв в юго-западном углу. Вероятно, граница распределения фрагментов этих групп совпадает с границей зоны активности, с одной стороны (скорее всего, связанной с т.н. хозяйственной приочажной зоной и её периферией), и, с другой – некой зоны покоя, в которой сохранились самые крупные фрагменты (очевидно, что-то защищало их сверху). Расплывчатость этой границы, а также наличие связей между двумя фрагментами, залегающими на разных сторонах – “гранях” разрыва в скоплении, – позволяют говорить о том, что на уровне пола преграда не была непроницаемой. О том же косвенно свидетельствует и наличие в

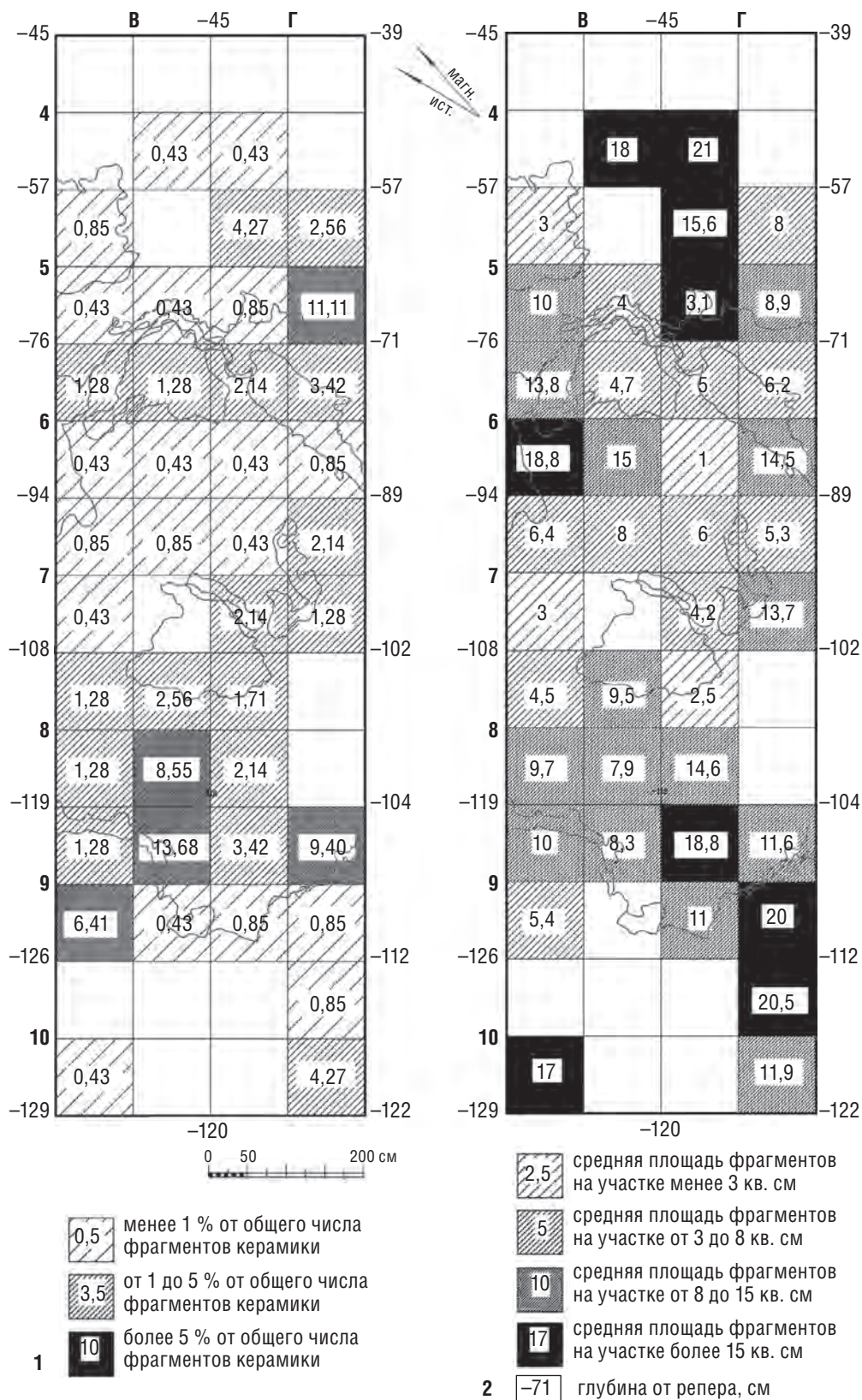

Рис. 2. Селище Барсова Гора II/19. Распределение находок в жилище 1: 1 – количество фрагментов керамики на квадратный метр; 2 – средняя площадь поверхности фрагментов на квадратный метр

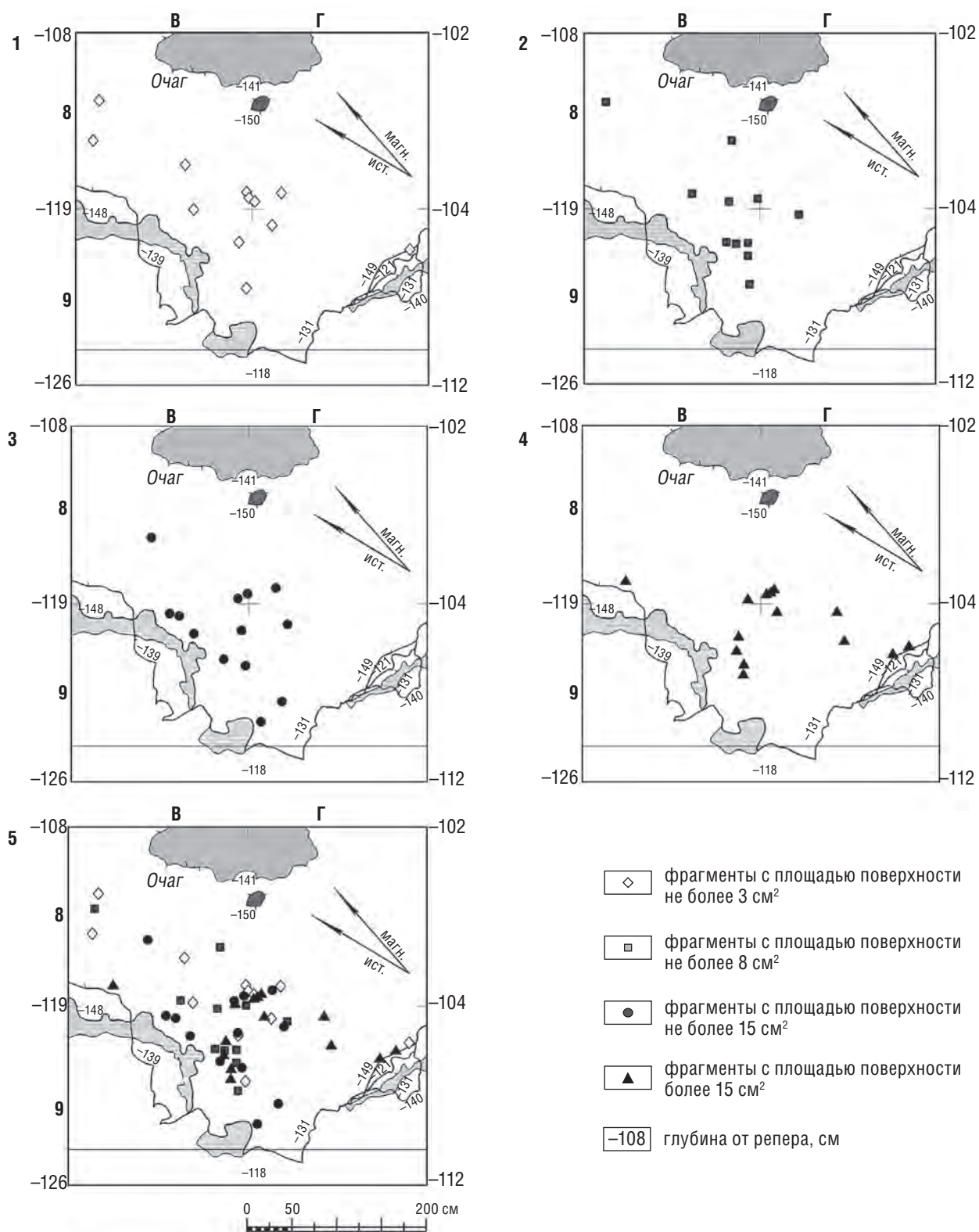

Рис. 3. Селище Барсова Гора II/19. Распределение фрагментов керамики различных по площади поверхности размерных групп: 1 – не более 3 см²; 2 – не более 8 см²; 3 – не более 15 см²; 4 – более 15 см²; 5 – в юго-западном секторе котлована жилища 1

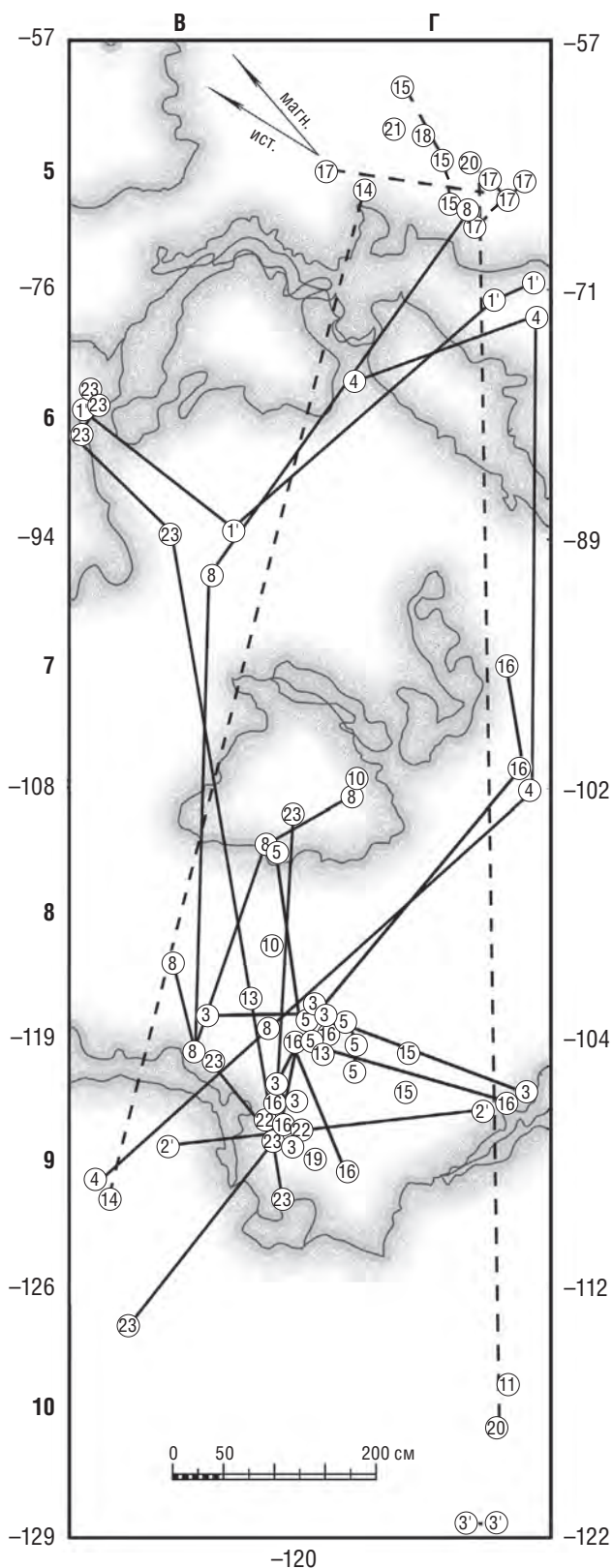

Рис. 4. Селище Барсова Гора II/19. Жилище 1. “Связи” по фрагментам керамической посуды (группировка по сосудам)

юго-западном секторе фрагментов третьей размерной группы: очевидно, как и несколько более мелкие, они могли отлететь сюда в результате непродолжительного воздействия (если, например, удар при поломке был достаточно сильным, повлияв соответственно на размер осколков и их разлёт).

Всем описанным характеристикам соответствует возможное наличие в юго-западном секторе невысокого помоста – ступеньки или сидения. Может быть, помост был стационарным, по крайней мере его расположение в жилище было постоянным либо изменялось не часто. Вероятно, именно с ним связана некоторая неровность западной стенки котлована: помост мог несколько выдаваться в этом направлении. Его наличие объясняет и хорошую сохранность фрагментов на этом участке, отразившуюся в концентрации именно здесь “связей” между подклеивающимися фрагментами. Интересно также, что скопления на других участках мешали обитателям куда больше и почти все включены в “связи” второго типа, в которых, очевидно, нашёл отражение процесс целенаправленного удаления фрагментов за пределы жилища.

По приведённым данным однозначно определить функцию этой детали интерьера затруднительно, но предположить можно. В ходе раскопок выход у постройки зафиксирован не был. В качестве одного из возможных устройств входа-выхода можно рассматривать реконструированное оформление юго-западного угла постройки (в виде ступеньки), тем более что для жилищ кулѣганского культурного типа известны примеры наличия двух выходов (юго-западный угол постройки – не единственный возможный вариант его расположения), в том числе неуглублённых и смещённых к углам [14, с. 87–102]. Не исключено, конечно, и иное назначение помоста: это мог быть фрагмент нар – рабочая площадка недалеко от очага и хозяйственной зоны. Хотя, на мой взгляд, активность перемещений вокруг помоста (которая прослеживается как в измельчении керамики, так и в попадании фрагментов под помост), а также само соседство с хозяйственной зоной всё же свидетельствуют, скорее, в пользу первого варианта.

- ① фрагмент сосуда № 1
- ③-③ “связи” между фрагментами одного сосуда, локализованные внутри жилища
- ④-④ “связи” между фрагментами одного сосуда, локализованные за пределами жилища
- ⑮-⑮ “связи” между фрагментами, залежавшими внутри и за пределами жилища
- 57 глубина от репера, см

Рассмотренное скопление не является исключительным по каким-либо характеристикам либо составу. Тем показательнее результаты, полученные с учётом дополнительных данных (в этом случае – размеров фрагментов в связке с их расположением в пространстве относительно элементов интерьера и конструкции). Оперирование “связями” между фрагментами и более привычными усреднёнными показателями изначально давало нам иную картину, которая без последующей корректировки не привела бы к полученным в итоге выводам. И если в некоторых случаях (исключительная сохранность источника) наблюдения такого рода могут быть не существенны для реконструкции интерьера либо самой постройки, то для большинства объектов косвенная информация по планировке и характеру использования помещения вряд ли будет излишней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадер О.Н.* Рец. на кн.: Leroi-Gourhan A., Brezillion M. L'habitation magdalénienne № I de Pincevent pres Montoreau (Seine-et-Marne). Paris, 1966; Leroi-Gourhan A., Brezillion M. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien. Paris, 1972 // СА. 1976. № 3.
2. *Васильев С.А.* Рец. на кн.: Pigeot N. Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organization sociale. XXVe Suppl. à “Gallia Préhistoire”. Paris, 1987; Olive M. Une habitation magdalénienne d'Etiolles L'unité P15 // Mémoires de la Société préhistorique française T. 20. Paris, 1988 // СА. 1991. № 4.
3. *Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю.* Культурный слой как отражение конкретно-исторической реальности (на примере IV культурного слоя стоянки Кокорево I) // Полевая археология древнекаменного века. М., 1990. (КСИА. Вып. 202)
4. *Александрова М.В.* Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // Полевая археология древнекаменного века. М., 1990. (КСИА. Вып. 202)
5. *Волков П.В.* Эксперимент в археологии. Новосибирск, 2010.
6. *Кравцов А.Е.* О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечеткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры) // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
7. *Глушков И.Г.* Индивидуальная фиксация и интерьерно-планиграфические особенности жилых комплексов // Игорь Геннадьевич Глушков: сборник избранных статей. Ч. 2. Сургут, 2011.
8. *Жульников А.М.* Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
9. *Рыжкова О.В.* Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
10. *Усачева И.В.* К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Притоболья // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. Тюмень, 2005.
11. *Глушков И.Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.
12. *Юдина Е.А.* Экспериментальные данные в планиграфических исследованиях: пространственное распределение фрагментов керамики // Актуальные проблемы истории и археологии: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной празднованию 5-летия НСОИиА. 14 ноября 2008 года. Шадринск, 2009.
13. *Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.* Раскопки объектов кульганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.
14. *Косинская Л.Л.* Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998.

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Е.А. Yudina

THE PLANIGRAPHICAL ANALYSIS OF THE DISTRIBUTION OF THE CERAMIC WARE FRAGMENTS (RELATING TO THE STUDY OF ANCIENT HABITABLE BUILDINGS)

Summary

The method of the planigraphical analysis was developed and tested, primarily on the planigraphy of the distribution of the stone inventory. Meanwhile, at the present time it is equally applicable for studying the distribution of the stone artifacts, as well as other categories of finds, including ceramic ware. The material, which the object is made of, identifies certain determinants in its use, as well as in the most characteristic changes after its exit from the current culture, which, in turn, is reflected in the movement of an object or its fragments in the area of the future monument.

The article presents some results of the experimental surveys of the process of arhaeologization of the ceramic ware, and the results of the planigraphical analysis of one of the finds' clusters within the dwelling 1 of the Barsova Gora II/19 settlement (Surgut District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, the Kul'yegansky cultural type, the 1st half – middle of II millennium BC), during which the additional features of finds (the surface area of the fragment in combination with its location in space relating to the elements of the interior design and construction) were taken into account.

*The Urals Federal University,
51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620083, Russia*

E-mail: kveten@gmail.com

И.Ю. Хрусталёва

**ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ
ОБЪЕКТОВ В ПЕСЧАНЫХ ПОЧВАХ
И ИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
(по материалам многослойного поселения Сертея XIV)**

Памятник Сертея XIV (Велижский район Смоленской области) был открыт А.Н. Мазуркевичем в 1989 году. Культурный слой распространён на трёх минеральных террасах восточного берега палеоозера, две из которых погребены. Заселение различных участков поселения было последовательным и разновременным и было связано с изменениями уровня воды в озере и формами древних озёрных террас.

Северная часть памятника примыкает к борту озёрной котловины, покрытому лесом, хорошо защищавшим поселение от ветров, особенно северных и западных [1]. Южная часть расположена в озёрных отложениях, что позволяет говорить о том, что поселение было экспонировано на юг и максимально освещалось как в течение дня, так и в течение всего года, что особенно важно.

Стратиграфия памятника такова: дерновый слой мощностью в среднем 0,1 м перекрывает слой оторфованной почвы мощностью от 0,12 до 0,25 м. Затем следует прослойка песка мощностью 0,08–0,14 м, ниже которой залегает слой светло-жёлтой супеси мощностью от 0,04 до 0,3 м. В нём иногда встречаются линзы светло-серой супеси мощностью до 0,1 м. Под слоем серо-жёлтой супеси – жёлтый пылеватый песок, являющийся материком [1].

В число основных задач при исследовании многослойного памятника входит типологический анализ керамического и кремнёвого материала, моделирование древних дневных поверхностей, выделение горизонтов обитания, восстановление микрорельефа, выявление остатков конструкций, определение жилых и хозяйственных зон. И решение этих задач сопряжено с рядом трудностей, связанных с условиями залегания культурного слоя.

Сложность выявления объектов на поселении заключается в том, что в песчаных отложениях не сохраняется органика. Ямы здесь “читаются” только благодаря их более тёмному заполнению, отличающемуся от окраса окружающего культурного слоя. Очаги и кострища удаётся обнаружить благодаря их конструкциям (например, каменным обкладкам), если таковые имеются, и по прокалу песка, отличающемуся красноватым оттенком, либо по серой зольной прослойке. На поселении Сертея XIV остатки построек выявляются только по заглублённым полам (если они есть), по столбовым и кольцевым ямам и укрепляющим их конструкциям (камням).

Разделение находок по горизонтам является также непростой задачей, так как процесс почвообразования в песке происходит очень медленно и между горизонтами нет стерильных прослоек, то есть весь материал залегает практически единым массивом. Микростратиграфия культурного слоя, соотнесение полученных результатов со стратиграфией памятника и с выделенными «жилыми горизонтами» помогают решать её в той или иной степени.

Благодаря анализу планиграфии остатков построек и ям по так называемым жилым горизонтам на поселении, изучению стратиграфии памятника, а также при помощи моделирования древних дневных поверхностей поселения с применением ГИС-технологий удалось выявить особенности расположения жилых и хозяйственных зон на стоянке и некоторые особенности её обустройства.

На поселении были выделены четыре (в слое оторфованной почвы, в слое песка, в слое серо-жёлтой супеси и на материковом слое) разновременных горизонта с различной структурой. К первому горизонту (до 7 тыс. лет ВР) относится система хозяйственных ям, внешних очагов и ветровых заслонов, а также остатки построек: двух округлых мезолитических и одной подпрямоугольной раннеолитической со слегка углублённым полом, – приуроченных к бровкам озёрных террас. На втором и третьем горизонтах (7–6,2 тыс. лет ВР) фиксируются остатки трёх раннеолитических подовальных наземных столбовых жилищ большой площади, также расположенных на границах террас. А к последнему этапу заселения памятника (6,2–5,2 тыс. лет ВР) относятся внешние очаги и остатки двух небольших округлых наземных построек, одна из которых расположена непосредственно у уреза воды. Несмотря на различное взаимное расположение ям и деталей построек

ек и своеобразие планиграфии на разных «жилых горизонтах», удалось выявить некоторые общие закономерности в обустройстве поселения: небольшая площадь, расположение в нескольких метрах от воды на песчаных озёрных террасах (то выше, то ниже – в зависимости от уровня воды в водоёме). Остатки построек, зафиксированные на поселении, были приурочены к бровкам террас, т.е. примыкали к ним восточными стенами таким образом, что эти стены дополнительно укреплялись краем верхней террасы, а сама постройка оказывалась защищённой от ветра. Фиксируются следы специальной подправки (выравнивания) древней дневной поверхности в виде песчаных выбросов в стороне от конструкций для устройства пола. Входами постройки были ориентированы на юг/юго-запад – в сторону воды.

Как известно, при анализе структуры поселения необходимо обращать внимание на все объекты на нём: остатки жилых и хозяйственных построек, хозяйственные ямы, очаги и кострища. Выявление и обоснование постройки на памятнике является очень сложной задачей. Для её решения необходимо определить набор признаков, по которым можно выделить остатки сооружения: структуры, которые можно определить как участки культурного слоя, отличные от окружающего пространства (иная окраска культурного слоя; наличие костных, каменных, деревянных развалов, тлена, подчинённых какой-либо закономерности); остатки очагов и кострищ; специфический набор инвентаря.

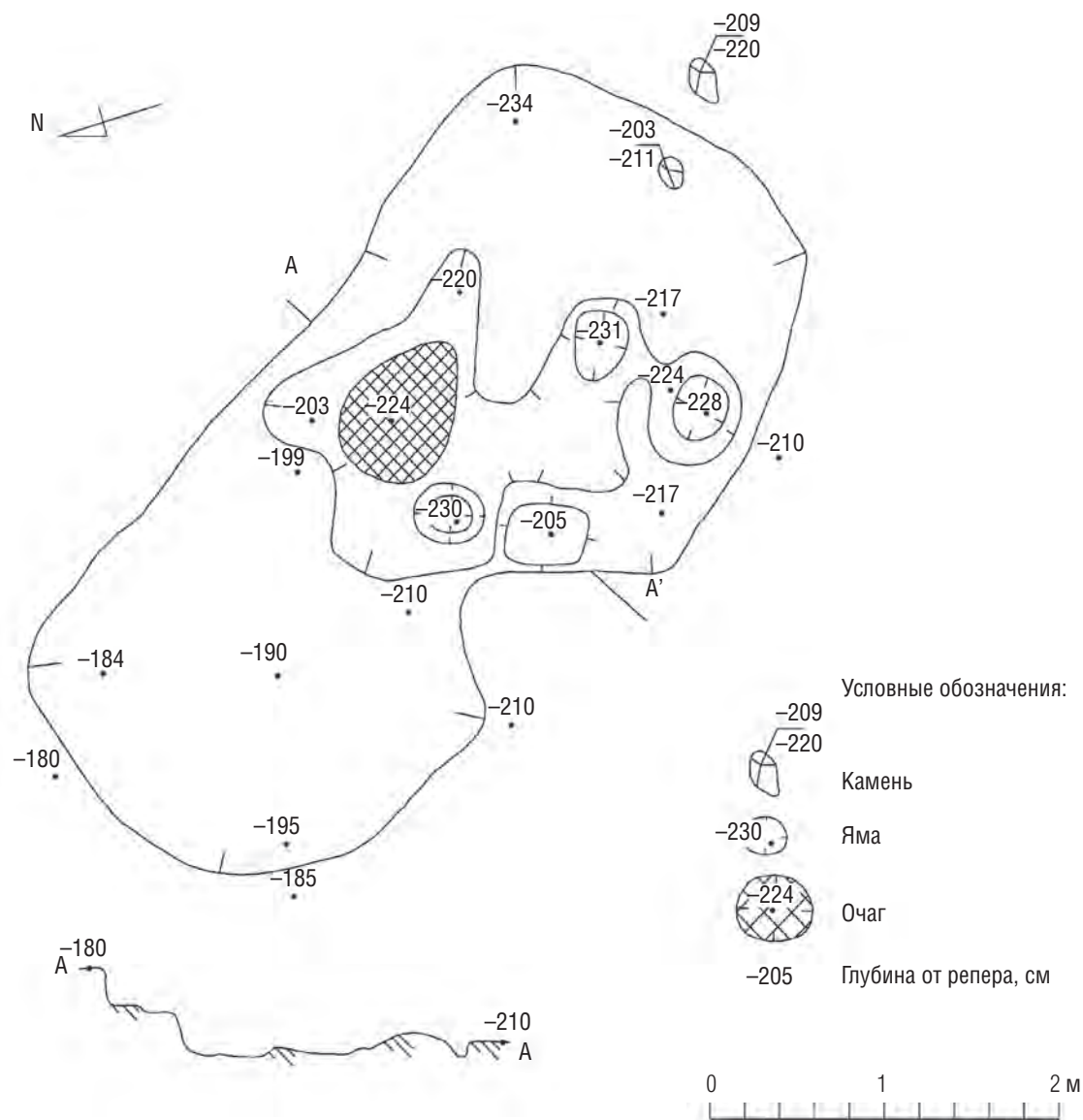
Информацию о характере постройки дают находки, выявленные в ней. И выделение этого материала является также непростой задачей для исследователя, требующей от него большого внимания. Особенно важным комплексом находок будут предметы, найденные на полу жилища, как отмечающие один непродолжительный момент конечного существования постройки. Немного проще обстоит дело с заполнением пола землянки (или хозяйственной ямы), на начальном этапе разрушения перекрытого слоем того же времени. Поэтому такие находки с полным правом можно считать такими же «достоверными находками», как вещи в погребениях и кладах [2]. А.М. Жульников говорит о необходимости ориентированности на раскопки слоя пола полуземлянки, как отдельного литологического слоя, и обеспечения надёжности получаемого при этом относительно закрытого комплекса [3]. Но в случае анализа материала наземной постройки существует проблема выявления комплекса находок, относящихся непосредственно к самому жилищу, и отсекания всего «лишнего» материала.

Выявленным на поселениях остаткам конструкций необходимо дать как можно более полное описание: форма в плане, размеры и положение постройки относительно древней дневной поверхности; характеристика столбовых и кольевых ямок и укрепляющих их конструкций (каменных, земляных и др., если таковые имеются), описание стен котлована (вертикальные, пологие и т.д.), если постройка углублена. Следующим этапом является выявление выхода, если это возможно (по «разрыву» в стене постройки каркасно-столбовой конструкции (фиксирующемуся по разрыву между столбовыми ямами, маркирующими контуры сооружения), по углублённому или оформленному столбовыми ямами «коридору», ведущему из постройки, и т.д.), описание его конструкции, размеров, расположения относительно сторон света, воды... Далее следуют выявление формы пола постройки в профиль (плоский, углублённый в центре, ступенчатый и т.д.) и описание конструкции очага (форма, размер, оформляющие его детали, положение относительно пола постройки, положение относительно стен и выхода, заполнение и мощность), если он имеется, и т.д.

Для изучения структуры поселения необходим целостный подход. Нужно учитывать внутреннюю организацию планировки и застройки поселений под совокупным воздействием утилитарно-функциональных и архитектурно-художественных факторов. Первые проявляются в производственно-бытовых процессах, вторые – в художественном осмыслении пространства на основе эстетических критериев [4], хотя, довольно сложно выявить это самое «художественное осмысление пространства» жителями поселений каменного века. Большое влияние на структуру поселения оказывает окружающая среда. Если учесть, что регулярность поселений (мера отличия их структуры от стихийно сформировавшейся ландшафтной подосновы) отражает взаимоотношения искусственной (архитектурной) и естественной (природной) среды, то станет очевидным, что низкая степень регулярности поселений характеризует их «вписанность» в природу [4]. Необходимо провести анализ распространения керамического и кремнёвого инвентаря на площади поселения и определить его границы на этой основе; анализ взаимного расположения всех объектов и зон скопления инвентаря на поселениях (анализ структуры поселений), выявить жилые и хозяйственные зоны.

Самые древние горизонты поселения Сертея XIV, о которых и пойдёт речь ниже, относятся к мезолиту – раннему неолиту.

Среди строительных объектов в северо-западной части памятника, кв. а-в/1, А-е/2-3, на нижнем горизонте обитания выявляется серия крупных ям, большинство которых характеризуются неправильной овальной формой, пологими стенками и плоским дном, количество столбовых ям незначительно. Одна яма представляет собой остатки открытого углублённого очага, а другие 8 – серию хозяйственных ям (размерами от 0,6×0,7 м до 1×2,5 м), около которых и в их заполнении выявлено большое количество кремнёвого инвентаря, включающего в себя 4 нуклеуса, большое количество пластин (29), мелких сколов и чешуек, 2 заготовки орудий и 7 готовых орудий. Керамического же материала, связанного с этими ямами, выявить не удалось, поэтому сложно соотнести эту «мастерскую» по обработке кремня с постройкой № 15 (рис. 1), рядом с которой она расположена. Постройка № 15 (на памятнике велась сквозная нумерация ям, и в процессе выявления остатков постройки ей присваивался номер ямы, входящей в её конструкцию) – подпрямоугольной формы (кв. В,Б/2; В,Б/3; А/3; Б/4), размерами 5,2×2,4 м, с коридорообразным входом шириной около 1 м в западной стенке. Она «читается» только по углублённому на 0,05–0,15 м ступенчатому полу, ориентиро-

ванному с севера на юг. В центре прослеживаются остатки трёх столбовых ям и очага грушевидной формы (0,5×0,7 м). В заполнении постройки, в её восточной части (у стенки), зафиксированы фрагменты керамических сосудов двух типов: неорнаментированные и с расчёсами с двух сторон, с добавлением органики в тесте; тонкостенные фрагменты, с примесью песка и накольчатым орнаментом. А кремнёвый инвентарь, сосредоточенный в центральной части постройки с юго-восточной стороны от очага, представлен в основном массивными сколами и орудиями на них. Постройка относится ко времени бытования керамики сертейской культуры фаз «а» и «б».

В квадратах д, е, ж / 4, 5 на границе третьей и четвертой погребённых речных террас расположено округлое углубление размерами 3,08×2,3 м с линзовидным профилем со столбовыми (диаметр 0,2–0,28 м, глубина 0,11–0,13 м) и кольцевыми (диаметр 0,07–0,15 м, глубина 0,08–0,12 м) ямками по периметру и центральной столбовой (диаметр 0,28 м, глубина 0,10 м) ямой. Это – остатки постройки № 558 (рис. 2) с углублённым очагом в северо-восточной части. Очаг, по всей видимости, формировался в три этапа. Вероятнее всего, первоначально сформировался небольшой очаг, а спустя какое-то время рядом с ним появился второй. Сложно сказать, какой из очагов появился раньше. Один из них представляет собой овальное углубление размерами 1,08×2,4 м, ориентированное длинной осью по линии запад–восток. Второй очаг расположен в 0,25 м от первого и представляет собой овальное углубление, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток, размерами 0,8×1,8 м. Со временем, видимо, из двух этих очагов был образован один большой.

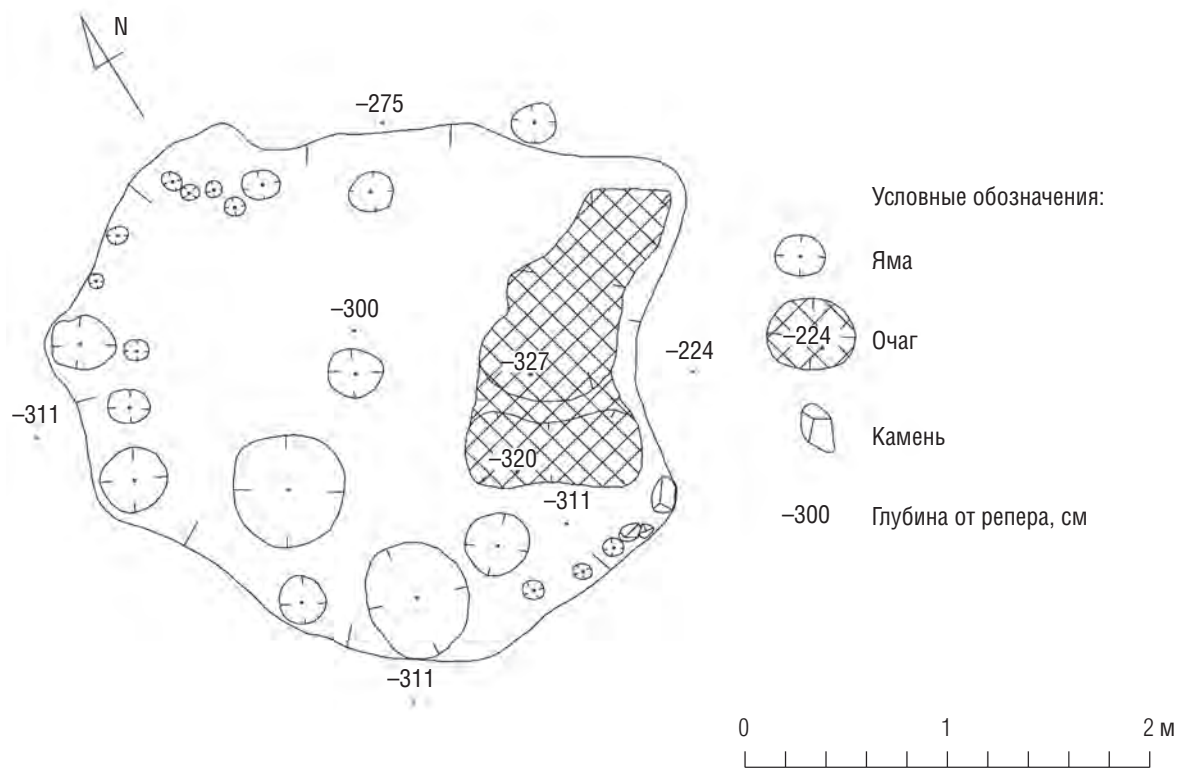

Рис. 2. Поселение Сергея XIV. План постройки № 558

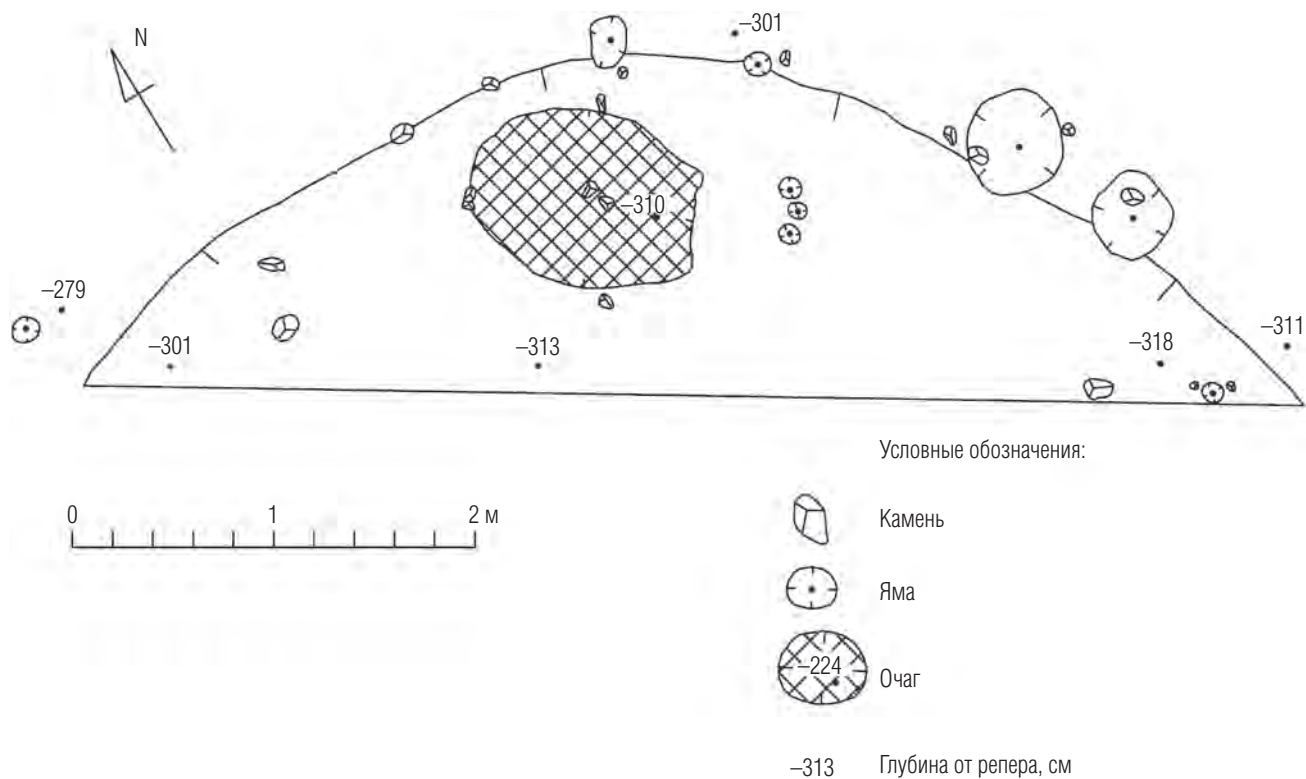

Рис. 3. Поселение Сергея XIV. План постройки № 562

В заполнении постройки, у её западной стенки и в центре, были найдены 3 кремнёвые пластины и несколько сколов.

В квадратах в, г, д, е / 5 открылась северная часть слегка углублённого линзовидного в профиль пола постройки № 562 (рис. 3) округлой формы (диаметр около 6 м). По периметру и в центре прослеживаются столбовые (диаметр 0,4–0,52 м, глубина 0,07–0,1 м) и кольцевые (диаметр 0,08–0,12 м, глубина 0,06 м) ямы. В северной части конструкции выявлено очажное пятно размерами 0,96×1,2 м. В его заполнении обнаружено скопление расколотых и обожжённых камней. А к заполнению самой постройки относятся несколько кремнёвых пластин, один листовидный наконечник и скребок на отщепе, расположенные у северной и восточной стенок конструкции. К северу от этой постройки было выявлено небольшое скопление кремнёвого материала – листовидный наконечник и несколько пластин.

Анализ планиграфического и стратиграфического распространения объектов, каменного и керамического материала даёт возможность выделить разновременные зоны обитания на двух разных озёрных террасах и предположить расположение жилых и хозяйственных зон на поселении (рис. 4). Удаётся проследить изменения конструкций построек и планиграфии поселения при переходе от мезолита к раннему неолиту.

К наиболее ранним на данном памятнике относятся остатки двух округлых углублённых на 0,1 м построек (вероятно, жилых) с овальными углублёнными очагами и входом с юга: № 558 и 562. Керамика в них не была выявлена, а кремнёвый инвентарь имел мезолитический облик. Скорее всего, эти постройки относятся к мезолиту и датируются временем ранее 7,5 тыс. лет ВР (артефакты были заматы трансгрессией, произошедшей 7,5 тыс. лет ВР).

К раннему неолиту (до 7 тыс. лет ВР) с керамикой сертейской культуры фаз «а» и «б» относятся объекты, выявленные на материке, образовавшемся в бореальное время [5]. Жилище № 15, по всей видимости, является в трансгрессивную фазу водоёмов, максимум которой пришёлся на 7,3 тыс. лет ВР. Возможно, к этому же периоду относится и хозяйственная зона, связанная с обработкой кремня, представленная серией хозяйственных ям со скоплением кремнёвого инвентаря. На данном этапе можно говорить только о выделении самого раннего пласта, в рамках которого может определяться микрохронология, но подобная задача в этой работе не ставится. Хронология может быть определена по керамике, по перекрывающим друг друга ямам и т.д., но на данном этапе можно заключить, что объекты синхронны в рамках существующей террасы, а комплекс заслуживает дальнейшего изучения.

Проанализировав материалы поселения Сертея XIV, можно отметить, что поверхность земли для устроения пола будущей постройки выровнивалась, делалось небольшое (0,1–0,15 м) углубление. Причём такой способ обустройства жилых и, возможно, хозяйственных сооружений на данном памятнике характерен только для периодов мезолита – раннего неолита (до 7 тыс. лет ВР). Анализ стратиграфического положения уровня полов построек также показывает способ вписывания конструкций в пространство и доказывает, что рассматриваемые объекты действительно относятся к самому раннему периоду заселения памятника (рис. 5).

Становится очевидным, что в мезолите – раннем неолите на поселении Сертея XIV мы видим типичную для лесной зоны картину развития домостроительства: смена округлых жилищ с заглублённым полом на прямоугольные конструкции (рис. 6). Подобный переход в период раннего неолита фиксируется почти повсеместно не только в лесной зоне: например, в Европе, на территории Венгрии [6], и на Ближнем Востоке – в Анатолии [7]. В качестве причин этого изменения исследователями приводятся: увеличение семьи, проживающей в одном доме (прямоугольная постройка имеет большую площадь, чем округлая, и легко делится на “комнаты”); рост самого поселения (прямоугольные постройки легче состыковать и пристроить друг к другу, образуя компактное поселение); изменение природно-климатической обстановки; а некоторые исследователи связывают появление прямоугольных построек с переходом населения к производящему хозяйству [8].

Следует также отметить разную планировку поселения на разных этапах заселения. Если в период бытования округлых в плане сооружений фиксируется «замкнутость» стоянки на этих постройках, на что указывает отсутствие внешних ям, очагов, навесов, скоплений материала и других объектов вне этих конструкций, то на следующем этапе заселения чётко фиксируются две зоны на поселении: жилая (подпрямоугольная постройка) и хозяйственная (скопление кремнёвого материала, ямы и внешний очаг).

Конечно, ограниченность информации, извлекаемой из археологических памятников, располагающихся в условиях песчаных почв, не позволяет нам в полной мере проанализировать все аспекты жилой и хозяйственной обстановки на поселении. Но применение современных методов: геохимические анализы, магнитометрия – даёт нам возможность не только проверить полученные в ходе полевых исследований данные, но и значительно их дополнить. Подобные анализы способны предоставить дополнительную информацию об объектах, следы которых уже не видны простым глазом, но изменения химического или магнитного фона земли, связанные с этими объектами, могут быть зафиксированы. И главной задачей здесь является правильная интерпретация получаемых данных.

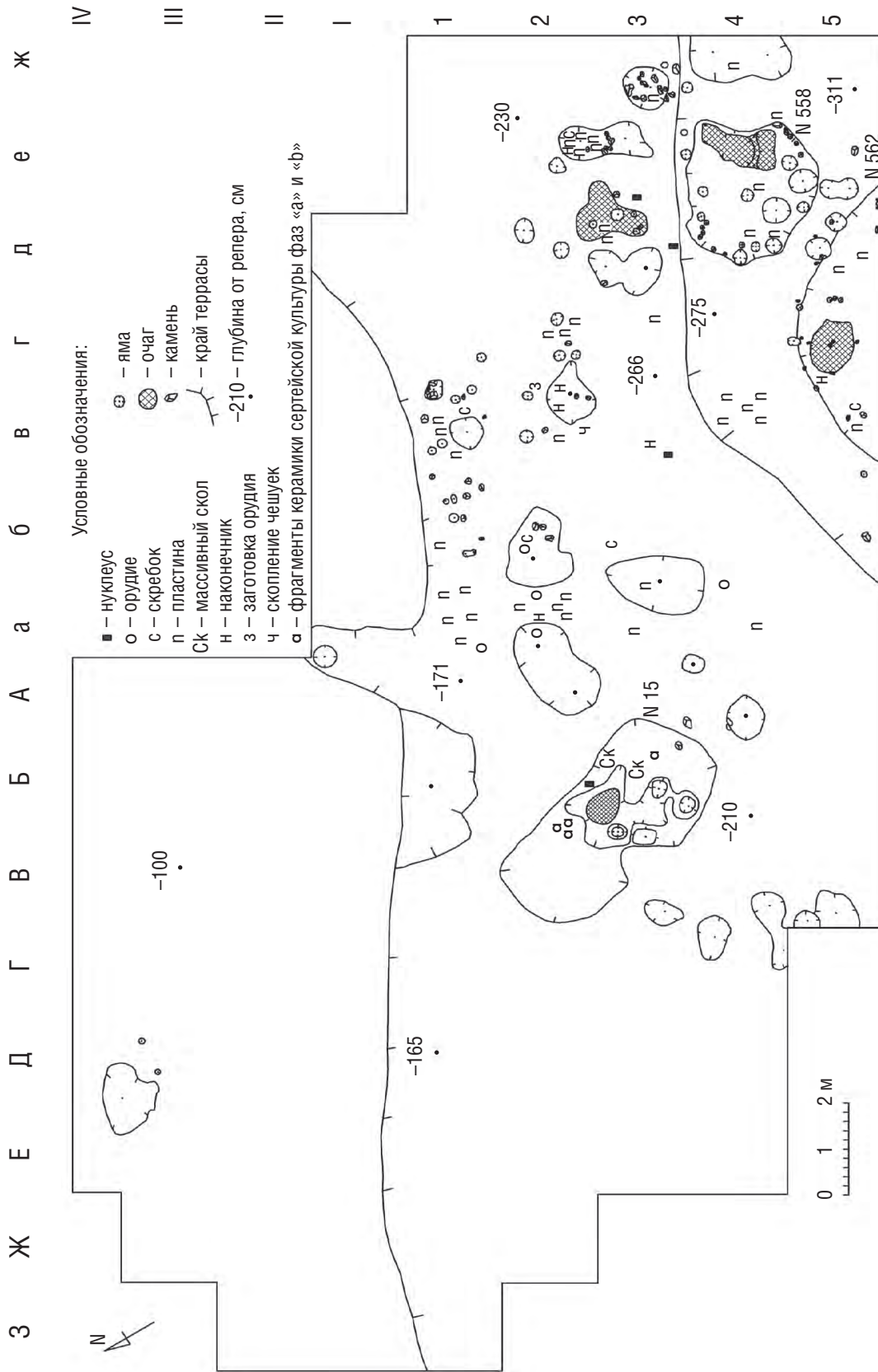

Рис. 4. Поселение Сергея XIV. Планиграфия остатков построек, ям и камней на материковом слое

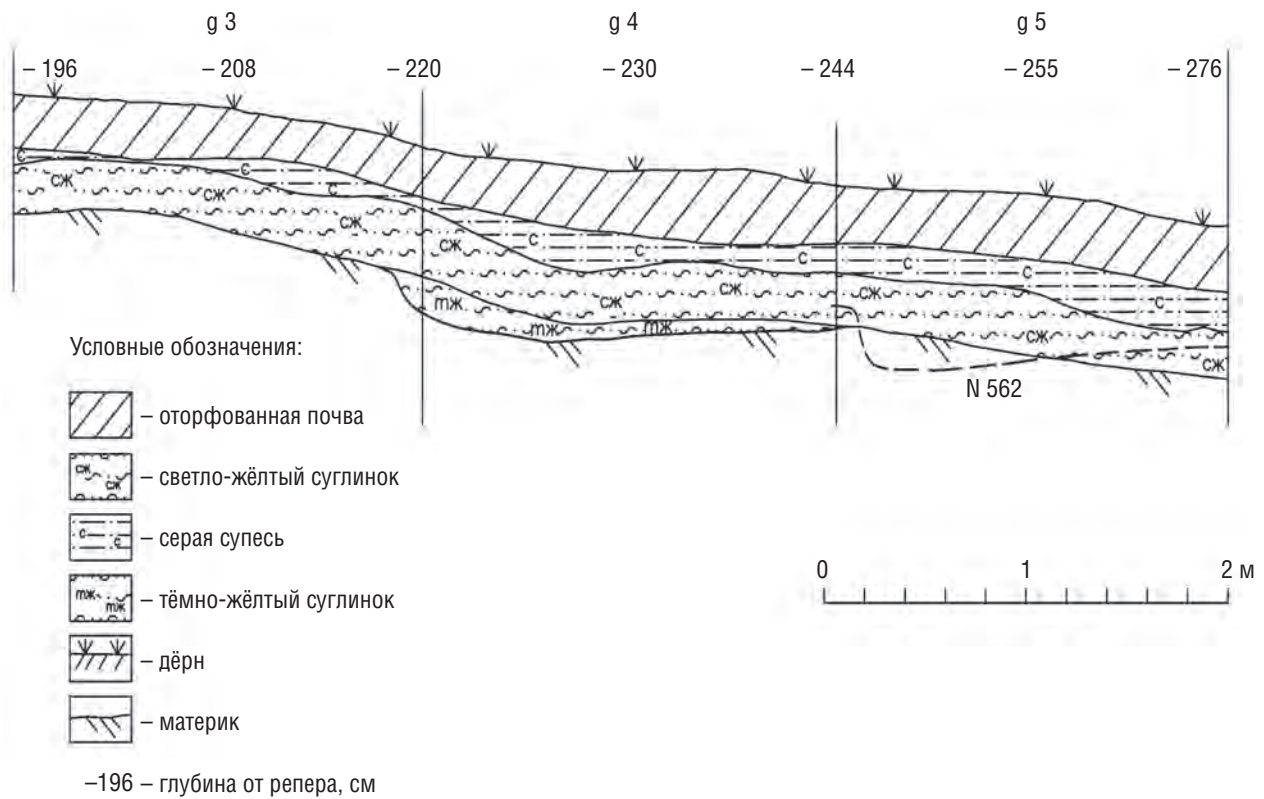

Рис. 5. Поселение Сертея XIV. Стратиграфия западной стенки g 3–g 5.
Проекция профиля пола постройки № 562 на стенку

Геологические процессы	Даты геологические	Сертея 3–3	Сертея X	Сертея XIV	Датирующий керамический материал
Максимум трансгрессии	7300 лет BP				Отсутствует
Трансгрессия	7000 лет BP				Керамика сертейской культуры фаз «а» и «b»

Рис. 6. Типы построек на поселениях территории Верхнего Подвинья в периоды мезолита – раннего неолита

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исследования древностей Верхнего Подвинья Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // *А.Н. Мазуркевич, Б.С. Короткевич, М.Э. Полковникова, М.А. Кулькова, Г.И. Зайцева, М.В. Саблин, Л.А. Савельева*. Отчетная археологическая сессия за 2002 год. СПб., 2003.
2. Брюсов А.Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита // *СА*. № XVIII. 1953.
3. Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
4. Орфинский В.П. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) // *СЭ*. 1989. № 2
5. Древности Верхнего Подвинья в исследованиях Северо-Западной археологической экспедиции // *А.Н. Мазуркевич, М.Э. Полковникова, Б.С. Короткевич, М.А. Кулькова*. Отчетная археологическая сессия за 2000 год. СПб., 2001.
6. Raczky, P. House-Structures Under Change on the Great Hungarian Plain in Earlier Phases of the Neolithic // *Homage to Milutin Garasanin*. Belgrade, 2006.
7. Acar, E. From Hut to Citadel: the Evolution of Housing and Settlement in Prehistoric Anatolia as Changing Patterns of Space and Time // *From Huts to Houses. Transformations of Ancient Societies*. Stockholm, 2001.
8. Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // *Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири*. Екатеринбург, 1993.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

I.Yu. Khrustalyeva

**THE PROBLEM OF THE DETECTING OF THE SETTLEMENT OBJECTS IN THE SANDY SOILS
AND THEIR SPATIAL ANALYSIS
(Based on the Multilayer Settlement Serteya XIV)**

Summary

The article deals with the peculiarities of the archaeological research of the multilayer monuments, the cultural layer of which occurs in sandy soils, through the example of the settlement Serteya XIV, located on the mineral lake terraces of the paleolake. Through the analysis of the planigraphy of the remains of the buildings, pits and finds in the so-called living horizons in the settlement, the studying of the stratigraphy of the monument and microstratigraphy of the cultural layer, and also by means of modeling of the ancient day-time surfaces of the settlement with the use of the GIS- technologies, some peculiarities of its arrangement have been identified. In the most ancient horizon of the settlement relating to the Mesolithic – Early Neolithic, it was possible to mark out noncontemporaneous zones of habitation and to suggest the location of the dwelling and household zones. The changes in the structures of the buildings and the planigraphy of the monument in the transition from the Mesolithic to the Early Neolithic were traced.

*Saint-Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya Line,
Saint-Petersburg, 199034, Russia*

E-mail: irinakhrustaleva@yandex.ru

Л.В. Кольцов

АДАПТАЦИЯ КАК СИСТЕМА В МЕЗОЛИТЕ

В археологической литературе весьма распространено обращение к проблемам, связанным с адаптацией. Большею частью там, где она упоминается, говорится об адаптации вообще. И нигде не приведено определение адаптации применительно к культурам каменного века.

В одной из своих предыдущих работ я попытался дать такое определение [1]. С моей точки зрения, по отношению к первобытному обществу адаптация – это приспособление средств и способов производства и социально-производственной организации к окружающим природным условиям, к данной экологической нише, с целью обеспечения общественного воспроизводства. Можно сказать и по-другому: адаптация – это стремление к гармонизации системы «среда – человек – общество», попытка приведения её в оптимальное рациональное состояние.

Адаптация человека к природной среде – сложное и многомерное явление, особенно в первобытном обществе. Учитывая гибкость адаптивной способности человека, достаточно легко объяснить те самые разнообразнейшие формы, которые она принимает в зависимости от микросреды, от экологической ниши. Вместе с тем, необходимо сказать, что адаптацию надо рассматривать как часть указанной выше системы. В то же время она сама представляет собой систему, состоящую из нескольких уровней или частей. И эта система порой очень сложна и многообразна. Здесь и экономическая составляющая, и социально-организационная, и культурная; последняя всегда связана и с культурной традицией.

Каждая из указанных составляющих тоже делится на ряд важных компонентов. Не всегда в составе материала той или иной культуры мы можем обнаружить эти компоненты в полном составе. Это зависит от характера сохранности материала отдельных памятников, которая определяется, в свою очередь, в большинстве случаев условиями залегания культурных слоёв или поздним антропогенным воздействием на сохранность культурного слоя.

Я не упоминаю здесь биологической составляющей адаптационной системы, поскольку этим должны заниматься антропологи. Представляется, что в настоящий момент эта составляющая только начинает изучаться. Поэтому, вероятно, её отсутствие в дальнейших рассуждениях пока не может играть решающей роли.

Итак, обратимся к компонентам, так или иначе характеризующим отдельные составляющие системы адаптации.

Экономика

а) Виды добычи пищевых ресурсов:

1. *Охота*. С наибольшей долей уверенности можно сказать, что во всех мезолитических культурах доминирующим её способом было использование лука как основного вида охотничьего вооружения. При этом формы наконечников стрел были разными, в значительной степени зависящими от культурной традиции. Вероятно, использовались и другие приёмы охоты, которые по археологическим данным не всегда прослеживаются.

2. *Рыболовство*. Прослежено не во всех культурах. Употреблялись разные способы и орудия (крючки, сети, верши и т.д.).

3. *Собирательство*. Прослежено не во всех культурах. Однако, видимо, было повсеместным, поскольку существование без растительной пищи как основного источника необходимых для обеспечения жизнедеятельности витаминов было невозможно. Особый его вид составляет сбор съедобных моллюсков.

б) Обработка продуктов охоты, рыболовства и собирательства.

в) Изготовление средств производства (обработка камня, кости, рога, дерева).

Социальная организация и действия, связанные с ней

а) Оформление социально-производственных коллективов (как правило, состоявших из нескольких малых семей).

б) Организация поселений (базовых лагерей, сезонных поселений, охотничьих остановок, стоянок-мастерских):

1. Выбор места.

2. Обустройство (сооружение жилищ, очагов, хозяйственных и кухонных ям и т.д.).

3. Организация образа жизни (как правило, подвижного).

4. Миграции (короткие сезонные или протяжённые).

Материальная культура

а) Каменные изделия

1. Сырьё для изготовления орудий (обычно местное, импорты редки).
2. Технология: формы нуклеусов, характер раскалывания, заготовки.
3. Вторичная обработка: ретушь, резцовый скол, микрорезцовые приёмы, двусторонняя оббивка, шлифовка.
4. Орудия «домашние»: скребки, резцы, ножи, перфораторы и т.д.
5. Охотничье вооружение: наконечники стрел, вкладыши.
6. Геометрические формы (трапеции, треугольники, сегменты, прямоугольники, ромбы).
7. Орудия для обработки дерева (топоры, тёсла, долота, стамески).

б) Изделия из кости и рога

1. Технология изготовления.
2. Охотничье вооружение: наконечники, зубчатые острия, гарпуны, рогатины, кинжалы.
3. Рыболовные снасти (крючки, блёсны, возможно, гарпуны).
4. Другие изделия (муфты для рубящих форм и ножей, лезвия рубящих и др.).

в) Изделия из растительных материалов

1. Вещи из дерева: наконечники, верши, вёсла, поплавки для сетей и др.
2. Вещи из растительных волокон: сети, верёвки, шнуры и др.

г) Украшения и орнаменты

- д) *Произведения искусства* (мелкая пластика, гравированные изображения и т.д.).

Такой представляется идеальная схема компонентов системы адаптации мезолитической культуры. Разумеется, однако, что такой полный набор практически не встречается, хотя есть несколько культур, где найдено значительное число указанных признаков. В большинстве же случаев археологические находки дают весьма ограниченный набор таких признаков. Есть даже целые культуры, где органические материалы совсем не обнаружены (например, хойнице-пеньковская). Иногда отдельные памятники некоторых культур (например, охотничьи остановки) представляют столь ограниченный набор инвентаря, что при его анализе можно сделать весьма небольшое число выводов о пребывании людей на этом месте. Не расширяют эти выводы и встреченные при этом очень немногочисленные сооружения (очаги, ямы).

Тем не менее даже при неполном наличии признаков можно почти всегда составить представление о характере системы адаптации оставивших данную культуру групп населения. Поразительными при этом кажутся, как правило, адаптивные разносторонние способности первобытного человека, его возможности преодолевать препятствия, которые ставит перед ним природная среда. Это видно по изменениям в адаптационной системе некоторых культур. Больше того: порой население, жившее в определённом регионе, под влиянием изменений среды меняет целый ряд компонентов такой системы столь коренным образом, что вся адаптационная система представляется другой, поскольку она теряет ряд важнейших компонентов, приобретаая взамен комплекс новых. Самый разительный пример в этом отношении – мезолит Ирландии. Мне уже приходилось об этом писать [2; 3]. Не буду поэтому очень подробно останавливаться на описании всех материалов этих проявлений мезолита. Скажу только, что после заселения острова, которое произошло в промежутке 9000–8700 лет назад, сформировалось культурное проявление, имевшее в своей основе совтеррский вариант, родиной которого была Южная и Центральная Франция. Но этот вариант культуры просуществовал относительно недолго. Около 7700 лет назад произошёл перелом, выразившийся в изменениях как в экономике, так и в материальной культуре. Исчезли почти все формы микролитической группы, имевшей совтеррские признаки. При этом нет никаких признаков появления нового населения, поскольку новый вариант охотничьего вооружения – острия типа Бэнн – не известен ни в одной мезолитической культуре Европы. Изменилась в определённой степени и технология изготовления заготовок и орудий. Возник новый тип поселений – стоянки-мастерские по первичной обработке сырья. Но, пожалуй, главное – это изменения в экономической стратегии населения. Если в начале освоения человеком острова основным объектом охоты был кабан (как и в совтеррской культуре), то теперь охотничья добыча становится более разнообразной. “Осваиваются” новые виды животных (например, благородный олень), возникает охота на морскую фауну. Но и это ещё не всё. Появился совершенно новый вид собирательства – сбор съедобных моллюсков. Он приобрёл широкий размах, что вызвало появление нового вида остатков поселений – раковинных куч. На некоторых из этих поселений остатки раковин разных видов моллюсков встречаются десятками тысяч. Развитость этой формы собирательства проявляется и в том, что иногда происходит отбор молодых особей моллюсков, наиболее нежных и пригодных для употребления в пищу. Единственное, что не изменилось, – социальная организация населения. Если именно это вполне объяснимо, то причины столь резких перемен ещё надо уяснять в полной мере. Основным специалистом по мезолиту Ирландии П. Уудмен попытался сравнить этот новый вариант, который в литературе получил название ларнийской культуры, с материалами Северной и Западной Скандинавии и пришёл к выводу, что между ними нет никаких общих черт [4]. Поэтому можно считать, что этот необычный перелом произошёл на местной основе; такой вариант смены адаптационной системы в рамках одного этноса – совершенно уникальный случай в мезолитической истории.

Обратимся теперь к некоторым другим системам адаптации в мезолите Европы. На соседнем с Ирландией острове Британия ранний мезолит представлен культурой британского маглемозе. Она сложилась в первой половине пребореального периода (во временном отрезке 10000–9500 лет назад). Часть её памятни-

ков при раскопках дали материал, представивший достаточно полную информацию о быте и материальной культуре её населения. Это, прежде всего, стоянки Стар Карр и Вэтчем [2]. В области экономики на первом месте стоит охота. Она представлена богатыми фаунистическими остатками и разнообразным набором охотничьего вооружения – каменными, роговыми и костяными наконечниками стрел. Объектами охоты были крупные млекопитающие, дававшие основную часть мясных ресурсов (преобладает благородный олень, встречены лось, тур/зубр, косуля, кабан, бобр, барсук), пушные виды, птицы. Охота на них требовала выработки определённых приёмов и, может быть, использования разных видов вооружения. Судя по количественным характеристикам, она была достаточно эффективной. Иначе говоря, именно охота была основным видом добычи пищевых ресурсов.

Рыболовство никак не документируется (нельзя всерьёз принимать находку единственной кости неопределённой рыбы на стоянке Вэтчем). Практически нет и настоящих орудий рыболовства. Единственный мало характерный гарпун на стоянке Стар Карр мог употребляться и при охоте. Не свидетельствует о рыболовстве и находка весла на стоянке Стар Карр. Если даже и были лодки, они могли использоваться как транспортное средство. Однако весло могло употребляться и при плавании на плоту.

Надо упомянуть ещё об одном факте. Важным адаптационным средством у населения данной культуры было, вероятно, использование на охоте домашней собаки. Собак, видимо, не ели, поскольку ни одна из встреченных их костей не расколота и не имеет следов погрызов. Вместе с тем исследовавшие эти кости Д. Клаттон-Брок и Н. Ное-Нюгаард отмечают, что в составе костей есть вещества, которые могли поступить в организм в случае питания морской рыбой [5, р. 6]. Иначе говоря, можно предположить морское рыболовство. Однако, судя по тексту указанной статьи, её авторы в этом не уверены. В самом деле, охотничья добыча на стоянке была столь велика, что её было достаточно не только для питания людей, но и для прокорма собак.

Собирательство у населения этой культуры подтверждается находками скорлупы лесного ореха в ряде её поселений. Кроме того, автор раскопок стоянки Стар Карр Г. Кларк говорит о наличии среди макроостатков растений таких, которые вполне могли быть пищевыми, – тростника, болотного боба, крапивы, семян кувшинки [6].

Для обработки добытых пищевых ресурсов применялись самые разнообразные орудия из тех же материалов, что использовались при изготовлении охотничьего вооружения. Нет нужды подробно их перечислять. Пожалуй, следует только обратить внимание на достаточно большие серии вещей, предназначенных для деревообработки, – топоров, тёсел, долот.

Указанная культура существовала, по-видимому, и в первой половине бореального периода. Уже ближе к концу пребореала в её инвентаре происходят некоторые изменения, свидетельствующие об улучшении обработки камня с целью получения более правильных ножевидных пластин, становящихся главными заготовками для большинства типов орудий. Однако эти изменения были не столь значительными, чтобы можно было говорить о перемене самой системы адаптации. Не буду заострять на этом внимание.

Социально-производственные коллективы, как общепринято считать, были мелкими, состоявшими из нескольких малых семей. Большинство поселений – небольшие, представлены одной-двумя концентрациями находок. Они, вероятно, были сезонными. Правда, существовали и стоянки, которые могли заселяться круглогодично (возможно, с некоторыми перерывами, как, например, Стар Карр). Надо отметить, что, по-видимому, существовал обычай высылать охотничьи экспедиции. Следы таких экспедиций были стоянки в Пеннинских горах, которые могли заселяться только в тёплое время года. Однако по преимуществу поселения базировались на равнине, в самых разных местах, как на озёрах, так и в долинах рек. Нет следов преднамеренно сооружённых жилищ, может быть, за исключением слегка углублённой конструкции из камней на стоянке Дипкар [7]. Однако её окончательная интерпретация затруднена в связи с незамкнутостью одной из сторон на краю горного обрыва. Обнаружены следы помостов на некоторых стоянках, которые могли сооружаться только группой людей. Есть остатки очагов, найдены хозяйственные ямы. Все эти данные свидетельствуют о достаточно развитых общественных отношениях.

Материальная культура подчинена главной экономической задаче – добыче и обработке пищевых ресурсов. Крайне разнообразны наконечники стрел (лук был главным орудием охоты). Они делались из камня, рога и кости. Возможно употребление дротиков, поскольку встречены крупные формы наконечников, в частности кремнёвые наконечники типа Лингби. Вероятно, на охоте употреблялись и кинжалы. Многочисленны и разнообразны орудия для обработки продуктов охоты. Нет нужды их перечислять. Очень хорошо представлены вещи, служившие для пополнения средств производства из камня и кости. Одним словом, материальное содержание памятников этой культуры даёт представление о высоком развитии каменной, костяной и роговой индустрии. Выше уже отмечалась серия орудий для деревообработки, совершенно необходимая в условиях лесной среды.

Пожалуй, следует отметить распространение различных бус и подвесок из камня, янтаря, зубов животных. Уникальными представляются находки масок из черепов благородного оленя и каменных наверхий бусав.

В позднем мезолите того же острова Британия, представленном культурой Шиппи Хилл, произошли некоторые изменения в системе адаптации населения. Охота сохраняет своё значение. Добываются те же виды животных (за исключением лося; есть данные, что он к тому времени – 7700 лет назад – исчез с острова Британия). Вероятно, сохраняются, в основном, и уже известные типы наконечников стрел (лук остаётся главным оружием). Однако к ним добавляются острия типа Тарденуа, которые в некоторых районах Британии

представлены в значительном числе, и некоторые типы геометрических орудий (например, прямоугольники), которые служили вкладышами в составном оружии.

Сохраняется и собирательство растительной пищи. Широко распространены находки скорлупы лесных орехов (их можно было не только сразу употреблять в пищу, но и запасать). Встречены скорлупа желудей, косточки плодов дикой груши, семена кувшинки, земляники и др. Как и в Ирландии, население данной культуры начинает практиковать сбор съедобных морских моллюсков. Это производится в больших количествах, так что местами образуются раковинные кучи. На стоянке Мёртон В найден 41 вид моллюсков, которые могли употребляться в пищу.

У населения этой культуры документируется развитое рыболовство. В поселениях были встречены кости как пресноводных, так и морских рыб. Особо следует отметить виды, которые никогда не подходят к берегу (например, пикша и треска). На некоторых стоянках треска была главной рыбной добычей. Эти виды рыб нельзя было поймать без применения лодки и сетей. Если находок частей сетей в Британии и нет, то две лодки-долблётки были обнаружены при относительно хорошей их сохранности. Возможно, именно с таких лодок и ловились указанные виды рыб. Таким образом, можно сказать, что в этой культуре установилась своя система адаптации.

Разумеется, существовали и другие производства: обработка добытых продуктов, пополнение орудийного запаса, деревообработка и др.

Социальная организация, по-видимому, изменилась мало. Основой её оставалось, вероятно, объединение нескольких малых семей. Во всяком случае, стоянки – по-прежнему небольшие; если же стоянка имеет довольно большие размеры, никогда нет уверенности, что она заселялась однократно. Размещались поселения в разных условиях, появились стоянки в приморских зонах. В связи с употреблением в пищу съедобных моллюсков встречаются раковинные кучи. Интересно, что в это время начинают осваиваться более мелкие острова в примыкающей к острову Британия зоне. Это стало возможным благодаря распространению лодок. На некоторых островах поселения носят ярко выраженный специализированный характер: они оставлены людьми, которые занимались в данный момент только рыбной ловлей.

По-видимому, заселение островов и широкое распространение поселений практически по всей территории острова Британия связаны с отделением его от материка и создавшимся в связи с этим определённым демографическим напряжением. Интересно отметить, что в рамках этой культуры, возможно, возникают социальные объединения большего размера, о чём может свидетельствовать некоторая обособленность группы памятников юго-востока Англии, отличающихся, например, от синхронных поселений Шотландии.

На нескольких поселениях выявлены в процессе раскопок следы каких-то сооружений в виде оставшихся ямок от столбов. Были ли это жилища или ветровые заслоны, не совсем ясно. Однако сооружаться они могли только группой людей, поскольку требовали относительно больших трудовых затрат. Такие же затраты, безусловно, были необходимы при постройке вымосток из камней, обнаруженных при исследовании, например, стоянки Калвер Уэлл. Из других конструкций следует отметить очаги и ямы-хранилища.

Изменения в материальной культуре не носят решающего характера. Гораздо больше становится пластика и микропластика в инвентарях. Для их скальвания чаще употребляются подконические нуклеусы. Охотничье вооружение также разнообразно. Следует только подчеркнуть увеличившуюся роль вкладышей геометрических форм, среди которых появляются прямоугольники, а также достаточно широкое распространение острий типа Гарденуа: на некоторых стоянках они достигают 46 % всех микролитов. По-прежнему имеют определённое значение орудия деревообработки.

Таким образом, надо сказать, что система адаптации в этой культуре всё же изменяется по сравнению с таковой в раннем мезолите Британии. Скорее всего, это связано с экологическими причинами (отделение Британии от материка, оскудение охотничьей добычи) и возникшим в связи с этим демографическим напряжением, что заставило людей освоить новые виды добычи пищевых ресурсов, т.е. привело к изменению экономической формы адаптации.

Ещё одна система адаптации сформировалась в культуре дуфензе (современные Германия, Дания, Швеция, Нидерланды). Эта культура сложилась, скорее всего, в конце первой половины пребореала. Её самым ранним памятником пока следует считать комплекс нижних слоёв стоянки Фризак 4 в Германии. По материалам этих слоёв видно, что преобладающей формой экономики, как и в предшествующих культурах, являлась охота. Здесь тоже основным видом вооружения был лук. Найдены каменные и костяные наконечники стрел, которые весьма разнообразны, что, вероятно, предполагает, как и в ранее описанных моделях адаптации, значительную дифференциацию охоты. Об этом может свидетельствовать и появившаяся инновация – деревянные тупые наконечники стрел, предназначенные для охоты на пушных животных. Объекты охоты тоже весьма различны, хотя по составу найденной фауны можно определённо сказать, что здесь, как, впрочем, и в ранее описанных культурах, преобладали лесные виды. Возможно, уже на этой ступени развития культуры на охоте использовалась домашняя собака.

По находкам немногочисленных костей рыб документируется рыболовство. Однако бесспорно рыболовные орудия не найдены. Существовало и собирательство. Есть находки скорлупы орехов.

Разумеется, существовали разные способы обработки добытых пищевых ресурсов и других продуктов охоты, обработка камня, кости и дерева.

По одному поселению судить о размере коллективов этого времени трудно. Тем не менее, можно предположить по аналогии с другими мезолитическими культурами, что они были небольшими. Поселение размещено на протоке, соединявшей два озера. Никаких данных о сооружениях нет.

Материальная культура подчинена, в основном, успеху в выполнении экономических задач. Из камня делались разные наконечники стрел (преобладают острия типа Коморница, но встречены и другие типы), скребки, резцы, ножи, тёсла с зауженным обухом. Из кости – тоже наконечники (преобладает тип Дуфензе), долота, кинжалы. Из дерева – тупые стрелы, древки стрел.

Лежавший выше комплекс слоёв той же стоянки также относится к культуре дуфензе. Он датируется концом пребореала – началом бореала. К тому же времени относятся ещё некоторые стоянки в Германии и Дании. Система адаптации этого времени претерпела некоторые, не слишком значительные изменения. Основой хозяйства остаётся охота. Лук – по-прежнему главное оружие. Расширяется спектр форм наконечников стрел. Объекты охоты – те же, увеличивается только роль лося в добыче.

Рыболовство документируется теперь не только находками костей рыб. Найдены остатки сетей из растительных волокон. Встречены поплавки из коры и, возможно, грузила. Увеличилось количество видов выловленных рыб. Сохранились собирательство съедобных растений и различные виды обработки продуктов. При рыболовстве, возможно, использовались лодки (есть находки вёсел).

Социальная организация не изменилась: большинство поселений по-прежнему небольшие, связанные, по-видимому, с мелкими коллективами. Из сооружений следует отметить помосты из бересты и веток (стоянки в местности Дуфензе), на которых на песчаной подсыпке разводились очаги. Встречены отдельные ямы-хранилища. Такие сооружения требовали определённых трудовых затрат всего коллектива. Поселения располагались на озёрах, протоках, реках. Иначе говоря, поселенческая стратегия, видимо, тоже не изменилась.

Материальная культура по-прежнему подчинена экономическим задачам. Сохранилась та же технология обработки камня. Каменные наконечники стрел в основном сохранили формы, бывшие в употреблении на предыдущем этапе развития культуры. Изменения касаются более широкой представленности геометрических форм (появляется серия сегментов), а также распространения острий типа Тарденуа. Сохраняются основные типы «домашних» орудий, однако увеличивается доля скребков неправильной формы, а среди рубящих орудий преобладают топоры типа Пик и появляются шлифованные топоры из некремнёвых пород камня. Надо отметить в обработке этих пород возникновение нового технологического приёма – сверления.

Из кости и рога изготавливались (при соблюдении уже известной технологии) разные типы наконечников стрел, кинжалы, долота, вставки-лезвия тёсел, муфты для различных некрупных орудий. Получили распространение подвески из зубов животных. Среди деревянных изделий надо отметить древки стрел и, возможно, дротиков, вёсла, возможно, контейнеры из бересты, поплавки для сетей. Из растительных волокон изготавливались сети [8; 9; 10].

Третий этап развития культуры дуфензе представлен памятниками в современных Германии, Швеции, Дании (на острове Борнхольм близ Скандинавского полуострова), возможно, Голландии. Очень небольшое число памятников этого времени (все они относятся к бореальному периоду) дали представительные коллекции, снабжающие археологов достаточным количеством информации. Интересно отметить, что в бореале нарушается единство этой культуры: памятники, находившиеся в разных регионах её ареала, порой отличаются по инвентарю друг от друга.

Экономический уклад, однако, сохраняется: основой его, вероятно, по-прежнему остаётся охота с луком. Тем не менее здесь всё же есть изменения. Так, в некоторых памятниках Германии (например, Хоен Фихельн) снижается роль каменных наконечников стрел, поскольку число микролитов сокращается до минимума. По-видимому, растёт роль костяных наконечников. Объекты охоты мало меняются, пожалуй, только увеличивается количество убитых кабанов. Спектр видов млекопитающих и птиц не расширяется, суть его состава остаётся неизменной.

Рыболовство сохраняется на том же уровне. Найдены поплавки от сетей из древесной коры. Число видов вылавливаемых рыб тоже остаётся неизменным.

Можно предположить, что и собирательство мало изменилось и продолжало существовать в достаточно развитом виде.

В коллекциях обычно широко представлены наборы «домашних» орудий, т.е. предназначенных для обработки разных видов пищевых ресурсов, а также для воспроизводства средств производства – каменных, костяных, роговых и деревянных орудий. Не буду их здесь перечислять. Хотелось бы только отметить увеличившееся количество орудий для обработки дерева, среди которых распространяются новые типы топоров и тёсел.

Социальная организация не меняется.

Таким образом, в процессе развития культуры её адаптационная система претерпевает изменения, хотя сущность основных её характеристик мало меняется: в течение всего её существования экономика практически та же (может быть, только увеличивается роль рыболовства), не меняется социальная организация. Только отдельные компоненты материальной культуры претерпевают некоторые изменения, которые нельзя считать коренными.

Не буду останавливаться на системах адаптации других мезолитических культур Западной и Центральной Европы, хотя имеющиеся данные легко помогают восстановить их, например, для культур маглемозе, ольдесло, тарденуазской и совтеррской. Они в значительной мере похожи на уже изложенные. Однако не могу обойти молчанием системы адаптации некоторых культур Восточной Европы.

Одной из наиболее изученных (как по числу памятников вообще, так и по количеству раскопанных поселений) является бутовская культура. Её экономический уклад тоже довольно хорошо изучен [11]. Нет необходимости излагать его подробно. Достаточно сказать, что основой добычи пищевых ресурсов была охота,

которая производилась с помощью лука, копий и дротиков. Найдены многочисленные варианты каменных, костяных, роговых и деревянных наконечников стрел; встречены обломки дротиков. Основными объектами охоты были лесные животные (найденные единично кости северного оленя могли принадлежать его лесной разновидности). Преобладала охота на лося и бобра, если судить по количеству найденных особей в имеющихся фаунистических комплексах. На других мясных животных тоже охотились, но, вероятно, реже. Убивали и пушных зверей, видимо, из-за их меха. Фаунистические сборы дают большое количество костей разных птиц, среди которых доминируют водоплавающие, хотя встречаются и боровые и луговые виды. Судя по количеству добытых животных, обнаруженных на стоянках, охота доставляла значительную часть пищи. Надо сказать ещё, что, кроме метательного оружия, на охоте применялись ещё кинжалы, ножи и рогатины. В процессе развития культуры происходили некоторые изменения, хотя и незначительные, как в составе добываемых животных (в поздних памятниках отмечены кости кабана, которых не было раньше), так и в некоторых формах вооружения (появление новых типов наконечников, в частности тупых стрел). Но в основном как формы охоты, так и виды добычи (с преобладанием лося и бобра) оставались неизменными. Возможно использование на охоте домашней собаки.

Вторым способом добычи пищи было рыболовство. Вылавливались разные виды рыб: в уловах повсеместно преобладала щука, ловились разные виды карповых (лещ, линь, карась и др.) и окунёвых (окунь, судак). Во второй половине существования культуры в уловах отмечается сом, иногда очень крупный. Для этого применялись самые разнообразные средства: крючки разных типов, верши, сети (о чём свидетельствуют находки поплавков и грузил), остроги. Вероятно, в процессе развития культуры здесь тоже происходили изменения. Возможно использование при рыболовстве лодок: хотя сами лодки и не обнаружены, найдено несколько вёсел разной формы.

Было развито и собирательство. В ряде болотных стоянок найдена скорлупа лесных орехов. Есть единичные находки скорлупы водяного ореха – чилима. В кухонных отложениях и копролитах человека и собаки найдены семена жёлтой кувшинки, плоды которой вполне съедобны. Интересно отметить ещё один вид собирательства: в ряде стоянок найдены обломки раковин пресноводного моллюска беззубки, а на стоянке Соболево 5 такие раковины, причём обожжённые, были найдены на очаге и около него; видимо, их запекали перед употреблением в пищу.

Таким образом, экономическая составляющая адаптационной системы данной культуры выглядит хорошо развитой и весьма разнообразной, вполне достаточно обеспечивающей население пищевыми ресурсами.

Социальная организация населения бутовской культуры может восстанавливаться по характеру её поселений. Они располагались в разных местах: на берегах крупных рек, их притоков, в озёрных системах. По площади поселения разные: есть небольшие, оставленные одной группой, но встречаются и значительные, иногда с несколькими жилищами; в этом случае удаётся порой установить, что занятая площадь заселялась не одновременно, а неоднократно (например, в Бутово); там же, где встречено несколько жилищ, тоже нет уверенности, что они существовали одновременно (Соболево 5). В то же время существует предположение, что иногда найденные жилища были одновременными (Петрушино). Однако такие случаи единичны, и площадь жилых сооружений при этом невелика, что позволяет говорить о небольшом размере группы, оставившей их. Следовательно, можно предположить, что социально-производственные коллективы были небольшими, состоявшими из нескольких малых семей.

Как уже сказано, большинство обнаруженных жилищ небольшого размера. Подавляющее их количество – наземные, порой прослеживается каркасная конструкция. Сооружение таких жилищ не требовало больших трудовых затрат и было под силу небольшому коллективу. Предполагается, что были и слегка углублённые в землю, утеплённые постройки, которые могли заселяться в холодный сезон. Прослеживается иногда сезонное бытование поселений (например, Кошево 2, устроенное на очень высокой точке местности, видимо, во время половодья). Кроме жилищ, на стоянках часто встречаются вырытые ямы разного предназначения – от ям-хранилищ до мусорных. Можно допустить, что стратегия хранения запасов была достаточно высоко развита. Необходимо отметить существование кратковременных поселений – охотничьих останков, что может свидетельствовать о стратегии высылки охотничьих экспедиций.

Материальная культура населения подчинена выполнению экономических задач общества. О части из них говорилось выше. Однако были и другие задачи. Это, в первую очередь, утилизация добычи: разделка туш, очистка шкур, их раскройка, обработка кости и рога, приготовление пищи и её запасов впрок, чистка рыбы, её разделка, вяление и копчение, обработка растительных волокон и т.д. Всё это должно было осуществляться орудиями в основном из камня и кости. Поэтому обработка этих материалов, как важная экономическая отрасль, стояла тоже на высоком уровне.

В составе инвентаря культуры мы встречаем, в первую очередь, орудия охоты. Они представлены в памятниках данной культуры наконечниками стрел из камня, главным образом изготовленными на правильных пластинах, которые скальвались с нуклеусов разных типов, а также многообразными наконечниками из кости и рога. Обработка этих последних материалов описана в литературе [12]. Поэтому не буду на этом подробно останавливаться. Во всяком случае, изготовление охотничьего вооружения в этой культуре достигло очень высокого уровня, что свидетельствует о высоко развитой технике обработки камня и кости. Прекрасно представлено в комплексах бутовской культуры и рыболовное снаряжение. Значительная часть его изготовлена тоже из кости. Однако было рыболовное снаряжение и из растительных материалов. Их обработка – ещё один вид экономической деятельности. И, разумеется, очень важной стороной экономической активности была обработка камня – от раскалывания до изготовления разных орудий.

Не буду подробно останавливаться на характере обработки орудий и их формах. Это многократно освещалось в литературе как при публикации отдельных памятников, так и в обобщающих работах. Нет смысла здесь повторяться. Скажу только, что практически все стороны экономики были отражены в орудийном наборе населения этой культуры.

Социальная организация населения представляется обычной для многих мезолитических культур. Скорее всего, это стадийный признак. Большинство поселений – небольшие, хотя есть и достаточно крупные, но при этом не всегда есть уверенность в синхронности всех исследованных частей поселения. Не исключено, что некоторые из них могли заселяться неоднократно. Поэтому предпочтительно говорить о небольших социально-производственных коллективах, состоявших из нескольких малых семей. Поселения располагались в разных топографических и экологических условиях. Они встречены в долинах крупных рек и их притоков, а также в озёрных котловинах. Вероятно, их расположение зависело от конкретной экономической задачи, но могло быть обусловлено и экономическими территориями отдельных групп. Совершенно определённо, ряд мест заселялся не один раз, при этом между поселенческими слоями бывал значительный хронологический разрыв. Это даёт возможность говорить о какой-то форме традиции, «памяти» коллектива, когда то или иное место отмечалось как очень благоприятное для людей, при этом память о поселении в этом месте сохранялась у нескольких поколений. Жилищ встречено немного, на большинстве поселений их нет. Они, как правило, небольшие, в подавляющем большинстве случаев наземные. Иногда удавалось установить их каркасную конструкцию. Тем не менее такие постройки не требовали больших трудовых затрат при сооружении, которое было вполне по силам небольшим группам. Форма жилищ достаточно устойчива, большинство из них овальные в плане. Довольно характерно расположение очагов внутри жилищ, порой их обкладывали камнями. Есть находки очагов и вне жилищ; они, вероятно, несли какую-то хозяйственную функцию. На ряде поселений обнаружены ямы разного характера. Часть их служила хранилищами запасов (отсюда ясно, что в этой культуре хорошо была развита стратегия хранения), часть можно интерпретировать как мусорные. Их сооружение – социальная задача, которая решалась в целях всего коллектива.

Образ жизни был подвижным, что было связано с особенностями экстенсивной экономики. Очень вероятны сезонные перекочёвки, поскольку, хотя большинство поселений – без жилищ, т.е. относятся к тёплому сезону, некоторые стоянки «дали» явно утеплённые жилища, что может свидетельствовать об их функционировании в более холодное время года. Сейчас пока трудно говорить о больших миграционных движениях, но, тем не менее, само распространение памятников бутовской культуры на очень большой территории может вызвать мысль о возможных передвижениях по её ареалу, не являющихся сезонными.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о сложности и гибкости адаптационной системы у населения данной культуры. Она охватывала все стороны жизни с момента организации социального коллектива: выбор места для поселения и его обустройство, все трудовые процессы, начиная с добычи пищи различными способами, её обработки и кончая пополнением орудийного запаса. Видимо, эта гибкость адаптационной системы была одним из факторов, способствовавших столь долгому существованию бутовской культуры.

Хорошо выявляется адаптационная система культуры веретье. Целый ряд её памятников, находящихся в основном в Архангельской области, дал полноценный археологический материал, включавший не только каменную, костяную индустрии, а также артефакты из дерева, но и данные о структуре поселений.

Основой экономики была охота, о чём свидетельствуют, в первую очередь, фаунистические списки. Среди добытых млекопитающих на первых местах стоят бобр и лось, мясо которых употреблялось в пищу. Остальные животные представлены в меньшем числе (пищевыми видами были медведь и заяц, остальные виды – «меховые»). Встречены кости двух особой северного оленя, которые могли принадлежать лесной разновидности этого животного. Охота производилась, вероятно, с помощью лука. Найдены цельные луки из хвойных пород дерева. Наконечники стрел весьма разнообразны и многочисленны, что в некоторой степени может свидетельствовать о дифференциации охоты. Надо отметить, что практически на всех исследованных поселениях каменные наконечники количественно уступают костяным и роговым. Обнаруженные древки стрел делались из сосны. Наряду с луком использовались при охоте копья и дротики, которые тоже есть в коллекциях. Они изготавливались из цельного куска дерева. Употреблялись при охоте рогатины и кинжалы. Надо ещё указать находки тупых стрел для охоты на пушных животных. Очень вероятно использование на охоте домашней собаки для загона или преследования раненых зверей. Её кости тоже обнаружены в большом числе [13; 14].

Рыболовство также было на достаточно высоком уровне. Ловились щука (резко преобладает), окунь, лещ, линь, налим. Употреблялись для этого сети (найлены поплавки и грузила), крючки. Не исключено использование и других орудий лова: гарпунов и острог. Возможно сооружение заколов.

О собирательстве в публикациях не сообщается, хотя оно должно было существовать, хотя бы в виде сбора ягод в лесу. Без растительного компонента пищи жизнь людей была бы невозможна.

Достаточно интенсивной была обработка добытых продуктов. Для этого употреблялись различных типов ножи (как каменные, так и костяные), скребки, свёрла, проколки, шилья и иглы из кости, ложила. Хорошо представлены в коллекциях орудия для обработки дерева: топоры, тёсла, долота, стамески, строгальные ножи и пр. Порой растительными материалами (в частности, лыком) обматывались рукояточные части орудий, а для крепления наконечников в древках использовалась смола. Для обработки кости употреблялись рубящие орудия, резцы, ножи, пилки, скобели, свёрла, абразивы. Широко была распространена обработка камня в разных вариантах. Для этого были задействованы раскалывание камня (его способы зависели от характера сырья, которое в указанном районе было в основном не очень высокого качества), разные приёмы вторичной обработки, шлифовка.

Таким образом, в этой культуре экономика присваивающего хозяйства представляется высокоразвитой и прекрасно организованной, что позволяет считать экономическую составляющую адаптационной системы вполне достаточной для воспроизводства общества.

Социальную организацию можно попытаться восстановить по характеру и числу обнаруженных на поселениях жилищ. Они имели разные формы и размеры, иногда довольно большие, позволяющие считать, что в них могло жить несколько малых семей, как, например, на стоянке Веретье I. К сожалению, в данном случае не было попыток сделать планиграфическое исследование, особенно ремонтаж изделий. Поэтому нельзя ответить на вопрос: существовали ли эти постройки одновременно или сооружались с перерывом, пусть небольшим. Вместе с тем необходимо признать, что такое сложное строительство (как в Веретье I и на другом поселении данной культуры – Сухое) было не под силу одной малой семье. Следовательно, можно предположить, что социальные коллективы, оставившие обе указанные стоянки, состояли из нескольких малых семей, однако более точно пока определить трудно. Также можно только предположить, что иногда число людей в коллективе могло достигать нескольких десятков человек. Были исследованы несколько поселений этой культуры. Они приурочены или к древним берегам озёр или к берегам рек недалеко от их впадения в озеро. Создаётся впечатление, что населением была выработана стратегия размещения мест обитания. На поселениях выявлены жилища сложной конструкции. Обнаружены очаги – как в жилищах, так и за их пределами. Встречены ямы разного характера, в том числе предназначенные для хранения запасов пищи. Иными словами, система обустройства поселений представляется весьма развитой.

Материальная культура полностью обеспечивала выполнение экономических задач. Как уже говорилось, найдены наконечники стрел разных типов, как каменные, так и из кости и рога. Есть и деревянные наконечники. Встречены древки стрел, луки, копья из дерева. Представлены в большом числе «домашние» орудия – скребки, резцы, ножи, перфораторы, скобели и т.д. Обнаружены различные орудия деревообработки – топоры, тёсла, долота. Есть муфты для вставки лезвий рубящих орудий. Найдены землекопные инструменты. Есть многочисленные кинжалы, ножи, струги, ложила из кости и рога. Словом, и материальная культура предстаёт очень хорошо развитой и разнообразной.

Таким образом, адаптационная система культуры веретье кажется чрезвычайно сложной и весьма успешной. Это тем более интересно, если учесть небольшое число исследованных поселений. Правда, ряд из них дал весьма представительные коллекции. Из-за небольшого количества памятников, часть которых не имеет точной хронологии, нельзя говорить о развитии этой системы, её изменениях во времени. Однако сама по себе она весьма показательна и впечатляюща. Поэтому я и использовал её в качестве примера.

Можно было бы привести ещё несколько примеров адаптационных систем – других мезолитических культур. Однако из-за размеров статьи я ограничусь уже изложенными. Во всяком случае, мнение о таких системах можно составить почти для всех известных культур мезолита, что облегчает наше понимание этой эпохи.

В данной статье представлено моё понимание явления адаптации. Я рассматриваю её как сложную систему, которая вырабатывается в каждой мезолитической культуре самостоятельно и которая подчинена одной цели: с помощью различных способов и средств сохранить в нужных размерах и облике воспроизводство данного общества. Только гибкость и мобильность такой системы могли обеспечить решение этой задачи. Мезолитический человек вполне справился с ней, что дало возможность поступательного развития человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кольцов Л.В.* Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
2. *Кольцов Л.В.* Мезолит Британских островов. М., 2005.
3. *Кольцов Л.В.* Варианты адаптации в мезолите Ирландии // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.
4. *Woodman, P.C.* The Komsa Culture: A Re-examination of Its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica. Т. 63. København, 1993.
5. *Clutton-Brock, J., Noe-Nygaard, N.* New Osteological and C-isotope Evidence on Mesolithic Dogs. Companions to Hunters and Fishers at Star Carr, Seamer Carr and Kongemose // Journal of Archaeological Science. Т. 17. 1990.
6. *Clark, J.G.D.* Star Carr: a Case Study in Bioarchaeology // Addison-Wesley Publication. V. 10. Massachusetts, 1972.
7. *Radley, J., Mellars, P.* A Mesolithic Structure at Deep Car, Yorkshire, England, and the Affinities of Its Associated Flint Industries // Proceedings of the Prehistoric Society. V. 30. London, 1964.
8. *Gramsch, B.* Friesack: Letzte Jäger und Sammler in Brandenburg // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 47. Jahrgang, 2000.
9. *Bokelmann, K.* Duvensee, ein Wohnplatz des Mesolithikums in Schleswig-Holstein, und die Duvenseeegruppe // Offa. B. 28. Neumünster, 1971.
10. *Brinch Petersen, E.* Rlosterlund – Sonder Hadsund – Bollund // Acta Archaeologica. V. 37. København, 1967.
11. *Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.
12. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
13. *Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
14. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V. Koltsov

ADAPTATION AS THE SYSTEM IN THE MESOLITHIC

Summary

The article considers adaptation as a complex system, which has economic, social and cultural forms. Each of these forms consists of the ways and means for determining a successful focus on the fulfillment of the main task of adaptation – the optimization of adaptation of the population to the natural environment. A few examples of adaptive systems are given (cultures Larni, British Maglemose, Shippi Hill, Duvensee, Butovo, Veretye). Common and particular features are noted in all these systems.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036, Russia*

Л.Л. Косинская

НЕОЛИТ ЗАУРАЛЬЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ И ТЕОРИЯ МИГРАЦИЙ¹

Культурогенетические исследования и интерпретационные модели

Исследования этого направления ориентированы на выявление истоков археологических культур, их взаимосвязей и генетической преемственности как внутри эпох, так и на их стыках (рубежи мезолит/неолит, неолит/энеолит).

До середины прошлого века, пока археология камня не выходила за границы Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья, выделенные культуры рассматривались как свидетельство и результат развития «местных племён», что явилось отражением господства концепции автохтонизма. Чаще всего исследователи ограничивались установлением фактов взаимосвязей локальных культур на основе типологических аналогий, не углубляясь в проблемы их происхождения (Е.М. Берс, В.М. Раушенбах, Н.П. Кипарисова и др.). Но с расширением географии памятников ситуация кардинально изменилась.

В.Н. Чернецов [1] сформулировал концепцию уральского неолита как единой этнокультурной общности, сформировавшейся на территории Зауралья и Западной Сибири в мезолите и сохранявшейся в неолите в виде родственных культур (восточноуральской, кельтеминарской и др.).

О.Н. Бадер [2], сравнивая неолит Приуралья и Зауралья, оперировал понятием историко-культурной области, включавшей восточноуральскую и камско-волжскую культуры. Как известно, оба понятия заимствованы археологией из этнографии, причём содержание каждого в археологической литературе чётко не определено.

Аналогичен подход к обобщению материалов южноуральского неолита Л.Я. Крижевской, но она идёт дальше, выстраивая иерархию общностей: широкие – общности гребенчатой, волнисто-гребенчатой керамики; более дробные – волго-камская, среднеуральско-сибирская, южноуральско-казахстанская. Последняя, как и другие, в свою очередь, распадается на южноуральскую, западносибирскую лесостепную, восточноказахстанскую и западноказахстанскую. Эти структуры отражают объединение человеческих коллективов и различную степень их родственных отношений [3, с. 117–118].

Урало-приаральские аналогии С.П. Толстова [4] и концепция уральского неолита В.Н. Чернецова [1; 5] знаменовали смену автохтонизма концепцией миграций. Факты сходства, связей в археологических материалах целого региона (Урало-Приаральская этнокультурная общность мезолита – раннего неолита) были интерпретированы в этногенетическом ключе как этнокультурный ареал уральцев с финно-пермским, угорским, самодийским, юкагирским субареалами. Его расширение на протяжении неолита рассматривалось как результат миграций меридионального (с Ю на С) и широтного (на З и В) направлений [6].

Концепция орнаментальных культурных традиций, разработанная М.Ф. Косаревым, вначале была направлена на установление преемственности культур, начиная с позднего неолита. Вскоре, однако, автор пришёл к этническому наполнению феномена. Три керамические орнаментальные культурные традиции (отступающе-накольчатая, гребенчатая и гребенчато-ямочная), зародившиеся в неолите, соответствуют этнокультурным общностям древнего населения. Ранняя отступающе-накольчатая (отступающе-прочерченная) традиция рассматривается как автохтонная, гребенчато-ямочная – как результат миграции в Западную Сибирь переселенцев: носителей ямочно-гребенчатой неолитической керамической традиции Восточной Европы. Обоснование предложенных интерпретаций базируется на археологической ретроспекции, этнографических параллелях и данных топонимики [7; 8].

В последние годы это направление исследований продолжает В.А. Зах. По его мнению, отчётливо прослеживается преемственность каменного инвентаря мезолитических и неолитических комплексов. Отступающе-накольчатая орнаментальная традиция в керамике трактуется как пришлая, привнесённая в раннем неолите мигрантами из районов Приаралья, Северного и Восточного Прикаспия и распространившаяся в неолите на обширные территории лесостепной, юга лесной зон и севернее. Гребенчатая орна-

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 10-06-00408а.

ментальная традиция – аборигенная, сформировавшаяся в результате заимствования керамического производства у мигрантов. Гребенчато-ямочную керамическую традицию, появившуюся в позднем неолите в пограничье лесостепных и лесных районов, исследователь считает автохтонной [9; 10]. Выводы В.А. Заха базируются на археологической систематике, дополненной данными палеоэкологии и палеоантропологии.

Концепция неолита Среднего Зауралья В.Т. Ковалёвой интерпретирует козловско-полуденскую линию развития как автохтонную, эволюционирующую от козловской прочерченной (отступающе-прочерченной) орнаментации керамики к «движущейся» гребенчатой и печатно-гребенчатой полуденской культуры, в каменном инвентаре – от пластинчатых к пластинчато-отщеповым индустриям. Генезис этой линии развития восходит к местному мезолиту (сходство мезолитического и неолитического козловского каменного инвентаря). Вторая линия развития – это культуры неместного происхождения, появившиеся в Зауралье в результате миграций населения из южных (юго-западных) регионов. Представляющие её культуры – кошkinsкая и боборыкинская – в целом рассматриваются как генетически преемственные и многокомпонентные по происхождению. Кошкинская включает автохтонный (от местного мезолита) и пришлый (инфильтрация населения с юга) компоненты [11, с. 37]. Боборыкинская археологическая культура (АК) помимо кошkinsкого содержит пришлый компонент (мигранты из степей Казахстана); отмечены отдельные черты сходства боборыкинской керамики с комплексами Бекбеке I (СВ Прикаспий) и Джанбас 4 (кельтеминарская АК, Приаралье) [11, с. 57–59]. С течением времени взгляды исследователя на исходные районы миграций меняются. Для кошkinsкой АК – это Северный Прикаспий: комплексы типа Джангар и Каиршак, а маршрут миграции пролегал, очевидно, с юга и юго-запада: из Закавказья через Нижнюю Волгу и р. Урал, далее через степное Волго-Уральское междуречье (орловская АК степного Заволжья) [12, с. 109]. Менее категоричен в своих выводах А.И. Юдин. Подтверждая факты сходства орловской культуры с кошkinsкой и в особенности с боборыкинской (не только в керамике, но и в каменном инвентаре, в деталях конструкции жилищ), он предполагает «какие-то периодические, на протяжении среднего и позднего неолита, культурные контакты если не путем прямой инфильтрации, то опосредованно... на роль такого культурного посредника хорошо подходит население лесостепной волго-уральской культуры... Не исключен и более южный, степной путь культурных взаимодействий племен Нижнего Поволжья и Зауралья» (через казахстанские степи: накольчатая плоскодонная керамика – Оюклы, Токсанбай) [13, с. 52].

Анализ орнаментальных схем кошkinsкой и в особенности боборыкинской посуды, привлечение для их интерпретации мифологических данных, в т.ч. ранних арийских источников, приводят исследователей к выводу об индоевропейской принадлежности мигрантов, составляющих один из существенных компонентов обеих культур. Такую этногенетическую атрибуцию поддерживают В.Т. Ковалёва и С.Ю. Зырянова, В.Д. Викторова и отчасти В.А. Зах. Последующие миграции в северном направлении приводят к формированию в тайге комплексов, близких кошkinsким и боборыкиным [12, с. 112; 14]. Е.А. Васильев полагает, что культура поселения Чэстыйяг (Нижнее Приобье) сформировалась в результате миграции носителей кельтеминарской АК из Приаралья [15]. Л.В. Ивасько находит истоки каюковской АК (Сургутское Приобье) на Ближнем Востоке [16]. Явно или неявно исследователи рассматривают археологические культуры как этнические образования.

Альтернативная точка зрения заключается в том, что аналогии в материале – свидетельства «связей» – следует рассматривать в контексте более разнообразных механизмов взаимодействия: не только собственно миграций, но и культурной диффузии.

Доказательная аргументация в защиту выдвинутых миграционных гипотез происхождения археологических культур строится на элементах сходства (аналогиях) с культурами сопредельных и отдалённых территорий. В основе лежит тезис: почти любая инновация в культуре, не наблюдавшаяся на данной территории в предшествующее время, но имеющая более или менее полные аналогии на других территориях, интерпретируется как «пришлая», как результат миграции. Инновации выступают на уровне признаков либо типов артефактов. В керамике к таковым относят морфологические признаки сосудов (форма шейки, днищ) – кошkinsкая, боборыкинская АК; морфологические типы сосудов (ладьевидные) – Чэстыйяг; неполная орнаментированность сосудов – «пришлые» АК; техника нанесения узора (прочерченно-накольчатая) – все «пришлые» АК; орнаментальные мотивы (волна, лесенка, напелной валик) – козловская, боборыкинская АК, Чэстыйяг; орнаментальные сюжеты, трактуемые как мифологемы (гора, змея, зерно=зародыш, древо, вода, лабрис) – кошkinsкая, боборыкинская, каюковская АК. Орнаментальные сюжеты интерпретируются через их семантическую реконструкцию (посредством индоевропейской мифологии), и эта интерпретация служит подтверждающим доводом в пользу миграционной гипотезы [17; 18]. Заметим, что в каждом культурном типе керамики «пришлыми» выступают один или несколько из перечисленных признаков. В комплексе с прочими (видимо, «нейтральными») они образуют неповторимые сочетания, характеризующие каждый тип и придающие ему культурную индивидуальность.

В каменном инвентаре признаков «неместного» происхождения значительно меньше. К ним относят особенности сырья и техники расщепления (пластинчатая) – кошkinsкая, боборыкинская АК; отдельные типы изделий (трапедии) – боборыкинская АК; керамические и каменные «утюжки» – кошkinsкая, боборыкинская АК. Ещё меньше таких признаков в сооружениях: некоторые конструктивные детали жилищ (земляные нары) – Чэстыйяг; круговая планировка поселения с оцепывающим ровом – каюковская АК; культовые холмы (культ горы). Обилие «пришлых» черт керамики неудивительно, поскольку авторы миграционных гипотез отдают предпочтение именно этой категории артефактов как наиболее чуткой к этнокультурным изменениям. Проработка каменного инвентаря выглядит значительно более поверхностной (например, пла-

стинчатые индустрии могут различаться по степени микролитоидности, техническим приёмам расщепления и вторичной обработки, количественным соотношением групп и типов изделий и т.д.). Наконец, несходства (различия) культурных комплексов «материнских» и «дочерних» археологических культур остаются в тени. Между тем их нельзя не принимать во внимание при выяснении истоков и характера инноваций в культурах.

Такая доказательная аргументация выглядит не слишком убедительной, поскольку страдает отсутствием системности сравнительного анализа. Не выявляются первичные очаги концентрации инноваций, процесс формирования культур-мигрантов остаётся нераскрытым. Упор делается на дальние межкультурные связи, а ближние (с сопредельными АК) не рассматриваются. Как правило, не уточняется, какие разновидности миграций имеются в виду, не исследуются детально миграционные пути. Зачастую оказывается нарушенным хронологический критерий, далеко не всегда востребован принцип иерархичности культурных образований (локальный/хронологический вариант – археологическая культура – культурная общность). В результате вместо системы коммуникаций возникает аморфная картина «влияний» и «связей», «притока населения», «инфильтрации небольших групп». Отсутствие единства в определении прародины одних и тех же археологических культур усиливает уязвимость гипотез для критики.

Для детализации и развёрнутого обоснования миграционных гипотез необходимо поставить ряд вопросов: какова чувствительность археологических источников к миграциям разного типа; в каких таксонах археологического материала (признак, артефакт, культурный комплекс АК) они отражаются; каковы критерии отличия привнесённых инноваций от собственных (внутренних, эволюционных); сколь чувствительны используемые методы анализа к разнообразным миграциям и каково содержание самого этого понятия?

Механизмы культурных инноваций

Одна из вечных проблем в археологии – причины и механизмы формирования и изменения археологических культур – фактически сводится к вопросу об инновациях в культурах, о причинах их появления и механизмах внедрения. В русле темы генезиса и взаимодействия культур в первую очередь рассматриваются элементы сходства. Для их объяснения археологическая наука использует несколько принципиально различных концепций, выработанных на основе этнографических, письменных и археологических источников и раскрывающих разные механизмы возникновения и укоренения инноваций.

Концепция конвергенции исходит из представления о независимом возникновении сходных элементов культуры в разных, несвязанных центрах. Она подразумевает собственную эволюцию культуры (автохтонное развитие) за счёт либо природных, либо «внутренних» факторов культурного развития. Концепция диффузии предполагает возникновение элемента культуры в одном центре с последующим распространением за пределы «материнской» культуры. В качестве механизмов распространения рассматриваются: трансмиссия (диффузия в узком смысле), т.е. распространение инноваций посредством влияния и заимствования; миграция – распространение инноваций переселенцами. Пару противостоящих понятий образуют, таким образом, не миграционизм – диффузионизм (Л.С. Клейн: они суть варианты широкого диффузионизма), а диффузионизм – автохтонизм [19].

Автохтонная модель в своём крайнем варианте предполагает практически полную автономию в развитии социума на неизменной (в целом) территории. В этнографии этому варианту соответствует этнографический изолят (замкнутое в себе сообщество, зачастую существующее в иноэтничном окружении). В этом случае любые инновации культуры суть результаты её собственного развития, а сходство с соседними, скорее всего, носит конвергентный характер. Такой модели противостоит концепция взаимодействующих обществ (родственных и неродственных). Их информационное пространство пронизано системой коммуникаций, проявляющихся в разнообразных формах (контактных и опосредованных, трансмиссионных). За контактными формами коммуникаций всегда кроется миграция, понимаемая широко (как смена места обитания, постоянная или временная, коллективная либо индивидуальная).

Миграция – очень широкое понятие. Детальные классификации, разработанные в социологии, демографии, в культурологии и этнологии в отношении живых культур, учитывают различные аспекты: демографический (доля мигрантов, их состав), временной (скорость миграции и степень деформации материнской культуры в ходе миграции; скорость аккультурации мигрантов на новой родине и в аборигенной среде); ассимиляционный (принципы отбора инноваций и их закрепления аборигенами или смешанными социумами); экологический (учёт хозяйственных систем); социологический (учёт структур социальной организации); семантический (конкуренция местных и пришлых мировоззренческих систем) [из последних работ см.: 20].

Теоретические разработки на эту тему существуют и в археологии [19; 21; 22; 23; 24 и др.]. Одна из классификаций, основанная на материалах традиционных культур Западной Сибири, выделяет 4 типа миграций, различающихся по причинам, содержанию, масштабам и социальным последствиям [25, с. 165–179].

Используя широкое понимание понятия миграции и суммируя имеющиеся разработки, можно построить элементы теоретической модели по следующим основным критериям:

- Срок (намерение): миграции безвозвратные и временные (возвратные). Разновидностью последних являются сезонные миграции;
- Расстояние: миграции ближние (в пределах хозяйственной территории, в пределах ареала социальных связей) и дальние, выходящие за эти границы;
- Скорость: миграции быстрые (переселение) и медленные (расселение);

- Масштаб миграций: а) полные (весь социум); б) групповые, в двух вариантах: б-1) полновесная часть социума с более-менее полной социальной структурой, например, локальная группа домохозяйств (её можно обозначить как парциальную), и б-2) фракция, т.е. группа, не представляющая полной социальной структуры, например, целевая фракция – профессиональная, промысловая, торговая, половозрастная и т.п.; в) индивидуальные.

Дополнительными факторами можно считать:

- Характер (этно)культурной среды на пути миграции и в финале пути, на новом месте: «своя» (генетически или культурно родственная) и «чужая»;
- Интенсивность миграционных контактов, которая могла зависеть от расстояния (степени удалённости контактирующих сторон) и наличия природных и/или социальных барьеров на пути миграции: а) регулярные контакты: а-1) с соседями (имеется общая граница), а-2) с отдалёнными социумами; б) нерегулярные (спорадические) контакты: б-1) с соседями (самоизоляты; дисперсное проживание, наличие почти незаселённой периферии); б-2) с отдалёнными социумами (вне хозяйственной и социально освоенной территории).

Корреляция этих факторов даёт около 20 теоретически возможных типов миграций. Упрощение схемы (отказ от учёта дополнительных факторов) сократило их число до 8 типов с вариантами (табл.).

При изложенном подходе феномен миграции становится универсальным объяснительным принципом. Сочетания разных вариантов критериев по-разному отразятся в археологическом материале на исходной и на конечной территории, а также на путях миграций. В такой системе возможна конкретизация и обоснованная интерпретация характера «связей» археологического материала: отдельных признаков, вещей или групп вещей, типов вещей, сырья, технологий, цельных культурных комплексов и т.д.

Сезонные и временные миграции в пределах освоенной (хозяйственной) территории формируют территориальную структуру археологической культуры [26]. Они могут осуществляться мелкими локальными группами (домохозяйствами), фракциями (специализированными группами) и отдельными индивидами. При чересполосном типе расселения сезонные миграции на уголья «родственных» локальных вариантов, безвозвратные индивидуальные миграции (например, в системе брачных отношений), групповые переселения обеспечивают стабильный облик археологической культуры за счёт поддержания систематических связей внутри неё. Переселение локальных групп, отселение отдельных домохозяйств или фракций в пределах освоенной территории или за её пределы на ненаселённые земли, а в экстремальных ситуациях – и всего социума отражает динамику территориальной структуры археологической культуры (запустение отдельных районов, перемещение локальных вариантов, формирование новых и т.д.).

Во внешних связях археологической культуры, как регулярных, так и спорадических, отражаются разнообразные варианты миграций. Это отселение и переселение групп и индивидов в пределах своего социума, имеющего несплошной (ажурный) ареал, лакуны которого занимает иной социум (чересполосное расселение), безвозвратные миграции групп на «чужие» территории, временные миграции фракций и индивидов на них же и даже сезонные миграции на чужие уголья. Четыре последних варианта могли служить источником конфликтов, но нельзя исключать вероятности использования угодий «чужого» социума по договорённости (своего рода аренды), тем более что известны этнографические примеры такой кооперации [27, с. 64, 68]. Подобные варианты групповых и индивидуальных контактов археологически могли выражаться в фактах диффузионного характера. Эффекты диффузии и другие последствия могли вызывать инфильтрационные формы миграций – индивидуальные (инкорпоранты-чужеземцы), групповые (дисперсное проживание переселенцев на чужой территории).

Безвозвратные дальние миграции всего социума или значительной его части на новые, в том числе заселённые, территории должны отражаться во «внезапном» появлении там новой археологической культуры. Но Д. Энтони полагает, что «бег в никуда» маловероятен и переселению обычно предшествуют мелкомасштабные миграции разведочного характера [24]. Степень сходства новой археологической культуры в её начальном периоде с исходной «материнской» будет зависеть от скорости, дальности миграции и заселённости пройденной территории, а дальнейшая судьба – от отношений мигрантов с аборигенами.

Для феномена миграций предложены критерии их доказанности на археологическом материале (приводятся по терминологии Л.С. Клейна [19]):

– декальности (полного соответствия новой культуры исходной «материнской»). Критерий применим только к некоторым видам миграций;

– неподготовленности (внезапное изменение культуры на данной территории). Не обязательно является признаком миграции, возможны перерывы постепенности и под воздействием внутренних факторов;

– хронологического стыка (новая культура моложе исходной, но должна стыковаться с ней во времени, либо хронологический разрыв не должен превышать реалистичное время, необходимое для передвижения);

– территориального стыка (исходная и конечная культуры должны занимать смежные или даже накладывающиеся ареалы, либо должны соединяться цепочкой памятников промежуточного типа – следами движения мигрантов).

По мнению Л.С. Клейна, применение всех критериев в комплексе – избыточно. Со своей стороны, добавлю, что критерии декальности и неподготовленности приложимы прежде всего к дальним и быстрым переселениям всего социума или его значительной части. Для интерпретации конкретных археологических материалов немаловажную роль играет и время, прошедшее с момента миграционного события, поскольку механизм внедрения инноваций во многих случаях приводит к значительной их трансформации.

Таблица. Классификация миграций

Скорость	Масштаб	Характер	Причины	Археологические проявления		
				На исходной территории	На конечной территории (варианты)	На пути миграций
1	2	3	4	5	6	7
I. Безвозвратные миграции						
1. Быстрые – переселение	БЛИЖНИЕ a1 – групповая частичная (локальная группа) a2 – групповая частичная (фракция) б – групповая полная (социум) в – индивидуальная	1a1 – отселение на свободную/занятую территорию	Относительная перенаселённость, бедствия, угроза существования и др.	Изменение ареала АК	Групповая инфильтрация. Внезапное появление локального варианта АК/КТ	Не улавливаются
		1a2 – отселение на занятую территорию	Относительная перенаселённость, социальные причины (молдёжь, маргиналы)	Не улавливаются	Групповая/индивидуальная инфильтрация, инкорпорация. Импорты, специфические инновации	Не улавливаются
		1б – переселение на свободную/занятую территорию	Угроза существованию	Перемещение ареала АК/локального варианта	Новая (родственная?) локальная АК/локальный вариант	Не улавливаются
		1в – индивидуальное переселение	Плен; маргиналы; брак и т.п.	Не улавливаются	Инфильтрация, инкорпорация. Импорты, элементы инноваций: типологические, технологические, стилистические и др.	Не улавливаются
		2a1 – сдвиг хозяйственной территории на свободные/занятые земли	Экстенсивная система землепользования	Изменение ареала локального варианта	Постепенное внедрение локального варианта АК/КТ	Перетекание
		2a2 – не реализуется?	Замкнутые кочующие кланы мастеров?	Не улавливаются	Импорты, специфические инновации	Не улавливаются
2. Медленные – расселение	a2 – групповая частичная (фракция) б – групповая полная (социум)	2б – сдвиг хозяйственной территории, расселение на свободные/занятые земли	Экстенсивная система землепользования	Изменение ареала АК/локального варианта во времени	Новая (родственная?) локальная АК/локальный вариант	Перетекание
		2в – не реализуется?	Одиночки-отшельники			
3. Быстрые – переселение	ДАЛЬНИЕ a1 – групповая частичная (локальная группа) a2 – групповая частичная (фракция)	3a1 – переселение на свободную/занятую территорию	Относительная перенаселённость, бедствия, угроза существованию и др.	Исчезновение локального варианта АК	Групповая инфильтрация. Внезапное появление нового локального КТ	Не улавливаются?
		3a2 – переселение на занятую территорию	Относительная перенаселённость, социальные причины (молдёжь, маргиналы, замкнутые кочующие кланы мастеров)	Не улавливаются	Групповая/индивидуальная инфильтрация, инкорпорация. Импорты. Специфические инновации	Импорты?

Таблица. Классификация миграций (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
3. Быстрые переселение	<i>б – групповая полная (социум)</i> <i>в – индивидуальная</i>	3б – переселение на свободную/занятую территорию 3в – индивидуальное переселение	Угроза существованию Плен; маргиналы; брак и т.п.	Исчезновение АК/локального варианта Не улавливаются	Внезапное появление новой локальной (?) АК/КТ Инфильтрация, инкорпорация. Импорты, элементы инноваций: технологические, стилистические и др.	Цепочка следов чужой АК? Импорты?
4. Медленные переселение	<i>а1 – групповая частичная (локальная группа)</i> <i>а2 – групповая частичная (фракция)</i> <i>б – групповая полная (социум)</i> <i>в – индивидуальная</i>	4а1 – расселение на свободную/занятую территорию 4б – не реализуется? 4в – расселение на свободную/занятую территорию 4в – не реализуется	Относительная перенаселённость, бедствия, угроза существованию Замкнутые кочующие кланы мастеров? Угроза существованию	Исчезновение локального варианта Не улавливаются? Исчезновение АК/локального варианта	Групповая инфильтрация. Новый локальный/симбиозный КТ Импорты, специфические инновации (новые готовые технологии) Новая локальная/симбиозная АК/КТ	Цепочка следов чужой АК Цепочка следов чужой АК Цепочка следов чужой АК

II. Временные миграции (на ограниченный срок)

5. Быстрые переселение	<i>БЛИЖНИЕ</i> <i>а1 – групповая частичная (локальная группа)</i> <i>а2 – групповая частичная (фракция)</i> <i>б – групповая полная (социум)</i> <i>в – индивидуальная</i>	5а1 – временное отселение на соседнюю территорию	Бедствия, угроза существованию и др.	Изменение (?) ареала АК	Групповая инфильтрация. Кратковременное появление локального варианта АК/КТ	Не улавливаются
		5а2 – мирный/военный поход на соседнюю территорию	Хозяйственные нужды (сырьё, пищевые ресурсы), социальные нужды (обмен, праздник, гости, набег, война)	Импорты сырья, вещей, новые технологии	Комплексы кратковременного пребывания. Импорты, специфические инновации	Не улавливаются
Медленные переселение	<i>а1, а2, б, в</i>	5б – не реализуется?	Торговцы, разведчики, гости	Импорты сырья, вещей	Инфильтрация. Импорты, элементы инноваций	Не улавливаются?
		5в – индивидуальное посещение	Не реализуются по определению			

Таблица. Классификация миграций (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
6. Быстрые – переселение	ДАЛЬНИЕ a1 – групповая частичная (локальная группа) a2 – групповая частичная (фракция)	ба1 – временное отселение на чужую территорию (?) ба2 – мирный/ военный поход на чужую территорию для установления связей бб – кратковременное переселение автономного социума (?) бв – индивидуальная инфильтрация; инкорпорация	Бедствия, угроза Хозяйственные нужды (сырьё, пищевые ресурсы), социальные нужды (обмен, праздники, разведка, набег, война) Угроза существованию	Исчезновение локального варианта Импорты сырья, вещей Временное исчезновение АК Импорты сырья, вещей	Кратковременное появление нового локального КТ Комплексы кратковременного пробывания. Импорты, специфические инновации Кратковременное существование чужой локальной АК/КТ Импорты, элементы инноваций	Не улавливаются? Не улавливаются? Не улавливаются? Не улавливаются?
Медленные – расселение	a1, a2, б, в	Не реализуются по определению	Торговцы, разведчики, гости			

III. Сезонные челночные миграции (вариант временных миграций, но другого временного масштаба – сезон годового цикла)						
7. Быстрые – переселение	БЛИЖНИЕ a1 – групповая частичная (локальная группа) a2 – групповая частичная (фракция) б – групповая полная (социум) в – индивидуальная	7a1 – переселение на сезонные хозяйственные уголья 7a2 – переселение на сезонные хозяйственные уголья 7б – переселение на сезонные хозяйственные уголья 7в – индивидуальные перемещения 8a1 – освоение новых сезонных хозяйственных угодий	Сезонные промыслы годового цикла Групповые сезонные промыслы годового цикла Сезонные промыслы годового цикла Индивидуальные сезонные промыслы	Поселения разных сезонов Специализированные поселения разных сезонов Поселения разных сезонов Не улавливаются?	Поселения разных сезонов Специализированные поселения разных сезонов Поселения разных сезонов Не улавливаются? Групповая инфильтрация. Новый локальный/симбиозный КТ	Кратковременные лагеря Кратковременные лагеря Кратковременные лагеря Не улавливаются? Кратковременные лагеря
8. Медленные – расселение	a1 – групповая частичная (локальная группа)		Сезонные промыслы годового цикла	Исчезновение локального варианта		

Таблица. Классификация миграций (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
8. Медленные – расселение	<i>a2 – групповая частичная (фракция)</i> <i>б – групповая полная (социум)</i> <i>в – индивидуальная</i>	8а1 – освоение новых сезонных хозяйственных угодий 8б1 – освоение новых сезонных хозяйственных угодий 8в – не реализуется?	Групповые сезонные промыслы годового цикла Сезонные промыслы годового цикла	Специализированные поселения разных сезонов Изменение ареала: поселения разных сезонов	Специализированные поселения разных сезонов Изменение ареала: поселения разных сезонов	Кратковременные лагеря Кратковременные лагеря
Быстрые – переселение	ДАЛЬНИЕ <i>a1, a2, б, в</i>	Не реализуются по определению				
Медленные – расселение	<i>a1, a2, б, в</i>	Не реализуются по определению				

АК – археологическая культура; КТ – культурный тип.

Археология имеет дело с омертвелыми остатками некогда живых культур, и понятно, что археологические источники не отражают всех возможных вариантов, чаще улавливая лишь те, которые имели существенные последствия в виде внешних инноваций в культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
2. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. (МИА. № 166)
3. Крижевская Л.Я. Неолит Южного Зауралья. Л., 1968. (МИА. № 141)
4. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
5. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. 1953.
6. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
7. Косарев М.Ф. К проблеме западносибирской культурной общности // СА. 1974. № 2.
8. Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Часть вторая. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока. М., 1987. (Археология СССР)
9. Зах В.А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень, 2005.
10. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск, 2009.
11. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
12. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
13. Юдин А.И. Зауральские аналогии в орловской культуре Нижнего Поволжья // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов. Челябинск, 1999.
14. Викторова В.Д. Мифы на сосудах // Северный археологический конгресс. Доклады. 9–14 сентября 2002 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2002.
15. Васильев Е.А. К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов. Барнаул, 1991.
16. Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002.
17. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010.
18. Ковалева В.Т. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
19. Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. № 1. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.
20. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
21. Мерперт Н.Я. Миграции эпохи неолита и энеолита // СА. 1978. № 3.
22. Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
23. Anthony, David W. Migration in Archaeology: The Baby and the Bathwater // American Anthropologist. New Series. Vol. 92. No. 4 (Dec., 1990). 1990.
24. Anthony, David W. Prehistoric Migration as Social Process // Migrations and Innovations in Archaeological Explanation. BAR. International Series 664. 1997.
25. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
26. Косинская Л.Л. Взгляд археолога на западносибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
27. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности: опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Учебное пособие. Свердловск, 1970.

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

L.L. Kosinskaya

THE NEOLITHIC OF THE TRANS-URALS: INTERPRETIVE MODELS AND THE CONCEPTION OF MIGRATIONS

Summary

The migration model, based mainly on morphological and stylistic characteristics of ceramics, dominates in the surveys of the Neolithic cultural genesis of the Trans-Urals and Western Siberia from the middle of the 20th century. The argumentation of the migration conceptions afflicts with the lack of consistency and does not disclose the nature of the supposed migrations. The approach to the phenomenon of migration in terms of related disciplines, which study living cultures, allows identifying the main criteria that affect the forms of display of the migration processes and their reflection in the archaeological material.

*The Urals Federal University,
51, Lenina Ave.,
Ekaterinburg, 620083, Russia*

E-mail: ver2142@yandex.ru

Л.Л. Косинская

О ХАРАКТЕРЕ МИГРАЦИЙ В НЕОЛИТЕ УРАЛА (на примере кошкинской культуры)

Позиция автора по вопросу об археологических признаках миграций сводится к следующему. Каждый индивид в древности был носителем культурных стереотипов «своего» (по рождению и/или воспитанию) социума, обладая, тем не менее, определённой свободой их воплощения в собственной жизнедеятельности. Сохранность этих культурных стереотипов в «своей» среде поддерживалась всеми институтами традиционного общества. Инновации, составляющие оппозицию традиции, проходили жёсткий отбор, прежде чем оказывались включёнными в неё. Внутренние инновации, порождённые самим социумом, будучи принятыми, должны были достаточно быстро становиться всеобщим достоянием благодаря системе внутренних связей (ближних мелкомасштабных миграций). Таким образом, культура социума должна была проявлять устойчивые признаки гомогенности. На границах её ареала при наличии внешних контактов (дальние миграции) могли периодически появляться внешние инновации, а при усилении таких контактов должно было происходить размывание «своего» информационного поля (нормы межкультурного общения, двуязычие, обмен вещами, сырьём, технологиями) за счёт внедрения внешних инноваций в традицию данного социума. Следовательно, проявлением дальних миграций должны выступать внешние инновации.

Характер реализации миграций заметно различается в зависимости от срока и масштаба. Безвозвратные и возвратные крупномасштабные миграции (всего или значительной части социума), как ближние, так и дальние, приводят к освоению переселенцами новой территории в виде компактного или дисперсного её заселения и формирования полной инфраструктуры. При небольших масштабах (фракции и индивиды) безвозвратных миграций переселенцы вынуждены инкорпорироваться в среду аборигенов, в то время как возвратные миграции тех же вариантов выливаются просто в поход или посещение.

Формы проявления (последствия) миграций на исходной и конечной территориях могут иметь существенные различия в зависимости от масштаба событий: социум и его полноценная часть несут на новую территорию весь набор культурных стереотипов. Фракции и индивиды, не являясь носителями полной культурной матрицы своего социума, способны привнести туда лишь отдельные культурные элементы или их специфические наборы. Но если безвозвратный уход фракции или индивидов, скорее всего, никак не отразится на исходной территории, то при возвратной миграции, напротив, проявления «чужой» культуры можно ожидать не только на конечной территории, но и в «метрополии», благодаря возвращающимся мигрантам (от артефактов-импортов и подражаний до новых материалов и технологий).

Переходя к археологическим данным, можно сформулировать задачи и алгоритм поиска проявлений разных форм/типов миграций:

- Выявление инноваций в данной археологической культуре (АК) на определённом её этапе;
- Оценка полноты проявления (единичные вещи-импорты или подражания им, типологические серии вещей, культурные комплексы) и сферы проявления признаков (морфология, технология, стилистика);
- Установление их внутреннего или внешнего (стимулированные инновации) происхождения;
- Поиск источников внутренних инноваций либо внешних источников стимулированных инноваций методом аналогий;
- Интерпретация: определение типа миграции.

При попытке реализации этой программы возникли трудности, вызванные рядом обстоятельств: 1) слабая изученность неолита Урала и Западной Сибири: территориальные и хронологические лакуны, недостаточная для поставленной задачи детализация типологии, периодизации и хронологии; 2) в неолите регион был ареной интенсивного взаимодействия ряда культурных образований, чему, видимо, способствовало отсутствие внутренних природных барьеров. Поэтому отследить происхождение и судьбу конкретных инноваций оказалось достаточно сложно.

Рассмотрим ситуацию на примере кошкинской археологической культуры раннего неолита, локализованной в юго-западной части региона. К настоящему времени здесь выявлены неолитические памятники, образующие несколько территориальных групп (рис. 1). Это район горнолесного Зауралья (зона тайги), Северного Зауралья (зона тайги), Тюменского Притоболья (подтаёжная зона), лесостепного Притоболья и лесостепного Приишимья. Состояние источников по неолиту Южного Зауралья (отсутствие стратифицированных комплексов) не позволяет использовать их для решения поставленной задачи.

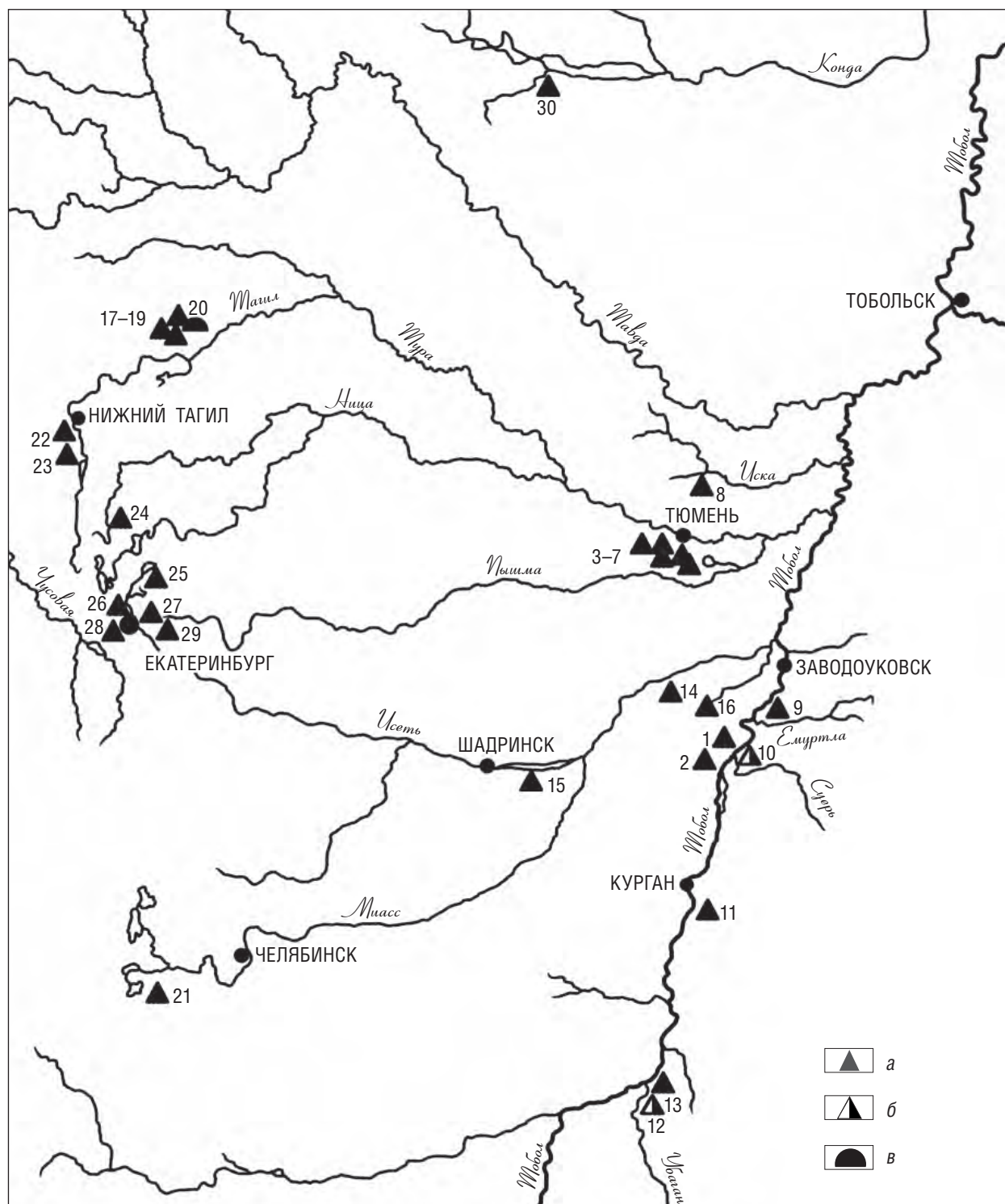

Рис. 1. Памятники кошкинской культуры (по В.Т. Ковалёвой, С.Ю. Зыряновой [1]):

- а – поселения, исследованные раскопками; б – поселения, исследованные разведками; в – культовые памятники.
 1 – Кошкино V; 2 – Охотино; 3–7 – ЮАО-V, VI, XII, XIII-A, XV; 8 – Исток VI; 9 – Ново-Шадрино I; 10 – Усть-Суерское II;
 11 – Лисья гора; 12 – Убаган I; 13 – Убаган III; 14 – Рафайловское II; 15 – Ташково III; 16 – Старо-Лыбаевское 4;
 17 – Кокшарово-Юрьинская; 18 – Юрьинское; 19 – Кокшарово VII; 20 – Кокшаровский холм; 21 – Чебаркуль XVI;
 22 – II Береговая; 23 – Полуденка I; 24 – Амбарка I; 25 – Коптяки VI; 26 – Калмацкий Брод; 27 – Шувакиш I;
 28 – Макуша III; 29 – Малый Шарташ III; 30 – Сумпанья III

Ранний неолит Зауралья наряду с кошкинской (пришлой) АК включает козловскую культуру (местную, автохтонную) [2]. В последней выделяются комплексы с разными типами керамики: кокшаровско-юрьинским (козловским, по В.Н. Чернецову) [3] и евстюнхским [4]. Комплексы с кокшаровско-юрьинским типом керамики распространены в горнолесном Зауралье, в Тюменском и лесостепном Притоболье, с евстюнхским типом керамики – известны только в двух первых районах. Кошкинская АК представлена во всех территориальных группах, но её локальные и хронологические варианты не выделены, за исключением северного, представленного поселением Сумпанья III. Культурная атрибуция последнего спорна, к тому же этот комплекс выходит за хронологические рамки кошкинской АК [5]. На памятниках горнолесного Зауралья кошкинская керамика встречается совместно с кокшаровско-юрьинской и гребенчатой. Ранний тип гребенчатой керамики представлен в одном из жилищ поселения «VIII пункт» в Тюменском Притоболье [6], самостоятельные комплексы в горнолесном Зауралье пока не выявлены. Северозауральская территориальная группа, помимо северного варианта кошкинской (?) АК, включает памятники сумпаньинской АК, не известные на других территориях.

Абсолютные C-14 датировки получены для небольшого числа комплексов. Даты кошкинских и кокшаровско-юрьинских комплексов горнолесного Зауралья образуют два хронологических интервала: кон. VI – нач. V тыс. до н.э. и сер. – 2-я пол. V тыс. до н.э. по некалиброванной шкале [7]. Такая периодизация может быть принята в качестве рабочей модели и для остальных территориальных групп. Евстюнхские комплексы относятся ко второму хроноинтервалу. Для сумпаньинских комплексов приняты даты в пределах 1-й–3-й четв. V тыс. до н.э., т.е. они также охватывают оба хронологических интервала раннего неолита.

Районы горнолесного и Северного Зауралья были плотно заселены в мезолите, тогда как на остальной территории мезолитические памятники пока единичны. Для раннего неолита главной инновацией является керамическое производство. Многие черты морфологии (полуяйцевидные сосуды и чаши с округлым и приотстрённым дном), технологии (венчики с наплывом изнутри) и декора сосудов (широкое распространение техники прочерчивания, накола и отступления палочкой, прямолинейные и волнистые мотивы, горизонтальная зональность и пр.) оказываются сходными в разных синхронных культурах, образуя региональный межкультурный (или надкультурный) фон. Тем не менее каждый культурный тип обладает небольшим числом специфических признаков. Этнокультурными признаками керамики кошкинского типа названы [1, с. 89, 94]:

- наличие плоских дниц;
- разнообразие форм венчиков, в т.ч. – воротнички, карнизы;
- частичная (неполная) орнаментация внешней поверхности;
- разреженность сплошной орнаментации;
- сосуды без орнамента или с пояском под венчиком;
- сочетание горизонтальной и вертикальной зональности;
- орнаментация внутренней поверхности, иногда до дна.

Рассмотрим кошкинскую керамику в морфолого-технологическом аспекте, наиболее чутком к разного рода контактам.

Морфология сосудов. Уже в самых ранних комплексах проявляется характерная черта кошкинской керамики – варибельность формовки венчиков: без утолщения со скосом наружу или внутрь, с наплывом изнутри, с воротничком снаружи, с сочетанием наплыва и воротничка. Последний характерен только для кошкинской керамики. Вторая особенность – наличие плоскодонных сосудов. В составе датированных комплексов раннего этапа неолита Зауралья плоские доньшики, в отличие от воротничков, не обнаружены, но они присутствуют в небольшом количестве в ранних комплексах Тюменского Притоболья (Исток IV) [8] и, видимо, лесостепного Приишимья (Мергень 6) [9], а также в датированных комплексах второй хронологической группы. Учитывая, что в других ранненеолитических керамических типах данной территории воротнички и плоские донца не известны, эти две особенности выступают как специфические культурные признаки-инновации кошкинской гончарной традиции.

Состав формовочных масс. Специальное изучение теста кошкинских сосудов проводилось выборочно на нескольких памятниках, в остальных случаях в публикациях приводятся результаты визуальных наблюдений [8; 9; 10; 11]. Судя по накопленным данным, основой теста служили глины; на Кокшаровском холме определены и илистые глины. То же характерно и для керамики кокшаровско-юрьинского и евстюнхского типов, т.е. их можно считать фоновыми признаками. На ранних памятниках горнолесного Зауралья отмечено использование глин с естественной примесью талька и без неё, преобладание простых рецептов: глина + органика (Г + Орг), глина + дресва (Г + Д тальковая). Примечательно, что в комплексах Кокшаровского холма рецепт Г + Орг господствует в одновременной кокшаровско-юрьинской керамике. Рецепт Г + Д отмечен и в Тюменском Притоболье. Наряду с этим в обеих территориально-хронологических группах, а также в Приишимье распространены простые рецепты – глина + песок (Г + П), глина + шамот (Г + Ш) и сложные – Г + Д (тальк) + П, Г + Ш + П, Г + Д/Ш + Орг. Появление сложных рецептов, по мнению керамистов-технологов, свидетельствует о контактах населения. В данном случае все простые рецепты имеют «кошкинскую» атрибуцию и не характеризуют её как однородную; их распространение в разных территориальных группах может быть интерпретировано как признак ближних (внутренних) миграций в пределах ареала археологической культуры.

Техника орнаментации. В кошкинском декоре сочетаются прочерчивание, отступление и накальвание стержнем-палочкой. Эти признаки являются фоновыми, поэтому нуждаются в детализации. Для кошкин-

ской традиции, как и для кокшаровско-юрьинской, характерна палочка с нешироким скруглённым концом. Но манера отступления заметно различается: кокшаровско-юрьинское отступление – глубокое и с частым шагом, в отличие от кошкинского. В козловской культуре преобладание отступающего декора над прочерченным (кокшаровско-юрьинский тип) сменяется обратной тенденцией на более поздней посуде евстюнихского типа. Количественное соотношение прочерчивания и отступления в кошкинских комплексах не приводится, и какие-либо территориально-хронологические тенденции не установлены. Для ornamentации кокшаровско-юрьинской и евстюнихской посуды горнолесного Зауралья типично также использование двузубого орнамента. Он же отмечен и на кошкинской керамике стоянки Варга 2 в Зауралье [11], где она образует единый комплекс с кокшаровско-юрьинской, т.е. признак переходит от одной контактирующей группы к другой. Возможная интерпретация данного факта – индивидуальная или фракционно-групповая интеграция носителей кошкинского культурного стереотипа в «кокшаровско-юрьинскую» среду (брачные связи?).

Стилистика. Кошкинская посуда характеризуется разрежённостью орнамента, что проявляется и в неполной орнаментированности части сосудов (орнамент только на горловине и на дне), и в относительно невысокой плотности узоров внутри орнаментальных зон. Этим кошкинская керамика отличается не только от кокшаровско-юрьинской, что заметно уже в раннем хронологическом пласте Кокшаровского холма, но и от посуды всех остальных ранних типов керамики рассматриваемой территории. Поэтому данная стилистическая особенность выступает как внешняя инновация по отношению ко всему региону, и её истоки следует искать за его пределами.

Другая специфическая черта – наличие орнамента на внутренней поверхности сосудов – не имеет аналогий в ранних неолитических материалах региона, но встречается во второй половине раннего неолита на посуде быстринского типа Среднего Приобья и чэстыйгского типа Нижнего Приобья, а также на боборынской керамике позднего неолита. Данный признак как будто не отмечен в синхронных и более ранних материалах сопредельных лесостепных и степных территорий от Волги до Оби. Возможно, орнаментация сосудов изнутри возникает как внутренняя инновация в недрах кошкинской культурной традиции. Время её появления (первый или второй хроноинтервал) пока не установлено.

Вертикальную зональность (вертикальные столбцы, членящие орнаментальное поле или образующие самостоятельную орнаментальную зону) предложено рассматривать как один из специфических этнокультурных признаков кошкинской керамики. Следует, однако, отметить, что он в меньшей степени характеризует и посуду кокшаровско-юрьинского типа, на которой столбцы-разделители («лесенки», по В.Н. Чернецову) часто сопряжены с рельефным налепом или выступом-ушком на венчике [12]. И если стилистика столбцов двух культурных типов различается, то сопряжённость с налепами/ушками на некоторых кошкинских сосудах ранней фазы, особенно с «рассечёнными» ушками кокшаровско-юрьинского типа, заставляет предполагать заимствование или общие генетические корни этого специфического признака. Во второй половине V тыс. до н.э. он был широко распространён на таёжной территории Западной Сибири (керамика сумпаньинской, быстринской АК, памятники чэстыйгского типа и др.)

Таким образом, многие из вышеперечисленных признаков свидетельствуют о тесных контактах носителей кошкинского и кокшаровско-юрьинского керамических стереотипов, причём заимствования имеют однонаправленный характер: из кокшаровско-юрьинской в кошкинскую традицию. Обе группы населения обитали одновременно на одной территории и, по крайней мере в горнолесном Зауралье, проживали совместно (Варга 2, Кокшаровско-Юрьинская стоянка, Кокшаровский холм). Такая картина очень напоминает «дальние» (в данном случае не протяжённые в пространстве, а преодолевавшие межкультурные границы), вероятно, безвозвратные миграции с дисперсной инфильтрацией индивидов и групп пришельцев в среду аборигенов (насколько козловскую аборигенную археологическую культуру можно считать таковой, здесь не рассматривается). Подчеркнём, что речь идёт только об одной территориальной группе памятников. Тем не менее оба культурных образования сохраняли своё «лицо» на протяжении всего периода совместного существования, причём кокшаровско-юрьинская традиция характеризуется определённой «замкнутостью», невосприимчивостью к кошкинским инновациям.

Теперь обратимся к анализу постулируемых дальних, протяжённых в пространстве кошкинских миграций: генезис керамической традиции кошкинской АК исследователи связывают со степными районами Северного Прикаспия [1, с. 83, 94]. Значительная часть признаков, приводимых в подтверждение этой гипотезы, относится к региональным фоновым: остро- и круглодонные непрофилированные сосуды, волнисто-линейный (прочерченный, накольчатый и отступающий) декор, вертикальная зональность. Большой интерес вызывают такие признаки, как плоскодонность и формы венчиков: скошенных неутолщённых и с воротничками. Первый характеризует неолитические культуры южных (по отношению к Среднему Зауралью) районов, второй – культуры Нижнего Поволжья.

Отметим, что из всех известных морфологических типов посуды южных регионов в раннем неолите Зауралья присутствуют лишь простейшие: сосуды полуяйцевидной и параболоидной форм и глубокие чаши с округлым или приострённым дном. Это верно не только для кошкинской, но и для кокшаровско-юрьинской керамики. Как уже указывалось, плоские днища в датированных ранних кошкинских комплексах горнолесного Зауралья отсутствуют, но известны на поселении Исток IV в Тюменском Притоболье. Следовательно, плоскодонность может быть заимствованием из культур южных регионов. Но проблема в действительности сложнее: плоские днища характерны по меньшей мере для двух ранних культур (амнинской и каюковской) Нижнего и Среднего Приобья, т.е. локализованных к северу от кошкинского ареала. Их радиоуглеродные датировки ложатся в ранний кошкинский и кокшаровско-юрьинский хроноинтервал.

Что касается воротничков, то единственный неолитический аналог даёт орловская археологическая культура степного Поволжья. Но, по мнению А.И. Юдина, воротнички появляются только на её позднем этапе (Варфоломеевка, слой 1), т.е. значительно позже, чем в кошкинской традиции [13, с. 359]. С другой стороны, оформление венчиков напльвами уральского типа в слое 2Б Варфоломеевской стоянки и в верхнем слое Джангара датируется 2-й пол. V тыс. до н.э. [13, с. 371–373], что соответствует позднему этапу кошкинской АК. Таким образом, связи двух регионов по отдельным морфологическим признакам керамики относятся не к периоду формирования кошкинской керамической традиции, а к более позднему времени, и к тому же ориентированы с востока на запад, а не наоборот. Существенны и различия в стилистике. В кошкинской традиции отсутствует своеобразный геометризм керамики орловской и джангарской культур. Различны и типы орнаментов либо манера их использования: для керамики Нижнего Поволжья характерны наколы разнообразной формы, для кошкинской керамики, как и для посуды остальных неолитических типов Зауралья, – округло-овальные. Наконец, факт использования в кошкинской гончарстве настоящих глин, а не глиноподобных илов, отсутствие примеси раковины и наличие «шамотной» традиции [10] окончательно, на мой взгляд, перечёркивают гипотезу дальней сквозной миграции из Нижнего Поволжья в Зауралье в начале неолита. Связи двух регионов, по-видимому, имели другой характер, более похожий на диффузию. Если культурный импульс, принёсший технологию керамического производства в Зауралье, происходил всё-таки из Поволжья, то он был, во-первых, опосредован населением промежуточных территорий, например, Южного Урала (тогда, по предложенной классификации, это дальняя медленная, скорее всего, парциальная миграция). Во-вторых, поскольку в зауральских керамических орнаментальных схемах ранней фазы отсутствует выраженный геометризм, такой импульс мог иметь место в более ранний период, памятники которого в Зауралье пока не известны. Именно медленные дальние групповые миграции могут создавать эффект диффузии отдельных культурных элементов на новых территориях.

Если обратиться к каменному инвентарю кошкинской археологической культуры, то обнаружится его вариативность в разных территориальных группах. Общая его характеристика, основанная на материалах памятников неустановленного этапа Тюменского Притоболья [14], в некоторых аспектах не совпадает с наиболее архаичными комплексами горнолесного Зауралья, например памятника Варга 2 [11]. В качестве доказательств отсутствия преемственности с местным мезолитом А.В. Шаманаев отмечает: 1 – кремнёвое сырьё, отличное от мезолитического Нижнего Притоболья, но сходное с сырьём козловской АК раннего неолита, боборыкинской и полуденской культур позднего неолита; 2 – укрупнённый характер пластинчатой индустрии (преобладают пластины средней ширины, 8–12 мм); 3 – отсутствие карандашевидных нуклеусов; 4 – большее число орудий на отщепах; 5 – ограниченное использование техники резцового скола; 6 – меньшее, по сравнению с мезолитом, число острий.

Большинство перечисленных признаков характеризуют не только зауральский неолит, поскольку носят стадийный характер, и поэтому совсем не обязательно свидетельствуют о наличии либо отсутствии преемственности с местным мезолитом. В частности, такой признак, как укрупнение пластин, мог быть прямым следствием смены сырьевой базы (предполагается, что кремнистое сырьё поступало из горнолесного Зауралья). С другой стороны, степень микролитизации пластин на мезолитических памятниках различна, но она не является единственной характеристикой пластинчатого расщепления.

Как типичные черты кошкинского кремнёвого комплекса выделены: 1 – клиновидные торцевые нуклеусы; 2 – скребки – в основном на отщепах; 3 – симметричные острия на пластинах с плечиками и без плечиков; 4 – ограниченное использование вторичной обработки (краевое ретуширование); 5 – малочисленность и типологическая неустойчивость наконечников стрел; 6 – серийность черешковых наконечников на пластинах средней ширины; 7 – наличие геометрических микролитов.

Приведённые характеристики носят обобщённый характер и могут различаться в локальных районах. Рассмотрим это на примере горнолесного Зауралья. Все типичные кошкинские признаки, за исключением № 6, как раз характеризуют среднезауральскую мезолитическую культуру данного локального района [15, с. 130–132], а симметричные острия составляют одну из представительных категорий мезолитического комплекса Сухрино I [16]. Иными словами, на таком уровне аргументации гипотезу участия местного мезолитического субстрата в сложении кошкинской камнеобработки никак нельзя отбрасывать. Инновациями в данном случае являются изменение размеров пластин и появление некоторых типов орудий, таких как отдельные типы геометрических микролитов.

Характеристики кремнёвого комплекса с кошкинской керамикой стоянки Варга 2 по степени микролитизации пластин (преобладают пластинки шириной 6–10 мм) сопоставимы с характеристиками комплексов евстюнского типа поселения Исетское Правобережное [17, с. 61], стоянки Уральские Зори II [18, с. 40] и собрания пластинок с Кокшаровского холма [19, с. 181–188]. Сходство проявляется и в некоторых типах орудий, в частности наконечников, среди которых нет черешковых [11]. Но на Варге 2 отсутствует окремнёный сланец, типичный для многих неолитических памятников не только горнолесного Зауралья, но и Нижнего Притоболья. Следовательно, учитывая совместное нахождение в ранних комплексах горнолесного Зауралья керамики кошкинского и кокшаровско-юрьинского типов, нельзя исключать вероятности формирования многих характерных черт кошкинского кремнёвого инвентаря в условиях тесных контактов носителей обоих культурных типов. На роль внешних инноваций претендуют, таким образом, черешковые наконечники стрел (?) и типы геометрических микролитов, не известные в мезолите этого локального района.

Черешковые наконечники обнаружены на поселении Ташково III (лесостепное Притоболье, второй хроноинтервал раннего неолита). На двух памятниках – поселениях Ташково III и ЮАО-ХIIIа (Тюменское При-

тоболье) – найдены геометрические микролиты в количестве 6 экз.: трапеции низкие симметричные и асимметричные, высокие симметричные и одна низкая асимметричная с боковой выемкой (иначе: скошенное острие с выемкой в основании) [14, с. 150–151]. Последняя указывает на Южное Зауралье, где этот тип известен с мезолита и, скорее всего, сохранялся до неолита; с этим же районом связываются и мезолитические изделия Среднего Зауралья. Из остальных типов в мезолите горнолесного Зауралья отсутствуют только высокие трапеции. Аналоги им и остальным типам, а также черешковым наконечникам обнаруживаются в южных регионах, в том числе в степном Поволжье (предполагаемом исходном районе миграции). Но здесь их сопровождают сегменты, отсутствующие в Зауралье [13, с. 345, 355]. Трапеции перечисленных типов характерны также для неолита Средней Азии и Казахстана [20; 21]. Таким образом, вопрос об истоках кошкинских геометрических микролитов оказывается открытым. Если придерживаться версии о внешнем происхождении этих инноваций, интерпретация должна строиться исходя из их характера: появление единичных типов изделий – преимущественно оснащения метательного оружия – без изменений в технологии. Наиболее вероятно рассматривать их как свидетельства мелкомасштабных миграций (фракции, индивиды) из лесостепных или степных районов. Возможно, они не охватывали всего ареала кошкинской археологической культуры; к тому же нет доказательств их появления на раннем её этапе.

Подводя итог, можно сделать следующие предварительные выводы.

- Исходный район, откуда поступил инновационный импульс кошкинского керамического производства, остаётся неопределённым, а сама керамическая традиция проявляет признаки гетерогенности. Различия по сравнению с предполагаемыми исходными АК очень существенны.
- Характер инноваций внешнего происхождения в кошкинской АК (по керамике) позволяет предполагать как медленные безвозвратные парциальные миграции из исходных очагов, так и сохранение связей с ними в форме мелкомасштабных (парциальных, индивидуальных) миграций в последующее время.
- В горнолесном Зауралье, на периферии своего ареала, носители кошкинской традиции имели стабильные прочные связи с местным населением (кокшаровско-юрьинский культурный тип).
- Район формирования комплекса «кошкинских» признаков керамического производства не установлен. Он мог бы располагаться в лесостепном Зауралье (если принять гипотезу о миграционных маршрутах из Нижнего Поволжья через Южный Урал), но памятники раннего этапа в этой территориальной группе пока не выявлены.
- По каменному инвентарю возможна гипотеза о местном характере инноваций. В частности, формирование кремнёвой индустрии на раннем этапе кошкинской АК в горнолесном Зауралье могло происходить при участии мезолитического субстрата – носителей среднезауральской мезолитической культуры.
- Для детализации картины генезиса и динамики кошкинской АК необходима более глубокая проработка источников всех территориальных групп памятников с опорой на жилищные комплексы и с привлечением методов морфо-типологического и технологического анализов керамики и каменного инвентаря¹.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 10-06-00408а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.
2. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
3. Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. 2000. № 3.
4. Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
5. Дубовцева Е.Н. Радиоуглеродные даты неолитических памятников таежной зоны Западной Сибири // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут, 2011.
6. Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения "VIII пункт" на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
7. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хронология полуденских комплексов Кокшаровского холма // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). Уфа, 2010.
8. Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
9. Пошехонова О.Е. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 5. Тюмень, 2004.
10. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут, 2011.
11. Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования) / М.Г. Жилин, Т.Г. Антипина, Н.Е. Зарецкая, Л.Л. Косинцев, П.А. Панова, С.Н. Савченко, О.Н. Ускинская. Екатеринбург, 2007.
12. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
13. Археология Нижнего Поволжья: в 4 т. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006.

14. *Шаманаев А.В.* Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
15. *Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит. Нижний Тагил, 2000.
16. *Стоянов В.Е., Крижевская Л.Я., Старков В.Ф.* Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. (Вопросы археологии Урала. Вып. 14)
17. *Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
18. *Сериков Ю.Б.* Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
19. *Вилисов Е.В.* Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Уральский исторический вестник. № 14. Материалы к II Международному Северному археологическому конгрессу. Специальный выпуск. Екатеринбург, 2006.
20. *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981. (Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Т. XIII)
21. *Зайберт В.Ф.* Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

L.L. Kosinskaya

**ON THE CHARACTER OF MIGRATIONS IN THE NEOLITHIC OF THE URALS
(on the Example of the Koshkinskaya Culture)**

Summary

The article deals with the archaeological characteristics of migrations exemplified by the Koshkinskaya culture of the Early Neolithic in the Middle Trans-Urals. The hypothesis of the migration of the Koshkinskaya archaeological culture bearers from the basin of the Lower Volga River is critically analyzed.

*The Urals Federal University,
51, Lenina Ave.,
Ekaterinburg, 620083, Russia*

E-mail: ver2142@yandex.ru

В.В. Сидоров

НЕОЛИТИЗАЦИЯ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

О терминах не спорят – о них договариваются. Прежде всего необходимо определиться с понятиями «неолит», «ранний неолит», «генезис культуры», «археологическая культура». Это позволит оперировать понятием «неолитизация» как описанием процесса формирования неолитических культур.

Выделение археологических периодов проводится для того, чтобы уловить общие закономерности развития человеческого общества. Но есть ли связь археологических эпох и таких закономерностей? Это не доказано – археологические эпохи остаются условным делением. Но каков смысл этого деления? Изначально он был хронологический. Затем стали делаться попытки найти социально-экономическое содержание. В европейской археологии второй половины XX века под неолитом понимается стадия развития человеческого общества от начала создания системы производящего хозяйства до появления металлических изделий. Археологическим критерием выделения неолита выступает момент появления керамики. Поскольку в лесной зоне производящее хозяйство появляется не ранее эпохи бронзы, то хозяйственно-экономическое использование термина «неолит» к лесной зоне неприменимо.

Но и для тех областей, где уже в каменном веке было освоено производящее хозяйство, его революционизирующая роль в развитии общества нуждается в доказательствах. Экономическая эффективность этого вида деятельности была далеко не одинакова в разных областях. Качественный скачок в развитии общества в регионах первоначальной доместикации случился ранее, чем последствия доместикации оказались зафиксированы на уровне генетики растений и животных [1], а также ранее появления керамики. Появление признаков земледелия и скотоводства у раннеолитических культур Северного Причерноморья не сопровождается сколько-нибудь заметными изменениями в образе жизни – устройстве, размерах и топографии поселений. Только с накоплением навыков агрикультуры на уровне культур расписной керамики происходит качественный скачок. Глиняная посуда сама по себе вовсе не революционизирует хозяйство, а является следствием изменения образа жизни, делающего возможным её применение. Это и является проявлением неолитизации, то есть качественной трансформации хозяйственно-культурного типа. Керамика – только признак процесса. Так же точно и появление медных украшений, шильев и рыболовных крючков в северных культурах ничего не меняет в их образе жизни и в хозяйстве.

Керамика на Ближнем Востоке возникает в оседлых обществах, уже освоивших навыки производящего хозяйства и перестроивших в связи с ним образ жизни. На Дальнем Востоке она появляется значительно раньше (не менее 13 тыс. л.н.) и вне связи с производящим хозяйством – в обществах, освоивших путинное рыболовство [2], которое тоже предполагает оседлый образ жизни. Именно оседлость создавала возможность изготовления и использования керамики. Для лесной зоны Восточной Европы таким революционизирующим фактором могло стать сетевое озёрное рыболовство, тоже позволяющее создавать запасы.

Ранний неолит понимается как этап, на котором сохраняется весь комплекс адаптивных навыков бродячих охотников. Если специфика большинства раннеголоценовых культур лесной зоны – наборы вкладышевых орудий как показатель мобильного хозяйства, то именно в этой сфере мы вправе ожидать проявления наиболее конкретных признаков преемственности от мезолитических культур к неолитическим. Деграция вкладышевого технокомплекса [3; 4] и является показателем финала раннего неолита, ещё сохранившего признаки мезолита. В ряде районов мезолитические и раннеолитические комплексы отличаются от среднеолитических большим разнообразием высококачественного кремнёвого сырья. Обеднение со временем сырьевой базы – показатель уменьшения амплитуды кочёвок. Ещё одним фактором может стать изменение качества рубящих орудий (переход от оббитых к шлифованным, сначала сланцевым и опоковым, затем кремнёвым, а также полный отказ от топоров с переходом к тёслам). Качество рубящих орудий прямо связано с качеством лодок. Лодка же – необходимый атрибут сетевого рыболовства. Таким образом, ранний неолит – это эпоха формирования хозяйственно-культурного типа озёрных рыболовов (при сохранении навыков бродячих охотников). Её начало фиксируется по появлению керамики, а завершение – по исчезновению вкладышевой техники. Важнейшим же инструментом, определявшим принадлежность к хозяйственно-культурному типу озёрных рыболовов, было тесло – инструмент для изготовления лодки-долблёнки с преобладанием шлифованных тёсел над оббитыми рубящими орудиями.

Появление стоянок с насыщенным и гумусированным культурным слоем – это уже следующий этап (средний неолит).

Важнейшим компонентом изучения процесса является датирование – определение последовательности событий, их синхронизация и длительность. Но при этом необходимо чётко определить, *что* именно подвергается датированию. Для Центральной Европы под процессом неолитизации понимается гипотетическая миграция культуры линейно-ленточной керамики, переселение конкретных групп, принёсших навыки производящего хозяйства на север, – событие (пусть и гипотетическое), которое должно иметь чётко обозначенное начало для каждой исследуемой территории. Далее могло быть усвоение этих навыков аборигенным населением – процесс, а не событие. Его длительность протяжённа. Но для Восточной Европы нет никаких оснований говорить о миграции, то есть о переселении достаточно большой группы, способной длительно сохранять в новой среде свою этническую культуру. Здесь содержание процесса неолитизации – усвоение одного из компонентов культуры: керамической технологии – без каких-либо признаков производящего хозяйства. Тем не менее появление керамики – очень важный индикатор уровня развития хозяйства. Он указывает на наличие определённой оседлости, а следовательно, переход от экстенсивной эксплуатации угодий к интенсивной, возникновение целого комплекса новых навыков – планирования хозяйственной деятельности, сохранения (и что особенно важно – обработки) запасов. Таким образом, использование признака керамической технологии для фиксации рубежа эпох правомерно. Но здесь неолитизация не могла иметь чётко выраженных границ, одна и та же группа в разные сезоны вела жизнь и бродячих охотников, и оседлых рыболовов, и собирателей даров моря. И как эволюционный процесс неолитизация здесь не может иметь точной даты.

Существенно также, что усвоение навыков, связанных с керамикой, является новацией, не вступающей в противоречие с имеющимися в данной культуре формами адаптации, и может происходить бесконфликтно. Как новация, этот признак не может быть показателем установления межкультурных связей – он только показывает их наличие в данный момент, а новые они или традиционные – этого распространение новации не показывает. Сама миграция навыка – диффузия – не может обозначать притока *новой* населения, но фиксирует наличие межкультурных связей. Таким образом, в момент распространения керамики она не может использоваться как этноразличительный фактор. Только со временем, после формирования собственных вариантов навыков, локальных керамических традиций, они становятся показателем этнических процессов, но только показателем, а не самими процессами. Генетическая преемственность культуры на грани мезолит – ранний неолит может быть выявлена по иным элементам культуры, общим для обеих эпох, – каменным и костяным орудиям. Только по этим источникам мы вправе определять, сменилось ли здесь население или же происходила только диффузия, усвоение новации через систему связей, которые ранее нечем было зафиксировать.

Проникновение в лесную зону степного или лесостепного населения можно было бы зафиксировать по появлению кремнёвых комплексов, специфичных именно для юга. Они достаточно контрастны. Но никакого проникновения таких комплексов на север в конце мезолита не происходит. Из этого следует, что проникает в леса только новация, составляющая часть женской субкультуры, но миграций групп населения тут не было.

У нас нет оснований искать в лесной зоне местные центры изобретения керамики. Закономерное смещение к северу начальных дат появления керамики показывает общее направление распространения новации. Источниками для её заимствования могут быть культуры низовий крупных рек, обладающие к 7300 л.н. (некалиброванные даты) керамической традицией. Это могут быть буго-днестровская, ракушечнойарская, сурская, струмель-гастятинская культуры. В круг типологически и хронологически близкой керамики входит и елшанская [5, с. 99]. В это же время появляется керамика в Северном Прикаспии, но её влияние на появление керамики в лесной зоне приходится исключить: технология формовки сосуда здесь совершенно не совместима с тем, что наблюдается в лесной зоне. Массивное плоское дно предполагает лепку сосуда начиная с дна, в то время как формовка сосудов лесной зоны велась только от венчика, дном вверх.

Сами по себе даты ранне-неолитических комплексов не показывают пути такого распространения – необходима конкретика связей по комплексному совпадению элементов технологий, форм, орнаментации. В процессе усвоения навыка заимствуются не отдельные элементы, а целостный керамический комплекс, хотя не обязательно все его элементы, – обычно только самые массовые из бытовавших в культуре-источнике. Не обязательно заимствовать весь набор форм сосудов и их деталей, орнаментов, приёмов обработки. Наиболее яркие, но отнюдь не массовые формы орнамента (криволинейные очерченные меандры и фестоны), сложно профилированные сосуды встречаются от Дуная до Волги, но только в степной зоне. Отдельные элементы этих орнаментов проникают на север только по Днепру, но не выше Киева. Это разделение на сложные и простые показывает, что редкие и сложные формы не были бытовыми, навыки их изготовления не входили в число тех, с какими женщины покидали свой род, переходя в общину мужа.

Керамика культур лесной зоны образует по крайней мере две группы с разной технологической традицией, что может указывать на два разных источника заимствования (показателем третьего источника может быть весьма специфическая керамика нарвской культуры). Для культур бассейна Днепра, Немана, Даугавы, Валдайских озёр характерен целый набор признаков, чуждых культурам Дона, Оки, Камы, Волги (кроме верховой). Существует зона наложения западных и восточных керамических традиций – это киево-черкасский и рогачёвский локальные варианты днепро-днепровской культуры и их продолжение в виде деснинской культуры. Для керамики западной группы (днепровский путь) характерны примесь органики в тесте, нередко даже растительности – случай крайне редкий. Органика в тесте в восточной группе – только показатель использования грязной глины (ила), растительная примесь не встречается. На западе бо́льшая

часть сосудов сохраняет следы расчёса, иногда на двух сторонах. Часто применяются трубчатый травяной штамп, сломанная пластина. Не характерно тут уплощение дна, наоборот, дно – типично массивное шиповидное. Весь период, с начала неолита и до энеолита, сохраняется приём подчёркивания венчика строчкой глубоких ямок, оставляющих массивные бугорки («жемчужины») на внутренней поверхности. Для керамики восточной группы характерно присутствие маленьких плоских или вогнутых днищ (относительно часто встречаются они только в некоторых локальных вариантах, например нерско-нерльском, но и там не являются преобладающими ни на одном этапе).

Вопрос о третьем источнике керамики для лесной зоны, предполагаемом в Прикаспии, встал в связи с экстремально-ранними датировками елшанской культуры, которая могла бы быть проводником такого влияния. Но тревога оказалась ложной. Новые датировки [5] поставили её в один ряд с другими раннеэнеолитическими культурами и сняли вопрос о её исключительности из-за слишком ранних датировок. Не позволяя удревать её возраст и наличие совпадений и в керамике, и в наборе орудий с верхневолжской и волгокамской культурами (и не только на их начальной стадии). Совпадения эти есть. Как минимум, они должны быть частично синхронны. Используя экстремальные даты елшанских комплексов для расчёта скорости неолитизации Восточной Европы, П.М. Долуханов [6, с. 202–203] получает среднюю скорость распространения керамики 1,5 км в год, что в три раза медленнее, чем в Центральной Европе. Если же исходить из дат ракушечной и днестро-бугской культур Причерноморья, получается, что керамика от них на Даугаву (сертейская культура) и в Волго-Окский бассейн продвинулась не более чем за 200–300 лет. Особенность ранней елшанской керамики – лепка из ила [7]. Но насколько этот признак является культурно-специфическим или хронологическим (стадиальным) фактором? Ранняя верхневолжская керамика тоже лепилась из ила. Разнообразие сортов глины в раннельяловской керамике одного памятника (например, Воймежная 1) показывает, что в доремесленную эпоху не возникало зависимости гончара от этого фактора и включения привычки к определённой сырьё в традиционную культуру (вопреки методологии А.А. Бобринского – Ю.Б. Цетлина).

Датировки, предложенные естественными науками, стали массовыми, и на их основе выстраивается последовательность событий. Они могут прилагаться к конкретным событиям, происходившим на памятнике, связанным как с человеческой деятельностью, так и с природными факторами. Следы хозяйственной деятельности, оставившей разовые памятники – чистые комплексы, из-за своей относительной кратковременности рассматриваются как такие датируемые события. Чистые комплексы – большая редкость. К тому же они, как правило, бедны и не обладают полным набором элементов культуры. Но именно они остаются опорными, поскольку являют сочетание разных аспектов культуры в комплексе. Обычно мы имеем дело со сложными объектами – многократно заселявшимися жилыми площадками. В таком случае совершенно необходимо обосновать, исходя из стратиграфии, связь датирующих образцов с культурным комплексом. Наиболее непосредственно связаны образцы из так называемого пищевого нагара (точнее – смолы) с внутренних поверхностей стенок сосудов. Достоверна связь с вещевым комплексом углей из очагов и сгоревших конструкций, зольных ям при очагах. Гораздо менее достоверны ямы с очажным заполнением, нередко принимаемые за очаги: в них мог попасть уголь из перемещённого слоя. Весьма осторожно следует обращаться с датами вертикально стоящих кольев – необходимо определение уровня их установки, что не всегда возможно. Датировка по углероду, заключённому в керамике [8], открывает возможности серийного датирования конкретных явлений, наблюдаемых в керамической традиции. Но здесь возникает новая проблема – сочетаемость разнотипной керамики в одном комплексе. Совпадение дат – это ещё не аргумент для того, чтобы включать черепки в единый комплекс: диапазон вероятности дат гораздо больше длительности бытования самого комплекса. По-прежнему основой является опора на стратиграфию, на выделение единовременных формировавшихся отложений. Полевое исследование имеет задачей получение комплексов сосуществующих, входящих в единый культурный контекст компонентов.

Не выяснив условий формирования слоя, мы не можем обосновать правомерность выделения выборки (каковой являются наборы с изучаемого памятника – фрагментированной керамики, сосудов, орудий), подвергаемой статистическому анализу. Именно поэтому метод «культурной стратиграфии», разрабатываемый Ю.Б. Цетлиным [9; 10], некорректен – он полностью игнорирует природу формирования культурного слоя, отождествляя её с естественным плавным протекающим процессом [11]. Таких на площадках поселений почти не бывает. Надёжнее, но тоже требует исследования в каждом конкретном случае, связь естественных органических отложений прибрежий с археологическим материалом. В момент формирования прибрежных отложений они нередко представляли собой полужидкую взвесь, в которой вещи тонули на разную глубину – в зависимости от удельного веса, формы, положения в слое. Участки концентрации археологического материала в прибрежном шлейфе могут возникать при каких-то преградах (коряги, заколы), а горизонты концентрации могут совпадать с уплотнёнными слоями, на которые и проецируются находки. Сами такие уплотнённые слои возникают как поверхности размыва. Тем не менее и в водных отложениях можно выделить прослойки, формировавшиеся одновременно с культурными слоями. Стратифицированные участки бывают и на площадках поселений, но они редко могут дать статистически достоверные серии материала. Необходимо учесть также, что органический материал торфов и сапропелей может быть намного древнее момента их отложения. Размыв торфяников, сформировавшихся тысячи лет назад, откладывает в виде растительного детрита мелкую щепу в водных наносах вместе с археологическим материалом. Древесина торфяников – недостаточно надёжный датирующий материал. В этом отношении значительно надёжнее осоковые и моховые торфа. Наглядный пример. В раскопках стоянки Воймежной обугленные корни дерева прекрасной сохранности проступили в верхней части льяловского слоя. Но сам ствол лежал гори-

зонтально под верхневолжским слоем, от которого его отделяла прослойка торфа и торфяного пожара (который и обуглил корни уже погребённого в торфе дерева), предшествовавшего появлению людей на стоянке. Этот уголь из льяловского слоя на 1500 лет старше слоя. Уплотнение торфа привело к тому, что обугленные корни проступили через верхневолжские и льяловские культурные слои. Даты должны быть привязаны к конкретному факту. Порой, однако, у образца отсутствует объект датирования: нередко берутся образцы из мешаного (или неразделяемого) слоя в надежде, что серии дат совпадут с ожидаемой датировкой каких-то культурных компонентов слоя. По сути малоинформативна форма публикации радиоуглеродных дат культур и памятников, если отсутствует конкретная привязка самого образца.

Итак, что же понимается под неолитизацией? Процесс формирования такого образа жизни, при котором становится возможным изготовление и использование керамики – с выработкой оседлости, накопление запасов, интенсификация использования ресурсов. Для Ближнего Востока таким условием стало интенсивное собирательство, переросшее в земледелие. Для Дальнего Востока – морское собирательство и путинное рыболовство. Для лесной зоны Восточной Европы – озёрное сетевое рыболовство. Возможности для дальнейшего развития этих видов хозяйства оказались очень разными. Только земледелие и скотоводство, сочетание природного фактора и уровня накопленных навыков обеспечили качественный скачок, ведущий к разностороннему разделению труда, концентрации населения, созданию иерархизированных общественных систем. Для рыболовецкой системы хозяйства потолок оказался гораздо ближе. Местами на этой основе (на уровне неолитической техники или уже оснащённые металлургическими орудиями и оружием) возникли общества, подходившие к рубежу цивилизации, но так и не преодолевшие его (глинкиты Северо-Западного побережья Америки, камчадалы, обские угры).

Хозяйственно-культурный тип лесных рыболовов-охотников не оставался неизменным. Если на стадии раннего неолита это были весьма подвижные группы, редко использовавшие базовые поселения-зимовья, только начинавшие строить лодки (возможно, в основном техникой выжигания), то для среднего неолита характерны именно базовые лагеря при озёрах, использование тяжёлых долблёных лодок. Видимо, сохранялась ещё большая роль пешей охоты. Качественный скачок в финале неолита связан с экспансией валдайской культуры и формированием волосовской общности специализированных озёрных рыболовов. Кремнёвые шлифованные тёсла показывают, что качество лодок у них было существенно иным, что и позволяло поддерживать связи на значительно больших расстояниях. Именно поэтому в то время как льяловская культура развивалась ко всё большему обособлению локальных вариантов, волосовская интегрировала культуру обширной территории. Волосовское общество, судя по появлению святилищ и поселений в нескольких жилищах, обладало более сложной структурой. При этом нет необходимости предполагать здесь наличие производящего хозяйства, хотя разделение труда уже намечается (специализированные кремнёвые мастерские).

Формирование нового хозяйственно-культурного типа связано с экспансией в лесную зону племён, ведущих пастушеский образ жизни. Вероятно, не всегда такие вторжения приводили к победе более продвинутых обществ. Появление культур шнуровой керамики в Финляндии не изменило образа жизни аборигенов, и последующие поселения культуры асбестовой керамики представляют ту же линию развития, что и неолитические культуры. Фатьяновская культура не оставляет заметных следов в Волго-Окском междуречье. Поздние фатьяновские могильники содержат уже обычный волосовский кремнёвый инвентарь. Они пришли в леса без бронзовых орудий – только украшения и оружие. Этого оказалось недостаточно для адаптации. Фатьяновские слои на местах волосовских поселений – возможный показатель того, что мигранты осваивают образ жизни озёрных рыболовов. Вопрос в том, насколько это было успешно. Местные волосовские племена практически ничего от них не заимствовали. Ситуация в Южной Прибалтике, куда тоже была направлена экспансия культур шнуровой керамики, оказалась существенно иной.

Привнесли в лесную зону навыки скотоводства и металлургии, которые вызвали коренное изменение быта аборигенов, другие мигранты – группы с фатьяноидой керамикой. С момента их появления начинается деградация каменной техники, вытесняемой применением металлических орудий. Фатьяноидная керамика развивается, что показывает её длительное существование в лесной зоне. Есть следы её «влияния» на позднюю волосовскую культуру. Культура сетчатой керамики формируется в пределах системы связей, существовавших в волосовской культуре, но с привнесением в неё элементов, заимствованных от культуры с фатьяноидной керамикой.

Поздняковская культура появляется в лесной зоне около XVII в. до н.э., заняв Среднее Поочье. Её поселения очень сильно отличаются от неолитических стоянок – они занимают высокие берега, обращены к плато. Такая топография свойственна земледельческим поселениям. Влияние поздняковской культуры расходуется по всей территории культуры сетчатой керамики, но это именно влияние, а не расселение. То, что её элементы пронизывают практически всю лесную зону, показывает, что здесь сохранялось единство этнической среды, проявлявшееся ранее в виде волосовской общности.

Остаётся прояснить вопрос о том, что можно понимать под формированием археологической культуры. Если это понятие есть чисто гносеологическое, то за ним стоит всего лишь формирование в сознании исследователя набора признаков, позволяющих распознавать некое множество комплексов (в число признаков включаются также место и время). Если набор таких признаков обнаруживает устойчивость, повторяемость, считается, что культура успешно выделена (хотя в действительности это выделение определяется степенью жёсткости набора признаков). Далее проводятся корреляции с другими группами, соседствующими во времени и пространстве, что и обеспечивает структурное исследование культур во времени и про-

странстве. За момент формирования культуры в этой системе принимается условная точка, в которой оказывается соединённым максимальное количество из принятого списка признаков. Но если археологическая культура – понятие историческое, то вопрос о точке её формирования отпадает. Она не формируется – она существует, меняя со временем свой этнографический облик. При этом рубежи археологической периодизации никак не сказываются на интерпретации. Одна и та же общность проходит через палеолит, мезолит, неолит с их стадиями, меняя свой этнографический облик, тип хозяйства, если мы не докажем этнических сдвигов – миграций, вымираний, ассимиляций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корниенко Т.В.* Новые археологические свидетельства «революции символов» в контексте изучения вопросов «неолитической революции» // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
2. *Гарковик А.В.* Устиновка 3 – памятник переходного от палеолита к неолиту периода // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
3. *Сидоров В.В.* Понятие технокомплекса как инструмент исследования археологических культур // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
4. *Гиря Е.Ю.* Индустрии пластинчатые, отщеповые и...? // Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001.
5. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
6. *Долуханов П.М.* Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003.
7. *Васильева И.Н.* К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
8. *Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным синтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
9. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
10. *Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины. М., 2008.
11. *Сидоров В.В.* Трансформации и миграции культур каменного века в лесной зоне Восточной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

THE NEOLITHIZATION OF THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE

Summary

The quantum leap, defined by the term «neolithization», is expressed in the whole complex of characteristics and appears in the change of the human lifestyle. The emergence of ceramics is the consequence and the sign of such changes. The source can be the mastering of effective productive economy but not only it. For the forest zone it was the lake drifter fishing. It, like the productive economy, gave the opportunity to create reserves and move towards the sedentary lifestyle. The abstention of the inserts technology in the stone inventory is also an indication of the increasing degree of sedentism. The main category used in recording the level of the development of fishing is an adz as the tool for building log canoes.

As the evolutionary process the development of the skills of the sedentary lifestyle may not have the exact dates, and stretches for centuries. At the same time skills of movable lifestyle are preserved in the culture. The distribution of ceramics is not a piece of evidence of the migration of the new population, and its very rapid emergence thousands of miles away from the primary area of its development is an indicator of the links, which are identified with the help of substitution.

There were several directions of the links, identified in ceramics – along the Dnieper, the Don and the Volga and the Ural. The succession of the culture should be determined by the sources, which are common to different epochs, in other words – by the stone and bone tools. The transition to the effective productive economy, that changes the lifestyle, occurred in the forest area after the appearance of the local metallurgy.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036, Russia*

E-mail: gav-lupus@rambler.ru

Гав Люпус Бицефалис

ДНЕВНИК НЕОЛИТИЗАЦИИ

29 сентября. 7200 год. (счёт обратный)

Вот смеху вчера было! Вечером притащился Мрак. Слепнёв сыночек. Его не было со снега. Явился – не запыхался. Ну, разве парку кое-где прожёт. Устал, говорит, как олень. И сразу ну рассказывать. Как его там, за реками и лесами, привечали. Чуть не женили. Только не понравилось ему. Из глины, говорят, едят. И сам ел. Поудивлялись. А он обиделся. Сам, говорит, видел, как она лепила, а потом то, что слепила, и ему подносила. Так с глиняными руками и едят?! Слепниха возмущается: и ты эту глину в рожу-то ей не влепил!? А Вредочка, невестка наша, давай, говорит, попробуем. Берег рядом, глина – вот она. Знаем. Она что-то такое с глиной делала – смотреть страшно. Схватила ком, давай мять. Слепила корытце, как липовое. И на солнце его. А стало твёрдое – вот и проверим, говорит. Чего, говорит, тебе – порося или карася? Карася, говорит. Сидит, как гость. Корытце на ноги. Она ему и влей кондёр горяченький с карасём. Глиняное-то дно сразу и выпало, А Мрак так и вылетел стрелой в озеро. Ноги-то ошпарил, хорошо хоть остальное уцелело.

30 сентября.

Утром пришла Вредочка. Утром не побьют. Кормить ребят надо. Костёр вздувает. А там в золе куски того самого корытца, какие в огонь упали. Лежат. Красные стали. Горячие. Она их палкой зачем-то выгребла. Слепниха припёрлась – оттаскать за волосья чтоб за вчерашнее. Да и наступи на кусок. Кусок – крак! А Слепниха-то как взвоят – не до Вредочкиных волосьев ей. Глина печёная ту защитила.

Мрак проснулся. Долго дрых-то после лесов-то. Тоже к костру притащился. Сел, глину печёную увидел. Там ещё куски были, по которым Слепниха не топталась. Подержал в руках. Погладил. То самоё! Говорит. Только те побольше были. Может, ещё попробуешь? Да побьют же, Вредочка говорит.

Ейный мужик вернулся – на заплот ходил, шуку бил. Он Слепнёв племянник, Шишка Еловая, жрать, говорит, хочца, ты уж как-нибудь побыстрей. Побыстрей так побыстрей. В золе вывалить – углями присыпать. Всякий умеет. Выгребли шуку на бересту. Кто был у костра таскают с неё по кусочку, угли поплёвывают, о собачий мех руки вытирают, а всё же рожи у всех – хоть щенкам дать облизывать. А те не против. Нет, говорит Мрак, у тех, за лесами что, рожи чистые.

9 октября.

Уж который день дождь сыпется. Сейчас бы на болота прогуляться бабам да ребяташкам. Там самая пора клюкву брать. Калины вон набрали, сушат. А другие туески да пестери за порогом – собаки не пожрут. Только уж сочатся, как кровь пускают. Во придумал Ветерок – смышлёный парнишка – туесок посмолить, как лодку. И не течёт. Тоже как лодка. Но маленькая. А если побольше попробовать? А если целый пестерь посмолить? И ягодина кровь не убежит в землю.

16 октября.

Были дожди. Было и ведро, и снова мокредь. Скоро уж охота будет, мяса бы запаста. И шкуры пойдут, только успевай. И праздники. И новые постели Лось даст, эти шкуры уж лысые и вонючие. Темнеет рано, а делать нечего. А Вредочка ком глины мокрой притащила, и детишки все с ней. Глину они давят, шарики катают и ещё что-то. И вдруг змеюка стала из глины расти. Эй, вы поостерегитесь! Не надо нам тут змеи! – им кричат. А рыбу надо? – спрашивают. Рыбу давай. И вот змеюку раздавили, за бока ущипнули. Рыба же получилась! И правда рыба! Да Сом же сам! А тут занавеска затрепыхалась, Шишка-Ёлка вваливается, мокрый весь, и сом у него за спиной хвостом бьёт.

1 ноября.

Буря была. Откуда бы в такую пору? Вот и упала Великая Осина. Лежит головой к воде. У Осины дерево лёгкое. И на воду указывает. Быть из неё лодке. Мужики ходили смотреть. Хвалили её. Хорошая лодка будет. Начали её тесать да скоблить. Всё равно ещё снега нет, рано в лес.

9 ноября.

Топоры все кончились, пока снаружи её ладили. Но не выбросили. Пригодятся по воду ходить, лёд долбить. Тёсла ещё есть.

30 ноября.

А снега всё нет. Тяжёлая лодка получилась, хоть и по огню её выглаживали и камнями её распаривали. Чуть не половина народу туда влезет. Надо бы и вторую, тогда все разом можем сниматься с места. Да и пора бы – дрова далеко стали, а и зверь уж место обходит – пованивает.

4 декабря.

Вот и снег. Завтра мужики в лес пойдут. Пора Лося звать. Лодку на зиму перевернули, пусть спит.

10 января. 7199 год.

Уж солнце встретили, радовались. И Лось был в доме. А теперь парни деревом заняты – вёсла да копыя скоблят, только стружка вьётся. И бабы заняты – ползают по шкурам, тоже скоблят. Да просят, чтоб и корытце сделали. День короткий. А там при огне Мрак опять рассказывает о той стороне, где солнце. А тут и Слепень расшевелился – он ведь тоже молодым был – ходил. Только в другую сторону. Там ему не понравилось – долго людей искать пришлось.

30 марта.

Вот и зима прошла. Хорошо. Никто не умер. Только девочка одна в лес ушла. Да маленький, только родившись, тоже в лес ушёл. Не всё подъели. Сейчас только на рыбу надежда. На Косматого лучше не выходить – сердитый. И тощий. Только проснулся. Мрак опять за леса хочет. И уж подарки копит. Ему вон сестрица так парку отделала, и чего она только ему не нашла, и кого только не попросила братца хранить (и ведь помогло!). Но пока не пускают. Вот перейдём на Светлое озеро, тогда и иди. Но он не один хочет идти, а и Хоря зовёт. Ладно, парню надо людей посмотреть, себя показать. А то ходил к соседям, а чего им рассказывать? Так и невесту не уговоришь. Кому молчун нужен!

30 октября.

Не пришли ни Марк, ни Хорь. Уж без них перешли в зимний дом. А потом Слепень с Косматым повстречался и не уступил дороги. И был бой. Косматый на месте пал, а Слепень, не старый ещё, через два дня в лес ушёл. Старший теперь Шишка.

25 ноября.

Вот и вторую лодку начали, сестрицу старшей. Но за лето наготовили хороших тёсел, так что эта – младшая, а полегче и смелее.

29 марта. 7198 год.

Тяжелей зима была. И голод был. И Вредкина дочка – года не было – в лес ушла, в птичку превратилась. Место для летнего дома присмотрели солнечное, на Камышовом озере.

10 сентября.

Пора уж о зимнем доме подумать, да урожай идёт. И рыба так и прёт. Уж собаки толстые стали. И кувшинки сладкие собрать, и ягода горькая да кислая, зимняя пошла, и птица. И всё это сушить, сушить, сушить... И да не будет зима суровой. И вот в эту пору – так вовремя – пришли наши. И не вдвоём, а впятером. Парень незнакомый стоит в стороне, помалкивает, но улыбается. Не зря Мрак подарки собирал с родни. А молодая – небольшая, да такая ладная, и улыбается – не пугается – Вредочке: она уж нас всех знает – наслушалась. И говорит почти по-нашему. А уж сыночек как заговорит, так и наш совсем будет. А Вредочка, хоть и старшего жена, не задаётся. – Это ты его из глины кормила? И меня научишь?

E-mail: gav-lupus@rambler.ru

К. Нордквист, Я. Икяхеймо, В.-П. Херва, А. Лахелма

МЕДЬ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение

Настоящая работа¹ посвящена находкам медных изделий периода неолита (энеолита, согласно российской периодизации) в Северо-Восточной Европе, то есть в Восточной Фенноскандии и на Северо-Западе России. Исследуемый временной интервал относится к IV–III тыс. до н.э. (все даты в статье приведены в формате калиброванных календарных лет до н.э.). Несмотря на перспективность обозначенной темы, она остаётся на периферии исследовательских интересов из-за специфики материала, представленного в большинстве своём разрозненными кусочками и обломками медных пластин. Внимание специалистов привлекали лишь немногие наиболее представительные находки (например, Пегрема). Кроме того, существующие исследования по этой теме концентрировались в большей степени на технологических аспектах использования меди в древности [1; 2], находки медных изделий рассматривались в контексте торговых связей и маркёров социального статуса [3]. Однако такой подход оставляет без ответа многие важные вопросы, в том числе такие как «почему началось использование меди?» и «в чём заключались важность и значение использования меди для людей каменного века?». В нашей статье предлагается краткое введение в данную проблематику и обсуждается ряд тем, которые, по мнению авторов, являются ключевыми для понимания находок изделий из меди неолитического возраста. Цель работы заключается не в том, чтобы дать исчерпывающие ответы по данной проблематике, а в том, чтобы представить существующие мнения, основанные на современных теоретических разработках, сформулировать основные вопросы и вызвать новые.

Находки медных изделий каменного века в Северо-Восточной Европе

На конец 2010 г. для Северо-Восточной Европы известно 28 археологических памятников с находками медных изделий, в достаточной степени обоснованно связываемыми с контекстом каменного века [4; 5; 6; 7]. Большинство известных памятников с находками ранних медных изделий концентрируется вблизи Онежского озера, в Республике Карелия. Некоторое количество находок происходит из внутренних частей Финляндии, а также из Северной Скандинавии (рис. 1; табл. 1)². Кроме того, известно достаточно большое количество памятников, прежде всего в Финляндии, откуда происходят находки металлических изделий предположительно раннего возраста [10], однако на этих памятниках в смешанном виде представлены материалы разного времени, и нет возможности с уверенностью связать эти находки с контекстом каменного века или эпохи бронзы.

Имеющийся массив находок включает около 180 предметов из меди. Большинство из них является маленькими самородками, либо неопределимыми кусочками металла. Законченные изделия редки и в большинстве своём представлены маленькими кольцами и подвесками, а также небольшими орудиями, такими как шилья или ножи [4; 5; 6; 7] (табл. 1).

Начало использования меди в Карелии связывается с носителями ромбоямочной керамики, а в Финляндии – гребенчато-ямочной керамики (типичной гребенчатой керамики, по финской терминологии). Медь также использовалась носителями традиций асбестовой керамики и керамики с органической примесью – Кьерикки и Пёлья в Финляндии; Войнаволок XXVII, Оровнаволок XVI и Палайгуба II в Карелии [6; 7]. Тем не менее абсолютное датирование ранних изделий из меди затруднительно, так как известно лишь несколько радиоуглеродных данных, уверенно связываемых с такими находками, а абсолютная хронология упомянутых керамических традиций также достаточно проблематична. Мы считаем, что использование меди

¹ Перевод с английского языка – Д.В. Герасимов.

² Помимо них, два медных кольца происходят из могильника Звейниекс в Латвии и связываются с культурой гребенчато-ямочной керамики, несмотря на более ранние датировки [8]. Также обломок медной пластины известен на поселении Йомала Йеттбеле (Аландские острова) [3; 9], однако эта находка является единичным примером западного влияния населения с ямочной керамикой Швеции и не рассматривается в настоящей работе.

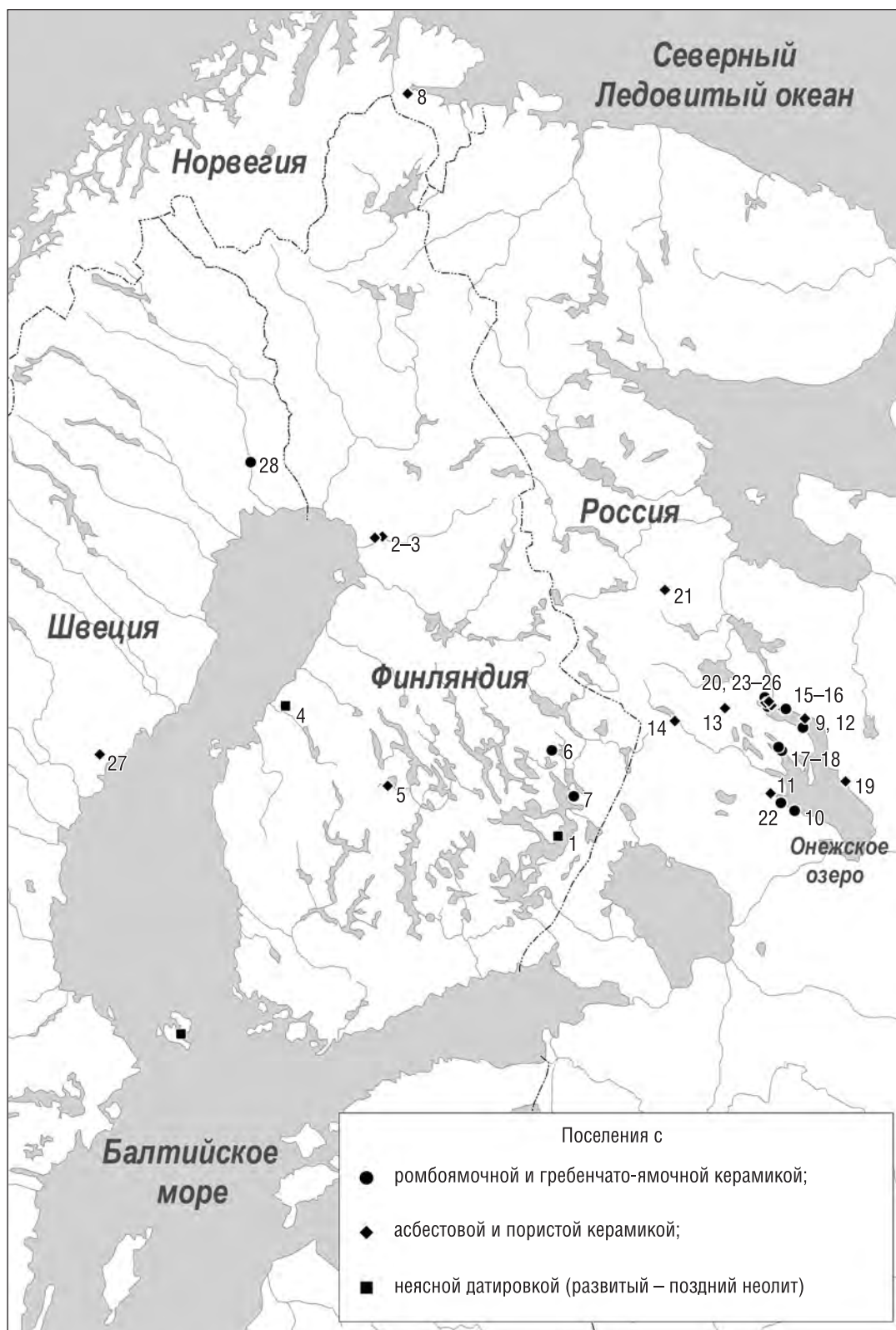

Рис. 1. Памятники с находками медных изделий, относящихся к неолитическому контексту, в Северо-Восточной Европе (нумерация соответствует таблице 1. Памятник Йомала Йеттбёле указан на карте без номера)

Таблица 1. Находки медных изделий периода неолита на Северо-Западе России и в Восточной Финноскандии (по данным на конец 2010 г.)

№	Страна	Памятник	Датировка (типологическая) Керамический контекст	Дендриты, (кованые) кусочки	Пластинки	Ножи	Проколки	Крючки	Кольца	Бусинки	Неясные / разложившиеся	Всего
1	Финляндия	Анконпюкялян-кангас	Гребенчато-ямочная или Пёлья		1							1
2	Финляндия	Корвала	Пёлья								1	1
3	Финляндия	Кууселанкангас	Къерикки			1						1
4	Финляндия	Кюурисосен 3	Поздний неолит		1							1
5	Финляндия	Русавиерто	Пёлья		1							1
6	Финляндия	Суоваара	Гребенчато-ямочная и ромбоямочная						1			1
7	Финляндия	Вихи 1	Гребенчато-ямочная		1					1	7	9
8	Норвегия	Карлеботнбаккен	Къерикки			1						1
9	Россия	Челмужская Коса XXI	Оровнаволок XVI	2			1				1	4
10	Россия	Деревянное I	Ромбоямочная	2	1	1						4
11	Россия	Фофаново XIII	Оровнаволок XVI	14								14*
12	Россия	Клим I	Ромбоямочная	3								3
13	Россия	Кочнаволок II	Палайгуба II	1								1
14	Россия	Кудомгуба VII	Палайгуба II		1							1
15	Россия	Оровнаволок (II)	Ромбоямочная	3		1		2				6*
16	Россия	Оровнаволок XVI	Оровнаволок XVI	1	1							2
17	Россия	Пегрема I	Ромбоямочная	26	20		2		1		12	61*
18	Россия	Пегрема VII	Ромбоямочная	3	5	1						9
19	Россия	Первомайская I	Войнаволок XXVII и пористая	1								1
20	Россия	Сандермоха I	Ромбоямочная	3								3
21	Россия	Тунгуда XIV	Оровнаволок XVI								2	2
22	Россия	Вигайнаволок I	Ромбоямочная и гребенчато-ямочная	2					1			3
23	Россия	Войнаволок IX	Ромбоямочная и гребенчато-ямочная									?
24	Россия	Войнаволок XXIV	Оровнаволок XVI		1							1
25	Россия	Войнаволок XXV	Оровнаволок XVI		2							2
26	Россия	Войнаволок XXVII	Войнаволок XXVII	39	5							44
27	Швеция	Бястамон	Пористая		1							1
28	Швеция	Лиллбергет	Гребенчато-ямочная		1					1		2
* Не менее			Всего	100	42	5	3	2	3	2	23	180*

началось вскоре после появления гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики, в первых веках IV тыс. до н.э. Первоначально обработка металла представляла собой обычную холодную ковку. Свидетельства использования более совершенных технологий горячей обработки металла, включая плавку и отжиг, появляются лишь в последние века IV тыс. до н.э. Эти инновации появляются у населения с асбестовой керамикой и керамикой с органической примесью в тесте. Высказывавшиеся ранее мнения об использовании плавки металла носителями традиций гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики [11; 12] не находят

своего подтверждения, так как неизвестны медные изделия с признаками намеренной горячей обработки, которые можно было бы с уверенностью связать с контекстами гребенчато-ямочной или ромбоямочной керамики [6].

Одними из центральных в проведённых исследованиях являются вопросы об источнике меди и происхождении знаний о свойствах металла. Согласно результатам ряда анализов все ранние изделия были изготовлены из чистой самородной меди [1; 2; 5; 7; 13]. Месторождения самородной меди в регионе Онежского озера традиционно рассматривались как наиболее вероятный источник сырья, а традиция обработки металла в Карелии – как местный, самостоятельно зародившийся феномен [7; 11; 12]. Волго-Уральский регион также рассматривался как возможный источник как медного сырья, так и технологических знаний об обработке металла [13; 14]. Обе эти точки зрения представляются лишь частично справедливыми. На ранней стадии, во время существования традиций гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики, использование и обработка металла действительно проявляются как местный феномен. В пользу этого предположения свидетельствует то, что, согласно имеющимся в распоряжении авторов данным, для раннего периода отсутствуют опубликованные находки медных изделий, связанные с комплексами ямочно-гребенчатой или гребенчато-ямочной керамики из Центральной России. Следующая же стадия развития металлообработки, с использованием горячих способов, судя по имеющимся аналогиям из синхронных комплексов соседних с рассматриваемой территорией регионов, представляется связанной с системой межрегиональных контактов волоховской и гаринско-борской культурных традиций и, таким образом, является результатом внешних культурных импульсов.

Значение меди

Результаты предшествующих исследований, основанных на технологическом и типологическом анализе, являются существенными для выявления источников сырья и технологий, а также межрегиональных связей, но не дают ответа на вопрос «почему вообще началось использование меди?». Месторождения меди на севере Онежского озера зачастую находятся там же, где и источники каменного сырья – кварца и сланца, используемых обитателями этих территорий уже с мезолита. В связи с этим возникает вопрос, отчего использование меди началось лишь в начале IV тыс. до н.э.? Почему вообще началось использование металла и для каких целей? И каково было значение металла?

Представляется очевидным, что первоначальное освоение меди не может быть объяснено прямыми технологическими или практическими причинами – в археологических материалах крайне мало законченных изделий. Также представляется не соответствующей действительности современная западная концепция о естественной привлекательности и превосходстве металла над другими материалами, поскольку ранние изделия из меди технологически и функционально уступали изделиям из камня, дерева, кости и рога. Большинство ранних изделий из меди являлись либо индивидуальными украшениями, либо предметами без определённого функционального назначения (последние, конечно же, могли также иметь своё предназначение, неясное для нас). Таким образом, вероятно, металлические изделия могли быть связаны скорее с символической, или даже ритуальной сферой жизнедеятельности, чем с утилитарной сферой, в той мере, насколько эти сферы жизнедеятельности могут быть разделены.

Изделия из меди неолитического времени обычно ассоциируются с социальным статусом и престижем, однако такое представление в действительности слишком обобщённо и недостаточно для понимания причин начала освоения меди. В каменном веке медь, несомненно, являлась одним из экзотических материалов, таких как янтарь или некоторые цветные породы камня, однако причины освоения и использования этих материалов далеко не самоочевидны. Основываясь на приведённых ниже соображениях, можно предположить, что значимость этих материалов была связана не с их функциональными или технологическими возможностями, а с их «особыми» качествами.

Недавние исследования показали, что культура гребенчато-ямочной керамики, в которой произошло первоначальное освоение меди на севере, была не такой «неолитической» и архаичной, как представлялось прежде. К примеру, в настоящее время для Финляндии и Эстонии существуют отчётливые свидетельства знакомства носителей этой культуры с основами земледелия [15; 16]. Изменения других основ жизненного уклада, таких как система расселения и структура поселений, показывает, что существенные перемены происходили в это время повсеместно [7; 17; 18]. Помимо этого, фундаментальные изменения происходили в интеллектуальной – когнитивной – сфере (in the cognitive dimension of human existence) и в конечном счёте являются показателями изменений в динамической системе, включающей человека, материальную культуру и окружающий мир [19].

Эти изменения проявляются, в частности, в материальной культуре и в использовании различных видов сырья. В период неолита существует отчётливая тенденция возрастания интереса к новым видам сырья и изделиям со специфической окраской, текстурой поверхности и блеском [19]. Такие качества могут казаться несущественными или второстепенными, с современной точки зрения, однако они могли иметь большое значение в досовременных обществах. Освоение меди превосходно укладывается в этот контекст. Следовательно, даже освоение меди в Карелии не было результатом простого внешнего заимствования – несомненно, этому предшествовали изменения в восприятии человеком окружающего мира.

Также и следующая стадия освоения меди была связана со значительными изменениями в культуре племён лесной полосы Восточной Европы, а именно с распространением волоховской и гаринско-борской традиций в конце IV тыс. до н.э. В числе других явлений эти изменения проявляются и в технологии металло-

обработки. Опять же причины этих изменений полностью не ясны, но, возможно, они обусловлены, в том числе, социальными и когнитивными факторами, такими как рост символической деятельности, выражение принадлежности к определённой социальной группе, верования, и также прямой обмен металлом. Притягательность металлических предметов могла также быть связана с действительной или мнимой «экзотичностью» их происхождения.

Подводя итог, следует отметить, что медные изделия периода неолита традиционно рассматривались в качестве более или менее аномальных находок, предшествующих «настоящей» металлургии и потому малозначительных. Однако в контексте современных теоритических разработок они представляются весьма перспективным источником для изучения различных аспектов феномена северного неолита (*энеолита!* – Ред.). Новые перспективы в этом направлении открываются при рассмотрении ранних свидетельств использования металла в контексте других явлений и особенностей неолита Восточной Фенноскандии и Северо-Запада России. Представляется несомненным, что начало использования меди является проявлением чего-то большего и должно изучаться в контексте всей материальной культуры³.

---

³ Большинство поднятых в статье вопросов предполагается исследовать в рамках научного проекта «Медь, материальная культура и создание окружающего мира в позднем каменном веке Финляндии и Российской Карелии», реализуемого авторами статьи в Университете Хельсинки (2010–2012 гг.). В этом проекте находки медных артефактов являются отправной точкой для изучения восприятия людьми материального мира и, в более широком плане, их понимания окружающей действительности в конце каменного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чистякова Э.Л. Приложение 2. I. Структура самородной меди и медных находок древних поселений Карелии. III. Структура медных находок с энеолитических поселений Карелии // *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
2. *Журавлев А.П., Чистякова Э.Л., Жульников А.М.* Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии // СА. 1991. № 1.
3. *Edgren, T.* Den förhistoriska tiden // *Finlands historia 1* (M. Norrback). Esbo, 1992.
4. *Huggert, A.* Early Copper Finds in Northern Fennoscandia // *Current Swedish Archaeology*. 4/1996.
5. *Ikäheimo, J. & Pääkkönen, M.* Kierikin kupariveitsi – uusimpia tutkimustuloksia // *Ei kiveäkään kääntämättä; Juhlakirja Pentti Koivuselle* (J. Ikäheimo & S. Lipponen). Oulu, 2009.
6. *Nordqvist, K., Herva, V.-P., Ikäheimo, J. & Lahelma, A.* Early Copper Use in Neolithic North-Eastern Europe: an Overview // *Estonian Journal of Archaeology*. 16 (1). 2012.
7. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
8. *Zagorska, I.* Radiocarbon Chronology of the Zvejnieki Burials // *Back to the Origin, New Research in the Mesolithic – Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia* (L. Larsson & I. Zagorska). Stockholm, 2006. (*Acta archaeologica Lundensia. Series in 8°*, No 52)
9. *Carpelan, C.* Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100...1000 eKr. // *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan* (P. Fogelberg). Helsinki, 1999. (*Bidrag till kannedom av Finlands nature och folk* 153)
10. *Huurte, M.* Suomussalmen varhaista metallikautta // *Suomen Museo*. 88. Helsinki, 1982.
11. *Chernykh, E.N.* Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. Cambridge, 1992.
12. *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
13. *Taavitsainen, J.-P.* A Copper Ring from Suovaara in Polvijärvi, Northern Karelia // *Fennoscandia antiqua*. I. Helsinki, 1982.
14. *Halén, O.* Sedentariness During the Stone Age of Northern Sweden in the Light of Alträsket Site, c. 5000 B.C., and the Comb Ware Site Lillberget, c. 3900 B.C.: Source Critical Problems of Representativity in Archaeology // *Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4:0* No 20. Stockholm, 1994.
15. *Kriiska, A.* The Beginning of Farming in the Eastern Baltic Area // *East European Plain on the Eve of Agriculture* (P.M. Dolukhanov, G.R. Sarson, A.M. Shukurov). Oxford, 2009. (*British Archaeological Reports International Series* 1964)
16. *Mökkönen, T.* Kivikautinen maanviljely Suomessa // *Suomen Museo*. 116. Helsinki, 2010.
17. *Mökkönen, T.* Studies on Stone Age Housepits in Fennoscandia (4000–2000 calBC): Changes in Ground Plan, Site Location and Degree of Sedentism. Helsinki, 2011.
18. *Жульников А.М.* Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
19. *Herva, V.-P., Nordqvist, K., Ikäheimo, J. & Lahelma, A.* Cultivation of Perception and the Emergence of the Neolithic World. Cambridge Journal of Archaeology. В печати.

*Университет Хельсинки,
Университет Оулу,
Финляндия*

K. Nordqvist, Ja. Ikaheimo, V.-P. Herva, A. Lahelma
COPPER IN THE STONE AGE OF THE NORTH-EAST OF EUROPE:
THE PROSPECTS OF THE RESEARCH

Summary

The article treats the finds of the native copper from the Neolithic, the 4th–3rd millennium BC contexts in the North-East of Europe. Due to the small amount of the finds and their discrepant nature, little has previously been said about the function and meaning of the Stone Age copper. The aim of this article is to contextualize the early copper finds and consider their meaning from a theoretically broader perspective than has so far been done. It is argued that the adoption of copper had little to do with the practical usefulness of the material; instead of it the origins and «special» properties of copper provide a key for understanding the adoption of metal. Rather than to treat the copper finds simply as the status items or the indications of the long-distance trade, it is necessary to assess the relationship between copper and other material culture, and ultimately link it to the local modes of perceiving the world and engaging with it.

*Archaeology Faculty,
Department of Philosophy, History, Culture and Art Studies,
University of Helsinki
P.O. Box 59
00014 Helsingin yliopisto
Finland*

*K. Nordqvist – E-mail: kerkko.nordqvist@helsinki.fi
V.-P. Herva – E-mail: vessa-pekka.herva@helsinki.fi
A. Lahelma – E-mail: antti.lahelma@helsinki.fi*

*Archaeology Faculty,
Department of Art Studies and Anthropology,
University of Oulu
P.O. Box 1000
90014 Oulun yliopisto
Finland*

Ja. Ikaheimo – E-mail: janne.p.ikaheimo@oulu.fi

Е.Г. Калечиц

ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ (финальный палеолит)

На четырнадцатом заседании научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», который состоялся 23–27 марта 2010 г. в Твери, автор подробно осветила проблему заселения территории Беларуси в верхнем палеолите и лишь вскользь упомянула о наших последних работах в области систематизации данных о заселении страны в финальном палеолите. Поскольку тема верхнего палеолита за последнее время неоднократно поднималась на страницах печати [1–6], в данной статье я коснусь только второй части проблемы.

Гораздо более благоприятными, чем на ранних фазах деградации валдайского (поозерского по белорусской схеме) ледникового покрова, для расселения человека далеко к северу были условия позднеледникового времени, что соответствует финальному палеолиту. До недавнего времени словосочетанием «финальный палеолит» не был озаглавлен ни один из разделов обобщающих работ, касающихся региональных исследований или Беларуси в целом. Это связано с малочисленностью исследователей проблемы, отсутствием применения на практике существующих методик выделения материалов конца палеолита – мезолита. Логично предположить, что в позднеледниковое время человек должен был вновь появиться на территории страны, ибо он появился много севернее, в том числе и в Прибалтике.

«Точки над и» расставил В. Копытин [7], раскопавший ряд соответствующих памятников и вынесший на обложку одной из своих работ словосочетание «памятники финального палеолита...», где де факто на конкретном материале констатировал проникновение различных этнических групп населения на территорию Восточной Беларуси в финальном палеолите. Последующие публикации, в том числе обобщающие, дают крайне скудную информацию о памятниках этого исторического периода. Можно получить сведения примерно о двух десятках поселений этого времени.

Нашей задачей стало выделение финальнопалеолитических материалов из смешанных в абсолютном большинстве случаев коллекций. В основу культурно-хронологической идентификации были положены критерии, разработанные исследователями этой проблемы, изучающими финальнопалеолитические древности на соседних территориях. В итоге проделанной работы нами было выявлено 356 памятников, материалы которых позволяют утверждать, что в финальном палеолите на территории современной Беларуси проживало население нескольких археологических культур. Среди них гамбургское, лингбийское, волкушанское, свидерское и гренское. Проникновение носителей первых четырёх культур единодушно связывают с миграционными процессами. Вопросами генезиса, развития, особенностей материальной культуры, хронологии, исторических судеб их носителей активно занимаются преимущественно исследователи Западной Европы. Генезис гренской культуры, которая по состоянию источников на сегодняшний день остаётся единственной финальнопалеолитической культурой, сформировавшейся непосредственно на территории Верхнего Поднепровья на местном субстрате, остаётся дискуссионным. Вопросы, связанные с её генезисом, распространением во времени и пространстве, характеристикой материальной культуры, являются приоритетными для белорусских исследователей, находятся в стадии разработки и в данной статье не рассматриваются. Поэтому с разной степенью подробности предлагаю читателю короткие очерки о культурах, носители которых были мигрантами и заселяли земли современной Беларуси в позднеледниковое время, главным образом в интервале 12–10 тысяч лет назад. Итоги проведённой нами работы опубликованы в 2010 г. в коллективной монографии Е. Калечиц, А. Колосова, В. Обуховского [6].

1. Гамбургская культура. В бёллингском интерстадиале на территории современных Бельгии, Голландии, Германии, востоке Франции, юге Дании и западе Польши жили носители гамбургской культуры. О возможности их проникновения на восток неоднократно писали литовские, польские, белорусские, украинские и др. исследователи [8; 9, с. 13–14, 33; 10, с. 5–12; 11, с. 5–8; 12, с. 5–8; 13, с. 9–27; 14, с. 5–9; 15, с. 5–8; 16, с. 5–9; 17, с. 189–218; 18, р. 102–109; 19, с. 39–52; 20, с. 213–237; 21, с. 197–210; 22, с. 16–19; 23, р. 267–271; 24, с. 75–76; 25, с. 12, рис. 1, рис. 2; 27, 28; 26, с. 40; 27, с. 103, 105]. Наиболее подробно эта культура охарактеризована в работах Я. Бурдукевича [10–19], а обобщающие очерки по проблеме помещены в монографии А. Сорокина, С. Ошибкиной, А. Трусова [28, с. 138–141].

Единственным доказательством присутствия носителей гамбургской культуры на территории Беларуси являются характерные наконечники стрел гамбургского типа. Они сконцентрированы на памятниках Западного Полесья и найдены в следующих пунктах: д. Скарбичи Брестского района [24, с. 50–51, рис. 88: 1]; д. Одрижин, на берегу озера Песчаное в Ивановском районе Брестской области [29, рис. 2:50]; на стоянках Вяз-1 и Бакинич-1 на территории Пинского района в долине р. Бобрик. Последние найдены в материалах поверхностных сборов В. Исаенко, проведённых им в 60-е годы прошлого столетия. Ещё один наконечник гамбургского типа «с плечиком» находился в коллекции Ю. Приборовского, которую он собрал в 30-е годы XX века на стоянке Носки (Пружанский район Брестской области) в бассейне Ясельды.

Учитывая дату памятника Ковальцы-4 (нижний слой) (GrA-38920 Kovaltsy 12420±50 BP) на Нёмане, который на протяжении 7 лет изучал В. Обуховский [30], необходимо отметить, что проникновение охотников на северного оленя в Дриасе I не ограничивалось только Полесьем, а распространилось и в бассейн Нёмана. Не исключено, что с течением времени, когда появились надёжные основания для суждений о типологическом составе разнокультурной коллекции, полученной во время раскопок нижнего пласта, часть материалов этого памятника (по мнению автора) будет отнесена к кругу гамбургских древностей. И это будет ещё одна точка, которой достигли создатели гамбургской культуры, продвигаясь на восток.

Ближайшие к Беларуси гамбургские комплексы выявлены на территории Польши, Литвы и Украины [25, рис. 2: 27, 28; 31, tabl. 1:1; 9, с. 33, рис. 16 : 1, 2; 32; 33]. Около 15 памятников с материалами этой культуры найдено на территории Польши. Среди них – Седница 17, 33, Новый Млын 3, Рогов Опольский, Крайолу, Легон 5 и другие. Все эти материалы выделены типологически из смешанных разновременных комплексов.

Специфика гамбургской культуры. В соответствии с полученными из разных источников данными для технологии первичного расщепления кремня гамбургской культуры характерны одно- и двухплощадочные призматические нуклеусы от пластин. Для их снятия употребляли мягкие и твёрдые отбойники. Отмечается, что этим населением помимо кремня довольно широко использовалась кость. Из рогов северного оленя делали гарпуны с крупными зубцами, наконечники копий и разные рукоятки. Наиболее типичными заготовками для изготовления орудий служили довольно большие и широкие пластины, которые использовали наряду с отщепами.

Основные особенности вторичной обработки орудий – резцовый скол и крутая ретушь со спинки. Культуроопределяющими орудиями являются наконечники стрел «с плечиком» – асимметричные и симметричные черешковые (тип Гавельтэ). Наличие тех или других исследователи рассматривают как признак принадлежности к ранней или поздней хронологическим группам. Для орудийного комплекса характерны также присутствие перфораторов с асимметричным клювовидным выступом, преобладание в комплексах концевых скребков со слегка ретушированными краями или черешком, наличие множества ретушных и двухгранных резцов, изредка – резцов на сломе заготовки, массивных пластин со скошенным ретушью концом, комбинированных орудий (чаще встречаются скребки-резцы).

Генезис. По данным Я. Бурдукевича [13], генезис гамбургской культуры можно связать с предшествующей по времени мадленской культурой Северной Франции.

Хронология. Материалы гамбургской культуры традиционно рассматривают в рамках двух хронологических групп. К первой классической и более ранней относят комплексы, которые включают только «наконечники с плечиком», подобные тем, которые найдены на территории Белорусского Полесья. Кроме того, в ранних комплексах найдены удлинённые концевые скребки, крупные перфораторы, комбинированные орудия труда. Такие памятники датируются временем Дриаса I в границах 12700–12200 лет назад. Более поздняя группа памятников (Гавельтэ) концентрируется на север от территории Беларуси, на землях королевства Нидерланды и в Южной Скандинавии. Среди орудий поздних комплексов, которые дожили до Аллерёда, отмечены симметричные наконечники типа Гавельтэ, скребки типа Велен с насадом, круто ретушированным на спинке.

Исторические судьбы. Как отметил А. Сорокин [28, с. 140]: «Судьба гамбургского населения не установлена».

2. Культура Лингби. Культурная единица выделена Г. Экхольмом в 20-е годы XX столетия на основании находок роговых (мотыги типа Лингби) и кремнёвых (массивные наконечники стрел) изделий, выявленных на клифе Нёррэ Лингби (Nørgre Lyngby) на северо-западе полуострова Ютландия в Северной Дании. Термин «культура Лингби» в научный оборот ввёл Д. Кларк [8]. Она была отнесена к кругу культур с черешковыми наконечниками стрел. Более конкретная характеристика кремнёвого инвентаря была разработана Т. Матиассеном после обстоятельного изучения в 1944–1946 гг. стоянки Бромме (Bromme) на острове Зеландия в Дании [34]. С этого момента многие исследователи начали употреблять сложное название культуры – Бромме-Лингби или Бромме (Лингби).

Проблематике данного культурного явления посвятили свои труды многие исследователи каменного века Европы: Г. Швабедиссен [35], В. Таутэ [36], Р. Римантене [9], Р. Шильд [37], Я.К. Козловский и С.К. Козловский [38], З. Сульгостовска [39], Л. Зализняк [25; 40; 26; 27], К. Шимчак [41], Е. Либера [42], Г. Сеницына [43], М. Кобусевич [21] и другие. Ближайшие к Беларуси памятники культуры Лингби известны на территории Южной Литвы. О присутствии на территории западной части Белорусского Полесья элементов лингбийской традиции неоднократно упоминал В. Исаенко [44, с. 30, 33; 29, с. 59].

Специфика культуры Лингби хорошо известна по характеристике кремнёвого инвентаря классических памятников, данной в работах Я. и С. Козловских [38, с. 256–258; 45, с. 185–193], где с ней можно подроб-

но ознакомиться. При выделении таких материалов на территории Беларуси мы опирались на выявление основных элементов культуры, таких как: наличие в комплексах двухплощадочных монофронтальных и одноплощадочных с дугообразной или почти круглой площадкой скальвания нуклеусов от пластин; преобладание среди сколов-заготовок широких массивных пластин и отщепов; присутствие и процентное соотношение одинарных, двойных и с черешком скребков на отщепах, пластинчатых отщепах и пластинах с дугообразным рабочим краем; ретушных боковых, двухгранных боковых и срединных резцов; довольно однотипных по форме массивных типа Лингби наконечников стрел из пластин с необработанным или иногда скошенным крутой ретушью со спинки пером и хорошо выделенным такой ретушью черешком и некоторыми их вариациями.

На территории Западного Полесья отдельные элементы и комплексы, соответствующие лингбийским характеристикам кремнеобработки, выявлены в нескольких пунктах. В 20-е годы XX столетия около озера Песчаное возле д. Одрижин Ивановского района Брестской области было собрано более 500 кремнёвых изделий [39, s. 131–132, tab. XIX:1–12]. Технологический и типологический анализы свидетельствуют об их хронологическом и культурном единстве. Группа нуклеусов (6 экз.) состоит исключительно из двухплощадочных монофронтальных от пластин и отщепов. 15 из 16 скребков сделаны на пластинах и 1 – на отщепе. Среди резцов присутствуют двухгранные срединные – 2, двухгранные боковые – 2, двухгранный двойной на противоположных концах – 1, ретушный боковой – 1, одинарные продольные – 3. Семь из восьми наконечников стрел соответствуют особенностям лингбийских форм. Один сделан на регулярной пластине и имеет скошенное ретушью перо, что приближает его к аренсбургскому типу. Найдены также 3 ребристые и 2 подребристые пластины, отщепы, пластины, чешуйки и обломки. Это наиболее полный лингбийский комплекс, выявленный на территории Беларуси.

Материалы культуры Лингби, идентифицированные нами на других памятниках, представлены, как правило, наконечниками стрел либо нуклеусами, резцами с черешком, массивными скребками на пластине с дугообразной рабочей частью. Так, на стоянке Бобровици-2, которая размещается на западном берегу озера Бобровицкое в Ивацевичском районе Брестской области, на огромных песчаных раздувах усилиями В. Исаенко, Н. Шаблюк, автора данной статьи, В. Обуховского, Э. Ляшкевич, местного краеведа В. Бычковского собраны разновременные материалы, часть которых отнесена нами к культуре Лингби [46, рис. 11:1].

Значительная концентрация разнокультурных и разновременных памятников каменного и бронзового веков выявлена в Мотольско-Тышковичском микрорегионе. Многократные поверхностные сборы тут проводили В. Исаенко, автор и краевед С. Лазюк, а многолетние раскопки на больших площадях большинства из известных памятников осуществила автор. Наиболее древние материалы, которые имеют аналогии в лингбийской культуре, получены на стоянках Мотоль-1, 5, 17. Тут найдены характерные наконечники стрел, резцы с черешком, массивные скребки на пластинах с высокой дугообразной рабочей частью, нуклеусы одноплощадочные от нерегулярных пластин с дугообразной площадкой скальвания и двухплощадочные монофронтальные от пластин без дополнительной обработки боков и контрфронта.

Значительные серии лингбийских наконечников стрел в 1996 г. автор собрала на поверхности разрушенных стоянок Глинно-1, 2 (Ивановский район Брестской области). Это довольно массивные формы, оформленные на нерегулярных пластинах [47, рис. 17:12, 20, 23, 26, 33–36]. Среди многочисленных резцов есть и формы с черешками [47, рис. 17:7]. Дополняют комплексы одно- и двухплощадочные монофронтальные нуклеусы. Аналогичные комплексы, с точки зрения типологии и технологии кремнеобработки, получил В. Исаенко во время поверхностных сборов на стоянках Орехово-1 [6, рис. 10], Погост-Загородский-5 [6, рис. 73:4–9].

После детального просмотра материалов, собранных на памятниках бассейна р. Неман, которые хранятся в фондах Государственного Археологического Музея в Варшаве, а также собственных сборов и раскопок на территории Западной Беларуси В. Обуховский [24; 48] значительно увеличил количество лингбийских памятников в этом регионе. Наиболее представительные из них найдены в окрестностях Гродно: Ковальцы-1, 2, 4, Жиличи-1, Баля Сольная-2, Жукевичи-2. Вторая группа концентрируется возле пос. Красносельский Волковысского района (Красносельский 5, 6 и другие). Это, как правило, стоянки-мастерские, кремнёвый инвентарь которых отличается массивностью артефактов. К наиболее характерным орудиям отмеченных комплексов относятся массивные наконечники стрел без подретушовки черешка на брюшке, ретушные и клиноподобные резцы, концевые скребки из пластин. Единичные находки лингбийских артефактов известны и на востоке страны.

Генезис. Происхождение культуры Лингби Т. Матиассен [34] связывает с памятниками типа Фон-Робер, которые входят в круг позднемадленских Франции. Есть и другие мнения, например о формировании культуры Лингби на основе культуры федермессер [49, p. 111] или на основе памятников мадлена типа Тайет [38, s. 192].

Хронология. С учётом количества и качества найденных материалов можно утверждать, что носители лингбийской культуры в какое-то время заселяли юго-запад и запад современной Беларуси, по речным магистральям проникали и далеко на восток. Из-за отсутствия радиоуглеродных дат определить точное время их пребывания довольно сложно. Скорее всего, как и в остальных регионах Европы, это был период аллердского потепления и, возможно, начала Дриаса 3.

Исторические судьбы. Продолжением Лингби считается аренсбургская культура. Л. Зализняк [26; 27] отмечает, что лингбийские и аренсбургские комплексы представляют собой две стадии развития технокомплекса с черешковыми наконечниками стрел.

3. Волкушанская (красносельская) культура. Проблема развития досвидерских сообществ в междуречье Вислы и Днепра неоднократно затрагивалась исследователями. При этом каждый из них вводил в научный оборот термин, который в большей или меньшей степени отражал содержание предложенной гипотезы: «балтийский мадлен» [9, с. 19–37], «группа Вильнюс» [38, с. 191], «аренбургская культура» [50, с. 41], «памятники типа Вильно» [39, с. 61], «премазовьен» [51, с. 598], «протоаренбургский этап» [25, с. 18], «красносельская культура» [25, с. 18; 39, с. 133–138; 26, с. 40–101; 27, с. 44–51], «ранний свидер» [52, с. 36–41], «волкушанская культура» [22, с. 30–48].

Более подробно необходимо остановиться на предложениях Л. Зализняка [25; 40; 26] и К. Шимчака [22].

Название «красносельская культура» происходит от стоянки Красноселье Е, которая находится во Владимирском районе Ровенской области Украины. В 1 км на север от села Красноселье в восточной части песчаной гряды выявлены 18 (А–С) изолированных одно от другого «гнезд» кремнёвых изделий диаметром от 10 до 20 м. Красноселье Е представляет собой «гнездо» размерами 6 на 9 м, из которого в 1983 г. Л. Зализняк собрал методом просеивания грунта 2145 кремнёвых изделий. Краткая характеристика культуруопределяющих типов кремнёвых изделий представлена в работе исследователя [26, с. 40, 43, рис. 8:1–33]. Первоначально полученный комплекс был атрибутирован как аренбургский, протоаренбургский и только позже как эпонимный памятник красносельской культуры.

В соответствии с последним мнением Л. Зализняка, красносельская культура (восточный аренбургийен) представляет собой своеобразное сообщество с черешковыми наконечниками стрел, которое сформировалось в Дриасе 3 на западе Восточной Европы в результате трансформации носителей лингбийской традиции. Иначе говоря, красносельскую культуру нужно рассматривать как второй этап развития лингбийской традиции в Восточной Европе. В начале пребореала она перерастает в третий этап – песочноровский–иеневский. К классическим памятникам красносельской культуры автором концепции отнесены: Красносельский-6 в бассейне Нёмана, Красноселье-5, Птыче-3 в бассейне Припяти, Гренск, Хвойно, Боровка, Коромка в Верхнем Поднепровье, Усть-Тудовка в верховьях Волги [27, с. 44].

Волкушанская культура выделена К. Шимчаком [22, с. 30–36] на основании финальнопалеолитических материалов, полученных в результате раскопок ряда стоянок и мастерских в Северо-Восточной Польше (Волкуш-3, 5, Богатыри Лесные-2, Сосенки, Бурденишки-4, Станьковичи-1, Возьна Весь), Литве (Вильно-1, 4, Эжеринос-8) и на западе Беларуси (Красносельский-6). Сравнивая взгляды Л. Зализняка и К. Шимчака, можно найти как сходные положения (происхождение красносельской и волкушанской культур, их хронология), так и принципиальную разницу (роль аренбургского компонента, характеристика материальной культуры, исторические судьбы). С учётом региональных особенностей материалов такого рода памятников, изученных на территории Беларуси, авторы монографии [6] отдали предпочтение выводам, сформулированным К. Шимчаком. Количество известных ныне памятников волкушанской культуры в сравнении с лингбийскими в исследуемом регионе значительно увеличилось. Кроме того, ещё в нескольких десятках пунктов найдены отдельные характерные для этой культуры элементы.

Специфика волкушанской культуры. Один из наиболее представительных комплексов получен автором [52] во время раскопок стоянки Мотоль-17 (Ивановский район Брестской области). Исходным материалом для изготовления орудий в пределах Мотольского микрорегиона являлся местный кремнь разных оттенков серого цвета. Значительное его количество встречается в меловых отложениях и на поверхности размытых моренных бугров.

Среди нуклеусов преобладают три типа. Первый – одноплощадочные односторонние от пластин и пластинчатых отщепов. Оформление ударной площадки осуществлялось преимущественно одним сколом, иногда использовалась натуральная поверхность кремнёвой конкреции. Контрфронт и бока дополнительно не обрабатывались. Рабочий угол нуклеусов (угол между ударной площадкой и плоскостью скалывания) – от 45° до 90°. Расщепление производилось с помощью твёрдого или мягкого отбойника (рис. 1:1).

Второй тип нуклеусов – двухплощадочные монофронтальные со встречным скалыванием от пластин и пластинчатых отщепов. Ударные площадки подготавливались одинарными, поперечными относительно длинной оси нуклеуса, сколами. Значительно реже использовали приём оформления площадок рядом сколов, которые позже дополнительно подправлялись мелкими фасетками. Контфронт и бока иногда носят следы частичной обработки. Рабочий угол не превышает 75–80°. Расщепление производилось с помощью твёрдого или мягкого отбойника. Ещё одной характерной чертой для данного и предыдущего типов нуклеусов является отсутствие следов выравнивания или редуцирования карниза нуклеуса (рис. 1:2).

Третий тип представлен двухплощадочными нуклеусами от пластин и пластинчатых отщепов с частично перекрывающимися плоскостями скалывания (рис. 1:3). Способы оформления и расщепления идентичны вышеописанным типам.

Кроме того, часть нуклеусов с многократной сменой ориентации плоскости скалывания также может быть отнесена к волкушанской культуре.

Для производства наконечников стрел использовались довольно регулярные пластины. Большинство резцов, скребков, орудий со скоблевидными выемками сделаны на нерегулярных массивных пластинах, пластинчатых отщепках и отщепках, полностью или частично покрытых естественной желвачной коркой. При оформлении рабочих частей орудий использовалась крутая и полукрутая ретушь. Эпизодически, и то в качестве дополняющей, употреблялась плоская подретушёвка.

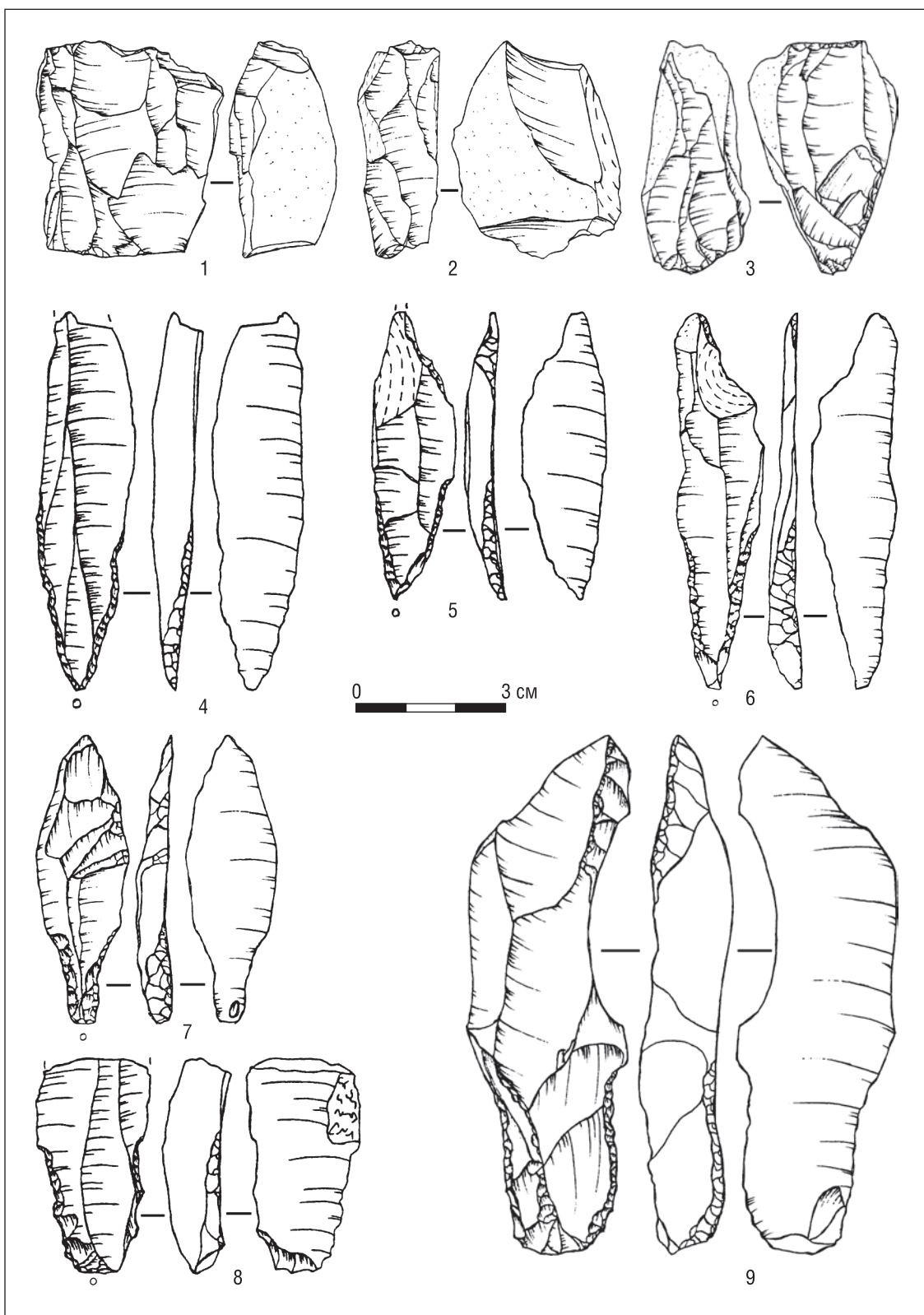

Рис. 1. Волкушанская культура. Стоянка Мотоль-17. Инвентарь:
 1 – отбойник; 2–3 – нуклеусы; 4–6 – иволистные наконечники стрел;
 7–8 – черешковые наконечники стрел; 9 – наконечник копья или кинжал

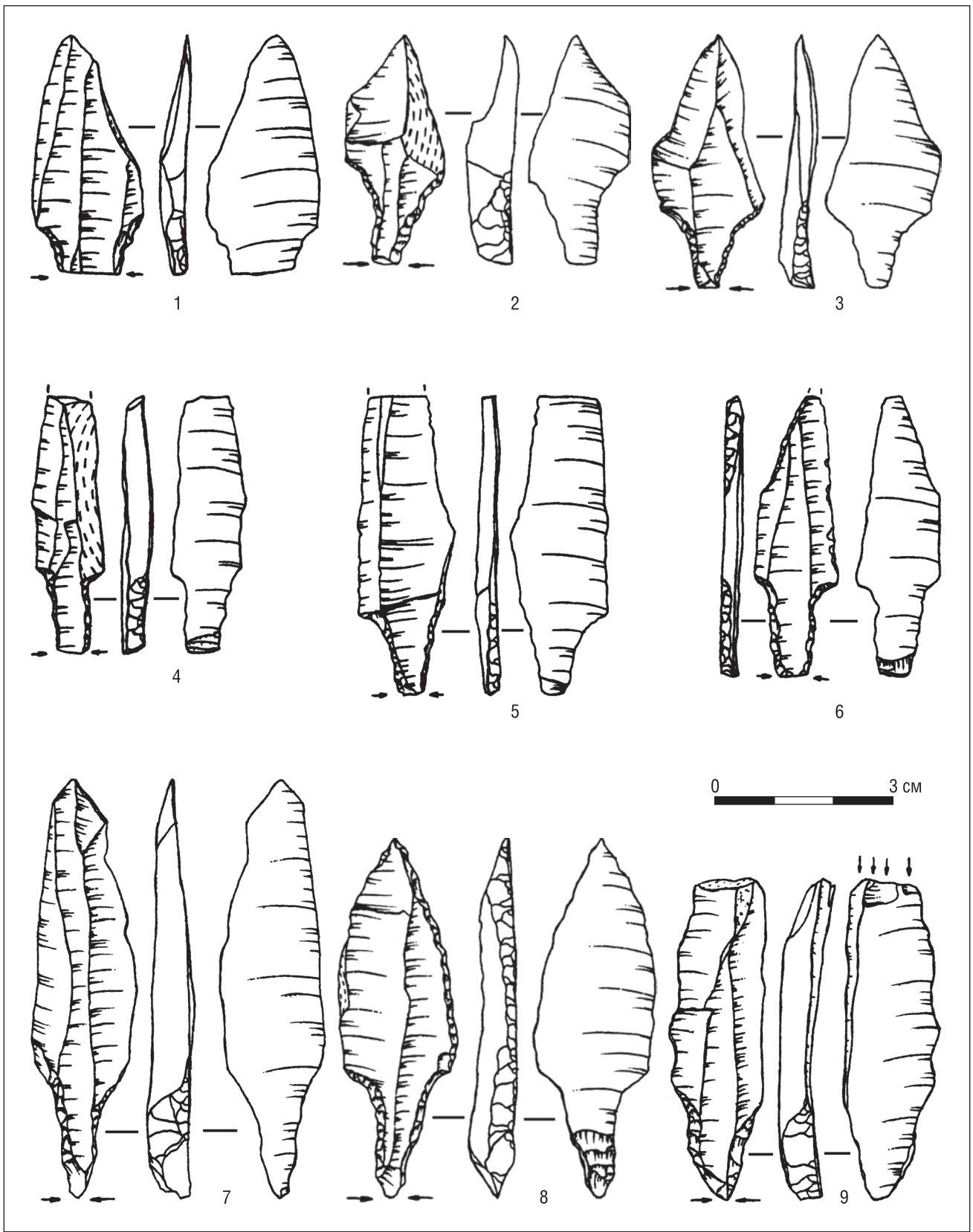

Рис. 2. Волкушанская культура. Стоянка Мотоль-17. Черешковые наконечники стрел

Наконечники стрел волкушанской культуры представлены двумя типами: иволистными (рис. 1: 4–6) и черешковыми (рис. 1: 7–8; рис. 2: 1–9). Первый тип характеризуется хорошо выделенным черешком, обработанным крутой притупляющей ретушью со спинки. В большинстве случаев проксимальная часть пластины-заготовки целенаправленно отламывалась. Острия наконечников сохраняли естественные формы либо скашивались крутой ретушью. Нужно отметить, что второй тип в свидерских комплексах встречается довольно редко. В отличие от свидерских иволистных наконечников они не имеют плоской ретуши на брюшке насада. Из массивной ребристой пластины выполнен наконечник копья или кинжал (рис. 1: 9).

Большая часть найденных на памятнике резцов и скребков соответствует типолого-технологическим характеристикам волкушанской индустрии, однако присутствие инокультурных и иновозрастных материалов, где также встречаются аналогичные изделия, не позволяет определить их культурную принадлежность. Аналогичная ситуация характерна и для пластин со скошенным мелкой ретушью краем. Они известны и в волкушанских и в свидерских комплексах.

Волкушанский комплекс хорошо выделяется и в материалах разновременной и разнокультурной коллекции, полученной автором на поселении Мотоль-1 (урочище Гора). Он состоит из двухплощадочных монофронтальных нуклеусов от пластин и пластинчатых отщепов без или с частичной дополнительной обработкой боков и контрфронта, нуклеусов одноплощадочных от нерегулярных пластин и пластинчатых отщепов, черешковых наконечников стрел, ретушных, поперечноретушных и двугранных резцов, концевых скребков на пластинах и массивных отщепах.

Типичный набор изделий волкушанской культуры собран на рядом расположенной стоянке Мотоль-5, на более бедных памятниках Мотоль-11, 12, 13, 18, 20, 25.

К югу от этого микрорегиона, в бассейне реки Пины, автором выявлена ещё одна концентрация волкушанских материалов – в составе разновременной и разнокультурной коллекции, собранной на памятниках Глинно-1, 2, в урочищах «Озерище» (1, 2), «Доманча», у д. Радогощ (1, 2), где найдены характерные типы наконечников стрел.

На берегах Бобровичского озера носители волкушанской культуры оставили следы пребывания на памятнике Бобровичи-2. Среди них – черешковый наконечник стрелы и отход от производства второго аналогичного [46, рис. 10: 2–3]. Дополняют коллекцию поперечноретушный резец, нуклеус двухплощадочный монофронтальный от пластин, два ретушных двойных на одном конце резца, несколько скребков с высокой дугообразной рабочей частью на отщепах.

В контексте волкушанской культуры ещё одна значительная концентрация памятников выявлена в 20-е годы XX столетия З. Шмитом на север от Бреста, на правом берегу Буга (Величковичи-1, 2, 5, 7, 8, Галачево-1, 2, Колодно, Шумаки). Собранные в этих местах материалы подробно описаны в литературе [53; 24].

Более мелкие, чем лингбийские, черешковые наконечники стрел со срезанным ретушью пером, пластинки со скошенным концом, концевые скребки, ретушные резцы, одноплощадочные нуклеусы для пластин, найденные на стоянках Красносельский-6, Белица-1, Збляны, Остров Салацкий и многих других памятниках Понёманья, имеют некоторые аналоги в материалах с классических стоянок аренбургской культуры. Однако очевидны яркие и заметные отличия. Это наличие на белорусских памятниках относительно большого количества двухплощадочных нуклеусов свидерского типа, поперечных резцов, мелких пластинок и отщепов со скошенным микроретушью концом и в то же время отсутствие острий типа Цонхофен.

Генезис волкушанской культуры, учитывая состояние источниковой базы, остаётся не до конца выясненным. По мнению К. Шимчака, пока нет оснований считать, что существуют непосредственные генетические связи между свидерской и волкушанской культурами [22, s. 35–36]. В кремнёвом инвентаре данная культурная единица имеет много общих элементов с лингбийской культурой (наконечники стрел, некоторые формы нуклеусов, резцов, скребков), но хорошо прослеживается и разница между ними – перевес двухплощадочных нуклеусов над одноплощадочными, присутствие наконечников стрел, типологически близких к аренбургским, пластин со скошенным мелкой ретушью краем, в группе резцов значителен процент ретушных поперечных и на сломе пластин [22, s. 35].

Не до конца выясненным вопрос остаётся даже в том случае, если целиком согласиться с рассуждениями и доказательствами А. Сорокина и рассматривать волкушанскую культуру как синоним аренбургской, происхождение которой связывают с мадленским технокомплексом [36]. Поскольку в названии данного параграфа волкушанская и красносельская культуры отождествляются, необходимо принять к сведению взгляды Л. Зализняка, который систематизировал практически все данные по памятникам названного круга [26; 27]. Он подчёркивает существенное отличие красносельских комплексов от полученных на памятниках классического западноевропейского Аренбурга и объясняет формирование аренбургской культуры на основе Бромме-Лингби [26, с. 216]. Изучение огромной источниковедческой базы, накопленной многими поколениями учёных, привело его к выводу о том, что традиции Лингби стали генетической основой для жителей аренбургской культуры Нёманской низины, а на базе Восточного Лингби возник так называемый Восточный Аренбург, или красносельская культура Дриаса 3.

Хронология. На основании стратиграфических наблюдений и серии дат C^{14} , полученных на стратифицированном поликультурном памятнике Целоване на Висле [37, s. 198–199], момент появления волкушанской культуры, скорее всего, падает на начало Дриаса 3. В регионах, не занятых с середины этого периода носителями свидерской культуры, отдельные группы «волкушанцев» могли существовать до раннего голоцена.

Вопросы, связанные с *историческими судьбами* населения волкушанской культуры, никем не изучались.

4. Свидерская культура является самой распространённой на территории Беларуси финальнопалеолитической культурой. История её открытия и изучения хорошо известна из ряда публикаций Р. Шильда [37, s. 271], С. Круковского [54; 55], Г. Кларка [8, s. 62], Л. Савицкого [56], Л. Козловского [57] и других польских исследователей.

К. Поликарпович [58, с. 218–221], придерживаясь господствовавшей в довоенное время теории стадильного развития, утверждал, что в Беларуси свидерскую стадию сменила тарденуазская, а её, в свою очередь, – стадия Кампиньи. Были проведены границы этих стадий: южная для Кампиньи и северная для Тарденуаза – по линии Брянск – Чериков – Ново-Быхов – р. Дзурь.

Ситуация коренным образом начала изменяться только с началом проведения исследований крупных многослойных поселений в послевоенный период. В 60-е годы прошлого столетия на основании изучения материалов поверхностных сборов и небольших многослойных поселений Гренск, Латки и Подлужье-3 в Посожье В. Будько выделил свидерско-гренскую культуру [59], которая, по его мнению, имела три этапа в своём развитии и объединяла поселения конца палеолита – начала мезолита. На фоне всеобщего интереса к свидерской проблеме выделение свидерско-гренской (позже просто гренской) культуры вызвало широкую полемику. Верхнее Поднепровье начали рассматривать как контактную зону между чисто свидерскими памятниками и памятниками «свидерской традиции» [60; 50 и др.]. Границу между свидерской и волго-окской культурами А. Формозов [61] провёл по озёрам Свирь, Нарочь, р. Дзурь. Он сделал вывод о невозможности сопоставления верхневолжских и свидерских поселений.

Периодизация С. Круковского с некоторыми коррективами широко использовалась многими исследователями в дальнейшем. Коррективы вносились на основании новейших результатов исследований [62; 63]. Опираясь на типологию наконечников стрел и проявления тарновских элементов (резцы и скребки коротких размеров), Р. Шильд убрал из схемы С. Круковского Тарновский этап и перевёл его в ранг самостоятельной тарновской культуры. Он датировал Мазовшанский цикл периодом от Бёллинга до Дриаса 3 [64]. Обе схемы в дальнейшем широко использовали и усовершенствовали археологи разных стран. Например, В. Таутэ [36] подтвердил классификацию «свидерский круг» анализом литовских и польских комплексов. Он выделил 5 этапов развития свидерской культуры, которые датировались временем Аллерёд – начало Преборела. Существует несколько обобщающих работ по проблеме Свидера. Наиболее поздние и содержательные среди них – монографии и статьи Р. Шильда, М. Хмилевской, З. Сулгостовской, Л. и С. Козловских, Р. Римагнене, Л. Кольцова, Л. Зализняка [63; 64; 62; 39; 38; 9; 50; 25; 65].

Если сегодня на территории Европы известно около 1000 памятников свидерской культуры, то, по нашим данным, около 300 из них найдены на территории Беларуси. Первые сведения о находках здесь свидерских древностей относятся к концу XIX – началу XX столетия. Они были выявлены во время работ Ю. Ядковского и Э. Глогера в Понёманье и Е. Романова в Полесье. Затем свидерские материалы нашли среди артефактов, которые собрали на западе страны В. Антонович, Ф. Гуревич, Н. Гурина, Г. Гарецкий, В. Супрун, М. Чернявский, Н. Шаблюк; на её юге, в бассейне Припяти, – Р. Горошкевич, К. Поликарпович, В. Будько, М. Алексеюк, В. Исаенко, В. Кудряшов; на востоке, в бассейне Днепра, – И. Тихоненков, В. Копытин. И только два из них за всю историю изучения (Яново на Днестре и Заозерье на р. Ясельде) были раскопаны на небольших площадях. В последние годы автор этой статьи и В. Обуховский раскопали первую свидерскую мастерскую Ополь-7 в Ивановском районе Брестской области [6, с. 90–91].

Значительно пополнил список свидерских памятников на территории Западной Беларуси В. Обуховский [24; 48], который обобщил сведения о коллекциях из фондов Государственного Археологического Музея в Варшаве.

В 2001–2005 гг. автор выполнила плановую тему «Свидерские памятники на территории Беларуси» (исследования пока не опубликованы). В работе описаны материалы больших групп свидерских стоянок, сконцентрированных как на территории Западного Полесья, так и на берегах Нёмана и его притоков. Важнейшие из них найдены около дд. Мотоль и Глинно (Ивановский район), Величковичи и Колодно (Камянецкий район), Носки (Пружанский район) Брестской области и Гожа, Азёры, Жиличи (Гродненский район), Пески-5, Новосёлки-1 (Мостовский район), Белица-1, Збяны (Лидский район), на берегу озера Свитязь (Новогрудский район) Гродненской области и в других местах. Несколько новых памятников на территории Белорусского Посожья стали известны после работ А. Колосова [66; 67].

Специфика свидерской культуры. Методика выделения свидерских комплексов основана на поиске двухплощадочных нуклеусов с кососкошенными площадками, монофронтальных, с негативами встречного скалывания и поперечной подтёской контрфронта; следов использования мягкого отбойника, признаком чего является наличие точечной площадки; на присутствии нерегулярных пластин, снятых с двухплощадочных нуклеусов, чаще всего иволистной формы. Для них характерен высокий индекс пластинчатости; отмечается традиционное преобладание в комплексах резцов над скребками; среди резцов обычно присутствуют срединные, ретушные и угловые; заметно доминирование концевых скребков на пластинах; встречаются трапециевидные топоры или топоры с перехватом, лезвия которых часто сформированы сколом траншеи. Культуроопределяющая роль принадлежит иволистным и черешковым наконечникам стрел с чешуйчатой подтёской брюшка, а иногда и пера. Неотъемлемыми компонентами свидерских комплексов являются наличие свёрл-проколов и пластин со скошенным ретушью концом, придание ведущей роли первичной обработке.

Локальные особенности могут зависеть от качества сырья, генетического предшественника, размера использованных конкреций, близости к соседним регионам с другими культурными традициями и многих других обстоятельств.

Генезис свидерской культуры дискусионен и не до конца выяснен. Широкий диапазон мнений на этот счёт очевиден при сравнении выводов Л. Савицкого [56, s. 18] и В. Таутэ [36], Р. Шильда [37, s. 333] и Л. Зализняка [65; 26; 27].

Хронология. В 1955–1961 годах В. Хмелевский и М. Хмелевская изучали поселение Witow, а Р. Шильд в 1963–1969 годах – поселение Salowanea. Благодаря этим исследованиям, в каждом из памятников было выделено несколько одновременных и чистых площадок с изделиями Мазовшанского цикла и проведено датирование некоторых из них методом С¹⁴. Датировки были надёжно подкреплены палинологическими и стратиграфическими наблюдениями. Выяснилось, что весь Мазовшанский цикл (свидерская культура) существовал и развивался в границах только Дриаса 3, на протяжении примерно 800 лет, а также в начале Пребореала.

Согласно взглядам разных исследователей, 800 лет существования культуры на землях Польши ещё не означало, что на других территориях свидерское население не существовало более продолжительное время (от 2 до 10 тысяч лет) [56, s. 73; 59]. Несколько схем периодизации Свидера создали археологи Литвы, России и Беларуси [68; 69; 59].

Исторические судьбы свидерского населения видят в формировании постсвидерских мезолитических культур Кунда и Бутово [25, с. 80–89; 26, с. 232–242]. Наиболее интересной является мысль о том [26, с. 253], что, зародившись в верховьях Припяти и Вислы в начале Дриаса 3, свидерская традиция просуществовала на севере Восточной Европы до раннего неолита и её носители приняли участие в формировании верхневожжской неолитической культуры.

Дальнейшее развитие изделий свидерской культуры Р. Римантене [9] видит в памятниках мезолита, неолита и даже начала бронзового века. Такая преемственность привела к формированию понятий эипалеолитическая и мезо-, неолитическая нёманская культура. Вывод сделан на основе того, что в этих комплексах встречаются типичные свидерские изделия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калечиц А.Г., Абухоўскі В.С., Лакіза В.Л. Работы на Юравіцкай палеалітычнай стаянцы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 21. Мінск, 2006.
2. Калечиц А.Г. Юравіцкая верхнепалеалітычная стаянка. Новыя дадзеныя, новыя загадкі // Романовские чтения-3: Сборник трудов Международной научной конференции (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.) / Под ред. И.А. Марзалюка. Могилев, 2007.
3. Калечиц А.Г., Абухоўскі В.С. Работы на Юравіцкай палеалітычнай стаянцы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 23. Мінск, 2007.
4. Калечиц Е.Г., Мотузко А.Н., Обуховский В.С. Юровичская позднелитическая стоянка на р. Припять в свете новых данных // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
5. Калечиц Е.Г. Бердыжская стоянка // Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško w 60. rocznicę upodzin. Wydawnictwo Poznańskie. Poznań, 2008.
6. Калечиц А.Г., Коласаў А.У., Абухоўскі В.С. Палеалітычныя помнікі Беларусі. Культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя крыніц. Мінск, 2010.
7. Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992.
8. Clark, G. The Mesolithic Settlement in Northern Europe. Cambridge, 1936.
9. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
10. Burdukiewicz, J. Z badani sondazowych stanowisk paleolitycznych i mezolitycznych w Dolinie Kopanicy // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XVII. Wrocław, 1975.
11. Burdukiewicz, J. Sprawozdanie z badani Wykopalskich stanowisk kultury hamburskiej w Olbrachcicach koto Wschowy // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XVIII. Wrocław, 1976.
12. Burdukiewicz, J. Stanowisko kultury hamburskiej w Olbrachcicach, gm. Wschowa // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XIX. Wrocław, 1977.
13. Burdukiewicz, J. Wyniki badani stanowisko kultury hamburskiej w Olbrachcicach, gm. Wschowa, woj. Leszno // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XXXII. Wrocław, 1980.
14. Burdukiewicz, J. Stanowisko kultury hamburskiej Siedlnica 17 a, gm. Wschowa // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XXII. Wrocław, 1981.
15. Burdukiewicz, J. Stanowisko kultury hamburskiej Siedlnica 17 a, gm. Wschowa // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XXIV. Wrocław, 1984.
16. Burdukiewicz, J. Stanowisko kultury hamburskiej Siedlnica 17 a, gm. Wschowa (4 sezon badan) // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XXV. Wrocław, 1985.
17. Burdukiewicz, J. Le Hambourgien: origine, évolution dans un contexte stratigraphique, paléoclimatique et paléogéographique // L'Anthropologie. T. 93 (1). Paris, 1989.
18. Burdukiewicz, J. Concerning Chronology of the Hambourgian Culture // Folia Quaternaria. 70. Kraków, 1999.
19. Burdukiewicz, J. Trzecia krzemienica kultury hamburskiej z Siedlenicy, gm. Wschowa // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. XLI. Wrocław, 2002.
20. Kobusiewicz, M. Late Pleistocene and Early Holocene Hunting and Fishing Sociétés in North. Western Poland // Archaeologia Polona. T. 16. 1975.
21. Kobusiewicz, M. Ludy łowiecko-zbierackie północno-zachodniej Polski. Poznań, 1999.
22. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.
23. Butrimas, A., Ostrauskas, T. Tanged Points Cultures in Lithuania // Tanged Pointes Cultures in Europe. Lublin, 1999.
24. Абухоўскі В. Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве. Варшава, 2003.

25. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
26. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ, 1999.
27. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ, 2005.
28. Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. М., 2009.
29. Исаенко В.Ф. Мезолит Припятского Полесья // КСИА. Вип. 149. 1977.
30. Обуховский В.С., Остраускас Т., Сидорович В.М. Исследования стоянки Ковальцы-4 Гродненского района (2004–2007 гг.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вип. 27. Мінск, 2009.
31. Bryk, J. Kultury epoki kamiennej na wydmach zachodniej części południowego Wołynia. Lwów, 1928.
32. Ostrauskas, T. Veluvasis paleolitas ir mesolitas Pietu Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 16. Vilnius, 1999.
33. Šatavičius, E. Hamburgo kultūros radiniai Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 23. Vilnius, 2002.
34. Mathiassen, T. En sennglacial Boplads ved Bromme // Aarbøger for nordisk oldkindinghed of historie. Vol. 14/2. Copenhagen, 1946.
35. Schwabedissen, H. Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropäischen Flächlandes. Neumünster, 1954.
36. Taute, W. Die Stielspitzen-Cruppen im nordlichen Mitteleuropa. Köln, 1968.
37. Schild, R. Różny paleolit // Prahistoria ziem polskich. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.
38. Kozłowski, J.K., Kozłowski, S.K. Epoka kamienia na ziemiach polskich. Warszawa, 1977.
39. Sulgostowska, Z. Prahistoria międzyrzeczca Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa, 1989.
40. Зализняк Л.Л. Передісторія України X–V тис. до н.э. Київ, 1998.
41. Szymczak, K. Perstunian Culture – the Eastern Equivalent of the Lingby Culture in the Nieman Basin // Late Glacial in Central Europe. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lodz, 1987.
42. Libera, J. Różny paleolit i mезолit srodkowowschodniej Polski. Lublin, 1995.
43. Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996. (Археологические изыскания. Вип. 39)
44. Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
45. Kozłowski, J.K., Kozłowski, S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1975.
46. Этапы заселения Бабровіцкага мікрарэгіёна ў фінальным палеаліце – бронзавым веку / В. Абухоўскі, А. Калечыц, В. Лакіза, Э. Ляшкевіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мінск, 2003.
47. Калечыц А.Г. Старажытная Янаўшчына. Брест, 2001.
48. Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi // Swiatowit. Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. Vol. XVI. Warszawa, 2009.
49. Fisher, A. Pioneers in Deglaciated Landscapes: the Expansion and Adaptation of Late Palaeolithic Societies in Southern Scandinavia // The Late Glacial in North-West Europe: Human Adaptation and Environmental Change at the End of the Pleistocene. Council for British Archaeology. Report 77. Oxford, 1991.
50. Кольцов Л.В. Фінальний палеоліт і мезоліт Южної і Східної Прибалтики. М., 1977.
51. Schild, R. Processus de changement dans le Paléolithique final des Plaines Septentrionales: Chronologie et taxonomie // De la Loire à l'Order: Les Civilizations du Paléolithique final dans le Nord-Ouest européen / Actes du Colloque de Liège, décembre 1985. Vol. 2. Liège, 1988.
52. Калечыц Е., Обуховский В. Этапы заселения Мотольского микрорегиона в каменном и бронзовом веках: по материалам поселения Мотоль-17 // Lietuvos archeologija. T. 25. Vilnius, 2004.
53. Szmít, Z. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu // Wiadomości Archeologiczne. T. X. Warszawa, 1929.
54. Krukowski, S. Inwentarze krzemienne paleolityczne w zbiorze Z. Glogera – M. Federowskiego w Muzeum Archeologicznym PAU // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. T. XXXI. Nr. 5. Kraków, 1927.
55. Krukowski S. Paleolit, Prahistoria Ziem Polskich // Encyklopedia Polska PAU. T. IV. Cz. 1. Dz. 5. Kraków, 1939.
56. Sawicki, L. Przemysł swiderski i stanowiskawydmo wego Swidry Wielkie I // Przegląd Archeologiczny. T. V. Poznan, 1935.
57. Kozłowski, L. Die epipaläolithischen Kulturen in Swidry und Chwalibogowice // Praehistorische Zeitchrift. T. 26. Berlin, 1936.
58. Палікарповіч К.М. Палеоліт і мезоліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя // Працы секцыі археалогіі (Беларуская Акадэмія Навук). Т. III. Мінск, 1932.
59. Будько В.Д. Памятники свідерско-грэнскай культуры на тэрыторыі Беларусі // МИА. № 126. 1966.
60. Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепро-Донецкого междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. № 126. 1966.
61. Формозов А.А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. № 21. 1954.
62. Chmielewska, M. Różny paleolit pradoliny warszawsko-berlińskiej. Wrocław, 1978.
63. Schild, R. Paleolit końcowy i schyłkowy // Materiały do prahistorii ziem polskich. Paleolit i mezolit. Warszawa, 1964.
64. Schild, R. Terminal Paleolithic of the North European Plain. A Review of Lost Chances, Potential and Hopes // Advances in World Archaeology. Vol. 3. New York, 1984.
65. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт України // Археологія. 1995. № 1.
66. Колосов А.В. Фінальний палеоліт Посожья: новые данные – новые вопросы // Романовские чтения-V: сборник трудов Международной научной конференции (Могилев, 27–28 ноября 2008 г.). Могилев, 2009.
67. Колосов А.В. Фінальний палеоліт і мезоліт Посожья // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вип. 18. Мінск, 2010.
68. Šatavičius, E. The Final Palaeolithic and Early Mesolithic Cultures in Lithuania // Environmental Perspectives on the Sensitive Coastal Areas of the Southeastern Baltic Sea, through Times. Interdisciplinary NorFa course, programme. 1998.
69. Гурина Н.Н. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. № 126. 1966.

**Институт истории
Национальной Академии наук Беларуси,
Минск**

E.G. Kalechits

**THE PROBLEM OF THE ORIGINAL OCCUPATION OF BELARUS
IN THE LIGHT OF THE NEW DATA
(The Final Palaeolithic)**

Summary

The article summarized the recent research of the author and her colleagues A.V. Kolosov and V.S. Obukhovskiy on this issue. With the help of typology and technology analysis, the cultural and chronological differentiation of the entire corpus of sources, accumulated by several generations of archaeologists, is made. The presence in the territory of Belarus single implements of the Mousterian age, the Palaeolithic site Berdyzh and the hunting camp Yurovichi, as well as more than 350 monuments of the Final Palaeolithic time, left by the Hamburgian culture, Lyngby, Volkushanskaya (Krasnosel'skaya), Swiderian and Grenskaya cultures, is established. The complete results of the research are given in the book: Калечыц А.Г. «Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц)». Мінск, 2010

*Institute of History,
National Academy of Sciences of Belarus,
1, Akademicheskaya St., Minsk,
220072, The Republic of Belarus*

E-mail: A. Kalechyc@gmail.com

А. Крийска, Т. Ростедт, Т. Юссила

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО МЕЗОЛИТА ЙОУТСЕНО СААРЕНОЙА 2 В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (Результаты археологических раскопок 2008–2009 годов)

Обнаруженное в 1999 году [1] поселение раннего мезолита Сааренойа 2 в Йоутсено находится в Юго-Восточной Финляндии, в 1 км к северо-западу от границы с Россией (рис. 1А). Сааренойа – это узкая долина, протянувшаяся с юго-востока на северо-запад чуть более чем на 7 км, по дну долины протекает ручей Сааренойа.

Поселение расположено на юго-восточном склоне небольшого холма на северном борту долины (рис. 1В, 1С). Высота холма достигает 47,5 м над уровнем моря (рис. 1В). Судя по распространению подъёмного материала, размер поселения примерно 20×25 м (рис. 1В).

Округ Сааренойа располагается в бассейне Балтийского моря, на том уровне, куда доходили воды Балтийского ледникового озера, Иольдиевого моря и Анцилового озера. Самый высокий уровень Балтийского ледникового озера (10600–9600 кал. лет до н.э.) на Сааренойа достигал примерно 75 м, а уровень первой фазы Иольдиевого моря (9600–8900 кал. лет до н.э.) – примерно 55 м над современным уровнем моря. Максимальный уровень трансгрессии (8400–8200 кал. лет до н.э.) Анцилового озера (8900–7200 кал. лет до н.э.) на Сааренойа был примерно 46–47 м над уровнем моря [2; 3; 4; 5]. Датировка Сааренойа 2 предшествует Анциловому максимуму, а воды Анцилового озера никогда не покрывали само место поселения. По нашим предварительным оценкам, в период функционирования поселения Сааренойа 2 в долине Сааренойа образовалось озеро, отдельное от Анцилового озера, а холм, на вершине которого находилось поселение, был маленьким островом. По нашему мнению, основанному в том числе и на результатах фосфатного анализа, поселение располагалось близко к краю воды.

Два других поселения, датированные радиоуглеродным методом, были обнаружены на склоне той же долины: Муиламяки (примерно 8400 кал. лет до н.э.; Hela-2487: 9163±55 радиоуглеродных лет назад) – в 1 км к юго-востоку от Сааренойа 2 и Миеликоноя (примерно 8100 кал. лет до н.э.; Hela-2486: 8939±56 радиоуглеродных лет назад) – на северо-восточном окончании долины, в 6 км от Сааренойа 2 (рис. 1А). Оба поселения исследовались лишь шурфовкой.

За время раскопок 2008–2009 гг. на поселении Сааренойа 2 были найдены 1093 каменных артефакта. Из них 414 – кварцевые (38 % от общего каменного сбора) (рис. 2), 648 – кремнёвые (59 %) (рис. 3) и 29 – из другого каменного сырья (3 %).

Большинство кварцевых находок: 384 предмета – отщепы и пластины, или фрагменты пластин (рис. 2: 2, 4, 5, 8, 10). Из них 62 предмета (16,1 % от всей группы) – пластины или фрагменты пластин (рис. 2: 4, 5, 8, 10), а 24 – нуклеусы или протонуклеусы (5,8 % от общего кварцевого сбора) (рис. 2: 1, 3, 9). Цвет и качество кварца варьируют. Группа содержит как молочно-белый, так и почти прозрачный материал. Кроме того, присутствуют различные оттенки серого и так называемого дымчатого (чёрного) кварца. Сырьё было получено путём извлечения из кварцевых жил и собрано в виде булыжников.

Определить технологию расщепления можно было в 199 случаях (48,1 %). 147 предметов (72,4 %) имеют признаки использования биполярного расщепления (рис. 2: 3, 5–9, 11, 12): 70,9 % всех отщепов, 75 % пластин или фрагментов пластин, 80 % нуклеусов или пренуклеусов и 100 % законченных орудий. Признаки площадочного расщепления наблюдаются на 56 кварцевых предметах (рис. 2: 1, 2, 4, 7, 10): на 29,1 % всех отщепов, на 24,5 % пластин или фрагментов пластин, на 20 % нуклеусов или пренуклеусов.

Из числа каменных предметов можно выделить 78 орудий. Из них 10 – кварцевых (2 % от общего числа кварцевого инвентаря) и 68 – из кремня (10,5 % от общего числа кремнёвого инвентаря). Кварцевые артефакты представлены 6 скребками (рис. 2: 6, 11, 12), 2 резцами, 1 ретушированной пластиной и 1 ретушированным отщепом.

Количество кремнёвых предметов – 648. Материал различается как по цвету, так и по качеству. Присутствуют такие цвета, как серый (36,3 %), белый (19,9 %), коричневый (17,6 %), красный (13,6 %), фиолетовый (8 %), чёрный (4,2 %) и жёлтый (0,4 %). В большинстве случаев отдельные фрагменты имеют однородный цвет, но некоторые из них – разноцветные (например, коричневый с красным, чёрный с фиолетовым). Некото-

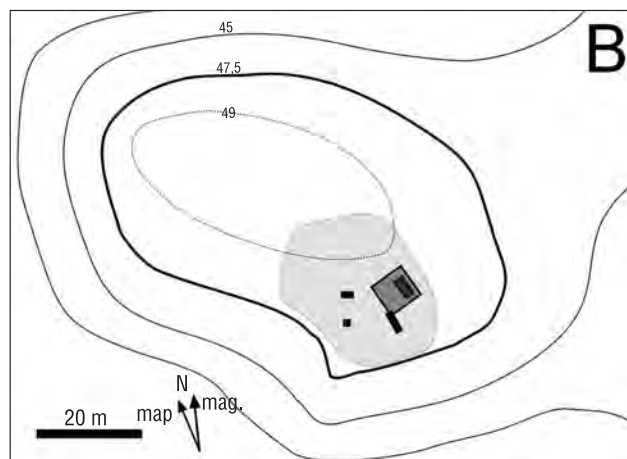
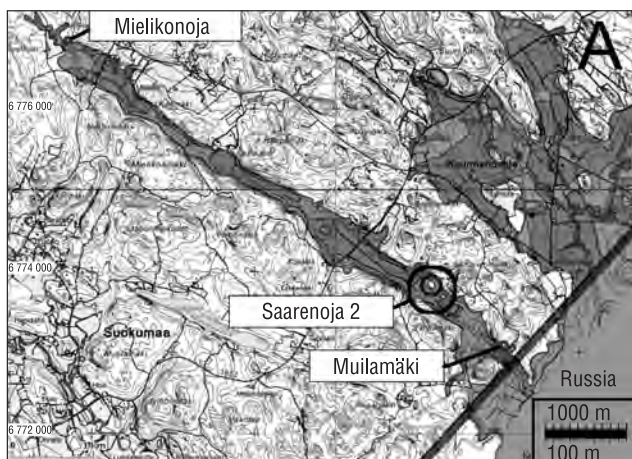

Рис. 1. Поселение Сааренойа 2.
 А. Береговая линия максимума (ок. 8400 лет ВС) Анциловой трансгрессии на современной карте. Расположение поселения Сааренойа 2: N 61,0673 E 28,7225.
 В. Общий план расположения поселения Сааренойа 2 (серая заливка) с указанием участков, исследованных раскопками (чёрная и тёмно-серая заливка).
 С. Вид с юго-востока на поселение Сааренойа 2 (отмечено прямоугольником)

рые кремнёвые предметы обожжены. Сравнение материалов Сааренойа и памятников Восточной и Северной Европы на основе визуальных признаков позволяет сделать предварительные выводы о происхождении кремня на стоянке. Некоторые находки кремня из Западной России и Эстонии были подвергнуты сравнительному спектральному анализу, что даёт возможность приблизительно разграничить различные источники происхождения кремня [например 6; 7; 8]. Тем не менее, определение цвета может быть иногда затруднённым или даже сомнительным, особенно в случае с обожжёнными экземплярами. Полупрозрачный коричнево-чёрный, частично коричневый, белый и серый кремль, скорее всего, происходит из меловых отложений, встречающихся в Беларуси и Украине и в небольшом количестве в Южной Литве в виде галек [например 9, lk. 32; 10, p. 332; 11, с. 66; 12, с. 45]. Красный, фиолетовый, жёлтый, частично коричневый, белый и серый кремль предположительно происходит из каменноугольных отложений Верхневолжского региона в России [10, p. 332], подобный кремль также встречается в флювиогляциальных моренных отложениях Валдая [например 10, p. 331; 13, fig. 112; 7, fig. 1]. Фиолетовый кремль, широко распространённый в районе Балтийского моря в период неолита, как показал спектральный анализ, был главным образом локализован в Верхневолжском регионе [6; 10]. Судя по визуальным признакам, примерно 60 % кремнёвого материала, найденного на поселении Сааренойа 2, изначально происходит из Верхнего Поволжья, а 40 % – из Беларуси и Литвы. В обоих случаях сырьё было доставлено на расстояние более 500 км от изначального места происхождения (рис. 4В).

На большинстве кремнёвых находок (580) отсутствуют признаки вторичной обработки. Имеются 295 (45,5 %) пластин и фрагментов пластин (рис. 3: 2–7), 284 (43,8 %) отщепы и фрагмента отщепов. Кроме того, был найден 1 (0,2 %) фрагмент площадочного нуклеуса конической формы чёрного цвета (рис. 3: 1).

Все идентифицированные предметы (391 – 60,3 % от общего числа кремнёвого инвентаря) были получены в площадочной технике. Использовались как мягкий, так и жёсткий отбойники, в некоторых случаях применялась отжимная техника. Признаки использования мягкого или жёсткого отбойников можно было определить на 175 пластинах и отщепах (30,2 % от общего числа). Из них 154 предмета (88 % от общего числа) были получены при помощи расщепления мягким отбойником, 14 (8 %) – при помощи жёсткого отбойника, а в 6 случаях (3,4 %) узкие пластины были отделены при помощи отжимной техники. Кроме того, один отщеп, по-видимому, был снят не прямым расщеплением, а с помощью посредника.

Из 68 орудий (10,5 % от общего числа кремнёвого инвентаря) большинство – ретушированные пластины и фрагменты пластин (30) (рис. 3: 8–9) или ретушированные отщепы (8). Среди орудий – семь резцов; шесть

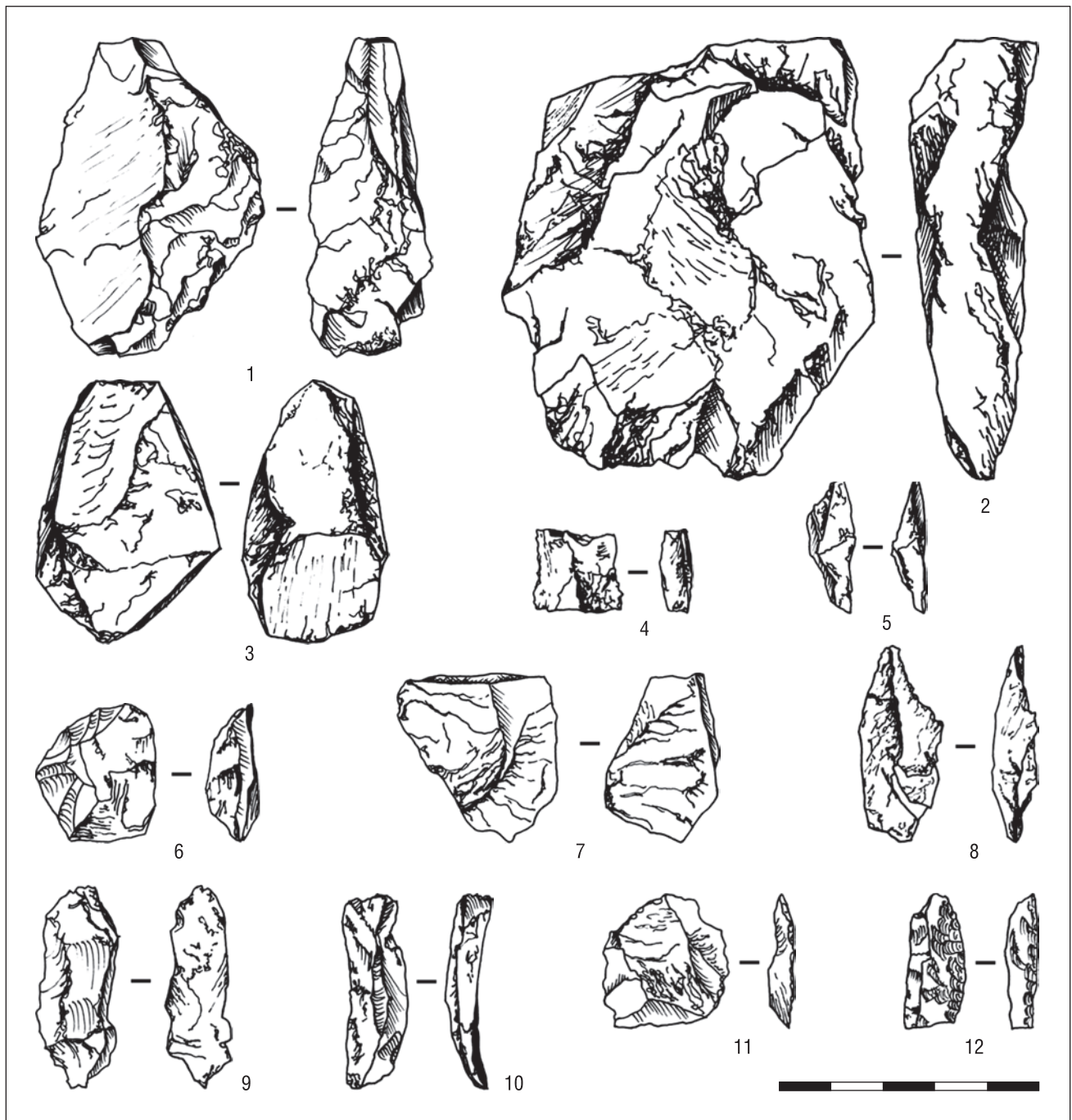

Рис. 2. Поселение Сааренöя 2. Кварцевые артефакты:

1 – площадочный нуклеус (КМ 38104:45); 2 – площадочный отщеп (КМ 38104:1150); 3 – биполярный нуклеус (КМ 38104:860); 4 – фрагмент площадочной пластины (КМ 38104:971); 5 – биполярная пластина (КМ 38104:163); 6 – скребок (КМ 38104:710); 7 – площадочный отщеп (КМ 38104:412); 8 – биполярная пластина (КМ 38104:416); 9 – биполярный нуклеус (КМ 38104:81); 10 – площадочная пластина (КМ 38104:1035); 11 – скребок (КМ 38104:1017); 12 – фрагмент орудия (КМ 38104:950). *Рисунки Кристель Кюлястинен*

скребков (рис. 3: 10–12); семь острий (рис. 3: 13, 16–18), из которых четыре – наконечники стрелы (рис. 3: 16–18); четыре вкладыша (рис. 3: 14, 15) и одно долото (рис. 3: 19). Неретушированные отщепы, пластины и фрагменты пластин также можно было использовать в качестве орудий. Такое предположение сделано на основании признаков заполировки и износа, наблюдаемых на нескольких предметах.

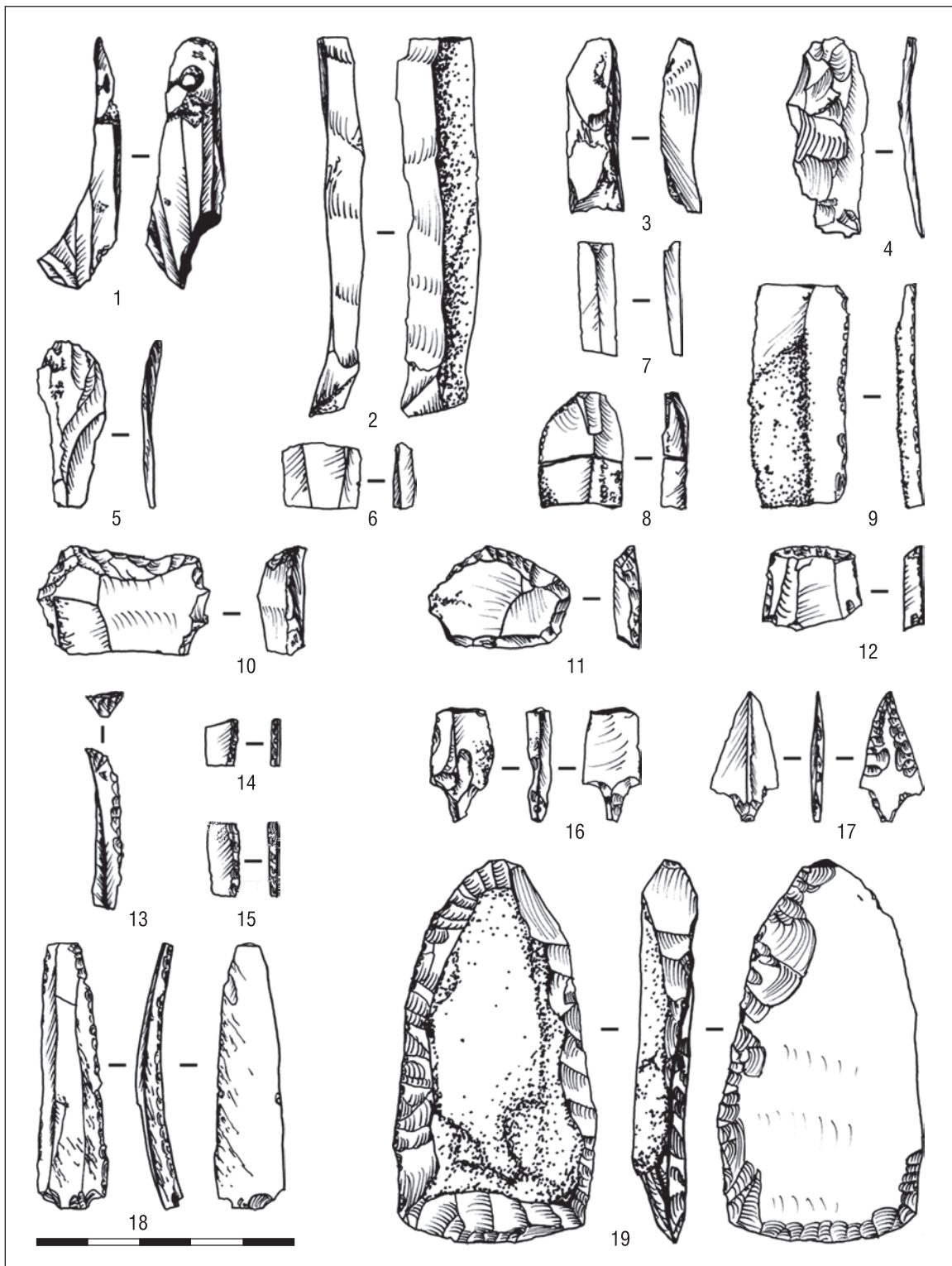

Рис. 3. Поселение Сааренöя 2. Кремнёвые артефакты:

1 – фрагмент нуклеуса (КМ 38104:444); 2–7 – пластины и фрагменты пластин (КМ 38104:1052, 1040, КМ 37866:269, КМ 38104:300, 240, 1072); 8–9 – фрагменты ретушированных пластин (КМ 38104:831, КМ 37866:466); 10–12 – скребки (КМ 37866:111, 221, КМ 38104:947); 13 – фрагмент острия (КМ 37866:152); 14–15 – вкладыши (КМ 38104:430, 351); 16–18 – наконечники стрел (КМ 37866:152, 26, 1524); 19 – тесло (КМ 37866:533). Рисунки Кристель Кюллястинен

Один полностью сохранившийся наконечник из чёрного кремня был наверняка изготовлен из фрагмента более крупного наконечника (рис. 3: 17). Более 2/3 вентральной стороны наконечника было ретушировано, черенок – небольшой, обработан крутой ретушью с дорсальной стороны. В основании ретушью намечены два шипа. Другой наконечник с черешком (рис. 3: 18), с обломанным остриём, сделан из сужающегося дистального фрагмента пластины. Один край ретуширован с дорсальной стороны, на другом краю отмечены признаки износа. В основании с обеих сторон ретушью выделены шипы. Ещё один наконечник, изготовленный на пластине беловатого кремня, представлен проксимальным фрагментом (рис. 3: 16). Оба края черенка оформлены крутой ретушью с дорсальной стороны. Имеется ещё один небольшой проксимальный фрагмент черешкового наконечника из красного кремня, также оформленный крутой ретушью с дорсальной стороны.

Долото (рис. 3: 19) изготовлено на отщепе красновато-бурого кремня. На дорсальной стороне края и лезвие обработаны сколами по всей длине. В центре сохранились остатки известковой корки. На вентральной стороне сколами и ретушью обработаны один боковой край и лезвие, на второй боковой край ретушь заходит лишь у самого лезвия.

29 каменных артефактов сделаны из пород, не являющихся кремнем или кварцем (пока не определены). При их изготовлении были применены те же методы, что и при обработке кремня. На некоторых предметах видны признаки использования мягкого отбойника. Пластины частично были расчленены на сегменты, так же как и кремнёвые пластины. Два каменных отщепа являются сколами оформления рубящего орудия. Найден также фрагмент, по-видимому, небольшого долота, оформленного сколами, без использования шлифовки.

До последнего времени мезолитические комплексы Финляндии были представлены преимущественно артефактами, изготовленными из местного сырья – кварца, так как на этой территории отсутствуют выходы кремнёвого сырья. В то же время преобладающим материалом в коллекциях близких по времени комплексов из соседних регионов является кремень, что делало невозможным детальный сравнительный анализ инвентаря. Исследования, проведённые на поселении раннего мезолита Сааренойа 2 в последние годы, позволили получить новый, надёжно датированный материал, в котором представлены как кварц, так и кремень.

Поселение Сааренойа 2 – один из самых ранних археологических памятников в Финляндии. Основываясь на радиоуглеродном методе датирования, можно сказать, что стоянка использовалась на протяжении довольно короткого времени: примерно 8750–8550 кал. лет до н.э. (рис. 4). Изделия из кварца и кремня со стоянки Сааренойа 2 дают хорошую возможность проанализировать изменения технологии обработки камня на первоначальном этапе заселения региона. Смена сырья, использовавшегося для производства каменных орудий, произошла довольно быстро, но методы обработки камня были основаны на технологии обработки кремнёвого материала. Кварцевые артефакты, найденные на поселении Сааренойа 2, особенно «площадочные» (platform) пластины, имеют явные признаки использования технологии расщепления кремня. Во многих случаях кварцевые изделия были изготовлены по той же технологии, что и кремнёвые орудия, они также были расчленены на сегменты. Тем не менее техника биполярного расщепления, использовавшаяся в регионе Балтийского моря на протяжении всего каменного века, была основной при расщеплении кварца [например 14, p. 155] и применялась уже на раннем этапе мезолита.

Как уже говорилось ранее, кремнёвый материал Сааренойа изначально происходит из двух разных регионов: из белорусских/южно-литовских источников и из России – из региона Верхней Волги. В период мезолита, особенно в его ранней фазе, на территориях Восточной и Северной Европы широко использовался как меловой, так и карбоновый кремень. Оба вида кремня поступали и в районы, где природные ресурсы кремня отсутствуют (Финляндия, большая часть Карелии), а также в районы с кремнем низкого качества (Эстония, Латвия) и в районы, где доступен кремень лучшего качества (Волго-Окское междуречье). Кремень распространялся на расстояние более 1000 км от места своего изначального происхождения (рис. 5).

Помимо Сааренойа, меловой кремень также был найден как минимум на двух других финских стоянках периода раннего мезолита: Ристола в Лахти [13, p. 107] и Хельветинхауданпуру в районе Акунпохя в Юанкоски [14]. Похоже, что кремень из тех же источников был распространён и в Литве [например 15, s. 99; 16, p. 43; 17, p. 23], Беларуси [например 18, с. 20] и в Жиздринском Полесье в России [например 19, с. 100]. Схожие материалы также были обнаружены в Эстонии [например 20, с. 32; 21, p. 24; 22, p. 33; 23, lk. 44; 24, fig. 12; 25, p. 42; 26, s. 42], в Латвии [20, с. 13; 27, p. 153–154], в Карелии [13, p. 156], а также на мезолитических стоянках Волго-Окского междуречья [например 11, с. 62].

В дополнение к Сааренойа, карбоновый кремень был обнаружен на поселениях Лахти Ристола, Юанкоски Хельветинхауданпуру в Йоутсено Муйламяки [13, p. 107; 14, p. 152]. Этот вид кремня, типичный для поселений Верхневолжского региона [например 19, с. 332], также может быть найден в Прибалтике (Эстония [20, с. 32; 22, p. 34; 23, p. 44; 28, p. 35], Латвия [29, с. 16]) и в российских регионах на Балтийском побережье [6, с. 15; 30, s. 13; 31, p. 35]. В ранний период мезолита высококачественный кремень из Верхневолжского региона также распространялся на сотни километров на восток [32, p. 347; 10, p. 332]. Изучение вышеупомянутых поселений показало, что предметы из карбонового кремня в Лахти Ристола составляют 85,7 % от всей коллекции [31, p. 107], тогда как в Пулли найдено всего несколько экземпляров [20, с. 32].

Оба направления связей (юг и восток), прослеживаемых по распространению сырья, просматриваются в технологии изготовления и формах артефактов. Наличие узких пластин и вкладышей [например 31, p. 34], большое количество пластин (на поселении Сааренойа 2 пластины и фрагменты составляют 54,2 % коллекции), а также признаки использования отжимной техники и техники расщепления с посредником характерны для периода раннего мезолита восточной части региона Балтийского моря и для Волго-Окского междуречья [например 33, lk. 54; 34, с. 30; 32, p. 347–348; 23, lk. 44; 13, p. 138].

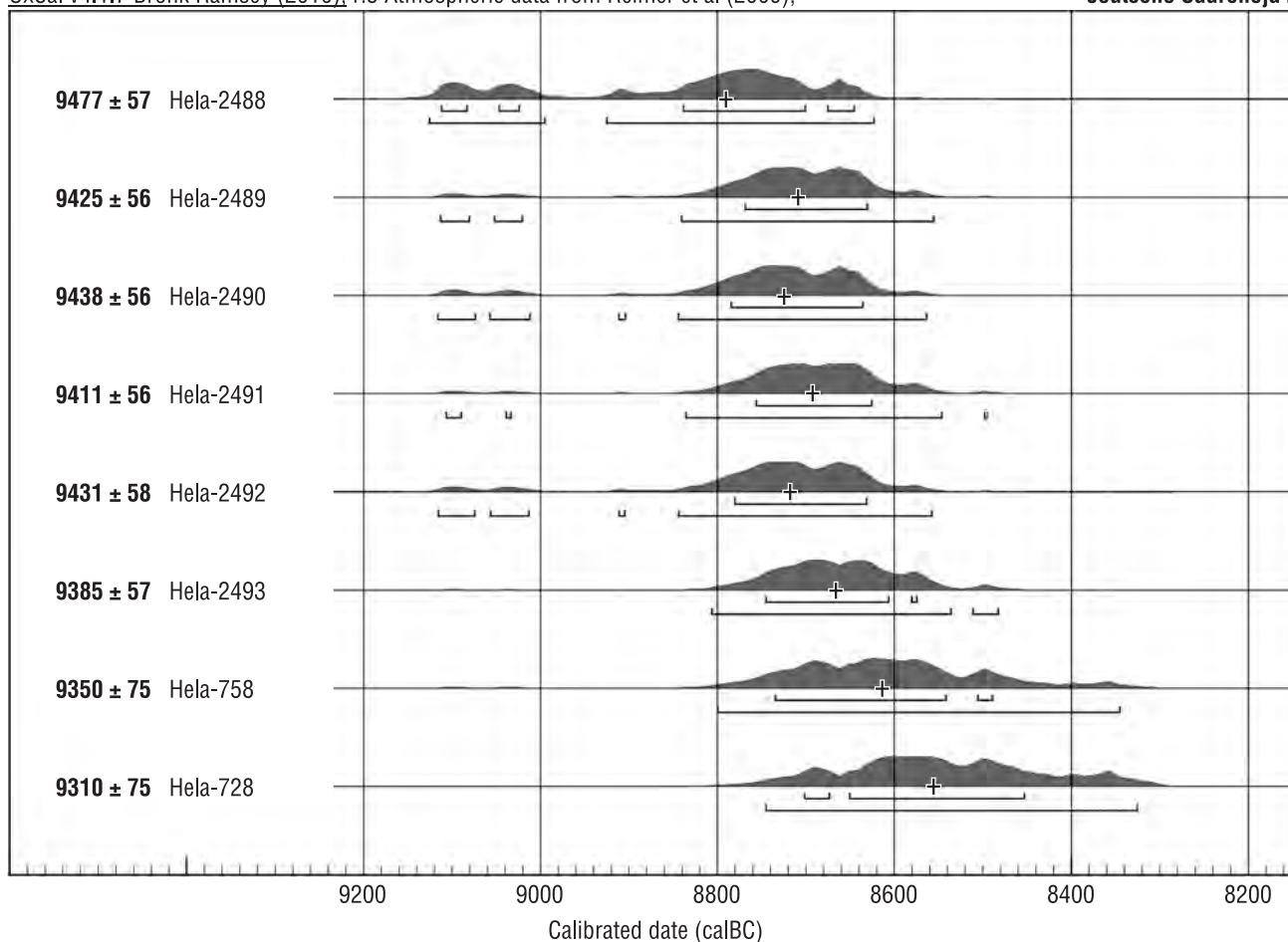

Рис. 4. Поселение Сааренойа 2. Радиоуглеродные датировки кальцинированных костей

Для территории Эстонии прослежено чёткое хронологическое изменение в использовании пластинчатой технологии: на протяжении мезолита постепенно уменьшается количество пластин. К примеру, в Пулли (8700–8550 кал. лет до н.э.) количество пластин, фрагментов и изготовленных из них артефактов составляет 40,1 % [33, lk. 54], на стоянке Ихасте (8000 кал. лет до н.э.) – 28,3 % [24, p. 154], в Синди-Лодья II (6900 кал. лет до н.э.) – 14,1 % [22, p. 33; 35, fig. 26. 3], а на стоянках позднего мезолита на островах всего 2,2–4,5 % [36, lk. 38]. Количество пластин также постепенно уменьшается на протяжении мезолита и в Волго-Окском регионе в России [34, с. 29].

Формы кремнёвых артефактов из раскопок Сааренойа 2 часто встречаются на памятниках периода раннего мезолита лесной полосы Восточной Европы. Наконечники стрел с черешком, изготовленные из пластин, с плоско ретушированной вентральной поверхностью хорошо известны в Прибалтике и Западной России [например 37; 20; 11; 38]. Некоторые учёные выделяют как отдельную группу наконечники стрел типа Пулли, которые находят в основном в Эстонии, Латвии, Литве и Беларуси [37, fig. 1; 39, p. 62], но отдельные образцы также встречаются в Волго-Окском регионе [10, p. 332] и в Лахти Ристола [13, p. 133]. Как минимум один наконечник стрелы со стоянки Сааренойа 2 подходит по характеристикам к данной категории.

Для раннего мезолита в обоих регионах также характерны рубящие орудия. В раннем мезолите в качестве сырья использовались разные типы камня. Кремнёвые долота из Волго-Окского междуречья и топоры и долота с поселения Пулли (Эстония) были изготовлены из разных типов камня. Наиболее сходные с кремнёвыми долотами Сааренойа 2 орудия происходят со стоянки Бутово в России [11, рис. 2]. Кроме того, большое количество резцов, найденных на стоянке Сааренойа 2, типичны также для стоянок раннего мезолита в данном регионе. Например, на эстонской стоянке Пулли их количество составляет 20,1 % [33, tab. 2], а на стоянке того же периода Тихоново на берегу реки Волги их количество составляет 41,8 % [11, с. 40].

Узкие кремнёвые острия Сааренойа 2 представляют специфический тип, для которого авторы нашли параллели только в Финляндии, Российской Карелии, в Лахти Ристола [31, fig. 6.3d], Юанкоски Хельветинхаданпуру и на стоянке Вещево 2 на Карельском перешейке [13, fig. 158d]. На стоянке Сааренойа 2 также был

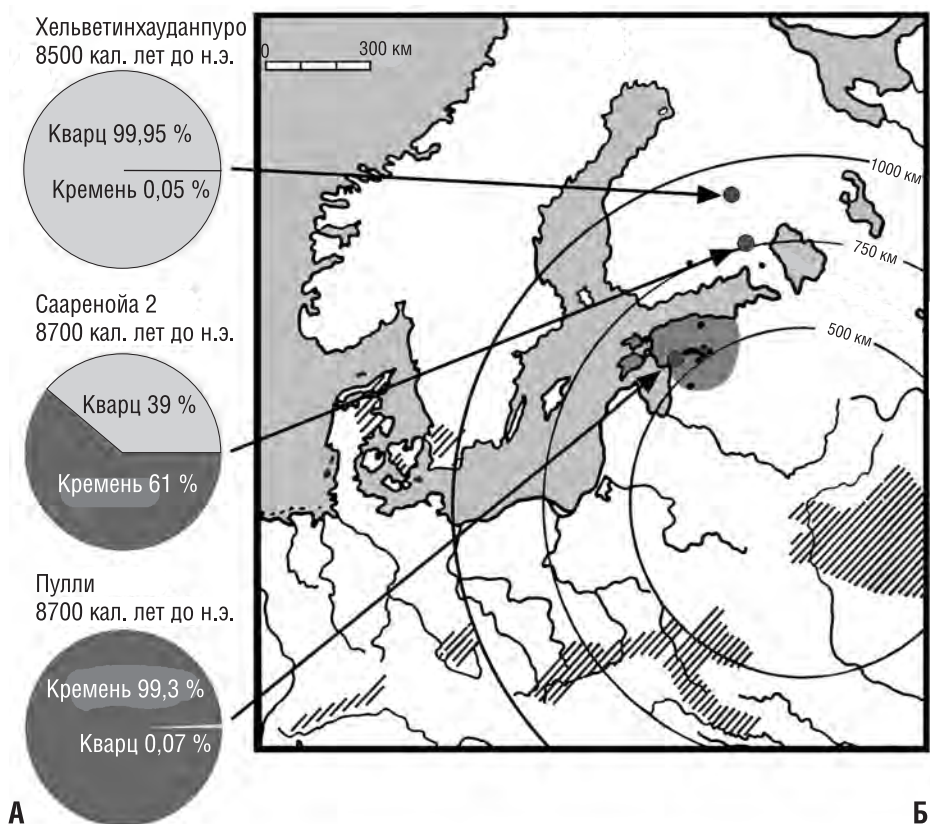

Рис. 5. Поселение Сааренойа 2 и некоторые другие памятники раннего мезолита Восточной Балтики.

А. Соотношение кремнёвого и кварцевого инвентаря на трёх памятниках раннего мезолита региона Восточной Балтики.
 Б. Местонахождение памятников, представленных в диаграмме, и области распространения выходов на поверхность отложений мелового кремня (показаны штриховкой)

обнаружен фрагмент костяного наконечника с ромбическим сечением. Параллели можно найти в Западной России и Прибалтике, хоть и с более молодых стоянок [например 40; 11, рис. 23 и 27; 41, fig. 2, 3, 5, 12; 38, с. 125, рис. 3; 42, s. 259].

Использование одинакового сырья, одинаковые методы обработки камня и формы орудий указывают на существование во время раннего мезолита в лесной полосе Восточной Европы развитой системы социальных коммуникаций. Эта система делала возможным обмен сырьём, заготовками и готовыми изделиями между удалёнными человеческими коллективами.

Иногда отдельные виды сырья и кремнёвые артефакты могли транспортироваться за сотни километров от места их происхождения или изготовления. Заселение новых регионов, очевидно, было относительно быстрым процессом. Исходными были весьма широкие территории – от Прибалтики до центральных частей Европейской России. Обмен кремня, возможно, служил материальной формой коммуникации, которая помогала сохранить и подчеркнуть чувство единства или связи. Экзогамия также может объяснить контакты между далеко друг от друга находящимися общинами во вновь осваиваемом и малозаселённом регионе.

Решение вопроса об истоках первоначального заселения Восточной Фенноскандии имеет длительную историю. На основании отдельных параллелей в материальной культуре и теоритических моделей были предприняты различные попытки определить местонахождение «изначальной родины» (*«original home»*) населения Финляндии как в Прибалтике, так и в Западной России [43, p. 9–10; 44, s. 98; 45, p. 72–74; 46, p. 160–161; 47, p. 168; 48, s. 10]. Попытка исследовать происхождение первоначального населения предпринималась и на основе первой крупной мезолитической коллекции кремня, полученной со стоянки Лахти Ристола [13, p. 107, 177]. Также уже высказывалось предположение о существовании в мезолите на территории Северо-Восточной Европы развитой сети социальных коммуникаций [10, p. 332; 49; 13, p. 169; 14; 50, p. 33]. Но именно материалы с поселения Сааренойа 2 впервые позволяют сравнить находки с финских стоянок раннего мезолита с коллекциями с соседних территорий и сформировать достаточно обоснованное представление о развитии технологии обработки камня в исследуемом регионе.

Представляется возможным рассматривать в качестве исходных для заселения территории Финляндии два упомянутых региона с источниками высококачественного кремня и сопредельные территории. Эти тер-

ритории находятся в пределах значительной области, заселённой уже в финальном палеолите. Граница распространения финальнопалеолитических памятников проходит вдоль р. Даугавы, от Латвии до Псковской области, и по верховьям Волги [27; 51, рис. 2; 39, раv 47; 52, fig. 1].

Материалы раннего мезолита Восточной и Северной Европы часто рассматривают как постсвидерский культурный феномен, образовавшийся в результате широкомасштабного длительного по времени перемещения населения с территорий Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Южной Латвии и Западной России, где в позднем палеолите был распространён свидерский технокомплекс [10, p. 332; 32, p. 359; 53, p. 216–218, fig. 13]. Предполагается также, что в формировании этой традиции приняли участие и культуры центральных областей России, и даже Сибири, оказывавшие влияние на местный палеолитический технокомплекс [11, с. 75; 54, p. 91].

Описанный постсвидерский культурный феномен (технокомплекс, культурная группа) был распространён от Украинского Крыма до Северной Финляндии и от Прибалтики до области Коми в России [например 55; 56; 32, p. 359; 57, с. 16; 31, p. 35; 58, p. 43; 59]. Концепции, которые опираются главным образом на сходство кремнёвых наконечников стрел, являются по сути слабообоснованными и нуждаются в пересмотре (вопрос о непрерывности свидерской культуры, например: [59, с. 48]). Кроме этого, между временем функционирования палеолитических стоянок и заселением Эстонии, Финляндии, и Карелии в мезолите имеется промежуток в несколько сотен лет, о котором пока крайне мало информации.

В любом случае, с точки зрения нашего исследования, является существенным и ясным, что расширение на север лесной полосы вызвало заселение новых областей, которое привело к территориальному расширению социальных коммуникаций, сохранявшихся на протяжении жизни нескольких поколений. В заключительной фазе освоения новой территории система социальных коммуникаций трансформировалась и приняла новые формы. Она была реорганизована. Система активных коммуникаций охватывала теперь значительно меньшие, чем прежде, области. Одновременно значительно уменьшились и в конечном счёте были почти полностью нарушены контакты с областями происхождения кремнёвых материалов, местное сырьё стало доминирующим в производстве орудий. На территории Финляндии переход с кремнёвого на кварцевое сырьё произошёл относительно быстро: всего за несколько сотен лет. Демографические изменения были, вероятно, главной причиной для реорганизации системы социальных коммуникаций.

Прирост населения формировал новую базу общественной организации. Удовлетворение как социальных, так и других потребностей могло быть достигнуто в рамках более узкого региона.

Возникновение новых местных систем коммуникации, уже не ориентированных на связи с удалёнными регионами, прослеживается сначала в частичной, а затем в полной замене кремня кварцем, либо кремнем низкого качества, но местного происхождения.

Это явно просматривается на стоянках, датирующихся приблизительно 8500 кал. лет до н.э. На стоянке Хельветинхауданпуру в Центральной Финляндии использовалось довольно мало кремня (0,06 % каменного инвентаря) [14, p. 149]. Однако кварц в значительной степени всё ещё обрабатывался с использованием технологии расщепления кремня. Например, узкие ретушированные острия изготавливались как из кремня, так и из кварца. Методы расщепления, используемые в Хельветинхауданпуру и Сааренойа, применялись и для альтернативного каменного сырья (не кварца и не кремня), включая производство пластин. На мезолитических стоянках моложе чем Хельветинхауданпуру кремень фактически отсутствует, и похоже, что использование «площадочной» (platform) техники расщепления практически перестаёт применяться при обработке кварца. Помимо Хельветинхауданпуру подобное наблюдается на почти современной ей стоянке Киркколахти 1 в Карелии, где процент некарцевых изделий (из кремня и альтернативных пород камня) низок, а в качестве сырья доминирует кварц [60, табл. 1, 2, с. 167].

Также и в Эстонии импортный кремень почти полностью исчез приблизительно 8500 кал. лет до н.э., а использовался главным образом доступный местный силурийский кремень [61, p. 25; 26, s. 40–41]. Тем не менее просматривается непрерывность в традиции техники расщепления кремня, например в использовании мягкого и твёрдого отбойников [28, p. 35; 62, p. 145, 152]. Подобные тенденции развития также наблюдаются в Волго-Окском регионе в России. Там на стоянках позднего мезолита импортный кремень использовался редко, основное сырьё добывалось вблизи расположения памятников [34, с. 29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Jussila, T.* Imatran sekä Joutsenon Kuurmanpohjan Muinaisjäännösten inventointi 1999. Helsinki, 1999 // Архив Национального Комитета Древностей Финляндии.
2. *Donner, J.* The Quaternary History of Scandinavia. Cambridge, 1995.
3. *Huupponen, E.* The Late-Quaternary Land Uplift in the Baltic Sphere and the Relation Diagram of the Raised and Tilted Shore Levels // Proceedings of the Second International Symposium on Recent Crustal Movements, Aulanko, Finland, 1965. Helsinki, 1966. (Annales academicae scientiarum fennicae. Ser. III–A. Geologica-Geographica. 90.)
4. *Eronen, M.* Geologinen kehitys jääkauden lopussa ja sen jälkeen // Suomen kartasto. Helsinki, 1990.
5. *Saarnisto, M. & Grönlund, T.* Shoreline Displacement of Lake Ladoga – New Data From Kilpolansaari // The First International Lake Ladoga Symposium: Proceedings of the First International Lake Ladoga Symposium: Ecological Problems of Lake Ladoga, St. Petersburg, Russia, 22–26 November 1993. Hydrobiologia 322 (1–3). 1996.
6. *Галибин В.А., Тимофеев В.И.* Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические Вести. № 2. СПб., 1993.
7. *Kinnunen, K., Tynni, R., Hokkanen, K. & Taavitsainen, J.-P.* Flint Raw Materials of Prehistoric Finland: Rock Types, Surface Textures and Microfossils // Geological Survey of Finland Bulletin 334. Espoo, 1985.

8. *Taavitsainen, J.-P.* Petroarchaeological and Micropaleontological Classification of Finnish Flint Materials; a Critical Review // *Iskos 5*. Helsinki, 1985.
9. *Jaanits, L., Laul, S., Lõugas, V. & Tõnisson, E.* Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.
10. *Zhilin, M.G.* Flint Raw Material from the Upper Volga Basin and Its Use in the Final Palaeolithic–Neolithic // *Man and Flint. Proceedings of the VIIth International Flint Symposium Warszawa–Ostrowiec Świętokrzyski September 1995*. Warszawa, 1997.
11. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
12. *Лисицын С.Н.* Проблемы разделения смешанных комплексов финального палеолита и мезолита Двинско-Ловатского междуречья // *Древности Подвинья: исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А.М. Микляева (6–8 октября 1999)*. СПб., 2003.
13. *Takala, H.* The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Jyväskylä, 2004.
14. *Jussila, T., Kriiska, A. & Rostedt, T.* The Mesolithic Settlement in NE Savo, Finland and the Earliest Settlement in the Eastern Baltic Sea // *Acta Archaeologica*. Vol. 78:2. 2007.
15. *Ostrauskas, T.* Kundos kultūros tyrinėjimų problematika // *Lietuvos archeologija* 23. 2002.
16. *Baltrūnas, V., Karmaza, B., Kulbickas, D., Ostrauskas, T.* Distribution of Raw Material for Prehistoric Flint Artefacts in South Lithuania // *Geografija* 42:2. 2006.
17. *Baltrūnas, V., Karmaza, B., Kulbickas, D., Ostrauskas, T.* Siliceous Rocks as a Raw Material of Prehistoric Artefacts in Lithuania // *Geologija* 56. 2006.
18. *Ксензов В.П.* Культура кунда // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Вып. 16. Мінск, 2001.
19. *Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского полевья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.
20. *Янитс К.Л.* Кремневый инвентарь стоянок кундаской культуры: дис. ... канд. ист. наук // *Manuscript in the Archive of the Institute of History in Estonia*. Tallinn. 1989.
21. *Kriiska, A.* Excavations of the Stone Age Site at Vihaseo III // *Archaeological Field Works in Estonia in 1996*. Tallinn, 1997. (Stilus. 7)
22. *Kriiska, A., Johanson, K., Saluäär, U. & Lõugas, L.* The Results of Research of Estonian Stone Age // *Archaeological Fieldwork in Estonia 2002*. Tallinn, 2003.
23. *Kriiska, A., Haak, A., Johanson, K., Lõhmus, M., Vindi, A.* Uued kiviaja asulakohad ajaloolisel Viljandimaal // *Viljandi Muuseumi aastaraamat 2003*. Viljandi, 2004.
24. *Moora, T., Vissak, R., Jaanits, K.* Archaeological Excavations in Ihaste, Tartu // *Archaeological Fieldwork in Estonia 2005*. Tallinn, 2006.
25. *Tvauri, A., Johanson, K.* Archaeological Research on Kavastu Mesolithic and Early Modern Settlement Site // *Archaeological Fieldwork in Estonia 2005*. Tallinn, 2006.
26. *Kriiska, A., Tvauri, A.* Viron esihistoria. Helsinki, 2007.
27. *Zagorska, I.* The Earliest Settlement of Latvia // *Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region*. PACT 57. Rixensart, 1999.
28. *Kriiska, A., Lõhmus, M.* Archaeological Fieldwork on Kivisaare Stone Age Burial Ground and Settlement Site // *Archaeological Fieldwork in Estonia 2004*. Tallinn, 2005.
29. *Лозе И.А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
30. *Forsberg, O.* Jänisjoen reitin varhaisin asutus-inventointituloksia Laatokan pohjoispuolelta // *Muinaistutkija* 1. 2006.
31. *Takala, H.* The Flint Collection from the Ristola Site in Lahti and the Cultural Contacts of the Earliest Postglacial Settlement of Southern Finland // *Mesolithic Horizons: Papers Presented at the Seventh International Conference on the Mesolithic in Europe*, Belfast 2005. Oxford, 2009.
32. *Koltsov, L.V. & Zhilin, M.G.* Tanged Point Cultures in the Upper Volga Basin // *Tanged Point Cultures in Europe*. Lublin, 1999.
33. *Jaanits, K., Ilomets, M.* Umbusi mesoliitilise asula vanusest ja kohast Eesti keskmise kiviaja kronoloogias // *Loodusteaduslikud meetodid Eesti arheoloogias*. Artiklite kogumik. Tallinn, 1988.
34. *Жилин М.Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // *Тверской археологический сборник*. Вып. 3. Тверь, 1998.
35. *Kriiska, A. & Lõugas, L.* Stone Age Settlement Sites on an Environmentally Sensitive Coastal Area Along the Lower Reaches of the River Pärnu (South-Western Estonia), as Indicators of Changing Settlement Patterns, Technologies and Economies // *Mesolithic Horizons: Papers Presented at the Seventh International Conference on the Mesolithic in Europe*, Belfast 2005. Oxford, 2009.
36. *Kriiska, A.* Lääne-Eesti saarte asustamine ja püsielanikkonna kujunemine // *Keskus-tagamaa-ääreal. Uurimusi asustushierarhia ja võimukeskuste kujunemisest Eestis*. Muinasaja teadus 11. Tallinn, 2002.
37. *Ostrauskas, T.* Mesolithic Kunda Culture. A Climpse from Lithuania // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits*. Muinasaja teadus 8. Tallinn, 2000.
38. *Ошибкина С.В.* Культура Веретье. Характеристика поселений // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits*. Muinasaja teadus. 8. Tallinn, 2000.
39. *Girininkas, A.* Akmens amžius. Vilnius, 2009. (Lietuvos archeologija. T. I)
40. *Жилин М.Г.* Наконечники стрел «шигирского» типа в мезолите и раннем неолите Восточной Европы // *Тверской археологический сборник*. Вып. 2. Тверь, 1996.
41. *Zhilin, M.G.* New Mesolithic Peat Sites on the Upper Volga // *Tanged Points Cultures in Europe*. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 13–16, 1993. Lublin, 1999.
42. *Indreko, R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Mit einer Übersicht über die Geologie des Kunda-Sees von K. Orviku. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar 66. Uppsala, 1948.
43. *Nuñez, M.* A Model for the Early Settlement of Finland // *Fennoscandia archaeologica* 4. 1987.
44. *Nuñez, M.* Uusi katsaus Suomen asuttamismalliin // *Itämerensuomi – eurooppalainen maa*. *Studia historica finno-ugrica*, 2. Oulu, 1997.
45. *Matiskainen, H.* Studies on the Chronology, Material Culture and Subsistence Economy of the Finnish Mesolithic (10000–6000 B.P.). Helsinki, 1989. (Iskos 8)
46. *Matiskainen, H.* Discrepancies in Deglaciation Chronology and the Appearance of Man in Finland // *The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Neighbouring Areas*. *Acta Archaeologica Lundensia*. Ser. in 8, No 24. Stockholm, 1996.
47. *Carpelan, C.* On the Postglacial Colonisation of Eastern Fennoscandia // *Dig it all. Papers dedicated to Ari Siiriäinen*. Helsinki, 1999.
48. *Pesonen, P.* Sarvingin salaisuus-Enon Rahakankaan varhaismesoliittinen ajoitus // *Muinaistutkija* 2. 2005.
49. *Zhilin, M.G.* Early Mesolithic Communication Networks in the East European Forest Zone // *Mesolithic on the Move*. Papers Presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000. Oxford, 2003.
50. *Герасимов Д.В., Крийска А., Лисицын С.Н.* Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // *Материалы III Северного археологического конгресса*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.

51. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений / С.А. Васильев, З.А. Абрамова, Г.В. Григорьева, С.Н. Лисицын, Г.В. Симицына. СПб., 2005. (Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XIX)
52. Kriiska, A. The Beginning of Farming in the Eastern Baltic Area // East European Plain on the Eve of Agriculture. Oxford, 2009. (British Archaeological Reports International Series 1964)
53. Zaliznyak, L.L. Tanged Point Cultures in the Western Part of Eastern Europe // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993. Lublin, 1999.
54. Sulgostovska, Z. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993. Lublin, 1999.
55. Burov, G.M. “Postswiderian” of the European North-East // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993. Lublin, 1999.
56. Janevic, A. Das Swiderien der Krim // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993. Lublin, 1999.
57. Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
58. Kankarpä, J. & Rankama, T. The Sujala Site in Utsjoki: Post-Swiderian in Northern Lapland? // Mesolithic Horizons: Papers Presented at the Seventh International Conference on the Mesolithic in Europe, Belfast 2005. Oxford, 2009.
59. Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.
60. Шахнович М.М. Мезолитическое поселение Киркколахти 1 в Северном Приладожье // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.
61. Kriiska, A. Archaeological Field Work on Stone Age Settlement Site of SW Estonia // Archaeological Field Works in Estonia 2000. Tallinn, 2001.
62. Johanson, K. & Kriiska, A. Archaeological Research on Ihaste Mesolithic Site // Archaeological Fieldwork in Estonia 2006. Tallinn, 2007.

*Тартуский университет,
Тарту, Эстония*

*Объединение «Микролиитти»,
Эспоо, Финляндия*

A. Kriiska, T. Rostedt, T. Jussila

**JOUTSENO SAARENOJA 2 EARLY MESOLITHIC DWELLING SITE IN SOUTHEASTERN FINLAND
(The Results of the Archaeological Excavations in 2008–2009)**

Summary

In recent years the research has produced the abundant material on the earliest occupation of Finland and its dating. The greatest challenge has been created to establish the links between the Finnish Mesolithic find assemblages and the larger settlement contexts of Eastern and Northern Europe of the same period. Flint is not naturally present in the Finnish soil, and thus the stone tools are mostly manufactured from the local quartz. However, in the neighboring areas flint is the dominant material of the tool production, the proportion of quartz is rather small. Remarkably, among the Joutseno Saarenoja 2 Early Mesolithic settlement, in the Southeastern part of Finland, flint finds are predominant. Thus, the flint material collected from Saarenoja enables the comprehensive comparison and discussion of the earliest Finnish settlements and the settlement networks of Eastern and Northern Europe. The quartz assemblage of Saarenoja 2 provides the possibility to compare the Finnish quartz finds internally. Both the raw materials and as well as the similarities in the lithic technology and the tool shapes indicate the presence of the broad social and technological networks in the Eastern European forest zone of the Early Mesolithic. The colonization of the new areas like Finland was apparently relatively rapid and broad-based, and was carried out by groups from the Eastern Baltic area up to the central parts of European Russia.

*University of Tartu,
Institute of History and Archaeology,
18, Ulikooli St.,
Tartu, 50090, Estonia*

A. Kriiska – E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

*Mikroliitti LLC,
2 B, Iivisniemenkatu St.,
Espoo, 02260, Finland*

*T. Rostedt – E-mail: tapaniro@hotmail.com
T. Jussila – E-mail: timo.jussila@mikroliitti.fi*

В.А. Аверин

МЕЗОЛИТ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Костромская область, расположенная в центре Русской равнины, занимает площадь более 60 тысяч кв. км. Её территория представляет собой холмистую равнину, пересечённую долинами рек Волги, Костромы, Унжи, Ветлуги и их разветвлённых притоков. В западной части области располагаются многочисленные озёра, крупнейшими из которых являются Галичское и Чухломское. Несмотря на значительные пространства и вполне благоприятные природные условия в древности, в настоящее время на территории края выявлены лишь 64 мезолитических памятника (рис.), большинство из которых представлены местонахождениями отдельных артефактов.

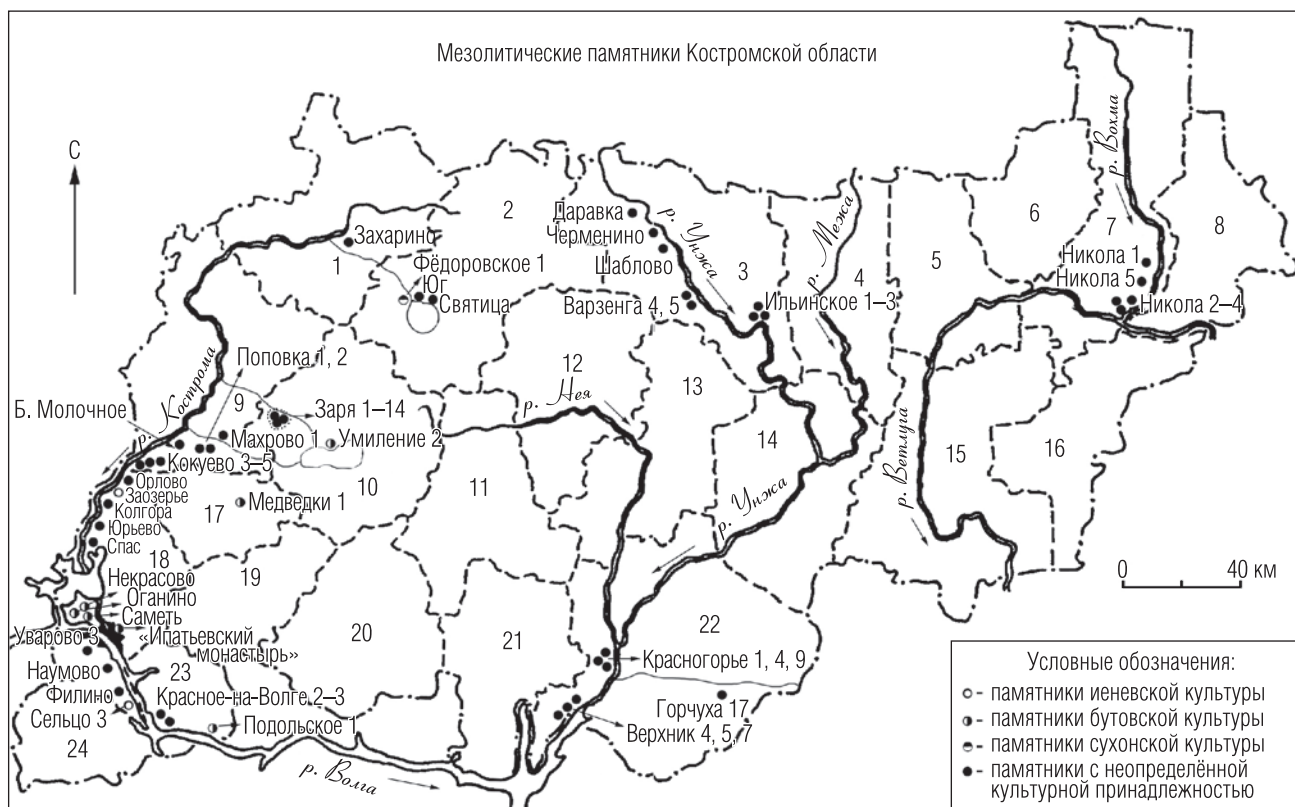

Рис. Мезолитические памятники Костромской области.

Районы области: 1 – Солигаличский; 2 – Чухломской; 3 – Кологривский; 4 – Межевский; 5 – Пыщугский; 6 – Павинский; 7 – Вохомский; 8 – Октябрьский; 9 – Буйский; 10 – Галичский; 11 – Антроповский; 12 – Парфеньевский; 13 – Нейский; 14 – Мантуровский; 15 – Шарьинский; 16 – Поназыревский; 17 – Сусанинский; 18 – Костромской; 19 – Судиславский; 20 – Островский; 21 – Кадыйский; 22 – Макарьевский; 23 – Красносельский; 24 – Нерехтский

Впервые мезолитические артефакты на территории Костромского Поволжья были обнаружены на рубеже XIX–XX вв. Так, Н.М. Бекаревичем на развеевной дюне у д. Некрасово (Костромской район¹) была собрана выразительная коллекция каменных изделий, имеющих «микролитовидный характер». Подобные находки были сделаны на территории г. Костромы, близ Ипатьевского монастыря, а также у с. Саметь и д. Оганино Костромского района [1].

Большую роль в выявлении и изучении археологических памятников Костромского края сыграло Костромское научное общество (КНО), образованное в 1912 г. и просуществовавшее до 1929 г. [2]. Сотрудники общества совместно с археологами из центральных научных учреждений проводили разведки и раскопки памятников, содержащих в том числе и мезолитические материалы². Так, в 1923–1927 гг. Л.Н. Казариновым, В.И. Смирновым, А.Я. Брюсовым, А.В. Збруевой и М.Е. Фосс проводились раскопки Фёдоровского поселения и стоянок на реках Святица и Юг в Чухломском районе [3], В.И. Смирнов и П.Н. Третьяков продолжили сборы подъёмного материала на дюне у д. Некрасово [4], Л.С. Китицыной и М.И. Матасовым изучалась стоянка Поповка 1 в Буйском районе [5], В.И. Смирнов и А.А. Спицын обследовали ныне затопленную водами Горьковского водохранилища стоянку Карнахино в Красносельском районе области [6]. В 1925–1926 гг. В.И. Смирнов проводил раскопки на дюне у с. Саметь [4], а в 1927 г. он начал исследование стоянки у с. Умиление³ в Галичском районе [7].

После ликвидации КНО в 1929 г. в изучении древностей Костромского края наступает длительный перерыв. Работы были возобновлены лишь в 1945 г. – М.Е. Фосс продолжила начатые В.И. Смирновым раскопки стоянки у с. Умиление, которые вела до 1947 г. включительно [8; 9].

В 1950-е гг. памятники, содержавшие мезолитические материалы, изучались М.И. Матасовым (Медведки 1, Сусанинский район) [10; 11] и З.А. Абрамовой (Карнахино) [12].

В 1960-е гг. изучение памятников с мезолитическими материалами проводили Е.И. Горюнова (Медведки 1) [13] и И.В. Гаврилова (Фёдоровское 1, Умиление 2) [14]. И.В. Гаврилова проделала большую работу по выделению мезолитических комплексов в составе смешанных коллекций из раскопок поселения Фёдоровское 1, стоянок Юг и Святица [15].

Наиболее продуктивными в изучении мезолита Костромского Поволжья стали 1970-е – 1-я пол. 1980-х гг. В это десятилетие активную работу по обследованию известных памятников, а также выявлению и изучению новых проводил целый ряд исследователей.

В начале 1970-х гг. И.В. Гавриловой продолжены раскопки поселений Фёдоровское 1 и Медведки 1, а также открыта мезолитическая стоянка Захарино в Солигаличском районе [16; 17]. В 1972 г. ею же обследованы стоянки у с. Красногорье (Макарьевский район) [18], а в 1973–1976 гг. продолжены раскопки стоянки Медведки 1 [19–22].

В 1976 г. в ходе разведки, проведённой А.Е. Леонтьевым, В.М. Воробьёвым и Ю.Н. Урбаном, открыты мезолитические стоянки Варзенга 4, 5, Ильинское 1–3 (Кологривский район) и Филино в Костромском районе [23].

В 1978 г. И.В. Гавриловой была вторично обследована стоянка Поповка 1, а также продолжены раскопки стоянки Медведки 1 [24]. Ю.Н. Урбаном открыты стоянки Махрово 1 (Буйский район) и Заозерье (Костромской район) [25].

В ходе археологических разведок 1979 и 1980 гг. К.И. Комаровым и М.Г. Жилиным открыты мезолитические стоянки Наумово, Сельцо 3, Уварово 3, Юрьево 2 в Костромском районе и Красное-на-Волге 2, 3, Подольское 1 в Красносельском районе [26–28]. И.В. Гавриловой в 1980 г. возобновлены исследования поселения Медведки 1 [29].

В 1981 г. Ю.Н. Урбаном и В.В. Сидоровым обследованы известные памятники Фёдоровское 1, Умиление 2 и Красногорье 4, а также выявлены мезолитические материалы на стоянках Красногорье 1 и Горчуха 17 (Макарьевский район) [30]. В этом же году И.В. Гавриловой продолжены исследования поселения Медведки 1 [31], а Л.В. Кольцовым начаты стационарные раскопки стоянки Сельцо 3 [32].

В полевом сезоне 1982 г. К.И. Комаровым были открыты стоянки Черменино и Шаблово в Кологривском районе и совместно с М.Г. Жилиным выявлены мезолитические стоянки Верхник 4, 5, 7 в Макарьевском районе [33]. Ю.Н. Урбаном открыты мезолитические стоянки Б. Молочное и Поповка 2 (Буйский район), комплекс мезолитических местонахождений Заря 1–14 (Галичский район), стоянки Колгора и Орлово (Костромской район). Им же было осуществлено вторичное обследование стоянки Заозерье, выявленной в 1978 г. [34]. Л.В. Кольцовым проведены раскопки стоянки Подольское 1, а также продолжено изучение стоянки Сельцо 3 [35].

В 1983 г. В.В. Сидоровым мезолитические материалы были обнаружены на стоянках Кокуево 3–5 в Буйском районе, а также вторично обследована стоянка Поповка 2, открытая Ю.Н. Урбаном годом ранее [36].

Пять мезолитических стоянок (Никола 1–5) открыты К.И. Комаровым в 1985 г. в Вохомском районе [37].

Во второй половине 1980-х гг. исследования мезолитических памятников в Костромском Поволжье не проводились.

¹ Районы указываются по современному административному делению.

² Данные по мезолитическим памятникам, выявленным на сегодняшний день в Костромском Поволжье, приведены в таблицах 1 и 2.

³ Здесь и далее речь идёт о стоянке Умиление 2 (в публикациях стоянка упоминается без номера).

Таблица 1. Распределение выявленных мезолитических памятников по районам Костромской области

Районы области	Наименование и количество памятников														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1. Солигаличский	Захарино														
2. Чухломский	Фёдоровское 1****	р. Юг (Дудино)	р. Святыца (Крутица)												
3. Кологривский	Варзэнга 4	Варзэнга 5	Даравка	Ильинское 1	Ильинское 2	Ильинское 3	Черменино	Шаблово							
4. Межевский															
5. Пыщугский															
6. Павинский															
7. Вохомский	Никола 1	Никола 2	Никола 3	Никола 4	Никола 5										
8. Октябрьский															
9. Буйский	Большое Молочное	Кокуево 3	Кокуево 4	Кокуево 5	Махрово 1	Поповка 1	Поповка 2								
10. Галичский	Заря 1	Заря 2	Заря 3	Заря 4	Заря 5	Заря 6	Заря 7	Заря 8	Заря 9	Заря 10	Заря 11	Заря 12	Заря 13	Заря 14	Умиление 2***
11. Антроповский															
12. Парфеньевский															
13. Нейский															
14. Мантуровский															
15. Шарьинский															
16. Поназыревский															
17. Сусанинский	Медведки 1***														
18. Костромской	Заозерье 1**	Колгора	Кострома (И/м)***	Наумово	Некрасово ***	Огарино ***	Орлово	Саметь ***	Сельцо 3**	Спас	Уварово 3	Филино	Юрьево 2		
19. Судиславский															
20. Островский															
21. Кадыйский															
22. Макарьевский	Верхник 4	Верхник 5	Верхник 7	Горчуха 17	Красногорье 1	Красногорье 4	Красногорье 9								
23. Красносельский	Краснона-Волге 2	Краснона-Волге 3	Полодьское 1***	Карнахино *											
24. Перехтский															

Примечания: * – несохранившийся памятник; ** – памятники, отнесённые к ижевской культуре; *** – памятники с неопределённой культурной принадлежностью; (И/м) – местонахождение «Ипатьевский монастырь».

Таблица 2. Краткие сведения о выявленных мезолитических памятниках Костромской области

Район	Название памятника	Годы исследований	Исследователи	Характер исследований	Культурный слой	Состав коллекции	Культурная принадлежность
1	2	3	4	5	6	7	8
Солигаличский	Захарино	1970	И.В. Гаврилова	Разведка	Розоватый песок	Ножевидные пластины	Не определена
	Фёдоровское 1	1923, 1924 1925 1926, 1927 1962–1964 1969–1973 1981 2004–2008	Л.Н. Казаринов, Л.Н. Казаринов, В.И. Смирнов, А.Я. Брюсов, А.В. Збруева, М.Е. Фосс В.И. Смирнов, Л.Н. Казаринов И.В. Гаврилова И.В. Гаврилова Ю.Н. Урбан А.В. Новиков	Раскопки Раскопки Раскопки Раскопки Раскопки Раскопки Разведка Раскопки	Гумусированная су- песь тёмно- коричневого и чёрного цве- тов, оторфо- ванная в при- брежной части памятника	Иволистные и черешковые наконечники стрел на пла- стинах, угловые резцы и кон- цевые скребки на пластинах, карандашевидные, кониче- ские и торцевые нуклеусы, ретушированные вкладыши и др.	Сухоносная (?)
Чухломской	р. Юг (Дудино)	1922, 1923	В.И. Смирнов, Л.Н. Казаринов	Раскопки	Нет данных	Концевые скребки на пласти- нах, конические и призматиче- ские нуклеусы, микропла- стины	Не определена
	р. Святица (Крутица)	1923–1927	Л.Н. Казаринов	Раскопки	Нет данных	Наконечник стрелы на пла- стине, конические и призма- тические нуклеусы, концевые скребки, микропластины, отщепы	Не определена
	Варзена 4 (Сёмно 1)	1976	А.Е. Леонтьев, В.М. Воробьёв	Разведка	Нет данных	Ножевидные пластины, сечения пластин, микропла- стины, отщепы	Не определена
	Варзена 5 (Сёмно 2)	1976	А.Е. Леонтьев, В.М. Воробьёв	Разведка	Нет данных	Ножевидные пластины, сечения пластин, микропла- стины, отщепы	Не определена
Кологривский	Даравка	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Серый песок	Концевой скребок, пластины и отщепы	Не определена
	Ильинское 1	1976	А.Е. Леонтьев, В.М. Воробьёв	Разведка	Нет данных	Пластина с резцовым сколом, нуклеусы, пластины и отщепы	Не определена
	Ильинское 2	1976	А.Е. Леонтьев, В.М. Воробьёв	Разведка	Нет данных	Ножевидные пластины и отщепы	Не определена
	Ильинское 3	1976	А.Е. Леонтьев, В.М. Воробьёв	Разведка	Нет данных	Ножевидные пластины и сечения пластин, отщепы	Не определена

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
Кологривский	Черменино	1982	К.И. Комаров	Разведка	Серый и подстилающий его рыжий песок	Скребок на отщепе, угловой резец, пластина с резцовым сколом, аморфные нуклеусы, ножевидные пластины и отщепы	Не определена
	Шаблово	1982	К.И. Комаров	Разведка	Светло-серый песок	Аморфные нуклеусы, пластины, отщепы	Не определена
	Никола 1	1985	К.И. Комаров	Разведка	Слой подзола и жёлто-серый песок	Ножевидные пластины, отщепы и чешуйки	Не определена
	Никола 2 (Краснобобры 1)	1985	К.И. Комаров	Разведка	Серо-жёлтый песок	Ножевидные пластины, отщепы и чешуйки	Не определена
	Никола 3 (Краснобобры 2)	1985	К.И. Комаров	Разведка	Тёмно-серый песок	Скобель, отбойник, обломки орудий, пластины, отщепы	Не определена
Вохомский	Никола 4 (Краснобобры 3)	1985	К.И. Комаров	Разведка	Тёмно-серый песок	Ножевидные пластины	Не определена
	Никола 5 (Краснобобры 4)	1985	К.И. Комаров	Разведка	Песок бурого цвета	Карандашевидный нуклеус, пластины, отщепы, чешуйки	Не определена
	Большое Молочное	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Белёсый и жёлтый песок	Конический нуклеус, пластины, сечения пластин, отщепы	Не определена
	Кокуево 3 (Усть-Тёбза 2)	1983	В.В. Сидоров	Разведка	Жёлтый песок	Скобель, ножевидные пластины и отщепы	Не определена
	Кокуево 4 (Усть-Тёбза 3)	1983	В.В. Сидоров	Разведка	Светло-серый и жёлтый песок	Резец на нуклевидном отщепе, пластины и отщепы	Не определена
Буйский	Кокуево 5 (Усть-Тёбза 6)	1983	В.В. Сидоров	Разведка	Жёлтый песок	Ножевидные пластины, сечения пластин, микропластины, отщепы	Не определена
	Махрово 1	1978	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Концевой скребок на пластине, ножевидные пластины, микропластины, отщепы	Не определена
	Поповка 1	1926 1978	Л.С. Китицина, М.И. Матасов И.В. Гаврилова	Разведка Раскопки	Коричневатый песок	Кремнёвые скребки на пластине, ножевидные пластины и сечения пластин	Не определена
	Поповка 2	1982 1983	Ю.Н. Урбан В.В. Сидоров	Разведки	Серая супесь	Нуклевидный резец, скребки на пластине, заготовка тесла, пластины и отщепы	Не определена

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
Галичский	Заря 1	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Конический нуклеус, обломки нуклеусов, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 2	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Конический нуклеус, отщепы с ретушью, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 3	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Конический нуклеус, концевой скребок, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 4	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Скрепки на пластинах и отщепях, нуклеусы, пластины, отщепы, в т.ч. с ретушью	Не определена
	Заря 5	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Микропластины, обломки нуклеусов, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 6	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Серый и жёлтый песок	Скребок-резчик на обломке нуклеуса, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 7	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Белёсый и жёлтый песок	Микропластины, отщепы с ретушью, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 8	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Микропластины, отщепы с ретушью, пластины, отщепы	Не определена
	Заря 9	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Пластины правильной огранки, микропластины, отщепы	Не определена
	Заря 10	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Заготовка тесла, микропластины правильной огранки, отщепы	Не определена
	Заря 11	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Пластина с затупленным краем, микропластины, отщепы	Не определена
	Заря 12	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Ножевидные пластины, микропластины, сечения пластины, отщепы	Не определена
	Заря 13	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Сильно сработанный нуклеус, микропластины, отщепы	Не определена
	Заря 14	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Пахотный слой	Концевой скребок на пластине, микропластины, отщепы	Не определена
Умиление 2 (Пески, Толтуново 2, 3)	1927 1945–1947 1962 1981	В.И. Смирнов М.Е. Фосс И.В. Гаврилова Ю.Н. Урбан	Раскопки Раскопки Раскопки Разведка	Гумусированный песок тёмно-серого местами чёрного цвета	Наконечники стрел на пластинах, концевые скребки, резцы, резчики, конические и призматические нуклеусы и др.	Бутовская	
Медведки 1 (Водыш)	1950-е 1961 1970 1973–1976, 1978 1980, 1981	М.И. Магасов Е.И. Горюнова И.В. Гаврилова И.В. Гаврилова И.В. Гаврилова	Разведка Раскопки Раскопки Раскопки	Чёрный гумусированный песок	Наконечники стрел на пластинах, угловые резцы, концевые скребки на пластинах, сечения пластины, микропластины, отщепы	Бутовская (?)	

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
Костромской	Заозерье	1978 и 1982	Ю.Н. Урбан	Разведки	Песок различной цветности	Наконечник с поперечным лезвием «алтынковского типа», скребки, резцы, отщепы и др.	Иеневская
	Колгора	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Белёсый и жёлтый песок	Концевой скребок на пластине, пластины, сечения пластины, отщепы	Не определена
	Кострома («Ипатьевский монастырь»)	Рубеж XIX–XX вв.	Н.М. Бекаревич	Сборы материала	Нет данных	Призматические и конические нуклеусы, наконечники стрел на пластине, вкладыши и др.	Бутовская
	Наумово	1979	М.Г. Жилин	Разведка	Тёмно-серый песок	Вкладыш, пластины и отщепы	Не определена
	Некрасово (местонахождение)	Рубеж XIX–XX вв. 1920-е	Н.М. Бекаревич В.И. Смирнов, П.Н. Третьяков	Сборы материала	Нет данных	Призматические и конические нуклеусы, наконечники стрел на пластине, вкладыши и др.	Бутовская
	Оганино	Рубеж XIX–XX вв.	Н.М. Бекаревич	Сборы материала	Нет данных	Призматические и конические нуклеусы, наконечники стрел на пластине, вкладыши и др.	Бутовская
	Орлово	1982	Ю.Н. Урбан	Разведка	Белёсый и жёлтый песок	Концевой скребок на микропластине, угловой резец, микропластины и отщепы	Не определена
	Саметь	Рубеж XIX–XX вв. 1925–1926	Н.М. Бекаревич В.И. Смирнов	Сборы материала Раскопки	Нет данных	Призматические и конические нуклеусы, наконечники стрел на пластине, вкладыши и др.	Бутовская
	Сельцо 3 («Трифоницы»)	1979, 1980 1981, 1982	М.Г. Жилин Л.В. Кольцов	Разведки Раскопки	Серо-жёлтая супесь	Асимметричные наконечники стрел, трапедии, аморфные скребки, рубящие орудия и др.	Иеневская
	Спас	1996	С.И. Алексеев	Сборы материала	Нет данных	Ножевидные пластины, отщепы	Не определена
	Уварово 3	1979	М.Г. Жилин	Разведка	Светло-серый песок	Резец, вкладыш, микропластины, отщепы	Не определена
	Филино	1976	А.Е. Леонтьев, Ю.Н. Урбан	Разведка	Нет данных	Ножевидные пластины, сечения пластины, отщепы	Не определена
	Юрьово 2	1980	М.Г. Жилин	Разведка	Светло-серый песок	Угловой резец на пластине, вкладыши, пластины, отщепы	Не определена

Таблица 2 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8
Макарьевский	Верхник 4	1982	К.И. Комаров, М.Г. Жилин	Разведка	Серо-жёлтый песок	Вкладыш, ножевидные пластины и отщепы	Не определена
	Верхник 5	1982	М.Г. Жилин	Разведка	Светло-серый песок	Нуклеус, концевой скребок на пластине, вкладыш, пластины	Не определена
Макарьевский	Верхник 7	1982	М.Г. Жилин	Разведка	Серо-жёлтый песок	Вкладыш, пластины с ретушью, пластины и отщепы	Не определена
	Горчуха 17 (Белый Лух 8)	1981	Ю.Н. Урбан	Разведка	Белёсый и жёлтый песок	Вкладыш, угловые резцы на пластинах, пластины и отщепы	Не определена
	Красногоре 1	1981	В.В. Сидоров, Ю.Н. Урбан	Разведка	Жёлтый песок	Скобель, микроскребок на пластине, пластины и отщепы	Не определена
	Красногоре 4	1972 1981	И.В. Гаврилова Ю.Н. Урбан	Разведки	Серо-жёлтый песок	Угловой резец, ножевидные пластины и сечения пластин, отщепы	Не определена
	Красногоре 9 (Пристань 3)	1972	И.В. Гаврилова	Разведка	Розовый песок с угольками	Концевой скребок на пластине, пластины и сечения пластин, отщепы	Не определена
	Краснона-Волге 2	1980 1993	М.Г. Жилин О.А. Сидоров	Разведки	Слой подзола	Вкладыш из пластины, пластины и отщепы	Не определена
Красносельский	Краснона-Волге 3	1980 1993	М.Г. Жилин О.А. Сидоров	Разведки	Серо-жёлтый песок	Резец на углу вкладыша из пластины, пластины, отщепы	Не определена
	Подольское 1	1980 1982	М.Г. Жилин Л.В. Кольцов	Разведка Раскопки	Гумусированный серый песок	Кремнёвые орудия, пластины, отщепы	Бутовская
	Карнахино ¹ (устье р. Покиш, Гомониха)	1925 1954	В.И. Смирнов, А.А. Спицын З.А. Абрамова	Разведка Раскопки	Нет данных	Призматические и конические нуклеусы, концевые скребки, пластины, отщепы и др.	Не определена

¹ Памятник затоплен водами Горьковского водохранилища.

В начале 1990-х гг. были получены данные об обнаружении мезолитической стоянки Даравка в Кологривском районе [2], а также О.А. Сидоровым проведено обследование стоянок Красное-на-Волге 2 и 3 [38].

В 1996 г. С.И. Алексеевым было выявлено мезолитическое местонахождение Спас в Костромском районе [2].

В 2004 г. А.В. Новиковым были возобновлены широкомасштабные раскопки Фёдоровского поселения. Из материалов, полученных в результате раскопок, автором данной статьи типологически выделен мезолитический комплекс, аналогичный тому, что ранее был опубликован И.В. Гавриловой [15; 17; 39; 40]. Раскопки поселения продолжаются и в настоящее время.

Полученные в ходе многолетних археологических работ данные требовали систематизации и научного осмысления. Одну из первых попыток решить вопрос о датировке местонахождений с микролитическими кремнёвыми изделиями предпринял в 1930-е гг. П.Н. Третьяков. Им были обследованы несколько пунктов с такими находками в пределах Ярославской и Костромской областей. Исследователь отметил, что во многих случаях микролитическим кремнёвым изделиям сопутствует керамика с текстильным орнаментом. Отсутствие такой керамики на ряде пунктов, в частности на стоянке у Ипатьевского монастыря в г. Костроме, он объяснял тем обстоятельством, что на дюнах, где эти стоянки располагаются, керамика очень плохо сохраняется. В результате П.Н. Третьяков пришёл к выводу, что в области Верхнего Поволжья в эпоху бронзы вместе с распространением металлических орудий могли возродиться древние приёмы изготовления мелких орудий из ножевидных пластин [41].

Предположение П.Н. Третьякова во 2-й пол. 1940-х гг. было поддержано М.Е. Фосс на основании материалов, полученных ею при раскопках стоянки Умиление 2. Проводя аналогии со степной полосой Восточной Европы, М.Е. Фосс полагала, что микролитическая техника вполне может сохраняться до эпохи бронзы. В качестве доказательства она приводит материалы из раскопок стоянки на р. Юг в Чухломском районе, где микролиты также залегали совместно с «сетчатой» керамикой [8].

Однако дальнейшее накопление данных заставило исследователей пересмотреть свои прежние взгляды. Так, П.Н. Третьяков, изучив материалы ряда стоянок, раскопанных в 1930-е–1950-е гг. и сопоставив их с имеющимися в его распоряжении данными, пришёл к выводу, что микролитические изделия никак не связаны с текстильной керамикой. Они составляют в Верхнем Поволжье самостоятельный комплекс, который может относиться лишь к весьма раннему времени – мезолита. Тогда же исследователь отметил сходство микролитических изделий, найденных на стоянках Умиление, «Ипатьевский монастырь», Некрасово, Саметь и Оганино, с материалами памятников Ярославского Поволжья и предложил датировать их мезолитом. При этом он отмечал, что на основании известных ныне материалов можно говорить о существовании в Верхнем Поволжье двух групп мезолитических памятников – более ранней и более поздней. К первой он относил мезолитические стоянки Скнятино и Соболево, а памятники с микролитами с территории Костромского Поволжья определял во вторую группу [4].

Точку зрения П.Н. Третьякова о мезолитическом возрасте микролитических изделий поддержала И.В. Гаврилова. В 1967 г. она опубликовала результаты проведённого ею типологического анализа кремнёвого инвентаря из раскопок памятников, расположенных на берегах Чухломского озера (Фёдоровское 1, Юг, Святица). Из материалов этих памятников ей удалось выделить достаточно выразительные комплексы микролитических изделий, которые не сочетались с керамикой и инвентарём неолита и эпохи бронзы. Более того, в качестве аргументов в пользу более раннего возраста этих изделий И.В. Гаврилова приводит данные планиграфического анализа, а также результаты подсчётов распределения материала по глубинам. Приведённые факты убедительно доказывают разновременность микролитов и сетчатой керамики и что их следует относить к позднему мезолиту. Этим же временем И.В. Гаврилова предложила датировать микролитический комплекс стоянки Умиление. При этом исследовательница отмечает, что микролитические коллекции Костромской области насчитывают значительно меньше наконечников стрел, нежели стоянки Верхнего Поволжья, и содержат трапеции, что, по её мнению, позволяет сравнивать костромские материалы с мезолитическим инвентарём памятников Вычегодского края [15]⁴.

Активные работы по изучению мезолита, проводившиеся в 1950-е–1960-е гг., открытие новых памятников позволили Л.В. Кольцову в 1973 г. выделить локальные группы Волго-Окского мезолита. Исследователь счёл возможным объединить стоянку Устье, расположенную близ Ярославля, с костромскими памятниками «Ипатьевский монастырь», Некрасово, Саметь, Оганино и Карнахино⁵ в самостоятельную группу, названную им «Ярославно-Костромская». При этом Л.В. Кольцов, так же как П.Н. Третьяков и И.В. Гаврилова, относит перечисленные выше стоянки Костромского Поволжья к позднему мезолиту⁶ [42].

Важно отметить, что, несмотря на попытки выделения определённых локальных групп, исследователи вслед за М.В. Воеводским [43] и А.А. Формозовым [44] причисляли волжские памятники с микролитическим инвентарём к единой «волго-окской мезолитической культуре», хотя вопрос о неоднородности волго-окского мезолита уже неоднократно ставился Д.А. Крайновым [45; 46].

Результатом открытия и изучения материалов целого ряда новых мезолитических памятников в Ярославском и Тверском Поволжье стало выделение Л.В. Кольцовым бутовской и иневской археологических

⁴ На тот момент стоянки с трапециями в Верхнем Поволжье известны не были.

⁵ По Л.В. Кольцову – «Устье р. Покши» [42].

⁶ Стоянки, расположенные на севере Костромской области, в Галичском и Чухломском районах, Л.В. Кольцовым не рассматривались.

культур [47; 48]. В последующих работах исследователя стоянки Костромской низины (Некрасово, Оганино, Саметь, Кострома («Ипатьевский монастырь»), Карнахино) отнесены к поздним этапам развития бутовской культуры [49; 50]. Такую же трактовку орудий на пластинах со стоянки Умиление предложил в 1982 г. А.Н. Сорокин [51].

В свою очередь, стоянки Заозерье и Сельцо 3 были отнесены к иеневской культуре [2; 49; 50].

Сложнее обстоит дело с памятниками, расположенными в центральной и северной частях Костромской области. Выше уже отмечалось, что И.В. Гаврилова проводила параллели между материалами мезолитических стоянок Чухломского озера и находками со стоянок Вычегодского края [15] на основании, в частности, того, что в материалах этих памятников присутствуют трапеции⁷. Однако сейчас известно, что подобные изделия иногда встречаются в материалах позднебутовских памятников в Волго-Окском междуречье [50; 52].

Обращает на себя внимание и определённое сходство стоянок северо-запада Костромского края с мезолитическими памятниками бассейна Сухоны, что уже ранее отмечалось исследователями [53]. Оно проявляется не только в типах орудий, но и в сырье, из которого они изготовлены. Так, подавляющее большинство мезолитических изделий Фёдоровского поселения изготовлено из тёмно-красного кремня хорошего качества, наряду с которыми присутствуют изделия из серовато-белого и серого кремня среднего качества⁸. Точно такое же сырьё использовалось на ближайших стоянках Юг, Святица, Захарино и др. В свою очередь, именно такой кремь использовался населением мезолитических стоянок бассейна Сухоны – Колупаевской, Яснополянской и др. [53]. На мой взгляд, это как минимум указывает на связи населения данных территорий, а возможно, и на вхождение их в единую культурную общность.

Интересна точка зрения, обозначенная в совместной публикации А.Е. Леонтьева, В.В. Сидорова и И.В. Ислановой. Исследователи полагают, что мезолитические памятники севера Калининской и Костромской областей существенно отличаются от волго-окских, очерчивая южную границу культуры Оленеостровского могильника [54]. Ими же высказывается утверждение, что находки с мезолитических стоянок, открытых в устье р. Тебзы (Буйский район), имеют сходство с материалами стоянки Заозерье [54]. Учитывая, что материалы Заозерья характеризуются как иеневские, можно предполагать идентичную культурную принадлежность и у этих памятников. Если это так, то ареал иеневской культуры может быть несколько расширен.

Определённым своеобразием, по мнению исследователей, обладают материалы мезолитических памятников, расположенных в бассейнах рек Унжа и Ветлуга, которые, к сожалению, ещё недостаточно изучены. Возможно, впоследствии они будут выделены в отдельную группу [2].

Завершая обзор, можно констатировать, что изучение мезолита Костромского Поволжья находится всё ещё на стадии первичного накопления данных. Из 24 районов области стоянки мезолитического времени обнаружены пока лишь в десяти. Представляется, что причиной является не «...слабая заселенность пограничных зон крупных культурных общностей...» [54], а, скорее, слабая изученность этих территорий. До сих пор в области не известен ни один мезолитический торфяниковый памятник, несмотря на то, что болота, в том числе возникшие на месте крупных ледниковых озёр, занимают обширные пространства. Из всех выявленных памятников до настоящего времени стационарным раскопкам подвергались единицы, при том, что в большинстве случаев мезолитические материалы лишь типологически выделялись из коллекций неолита и эпохи бронзы. Напротив, многие коллекции, сданные на музейное хранение ещё в первой половине XX столетия, никем не просматривались на предмет выделения в них «ранних комплексов». Неопределённой остаётся и культурно-хронологическая принадлежность многих памятников.

Отдельную, и весьма серьёзную, проблему составляет путаница в названиях памятников, выявленных в разные годы, а также в их нумерации и определении культурной и хронологической принадлежности⁹. Причина этого не совсем ясна. Зачастую стоянки, обозначенные исследователями в ежегоднике «Археологические открытия» как мезолитические [28; 55; 56 и др.], в материалах «Археологической карты» Костромской области датируются неолитом или иным временем [2]. Нередко лишь сопоставление целого ряда публикаций различных исследователей за разные годы позволяет понять, о какой именно стоянке (или стоянках) идёт речь [18; 28; 54 и др.]. Иногда в различных публикациях (*прежде всего справочного характера*) культурная принадлежность одного и того же памятника определяется по-разному [28].

Таким образом, территория Костромского Поволжья, на мой взгляд, представляет собой своего рода «белое пятно» на мезолитической карте лесной зоны Восточной Европы, закрыть которое могут лишь планомерные исследования, как полевые, так и кабинетные.

⁷ В обработанных автором данной статьи коллекциях каменного инвентаря из раскопок 2007–2008 гг. трапеции не обнаружены.

⁸ Речь идёт об артефактах, опубликованных в разные годы И.В. Гавриловой, а также выделенных автором данной статьи из материалов раскопок А.В. Новикова 2007–2008 гг.

⁹ По этой причине в таблице 2 в ряде случаев указываются несколько названий, из которых основное соответствует названию памятника в Археологической карте Костромской области [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бекаревич Н.М. Материалы для археологической карты Костромской губернии // Труды второго Тверского областного археологического съезда 10-20 августа 1903 года. Тверь, 1906.
2. Комаров К.И. Археологическая карта России: Костромская область. М., 1999.
3. Казаринов Л.Н. Прошлое Чухломского края // Труды Чухломского отделения КНО и Чухломского музея. Вып. 4. Солигалич, 1929.
4. Третьяков П.Н. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. № 110. 1963.
5. Яблокова Н.Н. Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. № 110. 1963.
6. Смирнов В.И. Отчет Костромского научного общества за 1926 г. // Труды КНО. Кострома, 1927.
7. Царев П.А. Краткое описание Галичского музея местного края. Галич, 1939.
8. Фосс М.Е. Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК. Вып. 17. 1947.
9. Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. Вып. 26. 1949.
10. Матасов М.И. Отчет об археологической разведке в Сусанинском районе Костромской обл. 12–16 июня 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 993.
11. Матасов М.И. Отчет об археологической разведке в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской обл. в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1226.
12. Абрамова З.А. Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы // КСИИМК. Вып. 67. 1957.
13. Горюнова Е.И. Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2437.
14. Гаврилова И.В. Отчет о полевой работе в Костромской обл. в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2558.
15. Гаврилова И.В. Новые мезолитические памятники Костромской области // КСИА. Вып. 111. 1967.
16. Гаврилова И.В. Отчет о работе Костромской неолитической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4182.
17. Гаврилова И.В. Новые мезолитические находки Федоровского поселения // КСИА. Вып. 137. 1973.
18. Гаврилова И.В. Отчет о полевой работе Костромского неолитического отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4874.
19. Гаврилова И.В. Отчет о полевой работе Костромского неолитического отряда в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5215.
20. Гаврилова И.В. Отчет о работе Костромского отряда в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5518.
21. Гаврилова И.В. Отчет о работе Костромского неолитического отряда в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5856.
22. Гаврилова И.В. Отчет о работе Костромского неолитического отряда в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5975.
23. Леонтьев А.Е. Отчет о работах Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5830.
24. Гаврилова И.В. Отчет о полевых исследованиях Костромского отряда в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6995.
25. Урбан Ю.Н. Разведки в бассейне р. Костромы // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
26. Комаров К.И., Жилин М.Г. Отчет о работе Костромского отряда Верхневолжской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7898.
27. Комаров К.И., Жилин М.Г. Отчет Костромской экспедиции за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9548.
28. Жилин М.Г., Комаров К.И. Разведочные работы Костромской экспедиции // АО–1980. М., 1981.
29. Гаврилова И.В. Отчет о полевых исследованиях Костромского отряда в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8221.
30. Урбан Ю.Н. Отчет об археологической разведке в Костромской обл. в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9806.
31. Гаврилова И.В. Отчет о полевых работах Костромского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8599.
32. Комаров К.И. Отчет о полевых работах Костромской экспедиции за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8635.
33. Комаров К.И. Исследования в Костромской и Калининской областях // АО–1982. М., 1984.
34. Урбан Ю.Н. Отчет о разведках в Костромской обл. в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10642.
35. Кольцов Л.В. Исследования стоянок каменного века в Калининской и Костромской областях // АО–1982. М., 1984.
36. Сидоров В.В. Отчет о работах Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9658.
37. Комаров К.И. Отчет о работе Костромского отряда в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11863.
38. Сидоров О.А. Разведка в Красносельском районе Костромской области // АО–1993. М., 1994.
39. Гаврилова И.В. Мезолитические местонахождения в бассейне р. Кострома // КСИА. Вып. 165. 1981.
40. Аверин В.А., Новиков А.В., Аверина А.В. Мезолитические кремневые изделия с Федоровского поселения в Костромской области (по материалам раскопок 2007 г.) // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
41. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. Вып. 5. 1941.
42. Кольцов Л.В. Локальные группы Волго-Окского мезолита // КСИА. Вып. 137. 1973.
43. Воеводский М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. 31. 1950.
44. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
45. Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 97. 1964.
46. Крайнов Д.А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I // КСИА. Вып. 131. 1972.
47. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция: тезисы пленарных докладов. Л., 1979.
48. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР // СА. 1983. № 4.
49. Кольцов Л.В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
50. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
51. Сорокин А.Н. Об орудиях на пластинах со стоянки Умиление // КСИА. Вып. 169. 1982.
52. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
53. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
54. Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188. 1986.
55. Гаврилова И.В. Исследования Костромского отряда // АО–1978. М., 1979.
56. Комаров К.И. Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО–1979. М., 1980.

*Ивановский государственный
химико-технологический университет,
Иваново*

V.A. Averin

THE MESOLITHIC OF THE KOSTROMA VOLGA REGION: THE HISTORY OF THE SURVEY

Summary

The purpose of this article is the generalization of the results of the surveys in the Mesolithic of the Kostroma Volga region from the late 19th till the early 21st century. The results of archaeological prospecting in various parts of the region are listed in chronological order. The information about the found monuments of the Mesolithic is being systematized. The data of the evolution of ideas about the Mesolithic time in the Upper Volga region as a whole, and the Kostroma Volga region, in particular, are given. At the end of the article the range of major problems associated with the survey of the Early Holocene history of the region is specified.

*Ivanovo State Chemical-Technological University,
7, F. Engelsa Ave.,
Ivanovo, 153000, Russia*

E-mail: vad-averin@yandex.ru

противопожарной траншеей, прокопанной параллельно дороге. Именно здесь в 2005 г. и был собран подъёмный материал, представленный исключительно каменными изделиями, обломками изделий и отходами производства. Все собранные предметы имели «ранний облик» и существенно отличались от находок, полученных с расположенных на берегах озера стоянок развитого неолита и более поздних эпох.

В 2007 г. были начаты раскопки памятника, продолжавшиеся в 2008 и 2009 гг. За три года исследований двумя раскопами (96 и 20 кв. м соответственно) вскрыта площадь в 116 кв. м.

Первый раскоп (первоначально – шурф площадью 4 кв. м) был заложен в 2007 г. на вершине возвышенности. Дальнейшее увеличение его площади осуществлялось путём прирезок к северной, восточной и южной стенкам. Так, в 2008 г. было раскопано 36 кв. м, а в 2009 г. – ещё 56 кв. м. В результате раскопками удалось изучить всю вершину возвышенности и частично её пологие склоны.

Второй раскоп был заложен с охранными целями на участке, где поверхность памятника оказалась прорезанной противопожарной траншеей. В ходе работ выяснилось, что здесь в переотложенном состоянии залежали разновременные материалы (результат антропогенного воздействия). По этой причине в этой статье анализируются лишь данные, полученные из непо потревоженного культурного слоя раскопа 1.

Стратиграфия, прослеженная в процессе исследований, следующая: 1) дёрн – до 5 см; 2) тёмно-серая, местами коричневатая супесь, с вкраплениями пятен светло-серой супеси или жёлтого песка – до 15 см; 3) светло-жёлтый песок – до 30 см; 4) коричневый песок – до 20 см, прослежен в виде небольшой линзы в южной части раскопа, на склоне возвышенности; 5) желтовато-белый песок – до 14 см, также локализуется на склоне возвышенности в восточной части раскопа; 6) тёмно-серый песок – до 17 см, прослежен в виде отдельных пятен; 7) тёмно-желтый песок – до 65 см; 8) светло-жёлтый спрессованный песок с мелкими вкраплениями ожелезнений – материк.

Анализ стратиграфии показывает, что основную толщу напластований на всей площади раскопа составляют слои светло-жёлтого (3) и тёмно-жёлтого (6) песка. Литологический слой 2, по всей видимости, представляет собой типичную гумусированную лесную почву, формировавшуюся в течение длительного времени и перекрывшую культурные напластования. Происхождение прослоек 4 и 5, прослеженных в виде линз или отдельных пятен, объяснить сложнее. Их формирование может быть в равной мере связано как с природными, так и с антропогенными факторами.

Основная масса материала залежала в толще светло-жёлтого и тёмно-жёлтого песка. Находки представлены нуклеусами, пластинами и микропластинами, каменными орудиями, обломками и заготовками орудий, а также многочисленными отходами производства. Кроме того, в культурном слое встречены фрагменты лепной неорнаментированной керамики с примесью шамота в тесте. Наличие последней первоначально дало возможность говорить о раннеолитическом возрасте всего полученного материала. Из посторонней примеси следует отметить два фрагмента керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, а также развал сосуда периода поздней бронзы и два фрагмента одного двусторонне ретушированного изделия из чёрного кремня (судя по всему, наконечника). Эти находки залежали на контакте литологических слоёв 2 и 3, что наряду с типологическими характеристиками указывает на отсутствие их связи с остальной группой артефактов.

Однако тщательный анализ полученных данных уже вскоре позволил усомниться в единстве вещевого комплекса. Ещё в ходе работ 2007 г. было отмечено, что все находки можно разделить на две группы. Часть кремнёвых изделий, безусловно, синхронна найденной в раскопе керамике и может быть отнесена к раннему неолиту. Другая же группа предметов, судя по всему, имеет более ранний, мезолитический, возраст. Дальнейшее пополнение источниковой базы, на наш взгляд, полностью подтвердило это предположение. Тем не менее залегание находок в песчаном грунте, а также общая дискуссионность возможности разделения мезолитических и раннеолитических комплексов между собой заставили нас взглянуть на выявленный материал с разных позиций.

Так, при анализе коллекции (2471 экз. изделий из камня, включая нуклеусы, орудия, а также все предметы без вторичной обработки) были учтены следующие факторы:

- а) типологические характеристики инвентаря;
- б) технологические приёмы изготовления артефактов;
- в) сырьевая база;
- г) стратиграфические особенности памятника;
- д) планиграфические наблюдения.

Остановимся на этом подробнее. Как уже отмечалось выше, типологические различия найденных кремнёвых изделий были отмечены ещё в 2007 г., на самой первой стадии изучения памятника. Часть изделий явно выделялась из общей массы находок. Среди них – конические, клиновидные и призматические нуклеусы, микрорезцы на углу заготовки, в том числе двойные, микропластины с ретушированными краями. Подобные изделия имеют широкие аналоги в мезолитических памятниках Волго-Окского бассейна и за его пределами [2–5]. Другая (и значительно большая) категория изделий характеризовалась присутствием грубых аморфных ядрищ, да и сами орудия не имели чётко выраженных форм. Практически все изделия имеют признаки одноразового использования и с точки зрения типологии могут быть условно названы «отщепами с ретушью».

Второй важной отличительной чертой названных групп каменных изделий являются технологические приёмы их изготовления. Для одной группы характерны сильно развитая отжимная технология получения пластин и микропластин путём утилизации «классических» нуклеусов конической, клиновидной и призматической форм, широкое применение резцовой техники, регулярное использование приотстригающей и притупляющей ретуши во вторичной обработке орудий. Изделия, относимые к другой группе, изготовлены на

грубых отщепах и аморфных осколках. Техника первичной обработки камня здесь ориентирована на утилизацию аморфных нуклеусов для получения отщепа. Изредка встречаются массивные пластины неправильной огранки, полученные с помощью жёсткого отбойника.

Безусловно, вышесказанное вовсе не является неоспоримым доказательством одновременности изготовления тех или иных предметов, поскольку зачастую даже в материалах «чистых» однослойных памятников присутствуют изделия, изготовленные с использованием различных технических приёмов и потому типологически отличающиеся друг от друга. В этой связи весьма важным фактором является сырьё, из которого созданы те или иные предметы. Изучение коллекции показало, что изделия, относимые нами к вышеозначенным группам, изготовлены из абсолютно разного сырья. Так, артефакты, рассматриваемые нами как мезолитические, сделаны из кремня высокого и среднего качества, с доминированием по цвету серого и бежевого, а также производных от них оттенков (серо-белого, серо-розового и т.д.). Меньшая часть вещей изготовлена из коричневого и красного кремня (красно-коричневого, серо-коричневого). Важно то, что в моренных отложениях на данной территории такого кремня нет, следовательно, это сырьё – приносное. Напротив, артефакты «неолитической группы» выполнены из низкокачественного кремня серо-жёлтого и пёстрого цветов, в изобилии встречающегося в окрестностях в виде желваков средних размеров или мелкой гальки. На наш взгляд, именно этим обстоятельством можно объяснить столь неэкономное расходование кремнёвого материала и наличие одноразовых орудий, о чём было сказано выше. Количественное сопоставление артефактов из названных видов сырья (как по годам раскопок, так и в совокупности) наглядно демонстрирует наличие определённых пиков его концентрации в толще культурного слоя. Явное доминирование серо-жёлтого и пёстрого кремня, с одной стороны, и серого и, в меньшей степени, бежевого, с другой, очевидно (рис. 2).

Теперь, на наш взгляд, следует обратиться к стратиграфическим особенностям памятника. Общая мощность напластований, содержащих археологический материал, составляет около 80 см. Анализ распределения находок по глубине залегания показывает, что максимальная концентрация изделий неолитического времени (так же как и керамики) приходится на верхние пласты и связана с литологическим слоем 3. Мезолитический инвентарь в основной своей массе залегает глубже, он приурочен к верхней части тёмно-жёлтого песка. Безусловно, особенности культурного слоя, прежде всего его рыхлость, привели к тому, что некоторая часть изделий неолитического времени просела в толщу литологического слоя 6 и, наоборот, какие-то ранние предметы оказались поднятыми наверх. Этому способствовала, с одной стороны, жизнедеятельность людей во время функционирования стоянки, а с другой – естественные процессы (рост деревьев, разрыхление грунта грызунами и насекомыми, выветривание, вымывание и т.д.). При этом обращает на себя внимание тот факт, что в переотложенном состоянии находились, главным образом, мелкие изделия, размеры которых не превышают 1–2 см, тогда как более крупные артефакты в основном залегали на изначальном уровне. Построенные нами диаграммы и графики распределения находок показывают, что общий пик концентрации материала приходится на глубину 20–30 см, притом, что неолитический слой наиболее выразительно представлен на глубине 10–20 см, а мезолитический пласт – на глубине 30–40 см (рис. 3). Исходя из этого, уровень в 20–30 см можно рассматривать как некую контактную зону, где условия для смешения разновременных материалов были наиболее оптимальными. По мере углубления раскопа количество изделий «неолитической группы» постоянно (и значительно!) уменьшается, тогда как «мезолитическая группа» сохраняет более устойчивое положение в процентном соотношении (следует учитывать, что с каждым новым пластом плотность находок значительно снижается).

И, наконец, необходимо рассмотреть планиграфическую ситуацию. Выявление всех вышеназванных особенностей, и прежде всего различий сырьевой базы, поставило вопрос о способах фиксации материала в процессе раскопок. Для получения более ясной картины было принято обозначать находки на плане разными цветами, в зависимости от того, из какого кремня они изготовлены. В дальнейшем сопоставление планов всех пластов раскопа показало, что основное количество предметов «мезолитической группы» залегало в центральной части памятника и было приурочено к самой вершине возвышенности, тогда как ранне-неолитические материалы тяготели к её южному склону, в сторону озера. С помощью подобного способа фиксации удалось локализовать примерные границы более ранней стоянки и установить, что разнов-

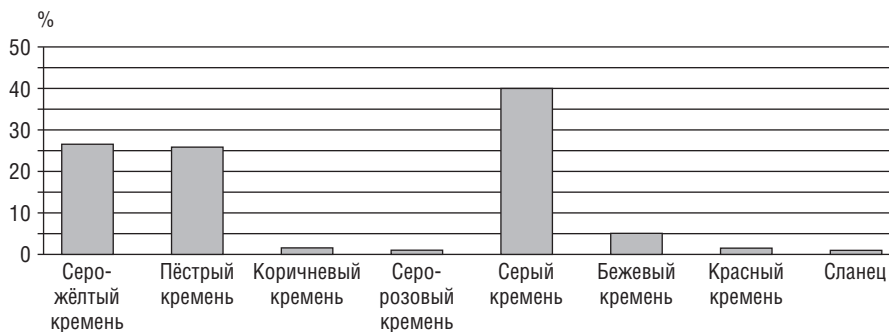

Рис. 2. Процентное соотношение изделий из различных видов каменного сырья на стоянке Ореховое 6

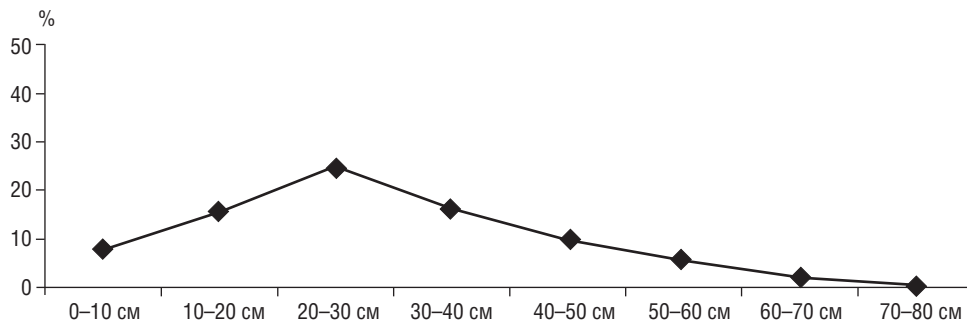

Рис. 3. Процентное соотношение количества находок по пластам на стоянке Ореховое 6

ременные поселения лишь частично «наложились» друг на друга (рис. 1). В пользу этого свидетельствует и тот факт, что максимальная концентрация материала была прослежена в раскопе 2008 г. (1453 экз. при площади раскопа 36 кв. м), когда раскапывалась центральная часть площадки поселения. Для сравнения отметим, что при большей площади раскопа 2009 г. (56 кв. м) в нём найдено лишь 842 предмета, преимущественно раннеолитического времени (в 2009 г. исследовался пологий южный склон возвышенности). Нельзя не отметить и ещё одно обстоятельство. В раскопах 2008–2009 гг. выявлено множество ям, возможно, хозяйственного предназначения. Они были зафиксированы на глубине в 10–20 см, реже 20–30 см. В заполнении ряда ям встречены многочисленные фрагменты неорнаментированной раннеолитической керамики и изделия из серо-жёлтого и пёстрого кремня. Лишь изредка в их засыпке встречались микропластинки и кремнёвые «чешуйки» из кремня серого, красного, коричневого или бежевого цветов. При этом в пространстве между объектами часто попадались достаточно крупные изделия, которые мы относим к «мезолитической группе». Эти вещи фиксировались в том числе и на глубине в 10–20 см, т.е. там, где на непо потревоженных участках слоя они практически не встречались. Вероятнее всего, указанные предметы были извлечены из грунта в процессе выкапывания ям и таким образом оказались в выше лежащих пластах. Логично заключить, что в период функционирования неолитического поселения данные артефакты уже залегали в грунте, что ещё раз свидетельствует об их более раннем возрасте.

Таким образом, по нашему мнению, всё вышеизложенное является убедительным подтверждением неоднородности культурного слоя памятника. По всей видимости, первая кратковременная стоянка возникает здесь в мезолите. Вторично данный участок был заселён в раннем неолите. Наличие хозяйственных объектов и существенное количество артефактов указывают на то, что на сей раз поселение функционировало в течение более долгого времени, однако его материалы не являются предметом рассмотрения данной статьи.

Что касается мезолитического комплекса, то к нему мы отнесли около 700 предметов, большая часть которых представлена микропластинками и отщепами без вторичной обработки (рис. 4:1–72).

Нуклеусы найдены в количестве семи. Из них пять – конические от микропластин (рис. 5:18, 20; 6:6, 9, 10), один – клиновидный от микропластин (рис. 5:16) и один – одноплощадочный призматический от пластины и отщепов (рис. 5:23). Все изделия сильно сработаны, площадки подправлены поперечными сколами.

Среди орудий со вторичной обработкой доминируют резцы и микрорезцы на углу заготовки (пластины и микропластины), в том числе двойные. Они представлены выразительной серией (рис. 5:1–6, 12, 14). Встречены угловой резец на отщепе, кромка – средней ширины (рис. 5:7); срединный резец со смещением на отщепе (рис. 5:8); резец с узкой (2 мм) кромкой на обломке массивной пластины (рис. 5:9).

Скребки по количеству существенно уступают резцам. Среди них три концевых изделия на отщепах (рис. 5:29, 30; 6:2), в двух случаях лезвие имеет дугообразную форму, в одном – прямую (орудие сильно сработано, видны «заломы»), один скребок на пластине, изготовленной из полупрозрачного серого кремня, представлен обломком дугообразного лезвия (рис. 5:10), ещё одно орудие – подо круглой формы (рис. 5:28). Остальные скребки – аморфные на отщепах (рис. 5:17, 24) и пластине (5:26).

Двумя экземплярами представлены проколки (рис. 5:11, 21). Обе изготовлены на пластинах, имеют выделенный кончик.

Найдены два острия (?) на массивных продолговатых отщепах с обработанными полукруглой дорсальной ретушью концами (рис. 5:13, 25).

Комбинированные орудия обнаружены в количестве трёх экземпляров, все на отщепах. Первое изделия представлено вариантом скобель-проколка (рис. 5:22). Два других – скребки-проколки (рис. 6:3, 11).

Весьма своеобразны ещё два изделия. Первое представляет собой концевой скребок со скошенным лезвием, изготовленный на обломке массивного наконечника стрелы (?) (рис. 6:5). Насад изделия и один его край оформлены полукруглой вентральной ретушью. Противоположный край подправлен при помощи приостряющей дорсальной ретуши. Второй артефакт, по-видимому, является наконечником копья или дротика (рис. 6:7). Он имеет асимметричную форму, перо обработано полукруглой дорсальной ретушью по скошенному краю. Кроме того, с помощью отдельных сколов и мельчайшей дорсальной ретуши слегка подправлен его противоположный край. Насад, имеющий уплощённую форму, слегка подправлен мелкими сколами.

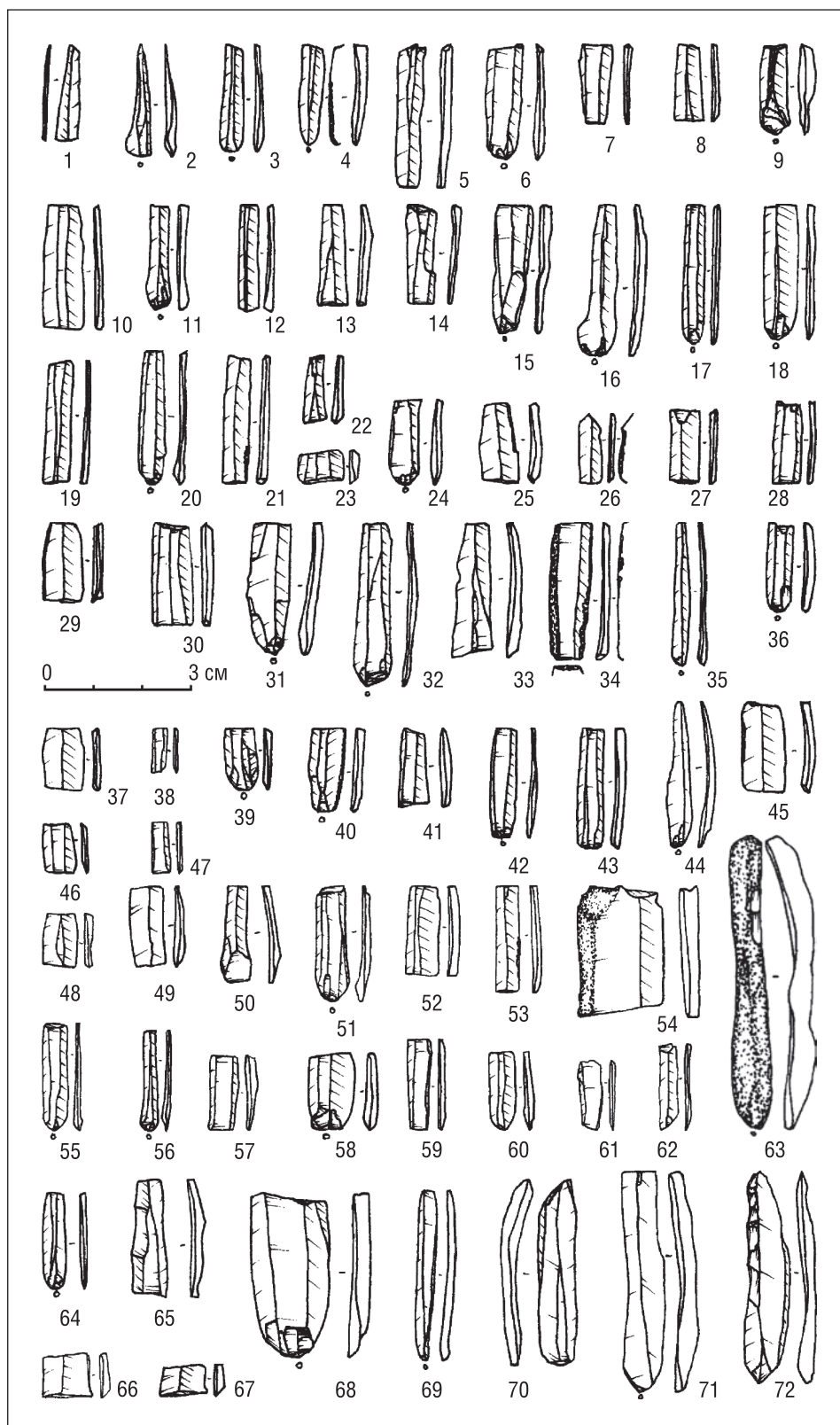

Рис. 4. Стоянка Ореховое 6. Мезолитический комплекс. Пластины и микропластины. Кремь (рис. А.В. Авериной)

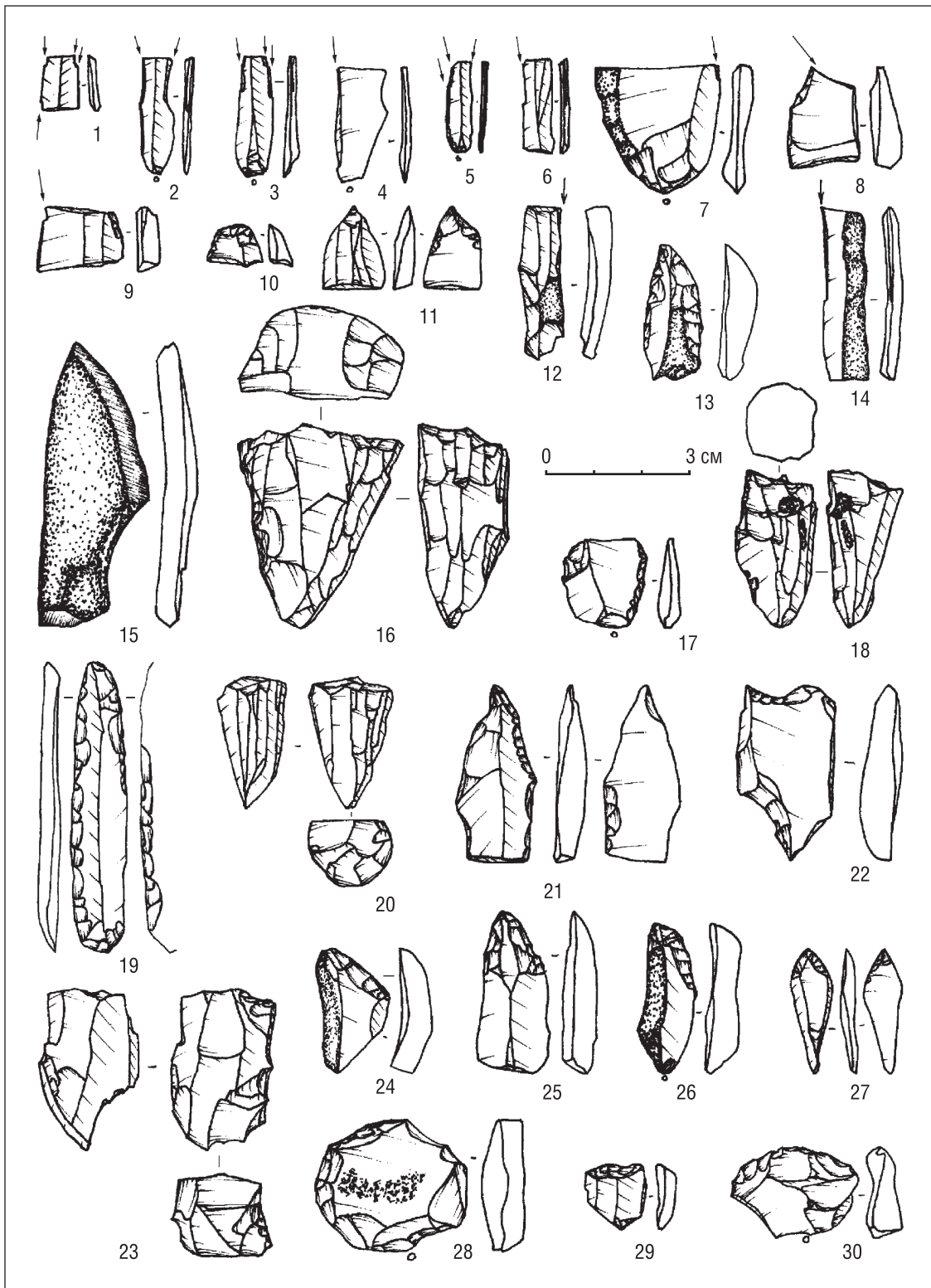

Рис. 5. Стоянка Ореховое 6. Мезолитический комплекс:

1–9, 12, 14 – резцы; 10, 17, 24, 26, 28–30 – скребки; 11, 21 – проколки; 13, 25 – остря; 15, 19 – изделия неясного назначения; 16, 18, 20, 23 – нуклеусы; 22 – комбинированное орудие (скобель-проколка); 27 – наконечник стрелы.
1–14, 16–30 – кремний; 15 – сланец (рис. А.В. Авериной)

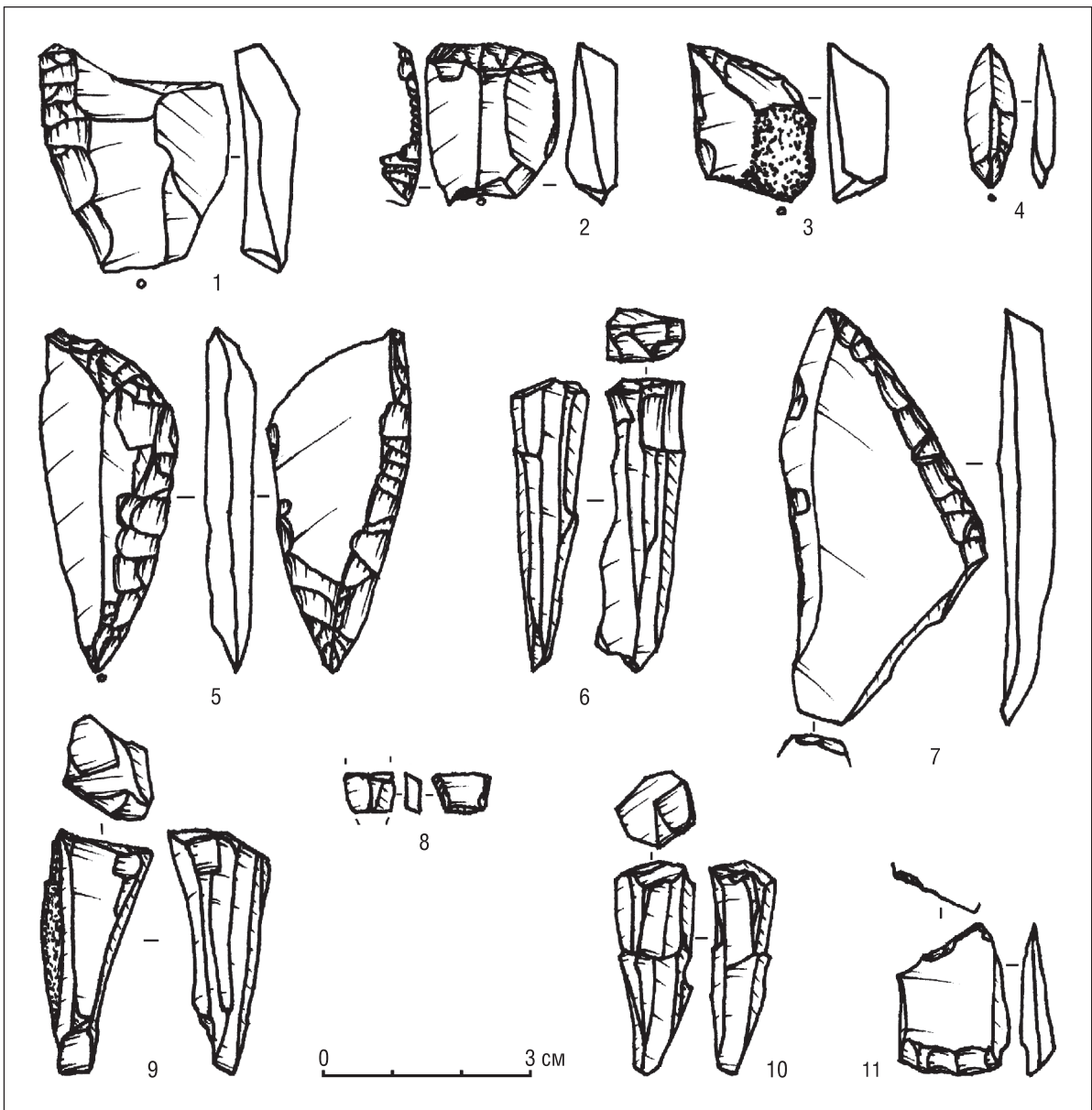

Рис. 6. Стоянка Ореховое 6. Мезолитический комплекс:

1 – обломок неопределимого орудия; 2 – скребок; 3, 11 – комбинированные орудия (скребок-проколка);
 4 – заготовка наконечника стрелы; 5 – скребок на обломке наконечника; 6, 9, 10 – нуклеусы; 7 – наконечник дротика (?);
 8 – обломок черешка наконечника стрелы (?). Кремь (рис. А.В. Авериной)

Интерес представляет миниатюрный наконечник стрелы на пластине неправильной огранки (рис. 5:27). Его остриё обработано пологой приостряющей ретушью с дорсальной и вентральной сторон. Насад не обработан. Также встречена заготовка миниатюрного наконечника стрелы иволистной формы (рис. 6:4), на насаде которого присутствуют еле заметные следы начальной подправки. В качестве обломка черешка наконечника, вероятно, можно рассматривать фрагмент пластины с обработанными полукруглой ретушью краями (рис. 6:8).

Кроме того, в коллекции присутствуют три изделия неясного назначения. Первое представлено обломком сланцевого диска (?) с пришлифовкой по скошенному краю (рис. 5:15). Второй артефакт – пластина со скруглёнными концом и основанием, края оформлены приостряющей противоположающей ретушью (рис. 5:19). Третий предмет (обломок) изготовлен на массивном отщепе, имеет подправленный приостряющей дорсальной ретушью край (рис. 6:1).

Все вышеназванные изделия соответствуют как минимум трём из обозначенных в начале статьи критериям и, на наш взгляд, могут быть объединены в единый мезолитический комплекс.

Следует отметить, что при таком незначительном числе изделий со вторичной обработкой, отнесённых к мезолиту, в раскопе найдено сравнительно много нуклеусов, пластин и микропластин без обработки и огромное количество отходов производства, прежде всего отщепов. Вероятно, это указывает на существование здесь в мезолитическую эпоху кратковременной стоянки, где охотники, имевшие при себе запас кремня, занимались изготовлением и ремонтом вооружения и иных орудий.

К сожалению, полученный материал не позволяет говорить о культурной принадлежности памятника, однако специфика сырья, из которого сделаны артефакты, вероятно, может указывать на то, что оставившие их люди пришли издалека и эти места не были им хорошо знакомы. По крайней мере изучение других мезолитических стоянок региона показывает, что начиная с конца пребореального периода жившее здесь население уже полностью адаптировалось к местной сырьевой базе [6] и у него больше не было необходимости переносить кремень на дальние расстояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверина А.В., Аверин В.А.* Результаты археологической разведки на территории Клязьминского заказника // Материалы областной краеведческой конференции. Т. 2. Владимир, 2007.
2. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
3. *Кольцов Л.В.* Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
4. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
5. *Сорокин А.Н.* Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М., 2006.
6. *Аверин В.А.* Мезолит Волго-Клязьминского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

*Ивановский государственный
химико-технологический университет,
Иваново*

*Департамент культуры
и культурного наследия Ивановской области,
Иваново*

V.A. Averin, A.V. Averina

THE MESOLITHIC COMPLEX OF THE DWELLING SITE OREKHOVOE 6 IN YUZHISKY DISTRICT OF IVANOV REGION

Summary

The article deals with the flint inventory from the excavations of Orekhovoe 6 in Yuzhsky District of Ivanovo Region. The Mesolithic complex was put into a separate group on the basis of the typological analysis of the whole collection. The typological data are supplemented with the special features of raw material and production techniques, as well as stratigraphical and planigraphical surveys. The detailed description of the Mesolithic complex is given. The set of tools indicates that it is most likely to be the remains of a short-time hunter's site. The received material doesn't make it possible to identify the cultural origin of the complex.

*Ivanovo State Chemical-Technological University,
7, F. Engelsa Ave.,
Ivanovo, 153000, Russia*

E-mail: vad-averin@yandex.ru

*The Department of Culture and Cultural Heritage of Ivanovo Region,
8, Velizhskaya St.,
Ivanovo, 153022, Russia*

E-mail: iv-ae@yandex.ru

А.В. Вискалин

ВРЕМЯ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА МЕЗОЛИТ – НЕОЛИТ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ

Спорово-пыльцевые анализы культурных отложений мезолита показывают, что в бореальный период большая часть Среднего Поволжья и Приуралья была покрыта сосново-берёзовыми и еловыми лесами. По данным Л.С. Тузовой, на территории Марийского Поволжья в нижнем мезолитическом слое II Русско-Луговского поселения пыльца сосны составила 59 %, ели – 9 %, мхов – 16,4 %, папоротника – 4 % и травянистых растений – 16,6 %. Следовательно, формирование культурного слоя этого поселения происходило в условиях безраздельного господства лесной растительности таёжного типа [1, с. 19, 20]. Похожая ситуация в бореальный период отмечается исследователями и для Верхнего Поволжья [2, с. 28], находящегося в сходных ландшафтно-климатических условиях.

Зона лесов не ограничивалась северными районами Среднего Поволжья и Приуралья, простираясь значительно южнее. Так, Г.М. Левковская на Ивановской стоянке, расположенной в восточной части региона, в слое, подстилающем неолитический, в составе спектров отметила преобладание пыльцы древесных растений (от 67 до 90 %) при резком доминировании сосны и ели [3, с. 174]. Значительные массивы леса в это время сохраняются не только на Средней Волге, но и южнее, в степной зоне, вблизи рек и озёр. В результате комплексных исследований Ю.А. Лаврушина, Е.А. Спиридоновой и Л.Д. Сулержицкого в аридных районах Северного Прикаспия в отложениях бореального периода было обнаружено большое количество пыльцы древесных пород (26,8 %), включая берёзу (55,9 %), сосну, дуб, ольху, вяз и лещину (от 15 до 9 %) [4, с. 44, 45].

Распространение на большей части современного лесостепного Поволжья и Приуралья в бореальный период хвойных и смешанных лесов косвенно подтверждают и данные археологии. Обитавшее здесь население романовской, ильмурзинской и камской мезолитических культур оставило немногочисленные памятники с развитой микропластинчатой индустрией, отличительной чертой которой является почти полное отсутствие геометрических микролитов, черешковых наконечников стрел и шлифованных рубящих орудий. Появление этого населения происходит не позже пребореального периода, что устанавливается 2 радиоуглеродными датами по костному веществу из погребений поселения-могильника Гора Маяк (10030±50 л.н.; 9708±60 л.н.), каменный инвентарь которого имеет также микропластинчатый характер [5, с. 126–139]. То же население продолжает занимать Приуралье до конца бореального периода, о чём свидетельствуют материалы Старо-Токской мезолитической стоянки [6, с. 28–40]. Стоянка располагалась на берегу р. Ток буквально у самого уреза воды. Её маломощный культурный слой содержит несколько скоплений микропластинчатого кремнёвого инвентаря и костей, образовавшихся на месте наземного жилища. Столь низкое гипсометрическое положение стоянки возможно только при низких половодьях реки, что, по мнению Ю.А. Лаврушина и Е.А. Спиридоновой, предполагает существование сухого и прохладного климата [7, с. 190–191], наступившего в конце бореального периода [8, с. 162]. Позднебореальный возраст стоянки подтверждают и палинологические образцы из культурного слоя, демонстрирующие безраздельное господство пыльцы травяно-кустарниковых сообществ и минимальное присутствие древесных [3, с. 173].

В бореальный период родственное мезолитическое население, по мнению обстоятельно изучившего памятники мезолитического периода Среднего Поволжья А.А. Ластовского, проживало не только в пределах современной лесостепи на территории современных Ульяновской, Самарской и Оренбургской областей, но и значительно севернее – на Нижней Каме и Вятке, а также восточнее – в Зауралье [9, с. 100, 101], где и по сей день сохраняются обширные таёжные массивы. На это время указывают немногочисленные радиоуглеродные даты стоянок Баринка II (8265±130 л.н.) и Мукшумская XVIII (8240±220 л.н.).

В условиях господства лесной растительности хозяйство мезолитического населения было ориентировано преимущественно на охоту, о чём позволяют говорить микропластинчатый кремень, использовавшийся для оснащения вкладышевых орудий, единичность и морфологическая “незрелость” рубящих орудий, лишённых шлифовки, кратковременный характер поселений, имеющих тонкий культурный слой, отсутствие на большинстве поселений углублённых в землю долговременных жилищ. Культурное родство позднеме-

золитического населения Приуралья предполагает существование сходного хозяйства и косвенно свидетельствует о распространении на всей этой территории однотипного лесного ландшафта.

В конце бореального периода умеренно прохладный и влажный климат, способствующий произрастанию лесов, сменяется холодным и засушливым [10, с. 30], что приводит к постепенной деградации лесного ландшафта на юге современной волго-уральской лесостепи и замене его степным. Начавшиеся иссушение ландшафта и распространение степной растительности, как уже говорилось ранее, отмечены соответствующим палинологическим спектром в образцах из отложений Старо-Токской мезолитической стоянки. Смену лесных ландшафтов на степные удалось зафиксировать Г.М. Левковской и в образцах пыльцы из основания неолитического слоя Ивановской стоянки [3, с. 174].

Происходящая ландшафтная перестройка не обходит стороной мезолитическое население, вызывая кризис охотничьего хозяйства. Видимо, это обстоятельство вынуждает местные племена покинуть южные районы современной лесостепи и отойти севернее – на Каму и Вятку, где они продолжают жить и в первой половине атлантического периода, на что указывают, возможно несколько омоложенные, даты стоянок Баринка I (7435±170 л.н.) и Моторки II (7430±80 л.н.).

Об отходе местного населения на север косвенно свидетельствует и появление в пределах современной лесостепи немногочисленных групп степного населения, присутствие которого до недавнего времени не признавалось специалистами [11, с. 28, 29]. Однако за прошедшие два десятилетия взгляды на этот вопрос заметно изменились, чему способствовало обнаружение небольшого, но показательного мезолитического комплекса Нижняя Сызрань, содержащего кремнёвый инвентарь степного облика [9, с. 100, 101]. Примесь «степного» мезолитического кремня была выделена автором данной работы и на ряде многослойных памятников лесостепного Поволжья и Приуралья (Виловатовская, Ивановская, Елшанка X) в ходе их источниковедческого анализа. Она включает низкие симметричные и «рогатые» с выемкой по верхнему основанию трапеции, треугольники, сегменты, прямоугольники, острия на пластинах со скошенным ретушью концом, пластины с выемкой на конце, широкие пластины с плоской ретушью на брюшке и т.д., имеющие широкие аналогии в жекалгановской и истайской группах сероглазовской культуры Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. О продвижении степного мезолитического населения на Среднюю Волгу позволяет говорить присутствие названных выше изделий, выполняющих роль своеобразных культурно-временных маркёров, на промежуточной территории Саратовского Поволжья [12, с. 88, 89].

Отдельные группы степного населения по долинам Волги и Камы проникают в лесные районы Волго-Камья, достигая Марийско-Чувашского Поволжья и бассейна р. Вятки. Как и в Самарском Поволжье, здесь удаётся обнаружить сходный комплекс «степного» кремня. При этом следует учитывать, что более ранние опорные мезолитические памятники лесостепного Поволжья и Приуралья (Старо-Токская, Татарско-Азбейская IV, Баринка II, Тархан II, Мукшумские XIV, XVIII, Русско-Луговская II, Дубовские XI, XIII, XXIII, Ясачная I, Мольбище I, Зелёный остров, Нижняя Стрелка I, Бишевская V, Алан-Бексерская, Кабы-Копрынская, Ховринская и т.д.) не содержат такого рода изделий. К сожалению, финально-мезолитические комплексы Марийско-Чувашского Поволжья со степными элементами не имеют радиоуглеродных дат. Однако их возраст может быть ориентировочно установлен по появлению сходных элементов на территории соседнего Прикамья, где, как уже говорилось ранее, имеются даты с поселений Баринка I и Моторки II, «лежащие» в первую половину атлантического периода.

Движение степного населения затрагивает, видимо, не только Поволжье, но и соседние с ним регионы. А.Т. Синюк отмечает появление на Среднем Дону в самом конце мезолита новых групп населения, принёсшего с собой среднеазиатские традиции изготовления каменных орудий [13, с. 194]. В Мордовии и Среднем Зауралье также найдены косые и ланцетовидные острия, в том числе с вогнутой площадкой, проколки с боковым жалом, трапеции [14, с. 130, 131; 15, рис. 64: 5]. Насколько позволяют судить материалы раннемезолитической стоянки Евстюниха III, степные элементы изначально не были характерны для Зауралья [14, с. 72].

Одной из наиболее вероятных причин отмеченного движения степного населения на север явилась гипераридизация Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, где в конце бореального периода на смену хорошо увлажняемому и благоприятному для жизни животных и человека степным и лесостепным ландшафтам приходит холодная пустыня. Почва бореального периода, содержащая культурные отложения мезолита, повсеместно перекрывается эоловыми наносами, свидетельствующими о развитии дефляции и опустынивании местности [12, с. 97].

Здесь уместно отметить, что не все исследователи начало гипераридизации североприкаспийской области датируют концом бореального периода. По результатам комплексных исследований эволюции природной обстановки аридных районов юго-востока Европейской России Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова и Л.Д. Сулержицкий наступление гипераридизации по времени связали с началом атлантического периода – около 8000 л.н. Начало гипераридизации этими исследователями фиксируется по развитию эоловых процессов и дефляции мезолитических почв. Окончание – по прекращению дефляции и возобновлению процесса дёрнообразования около 7000 л.н. Верхний рубеж гипераридизации установлен по радиоуглеродной дате неолитического поселения Каиршак III (6950±190 л.н.), связанного с почвенным слоем, перекрывающим эоловые отложения гипераридного периода [4, с. 46–51].

Однако получение в последнее время 15 новых радиоуглеродных дат со стоянок Каиршак I, III, IV, Кугат IV и Буровая с прочерченно-накольчатой керамикой позволяет по-новому взглянуть на процесс заселения североприкаспийской области в неолите. Все эти даты достаточно равномерно распределены между 8000 и 7000 л.н., создавая разброс в 1000 лет [16, с. 239].

Анализ радиоуглеродных дат комплексов с прочерченно-накольчатой керамикой каиршакского типа показывает, что в 1-ю пол. VI тыс. до н.э. “уходят” только даты по керамике, а даты по кости и углю укладываются в кон. VI – нач. V тыс. до н.э. Примечательно, что к этому же времени относятся и комплексы со сходной прочерченно-накольчатой керамикой по всей степной полосе Восточной Европы и Западной Сибири: третий слой Варфоломеевки [17, с. 146], нижний слой Джангара [18, с. 249–252], 15–12 слои Ракушечного Яра [19, с. 17], ранние этапы сурской и буго-днестровской культур [20, с. 96, 103], памятники сумпаньинского типа Западной Сибири [21, с. 85]. Всё это даёт основание доверять не ранним, а поздним датам, указывающим на 2-ю пол. VI – нач. V тыс. до н.э. как на наиболее вероятное время формирования раннего неолита в севернопикаспийской области.

Причина отклонения “вглубь” и разброс дат по керамике требует специального исследования, но можно предположить, что в этом “повинен” сам керамический материал. Изучение формовочной массы и технологии изготовления неолитических сосудов показало, что они лепились из донных илов. Но ни одно исследование не может установить источник забора илесто-глинистой массы, используемой для изготовления неолитической посуды. Не исключено, что добыча илов осуществлялась не со дна существующих водоёмов, а из береговых обнажений, что представляется более «технологичным». Только в этом случае удастся контролировать качество добываемого илестого вещества. Если высказанное предположение верно, то удревание и разброс дат по времени для образцов из керамики – явление неизбежное.

Но дело даже не в том, какие из дат являются более точными: ранние или поздние. А в том, что и те, и другие однозначно указывают на заселение севернопикаспийской области в самый разгар гипераридизации климата и развития здесь пустыни, что противоречит всякому здравому смыслу. Лично мне представляется, что выделяемый уважаемыми исследователями период гипераридизации по времени не совпадает с началом атлантика, а предшествует ему, приходясь на самый конец бореала, когда на значительной части Северной Евразии устанавливается холодный и засушливый климат. Именно с концом бореального периода, а не первой половиной атлантического следует связать упомянутые процессы дефляции мезолитической почвы, вызвавшие отход мезолитического населения из зоны экологической катастрофы. В начале же атлантического периода в степной зоне Северной Евразии, по наблюдениям Н.А. Хотинского [22, с. 13] и Э.Д. Мамедова [23, с. 170–175], происходят не повышение температуры и аридизация климата, а, наоборот, некоторое снижение температуры и увеличение влажности, приводящие к улучшению климатической обстановки. Вследствие чего прекращается дефляция и возобновляется процесс почвообразования, способствующий превращению безжизненной пустыни в злаковые степи [24, с. 73]. Оптимизация климата и улучшение природных условий обуславливают начало очередного этапа заселения Северного Прикаспия, но уже неолитическими коллективами.

Поселения начальной поры раннего неолита, выделенные А.Е. Мамоновым в ранне-неолитическую елшанскую культуру [25, с. 17], обнаружены на территории Самарской, Оренбургской, Ульяновской областей. Наиболее ранние из них занимают юг современной волго-уральской лесостепи и не продвигаются на север дальше р. Сок (Ивановка, Чекалино IV, Нижняя Орлянка II). Обращает внимание тяготение ранне-неолитических поселений к открытым, остепнённым пространствам и небольшим речкам.

Время появления первых неолитических сообществ на территории волго-уральской лесостепи устанавливается 10 радиоуглеродными датами, полученными по образцам раковин речных моллюсков, кости и керамике из ранне-неолитических слоёв со стоянок Ивановская (8020±90 л.н. – кость, 7930±90 л.н. – керамика, 7780±90 л.н. – керамика, 7680±90 л.н. – керамика), Елшанка X (Усть-Ташёлка) (7810±190 л.н. – керамика, 7680±190 л.н. – керамика) и Чекалино IV (7950±130 л.н. – раковина, 8000±120 л.н. – раковина, 8050±120 л.н. – раковина, 7940±140 л.н. – раковина). Все эти даты компактно укладываются в 1-ю пол. VI тыс. до н.э. В сер. и даже 1-ю пол. VII тыс. до н.э. “проваливаются” лишь 3 даты, полученные по образцам раковин из слоя стоянки Чекалино IV. Ненадёжными «старшие» даты делает не только возможный бассейновый эффект, но и уже высказанное мною ранее опасение того, что характер раковинных скоплений стоянки Чекалино IV – естественный [26, с. 260, 261]. Резонные сомнения вызывает и группа «младших» дат со стоянок Чекалино IV (5890±80 л.н. – керамика, 6030±100 л.н. – почва, 5840±80 л.н. – керамика, 5910±90 л.н. – почва), Нижняя Орлянка II (5630±80 л.н. – керамика, 5720±80 л.н. – керамика), Старая Елшанка II (6820±80 л.н. – керамика, 6760±80 л.н. – керамика, 6480±80 л.н. – керамика), полученных в последние годы в Киевской радиоуглеродной лаборатории по почвенной органике, раковине и костям¹. Часть из этих дат “ложится” в V, а часть – даже в IV тыс. до н.э.

Столь кардинальное омоложение ранне-неолитических древностей волго-уральской лесостепи не находит рационального объяснения и приходит в явное противоречие со всей совокупностью накопленных данных. Керамика и кремьень этих комплексов обладают архаичным обликом и полностью лишены развитых признаков, свидетельствующих о контакте с племенами с накольчатой и гребенчатой керамикой развитого и позднего неолита, либо с носителями самарской и хвалынской энеолитических культур, заселяющими в это время Среднее Поволжье. Отсутствуют и стратиграфические доказательства молодости елшанских материалов, залегание которых неоднократно отмечалось в основании культурных горизонтов ниже уровня накольчатой и гребенчатой керамики [27, с. 17; 28, с. 3–5]. Причина появления комплекса «молодых» дат не вполне ясна и требует дальнейшего изучения.

При установлении хронологии елшанских древностей следует учитывать и то обстоятельство, что подавляющее большинство дат получено по речным раковинам из слоя и керамике, которая, по мнению И.Н. Ва-

¹ Автор выражает искреннюю благодарность А.А. Выборнову, предоставившему неопубликованные данные по спорным датам.

сильевой, изготовлена из илистой глины водного происхождения [29, с. 434–436]. Формовочная масса такой керамики помимо глинистого вещества и песка содержит некоторое количество органики и раковинного материала, возраст которого может быть значительно древнее времени изготовления самой керамики. Технически высчитать величину поправки сегодня едва ли возможно. Но некоторые указания для этого можно получить из анализа ландшафтно-климатической и культурной обстановки на территории Северного Прикаспия.

Несмотря на большое количество мезолитических и неолитических объектов на территории Северного Прикаспия, чему в немалой степени способствовало разрушение культурных отложений эоловыми процессами, здесь по сей день не выявлено ни одного неоспоримого свидетельства присутствия остродонной елшанской керамики. Данное обстоятельство требует объяснения, учитывая прямое соседство севернопикаспийской области с донской, средневожской, восточноприкаспийской и приаральской областями, где выявлены сходные комплексы с остродонной глиняной посудой. Единственным разумным объяснением отмеченного феномена является экология, свидетельствующая о непригодности в это время территории Северного Прикаспия для обитания людей. Поскольку агрессивная климатическая обстановка здесь возникает в конце бореального периода и сохраняется, возможно, в начальную фазу атлантического периода, то появление в лесостепных районах Поволжья и Приуралья наиболее ранней остродонной елшанской керамики должно датироваться не раньше отмеченного временного отрезка.

Можно предположить, что импульс, приведший к распространению в Северной Евразии однотипной остродонной керамики и образованию елшанской культуры, обходит аридные районы Северного Прикаспия севернее – по степной и лесостепной полосам. Возможно, этому способствовало и заселение севернопикаспийской области носителями каиршакской неолитической культуры после превращения холодной пустыни в злаковую степь в конце VI тыс. до н.э.

Таким образом, анализ имеющихся радиоуглеродных дат и косвенных свидетельств указывает на то, что появление елшанской керамики на Средней Волге вполне могло произойти уже в первой половине атлантического периода, но едва ли раньше 2-й пол. VI тыс. до н.э.

По данным Н.А. Хотинского, с наступлением атлантического периода в европейской части России севернее 50–55 широт, в отличие от более южных районов, происходит неуклонное повышение среднегодовой температуры, сопровождающееся увеличением влажности климата [22, с. 13]. Результатом климатических изменений становятся масштабная ландшафтная перестройка и смещение ландшафтно-климатических границ в северном направлении. Наиболее заметные подвижки наблюдаются на севере Русской равнины, где граница лес–тундра передвигается севернее на 200–400 км [8, с. 162]. В средней полосе России изменения не столь кардинальны. Здесь на смену господствовавшим ранее сосново-берёзовым лесам повсеместно приходят широколиственные леса [8, с. 162]. Сочетание благоприятного температурного и влажностного режимов приводит к расширению границ и лесостепи, причём не только в северном, но и в южном направлении [30, с. 255–257].

На территории современного лесостепного Поволжья и Приуралья в начале атлантического периода исследователи также отмечают ландшафтно-климатические изменения. По данным Л.С. Тузовой, в северной части Среднего Поволжья на II Русско-Луговском поселении нижний мезолитический слой, сформировавшийся в бореальный период, перекрывается верхним мезолитическим слоем, спорово-пыльцевой спектр которого указывает на распространение широколиственных лесов, что соответствует климатическим условиям атлантического периода [1, с. 23].

На более южных территориях лесостепного Поволжья и Приуралья по образцам из основания неолитического слоя Ивановской стоянки Г.М. Левковская отмечает развитие степных ландшафтов с преобладанием травяно-кустарниковых сообществ [3, с. 174]. Сходные выводы делают в совместной работе Е.А. Спиридонова и Ю.А. Лаврушин, допуская смену лесных на степные биоценозы уже в конце бореального периода [7, с. 191]. Данная позиция сохраняется и в более поздней работе Е.А. Спиридоновой, опубликованной в другом составе соавторов [31, с. 25].

Однако оценка природных условий на территории обитания елшанского населения как исключительно степных представляется не вполне доказанной. Сомнения в её верности вызывают следующие обстоятельства. Во-первых, вычленив раннеолитический горизонт в толще песчаных культурных отложений многослойных стоянок практически невозможно из-за сильной механической смешанности слоёв. В этом вопросе нельзя не согласиться с А.Н. Сорокиным, считая, что получаемый в таких условиях спорово-пыльцевой спектр является суммированным и не отражает реальной ситуации [15, с. 124–127]. В случае с палинологическим анализом Ивановского поселения пыльцевой спектр степного облика был получен с контакта культурного слоя и подстилающих отложений и, следовательно, вполне мог вобрать в себя пыльцу из отложений конца бореального периода. Во-вторых, данные о степном природном окружении елшанских племён начала атлантического периода противоречат приведённым выше сведениям о расширении границ лесостепной зоны в северном и южном направлениях. Исходя из этого, можно предположить, что на территории лесостепного Поволжья и Приуралья в начальный этап атлантического периода устанавливаются сходные с современными лесостепные ландшафты, характеризующиеся наличием открытых участков и лесных массивов из сосны, берёзы, ольхи, а на богатых почвах по долинам рек – дуба и вяза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 1)

2. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
3. Левковская Г.М. Заключение по результатам споро-пыльцевого анализа образцов из разрезов Ивановского микрорегиона на р. Ток // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Приложение 1. Оренбург, 1995.
4. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
5. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье / Л.В. Кузнецова, А.А. Ластовский, Д.А. Сташенков, А.А. Хохлов // РА. 2004. № 1.
6. Моргунова Н.Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.
7. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита – бронзы в бассейне р. Самара // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Приложение 2. Оренбург, 1995.
8. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
9. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
10. Климанов В.А. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989.
11. Ластовский А.А. Проблемы изучения средневожского мезолита // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
12. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
13. Синюк А.Т. О связях населения лесостепного Дона, Поволжья и Прикаспия в мезолите – бронзовом веке // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
14. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
15. Сорокин А.Н. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М., 2006.
16. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
17. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
18. Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.
19. Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003.
20. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
21. Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
22. Хотинский Н.А. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989.
23. Мамедов Э.Д. Изменение климата среднеазиатских пустынь в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1985.
24. Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменения климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989.
25. Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
26. Вискалин А.В. К вопросу о датировке раннеолитической керамики елшанского типа // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1. Тверь, 2006.
27. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
28. Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
29. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
30. Климанов В.А. Климат Восточной Европы в климатическом оптимуме голоцена (по данным палинологии) // Развитие природы территории СССР. М., 1982.
31. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита – энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.

*Ульяновский государственный университет,
Ульяновск*

A.V. Viskalin

TIME AND ENVIRONMENTAL CONDITIONS OF THE TRANSITION FROM THE MESOLITHIC TO THE NEOLITHIC IN THE FOREST-STEPPE OF THE VOLGA REGION AND CISURALIAN AREA

Summary

Analysis of the landscape, climate and ethno-cultural situation in the Volga-Urals forest-steppe at the turn of the Late Mesolithic – the Neolithic shows that the appearance of the first groups of Early Neolithic population occurs in the first half of the Atlantic period, which has caused a massive restructuring of the landscape and climate within the whole territory of Eastern Europe. Early Neolithic population of the Yelshanskaya culture develops open spaces in the southern regions of the Middle Volga and Urals regions, avoiding the forest landscape occupied by the local Late Mesolithic tribes. This event was preceded by the positive progress of the Late Mesolithic population and its retreat to the north, connected with the cooling in the last third of the Boreal period.

*Ulyanovsk State University,
Ap. 59, 83, 12 Sentyabrya St.,
Ulyanovsk, 432017, Russia
E-mail: alvisk@mail.ru*

**Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий,
А.Ю. Березин**

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВЬЮНОВО ОЗЕРО I В СРЕДНЕМ ПОСУРЬЕ

Исследованиями последних лет совместной археологической экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук, Института археологии РАН, Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара), Пензенского государственного педагогического университета, Ульяновского государственного университета на территории Среднего Присурья изучен Утюжский микрорайон с памятниками мезолита – энеолита [1; 2; 3]. Стоянка Вьюново озеро I, относящаяся к этому комплексу, – это редкий объект, позволивший впервые для елшанской культуры проследить остатки жилого сооружения с керамическим и кремнёвым инвентарём без примеси инокультурных артефактов.

Памятник расположен на северо-восточной оконечности старичного озера Вьюново, на краю I надпойменной террасы правобережья Суры, в 8 км юго-юго-восточнее г. Алатырь Чувашской Республики (рис. 1, 2). Открыт в 2006 г. в ходе проведения археологической разведки. В 2006–2007 гг. на нём была проведена шурфовка, а в 2010 г. заложен раскоп общей площадью 132 кв. м. Поверхность стоянки открытая, задернованная, верхние слои были повреждены распашкой, которая осуществлялась здесь в 1970-е годы. Раскопом выявлена общая стратиграфия:

1. Дёрн и поддёрновый слой – 5–8 см.
2. Тёмно-серый гумусированный слой супесчаной почвы – 15–20 см.
3. Серовато-бурый углистый песок – 12–15 см.
4. Тёмно-серый плотный углистый песок – 20–35 см.
5. Светлый рыхлый песок (материк).

Следует отметить, что памятник является многослойным и в верхних горизонтах, в слоях 3 и 4, были обнаружены фрагменты керамики льяловской и срубной культур. Однако в юго-западной части раскопа нам удалось зафиксировать раннеолитический слой, не затронутый поздними перекопами, связанный с тёмно-серым углистым песком. Раскопками выявлены следы

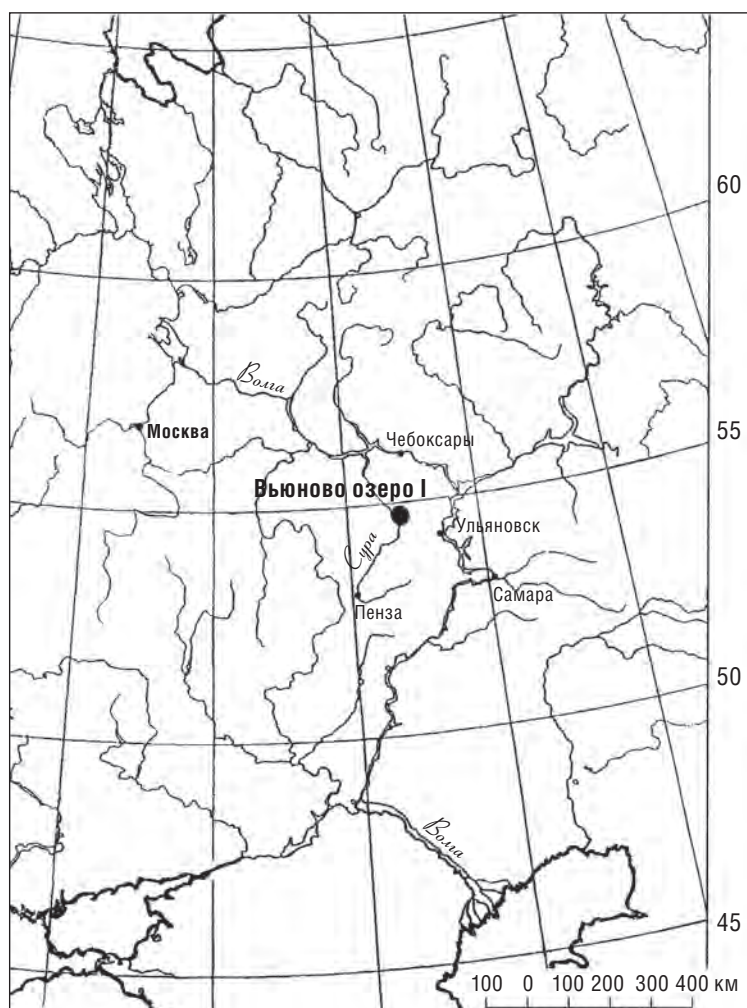

Рис. 1. Стоянка Вьюново озеро I.
Местоположение памятника

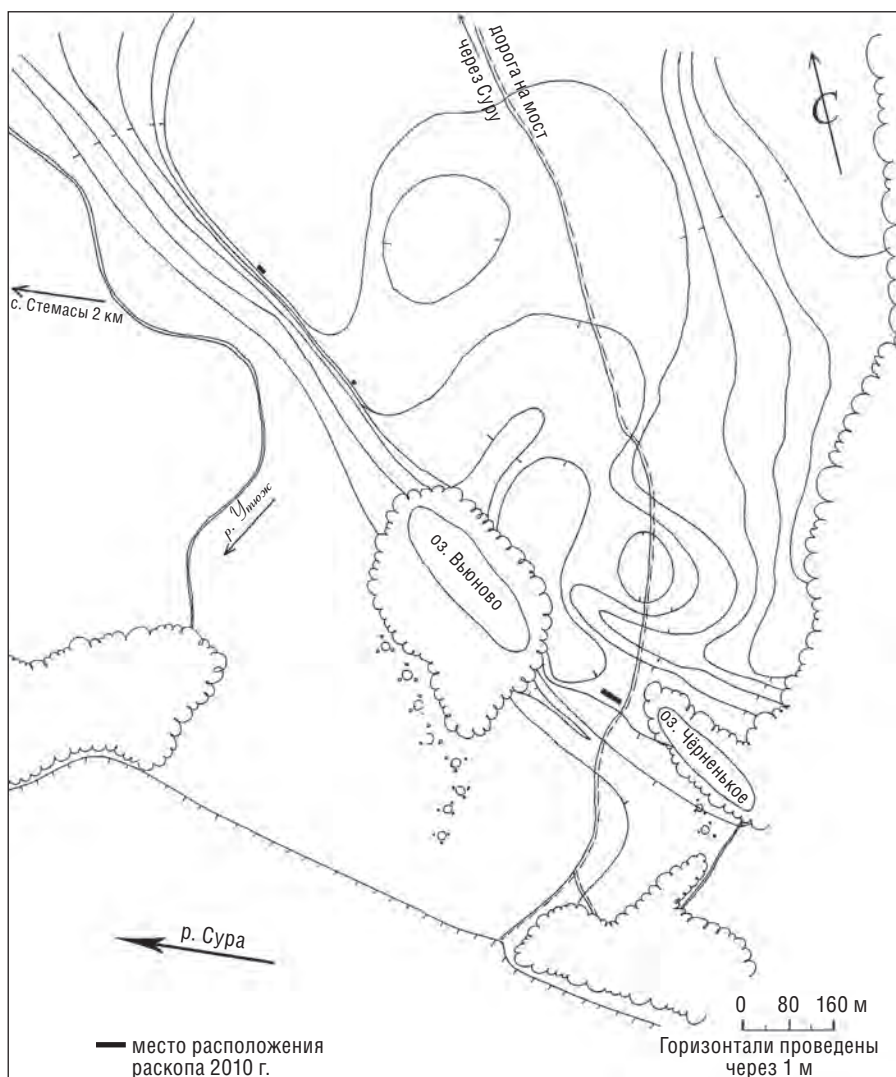

Рис. 2. Стоянка Вьюново озеро I. Ситуационный план

небольшого жилища, сохранившиеся в материке, с развалом глиняного сосуда на полу и небольшим набором каменных орудий.

Жилище имело подквадратную форму, его размеры – примерно 5×4 м (рис. 3). Оно было слегка (на 15–20 см) углублено в материк. Пол имел характерный прогиб к центру жилища. Прослежены столбовые ямки. Выход из жилища был ориентирован на северо-восток, вдоль края террасы. Внутри жилища были зафиксированы два больших углистых пятна, возможно, связанные с очагами. Одно пятно располагалось у южной стены жилища, второе – в северо-восточной части, перед выходом. Северо-западный край выхода был обозначен углистой полосой. Вероятнее всего, это была наземная каркасная конструкция, судя по характеру заполнения пола жилища, просуществовавшая относительно недолго.

Керамика. Разведочными шурфами 2006–2007 гг. на стоянке были найдены немногочисленные, но выразительные фрагменты елшанской посуды. Это прямостенные и профилированные подлощённые сосуды. Обнаруженные фрагменты венчиков имеют под плоским срезом ряд ямочных вдавлений (рис. 4: 1, 2), есть и без ямок (рис. 4: 4). Найден обломок приострѐнного донца (рис. 4: 6). В раскопе 2010 г. на полу жилища у юго-восточной стены был обнаружен неполный развал тонкостенного биконического сосуда с мелкими округлыми сквозными отверстиями по краю профилированного венчика (рис. 4: 5). Внешняя поверхность сосуда хорошо заглажена, залощена, внутренняя – с видимыми следами заглаживания каким-то предметом. Срез венчика округлый или слегка уплощён, с небольшим напыльем снаружи. Примерно в верхней трети сосуда имеется выраженное ребро. Дно сосуда, видимо, конусовидное. Толщина стенок сосуда во всех частях колеблется от 5,5 до 7,5 мм, ребро в некоторых местах имеет утолщение до 8 мм, горловина же, напрор-

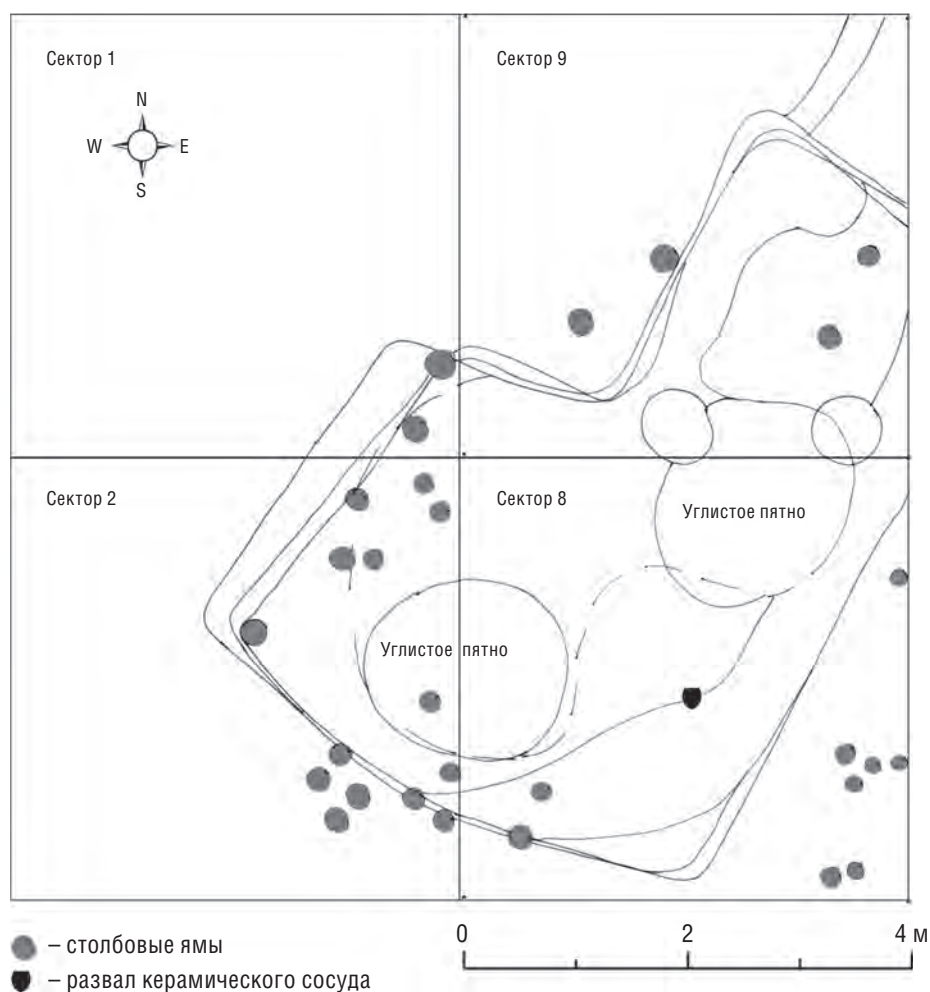

Рис. 3. Стоянка Вьюново озеро I. План жилищного котлована

тив, утончается до 4 мм. Диаметр сосуда по венчику – около 18 см, максимальный диаметр по ребру – 22,5–23 см.

Также здесь были найдены фрагменты нескольких профилированных венчиков со сквозными отверстиями или без них под плоским и утонченным срезом (рис. 4: 3, 7) и неорнаментированные фрагменты. Цвет черепков – от серого до желтоватого, на свежем сломе – однородно-чёрный. Пластическим сырьём служили илестые глины. Заметны включения мелких красных шариков – оолитов бурого железняка.

Каменный инвентарь. С определённой долей уверенности с елшанским жилищем можно связать несколько кремнёвых изделий (22 ед.) из мелового чёрного прозрачного и белого не очень хорошего качества кремня. Несмотря на то, что весь грунт из раскопа был просеян, найдено всего несколько мелких сколов и практически не найдены чешуйки. Это свидетельствует о том, что кремь на стоянке не обрабатывался и орудия не изготавливались. Естественные выходы кремня такого качества нам в Среднем Присурье не известны, и, судя по его малочисленности, отсутствию мелких сколов и чешуек и большой степени утилизации, он не местного происхождения и был принесён сюда елшанским населением с юга или с юго-востока.

В коллекции имеется один нуклеус небольшого размера с несколькими фронтами скалывания. Он служил для снятия небольших отщепов (рис. 5: 16). Целых пластин в коллекции нет, но имеются два обломка орудий, выполненных на них. Первый – обломок ножа, продольные грани которого оформлены мелкой краевой ретушью на спинке (рис. 5: 15). Второй – выполнен на массивной пластине, один край оформлен пологой приостряющей захватывающей ретушью на спинке, по другому краю имеются следы утилизации в качестве строгального ножа или стамески (рис. 5: 17). Здесь же следует упомянуть фрагмент пластины с участком вогнутого лезвия с приостряющей невысокой ретушью и следами использования как строгальный нож. Пластины не имеют правильного гранения.

Одно изделие, выполненное на мелком осколке и имеющее два окончания, оформленных мелкой ретушью по краям, со следами утилизации, вероятно, служило проколкой (рис. 5: 4).

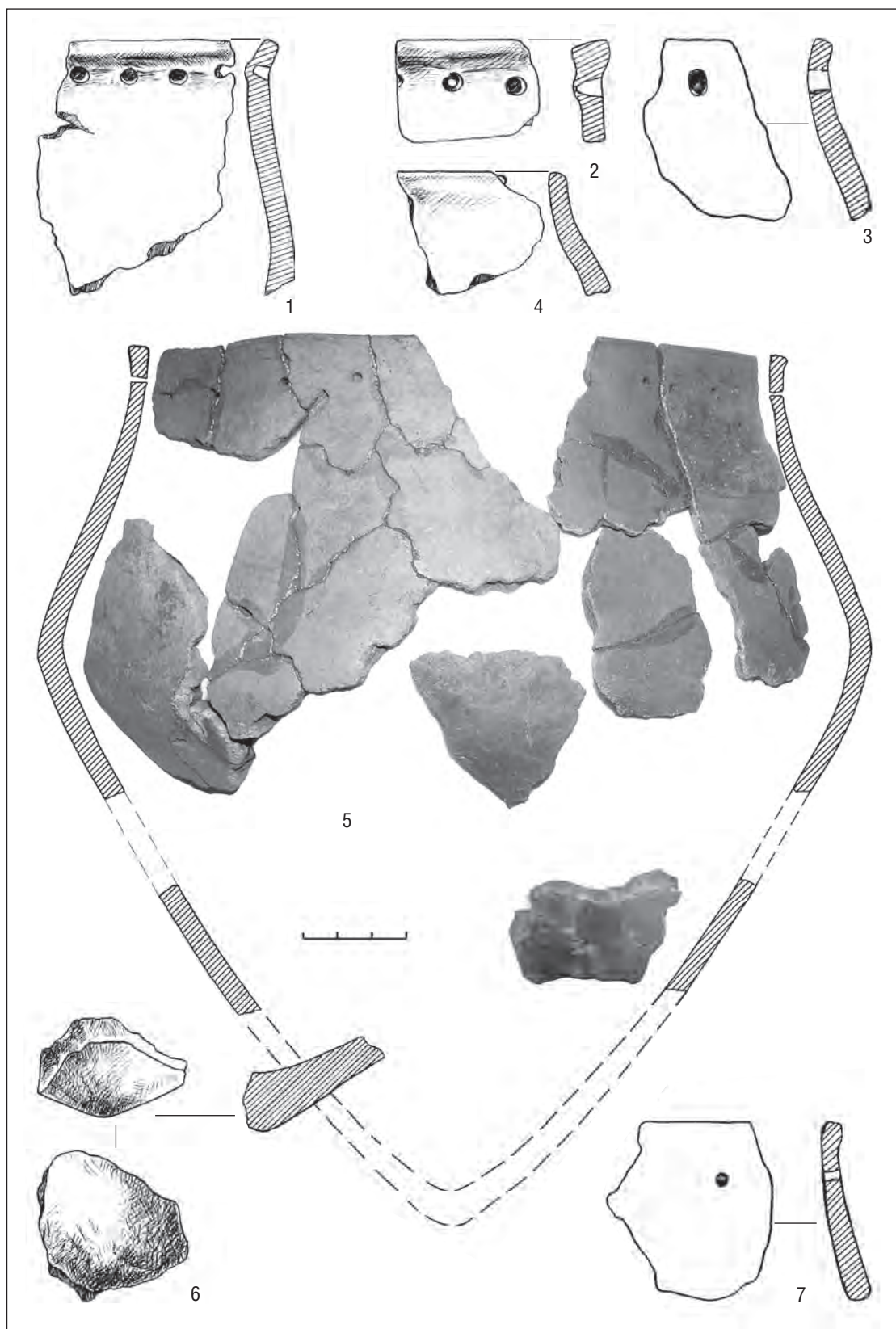

Рис. 4. Стоянка Вьюново озеро I. Керамические сосуды

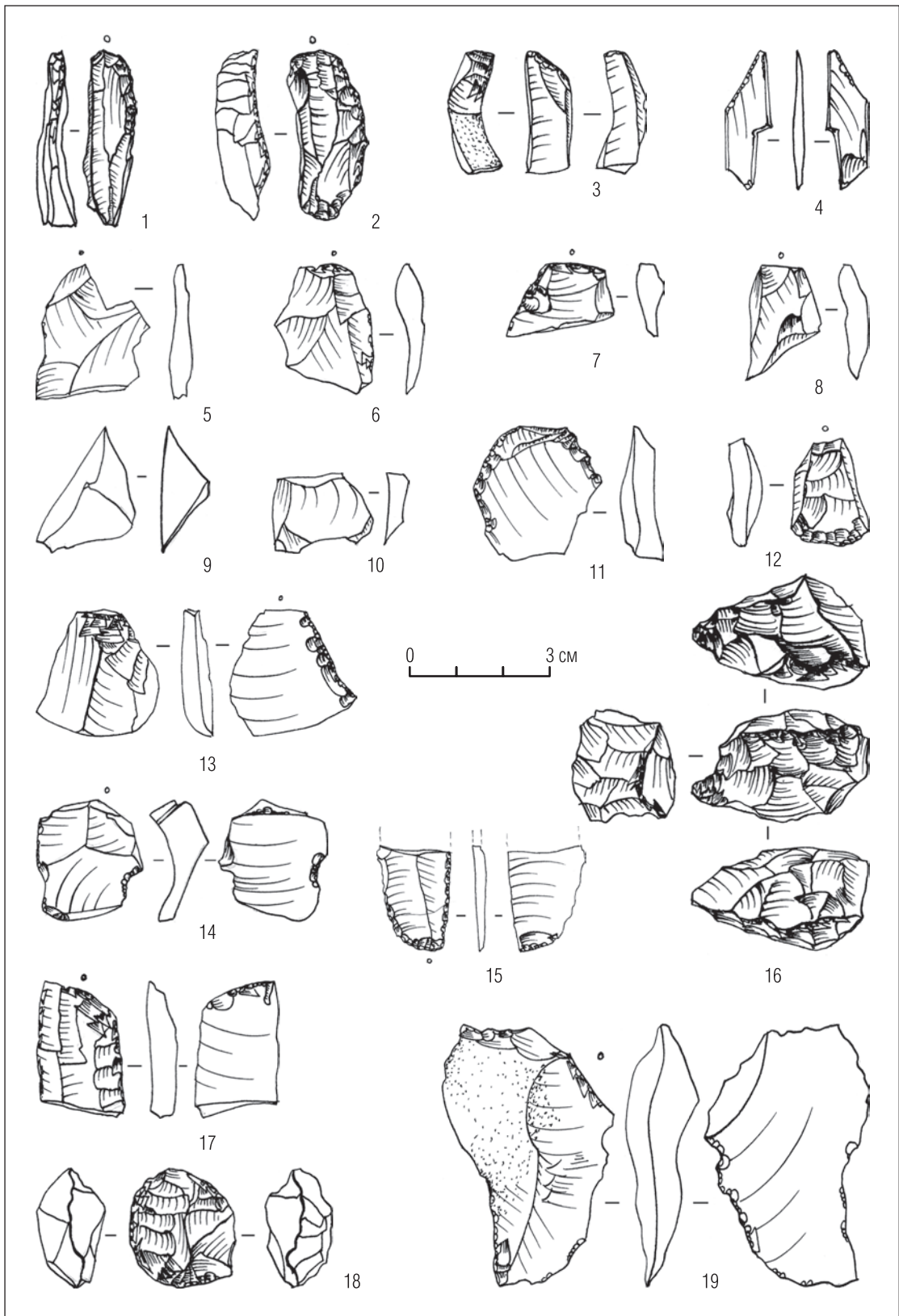

Рис. 5. Стоянка Выюново озеро I. Кремнёвые изделия

Выделяется серия концевых скребков на небольших продольных сколах с сохранившимися участками корки. Рабочие края оформлены крутой, переходящей на один край ретушью с проксимального конца и имеют небольшой скос влево. Ретушью на спинке убраны ударные площадки. Все скребки имеют следы утилизации (рис. 5: 1–3).

Остальные скребки (6 шт.) не представляют серии. Первый выполнен на небольшом дисковидном нуклеидном куске. Рабочий край – округлый, оформлен мелкими сколами и имеет следы утилизации в качестве, вероятно, стамески (рис. 5: 18). Второе изделие выполнено на отщепе, с минимальными следами вторичной обработки, но со следами утилизации в качестве скребка-скобеля (рис. 5: 6). Дублированный скребок имеет два противоположных конца, а один край – скобель с участком вогнутого лезвия, оформленного ретушью (рис. 5: 14). Третье изделие – боковой скребок – выполнен на отщепе. Один край оформлен на брюшке пологой ретушью с клювовидным окончанием (рис. 5: 13). Четвёртый скребок выполнен на осколке с участком корки, имеет округлое лезвие, оформленное пологой невысокой ретушью с двух сторон (рис. 5: 11). Два других – обломки отщепов с участками скребковых лезвий, оформленных крутой и полукрутой невысокой ретушью на спинке.

Остальные изделия – это небольшие, за исключением одного крупного экземпляра (рис. 5: 19), сколы со следами утилизации (7 шт.).

Таким образом, ограниченность кремнёвого сырья в данных условиях диктовала технологические приёмы его утилизации. Расщепление носило преимущественно отщеповый характер, хотя мы отмечаем обломки орудий на пластинах и орудия на продольных сколах, спинки которых несут следы пластинчатых снятий. Поэтому характеризовать данный комплекс как только отщеповый или пластинчатый затруднительно. Примечательно, что на однослойных елшанских памятниках процент пластин и орудий из них невелик. Приёмы вторичной обработки кремня представлены невысоким крутым и пологим ретушированием.

Памятник принадлежит к елшанской раннеолитической культуре лесостепного Волго-Уралья, выделенной относительно недавно [11]. Проведённое И.Н. Васильевой исследование гончарных технологий елшанских комплексов Среднего Посурья позволило ей выявить их общие и особенные черты. Сосуды со стоянки Вьюново озеро I, судя по исследованным фрагментам, были изготовлены из запесоченной илистой глины с примесью мелкого шамота и органического раствора. Эти фрагменты имели слабую механическую прочность. И.Н. Васильевой были исследованы и раннеолитические керамические изделия со стоянок, расположенных рядом и относящихся к одному Утюжскому археологическому комплексу. Один профилированный сосуд, судя по фрагменту венчика, с поселения Утюж I – также был изготовлен из запесоченной илистой глины с примесью мелкого шамота и органического раствора. [5, с. 110–113].

Елшанские комплексы Алатырского Посурья имеют общие для елшанской культуры черты: использование илистых глин в качестве пластического сырья для изготовления сосудов, тонкостенность сосудов, хорошая заглаженность, порой залощённость их внешней поверхности, наличие остродонных форм, S-видная профилировка венчика, орнаментация ямочными отпечатками или сквозными отверстиями по горловине.

Самые близкие территориально памятники с елшанскими комплексами располагаются в Ульяновском Поволжье: стоянки Лебяжье I, Луговое III [6], Усть-Ташёлка (Елшанка X) и Елшанка XI [7; 8]. На последних были обнаружены фрагменты стенок биконических сосудов, что сближает эти памятники с комплексами Алатырского Посурья. Вместе с тем мы наблюдаем отличия материалов Алатырского Посурья от комплексов как Ульяновского Поволжья, так и степного Заволжья, где в орнаментации керамики встречаются ряды «жемчужин», орнаментированные наколами или насечками края венчиков, сверлённые отверстия на стенках уже обожжённых сосудов и наплывы-утолщения на венчиках сосудов. Отсутствие орнаментальных мотивов из прочерченных линий и наколов также позволяют различать эти комплексы. К елшанскому кругу памятников относятся и комплексы с неорнаментированной керамикой Примокшанья, происходящие со стоянок Имерка 7, Ковылай I и Озименки II [9, с. 34–46; 10, с. 114]. Сочетание таких характеристик керамики, как профилированность сосудов, коническое приотсёрненное дно и ряд сквозных ямок под венчиком, сближает эти памятники со стоянкой Вьюново озеро I в Алатырском Посурье. Такое сочетание в целом характерно для елшанской культуры.

По фрагменту из развала биконического сосуда со дна елшанского жилища стоянки Вьюново озеро I на АМС в лаборатории г. Тусон (Аризонский университет, США) получена дата 7222 ± 58 лет назад (AA96017), а по другому фрагменту этого же сосуда на АМС в лаборатории г. Познани (Польша) получена дата – 7160 ± 40 лет BP (Poz-47870).

Эти значения хорошо согласуются с датой елшанских материалов со стоянки Чекалино IV, полученной по угольку с острого днища сосуда, – 7250 ± 60 лет назад (Poz-42051) [11]. Вероятно, они фиксируют завершение раннего этапа развития елшанской культуры на рубеже третьей и четвертой четвертей VI тысячелетия до н.э.

Таким образом, материалы небольшой, но выразительной раннеолитической стоянки Вьюново озеро I отражают процессы распространения елшанского населения в последней трети VI тысячелетия до н.э. в Среднее Посурье¹.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект № 10-01-00393а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
2. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре / Н.С. Березина, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Краеведческие записки. Вып. XIII. Самара, 2007.
3. Черненькое озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, С.А. Кондратьев, А.А. Шалапинин // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010.
4. Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
5. Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в Поволжье в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности. Чебоксары, 2010.
6. Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980.
7. Вискалин А.В. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.
8. Вискалин А.В. Елшанка XI – новая стоянка средневожской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5. Самара, 2004.
9. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.
10. Выборнов, А.А. Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
11. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 3. Самара, 2012.

*Н.С. Березина, А.Ю. Березин –
Чувашский государственный
институт гуманитарных наук,
Чебоксары,*

*А.А. Выборнов –
Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
Самара,*

*В.В. Ставицкий –
Пензенский государственный
педагогический университет,
Пенза*

N.S. Berezina, A.A. Vybornov, V.V. Stavitsky, A.Yu. Berezin

THE EARLY NEOLITHIC SITE VJUNOVO OZERO I IN THE MIDDLE SURА BASIN

Summary

The article describes a new archaeological monument of the Elshanskaya culture of the Early Neolithic – the site Vjunovo Ozero I. This is the rare object, which made it possible for the first time in this culture to trace back the remains of a dwelling structure with ceramic and flint implements. The radiocarbon dates obtained in 2012 by the fragments of the breakdown of the vessel found on the floor of the dwelling are first published here.

*N.S. Berezina, A.Yu. Berezin –
Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences,
Building 1, 29, Moskovsky Ave.,
Cheboksary, 428017, The Chuvash Republic,
The Russian Federation*

*E-mail: berezina2011@gmail.ru
E-mail: terra3@cbx.ru*

*A.A. Vybornov –
The Volga Areal State Social-Humanitarian Academy,
65/67, Gorky St.,
Samara, 443099, Russia,*

E-mail: Vibornov_kin@mail.ru

*V.V. Stavitsky –
Penza State Pedagogical University,
37, Lermontova St.,
Penza, 440026, Russia*

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Н.А. Цветкова

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА В ВЕРХНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

Ранненеолитические деревообрабатывающие (рубящие) орудия Верхневолжского региона представлены многочисленными и разнообразными по морфологии изделиями. Терминологическая база предполагает использование археологами разнообразных функциональных наименований для сходных по технико-морфологическим характеристикам орудий. Однако специальные исследования таких изделий немногочисленны. В этой работе автор ставит цель систематизировать данные о рубящих орудиях раннего неолита Верхнего Поволжья на основании результатов типологического анализа.

История изучения

Формирование взглядов на данную категорию орудий проходило в несколько этапов [1]. С развитием трасологического метода С.А. Семёновым были разработаны функциональные и морфологические критерии для определения «топоров» и «тёсел» [2, с. 170]. Долгое время наличие/отсутствие деревообрабатывающих изделий на стоянках служило показателем технического прогресса и соответственно маркёром их мезолитического или неолитического возраста [3, с. 87, 96]. Исключение составляли двусторонне оббитые и шлифованные изделия, находки которых на памятниках в Финляндии и в Карелии считались специфической чертой локальных археологических культур (АК) в мезолите [подробно об этом, например, 4; 5]. На остальной европейской части России подобные изделия на памятниках без керамики воспринимались исследователями как характерная черта докерамического неолита [например, 5, с. 10]. В дальнейшем, с накоплением новых данных, стало известно об использовании людьми деревообрабатывающих изделий с плейстоцена [6].

Важным этапом в изучении рубящих орудий являлось обобщение накопленных материалов. Такая работа была проделана В.М. Воробьёвым. Он же впервые разработал классификацию для всей совокупности рубящих орудий мезолитического времени, найденных на стоянках в лесной зоне Восточной Европы. Наиболее важными выводами, сделанными исследователем и не потерявшими своего значения сегодня, являются следующие [1, с. 39, 46]:

– Появление и распространение орудий для обработки дерева обусловлено комплексом факторов, главный из которых – это улучшение климата в поздне- и послеледниковое время, повлекшее за собой смещение географических зон и масштабные изменения флоры и фауны.

– Деревообрабатывающие орудия являлись полифункциональными: «...топором одного типа зачастую ... производились все виды работ, связанные с обработкой дерева...» [1, с. 39].

– Основной ассортимент рубящих изделий сформировался к концу мезолита и в дальнейшем не претерпевал существенных изменений, но корректировался за счёт появления новых технических приёмов обработки поверхности орудий.

– Основные технические приёмы в мезолите – это оббивка и ретуширование боковых граней, а также шлифовка рабочего лезвия у сланцевых изделий.

В последнее время весомый вклад в изучение деревообрабатывающих изделий каменного века лесной зоны Восточной Европы, в частности в области технологии их изготовления, внесён В.Ф. Филатовой и А.Ю. Тарасовым. Полученные ими данные основаны на результатах изучения рубящих орудий Карелии. Так, В.Ф. Филатова обобщила известные находки орудий для обработки дерева в регионе, разработала их классификацию по функциональным типам, проследила связь между свойствами сырья и техническими приёмами изготовления орудий из него и реконструировала общую схему производства [7, с. 83–93; 8, с. 41]. В качестве общей тенденции развития рубящих изделий лесной зоны Восточной Европы исследовательница рассматривает использование шлифовки для заточки лезвия в мезолите и появление полностью шлифованных орудий начиная с неолита [8, с. 41].

А.Ю. Тарасов проверил идеи В.Ф. Филатовой экспериментами и подкрепил её данные результатами технологического и трасологического методов исследования [9]. Он объясняет использование различных/альтернативных техник изготовления рубящих орудий – расщепления и абразивной обработки – свойствами сырья и необходимостью дополнительной мускульной силы для шлифовки рубящих. Важен вывод о том,

что две эти основные технологии, как правило, комбинировались при изготовлении одного изделия и абразивная обработка использовалась на завершающей стадии изготовления орудия. На основании проведённых экспериментов и наблюдений А.Ю. Тарасов выделяет восемь основных технических приёмов, совокупности которых формируют различные техники изготовления деревообрабатывающих орудий [9, с. 125].

В бассейне Верхней Волги, основываясь на результатах раскопок торфяниковых поселений Озерки 5, Нушполы 11, Окаёмово 4, 5, Замостье 2, Становое 1, 4, Ивановское 3, 7 и др., археологи прослеживают преемственность в технологии производства и типологическом наборе деревообрабатывающих орудий мезолита и раннего неолита [10; 11; 12]. Как принципиальное новшество в мезолите М.Г. Жилин трактует крепление клинков/вставок орудий для обработки дерева к рукояти посредством роговых муфт [13, с. 297]. В.А. Аверин, проанализировав рубящие орудия из мезолитических слоёв поселения Становое 4, установил, что в раннем мезолите начал использоваться приём шлифовки рабочего лезвия рубящих, а в развитии мезолита появились полностью шлифованные орудия. Позднее технология производства рубящих орудий, по мнению исследователя, становится менее совершенной, и некоторые типы орудий вообще исчезают (так, например, в атлантикуме не известны находки роговых муфт) [12, с. 213]. Предпочтительна точка зрения О.В. Лозовской, которая объясняет исчезновение находок роговых муфт на памятниках позднего мезолита – раннего неолита использованием альтернативного материала – древесины – для изготовления этих изделий [14; 15].

Об орудиях для обработки дерева в раннем неолите Верхневолжского региона по имеющимся публикациям можно составить следующее представление.

Рубящие **раннего этапа валдайской АК** характеризуются как орудия различной геометрической формы с высоким содержанием доли изделий, полностью либо частично шлифованных. Наиболее показательны острообушные топоры с частичной обработкой и топоры «валдайского» типа: крупные (до 18×5 см) изделия удлинённо-овальной формы с двухсторонней ретушью; крупные острообушные орудия, обработанные с одной стороны сплошной, с другой – частичной ретушью. По мнению Н.Н. Гуриной, их технико-морфологические характеристики отражают мезолитические традиции изготовления этой категории орудий [16; 17; 18, с. 224].

Некоторое время как деревообрабатывающие изделия интерпретировались крупные пренуклеусы с оформленным ребром (так называемые верхневолжские макролиты). Н.Н. Гурина объясняла подобное заблуждение тем, что заготовки ядрищ имеют выпуклые грани и округлое ребро, обработанные мелкими сколами: «В результате того, что отжим фасеток производился со стороны округлого ребра перпендикулярно ему, самый край ребра получил мелкие заломы, по виду сходные со следами сработанности. Именно это и послужило основанием для ряда исследователей считать такого типа заготовки нуклеусов рубящими орудиями» [19, с. 78]. Исследование А.С. Семёнова показало, что такие макролитовидные предметы с двухсторонней обработкой крупной плоской ретушью являются нуклеусами для отщепов и пластин [19, с. 78].

Для рубящих орудий **верхневолжской АК** в типах и технологии изготовления по сравнению с орудиями финального мезолита изменений не прослеживается [например, 10; 20; 11; 21; 22]. Согласно характеристике М.Г. Жилина, деревообрабатывающие орудия раннего неолита составляют многочисленную категорию разнообразных по форме изделий. Численно преобладают тёсла. Известны полностью оббитые изделия и орудия с оббивкой по периметру. Сериями представлены шлифованные, в том числе и полностью, топоры и тёсла. В качестве сырья использовались кремь и некремнёвые породы – сланец и опока [10]. Впоследствии, на среднем этапе развития верхневолжской АК (6500 некал. лет ВР), процент шлифованных топоров и тёсел возрастает [23].

Единственное специальное исследование деревообрабатывающих изделий раннего неолита региона было предпринято Е.Ю. Гирей, В.М. Лозовским и О.В. Лозовской для находок из Замостья 2 [11].

Исследователями был реконструирован процесс их изготовления. Важен вывод о том, что заключительной стадией изготовления рубящих орудий на поселении являлась абразивная обработка (в некоторых случаях – полировка) [11, с. 88–89]. Эта же особенность характерна и для соседних регионов. Например, для макроформ из Карелии А.Ю. Тарасов так характеризует процесс изготовления рубящих орудий: «обе основные технологии (технология расщепления и абразивная технология – *Н.Ц.*), как правило, комбинировались при изготовлении одного и того же изделия. Сам процесс производства макроорудия проходит два основных этапа: этап создания общей формы в основном с использованием техник расщепления и этап завершающей абразивной обработки» [9, с. 125].

Источники

Автором был проведён типологический анализ 42 орудий для обработки дерева из ранненеолитических памятников: Альба 8, Алексеевское 1, Давыдковская, Воймежное 1 (слой 11), Замостье 2, Котчище (Кочище, по Н.Н. Гуриной) 1, 2, Малая Ламна 1, Окаёмово 18 (нижний культурный слой – к.с.), Озерки 5 (к.с. II, III), Плещеево 1, Сахтыш 2а (к.с. Пв, г), Становое 4 (к.с. II, раскоп 2), Шадрино 4 (рис. 1).

Состояние источниковедческой базы для изучения раннего неолита Верхневолжского региона не может быть признано удовлетворительным [25]. Согласно классическим представлениям об опорных памятниках [13, с. 23; 26 с. 16–17] большинство известных раннеолитических стоянок и поселений таковыми считаться не могут. Перечисленные выше памятники были раскопаны с применением различных методик, и большинство из них обладают недостаточно чёткой стратиграфией. Однако коллекции из их раскопок доступны для исследования и, в отличие от других 195 известных на сегодня стоянок раннего неолита в регионе, в их

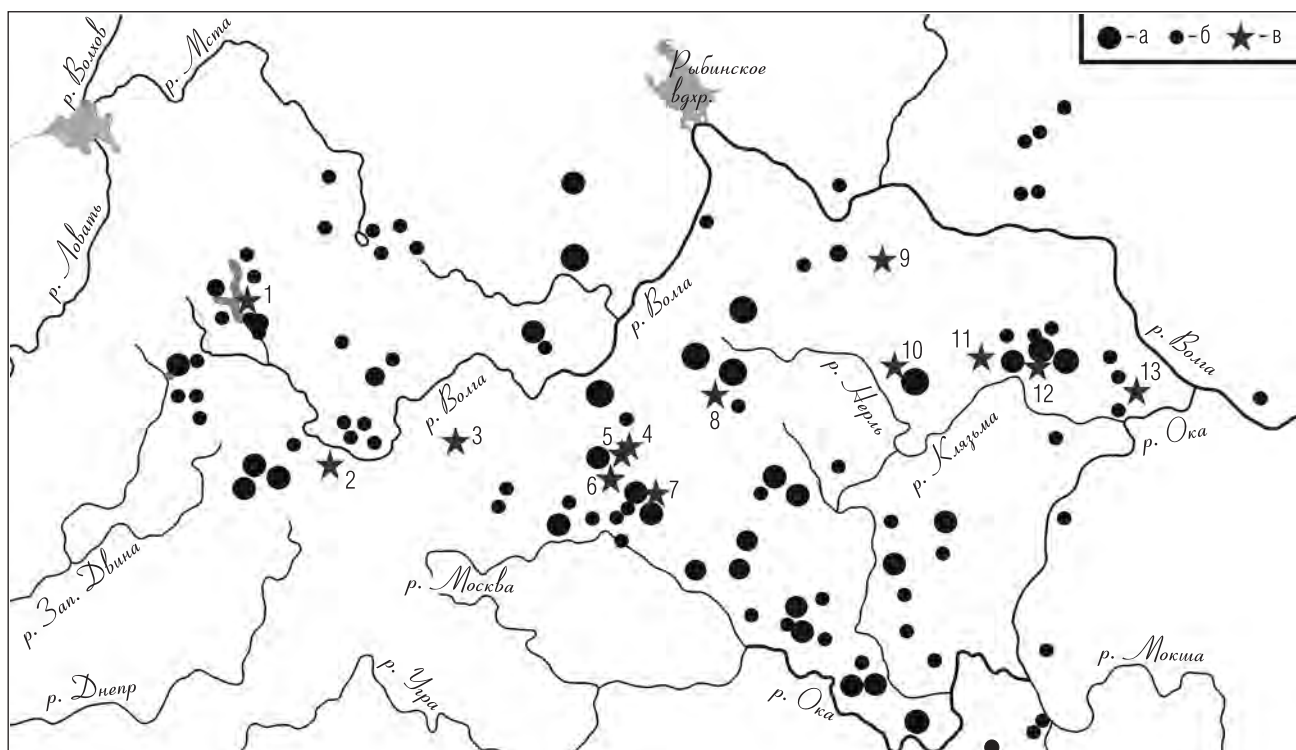

Рис. 1. Карта-схема памятников раннего неолита Верхневолжского региона
(по Д.А. Крайнову с дополнениями Н.А. Цветковой):

- а – группа памятников; б – стоянка; в – опорные памятники: 1 – Котчище 1, 2; 2 – Озерки 5; 3 – Альба 8; 4 – Замостье 2; 5 – Окаёмово 18; 6 – Давыдовская; 7 – Воймежное 1; 8 – Плещеево 1; 9 – Становое 4; 10 – Сахтыш 2а; 11 – Малая Ламна 1; 12 – Алексеевское 1; 13 – Шадрино 4

культуросодержащих отложениях примесь изделий развитого неолита отсутствует или она крайне незначительна. Возможную мезолитическую примесь на памятниках с несохраняющимися изделиями из органических материалов автор не принимает во внимание из-за высокой степени сходства артефактов финальномезолитического и ранне-неолитического времени [10; 20]. Присутствие фрагментов сосудов верхневолжской АК служит убедительным доказательством возраста памятника. Для торфяниковых поселений возможно выделение стратифицированных участков с залеганием материала *in situ*.

Методика исследования

В настоящее время общая типология деревообрабатывающих орудий раннего неолита Верхневолжского региона не разработана. Её, как правило, заменяют подробные описания изделий. Немногочисленные типологические разработки предназначены для работы с материалами из конкретного памятника или микрорегиона. Так, например, Н.Н. Гурина выделила для валдайской АК четыре типа рубящих орудий на основании формы изделий в плане, толщины обуха, размера изделий, способа изготовления и обработки рабочего лезвия, принимая во внимание отсутствие возможности разделения по функциональному признаку из-за высокого процента содержания незаконченных изделий [5, с. 164–165].

Большое значение имеет типологическая схема В.М. Воробьева для рубящих орудий лесных мезолитических культур европейской части СССР [1]. Выделенные исследователем типы орудий по общей в плане форме и толщине обуховой части были безоговорочно приняты исследователями неолита, и в дальнейшем описание деревообрабатывающих орудий в целом производилось на единых основаниях. Примером может служить тип-лист И.В. Верещагиной для изделий из поселения Нижние Котицы 1 [27, с. 73]. Его составили семь типов орудий, выделенные на основании совокупности признаков, первыми из которых учитывались форма изделия в плане и толщина обуха. Дополнительными признаками выступают пропорции изделий, способ обработки орудия и его рабочего лезвия, наличие/отсутствие желобка.

Предлагаемая автором иерархическая типология для деревообрабатывающих орудий раннего неолита с территории Верхнего Поволжья разработана на основе классификации В.М. Воробьева [1] и включает в себя пять уровней (рис. 2). Они отражают такие технико-морфологические характеристики, как форма орудий в плане, характер обработки, пропорции изделий, характер заготовки.

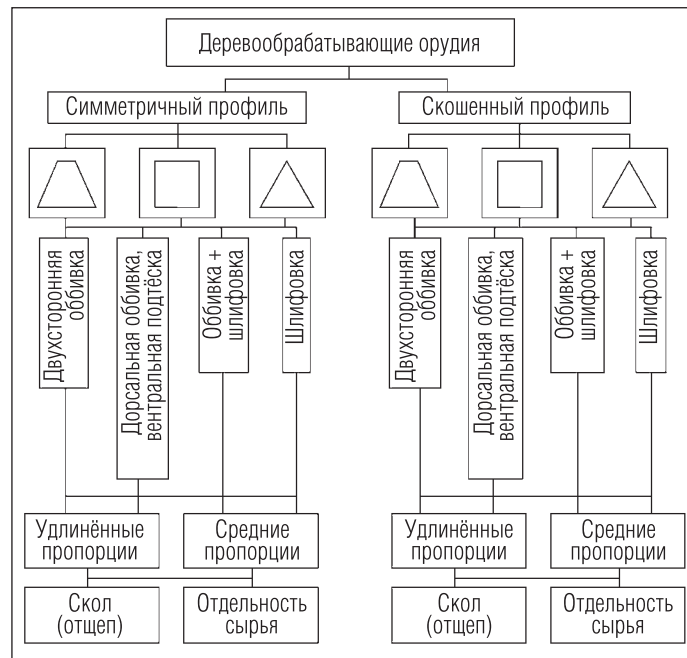

Рис. 2. Схема классификации орудий для обработки дерева

На начальном уровне, согласно предполагаемому общему функциональному назначению – рубка и долбление [2, с. 168], – все деревообрабатывающие орудия делятся на три **отдела**. Первые два составляют изделия с симметричным профилем рабочего лезвия – *клинки топоров* (прямолезвийные рубящие орудия) и изделия со скошенным профилем рабочего лезвия – *клинки тёсел* (поперечнолезвийные долбящие орудия) [1, с. 39]. Третий отдел составили так называемые долотовидные орудия – изделия подчетырёхугольной формы, рабочий край которых (чаще два края) сформирован в процессе использования «чешуйчатой подтёски» [28, с. 160], а не посредством намеренного нанесения ретуши. Они морфологически однородны, немногочисленны и не требуют классификации.

Долота и стамески пока не поддаются типологическому определению. Исследователи периодически используют эти термины при характеристике орудий для обработки дерева. Однако при этом суть самих понятий «долото» и «стамеска» не раскрывается, поэтому изделия, тождественные по своей морфологии разными археологами интерпретируются и как долота, и как стамески. Трасологические наблюдения не выявляют зависимости между функциональным назначением долот и стамесок и деталями морфологии деревообрабатывающих орудий [например, 29, с. 172–173].

Для отделов 1 и 2 выделяются **группы** изделий согласно общей в плане форме изделий: *трапецевидной*, *прямоугольной* либо *треугольной*.

Выделение **типов** предполагается согласно приёмам вторичной обработки. К **типу 1** отнесены деревообрабатывающие орудия с двухсторонней оббивкой. **Тип 2** составляют орудия с оббивкой дорсальной поверхности и вентральной подтёской пологой ретушью. **Тип 3** представляют изделия, сочетающие оббивку со шлифовкой. **Тип 4** – это полностью шлифованные орудия.

Вариантообразующим признаком типа являются пропорции орудий: удлиненные (соотношение длины к ширине изделия составляет 2 и более к 1) и средние (соотношение длины к ширине изделия составляет 2–1,5:1). Изделия укороченных пропорций в индустриях ранненеолитических культур Верхнего Поволжья пока не известны.

Подварианты представлены изделиями, изготовленными из крупных отщепов и из отдельностей сырья. Функциональная направленность клинка/вставки деревообрабатывающих изделий заведомо ограничивает набор форм рубящих и приёмов их изготовления. В случаях использования как отдельностей сырья, так и отщепов (приём «flake-axe») мастер стремился получить изделие с рабочим лезвием и противопоставленным ему обушком, необходимым для крепления орудия в рукояти.

Нами не учитываются признаки толщины обуха и угол заточенности клинков топоров. Тонкообушные орудия среди изделий со стоянок раннего неолита единичны, представлены в основном в подгруппе треугольных орудий и могут быть описаны как индивидуальная особенность. Угол заточки лезвия (острозаточенный/тупозаточенный) характеризует в том числе и степень сработанности изделия, либо, в некоторых случаях, тупозаточенное лезвие может быть показателем незавершённости процесса оформления рабочего лезвия орудия. Определить, какой из этих двух вариантов имеет место в каждом конкретном случае, не представляется возможным без проведения технологического и трасологического исследований.

Характеристика изделий для обработки дерева

В раннем неолите для изготовления орудий для обработки дерева использовали местный карбоновый кремль различного цвета и качества, а также мягкие некремнёвые породы камня, в основном серый сланец. Единичен случай использования плитки кварцита. Зависимость морфологии рубящих и технологии их изготовления от типа сырья не прослеживается.

Клинки топоров (28 экз.) присутствуют в коллекциях со стоянок Малая Ламна 1, Алексеевское 1, Альба 8, Становое 4/к.с. II, раскоп 2, Давыдовская, Плещеево 1, Окаёмово 18/нижний к.с.), Замостье 2, Озерки 5/к.с. II, III, Сахтыш 2а/к.с. Пв, г, Котчище 1, 2, Ивановское 3/3 (рис. 3–7).

Орудия трапециевидной формы (23 экз.)

Тип 1 представлен 10 изделиями, изготовленными из отдельностей сырья (рис. 3). Орудия удлинённых пропорций (**вариант 1**) найдены на памятниках Становое 4/к.с. II, раскоп 2 (1), Альба 8 (1), Алексеевское 1 (1), Малая Ламна 1 (1). Топоры средних пропорций (**вариант 2**) происходят из Окаёмово 18 (1), Плещеево 1 (1), Давыдовской (2) и Замостья 2 (2).

Тип 2 представлен единственным изделием удлинённых пропорций с поселения Озерки 5/к.с. III, изготовленным из кремнёвого желвака (рис. 4: 1).

Топоры **типа 3** (рис. 4: 2–8) происходят с памятников Сахтыш 2а/к.с. Пв, Пг (3), Алексеевское 1 (2), Замостье 2 (3), Становое 4 (1). Один клинок топора из поселения Сахтыш 2а (к.с. Пг) удлинённых пропорций изготовлен при помощи двухсторонней оббивки, поверх которой с обеих сторон фиксируется частичная пришлифовка (рис. 4: 5). Изделия средних пропорций встречены на стоянках Алексеевское 1 (2), Становое 4 (1), Замостье 2 (2), Сахтыш 2а/к.с. Пв, Пг (2) (рис. 4: 6–8). Интересен топор со стоянки Алексеевское 1 из серо-зелёного сланца, у которого, в отличие от остальных орудий, рабочее лезвие специально зашлифовано (рис. 4: 6).

Полностью шлифованные орудия **типа 4** представлены 3 экз. Первое происходит из поселения Становое 4/II (рис. 4: 9). Это узкое плоское сильно удлинённое толстообушное изделие подтрапециевидной формы с обломанным с одной стороны рабочим лезвием, изготовленное из сланцевой плитки. Шлифовка покрывает не всю поверхность изделия. В некоторых местах сохранилась естественная поверхность сланца. Второй клинок топора средних пропорций происходит со стоянки Котчище 2. Это небольшое по размерам полностью шлифованное толстообушное изделие, изготовленное из серо-зелёного сланца (рис. 4: 11). Третий топор также средних пропорций происходит из поселения Замостье 2 (рис. 4: 10). Характер заготовки изделий этого типа неясен.

Орудия прямоугольной формы (3 экз.)

К **типу 1** отнесён единственный толстообушный клинок топора удлинённых пропорций из поселения Озерки 5/II, изготовленный из куска кремня (рис. 5: 1).

Тип 2 представлен также единственным изделием из крупного первичного отщепа светло-коричневого кремня со стоянки Альба 8 (рис. 5: 2). Данное орудие – тонкообушное, удлинённых пропорций, изготовлено при помощи оббивки дорсальной поверхности и подтёски вентральной (технический приём «flake-axe»).

К **типу 3** отнесён толстообушный клинок топора средних пропорций со стоянки Давыдовская из отдельности сырья (рис. 5: 4).

Орудия треугольной формы (2 экз.)

Тип 1 представлен единственным тонкообушным топором удлинённых пропорций со стоянки Альба 8, изготовленным из куска светло-коричневого кремня, рабочее лезвие которого расколото предположительно в результате использования (рис. 5: 3).

К **типу 2** относится также единственное толстообушное орудие средних пропорций со стоянки Котчище 1, изготовленное из крупного отщепа кремня (рис. 5: 5).

Отдельно следует охарактеризовать толстообушное деревообрабатывающее орудие, происходящее из поселения Ивановское 3/3, изготовленное в технике двухсторонней оббивки из куска кремня, обух которого сформирован двумя дивергентными сколами (рис. 7: 3).

Клинки тёсел (15 экз.) происходят с памятников Альба 8, Котчище 2, Озерки 5/к.с. II, Сахтыш 2а/к.с. Пг, Замостье 2, Воймежное 1/11, Давыдовская, Шадрино 4 (рис. 6–7).

Орудия трапециевидной формы (11 экз.)

Тип 1 Представлен теслом удлинённых пропорций (**вариант 1**) со стоянки Альба 8, изготовленным из отдельности кремня (рис. 6: 2).

К **типу 2** отнесены четыре клинка тёсел. Со стоянки Котчище 2 происходят тесло средних пропорций (**вариант 2**), изготовленное из крупного отщепа (рис. 6: 1), и изделие удлинённых пропорций (рис. 6: 5). По одному теслу средних пропорций найдено на поселении Озерки 5/II (рис. 6: 4) и стоянке Котчище 2 (рис. 6: 3). Все изделия этого типа изготовлены из крупных отщепов.

Тип 3 представлен асимметричной вставкой тесла средних пропорций с поселения Сахтыш 2а/Пг, изготовленной из кварцевой плитки (рис. 6: 7).

Шлифованные орудия **типа 4** представлены двумя теслами удлинённых пропорций со стоянки Давыдовская (рис. 6: 6) и с поселения Воймежное 1/слой 11 (рис. 6: 9) и орудиями средних пропорций со стоянки Котчище 2 (рис. 6: 8) и поселения Замостье 2. Пятое изделие происходит из поселения Замостье 2 и аналогично по морфологии и технике изготовления, за исключением лишь скошенного профиля, клинку топора из поселения Становое 4. Это узкое длинное орудие со шлифованным рабочим лезвием.

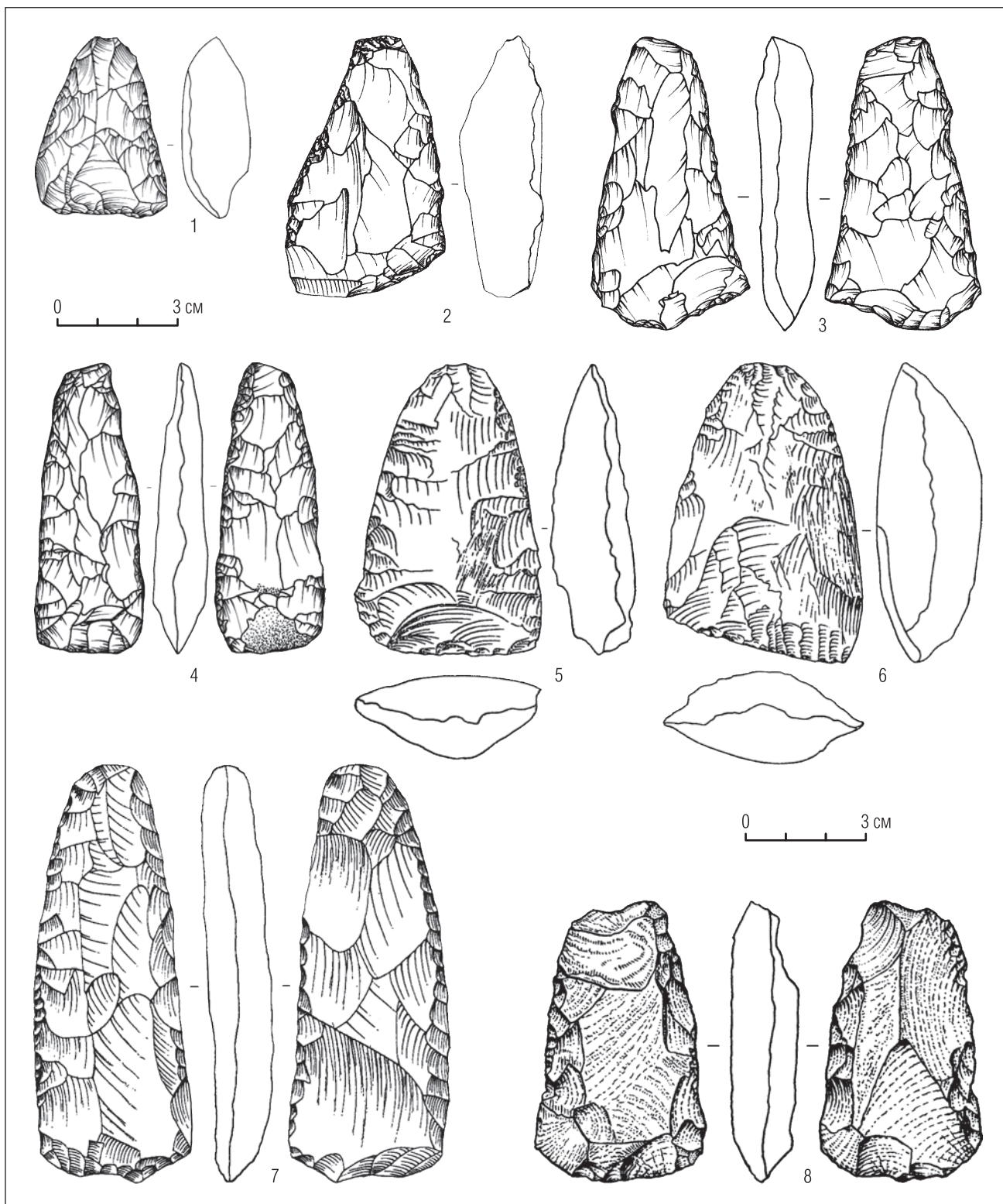

Рис. 3. Клинки топоров трапециевидной формы с двухсторонней оббивкой.
 Группа 1: тип 1: 1 – Плещеево 1 (по М.Г. Жилину [30]); 2 – Окаёмово 18 (по М.Г. Жилину [31]); 3 – Алексеевское 1 (по Н.А. Цветковой [32]); 4 – Альба 8 (по Н.А. Цветковой [33]); 5, 6 – Давыдовская (по В.В. Сидорову [34]); 7 – Малая Ламна 1 (по Е.Л. Костылёвой и др. [35]); 8 – Замостье 2 (по В.М. Лозовскому [22])

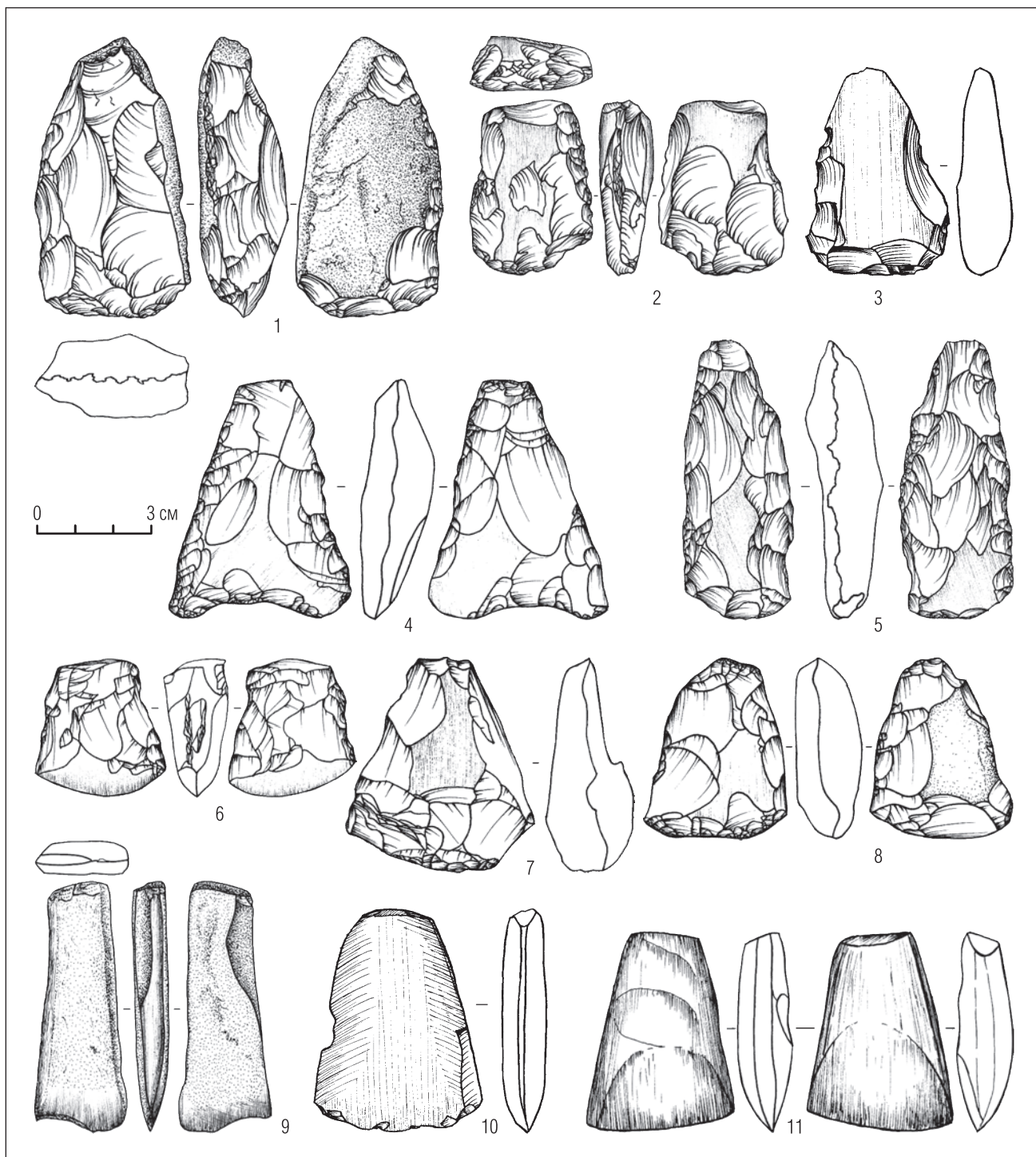

Рис. 4. Клинки топоров трапециевидной формы.

Группа I: тип 2: 1 – Озерки 5/к.с. III (рис. автора); тип 3: 2 – Становое 4/к.с. II, раскоп 2 (рис. автора); 3 – Замостье 2 (по В.М. Лозовскому [22]); 4, 5, 8 – Сахтыш 2а/к.с. Пв, Пг (по М.Г. Жилину, Е.Л. Костылёвой [36]; Е.Л. Костылёвой [37]); 6, 7 – Алексеевское 1 (по Н.А. Цветковой [32]); тип 4: 9 – Становое 4/к.с. II (рис. автора); 10 – Замостье 2 (по В.М. Лозовскому [22]); 11 – Котчище 2 (рис. автора)

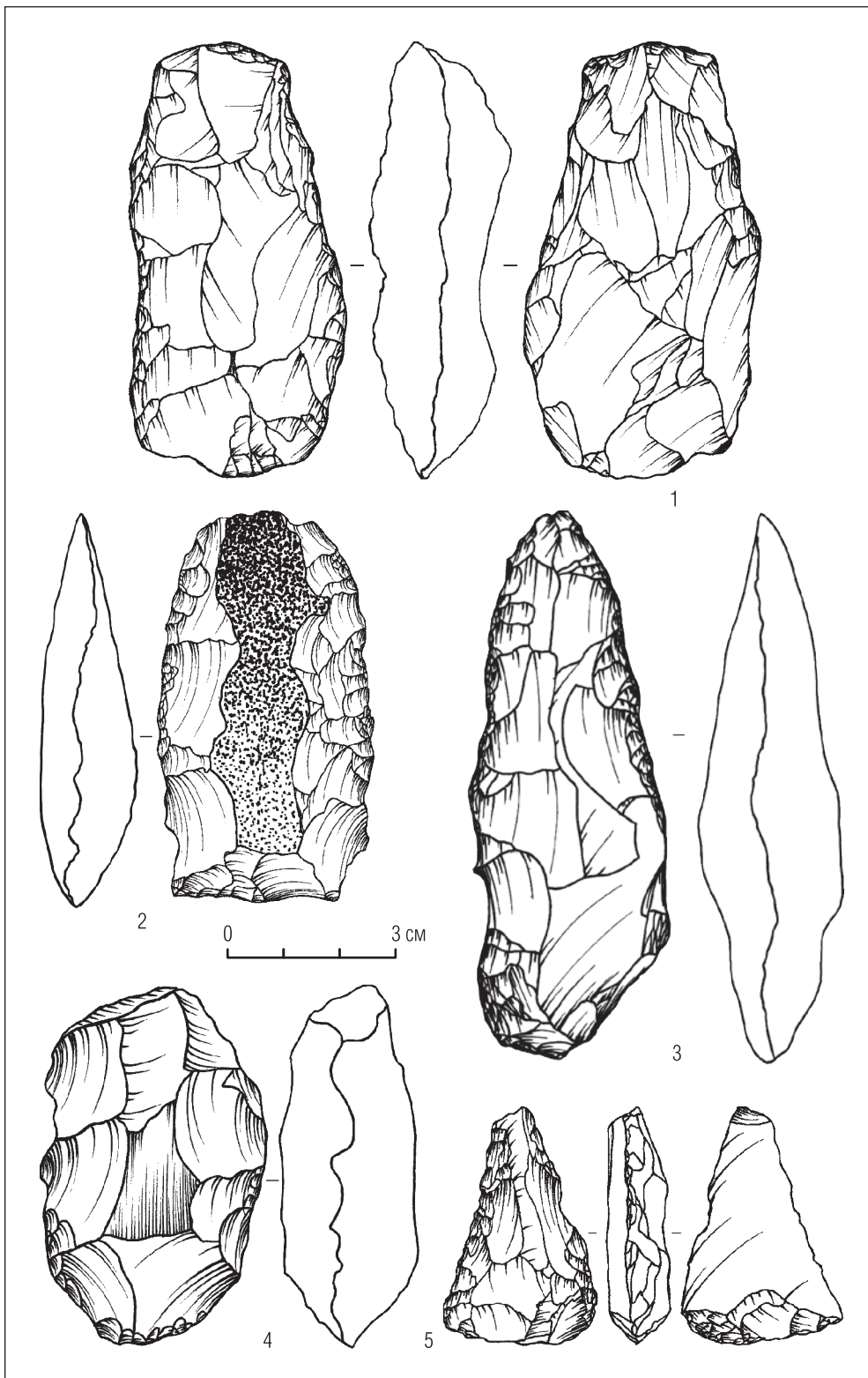

Рис. 5. Клинки топоров прямоугольной (1, 2, 4) и треугольной (3, 5) форм.
 Группа 2: тип 1: 1 – Озерки 5/к.с. II (рис. автора); тип 2: 2 – Альба 8 (по Н.А. Цветковой [33]);
 тип 3: 4 – Давыдковская (по В.В. Сидорову [34]).
 Группа 3: тип 1: 3 – Альба 8 (по Н.А. Цветковой [33]); тип 2: 5 – Котчище 1 (рис. автора)

Рис. 6. Клинки тёсел трапециевидной формы.

Группа 1: тип 1: 2 – Альба 8 (по Н.А. Цветковой [33]); тип 2: 1, 3 – Котчище 2 (рис. автора);
 5 – Котчище 2 (по Н.Н. Гуриной [19]), 4 – Озерки 5/к.с. II (рис. автора); тип 3: 7 – Сахтыш 2/к.с. IIг (по М.Г. Жилину,
 Е.Л. Костылёвой [36]); тип 4: 6 – Давыдовская (по В.В. Сидорову [34]); 8 – Котчище 2 (рис. автора);
 9 – Воймежное 1/11 (по Древние охотники ... [38])

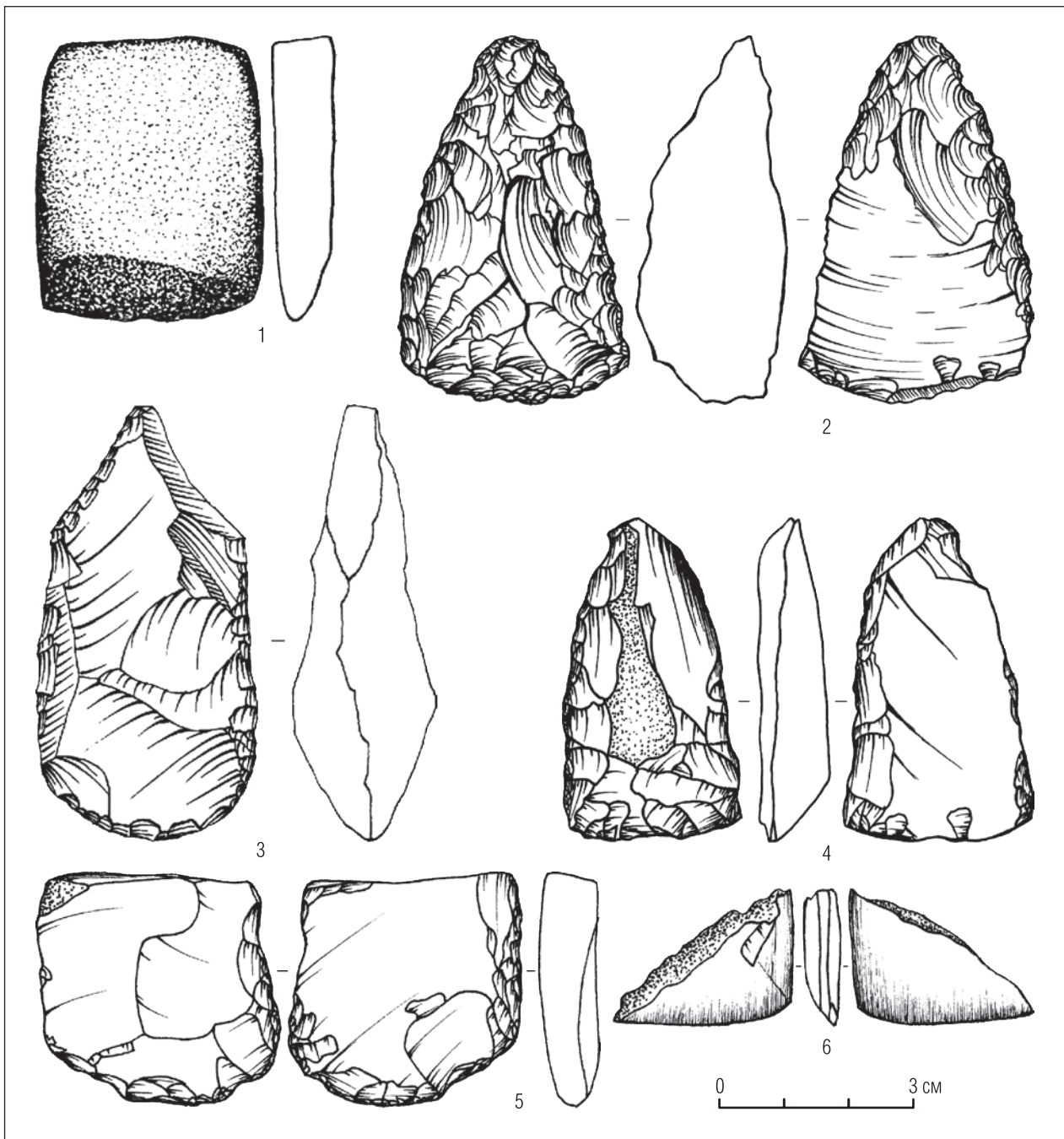

Рис. 7. Орудия для обработки дерева.

Клинки тёсел прямоугольной формы: группа 2, тип 4: 1 – Шадрино 4 (по Д.А. Крайнову, Е.Л. Костылёвой [39]).

Индивидуальные формы: 3 – Ивановское 3/3 (из архива А.В. Уткина и Е.Л. Костылёвой).

Клинки тёсел треугольной формы: группа 3, тип 2: 2 – Котчище 2 (по Н.Н. Гуриной [19]); 4 – Альба 8 (по Н.А. Цветковой [33]).

Долотовидные орудия: 5 – Алексеевское 1 (по Н.А. Цветковой [32]).

Фрагменты клинков тёсел: 6 – Озерки 5 (рис. автора)

Орудия прямоугольной формы (2 экз.)

Такие орудия представлены шлифованными изделиями **типа 4**. Первое – средних пропорций со стоянки Шадрино 4 (рис. 7: 1). Характер заготовки неясен. Второе орудие происходит из раннеолитического слоя Замостье 2. Это небольшое по размерам узкое изделие с шлифованным округлым лезвием.

Орудия треугольной формы (2 экз.)

К этой группе отнесены два изделия **типа 2** – орудия с дорсальной оббивкой и вентральной подтёской, происходящие со стоянок Котчище 2 (рис. 7: 2) и Альба 8 (рис. 7: 4). Все изделия – средних пропорций (**вариант 2**) и изготовлены из крупных первичных отщепов (технический приём «flake-axe»).

Таблица 1. Соотношение типов вставок/клинков топоров на памятниках раннего неолита Верхнего Поволжья

Памятники	Трапециевидные				Прямоугольные				Треугольные				Итого
	T1	T2	T3	T4	T1	T2	T3	T4	T1	T2	T3	T4	
Алексеевское 1	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Альба 8	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	3
Давыдковская	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	3
Замостье 2	2	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	6
Котчище 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Котчище 2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Малая Ламна 1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Озерки 5/II					1								1
Озерки 5/III		1											1
Окаёмово 18	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Плещеево 1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Сахтыш 2а/Пв			1										1
Сахтыш 2а/Пг	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Становое 4/II	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Итого	10	1	9	3	1	1	1	-	1	1	-	-	28

Таблица 2. Соотношение типов вставок/клинков тёсел на памятниках раннего неолита Верхнего Поволжья

Памятники	Трапециевидные				Прямоугольные				Треугольные				Итого
	T1	T2	T3	T4	T1	T2	T3	T4	T1	T2	T3	T4	
Альба 8	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	2
Воймежное 1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Давыдковская	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Замостье 2	-	-	-	2	-	-	-	1	-	-	-	-	3
Котчище 2	-	3	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	5
Озерки 5/II	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Сахтыш 2а/Пг	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Шадрино 4	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Итого	1	4	1	5	-	-	-	2	-	2	-	-	15

Единственное изделие со стоянки Алексеевское 1 стоит отнести к долотовидным орудиям (рис. 7: 5). Это крупный отщеп с двухсторонней крупнофасеточной полукруглой ретушью, образующей рабочее лезвие.

Обломки деревообрабатывающих орудий представлены 6 фрагментами с поселений Озерки 5/III (рис. 7: 6), Замостье 2 (4 экз.) и Ивановское 3 (1 экз.).

Орудий на разных стадиях изготовления (рис. 8) известно 11 экз. на стоянках Котчище 1 (1) и 2 (2), Сахтыш 2а/к.с. Пв, г (2), Озерки 5/к.с. III (1), Становое 4/к.с. II, раскоп 2 (1), Алексеевское 1 (1), Окаёмово 18/нижний к.с. (2). Последняя заготовка происходит со стоянки Давыдковская и опубликована как нуклеус [34, с. 150]. В раннеолитическом слое поселения Замостье 2 к заготовкам деревообрабатывающих изделий отнесены 79 предметов [41].

* * *

Типологический анализ позволяет охарактеризовать орудия для обработки дерева с раннеолитических памятников Верхневолжского региона следующим образом. Вставки топоров количественно превосходят клинки тёсел в 2 раза. Наиболее распространёнными среди деревообрабатывающих орудий (как то-

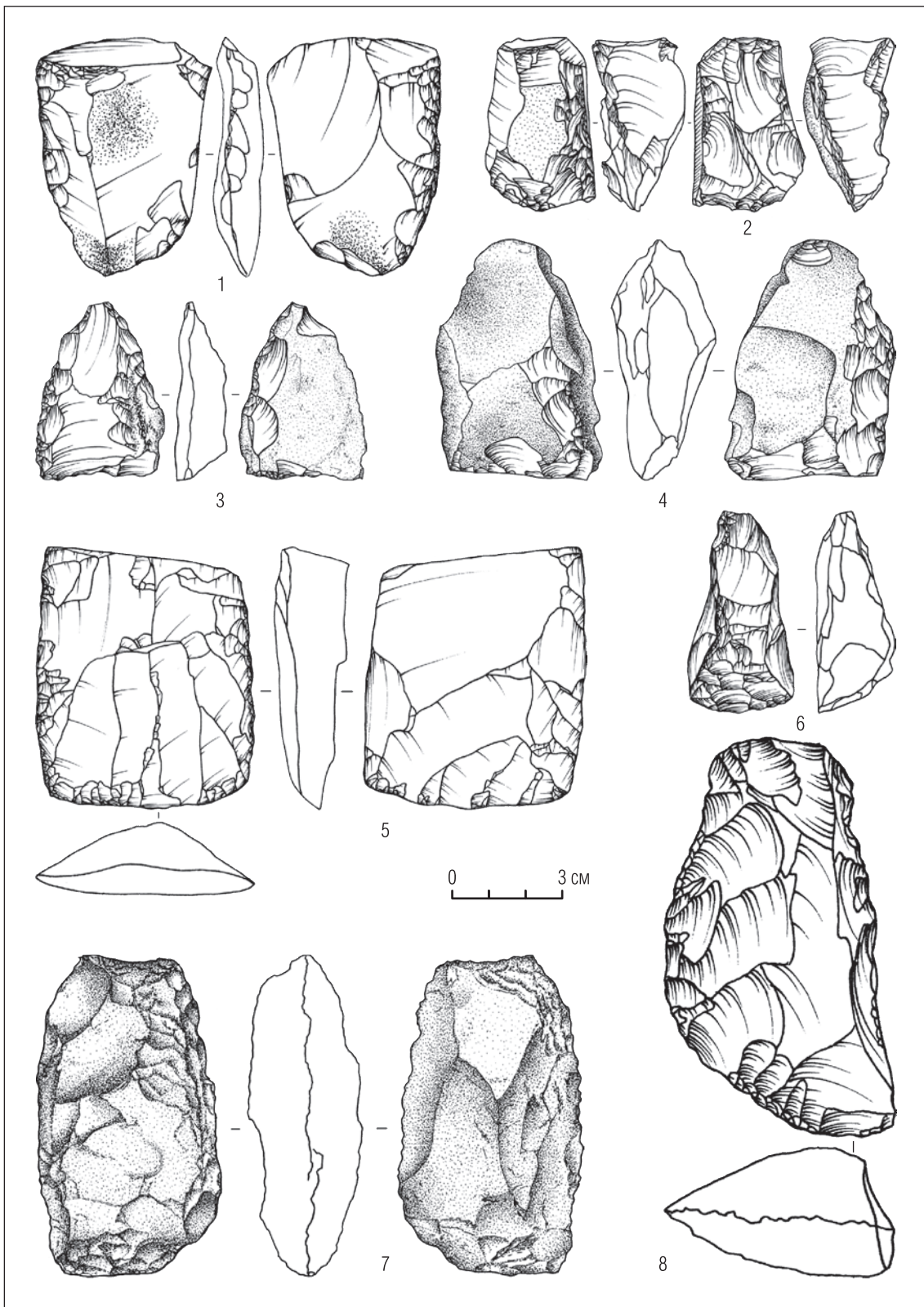

Рис. 8. Орудия для обработки дерева на разных стадиях изготовления:

1 – Алексеевское 1 (по Н.А. Цветковой [32]); 2, 4 – Сахтыш 2а/к.с. Пв, г (рис. автора); 3, 6 – Котчище 2 (рис. автора); 5 – Котчище 1 (по И.В. Гавриловой [40]); 7 – Становое 4/к.с. II, раскоп 2 (рис. автора); 8 – Давыдовская (по В.В. Сидорову [34])

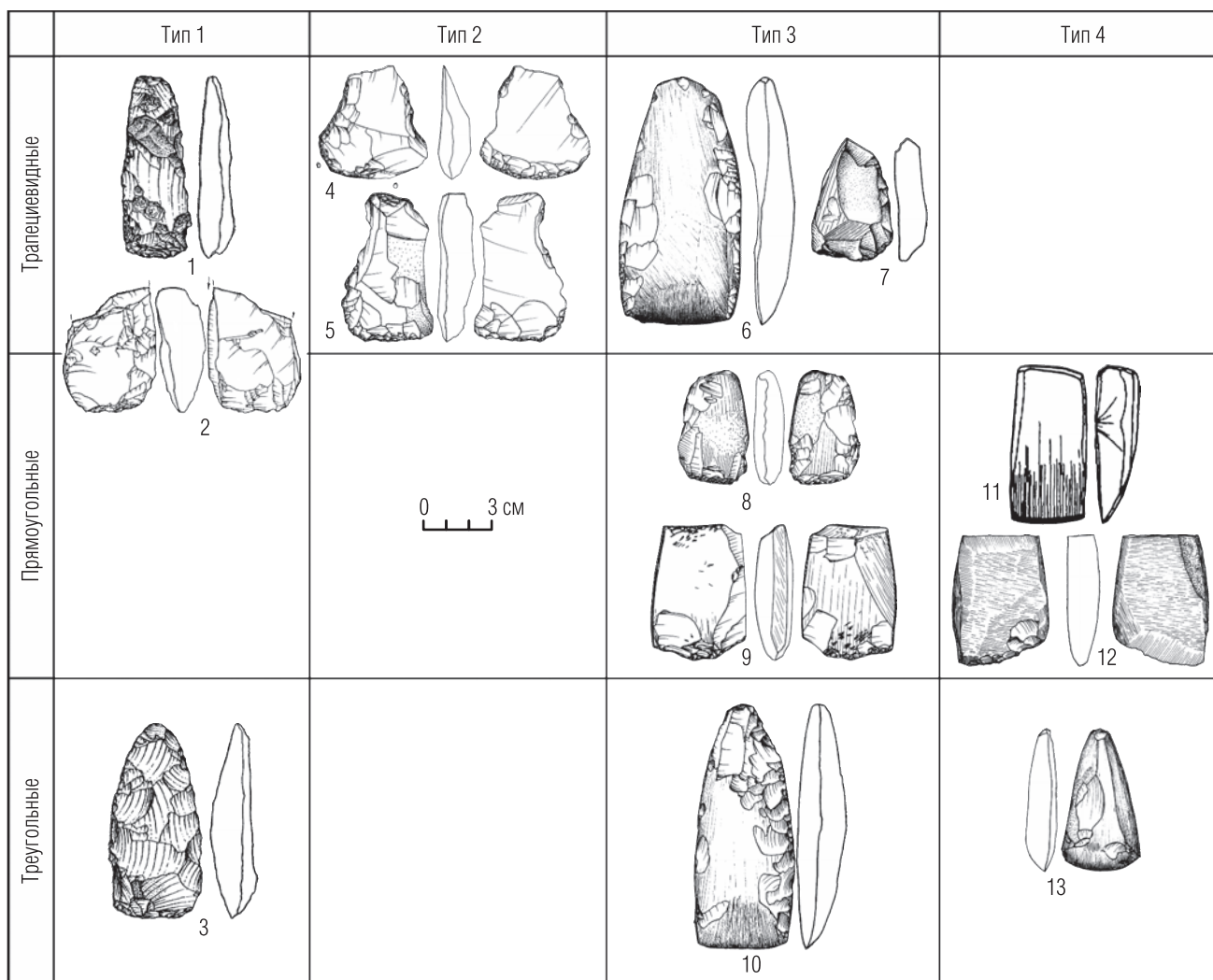

Рис. 9. Орудия для обработки дерева развитого мезолита:

1, 3 – Нушполы 11 (по Л.В. Кольцову, М.Г. Жилину [20]); 2 – Окаёмово 29 (по М.Г. Жилину [31]); 4, 6 – Ивановское 7/к.с. IIa (по М.Г. Жилину и др. [42]); 5 – Окаёмово 18a/нижний к.с. (по М.Г. Жилину [31]); 7, 10 – Замостье 2 (по В.М. Лозовскому [22]; Е.Ю. Гире и др. [11]); 8, 9, 12 – Становое 4/к.с. III, раскоп 2 (по В.А. Аверину [12]); 11, 13 – Озерки 5/к.с. IV (по М.Г. Жилину [30])

поров, так и тёсел) в раннем неолите являются изделия трапецевидной формы – 22 из 46 экз. Изделия треугольной и прямоугольной форм представлены единично.

Группа орудий трапецевидной формы (и топоры, и тёсла) представлена всеми четырьмя типами изделий: с двухсторонней оббивкой; с дорсальной оббивкой и вентральной подтёской; сочетающие оббивку и шлифовку; полностью шлифованные. Среди клинков топоров наиболее распространены орудия, изготовленные при помощи двухсторонней оббивки. Также многочисленны изделия, сочетающие на заготовке приёмы оббивки и шлифовки. Среди тёсел в равной мере представлены изделия, изготовленные двухсторонней оббивкой, дорсальной оббивкой и вентральной подтёской, и шлифованные. Тёсло, сочетающее оббивку и шлифовку, известно пока в единственном экземпляре.

Технология изготовления деревообрабатывающих орудий раннего неолита предполагает использование двухсторонней оббивки и абразивной обработки с применением разнообразных технических приёмов [9]. В их числе следует назвать приём «flake-axe», смысл которого заключается в «плоской подтеске бруска с боковых сторон, предварительно обработанных поперечными сколами. Отщеп обычно ориентируется таким образом, чтобы лезвийный конец был изначально тонким, требующим минимальной заточки» [9, с. 125]. Встречены 10 изделий, заготовкой для которых послужили крупные отщепы, что составляет 22 % от общего количества орудий. Два орудия со стоянок Альба 8 (рис. 5: 2) и Котчище 1 (рис. 5: 5) – это клинки/

вставки топоров. Клинки/вставки тёсел, изготовленные из отщепов, представлены в коллекциях памятников Котчище 2 (рис. 6: 3, 5; 7: 2), Озерки 5/к.с. II (рис. 6: 4) и Альба 8 (рис. 7: 4). Единственное долотовидное орудие со стоянки Алексеевское 1 также изготовлено из крупного отщепа (рис. 7: 5). Помимо этого, известны несколько заготовок деревообрабатывающих орудий на крупных отщепах (рис. 8: 1, 6). Свидетельства о том, что данный приём встречается только на отщепах-заготовках [9, с. 125], а также то, что в некоторых случаях конечной целью являлось изготовление шлифованного орудия [11; 9], позволяют признать, что некоторый процент орудий является на самом деле заготовками. Точно определить это невозможно без проведения технологического и трасологического анализов, что представляется делом будущего. То же касается и изделий, которые сочетают оббивку и шлифовку (тип 3).

Показательны два орудия, у которых рабочее лезвие намеренно сформировано шлифовкой. Одно из них (топорик) происходит со стоянки Алексеевское 1 (рис. 4: 6), второе – из к.с. II раскопа 2 поселения Становое 4 (рис. 4: 9).

Обсуждение

Типологический анализ орудий для обработки дерева из раннеолитических памятников Верхневолжского региона позволил детально их охарактеризовать. На основании полученных данных был проведён сравнительный анализ рубящих орудий раннего этапа валдайской АК, происходящих из валдайских комплексов стоянок Котчище 1 и 2, и верхневолжской АК. Результаты анализа позволяют утверждать, что клинки/вставки топоров и тёсел со стоянок Котчище 1 и 2 (7 экз.) не обладают специфическими чертами валдайской культуры – крупными размерами [17, с. 189] и чрезвычайно схожи по морфологии, метрическим характеристикам и технологии изготовления с деревообрабатывающими орудиями верхневолжской АК (табл. 1, 2; рис. 3–7). Толстообушные орудия трапецевидной и подпрямоугольной форм являются наиболее распространёнными. Технология изготовления предполагает использование двухсторонней оббивки и абразивной обработки. В качестве заготовок в индустриях обеих культур использовались как крупные отщепы, так и отдельности сырья.

Одним из свидетельств эволюционного развития каменной индустрии верхневолжской АК является представление об увеличении доли шлифованных деревообрабатывающих изделий примерно с 6500 л.н. [23]. Этот тезис представляется автору недостаточно обоснованным, в первую очередь из-за отсутствия «чистых» памятников с гребенчато-накольчатой керамикой II этапа и посудой с «длиннозубчатым» орнаментом III этапа развития верхневолжской АК [23], на основании материалов которых возможно было бы проследить темпы роста доли шлифованных изделий в раннем неолите. Очевидны необходимость проведения технологического анализа каменной индустрии каждого из опорных памятников раннего неолита и выявление технологической цепочки производства деревообрабатывающих орудий отдельно для памятников с неорнаментированной/тычково-накольчатой, гребенчато-накольчатой и гребенчатой керамикой. Весь контекст производства рубящих орудий (специализированные стоянки-мастерские) представлен пока только в раннеолитическом слое поселения Замостье 2.

Сравнение массивов рубящих орудий раннего неолита с изделиями развитого мезолита на Верхней Волге показывает отсутствие принципиальных отличий между ними (рис. 3–7, 9) и, таким образом, подтверждает тезис об отсутствии различий между рубящими орудиями позднего мезолита – раннего неолита, в том числе и в техническом отношении [10]. Так, в финальном мезолите, например на памятниках Окаёмово 18а, 29 [31], Озерки 5/к.с. IV [43], Замостье 2 [22], Становое 4/к.с. III, раскоп 2 [12], Ивановское 7/к.с. Па [42], Нушполы 11 [31], представлены все группы (форма изделий) и типы (характер обработки) деревообрабатывающих орудий, известные в раннем неолите. Яркий пример такого сходства представляют орудия для обработки дерева из поселения Сахтыш 2а (рис. 4: 8; 6: 7). На основе детального стратиграфического анализа залегающих артефактов [44] они были отнесены к слою финального мезолита (IIIа), выделенному на суходольной части поселения в раскопе 1999 г. и на торфяниковой части поселения в раскопе 2004 г. Однако предположение об их раннеолитическом возрасте вполне резонно. Первоначально эти предметы были зафиксированы в к.с. Пг. В этом слое не было встречено никакой иной керамики, кроме верхневолжской. Е.Л. Костылёва отмечает, что слой с находками финального мезолита в юго-западной половине раскопа 1999 г. отделён от подошвы слоя Пг стерильной прослойкой торфа мощностью до 20 см. В северо-восточной части раскопа 1999 г. эта прослойка выклинивалась, и культурный слой Пг лежал непосредственно на нижнем культурном слое. В раскопе 2004 г. стерильная прослойка между слоями Пг и IIIа отсутствовала. Контакт этих слоёв приходился на отметки 265–270 см от условного нуля. На контакте были найдены в достаточном количестве фрагменты, в том числе и крупные, ранних сосудов верхневолжской культуры [37, с. 21]. Топорик и тесло зафиксированы на глубине –263 и –268 см от условного нуля соответственно. Как справедливо отмечает исследовательница, «Находки кремневых и костяных предметов, встречавшиеся на глубине –265–270 см, могли относиться как к мезолиту, так и к раннему неолиту» [37, с. 21]. Автор солидарен с такой позицией Е.Л. Костылёвой и не считает нужным спорить о возрасте данных предметов. Этот пример показателен при обсуждении вопроса о сходстве финальнонеолитической и раннеолитической каменных индустрий и проблемы информативности источников по этому периоду.

Кроме того, сходные черты в типах рубящих орудий и технологии их изготовления прослеживаются между орудиями со стоянок на Верхней Волге и на остальной территории лесной зоны европейской части России [например, 45, с. 309; 46, с. 255; 47, с. 296; 48, с. 284–285; 49, с. 173, 189].

Выводы

На основании проведенного типологического анализа деревообрабатывающих орудий, происходящих из 14 опорных памятников раннего неолита Верхнего Поволжья, можно сделать следующие выводы. Численно преобладают изделия с несокошенным профилем рабочего лезвия – клинки топоров. Вставки тесел представлены в гораздо меньшем количестве. Долотовидное орудие известно в единственном экземпляре на стоянке Алексеевское 1 в Ивановской области. Основными формами как среди топоров, так и среди тесел являются трапециевидные изделия. Известны орудия и других форм, однако они малочисленны. Основные технологии изготовления рубящих в раннем неолите – это двухсторонняя оббивка и абразивная обработка, которые могли комбинироваться при изготовлении одного предмета. Сравнительный анализ орудий для обработки дерева из эталонных коллекций памятников валдайской и верхневолжской археологических культур показал отсутствие специфических черт первых и их идентичность друг другу. Прослеживается преемственность в формах и технологии изготовления с рубящими орудиями развитого мезолита региона. Остаются открытыми вопросы о критериях различения орудий по функциональному назначению (топоры, тесла, долота, стамески), этапах процесса их изготовления и другие. Важной представляется проблема реконструкции “жизни” деревообрабатывающего орудия.

Автор выражает искреннюю благодарность за оказанную помощь при работе с материалами, ценные советы и консультации к.и.н. Е.Л. Костылёвой, к.и.н. С.Н. Лисицыну и к.и.н. Г.В. Сеницыной, а также д.и.н. М.Г. Жилину и к.и.н. Е.Л. Костылёвой за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы с поселений Становое 4, к.с. II, раскоп 2 (раскопки 1998 г.), Озерки 5, к.с. II, III и Сахтыш 2а, к.с. II в, г (раскопки 2004 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьев В.М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий // РА. 1979. № 3.
2. Семенов С.А. Топор в верхнем палеолите // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
3. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
4. Долуханов П.М. Палеогеография мезолита Северной Европы // МИА. № 126. 1966.
5. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита // МИА. № 172. 1973.
6. Кольцов Л.В. Финальный палеолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
7. Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004.
8. Филатова В.Ф. Проблемы изучения экологической и культурной адаптации населения Карелии эпохи мезолита // Адаптация культуры населения Карелии и особенности местной природной среды периодов мезолита – средневековья. Петрозаводск, 2009.
9. Тарасов А.Ю. Адаптация к локальной сырьевой базе, технологическое развитие каменных индустрий и социальное развитие древних обществ: на примере культур Карелии периода неолита – раннего железного века // Адаптация культуры населения Карелии и особенности местной природной среды периодов мезолита – средневековья. Петрозаводск, 2009.
10. Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытно- и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
11. Гиля Е.Ю., Лозовский В.М., Лозовская О.В. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции “Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры”. 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.
12. Аверин В.А. Мезолитические рубящие орудия из камня, кости и рога с многослойного торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
13. Жилин М.Г. Костяная индустрия лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
14. Лозовская О.В. Деревянные изделия стоянки Замостье 2 по материалам раскопок 1995–2000 гг. // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
15. Лозовская О.В. Некоторые категории деревянного инвентаря многослойной стоянки Замостье 2 // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.
16. Гурина Н.Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3.
17. Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
18. Гурина Н.Н. Относительная и абсолютная хронология памятников каменного века Волговерховья // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
19. Гурина Н.Н. Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // Studia archaeologica im memoriae Harri Moora. Tallinn, 1970.
20. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
21. Лозовский В.М. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье II) // Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001.
22. Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.
23. Энгватова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. 1998. № 2.
24. Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
25. Смирнов А.С. Фактологическая основа археологического исследования (на примере верхневолжской раннеолитической культуры) // РА. 2004. № 2.
26. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.
27. Вережанина И.В. Поселения южного побережья Селижаровского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)

28. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли, Л.Б. Вишняцкий, Е.Ю. Гиря, Ю.Н. Грибченко, М.Н. Желтова, А.Н. Тихонов. СПб., 2007.
29. Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.
30. Жилин М.Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I // СА. 1975. № 1.
31. Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции “Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры”. 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.
32. Цветкова Н.А. Стоянка каменного века Алексеевское 1 (по материалам раскопок 1969 и 1970 гг.) // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2008.
33. Цветкова Н.А. Ранненеолитическая стоянка Альба 8 в верховьях Клязьмы // РА. 2010. № 2.
34. Сидоров В.В. Давыдовская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. № 2.
35. Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Уткин А.В. Стоянка Малая Ламна I // КСИА. Вып. 185. 1985.
36. Жилин М.Г., Костылева Е.Л. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции в 1999 г. М., 2000 // Архив ИА РАН. Р-1. № 22049.
37. Костылева Е.Л. Отчет о раскопках стоянки Сахтыш 2а в Тейковском районе Ивановской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
38. Древние охотники и рыболовы Подмосквья по материалам многослойного поселения эпохи камня – Воймежное 1. М., 1997.
39. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. Ранненеолитическая стоянка Шадрино 4 в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. 1988.
40. Гаврилова И.В. Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИИМК. Вып. 92. 1962.
41. Лозовский В.М. Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье 2: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2Д. Д. 609.
42. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII) / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энгватова. М., 2002.
43. Жилин М.Г. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М., 2006.
44. Аверин В.А., Жилин М.Г., Костылёва Е.Л. Мезолитические слои стоянки Сахтыш 2а (по материалам раскопок 1999 и 2004 гг.) // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009.
45. Гусенцова Т.М. Комплекс с неолитической накольчатой-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правобережье р. Вятки // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
46. Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
47. Иванищева М.В., Иванищев А.М. Поселение раннего неолита на Нижней Сухоне // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
48. Лычагина Е.Л. Каменный инвентарь памятников с накольчатой керамикой в Пермском Предуралье // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
49. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

*Археологический центр
Ивановского государственного университета,
Иваново*

N.A. Tsvetkova

THE EARLY NEOLITHIC TOOLS FOR WOODWORKING IN THE UPPER VOLGA REGION

Summary

The article deals with the systematization of the data about the Early Neolithic chopping tools in the Upper Volga region. In the section about the methodology of the classification of the tools for woodworking the author notes the lack of the developed typology for this category of tools and suggests her own hierarchical typology based on the classification of the Mesolithic tools for woodworking worked out by V.M. Vorobyev.

According to the results of the typological analysis of the woodworking tools that came from 14 main monuments of the Early Neolithic of the Upper Volga basin the following conclusions were drawn. The tools with the unbevelled profile of a working blade (axe cutting edges) are predominant. The main shapes both among axes and among adzes are trapezium-shaped tools. The tools in other shapes (square and three-cornered) are not numerous. The main techniques of the production of woodworking tools in the Early Neolithic are two-way upholstery and abrasion, which could be combined in the production of one item. The comparative analysis of the tools for woodworking of the Valdai and Upper Volga archaeological cultures showed no specific features in the tools of the Valdai culture and their identity with the woodworking tools of the Upper Volga culture. The continuity of forms and manufacturing techniques of the Early Neolithic tools for woodworking and the chopping tools of the Developed Mesolithic of the region is traced.

*101, 64, Buharestskaya St.,
Saint-Petersburg, 192286, Russia*

E-mail: n-tsvetkova@yandex.ru

С.Н. Савченко

КОСТЯНЫЕ ЦЕЛЬНЫЕ РЫБОЛОВНЫЕ КРЮЧКИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Все известные на сегодняшний день в Среднем Зауралье рыболовные крючки, которые можно отнести к каменному веку, являются цельными орудиями, изготовленными из кости. В настоящее время здесь известны всего тринадцать подобных изделий, включая обломки. Подавляющее большинство крючков (10 экз.) происходят из Шигирского торфяника и являются случайными находками. Семь из них хранятся в Свердловском областном краеведческом музее (СОКМ) (рис. 1: 1–4), три – в Государственном Эрмитаже (ГЭ) (рис. 1: 5–7).

Три рыболовных крючка – целые или в виде обломков – были найдены в Среднем Зауралье при раскопках археологических памятников. Обломок прямого тонкого стержня подобного орудия найден в мезолитическом слое стоянки Кокшаровско-Юрьинская I на Кокшаровском торфянике. Мезолитический слой памятника на основании аналогий предположительно датируется концом пребореального – бореальным периодом.

Летом 2010 г. целый костяной крючок был найден в раннемезолитическом (V) пребореальном культурном слое Второй Береговой торфяной стоянки на Горбуновском торфянике (рис. 1: 8). Крючок – мелкий: длина 37 мм, ширина 8 мм, глубина поддѣва 15 мм, глубина поддѣва изнутри 10 мм. Орудие изготовлено из стенки тонкой трубчатой кости птицы или небольшого зверя. Форма крючка сохранила природный изгиб стенки кости и участки её внешней и внутренней поверхностей. В центре изгиба обушка изделия сохранились остатки биконической сверлины. Выделенная головка на конце прямого стержня выполнена в виде утолщения на его внешнем крае. Это первая находка целого такого орудия при раскопках мезолитических памятников Урала.

При раскопках в 1950-х годах неолитической стоянки Стрелка на Горбуновском торфянике был найден обломок цельного рыболовного крючка (рис. 1: 9), опубликованный в работе А.Я. Брюсова [1, рис. 36: 1]. Орудие – среднего размера с дугообразным обушком и прямым цевьём. Конец стержня обломан. Оно отличается от остальных найденных в Среднем Зауралье рыболовных крючков наличием на острие треугольной бородки, но не оформленной специально, а образовавшейся в результате сверления обушка и не убранный при дальнейшей обработке.

Все уральские крючки, за исключением мелкого крючка со Второй Береговой, средних пропорций. Длина их колеблется в пределах от 47 до 62 мм, ширина – от 13 до 19 мм, параметры мелкого крючка приведены выше. Изделия имеют прямой тонкий стержень (цевьё) с выделенной головкой для крепления лески и дугообразный обушок. Остриё гладкое, в одном случае (крючок со стоянки Стрелка) – с бородкой (рис. 1: 9).

По глубине поддѣва крючки распадаются на три группы. К первой группе относятся четыре крючка средних размеров из Шигирской коллекции СОКМ (рис. 1: 1–4), имеющие глубину поддѣва 28–30 мм, что составляет половину или более половины их длины, глубина поддѣва изнутри 19–21 мм.

Во вторую группу вошли орудия среднего размера с глубиной поддѣва несколько меньше половины их длины. Это два шигирских крючка (рис. 1: 7) с поддѣвом 24 мм, глубина поддѣва изнутри 17 мм и обломок крючка с неолитической стоянки Стрелка с глубиной поддѣва 22 мм, поддѣв изнутри 16 мм.

Третья группа объединила по величине поддѣва 15–19 мм, поддѣв изнутри 10–12 мм, как крючки средней длины (рис. 1: 5–6), так и мелкий крючок со Второй Береговой (рис. 1: 8). Но если принять во внимание соотношение глубины поддѣва и общей длины изделия, то находка со Второй Береговой попадёт во вторую группу, так как глубина его поддѣва составляет чуть меньше половины общей длины, а у остальных орудий из этой группы – всего от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ их длины.

Все крючки изготовлены из костяных пластин толщиной 2–3 мм соответствующей длины и ширины. В отдельных случаях удалось установить, что это были пластины-заготовки из расщеплённых рёбер или из стенок трубчатых костей. Пластины выравнивались с двух сторон скоблением, продольным строганием или шлифовкой. На расстоянии 3–5 мм от одного узкого края пластины с двух сторон сверлилось сквозное отверстие диаметром 3–5 мм, соответствующее середине изгиба обушка. После этого резчиком с узкой кромкой вдоль одного края пластины прорезался доходящий до отверстия длинный паз для отделения стержня крючка. От другого края пластины под углом 35°–45° к первому пазу выполнялся второй, более короткий, надрез, также доходящий до отверстия. Второй паз служил для отделения острия. Глубина надре-

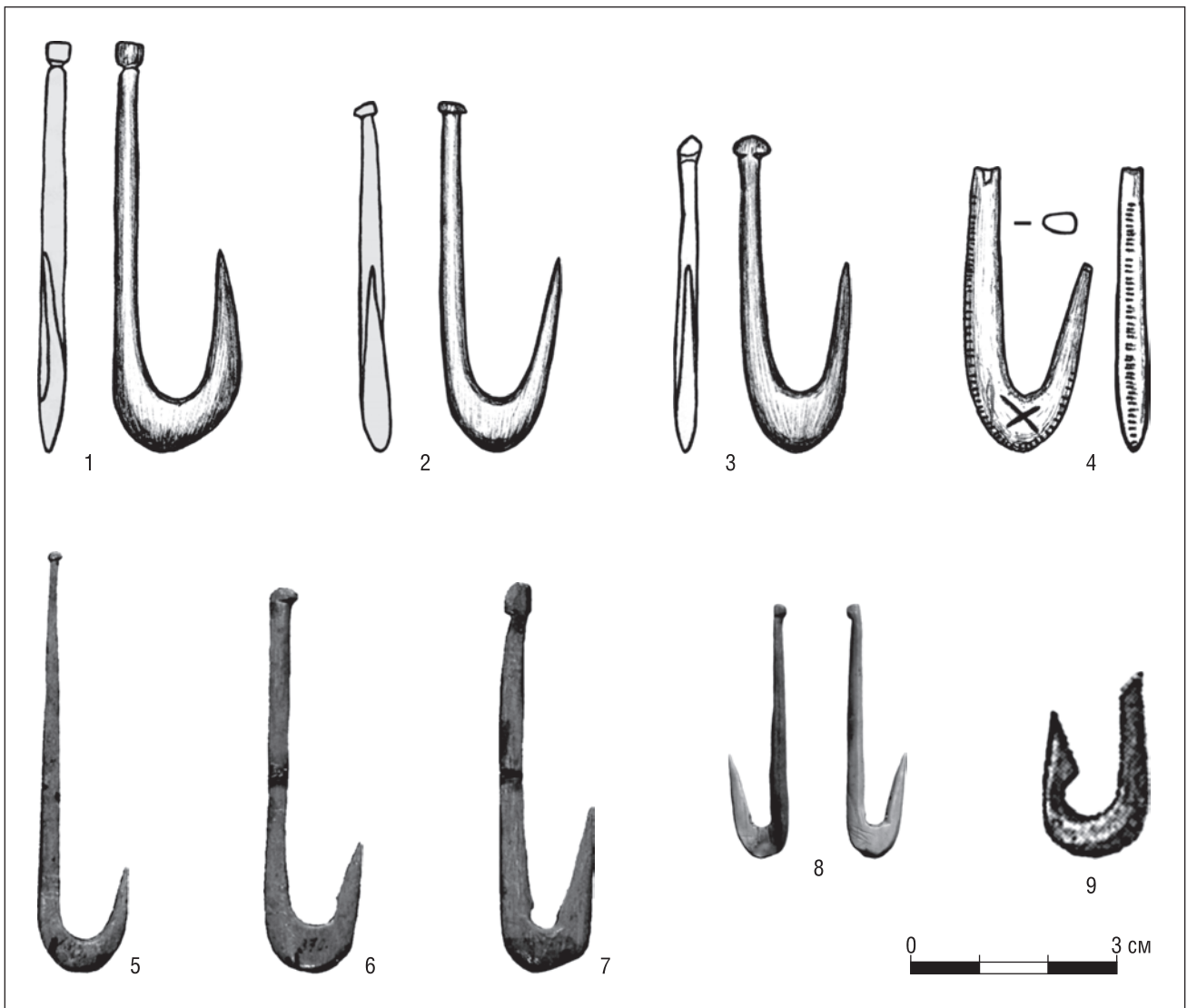

Рис. 1. Рыболовные крючки. Кость.

1–4 – Шигирская коллекция СОКМ; 5–7 – Шигирская коллекция ГЭ;
8 – Вторая Береговая торфяная стоянка, культурный слой V; 9 – стоянка Стрелка (по А.Я. Брюсову [1])

зов составляла от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ толщины заготовки. После этого средняя часть пластины выламывалась. На внутреннем крае двух изделий частично сохранились стенки таких надрезов.

Края крючков обрабатывались продольным строганием и шлифовкой. Обработка изделий в большинстве случаев тщательная, следы сверлины на внутреннем крае обушка обычно убраны полностью (рис. 1: 1–5), но иногда стенка сверлины частично сохранялась (рис. 1: 6–9). Все орудия с сохранившейся верхней частью цевья имеют выделенную головку. Головка оформлялась кольцевым надпилем или поперечными надпилами на одном или на двух краях. Затем, чтобы выделить головку, массу кости на стержне снимали продольным строганием по направлению к надпилу. Завершающими стадиями обработки рыболовных крючков часто становились тонкая шлифовка на мелкозернистом абразиве и полировка, вероятно, кусочком кожи или другим мягким материалом.

Один крючок из Шигирской коллекции СОКМ орнаментирован гравированными косыми крестами на обеих плоскостях обушка и короткими поперечными нарезками по его внешнему краю (рис. 1: 4). Орнамент был нанесён на предмет до завершающей тонкой шлифовки и полировки, о чём свидетельствует сглаженность краёв его линий.

Технология изготовления подобных рыболовных крючков, распространённых на мезолитических и неолитических памятниках Восточной Европы, неоднократно получала подробное описание в литературе [2,

с. 102; 3, с. 122–123; 4, с. 308–310]. Отличительной чертой уральских изделий является большее применение шлифовки.

Костяные рыболовные крючки стали первыми специализированными орудиями лова, предназначенными только для добычи рыбы. В мезолите рыболовство уже становится самостоятельной отраслью хозяйства, играющей существенную роль в жизни древнего населения [5, с. 47–59]. Рыболовные крючки позволяли добывать рыбу не только с берега, но и с лодки на глубине, где она не видна, а также в зимнее время со льда.

Вторая Береговая торфяная стоянка стала первым на Урале археологическим памятником, где находки костей рыб связаны со стратифицированными культурными слоями раннего, среднего, позднего мезолита и раннего неолита. К настоящему времени в нижнем (V) культурном слое, датируемом пребореальным периодом, где был найден рыболовный крючок, обнаружены кости щуки обыкновенной (9), длина особей 30, 45 и 50 см; карася серебряного (3), длина особей 15 и 45 см; окуня речного (29), длина – 12, 15 и 20 см; плотвы (6), длина – 12 см; карповых (1).¹ В среднем (IV) мезолитическом культурном слое конца пребореального периода кости рыб встречаются в большом количестве, часто в виде скоплений, образовавшихся, вероятно, при чистке рыбы. Найдены кости щуки обыкновенной (88), длина особей от 8 до 70 см, преобладают 45–50 см; карася серебряного (14), длина – 15 и 24 см; окуня речного (864), длина особей от 7 до 28 см, преобладают 15–18 см; плотвы (21), длина – от 15 до 28 см; карповых (6); тайменя обыкновенного (1), длина особи 60–65 см. С позднемезолитическим (III) культурным слоем также связаны скопления костей рыб – щуки обыкновенной (12), длина – 15, 20, 21 и 50 см; окуня речного (1710), длина – от 10 до 25 см, преобладают 15–18 см. В ранненеолитическом (II) культурном слое кости рыб единичны – щука обыкновенная (3), окунь речной (2), карповые (1).

Цельные костяные рыболовные крючки могли успешно применяться для лова всех перечисленных видов рыб. Об использовании их на Урале начиная с раннего мезолита свидетельствует находка из V культурного слоя стоянки. Можно отметить, что во всех трёх мезолитических слоях Второй Береговой встречены кости щуки и окуня, при этом количество костей окуня везде значительно преобладает. В V и IV слоях присутствуют также кости карася, плотвы и карповых. Резкое увеличение в IV и III слоях количества костей рыб, прежде всего окуня, относящегося к некрупным видам, вероятно, связано с использованием в это время рыболовных сетей, что подтверждается находками в данных слоях сетевых каменных грузил.

Уральские костяные рыболовные крючки находят многочисленные аналоги в материалах позднего палеолита – неолита лесной и лесостепной зон Евразии от Западной Европы до Восточной Сибири. В статье Э. Чеслы, посвящённой типологии и хронологии костяных рыболовных крючков каменного века севера Западной Европы, показано, что цельные костяные крючки с дугообразным обушком и гладким остриём без бородки появляются на этой территории в позднем палеолите – около 13 тысяч лет до н.э. Подобные крючки широко распространены и в материалах мезолитической культуры Маглемозе, но они крупнее уральских и обработаны более грубо. Чаще всего, в отличие от восточноевропейских и уральских, в верхней части цевья они имеют сквозное отверстие, но также встречаются крючки с уплощённой расширенной головкой или кольцевым желобком. На рубеже мезолита и неолита, около 6,5 тысячи лет до н.э., на севере Западной Европы появляются цельные костяные крючки со специально оформленной бородкой на острие, которые существуют на протяжении всего неолита с цельными крючками без бородки [6, abb. 8].

На территории лесной зоны Восточной Европы цельные костяные крючки с прямым тонким стержнем и дугообразным обушком, со следами просверлённого отверстия внутри обушка или без них, без бородки на острие известны на памятниках раннего и среднего мезолита – Ивановское VII, культурный слой 4 [7, рис. 17: 1–3], Становое 4, культурный слой III, раскоп 2 [3, рис. 40: 7], Веретье I [8, рис. 66: 1, 4, 5, 8]; в Лубанской коллекции случайных находок (Латвия), объединившей материалы мезолита и неолита [9, fig. XCI]; в материалах неолита – раннего металла Белорусского Полесья [2, рис. 2: 9, 11, 13].

Древнейшие в Сибири цельные рыболовные крючки с дугообразным обушком без бородки на острие датируются поздним палеолитом. Крючок длиной 135 мм со стоянки Стрижова Гора из XIV культурного горизонта изготовлен из метаподии плейстоценовой лошади [10, с. 19]. Подобные крючки, но небольшого размера (длиной от 30 до 60 мм), известны в слоях среднего мезолита стоянки Усть-Белая на Ангаре [10, с. 93–94]. Начиная с неолита на территории Восточной Сибири появляются цельные рыболовные крючки с бородкой на острие, известные в материалах раннеглазковских и серовских погребений [10, с. 95–96].

Неолитический рыболовный крючок со стоянки Стрелка с треугольной бородкой на острие, образовавшейся в результате сверления обушка, находит себе параллели в восточноевропейских материалах: мезолитических – в Становом 4, культурный слой III, раскоп 2 [3, рис. 40: 6]; среди случайных находок на берегах озера Б. Лудзас и в Двиете в Латвии [11, с. 52]; на поселении Камень 8 неолита – раннего металла в Белорусском Полесье [2, рис. 2: 5].

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что ловля рыбы на крючок возникает на Урале, вероятно, самостоятельно, как минимум, судя по находке из V культурного слоя Второй Береговой торфяной стоянки, в раннем мезолите в пребореальном периоде, одновременно с появлением подобных орудий на приле-

¹ Благодарю А.Е. Некрасова – научного сотрудника Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН за остеологические определения.

гающих территориях. Наиболее ранним из известных на сегодняшний день на Урале типов крючков являются цельные костяные крючки с прямым цевьём, дугообразным обушком и гладким остриём без бородки (рис. 1: 1–8). В неолите (находка со стоянки Стрелка) здесь также появляются цельные крючки с треугольной бородкой на острие (рис. 1: 9). Появление новых материалов в дальнейшем уточнит и существенно дополнит предложенную для Среднего Зауралья схему развития рассматриваемых орудий, однако можно отметить её сходство с тем, что происходило в каменном веке во всей лесной зоне Севера Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
2. Исаенко В.Ф. Древнее рыболовство в Полесье // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л., 1991.
3. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
4. Жилин М.Г. Экспериментальная реконструкция орудий охоты и рыболовства, применявшихся в мезолите лесной зоны Восточной Европы, и техники их изготовления // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
5. Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.
6. Cziéska, E. Neue Altfunde aus Pritzerbe (Brandenburg). Zugleich ein Beitrag zum Fischfang und zum steinzeitlichen Angelhaken // Ethnographische – Archäologische Zeitschrift. 2001.
7. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
8. Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
9. Vankina, L. The Collection of Stone Age Bone and Antler Artifacts From Lake Lubāna. Catalogue. Riga, 1999.
10. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: каменный век. Новосибирск, 1988.
11. Загорска И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л., 1991.

*Свердловский областной краеведческий музей,
Екатеринбург*

S.N. Savchenko

BONE WHOLE FISHHOOKS IN THE STONE AGE OF THE MIDDLE TRANS-URALS

Summary

All fishhooks known today in the Middle Trans-Urals, which can be referred to the Stone Age, are whole fishhooks made of bones. The majority of them (10 copies) come from the Shigir collection of occasional finds, 3 copies are found by the excavation of archaeological monuments. The earliest fishhook of small size (37×8 mm) was found in the preboreal (V) cultural layer of Beregovaya 2 peat site. The rest were medium-sized: 47–62 mm long, 13–19 mm broad. They have straight bars with marked heads for fastening the fishing line, bow-shaped butts and smooth points without barbs. Only one hook from the Neolithic site Strelka has a three-cornered barb, which emerged as the result of butt drilling, on the point. The technique of the production of Ural hooks is analogous to the technique of the production of such ware in the Mesolithic – the Neolithic of the wood zone of Eastern Europe that is described in detail in the literature. The distinctiveness of the Ural ware is the wide use of grinding. Ural bone fishhooks have widespread analogs in the materials of the Late Palaeolithic – the Neolithic of the wood zone of North Eurasia from Western Europe to Eastern Siberia.

*Sverdlovsk Regional Local Museum,
46, Malysheva St.,
Ekaterinburg, 620014, Russia*

E-mail: sv-sav@yandex.ru

Т.М. Гусенцова

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА (Ленинградская область)

Археологические памятники первобытной эпохи с сохранившимся культурным слоем на южном побережье Онежского озера представляют большую редкость. Это объясняется плавным тектоническим поднятием Фенноскандии, в результате которого происходил медленный процесс перекоса ванны Онежского озера: затопление южных границ и постепенное поднятие его северных берегов [1, с. 5–17]. К югу от истока р. Свирь все места древних поселений затоплены и размыты. Материальные остатки этих памятников ежегодно выбрасываются волнами на песчаные пляжи берега озера. Севернее истока р. Свирь – от Вознесенья до Рыбреки – стоянки занимают минимальную (от 0 до 1 м) высоту над современным урезом воды и также практически недоступны для исследований.

Среди изученных памятников наиболее известна Вознесенская стоянка на правобережье р. Свирь, расположенная неподалёку от места истока реки из Онежского озера (рис. 1). Памятник был открыт в 1921 г. Р.Ф. Геккером; в 1925–1927 гг. его обследовал Б.Ф. Земляков. В 1934 г. в связи со строительством Свирской ГЭС она исследовалась В.И. Равдоникасом; в 40-х–60-х годах XX века – Н.Н. Гуриной (2, с. 407–410). Стоянка заселялась неоднократно в неолите и в период раннего металла. Культурный слой чётко фиксировался в прибрежной полосе у самой воды и подвергся интенсивному разрушению. Остатки жилищ или же хозяйственных построек не обнаружены. Основная масса керамики представлена неолитическими сосудами с ямочно-гребенчатым орнаментом и толстостенными горшками с гребенчато-ямочной орнаментацией, состоящей иногда из геометрических узоров. Найдены немногочисленные фрагменты энеолитической посуды с примесью асбеста; сетчатой и гладкостенной посуды периода раннего металла. Получены выразительная коллекция орудий из кремня и кварца, в значительном количестве сланцевые рубящие орудия.

В 1970-е годы разведочные исследования южного побережья Онежского озера проводились археологами Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Было открыто ещё несколько стоянок и местонахождений у истока р. Свирь – Вознесенье Ia, II, Красный Бор – и на Онежском озере – Щелейки, Ямехручей и др. [3, с. 77–81]. Культурный слой большинства памятников находится ниже уровня воды. Практически все материалы представлены сборами на пляжах каменных орудий и керамики. Только на стоянке Щелейки, открытой в 1971 г. Ю.А. Савватеевым, были обнаружены следы культурного слоя. Найдены обломок рубящего орудия, 2 обломка сланцевых шлифовальных плит, 10 сколов и отщепов сланца, роговика, кремня, косточки и 14 фрагментов керамики сперрингс, орнаментированных отступающей лопаточкой и оттисками позвонков [3, с. 81, рис. 15].

В 1979 г. южное побережье Онежского озера было обследовано Ю.Н. Урбаном, была выявлена группа из 10 местонахождений отщепов к юго-востоку от д. Гимрека. Другая группа из 15 местонахождений отщепов (Щелейки 1) найдена им у д. Щелейки. Местонахождения расположены вдоль кромки берега на пляже [4, с. 105].

В 2006–2008 гг. работы по обследованию известных и поиск новых памятников были продолжены автором (рис. 1). На правобережье р. Свирь была осмотрена стоянка Красный Бор, остатки культурного слоя которой продолжают разрушаться водой. На каменистом пляже собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, сколы и отщепы из сланца.

Новый памятник (Щелейки 2) был обнаружен автором в 0,5 км к северу от лодочной пристани у д. Щелейки (рис. 2). Стоянка находится на небольшом мысу берега озера высотой 1,2 м от уреза воды. В юго-западной части мыса имеется выход гранитных плит, уходящих в озеро. Неподалёку от плит, в осыпи берега, найдены несколько отщепов и крупный скол из сланца. В шурфе обнаружены плитка кварцита, 2 сланцевых отщепа и топор из светло-зелёного сланца размерами 3,2×10,8 см с пришлифованным лезвием (рис. 7:8). Всего на стоянке найдены 10 отщепов и сколов из сланца, 1 из светло-розового кремня и 1 из лидита. Обращает на себя внимание характер сланцевых отходов, среди которых есть крупные сколы размерами 12,6×3,6 см, отщепы диаметром 5–6 см и мелкие отщепы – 1,0–1,5 см. Возможно, на стоянке происходило изготовление сланцевых орудий. Предполагаемый возраст памятника – неолит (V–IV тыс. до н.э.).

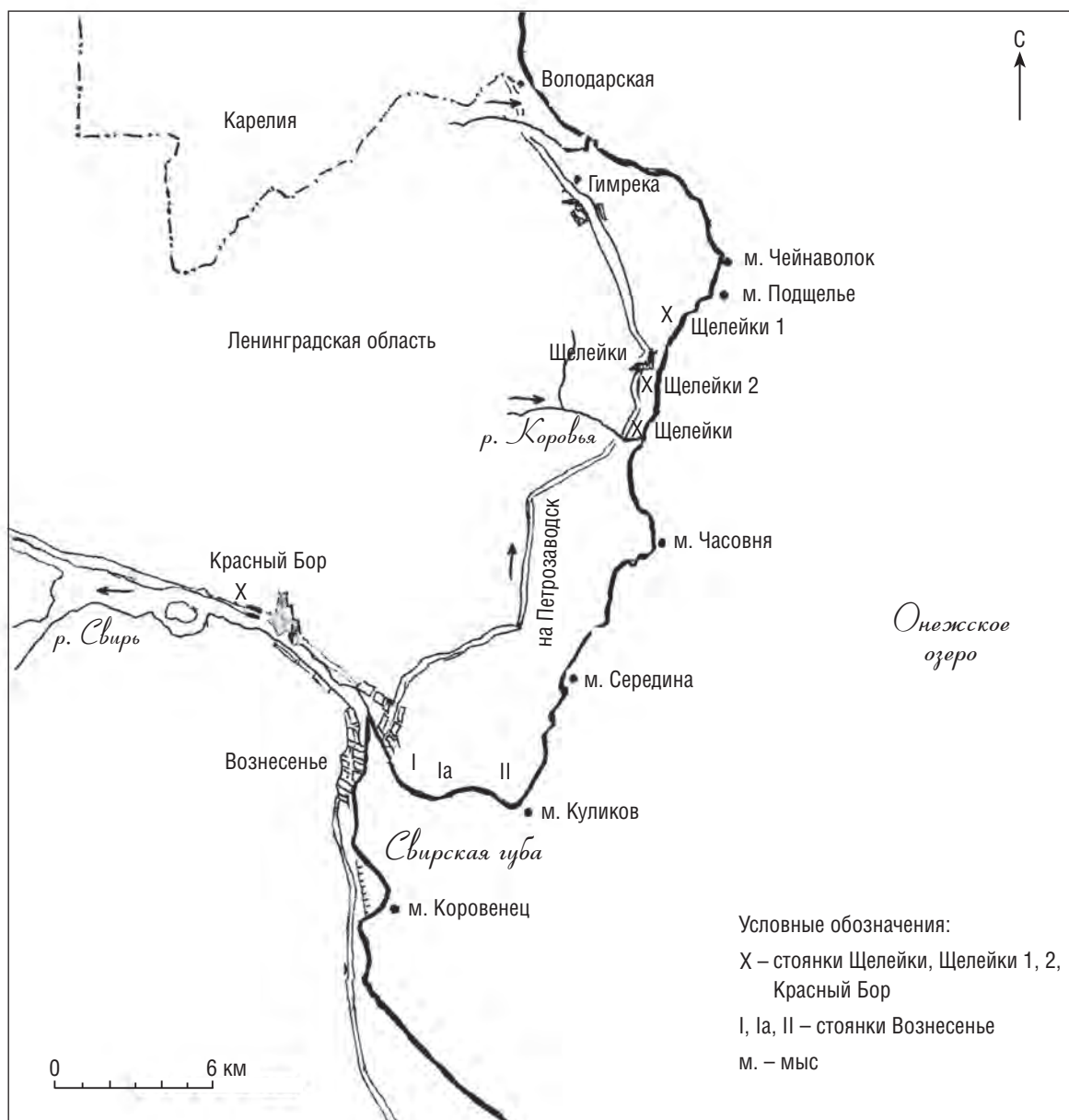

Рис. 1. Схема расположения памятников в истоке р. Свирь и на южном побережье Онежского озера

В 2007–2008 гг. были проведены охранные раскопки стоянки Щелейки, территория которой стала интенсивно использоваться и разрушаться автотуристами. Кроме того, край невысокой (до 1,0 м) террасы с остатками культурного слоя памятника размывается во время частых штормов Онежским озером.

Памятник находится на узком каменистом мысу высотой 0,8–1,0 м от уреза воды, образованном устьем р. Коровья и берегом Онежского озера, в 3 км к югу от д. Щелейки, в 0,8 км к востоку от моста через р. Коровья на дороге Вознесенье–Петрозаводск (рис. 2). На поверхности имеются валуны. В южной части мыса – остатки кустарника и молодые деревья. Предполагаемая площадь сохранившегося культурного слоя – около 300 кв. м. Исследованная в 2006–2008 гг. площадь памятника составляет 86 кв. м.

Стратиграфия: дёрн – 0,07–0,30 м с увеличением мощности за счёт корней деревьев и кустарников в южной части мыса, перемешанный с песком по линии берега; под ним – тёмно-серый песок с включениями камней, мощностью 0,12–0,16 м, с редкими находками каменных предметов и фрагментов керамики; ниже – культурный слой: красно-коричневый песок с включением камней, мощностью 0,10–0,30 м, в котором найдено основное количество керамики и изделий из камня; подстилающий слой – светло-жёлтый песок с камнями, местами перемешанный с серой глиной.

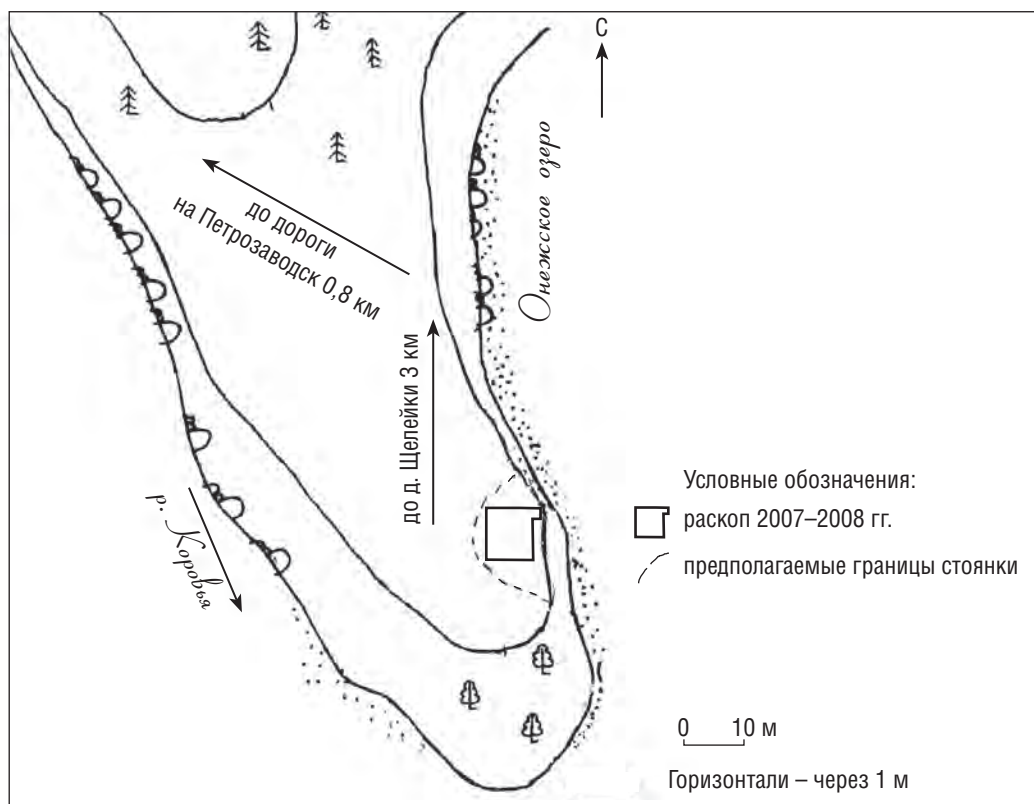

Рис. 2. План стоянки Щелейки

Культурный слой памятника насыщен находками неравномерно. Они располагались группами от 5–18 до 50–60 предметов на отдельных участках раскопа (рис. 3). Планиграфия находок свидетельствует о сохранности культурного слоя стоянки преимущественно вдоль береговой линии озера в сторону южной оконечности мыса. Слой сохранился благодаря каменистой поверхности мыса, которая в какой-то степени препятствовала его размыву и уничтожению.

В северо-западной части раскопа в слое под дёрном был выявлен естественный выход камней. Довольно плотные ряды камней длиной 6–8 м и шириной 0,6–1,5 м располагались параллельно берегу озера. Диаметр камней составлял от 10–15 см до 28 см. Расстояние между камнями достигало 0,05–0,1 м. Глубина залегания камней от уровня фиксации – 0,10–0,30 м. Между камнями найдены единичные отщепы, несколько фрагментов керамики, украшенных оттисками рыбьего позвонка.

К южной границе массива камней примыкали 2 полукруглых ряда камней. Первый ряд размерами 1,80×0,8 м состоял из более 50 камней. В 0,5 м севернее этого ряда размещался второй ряд камней размерами 0,2×1,10 м. Диаметр их – преимущественно 14–15 см. Максимальная глубина залегания камней – 0,2–0,22 м. Под камнями второго ряда обнаружено небольшое западание слоя красно-коричневого песка размерами 0,3×0,6 м, глубиной 0,15 м, без находок. Между рядами камней встречались единичные артефакты.

К северо-востоку от них выявлено скопление в форме круга из крупных камней размерами 1,0×1,2 м. Камни имели диаметр 17–40 см. Между камнями и вокруг них найдено более 60 артефактов: фрагменты керамики и изделия из камня. Среди последних – обломок гладкого сланцевого кольца и скребок. Возможно, камни остались от очага и являлись частью «жилой зоны», устроенной на возвышенном каменистом участке мыса.

Каменные кладки размерами 1,5–2,0×0,7–1,0 м, состоящие из одного-двух рядов плотно уложенных камней без видимых следов огня, встречаются на неолитических памятниках культуры сперрингс в Карелии и, по-видимому, связаны с остатками жилых конструкций [5, с. 30].

Около 40 фрагментов керамики, отщепов, кальцинированных косточек найдены на северо-востоке от скопления камней у края террасы. В юго-западной части раскопа зафиксировано овальное пятно красно-коричневого песка размерами 1,0×0,80 м и глубиной 0,22 м. В пятне и рядом с ним найдены 53 артефакта: рубящие орудия и заготовка орудия на сланцевой гальке, обломок и целый наконечник стрелы из кремня; отщепы из сланца и лидита; фрагменты лепной керамики.

К западу от пятна обнаружены небольшое скопление мелких кальцинированных косточек и 13 мелких отщепов. К юго-востоку от него концентрация находок (более 60 ед.) выявлена в кв. Е/1–2. Среди них – обломок шлифовальной плитки и развал сосуда, орнаментированного прочерченными линиями.

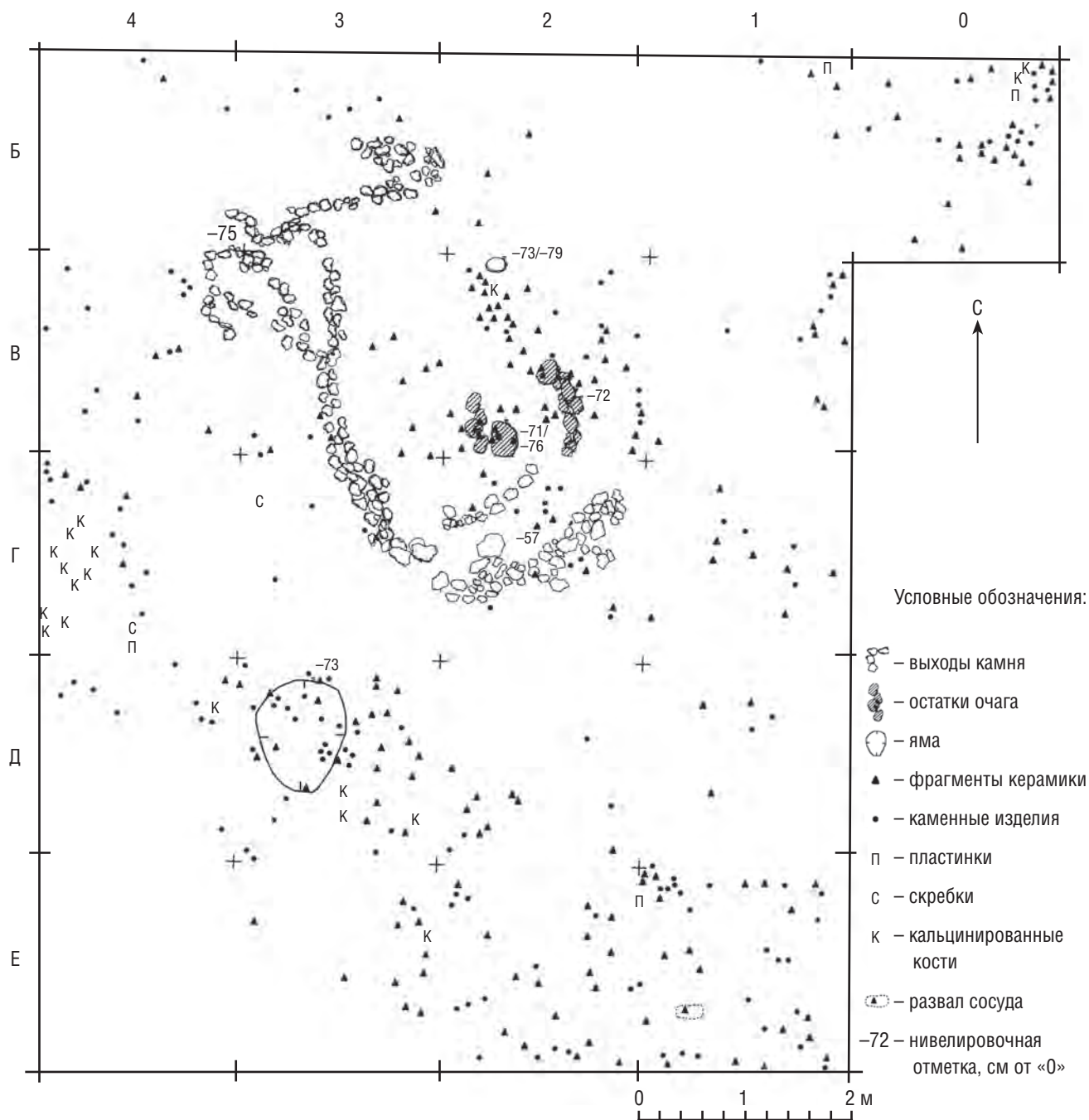

Рис. 3. Стоянка Щелейки. Планиграфия находок

Коллекция со стоянки насчитывает около 400 находок.

Глиняная посуда представлена свыше 240 фрагментами, большинство из которых небольшого размера. По венчикам, крупным фрагментам стенок и придонным частям можно выделить около 25 сосудов. Большинство из них относится к культуре сперрингс. В примеси к глиняному тесту преобладают дресва, иногда крупная, песок, толщина стенок преимущественно 0,8–1,0 см. Встречаются миниатюрные сосуды со стенками толщиной 0,6 см и более толстостенные – 1,2–1,4 см. Верхний край сосудов часто несколько тоньше стенок. Внутренняя поверхность заглажена. Цвет черепков – красновато-коричневый и жёлтый, на ряде фрагментов имеются следы нагара с внешней и внутренней сторон. На двух сосудах прослеживаются следы окраски охрой. Форма горшков – прямая или слегка прикрытая с приострѐнным дном (рис. 5:10). Вен-

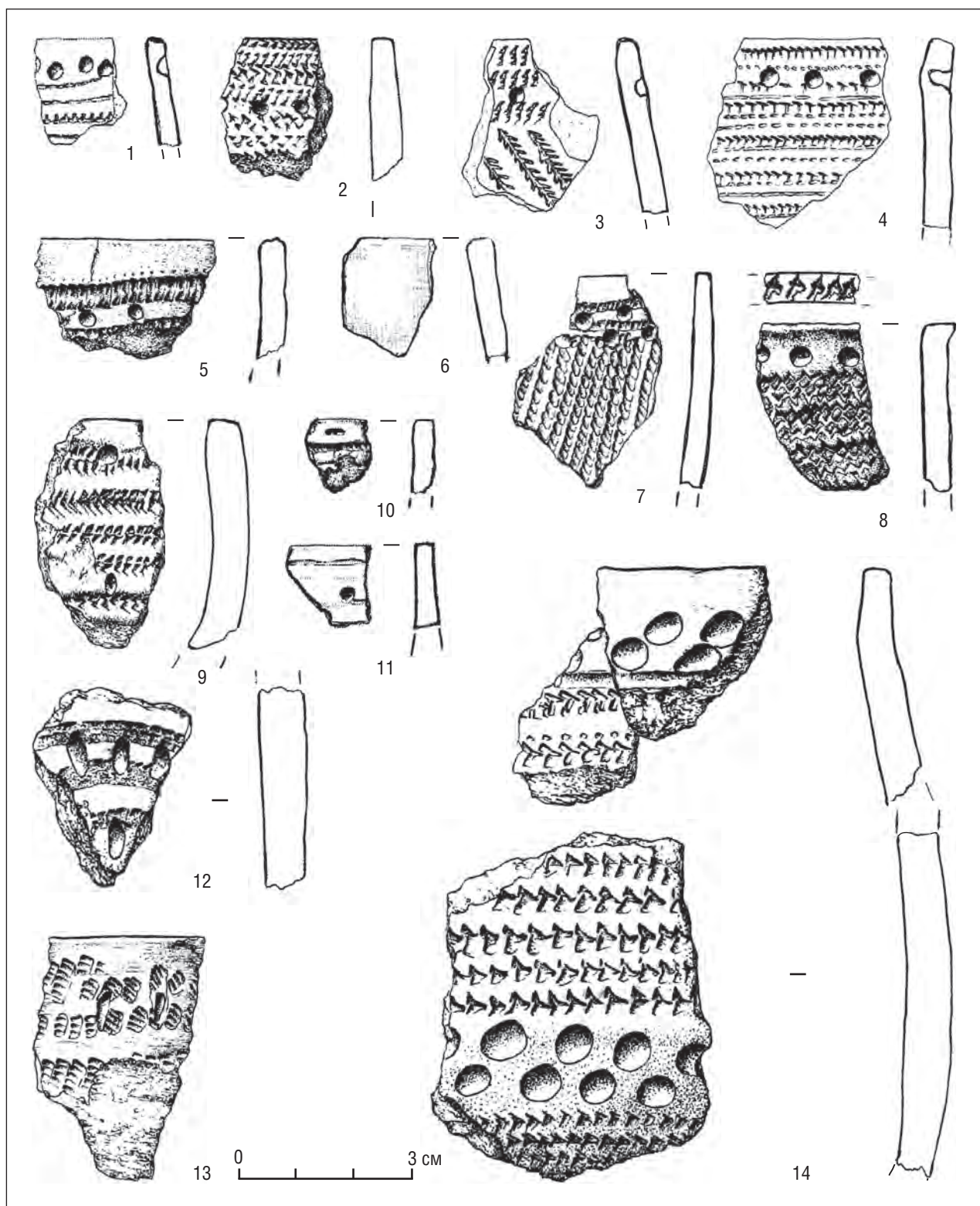

Рис. 4. Стоянка Щелейки. Фрагменты сосудов:
 1-5, 7-14 – украшенные отпечатками позвонков рыб; 6 – без орнамента

чки прямые и плоские без орнамента (рис. 4: 1–10, 13–14). Только в одном случае венчик отогнут наружу и орнаментирован позвонком (рис. 4:8). Посуда украшена преимущественно позвонками рыб. Свободные зоны наблюдаются ниже края венчика. Узор на тулове и дне составляют горизонтальные или диагональные зоны оттисков позвонка. На большинстве сосудов встречаются ряды мелких ямок, в основном не оставляющих выпуклин-жемчужин на внутренней стороне (рис. 4:1–14; 5:6). На одном из горшков орнаментальное поле разделяют два ряда крупных овальных вдавлений (рис. 4:14). Только на нескольких сосудах узор нанесён отступающим орнаментом (рис. 5:3, 4). На одном из них присутствуют фигурные отпечатки, нанесённые костью животного (рис. 5:4). Два фрагмента орнаментированы глубокими прочерченными линиями (рис. 5:7). Найден развал сосуда диаметром 30 см с геометрическим узором из треугольников, выполненных прочерченными линиями и ямочками (рис. 5:12).

Вторую группу составляют фрагменты 10 сосудов, украшенные гребенчатым штампом. Состав глиняного теста и технология их изготовления не отличаются от таковых у сосудов культуры сперрингс (рис. 5:1–2, 5, 9). Присутствуют два фрагмента венчиков миниатюрных сосудов, орнаментированных поверхностными длинными оттисками штампа. На другие сосуды нанесены неглубокие оттиски короткого 4-5-зубого штампа. Во всех случаях орнамент плотно покрывает всю поверхность сосудов. Орнаментальные зоны разделены рядами мелких ямок, оттисками угла штампа или горизонтальными линиями. Сохранился фрагмент высотой ок. 8 см небольшого прямостенного сосуда с коническим дном. На внутренней поверхности имеются следы нагара. Плоский венчик украшен оттисками штампа. Орнамент в виде «ёлочки» нанесён поверхностными оттисками гребенчатого штампа, напоминающими «верёвочку», и разделён на зоны гладким углом штампа (рис. 5:1). На фрагменте другого сосуда орнамент выполнен глубокими отдельными квадратными оттисками штампа в технике накола. Один из сосудов украшен оттисками прямого вертикального короткого штампа. Под венчиком у него нанесены мелкие ямочки (рис. 5:2).

Два тонкостенных фрагмента венчиков и придонная часть сосуда не имеют орнамента. По технологии изготовления они могут быть отнесены к любой из описанных групп керамики (рис. 4:6).

Третью группу неолитической посуды составляют 8 мелких фрагментов стенок с примесью дресвы с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 5:11).

Среди изделий из глины имеется обломанный объёмный предмет (стержень) конической формы без орнамента, овальный в сечении. Глиняное тесто – хорошо промешанное, с включением мелкой дресвы. Изделие – обожжённое, поверхность залощена. Сохранившаяся часть имеет в длину ок. 3,0 см, широкая часть – 1,5 см, диаметр обломанного узкого круглого конца – 0,6 см. Очевидно, изначально он был немного тоньше (рис. 5:8). Возможно, стержень служил в качестве орнамента для нанесения ямок. Такие штампы встречаются на памятниках неолита Онежского озера (6, с. 14, рис. 2:5–9).

В коллекции также имеются 4 неорнаментированных фрагмента круговой средневековой керамики.

По технологии изготовления и преобладанию позвонкового орнамента посуда аналогична материалам памятников раннего этапа культуры сперрингс Северной и Западной Карелии, бассейна р. Оять – левого притока р. Свирь [7, с. 264–273; 8, рис. 1:1–8; 9, с. 268–275]. На этих же стоянках керамику сперрингс сопровождает небольшое количество посуды с поверхностным гребенчатым орнаментом. Наиболее близкие параллели прослеживаются с керамикой обеих групп, найденной в нижнем слое поселения Тудозеро V, расположенного в южной части бассейна Онежского озера [10, с. 60, рис. 3–5]. Для комплекса Тудозера V получены даты в интервале 6600±25–6075±20 л.н.; 5610–5480; 5000–4850 лет до н.э. [7, с. 265; 11, с. 99]. Для датировки стоянки Щелейки важна находка сосуда с прочерченным геометрическим орнаментом. Подобная посуда найдена на стоянке Хепо-ярви на юге Карельского перешейка. С неё же получены радиоуглеродные даты, которые автор раскопок И.В. Верещагина связывала с материалами культуры сперрингс: 6480±80 л.н. и 6380±60 л.н.; 5440–5332 и 5424–5264 лет до н.э. [12, с. 140–151, рис. 6:1–12].

Каменный инвентарь насчитывает 167 предметов. Основную массу изделий составляют отщепы без вторичной обработки из лидита и сланца, несколько отщепов из кремня и единичные отщепы из кварца. Найдено несколько фрагментов нуклеусов из лидита и сколов поджигления с них (рис. 6:1–5, 10). Присутствует расколота галька с желвачной коркой и следами подготовки нуклевидной площадки. Из красно-коричневого и серого кремня изготовлены 3 пластинки. Две из них обработаны краевой ретушью (рис. 6:6–7). У четырёх скребков лезвие концевое или полукруглое. Для них использовали пластинчатый отщеп и отщепы из кремня (рис. 6:8, 11). Для одного орудия использован кварц (рис. 6:9). В коллекции имеются два наконечника стрел. Один (обломок наконечника) изготовлен из светлого, другой (целый) – из коричневого кремня. Последний имеет листовидную форму и короткий выделенный черешок, размеры его 5,0×1,2 см. Оба наконечника обработаны двухсторонней ретушью (рис. 6:12, 16). В качестве орудий служили несколько отщепов и сколов из кремня и лидита с краевой ретушью (рис. 6:15, 17). Из лидита изготовлено рубящее орудие прямоугольной формы со сколами на рабочем конце.

Интересна серия изделий из сланца. Для их изготовления использованы плитки и гальки различной величины. Полностью зашлифовано лишь одно тесло размерами 5,0×3,2 см с узким рабочим лезвием (рис. 7:6). Ещё одно небольшое орудие имеет хорошо выраженный жёлоб и, очевидно, служило долотом (рис. 7:7). На одной гальке прослеживаются следы сильной залощённости (рис. 7:5). Уплощённая галечка, на конце которой имеются слабовыраженные зазубрины, возможно, использовалась в качестве орнамента.

Три орудия сделаны на узких заготовках длиной 10–12 см. Среди них – изделие с приотстрённым сработанным лезвием и следами шлифовки на поверхности (рис. 7:9). Второе орудие – без шлифовки, прямоугольное в сечении, с клиновидным лезвием – было киркой (?) (рис. 6:10). Третье орудие, с симметричным

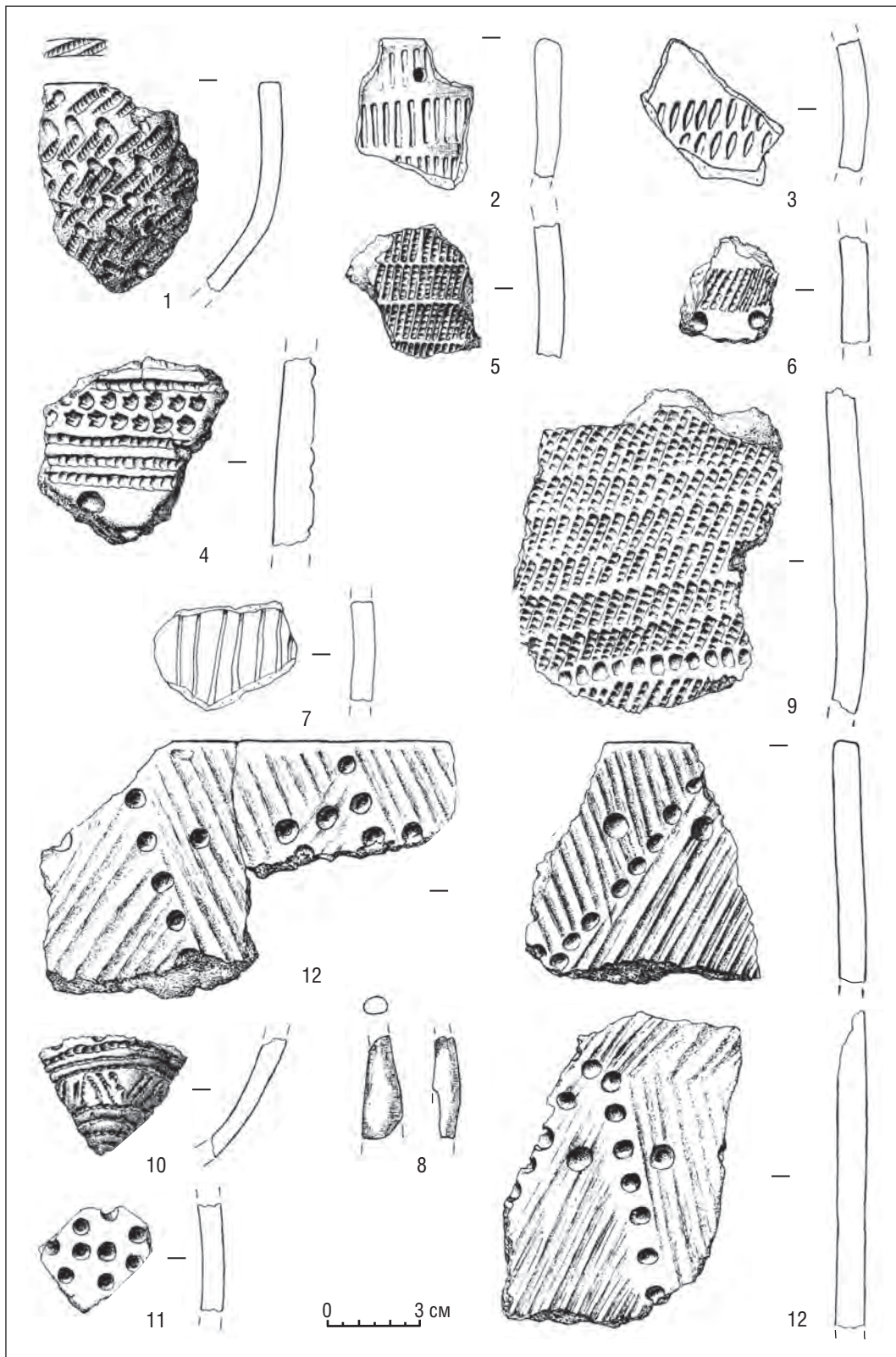

Рис. 5. Стоянка Щелейки. Глиняный стержень (8) и фрагменты сосудов (1-7, 9-12) с орнаментом: 1-2, 5, 9 – гребенчатым; 3, 4 – в технике накола; 7, 12 – прочерченным; 6, 10 – из оттисков позвонков рыб; 11 – ямочно-гребенчатым

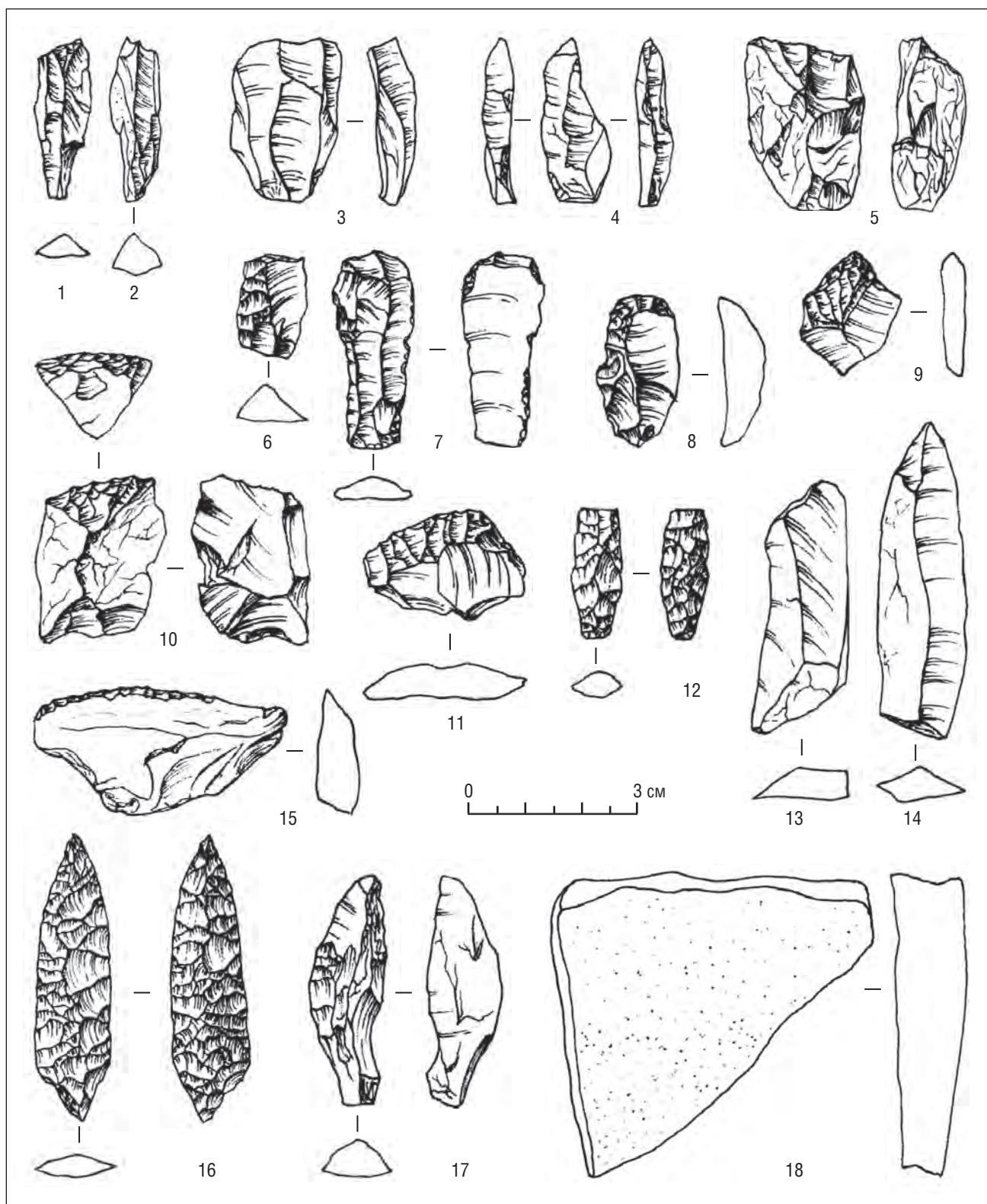

Рис. 6. Стоянка Щелейки. Изделия из камня:
 1–5, 10, 13 – лидит; 6–9, 11–12, 14–17 – кремь; 18 – сланец

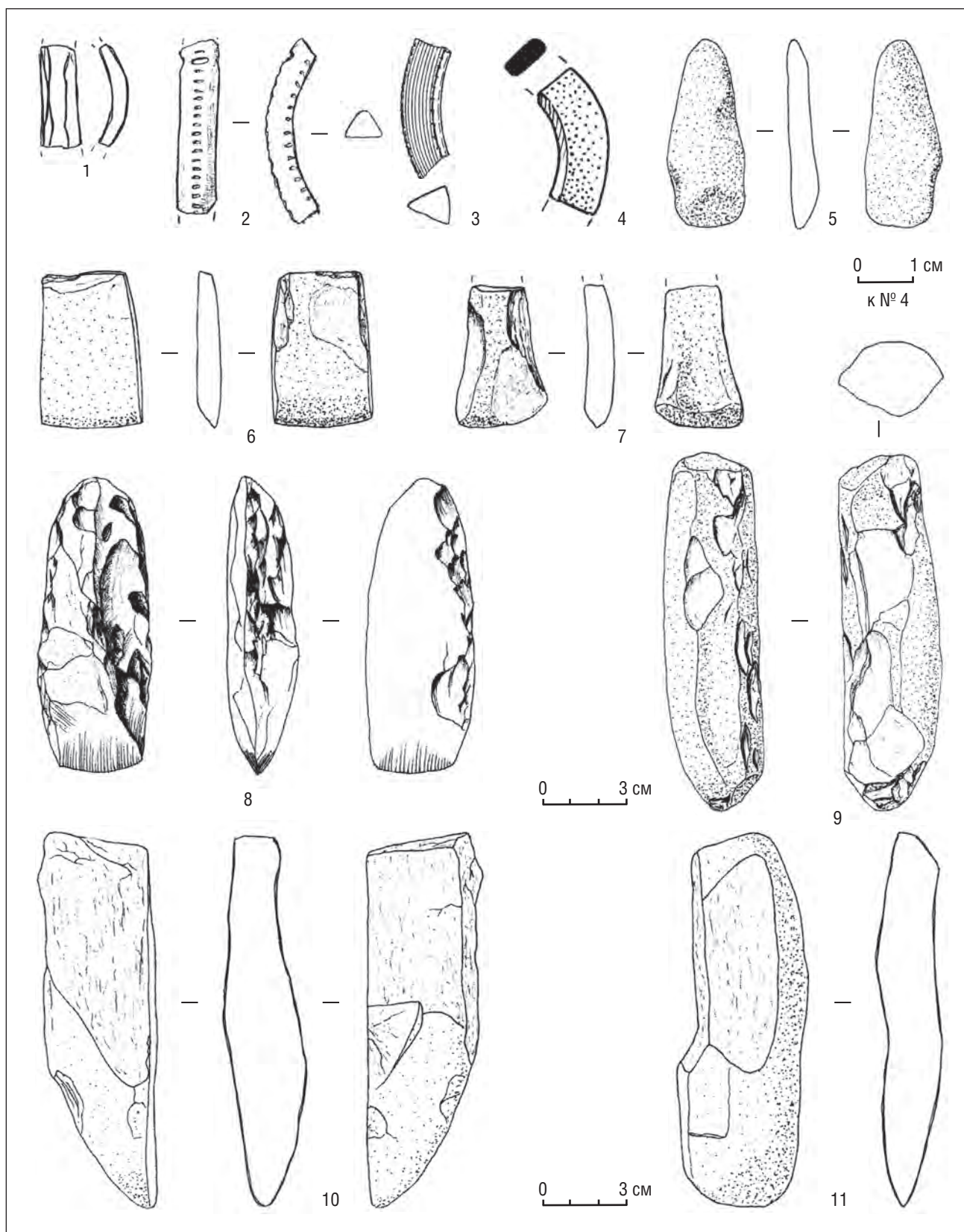

Рис. 7. Изделия из камня со стоянок Щелейки (1-2, 5-7, 9-11), Мальгиничи (3), Щелейки 2 (8), Падань 1 (4)

лезвием и следами шлифовки лезвия, возможно, являлось топором (рис. 6:11). Найдены два обломка сланцевых шлифовальных плиток (рис. 6:18).

Состав каменного инвентаря стоянки и характер его обработки типичны для культуры сперрингс [13, с. 75, рис. 4:5, 6].

Украшения. В коллекции имеются два обломка шлифованных сланцевых колец. Одно – гладкое, с двумя гранями, прямоугольное в сечении, размерами 3,0×1,1 см (рис. 7:1). На втором, треугольном в сечении, по трём граням нанесены короткие насечки, размеры его – 6,0×1,3 см (рис. 7:2). Обломки двух подобных колец найдены на стоянках Мальгиничи и Падань 1 в бассейне р. Оять, оставленных носителями культур сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики. Один из них имеет треугольное сечение и насечки по внешнему и внутреннему краям (рис. 7:3). У другого – ровные грани, прямоугольное сечение (рис. 7:4). Кольца с насечками встречаются на памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой, они также могли служить штампами для нанесения орнамента [6, с. 13–15, рис. 2:15].

Заключение. Стоянка Щелейки относится к немногим памятникам, расположенным на южном берегу Онежского озера, где сохранился культурный слой. Она была заселена в период раннего неолита, вероятно, во 2-й пол. VI–V тыс. до н.э., и в развитом неолите (культура ямочно-гребенчатой керамики) – в IV тыс. до н.э.

Материалы стоянки ещё раз подтверждают устойчивое сочетание двух групп ранней неолитической керамики (сперрингс и гребенчатой), отмеченное большинством исследователей для памятников бассейна Онежского озера [14, с. 266–272].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панкрушев Г.А. Формирование берегов Онежского озера в голоцене (по археологическим данным) // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
2. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-запада европейской части СССР. М.; Л., 1961. (МИА. № 87)
3. Савватеев Ю.А. Археологические памятники южного побережья Онежского озера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
4. Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. СПб., 1995.
5. Герман К.Э., Мельников И.В., Спиридонов А.М. Основы археологии Карелии. Петрозаводск, 2004.
6. Лобанова Н.В. Орнаментальные штампы неолитических поселений восточного берега Онежского озера // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 2. Петрозаводск, 1994.
7. Герман К.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс в Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
8. Гусенцова Т.М., Андреева Н.А. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
9. Гусенцова Т.М. Керамика раннего неолита северо-востока Ленинградской области // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.
10. Иванищева М.В., Иванищев А.М. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
11. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров. СПб., 2004.
12. Верецагина И.В. Поселение Хепо-ярви в южной части Карельского перешейка // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.
13. Песонен П.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
14. Герман К.Э. Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

*Северо-Западный научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия,
Санкт-Петербург*

T.M. Gusentsova

THE SURVEY OF THE NEOLITHIC MONUMENTS ON THE SOUTHERN COAST OF LAKE ONEGA (the Leningrad Region)

As the result of the structural elevation of Fennoscandia and the process of the skew of the bath of Lake Onega there happened the flooding of its southern borders. The monuments of the epoch of stone and early metal were flooded or washed out, and thus are not available for excavation. The cultural layer, suitable for the survey, was found at the site Tsheleiky. The collection of pottery of the sperrings culture decorated with fish vertebrae and comb prints is gathered at the site. Stone tools are presented by the products of lydite, flint, slate: blades, scrapers, arrowheads and chopping tools. Two fragments of slate rings were found. Several fragments of pit-comb ceramics relate to the Developed Neolithic. The lifetime of the monument is the second half of the 6–4 thousand BC.

*North-Western Research Institute
of Culture and Natural Heritage,
70, 1, 252, Lunacharskogo Ave.,
Saint-Petersburg, 194291, Russia*

E-mail: ddat@mail.ru

Р.В. Смольянинов

ПОСЕЛЕНИЕ КАРАМЫШЕВО 19 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

В течение 2001–2003, 2009, 2010 гг. проводились разведочные и раскопочные работы у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области. Результатом их стало открытие 26 памятников археологии [1; 2; 3]. На пяти из них проводились раскопки [4; 5; 6; 7; 8].

В данной публикации освещены результаты исследований многослойного поселения Карамышево 19. Оно находится на пойменном останце первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж в 1 км к северу от одноимённого села. На открытом в 2003 г. памятнике был заложен раскоп площадью 74 кв. м (рис. 1) [9]. Здесь были обнаружены материалы неолитических карамышевской, среднедонской, рыбоозёрской, рязанско-долговской культур, посуда энеолитических репинской и нижнедонской культур, керамика среднедонской катакомбной культуры и небольшие коллекции, соотносимые с городецкой культурой раннего железного века и средневековьем (XIV в.). В слое поселения выявлены пять ям. Ямы 2–5 являются хозяйственными, яма 1, вероятнее всего, – остатки древней постройки (далее постройка 1). Из-за большого количества разнокультурного материала в заполнении определить, к какой из неолитических культур относится постройка, не представляется возможным. Культурной идентификации также мешает яма городецкой культуры, которая была выкопана в пределах площади древнего сооружения.

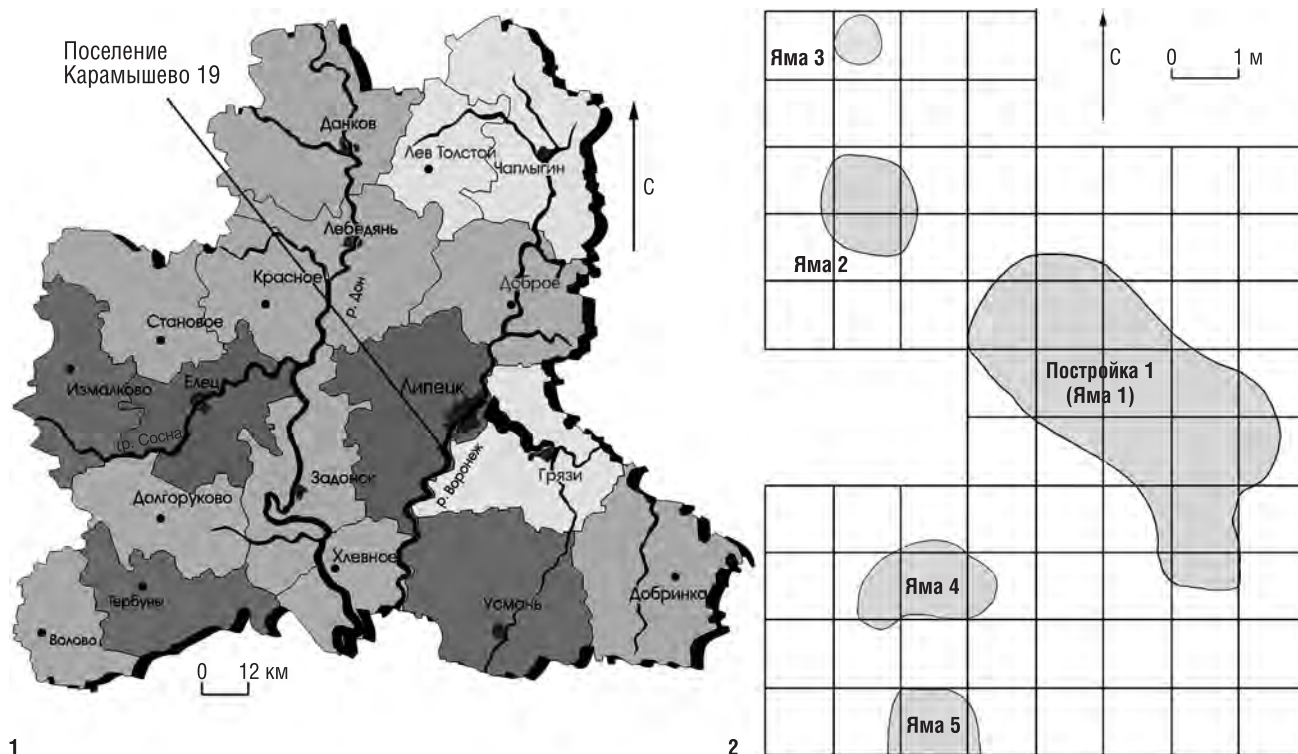

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Карамышево 19 на территории Липецкой области (1).
Общий план раскопа с сооружениями на поселении Карамышево 19 (2)

Стратиграфия памятника достаточно однородна: 0–0,05 м – дёрн, 0,05–0,30 (0,40) м – тёмная супесь, 0,30 (0,40)–0,55 м – светлая супесь, ниже лежал белый материковый песок, в котором находки отсутствовали. Планиграфически все выявленные группы керамики и изделия из камня не образовывали скоплений, а залежали равномерно по всей исследованной площади. Раскопки поселения Карамышево 19 показали, что это место в древности заселялось не менее девяти раз, привлекая своим удобным расположением как неолитических и энеолитических охотников и рыболовов, так и скотоводов эпохи бронзы, а также земледельцев раннего железного века и развитого средневековья. Я разделяю мнение А.Т. Синюка, что в древности в пределах достаточно ограниченной территории мирно могли сосуществовать группы населения с различным хозяйственным укладом, успешно сохраняя свои традиции благодаря высокой экологической ёмкости лесостепи [10, с. 157].

Карамышевская культура. Представлена 104 фрагментами сосудов, из них семь находились в постройке 1 (рис. 2: 9–11), один – в яме 4 (рис. 3: 5). По венчикам выделяются семь сосудов (рис. 4: 1–4, 13), из них один – в постройке 1 (рис. 2: 11), один – в яме 4 (рис. 3: 5). У шести сосудов венчики – открытой формы, с округлым краем, среди них – один принадлежал, видимо, миске (рис. 4: 4), редкой форме для керамики карамышевской культуры. Посуда – светло-коричневого цвета. Тесто преимущественно с примесью мелкого песка, органика присутствовала лишь в нескольких фрагментах. Поверхности, особенно внешняя, хорошо заглажены, вплоть до лощения. В орнаментации преобладали горизонтальные ряды раздельного овального или треугольного наколов (рис. 4: 1, 2, 4–7, 9, 11, 13). Один горшок украшен косовертикальными рядами овального накола, имитирующими шнуровой орнамент (рис. 4: 13). По верху у него шёл горизонтальный ряд овальных ямок. Выявленные в постройке семь фрагментов керамики представляют один венчик яйцевидного сосуда с прочерченной орнаментацией (рис. 2: 11); стенку, украшенную горизонтальными рядами овальных наколов (рис. 2: 9); стенку, орнаментированную косовертикальными рядами плюсневых отпечатков (рис. 2: 10). Оставшиеся четыре фрагмента стенок не имели орнамента. Из ямы 4 происходит неорнаментированный фрагмент венчика слегка приоткрытого сосуда с округлым срезом края (рис. 3: 5).

Памятник интересен тем, что пока только на нём прослежены признаки смешения керамических традиций карамышевской и среднедонской неолитических культур. Выделяется группа керамики (рис. 4: 8, 10, 12), где горшки украшены отдельно стоящими крупными овальными наколами различной формы, хотя и при преобладании треугольного. Орнаментальные композиции в основном представлены горизонтальными и косовертикальными рядами наколов. Только в одном случае зафиксирована треугольная композиция (рис. 2: 8) и в одном – паркетная (рис. 4: 12). По форме эти сосуды – профилированные. Данная группа керамики может быть отнесена к неолитической среднедонской культуре. Но при этом орнаментация овальным наколом, отсутствие гребенчатых сглаживающих расчёсов, лощение поверхностей – признаки, несомненно, перенятые из керамического производства карамышевской культуры.

По моему мнению, на территории Верхнего Подонья складываются условия для сосуществования двух археологических культур, одна из которых – автохтонная среднедонская. Её памятники территориально локализованы в Среднем и в южной части Верхнего Подонья. Датируются эти материалы 2-й пол. VI – сер. III тыс. до н.э. Всего на Верхнем Дону известен 61 памятник среднедонской неолитической культуры. Импульсом для формирования второй культуры на исследуемой территории послужил приток населения средневожской культуры, что выразилось в появлении памятников с несколько иными керамическими традициями, отличными от среднедонских. В настоящее время поселений, которые выделены в карамышевскую археологическую культуру, насчитывается 23. Они занимают территорию Верхнего Подонья, преимущественно северную её часть, локализуясь в бассейне р. Воронеж. Взаимодействие этих культур, видимо, было мирным, что отразилось в совместном проживании на ряде поселений. В пользу этого предположения свидетельствует появление смешанной керамики, которая отмечена и на исследуемом памятнике [9, с. 55–60]. Развитие керамических традиций этого населения, видимо, повторяет путь большинства раннеолитических культур: от слабоорнаментированной, накольчатой (преобладающий – овальный накол) ко всё большему присутствию на сосудах гребенчатой орнаментации. Кремнёвый комплекс – отщеповый.

Начало первого этапа карамышевской культуры датируется также или чуть позже материалов елшанской культуры по аналогии с керамикой стоянки Городок 1 в Рязанском Поочье, даты которой – 6760±90 лет ВР (1σ 5930–5610 лет ВС) (Ki-14075) и 6870±100 лет ВР (1σ 5810–5510 лет ВС) (Ki-14114). На Верхнем Дону для материалов этого этапа получена радиоуглеродная дата по керамике стоянки Карамышево 5 – 6570±160 лет ВР (1σ 5635–5230 лет ВС; 2σ 5790–5230 лет ВС) (Ki-11088), в калиброванных величинах – 1-я пол. VI – нач. V тыс. до н.э. Конец существования этой культуры ограничивается радиоуглеродными датами по керамике третьего этапа, выявленной на стоянке Карамышево 9: 5790±100 лет ВР (1σ 4725–4535 лет ВС; 2σ 4850–4450 лет ВС) (Ki-12160), 5630±100 лет ВР (1σ 4550–4350 лет ВС; 2σ 4710–4325 лет ВС) (Ki-12161). В калиброванных величинах это около 4850–4325 лет до н.э.

Среднедонская культура. Всего найдены 145 фрагментов сосудов, из них 30 – в постройке 1 (рис. 2: 12–14), девять обломков стенок – в яме 2 (рис. 3: 11), один – в яме 3 (рис. 3: 15). Накольчатая и накольчатоямочная керамика представлена остатками приблизительно 8–10 сосудов (по венчикам их восемь) (рис. 5). Горшки преимущественно украшены отдельно стоящими крупными треугольными наколами (рис. 5: 1, 3, 5, 7–10), в одном случае – очень мелкими (рис. 5: 11). Использовались отпечатки, сделанные в технике «отступающей лопаточки» (рис. 5: 2, 6), и в пяти случаях – гребёнки (рис. 5: 2, 4, 6–8). Орнаментальные композиции в основном представлены горизонтальными и косовертикальными рядами наколов. На трёх фрагментах накольчатая орнаментация сочеталась с горизонтальными рядами ямок и «жемчужин» (рис. 5: 5, 6, 8, 10). Появление этой гибридной посуды стало результатом контакта населения среднедонской и рязанско-

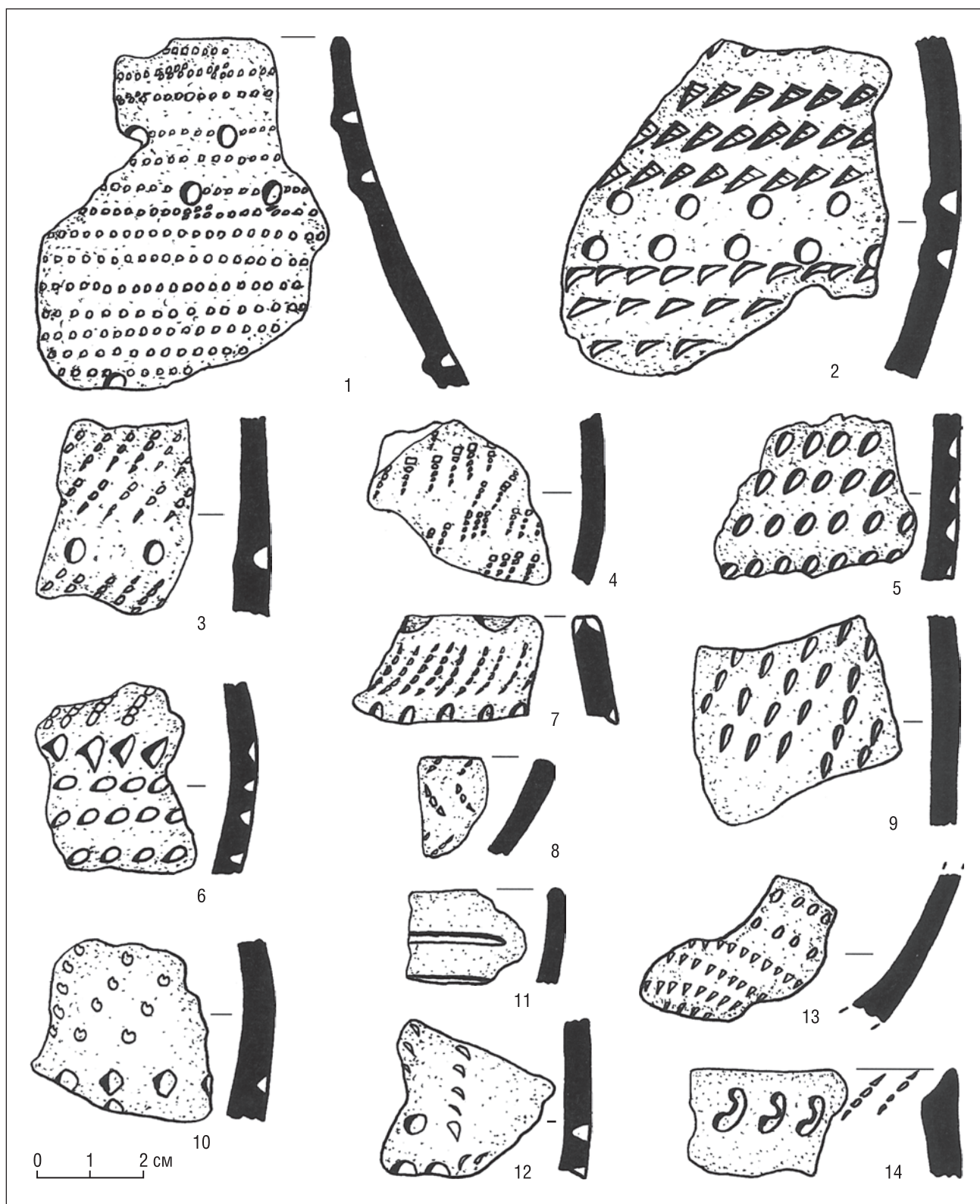

Рис. 2. Поселение Карамышево 19. Постройка 1.

Керамика: 1-4 – рыбоозёрской культуры; 5-8 – рязанско-долговской культуры; 9-11 – карамышевской культуры; 12-14 – среднедонской культуры

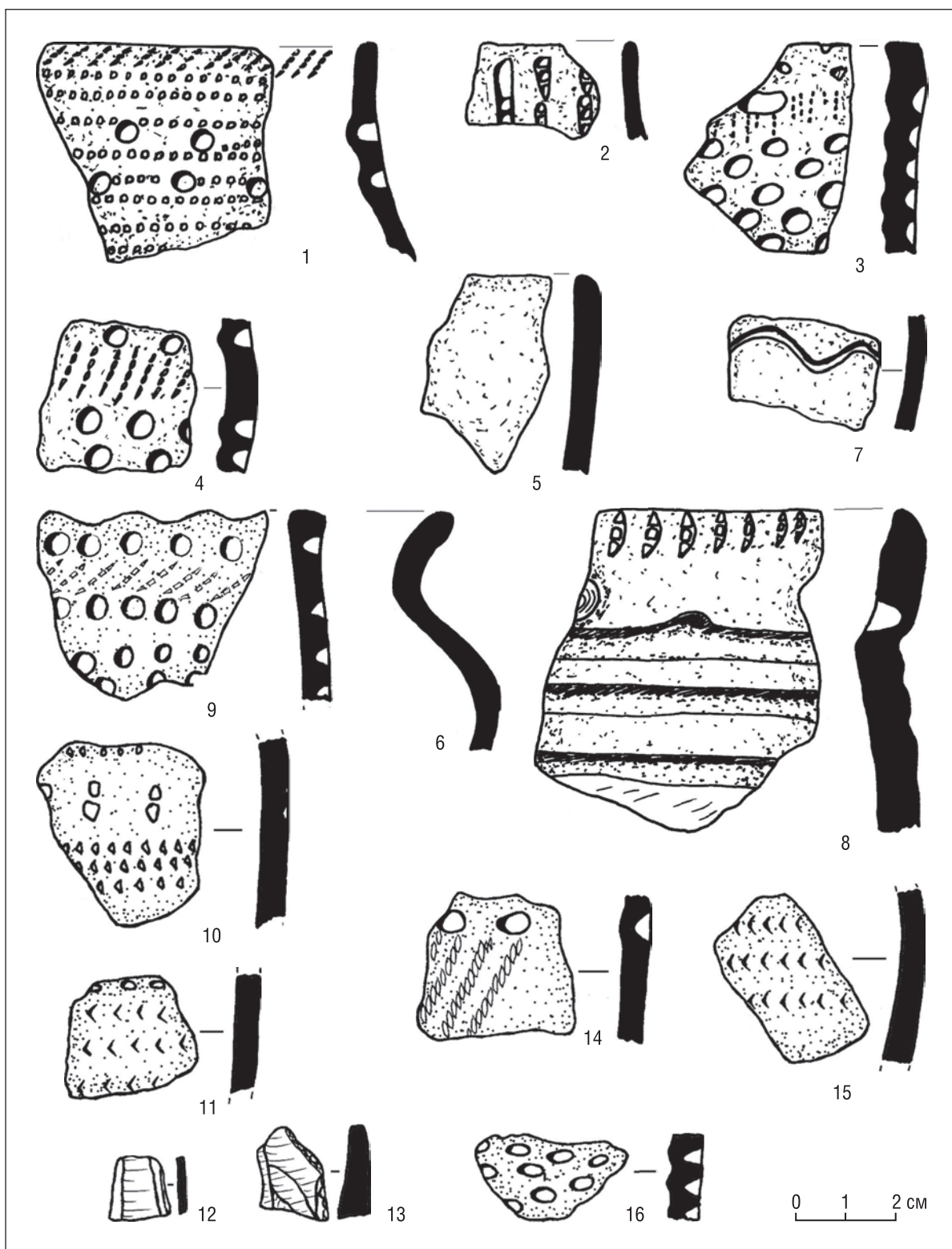

Рис. 3. Поселение Карамышево 19. Находки в ямах: 1–8 – яма 4; 9–13 – яма 2; 14–16 – яма 3.
 Керамика: 1–2 – рыбноозёрской культуры; 3–4, 9, 16 – рязанско-долговской культуры; 5, 10, 14 – карамышевской культуры;
 6–7 – развитого средневековья (XIII–XIV вв.); 8 – репинской культуры; 11, 15 – среднедонской культуры.
 Кремль: 12 – пластина; 13 – скребок

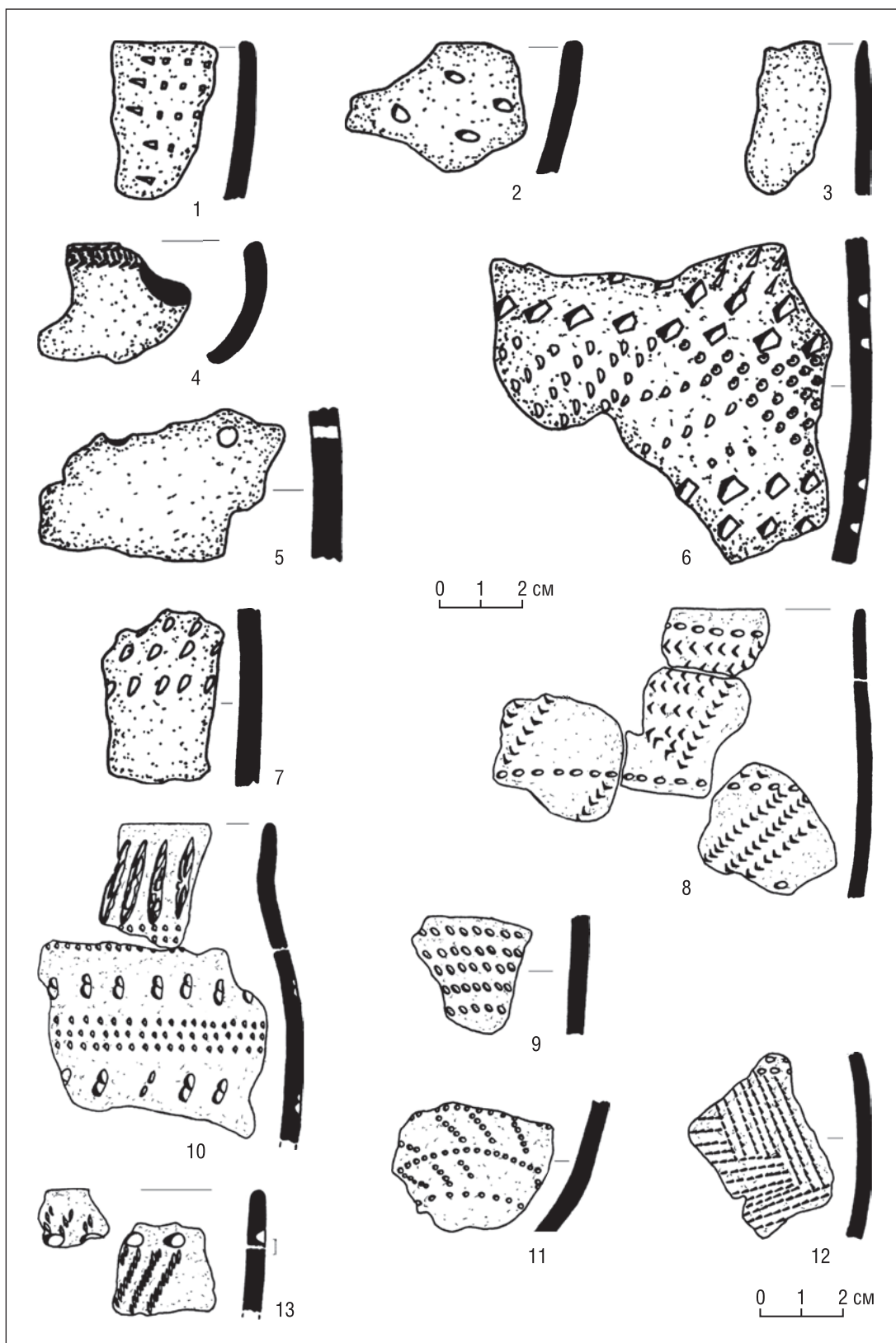

Рис. 4. Поселение Карамышево 19. Керамика карамышевской культуры

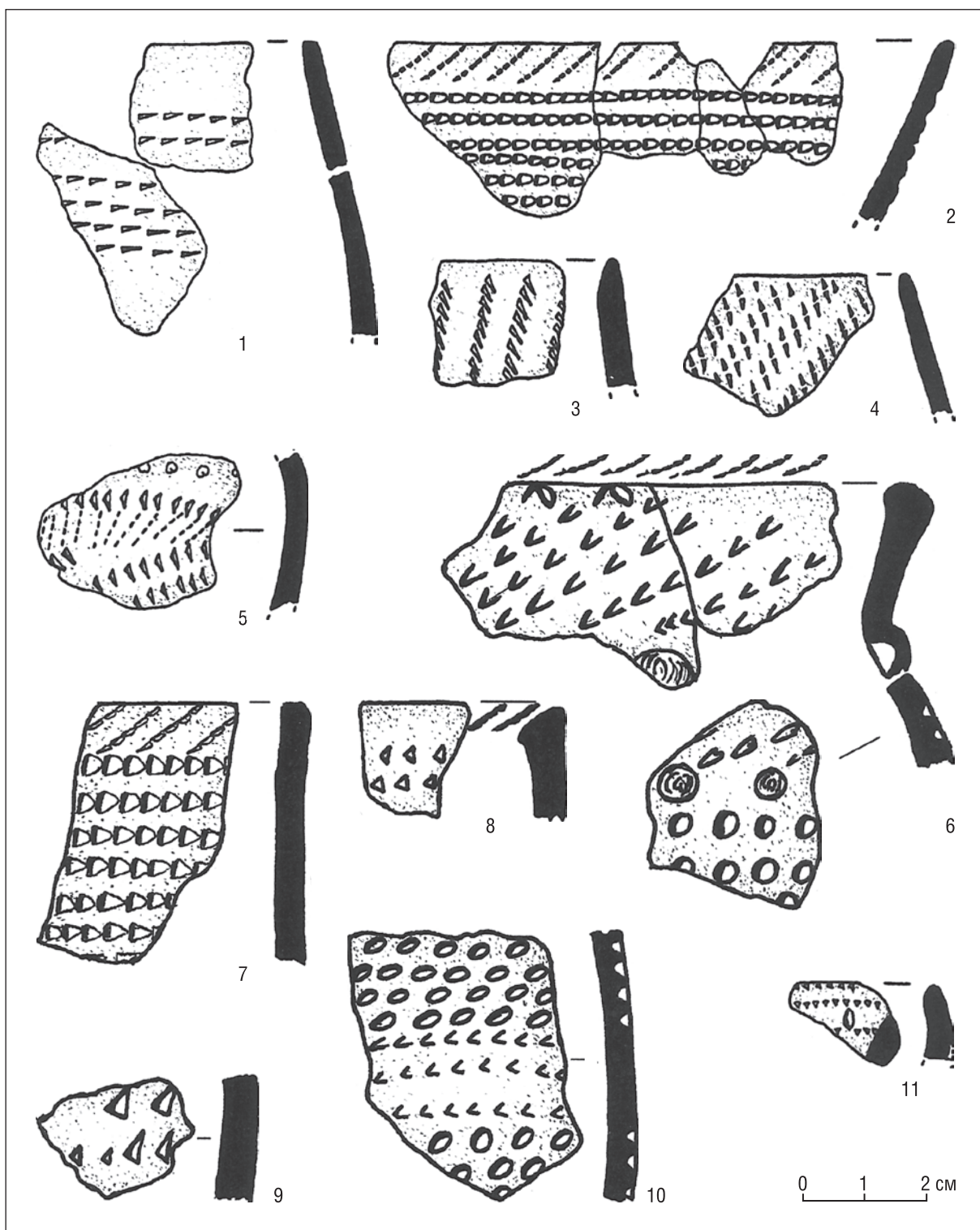

Рис. 5. Поселение Карамышево 19. Керамика среднедонской культуры

долговской культур. Шесть из восьми венчиков принадлежали сосудам закрытой формы (рис. 5: 1, 3, 4, 7, 11), один – открытой (рис. 5: 2), один – с прямым верхом (рис. 5: 8) и один – сильно профилированному (рис. 5: 6). Данная керамика – толщиной 4–6 мм, хорошо заглажена, коричневого цвета, с примесью песка в тесте. Она имеет датировку, схожую с таковой карамышевской культуры.

Рыбноозёрская культура. Представлена 143 фрагментами сосудов, из них два – из ямы 4 (рис. 3: 1–2), 22 – из постройки 1 (рис. 2: 1–4). По венчикам выделяются четыре сосуда. Керамика – коричневого цвета, хорошо заглажена, имеет примесь дресвы в тесте (рис. 6). Все выявленные венчики – сильно профилированных горшков с округлым срезом краёв (рис. 2: 1–4; 3: 1–2; 6: 1). Один из них изнутри, по самому верху, орнаментирован рядом вертикально поставленных отпечатков четырёхзубого штампа (рис. 6: 1). Снаружи основное поле горшков орнаментировалось горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа, по верху на одном из сосудов нанесён один ряд косовертикально поставленных отпечатков трёхзубой гребёнки (рис. 6: 1). На уже имеющийся зубчатый орнамент насилились горизонтальные ряды круглых ямочных вдавлений. Найдены два фрагмента округлых днищ сосудов (рис. 6: 4, 6). Они украшены вертикально и горизонтально поставленными зубчатыми отпечатками, а в одном случае – дополнительно горизонтальным рядом круглых ямочных вдавлений (рис. 6: 6). Тулово одного из сосудов, помимо горизонтальных рядов отпечатков зубчатого штампа, также украшено оттисками штампа, нанесёнными в виде мотива «ёлочка» (рис. 6: 5). Подобные Карамышево 19 керамические коллекции, полученные с верхнедонских стоянок, до последнего времени относили к рыбноозёрской культуре и датировали 2-й пол. III тыс. до н.э. [10, с. 151]. В последнее время существование рыбноозёрской культуры некоторые из исследователей ставят под вопрос, так как подобная керамика верхнедонских стоянок находит практически полные аналоги в посуде раннего этапа льяловской культуры [11, с. 65].

Рязанско-долговская культура. Представлена 268 обломками сосудов, из них три – из ямы 2 (рис. 3: 9), один – из ямы 3 (рис. 3: 16), десять – из ямы 4 (рис. 3: 3–4), 21 – из постройки 1 (рис. 2: 5–8). По венчикам выделяется не менее 21 сосуда (рис. 7, 2), украшенного различной формы и размеров ямочными вдавлениями. Делителем орнаментальных зон вдавлений ямочного штампа выступали горизонтальные ряды гребенчатых отпечатков. В одном случае сосуд украшен оттисками лунчатого штампа (рис. 7: 3). У 14 из 21 горшка венчик уплощён, у семи – округлый. В девяти случаях венчик гофрирован ямочными вдавлениями, гребенчатыми отпечатками и защипами. У трёх горшков на краю горла имеется небольшой наплыв (рис. 7: 1, 7, 8). По форме сосуда подразделяются на профилированные (рис. 7: 1, 3, 7; 8: 4, 5, 7, 9, 11), миски (рис. 7: 5), закрытой формы (рис. 7: 7; 8: 1, 3, 6, 8, 12) и с горизонтально поставленным венчиком (рис. 7: 2, 9; 8: 2). Вся керамика – кирпичного цвета, с примесью мелкого песка в глиняном тесте, изнутри покрыта гребенчатыми расчёсами и негативами от ямочных вдавлений. Два сосуда были украшены горизонтальными рядами ромбических ямок (рис. 8: 7, 9, 10) в сочетании с рядами оттисков гребенчатого штампа и треугольных наколов (рис. 8: 7).

Ямочно-гребенчатая керамика поселения Карамышево 19 имеет несомненное сходство с посудой позднего (редкоямочного) этапа льяловской культуры, датируемого посл. четв. IV – нач. III тыс. до н.э. [12, с. 245]. В это время редко использовались примеси дресвы и органики, ямки выполнялись заменителями беремнитов, возможно, щепкой или жёстким стеблем травы, поэтому зачастую они имели неправильную форму [13, с. 124]. Появление в керамических комплексах лесостепного Подонья профилированных сосудов, наплывов по их краю стало, видимо, результатом контакта с энеолитическим населением.

Энеолитическая нижнедонская культура. Керамика представлена четырьмя сосудами (выделены по венчикам). Один из них – развал (рис. 9) профилированного горшка, украшенного по всему полю горизонтальными рядами оттисков вертикально поставленного гребенчатого штампа. В верхней части он орнаментирован также двумя горизонтальными рядами круглых ямочных вдавлений. Сосуд – красно-коричневого цвета, в тесте имеет примесь песка и очень мало органики. Два фрагмента этого горшка обнаружены в постройке 1. Он был продатирован – 6170±80 лет ВР (1σ 5260–4990 лет ВС; 2σ 5310–4900 лет ВС) (Ki-16648). Приблизительно этим же временем датирована безворотничковая керамика нижнедонской культуры поселения Ксизово 6: 5920±90 лет ВР (1σ 5030–4540 лет ВС) (Ki-13327).

Оставшиеся три сосуда – прямостенные (рис. 10: 7, 8, 10), с округлым срезом венчика. Один не имел орнамента (рис. 10: 7), один украшен горизонтальным рядом оттисков косовертикально поставленного тонкого четырёхзубого штампа (рис. 10: 8), один – горизонтальным рядом подовальных наколов (рис. 10: 10). В отличие от первого горшка у этих трёх сосудов в тесте доминировала органическая примесь.

Репинская культура. Представлена 163 обломками сосудов, из них два найдены в постройке 1 (рис. 11: 4), четыре – в яме 4 (рис. 3: 8). По венчикам выделяются пять сосудов (рис. 12: 1–3, 6; 10: 9). Керамика – коричневого цвета, рыхлая, с обильной примесью органики, снаружи и изнутри сосуда покрыты гребенчатыми сглаживающими расчёсами. Все горшки – профилированные, срез одного из них гофрирован пальцевым вдавлением (рис. 12: 2), один изнутри украшен горизонтальным рядом верёвочных отпечатков в виде «личинок» (рис. 12: 2). Этим же элементом и овальными ямками украшен ещё один сосуд (рис. 12: 6). Один фрагмент стенки покрыт правильными круглыми ямочными вдавлениями (рис. 12: 5), ещё один – горизонтальными рядами плюсневых отпечатков (рис. 12: 4). Один сосуд украшен только горизонтальными рядами оттисков косовертикально поставленного гребенчатого штампа (рис. 12: 3), один – сочетанием их с горизонтальными проглаженными линиями и рядом «жемчужин», ещё один – сочетанием прочерченных линий и горизонтальным рядом круглых ямок (рис. 10: 9). На мой взгляд, эта керамика относится к самому позднему этапу репинской культуры, когда появляется проглаженная, прочерченная орнаментация. Датировается она не ранее середины III тыс. до н.э.

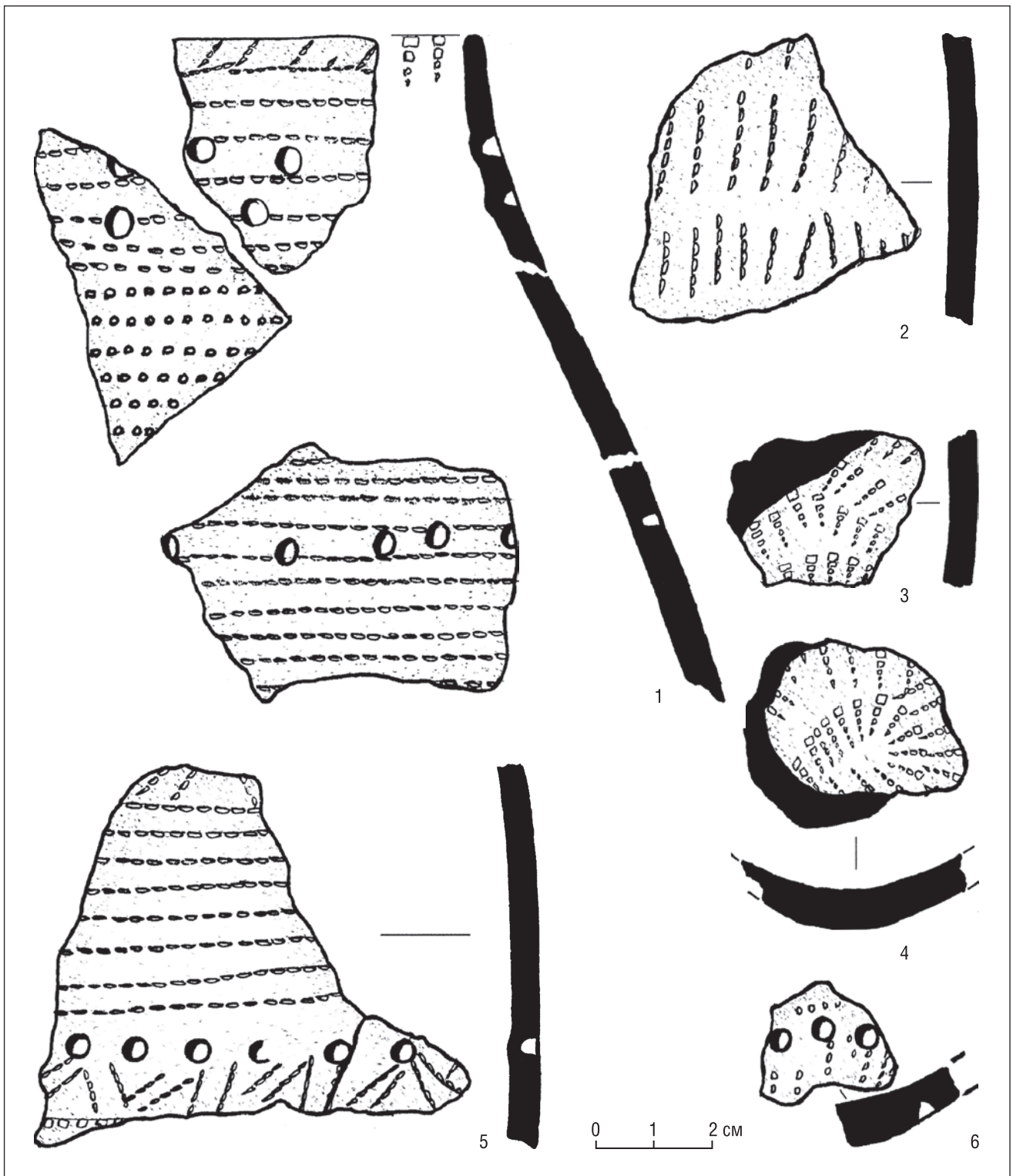

Рис. 6. Поселение Карамышево 19. Керамика рыбоозёрской культуры

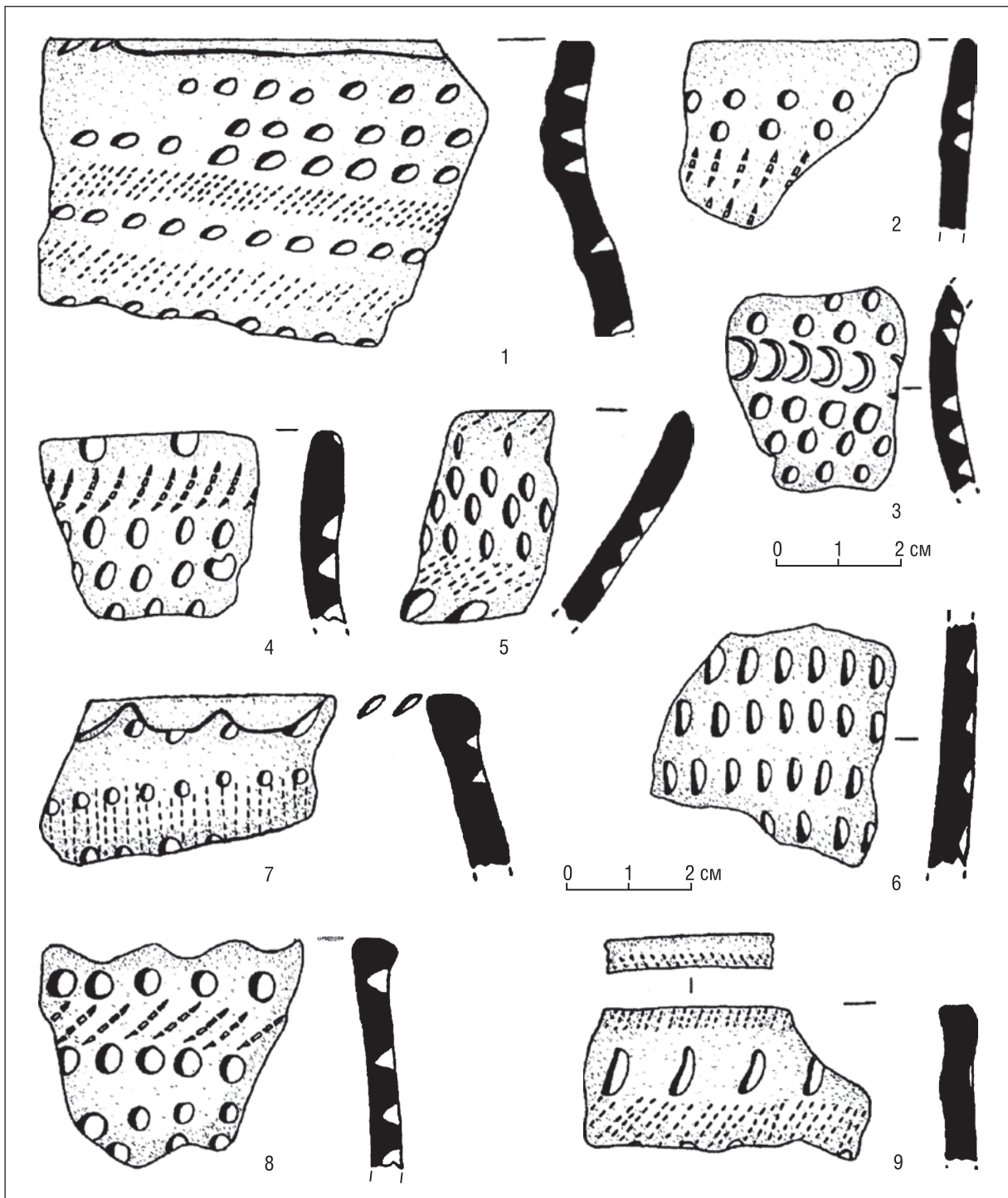

Рис. 7. Поселение Карамышево 19. Керамика рязанско-долговской культуры

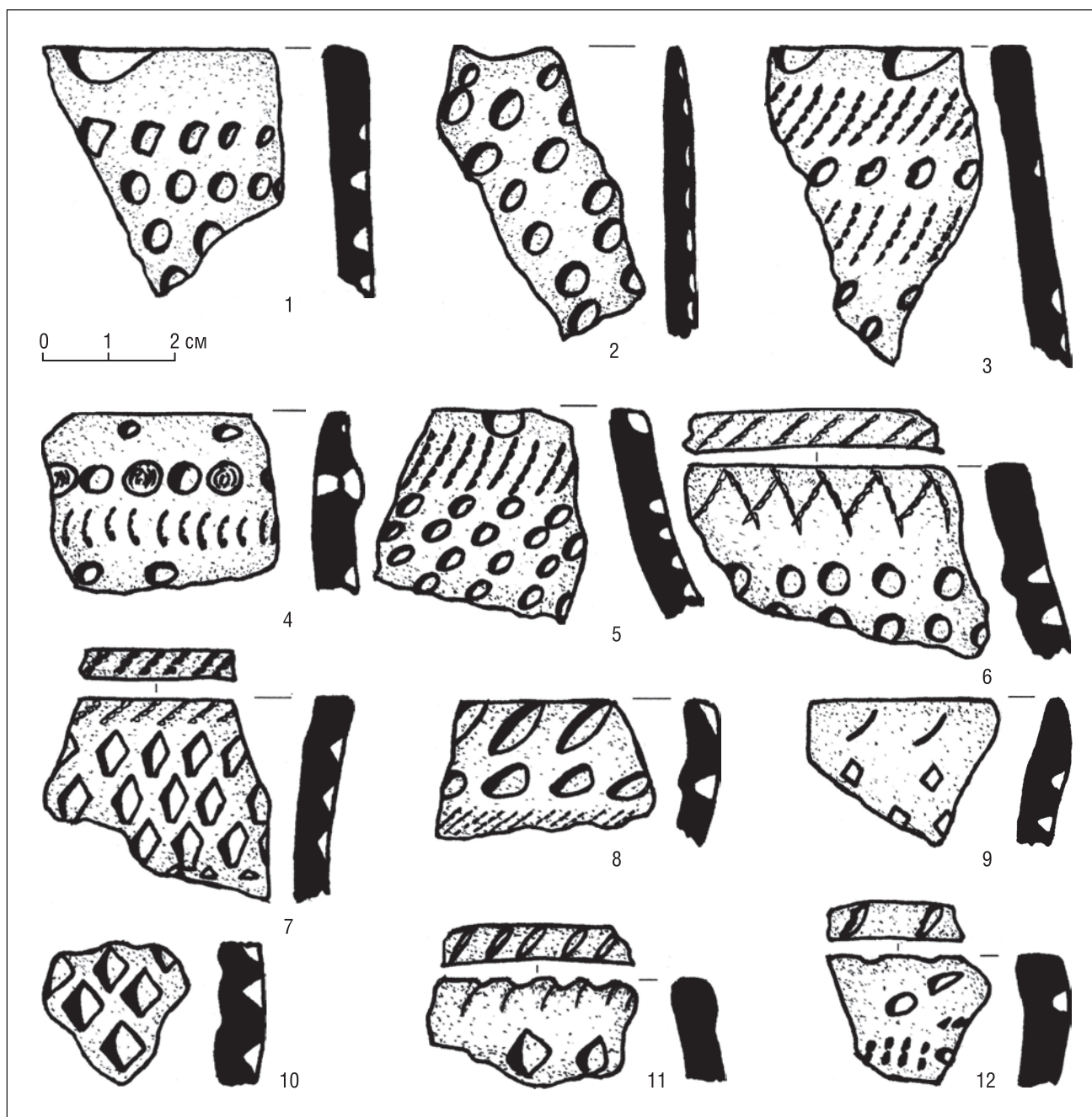

Рис. 8. Поселение Карамышево 19. Керамика рязанско-долговской культуры

Катакомбная культура. Представлена 28 обломками сосудов, из них три – из ямы 2 (рис. 10: 3, 5, 6). По венчикам выделяются пять горшков (рис. 10: 1–6), украшенных горизонтальными и косовертикальными рядами верёвочки, гребенчатыми отпечатками, в одном случае – крупными наколами (рис. 10: 6). На трёх сосудах в верхней их части имеются «жемчужины» (рис. 10: 1–3). Четыре фрагмента венчиков профилированы, один из них – слегка прикрытого горшка. Керамика – коричневого цвета, с примесью мелкого песка в глиняном тесте, хорошо заглажена, иногда снаружи и изнутри видны следы гребенчатых расчёсов. Данная посуда относится в верхнедонскому типу раннего этапа среднедонской катакомбной культуры и датируется рубежом III–II тыс. до н.э.

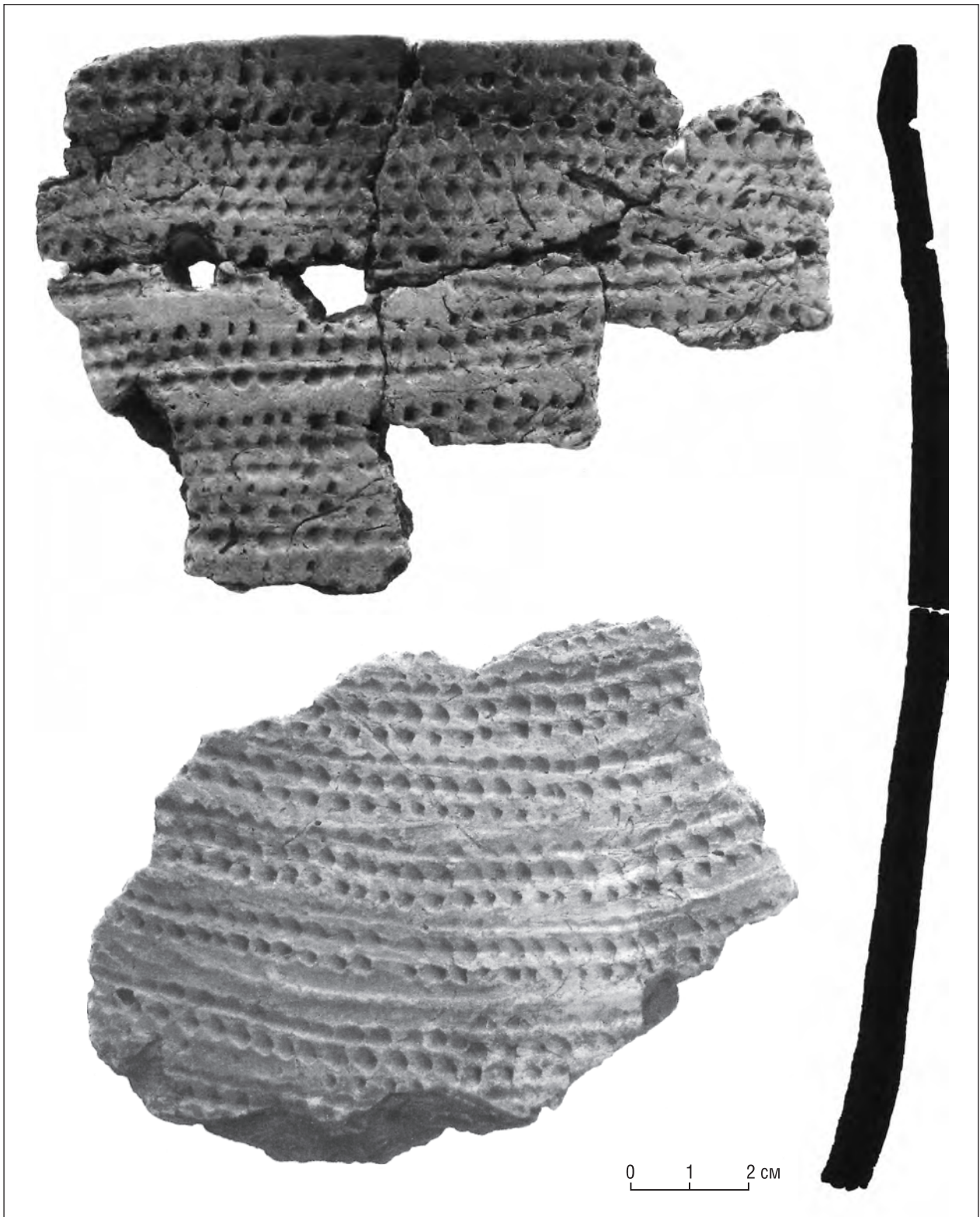

Рис. 9. Поселение Карамышево 19. Развал керамического сосуда нижнедонской культуры

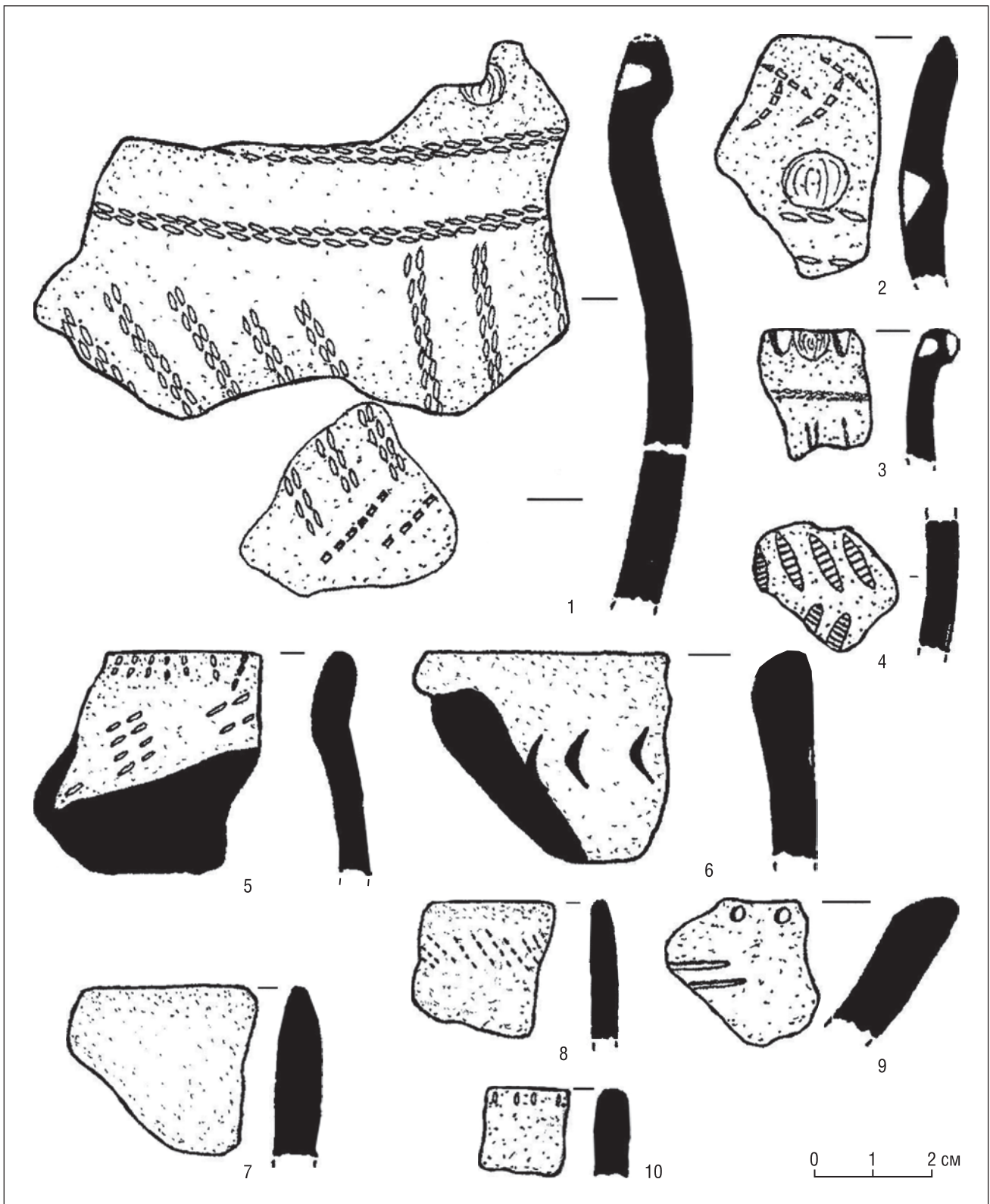

Рис. 10. Поселение Карамышево 19. Керамика:
 1–6 – катакомбной культуры; 7–8, 10 – нижнедонской культуры; 9 – репинской культуры (3, 5, 6 – находки в яме 2)

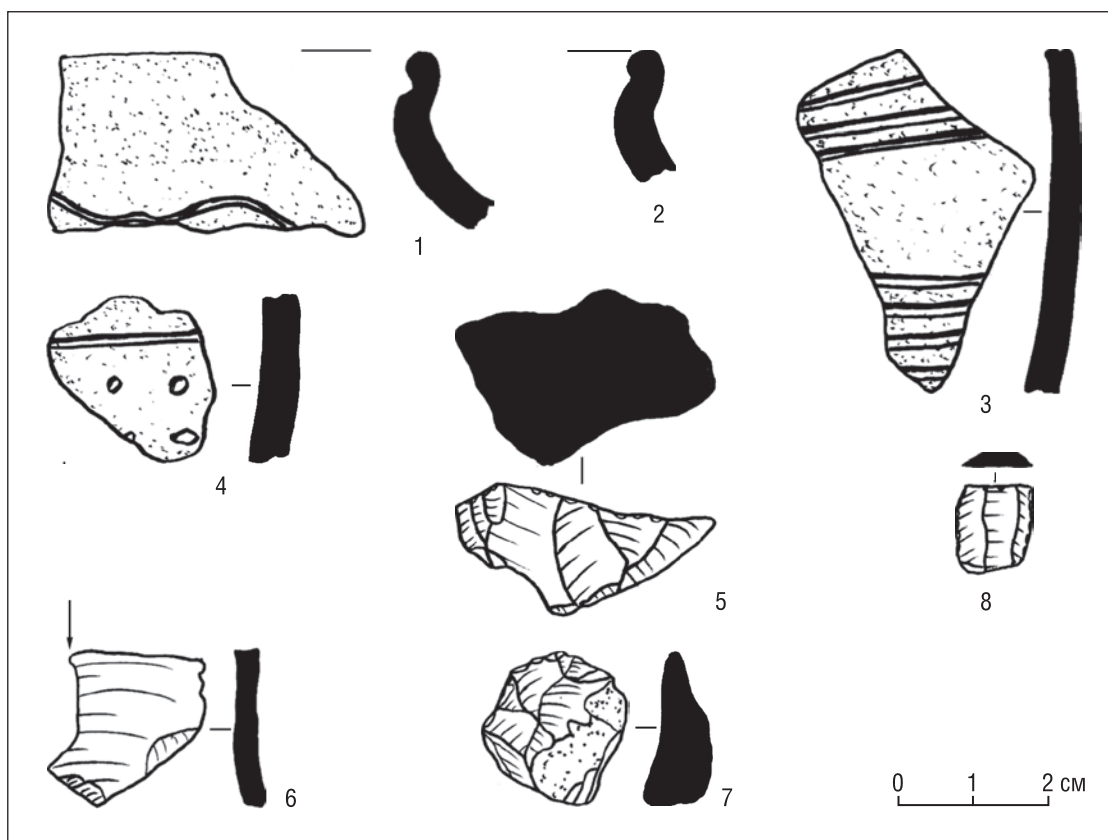

Рис. 11. Поселение Карамышево 19. Постройка 1.

1–3 – гончарная керамика XIV в.; 4 – керамика репинской культуры; 5 – нуклеус; 6 – резец; 7 – скребок; 8 – пластина (5–8 – кремь)

Городецкая культура. Представлена 151 фрагментом сосудов, из них 85 – из постройки 1 (рис. 13). По венчикам выделяются восемь сосудов (два – из постройки 1). Все они происходят от профилированных горшков (рис. 13: 1, 2; 14: 1, 2, 4–7) с рогожным орнаментом. Найдены два фрагмента днищ: одно – с закраиной (рис. 13: 3), одно – без (рис. 14: 3). По форме края венчики различаются: два – Г-образной формы с выступом наружу (рис. 13: 1; 14: 6), два – с выступом внутрь (рис. 13: 2; 14: 1), один – с уплощённым срезом (рис. 14: 7), три – с округлым (рис. 14: 2, 4, 5). Керамика – коричневого цвета, с обильной примесью дресвы в тесте. Также выявлены пять обломков трёх биконических пряслиц (два – в постройке 1) (рис. 13: 4, 5; 14: 9). Керамика датируется второй половиной I тыс. до н.э.

Развитое средневековье (XIII–XIV вв.). Круговая керамика представлена 25 фрагментами, из которых три найдены в постройке 1 (рис. 11: 1–3), один (неорнаментированный) – в яме 3. Пять фрагментов имели розовый цвет, остальные – светло-серые. По венчикам выделяются шесть профилированных горшков. У трёх – загиб венчика внутрь (рис. 11: 1, 2; 14: 13), два имеют утолщение на краю – под крышку (рис. 14: 11, 12), один – тонкостенный, сильно профилированный (рис. 14: 14). Основное поле сосудов слабоорнаментировано, встречаются прочерченные линейный (рис. 11: 3) и волнистый орнаменты и их сочетание (рис. 11: 10). Керамика – тонкостенная: толщина 4–6 мм.

Невыразительность стратиграфии и планиграфии памятника не позволили связать найденный здесь кремнёвый материал с определёнными археологическими культурами, выделенными по керамическому комплексу.

Кремнёвые орудия представлены двумя проколками на пластинах (рис. 15: 1, 2), одним ножом на отщепе (рис. 15: 3) и одним на пластине, 11 многоплощадочными скребками с крутой ретушью (рис. 11: 7; 15: 5–6), девятью одноплощадочными сильно сработанными нуклеусами (рис. 11: 5), в том числе и для изготовления пластин (рис. 15: 8, 9), из которых пять находились в постройке 1 (рис. 11: 5), восемью пластинами (рис. 11: 8; 15: 7, 10–11), одним резцом (рис. 11: 6) (постройка 1), одним камнем со следами шлифовки (рис. 15: 3) (утюжок?). К отходам производства относятся 69 отщепов, на трёх из них нанесена ретушь.

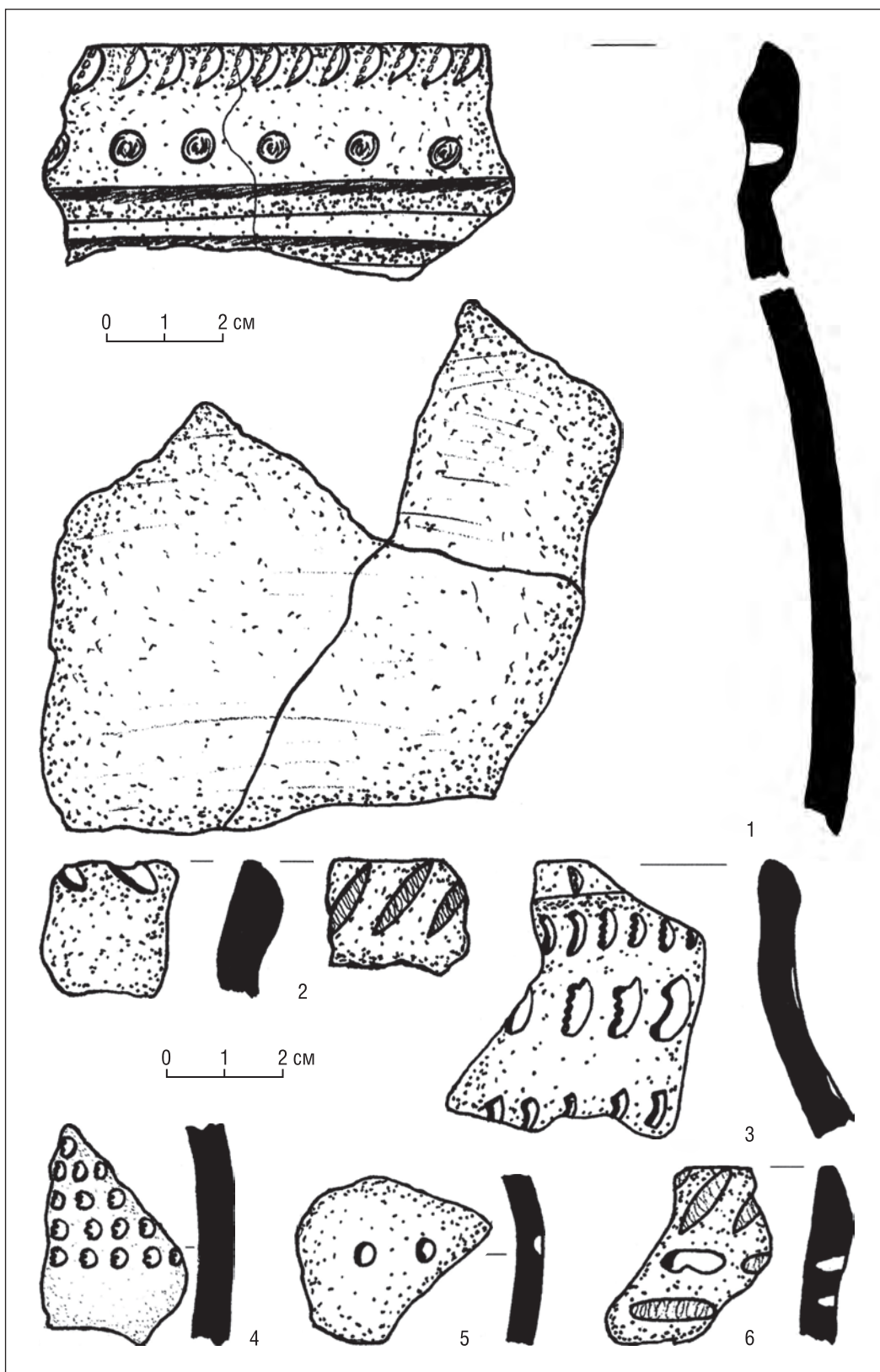

Рис. 12. Поселение Карамышево 19. Керамика репинской культуры

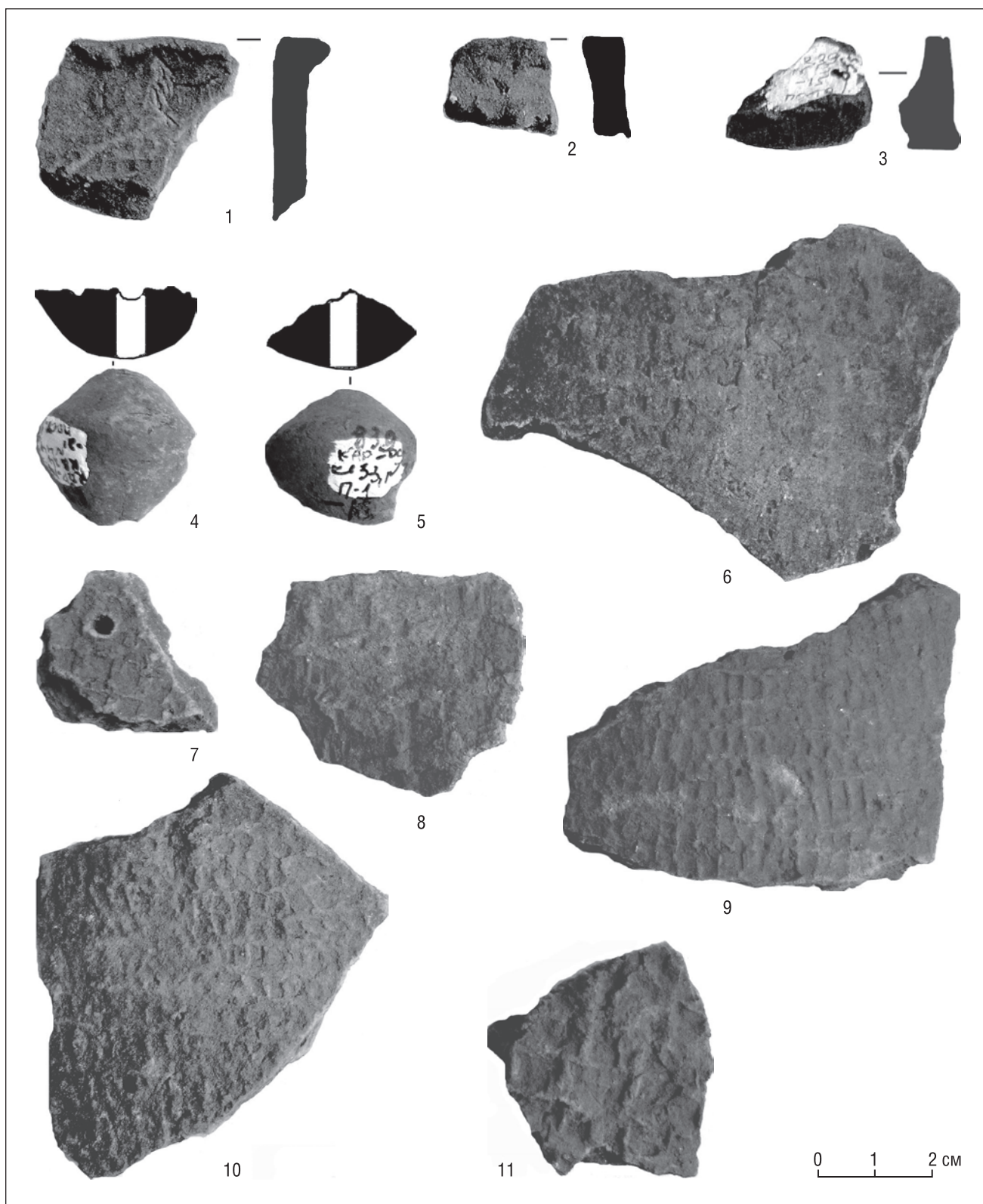

Рис. 13. Поселение Карамышево 19. Керамика городецкой культуры из постройки 1 (1-3, 6-11); обломки пряслиц (4-5)

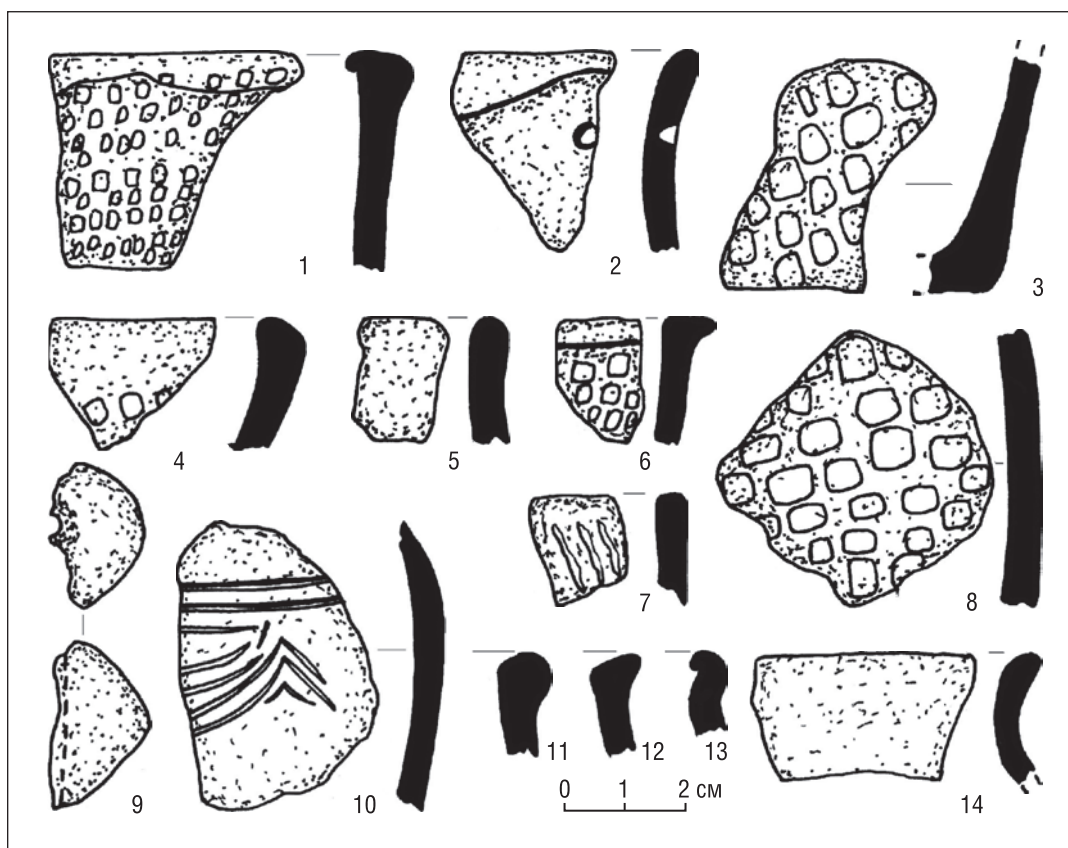

Рис. 14. Поселение Карамышево 19.

Городецкая культура: керамика (1–8); фрагмент пряслица (9). Развитое средневековье (XIII–XIV вв.): керамика (11–14)

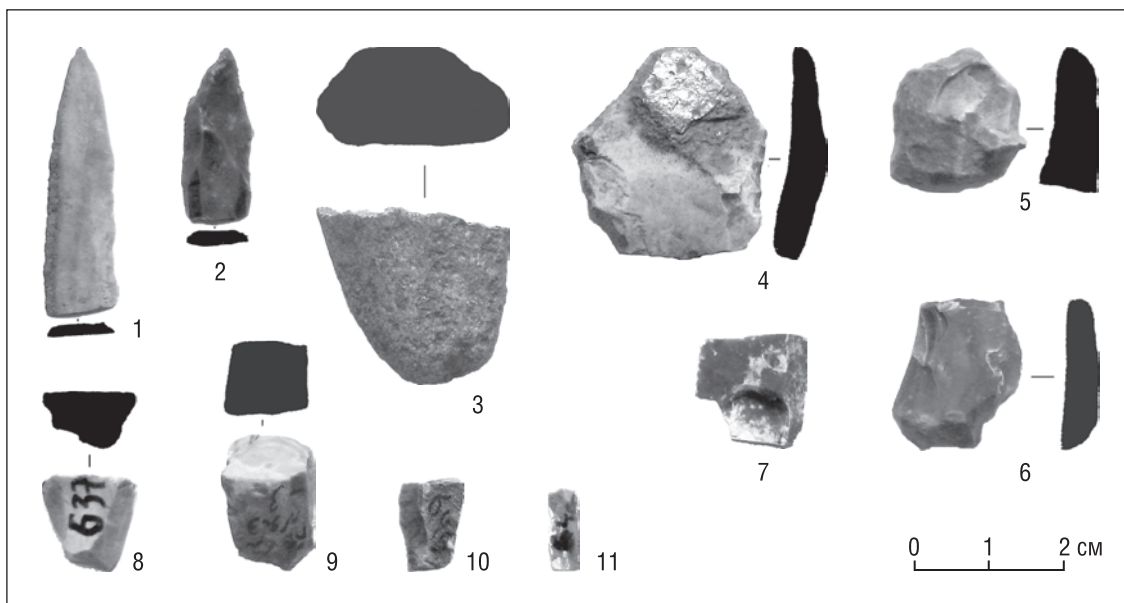

Рис. 15. Поселение Карамышево 19. Каменные изделия:

1–2 – проколки; 3 – обломок «утюжка» (?); 4 – нож на отщепе; 5–6 – скребки; 7, 10–11 – пластины; 8–9 – нуклеусы. 1–2, 4–11 – кремь; 3 – сланец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Смольянинов Р.В. Отчет о разведочных исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
2. Бессуднов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в Липецкой области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
3. Ивашов М.В. Отчет к Открытому листу № 661 о проведении разведочных работ на территории г. Липецка и Грязинского района Липецкой области в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. Р-1.
4. Чивилёв В.А. Отчет об археологических исследованиях на поселении Карамышево 2 в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
5. Чивилёв В.А. Отчет об археологических исследованиях на поселении Карамышево 2 в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
6. Чивилёв В.А. Отчет об археологических исследованиях на поселении Карамышево 2 в 2003 году на территории Грязинского района Липецкой области // Архив ИА РАН. Р-1.
7. Смольянинов Р.В. Отчет к открытым листам № 452 и № 891 об исследованиях многослойных поселений Карамышево 9 и Карамышево 5 у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1.
8. Смольянинов Р.В. Отчет об исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
9. Смольянинов Р.В. Материалы эпохи неолита поселения Карамышево 19 на р. Воронеж // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.
10. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
11. Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.
12. Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
13. Сидоров В.В. Стоянки Заболотского озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции “Каменный век европейских равнин. Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры”. 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.

*Липецкая городская научная общественная
организация «АРХЕОЛОГ»,
Липецк*

R.V. Smolyaninov

THE SETTLEMENT KARAMYSHEVO 19 ON THE UPPER DON

Summary

During 2001–2003, 2009, 2010 active prospecting works and excavations was conducted near the village Karamyshevo in the Gryazinskiy district of the Lipetsk region. The result was the discovery of 26 archaeological monuments. The settlement Karamyshevo 19, which is located on the floodplain butte of the first upper-floodplain terrace of the left bank of the Voronezh River to the north of the village of the same name, is one of the excavated sites. On the monument the excavation in the area of 74 square meters was made. The materials of the Neolithic Karamyshevskaya, Middle Don, Rybnoe Ozero, Ryazan-Dolgovo cultures, the pottery of the Aeneolithic Repinskaya and Lower Don cultures, the ceramics of the Middle Don Catacomb culture and the small collections correlated with Gorodetskaya culture of the Early Iron Age and the Developed Middle Ages (13–14 centuries) were found out. Five pits were revealed on the monument. Pits 2–5 – are household; the pit 1 is probably the foundation pit of the ancient Neolithic building (building 1).

*Lipetsk Municipal Scientific Public Organization «Archaeologist»,
Office 312, building 2, 42, Lenina St.,
Lipetsk, 398020, Russia*

E-mail: rws17@rambler.ru

А.В. Сурков, А.М. Скоробогатов

МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА СТОЯНКИ ЯМНОЕ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В последние десятилетия в исследовании лесостепного неолита были сделаны значительные открытия, связанные с изучением появления древнейшей керамики. Более поздние периоды рассматривались в основном по уже имеющимся данным, хотя раскопки поздних памятников продолжались.

В Подонье было изучено несколько позднеолитических памятников, но они характеризовались, как правило, либо в рамках единой для всей ямочно-гребенчатой керамики лесной и лесостепной зон льяловской культуры [1, с. 59], или в рамках выделенных локальных культур (рязанско-долговская, рыбноозёрская) [2].

Энеолит региона в последнее десятилетие изучается в основном благодаря работам на Верхнем Дону, где достаточно представительная керамическая серия среднестоговской культуры была выявлена на поселении Ксизово-6 [3]. В остальных случаях, оперируя новыми комплексами, мы имеем, как правило, материалы кратковременных сезонных стоябищ с незначительным по мощности культурным слоем. Благодаря результативным работам липецких археологов были уточнены северные границы распространения энеолитических памятников и, возможно, обнаружен древнейший в регионе металл [4].

Таким образом, многие вопросы культурно-хронологического плана применительно к неолиту – энеолиту Донской лесостепи остаются спорными, их решение невозможно без увеличения качественной источниковой базы.

Для характеристики позднего неолита и энеолита Донской лесостепи информативные материалы получены нами в ходе раскопок стоянки Ямное. Памятник расположен на береговом валу около старичного русла в левобережной пойме р. Дон, на северо-западной окраине с. Ямное Рамонского района Воронежской области. Вал возвышается над уровнем поймы до 1,5 м (рис. 1).

Стоянка была выявлена в 2004 г. в ходе археологической разведки в окрестностях с. Ямное экспедицией Госдирекции по охране памятников Воронежской области под руководством С.В. Акимовой [5]. В 2006 г. нами с целью уточнения стратиграфии наслоений и культурно-хронологической характеристики материалов памятника здесь был заложен шурф 2×2 м.

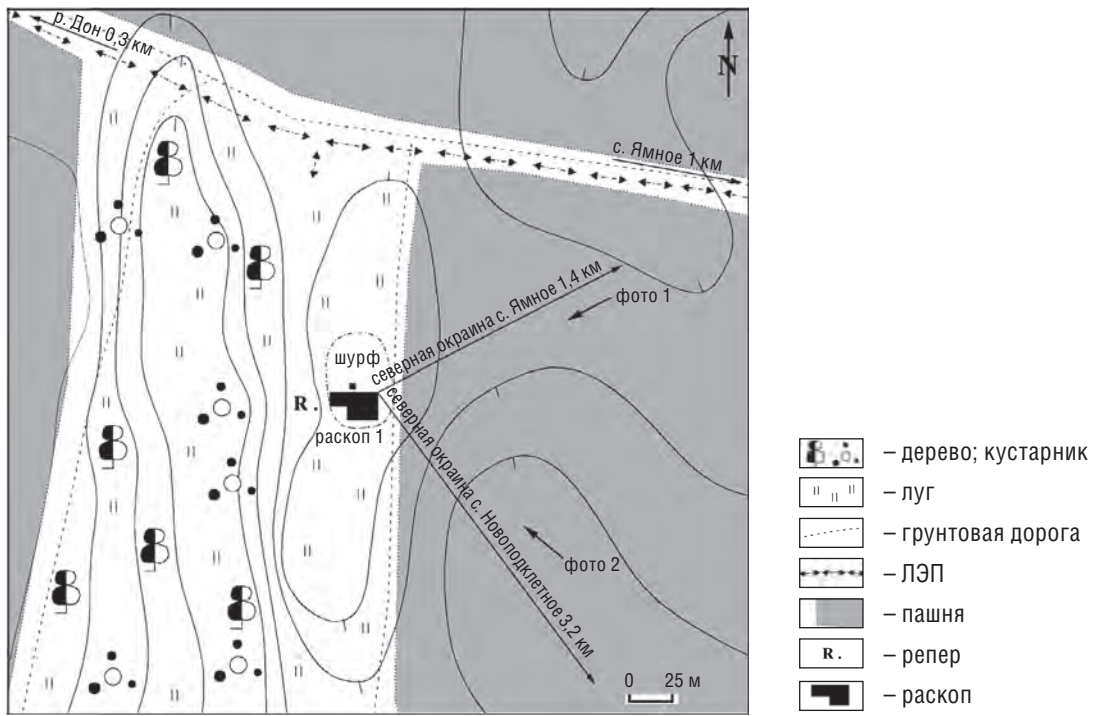
В полевом сезоне 2007 г. экспедицией Воронежского госпедуниверситета были начаты раскопки данного памятника на площади 60 кв. м [6]. Керамика неолита и энеолита доминировала и залегала развалами. Помимо этого, на площади раскопа было выявлено погребение времени Великого переселения народов, сопровождавшееся глиняным сосудом и двумя железными пряжками (V в. н.э). В 2008 г. удалось изучить раскопками 81 кв. м [7]. Помимо керамики неолита и энеолита, представительную серию составили наконечники стрел и ножи на крупных отщепках энеолитического времени. В восточной части раскопа было выявлено скопление кремнёвых изделий мезолитического времени, залегавших ниже слоя с находками неолита – энеолита. В 2009 г. раскопки были продолжены [8].

Всего к 2011 г. на памятнике вскрыт 291 кв. м. Судя по топографии и распространению находок в раскопе и на поверхности стоянки, исследовано около половины основной площади. В раскопе сделаны 8929 находок, среди которых более пяти с половиной тысяч – керамика периода неолита, 1625 фрагментов керамики относятся к энеолиту.

Раскопки велись прирезками, расчистка слоя производилась единым уровнем по всей площади раскопа. Каждой находке присваивался индивидуальный номер и отмечались её координаты.

Благодаря фиксации каждой находки от единой точки (в см) была создана база данных, а культурный слой памятника был описан в декартовой системе координат, что позволило при составлении планиграфии распространения находок и стратиграфических проекций использовать компьютерные методы.

Стратиграфия наслоений в раскопе была неоднородной, и слои имели различную мощность. На основной площади раскопа под дёрном (0,1 м) залегала светло-серая супесь с единичными находками (пахотный слой, 0,2–0,4 м), ниже – тёмная гумусированная супесь с находками неолита – энеолита (0,2–0,3 м). Нижняя граница данного слоя была нечёткой, осветлённой, переходящей в слой светло-коричневой супеси (залегал не везде, 0,05–0,15 м), к данному слою были приурочены находки мезолитического времени в северо-восточной части раскопа. Материк – белый песок, имел больший уклон к западу по сравнению с современной дневной поверхностью.

Сечение горизонталей – 1 м

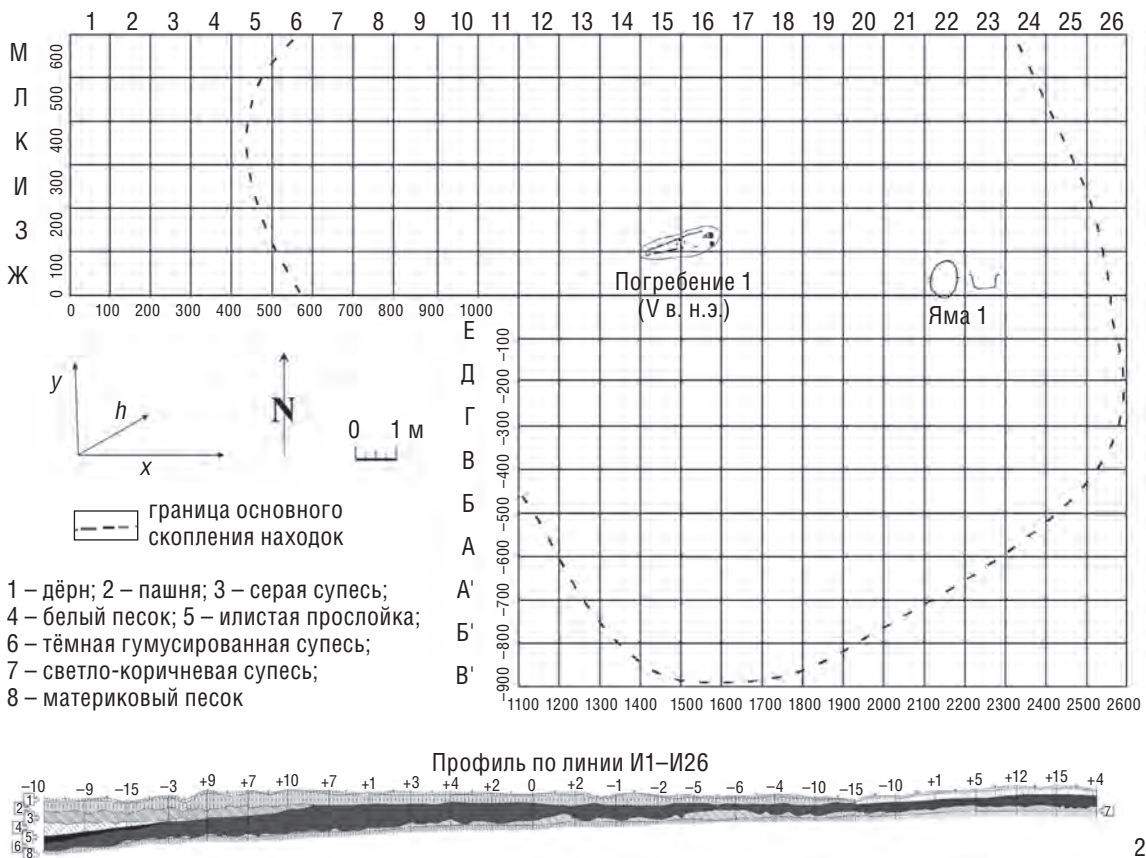

Рис. 1. Стоянка Ямное. Топография памятника (1), общий план раскопов и стратиграфия наслоений (2)

В западной части раскопа между пахотным слоем и тёмной гумусированной супесью залежали стерильные прослойки серой супеси, белого песка и ила, связанные с относительно поздними паводковыми прирусловыми отложениями.

Каменный инвентарь представлен в основном находками из кремня – 1151 экземпляр. Изделия из кварцита и других пород камня более редки – 62 и 34 экз. соответственно.

Среди кремня преобладает меловой, но имеется и местный валунный разных цветов (см. табл. 1). В 2008 г. в восточной части раскопа было выявлено обособленное скопление валунного кремня жёлтого и коричневого цветов, залегавшее ниже слоя с находками неолита – энеолита, в слое светло-коричневой супеси. Типологическое своеобразие этих материалов и их стратиграфическое предшествование находкам неолита – энеолита позволяет связывать большую часть предметов из валунного кремня с мезолитическим временем. Данная коллекция пока не опубликована.

Таблица 1. Стоянка Ямное. Каменный инвентарь

Тип находки	Материал	Кремень чёрный меловой		Кремень валунный цветной		Кварцит	
		Кол-во	Процент	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент
Скребок		124	15,7 %	17	4,7 %	1	1,6 %
Скобель		19	2,4 %	7	1,9 %	–	–
Наконечник стрелы		24	3 %	1	0,3 %	–	–
Нож		12	1,5 %	–	–	–	–
Резец		2	0,2 %	15	4,1 %	–	–
Пилка		2	0,2 %	–	–	–	–
Развёртка, остриё		4	0,5 %	1	0,3 %	–	–
Пластина с ретушью		10	1,3 %	1	0,3 %	1	1,6 %
Отщеп с ретушью		26	3,3 %	12	3,3 %	2	3,2 %
Отбойник		1	0,1 %	1	0,3 %	2	3,2 %
Прочие орудия		3	0,4 %	–	–	–	–
	<i>Орудия:</i>	227	28,8 %	48	13,2 %	6	9,7 %
Нуклеусы и сколы		9	1,1 %	45	12,4 %	1	1,6 %
Отщепы и сколы		257	32,6 %	203	56 %	38	61,3 %
Пластины и фрагменты пластин		17	2,2 %	17	4,7 %	4	6,5 %
Чешуйки		278	35,2 %	33	9,2 %	10	16,1 %
Гальки, желваки		1	0,1 %	9	2,5 %	3	4,8 %
	<i>Отходы производства:</i>	562	71,2 %	314	86,8 %	56	90,3 %
ИТОГО:		789	100 %	362	100 %	62	100 %

Находки из мелового кремня типологически соответствуют керамическим комплексам неолита и энеолита. Основное количество предметов – отходы производства (чешуйки – 35,2 %, отщепы и сколы – 32,6 %). Примечательно, что нуклеусов и сколов всего девять. В целом индустрию можно охарактеризовать как отщеповую: пластин, фрагментов пластин и орудий на пластинах не более 30 экз.

Орудия составили около 30 % от общего числа артефактов из мелового кремня. Более половины орудий – скребки (рис. 2). Они имели различные размеры и форму, ретушировались как по концевой части отщепы, так и по всей окружности, на 3/4 и т.д. Выразительную группу составляют миниатюрные изделия с выделенным черешком (рис. 2: 19–27).

Другие категории орудий представлены менее значительно. Так, скобелей всего 19, зачастую они фрагментированы (рис. 2: 28, 29). Ножей всего 12, но они имеют очень выразительные размеры и форму (рис. 3: 1–8). Назначение некоторых изделий не совсем ясно, по видимому, это были вкладышевые орудия (рис. 3: 13–16), на одном предмете ретушью выделен перехват (рис. 4: 12). Среди других орудий имеются перфораторы (рис. 3: 18–20), резцы (рис. 3: 21, 22), пилка (рис. 3: 23). На некоторых отщепах зафиксирована ретушь утилизации.

Устойчивую группу составляют 24 наконечника стрел (рис. 4: 1–11). По форме они в основном треугольные, у некоторых выделен черешок (рис. 4: 1) или сделана выемка в основании (рис. 4: 3, 5, 11).

Как упоминалось выше, керамика периода неолита доминировала в количественном отношении над остальными находками. Технологически выделяются две группы.

Первая – керамика с плотным запесоченным тестом, без видимых примесей, коричневого цвета (524 фрагмента/171 сосуд), толщиной от 0,5 до 0,7 см (рис. 5). Большая часть этой керамики – без видимых расчёсов, чуть меньше фрагментов имели расчёсы изнутри, ещё меньше – с обеих сторон или только снаружи. Украшалась она преимущественно наколами, ямками и оттисками гребенчатого штампа в различном сочетании (рис. 6).

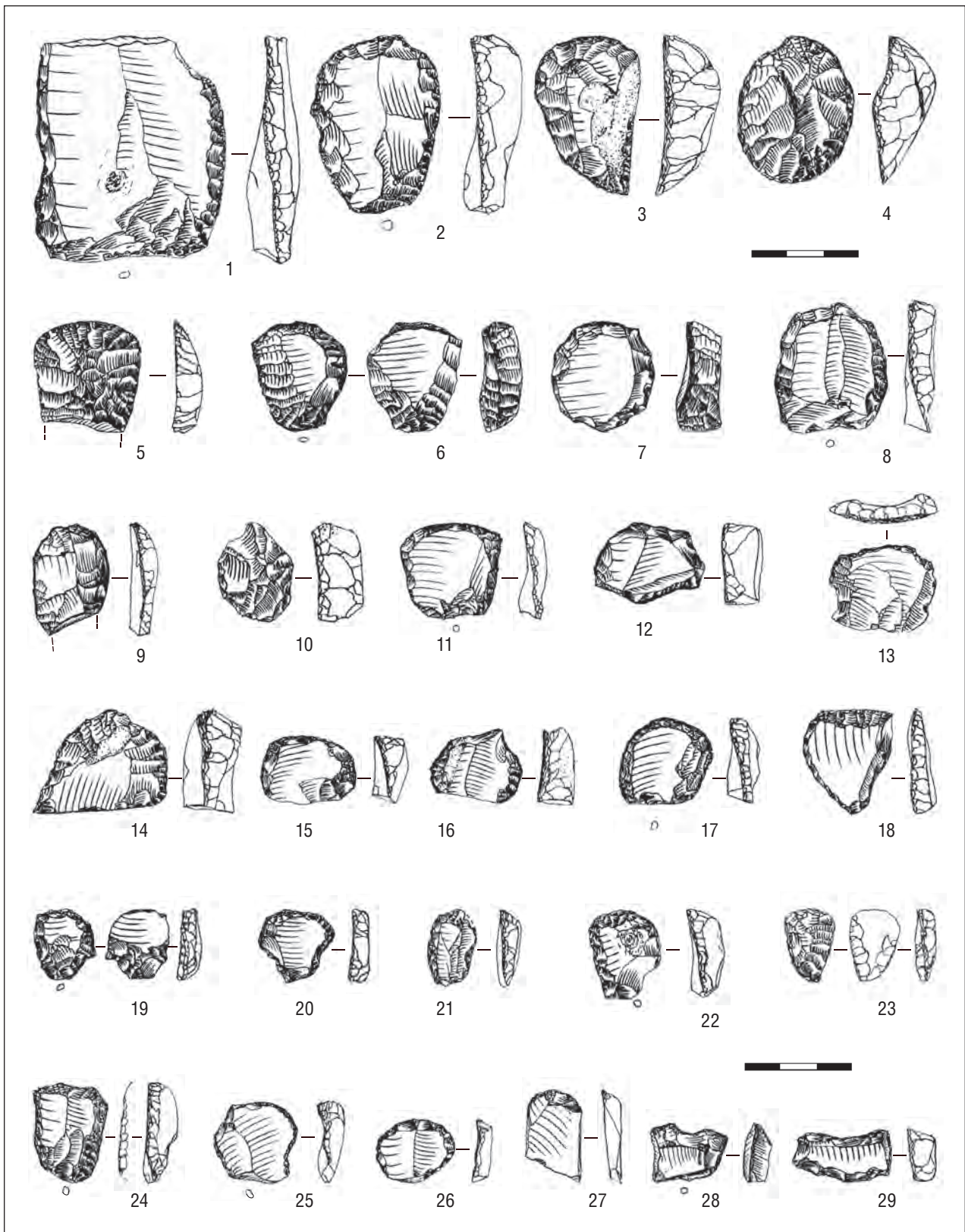

Рис. 2. Стоянка Ямное. Скребки (1–27) и скобели (28–29). Кремьнь

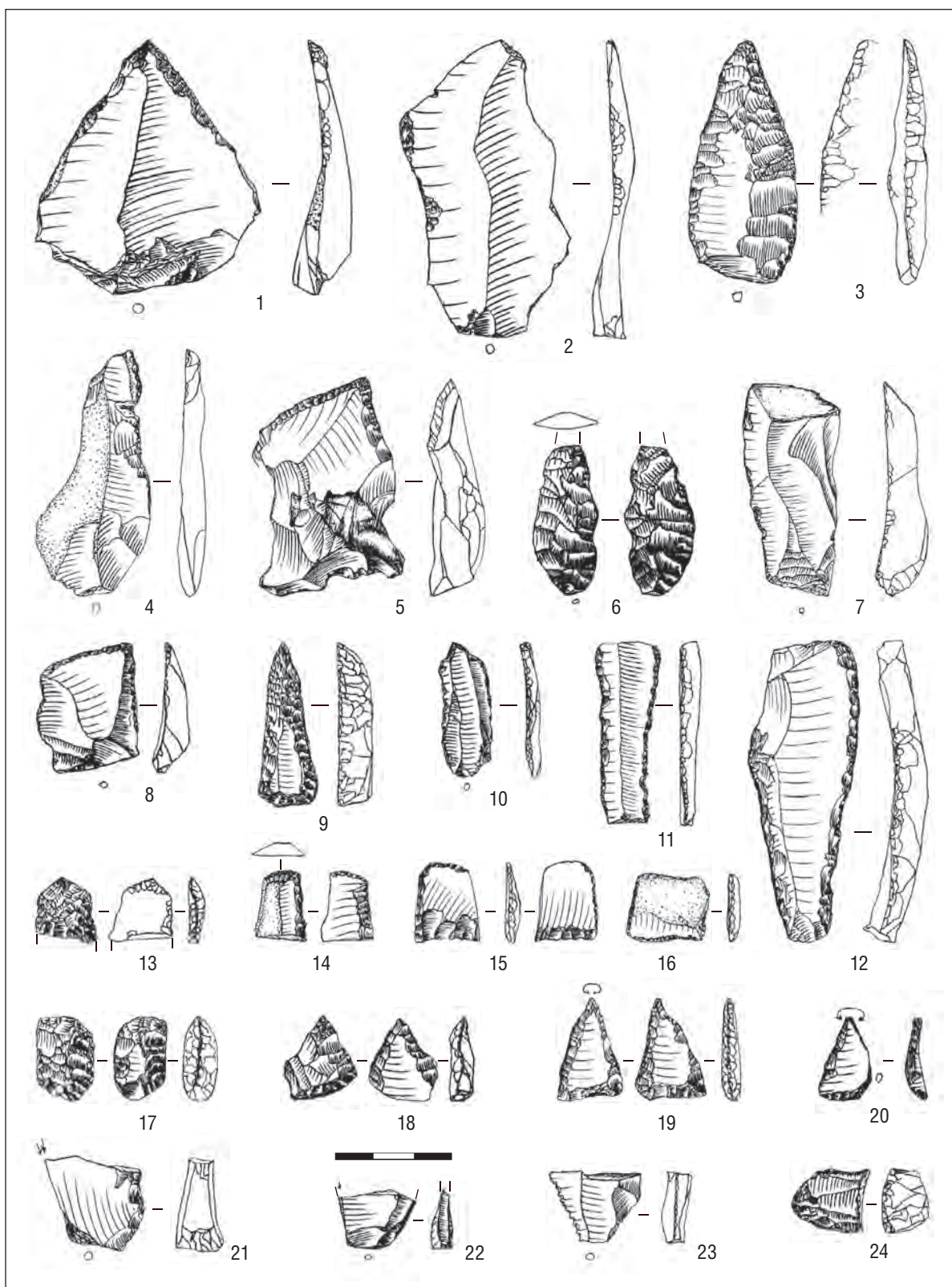

Рис. 3. Стоянка Ямное. Кремнёвый инвентарь:

1–8 – ножи; 9–12 – пластины и пластинчатые отщепы с ретушью; 13–16 – вкладыши; 17 – раklet; 18–20 – резвёртки; 21–22 – резцы; 23 – пилка; 24 – скобель на обломке нуклеуса

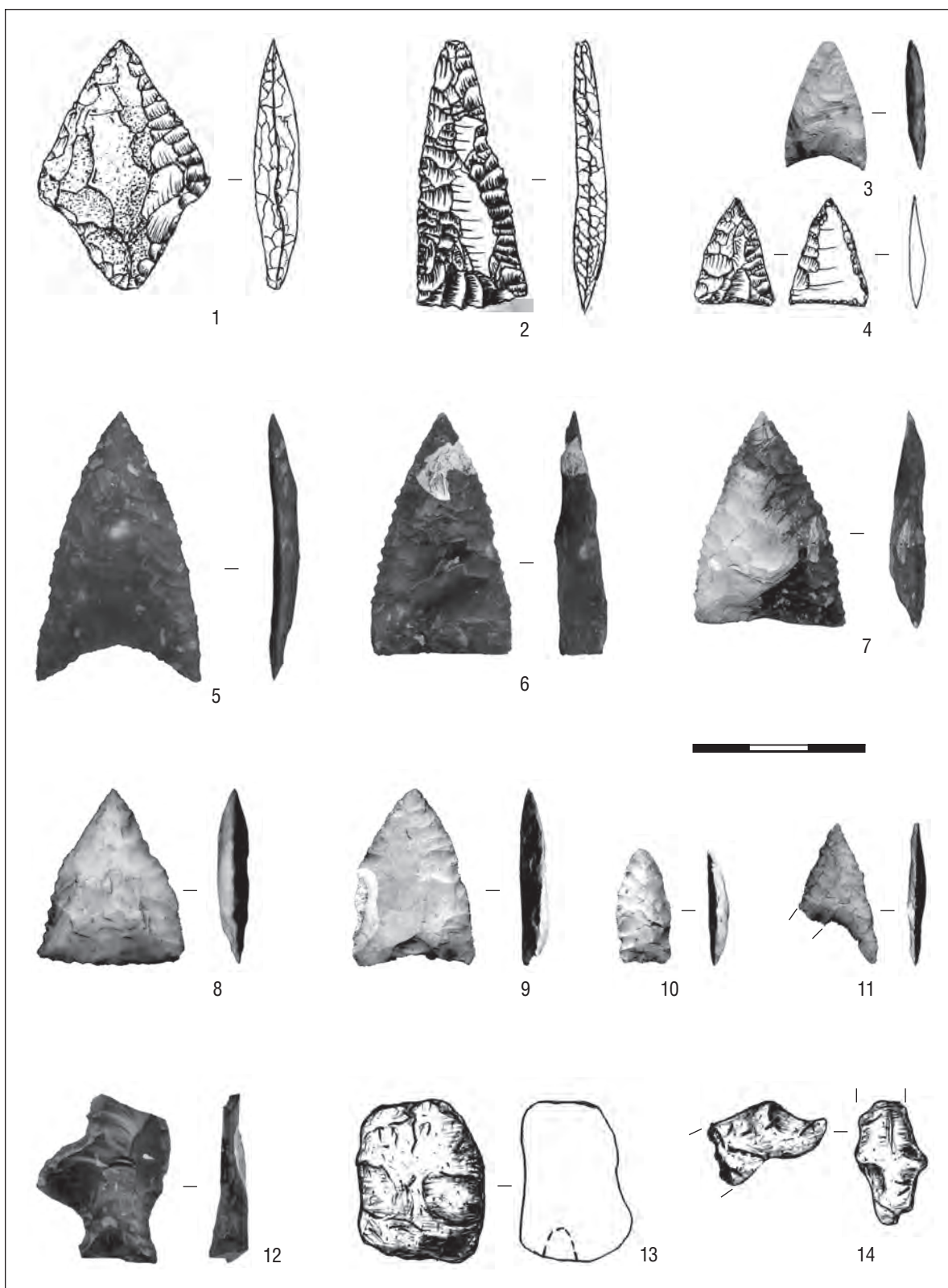
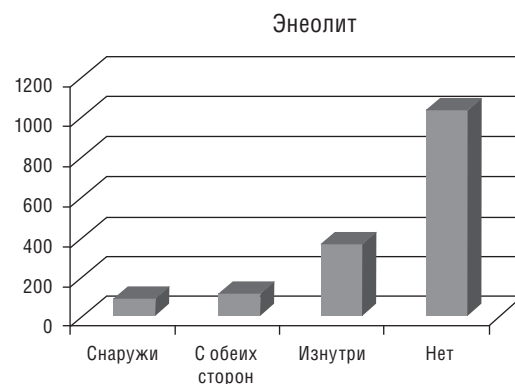
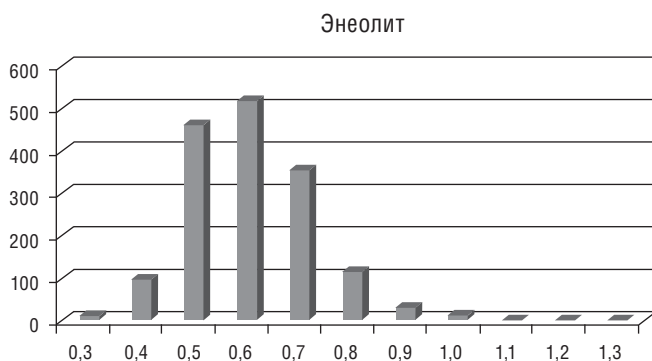
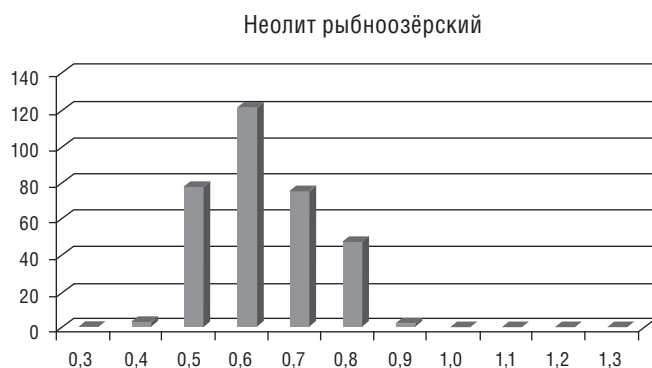
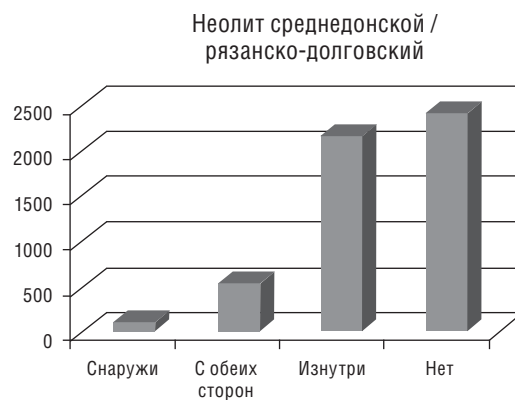

Рис. 4. Стоянка Ямное.

Кремнёвые наконечники стрел (1–11) и изделие с «перехватом» (12). Изделия из глины (13–14)

1

2

Рис. 5. Стоянка Ямное. Распределение керамики: 1 – по толщине (количество/толщина фрагмента в см); 2 – по расчѐсам (количество/место нанесения)

По форме сосуды первой группы профилированные, с плавным переходом к венчику, или прямостенные, дно острое или округлое (рис. 7, 8). Срез венчика прямой или округлый. 86 % сосудов этой группы орнаментированы по срезу «гребенчатыми» или другими вдавлениями. Размеры горшков по диаметру венчика колеблются от 10 до 50 см.

О характере орнаментальной композиции позволяют судить реконструированные по развалам сосуды. Основное поле украшалось параллельными горизонтальными зонами (рис. 9: 1, 3–5), иногда встречается горизонтальная ёлочка (рис. 9: 2). Венчик, как правило, украшен более богато – ряды жемчужин, иногда чередующихся с ямками.

Единично на фрагментах встречаются зигзаги, треугольники и прямоугольники (рис. 8: 1, 4, 6, 7, 9).

Культурно-хронологическая характеристика данной группы керамики затруднена по ряду причин. С одной стороны, накольчатая керамика традиционно относится к среднедонской культуре, а ямочно-гребенчатая – к рязанско-долговской. На данном памятнике эти элементы орнамента настолько тесно вза-

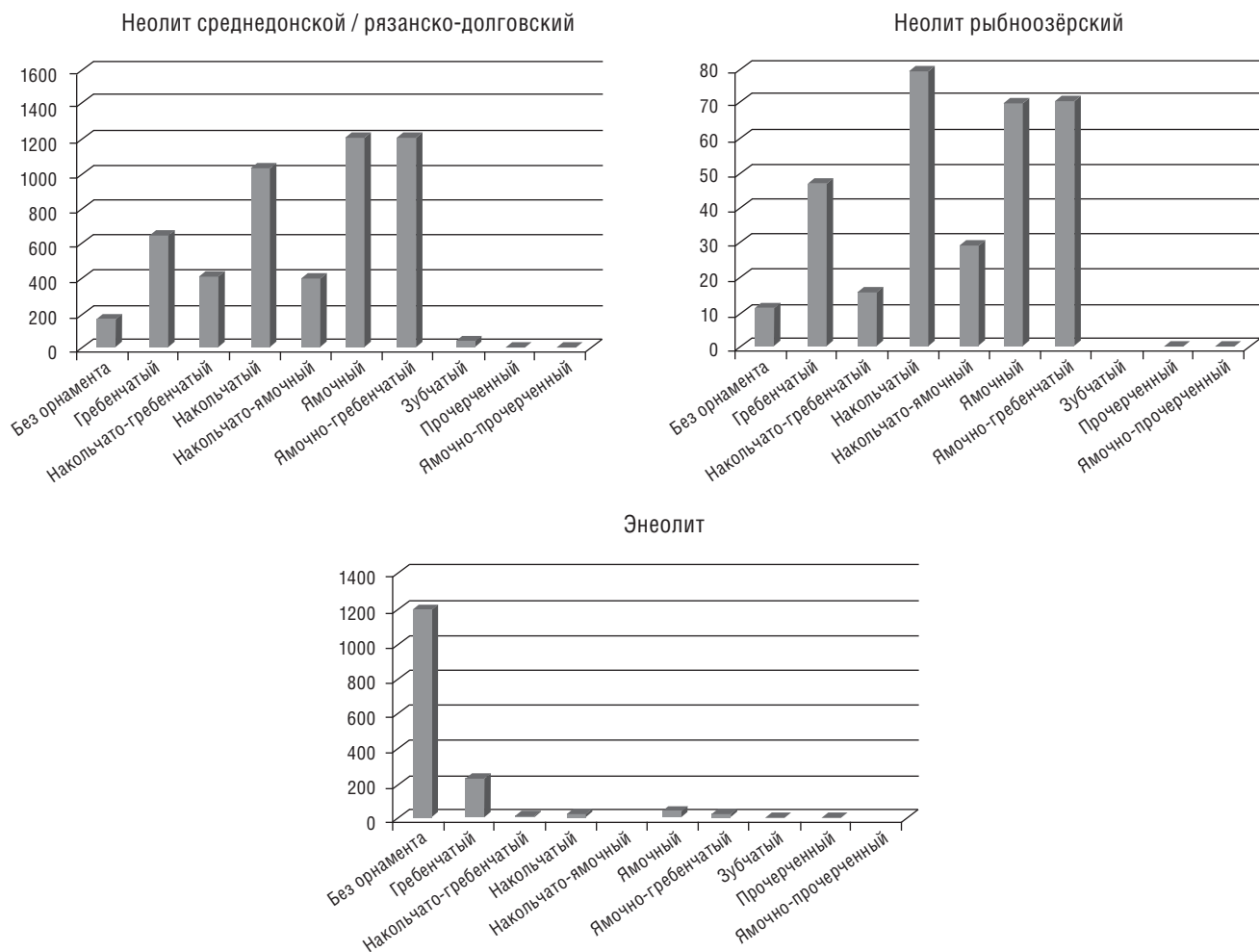

Рис. 6. Стоянка Ямное. Распределение керамики по типам орнамента (количество/орнамент)

имосочетаются, что можно говорить об их единстве. С другой стороны, имеются сосуды “чисто” среднедонские или рязанско-долговские. Так или иначе больше оснований считать эти комплексы синхронными.

Вторая группа керамики неолитического времени не столь выразительна – всего 331 фрагмент. По венчикам это остатки шести сосудов, но если оценивать всю коллекцию, их могло быть около десяти. Эта керамика выделяется по наличию в тесте примеси дресвы. Цвет поверхности черепков красно-коричневый. Толщина колеблется от 0,5 до 0,8 см, расчёсы – чаще изнутри или же их нет вовсе (рис. 5). Орнамент – такой же, как и в предыдущей группе, можно отметить лишь более частое использование накола (рис. 6).

Форма сосудов и форма среза венчика такие же, как в первой группе. Отметим, что ни в одном случае не встречены сосуды с закрытым верхом и с резко отогнутым венчиком. Срез трёх из шести сосудов был орнаментирован «гребёнкой». По орнаментальной композиции сосуды этой группы более сложные – здесь чаще использовались ёлочка, а также треугольники и другие геометрические формы.

Примером может служить один из сосудов, который был украшен по венчику треугольными зонами наколов, в центральной части тулова – ромбами из наклонных рядов наколов, ограниченных ямками, под ними располагалась зона наклонных рядов ямок, а в нижней части тулова – горизонтальная ёлочка из наколов, разделённая рядами ямок (рис. 9: б). Примечательно, что накол был выполнен в манере, имитирующей перевитый шнур.

Эту керамику с полным основанием можно связывать с рыбноозёрской культурой. В планиграфическом отношении рыбноозёрская керамика тяготела к юго-восточной части раскопа, стратиграфически никак не выделялась. Вопрос о хронологии этой группы до получения серии абсолютных датировок остаётся открытым.

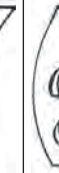

Вся энеолитическая керамика стоянки Ямное – 1623 фрагмента от примерно 83 сосудов – делится на две группы. Керамика первой группы представлена фрагментами приблизительно 80 сосудов (подсчёт велся по имеющимся фрагментам венчиков) с лёгким, пористым тестом или же с примесью мелко дроблённой

№ типа	1	2	3	4	5
Тип					
Среднедонская / Рязанско-долговская	107 62,6 %	32 18,7 %	8 4,7 %	7 4 %	–
Рыбноозёрская	5 83,3 %	1 16,7 %	–	–	–
Среднедоговская	28 35 %	8 10 %	8 10 %	3 3,7 %	16 20 %

1

№ типа	1	2	3	4	5	6	7
Тип							
Среднедонская / Рязанско-долговская	140 81,9 %	15 8,8 %	5 2,9 %	4 2,3 %	7 4 %	–	–
Рыбноозёрская	5 83,3 %	1 16,7 %	–	–	–	–	–
Среднедоговская	32 40 %	28 35 %	4 5 %	2 2,5 %	7 8,8 %	2 2,5 %	5 6,2 %

2

№ типа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Тип													
Среднедонская / Рязанско-долговская	4 2,3 %	2 1,2 %	1 0,5 %	33 19,3 %	25 14,6 %	28 16,4 %	22 12,8 %	4 2,3 %	9 5,2 %	7 4 %	2 1,2 %	4 2,3 %	6 3,5 %
Рыбноозёрская	–	–	–	–	–	1 16,7 %	1 16,7 %	1 16,7 %	–	–	–	–	–
Среднедоговская	3 3,7 %	1 1,2 %	1 1,2 %	19 23,8 %	6 7,5 %	–	–	–	2 2,4 %	–	–	–	–

Процент даётся от общего числа сосудов культурной группы, выделяемых по венчикам.

3

Рис. 7. Стоянка Ямное. Керамика. Варианты оформления венчиков:
1 – форма; 2 – срез; 3 – орнамент по срезу

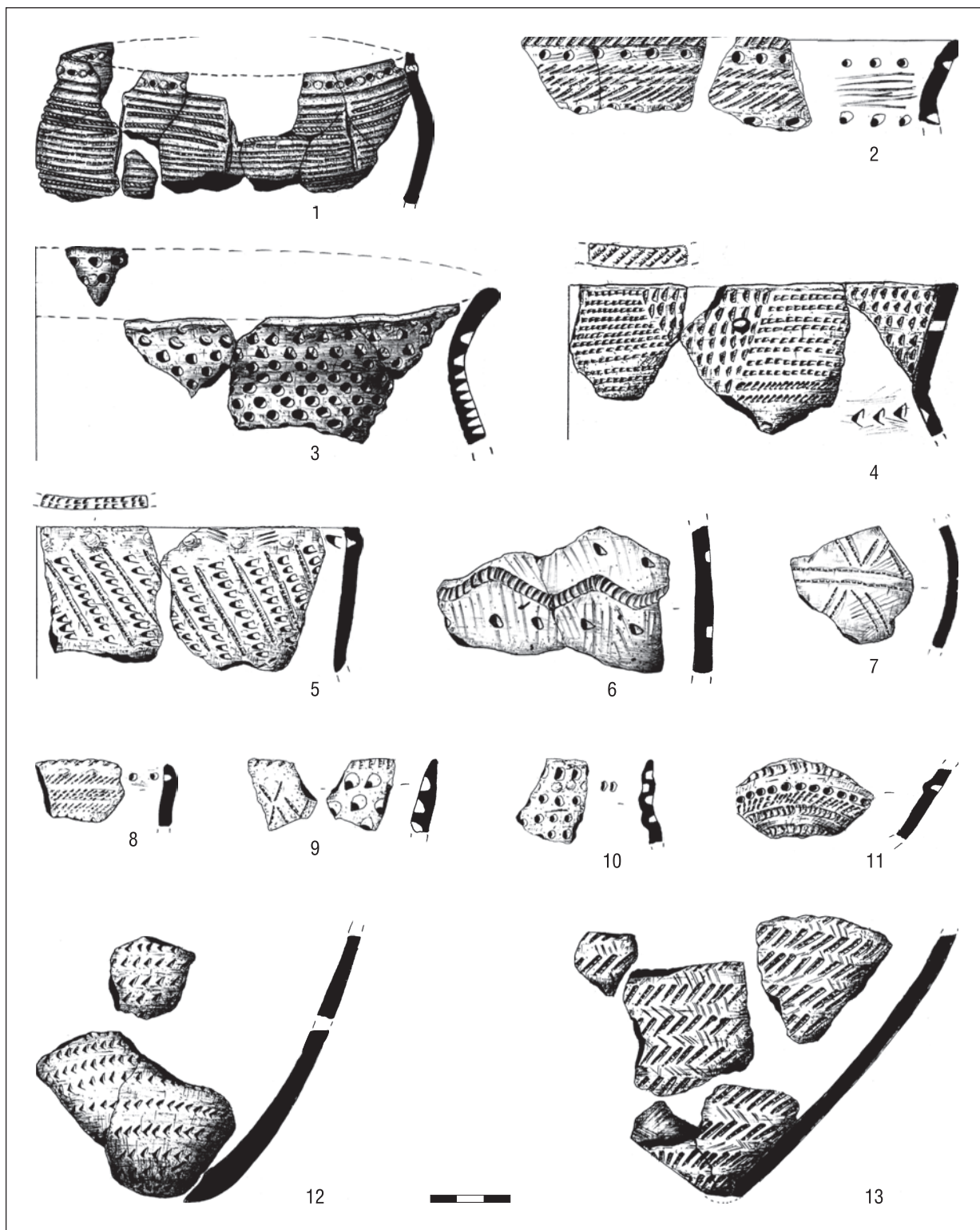

Рис. 8. Стоянка Ямное. Керамика. Неолит

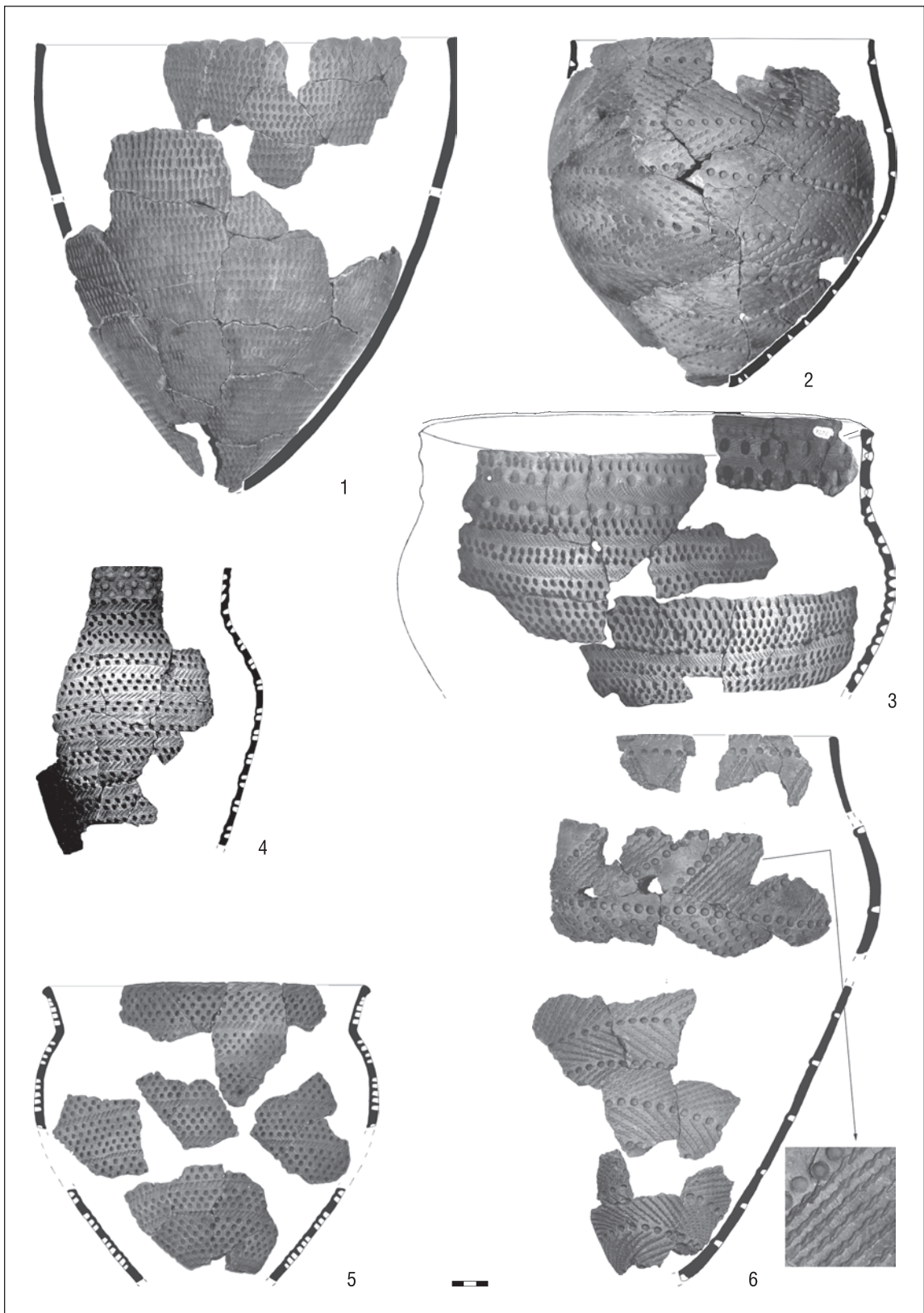

Рис. 9. Стоянка Ямное. Керамика. Неолит

раковины. Керамика – коричневого и коричнево-жёлтого цветов, поверхности иногда несут следы разнонаправленных расчёсов, выполненных зубчатым штампом, либо заглажены (рис. 5). Большинство фрагментов не имеет расчёсов, но это может быть связано с выщелоченностью раковины на поверхности керамики. Данная группа керамики – тонкостенная: средняя толщина стенок сосудов равна 0,5–0,7 см (рис. 5). Форма тулова – округлая, иногда близка к шаровидной (рис. 10: 16), обнаруженные донца – приострѐнные (рис. 10: 10).

Высота венчиков распределена следующим образом: до 3 см – девять сосудов (11 %), от 3 до 5 см – 23 сосуда (29 %), от 5 см и выше – 12 сосудов (15 %). Остальные фрагменты венчиков (45 %) ввиду своей фрагментарности не были включены в данную группу анализа.

Горло сосудов имеет три основные формы: S-видная – 28 сосудов, или 35 %, прямая – 29 сосудов, или 36,3 %, желобчатая – семь сосудов, или 8,7 %. Венчики 16 сосудов (20 %) не были включены в анализ в силу большой их фрагментарности (рис. 7: 1).

Плавный переход от венчика к тулову (имеется на сосудах с горлом S-видного профиля) встречен у 28 (35 %) сосудов (рис. 10: 7, 14, 15); резкий имеется у 16 (22 %) сосудов (рис. 10: 2, 4, 11), три венчика (3,7 %) имели резкий переход от венчика к тулову с образованием ребра на внутренней стороне (рис. 10: 12); у восьми венчиков (10 %) этот переход – прямой. В остальных случаях (около 30 %) переход от венчика к тулову проследить не удалось.

Вариации среза венчика различны (рис. 7: 2): прямой или уплощённый – 32 венчика, или 40 % (рис. 10: 2, 5, 8, 12); закруглённый – 28 венчиков, или 35 % (рис. 10: 4, 6, 13); приострѐнный – пять венчиков, или 6,25 % (рис. 10: 3); со срезом внутрь – четыре венчика, или 5 %; со срезом наружу – два венчика, или 2,5 %; с утолщением по внешнему краю – семь венчиков, или 8,75 % (рис. 10: 1, 7, 11); с T-образным утолщением – два венчика, или 2,5 % (рис. 10: 9, 14).

Срез венчиков у 19 сосудов (23,8 %) украшался «гребѐнкой» (рис. 10: 5, 8, 13), в 6 случаях (7,5 %) – «личинкой», у трёх сосудов (3,7 %) по срезу имелись насечки (рис. 10: 7, 12), у двух (2,5 %) – ногтевые вдавления с обеих сторон, единично использовались приѐмы нанесения по срезу наколов, ямок, оттисков гладкого штампа и зигзага из отпечатков «гребѐнки». Срезы венчиков остальных сосудов не имели украшения (рис. 10: 7, 3). Наличие орнамента на срезе венчика зависит от его размера – так, при увеличении высоты венчика уменьшается процент украшения его среза. Из имеющихся 9 фрагментов венчиков высотой до 3 см четыре орнаментированы по срезу, из 23 фрагментов венчиков высотой от 3 до 5 см – восемь орнаментированы по срезу, из 12 высотой свыше 5 см – только три.

Большинство фрагментов керамики данной группы неорнаментировано. Из имеющихся элементов орнамента преобладает отпечаток гребенчатый штампа, преимущественно короткий, но встречен и длинный (рис. 10: 4, 6, 8, 11–14, 16), также имеются насечки, наколы, ямки (рис. 10: 1, 3), изредка применялись прочерченные линии и лунки. Орнаментальные композиции – горизонтальные (рис. 10: 2–5, 12, 16) и вертикальные (рис. 10: 7, 11, 14) ряды, в единичных случаях имеются крест, зигзаг. Иногда в зоне венчика или при переходе от венчика к тулову встречается ямочный, жемчужный или ямочно-жемчужный поясок (рис. 10: 2, 15).

Среди керамических находок стоит выделить миниатюрное скульптурное изображение головы животного (рис. 4: 14). В районе шеи нанесѐн гребенчатый контур – ошейник, который позволяет соотносить скульптуру с собакой.

Первая керамическая группа находит ряд аналогий среди керамики среднестоговской культуры её второго, дереивско-мольховского, периода (по Д.Я. Телегину) или дереивской культуры (по Н.С. Котовой). Так, общими с дереивскими чертами являются пористое тесто или смесь раковины; округлое тулово; высокие венчики; выступы с внешней и внутренней сторон по срезу венчиков (Г- и Т-образные венчики); орнаментация среза венчиков; преобладание в орнаментации коротких гребенчатых оттисков; орнаментальные композиции из горизонтальных и вертикальных рядов; острые днища; миниатюрные сосудики и др. [9; 10; 11; 12]. И на Дереевском поселении и на стоянке Ямное встречены дисковидные изделия из стенок керамических сосудов, которые интерпретируют как грузики для сетей [10, рис. 14]. Находки глиняной пластики в слое стоянки Ямное также позволяют проводить аналогии с Дереевкой. Типично среднестоговскими являются кремнёвые наконечники стрел треугольной формы, выявленные на стоянке Ямное.

Существуют и некоторые отличия между керамикой стоянки Ямное и дереивскими комплексами. Так, в нашем случае нет ни одного фрагмента керамики со шнуровым орнаментом. Именно поэтому после первого года исследования стоянки мы сопоставляли данную керамику с ранним, дошнуровым, этапом среднестоговской культуры [13]. Заметим, что территориально самым близким памятником с выразительным комплексом типа Дереевка к западу от стоянки Ямное является поселение Александрия на р. Оскол, где на 1200 кв. м исследованной площади обнаружено всего 11 фрагментов керамики со шнуровым орнаментом [9, табл. 1]. В нашем случае личиночный орнамент использовался крайне редко, в основном при орнаментации среза венчиков. Не встречены в культурном слое стоянки Ямное дереивские миски, хотя имеется небольшой фрагмент плоского донца, который мог принадлежать миске. На анализируемой нами керамике лишь в единичных случаях встречен орнаментальный мотив в виде зигзага и креста, чаще встречаемый в Александрии и Дереевке. Особенностью первой группы энеолитической керамики памятника Ямное является наличие ямочного, жемчужного или ямочно-жемчужного пояса. В целом указанные различия несущественны (за исключением шнурового орнамента), являются, вероятно, отражением керамических особенностей стоянки Ямное и вряд ли показывают большую хронологическую разницу между рассматриваемым нами памятником и поселением Дереевка.

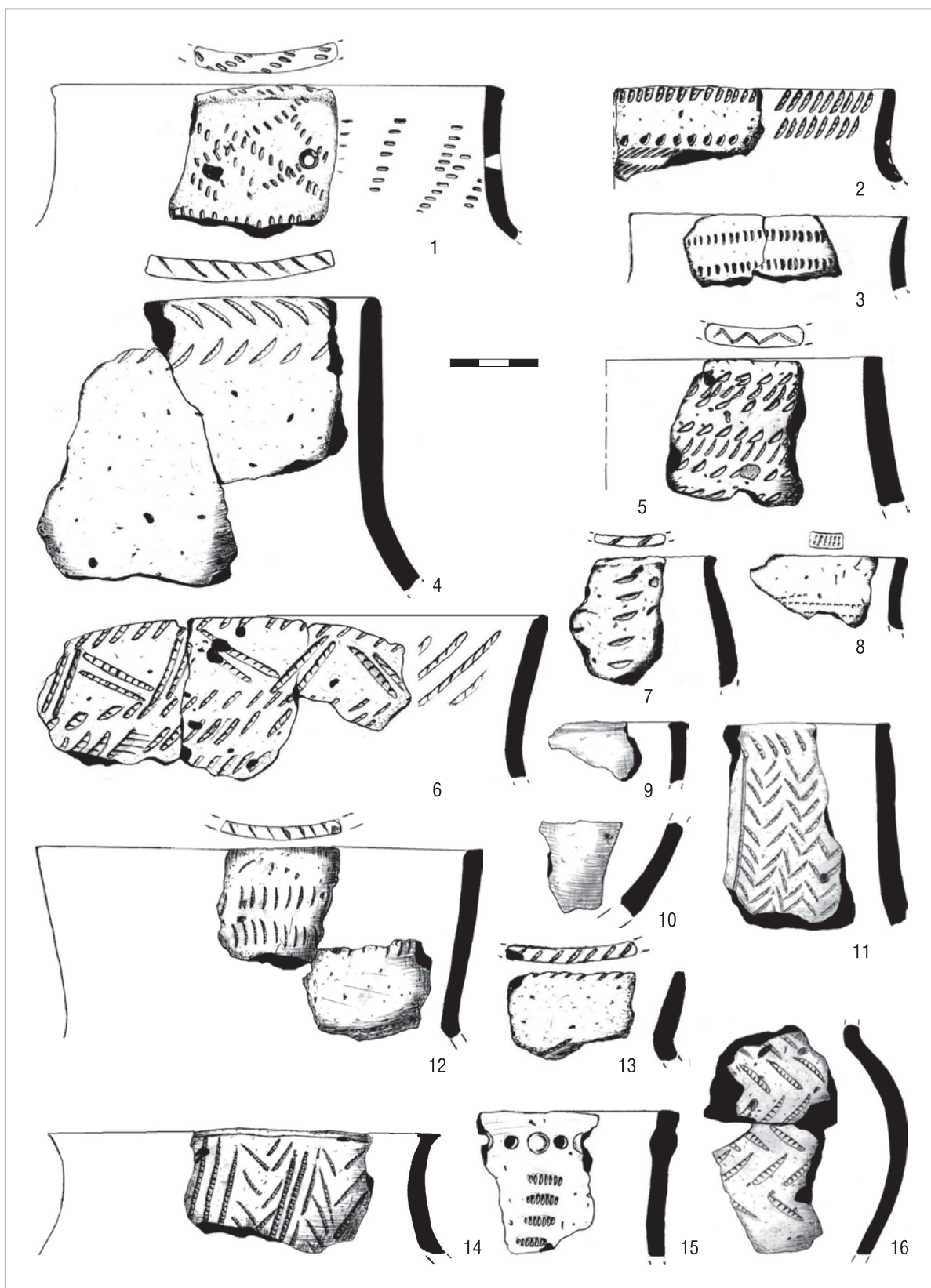

Рис. 10. Стоянка Ямное. Керамика. Энеолит

Для последнего имеется серия радиоуглеродных дат, занимающих период от 5515±90 лет ВР (4357±88 лет ВС) до 4900±100 лет ВР (3665±122 лет ВС) [10, с. 128]. Имеются ещё три С-14 даты для памятников, содержащих керамику дереивского облика, с территории Подонечья: 5360±110 лет ВР, 4910±70 лет ВР и 4910±80 лет ВР, причём древнее оказалась дата, полученная по образцу керамики [14, с. 58].

Полученные в Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев) шесть абсолютных дат занимают хронологический отрезок в 500 лет, причём неолитические несколько раньше энеолитических (табл. 2). Но в целом датирование данного памятника 1-й пол. III тыс. до н.э. (в некалиброванном значении) очень спорно. Аналогичная накольчатая керамика стоянки Университетская III датирована на тысячу лет древнее. Даты по среднестоговской керамике моложе как дат, полученных для аналогичных комплексов Украины типа Дереевка, так и дат, полученных по неолитическим образцам Ямного. По полученным результатам между самой молодой датой неолитического образца и самой ранней энеолитического – разрыв в 100 лет. Хотя в слое памятника на неолитической накольчатой, гребенчато-накольчатой и ямочно-накольчатой керамике имеется высокий (4–5 см) резко отогнутый раструбовидный венчик, срез которого, как правило, орнаментирован «гребёнкой». Важно, что в культурном слое памятника встречена среднестоговская керамика, имеющая, (помимо традиционного среднестоговского орнамента) ямочно-гребенчатый орнамент, ямочно-жемчужный пояс под венчиком; срез или внутренняя сторона венчиков такой посуды почти всегда орнаментированы. Данное обстоятельство при учёте факта совместного стратиграфического залегания в слое развалов неолитических и энеолитических горшков свидетельствует о наличии контактов между оставившими их группами населения. Наблюдается это и на некоторых других памятниках с нео-, энеолитическими материалами Днепро-Донского междуречья.

Таблица 2. Стоянка Ямное. Радиоуглеродные даты

№	Происхождение	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C, лет	
			ВР	ВС
1	Образец 1. Неолит (рис. 9: 3)	Ki-16634	4850 ± 90	1σ 3730–3520 2σ 3950–3350
2	Образец 2. Неолит (рис. 8: 4)	Ki-16635	4960 ± 90	1σ 3810–3640 2σ 3970–3630
3	Образец 3. Неолит (ямочно-гребенчатый сосуд рыбоозёрской культуры)	Ki-16636	4790 ± 80	1σ 3660–3510 2σ 3710–3360
4	Образец 4. Неолит (рис. 9: 1)	Ki-16637	4910 ± 80	1σ 3790–3630 2σ 3950–3620 3610–3520
5	Образец 6. Энеолит (рис. 10: 4)	Ki-16639	4530 ± 80	1σ 3370–3090 2σ 3550–2900
6	Образец 7. Энеолит (накольчато-гребенчатый сосуд среднестоговской культуры)	Ki-16640	4690 ± 80	1σ 3630–3580 3530–3360 2σ 3650–3300

Можно, конечно, предположить, что среднестоговское население с керамикой типа Дереевка и Молюхов Бугор бытовало в Донской лесостепи до сер. III тыс. до н.э., но вряд ли это относится к рассматриваемым нами материалам. Прежде всего, на энеолитической керамике Ямного отсутствуют шнуровая орнаментация и плоскодонные горшки, хотя в целом оттиски шнура на керамике среднестоговской культуры на Верхнем и Среднем Дону присутствуют.

В регионе Донской лесостепи керамика, подобная первой группе энеолитической керамики стоянки Ямное, распространена достаточно широко, наиболее массово встречена она на памятниках Липецкое Озеро, Ксизово-6, Университетская-3, Копанище-1, Черкасская и др. Всего в данном регионе к настоящему времени документировано около 30 памятников среднестоговской культуры.

Вторая группа энеолитической керамики представлена небольшим количеством фрагментов трёх сосудов, характеризующихся толстостенностью, пористым тестом с примесью кровавика, наличием крупных горизонтальных расчёсов поверхности. Венчики отсутствуют. Все три сосуда были орнаментированы гребенчатым коротким штампом, в единичных случаях встречены по крупной и глубокой ямке и жемчужине, вероятно, образывавших ямочный и жемчужный пояски. Данная группа керамики аналогична керамике репинской культуры территории Донской лесостепи, датируется 2-й пол.– кон. IV – руб. III–II тыс. до н.э. [15] или более узким хронологическим отрезком в рамках 2-й–3-й четв. III тыс. до н.э. [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Смольянинов Р.В. Материалы эпохи неолита поселения Карамышево 19 на р. Воронеж // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.
2. Сурков А.В. Неолитическая стоянка Плаутино 1 в Лесостепном Похоперье // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.
3. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона / Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова, А.Н. Бессуднов, Р.В. Смольянинов. М., 2009.
4. Результаты разведочных работ на памятнике эпохи энеолита Васильевский Кордон 17 / А.А. Свиридов, Р.В. Смольянинов, А.А. Ключикова, С.В. Уваркин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. II. Пенза, 2008.
5. Акимова С.В. Отчет о разведке по левому берегу р. Дон в пределах северной и северо-западной окраин г. Воронежа в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
6. Сурков А.В. Отчет о раскопках в Воронежской и Белгородской областях в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
7. Сурков А.В. Отчет о раскопках стоянки Ямное в Рамонском районе Воронежской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
8. Сурков А.В. Отчет о раскопках стоянки Ямное в Рамонском районе Воронежской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
9. Телегин Д.Я. Среднестоговська культура епохи міді. Київ, 1973.
10. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников / Д.Я. Телегин, А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехина, Ю.В. Панченко. Луганск, 2001.
11. Котова Н.С. Энеолитические материалы поселения и могильника у хутора Александрия на реке Оскол // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003.
12. Котова Н.С. Бассейн Северского Донца в эпоху энеолита // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 3. Луганск, 2004.
13. Skorobogatov A.M. Новые энеолитические материалы лесостепного Подонья // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Материалы и тезисы докладов. Самара, 2008.
14. Манько В.А., Телиженко С.А. Проблемы абсолютной хронологии мезолита – энеолита Подонечья // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003.
15. Синюк А.Т. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
16. Спицына Л.А. Северскодоонецкий ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Вып. 4. Луганск, 2000.

*Департамент культуры и архивного дела
Воронежской области,
Воронеж*

*Воронежский государственный
педагогический университет,
Воронеж*

A.V. Surkov, A.M. Skorobogatov

THE MATERIALS OF THE NEOLITHIC AND THE AENEOLITHIC OF THE SITE YAMNOYE IN THE DON WOOD-STEPPE

Summary

The results of the exploration of the site Yamnoe, a monument of the Late Neolithic – the Aeneolithic, in the wood-steppe zone of the River Don Basin are presented in this article. In the exavation of 291 sq. m about 9 thousand finds (mainly ceramic) were discovered. The Neolithic is represented by vessels of the Middle Don River, Ryazan-Dolgovo and Rybnoe Ozero cultures. The Aeneolithic ceramics generally belongs to the Middle Stogovo culture. The lithic industry is of the flake character. Scrapers, arrowheads, push-planes are most common among tools. Typologically these complexes are dated to the second half of IV millennium BC, the absolute dates received are within the first half of III millennium BC.

*Department of Culture and Archives of the Voronezh Region,
51, Karla Marksa St.,
Voronezh, 394006, Russia*

A.V. Surkov – E-mail: surkovarh@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University,
86, Lenina St.,
Voronezh, 394043, Russia*

A.M. Skorobogatov – E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

А.М. Скоробогатов

ЭНЕОЛИТ БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Регион бассейна Верхнего и Среднего Дона, занимая территорию около 120 тыс. кв. км, имеет протяжение с севера на юг – от истоков Дона до впадения в него р. Иловля, с запада на восток – от реки Оскол до Доно-Волжского водораздела. В физико-географическом отношении бассейн Верхнего и Среднего Дона входит в пределы Среднерусской и Калачской возвышенностей на Правобережье и Окско-Донской низменности в Левобережье, основной своей частью относясь к лесостепной зоне. Граница между Верхним и Средним Доном устанавливается по устью р. Воронеж (рис. 1).

Систематическое и целенаправленное изучение энеолитических памятников региона Верхнего и Среднего Дона началось в 60-е гг. XX в. и первоначально было связано с именами В.П. Левенка, А.Д. Пряхина и А.Т. Синюка. В период второй половины 1970-х – первой половины 1980-х гг. исследовались стоянки Копанище-1 и Черкасская, поселение и энеолитический могильник Дрониха, могильник Иванов Бугор, давшие интересные и информативные материалы по медно-каменному веку Донского бассейна. С 1990-х гг. по настоящее время раскопки на памятниках с энеолитическими материалами ведутся в основном силами воронежских и липецких археологов.

При определении начала энеолитического времени Днепро-Доно-Волжского междуречья автор данной статьи¹ солидарен с теми учёными, которые начало эпохи палеометалла связывают с распространением культур мариупольской культурно-исторической области с её основными признаками, нашедшими отражение в археологическом материале, и с появлением единичных, даже незначительных изделий из меди любого функционального назначения. Это четыре раннеэнеолитические культуры: азово-днепровская, нижнедонская (воронежско-донская), самарская и прикаспийская. Общие признаки этих культур охарактеризованы И.Б. Васильевым и А.Т. Синюком [1] и критически проанализированы В.В. Ставицким в одной из его публикаций [2], поэтому не буду перечислять их в очередной раз.

Нижнедонская культура мариупольской культурно-исторической области, выделенная А.Т. Синюком в начале 1970-х гг., открывает начальный этап энеолита Верхнего и Среднего Дона. А.Т. Синюк происхождения нижнедонской энеолитической культуры связывает с территорией Нижнего Дона, а именно с районом Цимлянского водохранилища и верхними слоями поселения Ракушечный Яр [3]. Н.С. Котова считает, что название «нижнедонская» культура следует сохранить за мариупольскими памятниками Нижнего Дона и Северного Приазовья (Ракушечный Яр, Раздорское I, Бессергеновка, Самсоновское, Цимлянское, керамика из сборов Г.И. Горещкого и Мариупольский могильник), а для территории Среднего Подонья вводит понятие «воронежско-донской» культуры [4, с. 19–24]. Для избегания терминологической путаницы при характеристике раннего энеолита Верхнего и Среднего Подонья будем пользоваться названием культуры, предложенной А.Т. Синюком.

Керамика раннего энеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона типологически и технологически чётко отделяется как от местной неолитической, так и от более поздней – энеолитической. Керамика изготавливалась из теста в основном с примесью растительности, реже измельчённой раковины, их сочетаний и иногда с иными отощителями. По верху сосуды имели воротничковые утолщения (рис. 2: 2, 4, 6, 7; 3: 1–3, 5–12; 4: 1, 3, 4), как правило, двух основных типов – валиковидные (треугольные или округлые в сечении), ширина которых обычно незначительна, и плоские, сравнительно широкие воротнички. Имеются безворотничковые фрагменты венчиков (рис. 2: 1, 3, 8; 3: 4; 4: 2, 5–7). Донца – как плоские (рис. 3: 3, 13), так и приострѐнные (рис. 3: 2, 4). Орнамент – редко покрывавший всю поверхность посуды, по преимуществу гребенчатый, коротко- или длиннорычажный, имеются также ямки, наколы, прочерченные линии, которые иногда оконтуривали орнаментальные зоны (рис. 2: 1–8, 10; 3; 4).

В настоящее время благодаря работам липецких коллег памятники нижнедонской культуры стали известны севернее низовьев р. Воронеж на территории современной Липецкой области. Для бассейна Верхнего Дона сейчас таких памятников насчитывается 23, из них 18 расположены на р. Воронеж [5]. В целом сле-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-11-36003а/Ц.

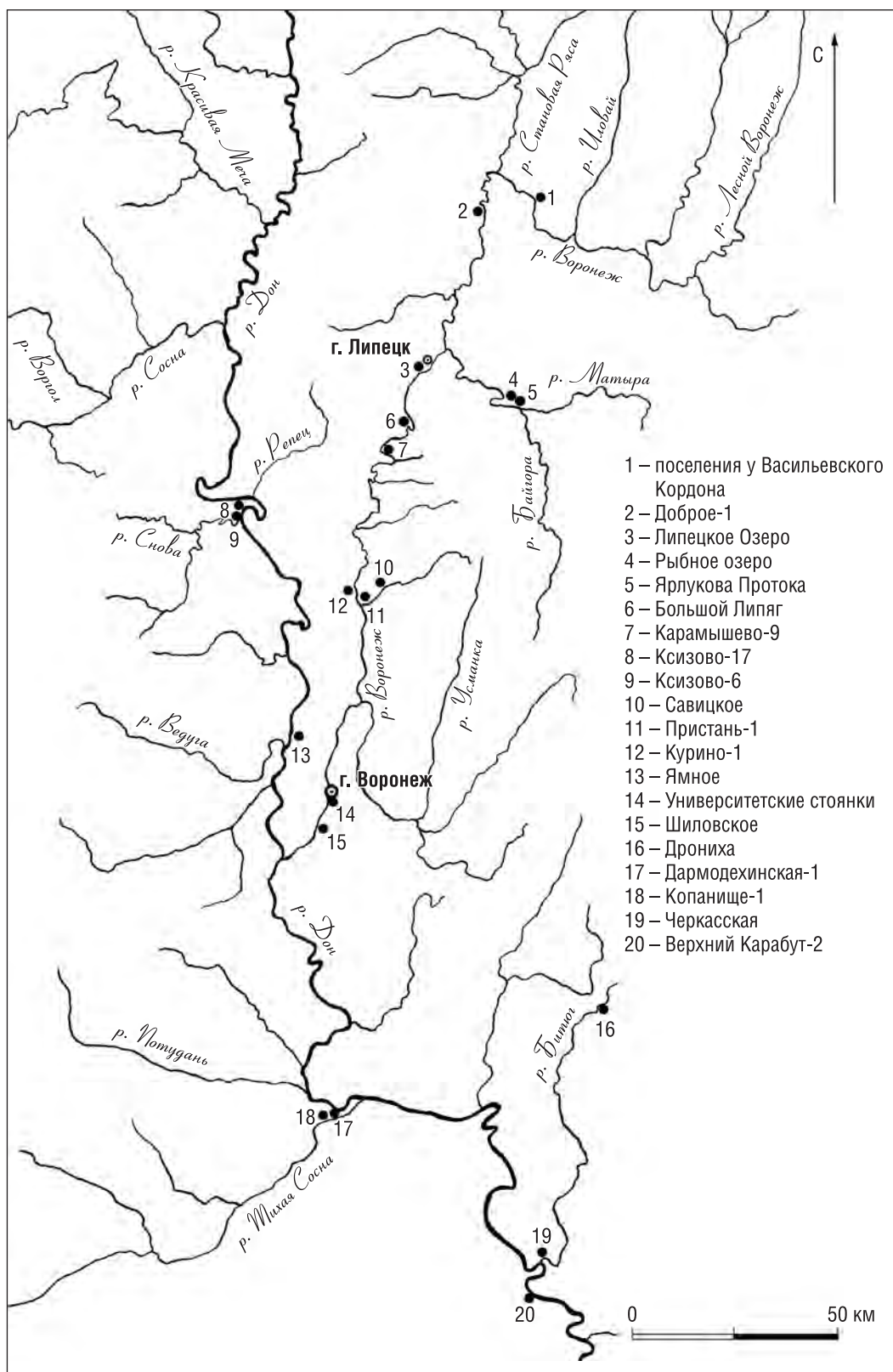

Рис. 1. Карта основных энеолитических памятников бассейна Верхнего и Среднего Дона

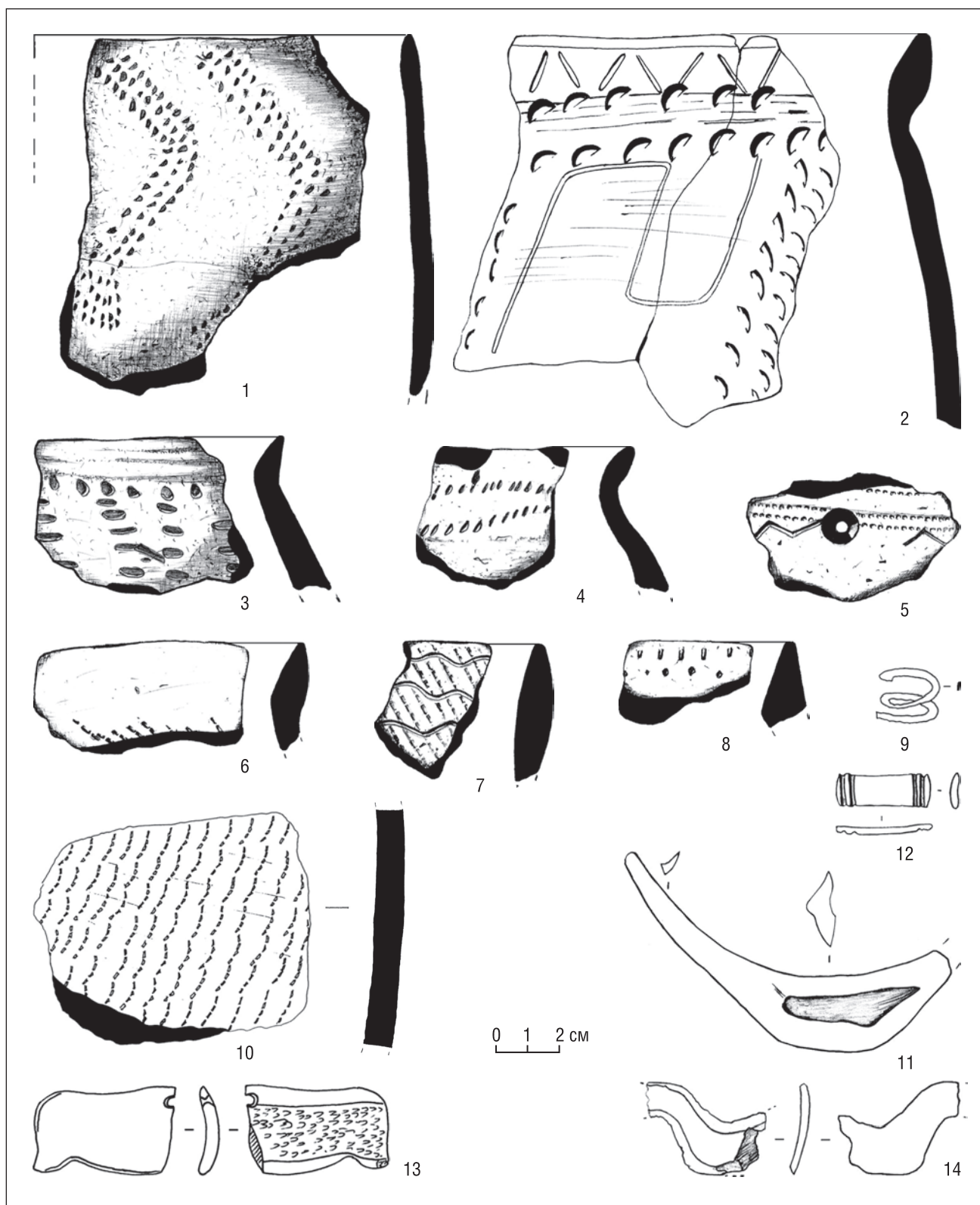

Рис. 2. Материалы раннего энеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона:
 1, 3 – стоянка Дармодехинская-1; 2, 4–8, 11–14 – стоянка Черкасская; 9, 10 – Озеро Матюшино, пункт 5.
 1–8, 10 – керамика; 9 – медь; 11–14 – кость (11, 12, 14 – клык кабана)

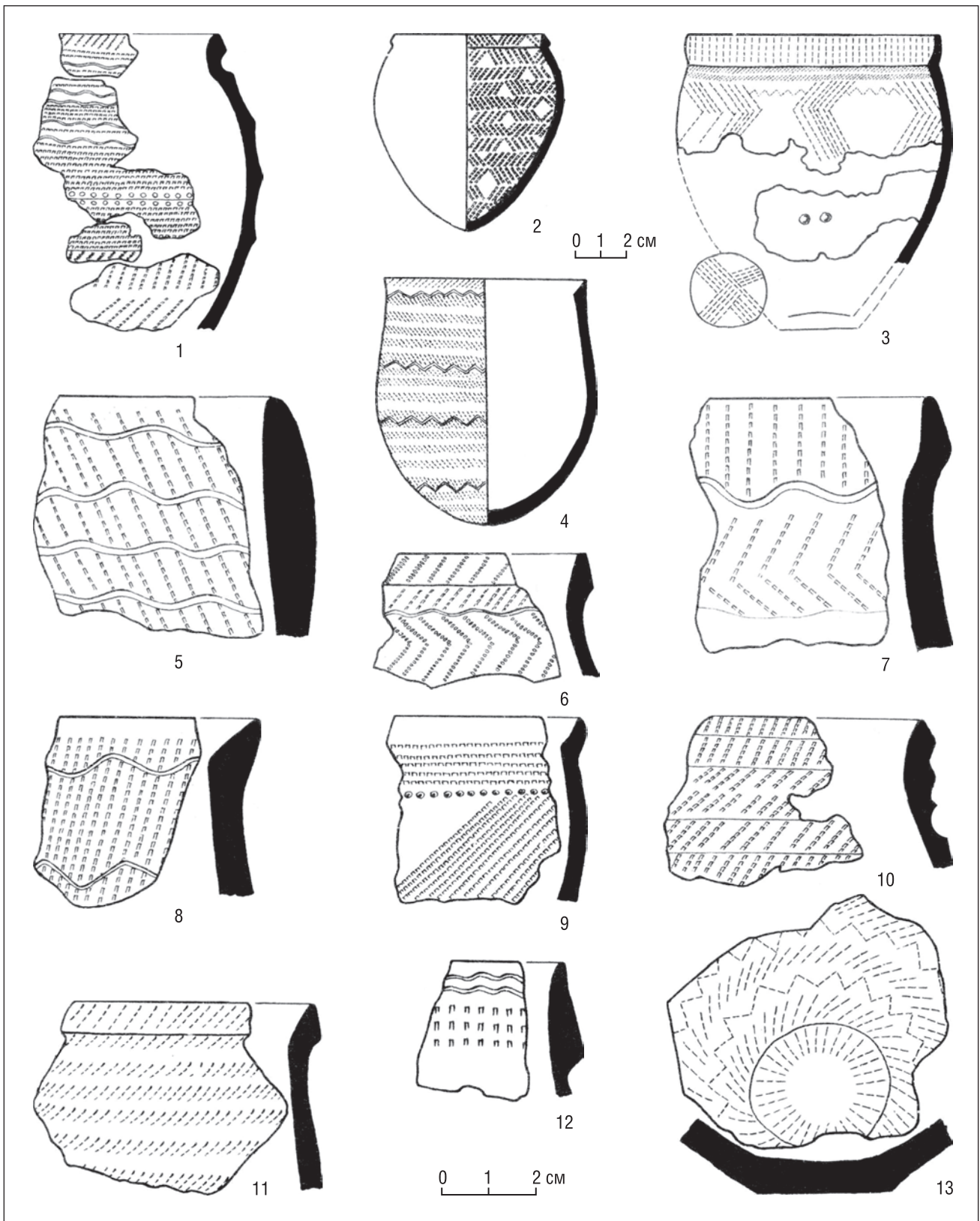

Рис. 3. Керамика нижнедонской культуры. Стоянка Черкасская (по И.Б. Васильеву и А.Т. Синюку [1])

дует отметить некоторые отличия раннеэнеолитической керамики Верхнего Дона от таковой Среднего Дона. Это, прежде всего, отсутствие кососрезанных внутрь безворотничковых венчиков на стоянках Университетская-3 и Университетская-1, то есть раннеэнеолитической керамики I типа 1 и 2 вариантов безворотничковой группы по типологии, разработанной Н.С. Котовой [6, табл. 1]. Не обнаружена подобная керамика и на памятниках, расположенных севернее Университетских стоянок (исключение – несколько фрагментов керамики с Липецкого Озера), так же как и керамика с орнаментацией прочерченно-волнистыми линиями (поселения Курино-1, Ксизово-6 и др.) [5, рис. 2–12]. Не исключено, что это показывает хронологический приоритет керамики раннего энеолита Среднего Дона над основной частью верхнедонского керамического материала, так как Н.С. Котова отмечает как один из ранних керамических признаков западного ареала мариупольской культурно-исторической области кососрезанный внутрь венчик при отсутствии на нём воротничка [4].

Долгое время, рассматривая нижнедонскую культуру, учёные располагали лишь керамическим материалом. Но благодаря работам последних лет мы имеем и другие источники. Так, после исследований автора данной статьи на Черкасской стоянке в 2009–2010 гг. и сборов местных жителей в окрестностях памятника были выявлены изделия из кости и клыка кабана. Это обломанная зооморфная костяная поделка (рис. 2: 13), стилистически близкая к мелкой костяной пластике, изображающей фигурки лошадей, встречающейся на поселенческих и погребальных памятниках позднего неолита – раннего энеолита степного и лесостепного Поволжья: Виловатое, Варфоломеевка, Съезжее и Липовый Овраг [7, рис. 1]. Интересны находки украшений из клыков кабана, представленные пластинкой мариупольского типа (тип Г по типологии А.Д. Столяра [8]) и обломанным с одной стороны изделием, наиболее вероятно, изначально имевшим симметричную форму (рис. 2: 12, 11). Скорее всего, ко времени раннего энеолита относится и ещё одно обломанное изделие, бывшее, вероятно, симметричной формы, изготовленное на фрагменте клыка кабана (рис. 2: 14).

В регионе Верхнего и Среднего Дона медные изделия, которые бы достоверно “привязывались” к энеолитическим материалам, до последнего времени не были обнаружены. Связано это, как представляется, с практически полным отсутствием погребальных памятников интересующего нас времени (исключение – могильник Дроница на р. Битюг и открытое в 2011 г. погребение мариупольского типа на р. Чёрная Калитва). С.Н. Гапочкой во время проведения археологической разведки на юге Воронежской области в Петропавловском районе в 1995 г. [9] сделаны интересные находки. Так, в одном из шурфов (пункт № 5 по маршруту разведки) обнаружены два фрагмента стенок сосуда с гребенчатой орнаментацией нижнедонской культуры и изделие из медной проволоки в два оборота, плоской в сечении (рис. 2: 9)². Примечательно то, что какого-либо подъёмного материала, а также археологических находок в шурфах, заложенных поблизости от места первого шурфа, не обнаружено. Металлографический анализ изделия не проводился, и его принадлежность к меди определяется визуально. Аналоги данной находке имеются среди древнейших медных изделий Восточной Европы: культуры Гумельница и Варна, Триполье А-В1, Хвалынские могильники [10, рис. 26, 41, 56, 71].

В 2011 г. на юге Среднего Подонья, на правом высоком коренном берегу р. Чёрная Калитва В.Д. Березуцким обнаружено первое для территории Донской лесостепи погребение мариупольского типа. Погребальный обряд аналогичен могильникам мариупольского типа Поднепровья и Поволжья (Мариупольский, Никольский, Съезженский и др.), имеет ряд общих черт с погребениями могильников, которые Н.С. Котова отнесла ко второму этапу развития погребальной обрядности азово-днепровской культуры [4, с. 39–43].

Следующий период в энеолите региона – среднестоговский. Сейчас нам известно около 30 памятников с материалами среднестоговского облика на Верхнем и Среднем Дону [11]. В последнее время наблюдается тенденция выделения среди среднестоговских комплексов ряда самостоятельных культур (собственно среднестоговской, дереивской, скелянской и др.). Для Верхнего и Среднего Подонья среднестоговские древности рассматриваются нами в рамках одной культуры – среднестоговской.

На памятниках Донской лесостепи среднестоговская керамика сейчас типологически разделяется на две группы. К первой можно отнести керамику с гребенчатой, прочерченной либо накольчатой и овально-накольчатой орнаментацией, с венчиками высотой не более 5 см. Встречаются треугольные мотивы при горизонтальной зональности орнамента. Подобная керамика обнаружена в незначительных количествах на памятниках Университетская-3, Черкасская, Копанице-1 (рис. 5: 1–4; 7: 11–13; 8: 2, 4).

Вторая группа среднестоговской керамики отличается от предыдущей высокими венчиками, зачастую больше 5 см, орнаментом из коротких зубчатых отрисовок, «личинки», шнура, ямок, лунок, встречаются и наколы. Орнаментальные композиции – горизонтальные и вертикальные ряды, зигзаг, крест, сетка. Иногда по венчику или при переходе от венчика к тулову делались ямочные или жемчужные пояски. В комплексах, содержащих подобную керамику, обнаружены фрагменты мисок (поселение Ксизово-17) или миниатюрных сосудов (стоянка Ямное). Керамика именно такого облика наиболее характерна для памятников среднестоговской культуры Верхнего и Среднего Подонья (рис. 5: 5–12; 6; 7: 1–9, 14–17). Общие же признаки двух перечисленных групп среднестоговской керамики – тесто с примесью дроблённой раковины, приострѐнные (реже – округлые) донца, поверхности покрыты расчёсами или заглажены.

Керамика первой группы среднестоговской культуры распространена на таких памятниках Украины, как Стрильча Скеля, Средний Стог, Кодачок и др. [14; 15], а керамика второй группы характерна для поселений Деревка, Молухов Бугор и др. [14; 16; 17].

² Автор статьи выражает благодарность С.Н. Гапочке за возможность использования неопубликованных материалов.

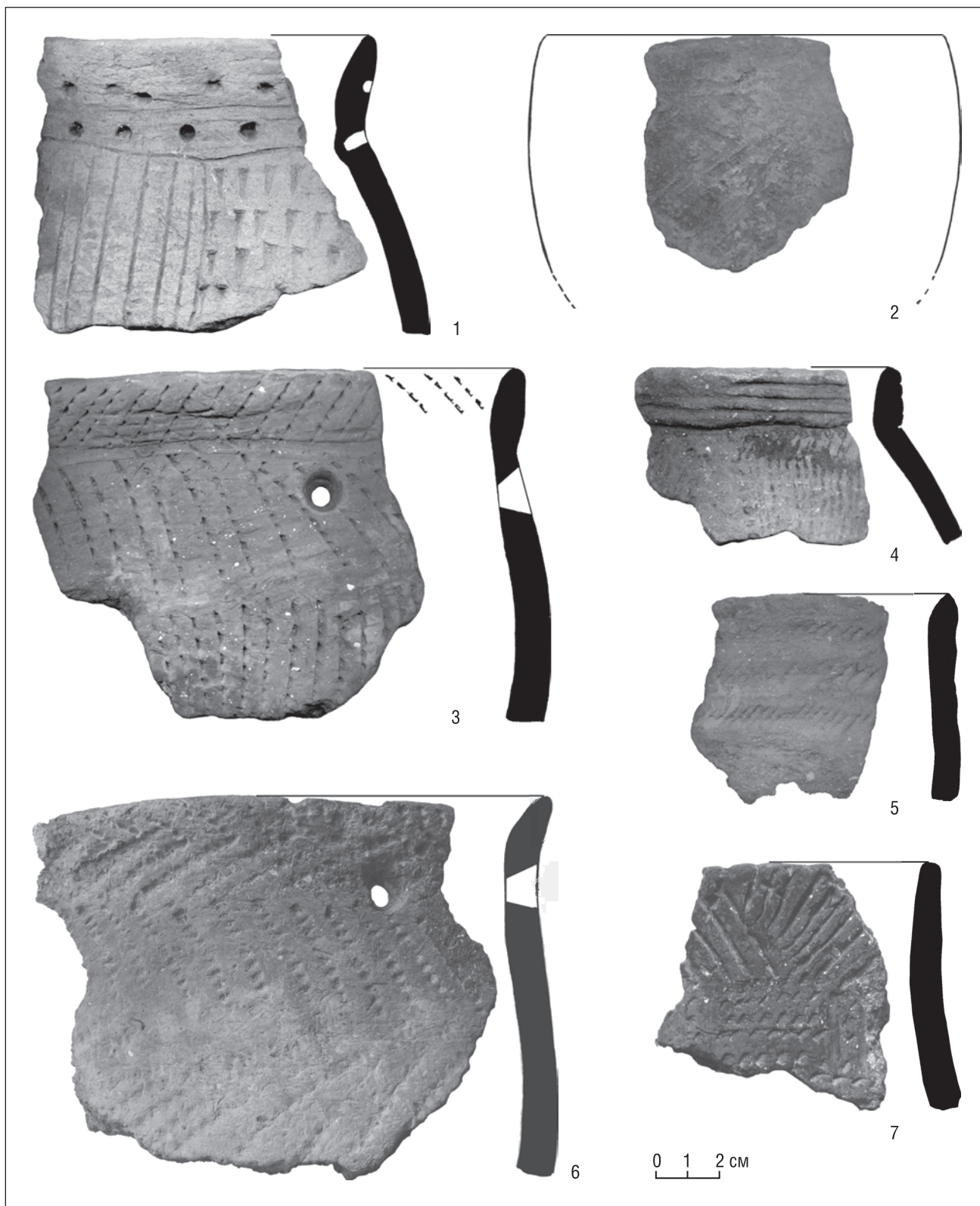

Рис. 4. Керамика нижнедонской культуры:
1-5 – стоянка Черкасская; 6, 7 – стоянка Черкасская-3

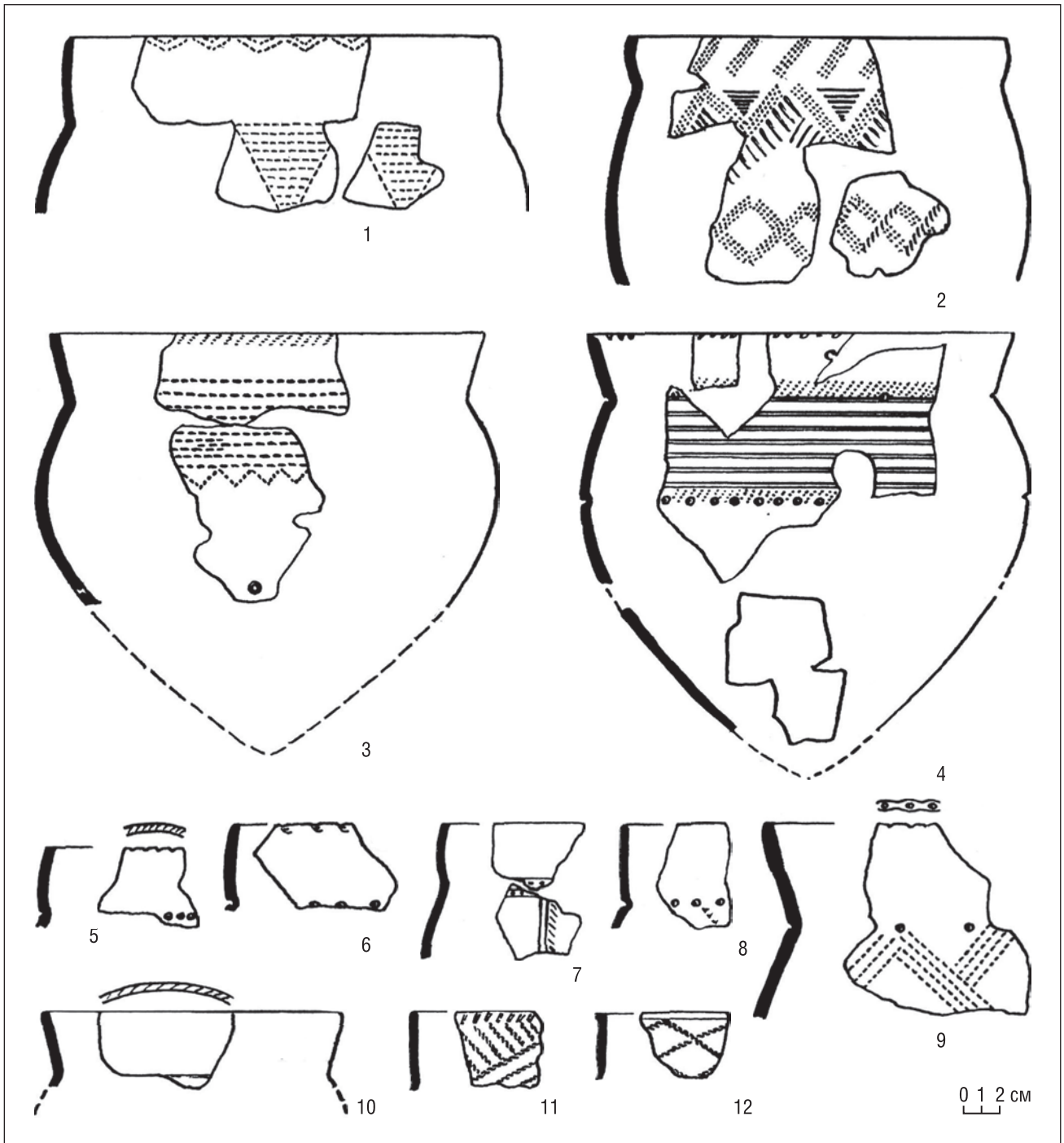

Рис. 5. Керамика среднестоговской культуры. Стоянка Университетская-3 (по А.Т. Синюку [12])

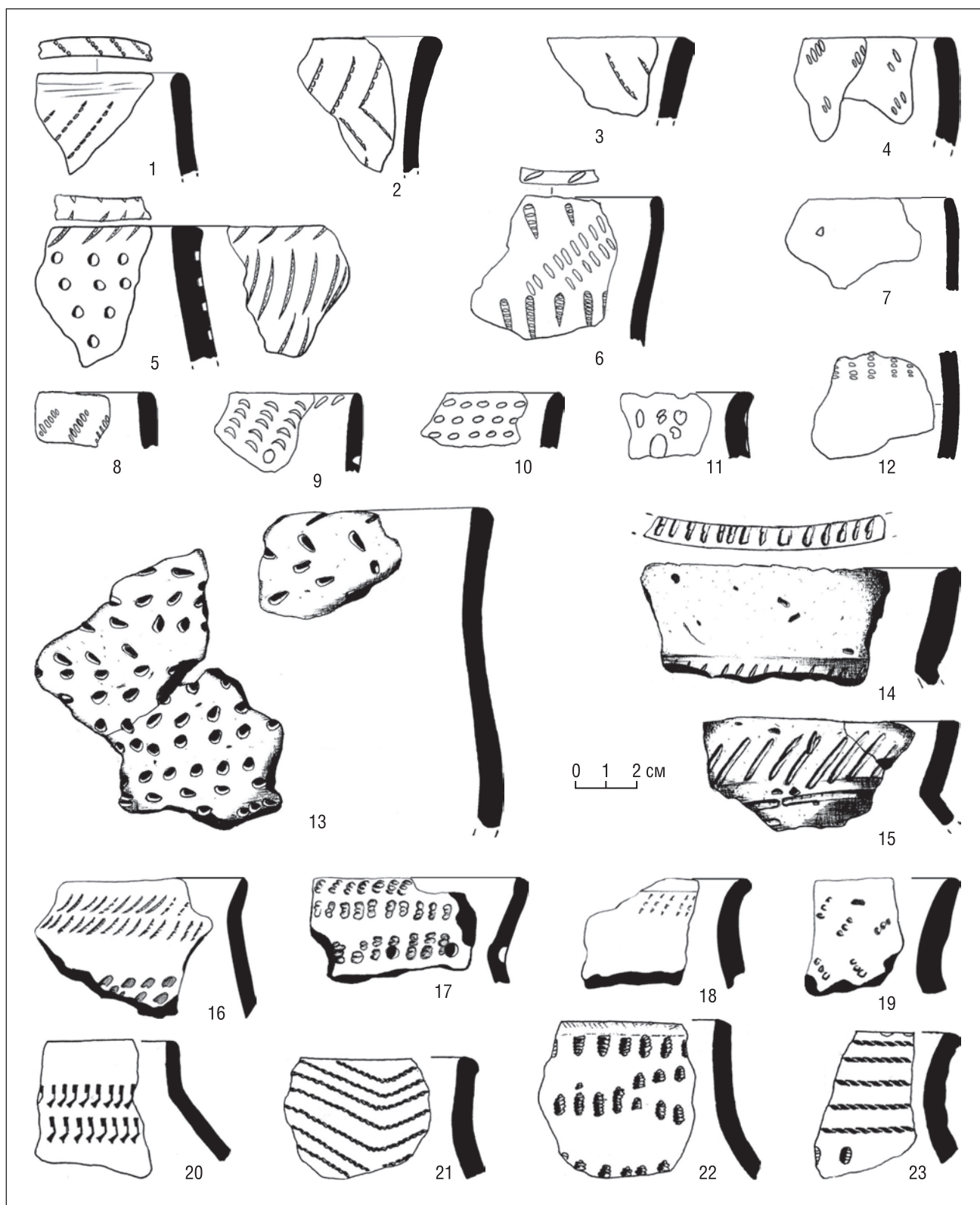

Рис. 6. Керамика среднестоговской культуры с памятников Верхнего Дона:
 1–15 – поселения у Васильевского Кордона; 16–19 – поселение Доброе-1; 20–23 – поселение Липецкое Озеро
 (по А.Т. Синюку и А.Ю. Клокову [13])

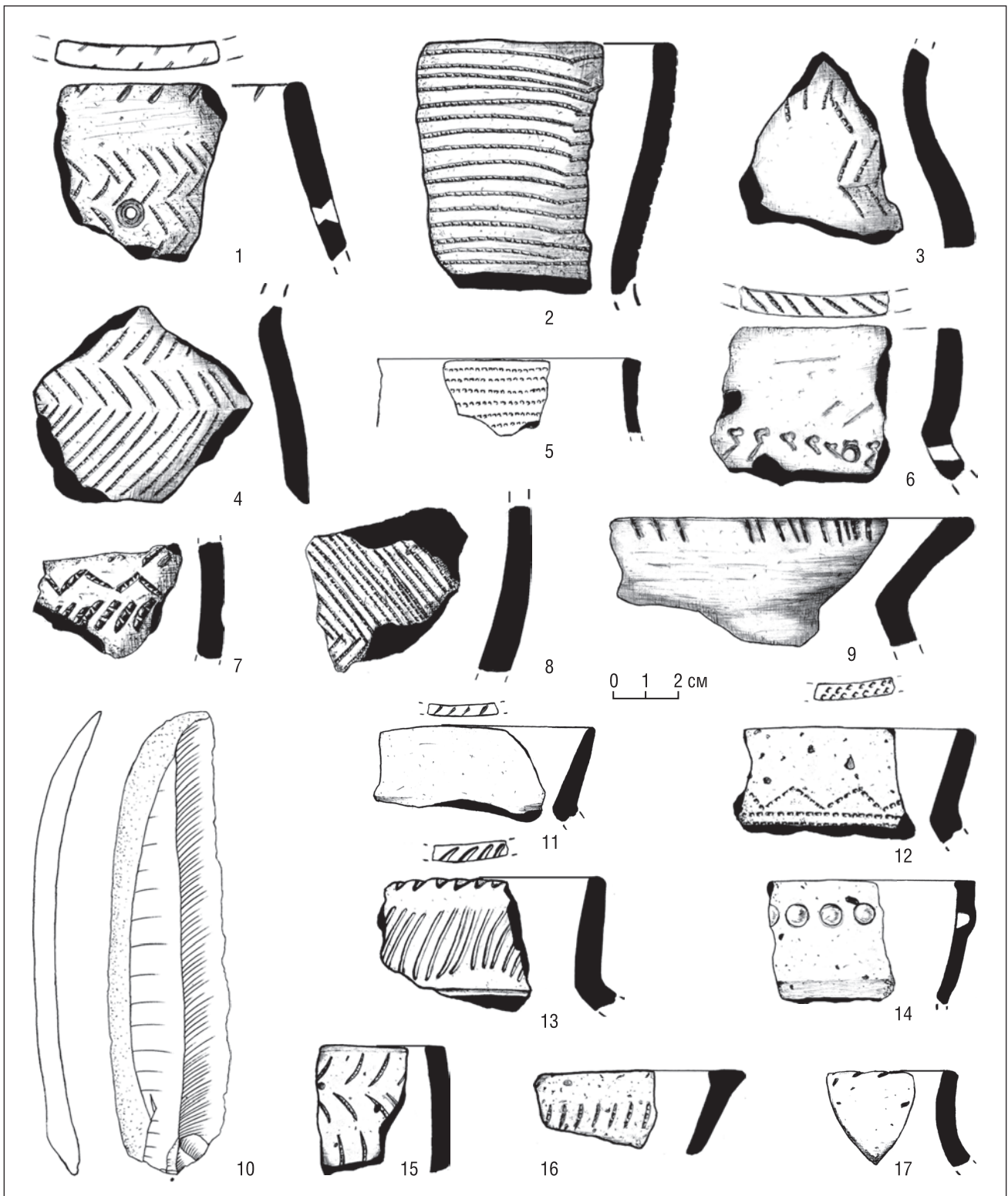

Рис. 7. Материалы среднестоговской культуры с памятников Среднего Дона:
 1-4 – стоянка Дармодехинская-1; 5 – стоянка Копанище-1; 6 – поселение Копанище-2; 7, 8 – поселение Дрониha;
 9, 10 – поселение Верхний Карабут-2; 11-17 – стоянка Черкасская. 10 – кремень, остальное – керамика

На заключительном этапе в энеолите бассейна Верхнего и Среднего Дона существовало население репинской культуры. Репинская керамика представлена толстостенными сосудами с примесью дроблённой раковины, с сочетанием раковины и мелкого песка, очень редко – только с песком. Высокий массивный венчик резко отделён от округлого тулова. По венчику или в зоне перехода к тулову, как правило, имеется ямочный или жемчужный поясок. Орнамент – гребенчатый, накольчатый, ямочный, прочерченный, «личиный» и шнуровой (верёвочный). Иногда встречен приём орнаментации внутренней части венчика или его среза. Имеются миски (рис. 8: 9–11; 9, 10).

Интересны керамические изделия, выполненные из фрагментов стенок репинских сосудов. Данные изделия – дисковидной формы, с боковыми выемками (рис. 9: 2, 5) и следами специальной подправки – напоминают «грузики для сетей», обнаруженные на поселении Деревка в Поднепровье и стоянке Ямное на Верхнем Дону, но там они сделаны из среднестоговской керамики.

В недавнее время в Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев) были сделаны анализы по образцам энеолитической керамики с памятников Донской лесостепи (см. таблицу).

Таблица. Радиоуглеродные даты по образцам энеолитической керамики с памятников бассейна Верхнего и Среднего Дона

№ п/п	Памятник	Лабораторный номер	Возраст (лет ВР)	Калиброванные значения (лет ВС)	Культура [источник]
1	Черкасская стоянка	Ki-16641	5930 ± 90	1σ 4940–4690 ВС 2σ 5040–4580 ВС	Нижнедонская культура
2	Черкасская стоянка	Ki-16642	5710 ± 90	1σ 4690–4450 ВС 2σ 4730–4350 ВС	Нижнедонская культура
3	Ксизово-6	Ki-13327	5920 ± 90	1σ 5030–4540 ВС	Нижнедонская культура [5]
4	Курино-1	Ki-16393	5170 ± 100	1σ 4250–3700 ВС	Нижнедонская культура [5]
5	Ямное	Ki-16639	4530 ± 80	1σ 3370–3090 ВС 2σ 3550–2900 ВС	Среднестоговская культура
6	Ямное	Ki-16640	4690 ± 80	1σ 3630–3580 ВС 3530–3360 ВС 2σ 3650–3300 ВС	Среднестоговская культура

Но всецело полагаться на эти результаты, не имея других источников для выяснения абсолютного возраста археологических культур неолита – энеолита Донской лесостепи, не стоит. Метод датирования образцов, полученных из органических остатков из фрагментов керамики, кроме России и Украины, не получил широкого распространения из-за присутствия в керамике разновременных источников углерода, что, естественно, сказывается на точности полученных дат [19]. Поэтому и определять хронологические границы энеолитических культур бассейна Верхнего и Среднего Дона сейчас мы можем в основном при помощи аналогий с материалами соседних территорий (Поднепровье, Приазовье, Подонцовье, Поволжье), где радиоуглеродным методом продатированы не только фрагменты керамики, но и другие образцы.

Культуры мариупольской культурно-исторической области с начала 1980-х гг. синхронизировались с Трипольем А [20, с. 58–66], которое сейчас имеет даты в целом от 6500 до 5800 лет ВР [21, с. 57–59; 22]. К настоящему времени самые древние С-14 даты культур мариупольского круга имеются для первого периода азово-днепровской культуры, и он относится к неолиту [23]. Более поздние даты получены с памятников самарской культуры: Лебяжинка V, погребение 9 – 6280±90 лет ВР (Ki-7657), погребение 12 – 6510±80 лет ВР (Ki-7661) [24]. Есть две даты с поселения Лебяжинка III: 5960±80 лет ВР (ГИН-7087) по раковине и 6660±50 лет ВР (ГИН-7248) по угляю [25].

Радиоуглеродные даты с поселенческих и погребальных памятников второго периода азово-днепровской культуры ложатся в период 6350–5900 лет ВР [23, с. 24–26]. Радиоуглеродные даты для прикаспийской культуры имеются только по образцам керамики [26].

Таким образом, начало энеолитического периода в Донской лесостепи можно отнести ко 2-й пол. V тыс. до н.э. по некалиброванной шкале при синхронизации нижнедонской (воронежско-донской) культуры с финалом этапа IБ и вторым периодом азово-днепровской культуры, прикаспийской и самарской культурами по наличию в материалах этих культур общестадийных признаков. Недавно обнаруженные пластинки мариупольского типа на Среднем Дону позволяют нам сопоставить начало распространения населения мариупольской культурно-исторической области в Донской лесостепи со временем функционирования Съезженского, Никольского, Ясиноватского, Лысогорского, частью Деревинского (вытянутые погребения) и Мариупольского (вытянутые окрашенные и скорченные погребения) могильников, то есть тех погребальных комплексов, в которых имеются пластинки из клыка кабана типа Г по типологии А.Д. Столяра.

Вопрос о времени появления населения среднестоговской культуры на Среднем и Верхнем Дону ещё ждёт своего решения. Как полагает Н.С. Котова, некоторая керамика среднестоговской культуры стоянок Черкасская, Копанице и Университетская-3 типологически близка к керамике четвёртого слоя поселения Раздорское I на Нижнем Дону (прежде всего по низкому горлу сосудов). Материалы четвёртого слоя Раз-

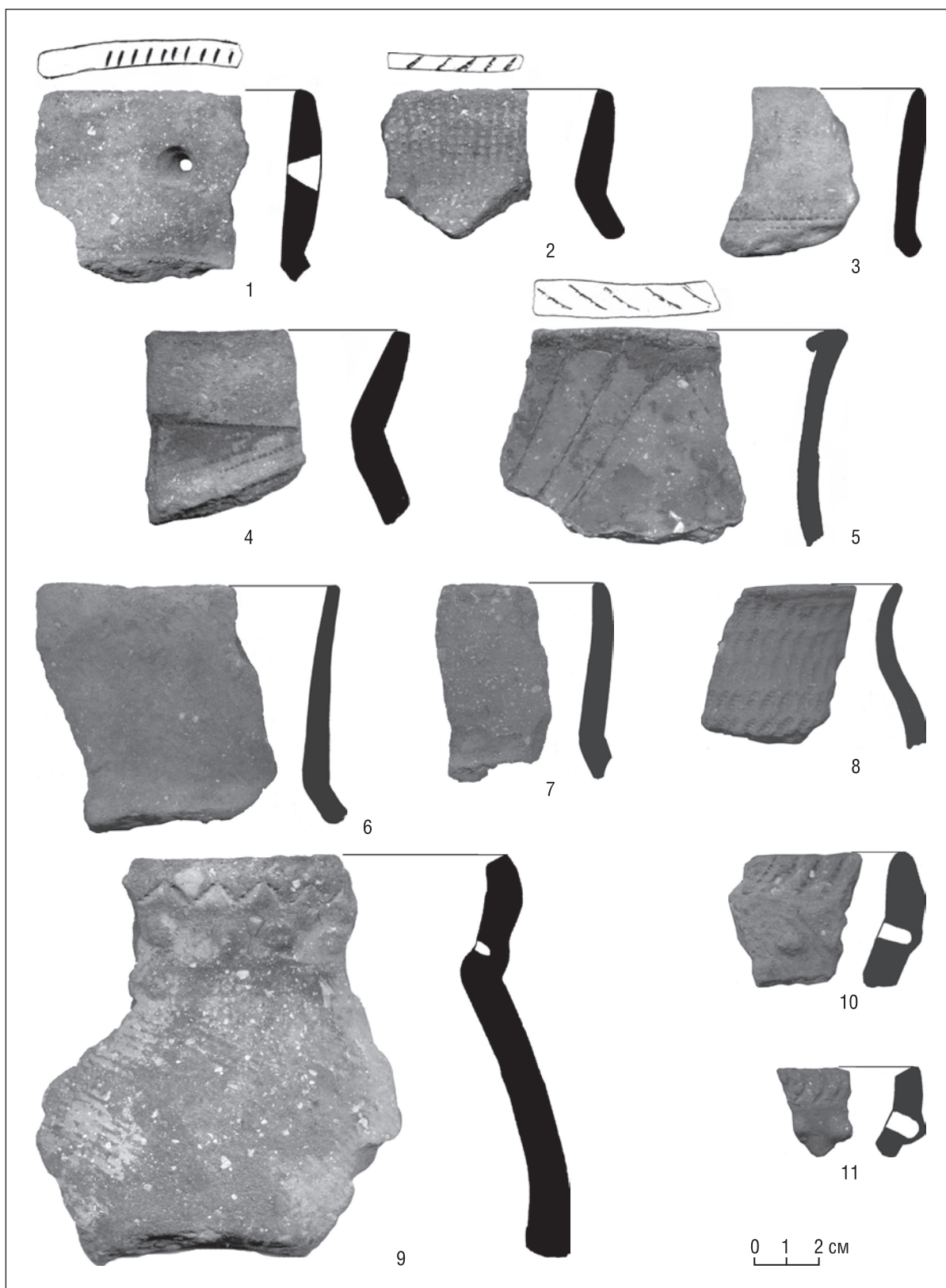

Рис. 8. Керамика среднестоговской (1–8) и репинской (9–11) культур. Стоянка Черкасская

Рис. 9. Керамика репинской культуры с памятников Верхнего и Среднего Дона:

1-5, 7-9 – поселения у Васильевского Кордона; 6 – стоянка Копанище-1;
10, 11 – стоянка Черкасская (3, 8, 9 – по А.А. Свиридову и др. [18])

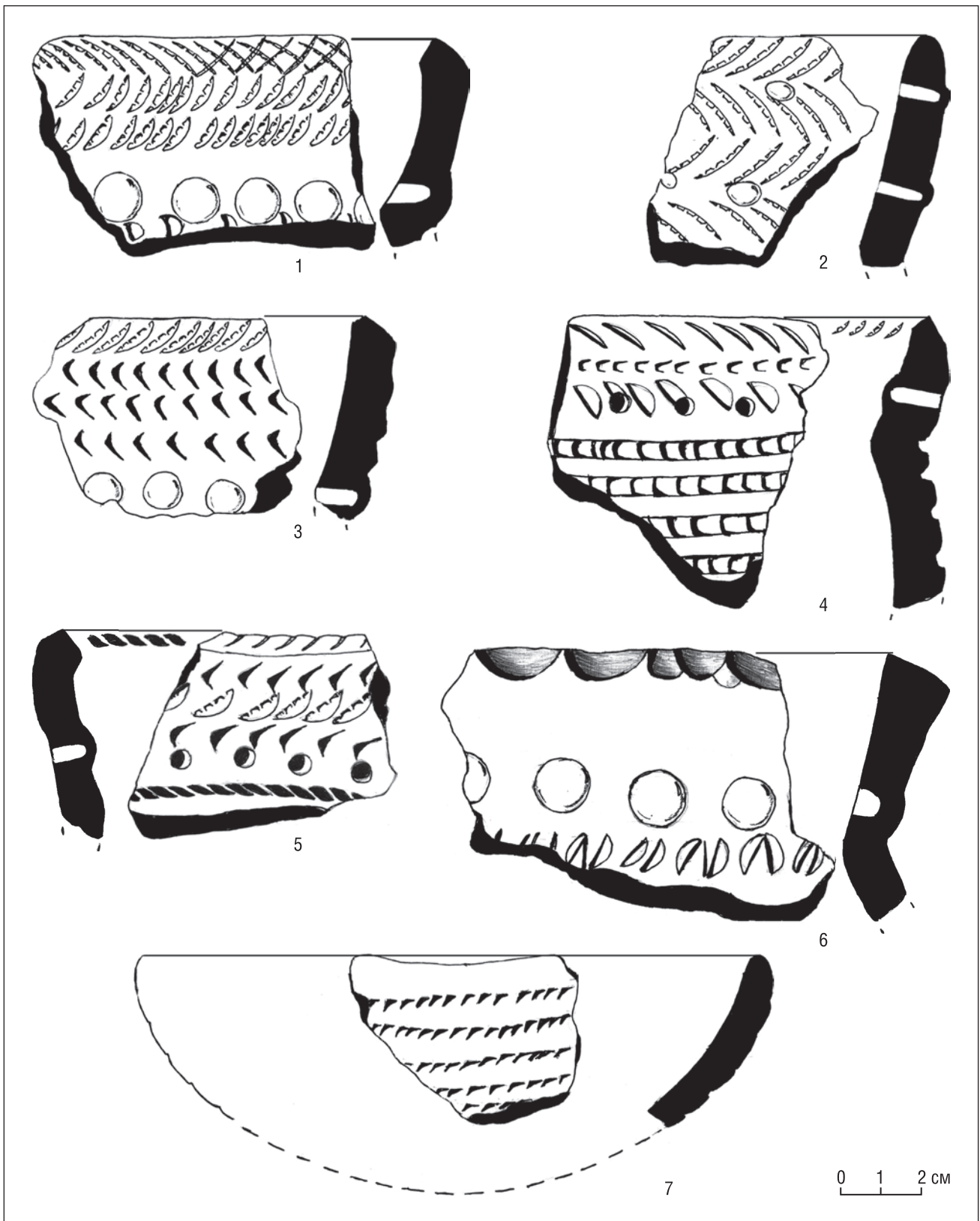

Рис. 10. Керамика репинской культуры. Стоянка Черкасская

дорского I поселения относятся исследовательницей к первому периоду среднестоговской культуры восточного варианта, который датируется ею 6400–5900 лет ВР или 5300–4800 лет ВС [15, с. 159]. Но пока каких-либо веских оснований для столь раннего датирования материалов среднестоговской культуры бассейна Верхнего и Среднего Дона у нас нет.

Заметим, что некоторая керамика среднестоговской культуры стоянок Университетская-3 и Черкасская по орнаментальным мотивам и орнаменту из прочерченных линий и наколов близка к среднестоговской керамике третьего слоя поселения Стрильча Скеля [1, с. 107–108; 15, с. 188–191, рис. 15–18]. Третий слой Стрильчей Скели, в свою очередь, отнесён Н.С. Котовой ко второму периоду среднестоговской культуры западного варианта, возраст которого определяется около 5900–5450/5400 лет ВР или 4800–4350/4300 лет ВС [15, с. 89]. Вероятнее всего, вторым периодом среднестоговской культуры (время которого одинаково для западного и восточного вариантов), по периодизации Н.С. Котовой, и следует датировать появление на Верхнем и Среднем Дону первого среднестоговского населения.

Имеющиеся С-14 даты для памятников Украины типа Деревка представляют хронологический диапазон от 5515±90 лет ВР (4354±91 лет ВС) до 4900±100 лет ВР (3697±124 лет ВС), в целом соотносясь с периодом 5330–5200 лет ВР или 4150–4050 лет ВС [16, с. 12; 27, с. 33]. Так как большинство керамических материалов среднестоговской культуры Донской лесостепи имеют дереивский облик, то и датироваться они должны соответственно по аналогии с памятниками Украины Деревка, Молухов Бугор и др., то есть приблизительно от 5330(5370) г. ВР до 4900 г. ВР или от 4150(4195) г. ВС до 3700 г. ВС.

Не совсем ясна пока и датировка финала нижнедонской и начала репинской культур на Верхнем и Среднем Дону. Можно лишь предположить, что бытование нижнедонского населения продолжалось до сер. IV тыс. до н.э. и, возможно, даже до руб. 3-й–4-й четв. IV тыс. до н.э. по некалиброванной хронологии. В поддержку этого предположения свидетельствуют несколько стратиграфических данных, полученных в своё время А.Т. Синюком: во-первых, факт перекрытия хозяйственной ямы с ямочной керамикой рязанско-долговской культуры через стерильный слой постройкой с материалами нижнедонской культуры на стоянке Университетская-3 и, во-вторых, предшествование создания среднестоговского могильника сооружению постройки нижнедонской культуры на поселении Дрониха [28].

Сейчас можно весьма условно датировать начало репинской культуры финальным временем бытования населения с дереивскими керамическими чертами, то есть около 4900 лет ВР или 3700 лет calBC. В то же время мы не исключаем, что процесс генезиса репинской культуры мог начаться в посл. четв. IV тыс. до н.э., но необходимо подтверждение этого надёжными стратиграфическими данными и результатами абсолютного датирования.

Финал репинской культуры для рассматриваемого региона определяется также весьма условно. Мнение некоторых исследователей об узком хронологическом отрезке бытования репинского населения – в рамках периода Триполья С-I (2-я–3-я четв. III тыс. до н.э. по некалиброванной шкале) – не подтверждается материалами Донской лесостепи.

С сер. III тыс. до н.э. с проникновением в Донскую лесостепь древнеянного населения наступает эпоха бронзы. Однако древнеянное население было немногочисленным, так как ямных материалов на поселенческих памятниках Донской лесостепи встречено очень мало, и энеолитическое репинское население не исчезает и существует до кон. III тыс. до н.э. В это время образуются новые культурные типы и культуры – ямно-репинский, терновский и иванобугорская культура, которые доживают до распространения катакомбных древностей [29; 30, с. 87–91].

В заключение отметим, что в условиях лесостепной зоны бассейна Дона наблюдается сохранение традиций существовавшего здесь древнего населения в неолите – энеолите на достаточно длительном отрезке времени с проявлением пережиточных форм, поэтому нельзя исключать, что энеолитические культуры региона продолжали своё существование дольше, чем близкородственные культуры соседних регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
2. Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения раннеэнеолитических культур с воротничковой керамикой // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.
3. Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
4. Котова Н.С. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Вип. 1. Луцьк, 1994.
5. Смольянинов Р.В., Свиридов А.А., Бессуднов А.Н. Материалы нижнедонской культуры на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 8. Том I. Тверь, 2011.
6. Котова Н.С. Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
7. Крюкова Е.А. Образ лошади в искусстве степного населения эпохи энеолита – ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
8. Столяр А.Д. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) // СА. Т. XXIII. 1955.
9. Гапочка С.Н. Отчет о разведке в Петропавловском районе Воронежской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
10. Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите – энеолите). М., 1998.

11. *Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В.* Памятники среднестоговской культуры бассейна Верхнего и Среднего Дона // Пензенский археологический сборник. Вып. 3. Пенза, 2010.
12. *Синюк А.Т.* Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.
13. *Синюк А.Т., Клоков А.Ю.* Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.
14. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников / *Д.Я. Телегин, А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехина, Ю.В. Панченко.* Луганск, 2001.
15. *Котова Н.С.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.
16. *Котова Н.С.* Шнуровая орнаментация керамики степных культур эпохи раннего и среднего энеолита // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 9. Луганск, 2009.
17. *Котова Н.С.* О культурной принадлежности группы погребений эпохи среднего энеолита в междуречье Днепра и Дона // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
18. Результаты разведочных работ на памятнике эпохи энеолита Васильевский Кордон 17 (предварительная публикация) / *А.А. Свиридов, Р.В. Смольянинов, А.А. Ключко, С.В. Уваркин* // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза, 2008.
19. *Горелик А.Ф.* Рец.: *Манько В.О.* Неолит Південно-Східної України. Навчальне видання. Київ, 2006. // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009.
20. *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.
21. *Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
22. *Телегин Д.Я.* О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-Запада Восточной Европы. Понятие о неоэнеолитическом времени региона // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
23. *Котова Н.С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
24. *Васильев И.Б., Овчинникова Н.В.* Ранний энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
25. *Овчинникова Н.В.* Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
26. *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
27. *Манько В.А., Телиженко С.А.* Проблемы абсолютной хронологии мезолита – энеолита Подонечья // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003.
28. *Синюк А.Т.* Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
29. *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
30. *Пряхин А.Д., Синюк А.Т.* Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

*Воронежский государственный
педагогический университет,
Воронеж*

A.M. Skorobogatov

**THE AENEOLITHIC OF THE UPPER AND MIDDLE DONE BASIN
IN THE CONTEXT OF THE NEW DATA**

Summary

This article deals with the characteristics of the Aeneolithic archaeological cultures in the Upper and Middle Don River territory. The paper presents the author's vision of the appearance, development and further destiny of the Don wood-steppe Aeneolithic population, and covers the problems concerning the periodization and synchronization of the Upper and Middle Don River Aeneolithic cultures on the basis of newly received data.

*Voronezh State Pedagogical University,
86, Lenina St.,
Voronezh, 394043, Russia*

E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

**Р.В. Смольянинов, А.М. Скоробогатов,
А.Н. Бессуднов, М.В. Ивашов, А.А. Свиридов**

МАТЕРИАЛЫ ИВАНБУГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

К началу второй половины III тыс. до н.э. (по некалиброванной хронологии) в Донской лесостепи сложилась интересная этнокультурная ситуация, когда на одной территории сосуществовало население пережиточного неолита, позднего и пережиточного энеолита и раннего бронзового века [1; 2]. Такая ситуация вполне могла сложиться на Верхнем и Среднем Дону (Донская лесостепь), благодаря устойчивости и консервации культурных традиций нео-, энеолитического населения и одновременно с этим появлением и распространением на данной территории племён ямной культуры ранней бронзы. Факт совместного мирного сосуществования разнокультурного населения с различными экономическими укладами (рыболовство, охота, скотоводство, комплексное хозяйство) пока можно объяснить большой экологической ёмкостью лесостепи как природно-климатической зоны, существовавшей на Среднем и Верхнем Дону (территория более 120 тыс. кв. км) уже с неолита [1].

Данная работа посвящена обзору археологических памятников, на которых выявлены следы жизнедеятельности населения иванобугорской культуры, фиксируемые, прежде всего, по наличию фрагментов своеобразной керамики (рис. 1).

Первоначально исследователи, обращавшие внимание на эту керамику в материалах поселений лесостепного Дона, относили её к эпохе бронзы [3; 4; 5] с более конкретной интерпретацией в рамках катакомбных древностей [6]. По мере пополнения источниковой базы эти комплексы стали называться «пострепинскими» [7], затем – иванобугорским типом керамики в рамках пережиточного энеолита [8], а в последующее время обрели статус самостоятельной культуры [9; 10].

Картографирование памятников иванобугорской культуры (ИБК) было предпринято А.Т. Синюком в его монографической работе «Бронзовый век бассейна Дона» [10]. Среди отмеченных им пунктов: Елец (рис. 2: 8), Воргол, Курино-1, Животинное, Семилуки, Терновое, Чижовское 4, Борщёво, Архангельское (рис. 2: 11, 12), Большое Сторожевое, Авериное, Мостище, Мостище 2, Сасовка, Дрониха (рис. 2: 6, 7, 9), Иванов Бугор (рис. 2: 13–16), Черкасское (рис. 2: 1–5), Желдаковка (рис. 2: 10), Верхний Карабут [10, рис. 11].

К настоящему времени в ходе археологических раскопок и разведок количество памятников иванобугорской культуры Донской лесостепи возросло, ввиду чего решено охарактеризовать вновь выявленный материал вместе с полученным ранее, но пока в силу разных причин не введённый в научный оборот или не включённый в карту А.Т. Синюка (рис. 1).

Источники

Поселение Замятино 10 [11]. В раскопе площадью 1300 кв. м выявлено 46 фрагментов венчиков и 142 – стенок сосудов иванобугорской культуры (рис. 3–5; 6: 1). Керамика коричневого цвета. В тесте посуды преобладает примесь песка, реже в качестве таковой использовались мелкий шамот и органика.

Форма сосудов по венчикам определяется как горшковидная, венчики в основном плавно отогнуты от тулова (рис. 3: 1–4; 4: 1–3, 6, 7, 10), некоторые – с воротничковым утолщением (рис. 3: 2, 4; 4: 6, 8, 10; 5: 1, 3–8; 6: 2). Часть горшков имели ярко выраженное внутреннее ребро (рис. 4: 8; 5: 6). Орнаментация достаточно разнообразна: сочетание гребенчатых отпечатков и наколов, сформированных в горизонтальные линии, с «жемчужинами» в два горизонтальных ряда (рис. 3: 1), овальными достаточно глубокими вдавлениями (рис. 3: 2), отпечатками гладкого штампа в ёлочку (рис. 3: 3), круглыми отпечатками торца кости или палочки (рис. 3: 4; 6: 2). Орнаментация стенок практически такая же, выделяются лишь фрагменты, украшенные горизонтальными рядами гладкого штампа (рис. 3: 5) и неглубокими ромбическими в плане вдавлениями (рис. 3: 6; 4: 9). Рамчатый штамп для орнаментации такой керамики на этом памятнике не использовался. Выделяется только один из венчиков (рис. 3: 3) горшка типично терновской формы (профилированный внутрь венчик, имеющий при переходе в тулово выступ – «плечики»). Он украшен гребенчатыми отпечатками, имитирующими орнаментацию рамчатым штампом.

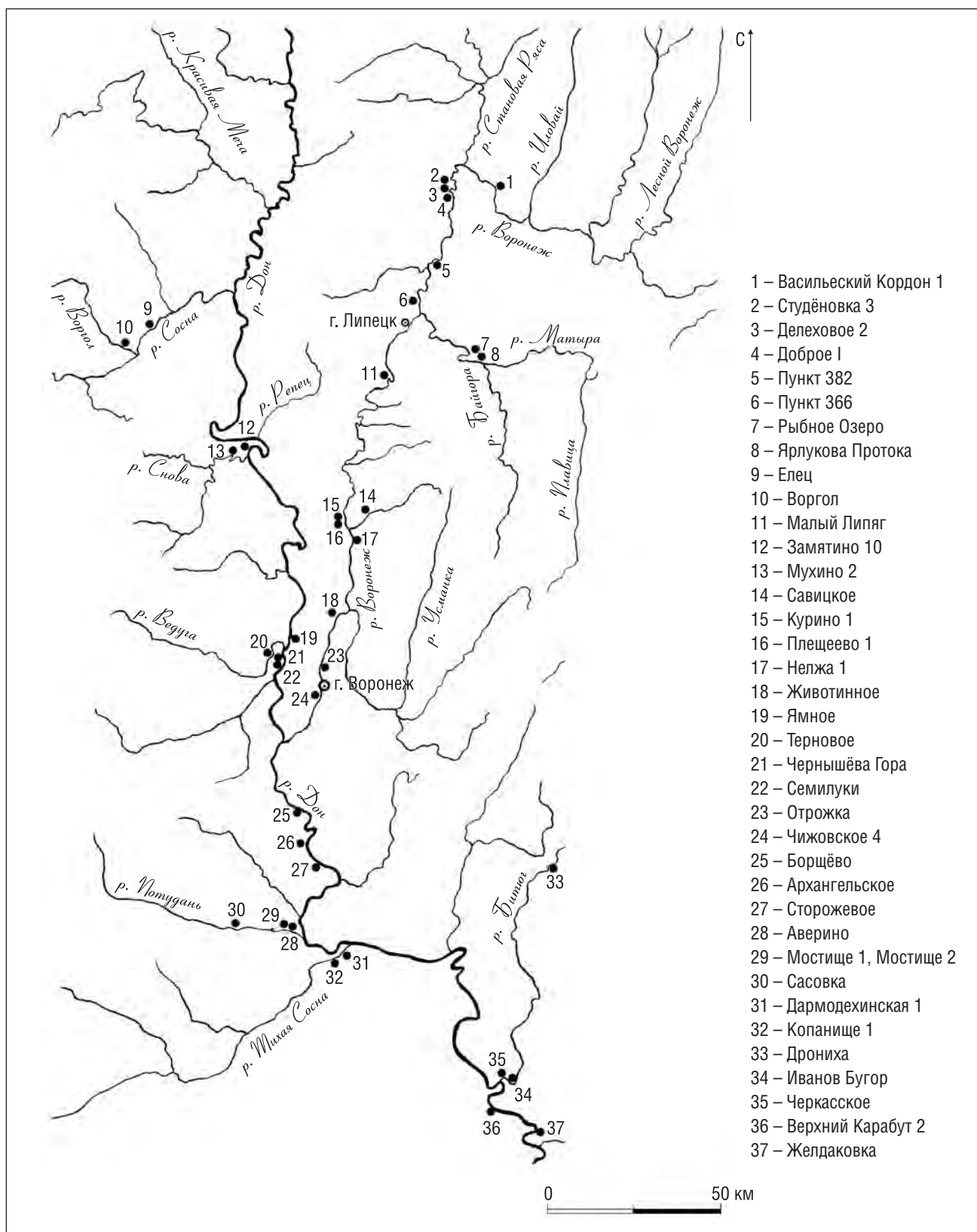

Рис. 1. Карта памятников иванобугорской культуры Донской лесостепи

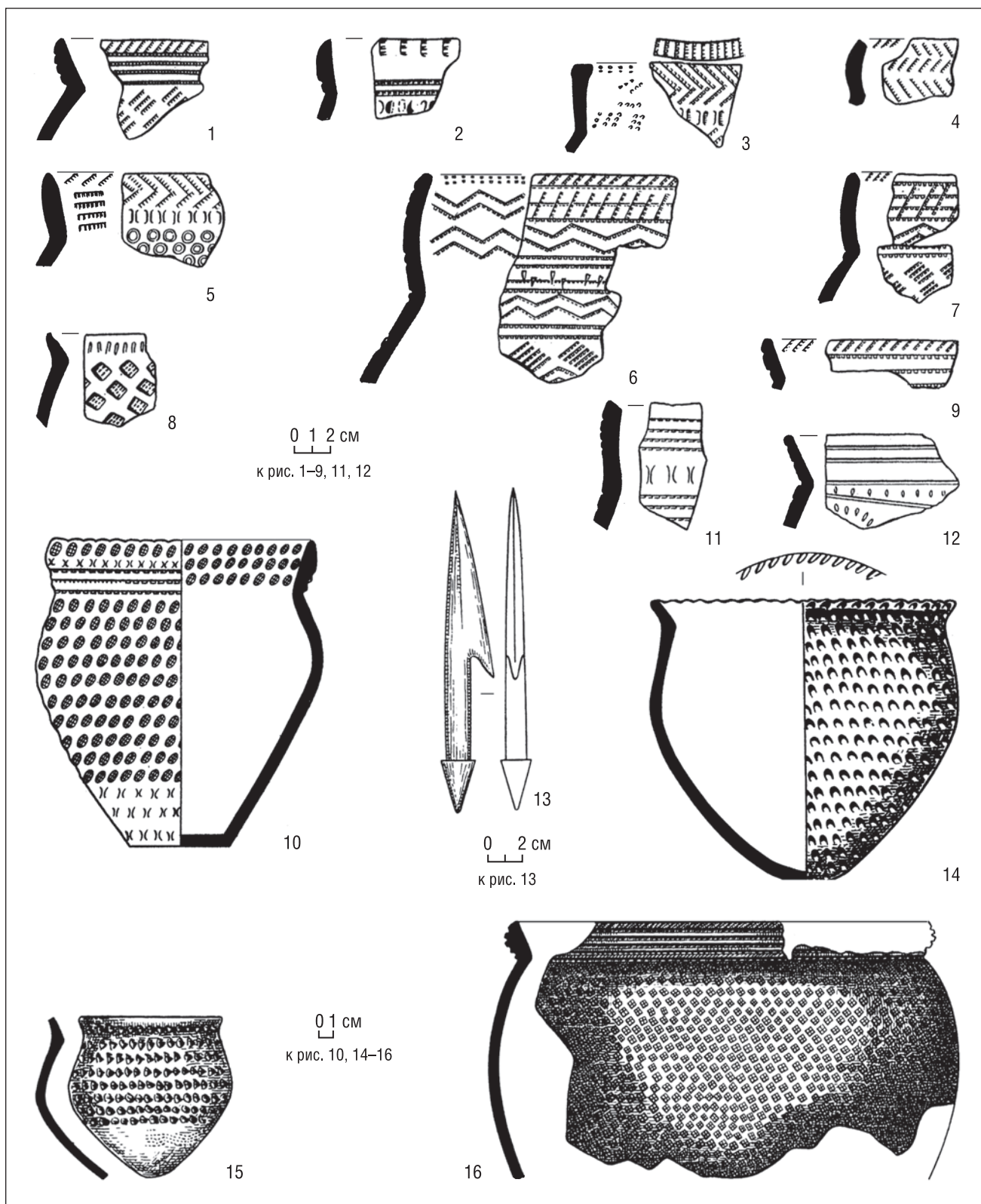

Рис. 2. Материалы иванобугорской культуры (по А.Т. Синюку):

1-5 – стоянка Черкасская; 6, 7, 9 – поселение Дрониha; 8 – Елецкое городище; 10 – Желдаковka, местонахождение; 11, 12 – Архангельское городище; 13-16 – могильник Иванов Бугор. 13 – кость; остальное – керамика

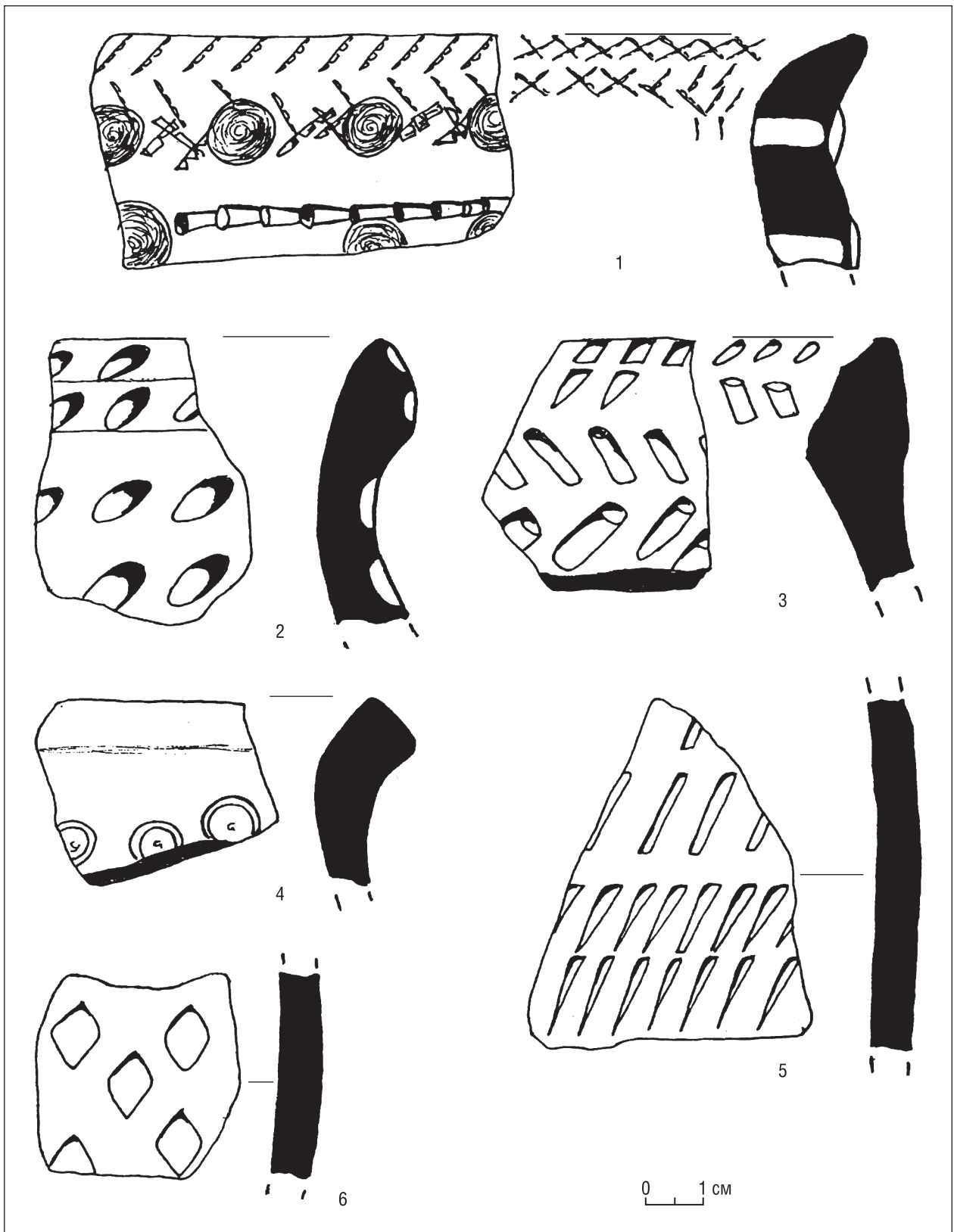

Рис. 3. Керамика иванобугорской культуры с поселения Замятино 10

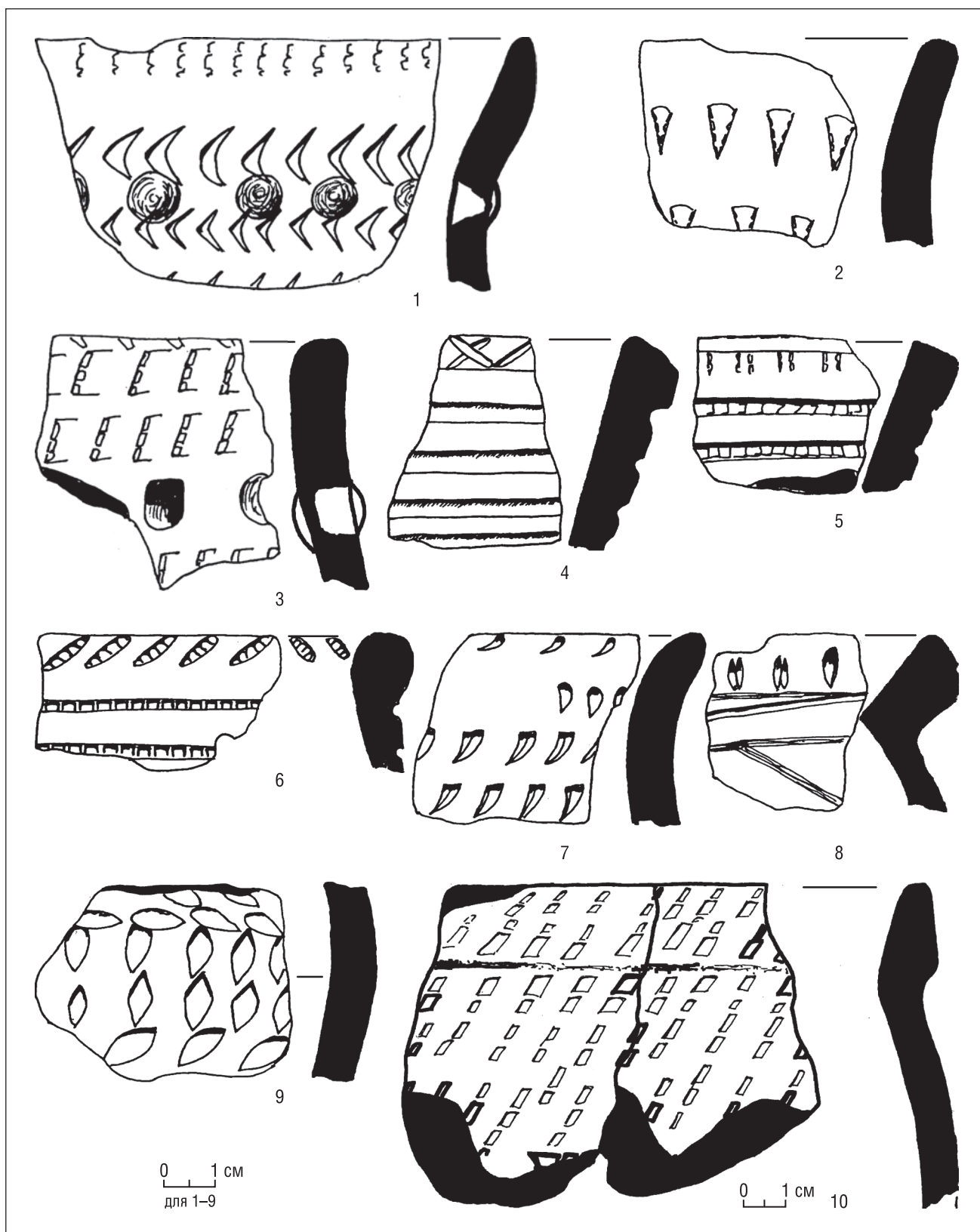

Рис. 4. Керамика иванобугорской культуры с поселения Замятино 10

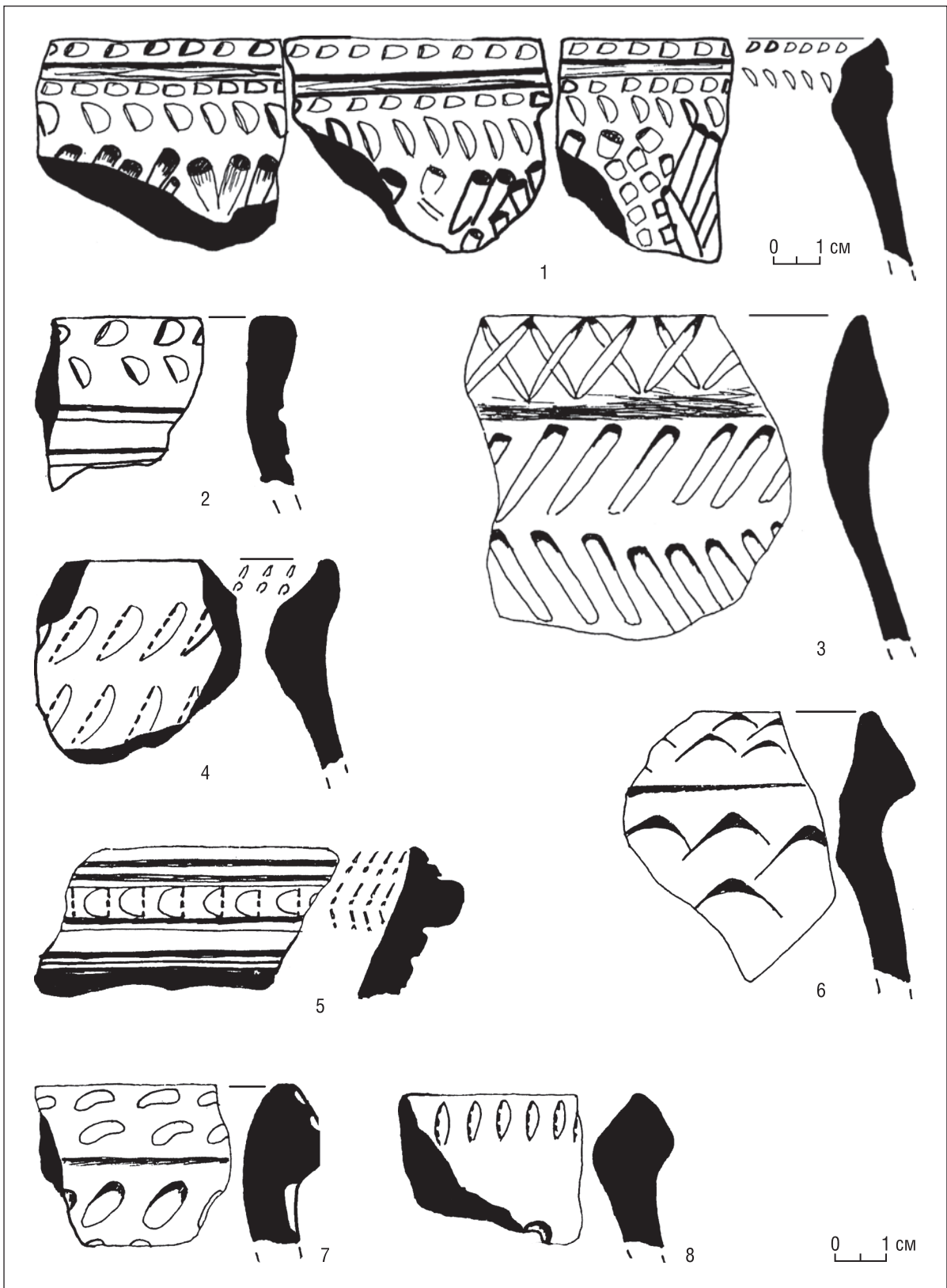

Рис. 5. Керамика иванобугорской культуры с поселения Замятино 10

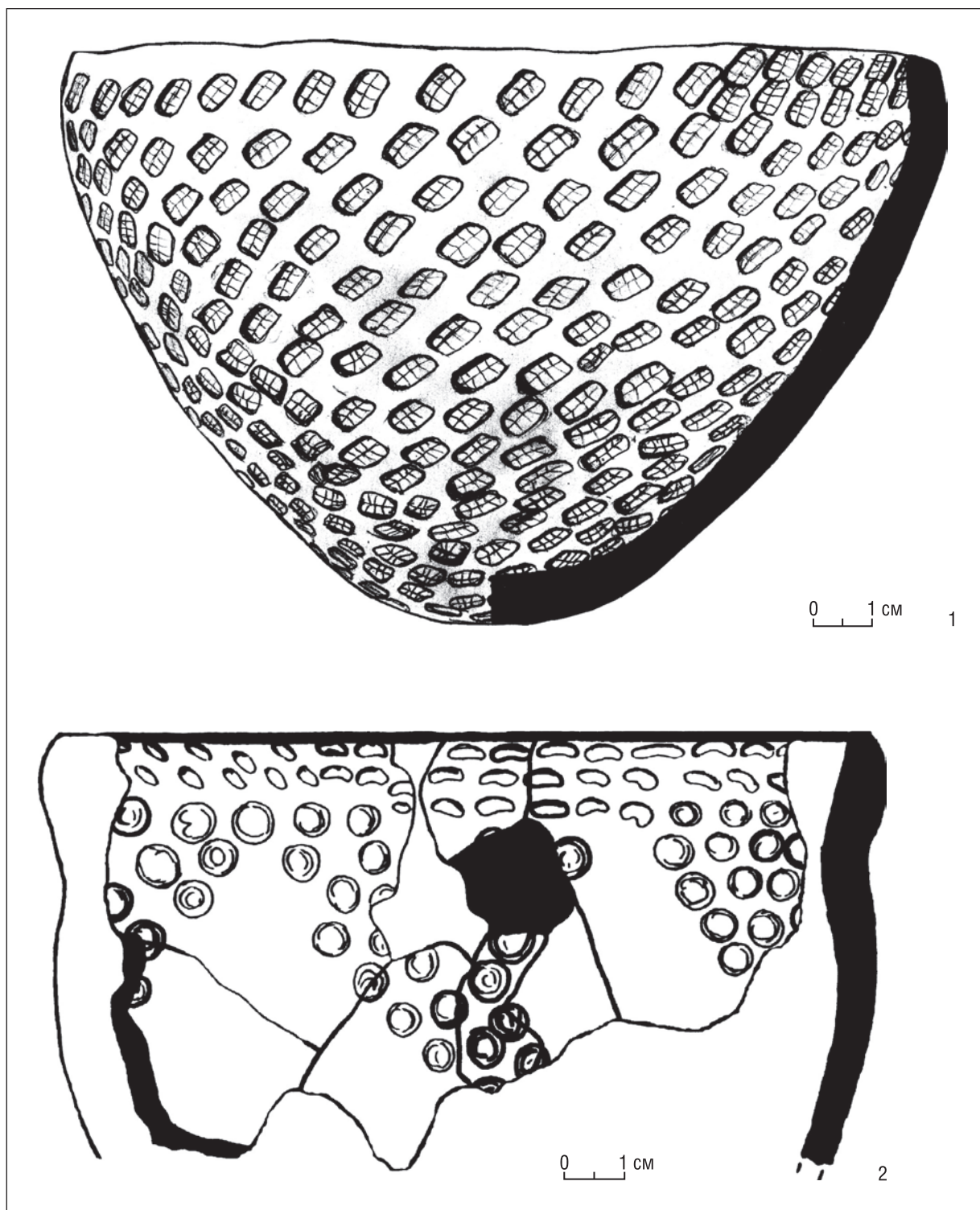

Рис. 6. Керамика иванобугорской культуры:
1 – поселение Васильевский Кордон 1; 2 – поселение Замятино 10

На **поселении Васильевский Кордон 1** (Добровский района Липецкой области) выявлен горшок яйцевидной формы со слегка зауженным верхом. На донце наблюдается незначительное уплощение (рис. 6: 1). Диаметр горшка по срезу венчика равен 15,4 см, высота – 10,5 см, толщина стенок от устья к донцу увеличивается от 0,6 до 0,8 см. В тесте сосуда видна примесь песка и органики. Керамика плотная, цвет коричневый, снаружи и изнутри хорошо заглажена. Срез горшка уплощён. Вся поверхность украшена горизонтальными рядами отпечатков рамчатого штампа. Внутри горшка сохранилось небольшое количество нагара.

Поселение Ярлуковская Протока, пункт 242 [12]. В раскопе найдены 26 фрагментов 2–3 сосудов (рис. 7: 1–6). Керамика – коричневого цвета с примесью песка и органики в глиняном тесте. Она плотная, хорошо заглажена снаружи и изнутри. Два выявленных венчика профилированы, имеют внутреннее ребро, край их приострѐн (рис. 7: 1, 2). Оба они изнутри по краю украшены рядами «гребѐнки», в одном случае косовертикальными (рис. 7: 1), в другом – перекрещенными (рис. 7: 2). Посуда украшена ромбическими ямками (рис. 7: 1, 3), горизонтальными рядами оттисков косопоставленного гребенчатого штампа, рядами неглубоких, неправильной формы ямочных вдавлений (рис. 7: 2, 4, 5) или их сочетанием (рис. 7: 1–3, 6).

Поселение Курино 1 [13]. Коллекция керамики иванобугорской культуры представлена 56 фрагментами, включая фрагменты венчиков восьми сосудов (рис. 8; 9: 9–12). Чѐтко выраженные скопления их планиграфически не прослеживаются.

Керамика характеризуется устойчивыми технологическими признаками: плотная, без видимых примесей, гладкие поверхности, коричневый цвет внешней стороны и тѐмно-серый – внутренней. По форме это яйцевидные горшки с выделенным ровным (рис. 8: 3, 5, 11), слегка раздутым (рис. 8: 6, 9) или желобчатым (рис. 8: 2, 4, 7, 8, 10) венчиком. Срез венчика чаще приострѐн. Орнаментированы сосуды поясками из глубоких прямых гладких или рубчатых на дне вдавлений-оттисков штампов с наклоном в одну (рис. 8: 7; 9: 9) или в разные (рис. 8: 2, 5, 9) стороны. Отмечено сочетание рядов насечек с ногтевыми вдавлениями по венчику. Интересен один из сосудов с желобчатым венчиком со срезом верха вовнутрь, украшенный зигзагами из оттисков рубчатого и гребенчатого штампов (рис. 8: 10). Есть фрагменты, несущие ромбический элемент орнаментации (рис. 9: 12).

Поселение Плещеево 1 [14]. В разведочном шурфе площадью 4 кв. м выявлены шесть фрагментов керамики иванобугорской культуры (рис. 9: 1–6). Это коричневого или чѐрного цветов посуда с примесью песка, иногда дресвы. Керамика – плотная, изнутри и снаружи хорошо заглажена. Среди них – 2 фрагмента венчиков профилированных горшков (рис. 9: 1–2), один из которых – с внутренним ребром (рис. 9: 1). Срез венчиков либо плоский, либо округлый, при этом обязательно украшен. В одном случае – аморфными ямками и отпечатками рамчатого штампа (рис. 9: 1), в другом – насечками и гребенчатыми отпечатками (рис. 9: 2). Четыре из шести фрагментов орнаментированы отпечатками рамчатого штампа (рис. 9: 1, 3–4), в одном случае они сочетались с овальными ямочными вдавлениями (рис. 9: 1), во втором – с горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа (рис. 9: 5), в третьем – с горизонтальной прочерченной линией (рис. 9: 3). Один из фрагментов стенок украшен горизонтальными рядами небольших округлых неглубоких ямочных вдавлений (рис. 9: 6).

Городище «Малый Липяг». Коллекция керамики иванобугорской культуры представлена 6 фрагментами венчиков и 44 – стенок (рис. 9: 13–17). Черепки равномерно рассеяны по всему раскопу площадью 286 кв. м. По уровню залегания не представляют выраженного горизонта.

Глиняное тесто посуды плотное, с обильной примесью песка. В некоторых фрагментах кроме песка отмечается примесь органики и мелкого шамота. Поверхности хорошо заглажены. Толщина стенок – в пределах 0,6–1,0 см.

Все венчики профилированы, край отогнут наружу. Один из них можно отнести к разряду высоких раструбовидных (рис. 9: 16). У двух венчиков наблюдается плавный переход к тулову, а у других отмечено ребро при переходе в тулово с внутренней стороны (рис. 9: 16, 17). Один из венчиков характеризуется как желобчатый с воротничковым утолщением (рис. 9: 14). Срез горшков закруглѐн или приострѐн. По краю среза нанесены вдавления. Отмечены случаи орнаментации с внутренней стороны. Венчики украшены рядами оттисков гладкого штампа (насечками) или овальными вдавлениями.

Днища сосудов не найдены. Стенки орнаментировались оттисками гладкого, рамчатого, гребенчатого штампов и ямочными вдавлениями. Рамчатым штампом украшены 15 фрагментов стенок (рис. 9: 15). В нескольких случаях отпечатки его составлялись в ряды, в остальных случаях оттиски нанесены бессистемно, заполняя какую-либо орнаментальную зону [15].

На **поселении Студѐновка 3** выявлены девять фрагментов одного сосуда со сложным венчиком с приострѐнным краем (рис. 10: 2). Горшок украшен отпечатками рамчатого штампа снаружи и изнутри (рис. 10: 1, 2). Цвет черепков – коричневый, поверхности хорошо заглажены, в глиняном тесте присутствует небольшая примесь органики.

Поселение Мухино 2 [16]. С памятника происходит 21 фрагмент керамики иванобугорской культуры (рис. 10: 3–6). Все три выявленных фрагмента венчика – от одного профилированного сосуда с ярко выраженным внутренним ребром (рис. 10: 5) и приострѐнным краем. В верхней части венчика прослежено небольшое утолщение, которое образовалось в результате орнаментации горшка ногтевыми защитными. Помимо зашипов керамика орнаментировалась горизонтальными рядами неглубоких подквадратных (рис. 10: 3), овальных (рис. 10: 4) и подтреугольных ямочных вдавлений (всего 7 фрагментов). Остальные 14 фрагментов керамики украшены отпечатками штампа неясной формы (рис. 10: 6). Возможно, это неровный гребенчатый штамп или размочаленная палочка. Именно им украшена внутренняя часть венчи-

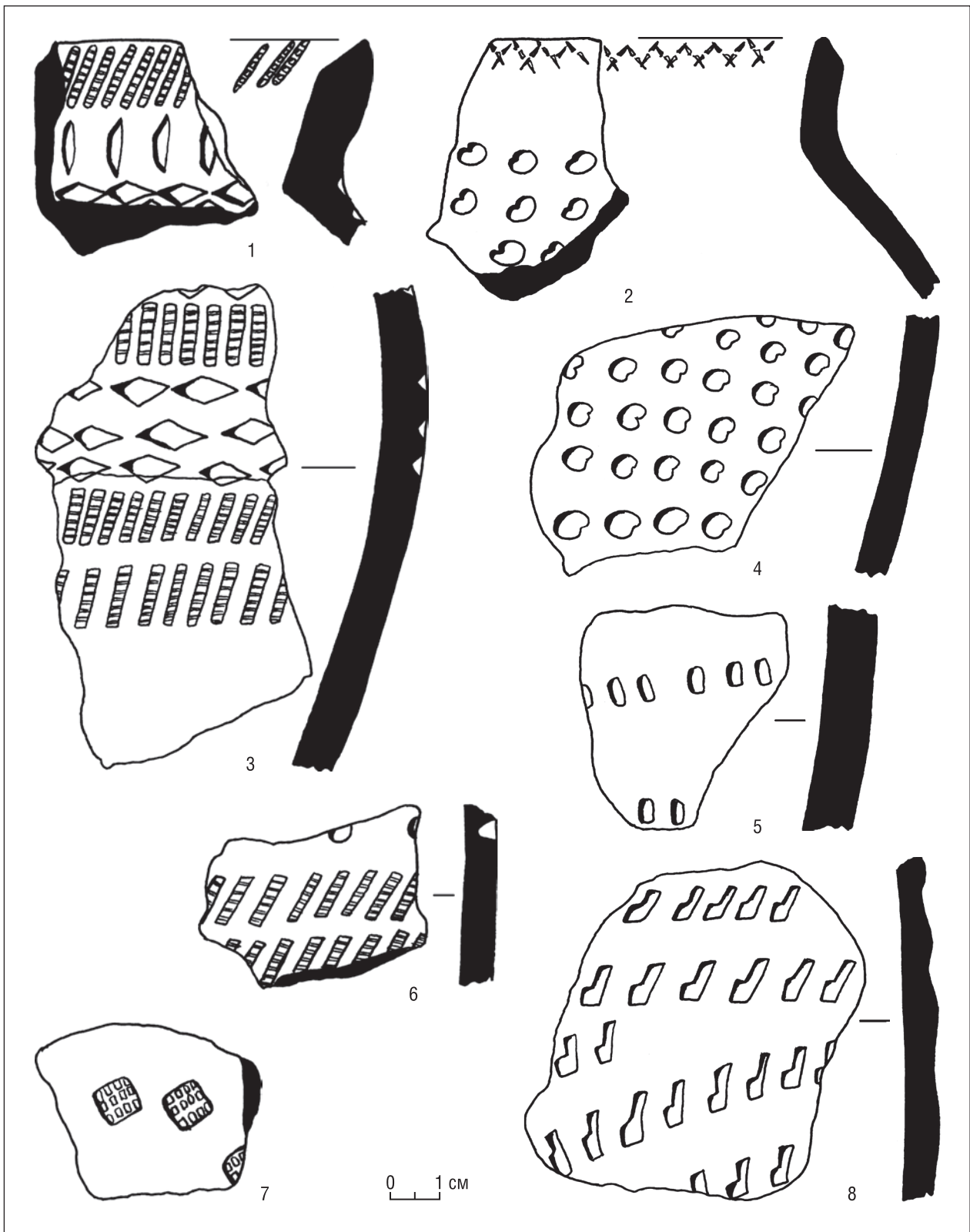

Рис. 7. Керамика иванобугорской культуры:
 1–6 – поселение Ярлуковская Протока, пункт 242; 7 – поселение Савицкое 1; 8 – поселение г. Липецк, пункт 368

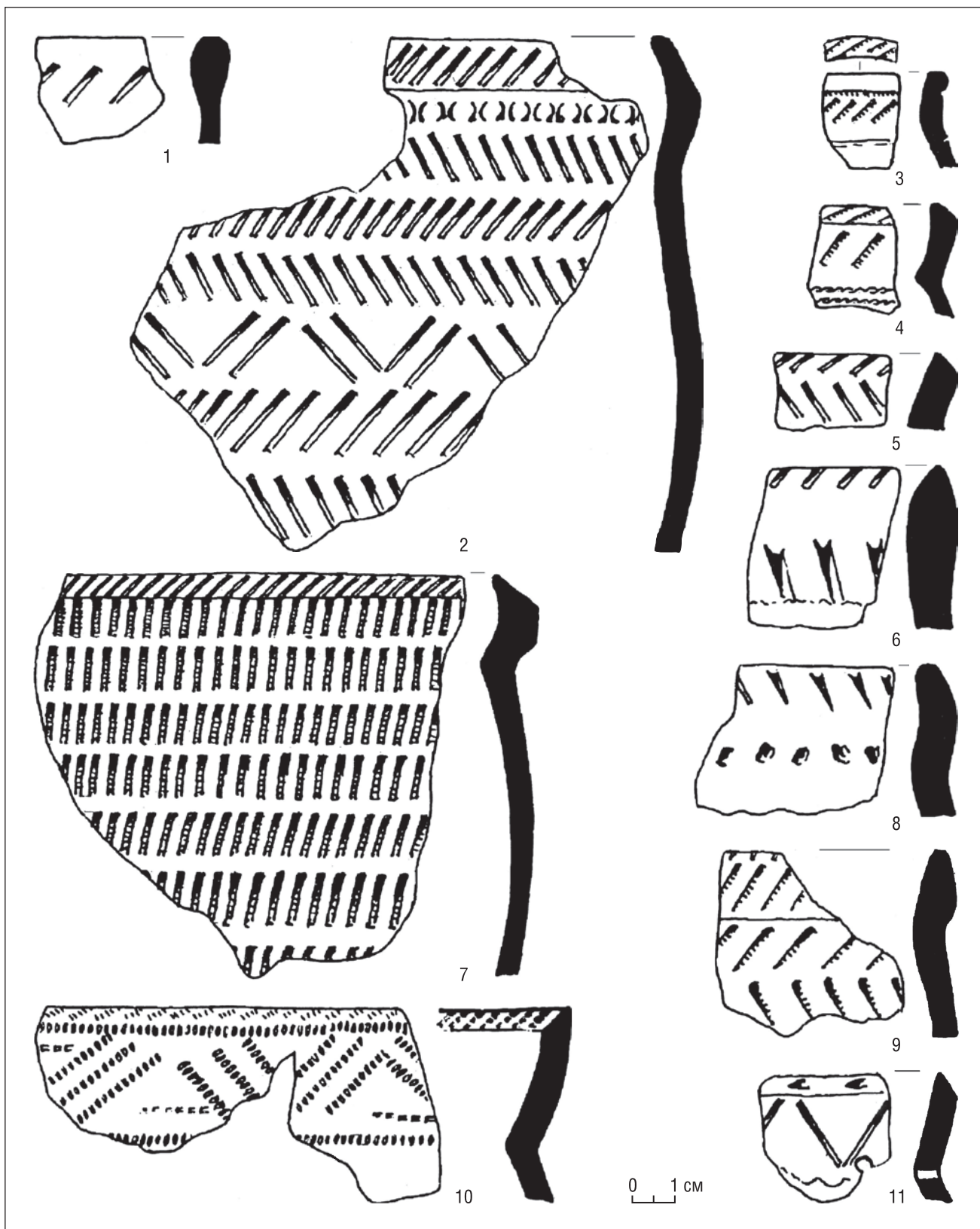

Рис. 8. Керамика иванобугорской культуры с поселения Курино 1 (по А.Т. Синюку и А.Н. Бессуднову)

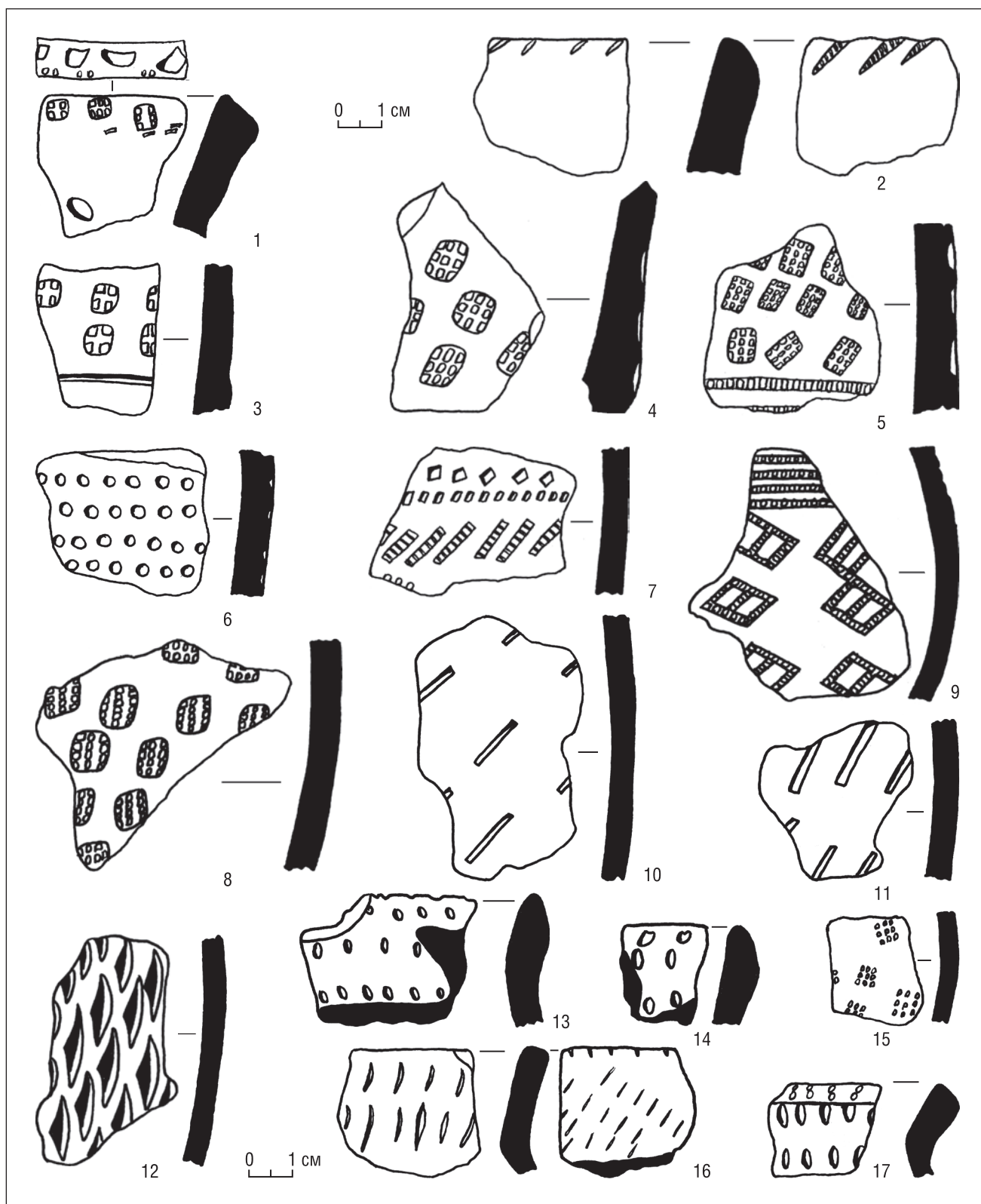

Рис. 9. Керамика иванобугорской культуры:
 1–6 – поселение Плещеево 1; 7 – поселение Делеховое 2; 8 – поселение Пункт 382; 9–12 – поселение Курино 1;
 13–17 – городище «Малый Липяг»

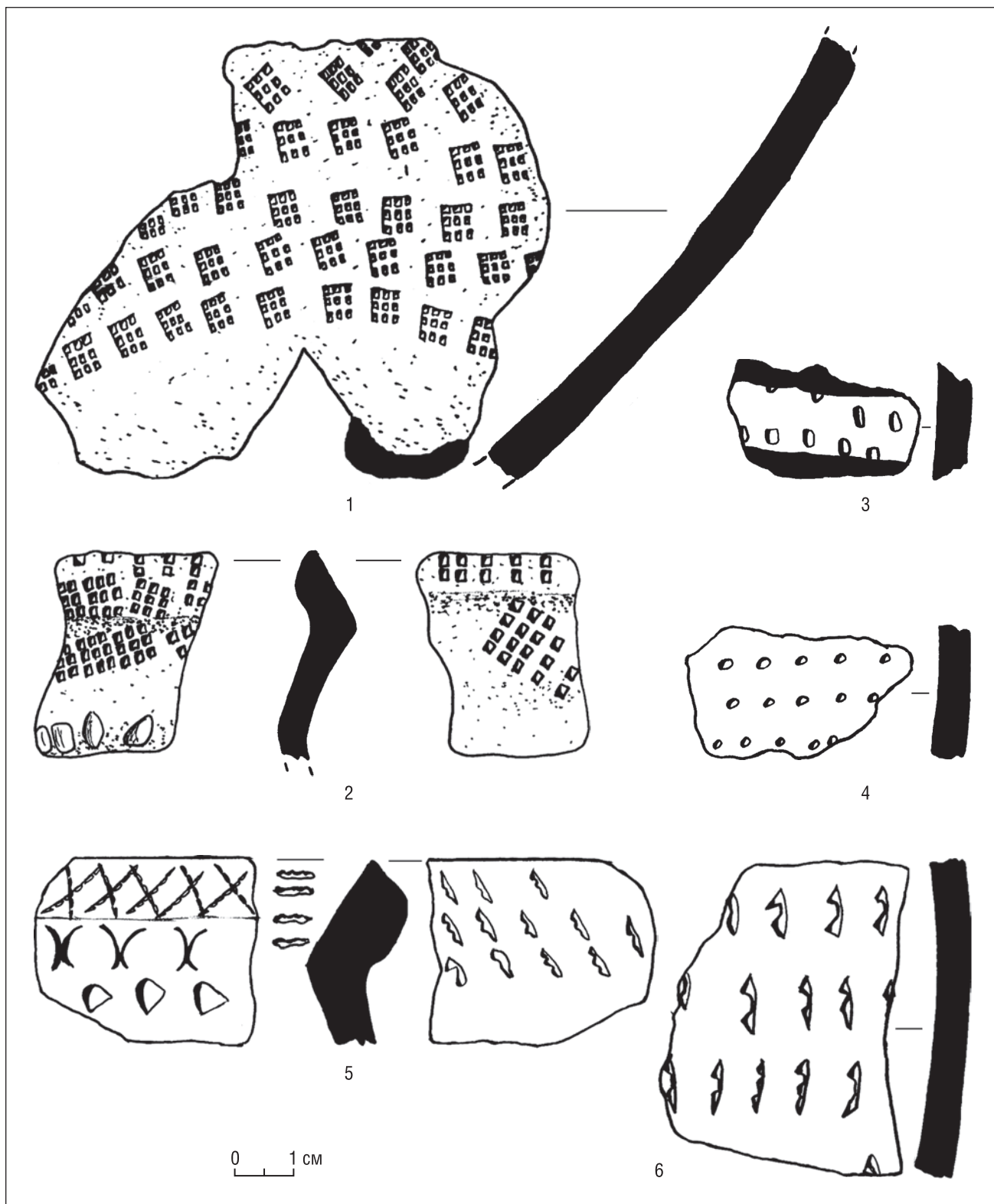

Рис. 10. Керамика иванобугорской культуры:
 1–2 – поселение Студёновка 3; 3–6 – поселение Мухино 2

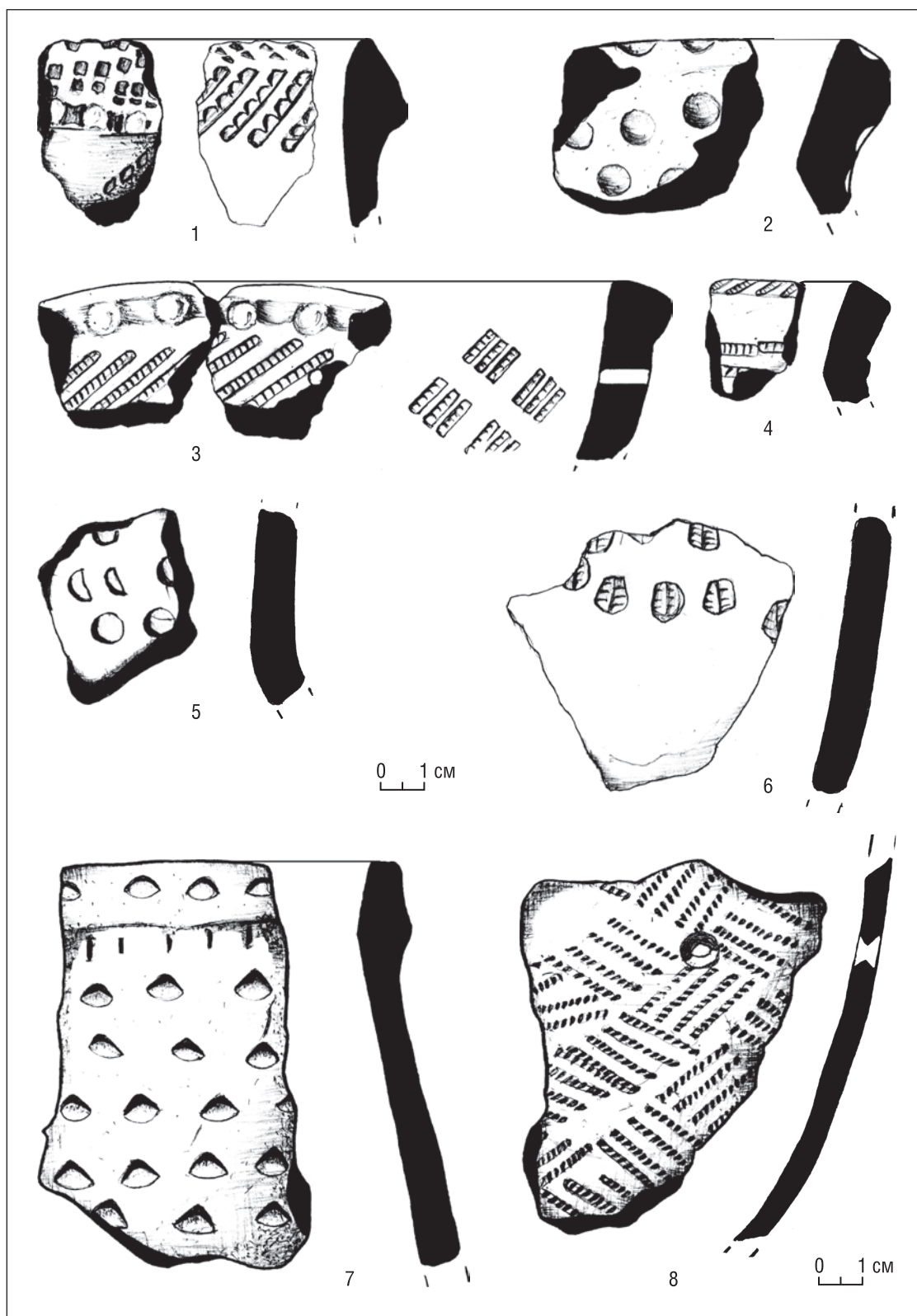

Рис. 11. Керамика иванобугорской культуры:
1-6 – стоянка Ямное; 7, 8 – стоянка Дармодехинская 1

ка. Отпечатки наносились рядами – как вертикальными, так и горизонтальными (рис. 10: 5). Эта посуда – коричневого цвета, плотная, хорошо заглажена снаружи и изнутри, сильно запесочена, имеет также примесь дресвы.

Стоянка Ямное. Рамонский район Воронежской области [17]. На исследованной площади памятника (291 кв. м) обнаружены фрагменты 13 сосудов ИБК. Три из них орнаментированы гребенчатым штампом (рис. 11: 1, 3, 4), два сосуда были покрыты короткими оттисками штампа с гладким дном, в единичных случаях орнамент представлен ямками с округлым дном (рис. 11: 2), ямками с цилиндрическим дном (рис. 11: 5), подовальными отпечатками штампа с рубчатым дном (рис. 11: 6), в остальных случаях орнамент отсутствовал.

Городище Чернышёва Гора. Семилукский район Воронежской области. Городище расположено на мысу коренного правого берега р. Дон высотой около 30 м. Общая вскрытая площадь – 99 кв. м. Памятник заселялся с пережиточного энеолита до древнерусского времени включительно. Керамика ИБК выявлена в количестве 8 фрагментов венчиков и 41 – стенок, орнамент – прочерки, округлые ямки, оттиски рамчатого, гладкого и зубчатого штампов, прослежена ёлочная композиция [18].

Материалы со **стоянок Савицкое 1** (рис. 7: 7), **г. Липецк, пункт 368** (рис. 7: 8), **пункт 382** (рис. 9: 8), **Делеховое 2** (рис. 9: 7), **Рыбное Озеро (пункт 201)**, **Нелжа 1**, **Отрожка**, **Дармодехинская 1** (рис. 11: 7, 8), **Животинное городище**, **Доброе 1** получены в единичных экземплярах.

К настоящему времени самый южный памятник с культурным слоем, содержащим керамику ИБК, – **поселение Верхний Карабут 2**, несколько южнее известен только сосуд из **Желдаковки**, являющийся случайной находкой (рис. 1: 10).

Таким образом, все сосуды иванобугорской культуры изготовлены из плотного и хорошо промешанного глиняного теста с добавками мелкого песка и тонковолокнистого вещества (возможно – шерсти животных), оставляющего следы на поверхности после обжига керамики. Характерная их технологическая особенность – гладкие поверхности с тщательной, вплоть до лощения, обработкой, без видимых следов штриховки или расчёсов. Сосуды имеют стройные пропорции (высота равна или превышает наибольшую ширину), образуют группы яйцевидных и реже – колоколовидных горшков с круглыми, округло-приострѐнными или небольшими плоскими без закраин днищами. Размеры сосудов стандартны: в большинстве случаев диаметры венчиков варьируют от 16 до 20 см при встречающемся отклонении от этих величин. Как правило, орнамент занимал всю поверхность сосуда, иногда заходя на днища и внутренние части венчиков. Встречены образцы посуды, украшенной только по верхней половине поверхности или с оставлением свободных зон. Основными элементами орнамента выступают глубокие прямые оттиски штампов с гладким или рубчатым дном, ямочные вдавления и ногтевые зацепы. Отмечены также отпечатки гребенчатого штампа, короткие нарезки, оттиски шнура, в целом не играющие существенной роли в орнаментации. Распространѐнными орнаментальными мотивами являются группировки ямочных элементов в неолитическом, «шахматном», порядке, в виде ромбов и линейно-треугольных блоков. Весь керамический материал делится на горшки, баночные и чашевидные сосуды [19, с. 19–22].

На наш взгляд, местом генезиса населения иванобугорской культуры могут быть только два региона: лесостепное Подонье, как считают практически все исследователи иванобугорской и примокшанской культур, а также территория Подесенья. К сожалению, материалов с последней мы вообще не знаем. А.С. Смирнов полагает, что там присутствуют только ранние материалы репинской культуры (без жемчужин и верѐвочной орнаментации, преобладают накольчатые орнаменты, что является ярко выраженным неолитическим влиянием) и большое количество памятников с ромбоямочным орнаментом. При этом он отмечает процесс их гибридизации. Также на этой смешанной посуде появляются зацепы, которые, по его мнению, аналогичны тем, что присутствуют на керамике Дона [20]. Не исключено, что окончательное решение данной проблемы – в анализе этих коллекций.

В историографии процесс распада иванобугорской культуры и отражение её традиций на керамике эпохи бронзы достаточно дискуссионен. А.Т. Синюк предполагает, что воронежская культура среднего бронзового века является следующим этапом развития иванобугорской культуры, причѐм некоторое время воронежские и иванобугорские древности сосуществовали, что подтверждается совместным нахождением керамики этих культур на одних памятниках, являвшихся кратковременными стоянками [19]. Основные критерии, по которым следует отделять иванобугорскую культуру от воронежской, по А.Т. Синюку, – «оживление характерных для энеолитического традиций, переориентация связей с северным пережиточноеолитическим миром, усиление влияния со стороны катакомбных племен. Все эти новации в комплексе лучше всего отражены в керамическом материале» [21, с. 45]. Время смыкания этих двух культур А.Т. Синюк относит к XVII в. до н.э. [10].

С гипотезой о перерастании иванобугорской культуры в воронежскую категорически не согласны А.Д. Пряхин и В.И. Беседин. Они отметили, что между вышеупомянутыми культурами имеется хронологический разрыв в пределах полутьсячелетия, разными являются и их хозяйственные уклады (охотничье-рыболовческий у иванобугорцев и скотоводство при известном значении земледелия – у воронежцев), есть отличия в погребальной обрядности и существенные различия в керамике [22].

Распад иванобугорской культуры, существовавшей в Донской лесостепи, очень ярко отражается на материалах Примокшанья. Так, ещё в 50-е гг. XX в. П.Д. Степанов ближайšie аналоги керамике эпохи бронзы с ромбическим орнаментом из бассейна р. Мокши нашѐл в материалах Архангельского городища Среднего Подонья, отметив южный характер происхождения публикуемых им материалов [23]. А.Т. Синюк отметил,

что существование памятников с иванобугорской керамикой в Примокшанье определяет маршруты передвижения иванобугорских групп населения из бассейна Дона [10].

По мнению А.И. Королёва и В.В. Ставицкого, в кон. XIX – нач. XVIII в. до н.э. имела место миграция населения иванобугорской культуры на р. Мокшу под влиянием усиливающегося на территории лесостепного Подонья катакомбного населения, в результате чего в Примокшанье возникает культура эпохи бронзы, получившая название «примокшанской». Как отмечают эти исследователи, примокшанские памятники «представляют собой локальный вариант иванобугорской культуры, население которого продолжало развитие иванобугорских традиций в то время, когда на Среднем Дону данная линия культурного развития была деформирована в результате мощного воздействия со стороны катакомбной культуры» [24, с. 173].

Итак, процесс распада иванобугорской культуры представляется следующим образом. Одна часть иванобугорского населения под влиянием, судя по всему, катакомбного мира мигрировала в районы Примокшанья, другая же – осталась на прежних местах своего бытования, постепенно трансформировавшись в воронежскую культуру эпохи бронзы, вобрав в себя иванобугорские и катакомбные керамические признаки. Пока такой подход нам кажется наиболее приемлемым в контексте генезиса как примокшанской, так и воронежской культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
2. Смольянинов Р.В. Нео-энеолитическое влияние на керамику эпохи бронзы лесостепного Подонья // Бронзовый век Восточной Европы. Самара, 2001.
3. Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 года в Воронежской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 723.
4. Левенок В.П. Работы группы археологической разведки по мезолиту, неолиту, бронзе, поздним культурам на Среднем Дону (Исследования 1958 года) // Архив ИА РАН. Р-1. № 1709.
5. Афонюшкин В.А. Сосуд из села Желдаковки // Труды ВОКМ. Вып. 1. Воронеж, 1960.
6. Пряхин А.Д. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966.
7. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (по материалам Дона) // СА. 1984. № 3.
8. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
9. Синюк А.Т., Погорелов В.И., Старцева Т.С. Памятники археологии Южного Придонья. Аннотированный указатель. Воронеж, 1989.
10. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
11. Ивашиов М.В. Постройки катакомбного времени поселения Замятино 10 // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.
12. Левенок В.П. Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР и ЛОКМ в 1968 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3613.
13. Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита – бронзового века Верхнего Придонья // Археологические памятники Лесостепного Придонья. Липецк, 1996.
14. Бессуднов А.Н. Отчет о разведочных работах экспедиции Липецкого государственного педагогического института в 1989 году в бассейне р. Воронеж // Архив ИА РАН. Р-1.
15. Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.
16. Земцов Г.Л. Отчет о проведении раскопок поселения Мухино-2 (Задонский район Липецкой области), поселения 1 у хутора Подвысокий (Краснояржский район Белгородской области) и поселения у с. Замостье (Грайворонский район Белгородской области) в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1.
17. Сурков А.В. Отчет о раскопках стоянки Ямное в Рамонском районе Воронежской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
18. Голотвин А.Н. Отчет о раскопках городища Чернышева гора на р. Дон в Семилукском районе Воронежской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
19. Синюк, А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
20. Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
21. Синюк А.Т. Нижнесторожовская стоянка и некоторые аспекты изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.
22. Пряхин А.Д., Беседин И.В. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.
23. Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши // КСИИМК. Вып. 59. 1955.
24. Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.

*Липецкий государственный
педагогический университет,
Липецк*

*Воронежский государственный
педагогический университет,
Воронеж*

R.V. Smolyaninov, A.M. Skorobogatov, A.N. Bessudnov, M.V. Ivashov, A.A. Sviridov

THE MATERIALS OF THE IVANOBUGORSKAYA CULTURE IN THE DON WOOD-STEPPE

Summary

This article covers the Ivanobugorskaya culture during the Relic Aeneolithic – the Bronze Age in the Don wood-steppe. The authors focus on the monuments of the Ivanobugorskaya culture that haven't been introduced for scientific use right up to the present time due to various reasons. It discusses such issues as genesis, dating and the process of destruction of the Ivanobugorskaya culture antiquities.

*Lipetsk State Pedagogical University,
42, Lenina St.,
Lipetsk, 398020, Russia*

*R.V. Smolyaninov – E-mail: rws17@rambler.ru
A.N. Bessudnov – E-mail: bessudnov_an@rambler.ru*

*Lipetsk Municipal Scientific Public Organization «Archaeologist»,
Office 312, building 2, 42, Lenina St.,
Lipetsk, 398020, Russia*

*A.A. Sviridov – E-mail: sviridovarh@rambler.ru
M.V. Ivashov – E-mail: m-ivashov@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical University,
86, Lenina St.,
Voronezh, 394043, Russia*

A.M. Skorobogatov – E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

А.И. Королёв

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА СУТЫРСКОЕ V В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ (по результатам раскопок 2000 года)

Поселение располагается на краю надлуговой террасы левого берега р. Волги (ныне Чебоксарского водохранилища) в 300 м к ЗСЗ от бывшей деревни Сутьри Юринского района республики Марий-Эл и в полукилометре к З от места впадения р. Ветлуги в Волгу (рис. 1). Поселение было открыто В.С. Патрушевым в 1977 г. [1, с. 116]. В 1986 г. С.В. Большовым здесь были проведены раскопки площадью 140 м² [2, с. 183–190]. В 2000 г. экспедицией Самарского государственного педагогического университета (СГПУ), сотрудниками Пензенского государственного краеведческого музея В.В. Ставицким и Ульяновского государственного педагогического университета А.В. Вискалиным было исследовано 362 м² разрушаемой водами водохранилища части поселения. Раскопками изучены 3 углублённые в землю постройки с керамикой поздневолосянского типа и одна постройка с накольчатой неолитической керамикой. Получены значительные коллекции, они суммированы в таблице 1. Результаты раскопок предварительно опубликованы [3, с. 28–35; 4, с. 147–155; 5, с. 232–233]. Неолитическим материалам посвящена специальная статья [6, с. 27–40].

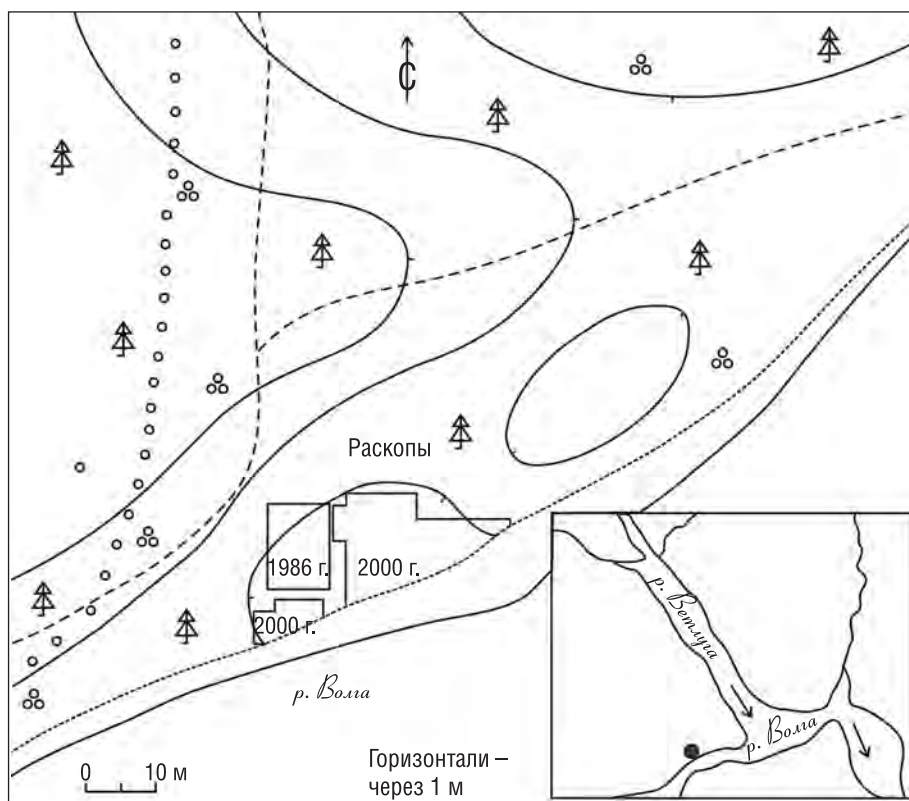

Рис. 1. Поселение Сутырское V. Местоположение и ситуационный план

В данной работе даётся развёрнутая характеристика энеолитических комплексов, приводятся радиоуглеродные определения, уточняются некоторые количественные данные. Стратиграфия части раскопа с энеолитическими постройками: 1) балласт – рыхлый, сыпучий, перемешанный песок общего серого оттенка мощностью до 60 см; 2) дёрн, до 22 см; 3) подзол, до 56 см; 4) жёлто-коричневый равномерно окрашенный песок, до 83 см; 5) серо-бурый песок в заполнении жилищ 2–4, до 105 см. В заполнении ям отмечены: 6) бурый песок; 7) чёрный песок; 8) буро-чёрный песок; 9) серый песок; 10) в местах перекопов и сгнивших пней – пёстрый песок; 11) материковый бело-жёлтый песок (рис. 2, экспликация соответствует приведённой в тексте стратиграфии).

В разрушенной водохранилищем части поселения были собраны 326 отщепов кремня, 7 ножевидных пластин, заготовка долота из опоки, фрагменты сосудов: 18 – круговых, 2 – чирковских, 54 – поздневолосовских (ПВ), 32 – ранневолосовских (РВ), 27 – неолитических накольчатых, 13 – ямочно-гребенчатых.

Незначительное число находок залегаю в перевесном балласте, дёрне и подзоле. На границе подзола и жёлто-коричневого песка были обнаружены скопления сероглиняной гончарной керамики, в том числе *in situ*.

Значительное количество находок сделано в слое жёлто-коричневого песка (табл. 1). Здесь были выявлены не только отдельные артефакты, но и развалы балановских, ранне- и поздневолосовских, ямочно-гребенчатых и накольчатых сосудов, изделия из камня и предметы, связанные с металлообработкой меди. Энеолитическая керамика включает два типа.

Первый тип – как правило, красновато-коричневого, серо-коричневого или коричневого цветов снаружи и изнутри со стенками толщиной преимущественно 0,6–0,9 см (рис. 3–4, 6–7, 9–10). В изломе керамика чёрного, серого, иногда коричневого цветов. В качестве добавок в тесто использовалась толчённая, почти полностью выщелоченная к настоящему времени раковина, следы которой в виде плоских полостей хорошо видны на поверхности и в изломе фрагментов. Кроме этой, видимо, использовались и другие добавки органического происхождения. Об этом могут свидетельствовать круглого сечения маленькие отверстия, нитевидные отпечатки. Иногда заметны следы зубчатых предметов, но, как правило, поверхность сосудов хорошо заглажена, вероятно, куском шкуры: на керамике встречаются следы выгоревших ворсинок. Есть подлощённые фрагменты. Формы сосудов восстанавливаются благодаря наличию подбирающихся крупных обломков. Часть керамики реконструирована графически. Сосуды нередко имеют крупные размеры, достигая в высоту 40 см и по диаметру горла – 48 см, но есть и небольшие: диаметром по венчику 14–25 см и высотой 11–25 см. Преобладают сосуды диаметром по венчику 20–26 и 32 см. Венчики, как правило, немного утолщённые, сильно отогнуты наружу, нередко Г-образные. Прямые и открытые венчики обычно равны по толщине стенкам, имеют небольшие размеры и являются обломками небольших банок и круглодонных чаш. Полностью доминируют горшковидные формы. Днища – плоские, иногда с закраинами, диаметром от 6 до 15 см, но преобладают – 11–12 см. Орнамент на керамике в виде поясков ямчатых вдавлений, насечек, прочерченных линий и нечётких оттисков «гребёнки» встречается нечасто и преимущественно под венчиком. Отмечены оттиски шнура. Этот тип керамики, определённый как поздневолосовский, является наиболее распространённым на памятнике и абсолютно доминирует в заполнении котлованов построек 2–4.

Керамика второго типа имеет коричневый или тёмно-коричневый цвет, обильную примесь раковины, также выщелоченной, и органики. Она более пористая, со стенками толщиной 0,7–1 см, с прямыми или слегка отогнутыми венчиками, округлыми днищами. Орнамент из оттисков «гребёнки» или гладкого штампа покрывает обычно всю внешнюю поверхность и срез венчика (рис. 5). Такая керамика определена как ранневолосовская. Она залежала в восточной части раскопа. Здесь же располагались и её небольшие скопления. В слое жёлто-коричневого песка были расчищены развалы поздневолосовских сосудов. Они дают представление о формах и пропорциях данного типа посуды (табл. 2).

Развал № 2 представлен большей частью днища и стенки, найден над котлованом жилища 3 (рис. 3: 6). У развала № 3, несмотря на обнаруженные крупные части стенок, фрагменты венчика маленькие, днище отсутствует, что не позволяет определить его размеры (рис. 3: 1). Сосуд № 8, судя по профилировке придонной части, видимо, был несколько асимметричным, с замятым боком (рис. 3: 4). На границе слоя жёлто-коричневого песка и заполнения около выхода из жилищного котлована 3 было расчищено скопление фрагментов, включая обломки венчика и днища, одного сосуда (рис. 3: 5). Дно – диаметром около 10–12 см, венчик отогнутый, диаметром 28–30 см, высота около 25 см, толщина стенок 0,7–0,9 см. Следует отметить развал орнаментированного по венчику и тулову оттисками гребенчатого штампа небольшого сосуда № 10 (рис. 3: 11). Большой, сильно фрагментированный сосуд № 12 залегал в верхней части слоя жёлто-коричневого песка, почти на границе с подзолом, на краю котлована жилища 4. Орнаментирован под венчиком пояском из овальных вдавлений (рис. 4: 1). В этом же слое над неолитическим жилищем был расчищен развал № 15 неорнаментированного сосуда (рис. 4: 5).

Отдельные ПВ венчики, как правило, сильно отогнуты наружу, не имеют орнамента и хорошо подкрепляют приведённые наблюдения (рис. 3: 3, 7, 9–10, 14; 4: 3–4, 6, 8, 10). Редки баночные и чашевидные формы (рис. 3: 8; 4: 7, 9). Малочисленные фрагменты керамики этой группы имеют орнамент в виде ямчатых вдавлений, насечек, прочерченных линий, оттисков гребенчатого штампа, в одном случае – шнура (рис. 3: 11–13, 15; 4: 1–2, 15–16). Отметим фрагмент, украшенный пересекающимися полосами мелких ямчатых вдавлений, на внутренней стороне которого есть кремнёвая чешуйка, не удалённая в процессе изготовления сосуда (рис. 4: 15). Днища – плоские (рис. 3: 4–6, 11; 4: 1, 5, 11–14). Особый интерес представляет днище толщиной

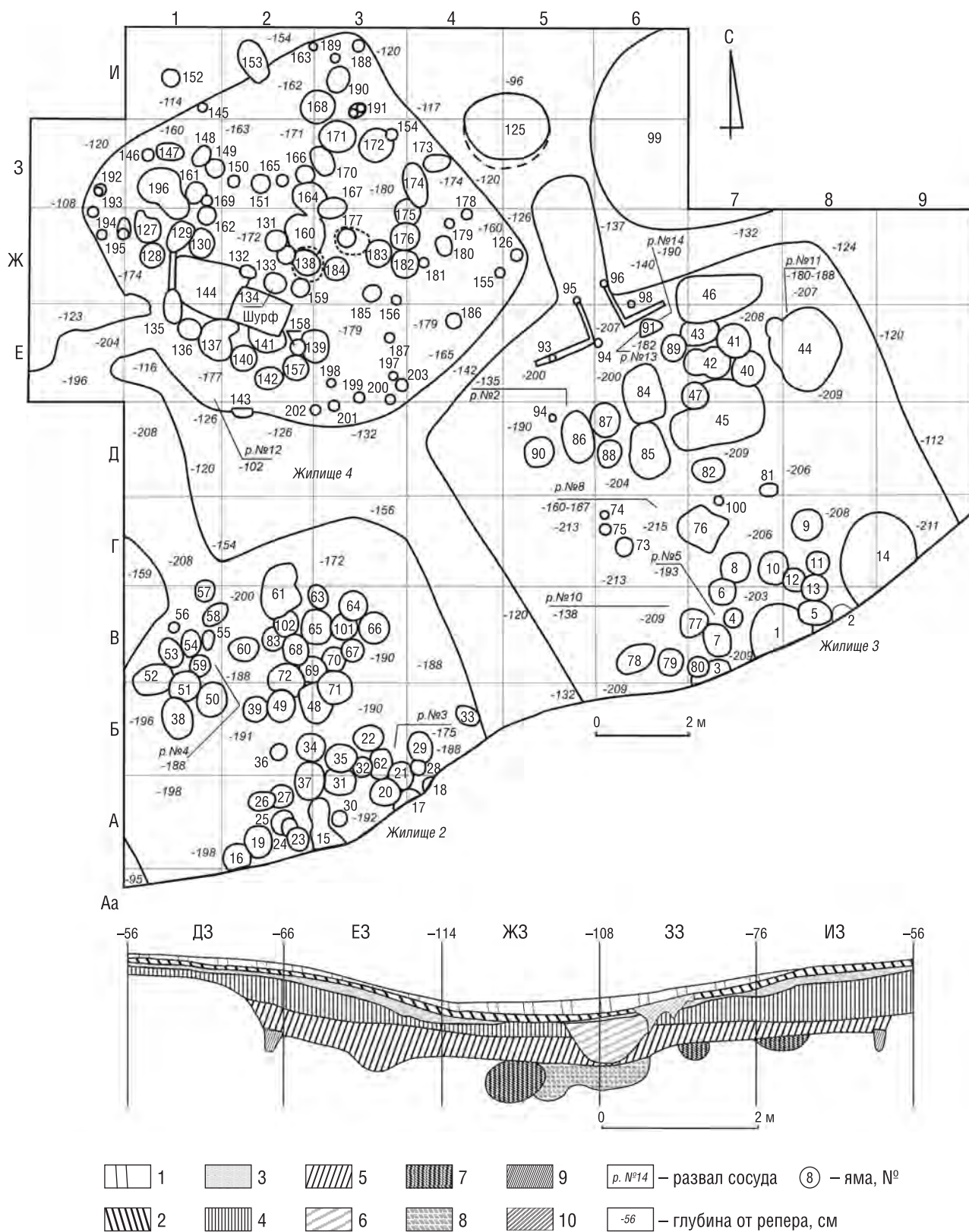

Рис. 2. Поселение Сутырское V. Жилища 2–4 поздневолосовского комплекса. Профиль жилища 4 (описание слоёв – в тексте)

Таблица 1. Распределение находок в культурном слое поселения, в заполнении жилищ и ям

Изделие / слой	Балласт, дёрн, подзол	Жёлто-коричневый песок	Заполнение жилища 2/ям в жилище 2	Заполнение жилища 3/ям в жилище 3	Заполнение жилища 4/ям в жилище 4	Всего:
Гончарная керамика	52 фр. + 10 скопления	67 фр. + 2 скопления	1/0	3 фр. + 1 скопление / 2 фр.	1/0	126 фр. + 13 скопления
Балановская керамика	–	1 развал	–	–	–	1 сосуд
Керамика поздневоло-совская	251 фр. + 1 скопление	467 фр. + 2 скопления + 4 развала	61 фр. + 1 развал / 154 фр.	325 фр. + 4 развала / 545 фр.	93 фр. + 2 скопления / 102 фр.	1998 фр. + 9 развалов + 5 скоплений
Керамика ранневоло-совская	23 фр.	45 фр. + 5 скоплений	1/0	1/0	–	70 фр. + 5 скоплений
Ямочно-гребенчатая керамика	45 фр.	151 фр. + 1 скопление + 1 развал	3/0	0/1	7/2	209 фр. + 1 скопление + 1 развал
Накольчатая керамика	107 фр. + 1 скопление	86 фр.	3/0	1/1	–	198 фр. + 1 скопление
Глиняные фигурки	–	2	–	–	–	2
Капли меди	–	–	0/4	1/12	–	17
Шлаки	–	–	–	0/14	1/0	15
Фрагменты литейных форм и тиглей	11	10	0/2	41/160	–	224
Фрагменты керамической обмазки (трубочек)	–	–	1/2	0/42	1/3	49
Обточенные стенки сосудов (кружки)	–	7	2/6	4/21	2/5	47
Отщепы и осколки кремня	208	171	2/14	96/118	8/35	652
Отщепы кварцита	1	–	0/3	0/14	0/13	31
Осколки зернистых пород камня	20	30	8/9	13/18	1/1	100
Отщепы с ретушью	26	30	1/1	15/11	2/2	88
Ножевидные пластины	9	11	1/0	1/0	–	22
Ножевидные пластины с ретушью	3	3	–	–	–	6
Продольные и поперечные сколы	6	–	–	0/4	–	10
Резцы на ножевидных пластинах	1	–	–	–	–	1
Резцы на отщепах и сколах	4	2	1/0	–	–	7
Скребки	15	21	0/1 кварцит	3/6	–	46
Ножи	2	8	1/0	7/2 + 1 кварцит	–	21
Острия	2	4	0/1	1/0	–	8
Наконечники	4	6	–	0/3	–	13
Рубящие орудия	4	5	1/0	0/1	1/0	12
Пилки	1	1	–	–	–	2
Ретушеры	3	3	–	4/3	–	13
Абразивы	1	–	–	1/0	–	2
Грузила	–	3	–	–	1/0	4
Молотки	–	2	3/0	6/2	0/1	14

Таблица 1 (окончание)

Изделие / слой	Балласт, дёрн, подзол	Жёлто-коричневый песок	Заполнение жилища 2/ям в жилище 2	Заполнение жилища 3/ям в жилище 3	Заполнение жилища 4/ям в жилище 4	Всего:
Обломки орудий и заготовок	1	–	–	2/0	–	3
Нуклеусы и нуклеидные куски	1	5	0/1	2/0	1/0	10
Кальцинированная кость	10	1	7/6	0/10	0/7	41
Всего:	811 единиц, 12 скопленных керамики	1141 единица, 10 скопленных керамики, 6 развалов сосудов	97 единиц, 1 развал сосуда / 204 единицы	527 единиц, 1 скопление керамики, 4 развала сосудов / 991 единица	119 единиц, 2 скопления керамики / 171 единица	4061 единица, 25 скопленных керамики, 11 развалов сосудов

Таблица 2. Основные характеристики и местонахождение развалов сосудов первого и второго типов

№ развала	Диаметр венчика, см	Диаметр днища, см	Высота, см	Толщина стенок, см	Место нахождения
2	–	12	–	0,5–0,6	Жёлто-коричневый песок
3	–	–	–	0,7–0,8	Жёлто-коричневый песок
4	32,5	–	–	0,4–0,6	Жилище 2
5	28	11	28–30	0,5–0,7	Жилище 3
8	31	6	30–32	0,5–0,7	Жёлто-коричневый песок
10	14	7	11	0,5–0,6	Жёлто-коричневый песок
11	40–45	–	48	0,6–0,8	Жилище 3
12	38	12	33	0,5–0,7	Жёлто-коричневый песок
13	26–28	32–34	–	0,6–0,9	Жилище 3
14	26	26	–	0,5–0,6	Жилище 3
15	24	11	23–25	0,6–0,8	Жёлто-коричневый песок

1,5 см, диаметром 10,5 см, снабжённое просверлённым снаружи отверстием диаметром с внешней стороны 1 см (рис. 4: 11). Маленький фрагмент дна с аналогичным отверстием был найден и в заполнении жилища 3. В пределах слоя обнаружены изделия из стенок сосудов (рис. 10: 32–37). Из них три – целые с просверлёнными отверстиями (рис. 10: 33–34, 37): два – округлые, одно, диаметром 5,5 см, имеет форму, близкую к восьмиугольной (рис. 10: 34). Есть ещё два обломка кружков с отверстием в центре (рис. 10: 35–36) и фрагмент, видимо, квадратного изделия (рис. 10: 32). Интересен фрагмент ПВ керамики с выточенными на внешней стороне углублениями (рис. 10: 38). Ещё один, перекалённый фрагмент ПВ сосуда, светло-серого цвета, хрупкий, покрытый мелкими трещинами, надрезанный с внешней стороны и затем обломанный, может быть поставлен в связь с плавкой металла (рис. 4: 17).

Ранневолоховская керамика представлена 45 отдельными фрагментами сосудов и 5 скоплениями. Керамика из скоплений позволила выполнить частичные реконструкции сосудов. Она в целом характеризуется толщиной стенок 0,6–0,9 см, пористой фактурой из-за выгоревших органических примесей, преобладанием орнаментации, выполненной короткими гребенчатыми и гладкими штампами (рис. 5). Все отдельные обломки орнаментированы. Отметим скопление фрагментов круглого днища светло-коричневого цвета толщиной до 1,5 см (рис. 5: 10). Орнамент, сильно затёртый в нижней части, был нанесён коротким гребенчатым штампом. Второе скопление состояло из обломков верхней части прямостенного сосуда со стенками толщиной 0,7–0,8 см и диаметром 34 см. По срезу венчика располагаются пальцевые вдавления, по тулову нанесены горизонтальные ряды коротких гребенчатых оттисков. К третьему ряду примыкают диагональные ряды оттисков угла того же штампа (рис. 5: 1). Третье – скопление фрагментов придонной части сосуда диаметром не менее 30 см, высотой около 28 см. Сосуд – с отогнутым наружу, несколько деформированным венчиком, округлым дном, украшен горизонтальными рядами коротких гребенчатых оттисков, включая срез венчика и днище (рис. 5: 2). Четвёртое скопление керамики – также верхняя часть сосуда диаметром 30 см, толщиной стенок 0,6–0,8 см. На тулово нанесены разреженные горизонтальные ряды оттисков короткого гребенчатого штампа, ими же украшен и срез венчика (рис. 5: 3). Отметим мотивы горизонтального

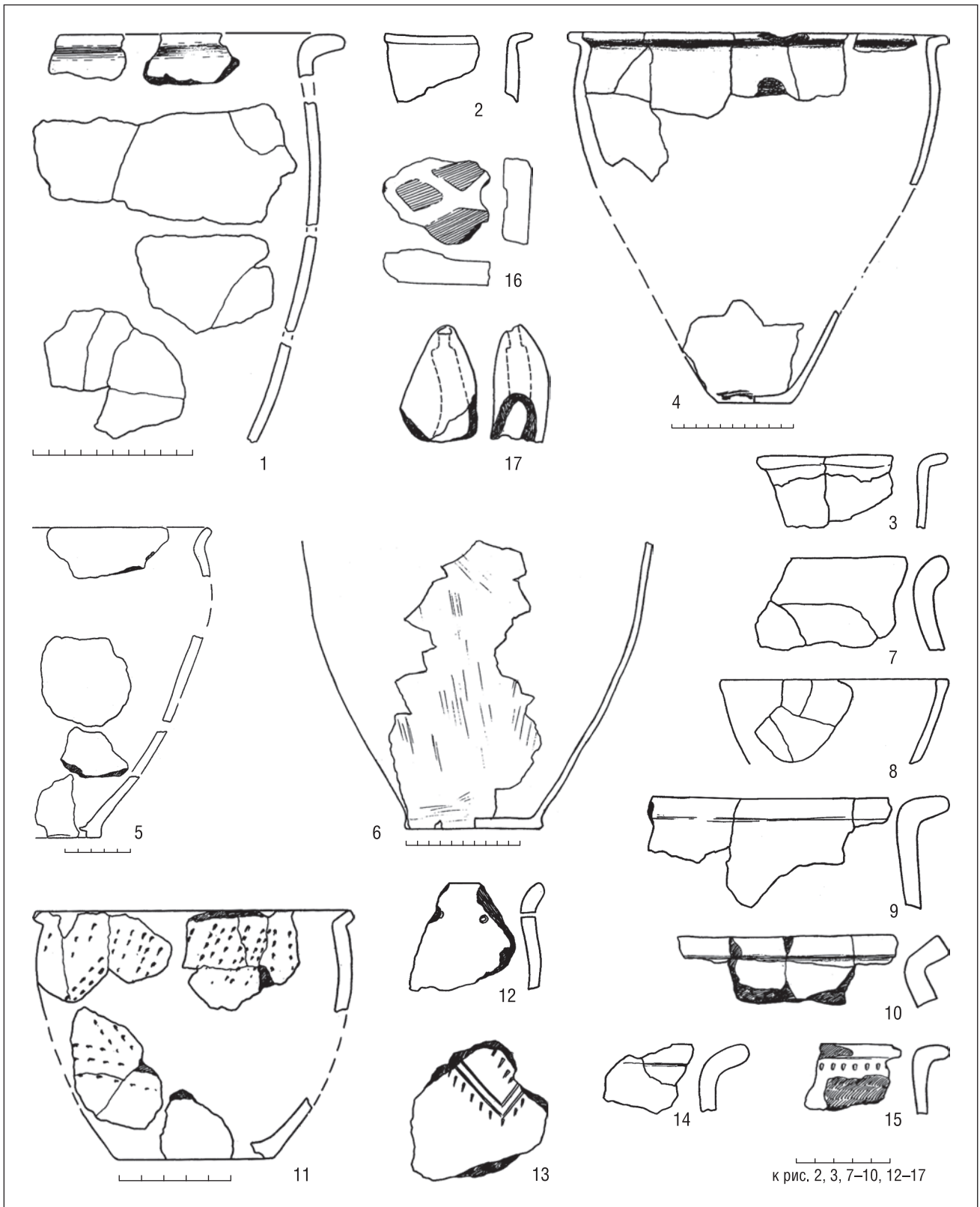

Рис. 3. Поселение Сутырское V. Керамические материалы из слоя жёлто-коричневого песка. Поздневолосовская керамика (1-15), фрагменты литейных форм (16-17)

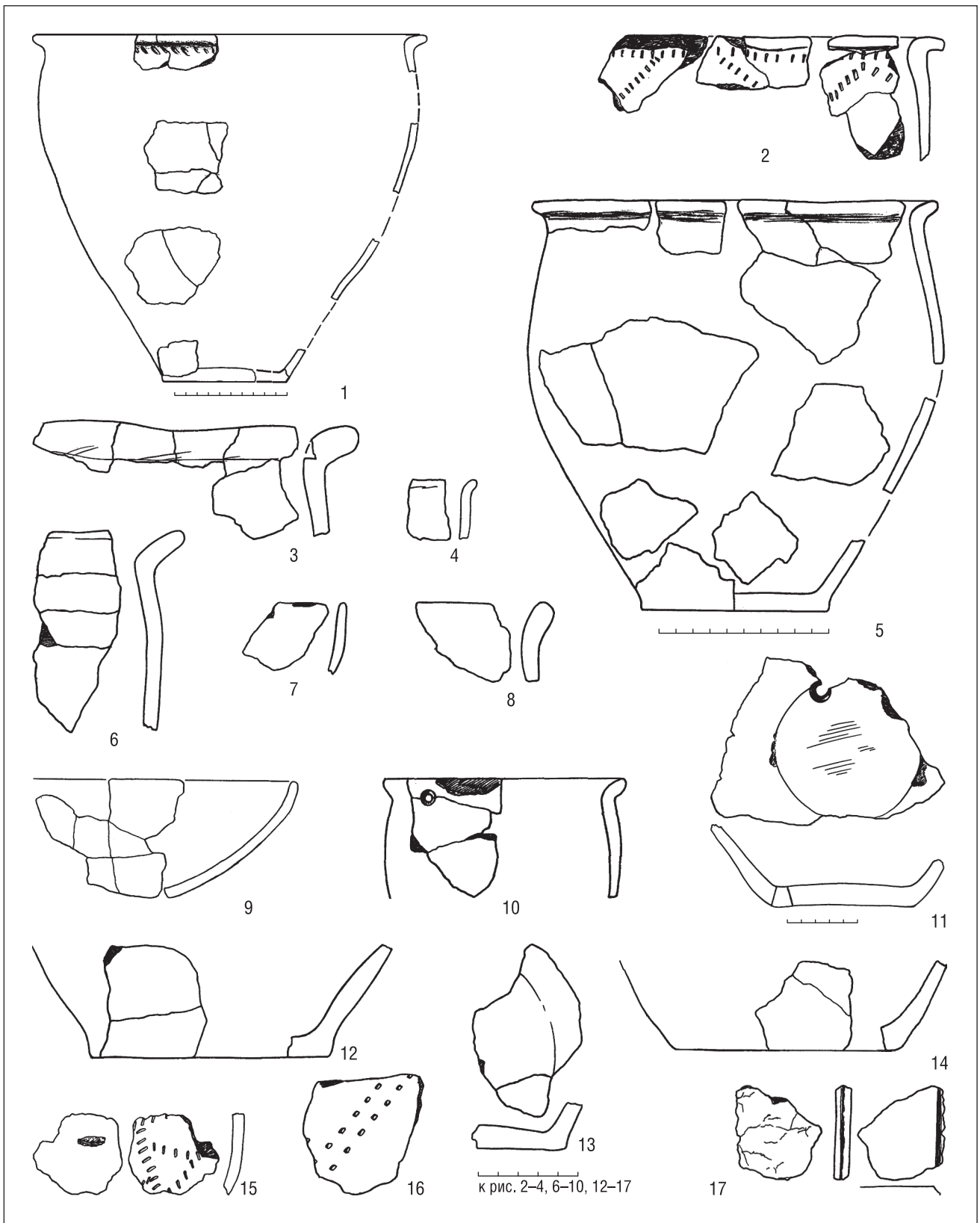

Рис. 4. Поселение Сутырское V. Поздневолосовская керамика из слоя жёлто-коричневого песка

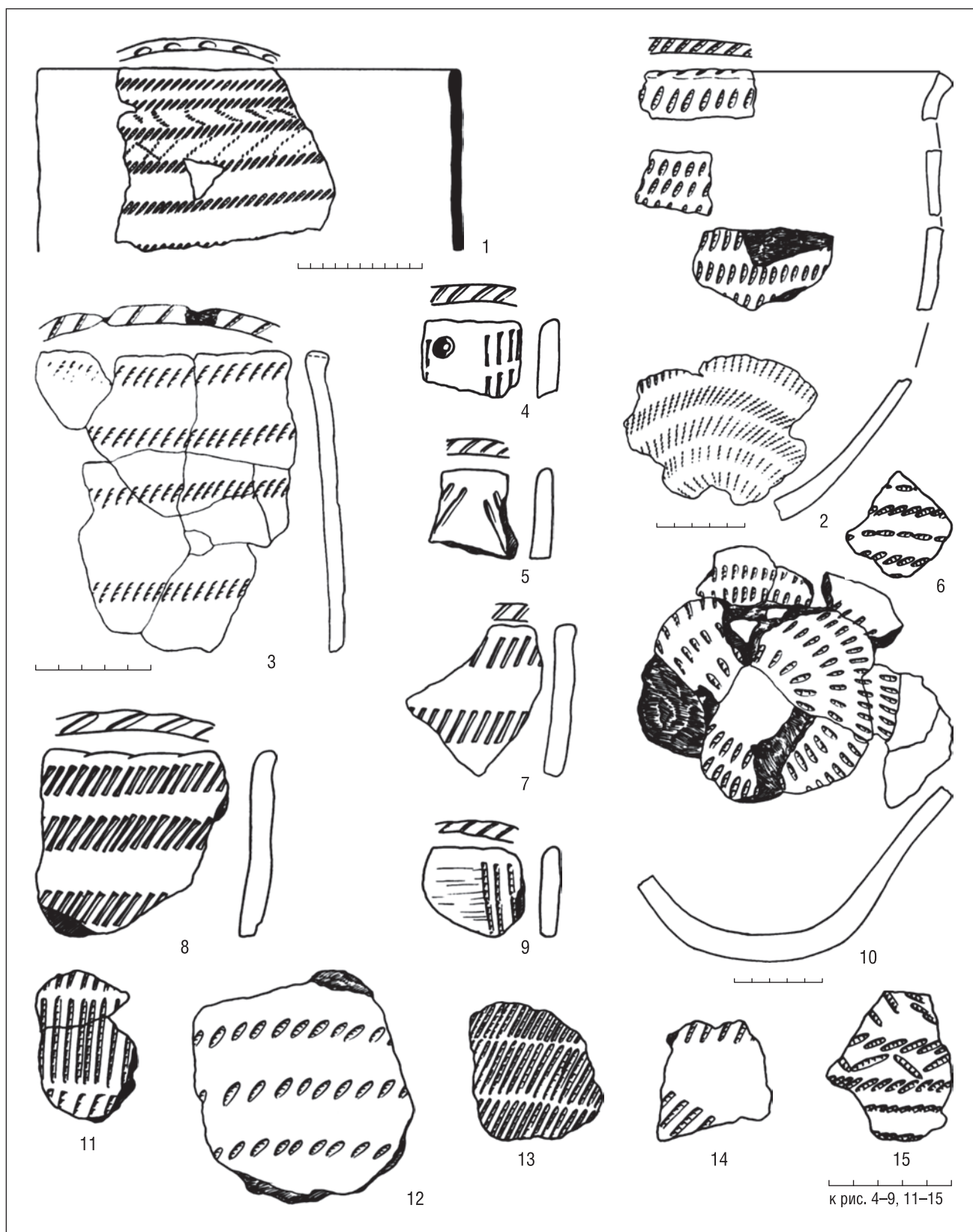

Рис. 5. Поселение Сутырское V. Ранневолосовская керамика из слоя жёлто-коричневого песка

зигзага и полос, горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа (рис. 5: 6, 15). Один фрагмент венчика и 2 – стенка украшены гребенчатым штампом средней длины (рис. 5: 9, 11, 13). Фрагменты 4 сосудов орнаментированы гладким штампом (рис. 5: 4–5, 7–8). Сосуды с венчиками простых форм, округлыми днищами, украшенные по всему тулову, в целом соответствуют керамике ранних комплексов типа Майданская стоянка [7, с. 129–145].

Особый интерес представляют находки 10 фрагментов тиглей и литейных форм, из которых более крупные дают некоторое представление о выплавленных изделиях. Отметим обломок плоской массивной формы. Её характеристики – плотное тесто, хорошо заглаженная поверхность, красновато-коричневый цвет, внутренняя поверхность серого цвета, толщина до 1,6 см, в месте негатива – 1,2 см (рис. 3: 16). Ещё один плоский керамический обломок литейной формы имеет толщину до 1,4 см (рис. 9: 49). Видимо, формы предназначались для отливки сложных прорезных предметов. Частью литейной формы является конусовидный керамический фрагмент с продольным ступенчатым отверстием (рис. 3: 17). Плотной фактурой характеризуются и 2 фрагмента венчиков тиглей. Первый имеет значительную толщину – до 3 см (рис. 9: 29). Не исключено, что он является частью поддона тигля сложной формы. Второй – диаметром 10 см, имеет толщину 0,8–1,2 см и сужающуюся на конус форму (рис. 9: 30). Каменный инвентарь частично рассмотрен ранее [6]. Изделия из коричневого кремня сопоставлены с накольчатой керамикой. Малочисленные орудия из серовато-белого кремня предварительно поставлены в связь с ямочно-гребенчатой керамикой. С позднего-лосовской керамикой определённо связаны кремнёвые изделия из малоценного окатанного и «загорелого» галечного кремня. Морфологически завершенных изделий – единицы, вторичная обработка – небрежная, преобладают отщепы с ретушью. Стоит отметить сланцевую пилку (рис. 10: 27), миниатюрный молоточек с намеченным перехватом и зашлифованным бойком (рис. 10: 28), рубящее орудие из кварцита (рис. 10: 29), абразив (рис. 10: 30), крупное расколотое грузило, обломки которого в дальнейшем использовались самостоятельно (рис. 10: 31).

Для характеристики полученных комплексов наибольшее значение имеют материалы, происходящие с уровня пола сооружений и из ям. Рассмотрим остатки сооружений и залежавшие там материалы подробнее.

Жилище 2 хорошо фиксировалось по разрезу в обрыве, поэтому проблем с определением З и В краёв котлована не было (рис. 2). Однако заполнение этого сооружения было слабо выражено, характеризовалось наличием затёков гумуса по корневищам растений, линзами подзола, бурыми железистыми образованиями. Границы заполнения котлована определились как в плане, так и в профиле только на уровне материка, отличаясь от него и от слоя жёлто-коричневого песка серо-бурым оттенком, несколько большей влажностью и рыхлостью структуры. Разборка заполнения котлована велась от центра к краям. Это позволило определить борта, в том числе слабо выраженный СВ борт и нарушенный поздними перекопами ЮЗ борт. Был выявлен выход-переход в СЗ направлении шириной у основания 1,2 м, соединяющий жилище 2 с жилищами 1 и 4.

Интенсивность серо-бурого цвета заполнения в пределах жилища 2 не была одинаковой. Более ярко оно было окрашено на СЗ участке котлована. Котлован был хорошо выражен в этой части. Высота почти вертикального борта достигала 80 см. Восточный борт был более пологим, возвышаясь над дном до 25 см, западный край частично остался за пределами раскопа, к тому же здесь отмечены следы поздних перекопов. Глубина котлована здесь составляла до 100 см, дно – ровное с плавным понижением к центру. Жилище было сориентировано по оси ССЗ–ЮЮВ, общие очертания – четырёхугольные с закруглённым СВ углом. Ширина составила до 8 м, длина сохранившейся части – 6,5 м и, судя по параллельным бортам, была не менее 8 м. Артефакты, собранные при расчистке заполнения, были немногочисленными (табл. 1). От общего количества керамики ПВ составляет 89 %. В нижней части заполнения залегал развал сосуда № 4 (рис. 6: 1). Цвет – коричневый с светлыми и тёмными пятнами, заметны остатки раковинной примеси, поверхность заглажена. Диаметр – 32,5 см, толщина стенок – 0,4–0,6 см. Венчик отогнут наружу, орнамент выполнен длинным крупнозубым штампом и представляет собой заполненные ромбические фигуры. Кроме этого сосуда, вся остальная керамика этой группы, полученная с уровня пола жилища, не орнаментирована (рис. 6: 2–6). Днища – плоские, диаметр одного из них – 12 см (рис. 6: 3–4).

Каменный инвентарь насчитывает 25 предметов, среди которых 11 кремнёвых отщепов без подработки, 1 отщеп с ретушью, 1 пластина, некремнистых пород – 8 осколков. Орудия представлены обломком долота, изготовленного из бело-серого кремня (рис. 6: 12), ножом с двусторонней краевой ретушью по закруглённому лезвию и массивным обушком на «загорелом» кремнёвом сколе, резцом на отщепе. Интерес представляют два целых молотка (рис. 6: 10–11) и обломок третьего. Первый изготовлен из красноватого мелкозернистого камня. Его длина 6,4 см, ширина 4,7 см, толщина 3,4 см, оба бойка тщательно отшлифованы, боковые грани с выемками для крепления обработаны пикетажем, затем пришлифованы. Второй, изготовленный из того же материала, что и первый, – длиной 9 см, шириной 7 см, толщиной 4,3 см. Он более массивный, с зауженным обушком и ровной рабочей частью. Боковые грани также имеют выемки для крепления, обработаны пикетажем и затем пришлифованы. Найден обломок шлифованного бойка ещё одного молотка (или обушка топора), изготовленного из зернистого зеленоватого камня. Отметим обломки 2-х керамических дисков диаметром около 5 см и обломок керамической трубочки (рис. 6: 7–9).

Ямы, выявленные на дне котлована, дают некоторые возможности для изучения конструкции жилища. Ямы 30, 56 и, возможно, яма 36, располагавшиеся по продольной оси жилища, являются столбовыми. Об этом свидетельствуют их небольшие диаметры (30, 20, 35 см), характер заполнения и, за исключением ямы 36, большая глубина, достигающая 51 и 45 см, а также приотрешенное дно. Они позволяют предположить двускатную кровлю, достигающую длинных бортов жилища с З и В. Отсутствие столбовых ямок по пери-

метру котлована жилища 3 делают это предположение вполне вероятным. Несмотря на то, что придонное заполнение котлована разбиралось зачистками, следы выраженного очага с прокалом не обнаружены, но в пределах котлована отчётливо определились два скопления ям. Наличие этих скоплений можно объяснить тем, что постоянно действовали 2 очага и около них располагались приочажные хозяйственные сооружения. Ямы как северного, так и южного скоплений часто прорезают друг друга, что свидетельствует об их разновременности. Наличие капель меди в ямах 27, 38, 58, обломка литейной формы в яме 34, своеобразных керамических трубок (или кусков обмазки) в ямах 31 и 58 может свидетельствовать о металлоплавке, производившейся непосредственно в пределах жилища: и в С, и в Ю его частях. Своеобразен собранный в жилище 2 на уровне пола и в заполнении ям инвентарь. Среди находок преобладает керамика, хотя и её мало (рис. 6: 13–22). Отметим фрагменты керамических дисков с отверстиями (рис. 6: 23–25), фрагмент с недо-сверлённым отверстием (рис. 6: 27), фрагмент керамики с обточенными краями (рис. 6: 26). Кремнёвые и из других пород камня орудия малочисленны, изготовлены, как правило, небрежно, среди них – кремнёвый отщеп с ретушью, кварцитовый отщеп, резец на кремнёвом отщепе (рис. 6: 31–33). Морфологически завершённых орудий единицы. В качестве заготовок часто использовались окатанные осколки кремня с сильным «загаром». Вместе с тем каменные молотки как будто подтверждают развитие металлообработки и объясняют деградацию кремнёвой индустрии.

Разрушившийся край котлована жилища 3, так же как и в случае с жилищем 2, помог с определением его З и В краёв (рис. 2). Заполнение этого сооружения было выражено не везде отчётливо, местами оно мало отличалось от жёлто-коричневого песка. Ситуация несколько осложнялась наличием железистых образований. В целом от материка и от слоя жёлто-коричневого песка заполнение отличалось более тёмным серо-бурым оттенком и мелкими углистыми включениями. Высота бортов котлована была неравномерной, достигая 80–90 см (СВ борт), 60 см (С борт и около выхода), 50–60 см (СЗ борт) и 50 см (ЮЗ борт). Заполнение котлована разбиралось горизонтальными зачистками от центра к краям.

В заполнении жилища 3 найдены 369 фрагментов керамики, из которых 325 – поздневолосовской, что составляет 88 % и однозначно определяет культурную принадлежность данной постройки. Кроме того, это даёт возможность связать с ПВ керамикой каменный инвентарь и предметы, относящиеся к обработке металла. В нижней части заполнения котлована был расчищен развал сосуда № 5 с сохранившимися крупными частями, высотой примерно 28–30 см, диаметром по венчику 28 см, со стенками толщиной 0,5–0,7 см. Венчик отогнут наружу, орнамент отсутствует. Днище – плоское, диаметром 11 см (рис. 7: 5). Интересно скопление сильно прокалённых (до появления серого цвета и сети мелких трещин) фрагментов верхней части крупного сосуда диаметром около 40 см, с отогнутым наружу венчиком, со стенками толщиной 0,7 см (рис. 7: 2). Отметим развал большого сосуда (№ 11) высотой примерно 40–45 см и диаметром по венчику 48 см (рис. 7: 1), который залегал в нижней части заполнения над ямой 44. Над ямой 91 располагались обломки двух сосудов: № 13 (рис. 7: 4) и № 14. Сосуд № 13 был сильно фрагментирован, но удалось установить его диаметр по венчику – 32–34 см и высоту – 26–28 см. Цвет верхней части сосуда – коричневатый, но фрагменты стенок нижней части сильно прокалены (до серого цвета), хрупкие. Поверхность заглажена мягким предметом, толщина стенок – 0,6–0,9 см. Венчик отогнут наружу, днище и орнамент отсутствуют (рис. 7: 4). Крупный фрагмент стенки содержит горизонтальный надрез глубиной до 0,4 см, видимо, нижняя часть сосуда была отделена от верхней и использовалась самостоятельно. Подтверждает это предположение и ещё один ошлакованный и аналогичным образом прорезанный фрагмент (рис. 7: 8), найденный также в жилище 3. Подобный фрагмент был обнаружен и в слое жёлто-коричневого песка (рис. 4: 17). Использование крупных обломков бытовых сосудов в качестве плавильных чаш, как представляется, находит подтверждение и в других ошлакованных фрагментах из заполнения этого жилища (рис. 7: 6). Привлекает внимание местонахождение сосуда № 13 над ямой 91, где были обнаружены обломки тиглей и литейных форм. От сосуда № 14 сохранились подбирающиеся фрагменты от венчика до места сужения тулова при переходе к придонной части. Его диаметр – 26 см, высота – приблизительно 26 см, толщина стенок – 0,5–0,6 см, венчик сильно отогнут наружу, днище и орнамент отсутствуют. Остальные фрагменты венчиков вполне соответствуют описанной посуде. Как и найденные ранее, фрагменты донных частей сосудов представлены плоскими формами диаметром 10–14 см. На двух фрагментах стенок был отмечен орнамент из отрисков длинного гребенчатого штампа и овальных вдавлений. Представляют интерес заготовка и целые керамические диски, два из них имеют не только округлые, но и прямые сточенные участки рёбер (рис. 8: 1–3). Незавершённой заготовкой такого диска, видимо, является фрагмент керамики с недосверлённым отверстием (рис. 7: 7). Маленький керамический диск овальной формы, длиной 3,3 см, шириной 2,8 см, без отверстия сильно сточен по периметру и, скорее всего, применялся как абразив (рис. 8: 3). Ещё 2 таких диска с отверстиями имеют следующие размеры: диаметр первого – 3,4 см, у второго длина – 4,2 см, ширина – 3 см.

Большой интерес представляет 41 фрагмент тиглей (рис. 9: 25–27) и литейных форм. Внутренняя поверхность литейных форм часто серого цвета, видимо, от соприкосновения с расплавленным металлом. Обломки литейных форм имеют, как правило, небольшие размеры и не дают чёткого представления о выплавленных предметах. Для них характерны тщательно заглаженная внешняя поверхность и наличие рельефа на внутренней стороне. Подтверждением плавки металла является найденный на полу постройки слиточек меди (рис. 7: 11).

Каменные орудия представлены 6 молотками и обломками молотков, изготовленных из зернистых пород камня. Первый – из крупнозернистой породы камня, длиной 6,3 см, шириной 5,8 см, толщиной 4,9 см (рис. 8: 22) – не имеет боковых выемок для крепления к рукояти, на торце шлифовкой выровнен небольшой

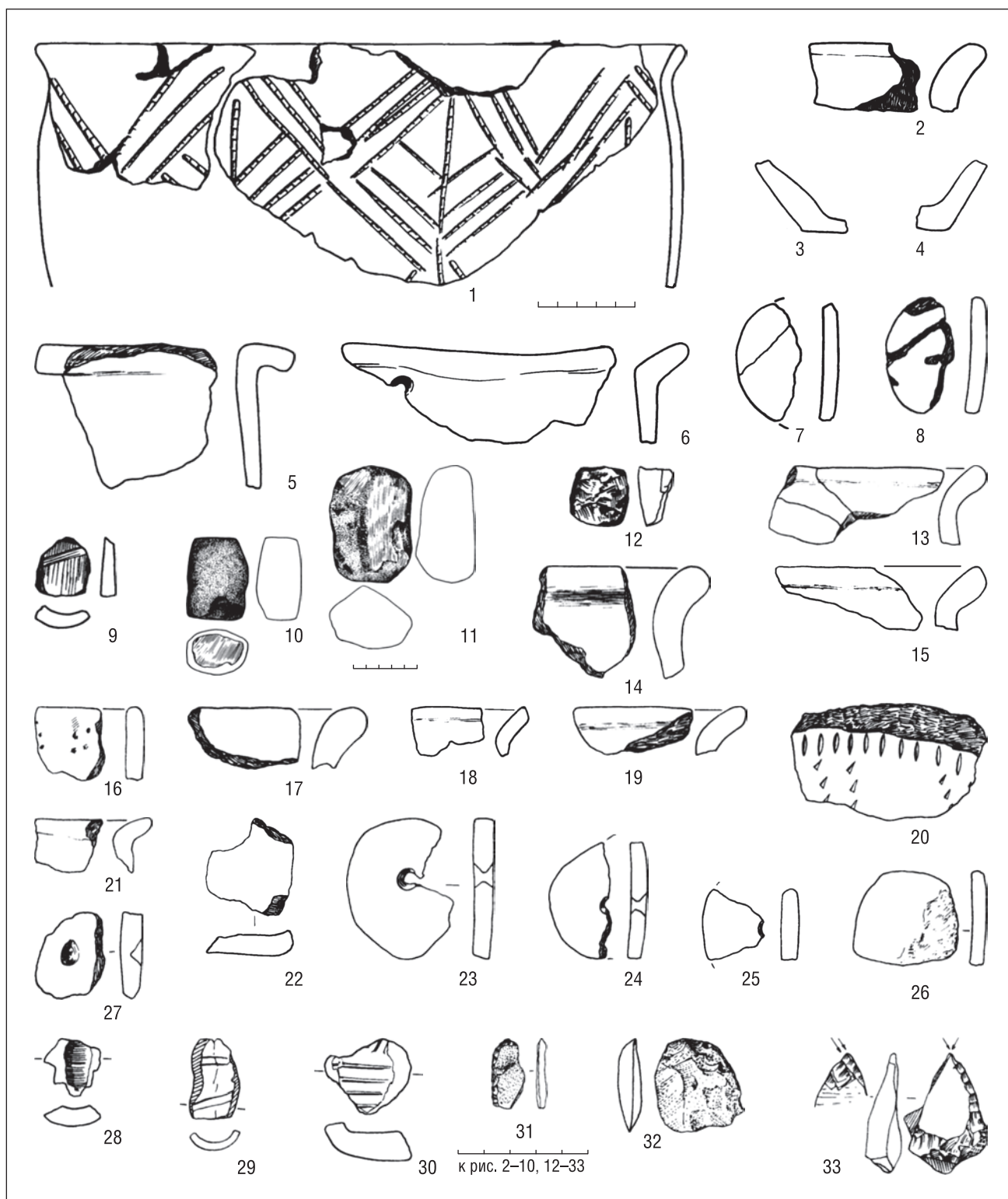

Рис. 6. Поселение Сутырское V. Материалы из заполнений жилища 2 (1-12) и ям в жилище 2 (13-33):

1-6 – фрагменты сосудов; 7-8 – изделия из стенок сосудов; 9 – фрагмент трубочки или обмазки;
 10-11 – молотки, 12 – обломок долота; 13-22 – фрагменты позднеолесовских сосудов; 23-27 – изделия из стенок сосудов;
 28-29 – трубочки (обмазка); 30 – обломок литевой формы; 31 – отщеп с ретушью; 32 – скребок; 33 – резец.
 1-9, 13-30 – керамика; 10-11 – крупнозернистые породы камня; 12, 31, 33 – кремень; 32 – кварцит

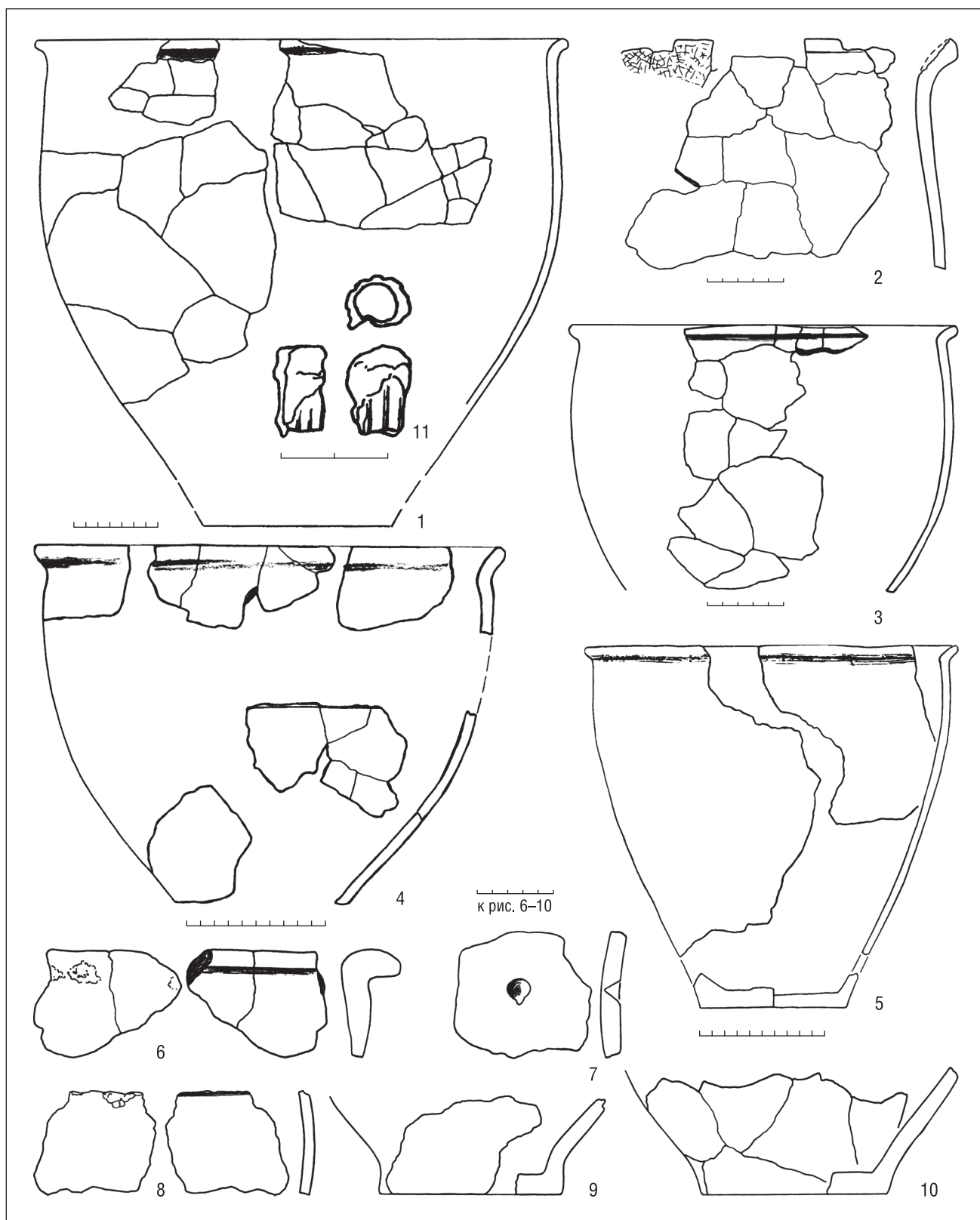

Рис. 7. Поселение Сутырское V. Материалы из заполнения жилища 3.
Керамика (1-10), медь (11)

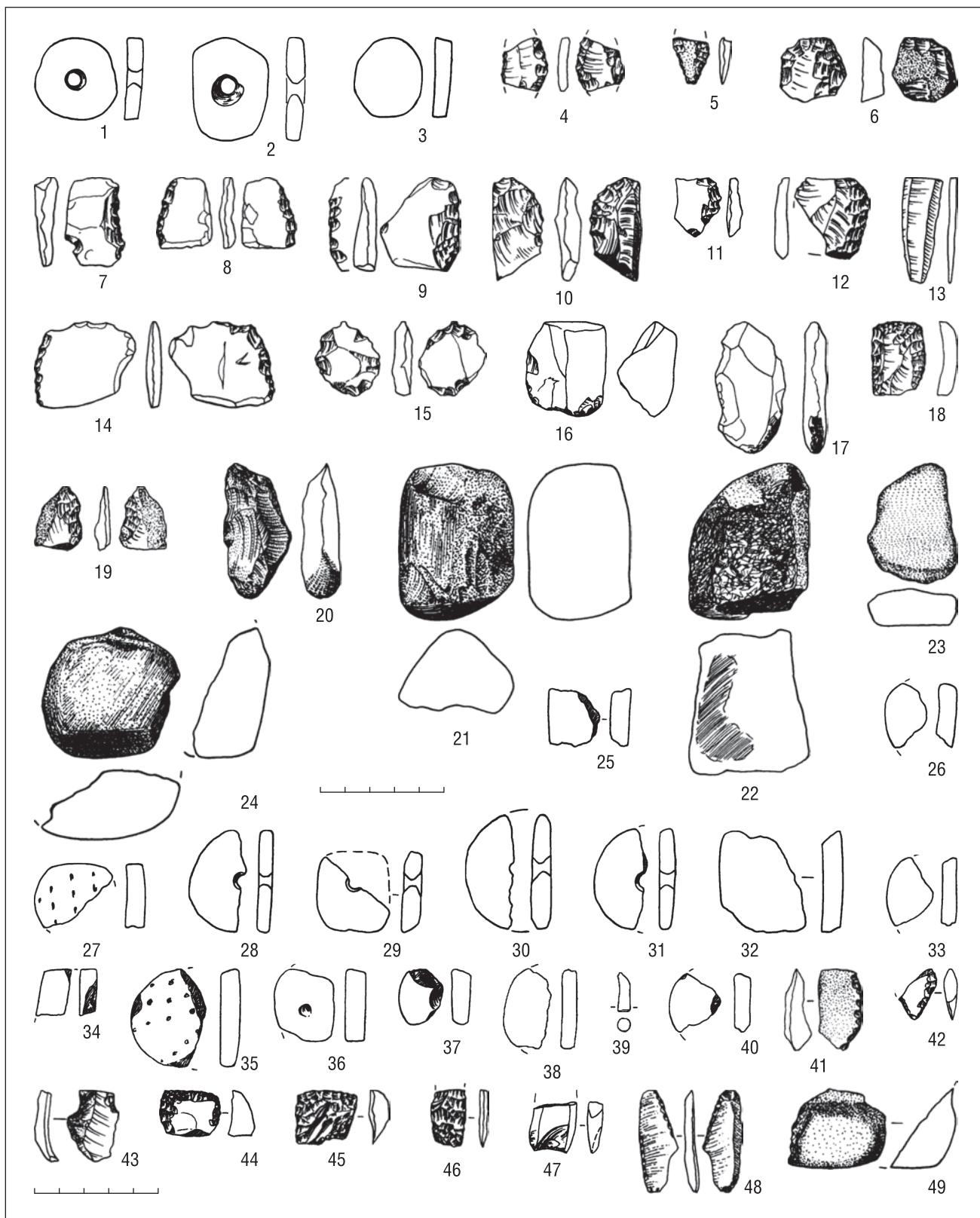

Рис. 8. Поселение Сутырское V. Материалы из заполнений жилища 3 (1–23) и ям в жилище 3 (24–49). Керамика (1–3, 25–40), кремль (4–19, 41–47), кварцит (20, 21, 48), зернистые породы камня (22, 24, 49), песчаник (23)

участок. Второй изготовлен из серого зернистого камня, обработан с применением пикетажа и представлен крупным обломком средней части. Третий сделан из серого кварцита. Его размеры: длина 6,5 см, ширина 4,7 см, толщина 3,3 см, сечение – треугольное, боёк (3,7×1,7 см) хорошо зашлифован (рис. 8: 21). Обломок четвёртого – из плотного зернистого камня зелёного цвета – хорошо зашлифован и снабжён выемкой для крепления на боковой грани (рис. 8: 24). Найдены два обломка крупного молота, имевшего округлую форму, длину 10,8 см, ширину 10,4 см, толщиной 8 см. Изделие было зашлифовано по окружности, использовалось в работе, раскололось на 2 части, после этого каждая из них находилась в самостоятельном употреблении. Об этом позволяет говорить характерная забитость их торцов. Молотки могут быть поставлены в связь с обнаруженными предметами металлообрабатывающего цикла. Об уровне развития металлообработки косвенно свидетельствует малочисленный и бедный кремнёвый инвентарь. Отметим 2 обломка подромбических наконечников стрел (рис. 8: 4–5), тесловидные орудия (рис. 8: 6, 16), ножи на окатанных и «загорелых» отшепах (рис. 8: 7–12, 14), орудие с нерегулярной двусторонней ретушью (рис. 8: 15), ретушёр (рис. 8: 17), скребок (рис. 8: 18), абразив из песчаника (рис. 8: 23).

Ножевидная пластина (рис. 8: 13) к этому комплексу не имеет отношения и связана с накольчатой керамикой.

Жилище 3 имело прямоугольную с закруглёнными углами форму, ширину – 8,9–9,4 м, длину сохранившейся части – 10,7 м. Выход был устроен в ССЗ направлении, его ширина – 1,3 м, длина – 2,8 м. У основания он был укреплен. Следы крепления сохранились в виде узких ровных канавок шириной до 13 см и глубиной 15 см, заполненных серым песком. Стенки сходились под прямым углом и, судя по небольшому ямкам 93, 94, 95, 96, 98, закреплялись 5 столбиками. Ширина выхода здесь равнялась 60 см. Следы специального крепления бортов котлована не были прослежены, очевидно, кровля опиралась непосредственно на края котлована. Борта с СВ, С, СЗ сторон были более крутыми, высотой до 1 м. В ЮЗ части глубина котлована достигала 0,7 м. Дно жилища было ровным и плавно понижалось к В. На дне постройки располагались 48 ям, которые группировались в основном в С части – 23 ямы и в сохранившемся фрагменте Ю части – 18. Семь ям были приурочены к центральной части котлована (рис. 2). Достоверно определённых как столбовые ям немного. Четыре (92, 74, 75, 76), вытянутые вдоль ЮЗ борта, отстояли от него на 2,2–2,4 м. Одна яма (100) диаметром 20 см располагалась в центре постройки. Пять небольшого диаметра ям были связаны с устройством выхода. Очевидно, ещё несколько ям должны были находиться в разрушенной Ю части постройки. Судя по незначительному количеству находок, с Ю стороны жилища 3 в направлении водоёма располагался ещё один выход, здесь же находились и хозяйственные площадки.

Выраженных очагов и здесь выявить не удалось, возможно, эту функцию выполняли две ямы: 1 и 45. Кроме крупных размеров их объединяет характер заполнения – буро-чёрный песок, наличие мелких кальцинированных костей, перекалённого кремня и керамики, обломков тиглей и литейных форм. Заполнение ям было просеяно, и в ямах 40, 41, 84, 85 были найдены 12 капель меди, в яме 87 – кусочки ошлакованной керамики. Эти ямы, а возможно и ямы 5, 9, 10, 79, 91, видимо, были связаны с плавкой меди, что подтверждается находками фрагментов литейных форм (рис. 9: 1–8, 10, 12, 16), тиглей (рис. 9: 17–28). Наличие крупных фрагментов с расширением в нижней части позволяет предположить, что применялись тигли с поддоном (рис. 9: 18). Зауженная средняя часть тигля могла формироваться для захвата и удержания его во время разлива металла. Основная термическая нагрузка приходилась на верхнюю часть, которая и разрушалась в первую очередь. По негативам на ряде обломков литейных форм можно предположить, что в них отливали кольцевидные или полукруглые прорезные изделия, ножи, кольца (?), лунницы (?), ритуальные фигурки (?). Эти изделия с трудом поддаются интерпретации. Полных аналогов данным предметам найти не удалось, но следы их контакта с расплавленным металлом очевидны. Интересно отметить совместное залегание в ямах обломков тиглей и литейных форм с фрагментами керамических трубочек (рис. 9: 11, 13–15, 38–45). Для керамических трубочек характерны плотное тесто, разная толщина стенок по окружности и по длине, наличие продольных и поперечных полос с внутренней стороны, появившихся при их изготовлении. Видимо, трубочки делали на основе стеблей растений, при обжиге органика выгорала, а трубочки сохраняли характер её поверхности. Иногда внешняя сторона изделий орнаментировалась (рис. 9: 11, 14–15). Наличие орнамента доказывает специальное изготовление трубочек, а нахождение в одних ямах с обломками литейных форм, каплями меди и ошлакованной керамикой, на мой взгляд, позволяет связать их с плавкой меди. Вероятно, керамические трубочки являются частями сопел духовых трубок, необходимых для подачи воздуха в тигель. Ошлакованная, пористая и деформированная керамика сохранилась маленькими фрагментами (рис. 9: 31–37). Она может представлять собой фрагменты тиглей, разрушившихся в результате многократного применения. Медная руда или признаки её наличия на памятнике не выявлены, вероятно, речь должна идти не о металлургии, а о металлообработке. Тигли и литейные формы не находят полноценных аналогов в поздневолосовских и выжумских материалах не только Марийского края [8], но и сопредельных регионов. Наиболее яркие предметы, связанные с плавкой и обработкой меди, обнаружены на поселениях Руткинское [9, с. 74], Уржумкинское [10, с. 31–35] и Ахмыловское II [11, с. 66–67]. Однако там тигли имеют ладьевидную и чашевидную формы и значительно отличаются от соответствующих материалов Сутырского V поселения. Некоторое сходство с сутырскими демонстрируют абашевские тигли с поддоном (ножкой) [12, с. 98–103]. Эта линия аналогий требует специального изучения. Следует отметить многочисленные обломки керамических изделий из стенок сосудов (рис. 8: 25–40). В ямах найден и бытовой инвентарь. Обломки керамической посуды в полной мере обладают отмеченными выше характеристиками. Немногие сосуды орнаментированы прочерченными линиями, прямоугольными и линзовидными вдавлениями, короткими

оттисками гребенчатого штампа, составленными в горизонтальные ряды, зигзаг (рис. 9: 47–48). Необычен прочерченный рисунок на стенке сосуда в виде кольца с прямой чертой (рис. 9: 46). Найдены малочисленный каменный инвентарь и кальцинированные кости (табл. 1). Резкое отличие по ассортименту и количеству перечисленных предметов жилища 3 от жилищ 1, 2, 4 позволяет поставить вопрос о наличии специализации в медеплавильном деле в пределах этого поселения.

Сравнивая жилище 2 и жилище 3, нетрудно заметить и значительное сходство между ними. Оно выражается в общей ориентировке по линии ССЗ–ЮЮВ, расположении выхода и перехода соответственно в одном направлении, примерно одинаковых пропорциях и размерах, группировке ям на С и Ю участках котлованов и расположении там очагов, небольшом количестве столбовых ям. Эта близость усиливается результатом анализа находок. Обе постройки демонстрируют бедность каменного инвентаря, аналогичные керамику и набор металлообрабатывающего комплекса. Считать их исключительно мастерскими нельзя хотя бы ввиду находок бытового инвентаря. Видимо, обе постройки были покинуты запланированно. Косвенно об этом свидетельствует и отсутствие среди находок металлических изделий.

При определении границ котлована 4 возникли те же проблемы, что и при исследовании предыдущих построек. Его заполнение слабо отличалось от жёлто-коричневого песка. Подквадратные контуры котлована проявились на фоне материка (рис. 2). В 3 направлении отходил выход-переход из котлована шириной у основания 70 см и соединялся с выходами-переходами из жилищ 1 и 2. Заполнение котлована было слабо окрашено и по мере углубления отчётливее не становилось. На дне зафиксированы многочисленные ямы. Глубина сооружения у ЮЗ, 3, СВ краёв была около 50 см, СЗ, Ю и ЮВ – около 30 см, размеры – 7,6×7 м.

Находки, сделанные при расчистке заполнения, были малочисленны (рис. 10: 1–14). Поздневолосовская керамика (80 обломков стенок, 6 – венчиков, 7 фрагментов плоских дниц) составила 92 % от общего количества керамического материала. На уровне пола жилища найден развал ПВ сосуда. Венчик слегка отогнут наружу, его диаметр – 32 см, толщина стенок – 0,6 см, венчика – 1 см. Цвет – коричневый, на поверхности и в изломе заметны остатки раковинной примеси, снаружи сосуд заглажен мягким предметом, фрагменты дница отсутствуют. Найдены 2 керамических диска, диаметр первого – 4,3 см, размеры второго – 4,3×4 см (рис. 10: 9–10), 1 кусочек ошлакованной керамики (рис. 10: 12), 1 керамическая трубочка (рис. 10: 13). Орудия представлены маленьким рубящим изделием, изготовленным из кремня (рис. 10: 14). Интересно каменное грузило размерами 18,2×15×7,7 см с выемками для привязывания, выделенными пикетажем, а затем пришлифованными (рис. 10: 31). Заслуживают внимания столь малое число найденных в заполнении котлована каменных орудий, среди которых полностью отсутствуют обычные для жилых построек скрепки, ножи, остря, и очень небольшое количество керамики. Общее незначительное число каменных орудий в этой части поселения, их специфический набор объясняются аналогично таковым в жилищах 2 и 3. Кроме того, нельзя исключать, что пол жилища мог регулярно вычищаться.

Двадцать девять небольших ям (126, 143, 145, 146, 150, 155, 156, 163, 165, 169, 178, 179, 181, 186, 187, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203) диаметром 12–30 см, заполненных серым песком, имеющих приотсрётное или округлое дно, могут быть определены как столбовые. Большая часть их размещалась по краям котлована. Следует отметить вторую цепочку столбовых ям (179, 181, 156, 187), вытянутую вдоль ЮВ борта на расстоянии около 1,8 м от него; ямы другого (хозяйственного) происхождения здесь отсутствовали. Подобная ситуация была выявлена и у СЗ борта. Ямы 195, 169, 150, 165, 191 образуют здесь неровную цепочку второго ряда. Здесь также заметно пространство, не занятое хозяйственными ямами. В качестве очага использовалась трапецевидная яма, расположенная вблизи от выхода, заполненная буро-чёрным песком со следами прокала, с содержимым в виде обожжённых кремней, косточек, керамики. Вплотную к ней с 3 примыкала перегородка, следы от неё сохранились в виде канавки шириной 12 см и глубиной до 24 см. Возможно, очажные функции выполняли и расположенные в центре жилища две крупные округлые ямы 160, 164 с углисто-чёрным заполнением.

Артефакты, полученные из ям жилища 4, малочисленны (табл. 1). Керамический материал представлен развалом сосуда с округлым туловом и стянутым устьем (рис. 10: 22), фрагментами венчиков с отогнутым наружу краем (рис. 10: 15–16), обломками дисков (рис. 10: 17, 19), фрагментами стенок сосудов с пришлифовкой рёбер (рис. 10: 18, 20), 3 фрагментами трубочки (рис. 10: 21). Каменных изделий мало: резец на кремнёвом отщепе (рис. 10: 23), кремнёвая галька с «забитостью», молоток (?) (рис. 10: 24), куски зелёного сланца (рис. 10: 25) и кварцита (рис. 10: 26) с пришлифованными краями, отщепы кремня и кварцита.

Следует отметить значительные отличия в пропорциях, размерах, внутренней планировке, количестве ям, составе находок, среди которых полностью отсутствовали части тиглей и литейных форм, жилища 4 от построек 2 и 3. Однако связь с жилищем 2 подтверждается наличием перехода, а однотипная керамика, керамические трубочки и кружки, сходные по набору, характеру сырья и вторичной обработке каменные изделия позволяют высказать предположение о одновременности существования поздневолосовского посёлка. Видимо, и жилище 1, соединённое переходом с жилищами 2 и 4, с однотипным инвентарём, изученное С.В. Большовым, существовало с ними в одно время.

Вблизи СВ борта жилища 4 расположена крупная яма 125 размерами 175×140 см, глубиной до 96 см, с подбоями с Ю стороны, заполненная буро-чёрным песком, без находок, за исключением керамического кружка, обоченного по краю. Характер заполнения, керамический диск, приуроченность к выходу из жилища 3 и к СВ стенке жилища 4 с большой долей вероятности позволяют отнести эту яму к поздневолосовскому комплексу.

По трём образцам керамики поселения были получены 6 радиоуглеродных дат, приведённых здесь в некалиброванном значении. Первый образец – фрагмент из развала сосуда № 11 (рис. 7: 1), даты: Ki-6300 – 4610±70

Рис. 9. Поселение Сутырское V. Керамические изделия.

Фрагменты: литейных форм (1-10, 12, 16, 49), тиглей (17-30), трубочек (11, 13-15, 38-45); ошлакованная керамика (31-37); фрагменты стенки и венчиков сосудов (46-48)

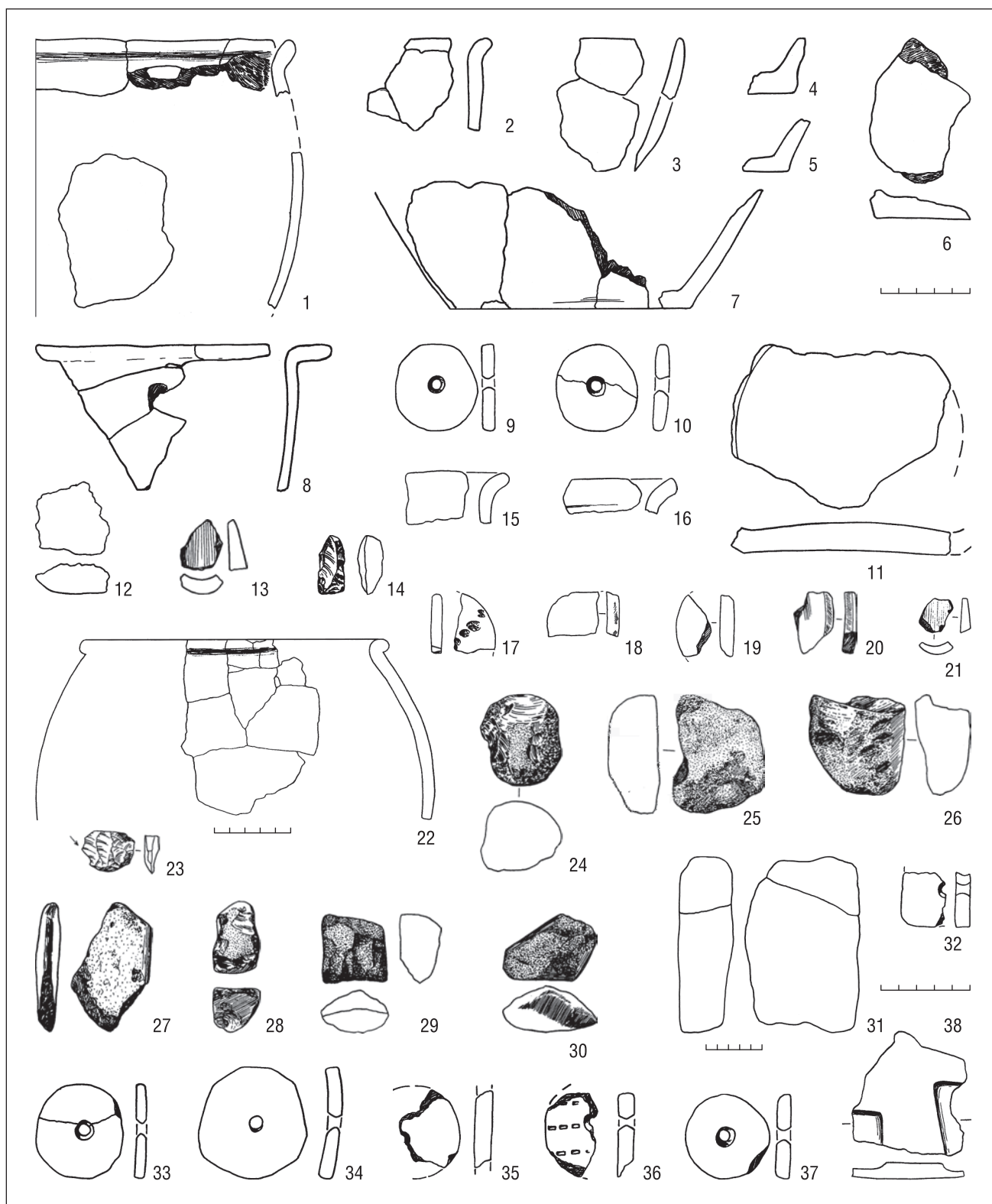

Рис. 10. Поселение Сутырское V. Материалы из заполнений жилища 4 (1–14), ям в жилище 4 (15–31) и из жёлто-коричневого песка (32–38).

Керамика (1–13, 15–22, 32–38), кремль (14, 23, 24, 28), сланец (25, 27, 30), кварцит (26, 29), камень (31)

и Ki-16301 – 4500±70 лет ВР. Второй – плоское днище, даты: Ki-16302 – 4690±80 и Ki-16303 – 4600±70 лет ВР. По третьему образцу – фрагмент из развала № 5 (рис. 7: 5) – получены даты: Ki-16304 – 4710±80 и Ki-16305 – 4650±80 лет ВР. Следует отметить определённое противоречие между датировками, скорее соответствующими волосовским материалам развитого этапа, и очень поздним характером основного комплекса поселения. С.В. Большов отнёс материалы жилища I Сутырского V поселения к поздневолосовскому времени [2, с. 185]. Поздневолосовская керамика первой группы Галанкиной Горы, Кубашевского поселения, первого типа второй группы Юринской стоянки и ряда других, близких Сутырскому V поселению, памятников отнесена В.В. Никитиным к IV (переходному) этапу в периодизации волосовских древностей региона [13, с. 41; 14, с. 66–67]. В дальнейшем наиболее поздние волосовские материалы были детально проанализированы Б.С. Соловьёвым и объединены в выжумский тип. Он пришёл к выводу о том, что они сохраняют общие черты с собственно поздневолосовской керамикой Марийского края, но и отличаются от неё рядом специфических признаков [15, с. 24]. Почти не орнаментированная плоскодонная сутырская керамика типологически соответствует выжумским материалам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин В.В., Соловьёв Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1990.
2. Работы Марийского республиканского музея в зоне водохранилища / С.В. Большов, П.Г. Инягин, А.Ю. Казаков, В.В. Николаев // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. Йошкар-Ола, 1989. (АЭМК. Вып. 15)
3. Сутырское V поселение (раскопки 2000 года) / А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. Йошкар-Ола, 2004. (АЭМК. Вып. 27)
4. Королев А.И. К изучению духовной культуры лесного населения Восточной Европы в неолите – энеолите // Вопросы археологии и истории каменного века. Тверь, 2010.
5. Никитин В.В. Археологическая карта республики Марий-Эл. Йошкар-Ола, 2009.
6. Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитический комплекс Сутырского V поселения (по итогам раскопок 2000 года) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004.
7. Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV)
8. Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. № 2.
9. Архипов Г.А., Никитин В.В. Руткинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3)
10. Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (АЭМК. Вып. 2)
11. Никитин В.В. Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (АЭМК. Вып. 2)
12. Кузьмина О.В. Эрмитажная коллекция абашевской культуры поселения Баланбаш // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург, 2011.
13. Никитин В.В. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3)
14. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
15. Соловьёв Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI)

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
Самара*

A.I. Korolyev

THE SETTLEMENT SUTYRSKOE V OF THE EARLY METAL AGE IN THE MARI VOLGA RIVER BASIN (on the Results of the Excavations in 2000)

Summary

The results of the research of the settlement Sutyrsкое V located in the confluence of the Vetluga and the Volga Rivers in the Mari region are given in this article. The early complex of Volosovo culture and the late complex of Vyzhumsky type are singled out. Shell admixture, straight rims, rounded bottoms, dense ornament are typical of the early Volosovo ceramics. Vyzhumsky ceramics were made with shell admixture; vessels contain turned back rims, flat bottoms, and scanty ornament. Three semi-dug-outs, ware for copper melting and working-crucibles, casting forms, stone hammers are also attributed to this complex. C14 dates are received for ceramics. They date the times of the settlement's existence to the middle III millennium BC, which should be checked.

*The Volga Areal State Social-Humanitarian Academy,
59, M. Gorky St.,
Samara, 443099, Russia*

E-mail: arkorolev@gmail.com

Е.Л. Лычагина

ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НОВОИЛЬИНСКОГО III ПОСЕЛЕНИЯ

Новоильинское III поселение было открыто в 1959 г. О.Н. Бадером в ходе проведения разведочных археологических работ в зоне строительства Воткинской ГЭС [1, с. 60–74]. Им же в 1960 г. были проведены раскопки данного поселения на площади 190 кв. м. В ходе этих исследований было изучено жилище, связанное с так называемой флажковой керамикой, выделенной О.Н. Бадером на основе изучения энеолитических памятников устья Чусовой [2]. В дальнейшем за памятниками данного типа закрепилось название новоильинских. Таким образом, Новоильинское III поселение дало название археологической культуре энеолитического времени.

Новоильинское III поселение расположено в 4 км к югу от посёлка Новоильинский Нытвенского района Пермского края, на правом берегу р. Камы. Памятник находится на краю песчаной бортовой террасы, в том месте, где она образует округлый мыс, на высоте 10 м над уровнем реки. В момент обнаружения памятник располагался на территории пионерского лагеря «Горн» (сейчас детский оздоровительный лагерь «Гагаринец»).

Исследования 2009 г. показали, что помимо новоильинского на поселении выделяется комплекс, который может быть отнесён к гаринской энеолитической культуре. Так, в южной части поселения (раскоп II) были изучены остатки полуземлянки этой культуры (рис. 1).

Жилище

К сожалению, восточная часть жилища была разрушена береговой абразией, а северная – современными хозяйственными постройками. Поэтому доступными для исследования были только южная и западная части сооружения.

Первые очертания жилища фиксировались уже на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности и отчётливо прослеживались до уровня 0,9 м, где они приобрели окончательную форму (рис. 2). По всей видимости, постройка была подквадратной или подпрямоугольной. Размеры изученной части жилища – 2–4,5×4–5 м. Судя по береговым обнажениям, средние размеры постройки могли быть 6–8×8–10 м. Пол жилища фиксировался на уровне 100–130 см от современной поверхности и был почти ровным, слабоогнутым.

В юго-западной части постройки находился выход в виде вытянутого коридорообразного углубления размерами 0,5–1,5×4 м. Заполнение центральной части выхода имело тёмный углистый цвет, который можно связать со сгоревшими деревянными частями постройки. В придонной части выхода были обнаружены развал сосуда, относящийся к гаринской энеолитической культуре, и фрагменты ещё 2 сосудов той же культуры. Помимо керамики там были найдены 3 нуклеидных куска, скребок, нож, 13 крупных сколов и 89 чешуек в основном галечникового кремня низкого качества (рис. 1). Наличие столь большого количества отходов производства, возможно, связано с выметанием мусора из основной части жилища.

В западной стенке постройки также отмечено углубление подчетырёхугольной формы размерами 1,3–2×2 м. Его предназначение не совсем понятно. Возможно, оно использовалось для хранения припасов.

При изучении культурного слоя жилища особый интерес вызвали углистые пятна, зафиксированные на уровне 0,6–0,8 м на участках Г/101 и Г/101–102. С этими пятнами соотносились скопления артефактов и углубления культурного слоя. Возможно, они как-то связаны с хозяйственной деятельностью, осуществлявшейся внутри жилища.

Однако на том же участке Г/101 был зафиксирован останец материкового слоя полуовальной формы размерами 0,7×0,9 м, уходящий в восточную стенку раскопа (рис. 1). Возможно, данный останец был сохранён специально и мог использоваться в качестве примитивной мебели (стола?).

К сожалению, в изученной части постройки не были обнаружены очаги. Скорее всего, они находились в разрушенной или не исследованной части сооружения.

Большинство изделий были найдены внутри постройки в нижних условных горизонтах. К ним относятся фрагменты пористой керамики, орнаментированной гребенчатым штампом (гаринская культура), кремнёвые орудия труда (наконечники стрел и заготовки наконечников, скребки, ножи), отходы производства (чешуйки, мелкие уплощённые гальки с первичными сколами).

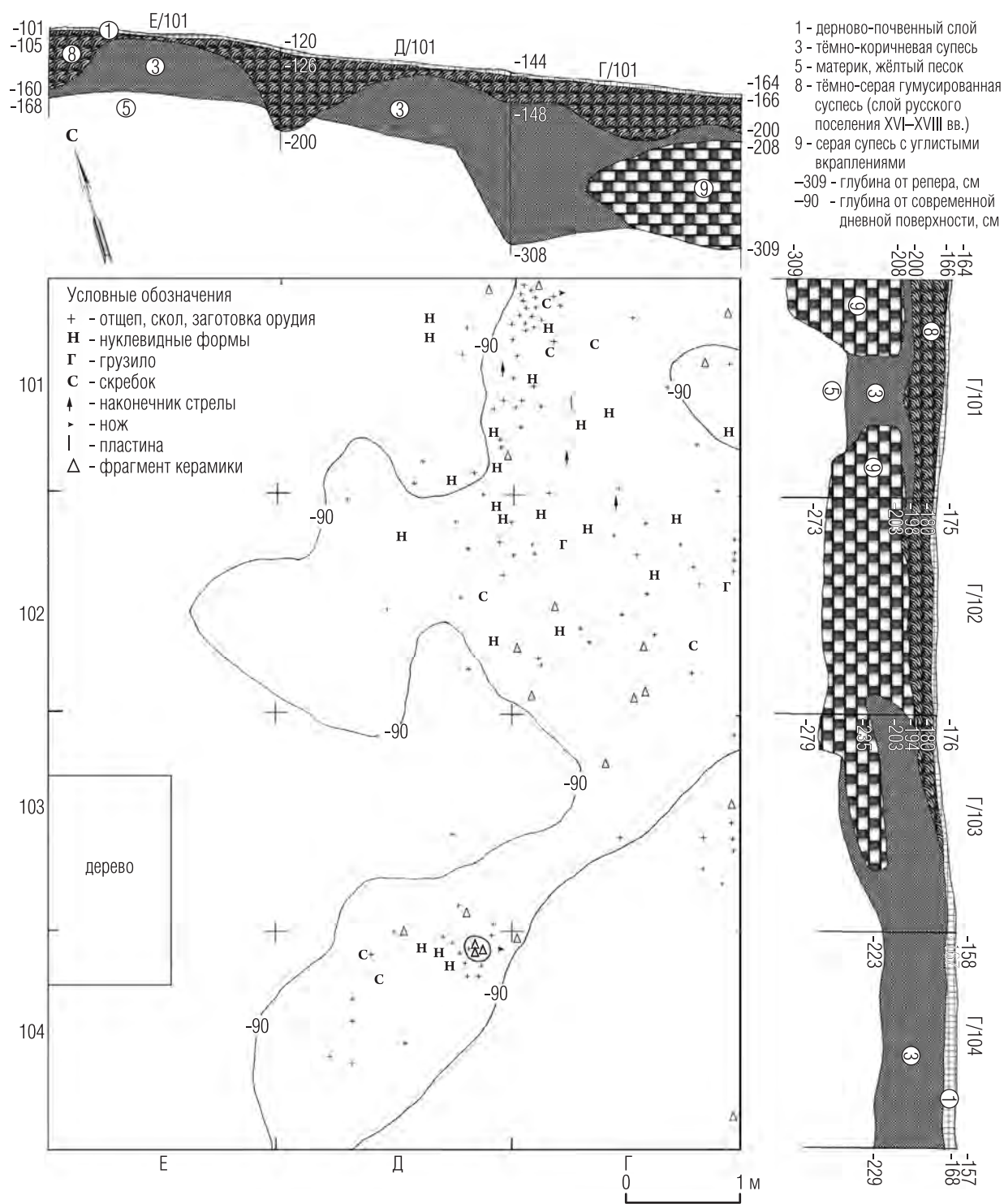

Рис. 1. Новоильинское III поселение. План жилища

Подводя итоги характеристике жилища, необходимо отметить, что такие полуземлянки, подпрямоугольной или подквадратной формы, характерны для энеолита Прикамья [3, с. 110–272]. В частности, остатки похожих сооружений изучены на Новоильинском I [4, с. 6–24] и Новоильинском II [5, с. 22–28] поселениях, расположенных в непосредственной близости от изученного нами объекта. Судя по найденным в заполнении постройки артефактам, жилище может быть отнесено к позднему этапу гаринской энеолитической культуры [6].

Характеристика материальной культуры

Керамика (134 фрагмента)

В заполнении жилища были обнаружены фрагменты 9 сосудов (134 фр.). Для них характерна тонкостенность (толщина стенок большинства сосудов не превышает 1 см), использование в качестве примесей в формовочной массе органики и шамота, применение твёрдых материалов при обработке внутренней и внешней поверхностей сосудов (рис. 2). Часто встречается орнаментация торца венчика гребенчатым штампом или насечками. Орнамент – разрезанный. Основными его элементами являлись оттиски гребенчатого штампа различных размеров. Основными мотивами – наклонные и вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, в одном случае фиксировалась «шагающая гребёнка». Мотивы объединялись в достаточно простые образы и композиции. Из-за большой фрагментарности керамики ни один сосуд не удалось реконструировать полностью. Но по фрагментам венчиков мы можем предположить, что это были сосуды со слегка прикрытым или открытым горлом. О форме днищ судить сложно. Возможно наличие как округлых, так и уплощённых доньшек. Подобная керамика была изучена О.Н. Бадером как на поселениях, находящихся в устье р. Чусовой [2], так и на памятниках, расположенных в пределах Воткинского водохранилища [3; 4], и может быть отнесена к позднему этапу гаринской энеолитической культуры.

Каменный инвентарь (1178 экземпляров)

Основную массу каменного (в основном – кремь, есть кварцитопесчаник) инвентаря составили отходы производства – 1080 экз. (90 %).

К нуклеидным формам были отнесены 37 предметов (3 %). Значительную группу составили гальки с первичными снятиями (пренуклеусы) – 13 экз. Также в данную группу были включены 15 продольных и 8 краевых сколов с нуклеидных форм (рис. 3:1–3). К законченным формам было отнесено 1 изделие. Это призматический одноплощадочный нуклеус с негативами снятий по всему периметру, изготовленный из сургучного галечникового кремня (рис. 3:1).

В отдельную группу были выделены 5 крупных галек из кварцитопесчаника со следами сколов (рис. 4). Данные изделия могли использоваться в качестве наковаленок или крупных грузил.

К орудиям были отнесены 54 предмета (4,5 %). Их номенклатура представлена в таблице.

Как видно из таблицы, основные категории орудий составили наконечники стрел и скребки. Хотелось бы также отметить, что для изготовления орудий труда чаще всего использовались отщепы средних размеров (особенно для изготовления скребков) – 24 экз. (44 %), уплощённые гальки и сколы с них – 17 экз. (31,5 %), плитки плитчатого кремня – 11 экз. (20 %). На пластинах сделаны всего 2 орудия.

Скребки (рис. 3:9–14). Для их изготовления, как правило, использовались отщепы (7 экз.), обломки галек (3 экз.), одно орудие – на плитке. Наибольшим количеством представлены концевые формы – 4 экз. Также были обнаружены 2 боковых и 2 высоких скребка, изготовленных на сколах с гальки. Ещё 1 скребок имел веерообразное лезвие (рис. 3:13). Особый интерес вызывает скребок со струганной спинкой, имеющий лезвие по трём сторонам (рис. 3:14). Также единичной формой представлен скребок, изготовленный на отщепе с сердоликовой гальки, имеющий 2 лезвия на смежных сторонах (рис. 3:12).

Таблица. Номенклатура каменных орудий труда

Наименование	Количество (экз.)	% (от всех орудий)
Скребки	11	20
Сечение пластины с ретушью	1	2
Ножи	6	11
Наконечники стрел	15	28
Острия	3	5,5
Скобели	4	7,5
Тесло	1	2
Комбинированные орудия	2	3,5
Оселок	1	2
Отщепы с ретушью	2	3,5
Заготовки орудий	8	15
Итого	54	100

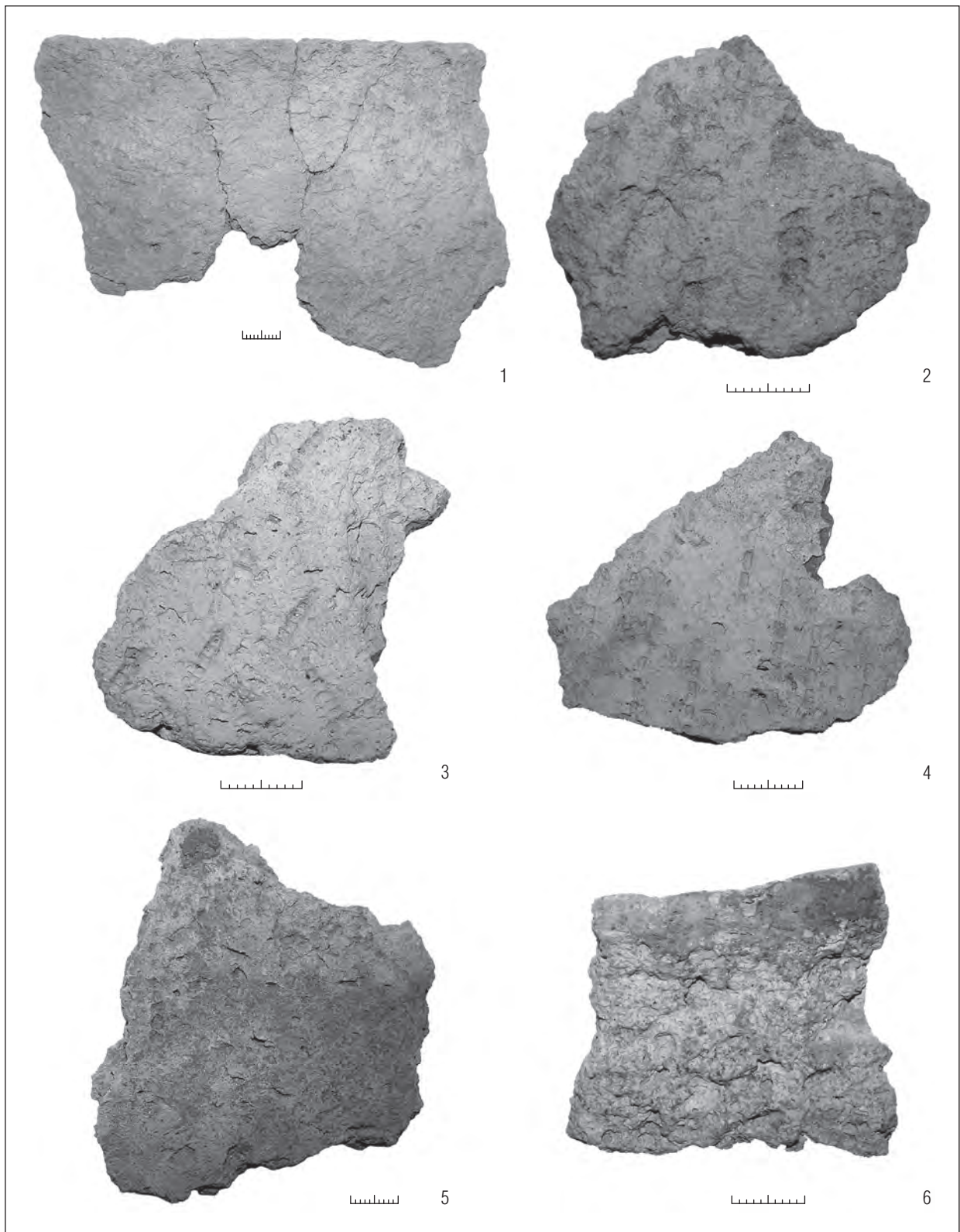

Рис. 2. Новоильинское III поселение. Керамика из заполнения жилища

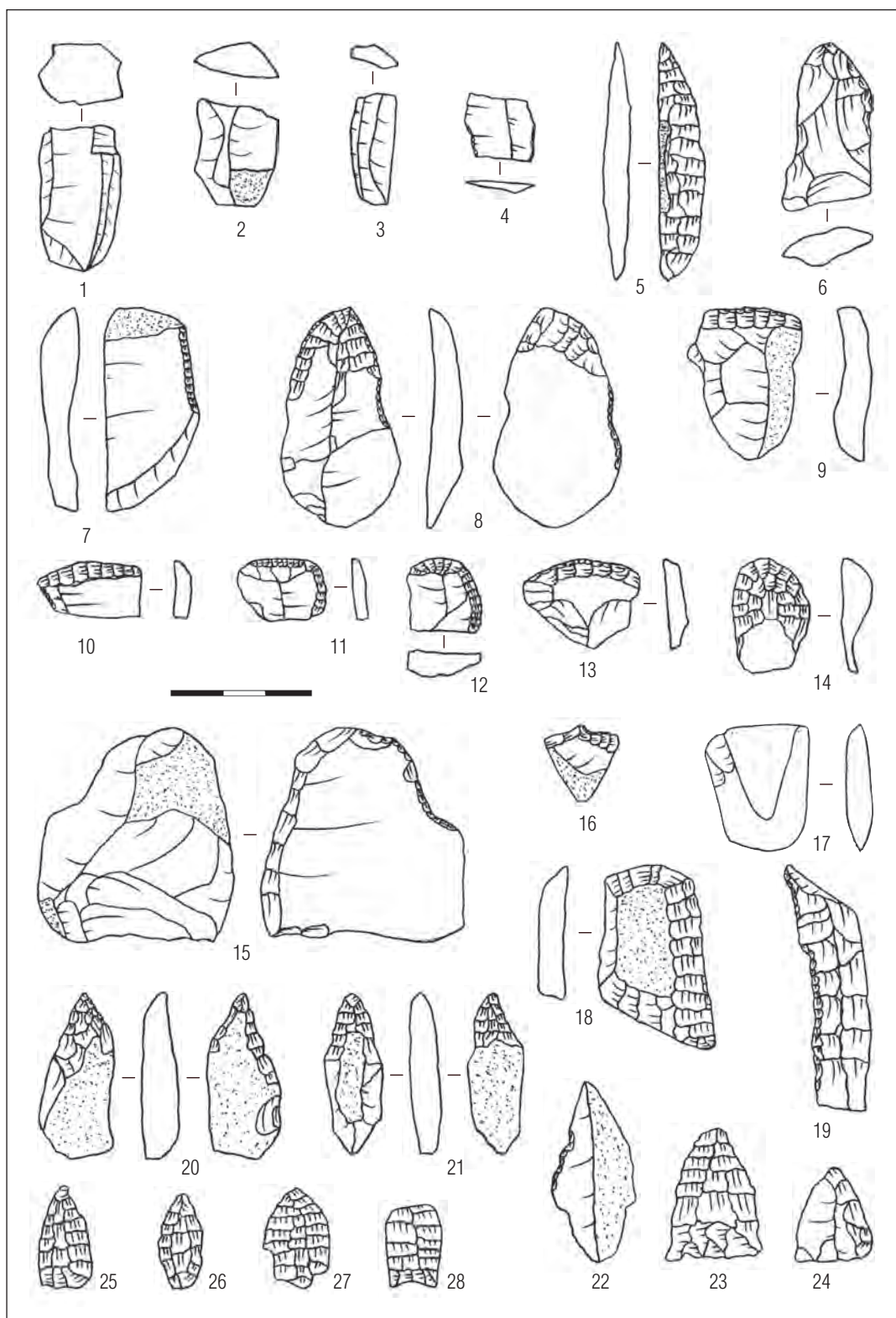

Рис. 3. Новоильинское III поселение. Каменный инвентарь:

1-3 – нуклеидные формы; 4 – сечение пластины с ретушью; 5-8 – ножи; 9-14 – скребки; 15-16 – скобели;
 17 – тесло; 18-19 – комбинированные орудия; 20-21 – острия; 22-28 – наконечники стрел.
 1-11, 13-16, 18-28 – кремь; 12 – сердолик; 17 – кремнистый сланец

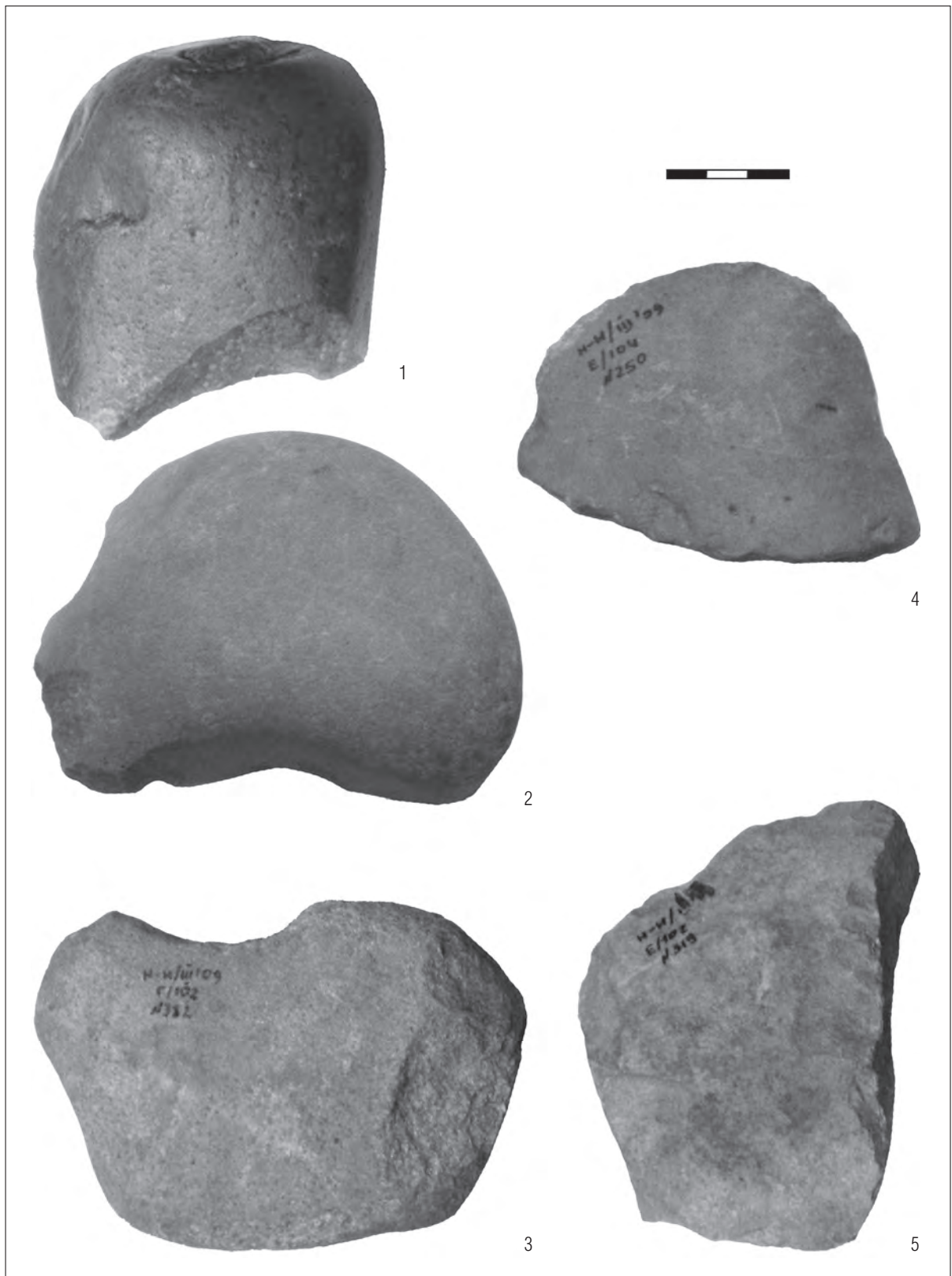

Рис. 4. Новоилыинское III поселение. Крупные гальки из заполнения жилища

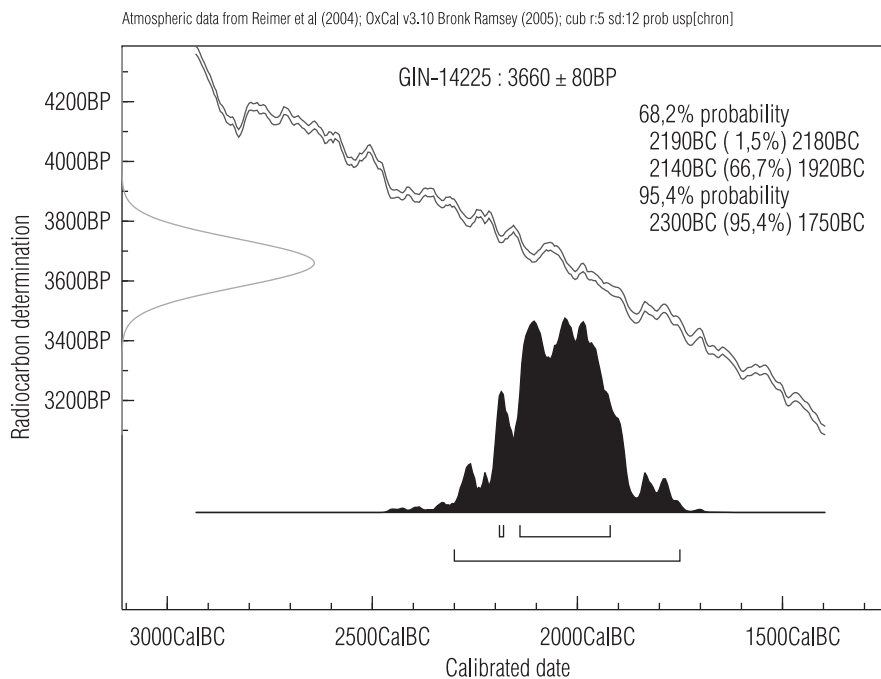
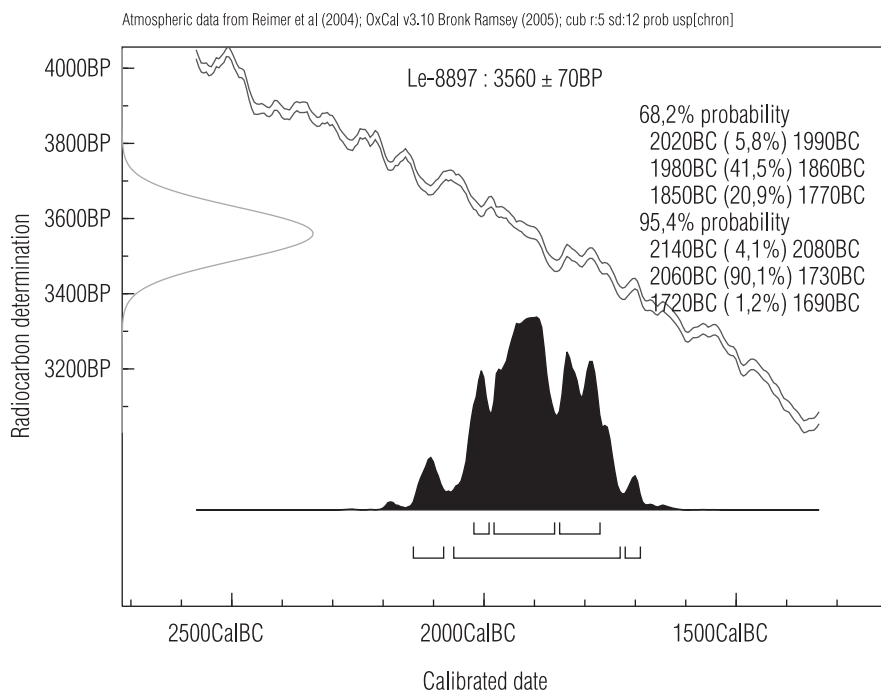

Рис. 5. Новоильинское III поселение. Радиоуглеродные даты

Наконечники стрел составляют самую большую группу (рис. 3:22–28). Из них целых – 7 экз., остальные представлены обломками острия – 2, насада – 2, тела – 4 экз. Для изготовления наконечников чаще всего использовались уплощённые гальки и отщепы и бифасиальная обработка. Исключение составляет 1 наконечник, изготовленный на ребристом сколе и обработанный частичной краевой дорсальной ретушью (рис. 4:22). Этот наконечник имеет подтреугольную форму и хорошо выделенный черешок. Подобные типы изделий не характерны для энеолита Прикамья. Возможно, его изготовление носило случайный характер и было связано с наличием удобной заготовки.

Остальные наконечники имели либо листовидную (4 экз.), либо подтреугольную (2 экз.) форму без черешка. Из обломков наконечников наибольший интерес представляет изделие с вогнутым насадом, напоминающее хвост рыбы (рис. 3:28).

Острия изготовлены из серого плитчатого кремня (рис. 3:20–21). У двух изделий крутой противоположащей ретушью обработан кончик, заметны смятости, следы сработанности. По всей видимости, оба эти изделия служили свёрлами. Глубина сверления – 1–1,5 см. Ещё одно изделие имеет незначительные следы работы на конце и могло использоваться в качестве проколки.

Ножи (рис. 3:5–8) изготавливались на плитках (2 экз.), плоских гальках (2 экз.), пластинчатых отщепках (2 экз.). Два изделия представлены обломками. При создании лезвия использовалась как бифасиальная (4 экз.), так и краевая дорсальная (2 экз.) ретушь. Лезвия чаще всего имели выпуклую форму (3 экз.). Размеры лезвий целых орудий – 2–5,3 см. Вызывает интерес орудие, имеющее 2 лезвия на противоположных сторонах пластинчатого отщепа. Оба лезвия обработаны дорсальной краевой ретушью, их длина – 3 см (рис. 3:8). Ретушь на одном из лезвий достаточно крутая, напоминает скребковую. В то же время ударный бугорок снят плоской вентральной ретушью. Возможно, это орудие можно интерпретировать как нож-ложкарь.

Скобели (рис. 3:15–16) изготавливались на отщепах (2 экз.), плоских гальках (1 экз.), плитках (1 экз.). Имели одну (3 экз.) или две (1 экз.) ретушированные выемки размером 0,8–2 см.

Комбинированные орудия. Оба изделия изготовлены из серого плитчатого кремня. У первого бифасиальной ретушью обработаны конец и одна из сторон (рис. 3:18). Данное орудие могло использоваться и как концевой скребок, и как нож. У второго тщательно оформлен кончик, который мог быть рабочей частью сверла с глубиной проникновения в материал до 1 см, и выемчатой ретушью обработана одна из боковых сторон, которая могла использоваться для скобления (рис. 3:19).

К единичным находкам относятся сечение кремнёвой пластины, обработанное мелкой ретушью по обоим краям (рис. 3:4); шлифованное тесло трапециевидной формы из светло-серого кремнистого сланца (рис. 3:17), 2 отщепа кремня с нерегулярной ретушью и оселок из серо-зелёного сланца.

Отдельную группу составили заготовки орудий. В основном это плоские гальки сургучного или красно-коричневого цвета со следами бифасиальной обработки.

Подводя итоги описанию каменного инвентаря, необходимо отметить его характерные черты. К ним относятся: использование в качестве сырья плитчатого кремня и уплощённых кремнёвых галек красно-коричневого цвета, широкое развитие техники бифасиальной обработки, практически полное отсутствие орудий на пластинах, как и самих пластин, преобладание таких категорий орудий, как наконечники стрел, скребки, ножи. Подобные черты характерны для гаринской энеолитической культуры [6].

С целью установления возраста данного комплекса был отобран материал для радиоуглеродного датирования – уголь со дна жилища и углистый слой из выхода. Полученные в двух разных лабораториях даты оказались близки друг к другу (рис. 5). В частности, по углю была получена дата Le-8897:3560±80 лет ВР (кал. 2020–1770 лет до н.э.; 68,2 %), а по вмещающему слою – GIN-14225:3660±70 лет ВР (кал. 2140–1920 лет до н.э.; 66,7 %).

Судя по полученным результатам, можно отнести изученный комплекс к позднему этапу гаринской энеолитической культуры и датировать в пределах кон. III – нач. II тыс. до н.э. По всей видимости, к этому же времени принадлежат и изученные О.Н. Бадером жилища гаринской культуры на других Новоильинских стоянках. Таким образом, новые исследования подтвердили правомерность отнесения позднего этапа гаринской энеолитической культуры к концу III – первой половине II тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961.
2. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. 1961.
3. Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопрос периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961.
4. Бадер О.Н. Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959.
5. Бадер О.Н. Второе Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961.
6. Лычагина Е.Л. Каменный век Пермского Предуралья. Пермь, 2008.

*Пермский государственный
педагогический университет,
Пермь*

E.L. Lychagina

THE LATE AENEOLITHIC COMPLEX OF THE NOVOILYINSKOE III SETTLEMENT

Summary

The article deals with the results of the study of the dwelling referred to Garinskaya aeneolithic culture. Wall thinness, use of organic matter and grog as admixtures in a forming mass, rareness of the ornament are typical for the ceramics found in the infill of the dwelling. The elements of the ornament were the comb stamp impressions of different sizes. The main motifs were inclined and vertical imprints of a comb stamp.

The use of the slab flint and flat pebbles as raw materials, the widespread development of the technique of the bifacial processing, virtually the complete absence of tools on blades, the selection of such forms of the tools as arrowheads, scrappers, and knives are typical for stone inventory.

According to the results of the radiocarbon analysis the monument can be dated within the end of III millennium – the beginning of II millennium BC.

*Perm State Pedagogical University,
24, Sibirsкая St.,
Perm, 614990, Russia*

E-mail: LychaginaE@mail.ru

Т.А. Хорошун

**К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ
РОМБОЯМОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА ПАМЯТНИКАХ
ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА**

Ромбоямочная керамика на территории Карелии

На территории Карелии для неолита – энеолита выделено несколько типов керамики, характеризующих определённые археологические культуры, последовательно сменявшие друг друга. Ромбоямочная керамика появляется на завершающей стадии неолита и маркирует начало энеолита, а своё название она получила из-за оригинального элемента орнамента в виде ямки ромбической формы. По данным на 2009 г. [1, с. 74–75, рис. 1], известно около 300 памятников с ромбоямочной керамикой, исследованных в основном в южной части Карелии, на северном и восточном берегах Онежского озера, а также в Северном Приладожье, в бассейне р. Суны и Белого моря.

Ромбоямочная керамика на поселениях часто залегает совместно с другими типами – сперрингс, ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и асбестовой. Довольно условно определение чистого комплекса на поселении Пегрема I, так как в коллекции присутствует выраженная тонкостенная ямочно-гребенчатая керамика. Таким образом, в настоящее время нет достаточных данных по чистому комплексу ромбоямочной керамики. Возможен он на поселении Пегрема VII, но требует дальнейшего изучения [2, с. 45–50]. Значительные по объёму материалы выявлены на поселениях Вигайнаволоки I, Илекса I, Илекса V, Пегрема I, Пегрема II, Ерпин Пудас I, Залавруга I, исследованных на значительной площади: от 918 до 2748 м².

Как и неолитические, поселения с ромбоямочной керамикой располагаются на высоких песчаных берегах озёр, в устьях рек, у порогов и протоков между озёрами. Выбор места был связан с хозяйственной деятельностью населения – охотой и рыбной ловлей. Высота расположения поселений над уровнем водоёмов варьирует от 1,2 до 12 м, что, очевидно, вызвано непостоянством береговой линии [3, с. 69].

Площадь поселений различна – от 200 до 1000 м². На ряде памятников выявлены характерные для носителей данной керамики жилища [4, с. 52–58]. Это полуземлянки прямоугольной формы, углублённые в грунт. Скопления жилищ с ромбоямочной керамикой изучены на Вигайнаволоке I, Чёрной Губе IX и Поге I, где выделены по концентрации находок и характеру слоя, а также на Пегреме I, III, VII. Сооружения ориентированы длинными сторонами параллельно берегу водоёма. Вход находился в основном в короткой стенке, следы от столбовых ям не зафиксированы, видимо потому, что постройки имели в основании каркас из горизонтально положенных брёвен или сруб. Площадь их различна (от 9,6 до 100 м²). Наземные жилища не выявлены, но их использование не исключается.

Помимо жилищ исследованы сооружения хозяйственного назначения – наземные с кострищами (Илекса I), мастерская по производству каменных орудий, печь, сложенная из кварцитовых плит, возможно, для работы с металлом (Пегрема III), а также очаги и хозяйственные ямы [5, с. 153–156]. Нет достаточных данных о могильниках, которые можно было бы связать с населением этого периода.

Как известно, для древних поселений Карелии характерен маломощный переотложенный культурный слой, включающий несколько перемешанных комплексов. Целью этой работы является определение основных характерных черт ромбоямочной керамики на многокомплексных поселениях западного побережья Онежского озера и места этого культурного типа в развитии орнаментальной традиции культурно-исторической общности с ямочно-гребенчатой керамикой. В работе использованы данные сравнительно-типологического и радиоуглеродного анализов.

Значительные комплексы с ромбоямочной керамикой изучены А.П. Журавлёвым, на их основе разработана периодизация памятников [6, с. 82–86; 2, с. 75]. Исследователем в раннем энеолите Карелии выделены два этапа по материалам «эталонных» памятников: ранний (Вигайнаволоцкий) и поздний (Пегремский). Основные отличия наблюдаются в орнаментации сосудов: для раннего периода характерны оттиски гребенчатого штампа и ямки различной формы, составление геометрических узоров; для позднего – овалы и ромбические ямки, оттиски гребенчатого штампа, упрощение орнамента и небрежная техника его нанесения. К сожалению, эти данные сильно обобщены и требуют корректировки. Так, ромбоямочная керамика Вигай-

наволока I имеет прямые аналоги в керамике из Пегремы I, III, VII и др. Также А.П. Журавлёв отмечает, что неолитическая ромбоямочная керамика развивается на местной неолитической основе, затем она распространяется на север, запад и юго-восток. В данном случае речь идёт о связи с ямочно-гребенчатой керамикой. На поселении Пегрема II ромбоямочная керамика залегала совместно со сперрингс. Исследователем не выявлены схожие и «гибридные» между этими типами керамики черты, что свидетельствует об отсутствии их синхронности, комплексы различаются как по стилю орнаментации, так и по технике её нанесения.

Для многих памятников Карелии характерно совместное залегание в культурном слое ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики. По мнению некоторых исследователей [7, с. 253–264], поздний этап ямочно-гребенчатой керамики связан с появлением и широким распространением гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики. Совместное залегание ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамики изучалось И.Ф. Витенковой [8, с. 94–95]. К гребенчато-ямочной керамике отнесены толстостенные сосуды, верхний край которых обычно скошен внутрь, поверхность орнаментирована оттисками гребенчатого штампа (доминируют) и рядами ямок различной формы. Исследовательница к раннему этапу развития гребенчато-ямочной керамики относит сосуды, венчики которых скошены внутрь (50–85 %), прямые нерасширенные венчики составляют 2–15 %, к более позднему периоду их количество уменьшается, появляются венчики оригинальных форм (ромбические, суженные кверху, закруглённые, загнутые наружу, с наплывом). Так, на ранних памятниках с гребенчато-ямочной керамикой круглые ямки составляют 50–100 %, соотношение овальных, ямок неправильной формы, прямоугольных и треугольных увеличивается на поздних поселениях. В раннеэнеолитических комплексах преобладают круглые и ромбические ямки. Таким образом, исходя из приведённых данных, можно заключить, что как для гребенчато-ямочной, так и для ромбоямочной керамики характерно использование в орнаменте ямок различной формы. На памятниках западного побережья Онежского озера керамика позднего неолита – раннего энеолита, согласно элементам орнамента, разделена на несколько групп: круглоямочная (в том числе и гребенчато-ямочная), овальноямочная и ромбоямочная. Основным критерием их выделения является форма ямки. Эти группы хронологически последовательны и имеют общие признаки по формам сосудов и венчиков и в орнаментации.

Совместное залегание ромбоямочной и асбестовой керамики – также достаточно частое явление на многослойных памятниках Карелии. А.М. Жульников, исследовавший поселения с асбестовой керамикой, отмечает, что генетически все типы неолитической керамики (асбестовая, пористая) на территории Карелии связаны как друг с другом, так и с местной ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой [9, с. 77]. По мнению исследователя, ромбоямочная керамика является разновидностью керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией, и одновременно с ней существует гребенчато-ямочная керамика. На памятниках западного побережья Онежского озера асбестовая керамика также встречена в совместном залегании с ромбоямочной. Количественно она уступает и чаще всего (как на Вигайнаволоке I) связана с последующим этапом освоения площадки памятника в энеолите (Вигайнаволоки II).

Таким образом, вопрос о смене культур в неолите – энеолите остаётся дискуссионным, требующим дополнительных исследований, как и проблема периодизации ромбоямочной керамики, в том числе уточнение её основных признаков, в особенности в сравнении с позднеэнеолитической керамикой (ямочно-гребенчатой позднего этапа развития и гребенчато-ямочной). Важным шагом в исследовании этих вопросов является изучение ромбоямочной керамики памятников западного побережья Онежского озера.

Ромбоямочная керамика памятников западного побережья Онежского озера

Этот локальный район ограничивается на севере приустьем р. Шуи, на юге – приустьем р. Свири (рис. 1). На этой территории не выявлены поселения с чистым комплексом ромбоямочной керамики. Исследованы смешанные комплексы, в которых присутствуют также керамика сперрингс, ямочно-

Рис. 1. Схема расположения поселений с ромбоямочной керамикой на западном побережье Онежского озера

гребенчатая, гребенчато-ямочная и асбестовая. В работе приведены результаты сравнительно-типологического анализа керамического материала наиболее изученных поселений (Соломенное I, Пески IV, Вигайнаволок I и Деревянное I). Выбор материалов этих памятников обусловлен их достаточно хорошей сохранностью и многочисленностью фрагментов. Частично материал некоторых из них опубликован [10, с. 268–290; 11, с. 152–172]. Сравнительно-типологический анализ ромбоямочной керамики этих памятников произведён впервые.

Все памятники – многокомплексные: ромбоямочная керамика встречена в совместном залегании с другими типами керамики. На Песках IV она фиксировалась с ямочно-гребенчатой, Деревянном I – с ямочно-гребенчатой и асбестовой, Соломенном I – с керамикой типа сперрингс, ямочно-гребенчатой и асбестовой, Вигайнаволоке I – с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и асбестовой. Отделение ромбоямочной керамики от сперрингс, тонкостенной ямочно-гребенчатой и асбестовой не представляло труда, сложности возникли при сопоставлении её с толстостенной поздней ямочно-гребенчатой керамикой и гребенчато-ямочной, где в орнаментации нередко используются ромбические ямки. По этой причине основным критерием выделения ромбоямочной керамики явилось наличие ромбических ямок и их главенствующее положение по сравнению с круглыми, овальными и прямоугольными ямками. Сосуды отбирались по венчикам и крупным фрагментам стенок. Всего проанализированы 555 сосудов, из них 497 из Вигайнаволока I, 28 – Деревянного I, 17 – Соломенного I и 13 из Песков IV. По сравнению с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой ромбоямочная составила примерно 30–50 %.

Наибольшее количество сосудов – на Вигайнаволоке I. Ромбоямочная керамика составляет 44 % (рис. 2). Памятник относится к числу эталонных среднего неолита – раннего энеолита. В связи с тем, что материал сильно перемешан и многочислен (общее количество фрагментов керамики составляет около 30 тысяч), вся керамика разделена на четыре группы по основным элементам орнамента: 1 (собственно ямочно-гребенчатая) – тонкостенные сосуды, орнаментированные круглыми ямками и оттисками различных штампов (гребенчатого, гладкого, верёвочного, костного (зубчатого) и др.); 2 (круглоямочная и гребенчато-ямочная) – в основном крупные толстостенные сосуды, украшенные круглыми ямками и оттисками различных штампов (гребенчатого, гладкого и др.), а также сосуды, в орнаментации которых оттиски гребенчатого штампа преобладают над круглыми ямками; 3 (овальноямочная) – чаще всего толстостенные сосуды, орнаментированные овальными и прямоугольными ямками (преобладают) и оттисками различных штампов (гребенчатого и гладкого); 4 (ромбоямочная) – преимущественно толстостенные сосуды, в орнаменте которых доминируют ромбические ямки и оттиски различных штампов (в основном гребенчатого и гладкого). Таким образом, удалось обособить ромбоямочную керамику от всего остального массива керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации.

По формам доньшек и венчиков, а также развалам сосудов, ромбоямочная керамика поселений исследованного локального района представляет собой кругло- или остродонные слабо- или непрофилированные сосуды (горшки) довольно крупных размеров (до 60 см в диаметре), полуяйцевидной формы. По формам венчиков выделены четыре основных и 11 промежуточных вариантов. К основным относятся: 1 – пряморезанные нерасширенные, 2 – со скошенными внутрь верхними краями, 3 – расширенные, утолщённые, 4 – остроугольные, срезанные с обеих сторон. Промежуточные варианты сочетают признаки первых четырёх (табл.). Эти формы распространены во второй и третьей группах. Для оформления венчиков характерна гофрированность, выполненная как оттисками гладкого или гребенчатого штампов, так и защипами пальцев.

По структуре орнамента выделены два его вида. Первый – простой: к нему относятся сосуды со сплошным ямочным (без выделения зон) и горизонтально-зональным орнаментом, когда ряды из ямок чередуются с зонами из оттисков штампов или участками без орнамента. При втором, сложном, виде сосуды нарядно украшены геометрическими узорами. Сосуды первого вида орнаментации (92 %) количественно преобладают над сосудами второго (8 %). Возможно, орнамент характеризует назначение посуды: основная масса керамики могла использоваться в бытовых (хранение и приготовление пищи) целях, а нарядно украшенная – в особых случаях.

Орнаментация ромбоямочной керамики во многом напоминает как по виду, так и по структуре систему, характерную для ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики. Если в первом случае доминируют круглые ямки над оттисками различных штампов, а во втором – оттиски гребенчатого штампа над круглы-

Таблица. Количественное соотношение сосудов культуры с ромбоямочной керамикой по формам венчиков на памятниках западного побережья Онежского озера

Форма венчиков	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	Всего сосудов
Название поселений																
Соломенное I	0	5	7	1	0	0	0	2	1	1	0	0	0	0	0	17
Пески IV	0	2	2	3	0	3	0	1	2	0	0	0	0	0	0	13
Вигайнаволок I	3	168	184	87	13	7	4	7	11	0	1	3	2	2	5	497
Деревянное I	0	7	9	8	3	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	28
Итого	3	182	202	99	16	10	4	10	15	1	1	3	2	2	5	555

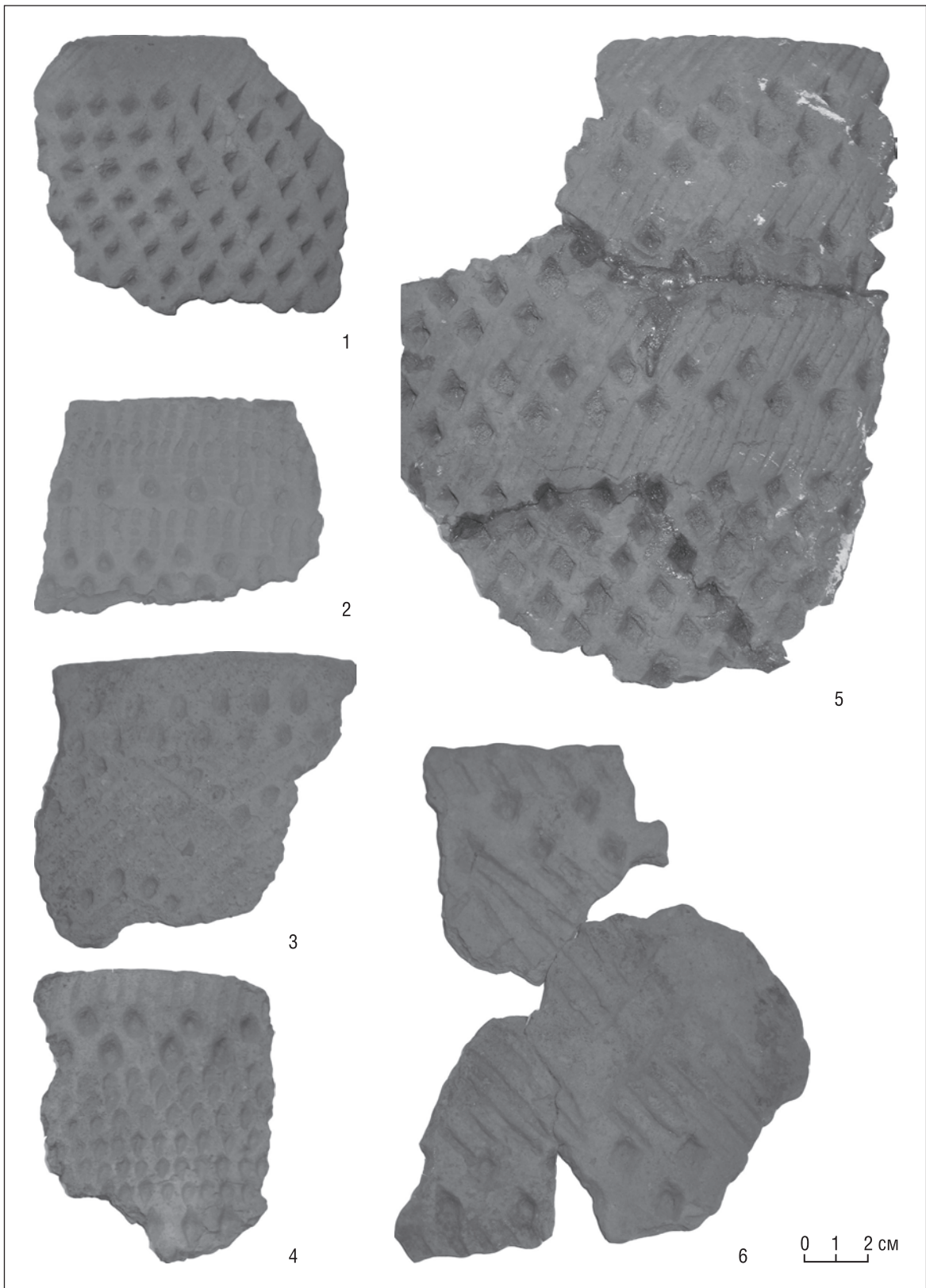

Рис. 2. Поселение Вигайнаволок I. Ромбоямочная керамика

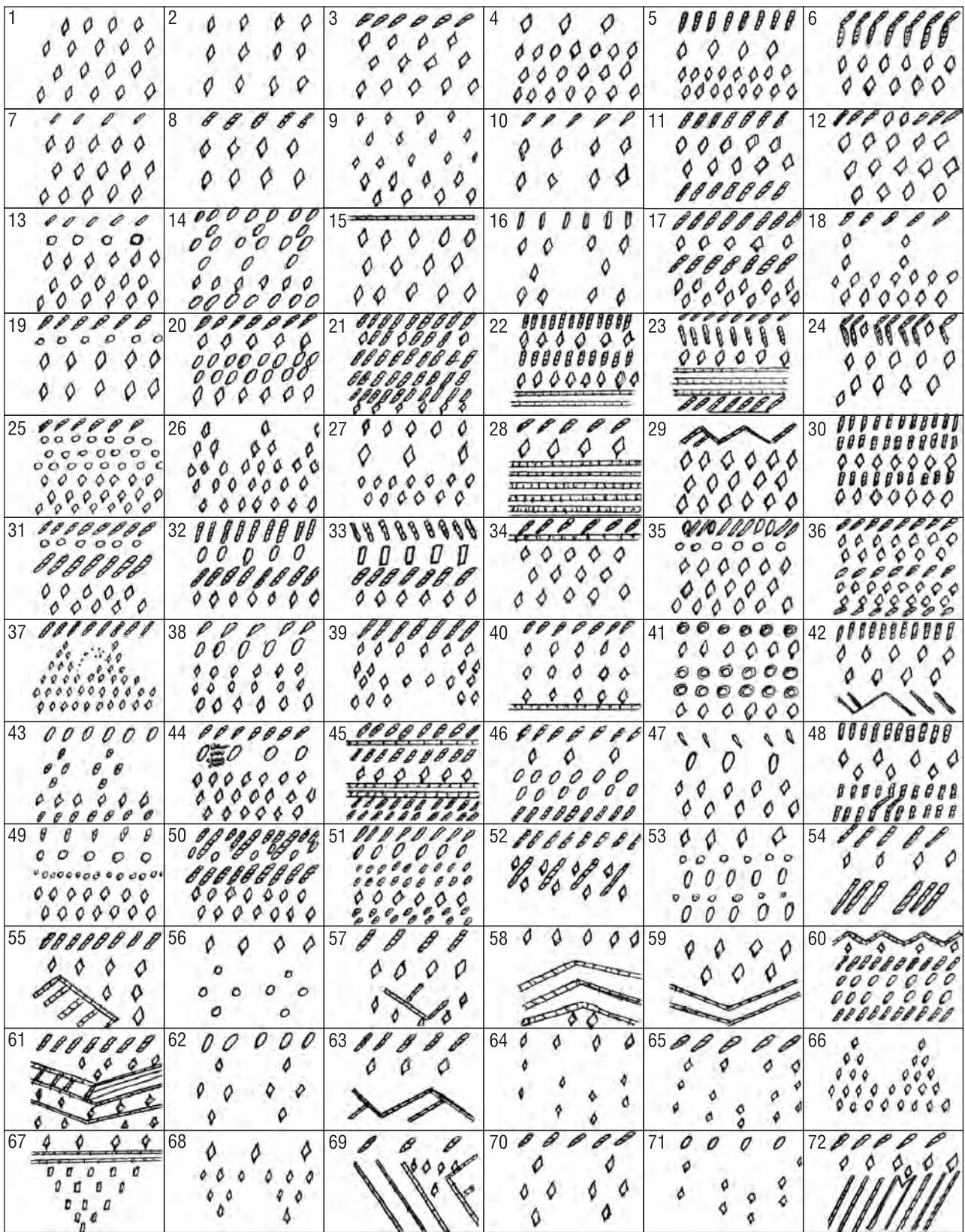

Рис. 3. Ромбоямочная керамика. Схема вариантов орнамента

ми ямками, то в ромбоямочной керамике наблюдается преобладание ромбических ямок (иногда и оттисков гребенчатого штампа) относительно других ямок.

Техника нанесения орнамента – штампование. Наиболее распространено использование двух-трёх элементов орнамента (ромбической ямки и оттисков гладкого или гребенчатого штампа), использование четырёх элементов встречается редко и чаще всего на сосудах со сложными геометрическими рисунками. Предварительно выделены 72 варианта (сочетание элементов орнамента, мотивы) орнамента (рис. 3), находящиеся аналоги в ромбоямочной керамике на территории Южной Карелии [2].

Относительно элементов орнамента замечено, что форма ромбических ямок на некоторых участках сосудов меняется: границы ямок стираются, они менее чётки, ямка становится подромбической, а затем овальной. Вероятно, овальные и ромбические ямки имеют определённую культурную связь в технологической традиции нанесения орнамента. К настоящему времени не найден инструмент, которым наносились подобные ямки. Есть наблюдения, что в некоторых случаях он мог иметь несколько рабочих краёв для нанесения нескольких ямок за один приём. Возможно, материалами для изготовления подобных инструментов являлись дерево и кость. Также широкое распространение имели ямки с «рубцами», они отмечены в керамике всех поселений, в том числе орнаментированной овальными ямками. Складывается впечатление, что «рубцы» имели искусственный характер, т.е. наносились на инструмент специально. Но довольно быстро забивались, и далеко не все ямки сохраняли подобные «рубцы».

В целом наблюдается практически полная тождественность признаков овальноямочной и ромбоямочной керамики. Напомним, что керамика, орнаментированная овальными ямками, отнесена как к гребенчато-ямочной, так и к ромбоямочной. Кроме того, получены две С14 даты¹ с поселения Вигаинаволок I, которые имеют, как мне кажется, значительную степень достоверности, так как определены по нагару и смоле на сосудах. Первая – 4940±30 лет ВР (К1А-33930) – относится к фрагменту, орнаментированному овальными ямками, вторая – 4725±30 лет ВР (К1А-33931) – к ромбоямочной керамике. Они дополняют радиоуглеродные даты для ромбоямочной керамики и не противоречат установленным для неё хронологическим рамкам, а также свидетельствуют о более раннем использовании овальных ямок в орнаментации. Предварительно эту керамику можно рассматривать как определённый этап развития ромбоямочной керамики.

Вопрос о периодизации ромбоямочной керамики требует дополнительного серьёзного исследования с привлечением последних данных сравнительно-типологического анализа керамического материала и радиоуглеродного датирования.

Таким образом, анализ керамики памятников западного побережья Онежского озера позволил выделить сумму признаков, характерных для ромбоямочной керамики этого района. Формы сосудов и венчиков, элементы орнамента, их сочетание и структура орнамента сближают позднюю ямочно-гребенчатую, гребенчато-ямочную и ромбоямочную керамику. Основным признаком ромбоямочной керамики является преобладание ромбических ямок над ямками других форм (круглыми, овальными, прямоугольными и др.). Хотя, на первый взгляд, ромбоямочная керамика представляется однообразной, она достаточно вариabельна (72 основных варианта сочетания элементов орнамента). Изучение керамических коллекций с поселений выбранного локального района Карелии позволяет значительно расширить наши представления о ромбоямочной керамике, выявить ряд общих черт с более ранними типами керамики, проследить их преемственность в орнаментальной традиции. Предварительно можно говорить об исследованной керамике как об особом последовательном в хронологическом и культурном плане этапе развития керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации.

¹ Даты получены в лаборатории Университета им. Кристиана Альбрехта (Киль, Германия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витенкова И.Ф.* Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009.
2. *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
3. *Витенкова И.Ф.* Поселения с развитой ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
4. *Жульников А.М.* Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
5. *Витенкова И.Ф.* Энеолит. Ранний период. Культура ромбоямочной керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
6. *Журавлев А.П.* Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // КСИА. Вып. 157. 1979.
7. *Лобанова Н.В.* Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2003.
8. *Витенкова И.Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
9. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
10. *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. (МИА. № 87)
11. *Панкрушев Г.А., Журавлев А.П.* Стоянка Вигаинаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск*

T.A. Khoroshun

**ON THE PROBLEM OF MARKING-OUT THE ROMB-PIT CERAMICS
ON THE SITES ON THE WEST COAST OF LAKE ONEGA**

Summary

The article focuses on the study of the romb-pit ceramics found on the sites on the west coast of Lake Onega. The paper illuminates the results of the comparative-typological analysis of the romb-pit ware. The question of the romb-pit ceramics identification within the settlements with different material in Karelia remains undetermined. According to the known research, the romb-pit ceramics has several traits in common with the late pit-comb and comb-pit ceramics. The aim of the study is to define the main indicative features of the romb-pit ceramics on the settlements located on the west coast of Lake Onega and to place this cultural type in the development of the ornamental tradition of the pit-comb ceramics cultural-historical community. In conclusion, common characteristic of the romb-pit ceramics based on the forms of the vessels, rims and the ware ornamentation (the type, structure, elements, motifs and variants) are given.

*The Institute of Language, Literature and History,
Karelian Scientific Centre,
Russian Academy of Science,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910,
The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

E-mail: tattya@list.ru

К.В. Воронин

КОМПЛЕКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЙ ПЕСОЧНОЕ-1 И ДМИТРИЕВСКАЯ СЛОБОДА II

В статье представлены результаты работ на двух поселениях бронзового века, проведённых в 2007–2008 гг. Эти поселения расположены в пределах одного гидроареала – в Волго-Окском междуречье – и относятся примерно к одному хронологическому периоду – 2-й – 3-й четв. II тыс. до н.э. (рис. 1). Они входят в группу памятников бронзового века одного географического региона и обладают общими чертами в ряде элементов материальной культуры образующих их комплексов. Однако, располагаясь в разных частях Волго-Очья, эти поселения находятся в разных ландшафтных средах, отличны по соотношению разных категорий артефак-

Рис. 1. Географическое положение объектов исследований:
1 – Песочное-1; 2 – Дмитриевская Слобода II

тов в комплексах и связаны с разными археологическими культурами. Поселение Дмитриевская Слобода II входит в круг памятников поздняяковской культуры, а на поселении Песочное-1 изучены комплексы бронзового века, связанные с культурой сетчатой керамики и чирковской культурой. Рассмотрение этих памятников в рамках одной работы даёт возможность проследить сходства и определить особенности комплексов примерно одновременных поселений бронзового века, расположенных в разных частях Волго-Окского междуречья, в разных ландшафтных ситуациях и связанных с разными археологическими культурами региона.

Изучение этих поселений производилось исследовательской группой, в которую входили К.В. Воронин, Д.А. Мамонтова, В.В. Сидоров (ИА РАН), Л.А. Александровский, А.А. Гольева (ИГ РАН), А.И. Самсонова (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва).

Культурный слой на памятниках разбирался горизонтальной зачисткой с детальной литологической и планиграфической фиксацией найденных археологических объектов и артефактов. На поселении Песочное-1 в качестве эксперимента каждому найденному артефакту присваивался индивидуальный номер. Это связано с тем, что в ходе камеральной обработки и проведения различных исследований (например, трасологического анализа каменного инвентаря) научная оценка многих артефактов меняется. А индивидуальный номер артефакта, в т.ч. нанесённый на план или профиль, позволяет легко и оперативно подкорректировать информацию о нём в полевой и отчётной документации.

В ходе работ на поселениях Дмитриевская Слобода II и Песочное-1 был проведён комплекс естественно-научных исследований.

Объектами естественно-научных исследований являлись почвы и отложения, а также отдельные ямы, постройки, предметы. В течение полевых работ были сделаны описания почв в ряде профилей раскопа, изучались морфологические свойства почв, культурного слоя, естественных отложений, отбирались образцы на почвенные химические и физические (содержание гумуса, фосфора, состав гумуса, гранулометрия), палеоботанические (спорово-пыльцевой анализ, анализ угля) и антропхимический (определение микроэлементов в культурном слое и отдельных предметах) анализы, радиоуглеродное датирование.

Поселение Дмитриевская Слобода II

Поселение Дмитриевская Слобода II расположено на левом берегу р. Оки в 10 км к северу от г. Муромы у посёлка Дмитриевская Слобода (рис. 1) на второй надпойменной террасе левого берега р. Оки, высота которой над уровнем воды в реке составляет ок. 15 м. Территория относится к северо-восточной части Окско-Цнинского вала. Вал примыкает к юго-восточному краю Мещёрской низменности. Она служит естественной восточной границей Мещёры.

Поселение открыто в 2005 г. В 2006 г. оно изучалось экспедициями ИА РАН (руководитель работ – О.В. Зеленцова) и Самарского государственного педагогического университета. Площадь раскопа 2007 г. составила 477 кв. м. Исследованное поселение состояло из трёх подпрямоугольных в плане жилищ (рис. 2). Четыре погребальных комплекса поздняяковского времени, возможно, связанные с бытованием поселения Дмитриевская Слобода, были исследованы в 200 м от памятника на третьей надпойменной террасе в 2006 г.

В ходе работ 2007 г. были изучены 2 наземных жилища, ориентированных по линии 3–В. Площадь жилища № 2 составляла ок. 200 кв. м, площадь жилища № 3 – 100 кв. м. Раскоп 2007 г. был прирезан к южной части раскопа 2006 г., площадь которого составляла 300 кв. м (рис. 2). Общая изученная площадь поселения составила ок. 1800 кв. м.

Результаты естественно-научных анализов свидетельствуют о том, что в период бытования поселения окружающая растительность была представлена широколиственными лесами на серых и тёмно-серых лесных почвах, присутствовали также отдельные элементы лесостепного ландшафта. Определение пород деревьев по углям из культурного слоя памятника показало господство широколиственных – дуб, ясень, берёза, лещина (орешник) – и отсутствие хвойных. Всего было получено 29 радиоуглеродных дат, из них 10 дат сделано по керамике. Три даты, полученные для комплекса жилища № 3, дают сходный результат: 3380 (± 70), 3330 (± 100), 3280 (± 80) лет назад – и укладываются в интервал 1750–1500 лет до н.э., по данным калибровки. Даты, сделанные по керамике, древнее дат, полученных по культурному слою. Большая часть керамических дат имеют следующие интервалы – 3590 (± 80), 3610 (± 80), 3690 (± 60), 3510 (± 60), 3570 (± 90), 3560 (± 80) лет назад. Наиболее вероятный интервал калиброванного возраста по керамике – 2050–1750 лет до н.э. Среди дат, сделанных по керамике, имеются и более молодые, сходные с датами по углям из культурного слоя.

Культурный слой поселения сложен коричневыми и серыми супесями, его мощность колеблется от 15 см до 80 см. Он перекрыт позднейшей балластной глиной, средняя мощность которой составляет 50 см. Под слоем балластной глины находится пахотный горизонт мощностью 10–15 см, скорее всего связанный с периодом позднего средневековья. Под пахотным горизонтом идёт слой гумусированной супеси, содержащей большое количество муромской керамики, датируемой периодом раннего средневековья, мощность которого составляет 5–15 см. Под ним залегает слой слабогумусированной супеси, содержащий материалы исключительно эпохи бронзы. Минимальная мощность напластований бронзового века составляет ок. 10 см, а максимальная – ок. 50 см (в заглублённой части жилища № 3).

Планировка поселения обусловлена существующим рельефом. Она образована тремя наземными жилищами столбовой конструкции 3–В ориентировки, расположенными последовательно с С на Ю на мысе второй надпойменной террасы (рис. 2).

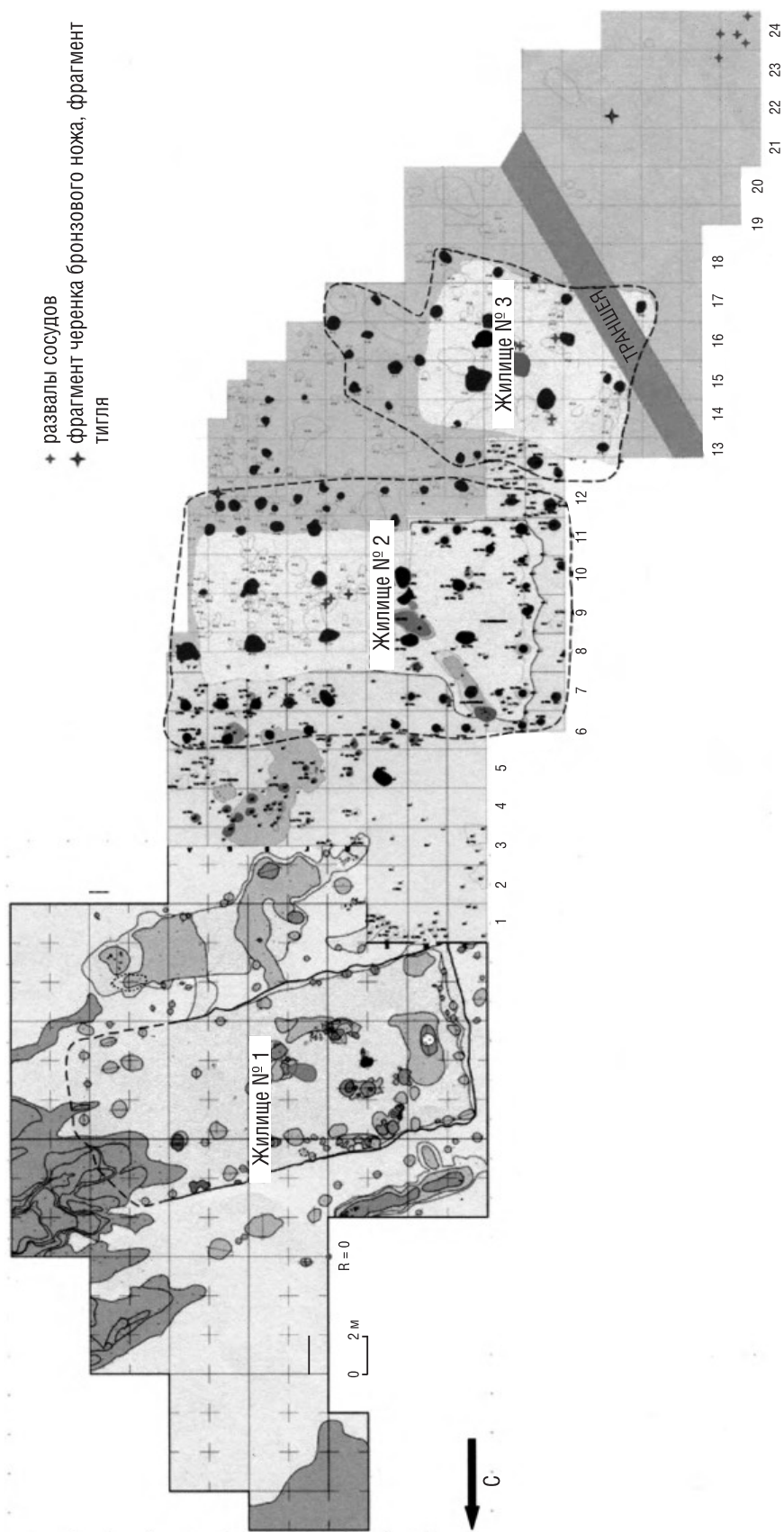

Рис. 2. Общий план раскопа 2006–2007 гг. на поселении Дмитриевская Слобода II

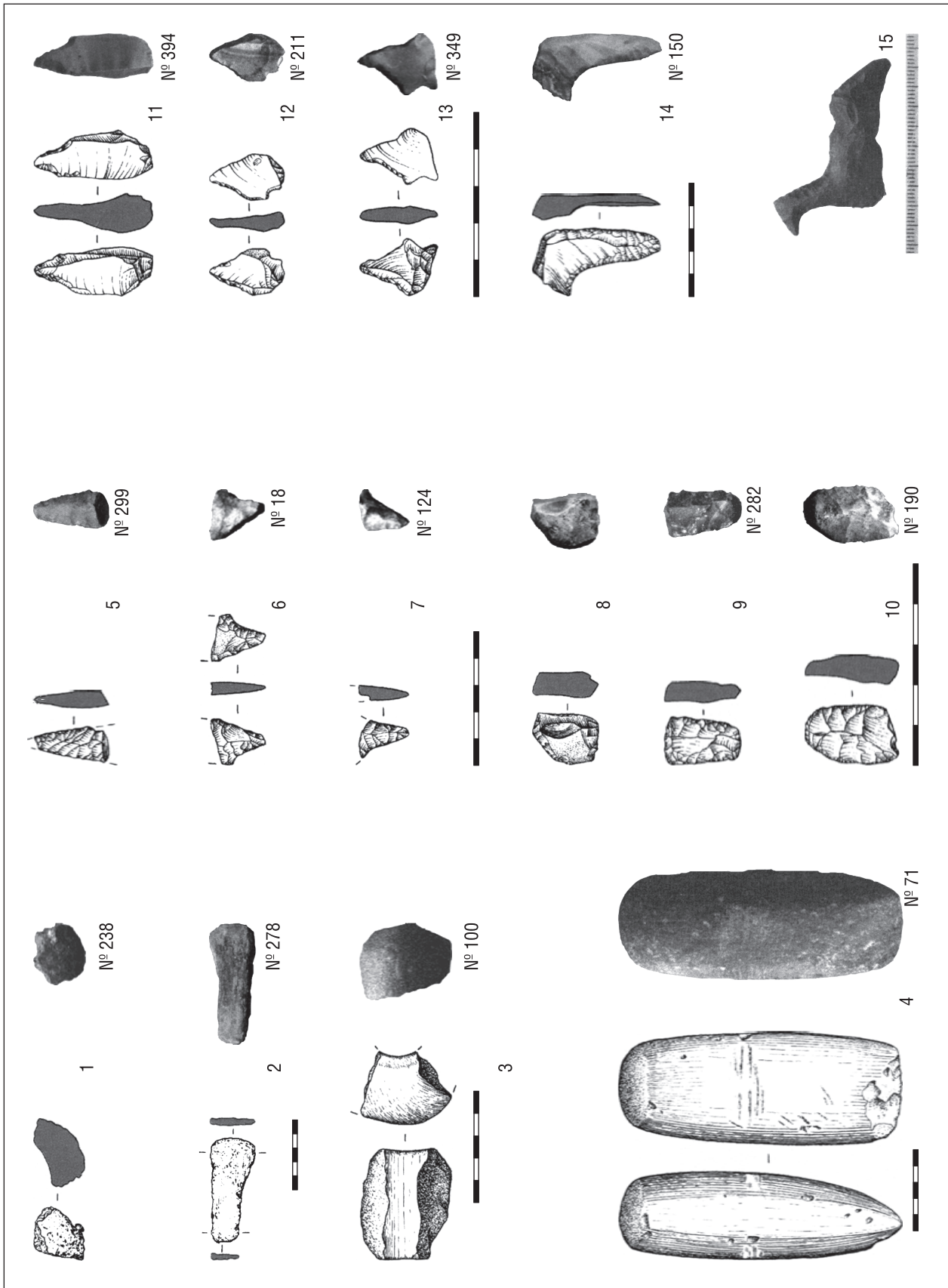

Рис. 3. Поселение Дмитриевская Слобода П. Находки

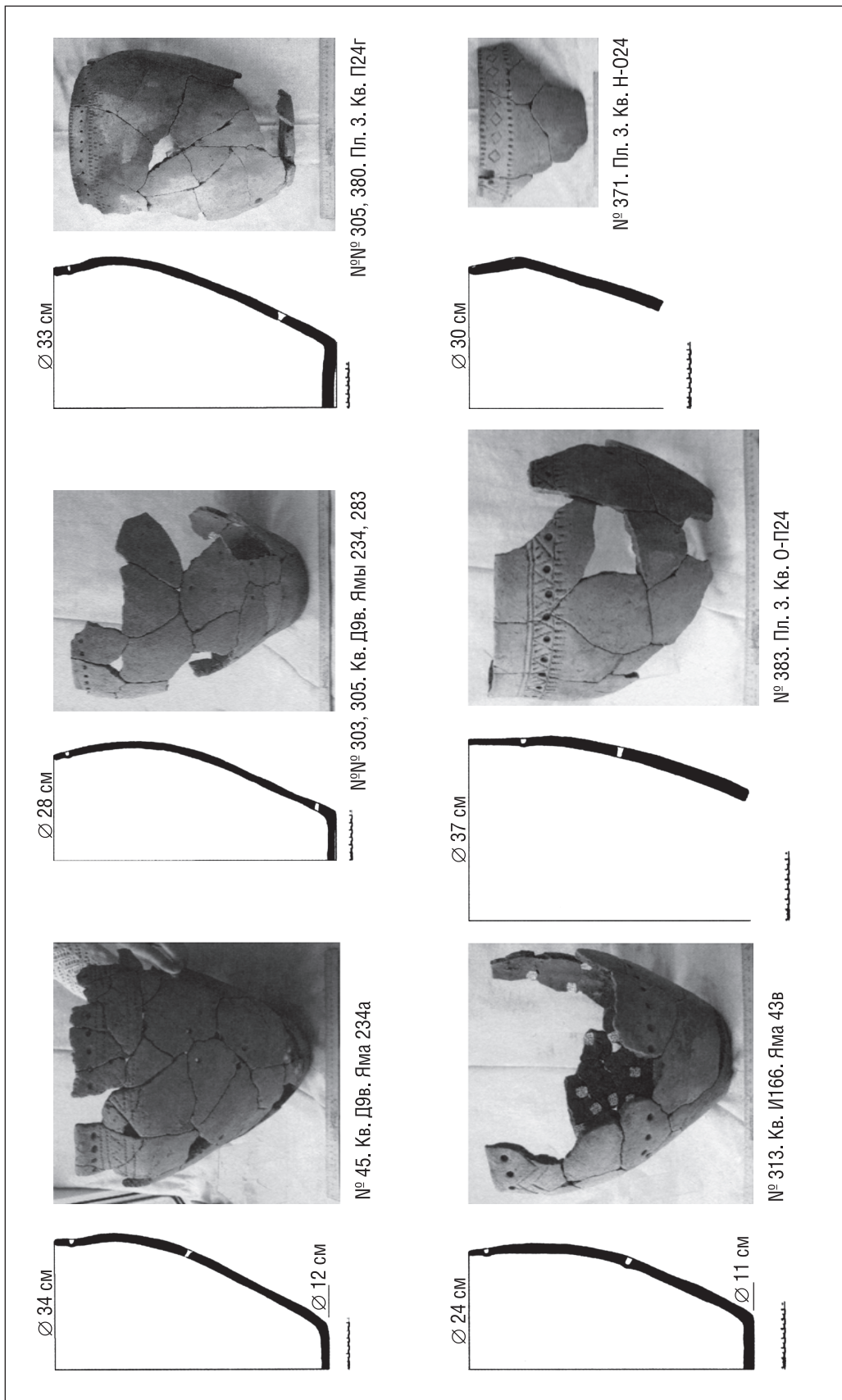

Рис. 4. Поселение Дмитриевская Слобода II. Керамика

Артефакты (рис. 3, 4)

Количество орудий и различных изделий невелико по сравнению с керамическим материалом, в т.ч. развалами сосудов.

Изделия из бронзы и предметы металлообработки представлены двумя экземплярами. Фрагмент тигля встречен на периферии поселения в южной части раскопа (рис. 3: 1). Черешковая часть бронзового ножа найдена в пределах жилища № 2 (рис. 3: 2).

В составе кремнёвого инвентаря – предметы метательного вооружения (рис. 3: 5–7), скребки (рис. 3: 8–10), перфораторы (рис. 3: 11–13) и режущие орудия (рис. 3: 14). Всего найдены 3 фрагмента наконечников стрел (два из них – черешковые), 10 скребков, 9 перфораторов и 1 нож. Интересна кремнёвая фигурка (рис. 3: 15).

Изделия из камня представлены предметами вооружения (одним фрагментом булавы – рис. 3: 3), одним рубящим орудием (рис. 3: 4), пятью абразивами и одним курантом.

Всего на участке поселения, изученном экспедицией ИА РАН, найдено ок. 7000 фрагментов керамики. Относительно полно сохранившихся форм сосудов – 16 (рис. 4). Часть сосудов была обнаружена в ямах в жилищах № 2 (5 экз.) и № 3 (6 экз.). 5 плоскостных развалов сосудов были встречены на ЮЗ периферии поселения. Эти сосуды представляют собой котловидные слабопрофилированные зауженные книзу формы вытянутых пропорций с плоским дном. В выборке сохранившихся сосудов присутствуют реберчатые формы. Верхняя часть сосудов в пределах четверти от общей высоты орнаментирована композициями, состоящими из рядов ямок или геометрических рисунков (зигзагов, ромбов, треугольников), нанесённых предположительно зубчатым штампом, которые иногда сочетаются между собой. Нижняя часть сосудов заглажена. Аналоги этой керамики происходят из комплексов поздняяковской культуры (поселения Лебяжий Бор 6, Борисоглебский могильник, могильник Фёфёлов Бор и др.).

Поселение Песочное-1

Поселение Песочное-1 расположено в озёрной котловине на берегу оз. Неро в 2 км от г. Ростова Велико-Ярославской области (рис. 1). Рельеф площадки, на которой расположено поселение, – плоский. На оз. Неро выделяются две террасы: основная раннеголоценовая высотой 103 м и более низкая среднеголоценовая высотой около 97 м. Поселение располагается в пределах низкого уровня приустьевой части р. Ишня. В результате накопления аллювия в этом месте сформировался характерный для речных дельт гривистый рельеф. Грива и плоские участки сложены аллювием пёстрого состава, преимущественно с прослоями суглинка. Уровень озера колебался, и эти трансгрессии отмечены террасами.

В течение голоцена климат рассматриваемого микрорегиона изменился. Из результатов палинологических исследований, проведённых Е.А. Спиридоновой, следует, что в среднем голоцене, конец которого приходится на эпоху бронзы, он был теплее современного. В составе лесов, окружавших поселение Песочное-1, были распространены широколиственные породы. Растительность этой местности была сформирована берёзой, ольхой, елью с участием широколиственных пород и незначительным участием сосны. Данные анализов почв также свидетельствуют о распространении в среднем голоцене в микрорегионе оз. Неро ландшафтов «более южного типа». В этот период почвы были серыми лесными, сходными по составу с почвами широколиственных лесов и лесостепей.

Результаты радиоуглеродного анализа позволяют датировать культурный слой эпохи бронзы поселения Песочное-1 периодом 1867–1535 лет до н.э. Он образован тёмно-коричневым оторфованным суглинком мощностью 15–25 см. Тёмно-коричневый оторфованный суглинок, содержащий находки бронзового века, перекрыт слоем стерильного коричневого торфа мощностью 15–25 см. Эти находки представлены изделиями из кремня и камня, следами металлообработки и керамикой. Ранняя сетчатая, чирковская и отдельные фрагменты фатьяновско-балановской керамики залежали в культурном слое бронзового века совместно с небольшим количеством волосовской и неолитической льяловской керамики. Фрагменты неолитической керамики нередко располагались в культурном слое вертикально. Это, вероятно, свидетельствует о том, что в ходе бытования поселения бронзового века более ранние неолитические слои были частично переработаны в результате хозяйственной деятельности человека.

Площадь раскопов на памятнике составила 182 кв. м. Были изучены остатки наземных сооружений, маркируемых рядами столбовых ям, замыкающих периметры пространств неуглублённых объектов (рис. 5). Внутри этих периметров располагались следы очажных конструкций. Всего были выделены три таких сооружения. Наиболее полно на раскопанной части памятника представлено сооружение № 3, исследованная площадь которого составляет около 90 кв. м. Прослеженные в раскопе сооружения были расположены последовательно друг за другом и ориентированы с ЮЗ на СВ. В пределах сооружения № 1 был найден развал чирковского сосуда, в сооружении № 3 обнаружены 3 развала сосудов, связанных с культурой сетчатой керамики. На площадке поселения, между сооружениями № 1 и № 2, было исследовано погребение, сделанное по обряду труположения. Костяк был вытянут по линии ССЗ–ЮЮВ. В области тазовой части погребённого были прослежены следы охры. Погребальный инвентарь состоял из глиняных грузика и бусины. Могильная яма, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ, имела неровные очертания.

Артефакты (рис. 6–14)

Уникальной особенностью поселения Песочное-1 является присутствие многочисленных следов металлообработки в виде бронзовых выплесков и фрагментов тиглей, залегающих в культурном слое по всей

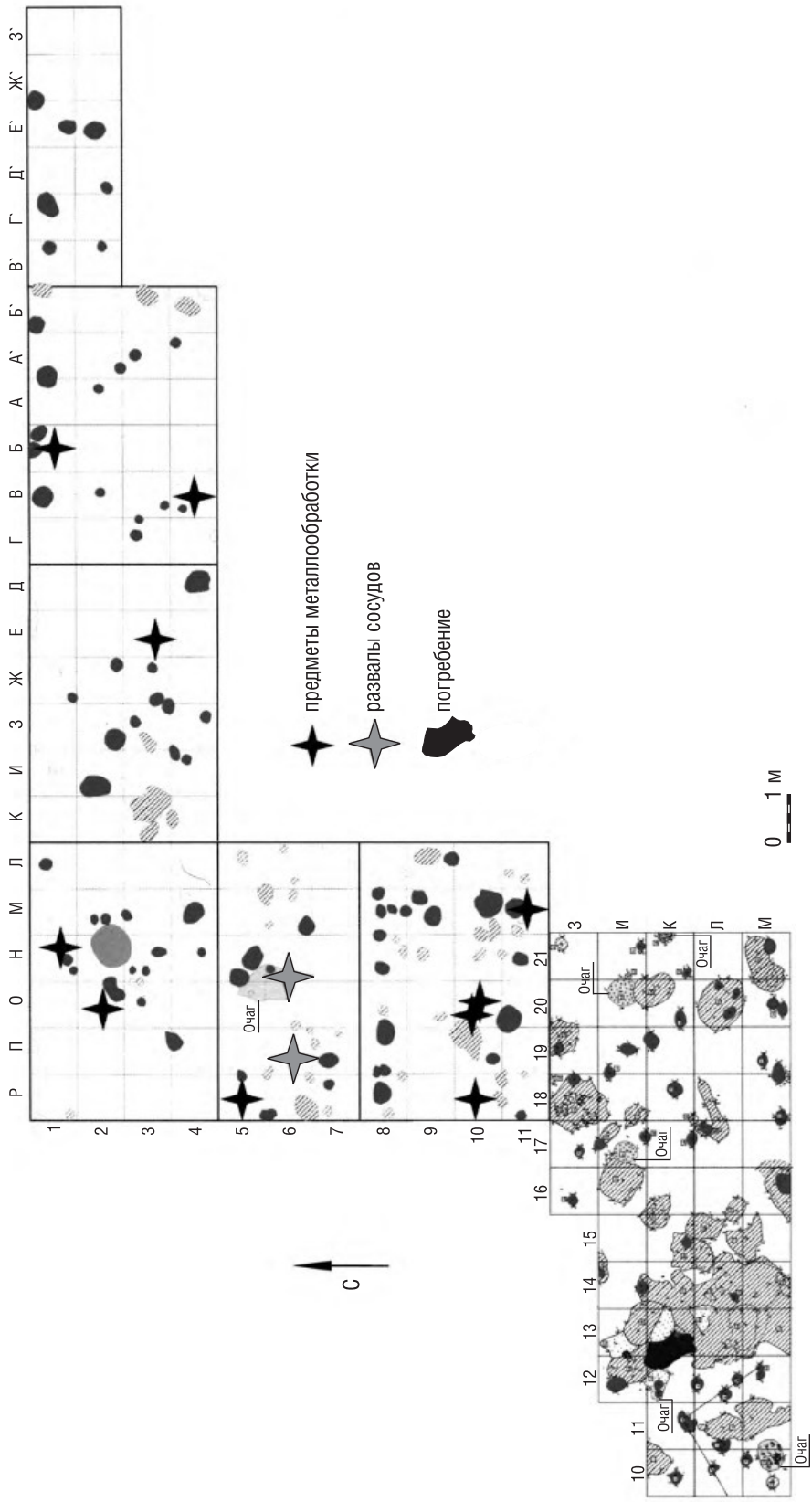

Рис. 5. Поселение Песочное-1. План расположения объектов

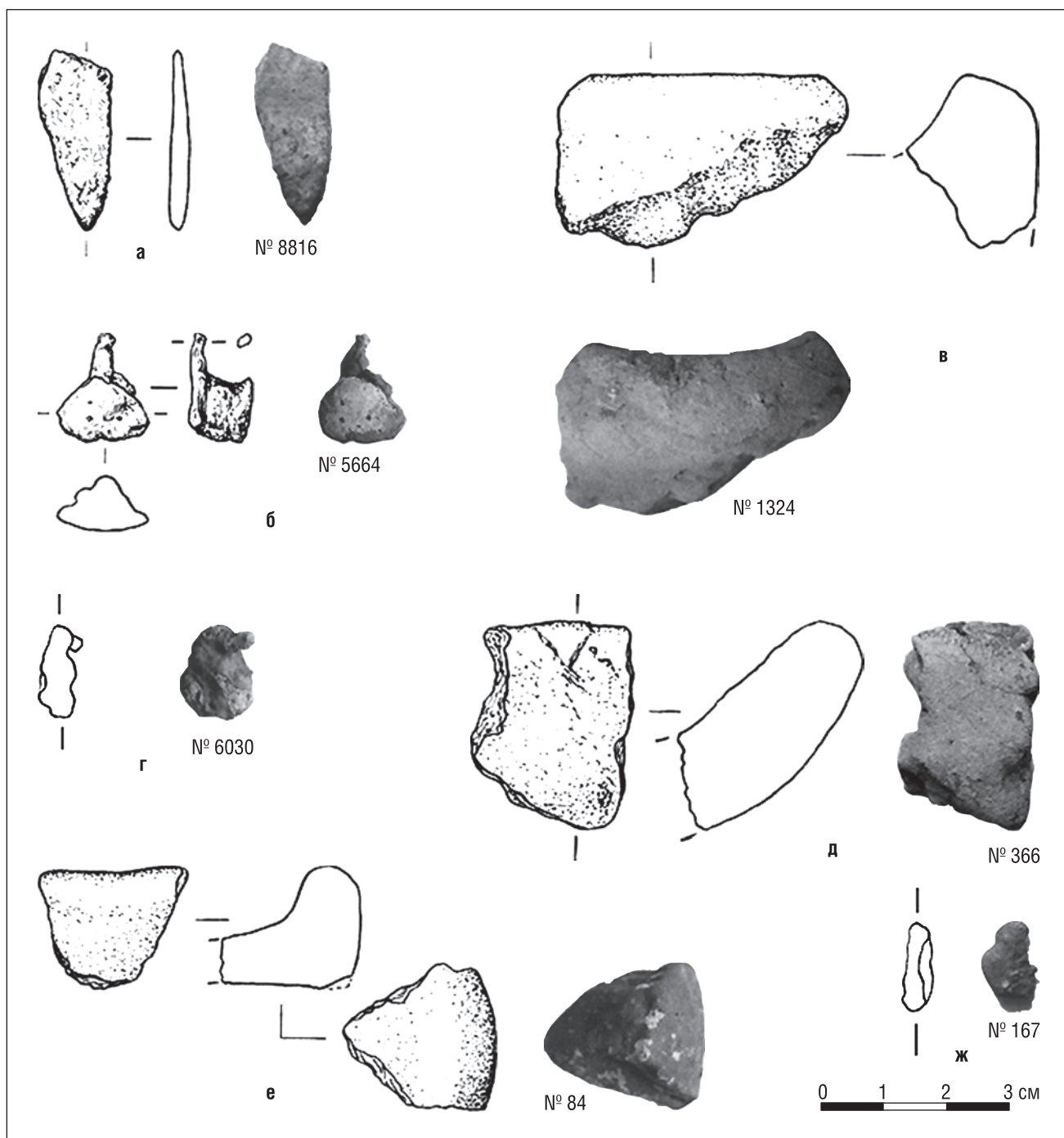

Рис. 6. Поселение Песочное-1. Metalлообработка:
 а, б, г, ж – предметы, бронза; в, д, е – фрагменты тиглей, керамика

площади раскопа с увеличением концентрации этих находок в его западной части. В изученных поселенческих комплексах центральной части Волго-Окского междуречья следы металлообработки, как правило, отсутствуют, а металлические изделия представлены единичными экземплярами. В 2008 г. были найдены 7 бронзовых выплесков, 1 фрагмент бронзового орудия и 6 фрагментов тиглей (рис. 6). В предыдущие годы на поселении были выявлены два бронзовых предмета – подпрямоугольное в сечении шило ромбической формы и проволочный браслет.

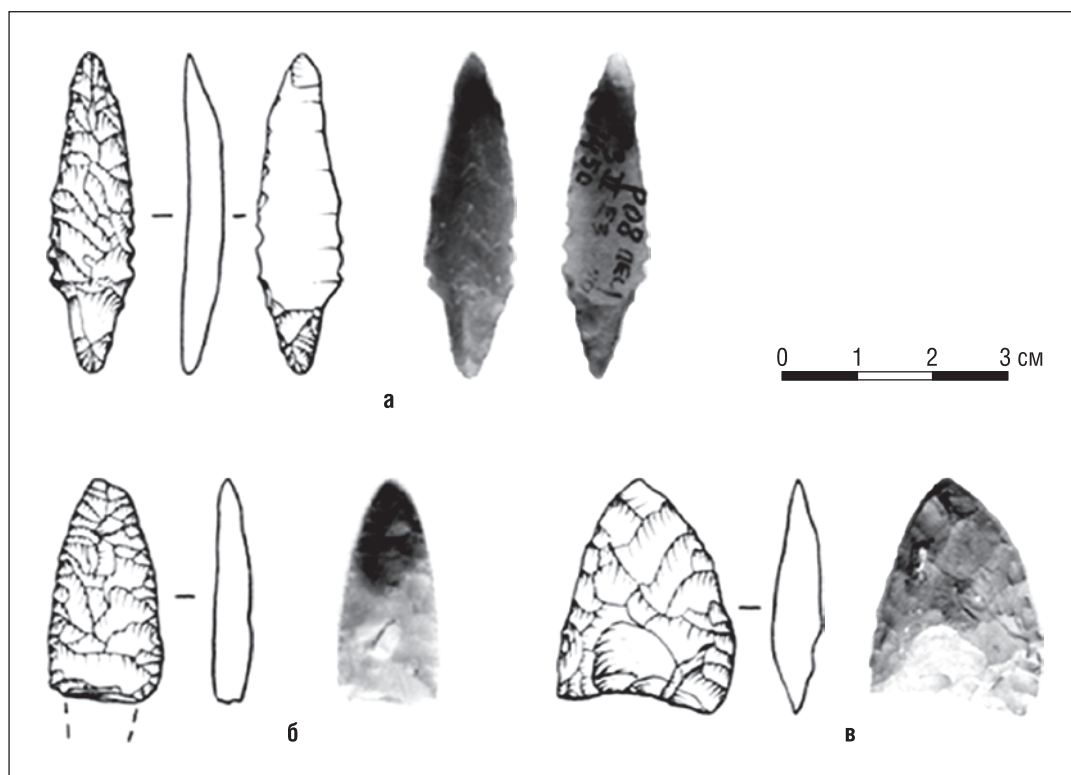

Рис. 7. Поселение Песочное-1. Метательное вооружение:

а – наконечник стрелы (№ 1450); б – наконечник стрелы (№ 3976); в – наконечник дротика (№ 1226). Кремль

Крайне необычно большое количество находок в слое бронзового века предметов метательного вооружения, представленных кремнёвыми наконечниками стрел и небольшим количеством наконечником дротиков (рис. 7, 8). Всего в раскопе 2008 г. площадью 130 кв. м были найдены 70 кремнёвых наконечников эпохи бронзы. Средняя концентрация этих изделий составляет примерно один наконечник на два квадратных метра исследованной площади поселения. Столь значительное количество кремнёвых наконечников стрел и дротиков бронзового века в культурном слое поселения, по всей видимости, свидетельствует о том, что последнее в значительной степени было хозяйственно ориентировано на занятие охотой, а исследованный участок памятника, возможно, являлся местом разделки охотничьих трофеев и ремонта снаряжения. Морфологически эти наконечники делятся на 7 групп (рис. 8).

Выделяется ограниченная серия изделий, выполненных в своеобразной технологической традиции, в которую входят наконечники разных форм: при изготовлении этих наконечников ретушировалась только спинка заготовки, нижняя часть отщепа-заготовки, как правило, не ретушировалась или в отдельных случаях подправлялась только краевой ретушью. Сходный технологический приём изготовления предметов метательного вооружения встречается на памятниках Волго-Камского региона 1-й пол. II тыс. до н.э. (поселение Мезерское 1, стоянки Юринская Луговая, Аркуль 3, Бакчи-тау и др.).

Также в культурном слое бронзового века найдено большое количество кремнёвых скребков (80 экз.), среди которых морфологически выделяются 5 групп изделий (рис. 9).

Среди других категорий кремнёвого инвентаря этого периода на поселении присутствуют перфораторы – 11 экз., режущие изделия – 2 экз., кремневые вкладыши – 1 экз. и нуклеидные куски (рис. 10).

Изделия из камня представлены отбойниками, абразивами и изготовленными из сланца рубящими орудиями (12 экз.). Большую часть рубящих орудий (10 экз.) составляют небольшие сланцевые стамески размером до 8 см (рис. 10).

Изделия из глины представлены грузиками – 8 экз., которые морфологически делятся на 3 группы (рис. 11).

Очень необычными и редкими находками являются так называемые предметы искусства, а именно кремнёвые подвески зоо- и антропоморфных форм (3 экз.) и глиняная бусина (рис. 12).

Найденная в слое бронзового века керамика (рис. 13) в основной своей массе относится к двум группам. Первая группа – это сосуды и фрагменты сосудов, связанные с культурой сетчатой керамики. Сохранившиеся развалы этих сосудов представляют собой слабопрофилированные котловидные округлые формы. В верхней четверти сосудов располагался штампованный декор из ямчатых и различных геометрических

	№ группы	Количество экземпляров
 3	1	14
 25	2	2
 14	3	1
 23	4	5
 39	5	3
 45	6	17
 62	7	19

Рис. 8. Поселение Песочное-1.
Метальное вооружение.
Статистическая таблица

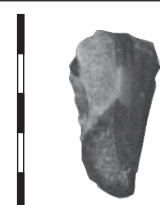
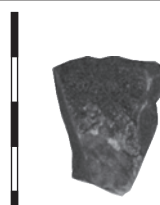
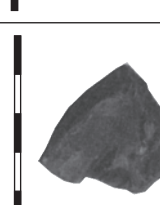
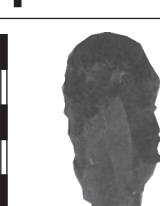
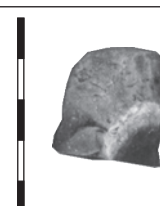
	№ группы	Количество экземпляров
 110	1	6
 135	2	7
 89	3	21
 145	4	3
 76	5	19

Рис. 9. Поселение Песочное-1. Скребки.
Статистическая таблица

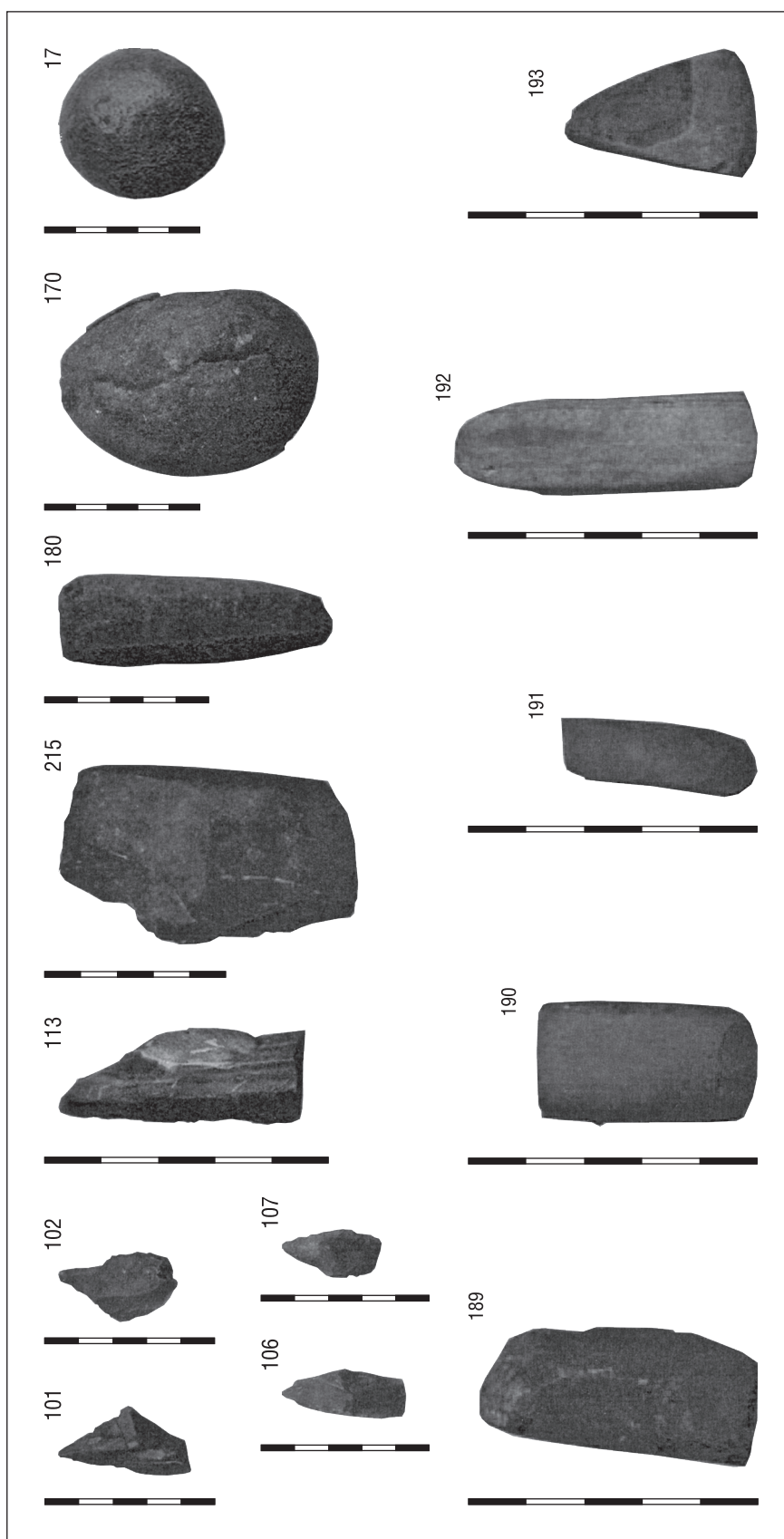

Рис. 10. Поселение Песочное-I. Находки. Кремьнь, камень

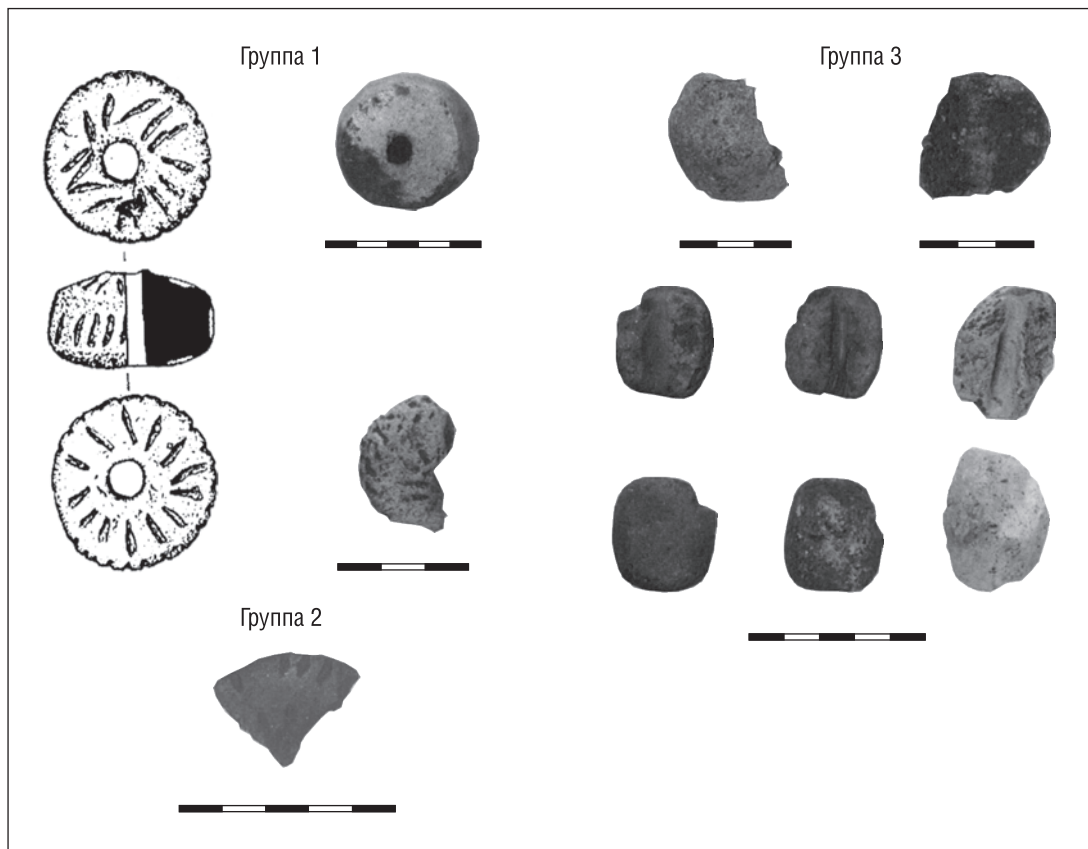

Рис. 11. Поселение Песочное-1. Керамические грузики

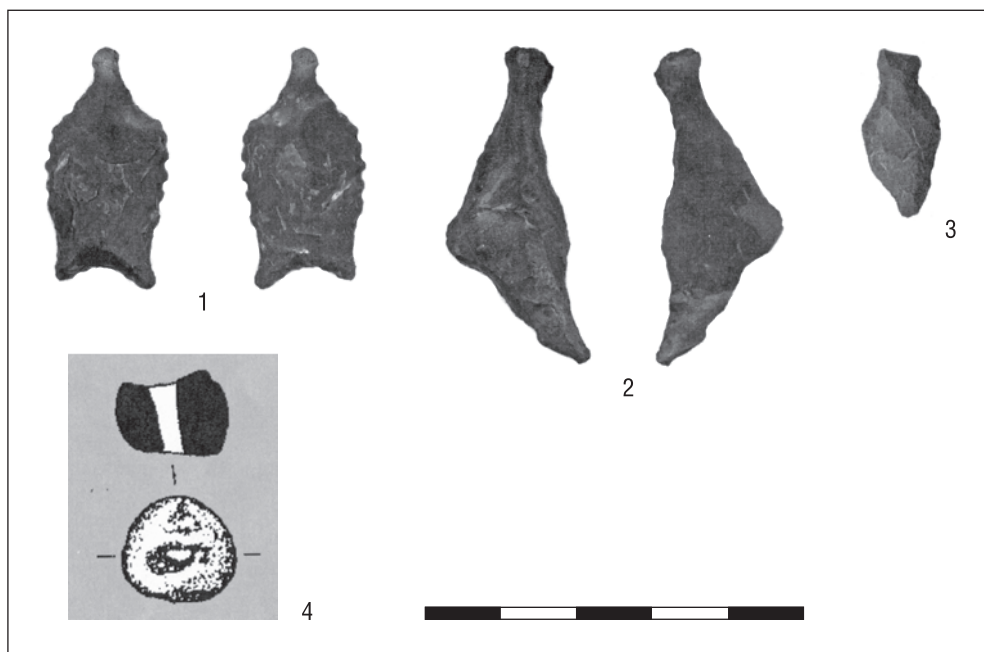

Рис. 12. Поселение Песочное-1. Предметы искусства:
1–3 – фигурки-подвески, кремь; 4 – буса, глина

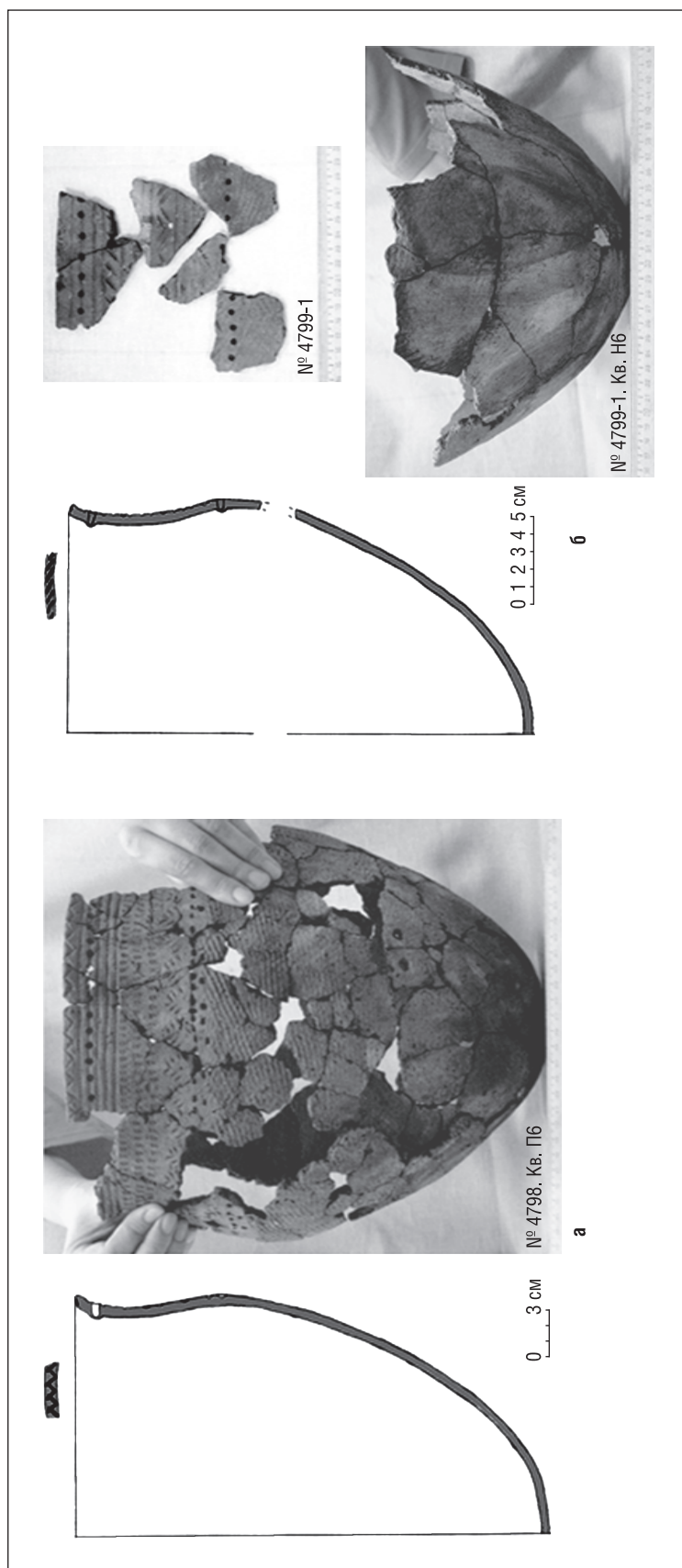

Рис. 13. Поселение Песочное-1. Развалы сосудов культуры «сетчатой» керамики:
 а – № 4798, раскоп 3, кв. П-6, пласт 1; б – № 4799, раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1

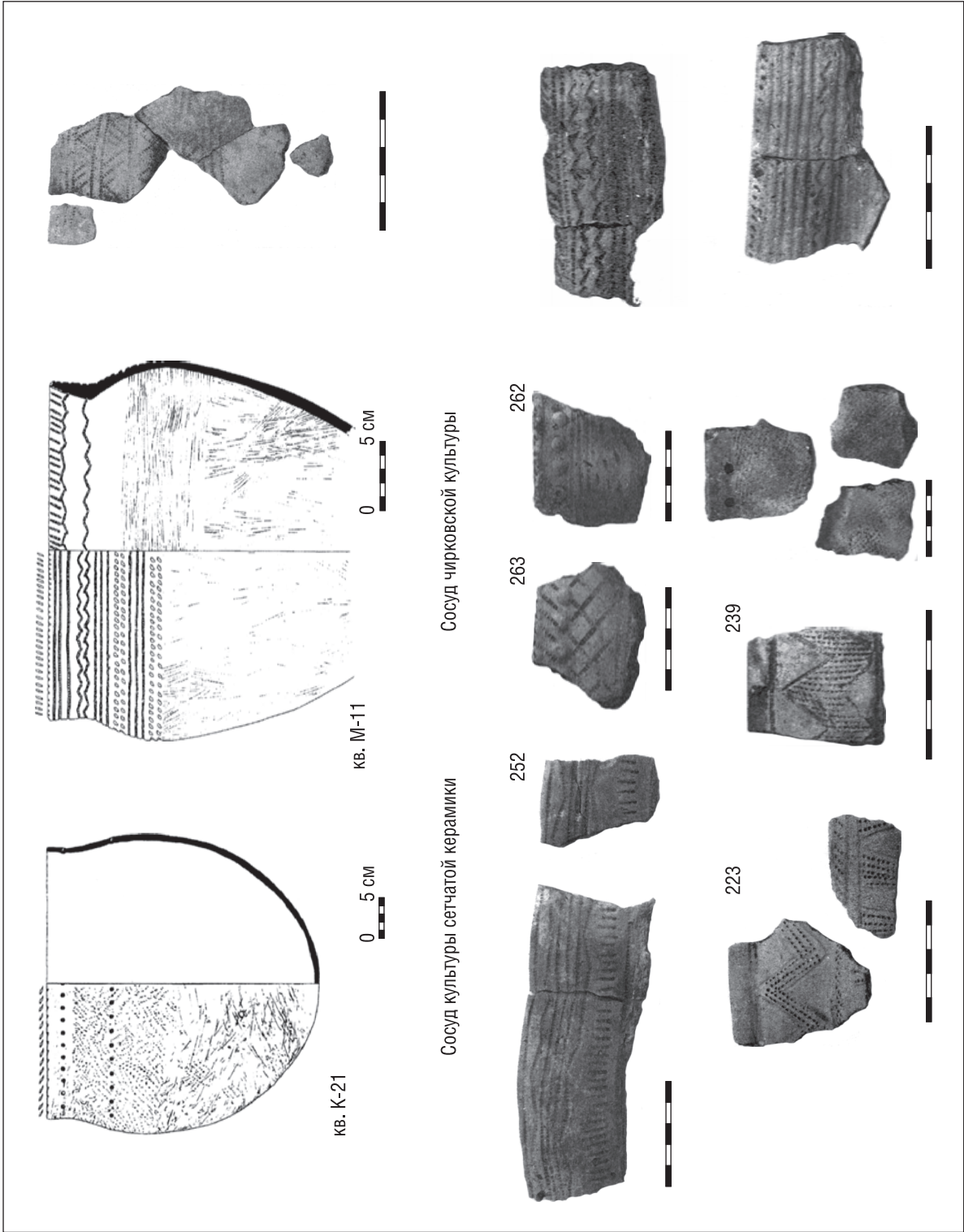

Рис. 14. Поселение Песочное-1. Керамика

композиций, выполненных предположительно зубчатым штампом. Всего были найдены 4 полные формы раннесетчатых сосудов (рис. 13, 14).

Вторая группа представляет собой чирковскую керамику, которая имела выраженную профилировку и резко отогнутый венчик. Декор сосудов состоял из мелкозубчатых сложных геометрических композиций, расположенных в верхней части сосудов. На поселении встречена одна полная форма чирковского сосуда (рис. 14).

Ранняя сетчатая и особенно чирковская керамика в каком-то количестве присутствует в верхних слоях практически всех доисторических поселений, известных в центральной части Волго-Окского междуречья и в Верхнем Поволжье. Ближайшие территориальные аналоги происходят из комплексов бронзового века, также расположенных в котловине оз. Неро: для ранней сетчатой керамики – со стоянки Варос, а для чирковской керамики – со стоянок Варос, Липовка 3, поселения Липовка 1.

Третья группа керамики – это единичные (7) фрагменты фатьяновско-балановских сосудов, декорированных балановским заглагом, окомтуренными треугольниками (рис. 14), известных на многих первобытных поселениях как в Волго-Окском междуречье (стоянки Воймежное 1, Варос, Станок, Борань и др.), так и в Волго-Камье (Васильсурское поселение, поселение Галанкина Гора, Юринская стоянка и др.).

В культурном слое бронзового века поселения Песочное-1 статистически доминирует сетчатая керамика (ок. 1000 экз.), второй по численности является чирковская керамика (300 экз.). Статистически сетчатая и чирковская керамика залегают совместно. Определить хронологическое соотношение между этими группами керамики (были ли они примерно одновременны или существовали последовательно в рамках бытования комплексов бронзового века поселения) в настоящее время не представляется возможным.

Заключение

Существовая в пределах одного историко-культурного ареала, поселения Дмитриевская Слобода II и Песочное-1 располагались в различных ландшафтных условиях.

Находясь в более южной части Волго-Окского междуречья, поселение Дмитриева Слобода II существовало в ландшафтной зоне с хорошо выраженным пойменным рельефом, в пределах которой произрастали деревья исключительно широколиственных пород и присутствовали элементы лесостепного ландшафта, и примыкало к крупной водной артерии – р. Ока.

Поселение Песочное-1, расположенное севернее, в центральной части Волго-Окского междуречья, находилось на берегу крупного озера (оз. Неро) при выходе из него небольшой речной протоки. Подобное местоположение является обычным для большинства первобытных поселений центральной части Волго-Окского междуречья начиная с неолита. Ландшафт местности при наличии «элементов (растительности) южного типа» был типичен для лесной зоны – с присутствием в растительности, помимо широколиственных, хвойных пород деревьев.

Количество кремнёвых и каменных изделий на поселении Дмитриевская Слобода II примерно в 10 раз меньше количества подобных артефактов на поселении Песочное-1. Вместе с тем на обоих поселениях присутствуют примерно одни и те же виды и морфологические группы кремнёвых и каменных орудий.

Число изделий из кремня на поселении Песочное-1 очень велико. Но среди орудий отчётливо доминирует группа предметов метательного вооружения, что, вероятно, свидетельствует о хозяйственной ориентированности этого поселения на занятие охотой. Вместе с тем на этом же поселении чрезвычайно ярко присутствуют следы металлообработки. Таким образом, здесь представлен необычный случай сосуществования прогрессивной технологии обработки металла с традиционной формой лесного хозяйствования (охота) в рамках одного поселенческого комплекса лесной зоны.

Следы металлообработки на поселении Дмитриевская Слобода II значительно менее выражены. Однако небольшое число каменных и кремнёвых изделий в комплексе поселения предполагает существование в его хозяйственном обороте большого количества орудий из металла, археологически не сохранившихся.

Вероятно, хозяйственные модели поселений в Волго-Окском междуречье носили ландшафтно-адаптивный характер и напрямую не отражали уровень технологического развития («грамотности») населения региона. По всей видимости, среди носителей культур бронзового века Волго-Окского междуречья металлообработка была распространена повсеместно. А количество и качество каменного инвентаря в комплексах обуславливалось хозяйственной ориентированностью поселений.

Комплекс керамики поселения Дмитриевская Слобода II чрезвычайно однороден и представлен исключительно сосудами, связанными с традицией поздняковской культуры.

Керамический комплекс бронзового века поселения Песочное-1 представляет собой полную противоположность. Его основной массив составляют две группы керамики, одна из которых связана с культурой сетчатой керамики, а другая – с чирковской культурой. Эта поликультурность, проявляющаяся на уровне керамических комплексов, типична для большинства поселений I-й пол. II тыс. до н.э. в центральной части Волго-Окского междуречья и интерпретируется как свидетельство неких этнокультурных процессов.

В рассматриваемый период на территорию Волго-Окского междуречья с востока происходило проникновение элементов материальной культуры Волго-Камского круга, распространявшихся в пределах зоны лесного ландшафта. Это проявлялось в дисперсном распространении комплексов с чирковской керамикой; появлении в центральной части Волго-Окского междуречья специфической технологии обработки кремнёвых наконечников стрел; в «продвижении» с востока на запад лесной зоны различных форм изделий из бронзы (вероятно, в качестве импортов) и, возможно, технологии металлообработки.

С другой стороны, культурное своеобразие центральной части Волго-Окского междуречья в рассматриваемый период определялось появлением и существованием комплексов с сетчатой керамикой, количество которых неуклонно возрастало и стало доминирующим в Волго-Окском бассейне к концу II тыс. до. н.э.

*Институт археологии РАН,
Москва*

K.V. Voronin

**THE COMPLEXES OF THE BRONZE AGE OF THE SETTLEMENTS
PESOCHNOYE-1 AND DMITRIEVSKAYA SLOBODA II**

Summary

The paper presents the results of the complex researches of two Bronze Age settlements, done in 2007–2008.

The monuments are located in the Volga–Oka interfluvium and dated to the 2nd–3rd quarters of 2nd millennium BC, but are placed in different landscape environments and belong to different archaeological cultures: Dmitrievskaya Sloboda II – to the Pozdnyakovskaya culture and Pesochnoye-1 – to the Chirkovskaya culture and the culture of the «net» ceramics.

In the course of the works the complex natural-scientific research (chemical and physical of soils, palaeobotanical and antropochemical, radiocarbon dating) was done on the monuments.

The objects of the study were the soils, cultural deposits, individual pits, buildings and objects.

The feature unique to the Volga–Oka interfluvium of the settlement Pesochnoye-1 was the presence of numerous traces of metalwork in the form of bronze splashes and fragments of crucibles.

In the period under review the penetration of the elements of the material culture of the Volga-Kama circle in the territory of the Volga–Oka interfluvium took place from the east.

On the other hand, the cultural identity of the central part of the Volga–Oka interfluvium was determined by the emergence and the development of complexes with «net» ceramics.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036, Russia*

E-mail: arch_bureau@inbox.ru

А.Л. Александровский, К.В. Воронин, А.В. Долгих

ПАЛЕОСРЕДА ГОЛОЦЕНА И СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЧВ И КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕСОЧНОЕ-1 И ЛИПОВКА-1 НА ОЗЕРЕ НЕРО

Котловина озера Неро, на берегу которого расположено поселение Песочное-1, имеет тектоническое происхождение. Она заполнена мощной толщей осадочных пород. Имеются пачки ледниковых отложений, но основную часть толщи составляют озёрные отложения, в том числе илы и сапропели голоценового возраста. В пределах плоского днища котловины, которое значительно шире озера, выделяются несколько низких террас. На них, в основном в пределах прибрежной зоны, находятся многочисленные археологические памятники от неолита до средневековья. Уровень озера колебался, что подтверждается наличием террас и низким положением остатков древних поселений, указывающим на регрессии. Так, в некоторых случаях культурные слои памятников уходят под уровень озера или перекрыты озёрными отложениями [1].

Район озера относится к переходной полосе между южной тайгой и подтайгой (зоной тёмнохвойно-широколиственных лесов). Почвы дерново-подзолистые и дерново-глеевые. Для понижений рельефа характерны болотные почвы. В районе поселения Песочное-1 исходные таёжные леса не сохранились. На их месте в настоящее время распространены антропогенные луга, мелколесье, представленное подростом берёзы, ивы, ольхи. Вообще растительный покров под действием человека изменяется быстро. Почвенный покров является более устойчивым компонентом ландшафта и поэтому в нём отражено расположение исходных растительных группировок, в первую очередь лесных и луговых, существовавших в районе памятника во время, предшествующее современному периоду интенсивного освоения территории. Такие растительные группировки являются характерными для данного района и при этом существенно различаются по характеру идущих под ними почвообразовательных процессов.

Условия среды эпохи бронзы и всего среднего голоцена отличались от современных. Реликты, имеющиеся в почвах региона, свидетельствуют о том, что эти отличия были значительными [2; 3]. Вместе с тем рельеф с того времени практически не изменился. Большое значение для растительности и почв прибрежной зоны имели колебания уровня озера. Можно полагать, что прибрежная полоса лугов и дерново-глеевых почв, формировавшихся в условиях близкого залегания грунтовых вод, существовала и в то время, но её положение в связи с трансгрессиями и регрессиями озера менялось. Более высокие позиции, как и позже, занимали леса, но по сравнению с современными они имели иной состав. Почвы были представлены серыми лесными, растительный покров – широколиственными лесами. В настоящее время подобные почвы и растительность распространены к югу от Оки в зоне широколиственных лесов и в лесостепи. Палеоботанические материалы указывают на менее контрастные изменения ландшафтов [4; 5]. По этим данным, климат среднего голоцена был теплее, леса – смешанные, с большой примесью широколиственных пород, однако увлажнённость климата характеризуется как относительно стабильная. Палинологические исследования Н.А. Хотинского с соавторами [6] свидетельствуют о существенном увеличении количества осадков во второй половине суббореального периода, что соответствует палеопочвенным данным.

Также для климата среднего и позднего голоцена, по данным палинологии, были характерны неоднократные колебания температуры и увлажнённости [7]. Это проявилось в формировании не одного, а нередко нескольких пограничных горизонтов торфяников, свидетельствующих о неоднократном усыхании болот [6]. В почвах аналогом пограничного горизонта торфяников является второй гумусовый горизонт (ВГ).

Большинство исследователей относят образование ВГ к среднему голоцену, о чём свидетельствуют данные радиоуглеродного датирования [8]. Ещё на первых этапах изучения ВГ было дано чёткое палеогеографическое объяснение его происхождения [9]. Было установлено, что во время термического максимума голоцена все ландшафтные зоны сместились к северу. В позднем голоцене в связи с похолоданием зоны сместились к югу, и в результате надвигания леса на степь чернозёмы деградировали, но сохранилась нижняя часть их гумусового горизонта, выраженная в современном профиле лесных почв как ВГ.

Отличия природных условий прошлого от современных были связаны не только с изменениями климата и эволюцией озёрной котловины, прошедшими за 3000 лет. Большую роль, особенно в районе поселений, играла деятельность человека. Сведение лесов, распашка, отходы различных ремёсел приводили к изменениям растительности, других компонентов ландшафта. Уже в бронзовом веке могло начаться загрязнение территории поселений в результате металлургии, а также других производств¹. Современный, преимущественно безлесный, ландшафт образовался в самое последнее время. В позднем бронзовом веке, на последнем этапе функционирования памятника, территория вокруг оз. Неро была полностью покрыта лесом. Вероятно, только на болотах и на местах поселений были небольшие участки, лишённые лесной растительности. Также не исключено, что вдоль берега озера протягивалась узкая полоска лугов.

Объекты и методы исследования

Поселение Песочное-1 расположено на западном берегу оз. Неро, к югу от Ростова Великого (рис. 1). Рельеф – плоский, что обуславливает заболоченность территории. Выделяются две озёрные террасы, однако неясно выраженные. Основная из них, раннеголоценовая, имеет высоту 100–103 м над уровнем моря (Балтийская система высот), более низкая, среднеголоценовая, – около 97 м (уровень озера – 93,2 м над уровнем моря). Имеется ещё одна озёрная терраса, более высокая, но она выделяется локально и находится на удалении от берега озера. Поселение Песочное-1 располагается на пологом склоне в пределах низкого террасового уровня (97 м) в приустьевой части р. Ишни. Рельеф – относительно плоский. Отложения представлены аллювием пёстрого состава, часто слоистым, с чередованием пачек песка и суглинка. Склон занят лугом и местами покрыт кустами. В нижней части склона заметно увеличивается переувлажнённость и заболоченность. Отсюда начинается плоская заочкаренная поверхность шириной около 300 м, тянущаяся до озера и слабовыступающая над ним. Выше на поверхности низкой террасы располагаются садовые участки с мощными пахотно-огородными почвами.

Также исследованы почвы и отложения поселения бронзового века Липовка-1, расположенного на южном берегу озера в краевой части более высокой террасы (100–103 м.) Уступ террасы выражен хорошо. Сложена она суглинистыми отложениями. Территория в окрестностях памятника заболочена в большей степени, чем в окрестностях Песочного-1.

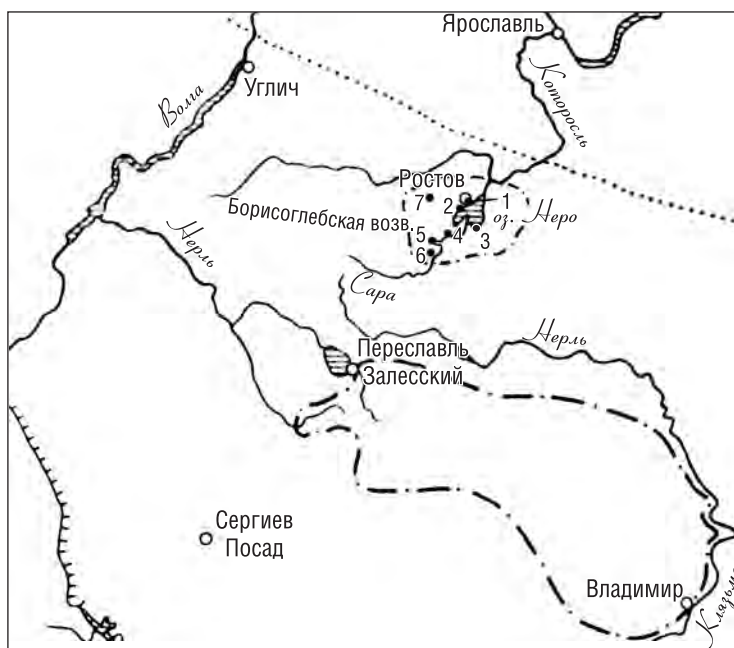

Рис 1. Объекты исследования: 1 – Митрополичий двор в Ростовском кремле; 2 – поселение Песочное-1; 3 – поселение Липовка-1; 4 – погребённая почва в пойме р. Сары; 5 – почва с тёмноцветным горизонтом у д. Левина гора; 6 – палеопочвы у с. Теханово; 7 – палеопочвы у д. Максимовицы. Пунктиром выделены Владимирское и «Ростовское» Ополя

¹ Подробно рассмотрено в статье А.Л. Александровского и др. «Почвенно-геохимические методы изучения стратиграфии многослойных доисторических памятников» в данном сборнике.

В раскопе 3 и шурфе 1 на поселении Песочное-1 исследовались культурный слой и почвы, погребённые под ним². Также изучались фоновые почвы, сформировавшиеся на прилегающих к поселению участках, в нижней части того же пологого склона, что и поселение (отметки ниже 97 м, разрезы 5ф–7ф), и выше, на поверхности низкой террасы (около 100 м над уровнем моря). На поселении бронзового века Липовка-1 исследованы почвы по периметру раскопа, фоновые почвы, остатки древесины из аллювиальных отложений.

По образцам, отобранным из почв и культурного слоя, выполнены почвенные анализы, сделаны определения пород деревьев по уголькам и фрагментам древесины. Также проведено датирование культурного слоя и почв по радиоуглероду (¹⁴C). Среди почвенных анализов особое значение имели определения содержания фосфора и гумуса, а также потери при прокаливании, определения гранулометрического состава и др. Анализы выполнялись в лабораториях Института географии РАН, Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН, Почвенного института Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), МГУ им. М.В. Ломоносова.

Получено большое число радиоуглеродных датировок, характеризующих время накопления культурного слоя и стадии формирования почв. Датировки получены в лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев). Калибровка дат проведена с помощью программы INTCAL 04. Анализ состава гумуса осуществлён в Институте почвоведения в Новосибирске.

Результаты почвенных исследований

Почвы и особенно культурный слой поселения Песочное-1 характеризуются большим своеобразием. Это обусловлено особенностями местоположения памятника, историей развития природы, свойствами почв на месте поселения и антропогенными их трансформациями в результате накопления культурного слоя. Большую роль в этих трансформациях играли особенности древних технологий, характер вещества, поступавшего в почву, и в целом большой комплекс антропогенных воздействий, повлиявших на состав и строение почв данного археологического объекта.

Раскоп 3, квадрат Н 4/5, колонка А (кА), южная стенка. Отметки даны от дневной поверхности (–160 см от репера)

Ad (дернина), 0–12(14) см. Серо-бурый увлажнённый суглинок комковатой структуры, уплотнённый, обилие корней, граница волнистая, переход постепенный.

AB (КC₁), 12(14)–17(20) см. Современный слой аллювия. Серо-бурый суглинок, пятнистый, увлажнённый, оструктуренный, уплотнённый, обилие корней, включения угольков, керамики. Граница слабоволнистая, переход резкий.

КC₂, 17(20)–27(40) см. Тёмно-серый увлажнённый суглинок комковатой структуры, слабо уплотнённый, корни растений, включения – до 10 % (керамика, кремь), граница слабоволнистая, переход постепенный.

КC₃, 27(40)–45(46) см. Тёмно-серый увлажнённый суглинок комковатой структуры, корни растений, включения – до 10 % (керамика, кремь), граница слабоволнистая, переход постепенный.

[A1кс], 45(46)–54(55) см. Гумусовый горизонт исходной почвы. Тёмно-серо-буроватый увлажнённый суглинок комковатой структуры, редкие корни, редкие включения керамики, граница слабоволнистая, переход постепенный.

B, 54(55)–(64) см. Переходный горизонт. Бурый увлажнённый суглинок комковато-призматической структуры, предположительно имеет мощность 30–40 см. По верхней границе – тёмно-серые кротовины.

Весь профиль, как и другие изученные на поселении, не вскипает от HCl.

Культурный слой отличается очень тёмным цветом, его окраска – равномерная, слою бронзового века и неолитический слой морфологически не различаются. Сверху пачка культурных отложений перекрыта аллювием (17 см) более светлой окраски. На аллювии сформирована слабообразованная почва (возраст аллювия – 200–300 лет). Под культурным слоем (28 см) погребена почва, содержащая, однако, единичные включения археологического материала.

В колонке А (кв. Н-4, О-4, описание см. выше) хорошо видны кротовины, они находятся в нижней части профиля, в средней и нижней частях горизонта А1кс исходной тёмноцветной почвы и в верхней части горизонта В. Выше в пределах культурного слоя ходы не видны, так как они заполнены таким же тёмным материалом (рис. 2).

Шурф 1, колонка Б, южный профиль. Отметки даны от дневной поверхности (–190 см от репера)

Ad (дернина), 0–8 см. Серо-бурый суглинок, увлажнённый, комковатой структуры, уплотнённый, обилие корней, граница слабоволнистая, переход постепенный.

AB, 8–26(28) см. Переходный горизонт. Серовато-бурый пятнистый увлажнённый суглинок, оструктуренный, уплотнённый, обилие корней. Граница волнистая, переход резкий.

КC₁, 26(28)–40 см. Тёмно-серый увлажнённый суглинок комковатой структуры, уплотнённый, корни растений, включения – до 10 % (керамика, кремь), граница ровная, переход постепенный.

КC₂, 40–64 см. Тёмно-серый влажный суглинок комковатой структуры, слабо уплотнённый, корни растений, включения – до 10 % (керамика, кремь), граница слабоволнистая, переход постепенный.

² Результаты археологического изучения представлены в статье К.В. Воронина «Комплексы бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская Слобода II» в данном сборнике.

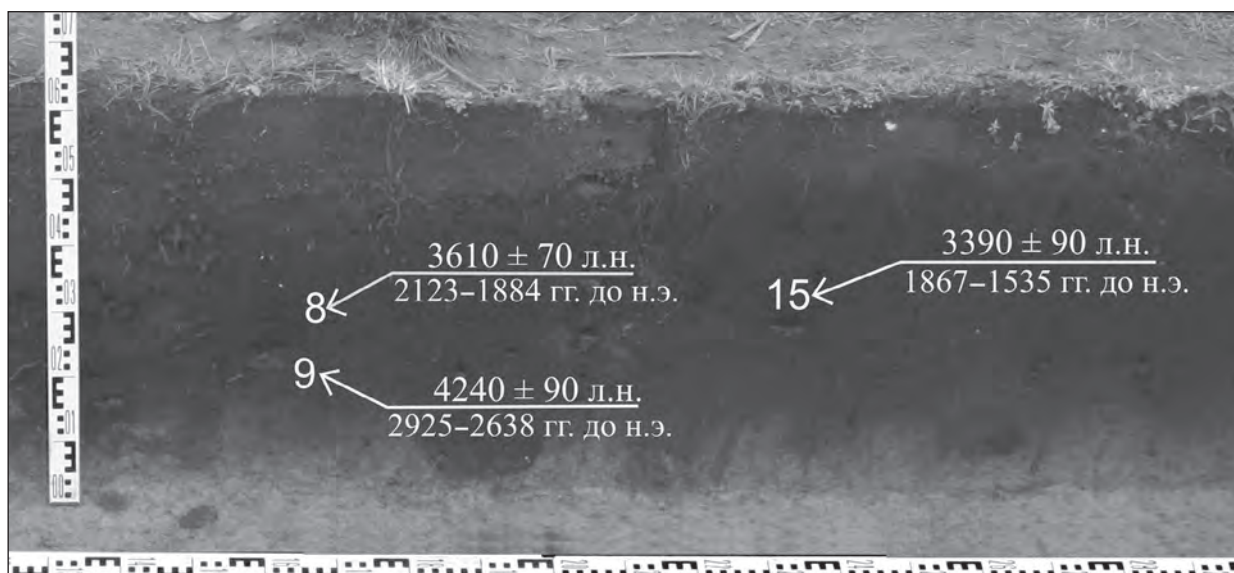

Рис. 2. Песочное-1. Раскоп 3, колонка А, кв. Н-4/5

[A1кs], 64–74 см. Гумусовый горизонт исходной почвы. Тёмно-серый, внизу серо-бурый суглинок, влажный, комковатой структуры, редкие включения керамики, граница слабоволнистая. В нижней части – кротовины. Переход постепенный.

В, 74–(84) см. Переходный горизонт. Бурый увлажнённый суглинок комковато-призматической структуры. В верхней части – тёмно-серые кротовины.

В данном разрезе под тёмно-серым к чёрному культурным слоем (38 см) выделяется гумусовый горизонт A1 исходной почвы. Он имеет почти такую же тёмную окраску, как и культурный слой, в средней и нижней частях постепенно светлеет. Мощность горизонта относительно невелика, 10 см, что, вероятно, объясняется вовлечением верхней части гумусового горизонта данной почвы в состав культурного слоя. Последний перекрыт аллювием (16 см), верхняя часть которого переработана почвообразованием (рис. 3).

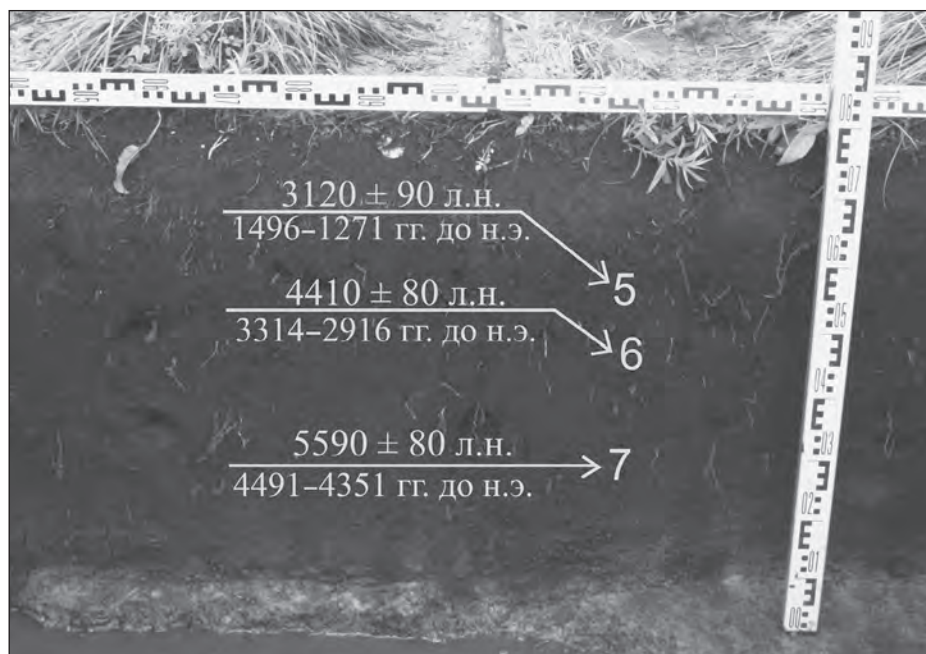

Рис. 3. Песочное-1. Шурф 1, колонка Б. Нормальное распределение радиоуглеродных дат по профилю

В ещё одном профиле из шурфа 1 (колонка Е, кв. Б-4) глубины горизонтов следующие: А₁+АВ (аллювий), 0–15 см; КС, 15–60 см; А₁(АВ), 60–75 см; В, 75–90 см (дно). Горизонт А₁к_с – более глинистый, чем вышележащий культурный слой. В последнем имеется примесь песчаных частиц. Мощность культурного слоя в колонке Е – максимальная: 45 см. В горизонте В – кротовины с тёмным гумусированным заполнением.

Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В (кВ), восточный борт. Отметки даны от дневной поверхности (–177 см от репера)

Ad (дернина), 0–8 см. Тёмно-серо-буроватый сухой суглинок комковатой структуры, уплотнённый, обилие корней, граница слабоволнистая, переход постепенный.

AB, 8–12 см. Переходный горизонт. Серо-бурый пятнистый увлажнённый суглинок, оструктуренный, уплотнённый, обилие корней. Граница волнистая, переход резкий.

КС₁, 12–41 см. Тёмно-серый увлажнённый суглинок комковатой структуры, уплотнённый, корни растений, включения – до 10 % (керамика, кремь), граница слабоволнистая, переход постепенный.

КС₂, 41–59 см. Тёмно-серо-буроватый влажный суглинок комковатой структуры, слабо уплотнённый, корни растений, включения – до 10 % (керамика, кремь), граница слабоволнистая, переход постепенный.

А₁к_с, 59–68 см. Гумусовый горизонт. Серо-буроватый влажный суглинок комковатой структуры, редкие включения керамики, граница слабоволнистая, переход постепенный. На границе с горизонтом В – кротовины.

В, 68–75 см. Переходный горизонт. Бурый увлажнённый суглинок комковато-призматической структуры.

В колонке Д (кв. И-4) выделены следующие горизонты: А₁+АВ, 0–12 (15) см; КС, 12–40 см; А₁, 40–45 см; В, 45–60 см. Образцы на ¹⁴С взяты с глубины 15–20 и 23–28 см. Как и в колонке А, хорошо видны кротовины. В колонке Г (кв. Р-10) профиль следующий: А₁+АВ, 0–20 см; КС, 20–40 (45) см; В(t), 45–60 см. Образец на ¹⁴С взят с глубины 27–34 см.

Фоновые разрезы

Разрез 4. Расположен на удалении от поселения на поверхности террасы 100–103 м над уровнем моря.

Ad, 0–7 см. Дернина. Тёмно-серо-бурый увлажнённый суглинок, слабо уплотнённый, обилие корней, граница ровная, переход постепенный.

Ap, 7–30(32) см. Пахотный горизонт. Серовато-бурый увлажнённый суглинок, слабо уплотнённый, комковато-ребристой структуры, корни растений, редкие включения угольков, фрагментов керамики, граница ровная, переход резкий.

EL, 30(32)–42(46) см. Элювиальный горизонт. Белёсо-буроватый увлажнённый суглинок, уплотнённый, комковато-плитчатой(?) структуры, кремнезёмистая присыпка, микроорштейны Mn, Fe. Граница языковатая, переход постепенный.

Ah, 32(35)–42(45) см. “Второй” гумусовый горизонт. Горизонт – не сплошной, имеет разрывы. Серый, серо-буроватый увлажнённый суглинок комковатой структуры, уплотнённый, граница слабоволнистая, переход постепенный.

ELB, 42(46)–56 см. Переходный горизонт. Белёсо-буроватые языки на буром, увлажнённый суглинок, плотный, ореховато-призматической структуры, по краям отдельностей – железо-гумусовые кутаны, граница ровная, переход постепенный. На глубине 46–56 см – кротовина с тёмно-серым заполнением.

BT₁, 56–77 см. Иллювиальный горизонт. Бурый, охристо-бурый влажный суглинок ореховато-призматической структуры, тёмно-серые кутаны по граням отдельностей, граница ровная, переход постепенный.

BTg₂, 77–(99) см. Иллювиально-глееватый горизонт. Сизовато-охристо-бурый влажный суглинок, плотный, ореховатой структуры, по краям отдельностей – серые кутаны.

Фоновая почва отличается от культурного слоя поселения светлой окраской всех горизонтов: гумусового (пахотного) Ap, подзолистого EL и иллювиального BT. Она может быть классифицирована как дерново-подзолистая. Это типичная почва лесной зоны с современным пахотным горизонтом. Вместе с тем в профиле почвы присутствует второй гумусовый горизонт (BG), характерный реликтовый признак для почв региона (ELh на рис. 4: разрез 4).

Подзолистые почвы с реликтовым BG характерны для района оз. Неро. По составу гумуса эти горизонты резко отличаются от современных почв и сходны с почвами лесостепи [8]. Радиоуглеродные датировки показывают, что тёмноцветная стадия почвообразования может быть отнесена к среднему голоцену. В позднем голоцене под южнотаёжными лесами почвы эволюционировали в дерново-подзолистые. Верхняя часть тёмноцветного гумусового горизонта была разрушена, и на её месте сформировались современный светлый гумусовый горизонт и белёсый подзолистый горизонт. Реликтовый гумус сохранившейся нижней части исходного тёмноцветного горизонта – BG – сильно деградирован, так как находится в пределах подзолистого и самой верхней части иллювиального горизонтов.

Разрез 7ф. Как и разрезы 5ф, 6ф, находится в нижней части склона к озеру, на тех же отметках, что и раскоп на поселении Песочное-1.

Ad, 0–5 см. Дернина. Серо-бурый увлажнённый суглинок, уплотнённый, комковатой структуры, обилие корней, граница ровная, переход постепенный.

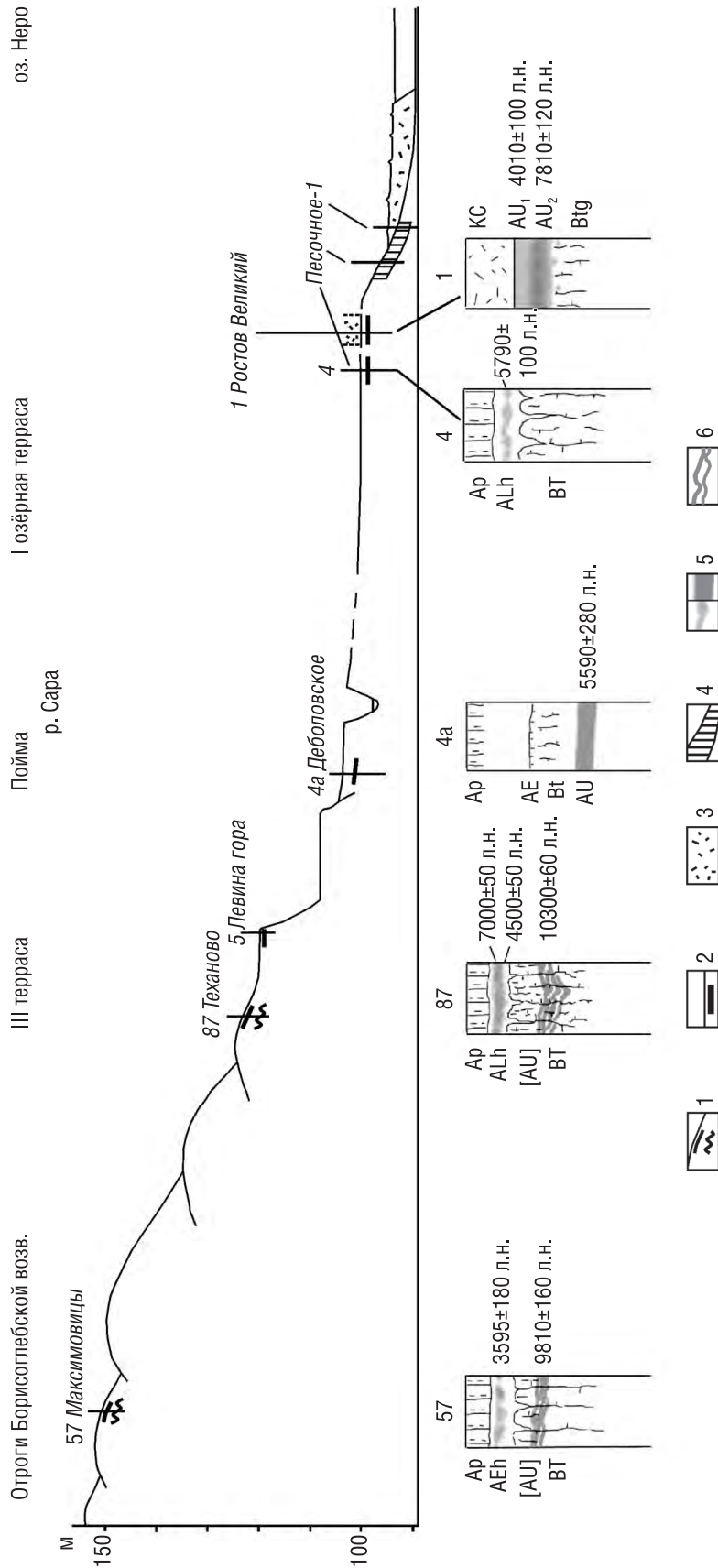

Рис. 4. Расположение разрезов в днище и на склонах озёрной котловины: 1 – вторые гумусовые горизонты (ВГ) и погребённые гумусовые горизонты аллерёда (криотурбированные в позднем дриасе) в профиле дерново-подзолистых почв высоких поверхностей; 2 – ВГ в профиле дерново-подзолистых почв на низкой озёрной террасе; 3 – молодые органические отложения озера Неро и культурный слой Ростов Великого; 4 – культурный слой поселения бронзового века Песочное-1; 5 – тёмноцветные гумусовые горизонты голоцена: в профиле дерново-подзолистых почв (разрезы 57, 87, 5, 4, 1) и погребённые в позднем дриасе оглиненные гумусовые горизонты почв аллерёда (разрез 4а); 6 – тёмноокрашенные криотурбированные в позднем дриасе

AB, 5–16 см. Переходный горизонт. Сизовато-бурый увлажнённый суглинок с охристо-бурыми пятнами, комковатой структуры, корни растений, граница слабоволнистая, переход резкий.

A₁, 16–37 см. Тёмно-серый влажный суглинок комковатой структуры, уплотнённый, корни растений, граница волнистая, переход постепенный.

ABg, 37–48 см. Сизовато-серо-буроватый суглинок к супеси, влажный, уплотнённый, редкие корни растений, железистые конкреции, граница ровная, переход постепенный. Отмечаются 2 кротовины (горизонтальная и вертикальная), заполненные тёмно-серым суглинком.

B_{1g}, 48–55 см. Белесовато-бурая супесь с сизовато-бурыми пятнами, влажная, уплотнённая, железистые новообразования, граница ровная, переход резкий.

B_{2g}, 55–(63) см. Желтовато-бурый суглинок, влажный, плотный, призматической структуры, по граням отдельностей – тёмно-серый материал, по верхней границе – тонкий тёмно-серый прослой, прослеживающийся также в соседних разрезах (6ф и 5ф).

Данная дерново-глеевая почва формируется в нижней части склона, в условиях подтопления. Подобные почвы образуются в лесной зоне под луговой растительностью при неглубоком залегании грунтовых вод. По сравнению с культурным слоем поселения гумусовый горизонт данной почвы – меньшей мощности и более светлый. Склон, на котором располагается поселение, сложен суглинками, в верхней его части местами встречаются супесчаные и песчаные прослои. В голоцене в пределах верхней части этих отложений сформировался профиль почв. В нижней части склона это дерново-глеевые почвы. В верхней части склона – почвы переходные от дерново-глеевых к дерново-подзолистым. В нижней части их профиля в суглинистых горизонтах нередко видна ореховато-призматическая структура с глинисто-гумусовыми натёками из сероватого материала верхних горизонтов почвы. Эти признаки характерны для иллювиальных горизонтов (BT, Bt) дерново-подзолистых и других почв лесного генезиса. Слабые признаки иллювиального горизонта обнаруживаются в суглинках под культурным слоем.

Можно предполагать, что в течение последних этапов голоцена уровень озера менялся, в результате чего почвы рассматриваемого склона при подъёме уровня вод в озере формировались под лугом как дерново-глеевые (горизонт Bg), а при понижении – под лесом, как дерново-подзолистые (горизонт BT). Последним событием в развитии почв было накопление 10–20-сантиметрового слоя аллювия. Этот аллювий суглинистого состава перекрыл почвы склона и на месте поселения и за его пределами. Произошло это относительно недавно (XVII–XVIII вв. н.э.). Поэтому на поверхности аллювия успела сформироваться лишь слаборазвитая почва. Мощность гумусового горизонта составляет менее 10 см. Возраст почвы – от 100 до 300 лет. Аллювий светлее подстилающей почвы и культурного слоя, но и он испытал воздействие процессов почвообразования. Хорошо выражена комковатая структура, что связано с деятельностью корней трав и червей.

На месте поселения почвы существенно изменены человеком. Культурный слой имеет очень тёмную окраску: тёмно-серую к чёрной. Формирование слоя проходило длительное время, но слой – относительно маломощный, так как постройки создавались из древесины. Слой оструктурен и гомогенизирован в результате действия процессов почвообразования, протекавших в промежутках между периодами заселения и в течение более 3000 лет после существования поселения бронзового века.

Под культурным слоем вскрывается гумусовый горизонт почвы, маломощный, но очень тёмного цвета. В фоновых почвах тёмноцветный горизонт, залегающий на глубине (BГ), сохранился в единичных случаях (разрез 4ф), причём в сильнодеградированном виде. Видимо, культурный слой на месте поселения Песочное-1 послужил экраном, защитившим реликтовый гумусовый горизонт от воздействий более поздних почвообразовательных процессов.

Исходные мощные тёмноцветные гумусовые горизонты почв формировались в районе оз. Неро, как и во многих других районах подтайги, в среднем голоцене [2].

Радиоуглеродный возраст почв и культурного слоя

Проведены определения радиоуглеродного возраста культурного слоя поселения (табл. 1) и почв окружающей территории (всего около 100 радиоуглеродных дат). Основным объектом датирования явился гумус культурного слоя, содержание которого здесь очень высокое. Другие углеродсодержащие материалы, обычно позволяющие получать более точные даты: кости, древесный уголь, – в условиях переувлажнения, характерных для данного памятника, разрушаются или плохо сохраняются.

Мощность культурного слоя, включающего горизонты от неолита до поздней бронзы, относительно невелика: от 30 до 45 см. Перекрывающий его маломощный слой аллювия (12–20 см) появился относительно недавно. Следовательно, культурный слой в течение нескольких тысячелетий находился в приповерхностном залегании и испытывал воздействие почвенных процессов.

К настоящему времени на территории поселения сформировались почвы, профиль которых представлен гумусовым и глеевым горизонтами. Такие почвы называются дерново-глеевыми. Они формируются под воздействием активно протекающего процесса накопления гумуса в пределах корнеобитаемого слоя, а также оглеения. Кроме того, на дне раскопа, на светлом фоне подгумусового горизонта (материка), хорошо видны многочисленные ходы грызунов-землероев – кротовины. Выше, в пределах сильногумусированной толщи, эти ходы видны плохо, так как заполнены материалом, не отличающимся от окружающего. Здесь их намного больше, чем в подгумусовой части профиля. Можно полагать, что процессы накопления гумуса и роющая деятельность почвенной фауны являются существенными факторами, осложняющими результаты датирования культурного слоя по радиоуглероду.

Таблица 1. Результаты определений возраста почв и культурного слоя по радиоуглероду гумуса

Разрез, образец, глубина образца от современной дневной поверхности (высота над уровнем моря)	Лабораторный индекс	Радиоуглеродная дата, лет назад*	Калиброванный возраст
<i>Ростов Великий</i> , АУ ₁ , 245–255 см (100–103 м)	Ki-10517	4010±100	1σ ^{**} 2840–2350 BC 2σ 2875–2210 BC
АУ ₂ , 260–275	Ki-10516	7810±120	1σ 6895–6475 BC 2σ 7040–6445 BC
<i>Песочное-1</i> . Дерново-подзолистая фоновая почва, р.4ф, Ah, 32–45 см (100 м)	Ki-15659	5790±100	1σ 4769–4526 BC 2σ 4897–4375 BC
Дерново-глеевая фоновая, р.5ф, АВ', 40–51 см (97 м)	Ki-15660	1790±80	1σ 131–335 AD 2σ 63–416 AD
Дерново-глеевая фоновая, р.6ф, А1', 34–39 см (97 м)	Ki-15661	3250±90	1σ 1623–1433 BC 2σ 1746–1316 BC
№ 1. Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС ^{***} , 27–37 см (середина КС)	Ki-15645	3610±70	1σ 2123–1884 BC 2σ 2193–1768 BC
№ 4. Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС, 37–46 см (низ КС)	Ki-15648	4240±90	1σ 2925–2638 BC 2σ 3090–2573 BC
№ 6. Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В, КС, 31–41 см (середина КС, слой культуры с сетчатой керамикой)	Ki-15650	3490±80	1σ 1915–1694 BC 2σ 2026–1620 BC
№ 7. Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В, КС, 49–59 см (низ КС, льяловский слой)	Ki-15651	5310±90	1σ 4229–4064 BC 2σ 4231–4051 BC
№ 3. Шурф 1, кБ, КС (середина КС), 30–40 см (97 м)	Ki-15647	4410±80	1σ 3314–2916 BC 2σ 3339–2902 BC
№ 2. Шурф 1, кБ, КС (низ КС), 55–64 см (97 м)	Ki-15646	5590±80	1σ 4491–4351 BC 2σ 4647–4264 BC
<i>Пойма р. Сары</i> . Тёмноцветная палеопочва (105 м)	МГУ-132	5590±280	1σ 4765–4059 BC 2σ 5301–3793 BC
<i>Левина гора</i> . ВГ (130 м)	ИГАН-76	5870±40	1σ 4789–4707 BC 2σ 4839–4618 BC
<i>Теханово</i> . ВГ и погребённая почва (аллерёд) ^{****} (125 м)	ИГАН-214 ИГАН-215	7000±50 10300±60	1σ 5980–5883 BC 2σ 5989–5762 BC 1σ 10394–10029 BC 2σ 10435–9876 BC
<i>Максимовицы</i> . ВГ и погребённая почва ^{****} (155 м)	ИГАН-1232 ИГАН-1231	3595±180 9810±160	1σ 2201–1694 BC 2σ 2461–1529 BC 1σ 9654–8885 BC 2σ 9866–8761 BC

*Радиоуглеродные даты принято давать в годах назад от 1950 г.

**При одной сигме вероятность – 68 %, при двух сигмах – 95 %. BC – гг. до н.э., AD – гг. н.э.

*** Культурный слой.

**** Дата несколько омоложена. Объяснения – в тексте.

Датирование производилось в Радиоуглеродной лаборатории геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев). Датированием служило органическое вещество, которое выделялось по методике, применяемой для почв и минерализованных торфов, а именно с помощью пиролиза.

Радиоуглеродные даты, полученные по гумусу из археологических объектов, в точности уступают датам по другим более надёжным углеродсодержащим материалам: древесине, древесному углю, кости. Это связано с тем, что древесина и кость характеризуют короткие интервалы времени своего формирования. Почвенный гумус формируется долго, в течение столетий и тысячелетий, и в процессе почвообразования он омолаживается. Культурные слои обычно располагаются в пределах гумусовых горизонтов почвы, поэтому содержащийся в них гумус может иметь как почвенное, так и археологическое происхождение. В некоторых случаях преобладает медленно накапливающийся почвенный гумус, в результате чего даты ¹⁴C по гумусу могут существенно отличаться от археологического возраста. Но часто преобладают гумифицированные остатки органического вещества, имеющие антропогенное происхождение и составляющие основу «археологиче-

ского гумуса». Последний обычно формируется из больших объёмов органического вещества, поступающего в культурный слой (щепа, остатки деревянных построек, навоз, пищевые остатки) за относительно короткие промежутки времени (годы, десятки лет). При существенном преобладании «археологического гумуса» над почвенным радиоуглеродные даты могут достаточно точно отражать возраст культурного слоя [10].

Однако, если после запустения поселения процесс накопления гумуса шёл достаточно интенсивно и гумус при этом был достаточно устойчивым, например гумус чернозёмов, может происходить омоложение дат культурного слоя. Ещё одними составляющими «археологического гумуса» могут быть углефицированная органика и дисперсный уголь, поступающие в культурный слой вследствие многочисленных пожаров.

Полученные даты оказались достаточно древними. Признаки омоложения за счёт накопления гумуса за последние 3000 лет не прослеживаются. Даты чётко стратифицированы по глубине согласно последовательности археологических культур (рис. 2, 3). Даты с уровня льяловского слоя наиболее древние, даты из слоя с сетчатой керамикой – молодые. Вместе с тем выявляются следующие отклонения радиоуглеродных дат, полученных по гумусу, от археологических. Даты по нижним образцам (льяловский слой, №№ 2, 7 в табл. 1) несколько моложе археологических. Даты по верхним образцам (слой культуры с сетчатой керамикой, №№ 1, 6 в табл. 1) – несколько древнее. Выявленные отклонения можно объяснить процессами перемешивания слоя землероями. Известно, что землерои могут выносить материалы нижних горизонтов почвы на поверхность и, наоборот, перемещать его из верхних слоёв в глубь почвы. На фотографиях материка и предматерика ходы землероев видны очень хорошо. Известно, что в гумусовых горизонтах роющая деятельность должна быть ещё выше. Однако эти ходы не видны, так как заполнены тем же тёмным гумусированным материалом. В подобных почвах и культурных слоях иногда встречаются ходы, заполненные более светлым материалом. Однако хорошо видны признаки их быстрого стирания в результате деятельности червей и другой почвенной фауны, а также в связи с накоплением гумуса (основная часть тёмного гумуса образуется за счёт разложения корней трав).

Наиболее мощные и сильногумусированные почвы с тёмноцветными горизонтами были выявлены в Ростове Великом во время работ в Ростовском кремле (раскоп на Митрополичьем дворе) и на Конюшенном дворе. Здесь они были обнаружены под культурным слоем X в. н.э. и характеризовались очень хорошей сохранностью по сравнению с сильно деградированными реликтовыми горизонтами из разреза 4ф и из исследованных ранее разрезов в окрестностях оз. Неро [8].

Морфологическое и аналитическое исследование почв Ростова Великого показывает, что их профиль имеет чёткую элювиально-иллювиальную (текстурную) дифференциацию. Морфологически она выражена не ярко, так как элювиальные горизонты прокрашены гумусом. Вместе с тем, по данным гранулометрии она прослеживается чётко: величина выноса фракции ила из верхней элювиальной части профиля в нижнюю иллювиальную хотя и меньшая по сравнению с дерново-подзолистыми почвами, но прослеживается чётко (табл. 2). Очевидно, в течение позднеголоценовой лесной стадии сформировался текстурно-дифференцированный профиль. Затем, в последние века нашего времени, в результате сведения леса человеком, под воздействием луговой растительности профиль вторично прокрасился гумусом. До этого имелся ещё один этап глубокой прокраски профиля гумусом, относящийся к лесостепной среднеголоценовой стадии развития ландшафта.

По результатам радиоуглеродного датирования возраст тёмноцветной почвы оказался древним: 4010 ± 100 и 7810 ± 120 л.н. (табл. 1). Видно, что не только в нижнем A_{12} , но и в верхнем гумусовом горизонте A_1 почвы, погребённой около 1000 л.н., сохранилось большое количество гумуса среднеголоценовой тёмноцветной стадии. Хорошая сохранность гумуса в данном случае увязывается с относительно слабой степенью текстурной дифференциации (оподзоленности) профиля почвы: из элювиального горизонта вынесена малая часть илистой фракции (табл. 2). Сходные даты реликтовых среднеголоценовых гумусовых горизонтов, также имеющих очень тёмную окраску: 7000 ± 50 и 4500 ± 50 л.н. (ИГАН-214, 216), – были получены и для почв высокой геоморфологической поверхности (отроги Борисоглебской возвышенности; разрез 87) [8].

Анализ состава гумуса палеопочвы Ростова Великого не проводился. Однако следует учитывать большое сходство её тёмноцветного горизонта с тёмноцветными горизонтами почв как высоких поверхностей Борисоглебской возвышенности, так и с пойменными тёмноцветными почвами [8; 11]. Поэтому можно предполагать сходный гуматно-кальциевый состав его гумуса.

На стадии деградации и текстурной дифференциации изменения профиля здесь были небольшими. Это может быть связано с повышенной влажностью данного места, которая определила высокую сохранность гуматно-кальциевого гумуса тёмноцветной стадии, а также препятствовала текстурной дифференциации. Большое значение имело и то, что почва была погребена до начала Малого ледникового периода, в течение которого процессы деградации гумуса были максимально интенсивными [11].

Палинологические и геохимические исследования голоценовых отложений котловины показали следующие стадии развития озера и окружающих его ландшафтов [4]. В отложениях аллерёда среди древесной пыльцы преобладают микрофоссилии ели, берёзы, сосны с примесью широколиственных. Много полыни, которая прослеживается до бореального периода. В отложениях позднего дриаса встречается эфедра. В течение пребореального и бореального периодов в озере накопилась 10-метровая толща тёмно-серых и серых карбонатных глин, условия – олиготрофные [4]. Содержание $CaCO_3$ в них составляет 40 %, содержание органического вещества – относительно невысокое. Господствует пыльца берёзы и сосны, в конце бореала вновь появляются широколиственные. Условия осадконакопления в озере восстановительные, во второй половине бореала усиливается эвтрофность. В атлантический период накапливаются карбонатные сапропели с содержанием $CaCO_3$ до 83 %. В окрестностях распространяются широколиственные и хвойно-широколиственные

Таблица 2. Гранулометрический состав почв и культурного слоя (содержание фракций в %)

Горизонт, глубина от современной дневной поверхности	Фракции, мм							Название состава почвы
	1–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001	<0,01*	
Ростов Великий, Конюшенный двор, погребённая почва								
AU ₁ , 350–355 см	3,5	14,7	43,9	10,9	13,0	14,0	37,9	Суглинок средний
AU ₁ , 360–367 см	3,6	15,0	42,0	8,8	10,0	19,6	38,4	Суглинок средний
AU ₂ , 374–379 см	2,0	12,3	41,1	11,4	10,6	24,6	46,6	Суглинок тяжёлый
ABtg, 383–388 см	1,95	13,6	42,5	7,3	9,4	25,2	41,9	Суглинок тяжёлый
Bg(t) ₁ , 395–400 см	1,1	13,9	45,3	6,8	8,7	24,2	39,7	Суглинок средний
Bg(t) ₂ , 408–415 см	1,9	9,5	37,3	9,6	11,1	30,6	51,3	Глина лёгкая
Песчаное-1, Шурф 1, колонка Б								
Ad, 0–8 см	4,71	20,85	33,40	10,32	14,44	16,28	41,04	Суглинок тяжёлый
AB, 8–26 см	3,77	18,78	38,09	11,86	13,05	14,45	39,36	Суглинок средний
KC ₁ , 26–40 см	6,64	33,22	29,32	8,31	9,11	13,40	30,82	Суглинок средний
KC ₂ , 40–64 см	3,35	41,82	27,87	4,09	6,36	16,51	26,96	Суглинок лёгкий
Alкc, 64–74 см	1,51	42,89	28,21	4,71	6,22	16,46	27,39	Суглинок лёгкий
B, 74–(84) см	0,56	25,62	43,73	6,61	6,28	17,40	30,29	Суглинок средний
Песчаное-1, Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А								
Ad, 0–12 см	9,98	30,65	27,62	7,46	11,45	12,84	31,75	Суглинок средний
AB, 12–17 см	10,60	31,05	32,47	7,97	7,36	10,55	25,88	Суглинок лёгкий
KC ₁ , 17–37 см	13,00	35,83	27,17	6,45	7,96	9,59	24,00	Суглинок лёгкий
KC ₂ , 37–46 см	11,48	38,75	23,52	5,57	7,61	13,07	26,25	Суглинок лёгкий
Alкc, 46–55 см	8,20	34,43	24,67	11,48	6,37	14,85	32,70	Суглинок средний
B, 55–65 см	4,31	13,62	34,46	9,08	13,14	25,39	47,61	Суглинок тяжёлый
Песчаное-1, Разрез 4 ф, фоновая почва								
Ad, 0–7 см	7,54	38,66	30,53	6,35	7,58	9,34	23,27	Суглинок лёгкий
Ap, 7–30 см	8,59	40,76	24,29	6,67	10,09	9,60	26,36	Суглинок лёгкий
EL, 30–46 см	3,36	17,97	39,52	12,18	12,69	14,27	39,15	Суглинок средний
Ah, 32–45 см	1,30	13,76	44,47	12,85	14,36	13,26	40,47	Суглинок тяжёлый
ELB, 46–56 см	0,31	2,51	33,49	8,87	21,54	33,28	63,69	Глина лёгкая
Кротовина, 50–58 см	1,26	12,06	39,79	10,53	16,01	20,35	46,89	Суглинок тяжёлый
BT ₁ , 56–77 см	0,83	9,94	27,00	9,72	14,15	38,36	62,23	Глина лёгкая
BTg ₂ , 77–100 см	0,04	50,98	16,52	3,62	4,82	24,02	32,46	Суглинок средний

* 1–0,25 мм – песок средний; 0,25–0,05 мм – песок мелкий; 0,05–0,01 мм – пыль крупная; 0,01–0,005 мм – пыль средняя; 0,005–0,001 мм – пыль мелкая; <0,001 мм – ил; <0,01 мм – физическая глина; кв. – квадрат. Почвенные грунты: AU – тёмногумусовый; BTg, Btg – иллювиальный оглеенный; Bg(t) – срединный оглеенный; Ad – дернина; AB – современный слой аллювия, переходный от гумусового к срединному; KC – культурный слой; Al – гумусовый; Alкc – гумусовый с участием материала культурного слоя; B – срединный; Ap – пахотный; EL – элювиальный (подзолистый); Ah – “второй” гумусовый; ELB – переходный; BT – иллювиальный (срединный)

леса. Почвы – тёмноцветные, сходные с тёмно-серыми лесными и лесостепными. На террасе формируется мощная луговая или лугово-чернозёмная почва. Условия в озере становятся окислительными, усиливается эвтрофность. Глубоководный водоём начала периода постепенно сменяется мелководным. Падение уровня озера приводит к осушению голоценовой террасы. По данным изучения поселения Песчаное-1, обнаруживается низкое стояние вод озера 6500–3500 л.н. (калиброванный возраст – 5300–1800 лет до н.э.) (рис. 5).

Несколько иные результаты по данным комплексного изучения отложений оз. Неро и ещё двух небольших озёр получены коллективом авторов [5]. Седиментация в озёрах проходила с перерывами. Так, на оз. Неро хиатусы датируются периодами 13000–8000 и около 2500 лет назад. Имеются хиатусы и на двух других озёрах, но здесь они моложе и находятся в интервале 9000–5000 л.н. Это свидетельствует о пониженном уровне озёр. Причём периоду осушения небольших озёр (Чашницы и Заозерье) соответствует интервал формирования тёмноцветных почв, а также время понижения уровня воды в р. Саре. Об этом свидетельствует изученная нами почва в пойме реки, имеющая гуматный состав органического вещества, с преобладанием гуминовых кислот, связанных с кальцием, что свойственно почвам степи и лесостепи. По пали-

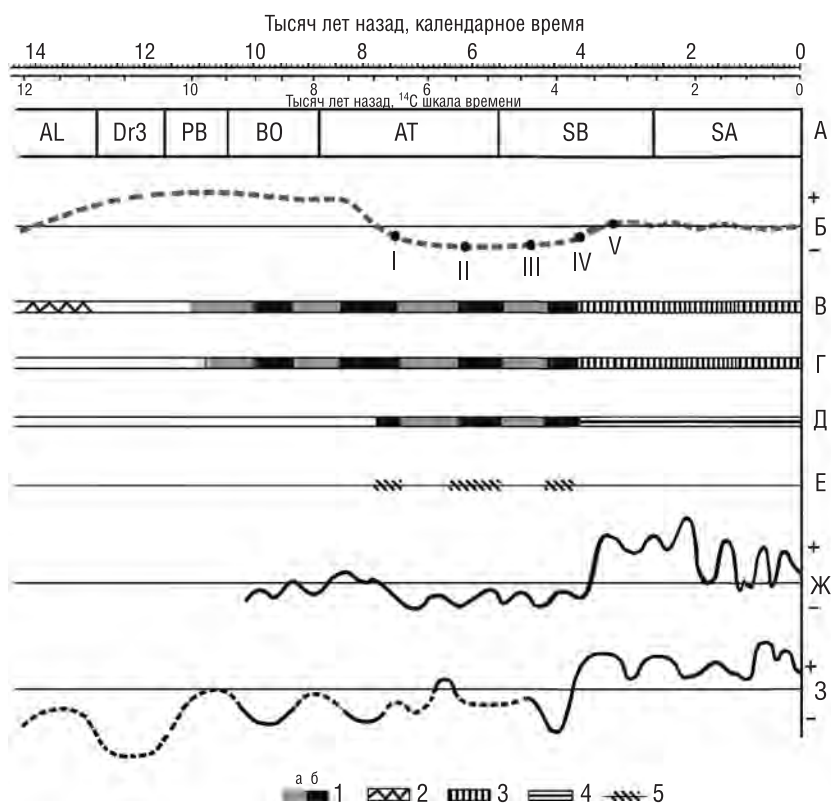

Рис. 5. Периоды формирования почв на разных геоморфологических уровнях:
 1 – тёмно-серых почв (а – тёмноцветных гумусовых горизонтов, б – текстурно-дифференцированного профиля); 2 – аллерёдских тёмноокрашенных гумусовых горизонтов, криотурбированных в позднем дриасе; формирования профиля: 3 – дерново-подзолистых почв; 4 – дерново-глеевых почв; 5 – пограничных горизонтов торфяников по [6].

А – хронологическая шкала Блитта–Сернандера; Б – изменения уровня озера Неро (слои многослойного поселения: I – льяловский (неолит); II – волосовский (энеолит); III – фатьяноидный; IV – раннего этапа культуры с сетчатой керамикой и V – позднего этапа культуры с сетчатой керамикой – средняя бронза); В – периоды почвообразования на высоких поверхностях; Г – то же на низкой озёрной террасе; Д – то же на склоне низкой террасы к озеру; Е – образования пограничных горизонтов торфяников по [6]; Ж – изменения увлажнённости климата по [6]; З – изменения увлажнённости климата [наши данные]

нологическим данным, почва формировалась в засушливых климатических условиях [12]. В это же время формировались сильнокарбонатные отложения оз. Неро [4]. Однако, по данным коллектива исследователей [5], хиатус в осадконакоплении самого озера Неро оказался древнее, и обводнение озера началось на 3000 лет раньше: около 8000 лет назад. Наши данные свидетельствуют о том, что в период от льяловского этапа до рубежа SB-2/SB-3 (возраст этого рубежа – около 3500 л.н.) на озере Неро была регрессия.

В суббореале начинается похолодание климата, к нему относится так называемый верхний максимум ели в пыльцевых диаграммах. Холодный климат сохраняется и в течение субатлантического периода. В конце суббореального и в субатлантический период в озере накапливаются торфянистые сапропели, бескарбонатные, с высоким содержанием органического углерода (20 %). Продолжается его эвтрофикация. Выделяется несколько небольших регрессий, сменявшихся невысокими трансгрессиями: в начале суббореала и в его конце, а также в начале и в середине субатлантического периода. Ближе к нашим дням в составе спорово-пыльцевых спектров всё сильнее прослеживаются признаки антропогенной трансформации растительности.

В мерянской время почвы под воздействием антропогенной луговой растительности и процесса накопления гумуса приобретают свой окончательный облик: высокая гумусность, слабая выраженность признаков оподзоливания, но при этом наследование признаков предыдущих стадий почвообразования, гумусовой прокраски нижних горизонтов профиля и палеокротовин. Затем начинается накопление культурного слоя.

Результаты определения пород деревьев по уголькам

С целью реконструкции состава пород деревьев изучены обломки древесного угля и обугленной древесины, отобранные из различных слоёв по колонке из тех же мест, что и пробы, взятые на почвенно-

геохимические анализы. Наибольшее значение имеет принадлежность к трём основным группам строения древесины: хвойные, кольцепоровые (дуб и многие другие представители широколиственных пород), рассеянно-поровые (мелколиственные и отдельные широколиственные, розоцветные и др.). Среди проанализированных образцов с поселения Песочное-1 в основной их части доминирует дуб, также имеются остатки берёзы и ольхи. Хвойные – единичны. На поселении Липовка-1 преобладают хвойные – ель и сосна.

История почв и ландшафтов

Комплексные почвенные и почвенно-археологические исследования, проведённые авторами, а также анализ рассмотренных выше литературных данных показали следующее. В настоящее время в районе оз. Неро широко распространены палеопочвы с тёмноцветными гумусовыми горизонтами: дерново-подзолистые почвы с ВГ на возвышенностях и низких террасах озера, тёмноцветные – в пойме р. Сары, тёмноцветные – под культурным слоем бронзового века поселения Песочное-1 и под культурным слоем Ростова Великого [8; 10; 2; 3].

Все рассмотренные тёмноцветные горизонты резко отличаются от современных гумусовых горизонтов почв региона и сходны с таковыми почв лесостепи. Радиоуглеродные датировки показывают, что тёмноцветная стадия почвообразования может быть отнесена к среднему голоцену (радиоуглеродные даты – от 8000 до 3800 лет назад). Учитывая усреднённый характер радиоуглеродных дат (дата показывает среднее время пребывания углерода в почве или MRT – mean residence time [13]), начало тёмноцветной стадии следует отнести ко времени задолго до даты 7810 ± 120 лет назад (табл. 1). Даты ВГ характеризуют возраст сохранившейся нижней части исходного тёмноцветного горизонта, при этом существенно омоложенный под действием процессов почвообразования второй половины голоцена. Отмечается хорошее совпадение дат на высоких поверхностях и низких террасах. При этом на Борисоглебской возвышенности в ряде случаев под ВГ обнаруживаются погребённые гумусовые горизонты с датами 10300 ± 60 лет назад (ИГАН-215) и 9810 ± 160 лет назад (ИГАН-1231) (рис. 4; табл. 1). Даты несколько омоложены, поэтому возраст данных горизонтов может быть отнесён к аллерёду. Они криотурбированы, очевидно, в позднем дриасе.

Для палеопочв раннего и среднего голоцена центра Русской равнины характерно сочетание признаков гуматно-кальциевого гумусообразования и текстурной дифференциации. Как было сказано выше, имеются две основные гипотезы эволюции данных почв. 1. Почвы формировались в две стадии: тёмноцветную и деградации тёмноцветных горизонтов. 2. Имела место первичная стадия текстурной дифференциации, тёмноцветный горизонт формировался уже в элювиальном обезыленном горизонте, затем была вторая стадия оподзоливания и деградации верхней части тёмноцветного горизонта. По нашему мнению, решение данного вопроса на примере одних только ВГ невозможно. Только с привлечением палеопочв, погребённых во время тёмноцветной стадии, удалось выяснить строение профиля того времени и стадии его эволюции [2]. Оказалось, что текстурная дифференциация профиля почв, погребённых под курганами, в среднем голоцене была слабой (южная тайга, подтайга), а в более южных районах вообще отсутствовала (широколиственные леса, лесостепь), что резко отличало их от современных почв, сильно дифференцированных по илу и оподзоленным. Это свидетельствует в пользу первой гипотезы. Вместе с тем, как вариант первой гипотезы, можно предложить ещё одну.

Как известно, для голоцена характерны колебания климата, проявившиеся, в частности, в многократном формировании пограничных горизонтов торфяников [7; 6]. В связи с этим можно предположить, что ландшафты в течение рассматриваемого времени периодически менялись от преобладающих лесостепных в сторону преимущественно широколиственно-лесных. Поэтому и тёмноцветный горизонт почв, скорее всего, формировался в несколько этапов. В периоды распространения лесостепных условий, совпадающие с образованием пограничных горизонтов торфяников, накопление гуматно-кальциевого гумуса активизировалось дважды в атлантический период, а также в отрезки более сухого климата в бореальном и суббореальном периодах (рис. 5). В периоды большей влажности климата почвы развивались по типу тёмно-серых лесных.

В позднем голоцене под южнотаёжными (подтаёжными) лесами почвы эволюционировали в дерново-подзолистые. Верхняя часть тёмноцветного гумусового горизонта была разрушена, и на её месте сформировались современный светлый гумусовый горизонт и белёсый подзолистый горизонт. Реликтовый гумус сохранившейся нижней части исходного тёмноцветного горизонта (ВГ) сильно деградирован, так как находится в пределах подзолистого и самой верхней части иллювиального горизонта. По степени сохранности тёмноцветные горизонты можно расположить в следующем ряду: наилучшая сохранность в погребённой пойменной почве (Деболовское) и в погребённой почве под культурным слоем Ростова Великого; высокая сохранность в разрезе на высокой террасе (разрез 5); средняя сохранность в ВГ разреза 87; наименьшая сохранность в сильно деградированных ВГ в разрезе 4ф (низкая терраса) и в разрезе 57 (высокая поверхность) (рис. 4).

На основе проведённых исследований можно выделить следующие стадии развития ландшафтов и почв в районе Ростова Великого, которые в общем на разных геоморфологических уровнях были сходными, но при этом имели и некоторые отличия.

История растительности и геохимии озёрных отложений такова [1; 4]: в позднеледниковое время формируется терраса 103–100 м (10–7 м над уровнем озера), занимающая почти всё днище озёрной котловины. В отложениях аллерёда среди древесной пылицы преобладают микрофоссилии ели, берёзы, сосны с приресью широколиственных. Много полыни, которая проследивается до бореального периода. В отложениях позднего дриаса встречается эфедра. В течение пребореального и бореального периодов в озере накопилась 10-метровая толща тёмно-серых и серых карбонатных глин, условия – олиготрофные. Содержание CaCO_3 в них – до 40 %, содержание органического вещества – относительно невысокое. Господствует пыльца берёзы

и сосны, в конце бореала вновь появляются широколиственные. Условия осадконакопления в озере – восстановительные, во второй половине бореала усиливается эвтрофность. В атлантический период накапливаются карбонатные сапропели с содержанием CaCO_3 до 83 %. В окрестностях распространяются широколиственные и хвойно-широколиственные леса. Условия в озере становятся окислительными, усиливается эвтрофность. Глубоководный водоём начала периода постепенно сменяется мелководным. Падение уровня озера приводит к осушению голоценовой террасы (97 м над уровнем моря). В суббореальный и субатлантический периоды в озере накапливаются торфянистые сапропели, бескарбонатные, с высоким содержанием органического углерода (20 %). Продолжается его эвтрофикация. По данным изучения поселения Песочное-1, обнаруживается низкое стояние вод озера 6500–3500 л.н. (рис. 5). Окончание данной регрессии хорошо увязывается с последними этапами формирования тёмноцветных горизонтов почв территории.

В суббореале начинается похолодание климата («верхний максимум ели»). Холодным был и климат субатлантического периода. Ближе к нашим дням в составе пыльцевых спектров всё сильнее прослеживаются признаки антропогенной трансформации растительности [4].

Палеопочвенные исследования показали сходные тенденции развития среды в голоцене. В аллереде на склонах Борисоглебской возвышенности формировались почвы с тёмноокрашенным гумусовым горизонтом. В верхнем дриасе эти почвы испытали воздействие криотурбаций, а также, в результате активного развития солифлюкции на склонах, были перекрыты бурыми суглинками. Формирование почв с тёмноцветным горизонтом начинается уже в раннем голоцене, о чём свидетельствуют палеопочвы, изученные в Ростовском кремле.

Формирование тёмноцветных горизонтов, занимавших всю верхнюю часть почвенного профиля (30–40 см), продолжалось в условиях чередовавшихся лесостепных и широколиственно-лесных ландшафтов в течение всей длительной ранне-среднеголоценовой стадии почвообразования (10–3,7 тыс. л.н.). Оподзоленность и текстурная дифференциация (ТД) профиля были развиты ещё слабо. В лесную стадию педогенеза (последние 3,7 тысячи лет), в условиях таёжной (подтаёжной) растительности, текстурная дифференциация усиливается. Нередко, несмотря на интенсивный вынос ила из элювиальной части развивающегося ТД профиля, устойчивый тёмноцветный гумус (гуматно-кальциевый) сохраняется. При сильной деградации тёмноцветный горизонт сохраняется в виде серых или пепельно-серых пятен на уровне подзолистого (EL или BEL) горизонта. При слабом проявлении текстурной дифференциации, например в палеопочвах под культурным слоем Ростова Великого, сохранность тёмноцветного гумуса очень высока. Вероятно, это связано с тем, что данная почва была погребена до начала последнего тысячелетия. По данным изучения палеопочв средней полосы Русской равнины, максимальная оподзоленность почв относится ко времени Малого ледникового периода (XII–XIX вв. н.э.) [2].

На низкой террасе в районе поселения Песочное-1 в течение атлантического периода формируются тёмноцветные почвы, сходные с современными тёмно-серыми лесными и лесостепными. В результате регрессии озера, начавшейся в первой половине атлантического периода, тёмноцветные почвы формируются на склоне террасы и частично на территории, занятой сейчас озером. Об этом свидетельствуют почвы, погребённые под культурным слоем, уходящие под уровень современных озёрных отложений и содержащие остатки построек бронзового века. На понижение базиса эрозии указывает и тёмноцветная почва в пойме р. Сары, имеющая гуматно-кальциевый состав органического вещества (возраст 5590 ± 280 л.н., МГУ-132, табл. 1). По данным палинологии, почва формировалась в засушливых климатических условиях, в частности найдена пыльца эфедры [12]. Также эфедра присутствует в слоях атлантического периода торфяных отложений региона [6]. В это же время формировались сильно карбонатные отложения оз. Неро [4]. Всё это свидетельствует о преимущественно засушливом климате атлантического периода.

Под влиянием колебаний климата ландшафты в раннем и среднем голоцене периодически сменяются: выделяются периоды с преимущественно лесостепной растительностью (сухо) и периоды распространения широколиственных лесов (влажно). Очевидно, тёмноцветные горизонты почв формируются в несколько этапов в те же периоды сухого климата, что и пограничные горизонты торфяников. Дважды это было в АТ периоде (около 7,5–7 и 5 тыс. л.н.) и по разу в ВО и СВ (8,5 и 4 тыс. л.н. соответственно). В периоды большей влажности климата (8, 6–6,5, 4,5 и 3,5–3,2 тыс. л.н.) в первую очередь формируется текстурно-дифференцированный профиль почв.

Основной рубеж в развитии ландшафтов и почв относится ко времени около 3,7 тысячи лет назад. В это время происходит подъём уровня озера, вместо карбонатных озёрных отложений начинается накопление бескарбонатных осадков, обогащённых органическим веществом. Климат становится более влажным и холодным, растительность сменяется на таёжно-подтаёжную. Начинается деградация тёмноцветных горизонтов и формирование современного профиля дерново-подзолистых почв. Местами в конце среднего, начале позднего голоцена образуются трещины, заполненные тёмным гумусированным материалом [2].

Почвы низких террас в голоцене имели те же стадии развития, что и почвы высоких геоморфологических поверхностей. Однако почвы последних древнее и поэтому, кроме тёмноцветной стадии (ВГ), прошли стадию формирования почв в аллереде (залегают ниже ВГ). Развитие почв прибрежной зоны на отметках ниже 100–97 м отличалось в связи с колебаниями уровня озера. Исследования на поселении Песочное-1 свидетельствуют о наличии маломощных почв с тёмноцветным гумусовым горизонтом, которые начали формироваться на склоне низкой террасы к озеру около 7(6,5) тыс. л.н. и вскоре были погребены под культурным слоем. В условиях регрессии озера они распространились в достаточно широкой полосе ниже современного его уровня. Культурный слой накапливался с перерывами, в течение которых его материал

перерабатывался почвенными процессами и также приобрёл тёмную окраску и свойства, сходные с тёмноцветными горизонтами почв. Около 3,7–3,5 тыс. л.н. в связи с подъёмом уровня озера тёмноцветные почвы, а в районе поселения и культурные слои, частично были затоплены. Выше зоны, захваченной трансгрессией, в зоне подтопления, тёмноцветная стадия сменилась луговой (дерново-глеевые почвы), а выше отметок 97 м – лесной (дерново-подзолистые почвы).

Последнее тысячелетие характеризуется не только максимальным увлажнением климата и развитием таёжной растительности, но и ростом антропогенных трансформаций среды. Сплошные подтаёжные леса сменяются вторичными лесами, лугами, пашнями, селитебными и производственными территориями. Однако в почвах следы прежних этапов эволюции природы сохраняются отчётливо.

Выводы

Эволюция ландшафтов котловины озера Неро определялась изменениями климата в голоцене и несколько различалась на высоких и низких геоморфологических уровнях. В атлантический период температуры были наиболее высокими. Почвенные зоны в наибольшей степени смещались к северу. Уровень озера был пониженным, и в нём формировались карбонатные отложения. К данному периоду относится формирование тёмноцветных вторых гумусовых горизонтов дерново-подзолистых почв. По данным комплексных исследований почв и отложений в районе озера Неро, природные условия того времени существенно отличались от современных: южнотаёжных и подтаёжных почв – и были близки к степным и лесостепным.

Во второй половине суббореального и в субатлантический период происходит похолодание климата. Широколиственно-лесные и лесостепные ландшафты сменяются южнотаёжными и подтаёжными: тёмнохвойными (суббореальный максимум ели) и смешанными лесами. Затем распространяются преимущественно берёзово-еловые леса со всё большим участием растительных группировок, трансформированных человеком. Изменяется и история озера. Кальций и CO₂ связываются лесной растительностью и не поступают в озеро. В озере откладывается торфянистый сапропель, не содержащий карбонатов. Начинается деградация тёмноцветных горизонтов почв, но реликтовый гумус и палеокротовины во многих случаях наследуются. Почвы основной террасы (103–100 м) испытывают процесс оподзоливания и текстурной дифференциации.

Почвы прибрежной зоны на отметках ниже 100–97 м развивались со времени 7000–6500 л.н. в условиях регрессии озера. На месте поселения Песочное-1 начавшие формироваться тёмноцветные почвы после 6500 л.н. были погребены под культурным слоем неолита и эпохи бронзы. В условиях регрессии озера до 3,7 тыс. л.н. тёмноцветные почвы, а местами и культурные слои неолита и эпохи бронзы, формировались в достаточно широкой полосе ниже современного уровня озера. После этого рубежа в связи с подъёмом уровня озера тёмноцветные почвы, а в районе поселения – и культурные слои, частично были затоплены и перекрыты молодыми органогенными отложениями. Выше, до отметки 97 м, тёмноцветные почвы, в отличие от почв более высоких позиций, испытали подтопление и поэтому эволюционировали не в сторону дерново-подзолистых почв (с ВГ) под лесом, а в сторону дерново-глеевых под луговой растительностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешинская З.В.* Палеогеографические исследования в районе Рождественской стоянки на оз. Неро // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
2. *Александровский А.Л., Александровская Е.И.* Эволюция почв и географическая среда. М., 2005.
3. *Александровский А.Л., Александровская Е.И.* Результаты комплексного исследования почв и культурного слоя раскопа в Коношенном дворе Ростова Великого // Приложение в книге: *Самойлович Н.Г.* Коношенный раскоп в Ростове Великом: результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. М., 2007. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 9)
4. *Гунова В.С., Лефлат О.Н.* Четвертичные отложения и палеогеография оз. Неро // Сборник трудов семинара «Экологические проблемы озера Неро и городских водных объектов. Ростов Великий, 15–17 апреля 2002 г.». М., 2002.
5. *Wohlfarth, B., Tarasov, P., Bennike, O., Lacourse, T., Subetto, D., Torssander, P. and Romanenko, F.* Late Glacial and Holocene Palaeoenvironmental Changes in the Rostov-Yaroslavl' Area, West Central Russia // *Journal of Paleolimnology*. Vol. 35. No 3. 2006.
6. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене / *Н.А. Хотинский, З.В. Алешинская, М.А. Гуман, В.А. Климанов, А.Е. Черкинский* // Известия РАН. Серия географическая. 1991. № 3.
7. *Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М., 1996.
8. *Александровский А.Л.* Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. М., 1983.
9. *Герасимов И.П., Марков К.К.* Ледниковый период на территории СССР. М., 1939.
10. *Александровский А.Л.* Запись природной среды в почвах голоцена // Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М., 2008.
11. Естественнонаучные методы изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро) / *А.Л. Александровский, К.В. Воронин, Е.И. Александровская, М.И. Дергачева, Д.А. Мамонтова, А.В. Долгих* // Археология Подмосквы: Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.
12. *Горлова Р.Н.* О сменах лесной растительности Ярославской области в среднем голоцене // Лесоведение. 1968. № 3.
13. *Paul, E.A., Campbell, C.A., Rennie, D.A., McCallum, K.J.* Investigation of Dynamics of Soil Humus Utilizing Carbon Dating Techniques // *Transactions of the 8th International Congress of Soil Science*. Vol. III. Bucharest, 1964.

*Институт географии РАН,
Москва*

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.L. Alexandrovskiy, K.V. Voronin, A.V. Dolgikh

**THE HOLOCENE PALAEOENVIRONMENT AND THE STAGES OF THE FORMATION OF SOILS
AND CULTURAL LAYERS OF THE SETTLEMENTS PESOCHNOE-1 AND LIPOVKA-1 AT LAKE NERO**

Summary

The evolution of the landscape basin of Lake Nero was determined by the changes in climate during the Holocene and was somewhat different at high and low geomorphological levels. In the Atlantic period the temperatures were the highest. The soil zones shifted to the greatest extent to the north. The lake level was low and it formed the carbonate deposits. The formation of the dark-colored second humus horizons of the sod-podzolic soils belongs to this period. According to the comprehensive studies of soils and sediments in the area of Lake Nero, the natural conditions of that time differed significantly from today's southern taiga soils, and were close to the steppe and forest-steppe soils.

In the second half of the Subboreal and Subatlantic periods the climate was colder. Broadleaved forest and forest-steppe landscapes gave way to southern taiga: dark coniferous (spruce Subboreal maximum) and mixed forests. Then the birch-spruce forest spread mainly, with more participation of the plant groups transformed by man. The history of the lake changes, too. Calcium and CO₂ are associated with forest vegetation and do not enter the lake. The lake delays peaty sapropel, which does not contain carbonates. It starts with the degradation of dark-colored soil horizons, but the humus and the relict paleomolehill in many cases are inherited. The soils in the main terrace (103–100 m) undergo the process of podzolization and textural differentiation.

The soils of the coastal zone at elevations below 97–100 meters have evolved over time 7000–6500 years BP in a regression of the lake. On the spot of the settlement Pesochnoe-1 dark-colored soils, which started to form after 6500 years BP, were buried under the cultural layer of the Neolithic and the Bronze Age. In the regression of the lake up to 3700 years BP dark-colored soil, and in some places the cultural layers of the Neolithic and the Bronze Age were formed in a sufficiently wide band below the current lake level. After this milestone due to the rise of the lake's level dark-colored soil, the settlements and the cultural layers were partly flooded and blocked by the young organogenic deposits. The dark-colored soils of the higher elevations up to 97 m, in contrast to soils of higher positions, have experienced the water logging and therefore did not evolve in the direction of sod-podzolic soils (with second humus horizon) under forests, but towards the sod-gley soils under meadow vegetation.

*Institute of Geography,
Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny Lane,
119017, Russia*

*A.L. Alexandrovskiy – E-mail: alexandrovskiy@mail.ru
A.V. Dolgikh – E-mail: an_dolgikh@mail.ru*

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
117036, Moscow*

K.V. Voronin – E-mail: arch_bureau@inbox.ru

А.С. Сыроватко

ПЕРИОД ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ В МОСКВОРЕЧЬЕ: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Вопрос о «преддьяковских» древностях в Москворецком и Окском регионах не менее запутан и непонятен, чем пресловутая проблема «тёмных веков» позднедьяковского финала. Фактически период финальной бронзы является таким же «тёмным». Но если для «постдьяковского» времени актуально обнаружение материальных свидетельств эпохи или – как вариант – удовлетворительное объяснение причин их отсутствия, то для «преддьяковского», наряду с накоплением данных, стоит ещё и задача осмысления выявленных в недавние годы разных типов древностей.

Скудость источниковой базы для временного интервала XII–V вв. до н.э. очевидна. Она является главной причиной непонимания исторических процессов в крае в это время. Однако постепенное накопление материалов, как ни странно, приводит пока не к количественному увеличению данных по какому-то одному культурному типу, а, напротив, к росту числа этих культурных типов, каждый из которых, в свою очередь, не может быть охарактеризован хоть сколь-нибудь отчётливо.

Одним из первых памятников, отнесённых к периоду перехода от эпохи бронзы к железному веку, стала Климентовская стоянка на Оке. П.Н. Третьяков опубликовал развал сосуда из сборов П.П. Ефименко, который лучше всего характеризует керамику этого типа [1, рис. 38]. Позднее, в 1970-е гг., раскопки Климентовской стоянки были произведены Б.А. Фоломеевым, что увеличило количество материала, ставшего негласным эталоном [2]. Керамику, которую впоследствии обнаруживали в самых ранних слоях дьяковских городищ, сопоставляли в первую очередь с климентовской, и вполне закономерным стало появление термина «древности типа Климентовской стоянки». Из памятников Средней Оки и Москворечья к этому кругу древностей в разное время были отнесены, во-первых, погребённая почва в основании культурного слоя Городищенского городища, поселения «Блюдечко» в Коломенском кремле, Настасьино, в Старо-Голутвином монастыре в устье р. Москвы, Городна II в устье Осетра, ранние слои Селецкого городища, Чёртова Городка [3; 4; 5; 6; 7, с. 61–62]. Если судить по публикациям, чрезвычайно схожи с климентовскими материалы таких удалённых памятников, как «Храм Цереры» в Царицыно и Колтово 7 на Оке [8, рис. 40–42; 9, с. 101–104]. Простое перечисление памятников, на которых была обнаружена керамика типа Климентовская стоянка, показывает широкий географический диапазон её распространения, наталкивая на мысль о некоем «культурном горизонте». Довольно условно этот ареал очерчен на рисунке 1. Поскольку на немногих стратифицированных дьяковских поселениях такая керамика залегала в основании культурного слоя или в погребённой почве (Городищи (рис. 4), Настасьино, Селецкое), логично было предположить, что именно она маркирует собой «преддьяковский» культурный горизонт.

Однако на москворецких памятниках картина никогда не была такой однозначной. В древнейшем слое Чёртова Городка керамика типа Климентовская стоянка залегала вместе с керамикой иного облика – с мелким «рябчатым» отпечатком, орнаментированной гребенчатым штампом [3, рис. 6: 16; 8: 6–7]. Керамика такого типа обнаружена по всему течению Москвы-реки и даже на некоторых окских поселениях (её ареал, опять-таки очень условно, отражён на рис. 3). Поиск аналогий приводит к выводу о связи такой керамики с Верхневолжским бассейном и вообще с территорией к северу от современной Москвы. Но неразрешимыми остаются вопросы датировки обоих типов керамики. Относятся ли они к одному хронологическому отрезку, или один тип сменялся другим? Существовали ли они параллельно на разных территориях, «смешиваясь» только в неких «контактных зонах», или на одной территории в разное время? Эти вопросы остаются открытыми.

Картина усложнилась после обнаружения керамики, сочетавшей в себе признаки обоих типов – «нитчатые» отпечатки совместно с оттисками гребенчатого штампа. Эта, с позволения сказать «гибридная», керамика обнаружена на городище Боровский Курган, Селецком и даже на самой Климентовской стоянке (рис. 5), правда, на последних двух памятниках – в мизерном количестве [10, рис. 11: 1–2, рис. 12: 66, 70, 59, 62; Фонды Бронницкого музея, Ед. хр. А-2968, 2013; Фонды ГИМ, Ед. хр. Б/1899, № 427].

К неожиданному результату привело возобновление раскопок на Старшем Каширском городище и исследование других городищ Каширской группы. Керамика этих памятников принципиально отличалась от

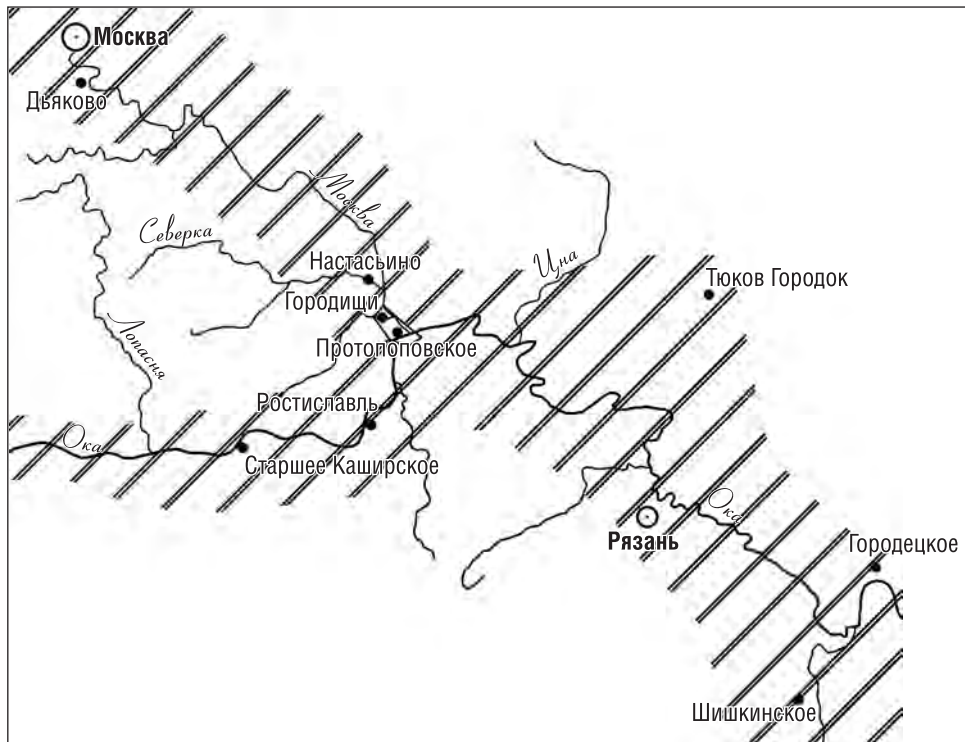

Рис. 1. Ареал керамики «Климентовского типа»

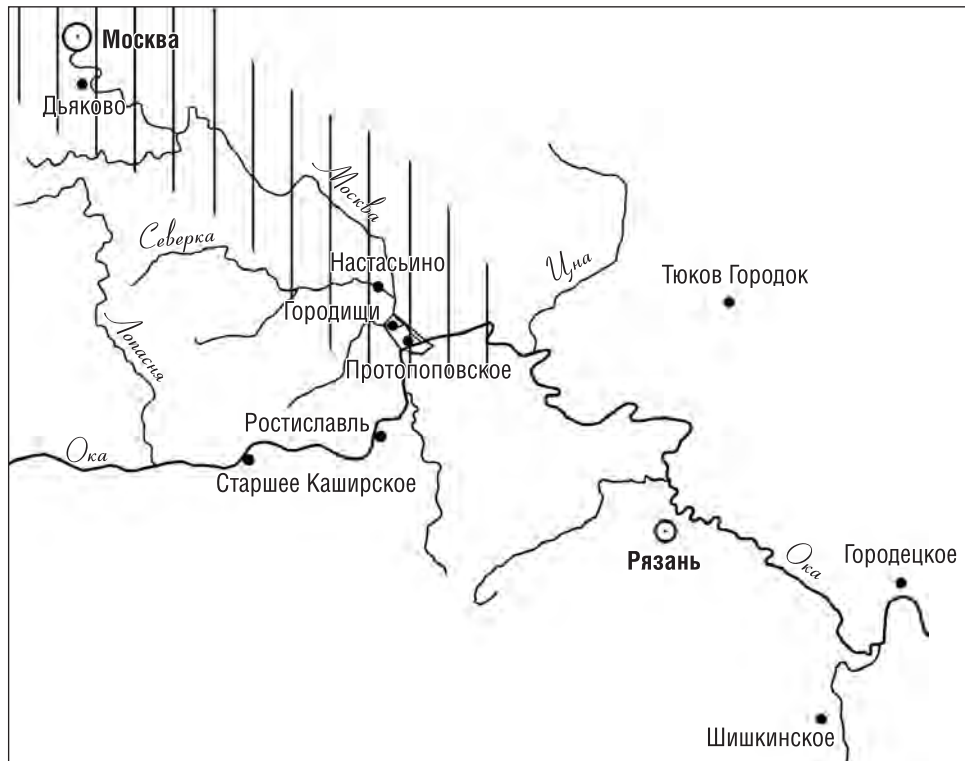

Рис. 2. Ареал «рябчатой» керамики в период финальной бронзы

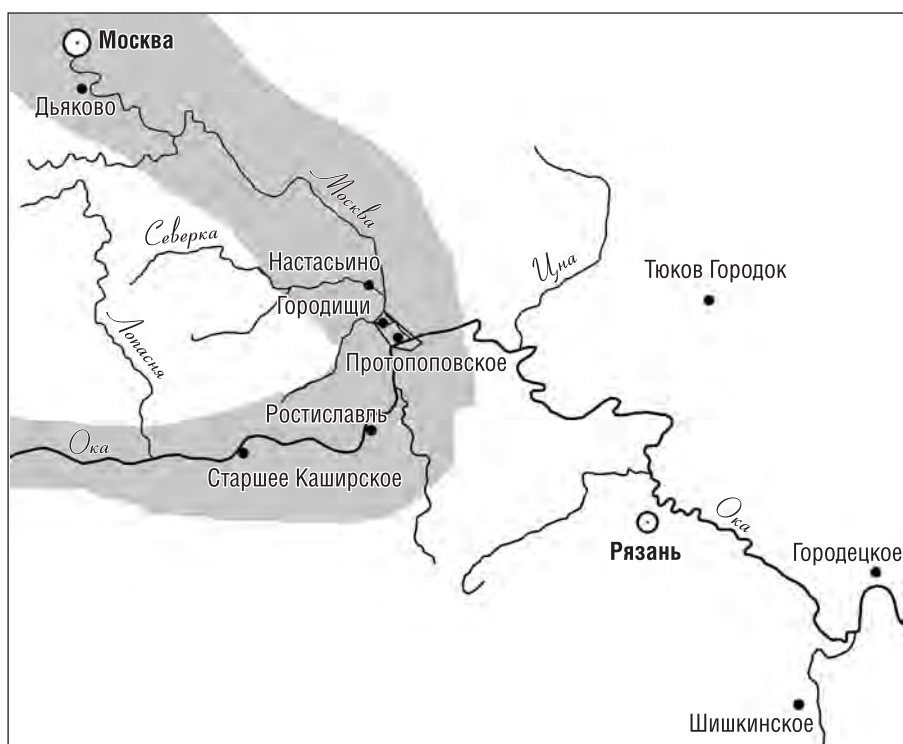

Рис. 3. Ареал «штрихованной» керамики «Каширского типа»

дьяковской (пример такой керамики с соседнего Ростиславля – на рис. б) – она либо гладкостенная, либо штрихованная, орнаментированная гребенчатым штампом [11]. Проанализировав факты обнаружения такой керамики на других дьяковских памятниках (Протопоповском, Успенском, Саввино-Сторожевском городищах), О.А. Лопатина пришла к выводу о существовании некоего «Каширского горизонта» [12, с. 425]. Причём горизонт этот, учитывая отнесение к нему Протопоповского городища и ряда москворецких памятников, частично совпадает территориально с «Климентовским» и, судя по всему, также должен быть отнесён к «преддьяковскому времени» (рис. 3).

Но и это ещё не всё. В ходе раскопок Ростиславльского городища в основании насыпи вала в раскопе V были выявлены прослойки, в которых абсолютно преобладала керамика именно со штрихованной поверхностью, орнаментированная гребенчатым штампом; прослойки с преобладанием гладкостенной керамики стратиграфически были выше [13, с. 130–131]. Выводы из этого факта, может, и преждевременны, но новый вопрос тем не менее провоцирует – является ли гладкостенная и штрихованная керамика (обе «Каширского типа») единым культурным явлением, или всё же это разные культурные и/или хронологические типы?

И, наконец, стоит упомянуть ещё один тип керамики – гладкостенной, орнаментированной «вдавляниями наклонной палочки» (треугольными ямками), которую часто соотносят с керамикой бондарихинской культуры. Памятник такого типа обнаружил В.Ю. Коваль [14; 15], но керамика, подходящая под это описание, чрезвычайно схожа с сетчатой керамикой Климентовского типа и отличается только отсутствием сетчатого отпечатка. Она зафиксирована в Городищах, Настасьино, на самой Климентовской стоянке (рис. 7, 8), и снова непонятно, считать ли эту керамику отдельным типом, или она неотделима от сетчатой климентовской.

Таким образом, количество различных типов керамики, относящихся к «додьяковскому» времени и встреченных на одной территории, приближается к десяти. Вся эта керамика встречается как порознь, так и совместно, причём в одних и тех же слоях. Для этого явления возможно сразу несколько объяснений: она изготовливалась одним и тем же населением в рамках одной культурной традиции; совместная встречаемость есть результат механического и природного смешения, в то время как в действительности это разные культурные традиции. Смешение материалов также может иметь разное объяснение – попадание в один слой разновременных материалов, а также смешение как отражение различных форм контактов. Если добавить, что ни одно из приведённых объяснений не является универсальным, могли действовать все факторы, а число самих типов древностей приближается к десятку, всё сказанное создаёт ощущение некоего запутанного клубка.

Данная работа ни в коем случае не ставит своей целью клубок этот распутать. У меня нет решения этой проблемы (есть только её осознание), и ни одной объяснительной модели я не отдаю предпочтение. При-

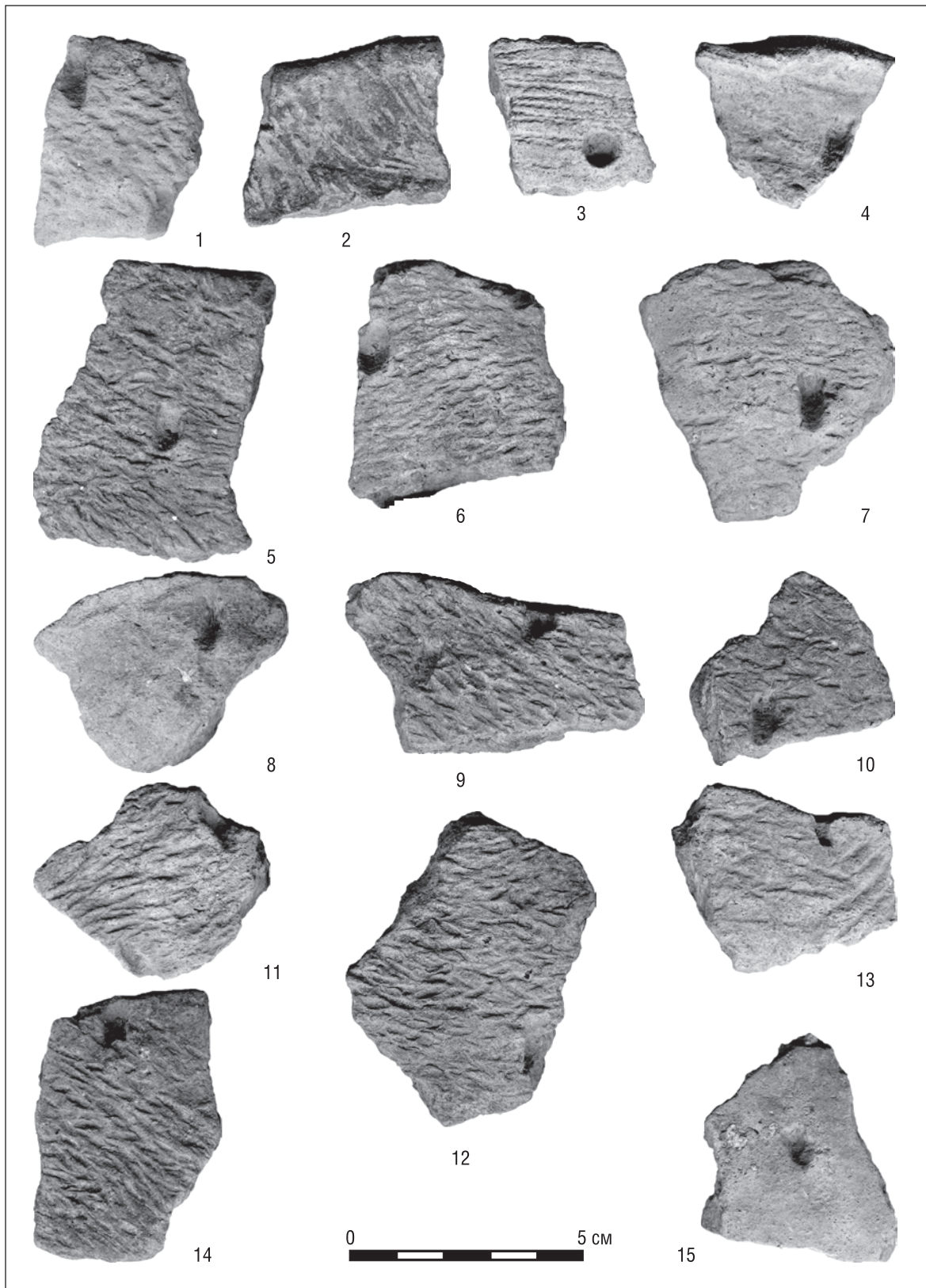

Рис. 4. Керамика типа Климентовская стоянка из слоя погребённой почвы Городищенского городища

Рис. 5. Керамика с «нитчатыми» отпечатками в сочетании с оттисками гребенчатого штампа Климентовской стоянки (раскопки Б.А. Фоломеева)

тым штампом, обнаруженная на Боровском кургане и ряде других памятников, хотя и имеет, формально, аналогии на Климентовской стоянке, пусть и в мизерном количестве, остаётся непонятым явлением. «Гибрид» ли это разных керамических стилей, отражение каких-то «художественных экспериментов» или целиком самостоятельный тип древностей, судить, наверное, преждевременно – вплоть до появления действительно крупных коллекций, которые содержали бы такую керамику.

Рассмотрим теперь керамику Селецкого городища. Нижний слой содержал фрагменты с отпечатками, которые И.Л. Чернай, в течение многих лет сотрудничавший с Б.А. Фоломеевым, прямо увязывал с Климентовской стоянкой, именуя эти отпечатки «стежковыми» [16, с. 83]. Признаки такой керамики – короткие, прерывистые «нитчатые» отпечатки, ассоциирующиеся со стежками (фонды Бронницкого музея, № 2538, 2911, 2950–2955)¹. Уже первое знакомство с коллекцией заставляет усомниться в том, что такие отпечатки аналогичны материалам Климентовской стоянки. Если тесто само по себе вряд ли надёжный признак (учитывая большое расстояние между памятниками и наверняка разные сорта исходных материалов), то характер отпечатков, различающихся, на мой взгляд, кардинально, весьма примечателен. Керамика, относящаяся к «стежковой», имеет отпечатки нитей, каждая из которых оттиснута только короткими отрезками. На сосудах с Климентовской стоянки нет ничего подобного. Орнаментация и профилировка этих двух типов керамики формально сходная – отогнутый наружу короткий венчик, треугольные ямки от «наклонной палочки»². Но весь внешний облик селецкой «стежковой» керамики, включая, помимо фактуры отпечатка, такие субъективные показатели, как цвет, толщина стенок, не обнаруживает прямого сходства с керамикой Климентовской стоянки и нижнего слоя Городищенского городища. Это нечто другое. Конечно, сказанное не означает, что между ними не может быть какой-то связи, преемственности и т.п., но выявление её тоже является делом будущего.

¹ Создаётся впечатление, что этот вид отпечатка мог быть получен путём проглаживания поверхности сосуда с уже нанесёнными обычными «нитчатыми» отпечатками. Такое проглаживание имело вид полос, ориентированных поперёк направления нитей отпечатка. Но это поверхностный взгляд. И.Л. Чернай видел в таких отпечатках особую фактуру текстиля.

² Материал сильно фрагментирован, а «стежковую» фактуру легко спутать с обычной «ниткой».

чём главным препятствием, в ближайшее время вряд ли устранимым, является состояние источниковой базы.

Попробуем, однако, упорядочить наши представления об этой эпохе, попытавшись выделить сравнительно «чистые» «культурные традиции». Для начала обратимся вновь к материалам Климентовской стоянки. Керамика из раскопок 1970-х гг. описана Б.А. Фоломеевым [2], и повторять его описание нет смысла – разве что добавить новые фотографии (рис. 7–11, 5). Но новый просмотр материалов раскопок позволил прийти к следующим выводам:

во-первых, **керамические материалы коллекции обладают большим сходством** – по крайней мере в характере орнаментации и тесте. В ней присутствуют сетчатая, с нитчатыми отпечатками, гладкостенная и керамика с отпечатками, напоминающими штриховку. Создаётся впечатление, что по структуре своей это не бороздчатое заглаживание поверхности, как на каширских памятниках, а отпечаток либо слабокручёной нити, аналогичной использованной в «нитчатых», либо «раскрутившейся» нити, причём на дне отпечатка заметен след какой-то волокнистой структуры (образцы такой керамики показаны на рис. 7–9). Гладкостенная и сетчатая керамика внешне выглядят как некий единый «стиль»;

во-вторых, **на керамике в коллекции нет «рябчатых» отпечатков**. Из этого следует, что традиция «типа Климентовской стоянки» не предполагает использования «рябчатых» отпечатков, и памятники, где разные типы керамики позднебронзового времени залегают совместно (например, на Чёртовом Городке), нельзя считать «чистыми»;

в-третьих, сочетание «нитчатый отпечаток + гребенчатый штамп» представлено всего на трёх фрагментах (пример на рис. 5) на фоне единого стиля – круглые ямки или треугольные «вдавления наклонной палочки». **Это не типичный (хочется сказать даже – чужеродный) приём орнаментации.**

Все эти обстоятельства вполне позволяют принять материалы Климентовской стоянки за некий, хотя и условный, эталон, пригодный для сопоставления с другими коллекциями. Сразу оговоримся, что керамика с нитчатым отпечатком и гребенча-

Рис. 6. «Штрихованная» керамика Ростиславльского городища (раскопки В.Ю. Ковалёв)

Можно назвать ещё один памятник, где есть керамика, похожая на керамику со «стежковой» фактурой «нитчатого» отпечатка, – это Ростиславль. Там единичные фрагменты с такими отпечатками встречены в древнейших горизонтах насыпи вала – 10а раскопа IV и Д3 раскопа V (образцы её показаны на рис. 12). Но общее количество её крайне невелико – около 20 фрагментов – на фоне большого количества гладкостенной и штрихованной, орнаментированных гребенчатым штампом³. Немаловажно и то обстоятельство, что керамика эта залегает совместно с доминирующей в этих горизонтах керамикой «Каширского типа», что косвенно указывает на принадлежность этих типов к одной эпохе.

Какие же выводы можно сделать из сопоставления керамики Селецкого городища с климентовской? Во-первых, «нитчатая» керамика обоих памятников различна, и хотя относится она к одному историческому периоду, утверждение, что ранний слой Селецкого городища тождествен Климентовской стоянке преждевременно. Во-вторых, аналоги «нитчатой» «стежковой» керамике Селецкого городища, видимо, можно найти среди материалов Ростиславля, и не исключено, что они будут обнаружены в дальнейшем на других памятниках. Однако остаётся непонятным, следует ли считать такую керамику самостоятельным типом и каково её место среди других типов керамики финальной бронзы. И, наконец, в-третьих, коллекция такого стратиграфически сложного памятника, как Селецкое (или подобное ему) городище, не даёт ответа, к какому типу древностей относится его древнейший слой.

Как видим, новое обращение к старым коллекциям проясняет картину лишь отчасти – точнее очерчиваются керамические наборы, но количество типов керамики для рассматриваемого периода множится, а взаимосвязь между ними остаётся непонятной. Так какие же «культурные типы» керамики (или, шире, типы древностей) следует относить к додьяковским слоям городищ, и как они взаимосвязаны между собой?

³ Знакомству с коллекцией Ростиславля я всецело обязан В.Ю. Ковалёву.

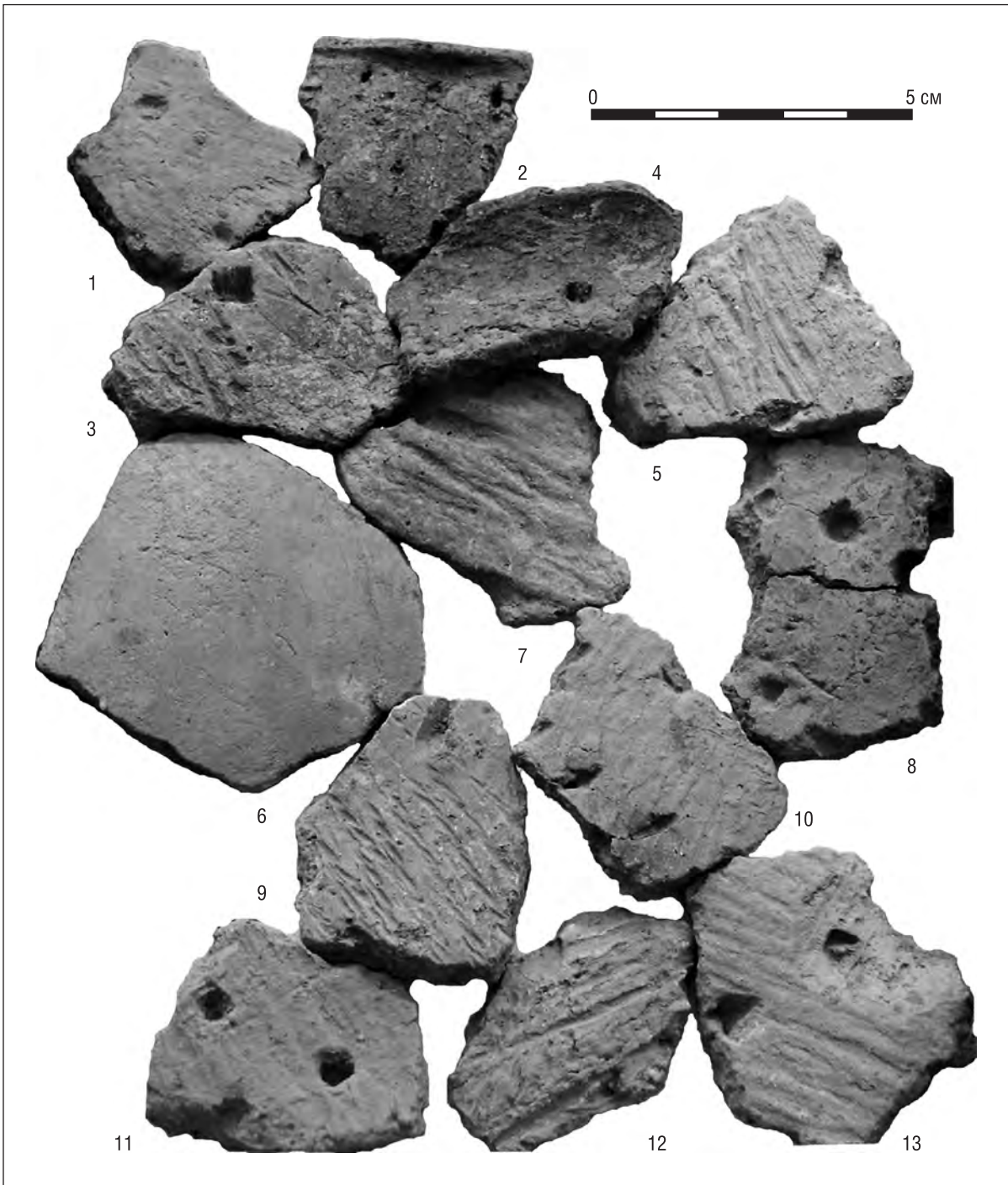

Рис. 7. Гладкостенная и «штрихованная» керамика Климентовской стоянки (раскопки Б.А. Фоломеева)

Рис. 8. Гладкостенная, «нитчатая» и «штрихованная» керамика Климентовской стоянки (раскопки Б.А. Фоломеева)

Рис. 9. «Штрихованная» керамика Климентовской стоянки (раскопки Б.А. Фоломеева)

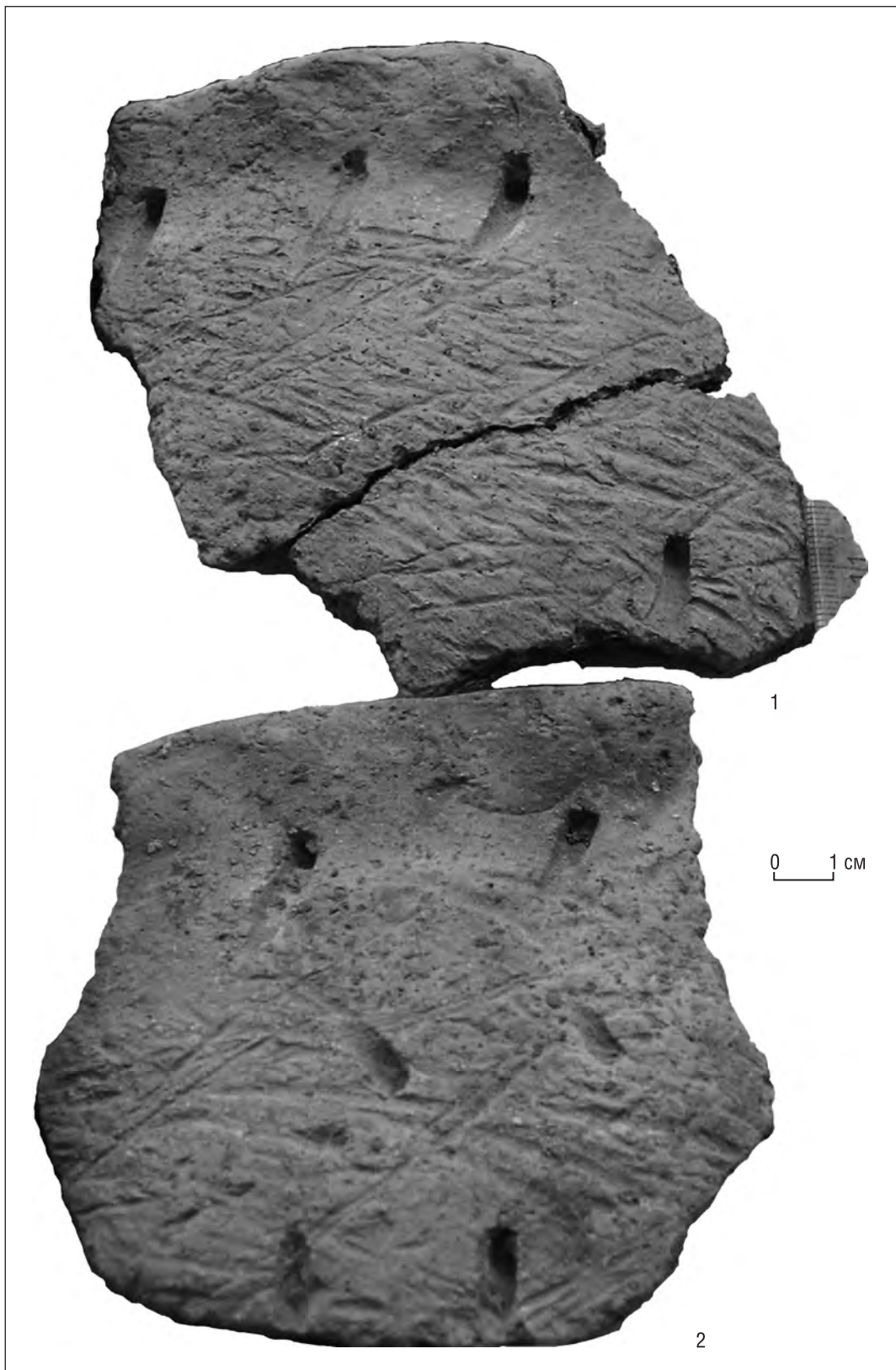

Рис. 10. «Нитчатая» (?) керамика Климентовской стоянки (раскопки Б.А. Фоломеева)

Рис. 11. «Нитчатая» керамика Климентовской стоянки (раскопки Б.А. Фоломеева)

Представляется уместным разделить все перечисленные типы керамики на две группы: 1) те, за которыми можно уже сейчас признать соответствие неким культурным традициям, и 2) те, чьё место среди древностей периода финальной бронзы остаётся непонятным. К первой группе можно отнести «нитчатую» керамику, орнаментированную круглыми ямками и вдавлениями наклонной палочки, – типа Климентовская стоянка; штрихованную керамику, орнаментированную гребенчатым штампом, «каширского типа»; керамику с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком, орнаментированную гребенчатым штампом. Прочие типы керамики, перечисленные нами выше: гладкостенную с Климентовской стоянки, гладкостенную каширских городищ, «стежковую», «нитчатую с гребенчатым штампом», керамику «a-la бондарихинская» – следует включать во вторую группу («непонятных явлений»).

Для трёх достоверно выделяемых типов керамики приблизительно очерчиваются некие исходные ареалы, откуда эта керамика проникала в Москворечье и на прилегающие участки Оки: для Климентовской стоянки это рязанское течение Оки, где традиция изготовления керамики с «нитчатым» отпечатком продолжает существовать долго, вплоть до полного вытеснения её «рогожной» керамикой во 2-й пол. I тыс. до н.э. Тер-

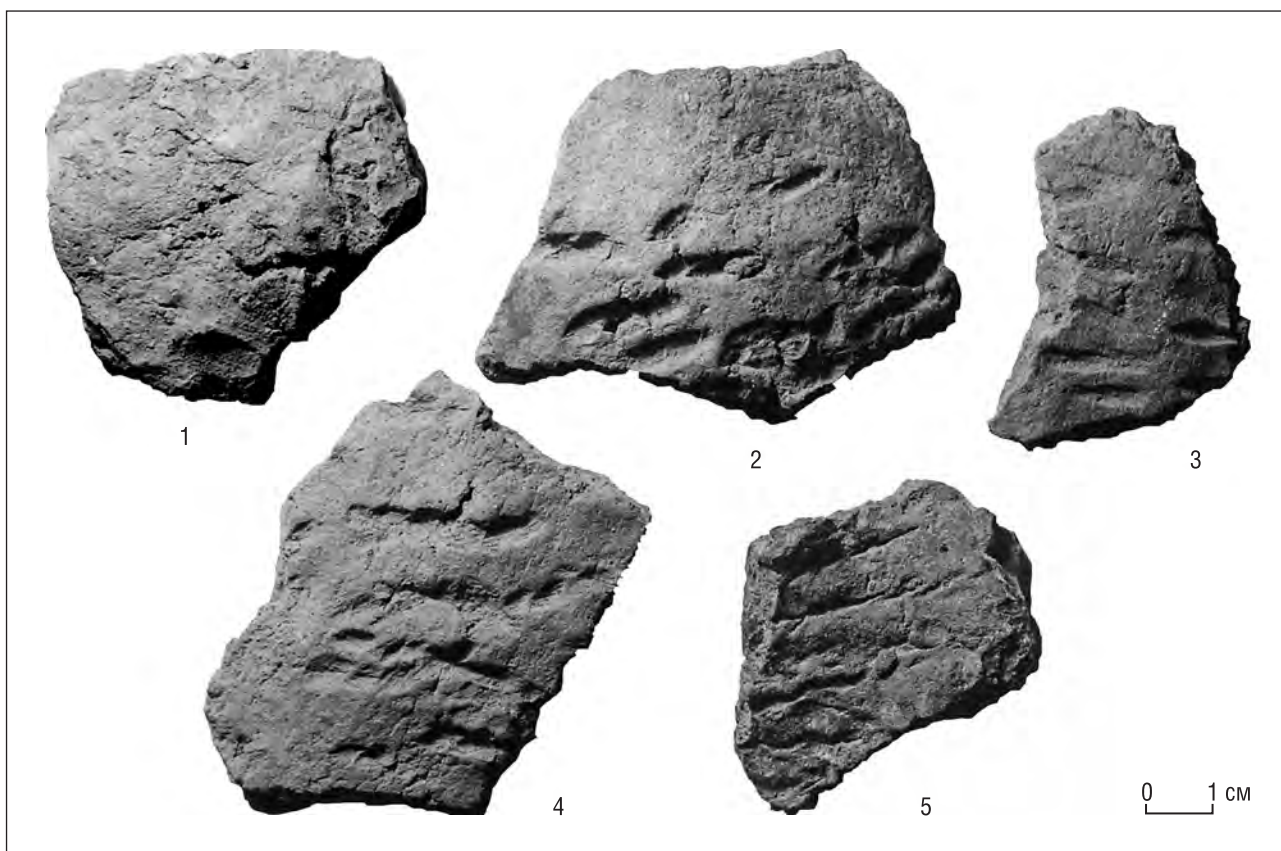

Рис. 12. Керамика со «стежковой» (?) фактурой. Ростиславль, раскоп V, горизонты 10а-б (раскопки В.Ю. Коваля)

мин «Каширский тип»⁴ говорит сам за себя, хотя обозначает, скорее, не центр, а восточный край территории распространения такой керамики, в котором эта традиция также бытует долго: вероятно, до посл. четв. I тыс до н.э. Что же касается керамики с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком, то по отношению к Москворечью это некий «северный» тип древностей, – может быть, из районов Верхней Волги или даже ещё севернее. Взаимодействие этих трёх типов древностей также непонятно, и главная причина этого – отсутствие надёжных дат и стратифицированных памятников. Для «Климентовского» и «Каширского» типов керамики **в равной степени вероятны** и сосуществование на территориях, удалённых от основных «центров», и последовательная смена одного типа другим. Простое перечисление поселений с «климентовскими» и «каширскими» материалами показывает, что и те и другие встречаются на Москве-реке и в москворецком течении Оки.

Представляется, что факты обнаружения керамики того или иного типа в небольшом количестве на памятнике сами по себе не свидетельствуют о том, что этот памятник на определённом этапе относился к определённому типу древностей. Не менее вероятно, что определённая «примесь» материала может быть отражением контактов древнего населения. Эта оговорка необходима, поскольку Протопоповское и Селецкое городища относятся как раз к таким спорным случаям.

Так, штрихованная и гладкостенная керамика с оттисками гребенчатого штампа «Каширского типа» обнаружена на Селецком городище. Данные о её количестве разнятся – в опубликованной И.Л. Чернаем сводке в слое 5 её количество достигает 20 %, но цифра эта автором раскопок никак не комментируется [16, рис. 5]. По моим собственным впечатлениям, этой узнаваемой по орнаментации и поверхности керамики не так много: в пределах двух десятков фрагментов.

Наши шурфы на Протопоповском городище по площади сопоставимы с шурфом М.В. Талицкого, кроме того, в нашем распоряжении – обильный подъёмный материал, однако штрихованной керамики в нашей части коллекции нет. Это обстоятельство не перечёркивает выводов М.В. Талицкого и даже не отрицает идеи

⁴ Ещё раз оговоримся, что в это понятие включается как штрихованная, так и гладкостенная керамика, орнаментированная гребенчатым штампом. Насколько такое объединение правомерно, остаётся неясным.

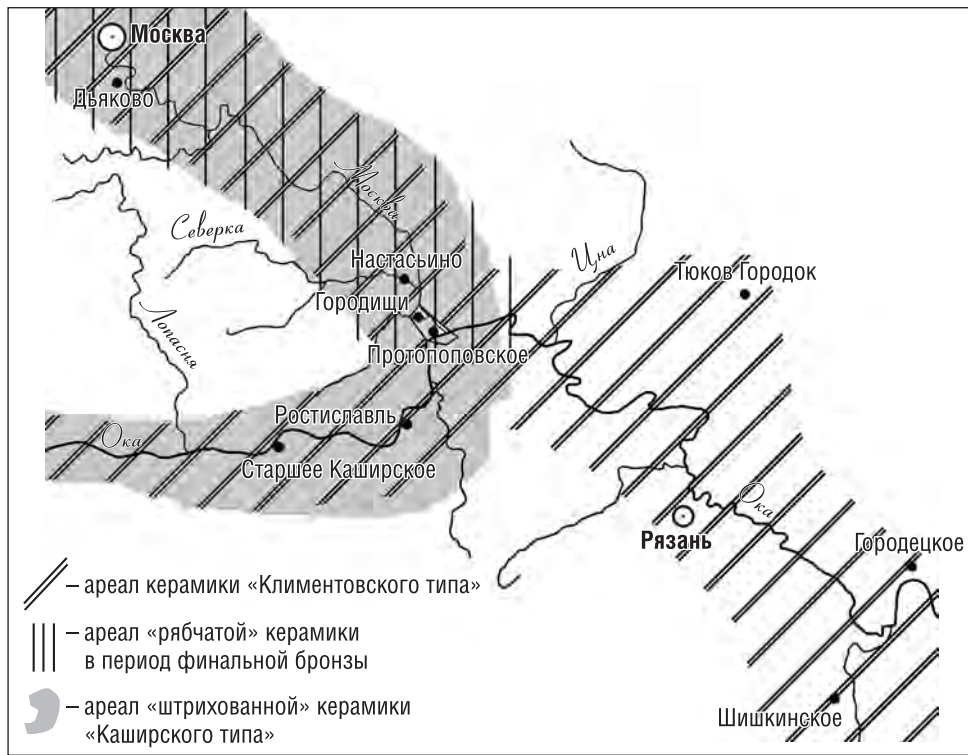

Рис. 13. Ареалы трёх «основных» типов древностей периода финальной бронзы (соответствуют рис. 1–3)

«Каширского горизонта». Но, несомненно, требует осторожности при реконструкции исторических процессов, происходивших в такое «тёмное» для нас время.

Сомнений и оговорок было бы меньше, если бы в нашем распоряжении была более-менее представительная серия абсолютных дат. Для керамики «Каширского типа» их, насколько мне известно, пока нет. Несколько лучше обстоит дело с датировками «Климентовского типа» древностей, хотя и эти датировки нельзя признать точными. Самые ранние даты с Городецкого и Шишкинского городищ приходятся на XII–X вв. до н.э. [17, с. 28]. Калиброванная дата по нагару на черепке этого типа с поселения «Храм Цереры» указывает на интервал 817–790 гг. до н.э., очень близка ей дата из отложений Чёртова Городка [8, с. 68–69]. Б.А. Фоломеев и Н.А. Кренке определяют верхний предел бытования древностей этого типа сер. I тыс. до н.э., а общий интервал бытования древностей «Климентовского типа» оказывается растянутым почти на семь веков [2, с. 183; 8, с. 69]. Можно добавить к этому ещё две даты, полученные по самим фрагментам керамики из погребённой почвы Городищенского городища: Ki-16004 (2820±80 лет ВР; 1σ 1080–890 лет ВС) и Ki-16005 (2970±80 лет ВР; 1σ 1320–1040 лет ВС). В целом эти даты укладываются в очерченный ранее интервал, но, поскольку сама методика датировки по углероду из черепка недостаточно обоснована, остаётся только просто принять их к сведению.

Керамика с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком, судя по косвенным данным, в Москворечье может быть чуть более поздней, поскольку на москворецких городищах, включая коломенскую группу, она изготавливается и в собственно дяковский период. Н.А. Кренке считает середину I тыс. до н.э. нижним пределом датировки такой керамики. На стоянке Зарудня на р. Оке, где материалы этого типа представлены, найден скифский двухлопастный наконечник стрелы, относящийся к VII–VI вв. до н.э. [13, с. 151–153]; радиоуглеродная дата из прослойки с «мелкоячеистой рябчатой» керамикой, полученная по углю, Ki-16216, составила 2330±80 лет ВР (1σ 550–200 лет ВС).

Таким образом, если сильно упростить картину взаимодействия культур в «додьяковское» время, она сведётся к трём основным культурным традициям – «Климентовской», «Каширской» и некой «Северной» с «рябчатой» керамикой. Москворечье по отношению к ним выглядит как «контактная» зона, в которой встречаются материалы всех типов как на отдельных памятниках, так и в одних и тех же слоях (на рис. 13 ареалы всех трёх типов керамики «наложены» друг на друга). Все три культурные традиции синхронны, по крайней мере частично, друг другу. Но, подчеркнём ещё раз, мы не знаем, как на самом деле выглядело культурное взаимодействие этих трёх традиций и не означает ли их видимое «взаимодействие» всего лишь механическое смешение разновременных материалов. Если же вспомнить о приведённых вначале фактах, значительно эту схему усложняющих, станет очевидным, что наши знания о той эпохе ещё далеки от истины. Однако это делает тем более необходимой дискуссию по проблеме, приглашением к которой и является данная статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
2. Климентовская стоянка / Б.А. Фоломеев, А.Л. Александровский, М.П. Гласко, А.Ю. Гуман // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Труды ГИМ. Вып. 68)
3. Кренке Н.А. «Чертов Городок» – селище железного века в окрестностях села Коломенского // РА. 1995. № 1.
4. Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
5. Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Дьяковское поселение «Блюдечко» в кремле г. Коломны // Вестник Коломенского государственного педагогического института. Вып. 1. Коломна, 2006.
6. Сыроватко А.С., Сидоров В.В. Дьяковская керамика городища Настасьино // В печати.
7. Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. Вып. 212. 2001.
8. Поселение Царицыно-1 («Церера») / Н.А. Кренке, К.Е. Агеева, С.Б. Григорян, И.Н. Ершов, А.Е. Кравцов, Е.В. Леонова // Археология парка Царицыно: по материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М., 2008.
9. Сидоров В.В. Колтово 7 – комплекс эпохи бронзы // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.
10. Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008.
11. Лопатина О.А. Керамика Старшего Каширского городища и ее культурно-хронологический контекст // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.
12. Лопатина О.А. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
13. Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов в дьяковской культуре. М., 2009.
14. Коваль В.Ю. Первые поселения эпохи бронзы в Коломенском Поочье // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 2. Коломна, 1997.
15. Коваль В.Ю. Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2006.
16. Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4.
17. Сулерджицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993.

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

A.S. Syrovatko

THE FINAL BRONZE AGE IN THE MOSKVA RIVER BASIN: THE CONDITION OF THE SOURCES AND THE PROBLEM OF THEIR INTERPRETATION

Summary

The article deals with the problem of the reconstruction of cultural processes in the Middle Oka basin and in the Moskva River basin during the Final Bronze Age. The author states the existence of approximately 10 different types of ceramics tradition in this period. The author believes that only 3 out of 10 types are the most defined. There are the ceramics of the Klimentovo dwelling site type, the ceramics of Kashirsky type and «the comb-stamped micro-cellular speckled» ceramics. These 3 traditions of the ceramics production existed during the same historical period (12– 6 centuries BC). The character of the cultural interaction among them remains unknown as well as the particular dates of these traditions. The author sees the solution to this problem in the search for «clean» complexes that will be able to become standards and in new and authentic dates for them.

*The Municipal Budget Institution
«Archaeological Centre of Kolomna»,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna,
140400, Russia*

E-mail: arxeolog-net@rambler.ru

А.С. Сыроватко, А.А. Трошина, Е.Е. Антипина

К ВОПРОСУ ОБ ОБЛИКЕ КУЛЬТУР ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ (по материалам стоянки Зарудня)

Финальный этап эпохи бронзы в Московском регионе исследован плохо – этот период «перелома» обделён вниманием специалистов и в силу субъективных причин, и в силу того, что отложения этого времени, как правило, накладываются на материалы других эпох, причём разных, непохожих ни по характеру слоёв, ни по топографическим особенностям. В настоящей публикации мы представим материал, полученный на недавно открытой стоянке, который, как нам представляется, может оказаться довольно перспективным при решении проблем взаимодействия культур в то малопонятное время.

Стоянка у д. Зарудня в Коломенском районе Московской области была открыта жителем Коломны Г. Якобсом в 2005 году. Увы (это черта эпохи), открытие было совершено при помощи металлоискателя, но весь обнаруженный материал им был передан в краеведческий музей, а «Коломенский археологический центр» был сразу же поставлен в известность. находка, “выдавшая” памятник, для Подмосковья чрезвычайно редка и потому яркая – бронзовый двухлопастный шпорцевый наконечник стрелы. Последовавшие затем сборы подъёмного материала подтвердили наличие поселения с распаханым, но насыщенным артефактами слоем, сформировавшимся в течение позднего и финального этапов бронзового века.

Стоянка расположена в восточной части Коломенского района Московской области, к северу от д. Зарудня (рис. 1). Поселение находится на почти плоском участке пашни, примерно в 200 м от ближайшего края поля. Край поля представляет собой лесополосу, за которой к северу начинается подболоченный открытый участок, а через 150–200 м – русло речки Щелинки (рис. 1). Памятник значительно удалён от современных источников воды, оврагов, не имеет заметных складок рельефа и узнаваемых ориентиров. Наш полевой опыт в случае проведения разведки заставил бы обойти это место стороной, а обнаружил его человек, не знавший, в силу отсутствия профессиональной подготовки, что поиски в этом месте, по всей вероятности, бесперспективны.

Стратиграфия памятника предельно проста – культурный слой и погребённая почва распаханы на всю глубину, и только в редких случаях в микрозападинах в материке сохраняются тончайшие линзы тёмной гумусированной супеси. Именно распашка стала причиной того, что на поверхности памятника встречается едва ли не более яркий материал, чем в раскопе. Исследованная за все годы (2006, 2008) площадь мала – ок. 18 м², но при этом нам повезло в таком небольшом раскопе найти объект – яму, уцелевшую при распашке и имевшую выраженную стратиграфию.

Яма 1, оконтурившаяся после зачистки, имела вид неправильного овала, вытянутого по линии С–Ю (рис. 2). Окончательные размеры ямы были установлены после её выборки и составляли ок. 234×190 см. Определить границы ямы мешала особенность её заполнения – слой плотной светло-серой супеси, обрамлявшей её по краям полосой шириной 20–30 см и плохо прослеживавшейся на фоне материка – светло-жёлтого песка. Этот слой имел вид погребённой подзолистой почвы, по бортам ямы он выглядел как некий затёк. Борта ямы – неровные, имели небольшой уклон, дно – почти плоское (рис. 2–3). Глубина ямы от уровня материка составила ок. 40 см. На дне её была открыта ещё одна яма: 1а (рис. 2). Глубина её от уровня ямы 1 составляла ок. 45 см, диаметр – ок. 35 см. Верх заполнения ямы – тёмная супесь с включениями угля, под которой залегала прослойка светло-серой плотной супеси. Эта прослойка разделяла заполнение ямы на условные «верх» и «низ», содержала минимум материала, была схожа с такой же прослойкой вдоль бортов ямы и, по нашему мнению, являлась смывом грунта с прилегающих участков, «фазой запустения» ямы¹. Низ заполнения ямы представлял собою серую супесь, насыщенную костным углём (рис. 2–3) очень мелкой фракции, крупными некальцинированными костями животных и керамикой. В этом слое найден скребок «с высокой спинкой» (рис. 4: 1).

¹ По мнению консультировавшего нас А.В. Борисова, эта прослойка светлой супеси, как и линзы сходного с ней слоя у бортов ямы (рис. 3), является результатом солифлюксии, а общий вид профиля свидетельствует о том, что яма заполнялась в закрытых условиях, вероятнее всего, при наличии перекрытия. Авторы признательны А.В. Борисову за оказанную консультацию.

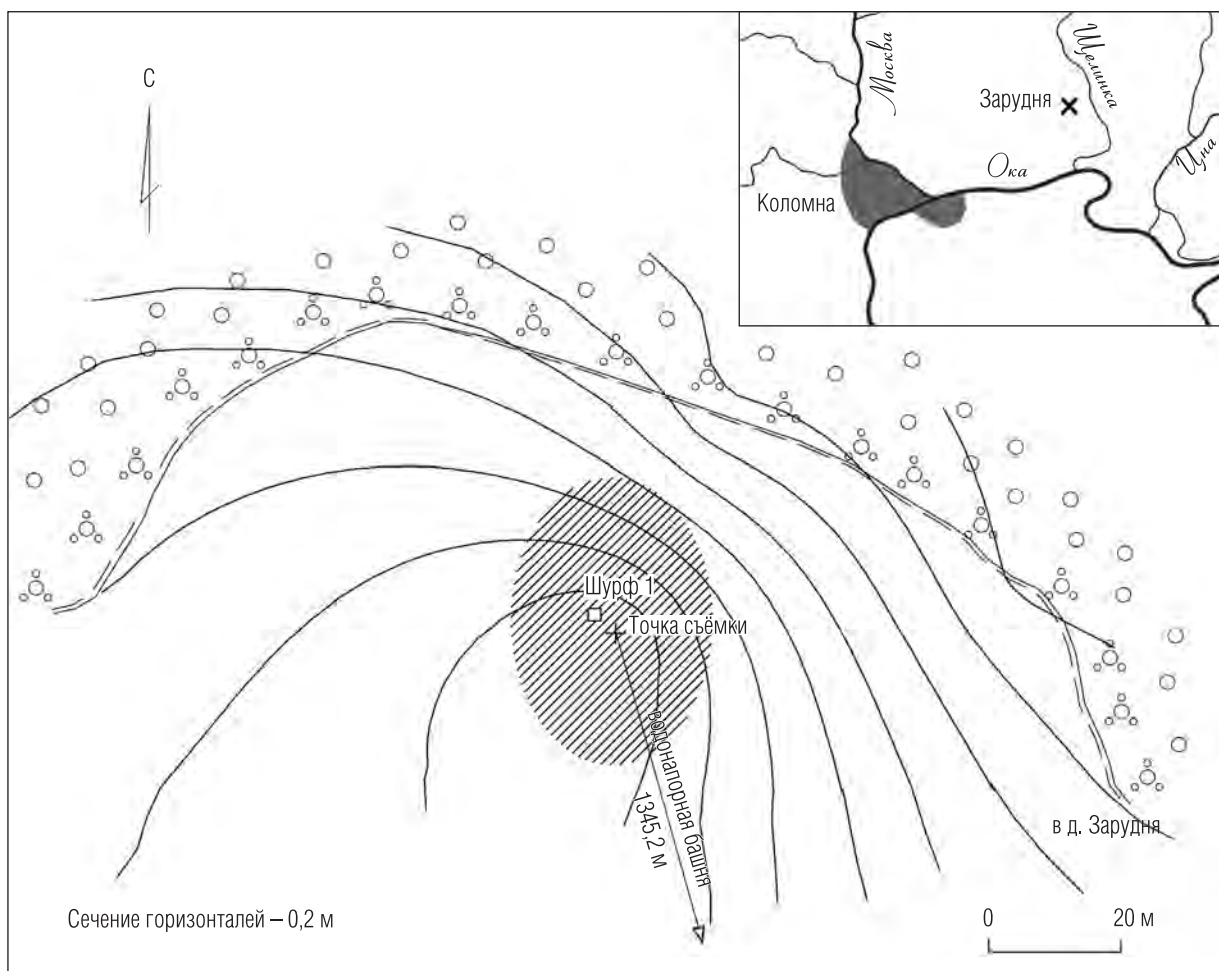

Рис. 1. Место расположения и план стоянки Зарудня

Находки из слоя и из ямы

Основная часть индивидуальных находок происходит из распаханного слоя, в заполнении ямы найден только упоминавшийся уже скребок (рис. 4: 1). Большую часть коллекции – 10 артефактов – составляют скребки, причём 6 из них – так называемые скребки с высокой спинкой (рис. 4: 1–3, 7; рис. 5, 1–3). Т.Б. Попова считала такие концевые скребки характерным признаком поздняковской культуры [1, с. 130]. Заметим, что в Верхневолжском регионе скребки этого типа встречаются и в комплексах с ранней сетчатой керамикой [2, рис. 11: 4, 9], но на Оке, по нашим впечатлениям, ситуация другая: в комплексах типа Климентовская стоянка такие скребки не обнаруживаются. Остальные скребки – округлой и подквадратной форм – менее выразительны, но также вполне укладываются в контекст поздняковской культуры (рис. 4: 4; рис. 5: 7–8).

Отметим также кремнёвый наконечник стрелы (рис. 5: 6). Насколько мы могли определить, изделие выполнено на пластине, но подправлено струйчатой ретушью по спинке и брюшку. Изделие, хоть и напоминает наконечники верхневолжской культуры, по характеру обработки может быть отнесено к периоду развитой бронзы. В коллекции есть также скол с кремнёвого орудия с ретушью (рис. 5: 4) и отщеп (рис. 4: 5). Особенно интересен обломок орудия из меди (рис. 4: 6). Правда, к сожалению, найден он в пахотном горизонте, хотя и над ямой 1. Это, вероятно, некое остриё с двусторонней заточкой (остриё ножа?). Химический состав металла (табл. 1) указывает на почти чистую медь, происходящую из восточной зоны Европы², вероятнее всего, «группу МП» (медистые песчаники).

² Анализ проведён в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН, её сотрудникам С.В. Кузьминых и В.Ю. Лунькову авторы выражают глубокую признательность.

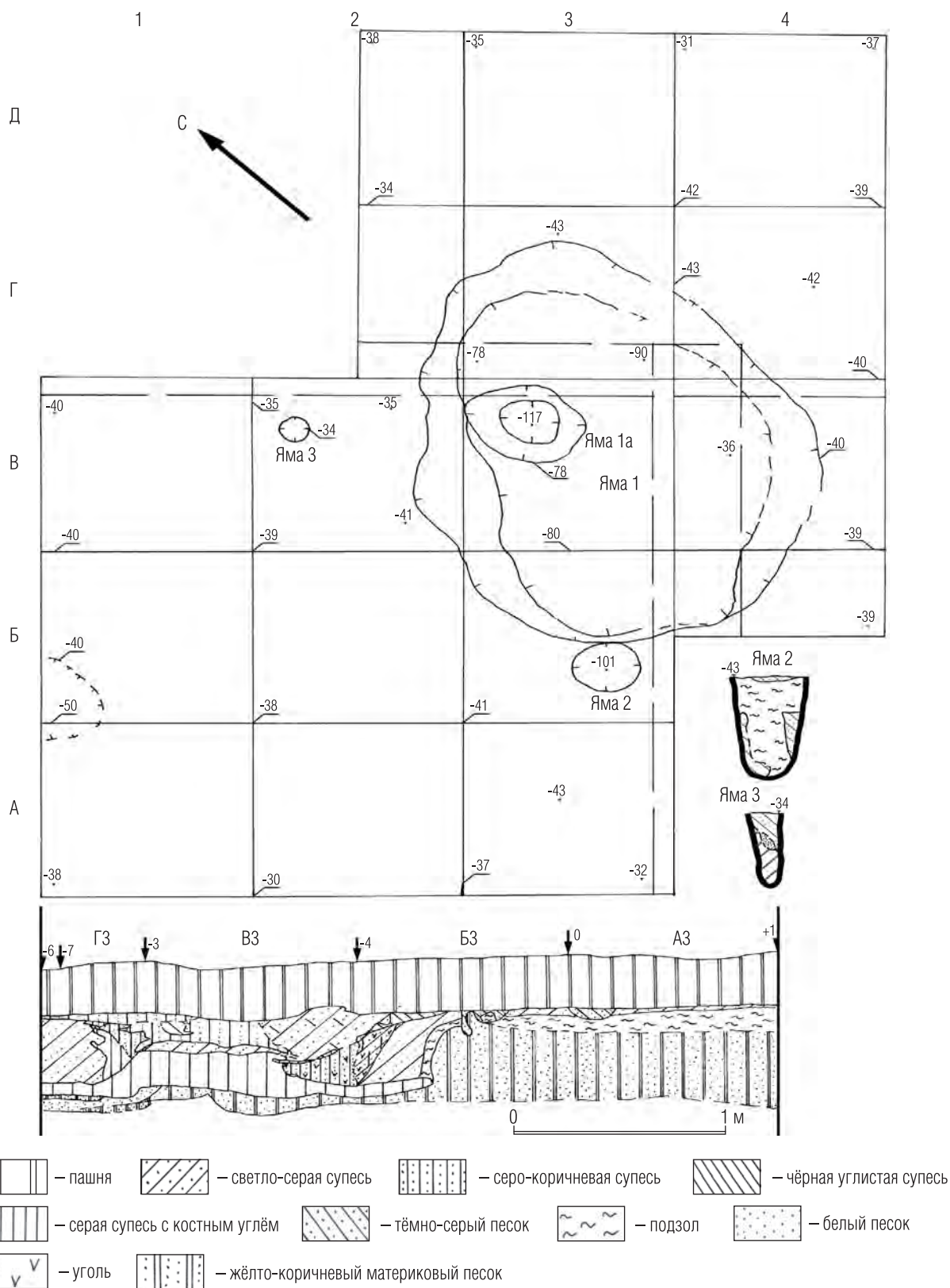

Рис. 2. Стоянка Зарудня. Яма 1. План раскопа и профиль бровки

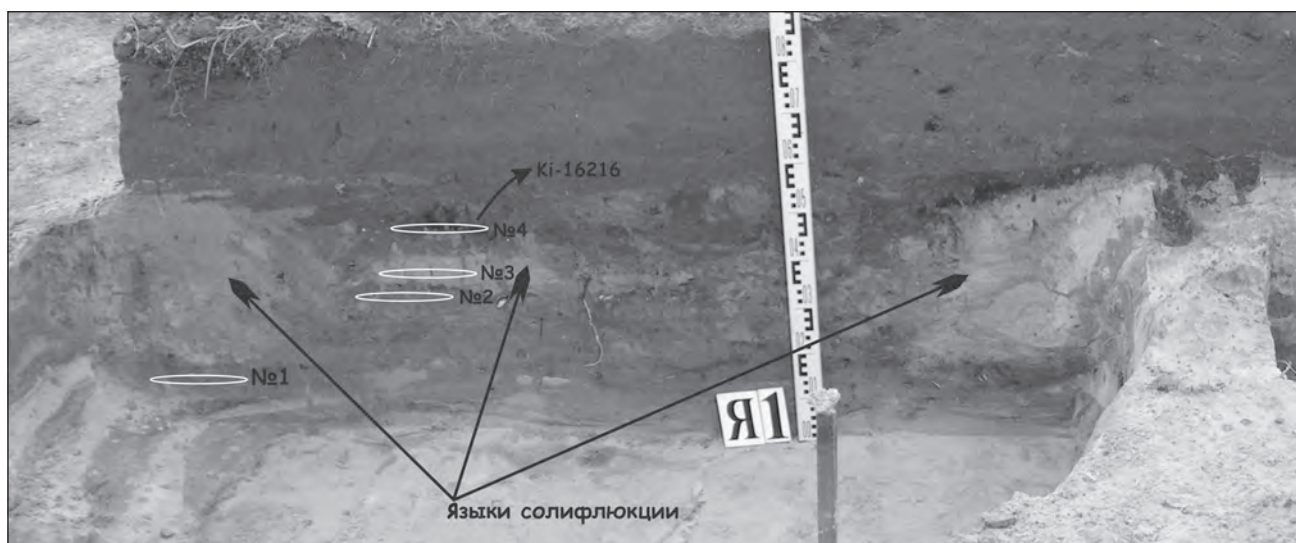

Рис. 3. Стоянка Зарудня. Фото разреза ямы 1 (ЮВ стенка бровки)

Таблица 1. Химический состав металла фрагмента ножа

№ лаб.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
49689	основной	0	0,04	0,55	0,01	0,02	0	0,01	0,02	0,09	0

лаб. – лабораторный

Как мы уже отмечали выше, своему обнаружению памятник обязан яркой находке. Это бронзовый двухлопастный наконечник стрелы скифского типа, на втулке которого угадываются остатки «шпоры» (рис. 5: 5). После клада из Заборья 1830 г. и находки аналогичной стрелы на Ростиславльском городище [3, рис. 11; 4, с. 54–55] это третий пункт находок скифских стрел в дяковском ареале. Значение скифских стрел для датировки трудно переоценить – найденный в Зарудне экземпляр имеет довольно узкую дату – VII–VI вв. до н.э. [5, с. 92, табл. 31: 6]. Сам по себе предмет датируется очень надёжно, но остаётся открытым вопрос, с каким комплексом керамики его увязать. Если бы такая привязка оказалась достоверной, это позволило бы приблизиться к решению многих проблем в хронологии древностей финальной бронзы. Ранее нами высказывалось предположение, что, несмотря на возможность принадлежности наконечника к климентовскому кругу древностей, более вероятно его связь с комплексами «мелкоячейстой рябчатой» керамики, орнаментированной гребенчатым штампом [6, с. 152–153]. Ниже мы попробуем, используя новые данные, дополнительно аргументировать это предположение.

Керамика из слоя и из ямы

Керамический комплекс памятника разнообразен (таблица 2), и даже стратифицированный объект – яма 1 – не вносит понимания в обнаруженный комплекс. По сути, стерильная прослойка в заполнении ямы “отсекает” только раннюю дяковскую керамику. Весь материал предшествующего времени равномерно распределяется как в самой яме, так и в пахотном слое. На рис. 10 представлены фрагменты, которые были отправлены на радиоуглеродный анализ в г. Киев, и на этой фотографии видны совершенно разные керамические типы (помимо сетчатой). Часть фрагментов в коллекции – гладкостенные. При орнаментировании керамики использовались гребенчатый штамп, шнур, «верёвочка на палочке» (рис. 6, 7, 10). Орнаментальные мотивы – зигзаги, ломанные линии, ряды ямок и полосы оттисков зубчатого штампа. Отметим также штриховку на внутренней стороне некоторых сосудов. Присутствует ещё и гладкостенная керамика, венчики которой орнаментированы оттиском шнура (рис. 10: 1, 7). Как видим, керамика очень разная и вместе с тем составляет один комплекс. В ходе презентации этого материала на докладе представленная керамика вызвала живое обсуждение, которое автору раскопок тем не менее не прибавило понимания. Так, керамика со сложным гребенчатым узором (рис. 10: 4; 6, верхний ряд; 7, верхний ряд) характеризовалась и как «абашоидная» и «фатьяноидная», и как типа «сейминский горизонт Вёксы» (вероятнее всего, это одно и то же). Керамика с отпечатками шнура чаще именовалась «фатьяноидной». Гладкостенные фрагменты большинства коллег (и мы с ними в данном случае солидарны) предпочли отнести к постбондарихинскому кругу (фактически – к климентовскому).

Среди сетчатой самой массовой является керамика с мелкоячейстыми рябчатыми отпечатками, орнаментированная гребенчатым штампом (рис. 8: 1–14, 18–22; рис. 9 [6, рис. 74]). Как уже говорилось, этот тип

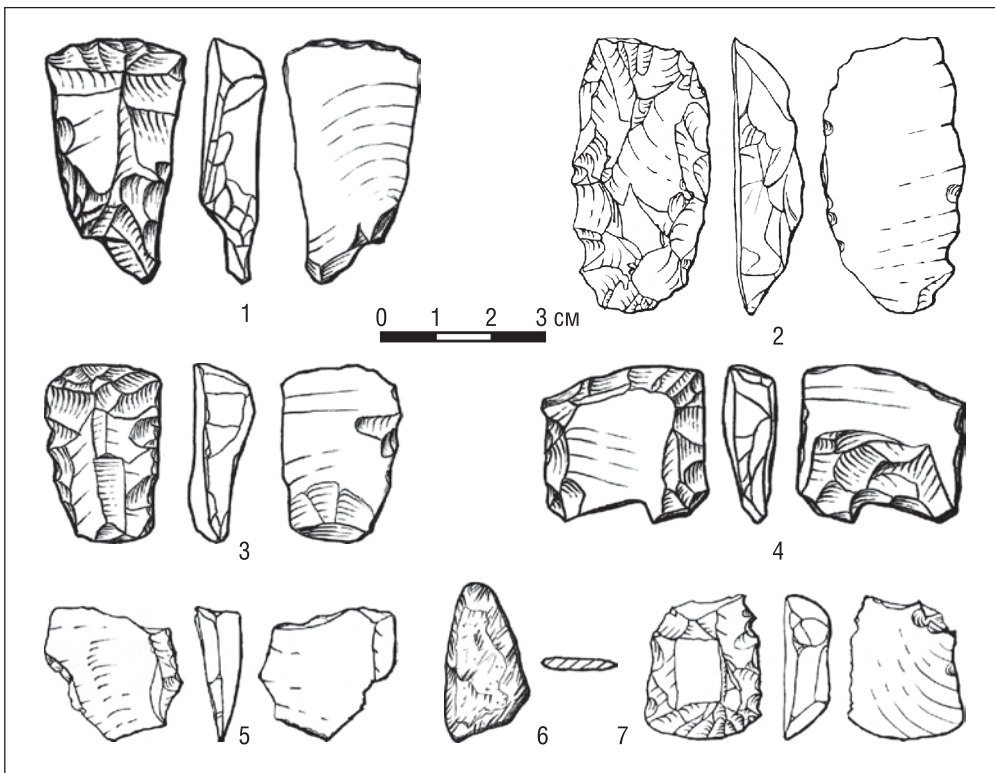

Рис. 4. Стоянка Зарудня. Индивидуальные находки:
1–5, 7 – кремь; 6 – медь

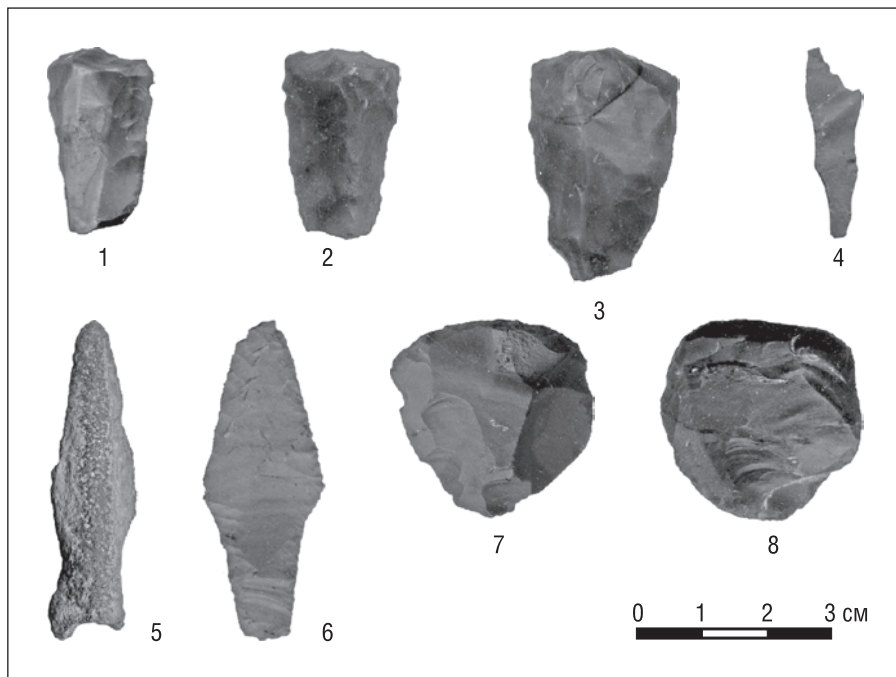

Рис. 5. Стоянка Зарудня. Индивидуальные находки:
1–4, 6–8 – кремь; 5 – медный сплав

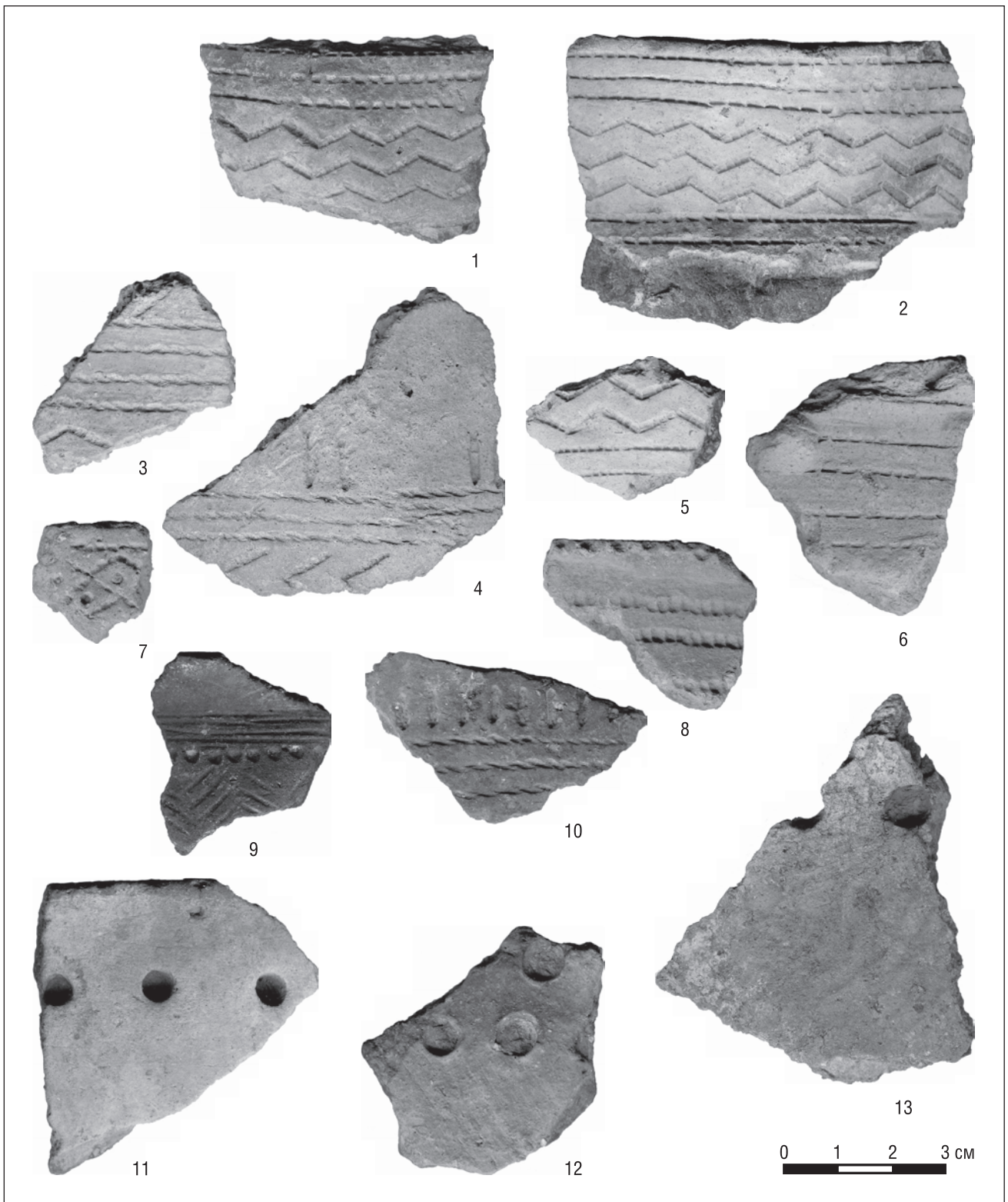

Рис. 6. Стоянка Зарудня. Образцы керамики эпохи бронзы

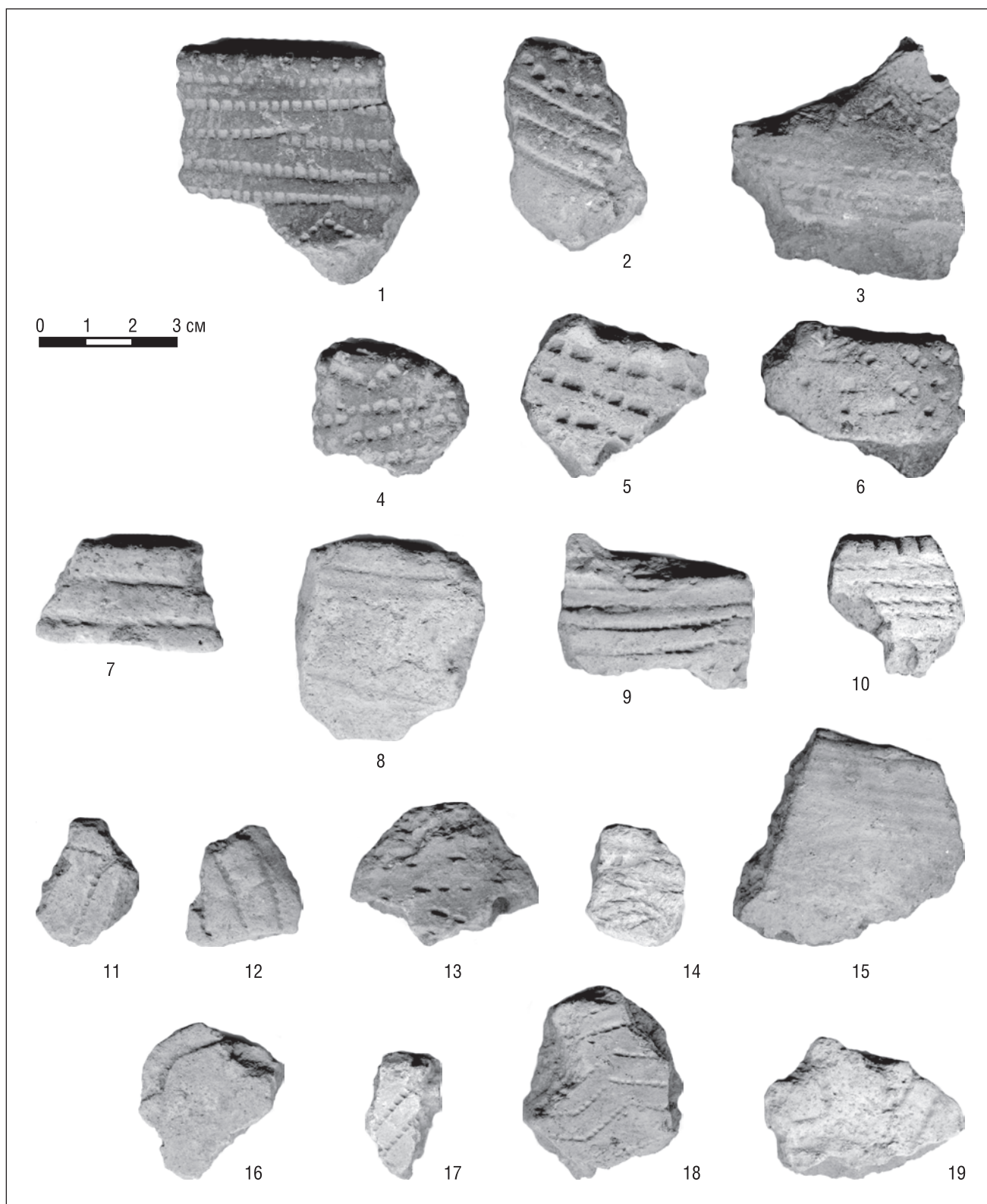

Рис. 7. Стоянка Зарудня. Образцы керамики эпохи бронзы

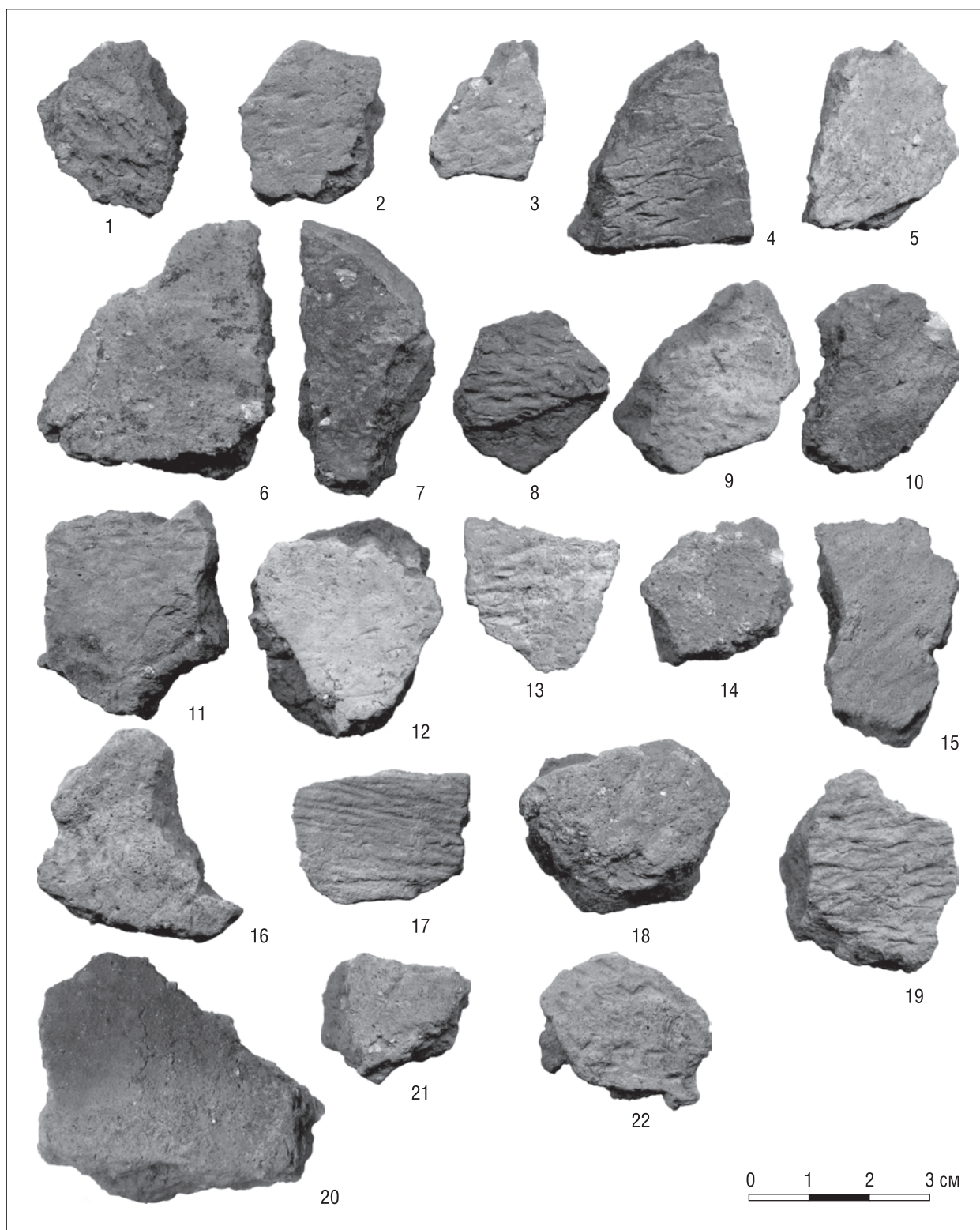

Рис. 8. Стоянка Зарудня. Верх заполнения ямы 1 (верхний ряд) и пахотный слой. Сетчатая керамика

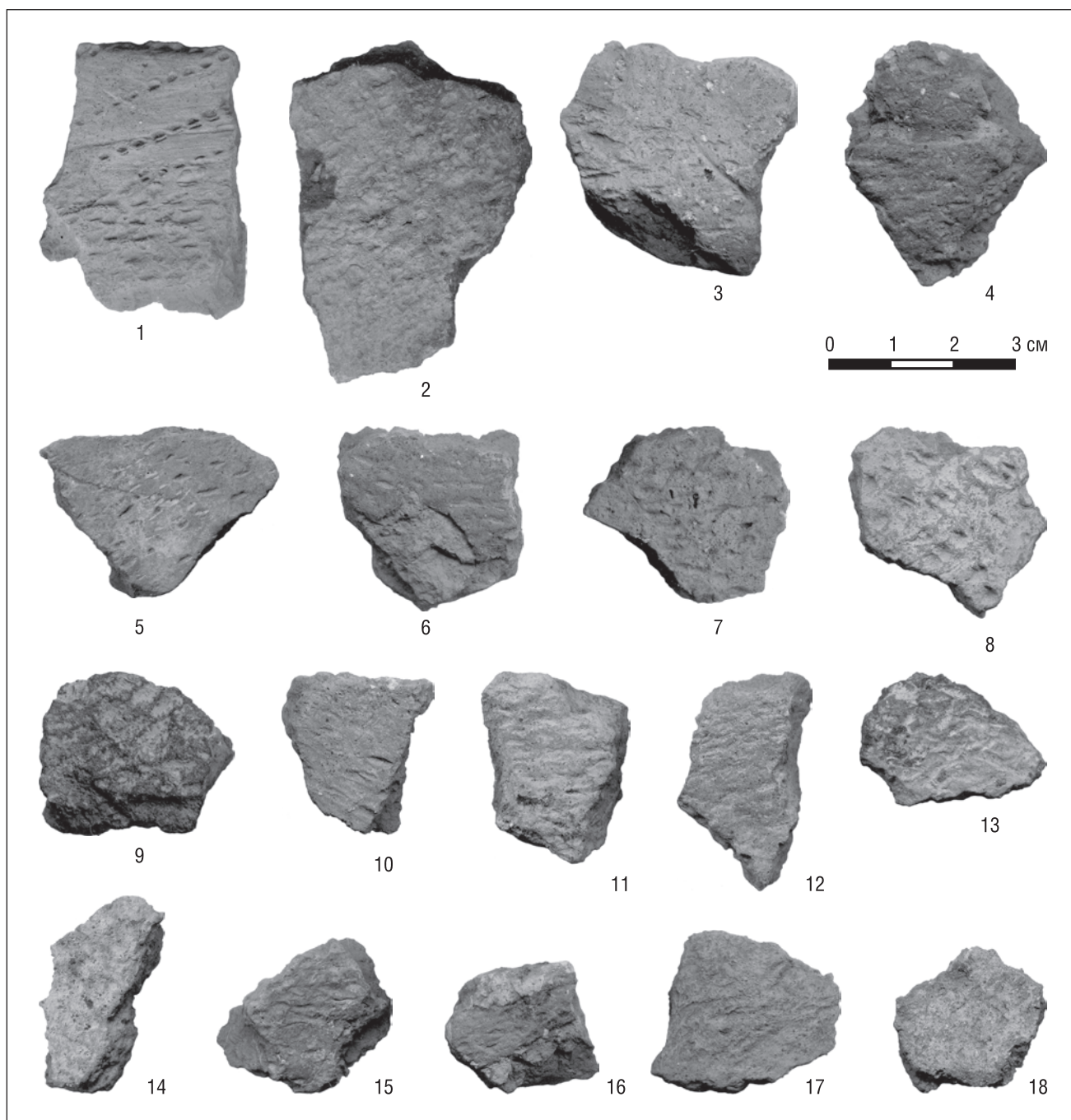

Рис. 9. Стоянка Зарудня. Пахотный слой. Сетчатая керамика

керамики довольно определённо увязывается с отложениями «над стерильной прослойкой», однако в пахотном слое есть керамика и с другими отпечатками. Так, хотя и в минимальном количестве, найдена керамика с «нитчатыми» отпечатками (рис. 8: 15, 17), что указывает на круг древностей типа Климентовская стоянка.

Есть в сборах и керамика с «крупночешуйчатым рябчатым» отпечатком (рис. 10: 2). Внутренняя сторона её покрыта расчёсами, такими же, как и на керамике явно «поздняковского» облика. Аналогов такой керамике мы не знаем, можно определённо утверждать только, что это не дьяковская посуда. Подобную керамику обнаружили А.Б. Мазуров и В.Л. Высоцкий в Старо-Голутвином монастыре в устье Москвы-

реки в 2001 году [7, полевая опись, № 36]. Повторимся, что аналоги авторам не известны, хотя срубно-алакульский контекст является наиболее вероятным направлением поисков. Скорее всего, это тоже некое «фатьяноидно-абашоидное» время.

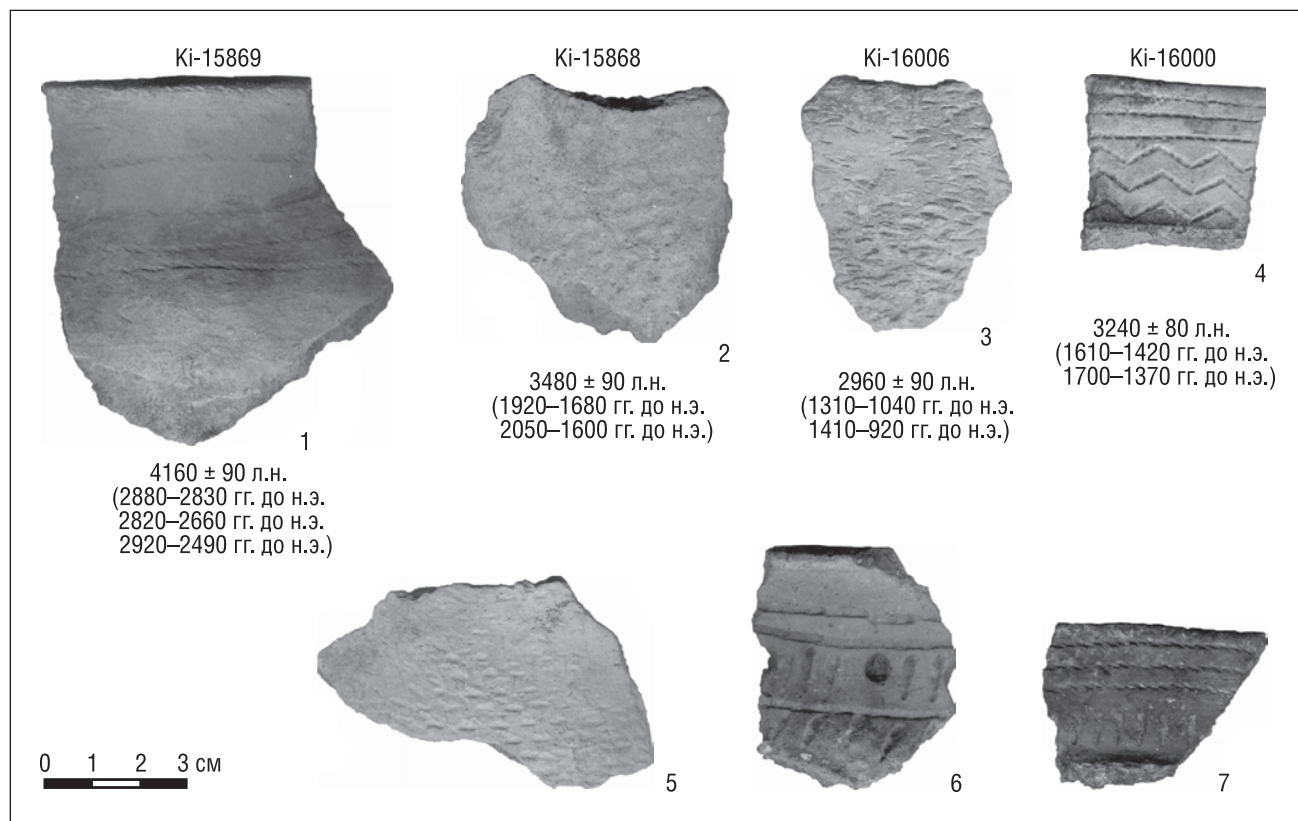

Рис. 10. Стоянка Зарудня. Керамика различных типов из раскопок 2006 г.:
1–4 – датированная в Киевской радиоуглеродной лаборатории (даты и номера образцов соответствуют таблице 3); 5–7 – не получившая даты

Таблица 2. Стоянка Зарудня. Керамика из раскопа 2008 г.

Место нахождения	Гладко-стенная	Сетчатая			Эпохи бронзы			Средневековая		Сильно измельчённая
		Нитчатая	Мелко-рябчатая	Неопределимая	Ямчатая	Шнуровая	Гребенчатая	Белоглиняная	Чёрнолощённая	
Пахотный слой, все кв.	95	4	24	8	–	–	36	22	4	Ок. 140 фр.
Яма 1 Верх заполнения	19	1+1 (?)	5	5	3	1	14	–	–	Ок. 90 фр.
Яма 1 Низ заполнения	23	–	–	–	1	2	3	–	–	5 фр.
Яма 2	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Яма 3	1?	–	–	1?	–	–	1	–	–	–

кв. – квадрат, фр. – фрагмент

Радиоуглеродные даты

Радиоуглеродные даты, приведённые в таблице 3, необходимо, на наш взгляд, прокомментировать. В представленной серии лишь одна дата – образец Ki-16216 – получена по углю. Это – углистый слой над стерильной прослойкой (см. также рис. 3), с которым мы связываем находки ранней дьяковской керамики (рубеж эпохи бронзы и раннего железного века) с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком и оттисками гребенчатого штампа (рис. 8: 3–5). Доверительный интервал – от сер. VI в. до кон. III в. до н.э. – в целом укладывается в археологический контекст, но слишком велик, и дата ничего нового не сообщила. Все прочие даты получены по фрагментам керамики.

Таблица 3. Стоянка Зарудня. Радиоуглеродные даты

Адрес образца	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C , лет	
		BP	BC
Зарудня-2008. Яма 1, углистый слой, уголь	Ki-16216	2330 ± 80	1σ 550–200 2σ 800–150
№ 9. Стоянка Зарудня. Подъёмный материал 2006 г.	Ki-15868	3480 ± 90	1σ 1920–1680 2σ 2050–1500
№ 11. Стоянка Зарудня. Яма 1, «тёмно-серый слой»	Ki-15869	4160 ± 90	1σ 2880–2830 2820–2660 2σ 2920–2490
№ 14. Стоянка Зарудня. Яма 1, восточная часть, низ заполнения (под стерильной прослойкой)	Ki-16000	3240 ± 80	1σ 1610–1420 2σ 1700–1370
№ 15. Стоянка Зарудня. Яма 1, над стерильной прослойкой	Ki-16006	2960 ± 90	1σ 1310–1040 2σ 1410–920

Датирование фрагментов керамики, проводимое в Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев), получило известность в археологическом сообществе. Суть метода изложена аналитиками лаборатории [8; там же литература по теме]. Мы уже публиковали эти полученные по керамике даты [9], однако теперь имеется возможность привести не только цифры, но и показать те фрагменты, которые были датированы (рис. 10). Сетчатый фрагмент с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком (рис. 10: 3) получил абсолютный возраст 2960±90 л.н. (Ki-16006), калиброванный возраст – 1310–1040 гг. до н.э. На наш взгляд, эта дата кардинально расходится не только с общепринятыми представлениями о возрасте такой керамики, но и с датой, полученной из этого слоя по углю.

Крупный фрагмент гладкостенного венчика с отпечатками шнура по плечу и венчику имеет абсолютный возраст 4160±90 л.н. (Ki-15869), калиброванный возраст образца – 1σ 2880–2830, 2820–2660 гг. до н.э. (рис. 10: 1). Мы затрудняемся с определением культурной принадлежности этого сосуда, но очевидно, что его неолитический возраст, да ещё и из объекта периода поздней бронзы, сомнителен.

Два других фрагмента имеют почти одинаковый возраст. Первый из них – сетчатый, с «крупноячеистым рябчатым» отпечатком (рис. 10: 2). На таких фрагментах, найденных в пахотном слое на памятнике (как и датируемый фрагмент), обычны расчёсы внутренней стороны. Изначально у нас создалось впечатление, что эта керамика относится, скорее, к периоду поздней, нежели финальной, бронзы, т.е. должна соответствовать поздняяковскому или «фатьяноидному» кругу древностей. Возраст образца (Ki-15868) – 3480±90 л.н., калиброванный – 1σ 1920–1680 гг. до н.э. Последний датированный фрагмент венчика³, орнаментированного гребенчатым штампом, происходит со дна ямы (рис. 10: 4), его возраст – 3240±80 л.н. (Ki-1600), или 1610–1420 гг. до н.э. По внешнему облику он вполне поздняяковский («фатьяноидный»?), но насколько радиоуглеродный возраст совпадает с археологической датировкой, мы сказать затрудняемся (по мнению участников тверского семинара, совпадение есть). В целом наш опыт датирования керамики в Киевской лаборатории заставляет относиться к полученным датам с большой осторожностью⁴. Любопытно, что радиоуглеродное определение временной позиции сетчатого фрагмента совпало с неким «фатьяноидным» или «поздняяковским», подтвердив его значительно более ранний, чем «климентовский», возраст. Однако пока только дата, полученная по углю, почти без натяжек совпадает с археологическим контекстом.

Результаты пылевого анализа

Всего из бровки в яме 1 были отобраны 4 образца на спорово-пыльцевой анализ. Нижний образец (№ 1) – из придонных отложений, серой супеси; из этой же серой супеси с костным углём, но стратиграфически

³ На рис. 10 представлены и другие фрагменты, отправленные на датировку, но определить их возраст не удалось.

⁴ Отметим, что корректность самой идеи датирования по керамике как будто бы начала получать независимое подтверждение, причём от изначально скептически настроенного специалиста – Г.И. Зайцевой [10, с. 111].

Рис. 11. Стоянка Зарудня. Яма 1. Разрез. Спорово-пыльцевая диаграмма

выше происходит образец № 2; образец № 3 – из «стерильной прослойки», а образец № 4 – из углистого слоя над ней. Четыре перечисленных образца позволили выделить три спорово-пыльцевых комплекса, заметно различающихся между собой (рис. 11).

I спорово-пыльцевой комплекс выделен по образцу 1 из придонной части ямы. Данный образец был чрезвычайно беден пыльцой. Сразу отметим, что такая бедность материалом аномальна и нуждается в объяснении. Мы предполагаем, что слабая насыщенность слоя пыльцой происходит из-за того, что яма либо имела своё перекрытие, либо находилась внутри постройки, либо (что более вероятно) имело место и то и другое. Попросту говоря, это подполье или небольшой погреб⁵.

В общем составе содоминирует пыльца травянистых растений и древесных пород (41 и 33 %). Доля спор составляет 26 %.

В группе древесных пород преобладает пыльца берёзы (*Betula*) (50 %), количество пыльцы липы (*Tilia*) также велико – 35 %. Имеется пыльца сосны (*Pinus*) и ольхи (*Alnus*) (по 8 %).

В группе травянистых растений доминирует пыльца полыни (*Artemisia sp.*) (20 %) и семейства гречишных (*Polygonaceae*) (16 %), также в значительном количестве представлена пыльца семейств злаковых (*Poaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*) и осоковых (*Cyperaceae*) (по 10 %), семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и колокольчика (*Campanula sp.*) (по 8 %). Единично встречена пыльца подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*), семейств кипрейных (*Onagraceae*), сложноцветных (*Compositae*) и губоцветных (яснотковых) (*Lamiaceae*) (2–4 %).

В группе споровых абсолютно преобладание спор плауна (*Lycopodium sp.*) (74 %). Встречены также споры папоротника (класс многоножковидные) (13 %), сфагновых мхов (*Sphagnum sp.*) (10 %) и зелёных мхов (*Bryales sp.*) (3 %).

По причине бедности спектра мы не можем сделать достоверных выводов о ландшафтах и климате, соответствующих периоду начала функционирования ямы. Можно лишь предполагать, что данный комплекс сформировался при наличии перекрытия, препятствующего отложению пыльцы.

II спорово-пыльцевой спектр описан по образцам 2 и 3 из слоёв серой супеси и стерильной прослойки.

В общем составе содоминируют древесные породы и травянистые растения (47–37 % и 38–40 % соответственно). Состав древесных пород заметно изменился по сравнению с предыдущим спектром: абсолютно преобладает пыльца липы (*Tilia*) (49–68 %), доля пыльцы ольхи (*Alnus*) составила 11–23 %, берёзы (*Betula*) – 18–19 %. Единично встречена пыльца ели (*Picea*), сосны (*Pinus*), вяза (*Ulmus*) и ивы (*Salix*).

Группа травянистых растений характеризуется, в первую очередь, возрастанием доли пыльцы полыни (*Artemisia sp.*) в спектре (37 % в образце 2). Также велико количество пыльцы семейств злаковых (*Poaceae*) (14–22 %), гречишных (*Polygonaceae*) (до 18 %), крестоцветных (*Brassicaceae*) (8–15 %), маревых (*Chenopodiaceae*) (8–9 %), осоковых (*Cyperaceae*) (7–14 %). В образце 3 доля пыльцы подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*) возрастает до 13 %. Реже встречается пыльца семейств сложноцветных (*Compositae*), розоцветных (*Rosaceae*), бобовых (*Fabaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), родов кубышка (*Nuphar*), подорожник (*Plantago*), колокольчик (*Campanula*), рогоз (*Typha*) (1–2 %).

В группе споровых доминируют споры зелёных мхов (*Bryales sp.*) (47 % в образце 2) и плаунов (*Lycopodium sp.*) (54 % в образце 3). Велика доля спор папоротников (класс многоножковидные) (16–29 %). Споры сфагновых мхов (*Sphagnum sp.*) составляют 7 %.

Состав спектра позволяет сделать вывод о том, что в округе в данный отрезок времени господствует лесостепной ландшафт. Наличие и преобладание в спектре пыльцы таких растений, как липа, ольха, полынь, свидетельствует о тёплых климатических условиях. К концу периода отмечается некоторое похолодание

⁵ Любопытно, что к такому же выводу – о наличии перекрытия – пришёл и консультировавший нас А.В. Борисов.

климата, что фиксируется уменьшением доли липы, полыни. Значительное увеличение пыльцы цикориевых, возможно, связано с запустением обрабатываемых территорий. Это наблюдение хорошо согласуется со стратиграфией ямы и подтверждает, что слой светлой супеси в середине заполнения является оползнем или, скорее, затёком в заброшенный людьми объект.

Данный комплекс имеет аналоги на других памятниках: его можно сопоставить с образцом 6 с участка ба Городищенского городища [6, рис. 116] и с нижней частью колонки, отобранной из слоя Климентовской стоянки [11, рис. 2].

III спорово-пыльцевой спектр выделен по образцу 4 из слоя 3. От предыдущего спектра отделён значительным перерывом.

В общем составе произошли заметные изменения. Доминируют травянистые растения (68 %). Доля древесных и спор составляет 13 и 19 % соответственно.

В составе древесных пород преобладает пыльца берёзы (*Betula*) (58 %). Также много пыльцы липы (*Tilia*) (23 %), ольхи (*Alnus*) (10 %), сосны (*Pinus*) (8 %). Встречена пыльца ивы (*Salix*) (3 %).

Группа травянистых растений характеризуется доминированием пыльцы семейства крестоцветных (*Brassicaceae*) (31 %). Много пыльцы подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*) (15 %), семейства злаковых (*Poaceae*) (11 %), рода полыни (*Artemisia sp.*) (9 %). В меньшем количестве представлена пыльца семейств лютиковых (*Ranunculaceae*) (5 %), маревых (*Chenopodiaceae*), сложноцветных (*Compositae*) (по 4 %), осоковых (*Cyperaceae*) (3 %). Единично встречается пыльца семейств гвоздичных (*Caryophyllaceae*), розоцветных (*Rosaceae*), мальвовых (*Malvaceae*), кувшинковых (*Nymphaea*) (по 2 %), гречишных (*Polygonaceae*) (1 %).

В составе споровых растений преобладают споры плауна (*Lycopodium sp.*) (56 %). Споры папоротника (класс многожковидные) составляют 15 %, зелёных мхов (*Bryales sp.*) – 13 %. Встречены споры сфагно-вых мхов (*Sphagnum sp.*) (7 %) и хвоща (*Equisetum sp.*) (9 %).

Комплекс коррелирует со спектром отложений сер. I тыс. до н.э. на Климентовской стоянке [11, рис. 2].

Таким образом, данный спектр характеризует степной ландшафт с преобладанием открытых пространств, на которых произрастало преимущественно разнотравье. Соответственно, произошло ухудшение климатических условий. Вероятно, данный комплекс сформировался в условиях похолодания и иссушения климата. Встреченная пыльца культурных злаков свидетельствует о наличии земледелия, однако высокий процент пыльцы сорняков указывает на запущенность сельскохозяйственных угодий.

Таким образом, палинологический анализ выявил следующее: ранний, придонный, комплекс из слоя ямы может быть не очень полным, но указывает на изолированное накопление – внутри закрытого объекта. По составу он согласуется с комплексами поздней бронзы; средняя часть заполнения приходится на фазу прекращения функционирования не только самой ямы, но, вероятно, и всего поселения. Спектр свидетельствует о происшедшем потеплении; углистый слой, в котором встречается сетчатая керамика, сформировался после значительного перерыва в накоплении осадков и сразу характеризует сравнительно остепнённый ландшафт.

Несколько слов следует сказать о корреляции полученных спектров с данными с других памятников – слоя погребённой почвы Городищенского городища в Коломне и Климентовской стоянки. Основание культурных отложений в Городищах содержало однородный в культурном отношении материал, имеющий прямые аналоги на Климентовской стоянке [6, с. 121, рис. 72]. Имеются на Климентовской стоянке и аналоги спорово-пыльцевым спектрам, и относятся они к этому же времени (авторы публикации диаграммы отнесли интересующий нас горизонт 5 к суббореалу и датировали 2-й пол. II – 1-й пол. I тыс. до н.э. [11, рис. 2]. К сожалению, хронология периода финальной бронзы не разработана, датировать материал типа Климентовская стоянка сложно. По общепринятым представлениям, он укладывается в широкий временной диапазон – от XII в. до н.э. до сер. I тыс. до н.э. Для нас важнее то обстоятельство, что в период бытования древностей этого типа отложения в жилищной яме в Зарудне заполнили её на значительную глубину, и, судя по стерильной прослойке, на какое-то время поселение вообще оказалось заброшенным.

Второе совпадение в пыльцевых спектрах – это образец 4 из углистого слоя над стерильной прослойкой в Зарудне и образцы, связанные с началом субатлантического периода (горизонт 4) на Климентовской стоянке. Любопытно, что в Зарудне этот уровень характеризуется принципиально новым типом древностей – сетчатой керамикой с «мелкоячеистым рябчатым» отпечатком, орнаментированной гребенчатым штампом. На Климентовской стоянке в горизонте 4 также появляется керамика, «характерная для городищ» [11, с. 184]. К сожалению, публикация пыльцевых спектров Климентовской стоянки, на наш взгляд, не полна – в ней не хватает общего состава пыльцы, и в силу этого обстоятельства мы не можем говорить о полном совпадении результатов, в отличие от Городищенского городища. Но и имеющихся данных оказалось достаточно, чтобы синхронизировать культурные слои на трёх памятниках.

Остеологический материал из ямы 1

Коллекция костей, полученная в ходе раскопок, невелика. Её общий объём составил всего 243 фрагмента. Несомненно, такое малое количество костей резко ограничивает достоверность интерпретации любой информации, полученной при изучении данной коллекции. Однако кости животных происходят из закрытого комплекса ямы № 1, так что результаты их определения всё же могут оказаться полезными при исследовании функционального назначения этого конкретного археологического объекта.

Естественная сохранность костей оценивается как неудовлетворительная – два балла по пятибалльной шкале (табл. 4). Такая оценка соответствует состоянию очень хрупкой костной ткани с минимальным содержанием её органической компоненты и полуразрушенным поверхностным слоем. На фрагментах много следов уже

Таблица 4. Стоянка Зарудня (раскопки 2008 г.). Яма 1. Общая структура остеологической выборки

Археологический объект	Общее число костей	Доля (%) определимых до вида костей	Объём костей (куб. дм)	Индекс* фрагментарности костей (ИФ)	Оценка естественной сохранности костей (шкала 5–1)
Пахотный слой	10	10,0	0,1	100,0	1
Заполнение	233	27,0	3,6	64,7	2
Всего	243	26,3	3,7	63,0	2

* Индекс фрагментарности костей показывает число фрагментов в стандартной единице объёма – 1 куб. дм (общее число костей делится на объём, который они занимают).

Таблица 5. Стоянка Зарудня (раскопки 2008 г.). Яма 1. Таксономический состав остеологической выборки

Таксоны и группы	Яма 1 (заполнение)	Яма 1 (пахотный слой)	Всего костей	%
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	23		23	59,0
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	16		16	41,0
Всего костей домашних	39	0	39	100,0
Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i>)	5		5	41,9
Лось (<i>Alces alces</i>)	1		1	8,3
Куньи (<i>Martes sp.</i>)	1		1	8,3
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	1	1	2	16,6
Рыбы (<i>Pisces</i>)	3		3	24,9
Всего костей диких	11	1	12	100,0
Свинья домашняя или дикая (<i>Sus scrofa ferus s. domestica</i>)	13		13	100,0
Всего костей, среди них:	63	1	64	100,0
Доля домашних			39	60,9
Доля диких			12	18,8
Доля свиньи домашней или дикой			13	20,3

Таблица 6. Стоянка Зарудня (раскопки 2008 г.). Яма 1. Анатомическая структура остатков копытных (%)

Элементы скелета		Крупный рогатый скот (КРС)	Лошадь	Свинья домашняя или дикая	Кабан	Лось
Рог	COR					
Череп	CRA	4,33		23,1	40,0	
Нижняя челюсть	MAN	4,33	6,25			100,0
Зубы	DEN	34,8	18,8	15,4		
Позвонки	VER	8,7	12,5	7,7		
Рёбра	COS	17,4	18,8			
Лопаточная кость	SCA	4,33				
Плечевая	HUM		6,25	7,7		
Лучевая	RAD		12,5			
Локтевая	ULN					
Тазовая	PEL	8,7				
Бедренная	FEM			15,4		
Кости голени	TIB+FIB		12,5			
Пястные и плюсневые	MTP	17,4	6,25		60,0	
Астрагал	AST					
Пяточная	CAL					
Мелкие кости конечностей	POD		6,25			
Фаланги	Ph. I–III			30,8		
Всего %		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего костей – 88, среди них:		23	16	13	5	1

современных сколов. Именно плохой естественной сохранностью объясняется достаточно значительная раздробленность костей, при которой индекс фрагментарности оказывается свыше 60 обломков на 1 дм³ (табл. 4).

Никаких следов кухонной разделки или раздробления, а также собачьих погрызов на костях не обнаружено. Даже если они и были, при таком естественном состоянии костей они могли и не сохраниться. Единственным отражением искусственного воздействия на эти остатки явились следы сожжения части костей: кальцинированных и слегка обожжённых фрагментов оказалось около 27 (7 % от общего числа).

Определимые до видового уровня костные остатки составили лишь четверть от всей выборки (табл. 5). Их состав включает 8 видов: это два вида достоверно домашних животных – крупный рогатый скот (*Bos taurus*) и лошадь (*Equus caballus*), четыре вида охотничьих диких животных – кабан (*Sus scrofa ferus*), лось (*Alces alces*), куница (*Martes sp.*) и бобр (*Castor fiber*), а также два вида рыб – щука (*Esox lucius*) и стерлядь (*Acipenser ruthenus*) (табл. 5).

Кроме того, в выборке зафиксированы кости свиней, принадлежность которых к диким или домашним особям неустановима (табл. 5). Это кости нескольких молодых животных, возраст которых на момент смерти был близок к 6 месяцам. Сезон их убоя может быть определён как конец лета – осень.

Кабан в выборке представлен костями крупных взрослых особей. Взрослым особям принадлежат кости бобра и куницы, а нижняя челюсть лося происходит из скелета очень старой особи с практически полностью стёртыми коренными зубами.

Анатомическая структура останков крупного рогатого скота (КРС) и лошади показывает присутствие в выборке почти всех частей их скелета (табл. 6). Возрастные особенности некоторых из них позволяют говорить о присутствии в выборке останков нескольких особей этих видов. И для КРС, и для лошади обнаружены кости как молодых животных (около 3–5 месяцев), так и взрослых особей (6–10 лет).

Информации о размерах животных по изучаемым костным остаткам получено крайне мало. Три наиболее полно сохранившихся фрагмента костей (пясти, лопатки и ребра) взрослых особей КРС позволяют определить размеры этих животных как средние и относительно крупные. Взрослые особи лошадей по ряду остатков костей конечностей представляются средними по размерам.

Отдельно подчеркнём, что абсолютные цифры, приведённые в таблицах, характеризуют выборку определяемых до вида костей как крайне малую. Случайный фактор в такой ситуации играет значительную роль в формировании параметров выборки и, прежде всего, подсчитанных соотношений по видовому составу. Так что все относительные оценки (%) следует считать предварительными; они иллюстрируют только лишь обычные для таблиц расчёты (табл. 5). В то же время авторам не известны другие остеологические комплексы периодов поздней или финальной бронзы, полученные при раскопках на памятниках поздняяковской культуры и культуры сетчатой керамики. Наши материалы пока не с чем сравнивать.

Интерпретация

В публикуемых материалах крайне интересными нам показались сразу несколько сюжетов:

в одном объекте получен разнородный керамический материал, который может отражать некую историческую реальность (равно как и некий сложный процесс механического смешения);

наличие стрелы скифского типа может позволить более точно определить время наступления не только «периода классического дьяково», но и субатлантического периода, слегка удревнив их. Подчеркнём в очередной раз, что совпадение этих двух явлений вряд ли не связано;

радиоуглеродные даты, полученные по керамике, необъяснимым пока образом иногда укладываются в археологический контекст (в том виде, каким его представляет себе большинство современных исследователей);

стратифицированность объекта позволила скоррелировать палинологические колонки сразу трёх памятников. Помимо чисто практических выводов (о характере формирования слоя в яме, тезис о затухании жизни на поселении в климентовское время), это обстоятельство делает более обоснованными выводы, сделанные по разрезам культурных отложений, традиционно считающихся в палинологии менее достоверными, чем естественные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Попова Т.Б.* Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Труды ГИМ. Вып. 68)
2. *Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
3. *Городцов В.А.* Старшее Каширское городище // ИГАИМК. Вып. 85. 1933.
4. *Медведь А.Н.* Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2006.
5. *Мелюкова А.И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР)
6. *Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов в дьяковской культуре. М., 2009.
7. *Мазуров А.Б.* Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне 2001 года // Архив ИА РАН. Р-1.
8. *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008. № 4.

9. Сыроватко А.С. Об опыте абсолютного датирования керамики железного века Среднего Поочья // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Сборник научных трудов. Барнаул, 2009.
10. Zaytseva, G.I., Skakovskii, E.D., Possnert, G. Radiocarbon Dating of Pottery: Chemical Composition of the Organic Fraction and the Reliability of ¹⁴C Dates (Preliminary Results) // Radiocarbon and Archaeology. 6th International Symposium. Program and Abstracts. Pafos, 2011.
11. Климентовская стоянка / Б.А. Фоломеев, А.Л. Александровский, М.П. Гласко, А.Ю. Гуман // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Труды ГИМ. Вып. 68)

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.S. Syrovatko, A.A Troshina, E.E. Antipina

**ON THE QUESTION OF THE IMAGE OF THE FINAL BRONZE AGE CULTURES
(Based on the Materials from the Settlement Zarudnya)**

Summary

The article presents the materials of the excavations in the settlement Zarudnya (the Moscow Region, Kolomensky District, the left bank of the river Oka). The monument belongs to the poorly investigated period of the Late – the Final Bronze Age. The excavations were a form of a primary investigation, but they were accompanied by radiocarbon dating, palynological studies, and the osteological analysis of the collection. Among the finds made during the survey of the settlement the most important is the Scythian arrowhead that made the monument one of the northernmost points of the findings of this type of arrows.

The palynological research was done to get the local characteristics of the cultural layer and the filling of the continent object, but quite unexpectedly was found the correlation of the obtained spectra with the spectra of the Final Bronze Age of the other monuments of the Middle Oka. Earlier there were no such linkages between the palynological stations, and despite the lack of synchronic natural sections it is a step forward. The radiocarbon dates, except one (received on coal) were made by carbon from the fragments of pottery. Some of the dates coincide with the archaeological context, but because of the poor elaboration of the chronology of the antiquities of this period, the verification of the received dates is difficult to obtain. The osteological collection of the monument is small, and all the conclusions based on it are very preliminary, but this collection is the first for the monuments of this type, analyzed by a specialist.

*The Municipal Budget Institution
«Archaeological Centre of Kolomna»,
5, Kremlyevskaya St.,
Kolomna, 140400, Russia,*

*A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
A.A. Troshina – E-mail: alla-troshina89@rambler.ru*

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
Building 2, 14, Krzhizhanovskogo St.,
Moscow, 117218, Russia*

E.E. Antipina – E-mail: bikonty@mail.ru

А.С. Сыроватко

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ ОКИ И МОСКВОРЕЧЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ

Проведение палинологических исследований на поселениях раннего железного века в последнее десятилетие стало довольно обычным. Повсеместное распространение метода ограничивается, пожалуй, только дефицитностью специалистов-палеоботаников. В результате накопился материал, нуждающийся в интерпретации, причём не как отдельные эпизоды, а более широко, хотя бы на уровне регионов и групп памятников. Отдавая себе отчёт в том, что для разработки данной темы необходим значительно более широкий круг источников, чем тот, что существует в нашем распоряжении, я всё же счёл возможным обратиться к этой теме, хотя бы в плане постановки проблемы. Кроме того, городища дьяковской культуры так называемой Коломенской группы (Нижней Москвы-реки и Средней Оки), и в первую очередь Протопоповское, Городищенское и Настасьино, являлись памятниками, на которых производилась апробация самого метода.

Первый опыт палинологических работ на памятниках раннего железного века региона связан с самим Дьяковым городищем, эта работа была начата В.С. Гуновой [1], хотя на соседних, городецких, памятниках он был апробирован ещё раньше [2]. Затем последовали исследования городищ Коломенской группы – Протопоповского, Городищенского [3; 4], Настасьинского [5], а также географически близких памятников и геологических разрезов [6; 7]. Появились и первые обобщения результатов применения метода [7; 8], хотя эти исследования не содержали исторических реконструкций.

Применительно к коломенским городищам палинология первоначально воспринималась мной как один из методов изучения укреплений городищ. Наш опыт работы на Протопоповском и Городищенском городищах показал, что палинология может дать очень ценные наблюдения о характере формирования прослоек в валах [3; 4]. Так, на Протопоповском городище зафиксированы ситуации, когда между отложениями прослоек суглинка выявлялся временной промежуток, который визуальным проследить было нельзя. С помощью этого же метода можно было интерпретировать происхождение гумусированных прослоек как перемещённый слой (взятый с площадки и уложенный в вал), как срыв слоя или как слой, образовавшийся на самом валу, – во всех этих случаях визуальным образом эти прослойки выглядели одинаково. С учётом того, что валы дьяковских и городецких городищ содержат археологический материал, что в прослойках, фактически, содержатся комплексы, столь редкие на площадках, всё перечисленное оказывается чрезвычайно важным для понимания стратиграфии вала. Применительно к исследованию укреплений палинология являлась методом, перепроверяющим выделение комплексов находок из насыпей. Что же касается климатических и палеоландшафтных реконструкций, то первоначально, особенно с учётом специфики отбираемых колонок, они, по существу, находились на стадии накопления опыта и отходили на второй план.

Данные, поставляемые палинологией, нуждаются в критике, как и любой другой источник. «Сомнения пользователя» наиболее последовательно изложены А.Н. Сорокиным, и ко многим его замечаниям стоит прислушаться [9, с. 69 и сл.]. Можно указать на ещё одно «узкое» место – отсутствие точных датировок фиксируемых перемен. Сама по себе палинологическая шкала, построение которой началось до появления радиоуглеродного метода, с точки зрения хронологии, весьма приближительна, а радиоуглеродные даты уточнили её, но не придали желаемой точности. Ведь если для объектов и артефактов разброс датировок, особенно с учётом применения калибровки, велик, то и отслеживать климатические изменения в пределах одного столетия довольно проблематично.

Однако для раннего железного века, а в особенности в рассматриваемом регионе, палинологические данные являются, на мой взгляд, важным и интересным источником. Так, надёжность метода значительно возрастает, когда палинологическая колонка отбирается из толщи, накопление которой происходило с экстремальной скоростью, – и это признаётся критиками метода [9, с. 73]. А на чём построена шкала для дьяковских памятников? Прежде всего, это Дьяково городище, но его культурный слой сам по себе аномален – нам не известны более поселения дьякова типа с таким мощным слоем. Аномалия эта нуждается в

объяснении, поскольку от неё зависит и корректность всех прочих построений относительно этого памятника (да и всей культуры), но применительно к палинологии здесь соблюдается главное условие – быстрота осадконакоплений, сохраняющая пыльцу в слое. Что же касается Протопоповского и Городищенского городищ, чьи материалы также легли в основу построений, то при использовании палинологии на этих памятниках попутно выяснилось, что подсыпки насыпей валов сохраняют не только комплексы артефактов – в равной степени они также сохраняют и спорово-пыльцевые комплексы. Колонки, полученные по прослойкам из валов, не столь дробны, как хотелось бы, но, обладая условием «экстремального осадконакопления», надёжны¹.

По этой причине сомнения в корректности метода возможны, но только в отношении колонок, взятых с жилых площадок, обладающих сравнительно тонким слоем, – как в Настасьино (в самом деле, уже не раз обращалось внимание на возможность перемещения артефактов в жилом слое площадок, в том числе и этого памятника, то же можно сказать и о пыльне). Но даже в этих случаях возможна перепроверка выводов, поскольку эталоны уже существуют – на Дьяковом и Протопоповском городищах.

Что же касается большей точности датировок радиоуглеродным методом, то и это не упрек палинологии. Ведь если поставить задачу увязать изменения в пыльцевых спектрах с изменениями в материальной культуре, окажется, что основания для датировок в археологии и палинологии едины. Повышение качества дат автоматически изменит картину к лучшему и в археологии, и в палинологии.

Что, собственно, удалось установить благодаря спорово-пыльцевому методу? Общая климатическая история региона выглядит следующим образом.

Периодом климатических перемен, отделяющим эпоху бронзы от раннего железного века (РЖВ), следует считать интервал 2600–2500 л.н., или сер. VII – сер. VI в. до н.э. (вероятно, ближе к нижнему пределу этого отрезка). На это время приходится максимум похолодания, распространение тёмнохвойной тайги. Однако и археологические источники определяют это время как переломное. Применительно к памятникам Коломенской группы где-то в это время завершается период господства древностей типа Климентовская стоянка с «нитчатой» керамической традицией и распространяется керамика с «рябчатыми» отпечатками и орнаментацией гребенчатым штампом. Происхождение этой керамики большинство исследователей связывают с более северными районами, в частности с Верхневолжским регионом. Трудно сказать, есть ли преемственность между этой керамикой, так же как и климентовской, относимой обычно к финальной бронзе, и керамикой собственно дьяковского времени. Однако с этого момента «нитчатая» керамика изготавливается только в более южных землях – на городищных городищах Оки. Именно в это время происходит наиболее активное освоение площадок городищ, переход с более низких по отношению к уровню воды поселений на края высоких террас² (или новую традицию – селиться высоко – приносят с севера?). Любопытно, что в это время отмечено прекращение существования Климентовской стоянки как стационарного поселения [10, с. 187].

Последующий период характеризуется медленным потеплением климата при сравнительно высоком уровне воды в реках и озёрах. Процесс постепенного потепления и уменьшения влажности климата продолжался до следующего перелома, приходящегося на интервал 2200–2100 л.н., или сер. III–II в. до н.э. Это был период климатической нестабильности, когда значительные потепления сменялись сильным похолоданием и наоборот, что приводило к существенным изменениям растительности и в целом ландшафтов. В конце этого периода наступает потепление, длительность которого значительно превысила V–III вв. до н.э., продолжавшееся как минимум до рубежа эр.

И снова этот период климатической нестабильности совпадает с периодом изменений в материальной культуре. На поселениях Коломенской группы в последние века до н.э. распространяется «нитчатая» керамика, которая, видимо, происходит с городищных городищ Оки. Примерно к этому же времени относится и смена «нитчатой» керамики на городищных городищах ещё более южной «рогожской» керамикой. Похожие по своему значению изменения происходят и в других регионах дьяковской культуры – сильный «дьяковский» культурный импульс ощущается в материалах каширских городищ, на Дьяковом городище исчезает сетчатая керамика и также наступает новый период. «Нитчатая» керамика доминирует в комплексах коломенских городищ весь «тёплый период», который Е.А. Спиридонова считает временем максимального увеличения пахотного клина, максимального воздействия человека на природную среду.

Последующий период, от первых веков н.э., палинологически пока изучен плохо. Известно только, что это время нового похолодания. В этот период меняется и облик материальной культуры – распространяются древности позднедьяковского круга, на коломенских городищах появляется сильнопрофилированная керамика с «крупноячеистым рябчатым» отпечатком.

В целом же складывается ощущение, что на коломенских поселениях поочерёдно сменяли друг друга условно «южные» и «северные» традиции, и эти колебания совпадали с потеплениями и похолоданиями.

¹ Разумеется, эта надёжность не происходит априори из всех насыпей валов. Палинология (и анализ фитолитов – как вариант) в первую очередь раскрывает механизм образования прослоек в валах и определяет древние «открытые поверхности». Именно древние поверхности валов следует считать главным источником наших знаний о палеоклимате. Кроме того, эти же методы позволяют определить наличие в насыпях прослоек, образованных перенесённым с площадки культурным слоем. То, что такое перемещение имело место, подтверждается исследованиями, но было распространено меньше, чем принято думать. На Протопоповском и Городищенском городищах, например, это почти не происходило.

² На похолодание климата как на причину перехода населения на высокие участки рельефа обратил внимание Б.А. Фоломеев [2, с. 82].

Естественно, возникает вопрос – не являются ли климатические изменения причинами периодических смен традиций в материальной культуре? Вряд ли сейчас возможен однозначный ответ. Главная причина – в том, что мы не располагаем точными датировками и климатических, и культурных перемен. Кроме того, влияние климата могло быть опосредованным – так, например, изменения климатического характера в III–II вв. до н.э. могли изменить образ жизни не дьяковского населения, и даже не носителей «рогожной» керамики, а, к примеру, каких-то степных популяций. Пожалуй, в настоящее время целесообразно ограничиться только констатацией совпадений климатических и культурных трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке / В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова // РА. 1996. № 4.
2. Фоломеев Б.А. Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 1. Рязань, 1992.
3. Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
4. Спиридонова Е.А., Сыроватко А.С. Применение палинологического метода для реконструкции укреплений и окружающих ландшафтов Протопоповского городища // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень, 2003.
5. Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа) // КСИА. Вып. 213. 2002.
6. Поселенческий комплекс в окрестностях села Воротыньск Перемышльского района Калужской области / Г.А. Массалитина, И.В. Болдин, И.Н. Модин, Е.А. Спиридонова // Труды Регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 1. Калуга, 2000.
7. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. 2004. № 3.
8. Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Изменение природной среды в бассейне р. Оки в железном веке // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень, 2003.
9. Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М., 2006.
10. Климентовская стоянка / Б.А. Фоломеев, А.Л. Александровский, М.П. Гласко, А.Ю. Гуман // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Труды ГИМ. Вып. 68)

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

A.S. Syrovatko

THE CULTURAL TRANSFORMATIONS OF THE POPULATION OF THE MIDDLE OKA BASIN AND MOSKVA RIVER BASIN IN THE EARLY IRON AGE IN THE CONTEXT OF CLIMATIC FLUCTUATIONS

Summary

The article considers the possibility of the palaeoclimatic reconstructions relating to the Early Iron Age monuments of the middle reach of the Oka River and the lower reach of the Moskva River (Dyakovo and Gorodets cultures). The results of palynological surveys in the region confirm that such reconstructions are possible, although the distortions of the real picture are quite probable. On the ground of such reconstructions, which have already been made by the palaeobotanists, the climatic fluctuations are compared with the cultural changes that took place in the region. A peculiar relationship was revealed: significant changes in climate, vegetation around the monuments and humidity coincide with noticeable cultural changes. On the base of the available archaeological data it can also be seen that periods of warming coincided with the growing cultural influence coming from the south, towards the territory in question. The reverse coincidence is less certain, but noticeable: the influence of the «northern» traditions becomes stronger as the climate gets colder. The author, however, doesn't tend to insist on direct interconnection between these phenomena, and just states the facts hoping that more reliable data will appear.

*The Municipal Budget Institution
«Archaeological Centre of Kolomna»,
5, Kremlyevskaya St.,
Kolomna, 140400, Russia*

E-mail: arxeolog-net@rambler.ru

Н.А. Сыроватко, А.С. Сыроватко

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ДЪЯКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ДАННЫМ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА – К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСТОЧНИКА

Жилища любой археологической культуры, помимо собственно истории строительного дела, потенциально содержат в себе информацию по многим другим сферам жизни древнего общества и, в частности, по его социальной структуре – таково, во всяком случае, общепринятое мнение. Археологические данные для анализа общественного развития вообще и для дьяковской культуры, в частности, весьма ограничены и нечётки. Из-за отсутствия материалов из могильников, недостаточного количества поселений, исследованных полностью или большими площадями, все выводы будут являться предварительными. С другой стороны, получаемая при полевых работах информация (материалы из погребений, планировка поселений и жилищ, а также разработанная хронологическая шкала и обширный вещевой комплекс), конечно, отражает определённые социальные отношения, но сама по себе не является источником по этим отношениям, а специальная интерпретация её зависит от социологических концепций автора. А значит, здесь неизбежен субъективизм оценок. В настоящей работе мы попробуем оценить, насколько имеющиеся данные по домостроительству могут служить источником по социальной структуре обществ дьяковской культуры. Никаких других данных по ней нет в принципе: известные к настоящему времени могильники не дают никакой информации. Это не совсем безнадёжный источник, но он требует совершенно иного, качественного нового уровня работы с кремнированными останками для определения количества индивидуумов, пола, возраста, выявления возможных родственных связей и т.д. Подобные методики существуют [1; 2], но из-за нехватки специалистов не могут пока широко применяться, тем более к материалам исследований давних лет.

Традиционно широко привлекаются научные данные из этнографии, но в силу непроверяемости таких сопоставлений выводы в лучшем случае могут носить характер предположений, в худшем – фантазий. Такова специфика источников именно по дьяковской культуре, и в привлечении данных по домостроительству видится, на первый взгляд, один из способов заполнить пробел.

Существовал ли родовой строй в дьяковской культуре?

Общеизвестным признаком наличия родового коллектива, родовой общины являются большие жилища с единым очагом, «длинные дома». Многие исследователи видят в переходе от «длинных» к «коротким» домам свидетельство распада единого родового коллектива и начала обособления малых семей, ведущих отдельное хозяйство [3, с. 51; 4, с. 108]. Однако, по мнению Я.Г. Риера, хотя обособление малых семей в таком случае и можно считать несомненным, но нет свидетельств хозяйственной обособленности этих семей. Рассмотрев археологические данные по поселениям Восточной и Центральной Европы I – сер. II тыс. н.э., он определил, что до VIII–IX вв. не наблюдается чёткой топографической привязки хозяйственных сооружений к конкретным жилищам, т.е. нет индивидуальных дворов, нет данных и о земельных разделах. Это свидетельствует о коллективной хозяйственной деятельности всех жителей посёлка, а если жилища расположены в нём компактно или если в посёлке несколько групп жилищ, – о совместном проживании нескольких родовых коллективов. Таким образом, не отрицая, что выделение отдельно живших семей видоизменяет родовую организацию, исследователь не считает этот процесс свидетельством распада родовой общины [5, с. 453–454]. Заметим также, что существование «длинных домов», по мнению большинства исследователей, напрямую свидетельствует о наличии большой патриархальной семьи. Однако сам по себе халл или лангхюс может строиться по совершенно иным соображениям (даже при условии, что это основной тип постройки, а не общественное здание) – в эпоху викингов их возводили скорее для того, чтобы легче обогреть обитателей, укрыть их вместе со скотом, а также для обороны при внезапных (часто ночных) нападениях. Обитатели халлов Северной Европы, Исландии, Гренландии вовсе не обязательно являлись родственниками – под одной крышей жили в течение нескольких лет гости, друзья хозяина, слуги и даже

рабы¹. А.М. Жульников также приводит примеры того, что под одной крышей могло проживать несколько семей охотников [6, с. 90–95].

Свидетельством хозяйственной самостоятельности жителей отдельных домов могли бы служить ограды, индивидуальные хозяйственные помещения и количество хозяйственных ям, соответствующее числу домов. Однако на дьяковских поселениях таковых признаков нет. Напрашивается вывод: по-видимому, в течение всего дьяковского периода в обществе родовые связи преобладали. В условиях постепенного обособления малых семей господствовала большесемейная или патриархальная община.

Однако этот вывод базируется не на доказанных фактах, а, скорее, на современном понимании общей логики исторического процесса.

О размерах семей и социальной норме площади

Рассмотрим вопрос о численности семьи в дьяковском коллективе и площади, приходящейся на одного её члена в доме. Этот вопрос в археологической литературе всегда решался двумя способами. В первом случае из этнографических материалов бралась цифра средней жилой площади на человека и, исходя из неё, подсчитывалось количество людей, которое могло проживать в постройке. Во втором случае, напротив, из этнографии бралась численность семьи, которая экстраполировалась на известную площадь постройки. Оба способа оценки – как численности семьи, так и нормы жилой площади – страдают общим недостатком: сведения, заимствованные из этнографических наблюдений при переносе на археологический материал, тем более на общество, о котором вообще нет никаких данных, лишаются достоверности².

Перечислим примеры оценки санитарных норм площади, известные в литературе. Р. Наролл, обобщив данные по 18 различным обществам, предложил норму в 10 кв. м на одного человека [8, с. 64]. В то же время В.М. Массон, опираясь на палеодемографические исследования обществ охотников и собирателей Калифорнии, делает вывод о 1,8 кв. м в среднем, иногда 4,5–6,3 кв. м, на одного обитателя [8, с. 65].

А.М. Жульников на основе обширной литературы по этнографии делает вывод о том, что минимальная площадь жилища, приходящаяся на одного человека, – менее 2 кв. м (зафиксирована у арктических охотников и рыболовов). У таёжных оседлых охотников и рыболовов Сибири и Северной Америки данная социальная норма была несколько больше – 2,5–3,5 кв. м. Этот разброс автор объясняет разницей в климатических условиях и среде обитания [6, с. 91]. По мнению А.М. Жульникова, отличия жилищ по площади определено указывают на количество семей, проживавших в них. На основе этнографических данных он делает вывод о минимальном размере жилища для одной семьи – 6 кв. м, для двух семей – 10 кв. м [6, с. 91].

В.И. Вишневский предполагает, что на Кикинском городище количество живших в одном доме не превышало 10 человек (постройки площадью от 22 до 73 кв. м). Таким образом, на изученной части поселения (894 кв. м) в семи постройках могли жить до 70 человек. На всём городище площадью 5600 кв. м могли разместиться до 350 человек [9, с. 72].

П.Н. Третьяков также коснулся социальной структуры – городища Березняки. Исследователь сделал вывод о том, что данное поселение состояло из кровных родственников, коллективно ведших хозяйство. Данное предположение было сделано на основании того, что дома здесь стояли отдельно друг от друга, а хозяйственные постройки располагались в средней части посёлка, а также наличия «коллективной урны» –

---

¹ Приведём некоторые примеры из текстов саг. О количестве человек в халле саги сообщают следующее. Так, когда Кольбёрн со своими людьми пытается сжечь Гисли в его доме, ему удаётся уничтожить 12 человек, в то время как 10, включая Гисли, спаслись. В ответном нападении Гисли сжигает в доме Кольбёрна 11 человек [7, с. 26–27], причём речь в саге в основном идёт о воинах при упоминаниях женщин. Важно, что все нападения происходят на дома (лангхюсы), в которых все обороняющиеся (герой повествования «со своими людьми») находятся одновременно.

О проживании в халлах слуг, рабов и гостей

В халлах хозяева жили со слугами, часто с рабами, а также, что следует из текста, с друзьями хозяев и с дружинниками. Известен эпизод, когда Гейрмунд, слуга Торгрима, открыл на ночь засовы (на трёх дверях, в том числе в хлеву, объединённом с домом) для Гисли, пришедшего отомстить за Вестейна. Гисли, Вестейн и Бьяльви «перезимовали у человека по имени Сиградд. Они жили втроем, Вестейн, Гисли и Бьяльви, были дружны между собой и менялись подарками» [7, Сага о Гисли, с. 32–33]. Трудно сказать, подразумеваются ли в данном случае дружины Вестейна и Гисли, а также экипаж корабля Сиградда; вообще в сагах рядовые дружинники часто остаются «за скобками». В качестве примера приведём пассаж о Торвине Карлсфени, который пришёл из Норвегии как «*правитель корабля*», и «*зиму провел у Лейва, сына Эйрика, на Крутом Склоне*» [7, Сага о гренландцах, с. 98–99]. Подобных эпизодов, когда владельцы кораблей из Норвегии получают кров на несколько месяцев, до возобновления навигации, множество, и почти всегда упоминаются только хозяин и корабль, без экипажа («*Владельцем корабля был Хальвард Белый из Вика. Он остановился в Конце Склона и провел у Гуннара всю зиму*»). Гостеприимство было обычным делом, по отношению не только к корабельщикам, но и к случайным людям, а также гостям, к чему халлы были приспособлены («*Гуннар принял их (Сигмунда и Скьёльда) хорошо. Они с Сигмундом были близкими родственниками. Гуннар сказал, что согласен, если с ним будет его товарищ Скьёльд*» [7, Сага о Ньяле, с. 223]; «*На корабле было пятнадцать человек, и все они остались без крова... Он (Индриди) пригласил его (Орма, владельца корабля) со всеми людьми к себе*» [Сага о Хёрде и островитянах, с. 471]; «*Торстейн предложил ему (Гуннлаугу) остаться у него, сколько он захочет. И он прожил там целый год, учился...*» и т.д. [7, Сага о Гуннлауге Зменном Языке, с. 505]; «*Вечером приходят Бёрк и Эйольв и с ними шесть десятков человек, всего там собралось сто двадцать гостей, а у Гисли гостей вдвое меньше. Вот сели люди в Холме вечером пить, а потом ложатся по лавкам и засыпают*» [7, Сага о Гисли, с. 44]).

² Кроме того, сведения этнографии, как правило, это не те, которые нужны, а те, которыми располагает наука, и даже те, которые известны конкретному исследователю.

«домика мёртвых». При одновременном существовании на данном городище 6 домов численность населения не могла быть более 40–50 человек [10, с. 51–68].

Н.А. Кренке, основываясь на исследованиях С. Кассельберри, который, анализируя этнографические данные, сделал вывод о том, что число обитателей многосемейного дома может быть оценено как 1/6 площади пола постройки, измеренной в кв. м, допускает, что в доме площадью 160–180 кв. м могли жить 25–30 человек [11, с. 168].

С.Г. Шуляев при подсчёте обитателей Настасьинского городища использовал методику, разработанную Л. Морганом [13, с. 42, 79], применённую С.П. Толстовым для кельтеминарской культуры [14, с. 62], которая определяется некой «санитарной нормой» и составляет в данном случае 2,5–3,5 кв. м на человека. Сходные цифры предложены С.Н. Бибиковым для трипольской культуры [15, с. 48–52]. То есть в одном помещении домов, например Настасьинского городища или Круглицы, по мнению С.Г. Шуляева, могло разместиться около пяти–шести человек. Однако, этот расчёт, основан на цифре, взятой из материалов удалённых этнографических регионов. Реальный же разброс может быть очень большим – от 10 человек в одном помещении (при условии, если это только спальные места, за вычетом площади очагов) до 2–4. Неясно также, как оценивать торцевые камеры дьяковских домов, – мы только предполагаем, что это некие вспомогательные помещения: хлева или стойла [16], но ведь и это остаётся недоказанным. Так что и оценка количества обитателей в стандартной дьяковской постройке с двумя большими помещениями и тремя отсеками может быть ещё менее достоверной – от 25 до 5–6 человек. Об этом же свидетельствуют и данные, собранные А.М. Жульниковым: количество обитателей в постройках сильно колебалось. Так, во 2-й пол. III тыс. до н.э. в Среднем Поволжье средняя численность обитателей постройки составляла 30 человек при допустимом разбросе от 12 до 72 человек, а в Южной Карелии в это же время – от 4 до 25 человек [6, с. 90–95].

В каких пределах можно оценить численность семьи? М.Г. Гусаков считает, что семья в дьяковском обществе состояла в среднем из пары родителей и 5–8 детей, средняя численность семьи – 7–10 человек [16, с. 169]. Но он же оговаривает и возможность существования полигамии. Эти цифры основаны на этнографических параллелях, взятых из наблюдений за земледельческими сообществами Европы, – удмуртов, мордвы, а также крестьян средневековой Франции [17, с. 166–168]. Однако известны и другие примеры расчётов численности семьи.

У коллективов охотников и рыболовов добываемая пища была такова, что ребёнок мог питаться ею полностью только с трёх лет, когда вырастут зубы. До этого его приходилось кормить или подкармливать грудным молоком. У человека, как и у всех человекообразных, следующая беременность обычно не наступает, пока мать кормит грудным молоком. В благоприятной ситуации мать успевала родить трёх детей и умирала раньше, чем младшие достигали самостоятельности. При столь низкой плодовитости численность популяции едва поддерживалась, рост её был медленным. Нужно отметить, что дети погибали от голода, травм и хищников, но редко гибли от инфекционных заболеваний: люди жили небольшими изолированными группами, что препятствовало передаче инфекций. Следовательно, численность семьи в охотничьем коллективе – 4–6 человек. У скотоводов-башкир количество детей колебалось в пределах 3,5–4,5 на семью, как моногамную, так и полигамную, при этом плодовитость женщин в полигамном браке ниже, а зачастую в таких семьях и меньшее количество детей по сравнению с моногамными. Правда, размер полигамной семьи, конечно, был больше за счёт взрослых членов [<http://vatandash.ru/index.php?article=556>]. В целом количество членов в семье у скотоводов несколько больше, чем у охотников, но незначительно. Рост численности детей объясняется наличием продуктов, позволяющих заменить грудное молоко, сокращением периода лактации и, следовательно, ростом фертильности женщин.

Скачкообразно растёт количество детей только у земледельцев. До распространения агрокультуры во многих природных средах охотники и собиратели постепенно переходили под давлением возрастающей численности к использованию более широкого набора видов диких животных и растительных пищевых продуктов. Однако присваивающее хозяйство широкого спектра всё же оказалось менее эффективным, чем аграрная экономика. Именно в регионах распространения подобных хозяйственных систем люди оказались более готовыми заменить их на агрокультуру. Палеопатологические исследования древних популяций свидетельствуют, что показатели здоровья имели тенденцию к ухудшению в связи с демографическим ростом, особенно в периоды перехода к оседло-земледельческому, а позднее – городскому типу поселения [18, с. 44–45]. М.В. Добровольская связала это с ростом фертильности женщин, происходящей, в свою очередь, от занятости в полевых работах. Конечно, рост рождаемости сопровождается высокой детской смертностью, но увеличивается и семья, и количество семей, и население в целом [19, с. 263–264]. Простейшие формы земледелия обеспечивают более устойчивую экономическую основу и дают больше пищи, чем охота и собирательство. Это приводит к большей концентрации населения и увеличению размеров человеческих сообществ, институтов, а также к расселению человеческих популяций по более обширным территориям. Появляется необходимость контролировать землю как источник жизнеобеспечения и дохода. Территориальный контроль и системы распределения собственности вызывают, в свою очередь, необходимость в более сложных по структуре родственных группах [18, с. 68–69].

Простое перечисление существующих оценок размеров семей и расчётов норм площади на человека, по нашему мнению, скорее запутывает, чем проясняет ситуацию:

- существующие представления о нормах площади неоднозначны и дают такой разброс, который делает любой подсчёт количества проживающих недостоверным;

- оценки размеров коллективов, проживающих на городище, даны на основе площади построек и применения к ней всё тех же гипотетических «норм жилплощади». Они недостоверны как в силу ненадёжности реконструкций планировок посёлков, датировки жилищ, так и из-за невозможности установить, насколько воображаемые «санитарные нормы» жилья соответствуют историческим реалиям;
- погрешность расчётов велика и из-за того, что в зависимости от типа хозяйства сильно колеблется как размер семьи, так и размер всего коллектива.

Скотоводы, земледельцы или охотники?

Как видно из предыдущего раздела, численность семьи напрямую зависит от доминирующего типа хозяйствования. Соответственно, делать предположения о соотношении семьи и площади дьяковских жилищ уместно только после того, как наступит определённая ясность в вопросе хозяйственной стратегии дьяковского общества.

Сразу отметим, что не существует полной ясности в том, на какой тип хозяйства ориентировалось дьяковское общество. Разброс мнений тут довольно велик, и мы попробуем проанализировать все точки зрения.

Пытаясь применить имеющиеся материалы полевых исследований для определения типа хозяйства дьяковцев, мы вновь сталкиваемся с проблемой пробела в источниках. Во многом он возник из-за несовершенства методов раскопок у большинства исследователей – не применялись раскопки тонкими зачистками, тщательная переборка и просеивание (промывка) грунта через мелкую сетку, что, естественно, снизило информативность полученных данных. Зёрна и пыльцу культурных злаков на дьяковских городищах, кроме отдельных случаев [20, с. 245; 21, с. 182; 22], целенаправленно не искали. Специалисты смежных дисциплин также привлекались мало. Для реконструкции хозяйства брали в основном остеологические коллекции, благо костей и изделий из них находили множество. Так, вероятно, и родилось представление о доминировании скотоводства у дьяковцев.

А.Ф. Дубынин, рассматривая Щербинское городище, предполагал, что доминирующим родом занятий дьяковского населения было скотоводство (свиноводство) при подсобной роли земледелия, охоты и рыболовства [20, с. 243–246]. Эту точку зрения разделял и К.А. Смирнов [23, с. 91].

Ю.А. Краснов выделил так называемый хозяйственно-культурный тип «ручных допашенных земледельцев и скотоводов», предполагая комплексное хозяйствование с преобладанием скотоводства [24, с. 7].

Н.А. Кренке в ряде работ поставил вопрос об очень раннем возникновении пашенного земледелия. Эти выводы подкреплялись данными смежных дисциплин – палинологией, почвоведением, анализом ландшафтной структуры и т.п. [25; 26; 27]. На Дьяковом городище были найдены зёрна и пыльца пшеницы, ячменя, проса, причём в раннедьяковское время размер засеянных площадей был не очень большим, в период отложения верхнего слоя земледелие было более развитым [11, с. 151–153]. Необходимо отметить и тот факт, что систематический отбор проб для карпологического и палинологического анализов был начат именно при раскопках Дьякова городища Н.А. Кренке.

Такая точка зрения вызвала серьёзные возражения В.Я. Конечного и К.Г. Самойлова [28]. Итогом проведённого ими критического разбора положений Ю.А. Краснова и Н.А. Кренке стал вывод, что «... серьёзных оснований для рассмотрения дьяковской культуры вне ХКТ ручных земледельцев и скотоводов не существует» [28, с. 50]. И вспыхнувшая дискуссия получила продолжение. Н.А. Кренке развернул аргументацию в пользу наличия пашенного земледелия и постоянных полей, в свою очередь, критически разобрав возражения оппонентов [29, с. 55–59].

Иная точка зрения на характер хозяйствования дьяковских коллективов была высказана М.Г. Гусаковым, который отстаивает подсечно-огневую систему земледелия. Это принципиально иной подход, поскольку предполагает фактически некое «кочевое земледелие», при котором население сравнительно подвижно, а замкнутый цикл перемещения составляет 25 лет [17, с. 170–171]. Эта стройная внешне концепция возникла при совершенно ином взгляде на имеющиеся материалы (или вообще без учёта таковых) и, видимо, имеет право на существование. При наличии подсеки как основы хозяйства модель дьяковского общества (включая, разумеется, и численность семей и родов) может быть принципиально отличной от перечисленных выше, но, на наш взгляд, отсутствуют убедительные аргументы в её пользу – подсека в дьяковской среде воспринята коллегой как данность, априорно заданная отправная точка для всех его последующих построений.

Большинство исследователей всегда отводило охоте подсобную роль. Однако некоторые данные, полученные при анализе остеологических материалов с Дьякова городища, свидетельствуют об их неодинаковости на разных этапах существования поселения, более того, – о существенно возросшей доле добычи животных для употребления в пищу и интенсивном пушном промысле в первые века н.э. [30, с. 39–41]. Исследование коллекции с Селецкого городища В.П. Данильченко также дало интересные результаты – слои VIII–V вв. до н.э. сильно отличаются от слоёв IV–III вв. большей долей диких (не только пушных, но и копытных) животных [31, с. 34]. Сами по себе эти выводы, возможно, и не сильно меняют представления о дьяковском хозяйственном типе, но, по нашему мнению, дают основания предполагать наличие профессиональных охотников среди обитателей городищ.

И, наконец, приведём интересные соображения, высказанные Е.Е. Антипиной и Е.Ю. Лебедевой³. Сопоставление карпологических и остеологических материалов Настасьинского и Ростиславльского городищ позволило исследовательницам в качестве одного из вариантов интерпретации предположить некую специализацию хозяйства: Ростиславль условно ориентирован на земледелие, Настасьино – на скотоводство. Эти, хотя и предварительные и нуждающиеся в дальнейшей аргументации, наблюдения влекут за собой целый ряд новых заключений. Так, естественно допустить, что при сложном и комплексном хозяйстве дьяковского общества в целом отдельные его элементы (базовые поселения) имели хозяйственную специализацию более узкую (животноводы и земледельцы в рамках одной культуры), и, следовательно, социальные структуры этих поселений могли различаться. Кроме того, такая специализация предполагает и наличие некоего организованного обмена продуктами между поселениями. Здесь уже один шаг до вывода о наличии каких-то социальных структур выше уровнем, чем «базовое поселение с округой» или даже группа таких поселений.

Рассмотрев перечисленные точки зрения, можно прийти к выводу о незавершённости исследований в этом направлении. Есть аргументы в пользу преобладающей роли скотоводства, доминирования пашенного земледелия, «кочевого» подсечного земледелия, и это при возможном наличии профессиональных охотников. Кроме того, не исключена и некая «объединительная» модель, допускающая специализацию отдельных поселений или микрорегионов в рамках единого культурного и хозяйственного пространства. Следовательно, выбор способа расчёта численности семьи, количества проживающих в домах людей исходя из типа хозяйства **не может быть сделан**. Конечно, различия между лесными скотоводами и лесными земледельцами могут быть и несущественными, а наличие в обществе отдельных «профессиональных» охотников – не менять картины в целом. Но уже существование подсечной системы заставляет перестроить коренным образом все расчёты размеров семей и социальных норм площади на человека в дьяковском обществе.

Выводы

Изложение темы, определённой в названии статьи, вновь свелось, по сути, к оценке достоверности источника. Но основной вывод – следующий: использование данных домостроительства дьяковской культуры для социальных реконструкций преждевременно. Существующая практика подбора этнографических параллелей не делает картину достоверной. Даже формы семьи столь многообразны, что непонятно, какую модель следует экстраполировать на дьяковскую культуру. По нашему мнению, в этнографии можно подобрать пример любой формы первичной ячейки и подвести его под существующий археологический материал. Те оценки, которые высказаны исследователями, основаны в том числе и на личных предпочтениях. Безусловно, в тех случаях, когда тип хозяйства древнего населения более-менее известен, как в случае с северной зоной Евразии, таким оценкам, как и данным этнографии, можно доверять [6, с. 90 и сл.]. В случае же дьяковской культуры

- при отсутствии антропологического материала;
- не определённой модели хозяйствования;
- не прослеженных важных деталей внутри самих жилищ, таких как мужские и женские половины, спальные места и т.д.,

любые выводы будут преждевременными и недостоверными.

Возможно, после ознакомления с этим заключением возникает вопрос – зачем в таком случае авторы вообще обратились к этой теме? Для нас это был ответ на давление традиции, существующей в нашей науке, – стремления к историческим реконструкциям на основании археологических источников в обязательном порядке. Это зачастую вынуждает требовать от источника больше, чем он в состоянии сообщить. Занимаясь вопросами дьяковского домостроительства, мы ощутили это негласное требование на себе и потому посчитали нужным высказаться по данному вопросу.

---

³ Доклад Е.Е. Антипиной и Е.Ю. Лебедевой «Особенности системы жизнеобеспечения населения дьяковской культуры (по археоботаническим материалам Настасьинского и Ростиславльского городищ)» на заседании научно-практического семинара «Археология Подмосковья» 29.01.2007 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольская М.В., Сыроватко А.С. К методике изучения кремнированных материалов из погребально-поминальных памятников середины – второй половины I тыс. н.э. в центральных и северных районах Европейской России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
2. Опыт междисциплинарных исследований раннесредневекового погребального комплекса Щурово / А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, Д.Л. Шишков, А.А. Клочко // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008.
3. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. 1970.
4. Смирнов К.А. Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.
5. Риер Я.Г. Средневековая деревня Восточной и Центральной Европы по археологическим данным: дис. ... докт. ист. наук. М., 1992 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2527.
6. Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
7. Исландские саги. М., 1973.
8. Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.
9. Вишневский В.И. Оборонительные сооружения и постройки позднедьяковского населения Верхнего Поволжья (I–V вв. н.э.): по материалам раскопок Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007.
10. Третьяков П.Н. К истории племен верхнего Поволжья в I тыс. н.э. М.; Л., 1941. (МИА. № 5)

11. Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: дис. ... канд. ист. наук. М., 1987 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2392.
12. Шуляев С.Г. Жилища городища Настасьино (дьяковская культура): планиграфия, стратиграфия, хронология: дипломная работа. Кафедра археологии МГУ. М., 2002.
13. Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
14. Толстов С.П. Древний Хорезм (опыт историко-археологического исследования). М., 1948.
15. Бибиков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики) // СА. 1965. № 1.
16. Сыроватко А.С., Сыроватко Н.А. Древние жилища Германии: некоторые параллели с Поочьем // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов Второй региональной научно-практической конференции (Ступино, 18 февраля 2009 г.). Ступино, 2009.
17. Гусаков М.Г. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 // Архив ИА РАН. Р-2.
18. Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.
19. Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.
20. Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
21. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (По материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. 1963.
22. Вишневский В.И. Новые материалы о земледелии дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. 1994. № 3.
23. Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городищ и дьяковской культур // РА. 1994. № 2.
24. Краснов Ю.А. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // КСИА. Вып. 197. 1987.
25. Гоняный М.И., Кренке Н.А. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. 1988. № 3.
26. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке / В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова // РА. 1996. № 4.
27. Изучение валов и погребенных под ними почв на городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье / А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, Е.А. Спиридонова, Б.Е. Янишевский // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
28. Конечный В.Я., Самойлов К.Г. Некоторые спорные вопросы изучения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы I тысячелетия н.э. // ТАС. Вып. 4. Т. II. 2001.
29. Кренке Н.А. Среднее течение Москвы-реки в раннем железном веке и раннем средневековье // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. I. М., 2004.
30. Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в г. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. (Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9)
31. Данильченко В.П. Остеологический материал Селецкого городища // КСИА. Вып. 178. 1984.

*Институт археологии РАН,
Москва,*

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

N.A. Syrovatko, A.S. Syrovatko

ON THE SOCIAL STRUCTURE OF THE DYAKOVO SOCIETY ACCORDING TO THE HOUSE-BUILDING DATA – ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITIES OF THE SOURCE

Summary

The article shows how the available data on inhabited buildings of the Dyakovo culture can be a source of information about the social reconstructions of the Dyakovo society. The authors emphasize that at present there is no information whether the families in the Dyakovo culture kept the house separately from the community. By analyzing the designing of houses, the authors concluded that there is no evidence of places for individual families or for certain family members in the buildings. The number of the family, according to the authors, also remains unknown, since its calculation needs the characteristics of the burial grounds, information on the dominant type of farming, which the science also does not have. The authors come to the conclusion about the incorrect use of the ethnographic evidence for such a understudied community.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036, Russia*

*The Municipal Budget Institution
«Archaeological Centre of Kolomna»,
5, Kremlyevskaya St.,
Kolomna, 140400, Russia*

A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru

Н.А. Сыроватко, А.С. Сыроватко

К ВОПРОСУ ОБ ОБЛИКЕ ПОСТРОЕК ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА

Изучение домостроительства у населения дьяковской культуры продолжает оставаться актуальным в силу того, что раскопки предшествующих лет перегрузили отечественную литературу не вполне достоверными сведениями, провоцировавшими рождение мифов и многолетних заблуждений. Широко известен пример с так называемыми землянками Старшего Каширского городища [1; 2; 3].

Авторы этих строк однажды выступили с критикой реконструкции жилищ Троицкого городища, предложенной А.Ф. Дубыниным и И.Г. Розенфельдт [4, с. 17–25; 5; 3, с. 43]. Коротко повторим суть наших соображений. Во-первых, отметим, что основным критерием выделения построек, по утверждению авторов публикаций, являлись пятна подсыпок полов, очажные пятна и собственно столбовые ямы. Однако из текстов отчётов следует, что «постройки» выделялись не «в плане», а в профилях. Именно стратиграфия стала основой для определения границ построек [5, с. 35, 73, 119, 120; 6, с. 58–60]. Приведённые в публикации [7] чертежи наглядно продемонстрировали несоответствие пятен «полов» очерченным границам построек. Таковы постройки 5, 18–25, 30, 31, 41–49, 53, 54, 56. Фактически только постройки 3, 4, 8, 9, 27, 34, 35 и 38 соответствуют этому критерию. Но и столбовые ямы также далеко не всегда достоверно очерчивают границы построек: зачастую они маркируют только одну или две стены предполагаемой постройки, и в таких случаях недостающие просто «реконструируются» авторами публикации. Таковы постройки 2, 4–6, 18–22, 25, 30, 34–36, 41, 53, 54. Во всех перечисленных случаях постройки не имели столбов в тех местах, где им, согласно реконструкции, следовало бы быть. Строго говоря, только постройки 1, 3, 10, 24 имели столбы по периметру стен или хотя бы по углам, да и то не везде. И уж совсем непонятно, как были прослежены внутренние перегородки: «увидеть» их можно в лучшем случае только в постройках 8, 9, 24, 34 и 48, но и это будет только реконструкцией, а не фактом. К этому следует добавить особенности подачи материала: пятна культурного слоя даны только те, которые, по мнению авторов раскопок, соответствуют постройкам, без контекста. Столбовые ямы также представлены только выделенными для каждой прослойки, а не всеми, которые фиксировались на каждом из уровней или в материке. Попросту говоря, публикация построек Троицкого городища фактически является авторской интерпретацией, а не источником, и выводы остаются непроверяемыми. Но приведённое А.Ф. Дубыниным описание построек, строго говоря, не соответствует даже этим чертежам и является «реконструкцией второго уровня»: в этих чертежах нельзя увидеть двускатных крыш, неочевидны внутренние перегородки, единичен случай тамбура. Отчёты никак не дополняют публикации и не могут их прояснить – в них также постройки приводятся в уже «готовом» виде, а контекст на чертежах отсутствует.

Однако высказанная критика требует и следующего шага – усомнившись в правильности полевых и камеральных наблюдений, необходимо ответить на вопрос «как же было на самом деле?». Любопытно, что троицкие реконструкции «не имели продолжения» – следы от построек в том виде, в котором они были представлены научному сообществу, больше не обнаруживались на дьяковских поселениях. Уже на Щербинском городище стали открываться новые подробности [8; 9], а затем последовали Михайловское и Кузнечики. После этого обычным делом стало обнаружение следов построек в виде канавок со столбовыми ямками внутри (несколько раньше подобные следы были открыты Т.Н. Никольской на Николо-Ленивце [10, с. 26]).

На Троицком городище, судя по публикации, у постройки 34 удалось выявить интересную деталь: её восточная стена маркировалась полосой чёрного грунта и столбовыми ямками вдоль неё [7, с. 121–122]. По описанию постройки эта деталь вполне может соответствовать такой канавке, которая обычно обрамляет дьяковскую постройку.

Эта же деталь постройки представлена на фотографиях в отчёте [11, с. XXVI]. Всего снимков два – очерченная канавка с пятнами столбовых ям (рис. 1) и та же канавка (или полоса тёмного слоя) с выбранными по контуру ямами¹ (рис. 2). Сходство с аналогичными следами построек Настасьинского и многих других городищ – очевидно, хотя полоса слоя так и осталась неразобранной.

¹ Заметим, что номера построек в отчётах и публикациях часто не совпадают, так что вовсе необязательно, что речь идёт об одном и том же объекте, хотя сути дела это не меняет.

Рис. 1. Троицкое городище.
Деталь постройки 34
(фото из отчёта А.Ф. Дубынина)

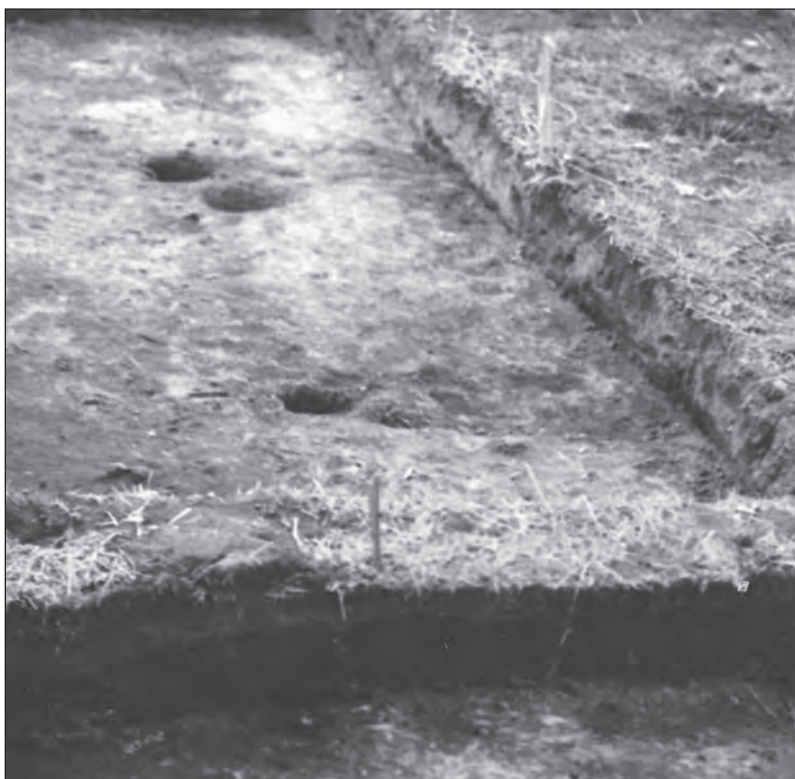

Рис. 2. Троицкое городище.
Деталь постройки 34
с полосой тёмного цвета и выбранными
столбовыми ямами
(фото из отчёта А.Ф. Дубынина)

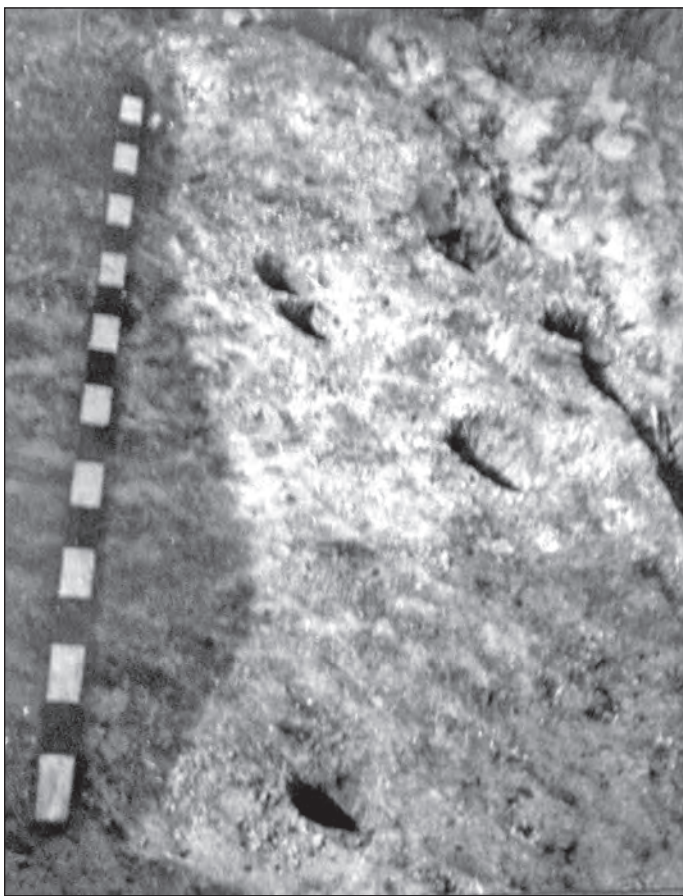

Рис. 3. Троицкое городище. Ямы от столбов
в кв. 23–24Ф, X
(фото из отчёта А.Ф. Дубынина)

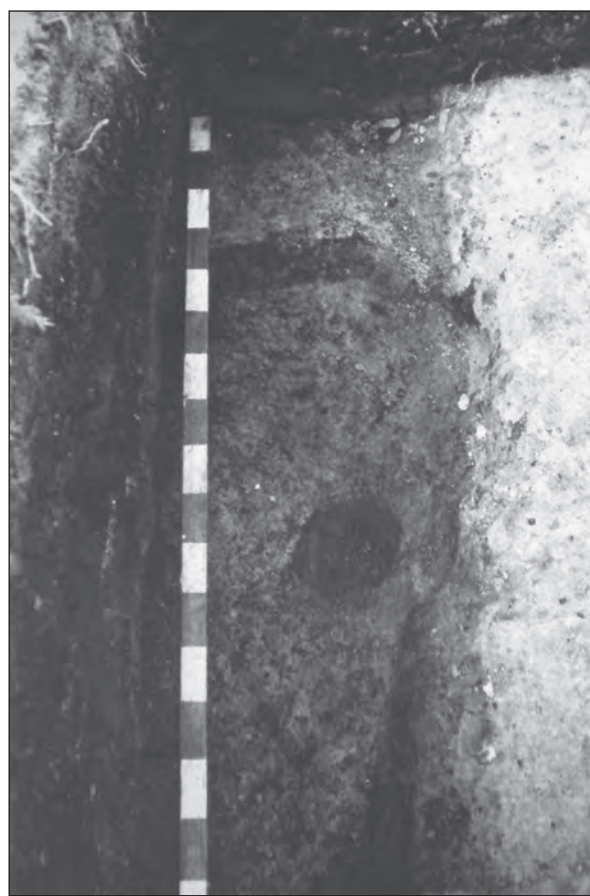

Рис. 4. Троицкое городище. Раскоп XI.
Остатки постройки 58 и столбовая яма на кв. 19Ш
(вид с востока) (фото из отчёта А.Ф. Дубынина)

Других, столь же очевидных, следов стен среди фотографий нет. Есть снимок «ям от столбов в кв. 23–24Ф, X», на котором видна некая выбранная канавка (рис. 3). Судя по номерам квадратов, эти ямы могли относиться к выделенным А.Ф. Дубыниным постройкам 5–6 [7, рис. 1]. Нечто похожее на канавку как будто бы угадывается на фото, подписанном как «остатки постройки 58 в кв. 19Ш» на раскопе XI (рис. 4). В этом случае соотнести фото с публикацией сложнее – А.Ф. Дубынин позднее ничего не говорил о постройках на этом участке площадки [7, рис. 1]. Каков же будет наш основной вывод? Мы считаем, что наиболее вероятной формой построек Троицкого городища следует считать дома с конструкцией стен, оставляющих следы в виде канавок со столбовыми ямками².

Разумеется, приведённые соображения не означают, что все постройки Троицкого городища имели именно такую конструкцию стен – у нас нет тому подтверждения. Но следует помнить, что распознавание и идентификация следов этого типа в нашей науке затянулись надолго. Коллектив А.Ф. Дубынина ясно увидел их только на Щербинском городище, и то далеко не сразу они были увязаны с постройками [8; 9]. Пожалуй, только на городище Кузнечики эти постройки были прослежены полно. В полосах стен первоначально видели кротовины, позднее – «отпечатки бревен от срубов», в том числе «с необрубленными сучками» [12, с. 22–24]. Правда, аналогичные конструкции были прослежены и Т.Н. Никольской на Николо-Ленивце, но облегчалось это тем, что все они были на материке [10, рис. 10]. В том, что на Троицком городище, первом памятнике, исследованном А.Ф. Дубыниным и собранным им коллективом, не распознали следов стен, нет ничего удивительного. Напротив, удачей можно считать уже то, что не были открыты «землянки», как это не раз случалось после работ В.А. Городцова.

² Вероятнее всего, это плетневая конструкция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сидоров В.В., Смирнов К.А. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. 1999. № 1.
2. Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. 1. Археология. Кашира, 2002.
3. Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры // Археологическое изучение Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2006.
4. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. 1970.
5. Дубынин А.Ф. Отчеты Можайской экспедиции. 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1632.
6. Дубынин А.Ф. Отчеты по Можайской и Московской экспедициям. 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1745.
7. Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г. Постройки Троицкого городища // МИА. № 156. 1970.
8. Сыроватко Н.А. Городища Щербинское и Кузнечики: к вопросу о реконструкции построек // РА. 2008. № 4.
9. Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. К вопросу об облике построек городищ Кузнечики и Щербинское // Археологическое изучение Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
10. Никольская Т.Н. Культура племен верхней Оки в I тысячелетии н.э. М., 1959. (МИА. № 72)
11. Дубынин А.Ф. Отчеты по Можайской и Московской экспедициям. 1958 г. Альбом к отчету // Архив ИА РАН. Р-1. № 1745а.
12. Смирнов К.А. Отчет. Московская экспедиция. 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3139.

*Институт археологии РАН,
Москва*

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

N.A. Syrovatko, A.S. Syrovatko

ON THE OUTLOOK OF THE BUILDINGS OF TROITSKOYE HILLFORT

Summary

In this paper the authors reconsider the reconstruction of the buildings of the Troitskoye hillfort belonging to the Dyakovo culture, on the basis of materials of field reports. They come to the conclusion that at the Troitskoye hillfort there existed the buildings, most likely, of the wicker fence design, shallow grooves with long-pillar pits inside being traces of their walls.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036, Russia*

*The Municipal Budget Institution
«Archaeological Centre of Kolomna»,
5, Kremlyevskaya St.,
Kolomna, 140400, Russia*

A.S. Syrovatko – E-mail: arxeolog-net@rambler.ru

В.И. Вишневский

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С КИКИНСКОГО ГОРОДИЩА

Кикинское городище является одним из наиболее полно изученных памятников позднего этапа дьяковской культуры (V–VIII вв. н.э.) [1, с. 86–92; 2, с. 359–367].

Среди индивидуальных находок (429) выделяются орнаментированные предметы. Это в основном керамические изделия: грузики дьякова типа, пряслица, фрагменты рогатых кирпичей, шарик.

Грузики дьякова типа. Из 48 грузиков 16 – орнаментированные (13 целых и 3 фрагмента) (рис. 1).

Группируя орнаменты на грузиках, К.А. Смирнов выделил в своё время символы солнца: ломаная линия (зигзаг), пучок лучей, крест, треугольники и пр. [3, с. 88].

У 5 грузиков есть орнамент на днище – в виде *радиальных линий-лучей* (в трёх случаях – он единственный) (рис. 1: 1–4, 6).

На 12 грузиках – орнамент из *круглых ямок* (рис. 1: 2, 5, 7–14; рис. 2: 3, 4).

Треугольники. На 4 грузиках – поясok из треугольников, образованных тремя ямками: из 9 треугольников (рис. 1: 10), из 6 треугольников (рис. 1: 7, 11), на одном – четыре треугольника из 6 ямок (рис. 1: 9), на одном – треугольники из 6 и из 10 ямок (рис. 1: 7).

Ромбы (кресты?). Поясок ромбов из 4 ямок (4 ромба) – на одном грузике (рис. 1: 13), 6 ромбов – также на одном грузике (рис. 1: 12), 1 ромб – на фрагменте грузика (рис. 1: 14).

Дополнительные пояски из ямок:

- один ряд ямок на вершине дополняет пояс из девяти трёхямочных треугольников (рис. 1: 11);
- два ряда ямок на вершине в дополнение к пояску из шести трёхямочных треугольников (рис. 1: 2);
- два ряда ямок на основании в дополнение к пояску из шести трёхямочных треугольников на вершине (рис. 1: 5).

Поясок из двойного зигзага отмечен на одном грузике (рис. 1: 1) [4, с. 392, рис. 94: 316–81; с. 422, рис. 124: 8–81].

Нерегулярный орнамент. Отмечен на боковой поверхности двух грузиков.

На одном (рис. 2: 1) – ямочные композиции: два треугольника (из 6 и 7 ямок), два ромба (из 4 ямок) и десять хаотично расположенных ямок. По ямочному орнаменту нанесено граффити: ромб с отходящими двумя линиями (напоминающий «рыбу» с абашевского сосуда из Кухмарского курганного могильника [5]), вертикальная линия с отходящими от неё в одну сторону четырьмя поперечными, собранными попарно (напоминает «плуг» на грузике с Троицкого городища [6, с. 41, рис. 26]), зигзаг из пяти «колен».

Поясок из семи треугольников (по три ямки), причём три из них размещены вершинами вверх (рис. 2: 2). Аналогичный орнамент известен на грузике с Троицкого городища [6, с. 41, рис. 26: 3].

Пряслице – биконическое, с заглаженной поверхностью, на обеих «конических» поверхностях – кольца из 25 косых прямых насечек (рис. 3: 2). Орнамент имеет сверху вид «вращающейся розетки» – одного из вариантов солярного знака. Аналоги подобному орнаменту есть на изделиях с Дьякова [4, с. 392, рис. 94: 1231–85] и Троицкого [6, с. 89, рис. 28: 5] городищ.

«Рогатые кирпичи». 48 фрагментов «рогатых кирпичей» – части керамических брусков без примеси песка и дресвы в тесте, со скруглёнными гранями и углами и сквозными отверстиями. Три фрагмента имеют сложный орнамент из «точек»-круглых ямок. Полную схему орнамента восстановить невозможно, однако просматриваются собранные из ямок отдельные линии, ромбы (по 4 и 9 ямок) (рис. 3: 4–5) и предположительно звезда (рис. 3: 6). В немногочисленной серии орнаментированных «кирпичей» с дьяковских памятников близкий (по размеру ямок) орнамент отмечен на изделиях с городищ Ростиславльского и «Круглица» [7, с. 73–74, рис. 2 и 3]. Подобный хаотичный узор из круглых ямок встречается широко на керамических табличках с Дьякова городища [4, с. 455–457, рис. 157–159]. Датировка, – возможно, II–VIII вв. н.э.

Шарик имеет форму сплюснутой сферы, может быть, даже подушки со скруглёнными углами (рис. 3: 2). Подобные встречены на Дьяковом [4, с. 446, рис. 148: 216–83, 439–83, с. 448, рис. 150: 48–81, 1414–87, 298–82, 206–83, 7–82, 42–82, 220–83, 188–83, 1333–96, 101–82, рис. 151: 28–83, рис. 153: 142–81], Троицком [6, с. 88, рис. 27: 1, 2, 4, 5; с. 89, рис. 28: 1, 5–7] городищах. Опоянсан крестообразно пересекающимися поясками из прямоугольных насечек-отпечатков зубчатого штампа.

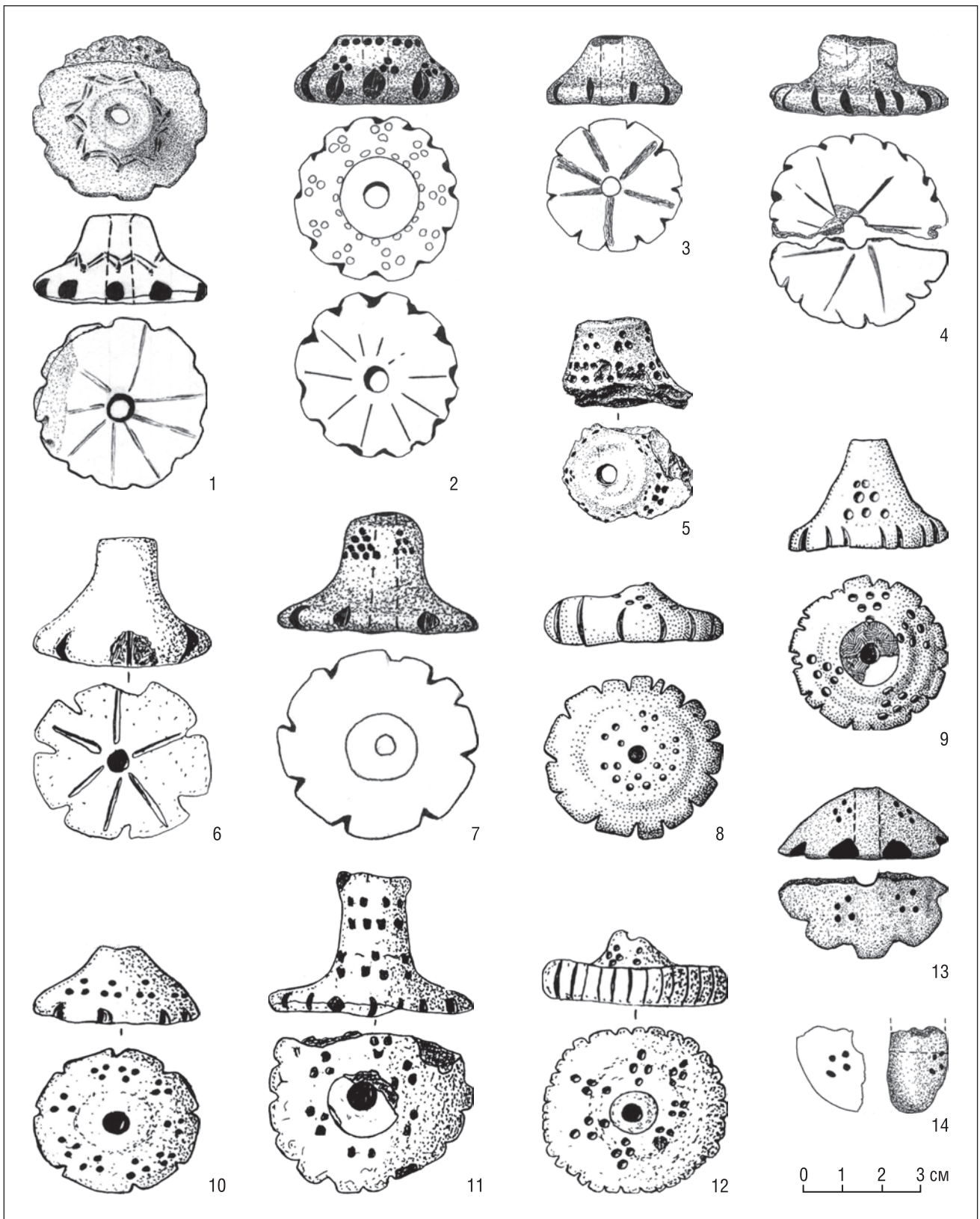

Рис. 1. Кикинское городище. Гвоздики дьякова типа

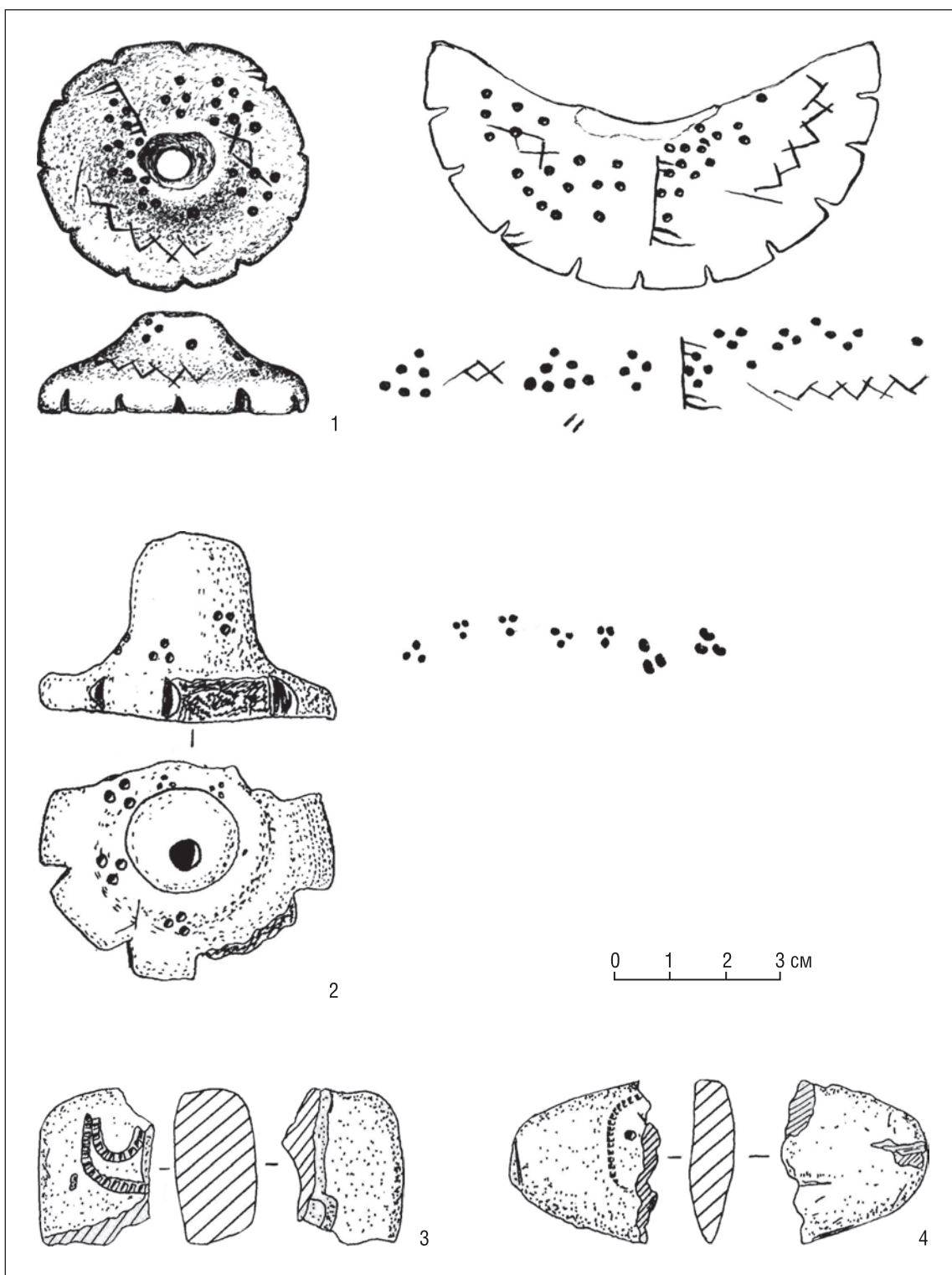

Рис. 2. Кикинское городище. Грузики дьякова типа (1–2), фрагменты литейных форм (3–4)

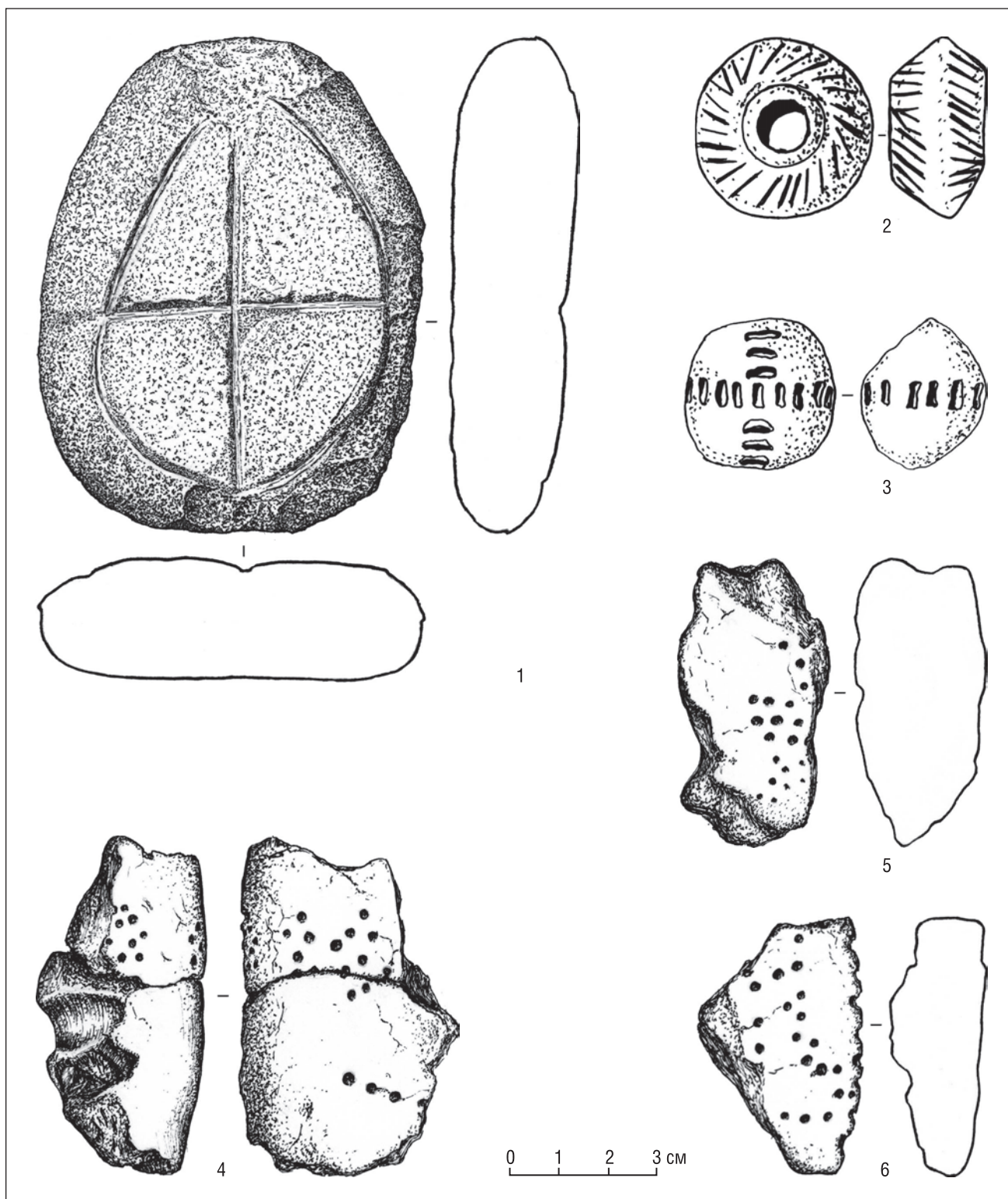

Рис. 3. Кикинское городище. Орнаментированные изделия:
 1 – камень («чуринга»?); 2 – пряслице; 3 – шарик; 4–6 – фрагменты «рогатых кирпичей»

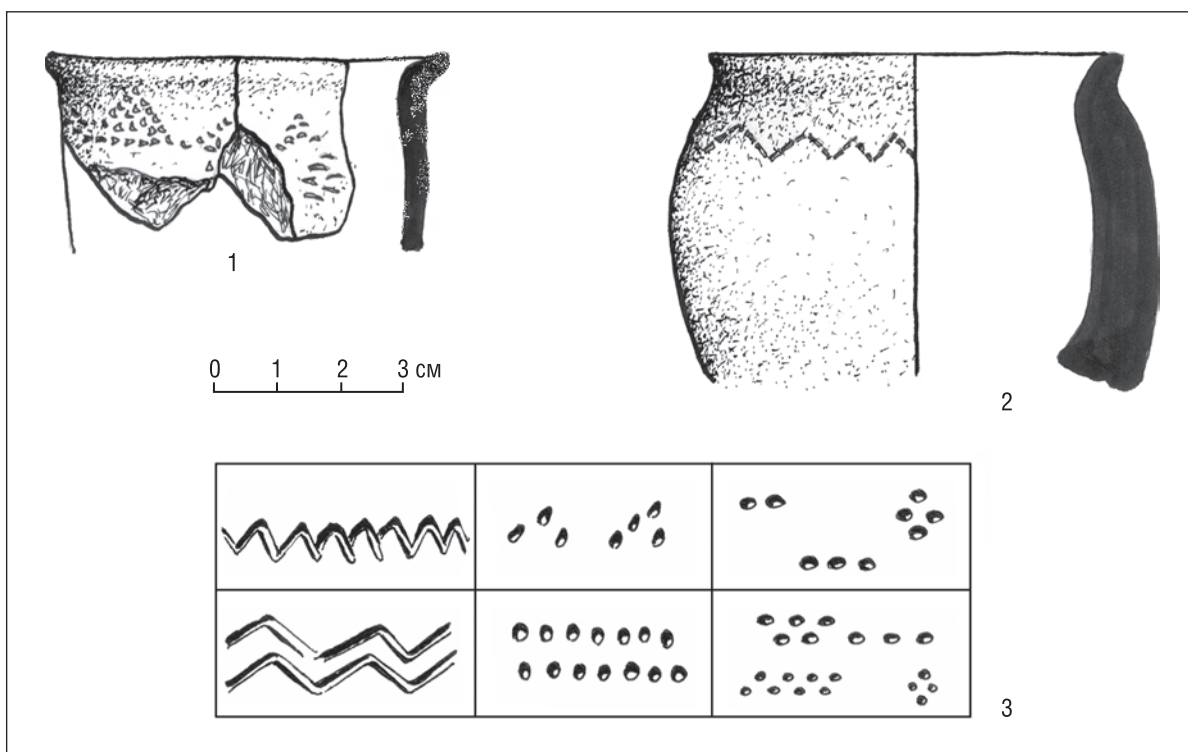

Рис. 4. Кикинское городище. Орнаментированные сосуды (1–2), орнаменты на сосудах, аналогичные орнаментам на грузиках дьякова типа (3)

Два фрагмента **литейных формочек** (?). Первый – четвертая часть прямоугольной таблички со скруглёнными гранями и углами (рис. 2: 3). Имеет вдавленный орнамент в виде половинки полумесяца, образованного двумя гребенчатыми дугами. Можно предположить, что формочка была предназначена для отливки пластинчатой трапециевидной подвески с клювовидными выступами [8, с. 104, табл. XLVI:5]. Второй – половина эллипсовидной таблички линзовидного сечения (рис. 2: 4). Вдавленный орнамент – гребенчатая дуга, внутри которой – круглая ямка (диаметр 0,2 см).

Орнаментированный камень, сопоставимый с орнаментированными гальками-«чурингами» со стоянок каменного века, – плоская подовальной формы пластина из мягкого белого известняка размерами 10×7,7 см, толщиной 2,5 см (рис. 3: 1). На одной поверхности прорезан вглубь орнамент: неправильный овал, приострѐнный с одного конца, похожий на яйцо. Овал внутри пересечѐн прямоугольным крестом. Заметим, что вдоль торца пластины, на середине толщины прослеживается тонкий рубчик. Возможно, рубчик фиксировал глубину «утопления» пластины в тело какого-то деревянного объекта культового назначения. Аналоги ему нам не известны. Укажем только, что крестообразный орнамент встречается на керамических вещах с дьяковских городищ и селищ. Например, на Дьяковом городище – прочерченные четырёхконечные кресты на грузиках дьякова типа [4, с. 420, рис. 122: 31-81; с. 423, рис. 125: 94-83; 9, с. 270, табл. XVI: 2], крест с «процветшими» концами на «рогатом кирпиче» [4, с. 409, рис. 111: 107-82]; два 12-конечных креста на керамическом шарике [4, рис. 148: 1354-82], на Максимковском селище – орнамент на грузиках [9, с. 469, рис. 4: 6–8].

На **керамических сосудах** выявлены следующие орнаменты, встречающиеся на поверхности грузиков и «рогатых кирпичей»: треугольник и ромбы (кресты из ямок) и ломаные линии (зигзаги) (рис. 4) [11, с. 89, 90, рис. 5 и 7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневецкий В.И. Раскопки Кикинского городища // КСИА. Вып. 197. 1990.
2. Вишневецкий В.И. Кикинское городище // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
3. Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971. (МИА. № 184)
4. Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
5. Крайнов Д.А. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88. 1962.
6. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. (МИА. № 156)

7. Сыроватко А.С. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дяковских городищ Москворечья // РА. 2003. № 2.
8. Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР)
9. Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
10. Вишнеvский В.И. Максимковское селище дяковской культуры на р. Клязьме // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009.
11. Вишнеvский В.И. Комплекс керамической посуды Кикинского городища // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007.

*Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник
Сергиев Посад,
Московская область*

V.I. Vishnevsky

ORNAMENTED OBJECTS FROM THE KYKYNKOYE HILLFORT

Summary

The collection of the finds from the Kickinskoje hillfort, one of the most completely studied monuments of the Late Dyakovo culture (V–VIII centuries AD), contains 27 ornamented objects including 19 weights of Dyakovo type out of the total 429 objects. The ornament on the weights is generally pitted (12 objects) and scratched (7 objects). The motifs are broken lines (zigzags), the bunch of rays, crosses, rhombuses, triangles, and horizontal lines. The spot ornament with the elements of pictography is noted on 2 weights. The irregular pitted ornament is recorded on the fragment of the «horny» brick. 2 ceramic forms for the casting of ornamented adornments and a stone plate with the ornamental pattern «a cross in a circle» are rare. Some motifs of ornamental patterns: triangles and rhombuses (pitted crosses), broken lines (zigzags) have analogs on ceramic vessels.

*Sergiyev-Posad State Museum-Reservation
of History and Arts,
9a, Ovrazhny Lane,
Sergiyev Posad, The Moscow Region, 141300, Russia*

E-mail: vladwish@mail.ru

М.М. Савенкова

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ВЫРАБОТКИ ТЕКСТИЛЯ НА ГРУЗИКАХ «ДЪЯКОВА ТИПА»

Грузики «дьякова типа», получившие своё название от «дьяковской культуры», были распространены на широкой территории Волго-Окского междуречья на руб. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Основным определяющим признаком этих конусообразных изделий является наличие углублений, расположенных по периметру широкого диска. До сих пор не ясна функция этих предметов. Исследователями выдвигались различные предположения: например, что они предназначались для календарного счёта, использовались в качестве весовых гирь, являлись сакральными предметами почитания светил в религиозных культах, служили пряслицами на горизонтальном ткацком станке. Наиболее вероятной является версия об использовании грузиков в ткацком ремесле, на это указывают потёртости от нитей на их поверхности. В данной работе проведён анализ конструкции грузиков с точки зрения возможности их использования в качестве орудий текстильного производства и предпринята попытка реконструкции процесса тканеобразования на них.

Анализ конструкции грузиков

Все примитивные текстильные приспособления можно разделить на два больших класса, отличающихся друг от друга способом образования ткани: 1 – приспособления неподвижные, при работе на которых нити перемещаются вручную; 2 – приспособления подвижные, в которых нити меняют положение в зависимости от перемещения или вращения самого орудия. Приспособления первого класса являются наиболее архаичными, так как они применялись только для фиксации нитей, перебор которых осуществлялся руками человека. В приспособлениях второго класса происходит механическое чередование нитей, что является некоторым усовершенствованием всего процесса тканеобразования. Явное усложнение конструкции при упрощении процесса ткачества указывает на более позднее возникновение орудий ткацкого ремесла.

В приспособлениях подвижного типа нити заправляются в отверстия и выскользнуть при работе не могут. Аналогичный приём использован в дощечках с отверстиями, бёрдышках с прорезями. При раскопках поселения Фёфёлов Бор Рязанской области (сер. II – нач. I тыс. до н.э.) были найдены керамические изделия в виде пуговиц с двумя отверстиями, относящиеся к классу движущихся приспособлений (рис. 1: 2). И.Л. Чернай высказал предположение об их применении в горизонтальном ткацком станке [1, с. 77]. Прочно фиксированные в отверстиях нити, единые форма и размер изделий указывают на то, что керамические кружки могли быть частями одного станка. Текстиль вырабатывался на них путём одновременного вращения всех элементов, аналогично деревянным дощечкам, что способствовало увеличению скорости работы на станке. Форма круга наиболее соответствует характеристикам материала изготовления – керамике, наименее подвержена поломкам. Прямоугольная и квадратная формы характерны для подобных изделий из дерева и кости.

Грузики «дьякова типа» можно отнести к первому классу – неподвижные текстильные приспособления. Единая нерасчленённая форма, устойчивая конструкция, использовавшаяся на протяжении веков, минимальные конструктивные составляющие указывают на то, что каждый грузик – это отдельное самостоятельное орудие.

Соединение нескольких грузиков в одно приспособление нецелесообразно. Элементы, составляющие целое приспособление, предполагают унификацию (единство размеров, формы), некоторое единообразие, без которого невозможно создание сложного инструмента, объединяющего несколько деталей. Грузики, имеющие одинаковые конструктивные составляющие, различаются по форме, высоте, размеру и, главное, по количеству зубчиков и не могут быть частью одного ткацкого станка (рис. 1: 4; 2: 16).

Все изделия, атрибутированные как грузики «дьякова типа», имеют общие черты: 1) стандартные размеры (высота от 1,5 до 6 см, диаметр большого круга – 3–7 см); 2) представляют собой тело вращения, обладающее осевой симметрией; 3) сквозной канал (диаметром 0,5–0,7 см), проходящий в центральной части; 4) углубления, врезанные в тело широкой части изделий. Признак, свойственный всем грузикам, – это насечки, нанесённые по периметру широкого диска. В конструкции грузиков существенным признаком является не форма втулки, а количество и групповое расположение углублений. Именно характер нанесения углублений основополагающ для выработки ткани, так как они являются единственно возможным местом расположения нитей, участвующих в тканеобразовании.

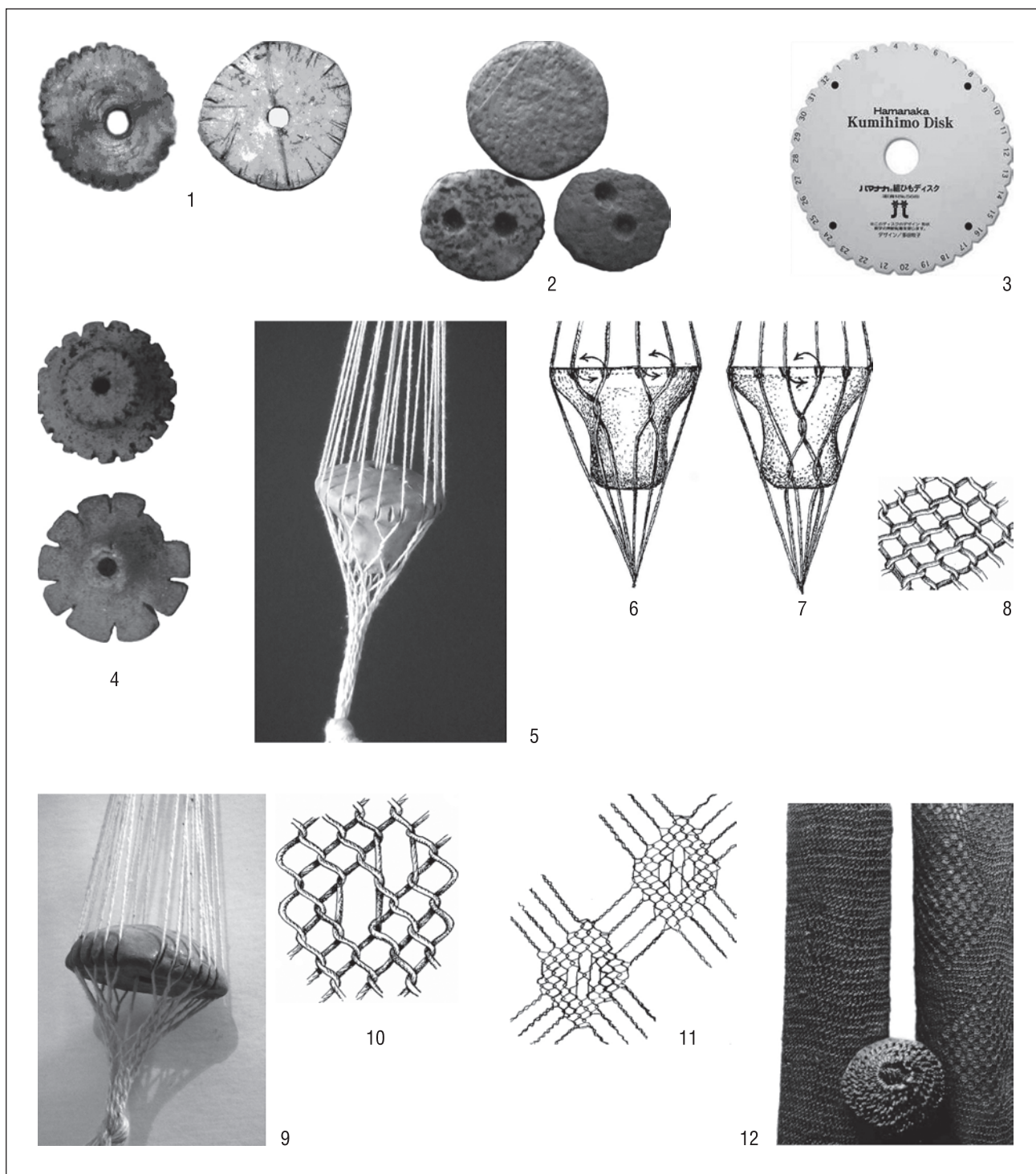

Рис. 1. Приспособления для ткачества:

1 – поселение Чёрная Гора, Рязанская область (VII–II тыс. до н.э.); 2 – поселение Фёфёлов Бор, Рязанская область (сер. II – нач. I тыс. до н.э.); 3 – современный японский станок для плетения шнуров-кумихимо; 4 – грузики «дьякова типа» с равномерной насечкой (ГИМ); 5–7 – реконструкция плетения на грузике с одной направляющей нитью; 8 – схема переплетения ткани, выработанной на грузике с равномерной насечкой; 9 – реконструкция плетения на грузике с групповой насечкой; 10 – схема переплетения ткани с элементами ажюра, выработанной на грузиках с групповой насечкой; 11 – схема ажурного переплетения согдийской ткани; 12 – плетёные накосники из Второго Пазырыкского кургана (Горный Алтай)

Предположение об использовании грузиков для выработки кругового текстиля при помощи перевивания нитей было высказано И.Л. Чернаем [1, с. 77]. Форма грузика, представляющего собой тело вращения, предполагает использование его для изготовления кругового текстиля. Структура переплетения ткани могла образовываться путём соединения нитей способом перевивания или перекладывания из одной насечки в другую. В этом случае образуется ткань плетёной структуры, имеющая одну вертикальную систему нитей. Добавление утка нецелесообразно, так как при плотном расположении нитей их ручной перебор затруднён, а создание текстиля плотной структуры невозможно. В процессе реконструкции опытным путём было установлено, что при осуществлении ручного перебора и попытке введения нити утка основа выскальзывает из насечек грузиков.

Материалы этнографии дают примеры аналогичных приспособлений для выработки шнуров. Принцип создания кругового текстиля в России до начала XX века использовался при плетении поясов на колодочке, представлявшей собой деревянный чурбачок цилиндрической формы со сквозным отверстием в центре. По периметру одного из оснований колодочки набивались гвоздики, на которых и выполнялось плетение шнура. Готовый шнурок выводился в центральное отверстие и по мере образования петель подтягивался снизу.

В Японии до настоящего времени популярно плетение шнуров – кумихимо, первое упоминание о котором относится к 550 году. Шнуры использовались для скрепления частей доспехов воинов и лошадей, для завязывания женских поясов кимоно – оби. Прimitивный станок для кумихимо представляет собой диск с насечками по периметру (рис. 1: 3). Отличительная особенность заправки – нитями заполняются не все прорезы. Текстиль образуется путём перекладывания нитей в пустые прорезы. Готовый шнурок выводится в центральное отверстие и подтягивается по мере изготовления снизу [2].

Заправка грузиков «дьякова типа» нитями могла осуществляться разными способами.

Приспособления с центральной направляющей нитью

Потёртости внутри центрального канала грузиков указывают на способ крепления приспособления – использование центральной направляющей нити. В центральный канал заправляется нить или пучок нитей, при помощи которых осуществляется крепление всего приспособления.

Нити, задействованные в производстве ткани, размещаются в углублениях широкого диска (рис. 1: 5, 9). Количество используемых нитей соответствует количеству углублений: чем меньше размер углублений, тем соответственно нити должны быть тоньше. После расположения нитей в углублениях вся конструкция натягивается и привязывается к поясу ткача. Второй конец нитей закрепляется неподвижно.

Приспособления с заправкой рабочих нитей в центральный канал

Второй способ заправки реконструирован на основе данных, полученных при анализе грузиков Ивандовского городища О.Н. Бадером, который отмечает на грузиках расходящиеся от центрального отверстия по радиусам тонкие желобки, протёртые выходящими из отверстия нитями, преломлявшимися под прямым углом. На некоторых грузиках имеются желобки между зубчиками края, которые направляются всегда к центру и составляют продолжение радиально расходящихся желобков у отверстия [3, с. 96, 103]. Потёртости явно указывают на способ заправки нитей в грузик.

Нити протаскиваются через центральный канал в количестве, равном количеству углублений на грузике. От центрального отверстия они расходятся радиально по периметру грузика и заправляются в углубления большого диска (рис. 2: 5, 6). При этом способе заправки грузик удерживается левой рукой, правой рукой производится перевивание или перекладывание нитей в определённой последовательности. Готовое изделие с плоскости большого диска втягивается внутрь канала. Последовательность действий повторяется до тех пор, пока все нити не перевьются. Переплетая ряды, каждый раз втягиваем готовое изделие внутрь центрального канала.

Данный способ заправки имеет некоторые достоинства: виден рисунок переплетения на плоскости большого диска, что немаловажно при выполнении сложного узора переплетения. Однако О.Н. Бадером отмечено, что основная масса грузиков, имеющих более плоскую форму, потёртостей, расходящихся от центрального канала к углублениям на окружности, не имеет [3, с. 104]. Наиболее вероятным он считал пропускание сквозь отверстие одной нити, следовательно, крепление грузиков осуществлялось первым способом.

В связи с характером насечек может быть рекомендована следующая классификация грузиков по технологическим признакам для выработки текстиля различными способами: с равномерной насечкой, с групповой насечкой, с насечкой на двух дисках, с насечкой на трёх-четырёх дисках (рис. 3: 1–4). Предметы в виде цилиндрических изделий с запилами от нитей внутри центрального канала и с насечками на внешней поверхности являются приспособлениями, аналогичными грузикам с равномерной насечкой.

Реконструкция плетения на грузике с равномерной насечкой

Для проведения эксперимента были созданы копии грузиков «дьякова типа» из коллекции Государственного Исторического музея. Ткань на грузиках с равномерным распределением насечек по периметру изделия изготавливается при помощи перевивания нитей между собой или перекладывания их в свободные прорезы.

Плетение шнура способом перевивания нитей. Перевивание нитей можно осуществить двумя способами – при помощи левосторонней и правосторонней крутки. В зависимости от последовательности использования этих способов получается различное направление нитей в ячейках сетки (рис. 1: 8; 2: 9).

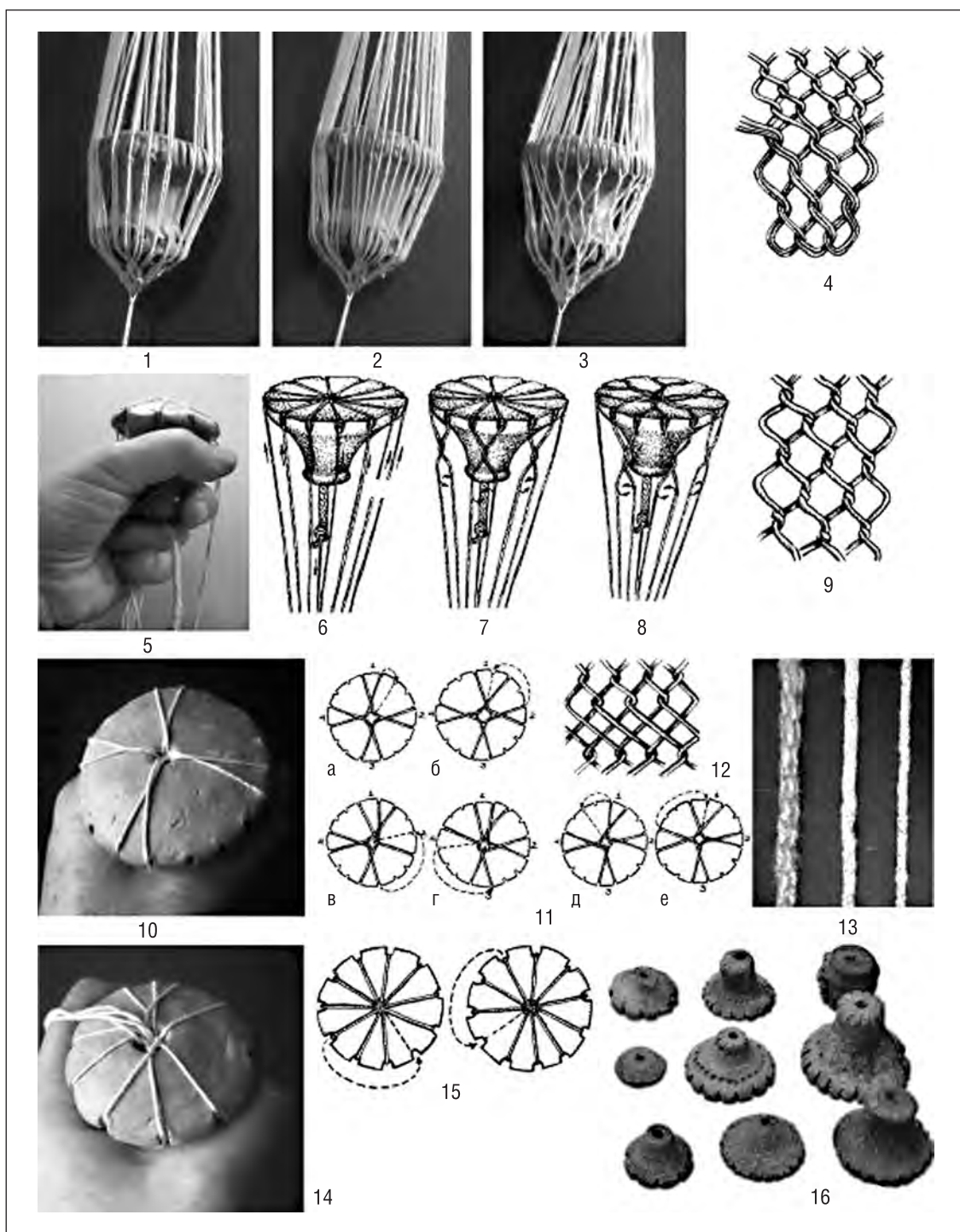

Рис. 2. Приспособления для плетения текстиля расширяющейся структуры на грузике «дьякова типа» с насечками на двух дисках (1–4) и для плетения текстиля на грузике «дьякова типа» с заправкой нитей в центральный канал (5–15), грузики «дьякова типа» (16):

- 1 – переплетение двоянных нитей на малом диске; 2 – распределение нитей по периметру большого диска; 3 – плетение на большом диске; 4 – схема переплетения ткани расширяющейся структуры; 5–8 – плетение шнура на грузике с равномерной насечкой способом перевива нитей; 9 – схема переплетения ткани с двойным перевивом нитей; 10 – плетение шнура на грузике со свободными насечками; 11 – порядок переплетения шнура; 12 – схема переплетения ткани, выработанной способом перекладывания нитей; 13 – шнуры, изготовленные на грузиках; 14 – плетение шнура на грузике с одной свободной прорезью; 15 – порядок переплетения; 16 – грузики «дьякова типа» (ГИМ)

При равномерном распределении углублений на грузике образуется сетка с одинаковыми ячейками (рис. 1: 5, 8). Размер ячейки сети получается тем больше, чем дальше пряслице находится от начала изделия. В процессе плетения по мере выработки нитей пряслице отодвигается на всё большее расстояние от работника, чтобы размер ячеек сетки был везде одинаков.

Чем большее количество зубчиков имеет пряслице, тем большее количество нитей участвует в работе, тем шире получается готовое изделие. На грузиках с 5–7 насечками вырабатывались шнуры, на грузиках с большим количеством насечек – круглые сетки. В зависимости от числа насечек могло использоваться чётное и нечётное количество нитей. При чётном в первом ряду перевиваются пары нитей, во втором ряду перевиваются нити из разных пар (рис. 1: 6, 7). При нечётном количестве нитей в первом ряду перевиваются пары нитей, во втором ряду оставшаяся непарная нить перевивается с нитью из первой пары, вторая нить из первой пары – с первой нитью из второй пары и т.д. Таким образом получается переплетение по спирали. Полученная ткань имеет структуру безузловой сетки или же, при плотном плетении, – круглого в сечении шнура. В полом внутреннем пространстве шнура находятся дополнительные центральные нити, что ещё больше увеличивает прочность готового продукта.

Плетение шнура способом перекладывания нитей. На грузиках с равномерной насечкой можно вырабатывать шнуры путём перекладывания нитей в свободные прорезы аналогично японскому плетению кумихимо (рис. 2: 12). Грузик заправляется вторым способом и удерживается в левой руке.левой рукой нити прижимаются к тулову грузика и подтягивается готовый шнурок, выходящий из центрального канала (рис. 2: 5). Правой рукой осуществляется перекладывание нитей. В отличие от японского станка нити на грузике не фиксируются жёстко, поэтому, чтобы исключить выскальзывание нитей из насечек, их перекладывание возможно только на одной стороне грузика. Плетение проводится под насечками большого диска (рис. 2: 7). Место соединения нитей фиксируется зубчиком (рис. 2: 8). Выполнив плетение по кругу, тянем за пучок нитей, выходящих из центрального канала нижней части грузика, вытягивая готовое изделие из отверстия.

Плетение шнура из 10 нитей на грузике с одной свободной прорезью. Грузик заправляется нитями вторым способом. В центральный канал пропускаются 10 нитей, которые затем распределяются по периметру во все прорезы, кроме одной (рис. 2: 14). Берём третью по счету от свободной прорези нить, перемещаем её в пустую насечку (рис. 2: 15). Грузик удерживаем в руке таким образом, чтобы рабочая нить находилась под указательным пальцем. Вынимаем нить и перемещаем её в свободную прорезь, прижимая большим пальцем левой руки. Грузик постоянно поворачиваем по часовой стрелке, передвигая рабочую нить под указательный палец. Готовый шнур подтягиваем снизу и удерживаем в руке.

Плетение шнура из 8 нитей на грузике со свободными прорезями. Грузик заправляем вторым способом. Нити на плоскости большого диска располагаем парами крестообразно (рис. 2: 10).

1 этап – вращение грузика против часовой стрелки:

- перемещаем верхнюю нить из первой пары в сторону (рис. 2: 11а);
- нижняя нить из второй пары накладывается сверху нити из первой пары (рис. 2: 11б);
- на её место перемещается нижняя нить из третьей пары (рис. 2: 11в);
- нижняя нить из четвёртой пары перемещается в третью пару (рис. 2: 11г).

2 этап – вращение грузика по часовой стрелке:

- верхнюю нить из первой пары отодвигаем в сторону, освобождая место для нити из четвёртой пары (рис. 2: 11д);
- нижняя нить из четвёртой пары перемещается в первую пару (рис. 2: 11е);
- нижняя нить из третьей пары перемещается в четвёртую пару;
- нижняя нить из второй пары перемещается в третью пару;
- нижняя нить из первой пары соединяется с нитью из второй пары.

Повторяем плетение, начиная с первого этапа.

Грузики «дьякова типа», как и ряд других примитивных ткацких приспособлений, могли быть многофункциональными. Выработанные с их помощью жгуты с плетёной внешней оболочкой и наполнением из пучка нитей могли широко применяться как для бытовых нужд, так и для декорирования одежды (рис. 2: 13). Текстиль сетчатой структуры мог использоваться для плетения рыболовных снарядов в виде верши, для изготовления метательных охотничьих снарядов – бола, представляющих собой круглую плетёную сетку, наполненную камнями. Не исключена возможность применения кругового текстиля для производства керамики. Отпечатки сеток, сплетённых из перевитых нитей, встречаются на керамических сосудах, относящихся к нижнему слою дьяковских городищ. Различные исследователи отмечали, что «сетчатая» поверхность некоторых сосудов является результатом технологического приёма, а не украшением, так как сетчатая фактура заглаживалась и поверх наносился орнамент [3, с. 101; 4, с. 22]. Сетки, сплетённые на грузиках, имеют эластичную бесшовную структуру, которая растягивается и сжимается в нужном направлении, хорошо облекая криволинейные поверхности.

Реконструкция плетения текстиля на грузике с групповыми насечками

На грузиках с групповыми насечками могли вырабатываться ткани более сложных видов переплетений. Исследователи относят их появление к VII–V вв. до н.э. [5, с. 65; 6, с. 44]. Встречается расположение зубчатых надрезов группами, распределяющимися равномерно по периметру диска, – не менее четырёх на изделии. На каждом грузике число насечек в группе устойчиво: три, пять, семь. На одном из роговых грузиков имеется сильная заполированность по периметру основания. Х.И. Крис высказывает предположение, что

рабочей поверхностью был край диска. Это возможно в том случае, если нити скользят по краю приспособления [6, с. 42].

Плетение на грузиках с групповыми насечками предполагает групповое перевивание нитей. Тип ткани, получаемой при этом способе выработки, относится к ажурному плетению. Образование ткани возможно путём перевивания нитей как в каждой отдельной группе, так и всех вместе нитей на грузике. Переплетая нити отдельно в каждой группе, получаем чередование крупных и мелких ячеек сетки, составляющих ажурный рисунок (рис. 1: 10).

Плетёные ажурные ткани широко использовались в быту различными народами. Технология ажурного плетения известна с древнейших времён. Были исследованы изделия каменного века в Швейцарии, бронзового века в Дании [7]. Вязаные наосники из Второго Пазырыкского кургана, надевавшиеся на женские парики, вырабатывались в технике кругового ажурного плетения [8, с. 74] (рис. 1: 12). Плетёные головные уборы, изготовленные из тонких хлопчатобумажных нитей, найдены в Таджикистане при раскопках согдийского замка на горе Муг [9] (рис. 1: 11). Сетки для волос или волосники были популярны и в средневековых Руси и Западной Европе. В Новоспасском монастыре в Москве в усыпальнице Романовых обнаружены средневековые женские головные уборы, выработанные в технике плетения на раме [10]. Н.И. Лебедева отмечала у восточных славян способ плетения поясов на стене перевиванием нитей как наиболее архаичный и пережиточный [11].

Реконструкция плетения на грузиках с двумя и более дисками

Грузики с насечками в два ряда относятся к IV–III вв. до н.э. [5, с. 64; 6, с. 45], но появляются уже в ранний период. Появление малого диска могло быть вызвано требованиями технологического порядка. По периметру малого диска некоторых грузиков располагаются надрезы, которые могут соответствовать группам зубчатых надрезов на контуре большого диска [6, с. 43]. Иногда количество надрезов на малом диске в 2 раза меньше, чем на большом (рис. 2: 16). На таких приспособлениях можно изготовить текстиль расширяющейся структуры переплетения (рис. 2: 4). Перед началом плетения нити группируются в пряди по количеству насечек на малом диске. Выполняется начало плетения (рис. 2: 1). Затем пряди разбиваются на отдельные нити, которые заправляются в углубления большого диска, и плетение осуществляется уже на верхней части грузика (рис. 2: 2, 3). Таким образом диаметр сетки значительно увеличивается.

В коллекции Эрмитажа хранятся коптские головные уборы, выполненные в технике расширяющегося кругового текстиля. Характер рисунка переплетения подсказан техникой выполнения, орнамент состоит из ажурных ромбов с мережкой, полученных в результате перевивания нитей. Плетение начинается от шнура из 10 прядей, постепенно расширяясь до объёма головы путём деления шнура на отдельные нити, которые не только перевиваются, но и перекрещиваются в ткани.

Конструкция из двух грузиков, расположенных один над другим, предложенная А.Ф. Дубыниным [12, с. 239], могла использоваться в производстве ткани. Автор предполагал, что композиция из двух грузиков предшествует грузикам с двумя нарезками. Потёртости в центральной части больших дисков могут указывать на использование пары грузиков, помещённых один над другим, одновременно. Возможно, конструкция с тремя и четырьмя дисками объединяет в один инструмент два грузика с двумя дисками. При создании ткани способом перевива на одном конце основы на втором происходит самопроизвольное перевивание нитей. Чтобы его избежать, нужно периодически останавливать работу и распутывать нити. Аналогичные действия выполняются при плетении поясов на дощечках. Приспособление с двумя грузиками могло решать задачу создания одновременного переплетения с противоположных концов основы. Возможно, грузик с тремя дисками позволял вести работу на двух концах основы одновременно. Вопрос о совместном использовании двух грузиков остаётся открытым, так как требует дополнительного изучения.

Орнаментация грузиков

Отдельная тема исследования – орнаментация грузиков. На протяжении веков семантика орнаментов могла меняться. А.К. Амброз, отмечая [13, с. 20], что в период развитого производящего хозяйства геометрические символы превращаются в орнамент, выделяет ряд этапов в развитии орнаментики: 1) единичный знак; 2) ряд одинаковых знаков; 3) орнаментальное украшение (сохранение знака как традиции); 4) деградация орнамента, связанная с затуханием традиции; 5) искажение и исчезновение формы, связанной с утратой знаком его значения. Превращение культового символа в орнамент, по его мнению, произошло в период разложения первобытно-общинного строя и появления ремёсел. Использование в изображении одной фигуры позволяет говорить о её значении как символа, ряд подобных знаков свидетельствует об утрате магической символики, преобладающей в декоративном начале.

На протяжении веков эволюции грузиков «дьякова типа» не могли не меняться содержание и вид их орнаментации. На основе анализа мотивов узоров можно выделить следующие виды орнаментов: технологические, маркировочные, знаковые, декоративные.

Технологические орнаменты. Среди орнаментальных знаков выделяется группа, связанная с числом нитей, использовавшихся в плетении. Геометрические фигуры на боковых поверхностях и основаниях грузиков, возможно, служили метками или опознавательными знаками в процессе плетения ткани. Размещение орнаментальных мотивов на боковых поверхностях грузиков часто соответствует групповому расположению зубчатых надрезов [6, с. 44, рис. 2]. Точки и чёрточки могли использоваться в качестве счётного устройства при выполнении сложного узора на ткани.

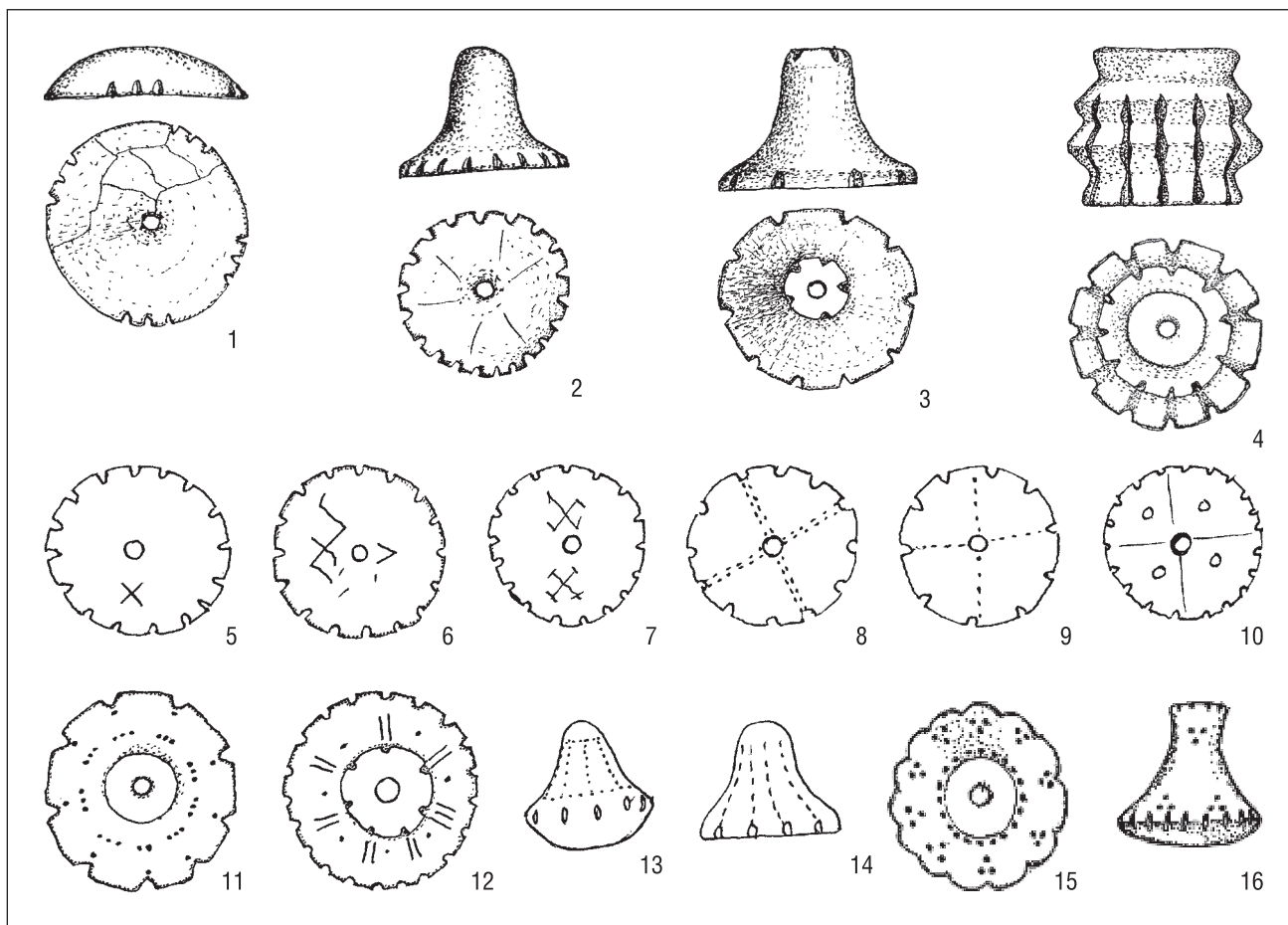

Рис. 3. Классификация грузиков «дьякова типа» по способу расположения насечек на периметрах дисков (1–4), виды орнаментации грузиков (5–16):

1 – с групповым расположением; 2 – с равномерным распределением; 3 – с двумя рядами насечек; 4 – с несколькими рядами насечек; 5, 8–12 – маркировочные; 6, 7 – семантические; 13, 14 – технологические; 15, 16 – декоративные

Структура переплетения ткани, подчиняющаяся математическим закономерностям, в мировоззрении древних людей ассоциировалась с разумным устройством мира, созданного по определённым законам. Понятие о счёте и ритме человек получил в том числе в процессе освоения технологий плетения и ткачества.

Связь между орнаментом и зубчатыми надрезами специально не исследовалась, но очевидно, что она существует. Некоторые грузики декорированы точками, которые намечают направление нитей, участвующих в плетении (рис. 3: 13, 14). Определённое значение могло иметь количество точек в узоре, место их расположения относительно зубчиков, число точек в группе при групповой насечке. Деление грузика на четыре части линиями, радиально расходящимися от центра, могло упрощать счёт нитей при узорном плетении (рис. 3: 8–10).

Маркировочные орнаменты. Для удобства при плетении на грузике необходимо промаркировать части приспособления (переднюю, заднюю, боковые стороны или начало и конец ряда), обозначить место, на котором произошла остановка.

Маркировка начала может быть обозначена путём выделения одного элемента (рис. 3: 5) и выделения одного элемента из ряда подобных (рис. 3: 11, 12). При моделировании процесса плетения на грузиках для удобства в работе автором статьи сразу же было промаркировано начало ряда и указано число нитей, участвующих в плетении. На современных японских станках для плетения шнуров также часто выделяется начало.

Знаковые орнаменты. У различных народов сохраняется устойчивая традиция украшения инструментов, связанных с производством тканей, соляной символикой. Использование единичных элементов декора на грузиках указывает на преобладающее магическое значение. Рисунки креста, свастики и рала, несомненно, относятся к этому виду изображений (рис. 3: 5, 6, 7). Членение грузиков на четыре части могло быть связано с семантикой четырёх частей света (рис. 3: 8–10).

Декоративные орнаменты. Декоративный характер орнамента формируется с появлением закономерностей в его построении: использование симметрии, повторение чередующихся элементов, модульных мотивов. Теряется связь изображений с конструкцией грузика, с количеством и расположением зубчиков. Равное количество точек, повторяющееся через равные промежутки, может указывать на украшательный характер орнаментации (рис. 3: 15, 16).

Заключение

Исследователи отмечали, что в каждую эпоху существовали грузики определённой формы [14, с. 80]. На основе внешнего вида приспособлений, характерных для различных периодов времени, можно сделать следующие выводы о производстве текстиля. На грузиках VII–IV вв. до н.э. уплощённой формы с групповыми насечками мог вырабатываться сложный ажурный текстиль из тонких нитей [14, с. 82; 6, с. 42]. Форма грузиков из кости отличается слабо выраженными втулками и неглубокими насечками, что определяется материалом их изготовления. Особенности отпечатков на текстильной керамике, характерная для раннего периода: шнурами из более тонких нитей, – отмечалась исследователями [15, с. 152]. О толщине нитей в ткани можно судить и по величине насечек на грузиках, и по характерным потёртостям от нитей. О.Н. Бадер отмечал, что узкие протёртые желобки указывают на большую тонкость нитей [3, с. 103]. Величина ячейки сетки зависит от формы втулки грузика. Орудия из ранних слоёв памятников имеют укороченную втулку, следовательно, при плетении размер ячейки получается меньше. Отпечатки шнуров на керамике раннего периода косвенно указывают на изготовление и использование в это время более тонких нитей по сравнению с последующими веками.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что более сложный способ плетения был характерен для древних слоёв. Применение грузиков, обладающих вполне сложившейся целостно-функциональной формой, свидетельствует о том, что поиск оптимальной конструкции приспособления, длительный период времени, должен был происходить в течение предшествующего этапа.

Аналогичные приспособления из кости и сланца обнаружены на раскопках поселения Чёрная Гора в Рязанской области (VII–II тыс. до н.э.) (рис. 1: 1). Диски с насечками, расположенными по периметру, имеют в центральном отверстии пропилены от нитей. Края дисков были гладко заполированы или стали такими в процессе работы.

Постепенно форма глиняных грузиков менялась, втулка вытягивалась, что больше соответствовало материалу изготовления – глине – и технологии выработки тканей на грузиках. Так как на поселениях одновременно встречаются грузики, относящиеся по форме к нескольким типам [15, с. 104], можно сделать вывод о том, что процесс изменения конструкции шёл достаточно медленно. Смена типов происходила постепенно, разные типы существовали параллельно.

В IV в. до н.э. – I в. н.э. происходят изменения в конструкции грузиков: вытягивается втулка, исчезают групповые насечки, появляется второй диск со вторым рядом насечек [6, с. 45; 14, с. 82; 16, с. 53]. Трансформация формы грузиков может указывать на технические изменения в текстильном производстве, появление новых видов тканей. Увеличение массивности приспособления свидетельствует об использовании нитей большей толщины. На смену изделиям тонкого ажурного плетения приходят более грубые ткани. Несмотря на процесс упрощения, продолжалось совершенствование конструкции приспособлений, связанное с увеличением количества дисков с насечками на грузике.

II–V века н.э. характеризуются, с одной стороны, упрощением формы основного массива грузиков [14, с. 82; 16, с. 53]. Для них характерна форма усечённой пирамиды. Увеличивается вес грузиков, появляются массивные образцы с небольшим количеством насечек, что явно указывает на упрощение производства текстиля. С другой стороны, появление небольшого количества цилиндров с несколькими рядами насечек указывает на явное усложнение конструкции приспособления. Текстиль на грузиках, как и на некоторых других примитивных приспособлениях, мог изготавливаться на одном конце основы. На втором конце происходило самопроизвольное перекручивание нитей, которые приходилось периодически расплетать. Возможно, усовершенствование конструкции грузиков было связано с желанием ликвидировать этот недостаток путём создания ткани с двух концов основы одновременно. Наличие двух типов орудий в верхнем слое памятников позволяет говорить о разграничении процессов создания различных видов ткани.

Изложенная в данной работе гипотеза об использовании грузиков «дьякова типа» для процесса изготовления тканей требует дальнейшего экспериментального подтверждения. Предложенная версия нуждается в дальнейшей отработке, для этого необходимо проведение эксперимента не только на опытных моделях, а непосредственно на археологических находках с использованием нитей различной толщины и качества. Необходимо также исследование конструкции и декора грузиков с учётом технологических особенностей плетения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4.
2. Кумихимо, или арифметика красивого плетения. <http://planetashkol.ru/uchenik/Blogs/Posle-shkoly/>.
3. Бадер О.Н. Древние городища на Верхней Волге // Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М.; Л., 1950. (МИА. № 13)
4. Розенфельдт И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. (МИА. № 184)
5. Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.

6. *Крис Х.И.* Грузики дьякова типа из Боршевы // КСИА. Вып. 170. 1982.
7. *Hald, M.* Ancient Danish textiles from Bogs and Burials. National Museum of Denmark. Copenhagen, 1980.
8. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005.
9. *Бенкович И.Б.* Плетеные изделия из раскопок на горе Муг // КСИИМК. Вып. 61. 1956.
10. *Елкина И.И., Станюкович А.К.* Средневековые женские головные уборы из усыпальницы бояр Романовых в Московском Новоспасском монастыре: история, материалы, технология и техника изготовления // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Вып. 10. М., 2000.
11. *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX в. // М., 1959. (Востоочнославянский этнографический сборник. Т. XXXI)
12. *Дубынин А.Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
13. *Амброз А.К.* Раннеземледельческий культовый символ (Ромб с крючками) // СА. 1965. № 3.
14. *Смирнов К.А.* К вопросу о систематизации грузиков «Дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971. (МИА. № 184)
15. *Розенфельдт И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
16. *Гусаков М.Г.* Глиняные грузики и таблички дьяковской культуры (к вопросу о назначении) // ТАС. Вып 6. Т. II. Тверь, 2007.

***Воронежский государственный
педагогический университет,
Воронеж***

M.M. Savenkova

THE RECONSTRUCTION OF THE TEXTILE TECHNOLOGY WITH WEIGHTS OF DYAKOVO TYPE

Summary

The studied clay weights of Dyakovo type, frequent archaeological finds of the Early Iron Age on the territory of Eastern Europe, cause various suppositions about their purpose. The analysis of the construction of weights was carried out on the basis of the traces of abrasions from threads on some copies in order to find out whether they can be used for the production of the textiles of various types. Based on the amount and character of the depressions the classification of weights according to technological characteristics was proposed. The technological process of weaving with the help of weights was experimentally reconstructed.

***Voronezh State Pedagogical University,
Flat 1, House 40, Moiseeva St., Voronezh,
394055, Russia***

E-mail: savenkova-m@yandex.ru

Р.Н. Модин, Е.В. Столяров

**ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УПРЯЖИ
С ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
(по материалам дьяковской, днепро-двинской,
верхнеокской и юхновской культур)**

Находки предметов конского снаряжения на поселениях раннего железного века лесной зоны Восточной Европы достаточно редки, а их основную часть представляют псалии, которые, как правило, изготавливались из кости или рога и в меньшей степени – из металла (рис. 1).

Одним из первых, кто обратился к подобной категории находок, происходящих с территории дьяковской, городецкой и ананьинской культур, был К.А. Смирнов [1–4]. Ряд материалов, известных в бассейне Верхней Оки, был опубликован авторами данной статьи [5]. Кроме того, предметы конской упряжи, которые никогда не становились объектом специального изучения, происходят также с территории юхновской и днепро-двинской культур (Смоленское Поднепровье).

Целью данной работы является систематизация всех известных, в основном по публикациям, к настоящему времени предметов конской упряжи – псалиев, их типологический анализ и определение времени бытования того или иного типа псалия, с учётом сопутствующих им хронологических маркёров, на территории лесной зоны Восточной Европы.

Имеющиеся в нашем распоряжении изделия можно разделить на пять типов в зависимости от способа соединения их с остальными элементами уздечного оголовья.

Тип I. Трёхдырчатые костяные и роговые псалии с тремя элементами крепления. Это находки с таких памятников как городища Сатинка, Вороново, Ош-Пандо, Холмец, Кудяров Бугор.

Псалии с Сатинского городища [5] представлены двумя целыми изделиями, двумя фрагментами, по которым можно более или менее судить о форме изделий, и рядом мелких фрагментов. Все псалии – пластинчатые, имеют по три элемента крепления – в виде отверстий, расположенных в центре основания псалия. У первого псалия (рис. 2:1) одно окончание – в виде конского копыта, второе – в виде сильно стилизованного зооморфного изображения. Псалии с похожим окончанием встречены в кургане № 2 у с. Аксютинцы, в кургане № 9 у с. Волковцы, Балябиной могиле в Днепровском лесостепном Левобережье [6, табл. XII, XX, XXXV]. Второй псалий (рис. 2:2) имеет слегка выгнутую спинку основания, одно окончание в виде конского копыта, другое – в виде нечётко выраженной головы животного (барана или грифо-барана). Аналоги этого псалия представлены шире, чем предыдущего. Это находки как в Приднепровской лесостепи (например, те же курганы у с. Аксютинцы), так и в Предкавказье – в кургане 14 Нартанского могильника в Кабардино-Балкарии [7, с. 34, табл. 37]. У третьего псалия (рис. 2:3) – дугообразно выгнутая спинка основания, одно окончание – в виде круга, второе не сохранилось. Также здесь есть ещё один небольшой фрагмент окончания псалия с круглым завершением (рис. 2:6). Как правило, на псалиях этого типа одно окончание было оформлено в виде копыта. Возможно, окончание в виде круга также символизировало копыто, являясь его сильно упрощённой стилизованной моделью либо изображением копыта ан фас. Фрагмент подобного псалия встречен на поселении кизил-кобинской культуры у Симферополя [8]. Четвёртый псалий представлен фрагментом (рис. 2:4), он имеет чётко выраженное подпрямоугольное утолщение на основании, в котором находятся элементы крепления. Псалий сохранился только наполовину. Аналоги костяных псалиев с утолщением для элементов крепления также представлены довольно хорошо (Нартанский могильник, курган 15 [7], Солodka, Старшая Могила [6, табл. IV, XII] и др.).

Таким образом, подобные костяные псалии с тремя отверстиями и зооморфными изображениями были распространены на памятниках скифского времени в кон. VII–VI в. до н.э. Основной их ареал – это Левобережная Днепровская лесостепь, откуда они, вероятно, и попали к лесным племенам. Также они встречаются и на других территориях скифского мира (Кавказ, Приуралье и др.).

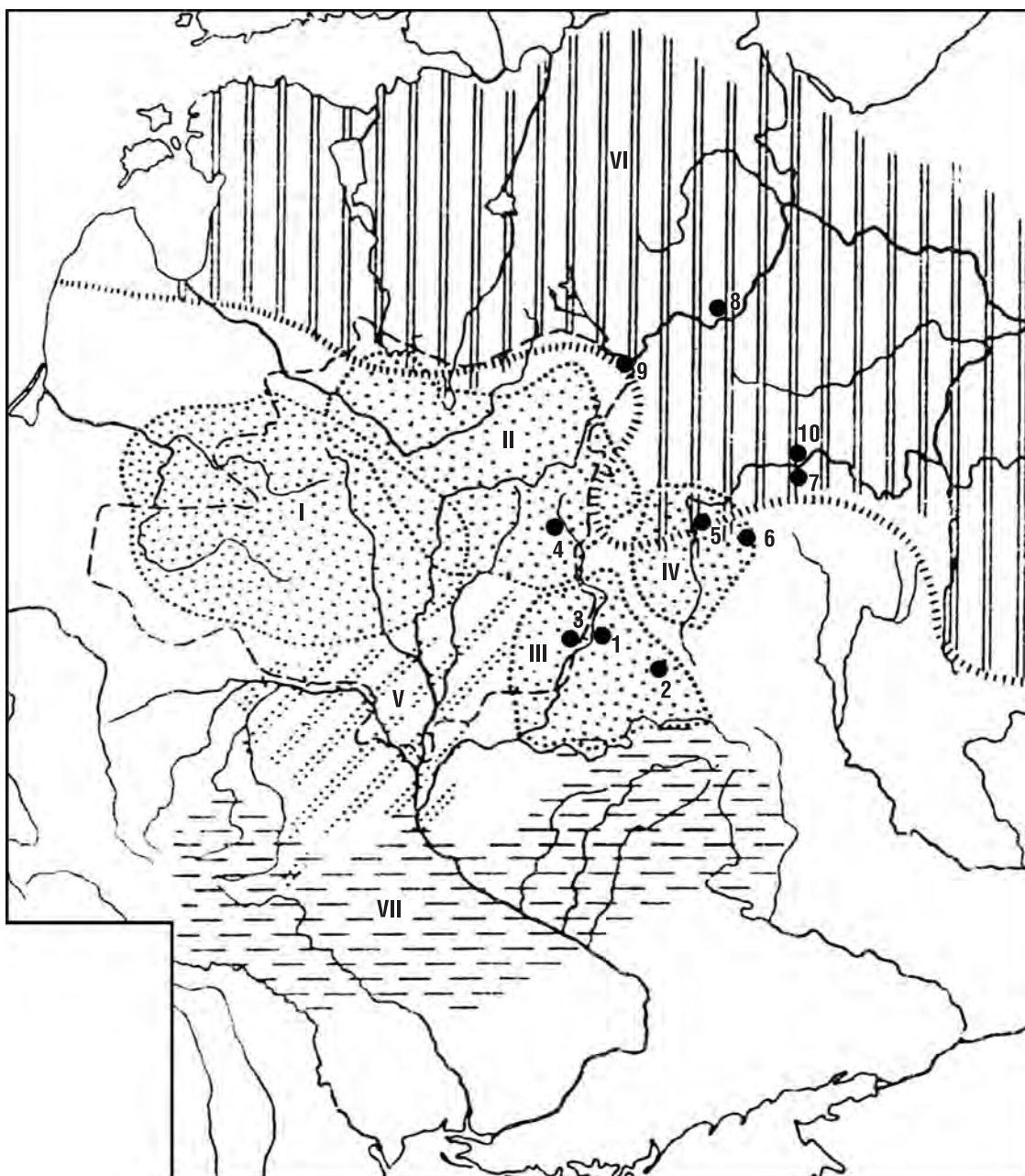

Рис. 1. Центр европейской части России в раннем железном веке (по В.В. Седову).

Культуры: I – штрихованной керамики; II – днепро-двинская; III – юхновская; IV – верхнеокская; V – милоградская; VI – сетчатой керамики; VII – скифские лесостепные.

Памятники: городища: 1 – Лбище; 2 – Моисеевское; 3 – «Макча»; 4 – Холмец; 5 – Вороново; 6 – Сатинка; 7 – Старшее Каширское; 8 – «Графская Гора»; 9 – Корчевское; селище: 10 – Сосновка 4

Автор раскопок городища Сатинка С.А. Изюмова выделила два хронологических периода существования памятника на основании анализа бронзовых вещей: VI – нач. V в. до н.э. и V–III вв. до н.э. [9, с. 128]. Наши псалии относятся к первому из указанных периодов и вряд ли выходят за рамки 1-й пол. VI в. до н.э. Об этом свидетельствуют и находки стрел «скифского типа» на памятнике. Они представлены пятью экземплярами, три из которых относятся к первому периоду существования городища. Это один двухлопастной наконечник с выступающей втулкой, овальной формы пером и шипом на втулке и два трёхлопастных с выступающей втулкой и шипом на ней. На наш взгляд, двухлопастной наконечник позволяет несколько опустить нижнюю дату первого периода: до рубежа VII–VI вв. до н.э.

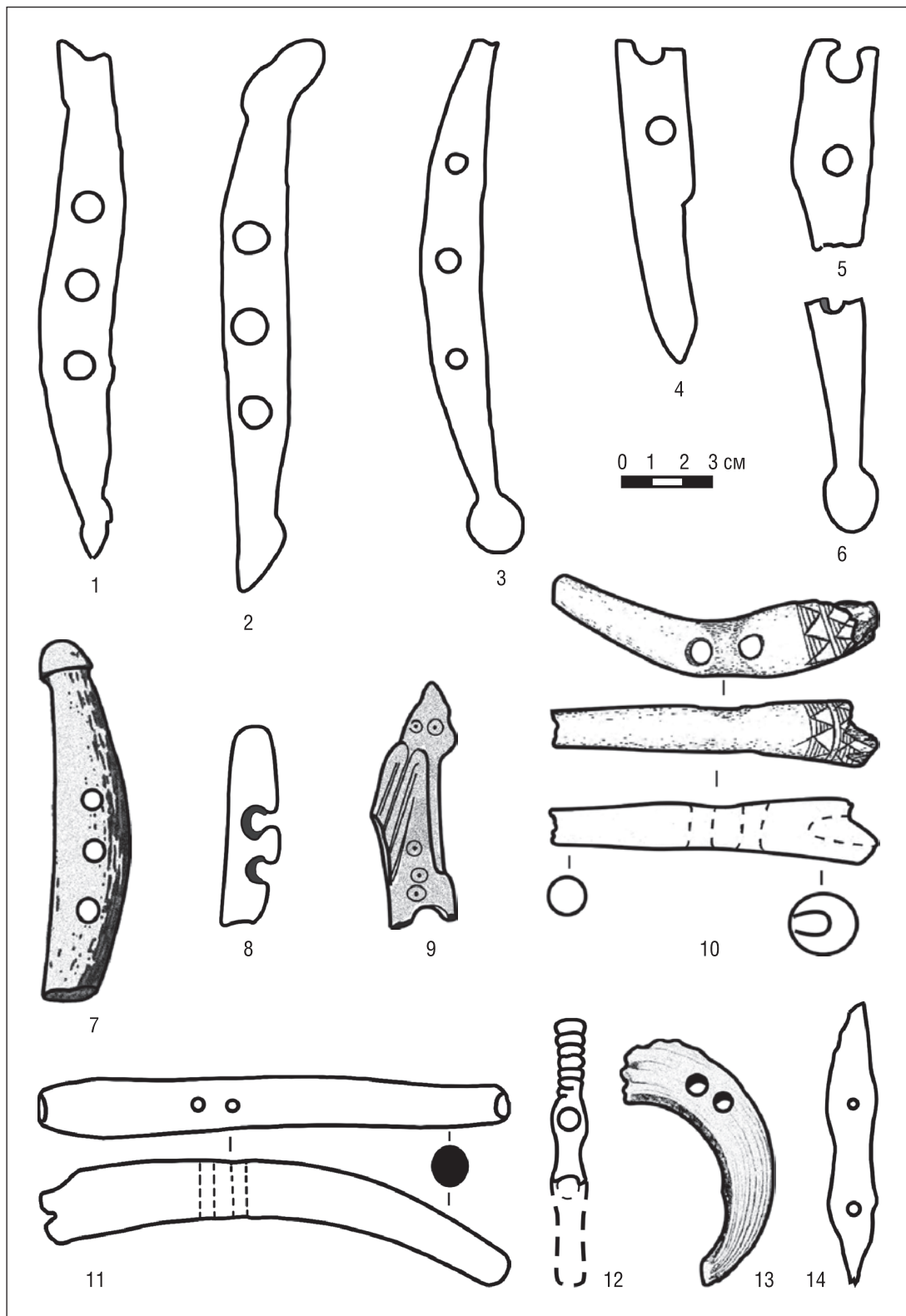

Рис. 2. Псалии I (1–9) и II (10–14) типов.

1–6 – Сатинка; 7 – Ош-Пандо; 8 – Холмец; 9 – Вороново; 10 – Сосновка 4; 11 – Калужский областной краеведческий музей; 12 – Старшее Каширское городище; 13 – «Макча»; 14 – Моисеевское городище

Псалий с городища Вороново [10, с. 77, рис. 28:4] (рис. 2:9) представлен фрагментом, по которому определить его форму можно лишь предположительно, тем не менее, судя по всему, он также являлся костяным трёхдырчатым. Т.Н. Никольская усматривала аналогичные ему по форме костяные псалии в скифских курганах Поднепровья и курганах № 3 и № 4 Посулья, где подобные образцы датировались VI в. до н.э. [10, с. 77]. Псалии с подобным орнаментом встречены также в Левобережной Днепровской лесостепи, это – изделия из курганов № 2 и № 467 у с. Аксютинцы [6, табл. XIII]. Кроме псалия на городище был найден втульчатый ромбический наконечник копья, аналоги которого известны в скифских древностях VI в. до н.э. [10, с. 78]. Псалий с городища Холмец [11, с. 165, табл. 7] также представлен фрагментом (рис. 2:8). Псалий из Ош-Пандо [12, табл. 13:4] (рис. 2:7) аналогичен одному из псалиев Сатинского городища.

С городища Кудеяров Бугор происходит роговой трёхдырчатый псалий [13, с. 140]. Роговые псалии с тремя отверстиями широко представлены в древностях Евразии. Появление этого типа псалиев относится к завершающей поре бронзового века, когда он был распространён на обширной территории от Венгерской равнины до Алтая [14, с. 66]. На Алтае они встречены в памятниках карасукской культуры, например на поселении Ирмень I на Верхней Оби [15]. Эти псалии доживают до архаической поры скифского времени. Роговые и костяные трёхдырчатые псалии находят на памятниках кобанской культуры: в Кобанском могильнике [16, табл. LXIV], в Зандакском могильнике [17], погребении 5 Горно-Джуджого могильника, погребении 24 Берёзовского могильника [18, с. 105]. Костяные псалии роговидной формы с тремя отверстиями встречены в кургане № 2 второй группы у с. Константиновка [19]. Подобные находки есть на памятниках типа Сахарна-Солончены в Молдавии (могильник II Гура-Гульбока) [20, с. 311, табл. 6:40], памятниках раннего железного века Казахстана и Приаралья, например в кургане 47 могильника Уйгарак [21, табл. XV, XXVI], курганах 45 и 47 могильника Южный Тагискен [22, с. 126, рис. 30:1, 5, с. 129, рис. 33:8].

Нижний горизонт культурного слоя городища Кудеяров Бугор, из которого происходит псалий, был датирован В.А. Падиным VI в. до н.э. по находке как самого псалия, так и, что очень важно, булавке с конической головкой, известной в скифских древностях VII–VI вв. до н.э. [13, с. 148].

Тип II. Псалии с двумя элементами крепления, которые также бывают как костяными, так и роговыми. Это находки с городищ «Макча», Старшее Каширское, Моисеевское, с селища Сосновка 4 в Московской области, а также псалий из Калужского областного краеведческого музея (КОКМ. КП 13591), место находки которого не известно. Псалии с двумя элементами крепления были распространены на памятниках скифского времени начиная с кон. VI в. до н.э., когда происходит изменения в конструкции узды.

Псалий с городища «Макча» [23, с. 50, рис. 1:12] (рис. 2:13), псалий из Калужского областного краеведческого музея (рис. 2:11) и псалий с селища Сосновка 4 (рис. 2:10) – роговые. Такие псалии находят аналоги в древностях Евразии скифо-сарматского мира, где они появляются, судя по всему, в VI в. до н.э. Роговидные двудырчатые псалии встречаются на территории Кавказа: в погребении № 5 Хабардинского могильника в Дагестане [24], которое О.М. Давудов датирует V в. до н.э., у Кольцо-горы в Кисловодске [18, с. 108]. V–III вв. до н.э. датирует погребение в кургане 4 могильника Терновое I В.И. Гуляев [25, с. 96, рис. 8], в составе инвентаря которого встречены роговые двудырчатые псалии. К сер. I тыс. до н.э. относит А.Н. Москаленко двудырчатый роговой псалий, найденный на Архангельском городище [26]. В кургане № 1 Краснознаменского могильника найдены двудырчатые псалии роговидной формы, сделанные из клыков кабана [27, табл. 47, 100]. Роговой псалий из Калужского областного краеведческого музея имеет на одном конце завершение в виде стилизованного изображения животного, возможно головы рыбы либо змеи. Подобные псалии, оканчивающиеся зооморфным изображением, встречены среди савроматских древностей – находка у с. Абрамовка Оренбургской области [28]. Роговой двудырчатый псалий с зооморфным окончанием найден в упоминавшемся выше кургане 4 могильника Терновое I. Подобный псалий встречен на поселении у села Ближние Елбаны большеереченской культуры на Верхней Оби [15]. На территории кобанской культуры роговой двудырчатый псалий с зооморфным завершением найден на даче Кривошеина [18, с. 108].

Псалии со Старшего Каширского [4, с. 49, рис. 1:2] (рис. 2:12) и с Моисеевского [29, рис. 19:19] (рис. 2:14) городищ – костяные двудырчатые. Костяной двудырчатый псалий найден в кургане № 3 группы Алебастровая гора, относящемся к савроматским древностям V–IV вв. до н.э. [28]. Также подобные псалии встречаются на памятниках Среднего Подонья и Днепровской Левобережной лесостепи (Колбино, курган 8, Горки, курган 13, курган 1 у с. Аксютинцы, курган 2 у с. Волковцы и ряде других). Все эти находки датируются О.Д. Могиловым среднескифским и позднескифским временем (сер. – 3-я четв. I тыс. до н.э.) [30, с. 32]. Костяные двудырчатые псалии встречены и на памятниках ананьинской культуры: на Аргыжском городище [31, с. 62, табл. XII], поселении Курган [32, с. 233, рис. 82:8].

Датировка псалия со Старшего Каширского городища хорошо соотносится со временем его бытования, установленным В.А. Городцовым и подтверждённым другими исследователями в рамках VII/VI–IV вв. до н.э. [3, с. 243]. Сказать что-либо о сопутствующих псалию хроноиндикаторах, к сожалению, нельзя. Но сама находка относится к слою 4 участка II траншеи II, т.е. к средним слоям в стратиграфии городища [33, с. 58].

Среди важных хронологических маркёров Моисеевского городища, соотносимых со временем бытования псалия, необходимо отметить скифский бронзовый трёхпёрый наконечник стрелы с втулкой, характерный для V в. до н.э. [29, рис. 19:1]; железный эсобразно изогнутой формы псалий, аналогичный псалиям из курганов Кубани и Поволжья, в последнем случае характерным для V–IV вв. до н.э. [29, рис. 19:20]; булавку с двумя головками, близкие аналоги которой, но с одной головкой, известны в скифских древностях VI в. до н.э. [29, рис. 20:1], плоскую бронзовую пуговицу, подобные которой происходят из комплексов Северно-

го Кавказа руб. VII–VI вв. до н.э. [29, с. 125–127]. Таким образом, датировка псалия может быть установлена в рамках руб. VII/VI–IV в. до н.э.

Тип III. Псалии типа «Графская Гора» – по названию памятника, на котором был найден один из предметов. Эти псалии, изготовленные из рога, в середине имеют два перпендикулярных друг другу отверстия. Они происходят с городищ «Графская Гора» [1, с. 183, рис. 1] (рис. 3:1) и Корчевское [2, с. 137, рис. 1:1] (рис. 3:2). Эти псалии, – вероятно, местного происхождения, хотя их идея и принцип использования испытали южное влияние. Точные аналоги этого типа псалиев найти не удалось, судя по всему, это местная форма, в связи с чем стоит отметить близкое взаиморасположение указанных городищ (Тверская область). По конструктивным особенностям этот тип псалия близок к роговым и костяным подобным изделиям, встречающимся в конце бронзового века в Волго-Уральских степях и на территории Средней Европы.

Псалий с городища «Графская Гора» по комплексу находок (грибовидных рукояток ножей, однокрылой стрелы) был описан К.А. Смирновым к периоду VII–VI вв. до н.э. [1, с. 182–183], которым, по его мнению, следует датировать и псалий с Корчевского городища, ввиду того, что вещи этого времени в коллекции с памятника присутствуют [2, с. 139].

Тип IV. Однодырчатые костяные псалии. Это находки с городища Лбище (рис. 3:5) и Юхновского городища [13, с. 144, рис. 8:2, с. 145]. Подобные псалии имеют немногочисленные и лишь приблизительные аналоги на прилегающих территориях. Возможно, такой псалий представляет костяной предмет с Пекшевского городища в Среднем Поднепровье [34, с. 77, рис. 36:7]. Подобные изделия встречаются и в венгерских древностях позднего гальштата, в Польше, на Дунае и Кавказе. На основании найденных втульчатого наконечника стрелы и браслета латенского стиля нижний горизонт городища Лбище, из которого происходит псалий, датируется В.А. Падиным IV–III вв. до н.э. [13, с. 148]. Этим же периодом по бронзовым втульчатым трёхгранным наконечникам стрел и жёлтой с синими глазками бусине датируется слой Юхновского городища, из которого происходит псалий [35, с. 127–128].

Тип V. Псалий типа «Старшее Каширское городище». Представлен на таких памятниках, как Старшее Каширское городище [3, с. 242] (рис. 3:3) и городище Лбище [13, с. 144, рис. 8:1] (рис. 3:4). Первый из них – костяной, второй – роговой. Псалий со Старшего Каширского городища заострён на одном конце, второй конец обрезан и имеет канал на две трети длины. Посередине псалия – два перпендикулярных отверстия, четырёхугольное и круглое, ещё одно круглое отверстие – ближе к краю. Второй псалий, роговой, тоже в центре имеет два перпендикулярных отверстия и ещё одно отверстие, как и на предыдущем, ближе к краю. Такая форма псалиев также восходит ко времени поздней бронзы и является примитивной. По способу крепления этот псалий аналогичен псалиям типов III и IV, выделенных К.Ф. Смирновым для периода поздней бронзы Поволжско-Уральских степей, псалиям типа Борьяш Средней Европы [14, с. 64], а также относящимся ко времени поздней бронзы находкам с городища Воинская Гребля на р. Сула и из урочища Скельки в Нижнем Поднепровье [36, с. 93, рис. 7:3–4]. Эти псалии относятся к самому концу эпохи бронзы, к самому началу гальштата [14, с. 64]. Встречаются подобные псалии и на других территориях. Роговые псалии с перпендикулярно расположенными отверстиями встречены на памятниках кобанской культуры: в слое X–VII вв. до н.э. Сержень-Юртовского поселения, на Змейском поселении [37, с. 28].

Датировка псалия со Старшего Каширского городища, по мнению К.А. Смирнова, должна быть определена самым ранним периодом существования городища – VII–VI вв. до н.э. [3, с. 243], что вполне согласуется с его стратиграфическим положением в нижнем слое 5 участка 10 траншеи I [33, с. 53]. Датировка нижнего горизонта городища Лбище, из которого происходит псалий, как было указано выше, определяется IV–III вв. до н.э.

Таким образом, на основе анализа сопутствующих псалиям находок, имеющих хорошую хронологическую привязку, рассмотренные нами предметы конского снаряжения можно датировать, с оговорками, в пределах 2-й–3-й четвертей I тыс. до н.э. (рубеж VII/VI – III в. до н.э.).

Если исходить из логики появления и развития того или иного типа псалий во времени на широких пространствах Евразии начиная с периода поздней бронзы и на протяжении всего раннего железного века, то в хронологическом отношении наиболее ранними следует считать псалии III, IV, V типов, которые по своим конструктивным особенностям являются наиболее примитивными и восходят ещё к эпохе бронзы. Далее следуют псалии I типа. Роговые трёхдырчатые псалии в древностях Евразии имеют весьма широкий хронологический разброс, появляясь ещё в конце эпохи бронзы и доживая до раннего скифского периода. Трёхдырчатые костяные псалии с зооморфным окончанием встречаются в памятниках скифского времени в сер. VII–VI в. до н.э. Псалии II типа в хронологическом отношении, скорее всего, являются наиболее поздними. В древностях Евразии скифо-сарматского времени псалии с двумя элементами крепления начинают распространяться со 2-й пол. VI в. до н.э., когда происходят кардинальные изменения в конструкции уздечного оголовья.

Но, исходя из реалий появления, развития и применения этих типов псалиев на территории культур лесной зоны европейской части России, с учётом хронологических маркёров, определяющих их дату, следует выстроить следующую хронологическую систему: самыми ранними нужно считать псалии типов I, III и V, период бытования которых в лесной зоне определяется VII–VI вв. до н.э.; у псалиев V типа, возможно, он был более длительным – вплоть до IV в. до н.э. Причём стоит отметить, что псалии I типа являются прямым подражанием формам, бытующим у южных соседей в указанное время, а псалии III и V типов, скорее всего, имеют местное происхождение, хотя их идея и принцип использования испытали южное влияние; следующие по времени – псалии II типа, период бытования которых можно определить

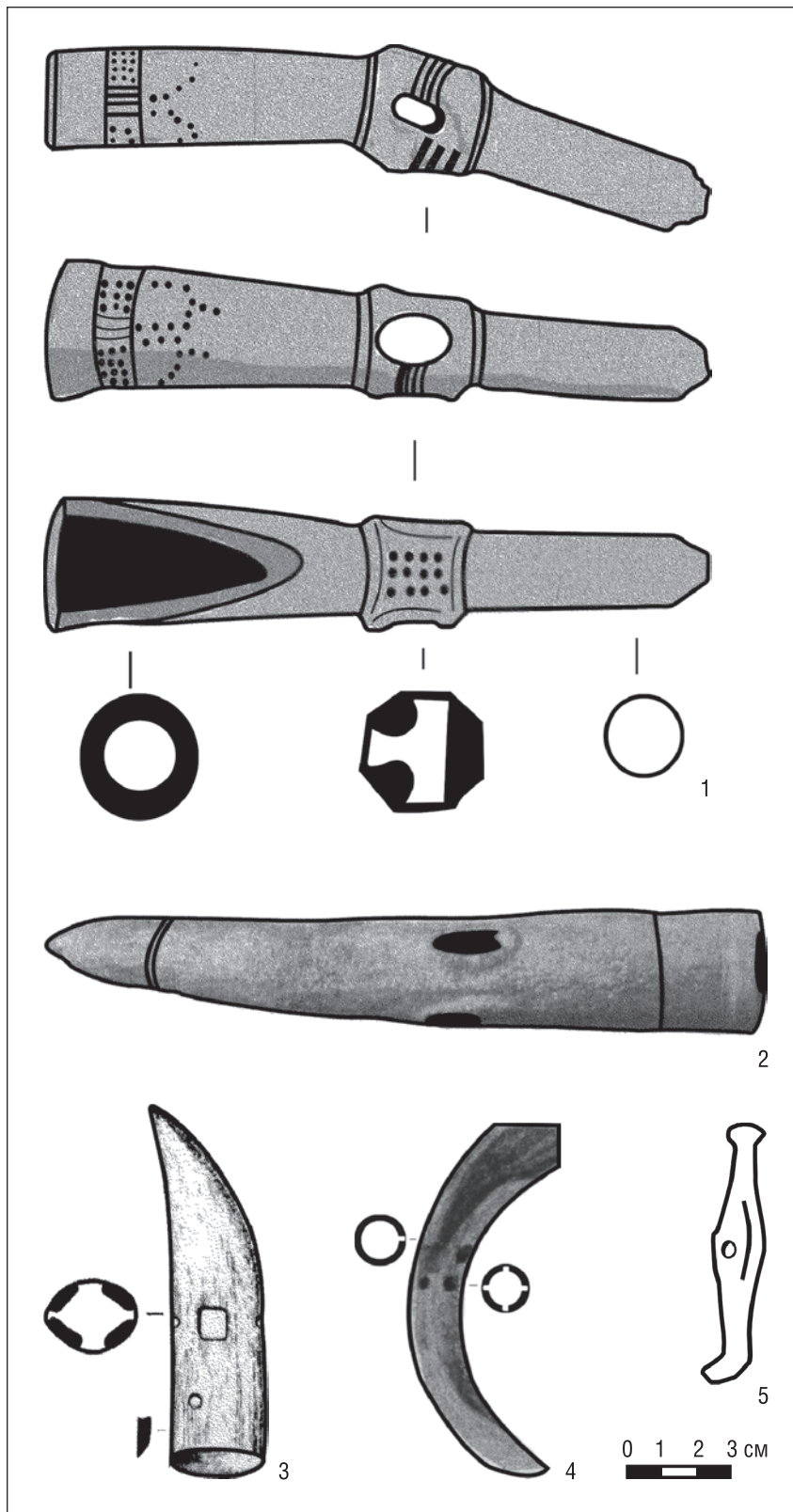

Рис. 3. Псалии III (1, 2), IV (5) и V (3, 4) типов.
 Городища: 1 – «Графская Гора»; 2 – Корчевское; 3 – Старшее Каширское; 4, 5 – Лбище

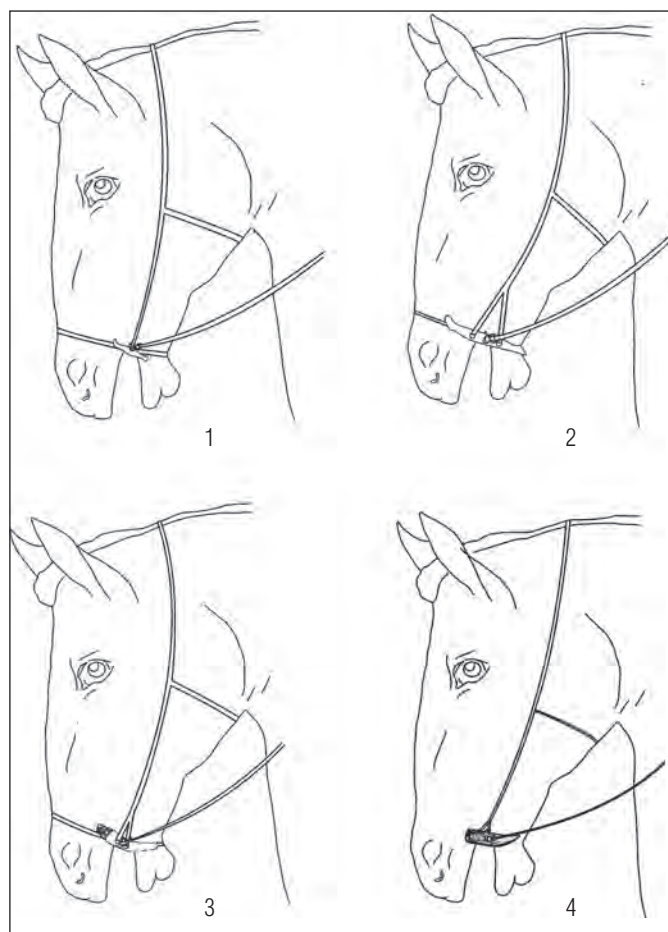

Рис. 4. Вариант реконструкции конского оголовья у племён лесной зоны восточноевропейской части России в раннем железном веке

(I тыс. до н.э.) с псалиями:

1 – IV типа (Лбище);

2 – I типа (Сатинка);

3 – II типа (Сосновка);

4 – V типа (Старшее Каширское городище)

в границах VI–III вв. до н.э.; самым поздним следует считать IV тип: находки псалиев этого типа относятся к слоям IV–III вв. до н.э.

Такая отчасти асинхронность двух систем является подтверждением того, что выделенные типы псалиев имеют разную природу происхождения – одни являются прямым заимствованием, а может, даже и импортными вещами (типы I, IV), другие – в большей степени продуктом местных культурных традиций в развитии конструкции уздечного оголовья (типы II, III, V). Если в степных пространствах Евразии эволюция конструкции конской упряжи определялась многовековым опытом управления лошадью, то в лесной зоне этот процесс в большей степени подчинялся культурному влиянию более развитых в искусстве управления лошадью степных соседей, что приводит к сосуществованию как архаичных, так и более развитых типов псалиев.

Переходя к вопросу практического применения этих типов псалиев в конской упряжи (рис. 4), необходимо отметить, что вышеописанные псалии у племён юхновской и днепро-двинской культур, скорее всего, могли использоваться либо с мягкими удилами, либо с жёсткими удилами (за исключением псалиев II типа), изготовленными из плохо сохраняющихся материалов (дерево, кость), и вряд ли с металлическими: по крайней мере на памятниках этих культур последние не найдены. Однако металлические удила встречаются на памятниках дьяковской, ананьинской, городецкой культур раннего железного века. Не будем останавливаться на этих находках подробно, так как они рассмотрены в статье К.А. Смирнова [4]. Отметим лишь, что они представляют собой железные и бронзовые предметы, распространённые на памятниках скифского времени в VII–III вв. до н.э. (стремявидные, двукольчатые, петельчатые удила), что лишним раз свидетельствует о заимствовании лесными-лесостепными племенами приёмов верховой езды у своих более южных соседей.

Псалии III и IV типов представляют наиболее архаичный и примитивный способ конструкции уздечного оголовья. Мягкие удила пропускались в отверстие псалия, завязывались в петлю, к которой крепился повод. Нащёчный ремень в данном случае не делился, крепился в псалиях IV типа, судя по всему, либо непосредственно к удилам, либо привязывался к самому псалию (рис. 4:1). В случае с псалиями III типа он пропускаться через отверстие, перпендикулярное тому, в которое пропускались концы мягких удил. Псалии I и V типов представляют, на наш взгляд, следующую группу конского оголовья. Здесь нащёчный ремень уже разделялся. Концы мягких удил, так же как и в предыдущем случае, пропускались через центральное

отверстие, и к ним привязывался повод (рис. 4:2, 4). Конструктивные особенности псалиев V типа, так же как и III типа, заключаются в перпендикулярном расположении отверстий. Отличие состоит в наличии у псалиев V типа двух, а не одного, отверстия для нащёчного ремня, что свидетельствует о его раздвоении (рис. 4:4). Отверстие, перпендикулярное тому, в которое пропускался конец удила, служило для закрепления одного из концов раздваивающегося нащёчного ремня. Второе отверстие, находившееся в одной плоскости с предыдущим, служило, судя по всему, для закрепления второго конца нащёчного ремня. У псалиев I типа концы нащёчного ремня привязывались к крайним отверстиям (рис. 4:2). В конской узде скифо-сибирских племён применялся «троящийся» нащёчный ремень, однако там использовали жёсткие металлические удила. В нашем же случае, вероятно, использовалась более примитивная схема. Псалии I, III, IV и V типов могли также использоваться с жёсткими удилами, изготовленными из дерева или кости. Схема в этом случае остаётся такой же. В Европе применение жёстких деревянных и костяных удил с роговыми и костяными псалиями отмечено ещё на памятниках поздней бронзы [38, с. 194–195, рис. 93:2–3].

Не совсем понятна схема оголовья с псалиями II типа. У скифо-сибирских племён эти псалии вставлялись во внешнее окончание металлических удил, а нащёчный ремень раздваивался, и концы его крепились к элементам псалия. В нашем случае металлических удил не было, следовательно, можно предположить, что мягкие удила просто привязывались к псалиям между отверстиями, а концы раздвоенного нащёчного ремня крепились к отверстиям псалия, либо мягкие удила пропускались через оба отверстия, образующая петлю, к которой крепился повод, нащёчный же ремень также раздваивался и крепился к отверстиям (рис. 4:3).

Рассмотренные костяные и роговые псалии с памятников лесных-лесостепных племён Восточной Европы свидетельствуют о том, что эти племена были знакомы с верховой ездой в раннем железном веке (VII–III вв. до н.э.), приёмы которой, в большей степени, были заимствованы ими у южных, гораздо более продвинутых в этом плане, соседей. Это подтверждается и отдельными находками металлических частей конского снаряжения на памятниках этих племён, которые, однако, исчисляются единицами. Основным же материалом для изготовления предметов конского снаряжения были кость и рог, гораздо более доступные для этого населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов К.А. Роговой псалий с городища «Графская Гора» // СА. 1972. № 2.
2. Смирнов К.А. Находки с Корчевского городища из раскопок Ю.Г. Гендуне // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
3. Смирнов К.А. Костяной псалий со Старшего Каширского городища // СА. 1988. № 2.
4. Смирнов К.А. Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур // РА. 1998. № 3.
5. Модин Р.Н., Столяров Е.В. Костяные псалии с Сатинского городища // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследования – приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума 8–9 апреля 2009 г. Калуга, 2009.
6. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
7. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.
8. Дашевская О.А. Симферопольское поселение Кизил-Кобинской культуры // КСИИМК. Вып. XXXIX. 1951.
9. Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1.
10. Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961–1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып. 102. 1964.
11. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепро-Двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М., 1992.
12. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. (САИ. Д1–14)
13. Падин В.А. Юхновские поселения Средней Десны // СА. 1966. № 2.
14. Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1.
15. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая речка // МИА. № 48. 1956.
16. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 8. 1900.
17. Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су (Северо-Восточный Кавказ). М., 2002.
18. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. Т. 4. М., 1995. (САИ. Вып. В2–5)
19. Либеров П.Д. Курганы у села Константиновки // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951.
20. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР)
21. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.
22. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
23. Левенок В.П. Городища юхновской культуры // КСИА АН УССР. Вып. 7. 1957.
24. Давудов О.М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X–IV вв. до н.э.). Махачкала, 1968.
25. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. 1995. № 4.
26. Москаленко А.Н. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952–1953 гг. // Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954.
27. Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо, 2006.
28. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.; Л., 1961. (МИА. № 101)
29. Алихова А.Е. Древние городища курского Посеймья // МИА. № 113. 1962.
30. Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лесостепу східної Європи. Київ, 2008.
31. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.; Л., 1952. (МИА. № 30)

32. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
33. Городцов В.А. Старшее Каширское городище // Известия ГАИМК. Вып. 85. М.; Л., 1933.
34. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.
35. Трубникова Н.В. К вопросу о Юхновском городище // Труды ГИМ. Вып. VIII. М., 1938.
36. Ильинская В.А. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры // СА. 1963. № 2.
37. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант). М., 1982. (САИ. Вып. В2–5)
38. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.

*Институт археологии РАН,
Москва*

*Калужский государственный университет,
Калуга*

R.N. Modin, E.V. Stolyarov

**THE PIECES OF HARNESS FROM THE EARLY IRON AGE SETTLEMENTS
OF THE FOREST ZONE OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA
(on the Materials of the Dyakovo, the Dnieper-Dvina Rivers, the Upper Oka River and Yuhново Cultures)**

Summary

The finds of pieces of harness in the settlements of the Early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe are rather rare, the main category of them being represented by cheek-pieces (psalia) that were made, as a rule, of bone and horn, and to a lesser extent of metal. On the basis of the find, coming from the territory of the Dyakovo, Dnieper-Dvina Rivers, Upper Oka River and Yuhново cultures, 5 types of cheek-pieces are singled out depending on the way of a headpiece design. Chronologically they can be dated, with known reservations, to the 2nd– the 3rd quarter of I millennium BC (the turn from VII/ VI to III century BC).

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Science,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036, Russia*

E-mail: modin.roman@mail.ru

*Kaluga State University,
83, Lenina St.,
Kaluga, 248000, Russia*

E-mail: stolarov_e@mail.ru

Е.В. Столяров

УКРАШЕНИЯ ПОДГОРЦЕВСКОГО СТИЛЯ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ (АЖУРНЫЕ НАВЕРШИЯ БУЛАВОК)

Булавки с ажурными навершиями, относящиеся к украшениям подгорцевского стиля, а в основном сами навершия, являются нередкой находкой в слоях поселений раннего железного века не только в бассейне Верхней Оки, но и на сопредельных территориях.

Долгое время период бытования таких украшений раздвигали на целое тысячелетие: 2-я пол. I тыс. до н.э. – 1-я пол. I тыс. н.э. [1, с. 140–141; 2, с. 96; 3, с. 225]. Неясность в данном вопросе и ряд других спорных моментов вылились с течением времени в сомнения исследователей в столь долгом периоде бытования подобного рода изделий. Так, С.Е. Рассадин обратил внимание на стратиграфические особенности залегания наверший и сопутствующий им комплекс артефактов, считая, что все хорошо продатированные находки относятся всецело к раннему железному веку [4, с. 110–111]. Г.А. Массалитина, описавшая ажурное навершие, обнаруженное близ посёлка Росва (селище 2 у д. Козлово) и составившая первую сводку находок аналогичных вещей в Верхнем Поочье, отмечала, что «допустить вероятность столь долгого существования типа изделий, изготовлявшихся в очень специфическом стиле, без изменений во времени, невозможно» [5, с. 15]. Кроме того, с уточнением хронологии римского периода в Верхнем Поочье и на Окско-Донском водоразделе (мощинская культура) [6–9], в материалах которых ажурные навершия не были отмечены, стало очевидно, что верхняя граница бытования подгорцевского литья, видимо, не выходит за рамки раннего железного века.

Целью данной статьи является систематизация всех известных к настоящему времени в бассейне Верхней Оки ажурных наверший булавок подгорцевского стиля и определение времени их бытования на данной территории. Хронологические рамки устанавливаются на основании всего комплекса сопутствующих находок, а также аналогичных изделий из хорошо датированных комплексов синхронных культур лесной и лесостепной зон европейской части России.

Первые образцы ажурных подгорцевских бронз попали в научный оборот в начале XX века благодаря публикациям В.Н. Даниленко и Е.А. Петровской. Первый интерпретировал клад 1915 г. из Подгорцев как инвентарь женского погребения и датировал его периодом раннего железа, а Е.А. Петровская предложила рассматривать Киевщину, где в наибольшем количестве концентрировались находки изделий подобного стиля, в качестве палеоэтнографической области скифской эпохи [4, с. 110].

В обобщающей работе по булавкам восточных балтов В.В. Седов, напротив, связал булавки с ажурным навершием с восточно-балтским союзом племён, ввиду того, что основная часть находок таких украшений приходится на крайние восточные районы распространения древней балтской гидронимии, а в бассейне Верхней Оки, в частности, найдено свыше десятка булавок с ажурным навершием [1, с. 140]. Но в то же время В.В. Седов отмечал, что такие изделия характерны не для всех восточных балтов, и скорее всего, со временем, «окажутся украшениями типичными для отдельной племенной группы восточной части балтоязычного населения» [1, с. 141]. Это мнение В.В. Седова поддержал П.Н. Третьяков, считавший, что прежнее название «навершия Дьякова типа» устарело. Данная точка зрения прочно закрепилась в историографии и господствует в настоящее время.

Всего с территории бассейна Верхней Оки происходят 18 экземпляров ажурных наверший (рис. 1). В их число входят как сохранившиеся до настоящего времени изделия, составляющие часть музейных коллекций (Калужский, Тульский и Московский областные краеведческие музеи), так и те, о которых сведения получены из полевых отчётов и публикаций. Первая сводка, учитывающая все известные находки ажурных наверший, преимущественно листовидной формы, была сделана В.В. Седовым [1], а позже дополнена С.Е. Рассадиным [4].

Первые образцы ажурных наверший подгорцевского стиля на территории бассейна Верхней Оки стали известны благодаря раскопкам, произведённым на площадке, по краям и у подошвы городища *Гремячево* Н.И. Булычёвым в 1898 г. [10]. Автором раскопок они были названы фибулами. Первое навершие было найдено на глубине 2-х аршин в толстой прослойке жжёной земли на северо-западном склоне городища [11, с. 20; табл. 1:9; 12], второе – на южной площадке под дёрном на глубине менее ½ аршина [11, с. 20; табл. 1:8] (рис. 2: 1–2).

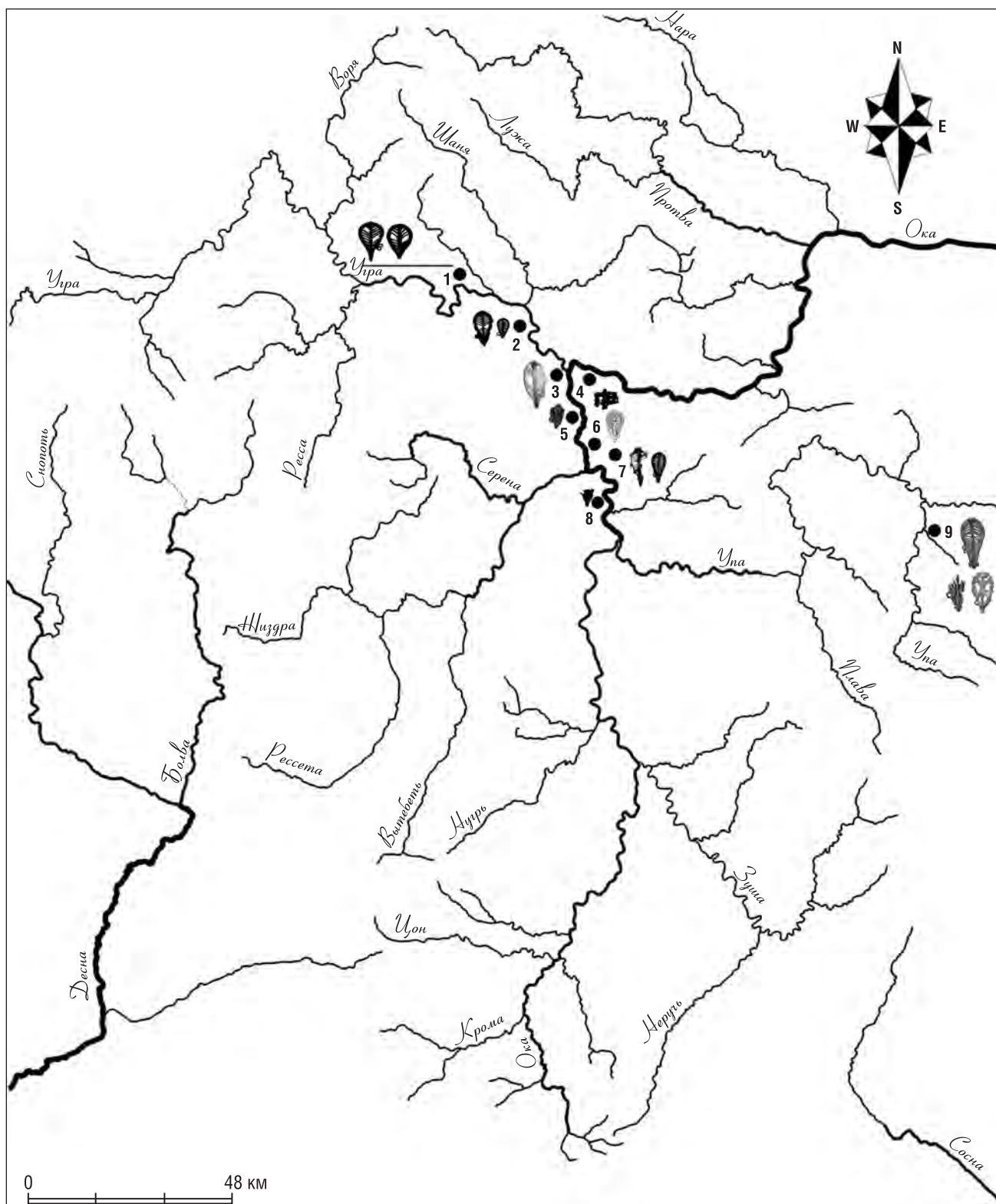

Рис. 1. Картография находок ажурных наворшений подгорцевского стиля в бассейне Верхней Оки.

1 – Николо-Ленивец (2); 2 – Свинохово (4); 3 – Козлово, селище 2 (1); 4 – Ромоданово (1); 5 – Певкин Бугор (Жолохово) (1); 6 – Вороново (1); 7 – Гремячево (2); 8 – Дуна, селище 2 (1); 9 – Сатинка (3). В скобках указано количество известных находок наворшений на памятнике

Последующие находки ажурных наверший относятся ко времени работы в данном регионе Верхнеокского отряда Славянской археологической экспедиции под руководством Т.Н. Никольской и объединённой Тульской археологической экспедиции МГУ и Тульского краеведческого музея по руководством С.А. Изюмовой.

Так, на городище *Свинухово* (работы Т.Н. Никольской 1950 г.) в раскопе № 1 были найдены три навершия булавок (1/пласт (пл.) 3, квадрат (кв.) 7а; 2/пл. 4, кв. 47а; 3/ пл. 5, кв. 36б) [13, л. 9–14] (рис. 2:9–10), четвертое, сплавившееся с обломками каких-то железных предметов и почти разрушенное, обнаружено на глубине 60 см в северной части землянки № 2 (раскоп № 2), в остатках глинобитного очага, на самом его дне (почти на материке) [13, л. 27–28]. В Калужском областном краеведческом музее (КОКМ) сохранилось только одно (рис. 2:9), находящееся в экспозиции (КОКМ. Кл. 7248).

Два подобных навершия, хранящихся в КОКМ, несколько упрощённых форм происходят с городища *Николо-Ленивец* [Кл. 11862/1–2]. Они были найдены в заполнении рва № 2 («длинный дом» раннего железного века) внутри объекта, позже названного жертвенником [14, л. 6] (рис. 2: 4–5).

Ещё одно навершие с селища *Козлово* поступило в КОКМ (Кл. 217/11) из фондов Калужской учёной архивной комиссии. Когда именно оно было найдено, неизвестно, но подъёмный материал был собран до 1922 г. (рис. 2:3).

Навершие, аналогичное найденному на городище Александрово (р. Сейм) в хорошо датированном комплексе IV–III вв. до н.э., было обнаружено Т.Н. Никольской в нижнем (раннем) культурном слое городища *Вороново* [15, л. 2] (рис. 2:16). Где находится коллекция в настоящее время, неизвестно.

Два целых навершия и один фрагмент были найдены на городище *Сатинка* (рис. 2:6–8). Одно – в ходе работ С.А. Изюмовой 1961 г. в раскопе № 3, видимо, в заполнении постройки [16, л. 2], второе – в раскопе № 7 1963 г. [17, л. 4]. По целому комплексу находок, особенно из бронзы (хранятся в Тульском областном краеведческом музее), городище было датировано автором работ VI–III вв. до н.э. [18, с. 122].

Два фрагмента нижних частей наверший происходят с селища *2 Дуна* (подъёмный материал собран в 1995 г. и хранится в КОКМ – НВ 6743/35) и поселения *Певкин Бугор (Жолохово)* (рис. 2:14, 15). Второй был найден в ходе раскопок К.Я. Виноградова 1936 г. [3, с. 225, рис. 1:2]. Депортированная коллекция хранилась в Московском областном краеведческом музее.

Достаточно редкое ажурное прямоугольное навершие (Фонды КОКМ. Арх. 2777. КП 12363), интерпретированное Т.Н. Никольской как «часть фибулы, орнаментированной волютами из тонкой бронзовой проволочки», близкие аналоги которой автор нашла на некоторых городищах р. Москвы и Верхней Волги [15, л. 29], известно с городища *Ромоданово* (рис. 2:11).

К разряду случайных находок относятся два экземпляра, предположительно происходящих из Суворовского района Тульской области. Они представлены целым листовидным навершием сильно упрощённой формы и одним фрагментом – верхняя часть – навершия (рис. 2:12, 13).

По картографированию находок видно, что практически все образцы, за исключением экземпляров с городища *Сатинка*, которые стоят особняком, происходят с городищ правого и левого берега р. Оки и её притока р. Угры в границах Калужской области (рис. 1). Безусловно, такая картина распределения находок отражает, по-видимому, не столько исторические реалии, сколько степень археологической изученности региона.

Типологически среди биметаллического подгорцевского ажурного литья выделяются навершия 4-х типов: круглые, прямоугольные, сложноажурные и листовидные. Все верхнеокские изделия, за исключением наверший прямоугольной формы с городища *Ромоданово*, представлены листовидными формами, выполненными в разных вариантах.

Как правило, ажурные листовидные навершия имеют овальную (рис. 2:3, 7) или каплевидную (рис. 2: 1–2, 4–6, 9–10, 16) формы, сближающие их с формой листа, по которой они и получили своё название. Внутреннее поле овала представляет собой ажурный узор разной степени сложности из тонких стерженьков (рис. 2: 2, 6); тонких сдвоенных стерженьков (рис. 2: 1, 3–6, 10); тонких перевитых стерженьков (рис. 2: 9) и их комбинаций (рис. 2: 3), расходящихся веерообразно от долевого стержня. У экземпляров 2–5, 10, 16 (рис. 2) все лучи расходятся симметрично в обе стороны вверх, у наверший 1, 9 (рис. 2) нижняя половина на лучей расходится асимметрично вниз или наоборот – как у предмета 9 (рис. 2). Внешний контур навершия может иметь характер простой пластины (рис. 2: 3, 13) или пластины, имитирующей несколько спаянных стерженьков (рис. 2: 1–2, 6, 12), иногда в сочетании с витым жгутом (рис. 2: 4–5, 10) или даже витой косичкой, обрамлённой с двух сторон стерженьками, с добавлением «напайки» из мелких шариков с внешней стороны (рис. 2: 9). Иногда в качестве подобного украшения внешнего контура могли использовать и S-видные завитки (рис. 2: 1). В нижней части наверший с одной из сторон находится одна (рис. 2: 7–10, 12, 15) или две (рис. 2: 2–4, 6, 16) петли. Само навершие наварено на стержень булавки, который, как правило, обломан у самого основания головки практически у всех известных экземпляров, хотя был допустим и комбинированный характер: железный стержень мог вставляться в полый канал, приваренный к долевым осевым навершиям (рис. 3:5).

Одна полностью сохранившаяся булавка была найдена на Пекшевском городище на полу постройки № 3, с датировкой среднего слоя – VI(V)–III вв. до н.э. [19, с. 32, рис. 9:3], а на городище *Лукесы* – стержень с сохранившимся основанием головки [20, табл. 11:5]. Ещё два целых навершия происходят из грабительских раскопок на территории Курской (у д. Горналь) и Смоленской областей. По этим четырём экземплярам можно получить представление об общем характере и длине подобных изделий с учётом, разумеется,

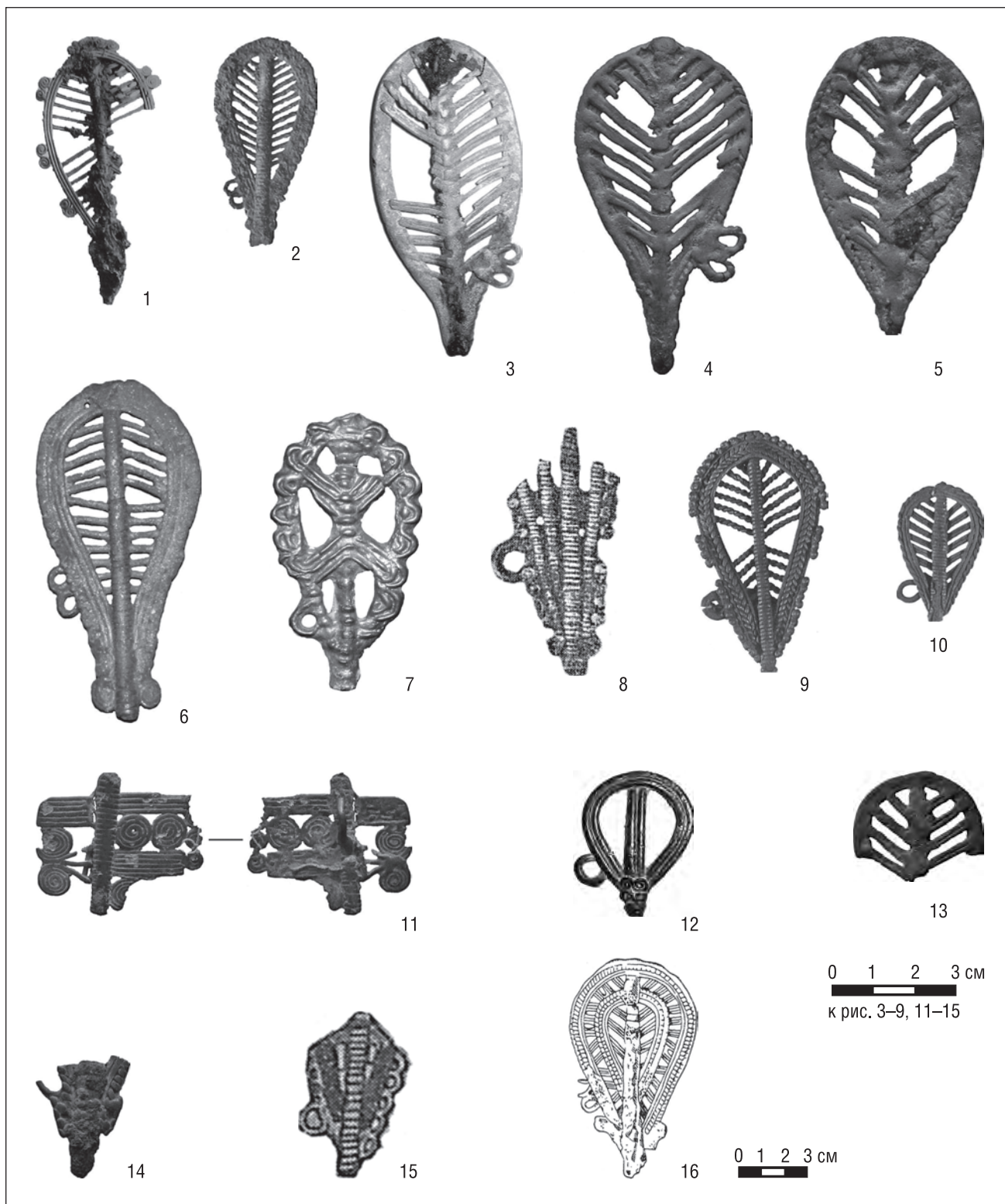

Рис. 2. Ажурные (листовидные и прямоугольные) напершия подгорцевского стиля с Верхнего Поочья.
 1–2 – Гремячево; 3 – Козлово; 4–5 – Николо-Ленивец; 6–8 – Сатинка; 9–10 – Свиухово; 11 – Ромоданово;
 12–13 – случайные находки (Суворовский район (?) Тульской области); 14 – Дуна, селище 2; 15 – Певкин Бугор (Жолохово);
 16 – Вороново. Для наперший под №№ 1–2, 10 масштаб – условный

пропорций самих находок. Размеры наверший невелики: длина большей оси не превышает 12 см, меньшей – 6 см.

Долевой стержень был выполнен, по-видимому, из железа, что видно по месту спайки навершия и стержня и утере части обкладки у одного навершия с городища Свинухово (рис. 2:10), с обкруткой его проволокой из цветного металла. Возможно, ещё и этим можно объяснить утерю стержней булавок, которые сохраняются только в долевом стержне, где цветнометаллическая обкладка играет роль консерванта.

Говоря о назначении булавок, все исследователи относили их к разряду одёжных [1, с. 140]. Так, Т.Н. Никольская считала, что они, очевидно, служили застёжками плащей [21, с. 30].

Среди верхнеокских экземпляров ажурных листовидных наверший есть такие, которые стилистически резко выделяются на общем фоне. Это, в первую очередь, относится к двум навершиям с городища Сатинка. Одно, по представлению С.А. Изюмовой, в средней части имеет рельефное изображение сильно стилизованной фигурки человека с поднятой вверх правой рукой и широко расставленными ногами. Фигурка заключена в рамку с полукруглыми выступами по краю (рис. 2:7). По крестообразному очертанию центрального изображения, окружённого шестью отверстиями-прорезями, автор раскопок сравнивала его с находкой на Новобатекском городище с оговоркой, что контур и оформление деталей совершенно другие (нижний слой В и Г Новобатекского городища, в котором было найдено навершие, датируется находками рубчатых бронзовых браслетов V–III вв. до н.э., плоских браслетов с парными коническими выступами на концах, относящихся по характеру ornamentации к VI–IV вв. до н.э., изогнутых булавок с кольцеобразными головками VI–V вв. до н.э., ажурных подвесок, отливаемых в глиняных формах, близких к подвескам из подгорцевской культуры VI–III вв. до н.э. [22, с. 174]). Изделия, аналогичные первому навершию с городища Сатинка, известны среди случайных находок с территории Воронежской и Белгородской областей (рис. 3:15–16).

Обломанная часть другого навершия с городища Сатинка (рис. 2:8) состоит из четырёх перевитых стерженьков, расходящихся от основания сверху и обрамлённых по краям S-видными завитками.

Достаточно редкое, не имеющее прямых аналогов, прямоугольное ажурное навершие происходит с городища Ромоданово (рис. 2:11). Нужно отметить, что находки прямоугольных наверший в лесной зоне Восточной Европы в целом единичны, известно лишь несколько их экземпляров.

Одно происходит с городища Демидовка [22, с. 174, табл. 11:2], другое – с городища Холмец [21, табл. 11:3] днепро-двинской культуры, третье – с Мутёнковского городища [23, с. 49–52]. Но они в своём исполнении имеют упрощённый, схематизированный вид. Ромодановское навершие ярко отличается своей ажурностью.

Основная же масса находок ажурных прямоугольных наверший происходит с территории Среднего Поднепровья.

Для ажурных наверший прямоугольного типа, в отличие от листовидных, где одна или две петли располагались в нижней части навершия, характерно наличие двух петелек на долевом стержне с обратной (нелицевой) стороны (рис. 2:11; 3:19–21).

Стилистически не менее выделяется на общем фоне находок с Верхнего Поочья навершие с городища Вороново (рис. 2:16), отличительной особенностью которого является дублированная средняя часть [24, с. 129, рис. 20:9], как у аналогичного навершия с Александровского городища и у копии, выполненной в технике литья в односторонней форме, происходящей из грабительских раскопок на территории Курской области (рис. 3:10).

Обращаясь к технике изготовления ажурных наверший [18, с. 137; 5, с. 14], можно отметить, что, по-видимому, большая их часть отлита по восковой модели, выполненной в технике «воскового вязания», – прежде чем отлить ажурные навершия из воска и провощённых нитей и шнуров, готовилась модель со сложными узорами в виде спиралей, S-видных завитков, переплетений. После приготовленная модель заливалась жидкой глиной, которая заполняла мельчайшие углубления, образовавшиеся переплетениями восковых нитей, шнуров. Глиняная форма высушивалась, и из неё при нагревании вытапливался воск, выжигались нитки, шнуры, а остатки их удалялись при промывке водой. В приготовленную таким образом форму заливался металл, а при извлечении готовых изделий из формы последняя разбивалась [18, с. 137–138]. Находка у д. Никольское Дмитровского района Орловской области (рис. 3:12) являет собой пример высокого мастерства в изготовлении подобного рода изделий. Отдельные экземпляры упрощённых форм, выполненные как подражание классическому ажурному литью, могли изготавливаться и техникой литья в односторонних формах (рис. 3:10).

Переходя к вопросу о времени бытования подобного рода артефактов, на основе анализа комплекса сопутствующих находок и аналогичных изделий из хорошо датированных комплексов можно сделать вывод о том, что ажурные навершия с Верхнего Поочья демонстрируют единство хронологии со скифским периодом (V–III вв. до н.э.), как это справедливо предположил ранее С.Е. Рассадин [4] и хорошо подтверждается верхнеокским комплексом находок.

Так, для нижнего слоя городища Свинухово это подтверждают и аналогичный происходящий из нижних слоёв других верхнеокских городищ керамический материал, изделия из кости (интересна колчанная застёжка, аналогичный образец которой был обнаружен на Аргыжском городище ананьинской культуры, где он датируется, в целом для среднекавказских памятников, V–III вв. до н.э.), а главное – браслет латенского стиля, датированный IV–III вв. до н.э. [25, с. 23].

Среди других датирующих находок, маркирующих ранний (нижний слой) городища Николо-Ленивец IV–III вв. до н.э., в котором были найдены навершия, необходимо отметить обломок браслета латенского

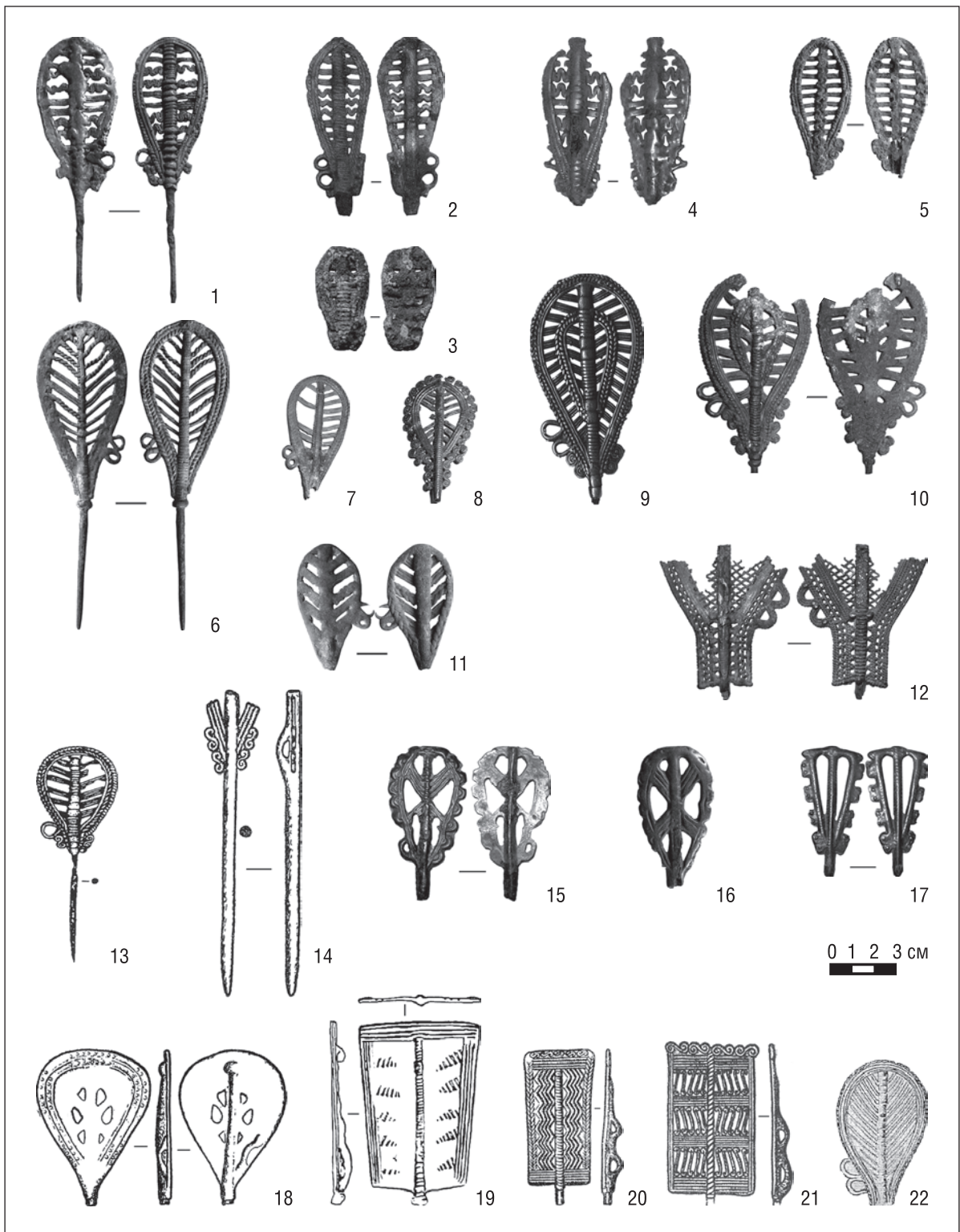

Рис. 3. Ажурные (листовидные и прямоугольные) навершия подгорцевского стиля с сопредельных территорий.
 1 – Горналь; 2–3, 5 – юго-восток Брянской области; 4 – Курская область; 6 – Темкинский район Смоленской области;
 7–8 – не известно; 9 – Александрово; 10 – Курская область; 11 – Смоленская область; 12 – д. Никольское, Дмитровский
 район Орловской области (р. Нерусса); 13 – Пекшевское городище; 14 – Лукесы; 15, 17 – Воронежская область;
 16 – Белгородская область; 18 – Новые Батеки; 19 – Мутёнковское городище; 20 – Холмец; 21 – Демидовка; 22 – Торфель

стиля, орнаментированный небольшими утолщениями, расположенными на некотором расстоянии друг от друга [26, л. 7], и маленькое бронзовое колечко с заходящими концами скифского типа [27, л. 6].

Кроме того, этим вещам сопутствовали выразительные костяные предметы (наконечники стрел, гарпунов, иглы, шилья и др.), датированные по многочисленным аналогам IV–III вв. до н.э. [28], и характерная для нижнего культурного слоя городища керамика: сероглиняные сосуды, с примесью мелкой дресвы, слабообожжённые, имеющие баночную форму, с шероховатой поверхностью, не орнаментированные, со стенками толщиной 5–7 мм.

Подобный происходящему из ранних слоёв городищ Свинухово и Николо-Ленивец керамический и костяной материал был найден Н.И. Булычёвым в нижнем слое городища Гремячево. Среди интересных костяных предметов – достаточно архаичные грибоконечные (грибовидные) рукоятки ножей, имеющие аналоги в раннедьяковских и каргопольских древностях сер. I тыс. до н.э. [29, с. 39]. К этому же времени можно отнести и другие костяные изделия из нижнего слоя городища: гарпуны и стрелы. А в совокупности с ажурными навершиями ранний слой следует датировать сер. I тыс. до н.э. – III в. до н.э.

Датировка вороновского навершия сомнений не вызывает: на основании практически идентичной находки с Александровского городища в комплексе IV–III вв. до н.э. Да и сам нижний культурный слой маркируется находками ранних втульчатого ромбического наконечника копья и обломка псаля, известных в скифских древностях VI в. до н.э. Посулья и Поднепровья, двумя грибовидными навершиями рукоятей ножей, напоминающими рукоятки с Гремячевского городища, и типичной керамикой из нижних слоёв верхнеокских поселений [30, с. 76–78].

На городище Ромоданово слой раннего железного века Т.Н. Никольской выделен не был, но наличие фрагментов слабопрофилированных керамических сосудов (КОКМ. КП 11427/1, 3, 5, 8), фрагмента пряслица (КОКМ. НВ 5246/2), орнаментированного ямочными вдавлениями, подобные которым известны в слоях раннего железного века и других поселений Верхней Оки (поселение Певкин Бугор (Жолохово) [3, рис. 1:7], селище 2 Дуна (Фонды КОКМ, б/н), городище Супруты [31]), и костяной рукоятки конической формы (КОКМ. КП 12363/11), интерпретируемой ею как навершие жезла или посоха [30, с. 79] (скорее, костяной муфты, использовавшейся для крепления каменных и, возможно, костяных долотовидных орудий труда, массовая серия которых, в частности, обнаружена на городище Горани культуры ранней штрихованной керамики [12, с. 35, рис. 24]) свидетельствует о его присутствии. Именно этим и объясняется находка здесь ажурного прямоугольного навершия (а вовсе не фибулы), которое следует датировать в верхнем пределе: не позднее III в. до н.э.

Так, слой городища Демидовка под Смоленском, в котором было найдено прямоугольное навершие и залегали костяные изделия раннедьяковских типов, а также фрагменты браслетов чернолесского облика, Е.А. Шмидт датировал сер. I тыс. до н.э. [4, с. 112].

Среди находок с Мутёнковского городища наряду с навершием указаны также грибовидные рукояти, роговой однодырчатый псаля, костяной грузик «Дьякова типа», керамические формы для изготовления серёг скифского типа и сами серёги и другие изделия, характерные для раннедьяковского времени [23, с. 49–51, рис. 1: 1–20].

Да и все происходящие из Среднего Поднепровья прямоугольные навершия, как отмечает Е.С. Рассадин, несомненно, связаны с подгорцевскими древностями VI–III вв. до н.э. [4, с. 112].

Керамический материал с селища 2 Козлово (КОКМ. НВ 4357/1, 2, 4–12; Кл. 217/2, 6) имеет прямые аналоги в керамике из слоя раннего железного века поселений Николо-Ленивец, Свинухово, Ромоданово, Вороново, Гремячево. И несмотря на то, что на нём раскопки произведены не были, можно предположить, что найденное здесь ажурное навершие связано именно с ранним слоем периода раннего железа.

В пользу отнесения фрагмента ажурного навершия с селища 2 Дуна к указанному времени свидетельствуют находки фрагментов слабопрофилированных сосудов, характерных для верхнеокских поселений раннего железного века, пряслиц, орнаментированных ямочными вдавлениями, подобно вороновским, жолоховским, супрутским, а также фрагментов «рогатых кирпичей».

Наконечники гарпунов и стрел с поселения Певкин Бугор имеют аналоги в раннедьяковских древностях. Каменное пряслице с прочерченным орнаментом, являющимся, по всей видимости, изображением солнца [3, рис. 1:7], имеет внушительную серию аналогов в нижнем слое городища Николо-Ленивец (КОКМ. КП 11972/ 35, 197, 208, 212) (аналоги керамических пряслиц с орнаментацией в виде ямок уже обозначались). Логичнее всего в связи с этим отнести ажурное навершие с Певкина Бугра именно к нижнему горизонту – раннего железного века, а не к верхнему – римского времени.

Период бытования ажурных наверший (V–III вв. до н.э.), происходящих с городища Сатинка, устанавливается по датировке целого ряда бронзовых изделий [18, с. 122]: предметов вооружения и украшений, имеющих прямые аналоги в скифских древностях и материалах ананьинской культурной общности.

Из рассмотренного материала видно, что все находки ажурных наверший связаны именно и только со слоями раннего железного века, а отнесение отдельных находок к верхним горизонтам мощинских древностей не имеет под собой никаких оснований. По совокупности хронологических маркёров V–III века до н.э. можно определить в качестве периода бытования подобного рода находок.

Что касается отнесения ажурных наверший к конкретной этнической общности, то тут можно сделать следующие предположения: безусловно, подавляющая часть находок ажурных наверший булавок листовидного типа происходит с территории Верхнеокского бассейна (15 сохранившихся экземпляров), а с учётом ряда новых находок – и с территории юхновской культуры (Брянское Подесенье, Курское Посеймье),

в то время как единичные экземпляры с прилегающих территорий – круглые, прямоугольные и сложно-ажурные навершия – отчётливо концентрируются на подгорцевской территории в Среднем Поднепровье [32, с. 113].

Возможно, именно на территории верхнеокской и юхновской культур, имеющих близкий материальный облик, на основе подгорцевских импортов из Среднего Поднепровья (Геродотов путь к исседонам – оживлённый торговый путь между Днестром и Камой) выработался этот специфический тип украшений, который пользовался особой популярностью у местного восточно-балтского населения. И именно здесь этот стиль получил своё новое (типологическое) воплощение.

Дальнейшая работа с материалом позволит, вероятно, выделить варианты наверший листовидных форм, характерные для конкретных территорий (Верхнее Поочье, Брянское Подесенье, Курское Посеймье, Поднепровье и т.д.). Хотя уже сейчас, исходя из осуществлённых исследований, видно, что для юхновских памятников характерны навершия более суженных, вытянутых форм с трёхчастным вертикальным делением поля овала, где часто в орнаменте присутствуют S-видные мотивы (рис. 3:1–5). Навершия условно листовидной формы, аналогичные находке с городища Сатинка (рис. 2:7), которые отличает некоторый «геометризм» (рис. 3:15–17), происходят с южных территорий (Воронежская, Белгородская области), а образцы несколько упрощённых форм (рис. 3:11, 18) (видимо, грубое подражание классическим образцам) известны в основном на территории Верхнего Поднепровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Седов В.В. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // Acta baltico-slavica. Bialystok, 1967.
2. Никольская Т.Н. Городище у деревни Свиныхово // КСИИМК. Вып. XLIX. 1953.
3. Розенфельдт Р.Л. Селище Певкин Бугор // СА. 1963. № 3.
4. Рассадин С.Е. Украшения подгорцевского стиля // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
5. Массалинина Г.А. Находка навершия булавы на селище близ поселка Росва // Древний Воротынский и его окрестности: Сборник статей. Калуга; Воротынский, 1995.
6. Воронцов А.М. Памятники мощинской культуры гуннского времени на территории Окско-Донского водораздела // Acta archaeologica Albaruthenica. Минск, 2008.
7. Воронцов А.М. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 2007. № 3.
8. Воронцов А.М. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
9. Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
10. Boultchov, N.M. Kourgans et Gorodietz. M., 1900.
11. Бульчев Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.
12. Егорейченко А.А. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.
13. Никольская Т.Н. Отчет о раскопках городища у д. Свиныхово. 1950 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 519.
14. Никольская Т.Н. Отчет о раскопках городища и кургана у д. Николо-Ленивец Дзержинского района Калужской области. 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 999.
15. Никольская Т.Н. Отчет об археологических раскопках в Калужской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2521.
16. Изюмова С.А. Отчет за 1961 г. о раскопках городища Сатинки Дедиловского района Тульской области // Архив ИА РАН. Р-1, № 2366.
17. Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2709.
18. Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1.
19. Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА. 1998. № 2.
20. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днестра до образования Древнерусского государства. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М., 1992.
21. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н.э. М., 1959. (МИА. № 72)
22. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
23. Лопатина О.А., Сидоров В.В. Каширские городища раннего железного века // Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М., 2005 (Труды ГИМ. Вып. 145)
24. Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113. 1962.
25. Нефедова Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам первых Тихановских чтений. Л., 1992.
26. Никольская Т.Н. Отчет о раскопках 1955 г. городища у д. Николо-Ленивец // Архив ИА РАН. Р-1. № 1172.
27. Никольская Т.Н. Отчет о раскопках городища у д. Николо-Ленивец летом 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1448.
28. Столяров Е.В. Костяные наконечники стрел с городищ Свиныхово и Николо-Ленивец (по материалам из фондов КОКМ) // Природа и история Поугорья. Вып. 5. Калуга, 2009.
29. Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
30. Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961–1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып. 102. 1964.
31. Городище Супруты. Коллекционная опись. 1970 г. № 158; раскоп XXV, № 13 по полевой описи 2001 г.; раскоп XXVI, № 3 по полевой описи 2002 г.
32. Петровська Е.О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. 1971. № 2.

*Калужский государственный университет,
Калуга*

E.V. Stolyarov

**THE ADORNMENTS OF THE PODGORTSEVO STYLE IN THE UPPER OKA BASIN
(THE OPENWORKED TOPS OF PINS)**

The openworked tops of pins, referred to as the adornments of the Podgortsevo style, are frequent finds in the layers of the settlements of the Early Iron Age not only in the Upper Oka basin but also in adjacent areas. In the Upper Oka region there are 17 well-known leaf-shaped finds and 1 square-cut find of pin finials. The time of the existence of pin finials in the Upper Oka region can be dated within V–III centuries BC on the basis of the complex of chronological markers and well-dated similar things from adjacent areas. The territory of the Upper Oka culture and the Yukhnovo culture (the Upper Oka basin, Bryansk Podesenye, Kursk Seym basin, partly the Upper Dnieper basin) may be considered to be the territory where Podgortsevo openworked casting got its new typological (leaf-like shapes) design.

*Kaluga State University,
83, Lenina St., Kaluga,
248000, Russia*

E-mail: Stolarov_e@mail.ru

Н.С. Мясников

ТАУТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЧУВАШИИ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕМОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Таутовский могильник известен в археологической науке с 1956 г. благодаря раскопкам Н.В. Трубниковой [1, с. 230]. Памятник был обнаружен жителями д. Таутово Аликковского района Чувашской Республики (рис. 1) при выемке песка для хозяйственных нужд. Древний могильник располагался на краю высокого левого берега небольшой реки Чулуй-Щирми и впадающего в неё оврага. В одной из могильных ям балановского могильника эпохи бронзы было исследовано одиночное впускное женское погребение, датированное III–IV вв. н.э. Большая часть предметов из захоронения оказалась близка к находкам из рязано-окских могильников (Кошибеевский, Сергачский, Армиевский), которые было принято считать древнемордовскими [1, с. 241]. Наиболее характерным изделием является височная привеска с грузиком на стержне, обмотанном проволокой и свёрнутом в спираль на верхнем конце, бытующая у мордвы с раннего средневековья вплоть до современности. Антрополог М.С. Акимова считала, что и череп из Таутовского могильника имеет древнемордовские черты [1, с. 240]. Сама Н.В. Трубникова отмечала отсутствие прикамских пьяноборских черт в могильнике, что не было характерно для других памятников данной территории, и относила таутовское погребение к этнической группе, входившей в состав городецкой культуры, но появившейся откуда-то с юга в первые века н.э. [2, с. 24].

А.Х. Халиков предположил, что Таутовский могильник связан с перемещением в V–VI вв. н.э. именковского населения, которое, как он полагал, вытеснило с Верхней Суры часть древнемордовских племён с прамокшанскими чертами [3, с. 82].

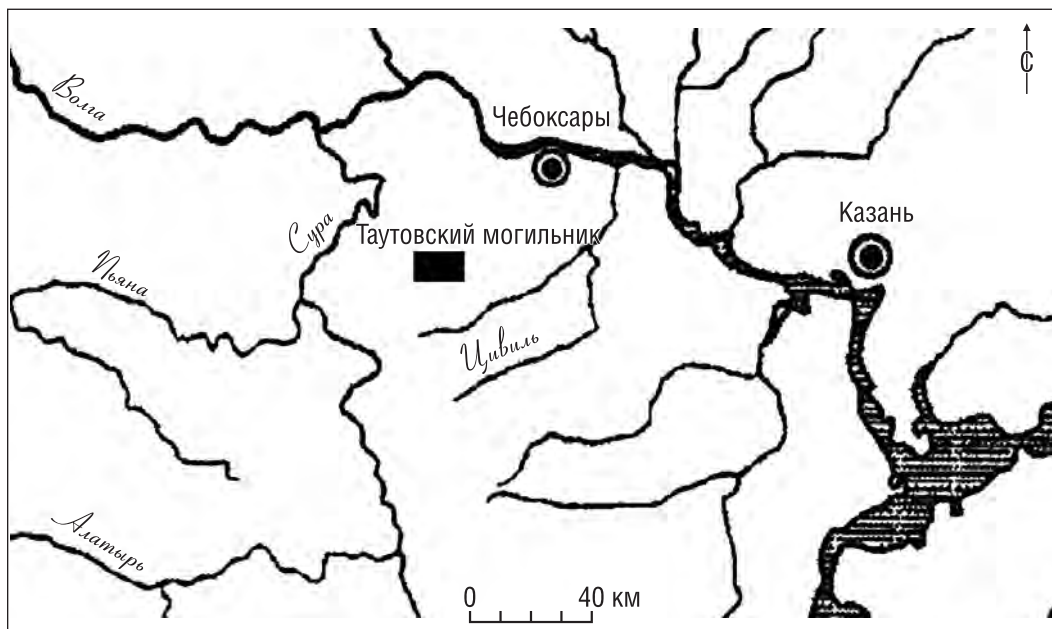

Рис. 1. Место расположения Таутовского могильника

А.П. Смирнов высказал гипотезу о том, что таутовские материалы связаны с движением гуннов IV в. н.э., и увязывал их с более поздней буртасской топонимией [4, с. 117].

В.В. Гришаков относит Таутовский могильник к нижнесурской локальной группе древнемордовской культуры. Он считает, что комплекс Таутовского могильника может быть датирован постандреевским временем – ранее рубежа II–III вв., ряд хронологических маркёров Таутовского и сергачского могильника «Кожи́на Слобо́да» (пластинчатые бляхи с концентрическими валиками, фибула боспорского типа, зеркало, меч с навершием в виде рожек), по его мнению, предшествует I стадии (1-я пол. III в.) верхнесурских (верхнесурско-примокшанских) древностей мордвы [5, с. 104].

В.И. Вихляев считает Таутовский могильник не характерным для нижнесурских (окско-сурских) раннемордовских племён. Он относит головной убор, височную подвеску с биконическим грузиком к классическим предметам верхнесурской древнемордовской группы (могильникам селиксенского типа), а круглая бронзовая бляха, украшенная по тулову двумя концентрическими кругами, по его мнению, типична для цининско-мокшанских племён, которые, по представлениям В.И. Вихляева, можно связать с потомками населения, оставившего андреевско-писеральские памятники. Он датирует погребение № 3 Таутовского могильника по параллелям с ражкинскими захоронениями 2-й пол. III в. н.э. и связывает его с инфильтрацией верхнесурского населения на Нижнюю Суру [6, с. 195].

Вплоть до недавнего времени на месте могильника действовал карьер по добыче песка. В 2005 г. членами краеведческого кружка д. Чувашская Сорма под руководством Е.Л. Ефимова и директора Аликовского районного литературно-краеведческого музея Г.К. Терентьева в разрушающейся стенке карьера, на расстоянии нескольких метров от раскопа 1956 г., были обнаружены новые материалы и переданы в Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Часть коллекции хранится в Аликовском районном литературно-краеведческом музее. Все предметы происходят из одного слоя, залегали компактно, хотя их точное расположение зафиксировать не удалось. Костяк не был обнаружен, но по составу находок и учитывая аналоги в археологических памятниках смежных территорий, с большой долей вероятности можно предположить, что данная серия предметов относится к мужскому захоронению (захоронениям) раннего железного века. Хотя, конечно, все выводы в силу случайности находки – относительны.

Из обнаруженных предметов наиболее интересны детали конского снаряжения, и в первую очередь три бронзовых стержневидных псалия (трэнзеля), имеющие по два боковых выступа с отверстиями (петли) (рис. 2). По оформлению концов и наличию дополнительных стержней псалии можно разделить на два типа. К первому относятся два прямых псалия со слегка расширяющимися прямообрубленными концами округлого сечения. В центральной части – довольно большой коррозированный железный ком, – видимо, всё, что осталось от удила (рис. 2: 1). Второй тип представлен оригинальным псалием, расширяющимся к концам в небольшие кольца с отверстиями сердцевидной формы. В прямоугольные петли в центральной части псалия вставлены фасетированные бронзовые стержни, на концах закрученные в кольца. На конце данных стержней в основании колец имеется по одной заклёпке, а с обратной стороны – сгустки сильно коррозированного железа. Между петлями псалия расположены остатки железного кольца, бывшего, по всей видимости, частью удила (рис. 2: 2).

Двухпетельчатые стержневидные псалии, подобные обоим типам, широко встречаются как в лесных, так и в степных культурах Восточной Европы. Псалии первого типа известны в пьяноборских погребениях Западного Приуралья [7, табл. XI: 4, XVII: 12, 13; 8, с. 20; 9, рис. 5: 10; 10, рис. 12: 12; 11, рис. 17: 5, 7]. В.Ф. Геннинг датирует их I–II вв. н.э. [7, с. 84, 92], а Б.Б. Агеев – II–III вв. н.э. [12, рис. 3: 17]. Подобного типа псалии обнаружены во рву Троицкого городища на глубине III слоя [13, табл. 14: 21, 24; рис. 16: 25], что соответствует II–III вв. н.э. [14, с. 54–60]. Шесть подобных псалиев имеются в коллекции из Андреевского кургана сер. I – нач. II в. [15, рис. 22: 2, 6], и два происходят с «позднегородецкого» городища Пичке-Сорче I–III вв. [2, табл. 15: 20, 21]. Кроме того, I–II вв. н.э. датируются подобные псалии в сарматских древностях Дона [16, рис. 12: 4; 18: 2; 33: 6; 40: 2], II–III вв. – в Северном Приазовье [17, рис. 8: 4]. Псалиям второго типа не удалось обнаружить ни одного полного аналога. Наиболее близкими к ним представляются прямые стержневидные трэнзели, концы которых раскованы в небольшие диски с отверстиями, но только без дополнительных стержней, вставленных в центральные петли. По мнению И.Р. Ахмедова, подобной формы псалии имеют сарматское происхождение [18, с. 97]. Близкие по форме изделия можно встретить в сарматских древностях Воронежской области [19, с. 246] и Северной Осетии [20, с. 64–67] II–I вв. до н.э., а также в материалах карабызской культуры в Башкирии, где они относятся к I в. н.э. [21, с. 79, 86]. Аналоги псалиям данного типа с дополнительными выступами-шишечками на концах обнаружены в Андреевском кургане [15, рис. 22: 5] и в сарматском кургане у с. Нижняя Добринка Волгоградской области [22, рис. 3: 2, 3, 6]. В обоих случаях они датируются 2-й пол. I – нач. II в. н.э. Наиболее близкими аналогами можно считать бронзовые псалии с концами, оформленными в виде колец с очень похожим на таутовский сердцевидным мотивом, из погребения 14 Ошкинского могильника III – нач. IV в. на р. Вятке [23, рис. 14: 31]. Таким образом, в самом широком смысле подобного типа трэнзели можно датировать II в. до н.э. – нач. IV в. н.э. Однако, по мнению О.В. Седышева, проанализировавшего в своей диссертации конское снаряжение 34-х мордовских могильников, появление удила с псалиями собственно у мордвы следует маркировать удилами из погребения кон. IV–V в. Абрамовского могильника, а первые бронзовые псалии известны лишь в комплексе V в. Абрамовки [24, с. 48].

Кроме псалиев, большой интерес представляют другие, также бронзовые, детали конского снаряжения (скорее всего, предметы оголовья): пряжка с кольцом-приёмником овальной формы, овальным в сечении, с прогнутым язычком и прямоугольной обоймой (рис. 3: 1); пять бляшек-накладок (рис. 3: 2–4), одна из кото-

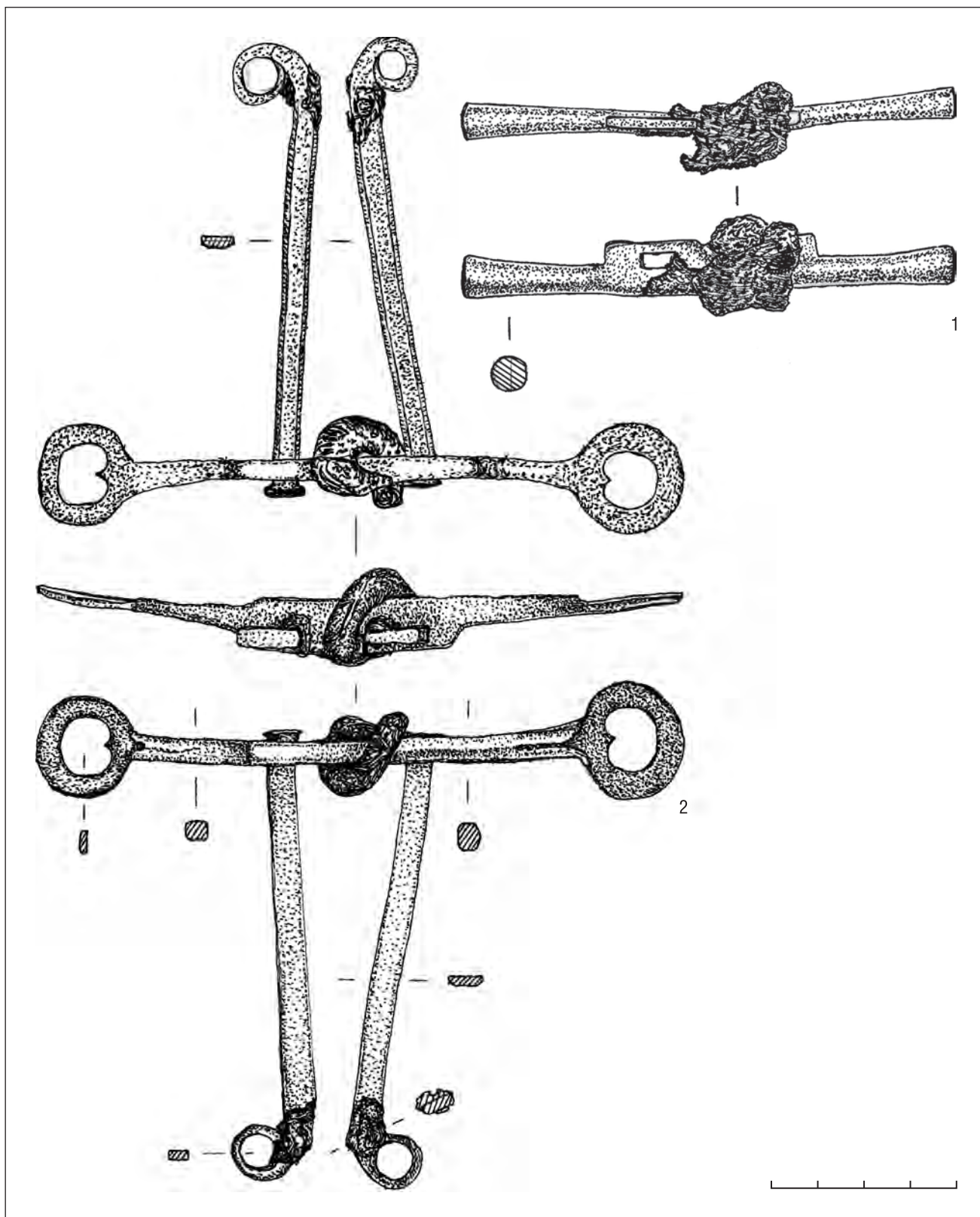

Рис. 2. Инвентарь Тауровского могильника. Псалии (бронза, железо)

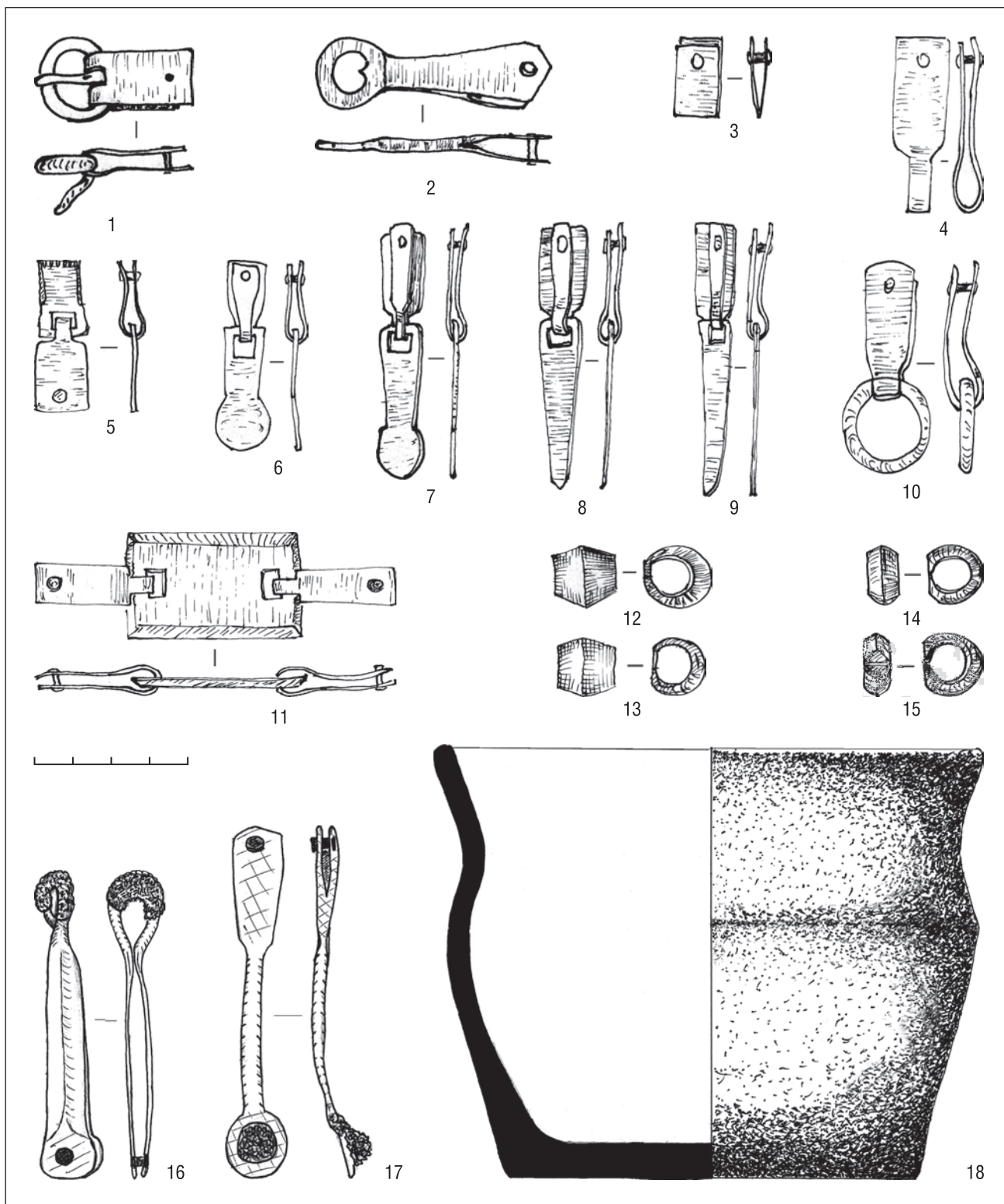

Рис. 3. Инвентарь Тауровского могильника:

1 – пряжка; 2–4 – бляшки-накладки; 5–10 – бляхи-подвески; 11 – деталь ошейника или нагрудного ремня;
 12–15 – пронизки; 16–17 – ременные зажимы; 18 – сосуд. 1–17 – бронза; 18 – керамика

рых имеет на конце завершение с отверстием сердцевидной формы, как на псалии типа 2, а по боковым сторонам – грани-фасетки; ещё две завершаются круглыми отверстиями; шесть двухсоставных шарнирных блях-подвесок (рис. 3: 5–10), одна из которых заканчивается железным кольцом, другая – прямоугольной фасетированной пластиной с насечками на передней стороне, ещё две закругляются к концам, а две последние равномерно сужаются и также имеют по бокам грани-фасетки; две прямоугольные бляхи-пластины (перекрёстные бляхи) с загнутыми сторонами (псевдофасетки) и двумя бляхами-накладками для крепления с ремнём с двух сторон, вставленными в прямоугольные отверстия (рис. 3: 11); восемь пронизок (ворворки или утяжелители плети) (рис. 3: 12–15).

Подобного типа предметы конского снаряжения, как и вещи поясной гарнитуры, являются весьма характерными для огромных территорий Евразийской степи и лесостепи. Можно говорить об их изготовлении в общеевропейском стиле. На нашей территории ближайшие аналоги встречаются на азелинских и мазунинских памятниках. Такие характерные черты, как использование пластинчатой техники («индустрия жести»), своеобразная отделка ряда предметов небольшими срезами или насечками по граням пластин (фасетирование), короткий, не выступающий за пределы кольца-приёмника, язычок, позволяют говорить о стадии Ia первого периода эволюции поясной гарнитуры Прикамья I тыс. н.э. по В.Ф. Генингу, которую исследователь определял III–IV вв. н.э. [25, с. 104]. Из ближайших аналогов можно выделить комплекс предметов конского снаряжения из погребения 14 Ошкинского могильника с однотипными пряжками, пронизками, очень близкими накладками и подвесками. Погребение датируется Н.А. Лещинской III – нач. IV в. н.э. По общему виду и орнаментации автор находит параллели подобным вещам в сарматских пряжках и ременных наконечниках Карпатского бассейна, Северного Причерноморья и Кавказа, а ряд венгерских учёных видят их прототипы в изделиях римских мастерских [23, рис. 14]. Весьма близкие к таутовским «ракетовидные» и двухсоставные шарнирные подвески и фигурный ременный наконечник обнаружены в древне-мордовских древностях – погребение 6 Селиксенского могильника, датируемого сейчас 2-й пол. III – нач. V в. н.э. М.Р. Полесских считал подобные предметы вариантом украшений из погребений алан в керченских склепах и женских украшений рязанских могильников [26, рис. 3: 17; 5: 5]. Подобного типа подвески могли применяться одновременно и как наконечники уздечных ремней, что находит аналоги в материалах рязанско-окских могильников. Там же встречены близкие к таутовским зажимы для крепления ремней оголовья и повода. И.Р. Ахмедов относит подобного типа вещи к III–V вв. н.э. и усматривает аналогии им в азелинской культуре и Тураевском курганном могильнике [18, рис. 3: 19–23; 4: 1]. В целом подобного типа предметы конского снаряжения можно датировать III–V вв. н.э.

Если соотносить таутовские материалы с ранней мордвой, то перед нами – на удивление богато украшенный сбруйный набор, так как, по мнению О.В. Седышева, в захоронениях мордвы «довольно редко встречались ремни оголовья», чаще – только удила, что, видимо, свидетельствует о «применении преимущественно простых плетеных конструкций из органических материалов». И лишь в некоторых случаях использовались соединители ремней и ременные накладки для декора. Однако выглядело это «довольно бедно и невыразительно» [27, с. 12]. О.В. Седышев считает, что «в III–V вв. наиболее применяемыми удилами были обычные кольчатые с кольцами разного диаметра. Использование наборных уздечек было редким. В целом значение коня в это время в основном сводилось к работе в хозяйстве и его разведению на мясо. Роль же конницы в войске была незначительной» [24, с. 92].

В таутовском захоронении был также обнаружен железный втульчатый наконечник дротика (копья) (рис. 4: 1). Перо – узкое, вытянутой подромбовидной формы, с ребром посередине, максимальное расширение – в нижней части, плечики – невысокие. Сечение пера – ромбовидное. Втулка – круглая, обломана, железо подверглось сильной коррозии. Весьма близкий по типу наконечник имеется в погребении 56 Андреевского кургана [28, рис. 35: 5].

Последний предмет из коллекции – небольшой почти целый лепной плоскодонный горшок близкой к баночной формы, слабопрофилированный, со слабовыпуклым плечиком (рис. 3: 18). Поверхность сосуда – бугристая, небрежно заглажена, светло- и темно-коричневого, чёрного и серого оттенков. Обжиг – костровой, неравномерный. Тесто – грубое, комковатое, возможно, с шамотом. Орнаментация отсутствует. Пропорции сосуда (по классификации В.В. Гришакова [29]): Д1:Н = 1,43; Д2:Н = 1,38; Д3:Н = 1,46; Д4:Н = 1; Н1:Н = 0,67; Н2:Н = 0,93.

Наиболее близкие аналоги подобных сосудов можно встретить в материалах Андреевского кургана 2-й пол. I – нач. II в. н.э. [29, рис. 5: 7] и Пензенских могильников III – 1-й пол. IV в. н.э. [29, рис. 8: 2, 5], относящихся, по классификации В.В. Гришакова, к присурскому очагу керамических традиций, истоки которого нужно искать в местной позднегородецкой среде. По мнению исследователя, носители данной керамической традиции являются предками мордвы-мошки [29, с. 124].

Таким образом, видно, что большая часть материала находит аналоги на огромных территориях и не является культуроопределяющей. Подобные вещи легко распространялись путём заимствования, торговли, обмена, военных захватов. Схожие предметы конского убора в первые века нашей эры бытовали практически на всей территории восточноевропейской лесостепи и были связаны с усилением степного, в частности сарматского, влияния на финно-угорский мир в целом, включением Волго-Камья в ареал общеевропейской и азиатской моды.

Можно было бы констатировать полное отсутствие в таутовской коллекции уникальных, специфичных для той или иной культуры вещей, если бы не бронзовый псалий типа 2 (рис. 2: 2), аналоги которому ещё предстоит найти.

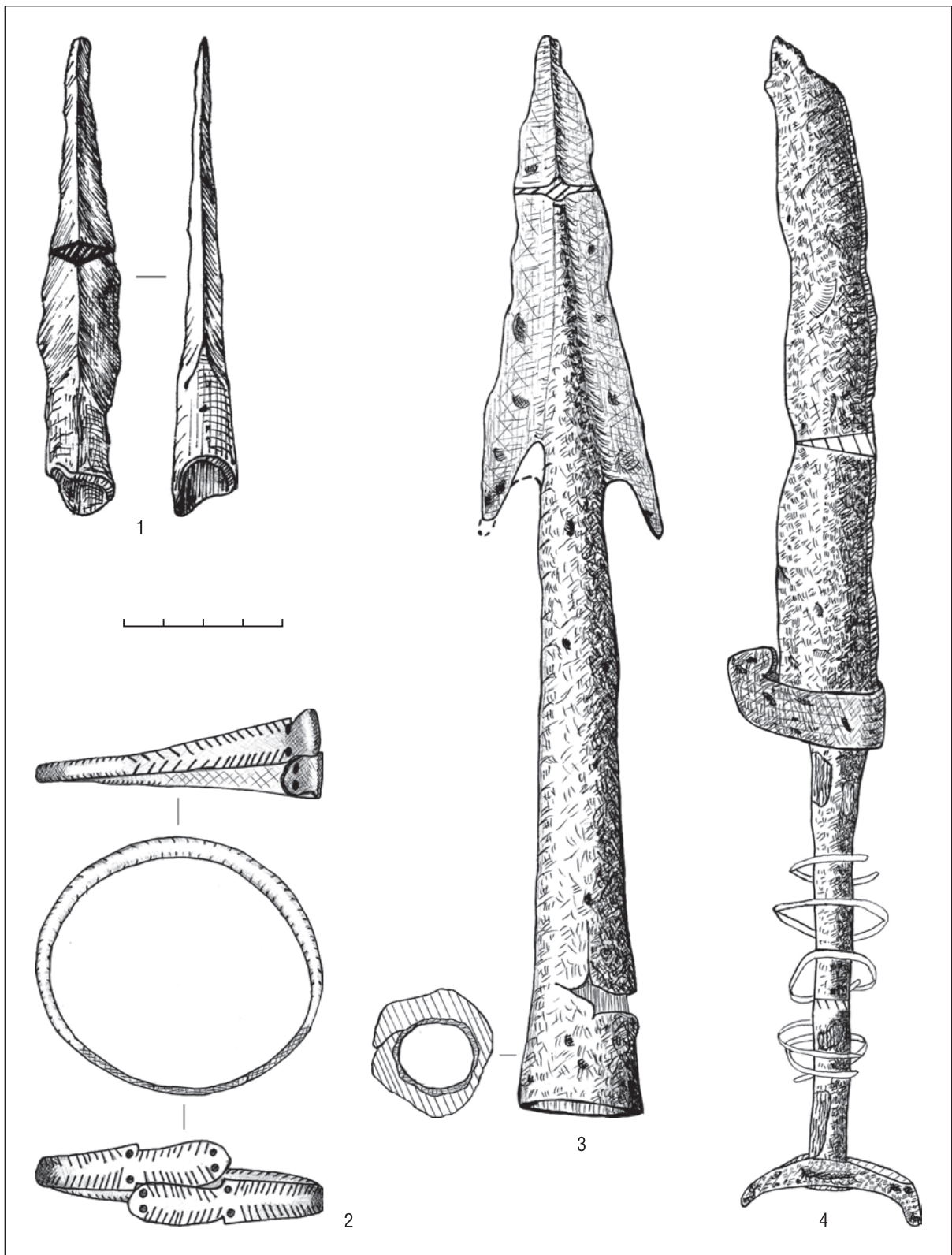

Рис. 4. Инвентарь Таутовского могильника:

1 – наконечник дротика; 2 – браслет; 3 – наконечник копья; 4 – палаш. 1, 3 – железо; 2 – бронза; 4 – железо, бронза

Если же отталкиваться от керамики, которую исследователи считают наиболее надёжным критерием, более других чувствительным к изменениям, происходящим в составе населения, даже в раннем железном веке [30, с. 141], то следует признать её типично древнемордовской, причём относящейся к Присурскому (прамоксанскому) очагу керамических традиций. Таким образом, подтверждаются предположение Н.В. Трубниковой о южном происхождении женщины из 3 погребения Таутовского могильника и вывод В.И. Вихляева об инфильтрации верхнесурского населения на Нижнюю Суру во 2-й пол. III в. н.э. Можно также констатировать, что перед нами остатки двух довольно богатых сбруйных наборов, сделанных из цветного металла в достаточно качественном исполнении, с определёнными орнаментальными, стилевыми традициями (фасетки, сердцевидные мотивы, грани). Это позволяет, как мне представляется, связать данные артефакты с погребением профессионального воина (воинов) либо представителя (представителей) племенной знати. Датировать эти изделия можно в широких рамках: III – началом IV в. н.э.

Однако это не все новые предметы из Таутовского могильника. В 2001 г. отряд Чувашской археологической экспедиции Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в составе Е.П. Михайлова и А.В. Михеева посетил музей при школе в д. Таутово. В ходе ознакомления с археологическими коллекциями были обнаружены неизвестные материалы раннего железного века из Таутовского могильника. По словам хранителя музея, вещи были собраны местными жителями на территории могильника в 1999 г. В 2010 г. музей посетил сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук Н.С. Мясников. Находки были зарисованы и сфотографированы.

Большой интерес представляет бронзовый круглопроволочный браслет с расплюснутыми, заходящими друг за друга концами, с насечками в виде ёлочки на внешней поверхности (рис. 4: 2). Близкие аналоги подобным браслетам можно обнаружить в финно-угорском мире Волго-Камья. В составе волжско-финских древностей они были встречены в пензенских могильниках III – 1-й пол. IV в. н.э. (Селикса, погребение 29; Шемышейка, погребение 1; Ражкино) и в Кошибеевском могильнике [26, рис. 4: 5]. Камско-финские круглопроволочные бронзовые браслеты с расплюснутыми концами относятся к 3–5 стадиям развития мазунинской культуры, что соответствует кон. III – V в. н.э. [31, с. 105–108]. Аналогичный предмет был обнаружен в погребении 30 Суворовского могильника, относящегося к кон. III – IV в. н.э. [32, с. 256].

Другой предмет – двушипный втульчатый наконечник копья (рис. 4: 3). Подобный наконечник, но только с более длинной втулкой был обнаружен в Андреевском кургане в погребении 32, относящемся к нач. II в. н.э. В.В. Гришаков и С.Э. Зубов считают, что подобные наконечники появляются на территории Восточной Европы перед рубежом эр и в первые века н.э. встречаются довольно редко. Аналогии авторы видят в зарубинецких древностях II в. до н.э. – 3-й четв. I в. до н.э., в Писеральских курганах, на дяковских городищах и в пьяноборском Ново-Сасыкульском могильнике I–III вв. н.э. [15, рис. 24: 7]. Двушипные наконечники копий являются довольно частой находкой в древнемордовских памятниках III – сер. VIII в. н.э., особенно в могильниках Средней Оки и Горьковского правобережья р. Волги [33, с. 116].

Наиболее интересный предмет из находок 1999 г., – безусловно, обломок железного однолезвийного клинка (палаша) с навершием (тоже обломанным) в виде рожек (рис. 4: 4). Это довольно редкий и интересный экземпляр. Аналоги данному палашу можно найти опять-таки в финно-угорском мире Волго-Камья. Такие клинки были обнаружены в погребении 43 Андреевского кургана, которое относится к нач. II в. н.э. [15, рис. 40], погребениях 78 и 79 могильника Нырғында II (раскопки 1968 г. В.Ф. Генинга и В.В. Одинцовой), 133 и 143 Афонинского могильника (раскопки 1980 г. Г.Н. Клюевой) [15, с. 50], 733а и 1317 Тарасовского могильника [34, табл. 315: 27; 509: 10], погребении 134 Кошибеевского могильника и в разрушенном погребении сергачского могильника «Кожина Слобода» [15, с. 50]. Навершие в виде рожек известно в материалах городища Пичке-Сорче I–III вв. н.э. в Чувашии [2, табл. 15: 17].

Таким образом, можно датировать клинки с подобным оформлением навершия I–V вв. н.э. Более точной временной привязки пока невозможно сделать в силу неразработанности хронологии большинства вышеперечисленных памятников. Хотя С.Э. Зубов, проанализировав 21 однолезвийный клинок Волго-Уралья, достаточно уверенно говорит об их появлении в I–III вв. н.э. [35, с. 130]. В.Ф. Генинг рассматривал подобный мотив оформления навершия как продолжение развития зооморфных, прежде всего ананьинских традиций [7, с. 93]. С.Э. Зубов считает: сейчас совершенно ясно, что клинки с навершием в виде рожек занимают особое место, не связанное с эволюцией сарматского оружия с кольцевым навершием. Они не имеют прямых аналогов за пределами поволжско-приуральской лесостепной полосы и являются продукцией местных оружейников. С.Э. Зубов склонен вести происхождение этого мотива от ювелирных изделий с грибовидными шляпками, появляющихся в I–II вв. н.э. в Волго-Камье в подражание античным образцам [35].

Интересно, что из 957 мужских погребений в мордовских могильниках с III по XI в. н.э. лишь в 50 были сабля или меч. А.Е. Алихова вслед за С.А. Плетнёвой отмечает исключительность подобной находки. Захоронения с таким вооружением трактуются исследователями как погребения племенной знати и (или) профессиональных воинов [27, с. 77]. С.Э. Зубов полагает, что палаш является оружием конного воина и его форма (фактически он в два раза меньше меча) предполагает разнообразие фехтовальных приёмов и позволяет обмениваться большим количеством ударов, чем мечом, за тот же промежуток времени [35]. А.Х. Халиков считал палаш прообразом сабли – наиболее грозного холодного оружия кавалерии [36, с. 77].

Эти изделия заставляют вспомнить богатый сбруйный набор, найденный в 2001 г. Возможно, перед нами часть инвентаря того же захоронения конного мордовского воина.

Хранитель музейных коллекций Таутовской школы утверждал также, что среди прочих предметов, найденных местными жителями в могильнике, были железный шлем и фрагменты кольчуги, однако их местонахождение сейчас неизвестно.

Также в составе археологических материалов из могильника – человеческие череп и три трубчатые кости. По мнению антрополога Ю.А. Алексеева, череп – человека европеоидного типа с уплощённым лицом.

Можно констатировать, что погребений I тыс. н.э. в Таутовском могильнике больше, нежели считалось в 1956 г. Новые материалы подтверждают древнемордовскую этническую принадлежность памятника. Причём находки, сделанные местными жителями и краеведами, позволяют заключить, что часть захоронений относится к представителям знати или профессиональным воинам древнемордовского общества. Кроме того, несколько меняется наш взгляд на роль коня и конных воинов в жизни ранней мордвы во II–IV вв. н.э. Находки 2005 г. позволяют сделать вывод о том, что конные воины у ранней мордвы были, причём с довольно богато украшенным сбруйным набором. Другое объяснение данному факту может быть в сохранении определённого андреевско-писеральского населения в рассматриваемый период в районе Нижней Суры. Обнаруженный лепной сосуд и ряд других аналогов дают возможность связать племенную группу Таутовского могильника с Присурским очагом керамических традиций, т.е. с Верхнесурской (Верхнесурско-Примокшанской) древнемордовской племенной группировкой. Кроме того, новые находки ещё раз подтверждают факт автохтонного формирования основных этнокультурных признаков древнемордовской культуры, имеют прямую связь с предшествующими традициями андреевского времени (керамика, псалии, палаш, дротик, копьё и др.). Наиболее вероятная дата захоронений Таутовского могильника в свете новых материалов – III – I-я пол. IV в. н.э., что соответствует 1–3 хронологическим группам в древнемордовских древностях Верхней Суры по В.В. Гришакову [5, с. 99–100] или 1 этапу в формировании древнемордовской культуры на Верхней Суре по В.И. Вихляеву [6, с. 178]. Новые материалы Таутовского могильника позволяют несколько уточнить хронологию Нижнесурской (Окско-Сурской) локальной группы древнемордовской культуры, выявить новые категории вещей в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Ученые записки ЧНИИЯЛИ. Вып. XVI. Чебоксары, 1958.
2. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. (САИ. Вып. Д1-14)
3. Старостин П.Н. Халиков А.Х. и его роль в финно-угроведении // Finno-Ugrica. № 1. Казань, 1999.
4. Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. (МИА. № 95)
5. Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Сборник материалов II Международной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи». Пенза, 2008.
6. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2000 // РГБ. Диссертационный зал.
7. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Ижевск; Свердловск, 1970.
8. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М., 1984.
9. Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой: сборник научных статей. Уфа, 1986.
10. Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушувлевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой: сборник научных статей. Уфа, 1986.
11. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой: сборник научных статей. Уфа, 1986.
12. Агеев Б.Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
13. Смирнов К.А. Железные изделия Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. (МИА. № 156)
14. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. (МИА. № 156)
15. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009.
16. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.
17. Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4.
18. Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
19. Гуцина И.И. Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2.
20. Кантемиров Э.С. Погребение сарматского воина II–I вв. до н.э. у с. Куртат СО АССР // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
21. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1969.
22. Серазцов И.В., Захаров П.Е. Сарматское погребение на севере Волгоградской области // РА. 2006. № 1.
23. Лецинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000.
24. Седышев О.В. Снаряжение верхового коня у древней мордвы в III–XIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.
25. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158. 1979.
26. Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. 1959. № 4.
27. Седышев О.В. Снаряжение верхового коня у древней мордвы в III–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2004.
28. Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск, 1980.
29. Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993.

30. *Вихляев В.И.* О генезисе культуры южномордовских племен // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63)
31. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.
32. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.
33. *Шитов В.Н.* Древнемордовские наконечники копий III – начала XI в. // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 54. Саранск, 1977.
34. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск, 2003. (Материалы и исследования Камско-Вятской АЭ. Т. 10)
35. *Зубов С.Э.* Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
36. *Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986.

*Чувашский государственный институт
гуманитарных наук,
Чебоксары*

N.S. Myasnikov

**THE TAUTOVO BURIAL GROUND OF THE IRON AGE IN CHUVASHIA
WITHIN THE CONTEXT OF THE ANCIENT MORDOVIAN CULTURE**

Summary

The materials of two new collections from the Tautovo burial ground are published in this article. The finds are dated by the author to III– the first half of IV century BC. It specifies the cultural origin of the monument in the context of ancient Mordovian burial grounds, and reveals new categories of things in the Lower Sura local group of the ancient Mordva.

*The Chuvashian State Institute of Humanitarian Sciences,
Block 1, 15, Moskovsky Ave.,
Cheboksary, 428015, The Chuvash Republic,
The Russian Federation*

E-mail: myasnikovn@rambler.ru

И.Н. Черных, О.М. Олейников, И.В. Исланова

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ГРИНИНО 1 (по материалам исследований 1989–1990 гг.)

Могильник Гридино 1 находится в Осташковском районе Тверской области в 500 м к СЗ от деревни Гридино.

История изучения

Сведения о нём, со ссылкой на рукопись В.П. Успенского и книгу А.К. Жизневского «О курганах и городищах Тверской губернии» (без даты), приводит в своём труде, подготовленном ко II областному Тверскому археологическому съезду, В.А. Плетнёв [1, с. 48, пункт 85] (даются в современной транскрипции).

«Близ д. Гридино, стоящей при впадении речки Асницкой (ныне – Осницкая – *Авт.*) в озеро Березовое (ныне – Берёзовское – *Авт.*) – залив оз. Селигер, на пустоши, называемой “Войска”, находится до **16 сопок**, некоторые из них вышиною от подошвы до конической вершины в 19 шагов. Из сопок, *разъезжаемых дорогою, вываливаются человеческие кости* (курсив наш – *Авт.*). Сопки, стоящие в стороне от дороги, покрыты, как и прилежащая к ним земля, беловатым мхом и брусничником».

В 1980 г. могильник обследовался Историко-археологической экспедицией Калининского государственного университета под руководством В.М. Воробьёва [2]. Сотрудником экспедиции П.Д. Малыгиным произведены глазомерная съёмка (рис. 1), схематические обмеры (табл. 1) и фотофиксация объекта. Им же

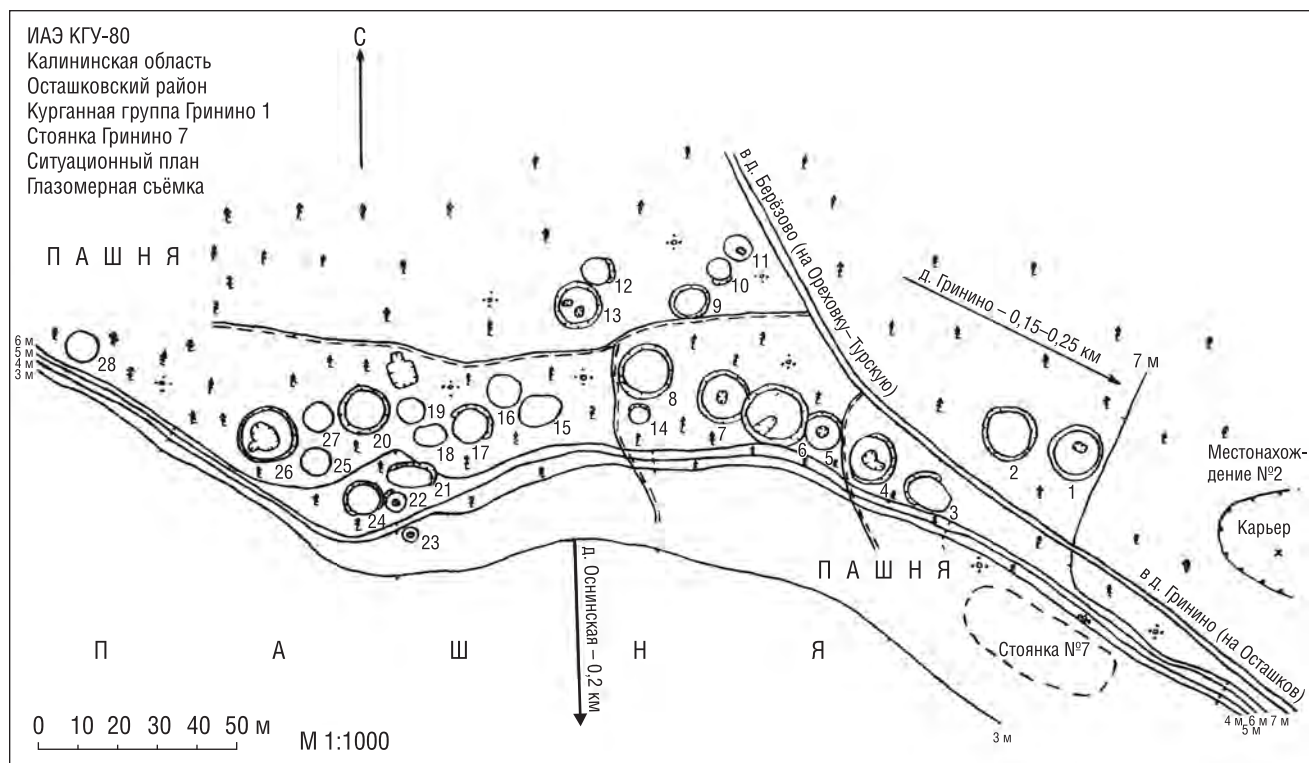

Рис. 1. Курганная группа Гридино 1. Ситуационный план (по П.Д. Малыгину. 1980 г.)

Таблица 1. Характеристика курганной группы Гринино 1 по результатам обследования 1980 г. (по П.Д. Малыгину, с уточнениями)

Курган №	Диаметр, м	Высота, м	Ровик	Повреждения
1	11	1,5	Кольцевой	Яма на вершине в СВ части
2	11	2,0	Кольцевой	Нет
3	7×11	1,2	Полукольцевой с СЗ и З	Нет
4	10	1,5	Почти кольцевой с С, В и ЮЗ	Яма на вершине в центре
5	9	1,0	с С (общий с № 6), В и ЮВ	Яма на вершине в центре
6	13	2,3	Кольцевой (общий с №№ 5 и 7)	Траншея в ЮЗ поле
7	10	1,5	Кольцевой (общий с № 6)	Яма в центре
8	12	2,0	Кольцевой	Нет
9	7	1,0	Кольцевой	Нет
10	5	0,5	Канавка с Ю и ЮВ	Нет
11	6	0,5	Нет	Яма в ЮВ поле
12	8×6	0,6	Канавка с В	Яма в центре – ?
13	10	1,5	Кольцевой	Ямы в Ю и З полах
14	4	0,4	Канавка с С	Нет
15	11×8	0,6	Нет	Нет
16	8	1,4	Нет	Нет
17	8	0,4	Полукольцевой с С и В	Нет
18	8×5	0,4	Нет	Нет
19	6	0,3	Нет	Нет
20	10	1,5	Кольцевой	Нет
21	11×5	0,5	Полукольцевой с С и В	Нет
22	5	0,4	Канавка с СЗ (общая с № 24)	Яма в центре
23	3,5	0,5	Нет	Яма в центре
24	8	1,2	Почти кольцевой с З, С и В (общий с № 22)	Нет
25	7	0,35	Нет	Нет
26	13	1,3	Кольцевой	Яма и траншея в центре и в ЮЗ поле
27	7	0,4	Нет	Нет
28	8	0,8	Нет	Нет

составлены паспорт и учётная карточка на памятник (1981 г.). В ходе полевых исследований было установлено, что могильник расположен на правом коренном берегу р. Осницкой (иначе – Оснинской) и его склоню, в 0,2 км к С от русла реки, на высоте 3–6 м над уровнем воды, в сосновом лесу и состоит из 28 сегментовидных и полусферических округлых, в т.ч. «сопковидных» (четыре – шесть), и удлинённых (две – четыре) в плане насыпей. Основная часть курганов (26) находится слева от дороги из д. Гринино в д. Берёзово, два (№№ 1–2) – справа от неё. Насыпи поросли соснами, 10 из них частично нарушены ямами и траншеями (табл. 1).

Большинство курганов располагались вдоль берега реки, имевшей здесь широкую пойму, соответственно береговой террасе и её склонам на горизонталях 4–6 м. Крайняя насыпь (№ 28) находилась в 40 м к СЗ от западной границы массива курганов.

Могильник был датирован X–XII вв. н.э.

В 1989–1990 гг. на могильнике были проведены стационарные раскопочные исследования экспедицией Калининского (Тверского) государственного объединённого историко-архитектурного и литературного музея.

Работы носили охранный характер, были связаны с предстоящей (не осуществлённой) реконструкцией автодороги и финансировались объединением «Калининавтодор».

Курганы №№ 3 и 4 были раскопаны И.Н. Черных¹, №№ 5–6 – О.М. Олейниковым [3] и № 7 – И.В. Ислановой, которой в 1990 г. был также снят инструментально-глазомерный ситуационный план памятника (рис. 2).

¹ Выражаю глубочайшую признательность всем участникам экспедиций 1989–1990 гг. – И.Ч.

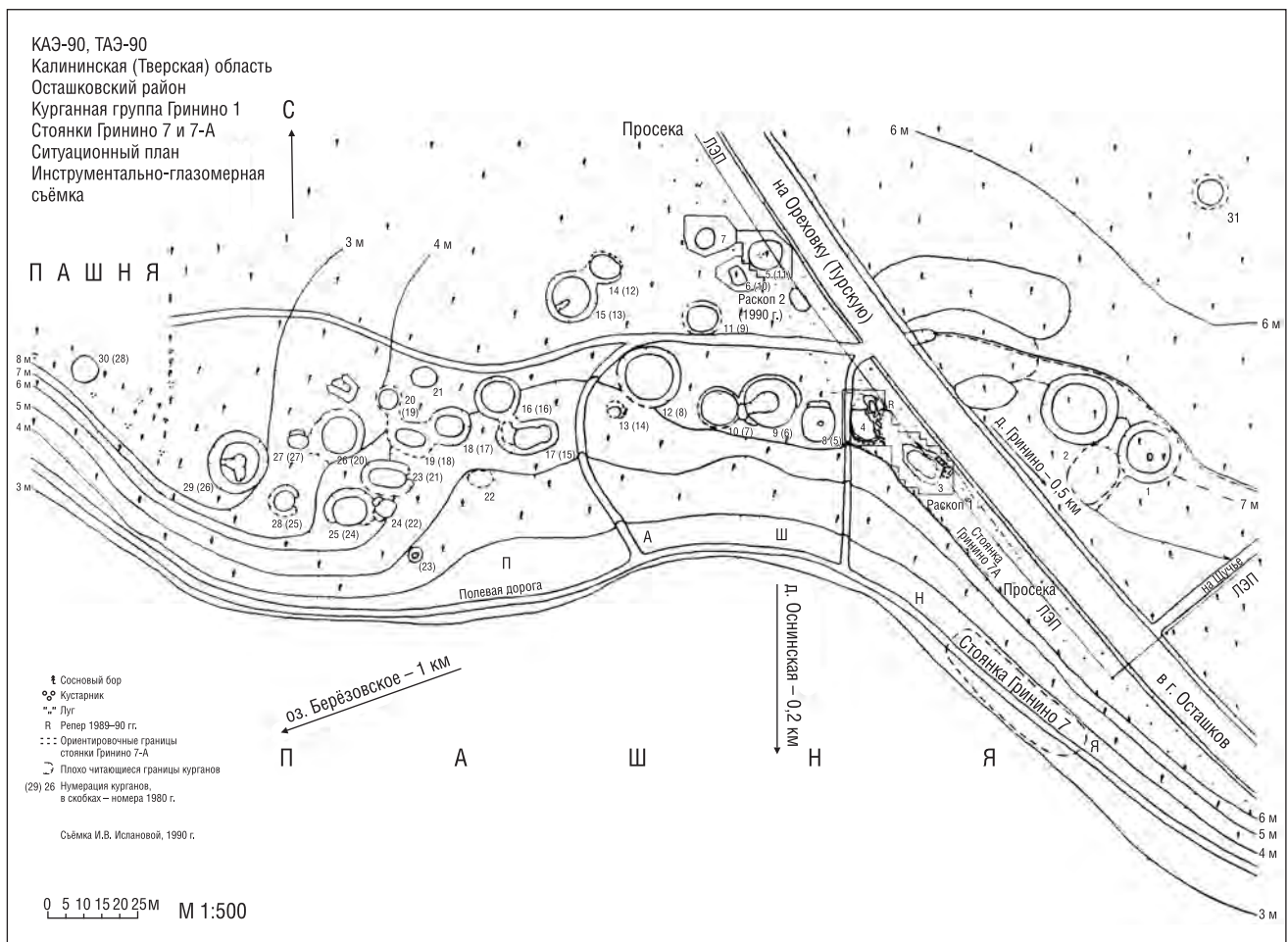

Рис. 2. Курганная группа Гринино 1. Ситуационный план (по И.В. Ислановой. 1990 г.)

В 1989–1990 гг. были уточнены количественные и качественные характеристики могильника (табл. 2). Курганная группа находится на высоте 4–8 м над уровнем воды в реке, вытянута с В на З вдоль края в основном 6-метровой террасы и по её склону на 270 м и состоит из 31 сохранившейся насыпи, которых ранее, учитывая сведения В.П. Успенского, вероятно, было больше. Крайние курганы, включённые в группу (нумерация курганов была частично изменена), отстоят от границ основного массива из 29 насыпей на 37 м к ЗСЗ (№ 30, бывший № 28, от № 29, бывшего № 26) и на 60 м к ССВ (№ 31 от № 1). Три кургана (№№ 7, 21–22) были дополнительно выявлены в основном массиве могильника, один (№ 31) – в стороне от него. Насыпь № 23 (1980 г.) вызвала сомнения в отнесении её к курганам. Курганы имеют в диаметре от 3,5 до 15 м, высоту – от 0,2 до 3 м. В составе группы 2 насыпи прямоугольных очертаний, 5 – удлинённой формы, остальные – округлые в плане, в т.ч. «блинообразные» и «сопковидные», в целом соответствующие составу крупных могильников культуры длинных курганов.

Следует отметить значительные изменения (повреждения), произошедшие с курганами №№ 3–7 (особенно №№ 3–4) и прилегающей к ним со стороны дороги территорией в период с 1980 по 1989 г. – при прокладке линии электропередачи (ЛЭП) и устройстве просеки для неё (рис. 2, 3).

Материалы из исследований могильника Гринино 1 1989–1990 гг. частично введены в научный оборот И.Н. Черных (дополнение к паспорту памятника, 1992 г. (совместно с О.М. Олейниковым); археологическая экспозиция Тверского краеведческого музея – головного учреждения Тверского государственного объединённого музея, 1996 г.; доклад на 6-м заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности», 2000 г.), О.М. Олейниковым [4, с. 106–107; 5, с. 39–40; 6], С.Г. Поповым [7, с. 165].

Методика полевых исследований

Курганы раскапывались на снос, широкими площадями, включающими ровики, межкурганное пространство и прилегающую территорию. Параллельно с ними исследовалась и выявленная в ходе раскопок

Таблица 2. Характеристика курганной группы Гринино 1 по результатам исследований 1989–1990 гг.
(по И.В. Ислановой)

Курган № 1990 г. (в скобках № 1980 г.)	Форма в плане, в разрезе, ориентировка длинной осью	Диаметр, размеры, м	Высота*, м	Ровик, размеры	Повреждения
1 (1)	Сопковидная	12		Кольцевой, шир. до 3 м	Яма на вершине в Ю части
2 (2)	Сопковидная	14×15	3 ?	Кольцевой, шир. до 4 м	Нет
3 (3)	Подпрямоугольная, ЮВ–СЗ	13,5×7,0– 8,5 (11×7)** 11×7–6	1,35 ?	Канавка с ЮВ, 5×2,5 м (всего – 5)	Бульдозерные колеи, засыпка ровиков, снятие вершины и пр.
4 (4)	Округлая, шаровой сегмент	11,5×7,0** 10×9	1,5	Канавка с Ю, 8,5×1,0 (кольцевой, шир. до 2 м)	Разрезан бульдозером, выборка части насыпи до основания
5 (11)	Шаровой сегмент («блинообразная»)	8** 7,7×7,0	0,5	Почти кольцевой, с перемычкой в ЮЗ части	В и З части насыпи нарушены бульдозерным ходом, в Ю части – 3 ямы
6 (10)	Подпрямоугольная, ЮЮВ–ССЗ	5,6×4,4** (8×5) 7,3×4,1 (ЮВ–СЗ)	0,35	Канавки с СВ, ЮВ и ЮЗ	Нет
7	Шаровой сегмент («блинообразная» овальная)	6** 6,2×3,5	0,2 0,35	Кольцевой прерывистый (овальные канавки)	Форма искажена
8 (5)	Подпрямоугольная со скруглёнными углами, С–Ю	10×9,5		Канавка с С, 7×1,7 м	Яма на вершине в центре
9 (6)	Сопковидная	15×14	3 ?	Почти кольцевой, с Ю, З, С и СВ, шир. 1,5 м, с 3 – общий с курганом 10 (7)	Траншея и яма в З части и по центру на вершине
10 (7)	Полусферическая	10,5		Кольцевой (?), шир. до 1,5 м, с В – общий с курганом 9 (6)	Яма на вершине в центре
11 (9)	Округлая, шаровой сегмент	8×9		Кольцевой, шир. до 1,75 м	Нет
12 (8)	Округлая, шаровой сегмент	14×13		Кольцевой (?), шир. до 3 м	Нет
13 (14)	Округлая, «блинообразная»	3,5		Почти кольцевой (кроме Ю), шир. до 1,75 м	Нет
14 (12)	Овальная, шаровой сегмент, СЗ–ЮВ	9×7		Почти кольцевой (кроме В), с ЮЗ – общий с курганом 15 (13), шир. до 1,5 м	Нет ?
15 (13)	Овальная, шаровой сегмент, С–Ю	11,75×11,0		Кольцевой, шир. до 2,5 м, с СВ – общий с курганом 14 (12)	Траншея в ЮЗ поле
16 (16)	Округлая, шаровой сегмент	10×9		Кольцевой, шир. до 2,5 м, с ЮЮВ – общий с курганом 17 (15)	Нет
17 (15)	Овальная, двучастная («длинный»), ЗЮЗ–ВСВ	11,5×6–4,5		Кольцевой, шир. до 2 м, с СЗ – общий с курганом 16 (16)	Всхолмление с 3 стороны (выброс ?)
18 (17)	Овальная («удлинённый»), «блинообразная», ЗСЗ–ВЮВ	8×6		Кольцевой, шир. до 2,5 м, с ЮЗ – общий с курганом 19 (18)	Нет

Таблица 2. Окончание

Курган № 1990 г. (в скобках № 1980 г.)	Форма в плане, в разрезе, ориентировка длинной осью	Диаметр, размеры, м	Высота*, м	Ровик, размеры	Повреждения
19 (18)	Овальная («длинный»), ЗСЗ–ЮОВ	9×5		Кольцевой, шир. до 3 м, общий с СВ с курганом 18 (17), с СЗ – с курганом 20 (19)	Нет
20 (19)	Округлая, «блинообразная»	6×6,5		Кольцевой, шир. до 1 м, с Ю и ЮВ – общий с курганом 19 (18)	Нет
21	Овальная, ? ЗСЗ–ЮОВ	8×6		Не прослежен	Нет
22 Предположительно курган	Овальная, З–В	7,5×5,0		Не прослежен	Нет
23 (21)	Овальная («длинный»), шаровой сегмент, ЗСЗ–ЮОВ	11×5		Почти кольцевой (перемычка на СВ), шир. до 2,5 м	Нет
24 (22)	Подквадратная со скруглёнными углами, шаровой сегмент, СЗ–ЮВ	5,5×5,0		Канавки: с СЗ – 3,5×2,0 м; с ЮЗ – 4,0×2,0 м – частично общие с курганом 25 (24)	Нет ?
25 (24)	Овальная, шаровой сегмент, З–В	10×8,5		Почти кольцевой (кроме Ю), с В – общий с курганом 24 (22); шир. до 3 м	Нет
26 (20)	Округлая, шаровой сегмент	10,5		Кольцевой, шир. до 3 м, с З – общий с курганом 27 (27)	Нет
27 (27)	Овальная («удлинённый»), шаровой сегмент, З–В	6×4		Канавка с С, 4,5×1,5 м, с В – общий с курганом 26 (20)	Нет
28 (25)	Округлая, шаровой сегмент	6		Почти кольцевой (кроме В), шир. до 2 м	Нет
29 (26)	Подокруглая, шаровой сегмент	12×11		Кольцевой, шир. до 4 м	Траншеи и ямы в З и Ю полах и на вершине по центру
30 (28)	Округлая, шаровой сегмент	8	0,8	Нет	Нет
31	Округлая	7,5		Предположительно кольцевой, шир. до 1,75 м	Нет
(23) Предположительно курган	Округлая, шаровой сегмент	5×4,5	0,5 ?	Нет	Яма по центру на вершине

* Высотные характеристики курганов съёмки 1990 г. утеряны.

** Указаны размеры насыпей до (в числителе) и после (в знаменателе) раскопок.

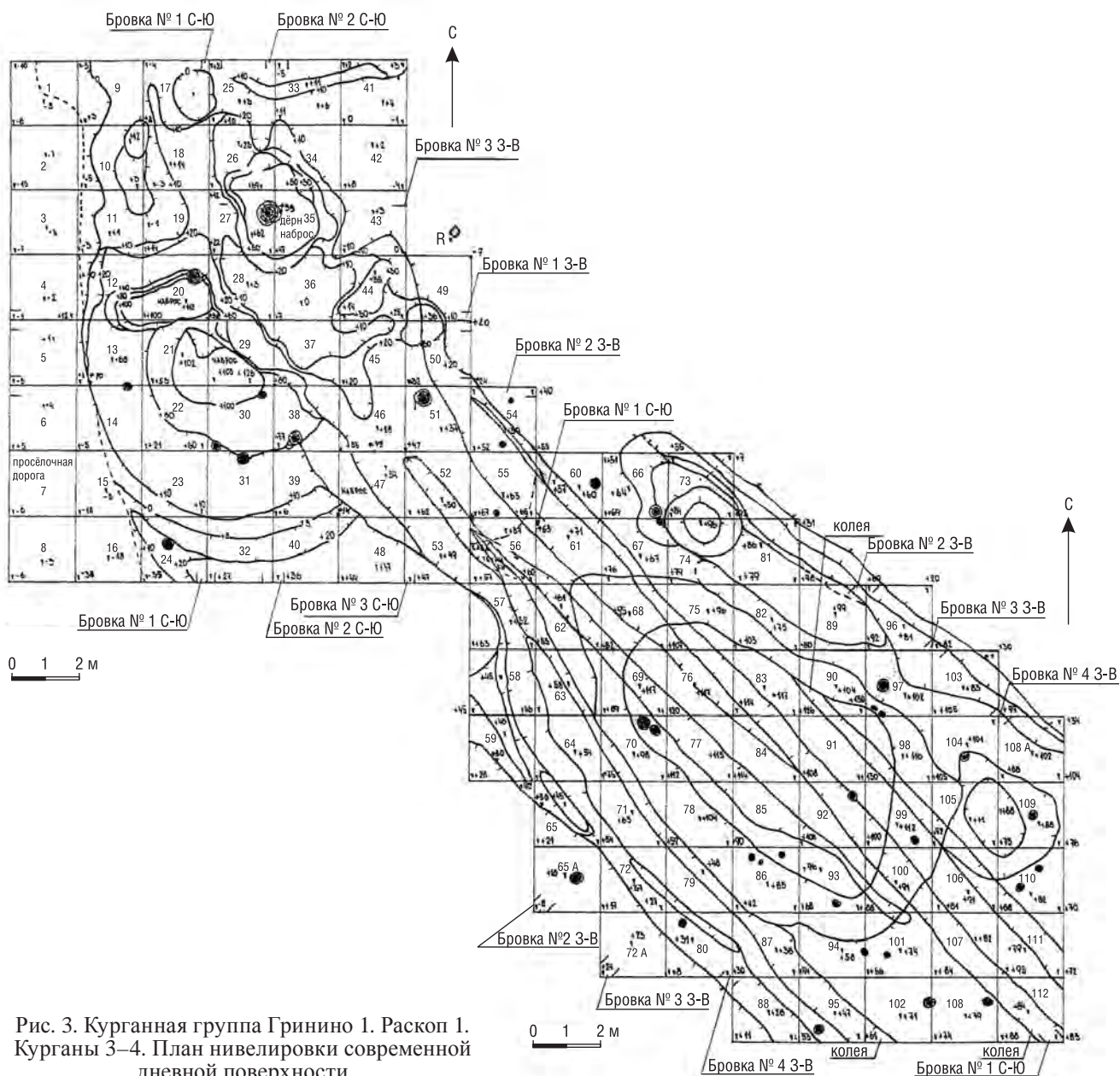

Рис. 3. Курганная группа Гринино 1. Раскоп 1. Курганы 3–4. План нивелировки современной дневной поверхности

стоянка Гринино 7-А, давшая в основном мезолитические материалы. Площадь единого раскопа № 1 на курганах №№ 3–4 составила 460 м² (участок I на кургане № 4 – 224 м²; участок II на кургане № 3 – 236 м²), она была разбита на квадраты 2×2 м (рис. 3). Площадь раскопа № 2 неправильной формы на курганах №№ 5–7 – 414 м². Раскопы были ориентированы по сторонам света.

Грунт на раскопах снимался зачистками по условным горизонтам с учётом литологии с выборкой всех ям и фиксацией всех сооружений и находок в плане и по глубине залегания под нивелир. Насыпи курганов №№ 3 и 4 разбирались сначала до уровня их древней дневной поверхности, затем – до уровня материка стоянки. За нулевой репер (R), общий для обоих раскопов, была принята современная дневная поверхность у бетонной опоры ЛЭП близ кургана № 4 (вершина металлического колышка, забитого у опоры с юга). Стратиграфия участка и объекты исследований фиксировались по стенкам раскопов и бровкам, проходившим через курганы (№№ 3–4, 7) или по разрезам, по мере необходимости (№№ 5–6). Все ямы и всхолмления, в т.ч. связанные с погребениями, раскапывались с фото- и графической фиксацией формы и разрезов, послойно. В ряде случаев скопления кальцинированных костей брались монолитом для последующей разборки в камеральных условиях.

На **I этапе** была выжжена площадка (слой серо-золистого и другого песка с угольками) и сооружена подпрямоугольная насыпь, с использованием естественного рельефа террасы, размерами с ровиками – 10,8×6,8–4,4 м (насыпь – 7,3×6,0–4,4 м), высотой не менее 0,8–1,3 м над прилегающей поверхностью и 0,5 м над уровнем древней дневной поверхности на площадке (естественном всхолмлении).

Под современным дёрном залегают подзол (серо-жёлтый песок) или серо-золистый, светло-коричнево-жёлтый, серо-коричневый песок. Ниже – линзы бурого или коричнево-бурого, рыже-бурого или серо-коричнево-жёлтого песка. Затем – тёмно-серый, местами углистый, серо-коричневый, местами углистый, светло-коричнево-коричневый песок. Основанием для кургана (не на всей площадке, пятна) является тёмно-серый, тёмно-серый углистый, серый углистый, тёмно-коричнево-серый, коричнево-серый углистый песок. Это – слой, связанный с выжиганием вершины, видимо естественного всхолмления, содержащий мелкие угольки, из которого идут ямы от сгоревшей растительности. Под этими слоями залегают линзы жёлтого, серо- и серо-белёсо-рыжего, коричнево-рыжего, коричнево-серого песка с материалами стоянки каменного века. Материк – рыже-бурый и рыжий песок (рис. 5, 6).

Ровики представлены четырьмя канавками по сторонам насыпи с перемычками-входами по углам. Первоначальные ровики были следующих размеров (длина, ширина, глубина): СЗ – 6,5×2,3–1,7×≈0,62 м; С – 4×1,5×0,4 м; ЮВ – 5×2,8×0,96 м; Ю – 5,5×2,0×0,53 м. Перемычки (ширина, длина): ЮЗ – 1×1,5–2,4 м; СЗ – 1×1 м; С – 1,2×1–1,8 м; ЮВ – 1×1,5 м. После увеличения насыпи на **II этапе** С и Ю ровики были удлинены, общие размеры (длина, ширина, глубина): С – 10,8×2,8–1,5×0,65–0,38 м; Ю – 11×2×0,66–0,29 м. Новый ЮВ ровик – 5×2,4×0,74 м. Новые перемычки: ЮВ – 1,5×1,0–2,0 м; СВ – 1,0–3,2×2,0 м. Ровики – овальной в плане формы, с ямами и канавками на дне (прокопаны до уровня ортштейнов), длинные стенки – пологие, редко (у насыпи) – полукруглые (у нового ЮВ – полукруглые), дно – плоское, полукругло-вогнутое, подконическое. Глубина по бровкам – 0,24 – 0,74 – 0,96 м. Заполнение ровиков – оползшие с насыпи слои (например, белёсо-золистый, тёмно-серый углистый, жёлто-серый углистый, буро-рыжий, рыжий), линзы коричневого и серого в различных сочетаниях углистого песка, коричнево-бурого, бурого песка. В новом ЮВ ровике, удалённом от насыпи, под дёрном залежали подзол, бурый и коричнево-бурый; коричнево-серый углистый, серо-рыжий, рыже-коричневый (линза); коричнево-рыжий, рыжий песок. Дно – рыжий с ортштейнами, рыже-коричневый, рыже-серый песок.

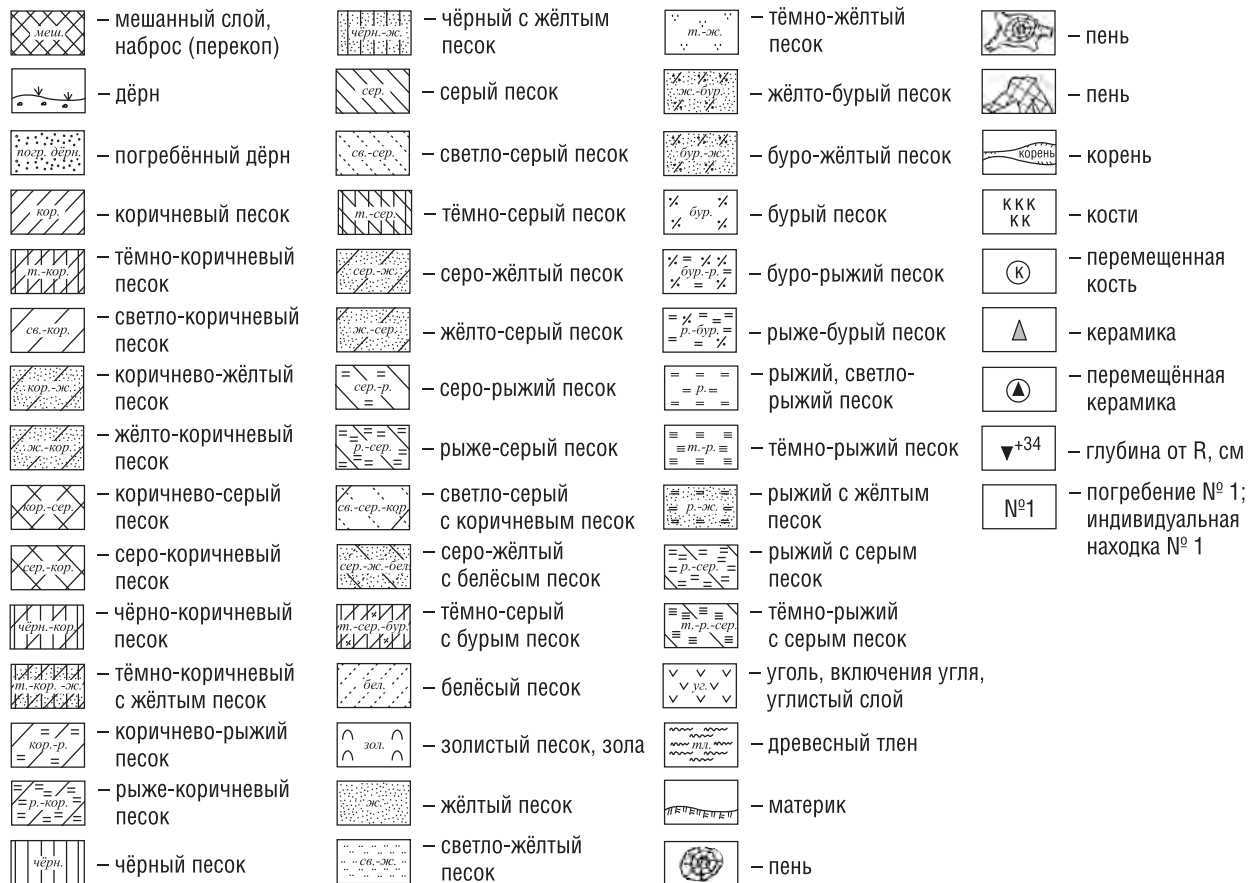

Рис. 5. Курганная группа Гринино 1. Курганы 3–4. Условные обозначения к иллюстрациям в статье

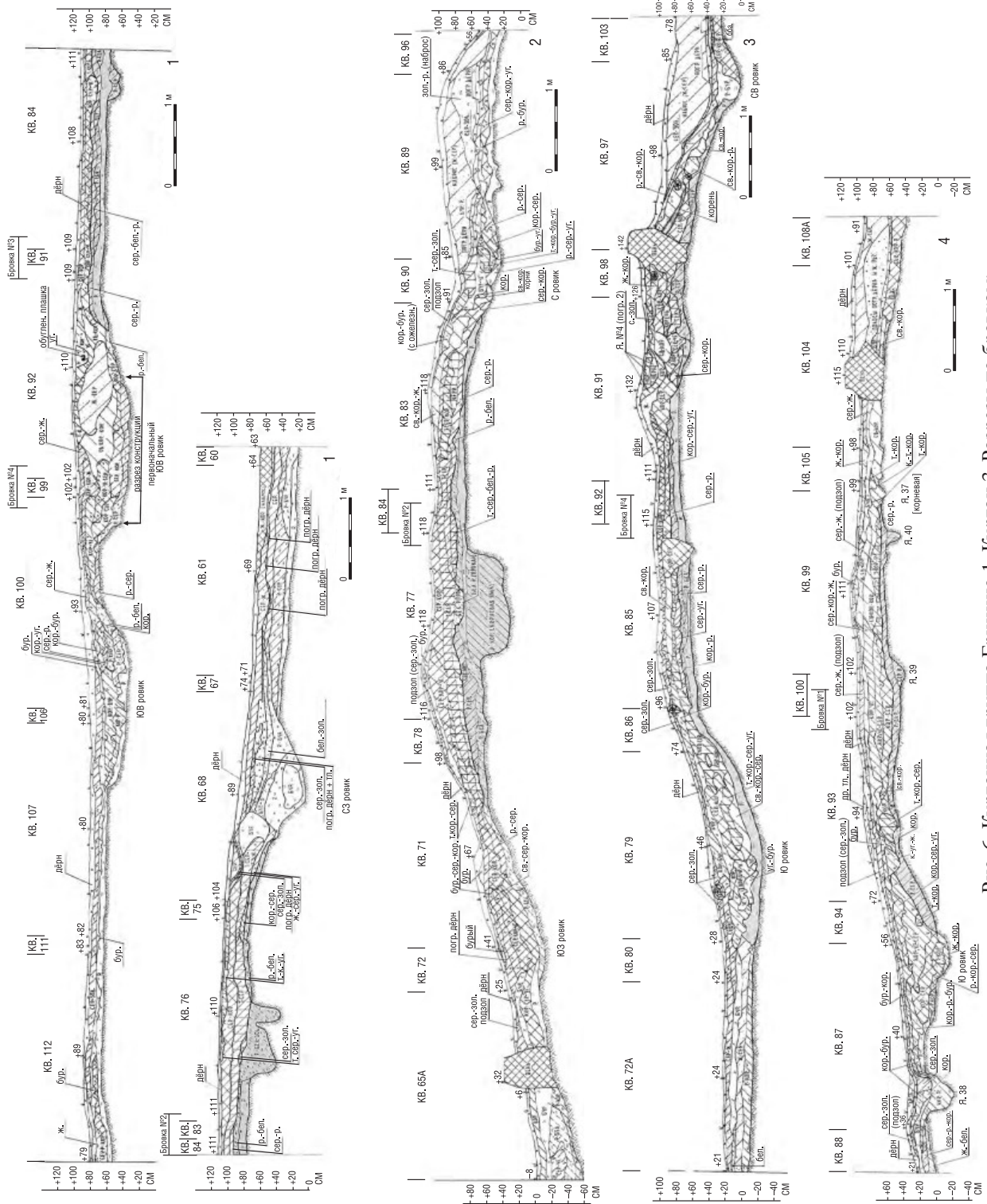

Рис. 6. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. Разрезы по бровкам:
 1 – бровка №1 “ЮВ-СЗ”, с СВ; 2 – бровка №2 “ЮЗ-СВ”, с ЮВ; 3 – бровка №3 “ЮЗ-СВ”, с ЮВ; 4 – бровка №4 “ЮЗ-СВ”, с ЮВ
 (серая заливка – слои стоянки Гринино 7А и ниже; выше – насыпь кургана)

С I этапом формирования кургана 3, вероятно, связано погребение № 1, нарушенное при прокладке ЛЭП. Его остатки прослежены в составе пятна (яма 2) коричневого, серо-золистого и чёрного углистого песка неправильной овальной формы, ориентированного длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ, размерами 1,1×0,33–0,61 м, располагавшегося по центру насыпи в кв. 77–78 на глубине +118–+113/120 см от репера (рис. 4, 7).

Пятно-линза залегало наклонно с ЮЮЗ на ССВ и включало в себя в ЮЮЗ части остатки дёрна, в т.ч. смешанные с коричневым песком. Верхняя часть погребения снята бульдозером и, видимо, перемещена на площадку к С от кургана 4 (кости взрослого человека в кв. 10, 18). Небольшое количество оставшихся после кремации костей встречено в пятнах чёрного углистого, серого золистого и коричневого с дёрном песка. Собственно с остатками погребения № 1 связана ямка в ССВ части пятна-линзы, неправильной формы, размерами 0,62×0,44 м, вытянутая с ЮЮЗ на ССВ, с отходящим на ЮЮВ отростком длиной 0,3 м, шириной до 0,05 м. Остатки ямки имели пологие склоны, округло-подконическое дно, глубину до 0,1 м (чёрный углистый песок – до 0,05 м; коричневый песок – до 0,05 м). Кости, по определению сотрудника Института антропологии МГУ Т.В. Томашевич², принадлежат лошади. В Ю части пятна чёрного углистого песка обнаружена железная В-образная пряжка (рис. 13 : 1). Ниже в кв. 77–78 были выявлены ямы серо-золистого, затем – рыже-серого (песок) заполнения (рис. 6: 2).

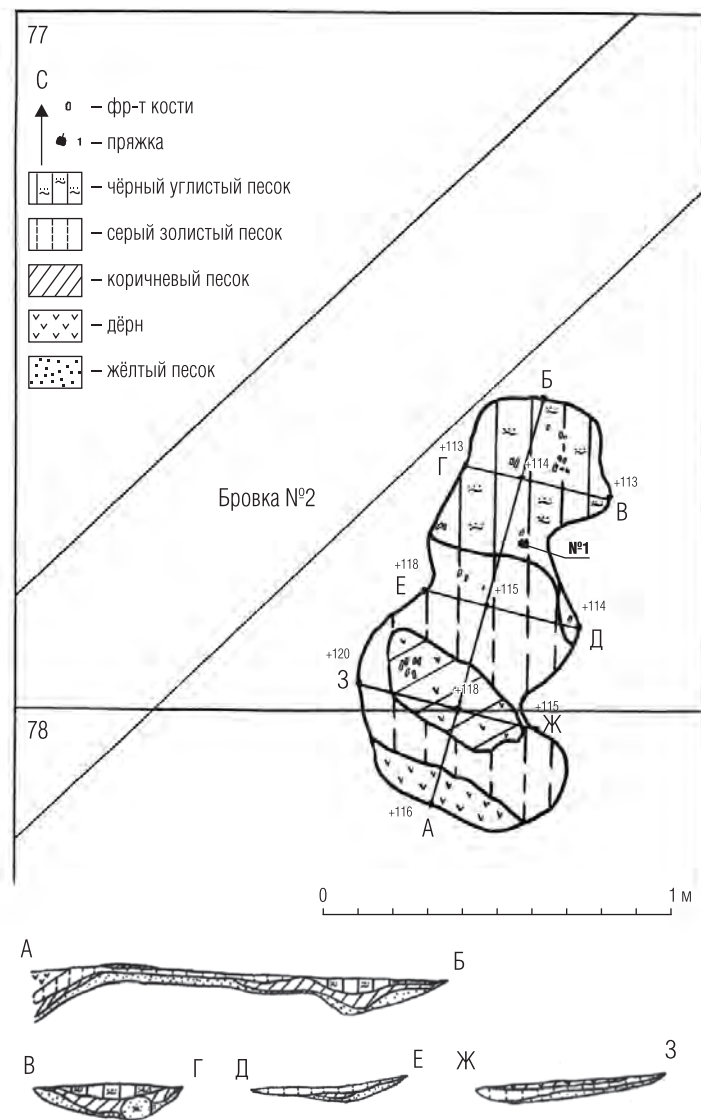

Рис. 7. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. Погребение № 1. План, разрезы

На II этапе формирования кургана 3 было сделано ещё, вероятно, 5 захоронений (№№ 2–6), также по обряду кремации «на стороне», в т.ч. коллективных (№ 6 – не менее 7 человек), в составе которых вместе с костями людей (взрослых и детей, иногда уложенных в яму в анатомическом порядке – послойно) встречено большое количество хорошо очищенных костей лошадей. Захоронения совершены в ямах в “северной” и “центральной” частях ЮВ ровика первоначального кургана, после чего насыпь была увеличена за счёт новых ровиков (продление С и Ю канавок и откопка новой с юго-восточной стороны), возможно, в пределах какой-то дерево-земляной конструкции (рис. 4, 5, 6, 8–12).

Пережжённые кости начали встречаться уже после снятия современного дёрна, в пределах I пласта, в нижней части которого было зафиксировано пятно первоначального ровика кургана: в кв. 91 на гл. +125 см от репера, в кв. 98 на гл. +122–+117 см, в кв. 92, 99 на гл. +120–+119 см от репера. Первоначально тёмно-коричневый песок с костями перекрывал “конструкцию” и погребения, выявленные в ней.

Погребения выделялись по составу заполнения ям и концентрации костей.

Погребение № 2 (яма 4) располагалось на краю (кучка костей и яма) и на западном склоне ровика первоначального кургана, в его северной части, в кв. 91–92 (рис. 4, 5, 6, 8, 9), залегало на древней дневной поверхности.

На верхнем уровне общее пятно ямы 4 имело подэллипсоидную форму, было вытянуто длинной осью с ЮЗ на СВ, имело размеры 0,86×0,62 м и состояло из округлого пятна 0,46×0,48 м тёмно-коричневого песка с примыкающим к нему пятном коричневого и чёрного песка, связанных с неоднородным заполнением ямы, на фоне жёлтого и серо-золистого песка. Яма имела подконическую форму в ЮЗ, наиболее заглублённой, части, полукруглые к округлому дну ЮЗ, З и В стенки и пологое дно

² Благодарим Т.В. Томашевич за определение костных останков из раскопанных курганов могильника Гринино 1.

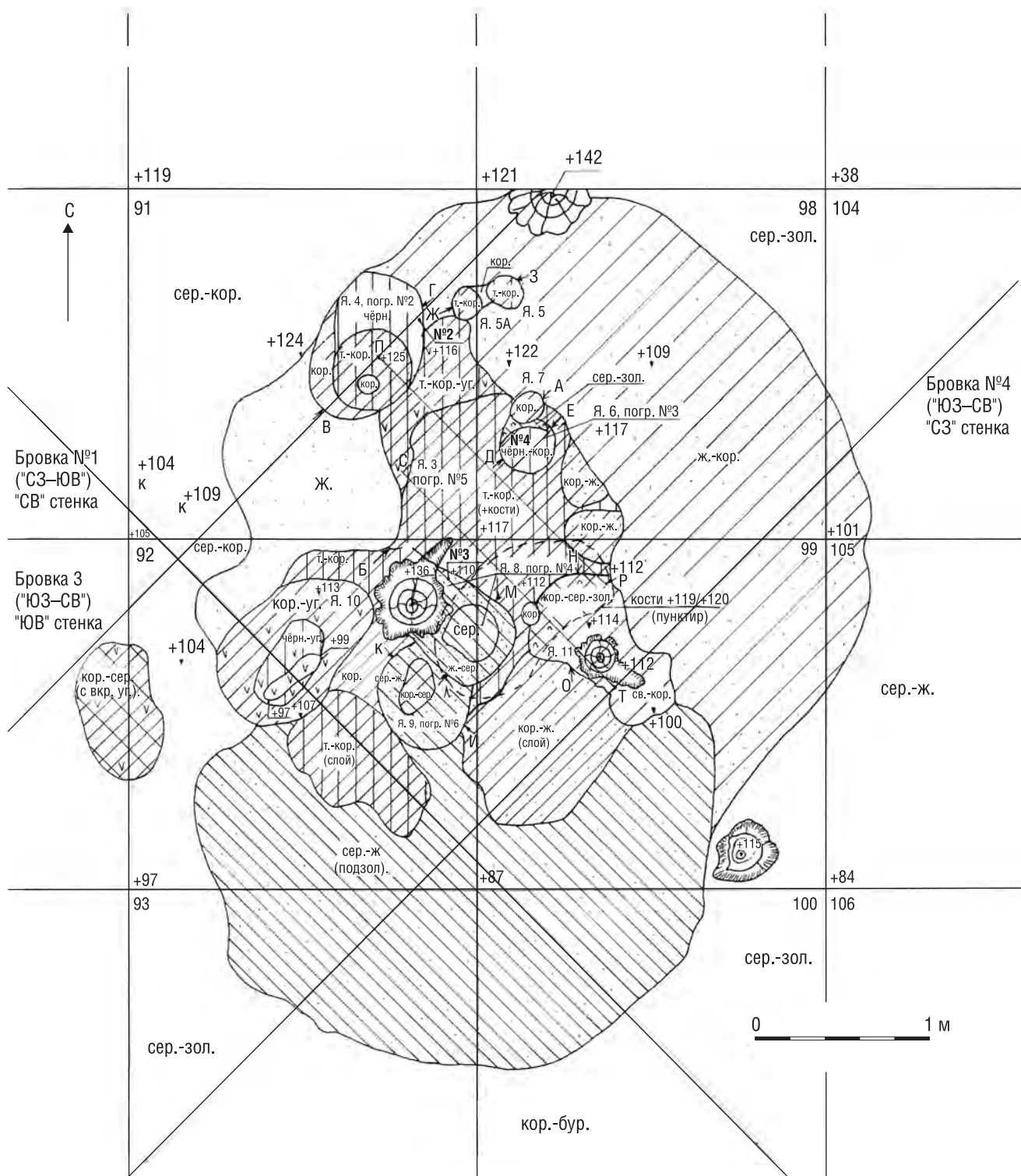

Рис. 8. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. “Конструкция” в ЮВ первоначальном ровике, погребения №№ 2–6. План на верхнем уровне фиксации и разборки погребений

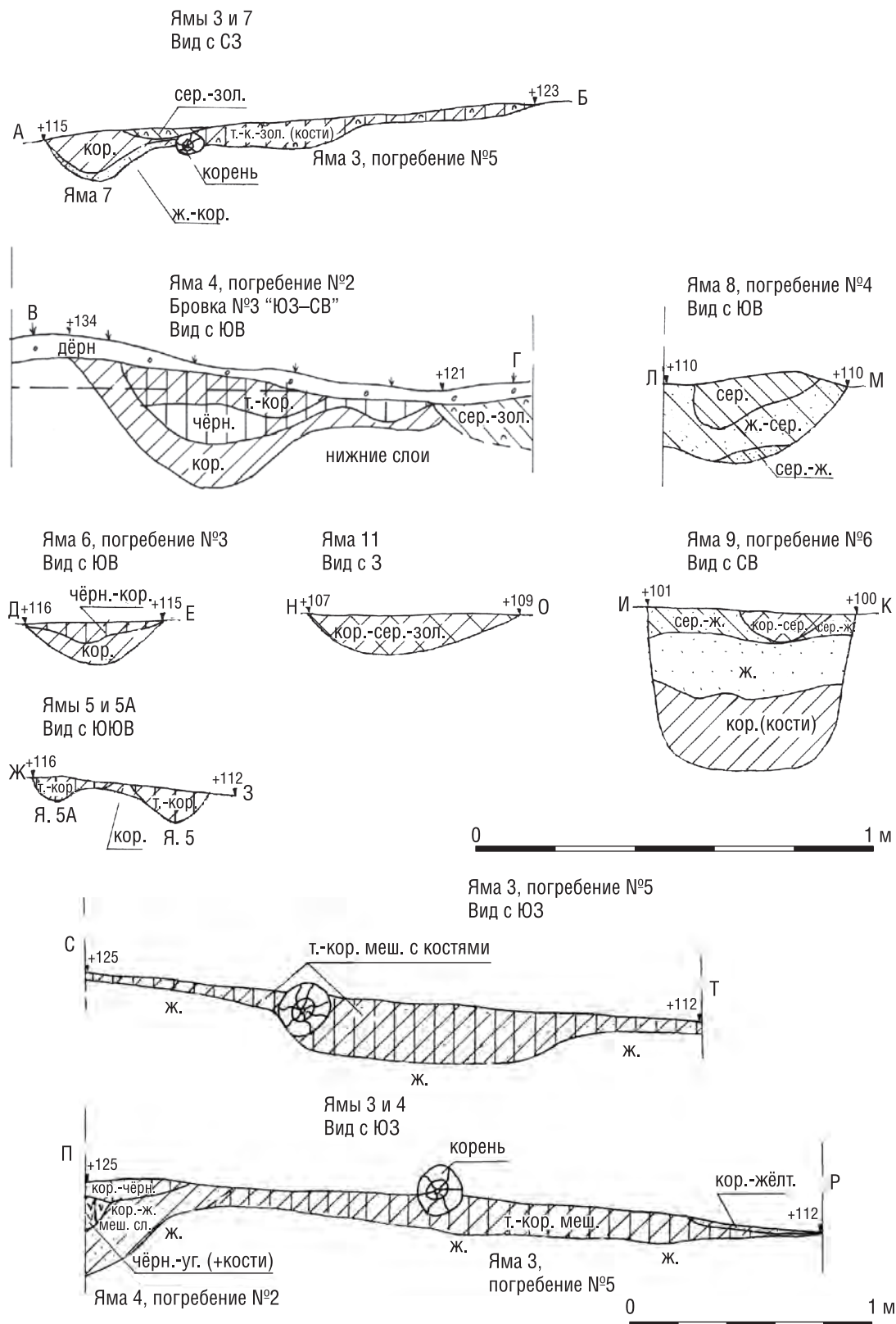

Рис. 9. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. Разрезы погребений и ям в "конструкции"

в СВ части. Глубина ямы от уровня фиксации в ЮЗ части – 0,25 м, в СВ – 0,8 м. Заполнение (сверху вниз) – тёмно-коричневый; чёрный; коричневый, мешанный с чёрным; коричневый, лежащий на дне и по стенкам ямы, песок (рис. 6: 3; 9). Максимум (“спрессованных”) костей находился в чёрном слое заполнения ямы. В СВ части на границе ямы на краю склона ровика (рис. 8) среди костей лошади найдена фрагментированная бронзовая орнаментированная бляха (гл. +116 см от R) (рис. 13 : 2).

Погребение № 3 (яма 6). Пятно ямы (чёрно-коричневый песок) зафиксировано на гл. +117 см от репера в кв. 98 в С части ровика, в 0,6 м к ЮВ от ямы погребения № 2. Оно имело подокруглую в плане форму (включая серо-золистое пятно в С части) и размеры 0,34×0,3 м. Стенки ямы – пологие, дно – подокруглое. Заполнение – двухслойное: сверху – линза чёрно-коричневого (почти чёрного) песка (0–0,06 м), ниже – коричневый мешанный песок (0–0,07 м); глубина ямы – 0,1–0,12 м (рис. 4, 5, 8, 9). Максимум костей – в чёрном слое. Дно – на слое серого песка, прослеженного по всей первичной насыпи или поверхности древнего естественного всхолмления.

При антропологическом анализе костей (подавляющее большинство – лошадей) были обнаружены фрагментированная буса синего стекла (рис. 13 : 4) и обломок черепной кости с прикипевшим оплавленным стеклом.

Погребение № 4 (яма 8). Выявлено в центральной части первоначального ЮВ ровика в кв. 97, 99 в 0,72 м к ЮЮЗ от погребения № 3 и в 0,94 м к ЮВ от погребения № 2 на гл. +112 см от репера (рис. 4, 5, 8, 9). Пятно ямы жёлто-серого песка имело подовальную форму, ориентировано длинной осью с ЮВ на СЗ, размеры – >0,64 (в СЗ части уничтожено деревом)×0,52 м, глубина ямы – 0,2 м. В ЮВ части пятна находилось пятно серого песка неправильной округлой формы размерами 0,32 (СЗ–ЮВ)×0,3 (ЮЗ–СВ) м. Концентрация костей в этом месте отмечалась выше – с уровня тёмно-коричневого песка (гл. +120–+119 см от R). Она образовывала пятно неправильной овальной формы, вытянутое с ЮЗ на СВ, размерами 1,14×0,6 м. Яма 8 имела в сером заполнении, опущенном в жёлто-серое, заглублённую на 0,12 м ЮЗ часть с крутой ЮЗ стенкой и округлым дном, которое более-менее плавно поднималось в СВ части ямы. К СЗ яма заглублялась (или шло заполнение “конструкций”), кости “падали” вниз, заполнение – тёмно-коричневый песок, – возможно, общий слой для “конструкций”. Здесь у корня дерева в кв. 92 на гл. +110 см от R (рис. 8) найдена ещё одна, но бронзовая, В-образная пряжка (рис. 13 : 3). Мощность жёлто-серого песка в заполнении ямы 8 – от 0,08 до 0,18 м; СВ стенка – пологая; дно – подокруглое, ровное. На дне линзами фиксируется слой серого (серо-жёлтого) песка, выявленного по всей древней дневной поверхности кургана. С ЮЗ яма 8 примыкает к яме 9, а точнее впущена в яму 9, имевшую большие размеры, в СВ части (в кв. 92) которой кости (погребение № 6) продолжают залегать ниже ямы 8 в тёмно-коричневом песке.

Погребение № 6 (яма 9). Первоначально зафиксированное пятно ямы 9 примыкало с ЮЗ к пятну ямы 8, было подокруглой со срезанным с СВ краем формы, имело размеры 0,58 (ЮВ–СЗ)×0,44 (ЮЗ–СВ) м. Внутри пятна серо-жёлтого песка находилось пятно ямки коричнево-серого песка неправильной овальной формы, ориентированное длинной осью с ЮЮЗ на ССВ, размерами 0,36×0,18 м (рис. 4, 5, 8, 9).

Ямка этого заполнения имела коническую форму, глубина – 0,08–0,12 м. Выбранная с уровня +101–+100 см от репера, эта ЮЗ часть ямы 9 имела котловидную форму с крутыми стенками и уплощённым дном, глубину – 0,4 м (серо-жёлтый песок – до 0,07 м, жёлтый песок – до 0,16 м, коричневый песок с костями – до 0,18 м) (рис. 10 : А). На уровне заполнения жёлтым песком (+95–+90 см от R) яма 9 имела подвосьмеркообразную форму, была ориентирована длинной осью с ЮЗ на СВ, имела размеры 0,97×0,56–0,42 м (рис. 10: Б). В Ю части ямы на гл. +88 см от репера была зафиксирована округлая ямка диаметром 0,16 м – захоронение черепа (рис. 10 : В). Ниже, на уровне заполнения коричневым песком с мелкими костями, на гл. +78 см от репера, в СВ части ямы проявились линзы серо-коричневого и серого углистого песка (рис. 10 : Г). На последнем уровне фиксации (гл. +64 см от R) яма собственно погребения, заполненная коричневым песком с костями, приняла подокруглую в плане форму, её размеры – 0,46×0,48 м, глубина – ок. 0,3 м (рис. 10 : Д). Это единственная погребальная яма, достигающая дна ровика.

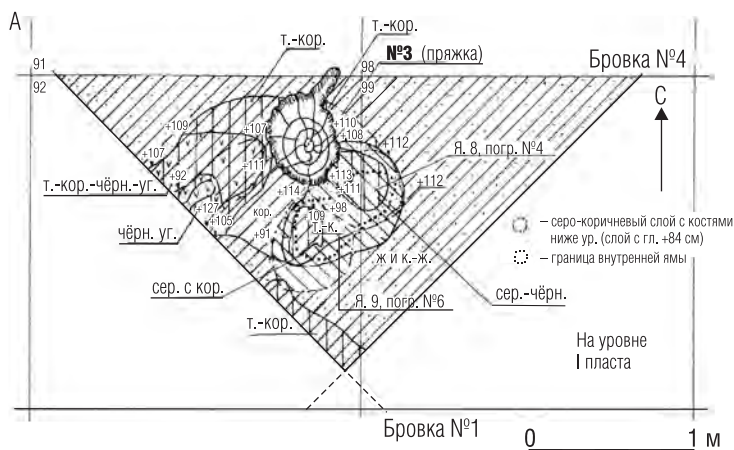

Рис. 10. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. Погребение 6. Планы на разных уровнях фиксации: А – пласта I

Рис. 11. Курганная группа Гренино 1. Курган 3. План на уровне древней дневной поверхности.
Линии разрезов “конструкции” в первоначальном ЮВ ровике

Погребение № 5 (яма 3). Как погребение № 5, в некоторой степени условно, определено заполнение “конструкции” в северной её части и в северной части первоначального ЮВ ровика кургана 3 в кв. 91, 92, 98, 99 (рис. 4, 5, 8, 9). Линза тёмно-коричневого углистого и тёмно-коричневого золистого песка с пережжёнными костями примыкала с СЗ к яме 4 (погребение № 2), с Ю – к ямам 8 и 9 (погребения №№ 4 и 6), она была прорезана ямой 6 (погребение № 3). В ЮВ части её находилась линза коричнево-серо-золистого песка (яма 11) подокруглой формы 0,52×0,48 м, гл. до 0,1 м (на гл. +119–+120 см от R), в СЗ – линза тёмно-коричневого углистого (с угольками) песка (рис. 8, 9). На первом уровне фиксации (+123–+117–+112 см от R) линза неправильной формы имела размеры с ЮЗ на СВ 1,15 м (край нарушен ямой 7 коричневого песка без костей), с СЗ на ЮВ – 1,75 м. Линза заглублялась в центральной своей части с СВ на ЮЗ от 0,1 до 0,5 м, имела плоское дно и в основном пологие стенки (рис. 9).

Сама предполагаемая “конструкция” с погребениями №№ 2 (частично)–6 проявилась, как и границы первоначального ровика, уже после снятия дёрна и I пласта на гл. +124–+117–+100 см (по “склону”). Она выделялась своим заполнением: тёмно-коричневый и коричневый углистый и золистый; коричнево-серый и серый золистый песок, а также жёлто-серый и серо-жёлтый песок с костями и угольками – на фоне жёлтого, серо-жёлтого и жёлто-коричневого песка, заполнявшего ровик в его верхней части (рис. 3, 5, 8, 11). Без примыкавших пятен “слоя” без костей “конструкция” имела дугообразную форму, вогнутую с СЗ. Длина по дуге – 3,6 м, ширина в разных частях – 0,8–1,3–1,4 м. В её состав в ЮЗ части, вероятно, входила яма 10 (рис. 4, 5, 6: 1; 8), имевшая на первом уровне фиксации (+113 см от R) подовальную форму, размеры 1,0×0,6 (ниже – 0,8) м (ориентирована длинной осью с ЮЗ на СВ), заполненная по краям коричнево-углистым песком. Почти в центре ямы 10 находилась ещё одна (внутренняя) яма чёрного углистого (с угольками) заполнения овальной формы, размерами 0,54 (ЮЮЗ – ССВ)×0,28 м. Ямы – подконической формы, глубиной 0,17 м (тёмное углистое заполнение; коническо-округлое дно, полукруглые стенки) и 0,23 м (коричневое смешанное заполнение; коническое дно, пологие стенки). Во внутренней тёмной углистой яме на гл. +99–+117 см от R лежала деревянная обугленная плашка размерами 0,40×0,08–0,10×0,04 м. В этих ямах найден только один обломок сожжённой кости. Сами они начинались сразу же под современным дёрном (рис. 6: 1), но, исходя из разрушения поверхности кургана землеройной техникой, полностью исключать принадлежность обугленной деревянной плашки к погребальной конструкции нельзя.

По сделанным на уровне древней дневной поверхности (гл. +81/79–+78/75 см от R) разрезам, когда ямы и линзы погребений, кроме погребения № 6 (яма 9), закончились, размеры “конструкции” составляли: с СЗ на ЮВ 2,1 м, с СВ на ЮЗ – 2,5 м (рис. 4, 5, 6: 1; 11, 12). Из-за находящегося в центральной части “конструкции” и ровика корня дерева (яма тёмно-коричневого песка) характер дна “конструкции” и её заполнение определить однозначно трудно. Возможны варианты как уплощённого, горизонтально-наклонного (по нижней границе линзы углистого коричнево-серого песка – 1,2×0,5–1,2 м), так и подокругло-конического (по верхней границе рыже-серого песка) дна. ЮЗ стенка “конструкции” могла быть полукруглой ступенчатой, СЗ, СВ и ЮВ – пологими. Предполагаемая глубина от уровня фиксации в верхней части “конструкции” – 0,8–1,0 м. “Конструкция” (и соответствующая часть первичного ЮВ ровика) была заполнена линзами светло-коричнево-коричневого углистого, коричнево-серого и серо-коричневого песка, на дне – углистого коричнево-серого (ниже, возможно, тёмно-коричневого) песка. Вдоль предполагаемых краёв “конструкции” прослеживались наклонно залегающие линзы серого углистого песка (рис. 6: 1; 11–12).

Последовательность захоронения, после кремации “на стороне”, умерших в кургане 3 могла быть следующей.

Сначала было совершено погребение № 1 на выжженной площадке в её центральной части. Возможно, это было захоронение костей «кучкой» и в ямке, не исключено отнесение к этому погребению смещённых бульдозером за курган 4 (и рассыпанных по ходу его движения) фрагментов сосуда и костей, в т.ч. взросло-го субъекта.

Затем, через какой-то промежуток времени, когда частично заполнился первоначальный ЮВ ровик, практически одновременно были совершены остальные захоронения. Причём погребение 2 (кости «кучкой» и в ямке) располагалось частично на древней дневной поверхности первоначального кургана, частично сползло в ровик, частично – в ямке на склоне (не исключено, что погребение в ямке было перекрыто костями рассыпью в тёмно-коричневом песке). В пределах С части ровика, вероятно, была сооружена дерево-земляная “конструкция”, заполненная коричневым и серым песком, в т.ч. тёмно-коричневым углистым, с угольками и сожжёнными костями, внутри которой в ямках были сделаны захоронения №№ 3–6. Затем часть “конструкции” была засыпана тёмно-коричневым песком с угольками и костями.

Костные останки

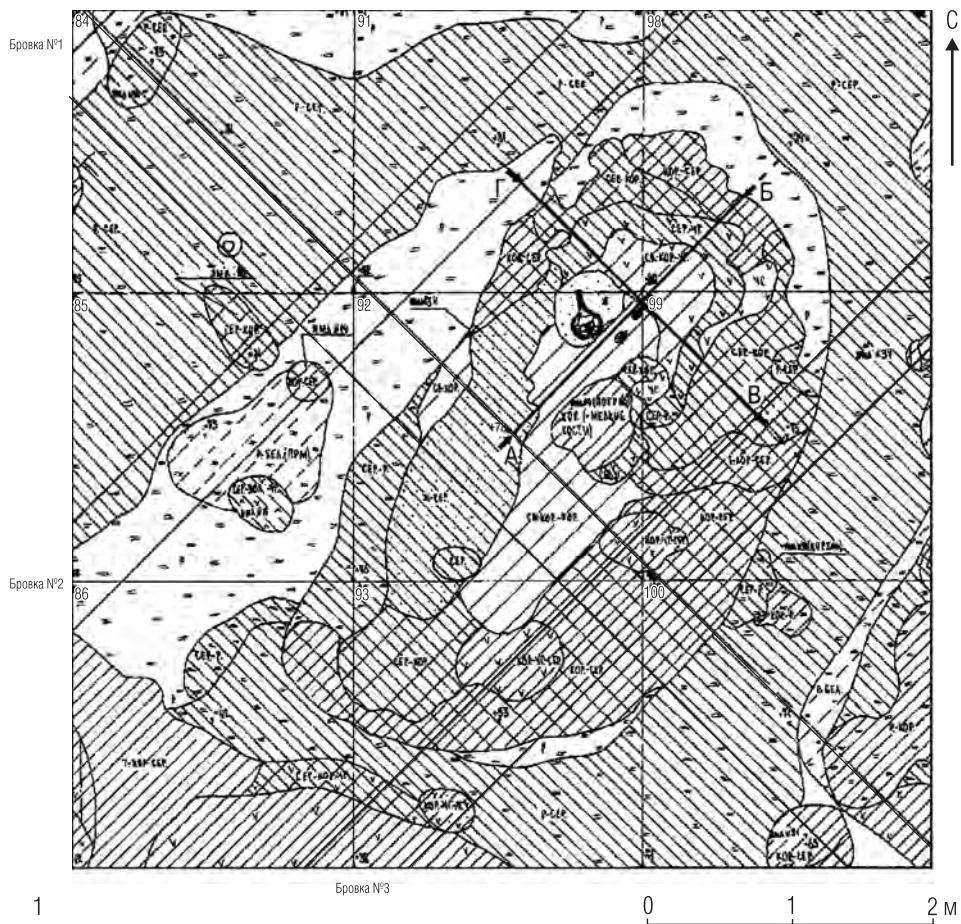
Встреченные в кургане 3 кости в разной степени «сожжены» и фрагментированы, принадлежат как человеку, так и лошади, перемешаны, что связано с одновременным сожжением человека и животного. Все кости очищены после кремации, причём человеческие кости после угасания костра, вероятно, по мнению Т.В. Томашевич, обливались водой, а лошадиные – нет.

Разрозненные кости располагались в пределах одного пласта на разных участках насыпи, в т.ч. на её склонах. Некоторые из них, возможно, связаны с костными наборами в погребениях³.

В остатках (нижняя часть) погребения № 1 (кв. 77, пласт I) с железной В-образной пряжкой найдены в основном кости лошади и 3 фрагмента черепа (один со швами), принадлежащие лошади (?). Вес – 14,6 грамма.

В погребении № 2 (кв. 91, пласт I и яма 4) с обломком сбруйной бляхи абсолютно преобладают лошадиные кости, в их числе – обломки зубов, черепа с челюстями. К человеческим останкам можно отнести фрагмент черепа и, возможно, обломки мелких трубчатых костей. Причём фрагменты человеческих костей встречены преимущественно в верхней части захоронения (захоронений ?). Общий вес костей, связываемых с погребением № 2, – 1173,3 грамма, из них достоверно лошадиных примерно 1169 граммов.

³ Анализ основан на предварительном заключении о костных материалах могильника Гринино 1 Т.В. Томашевич и не претендует на абсолютную точность результатов и исчерпанность темы – *И.Ч.*

1

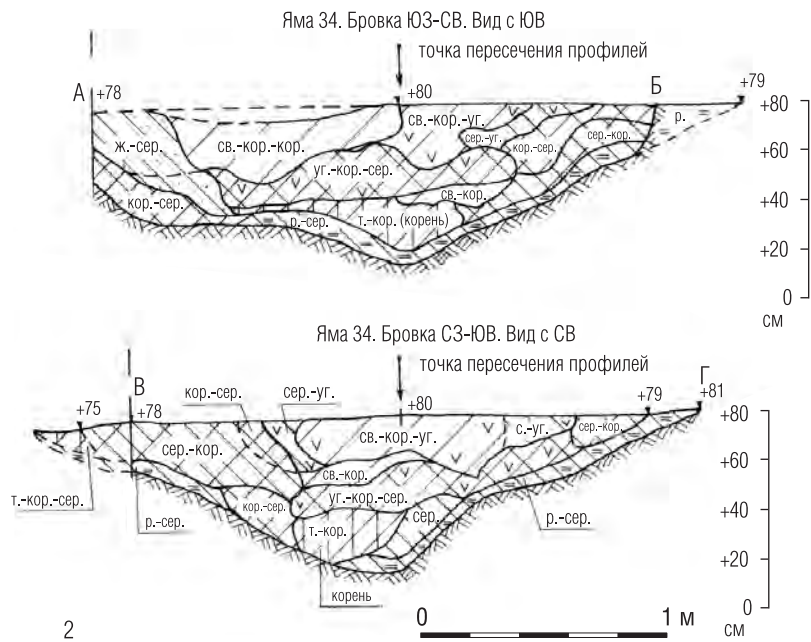

Рис. 12. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. План первоначального ЮВ ровика и “конструкции” на уровне древней дневной поверхности, после выборки погребений №№ 2–5 (1). Разрезы “конструкции” (2)

Из погребения № 3 (кв. 98, яма 6) с бусой синего стекла происходит 340 граммов кальцинированных костей, главным образом лошадиных (обломки позвонков, зубов, но в основном – диафизов), присутствуют, видимо, и человеческие (фрагмент черепа (?) с “припаявшимися” кусочками стекла).

Погребение № 4 (кв. 92, 99, яма 8), к которому (или к нижней части “конструкции”), возможно, относится бронзовая В-образная пряжка, связано с единичным трупосожжением субъекта возраста ранний *maturus* (≈ 35–45 лет), вероятно, женского пола. Наличие костей животных – сомнительно. Общий вес найденных в яме погребения костей – 562,4 грамма, в т.ч. черепа – 94 гр. (16,714 % общего веса), диафизы длинных костей – 295,1 гр., тонкая компакта – 70,7 гр., эпифизы – 19,6 гр., компакто-губчатое вещество (позвонки, тазовые кости и др.) – 64,4 гр. Прочее – 18,6 грамма.

Погребение № 5 (кв. 91, 92, 98, 99, яма 3) содержало обломки кальцинированных костей общим весом 517,4 грамма, причём в кв. 91, 98, ближе к погребению № 2, в основном залежали кости лошади и найдены 2 фрагмента бесспорно человеческих костей, общий вес – 125 гр., а в кв. 98, 99, ближе к погребению № 3, – костей *Ното* и *Equus* было примерно поровну (общий вес костей – 392,4 гр.).

Явно лошадиных – 159,6 гр., человеческих – 152 гр., в т.ч. череп (23 гр.), коронки резца и клыка, 7 корней различных зубов, фрагменты нижней челюсти, височной кости с чешуйчатым швом, вертлужной впадины, достаточно крупных диафизов предплечья, 4 фаланг кисти и пр. Трудноопределимых костей – 80,8 грамма. Человеческие кости связаны с 2 субъектами: в основном – с взрослыми; коронки зубов – с ребёнком (*infans I*).

Погребение № 6 (кв. 92, 99 (под погребением № 4), яма 9) образно охарактеризовано Т.В. Томашевич как «братская могила людей и лошадей» (хотя останков лошадей в нём несравнимо меньше – точно не менее 14,7 гр. из 2082,62 граммов; это определение больше подходит ко всему комплексу захоронений (№№ 2–6) в “конструкции” в ровике). Исследовательница отмечает «анатомический порядок» в укладке костей в части погребения (черепа и – ниже – кости скелетов), плохое сожжение группы костей взрослого человека (серый цвет), наличие в составе костей, представляющих черепа и полные скелеты кремированных, таких редко сохраняющихся костей, как крупные носовые. Судя по количеству пирамид, погребение представляет собой захоронение остатков сожжения не менее 7 человек: взрослого мужчины (*adultus-maturus*), взрослой женщины (?), 3 подростков (*infans II-juvenis*), 1 ребёнка (*infans I*) и 1 неясного субъекта.

Таким образом, в кургане 3 обнаружены кремированные останки не менее 8 человек разного возраста и пола и какого-то количества (до 11) лошадей. Общий вес найденных костей составляет более 4800 гр., из них человеческих – ок. 2800 гр., лошадиных – более 1900 гр., остальные – неопределимые. При этом вес зафиксированных вне погребений костей равен примерно 125 гр. (человеческие, лошадиные и неопределимые). Возможно, часть из них при более тщательном анализе сможет быть скоррелирована с какими-то из раскопанных в ямах погребениями. Скорее всего, они не связаны с отдельным самостоятельным захоронением типа «кости россыпью» на площадке или на насыпи кургана.

Кости, перемещённые бульдозером, в пределах кургана 3 и примыкающей площадки (кв. 54–56, 60–63, 67–69, 75, 76, 82-?) (рис. 4, 14) принадлежат в основном лошади или не определены, но среди них есть и человеческие: общий вес – 63,17 гр., из них человеческих – менее 8,9 гр. Неопределимых – менее 6,32 гр.

Обращают на себя внимание небольшие отдельные группы костей (рис. 4), расположенные на склонах кургана и над и в заполнении ровиков: в кв. 64, 65, 70 в ЮЗ части насыпи (общий вес – 7,45 гр., человеческих – не более 6,1 гр., остальные – неопределимые), возможно, также связанные с бульдозерным ходом; в кв. 79, 86 в Ю части насыпи, на склоне насыпи и ровика, возможно, связанные со скоплением керамики № 3 (общий вес – 3,27 гр., в т.ч. 1,92 гр. – человеческие, 1,35 гр. – неопределимые); в кв. 97, в бровке № 3 над ровиком, в ЮВ части кургана (1,45 гр., кости человека и лошади ? или нет определения).

Состав костей в погребениях в кургане 3 могильника Гринино 1 позволяет говорить о наличии как преимущественно лошадиных, так и смешанных погребений.

Кроме того, судя по шлейфу находок костей и фрагментов одного сосуда, вероятно, к кургану 3 (и в частности к погребению № 1) может относиться и перемещённое захоронение на площадке к СЗ от кургана 4, в квадратах 10, 18 и, частично, 9, 17 участка I раскопа (в конце бульдозерного хода, снявшего вершину кургана 3 и разрезавшего посередине курган 4). Здесь вместе с фрагментами лепного орнаментированного сосуда были найдены кальцинированные кости (14, 33 гр.), в т.ч. черепа (4, 6 гр.) взрослого человека (рис. 14).

Вещевой инвентарь

Вещевой погребальный инвентарь кургана 3 могильника Гринино 1 состоит из трёх металлических изделий, стеклянной бусы и двух или трёх разбитых керамических сосудов, а также отдельных фрагментов сосудов. Среди металлических вещей – две В-образные пряжки (железная и бронзовая) и фрагмент бронзовой бляхи. Как и буса, они обнаружены в погребениях, среди кальцинированных костей. Нижние части двух сосудов найдены близ или в составе небольших скоплений костей в ровиках кургана, напротив друг друга. Обломки верхней части третьего сосуда связаны с захоронением, вероятно, сдвинутым из кургана 3 и перемещённым на площадку за курган 4. Об этом свидетельствуют как направление борозд и валиков (колеи и отвалы), оставленных техникой, зафиксированных перед раскопками на современной (1989 г.) дневной поверхности (рис. 3), так и отдельные фрагменты этого сосуда, залежавшие в набросе по ходу движения, видимо, бульдозера (рис. 4, 14).

Первая В-образная пряжка (рис. 13 : 1) – рифлёная, с прямоугольным выступом на язычке (имитация вставки ?) – найдена в кв. 77 при снятии I (после раздерновки) пласта в чёрном углистом слое, содержащем

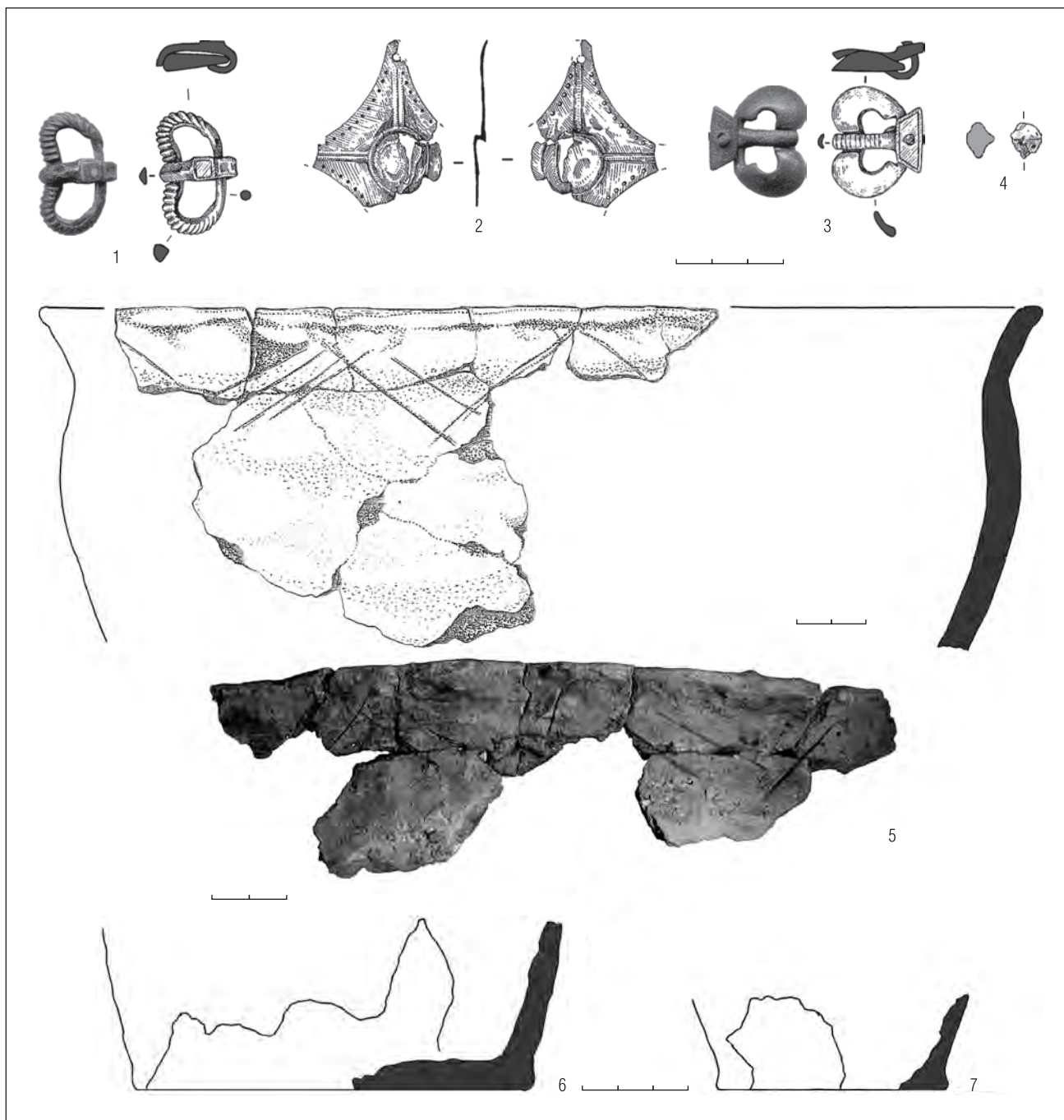

Рис. 13. Курганная группа Гринино 1. Курган 3. Погребальный инвентарь:

1 – В-образная пряжка, железо; погребение № 1; 2 – фрагмент «крестовидной» бляхи, бронза; погребение 2; 3 – В-образная пряжка, бронза; погребение № 4 или нижнее заполнение «конструкции»; 4 – фрагмент бусы, стекло; погребение 3; 5 – часть сосуда 3, керамика; раскоп 1, курганы 3–4; 6 – часть сосуда из скопления 1, керамика; северный ровик; 7 – часть сосуда из скопления 2, керамика; южный ровик

небольшое количество кальцинированных костей, среди которых преобладали лошадиные, т.е. в остатках (нижняя часть) погребения № 1, самого раннего (?) в кургане. Она изготовлена из чёрного металла, приобретшего после пребывания в костре некоторую “бронзоватость”. Размеры пряжки: с язычком – 3,4×3,6 см; рамки – 1,9×3,6×0,5×0,5 см. Пряжка имеет признаки стилистических групп III Витково и V Притцир-Полибино, по И.А. Бажану и С.Ю. Каргапольцеву [8, с. 28, рис. 1–2]. Морфологически пряжка аналогична изделию из Линдоры [9, рис. 52 : 1], а рифление около утолщения на язычке отсутствует, как у пряжек из могильников Млёвский Бор (Тверская область) и Липуха. Судя по хронологической таблице в статье И.А. Бажана и С.Ю. Каргапольцева [8, рис. 3], пряжки группы III датируются от 2-й пол. IV в. до 3-й четв. V в., а пряжки группы V – от рубежа IV–V вв. по 1-ю четв. V в. По мнению Е.Р. Михайловой, такая типология аморфна, а даты заузены [10, с. 52–54]. Она считает, что пряжки с рифлёной В-образной рамкой по своему происхождению связаны с центрально-европейскими древностями, где датируются в пределах V – нач. VI в. В Восточной Европе они должны относиться к тому же времени, но отдельные изделия известны и позднее – в VII в. М. Аун датирует такую пряжку из могильника Линдора VI–VII вв. н.э. [9, с. 128].

Технико-технологический, металлографический и другие анализы пряжки, как и других изделий из раскопок могильника Гринино 1 не проводились.

Вторая, бронзовая, пряжка с гладкой полкой В-образной рамкой и трапециевидной пластиной в основании язычка, имеющего рифлёные насечки (рис. 13 : 3), обнаружена в погребении 4 (кв. 92, яма 8) или в нижней части “конструкции” на гл. +110 см от репера (рис. 8). Её размеры (с язычком) – 2,7×3,4×0,3 см. Пластина имеет отверстие, через которое она изогнутым шпильком присоединена к язычку (возможно, это свидетельство ремонта пряжки). По периметру основания язычка расположен линейный орнамент, на конце язычка – рифление.

Подобные, но с иными язычками, пряжки отнесены В.Б. Ковалевской к отделу V: типу I [11, табл. XVIII : 18] и типу V [11, табл. XIX : 1] – и датированы в целом VI–VII вв. н.э.

Близкие, но не аналогичные пряжки происходят из могильников Бор (курган 2) и Липицы (курган 11, погребение 1) [10, рис. 9 : 7, 8]. Датировка подобных пряжек весьма предварительна: 2-я пол. VI–VII в. или уже: 2-я пол. VI – 1-я пол. VII в. [10, с. 55].

В погребении № 4 захоронены кремированные останки женщины 35 лет.

В погребении № 2 (кв. 91, пласт 1, гл. +116 см от репера) среди кремированных костей лошади находился фрагмент бронзовой пластинчатой ромбовидной (крестообразной) бляхи с вогнутыми краями с орнаментом: круг в центре с отходящими четырьмя двойными линиями (в углы) и точечные вдавления по периметру, – с отверстием для крепления на сохранившемся конце. Размеры фрагмента бляхи – 4,5×3,7×0,05–0,3 см (рис. 13 : 2).

Ближайший аналог бляхи – с сохранившимися шарообразными завершениями углов ромба – происходит из кургана 25 могильника культуры псковских длинных курганов (КПДК) Шихино (р. Волчина, Волжский бассейн, Тверская область) [12, рис. 11].

Прототипами подобных блях, возможно, являлись балтские сбруйные украшения римского времени и эпохи Великого переселения народов [см.: 13, с. 310, рис. 9 : 5–8; 14, рис. 12]. М.М. Казанский рассматривает появление крестообразных блях в лесной зоне Восточной Европы как свидетельство проникновения западнобалтских культурных элементов в финскую среду. По мнению Е.Р. Михайловой, со ссылкой на С.Г. Попова, грининская (и шихинская) бляхи датируются 2-й пол. V–1-й третью VI в. [10, с. 124].

Подобные бляхи, возможно, имеют более широкую датировку – до VII вв. н.э.

Дата C^{14} углистого грунта из заполнения погребения № 2 в кургане 3 могильника Гринино 1 (с калибровкой) – 610 ± 30 л. н.э. [7, с. 165], некалиброванная дата (ЛЕ-3726) – 1450 ± 30 л.н. (руб. V–VI вв. н.э.).

Обломок бусы синего цвета (по мнению О.М. Олейникова, ближневосточного производства) найден Т.В. Томашевич при камеральной разборке костей из погребения № 3, принадлежавших лошади (рис. 13 : 4). Размеры фрагмента – 0,8×0,8×0,8 см. Обломок обожжён, форма бусы неясна, возможно, она была 14-гранная. Кроме бусы в погребении обнаружен и фрагмент черепа с прикипевшим стеклом синего цвета, возможно, частью той же бусины. Его размеры – 1,3×1,0–0,7×0,6 (стекло – 0,4)–0,1 см.

Скопление керамики (нижняя часть лепного сосуда с дном, более чем в 40 мелких фрагментах) зафиксировано в СЗ части северного ровика-канавки кургана 3 (кв. 82, 75, гл. +47–+40 см от репера) (рис. 4). Дно – плоское, со слабовыраженной закраиной, сформовано с подсыпкой песка и мелкой дресвы. В верхней части – прочерченная линия. Примеси в опесчаненном тесте – крупная дресва, шамот (бурый железняк ?). Цвет поверхности – светло-жёлтый и рыже-жёлтый. Обжиг – трёхслойный (средний слой – чёрный). Размеры склеенной (более 13 фрагментов) части сосуда – 9,8×5,9 см, толщина стенок и дна – 0,4–1,0 см (рис. 13 : 6).

Обнаруженный здесь фрагмент кости принадлежал лошади (1 гр.).

Второе скопление керамики (также нижняя часть лепного сосуда в более чем 10 мелких расщепившихся фрагментах) найдено на С склоне в СЗ и центральной частях южного ровика-канавки (кв. 72, 79, 87, гл. +37–+17/15–+1 см от репера) (рис. 4). Дно – плоское, с небольшой закраиной (вогнутость стенки перед дном), сформовано с подсыпкой песка. Внешняя поверхность заглажена. Примесь в опесчаненном тесте – дресва. Цвет поверхности – песочно-жёлто-рыжий (рис. 13 : 7). Найденные рядом кости (3,27 гр.) принадлежали человеку (1,92 гр., в т.ч. черепа) или не определены.

Фрагмент (склейка из двух расщепившихся) стенки, возможно, ещё одного лепного сосуда с заглаженной внешней поверхностью рыже-коричневого цвета, с примесью мелкой и средней дресвы в тесте (без песка), размерами 4,6×2,6 см обнаружен за пределами насыпи над последним ЮВ ровиком кургана 3 (кв. 109, гл. +52 см от репера).

Третье скопление керамики найдено в смещённом с первоначального места, переотложенном виде. В нём была представлена верхняя часть лепного слабопрофилированного сосуда открытого типа (рис. 13 : 5). Край венчика слегка отогнут наружу, с закраиной наружу, срез – плоский. Плечико слабо отогнуто, шейка – высокая. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены, имеют следы расчёсов. По шейке и плечу – геометрический нарезной орнамент из пересекающихся прочерченных линий. Глиняное тесто – не опесчанное, примесь – крупная дресва. Цвет поверхности – рыже-серо-коричневый. Часть фрагментов сосуда находилась среди костных останков погребения, обнаруженных в перемещённом виде в раскопе на кургане 4 (кв. 10, яма 1, гл. -19– -21 см от репера; ок. 20 фрагментов, в т.ч. расслоившихся) (рис. 14, 17).

Некоторые из этих фрагментов (среди них и имевшие старые сломы) склеились с обломками, обнаруженными в перемещённом с кургана 3 грунте (тёмно-коричневый песок по ходу движения землеройной техникой): кв. 53, гл. -24 см от репера и кв. 56, пл. I, гл. +53 см от репера; кв. 57, пл. I, гл. +53 см от репера. Фрагменты этого сосуда (1 – венчика, остальные – стенок) зафиксированы в кв. 55, гл. +51 см; 62, гл. +53 см и пл. I; 54, пл. I, гл. +21 см и +54 см; 50, гл. -10 см; 52, гл. +40 см; 36, гл. -11 см; 31, гл. +18 см (насыпь), 34, гл. -9 см от репера. Возможно, к этому же сосуду относится и фрагмент расслоившегося плоского дна, сформованного с подсыпкой песка, из кв. 1 (?). Всего от этого сосуда найдено около 40 обломков.

Нижние части сосудов, обнаруженных в ровиках кургана 3, не дают достаточных данных для определения их культурно-хронологической принадлежности, не противореча их связи с керамикой культуры длинных курганов.

Сосуды, подобные по форме сосуду из третьего скопления, известны на позднедьяковских памятниках, представляют собой, видимо, развитие керамических традиций местного (балтско-финского) населения края. Прочерченный (нарезной) орнамент встречается (достаточно редко) на керамике раннего железного века лесной зоны Восточной Европы: на памятниках культуры штрихованной керамики, мощинской и позднедьяковской культур, в т.ч. в Тверской области на городищах Отмичи [15, рис. 140 : 3] и Поминово. Верхняя хронологическая граница существования этих памятников (и, видимо, такой керамики) – VI–VII вв. н.э.

Курган 4

Курган находился в 7 м к СЗ от кургана 3. В 1980 г. он имел форму шарового сегмента, диаметр 10 м при высоте 1,5 м. С С, В и Ю прослеживались ровики. Вершина в центре была нарушена задернованной ямой, насыпь поросла соснами. При прокладке ЛЭП курган был разрезан землеройной техникой (бульдозером) с уничтожением С части почти до основания, разрушением В и ЮВ частей, в Ю части одна из ям, вероятно, выкопана и засыпана обратно экскаватором; прилегающая с С и В и ЮВ территория, включая ровик, была перекрыта сдвинутым, в т.ч. из кургана 3, грунтом, вдоль З части насыпи проходила грунтовая дорога вниз – в пойму реки (рис. 3).

Характер разрушения кургана позволяет предложить лишь гипотетическую реконструкцию его создания. Основанная на полевых наблюдениях и первичной обработке графических- и фотоматериалов фиксации, она выглядит следующим образом.

Для насыпки кургана был также использован рельеф местности. Курган создавался в несколько этапов с увеличением размеров по площади и в высоту.

На **первом этапе** была выжжена растительность на, возможно, небольшом естественном всхолмлении (кв. 20 (южная часть), 21, 29, 30 – слои песка: светло-серый с угольками (основной) с пятнами чёрного, тёмно-серого углистого, тёмно-серого и серого золистого, а также коричнево-жёлтого, коричнево-рыжего, серо-жёлтого и жёлто-серого песка). На этом уровне встречаются кремнёвые изделия. Мощность слоя – до 0,14 м. Ниже залегает белёсый, далее – рыжий песок с ортштейнами (рис. 15–16).

Размеры площадки всхолмления в средней части на уровне древней дневной поверхности – 4,2 (З–В)×5,6–6 (С–Ю) м. Она могла иметь неправильно-овальную форму (рис. 14).

Площадка была подсыпана светло-коричневым и рыже-коричневым (до 0,16 м) и, выше, серо-коричневым (до 0,2 м) песком – уровень первого захоронения: россыпью, кучкой (?) и в ямках (?). Захоронение было перекрыто серым, серо-жёлтым, жёлто-коричневым и жёлтым песком (мощностью до 0,45 м), образовавшим удлинённую (?) насыпь высотой до 0,7–0,8 м (рис. 16: 5, 6).

Грунт для насыпи был взят из канавок, располагавшихся с В и З, а возможно, и с С на склонах всхолмления. На уровне древней дневной поверхности границы их были размыты, форма – овальная, фоновое заполнение (срез) – тёмно-коричневый и светло-коричнево-углистый с пятном тёмно-серого углистого песка у западного и пёстрое с пятнами чёрного и серого углистого и золистого песка – у восточного ровика-канавки. Размеры З ровика – 3,2 (С–Ю)×1,8 (З–В) м, В – 3,8 (С–Ю)×2,1–1,6 (З–В) м. Ориентировка – С–Ю (рис. 14–16).

На уровне пятен на “материке” западный ровик был подовальной формы, ориентирован с С на Ю, размеры 3,7 (С–Ю)×1,5 (З–В, в средней части) м. Заполнение – пёстрое: линзы серо-коричневого, серого углистого, светло-коричневого и светло-серого углистого, коричневого, коричнево-жёлтого, жёлтого углистого и жёлтого песка (рис. 14–16).

Восточный ровик имел восьмёркообразную форму, ориентировка С–Ю, общий фон заполнения – серо-жёлтый, жёлто-серый и жёлто-бурый песок. На нём – пятна чёрного, тёмно-серого и серого углистого песка, окружённые полосами серо-коричневого, рыже-коричневого, рыже-серого, серого углистого и золистого песка (С часть) и светло-коричневого песка (Ю часть). Размеры пятна ровика – 4,6 (С–Ю)×2–1,3–2 (З–В, с С на Ю) м.

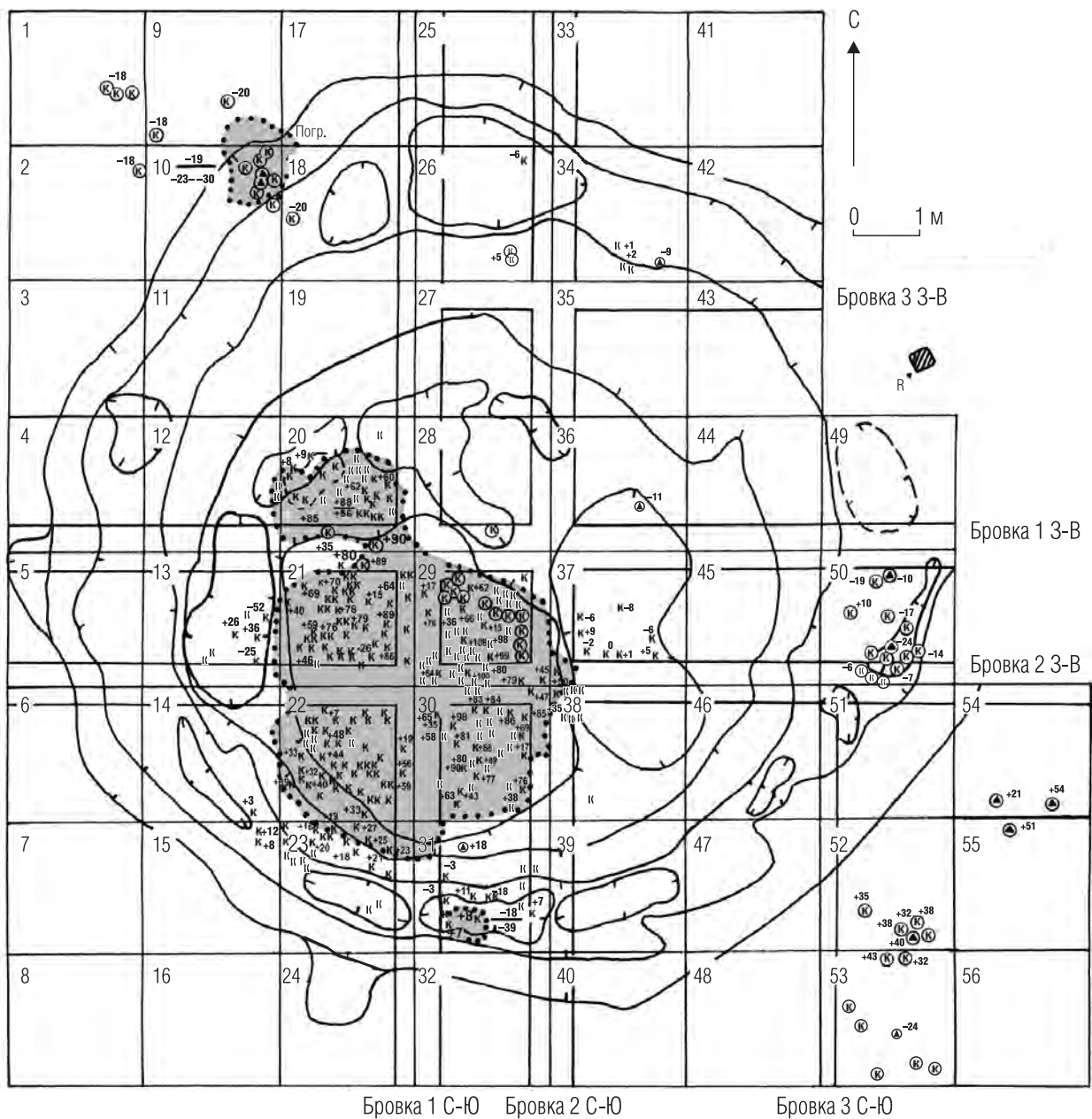

Рис. 14. Курганная группа Гринино 1. Курган 4. План-схема.

Серая заливка – перемещённое погребение вне кургана и границы залегания костей на разных уровнях в кургане.

к – кость; ⊕ – перемещённая кость; ▲ – перемещённый фрагмент сосуда

Северо-западный ровик (?) – трёхчастной подовальной формы, ориентировка – ЮЗ–СВ, размеры 1,9 (ЮЗ–СВ)×0,5–0,7 м (СЗ–ЮВ). На срезе – пятна серо-жёлто-белёского, серо-коричневого и рыжего песка.

Северный предполагаемый (исходя из границы залегания костей в кургане и разреза) ровик частично разрушен корневой системой дерева. На уровне древней дневной поверхности по северному пятну серого углистого и серо-коричневого песка он имел неправильно-овальную форму; ориентировка – ЗЮЗ–ВСВ, размеры – 2,4 (ЗЮЗ–ВСВ)×0,6 (СЗ–ЮВ) м. По пятну неправильно-овальной формы серого углистого и серо-коричневого песка размеры – 1,8 (З–В)×1,7 (С–Ю) м (рис. 14–16). На уровне пятен на материке – неправильную форму “с отростками” на СВ и ЮВ. Ориентировка основного пятна – З–В, размеры (без отростков) – 1,6 (З–В)×1,1 (С–Ю) м. Состав (срез) – пятна белёского, светло-коричневого углистого и жёлтого углистого и серого углистого песка.

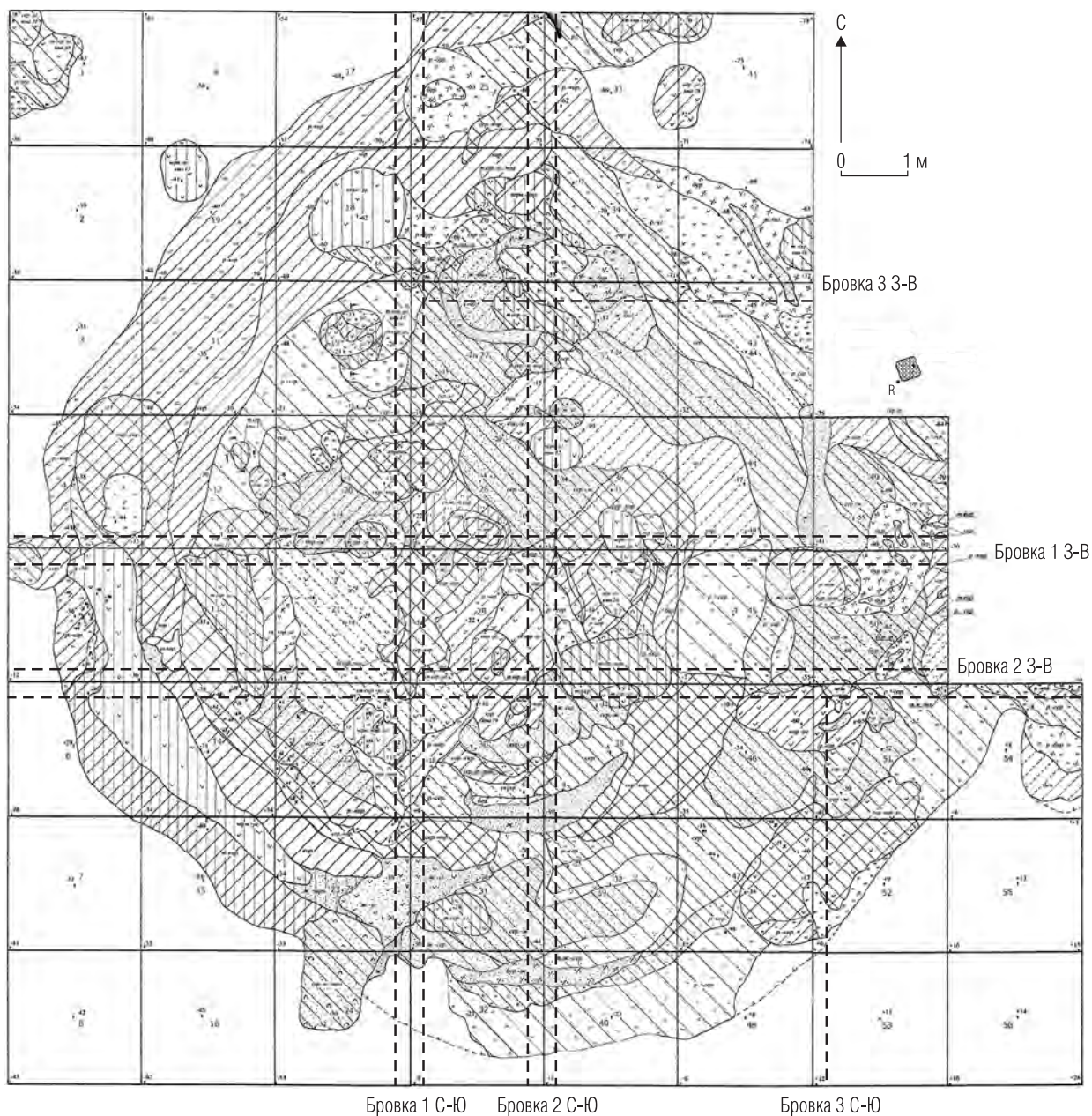

Рис. 15. Курганная группа Гринино 1. Курган 4.
План на уровне древней дневной поверхности (пласт IV)

Северо-восточный ровик (?) имел дугообразную подовальную форму, ориентировка – ЮВ–СЗ, размеры – 1,4 (ЮВ–СЗ)×0,4–0,5 (ЮЗ–СВ) м. Заполнение (срез) – белёсый песок, в ЮВ части – пятно серого песка.

После выборки на уровне “материка” размеры ровиков округлённо: З – 2,9 (С–Ю)×1,4 (З–В) м; В – 4,3 (С–Ю)×1,9–1,4–1,8 (З–В, с С на Ю) м; СЗ – 1,8 (ЮЗ–СВ)×0,5–0,7 м; С – 2,1 (ЗЮЗ–ВСВ)×1,2 (СЗ–ЮВ) м; СВ – 1,4 (СЗ–ЮВ)×0,3–0,5 (ЮЗ–СВ) м (рис. 14). Глубина ровиков от древней дневной поверхности: З – до 0,55–0,7 м; В – до 0,5–0,55 м; СЗ – до 0,2 м; С – до 0,4 м; СВ – до 0,1 м (рис. 16).

Ровики-канавки в разрезе: западный – с подокругло-коническим дном, с пологими стенками; с подокруглым дном, и ступенчатой полой В стенкой и мелкий линзовидный с пологими стенками; глубокий подпрямоугольной формы с плоским дном полукрутой З и крутой В стенками; восточный – асимметричный с подконическим дном, с полой З и полукрутой В стенками; подокруглый с округлым дном и пологими стенками; с плоским дном и пологими стенками; линзовидный с пологими стенками (рис. 16).

Заполнение ровиков – различно: содержит слои оползания первичной насыпи, засыпки при формировании второй насыпи, а также углистые и зольные линзы (рис. 16).

На **втором этапе**, после задерживания насыпи (слой на разных участках жёлто-серого, серого, жёлто-коричневого и жёлто-серого песка), на её вершине было совершенно захоронение остатков кремации «на стороне», видимо, в ямах и на поверхности (отдельные фрагменты костей попали и на склон в её южной части), кроме костей встречались угольки (выжженная растительность?). Затем курган был досыпан грунтом из кольцевого ровика 1 и приобрёл форму шарового сегмента. После его задерживания (нижний погребённый дёрн), на **третьем этапе**, поверхность, вероятно, вновь была выжжена (угольки) и вновь совершенно захоронение на вершине с попаданием отдельных фрагментов костей на поверхность насыпи (рис. 16: 5, 6).

После этого курган был досыпан жёлто-бурым, жёлтым, коричневым песком из кольцевого ровика 2 (расширение первого на отдельных участках) и через какое-то время задерживался. Окончательные размеры насыпи в форме шарового сегмента стали 9,7–10 (З–В)×9 (С–Ю) м. Высота сохранившейся части от уровня древней дневной поверхности – 1,1 м. На современной вершине кургана была сделана грабительская яма (кв. 20, 29), вероятно, засыпанная вынутым из неё грунтом с костями.

Последние по времени создания насыпи были окружены кольцевым ровиком, сформировавшимся в 2 этапа. Ширина ровика по верху – от 1,9 до 3,5 м, по дну – от 0,5 до 1,9 м (наиболее широкая – С часть ровика), глубина – от 0,3 до 0,7–1 м (наиболее глубокая – ЮВ часть ровика).

Дно – относительно ровное, плоское, но с канавками и ямами в нём, стенки – полукрутые и крутые (особенно со стороны насыпи).

Заполнение – горизонтально и наклонно залегающие слои и линзы различного песка (в т.ч. углистые), часто, особенно в верхней части, связанные с оплыванием насыпей. Зафиксировано кострище на склоне насыпи и ровика. Встречены обугленные плашки (крупные куски угля).

Костные останки

Нанесение фрагментов кремированных костей, встречавшихся в разных пластах (I–III) раскопок кургана, от современной поддёрновой поверхности до древней дневной поверхности, дало пятно их концентрации в ЮЗ части кургана, в пределах и над первоначальной насыпью (кв. 20, 21, 29, 22, 30) (рис. 14).

Глубина залегания костей – различна, они встречены в разных слоях, с угольками (углистых) и без, на площадках в ямах и вне их, на склонах насыпей разных этапов создания, в т.ч. над ровиками. Отдельные ямки с костями зафиксированы в кв. 20 (но здесь может быть засыпка тем же грунтом с костями грабительской ямы и разрушение, связанное с пнём и корневой системой “современной” сосны) и 31 (над ровиком, ямка в насыпи на её склоне). В заполнении первоначального западного ровика-канавки (кости залегали в основном над ним) зафиксирован лишь 1 фрагмент кости (-52 см от R) в кв. 13. В кв. 37 ко-

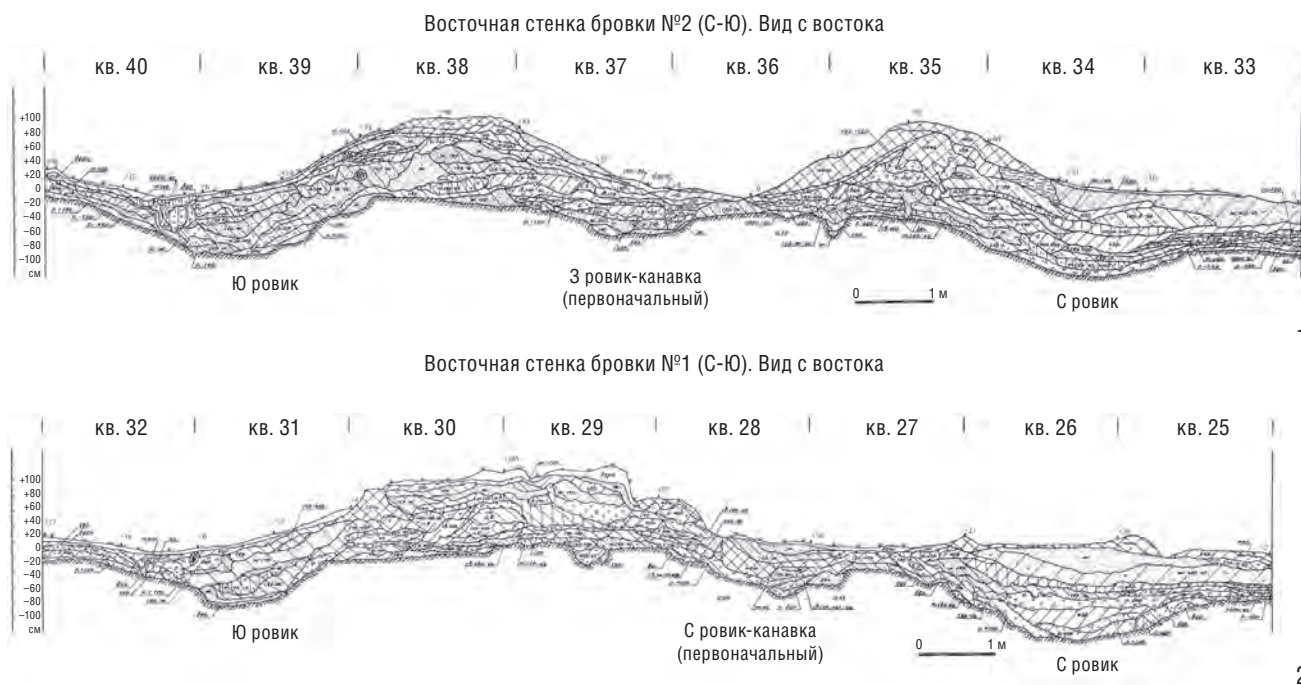

Рис. 16. Курганная группа Гренино 1. Курган 4. Разрезы по бровкам:

1 – бровка № 2 С–Ю, с В; 2 – бровка № 1 С–Ю, с В

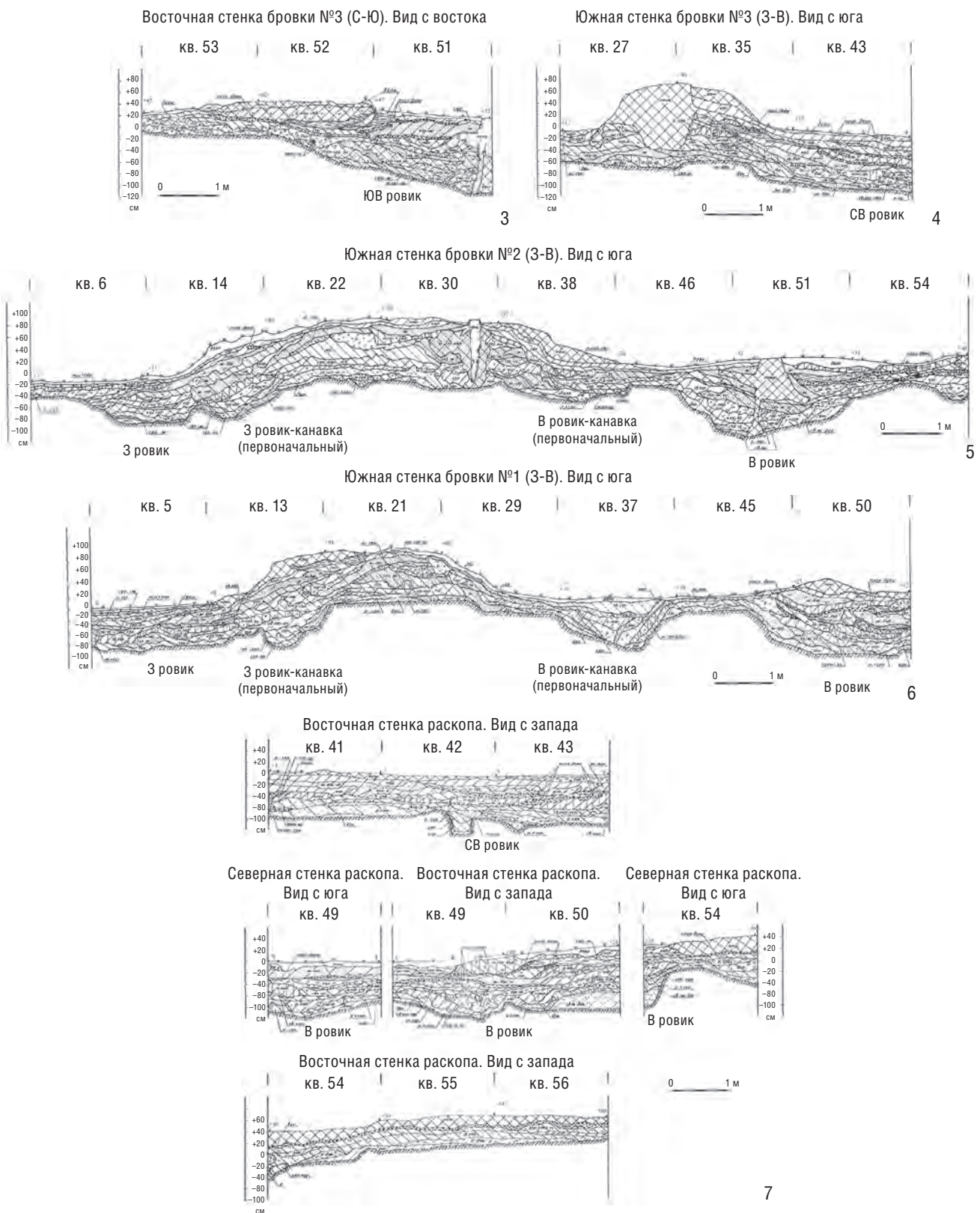

Рис. 16 (окончание). Курганная группа Гренино 1. Курган 4. Разрезы по бровкам:
 3 – бровка № 3 С-Ю, с В; 4 – бровка № 3 З-В, с Ю; 5 – бровка № 2 З-В, с Ю; 6 – бровка № 1 З-В, с Ю;
 7 – стенки раскопа с разрезами ровиков

сти залежали над первоначальным В ровиком и могут быть перемещёнными. Несмотря на сильную разрушенность В и С частей кургана, можно с определённой долей уверенности говорить об отсутствии в них погребений, предполагая движение техники только в одном направлении: с кургана 3 на курган 4.

Общий вес костей, обнаруженных в кургане 4, – примерно 705 гр. В основном они связаны с захоронением подростка: *infans II-juvenis*, не моложе 8 лет (10–12 лет). Кости подростка залежали в верхней части кургана на площадке и на склонах в кв. 21, 29 (яма), 30, 34, 22, 31, 26, 20, 13, 23, 28, 50 (?), 53, 37, 14 (?). Причём правая пирамида, парная найденной в кв. 29, обнаружена в кв. 22. В кв. 29, 30, кроме того, отмечены немногочисленные кости взрослого, в т.ч. кости черепа, и ребёнка *infans I*.

Таким образом, в кургане могли быть захоронены кремированные «на стороне» останки 3 человек. Кости хорошо очищены после костра. Костей животных, видимо, нет.

Следует отметить, что определение количества захоронений, их места расположения в кургане по площади и глубине требует более глубокого анализа имеющихся материалов, в т.ч. антропологических.

Вещевой инвентарь, достоверно относящийся к кургану 4, не обнаружен.

Курган 4, видимо, даёт пример постепенного «наращивания» насыпи культуры псковских длинных курганов по площади и в высоту и превращения первоначального кургана в близкий к полусферическим.

Перемещённое погребение

Погребение было выявлено в раскопе на кургане 4, в СЗ его части, в кв. 1, 2, 9, 10, 17, 18 (рис. 14, 17). Оно представляло собой 4 отдельные линзы жёлто-чёрного углистого песка, лежащие в светло-жёлтом песке, перекрывшем современную (1980 г.) дневную поверхность участка. Линзы имели неправильную форму. Их размеры: № 1 (основная) – 1,32×1,0–0,4 м; № 2 – 0,57×0,4 м; № 3 – 0,77×0,3–0,56 м; № 4 – 1,47×0,67–0,43 м. В разрезе они имели сегментовидную форму и состояли из верхней – жёлто-чёрного углистого песка и нижней – тёмно-серого с угольками песка частей. На уровне нижнего заполнения линзы изменили свою конфигурацию и размеры. В линзе 4 и рядом с ней (кв. 1) обнаружены фрагменты кремированных костей ребёнка (*infans I*) и подростка (*infans II-juvenis*).

В линзе 1 (кв. 9, 10, 17, 18) мощностью до 0,08 м, помимо костей (14,33 гр.), в т.ч. черепа (4,6 гр.) взрослого человека, найдены многочисленные фрагменты венчика, шейки и тулова (в кв. 1 – и донца) лепного орнаментированного сосуда, охарактеризованного при описании вещевого инвентаря из кургана 3. Судя по залеганию сдвинутых костей и фрагментов этого сосуда по ходу бульдозера, разрушившего курганы 3–4, в раскопе (рис. 3, 4, 14), перемещённое погребение может быть связано с первичной насыпью кургана 3, хотя нельзя полностью исключать его происхождение из разрушенной части кургана 4.

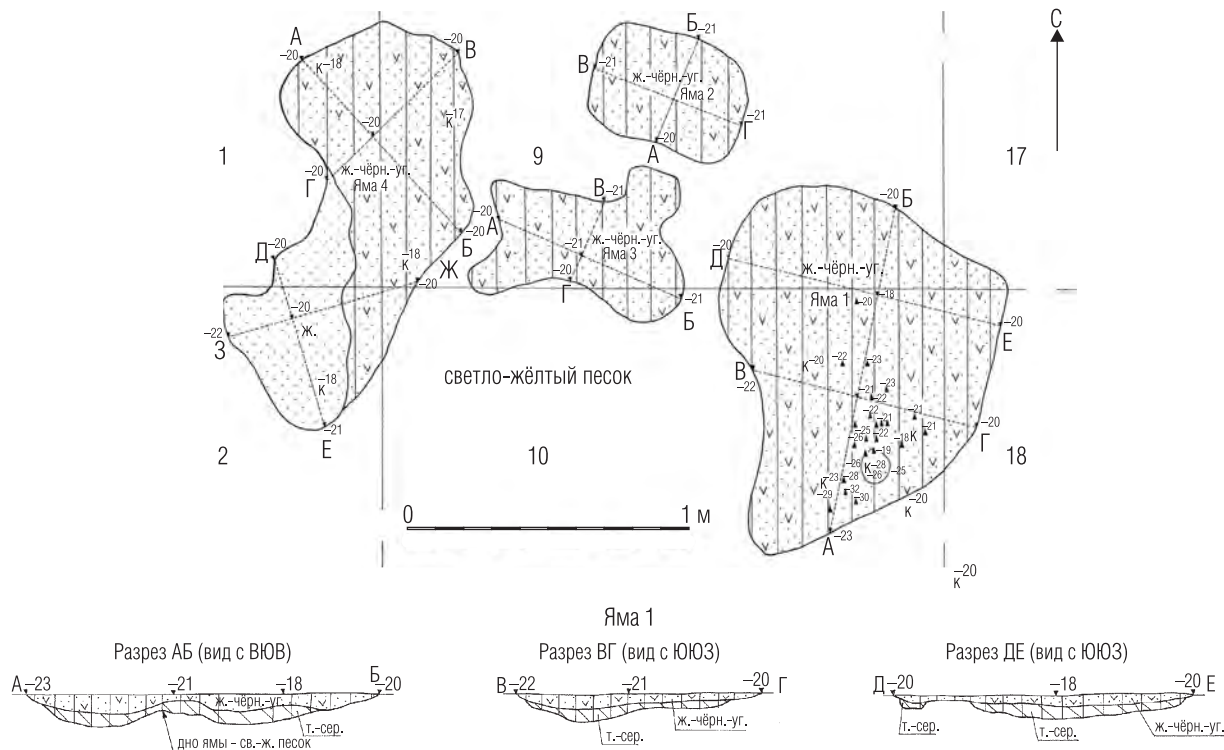

Рис. 17. Курганная группа Гринино 1. Площадка кургана 4. Перемещённое погребение. План, разрезы

Курган 5

Курган был расположен в 46,5 м к СЗ от кургана 4, на обочине дороги (рис. 2). Имел насыпь округлой формы диаметром 8 м, высотой 0,5 м. Восточная и западная части кургана частично разрушены бульдозерным ходом. Южная часть насыпи нарушена тремя ямами. Ровики вокруг кургана не прослеживались (рис. 18).

После снятия дёрна и подзолистого слоя мощность которых достигала в межкурганном пространстве 0,2 м, были зафиксированы очертания ровика шириной 1,0–1,5 м, углублённого в материк на 0,2–0,45 м. В ЮЗ части у насыпи отмечена перемычка шириной 2 м. Следы прожжения на дне ровика или в его заполнении не прослежены (рис. 18–21).

Насыпь кургана сформирована из перемешанного светло-коричневого с жёлтым песка (рис. 19, 21).

В ЮЗ части насыпи на гл. -21 см от репера прослежено пятно округлой формы диаметром 0,6 м из коричневой углистой супеси с отдельными фрагментами кремированных костей. На глубине -35 см пятно расширилось до размеров 1,3×1,2 м (рис. 19). Мощность этого пятна-линзы в центральной части – 0,2 м. Она лежит на подзолистом погребённом слое. Наличие в ней пережжённых костей даёт возможность предположить, что она связана либо с самостоятельным, первым, погребением, либо с погребением, обнаруженным в центре кургана под насыпью. Последнее представляет собой округлую в плане кучу угля с костями, принадлежавшими взрослому человеку, среди которых находился железный нож с прямой спинкой с нижним уступом (рис. 19, № 1; 22). Диаметр погребения – 0,9 м. К востоку от погребения на гл. -30 см от репера зафиксировано пятно-линза неправильной формы 0,8×0,9 м из углистого слоя с мелкими пережжёнными костями. Мощность этого слоя – до 0,15 м. Возможно, это остатки ещё одного захоронения.

Подобные найденному в кургане 5 ножу (его размеры – 15,9×1,9×0,4 см) орудия относятся, согласно классификации Р.С. Минасяна, к типу 1 и были распространены в лесной зоне Восточной Европы с IV–V по X–XI вв. н.э. [16, с. 69].

Возможная реконструкция обряда погребения в кургане следующая. Это – трупосожжение (трупосожжения) «на стороне» с помещением остатков кремации в виде угля и костей «на горизонт» в центр и в ЮЗ часть площадки будущего кургана. Над погребением была возведена насыпь из песка, взятого из ровика. Ниже залегал погребённый подзолистый слой мощностью до 0,25 м, в котором найдены кремнёвые отщепы и пластины, связанные со стоянкой Гринино 7А.

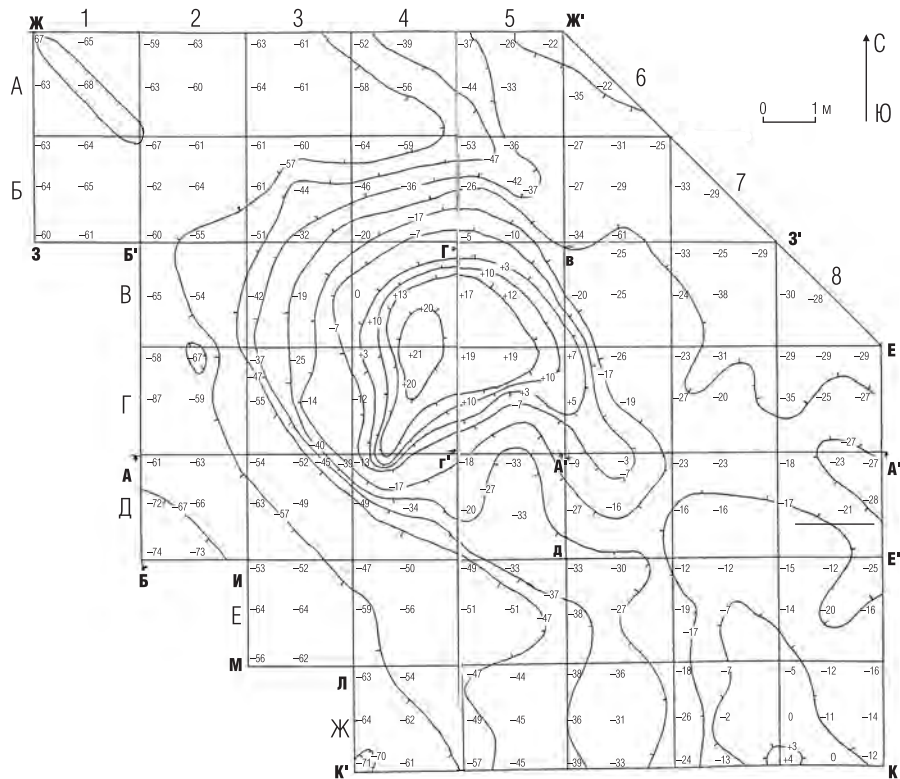

Рис. 18. Курганная группа Гринино 1. Курган 5.
План нивелировки современной поверхности

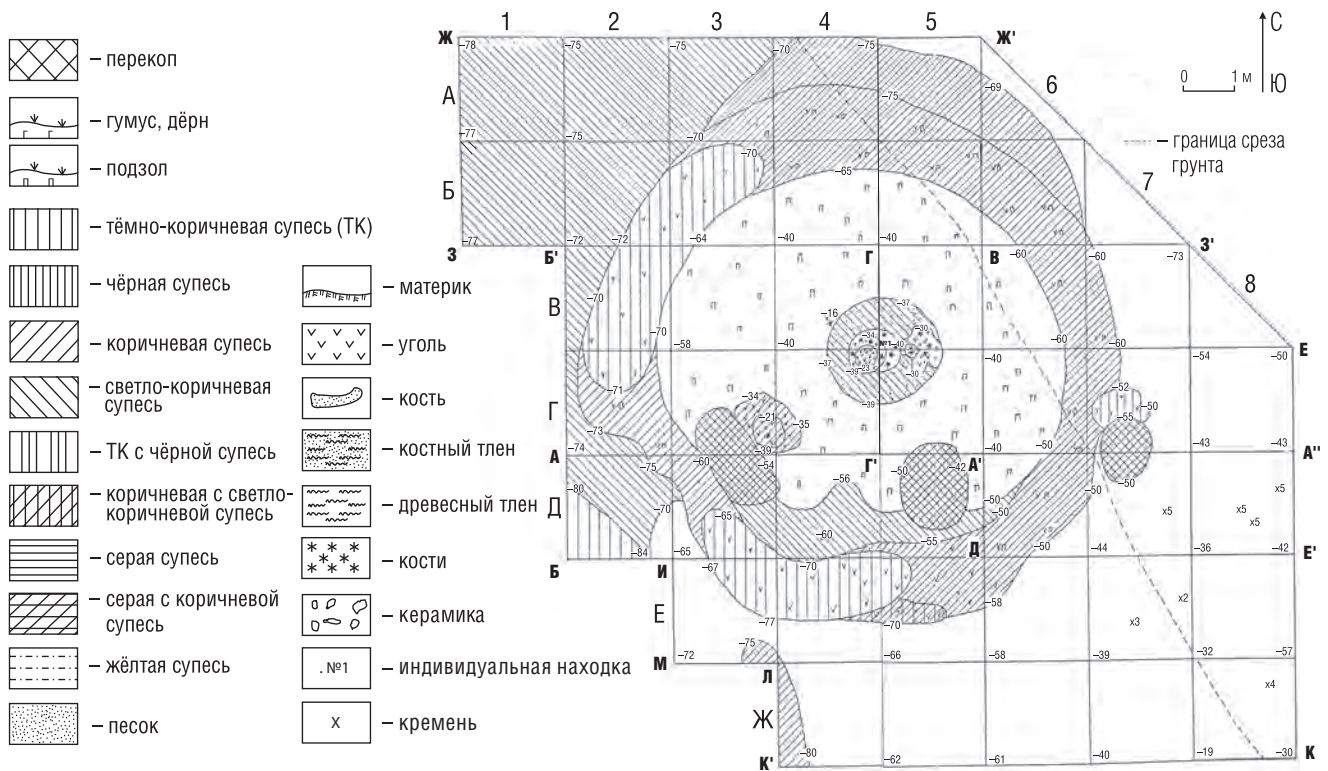

Рис. 19. Курганная группа Гринино 1. Курган 5. План на уровне фиксации погребения / погребений (условные обозначения – для курганов 5–7)

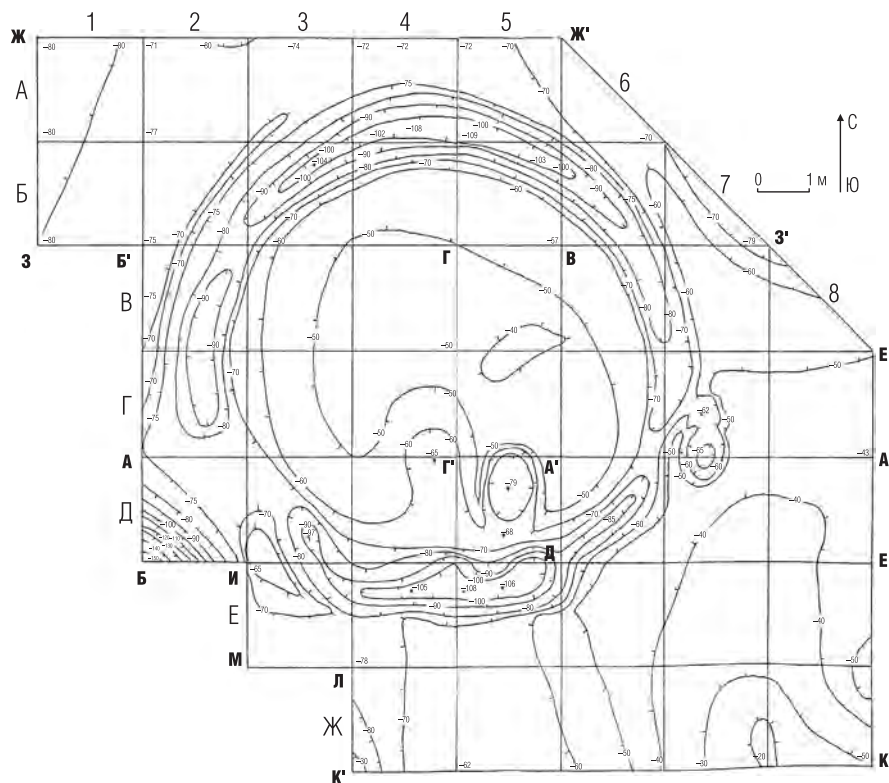

Рис. 20. Курганная группа Гринино 1. Курган 5. План материка

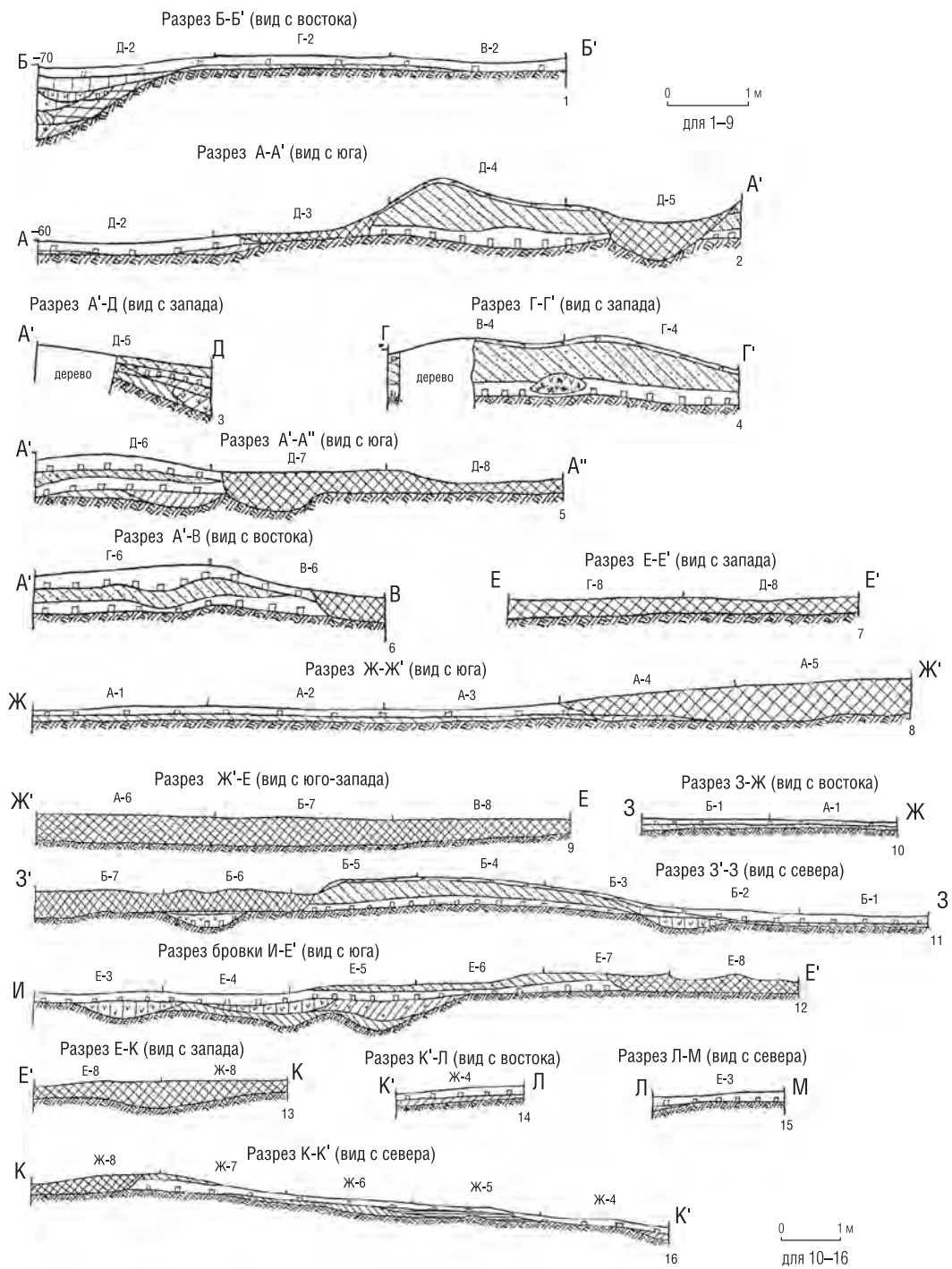

Рис. 21. Курганная группа Гринино 1. Курган 5. Разрезы

Рис. 22. Курганная группа Гринино 1. Курган 5. Нож из погребения

Курган датируется 2-й пол. I тыс. н.э. Проведённый сотрудником МГУ О.Б. Паруниным⁴ радиоуглеродный анализ угля из погребения дал дату 850±120 лет н.э. (Гео-53).

Курган 6

Курган находился в 4 м к ЮЗ от кургана 5, имел подпрямоугольную форму, размеры 8×5 м, был вытянут с ЮВ на СЗ. Высота насыпи – 0,35 м. Вдоль СВ, ЮВ и ЮЗ сторон насыпи прослеживались ровики овальной формы в виде канавок, не соединённых друг с другом, размерами 3,0×1,7 м; 3×2 м; 4×2 м (рис. 2, 23, 26).

После снятия дёрна и подзолистого слоя были прослежены очертания ровиков и контур насыпи, которая имела подпрямоугольную форму, размеры 7,3×4,1 м, была ориентирована длинной осью с ЮВ на СЗ, угол отклонения от линии С–Ю – 48° (рис. 24).

В поверхностном слое насыпи, особенно в СВ и З её частях, обнаружены кремнированные кости, принадлежавшие в основном ребёнку. В верхнем заполнении СВ и ЮЗ ровиков находились сожжённые кости взрослого человека. В заполнении ЮЗ ровика среди костей (рис. 24, № 1) обнаружен железный нож с прямой спинкой, близкий по типу к ножу из кургана 5, отличающийся более плавным переходом лезвия в черенок, размерами 17,8×1,7×0,57 см (рис. 27). Эти находки связаны с оползанием в ровик части насыпи, что подтверждается стратиграфией кургана и заполнения ровиков (рис. 24, 25).

Насыпь состояла из перемешанного светло-коричневого с жёлтым песком. Под ней в центре кургана на погребённом подзолистом слое, мощность которого достигала 0,15 м, обнаружены обугленные плашки, вытянутые с запада на восток, со слабым отклонением на север, возможно, являющиеся остатками какой-то конструкции. Размеры плашек – 0,32×0,1 м и 0,1×0,1 м (рис. 24, 25).

Ровики углублены в материк на 0,65–0,85 м, стенки – крутые, дно – выгнутое, без следов воздействия огня. Заполнение ровиков многослойное и неравномерное (рис. 25, 26).

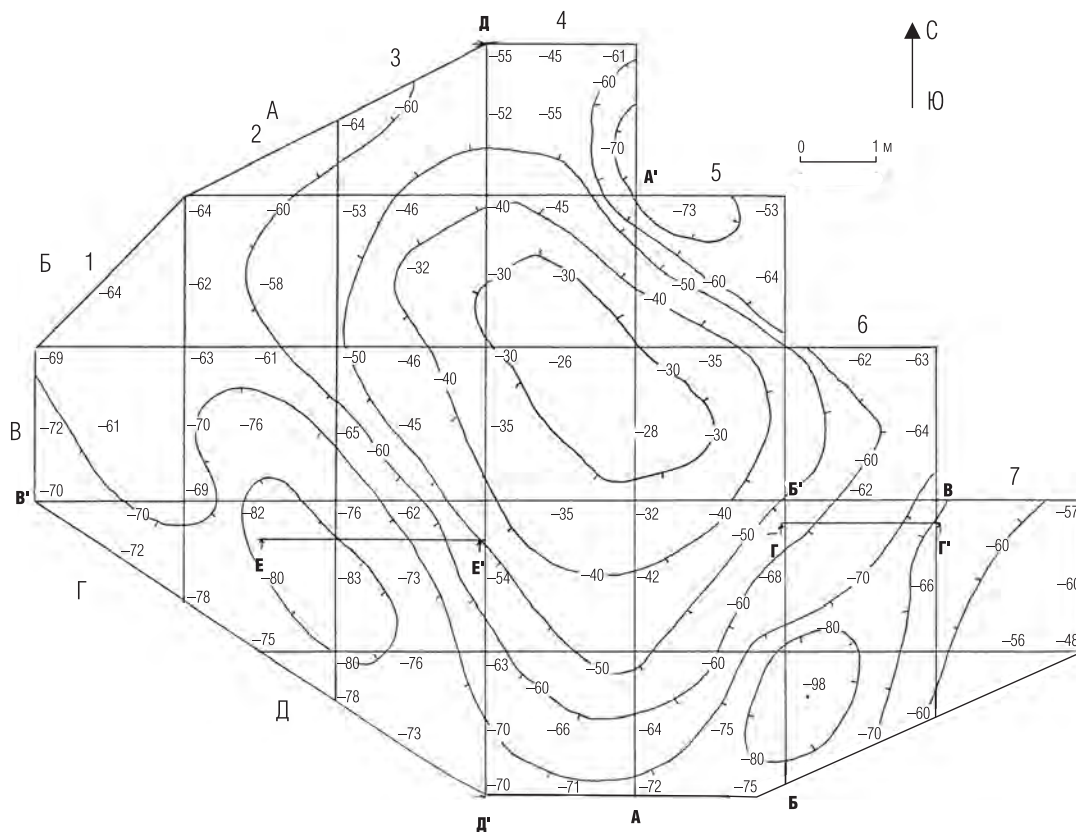

Рис. 23. Курганная группа Гринино 1. Курган 6.
План нивелировки современной поверхности

⁴ Благодарим О.Б. Парунина за датирование материалов из раскопок курганов 5, 6 могильника Гринино 1.

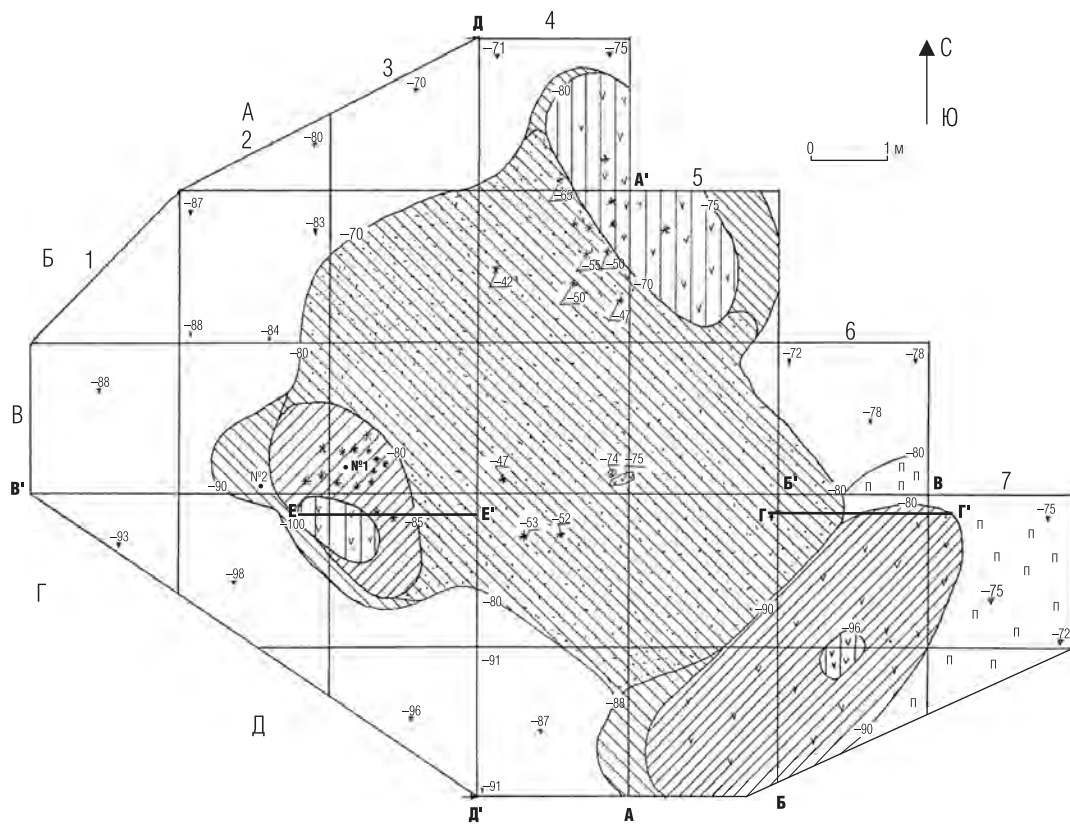

Рис. 24. Курганная группа Гринино 1. Курган 6. План на уровне фиксации погребений

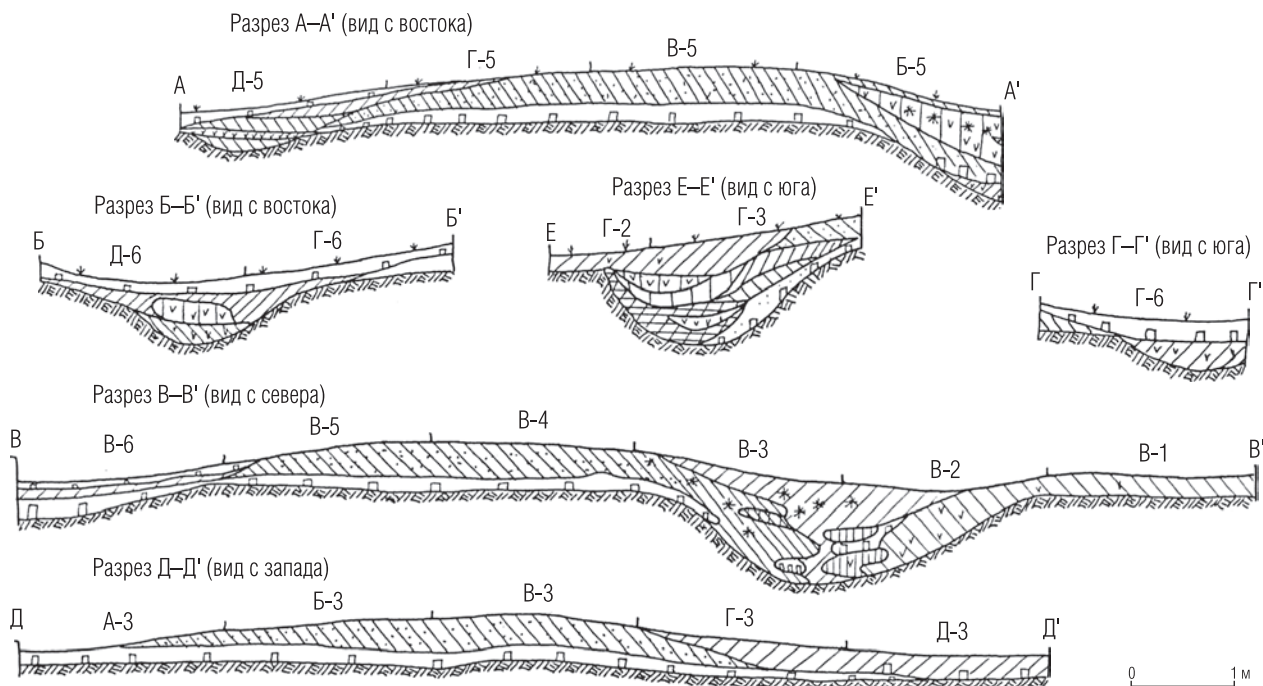

Рис. 25. Курганная группа Гринино 1. Курган 6. Разрезы

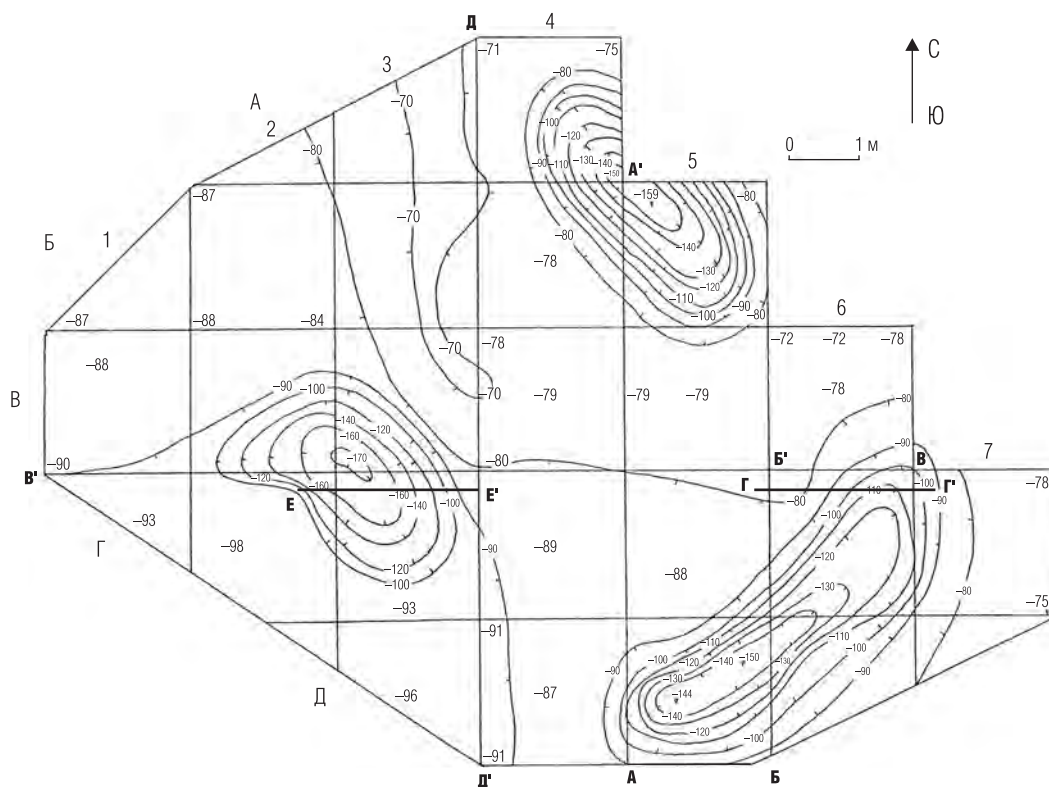

Рис. 26. Курганная группа Гринево 1. Курган 6. План материка

Рис. 27. Курганная группа Гринево 1. Курган 6. Нож из погребения

В кургане совершенно захоронение по обряду трупосожжения «на стороне» с помещением остатков кремации в верхней части подпрямоугольной насыпи. Время совершения погребения – 2-я пол. I тыс. н.э. Радиоуглеродная дата угля из насыпи кургана – 910 ± 130 лет н.э. (Гео-54).

Курган 7

Курган выявлен в 1990 г., находился в 19 м к 3 от кургана 5 (рис. 2, 28). Его высота – 0,3–0,36 м, поперечники овального основания: С–Ю – 3,5 м, 3–В – 6,2 м. В основании кургана находился слой мощностью до 0,15–0,2 м, состоявший из пятен подзола (почвенного слоя), светло-серого, серого и жёлтого песка с мелкими угольками (остатки погребённого дёрна). Курган сооружался в два этапа (приёма). Первоначальная насыпь высотой 0,15–0,16 м состояла из жёлтого песка с вкраплениями серого и коричневого песка в СВ и ЮВ секторах. Грунт для её сооружения брался вокруг основания, в результате чего образовались три ровика-канавки: с СВ и СЗ – овальные шириной до 1,4 и 1,7 м, протяжённостью 3,4 и 4 м, глубиной до 0,6 м; с Ю – серповидный шириной до 1–1,2 м, протяжённостью 11 м, глубиной до 0,57 м. Ровики имели крутые стенки и вогнутое дно; заполнены слабогумусированным жёлто-коричневым и жёлто-серым песком, жёлтым переложённым песком, с пятнами на дне белёсого песка, с включениями мелких угольков – слоями оплывшей первичной насыпи (рис. 29, 30).

Насыпь второго этапа состояла преимущественно из коричневого песка, иногда с включениями жёлтого песка. Остатки **погребения** по обряду сожжения «на стороне» обнаружены в слое этой насыпи. Отдельные пережжённые косточки (не более 30) найдены на глубине от -0,50 до -0,64 м, какие-либо скопления они не образовывали. Погребальный инвентарь и керамика не обнаружены (рис. 29–31).

Эта насыпь была окружена четырьмя ровиками-канавками, совпадавшими по местоположению с первоначальными, за исключением ЮЗ и ЮВ ровиков, выкопанных в месте заплывшего южного серповидного

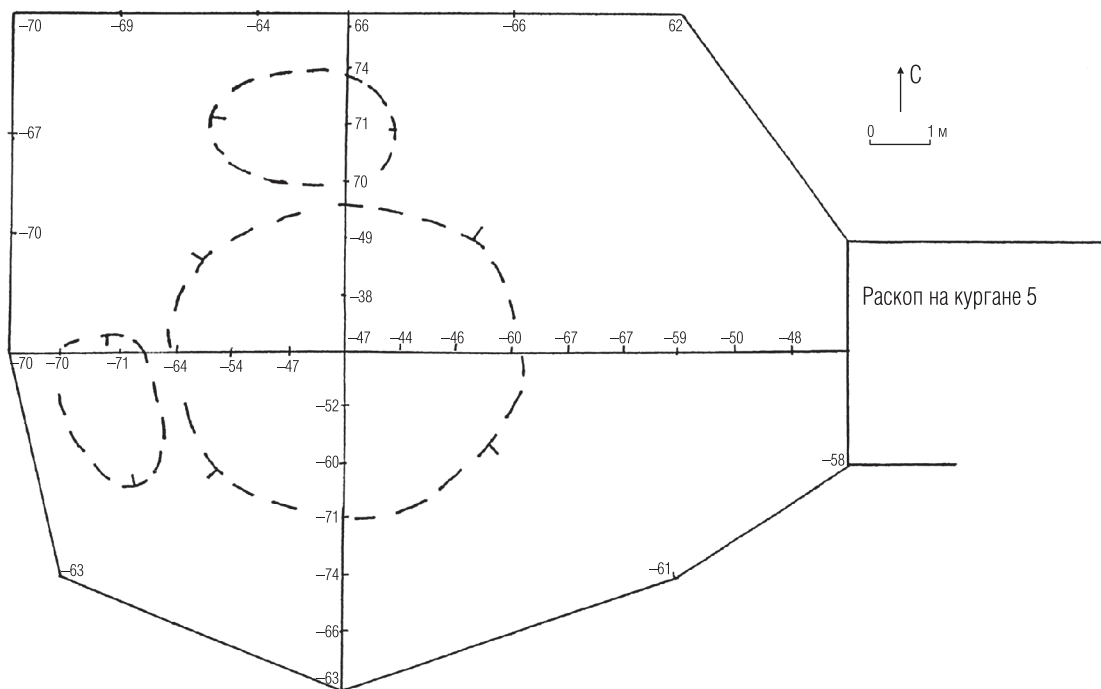

Рис. 28. Курганная группа Гринино 1. Курган 7.
План нивелировки современной поверхности

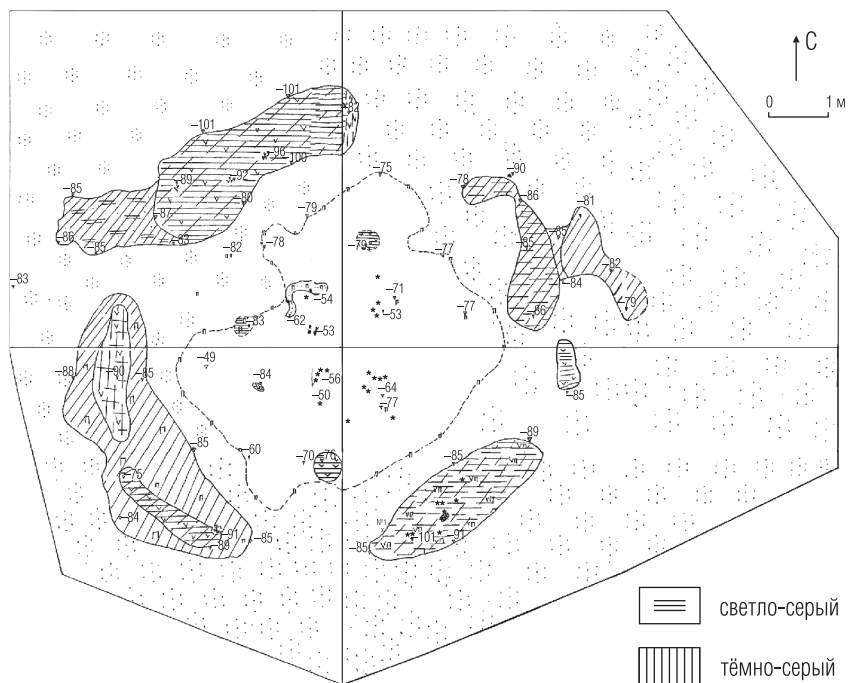

Рис. 29. Курганная группа Гринино 1. Курган 7.
Сводный план пятен и находок

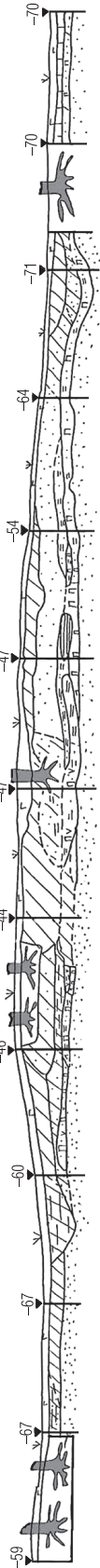
Гридино 1. Курган 7. Разрезы

0 20 40 см

Профиль бровки Ю-С. Вид с В

Профиль бровки В-З. Вид с С

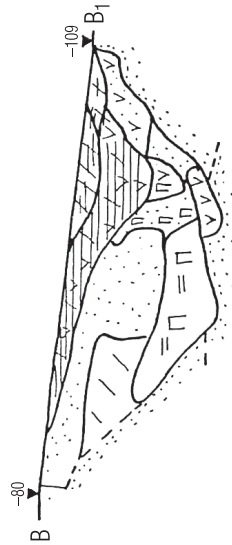
Гридино 1

Курган 7

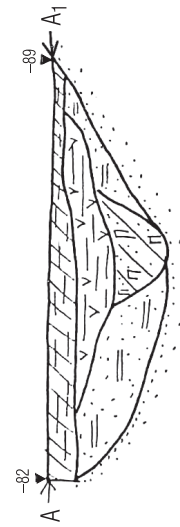
Разрезы ровиков и ям

0 20 40 см

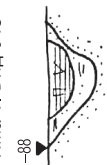
СЗ ровик. Вид с В

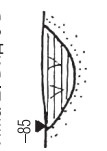
ЮЗ ровик. Вид с З

Яма 1. Вид с Ю

Яма 2. Вид с В

СВ ровик. Вид с С

ЮВ ровик. Вид с СВ

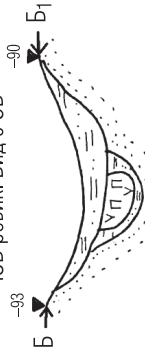

Рис. 30. Курганная группа Гридино 1. Курган 7. Разрезы

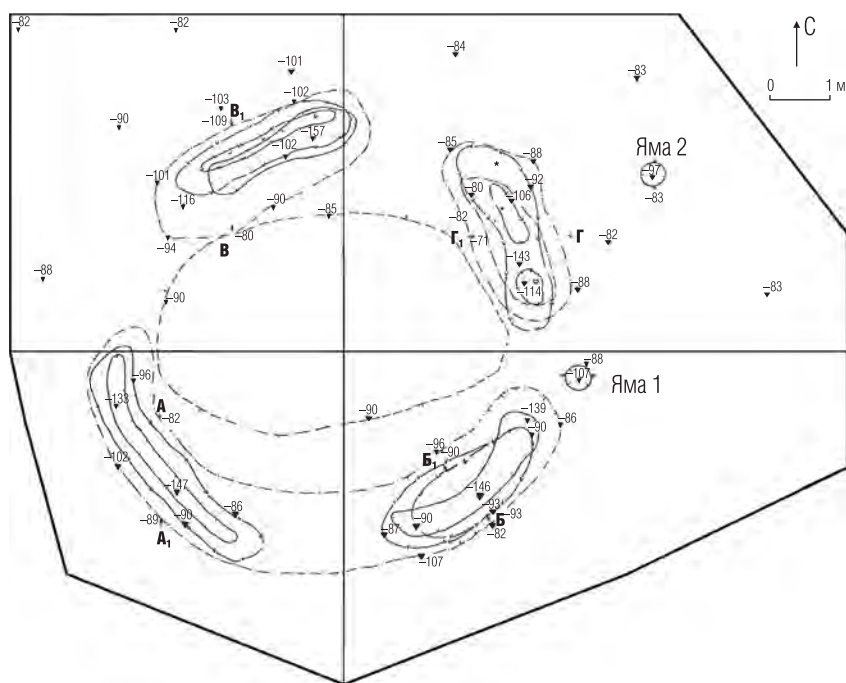

Рис. 31. Курганная группа Гренино 1. Курган 7. План материка

ровика. Ширина ровиков – до 0,7–1,2 м, протяжённость – 3,1–4 м, глубина – 0,32–0,40 м. Ровики заполнены гумусированным серым, тёмно-серым и серо-коричневым песком с углями. В ЮВ ровике найдены также крупные угли, обгоревшая плаха 0,15×0,08 см и 8 пережжённых косточек, не образующих скопления, а также кремнёвая ножевидная пластина, относящаяся к стоянке каменного века. Следы ритуальных костров (крупные угли, плаха) связаны со вторым этапом сооружения кургана (рис. 29–31).

Ориентировочная датировка кургана – 3-я четв. I тыс. н.э.

Заключение

Подводя итог первичного анализа исследованных в курганной группе Гренино 1 пяти насыпей, можно сделать вывод о том, что могильник оставлен носителями т.н. культуры псковских длинных курганов и относится ко 2-й пол. I тыс. н.э. Наиболее ранняя калиброванная дата C^{14} получена для кургана 3 и определяет совершение захоронений в нём временем не позднее 1-й пол. VII в. н.э., некалиброванная дата – посл. треть V – 1-я треть VI в. н.э.

В составе могильника присутствуют практически все виды насыпей, характерные для культур длинных курганов раннего средневековья: сопковидные («сопки в борах»), подпрямоугольные, удлинённые, округлые – в форме шарового сегмента, в т.ч. «блинообразные».

Погребения совершены по обряду «группосожжение на стороне» с помещением сожжённых останков, очищенных после кремации, вместе с остатками костра (угольки, зола) как на древнюю дневную поверхность (иногда специально подготовленную выжиганием растительности), так и в насыпь. При создании курганов использовался естественный рельеф местности. Ровики – в виде канавок с перемычками (в ряде случаев – всходами на курган) и кольцевые.

Крупные курганы создавались в несколько этапов, причём фиксируется увеличение их как в длину (захоронения в первоначальном ровике, затем его засыпка и досыпка насыпи из новых ровиков – курган 3), что характерно для культур длинных курганов, так и в высоту и ширину (захоронение на площадке первоначальной насыпи, с использованием грунта из ровиков-канавок, затем создание большей насыпи, видимо, с дополнительным захоронением, за счёт кольцевого ровика – курган 4). Два этапа насыпки прослежены и у небольшого кургана 7.

Встречающиеся в ровиках крупные угли и плашки могут быть связаны с ритуальными кострами (курганы 4, 7), а обломки сосудов – с тризнами.

Остатки кремации размещались в кургане по-разному: помещались в ямки, насыпались «кучками» на разных уровнях, рассыпались по поверхности насыпи. Не исключены урновые захоронения. Возможно, существовали какие-то дерево-земляные конструкции (курганы 3, 6).

Можно говорить о практически одновременных коллективных захоронениях (курган 3). Половозрастной состав погребённых варьирует от юных субъектов до мужчин и женщин взрослого возраста. В раскопанных курганах из домашних животных остатками кремации представлены только лошади. Причём конских сожжений очень много, встречаются захоронения только кремированных лошадей и совместные: «люди – лошади», – редко – только человеческие. Есть захоронения в ямах в “анатомическом” порядке, в т.ч. черепов (курган 3).

В составе погребального инвентаря – изделия, связанные как со снаряжением коня (В-образная пряжка, бляха), так и сопровождавшие человека (В-образная пряжка – ?, буса, ножи, керамика). Часть вещей имеют средневропейское (В-образные пряжки, бляха?) и ближневосточное (буса), часть (керамика, ножи) – местное происхождение.

Вероятно, можно предположить участие аборигенного (балтско-финского) населения в формировании в сер. – 3-й четв. I тыс. н.э. культуры псковских длинных курганов.

Курганные могильники Гринино 1–2 могли быть оставлены жителями поселения Гринино (селище Гринино 1), расположенного на правом берегу р. Осницкая близ группы Гринино 2, в подъёмном материале с которого – лепная слабопрофилированная керамика с примесью дровных в тесте [17, с. 99].

Лепная керамика этого времени найдена и в пойме р. Осницкая напротив могильника Гринино 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.
2. Воробьев В.М. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калининской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8485.
3. Олейников О.М. Отчет о раскопках курганной группы Гринино 1 и Гринино 2 в Осташковском районе Тверской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15511.
4. Олейников О.М. Грининский курганный могильник (Тверская обл.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы симпозиума. Псков, 1992.
5. Олейников О.М. Раскопки курганной группы Гринино-1 и Гринино-2. Тверская область, Осташковский район // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции). Новгород, 1992.
6. Олейников О.М. История населения Тверского Поволжья в VI–VIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003 // Архив ИА РАН. Р-2.
7. Попов С.Г. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники Старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919–1997). Том II. СПб.; Псков, 1997.
8. Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. В-образные пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. 1989.
9. Аун М. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992.
10. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
11. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979. (САИ. Вып. Е1–2)
12. Исланова И.В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006.
13. Казанский М.М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
14. Кулаков В.И. Оружие горизонта Сёзда-Унтерзибенбрунн в Янтарном крае // Археологии Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. М., 2010. (Раннеславянский мир. Вып. 13)
15. Исланова И.В. Городище Отмичи. М., 2008. (Раннеславянский мир. Вып. 11)
16. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980.
17. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4. М., 2012.

*Тверской государственный объединённый музей,
Тверь
Институт археологии РАН,
Москва*

I.N. Tchernykh, O.M. Oleynikov, I.V. Islanova

THE BARROW'S CEMETERY GRININO 1 (After Materials of 1989–1990's Investigations)

Summary

The barrow's cemetery Grinino 1 is located in the Ostashkov district of the Tver Region at the Osnitkaya River belonging to Lake Seliger's system.

The barrows has been known since the end of XIX century; in the end of XX century it consisted of 31 mounds of various forms and sizes located in the pine forest at the core shore of the river.

In 1989–1990 preservation excavations were undertaken at the monument, connected with the planned reconstruction of the highway. Barrows №№ 3–4 (I.N. Tchernykh), 5–6 (O.M. Oleynikov), 7 (I.V. Islanova) drastically

damaged at the construction of a power line in the beginning of the 1980s, were investigated by wide spaces for further demolition.

Barrow № 3 is of rectangular form with 4 small ditches-grooves and a site cleared of vegetation by fire, was constructed during two stages and contained as many as 7 burials performed according to the cremation ritual on the side, positioned into the initial bank (burial № 1) and in one of the initial ditches (burials №№ 2–6), probably within some wooden-earth construction. One of the burials (№ 6) is a “collective” one, containing remains on as many as 7 people of different age and sex, a part of which was put into the pit in anatomical order, as well as bones of a horse. Bones of horses prevailed in some of the burials (№№ 2, 3) (the identification of the bone material from the burial mound Grinino 1 was performed by T.V. Tomashevitch). In burials at barrow № 3 iron and bronze B-formed buckles, a fragment of a bronze harness pendant, and a bead of blue glass were found, as well as the fragments of pottery on the slopes and in the ditches. The upper part of the burial, moved off by a bulldozer, seems also to belong to barrow № 3 with fragments of a modelled ornamented vessel found there. The date C¹⁴ of soil from one of the burials in barrow № 3 – 1450±30 BP (LE-3726; S.G. Popov; calibrated – 610±30 AD).

In barrow № 4, drastically damaged by the earth-moving machines, circular in the plan and having initially an irregularly-shaped site and ditches-grooves, then the form of a ball's segment and a circular ditch, bone remains of approximately 3 people of different age and sex were found being positioned on a site in the initial bank and scattered over its turf slope. Stratigraphically several levels of turf and the widening of the ditch are observed.

Barrow № 5, circular in the plan, of a smaller height, with an almost circular ditch, contained a burial performed according to the cremation on the side ritual, located in the centre of the future bank on the spodosol burial layer (a heap of coal with calcined remains of an adult). An iron knife with a straight back was found among the bones. The date of the coal – 850±120 AD (O.B. Parunin).

Barrow № 6 had initially a subrectangular form being of a small height and with oval ditches-grooves. The bone remains were found in the surface layer of the bank (a child), and slipping down the slope into the ditches (an adult). An iron knife with a straight back was found in one of the ditches among the bones. In the centre of the barrow charry wooden plates were found on the spodosol layer. The date of the coal from the bank – 910±130 AD (O.B. Parunin).

In barrow № 7, initially oval in the plan, of a small height, with 4 ditches-grooves, small calcined bones were found which formed no accumulation.

The excavated barrows and the barrow's cemetery as a whole belong to the Pskov Long Barrow culture (the Seliger Region), and are dated from the second half of the 1st millennium AD.

*Tver State United Museum,
5, Sovyetskaya St., Tver, 170100, Russia*

I.N. Tchernykh – E-mail: archaeology_tver@mail.ru

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm.Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia*

*I.V. Islanova – E-mail: ivisl@mail.ru
O.M. Oleynikov – E-mail: olejnikov1960@yandex.ru*

О.М. Олейников

КУРГАННАЯ ГРУППА ГРИНИНО 2 (Тверская область, Осташковский район)

Курганная группа Гридино 2 находится в Осташковском районе Тверской области, в 300 м к СВ от курганной группы Гридино 1, в 400 м к С от д. Гридино, на высокой террасе, поросшей лесом, на краю просёлочной дороги, ведущей из д. Гридино в д. Щучье. В 300 м к ЮВ от могильника протекает речка Осницкая (Оснинская), которая впадает в оз. Берёзовское, расположенное в 1,2 км к З от курганов. Группа насчитывает 7 насыпей (6 круглых и 1 длинная) (рис. 1, 2).

Могильник обследован в 1990 г. А.П. Ланцевым [1]. В 1990 г. автором данной статьи раскопаны две насыпи [2–4].

Исследования носили охранный характер, были связаны с проектируемыми дорожными работами.

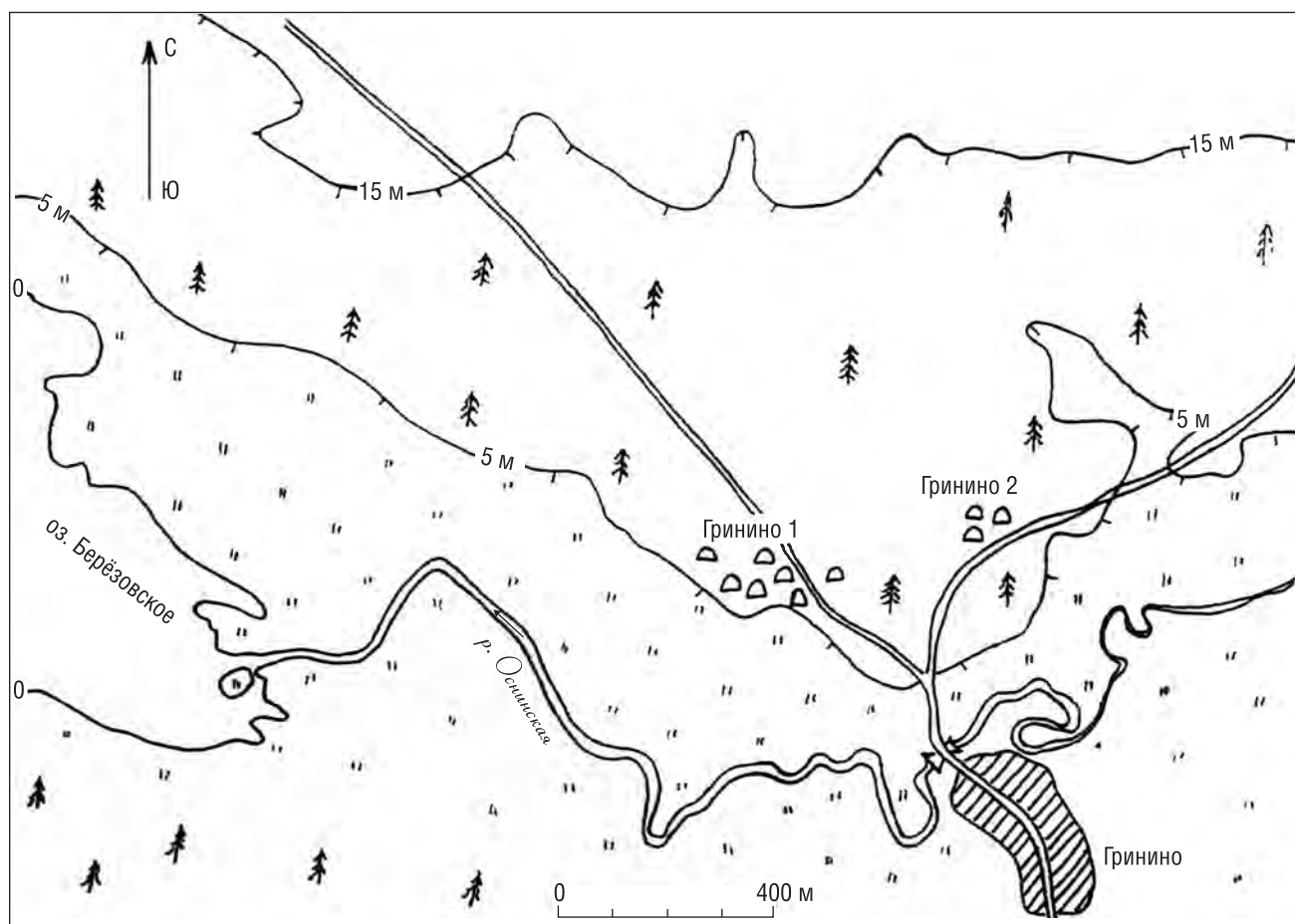

Рис. 1. Ситуационный план курганных групп Гридино 1 и Гридино 2 (схематично указана часть насыпей)

Курган № 1 расположен в СВ части группы на краю просёлочной дороги (рис. 2). Восточная часть насыпи перекрыта слоем перемешанного грунта мощностью до 100 см, оставшегося после строительства дороги. Ровик прослеживался с западной стороны насыпи (рис. 3). На современной дневной поверхности курган № 1 выглядел как сегмент шара высотой 50 см и диаметром 900 см. Для исследования кургана был разбит раскоп площадью 264 кв. м (рис. 3). Разрезы насыпи и ровиков этого кургана и кургана № 2 фиксировались по линиям квадратов по мере необходимости (рис. 3–5, 7–9). Репер для обоих исследованных курганов располагался на вершине вала, находившегося в 7 м к северу от кургана № 1 (рис. 2).

После снятия дёрна, подзолистого слоя и отвалов, оставшихся от строительства дороги, были прослежены очертания ровика и контур насыпи, которая имела округлую форму и указанные выше размеры. Насыпь состояла из перемешанного светло-коричневого и жёлтого песка с включениями подзолистых пятен-линз (рис. 4–5).

На вершине кургана выявлена ямка диаметром 35 см, углублённая в насыпь (от современной дневной поверхности) на 20 см, заполненная кальцинированными костями и фрагментами лепной керамики (стенки сосудов), – погребение (рис. 4–5).

Под насыпью на погребённом подзолистом слое обнаружено углистое пятно-линза округлой формы диаметром 160 см и мощностью 25 см. Остатки трупосожжения в ней не зафиксированы (рис. 4).

В насыпи и в подзолистом слое найдены кремнёвые отщепы, относящиеся, вероятно, к мезолитической стоянке.

Вокруг насыпи прослежен кольцевой ровик шириной 180–380 см (рис. 6). Заполнение ровика – многослойное. Следы ритуального огня в нём не обнаружены. Углистые прослойки в заполнении ровиков связаны с лесными пожарами, а не с ритуальными кострами (рис. 4–5).

Обряд погребения в кургане можно реконструировать как трупосожжение на стороне с помещением остатков кремации в ямку на вершине насыпи. Время погребения – 2-я пол. I тыс. н.э.

Курган № 2 расположен в 35 м к ЮЮЗ от кургана № 1, на краю просёлочной дороги (рис. 2). Почти вся насыпь была перекрыта грунтом, оставшимся после реконструкции дороги. Мощность этого слоя достигала 70 см. Ровик слабо прослеживался с западной стороны кургана (рис. 7). Площадь раскопа на кургане – 233 кв. м.

После снятия подзолистого слоя и современных отвалов были прослежены очертания ровика и контур насыпи, имевшей округлую форму, диаметром 15 м. Юго-восточная часть насыпи и ровика была уничтожена при строительстве дороги (рис. 8–10).

Насыпь состояла из перемешанного светло-коричневого песка с включением подзолистых пятен-линз. Высота насыпи – 30 см. Вершина плоская. При раскопках кургана обнаружены четыре погребения.

Погребение № 1 зафиксировано в северной части насыпи, представляет собой прямоугольное сооружение типа «домовины», вытянутое с запада на восток (117×76 см), внутренними размерами 77×50 см (рис. 8, 11), в заполнении которого, в коричневом углистом песке, обнаружены неопределимые пережжённые кости и бронзовые скорлуповидные бляшки (17 экз. – рис. 12: 2). Основное скопление костей и вещей отмечено в СЗ углу «домовины» в виде округлого пятна-линзы диаметром 55 см. Из-за разрушения слоя корнями растущей в данном месте сосны проследить СВ угол «домовины» не удалось. Возможно, это скопление костей является вторым, впускным, погребением, которое попало в «домовину», хотя находки в ней и в скоплении костей вне её одни и те же – бронзовые скорлуповидные бляшки. Там же обнаружены: предметы костяные (фрагменты рукояти ножа?), петля наременная железная (рис. 12: 3, 1). Сама «домовина» углублена в подзолистый погребённый слой на 15 см (рис. 11). Время погребения – 3-я четв. I тыс. н.э. Среди костей взрослой женщины (20–40 лет) обнаружены кости животных (свинья и лошадь –?). (Здесь и далее – определение Т.В. Томашевич, Институт антропологии МГУ)

Погребение № 2 расположено в 100 см к востоку от погребения № 1, представляет собой довольно сложное сооружение (рис. 8, 13). Остатки сожжения помещены в урну – лепной горшок (рис. 14), поставленный

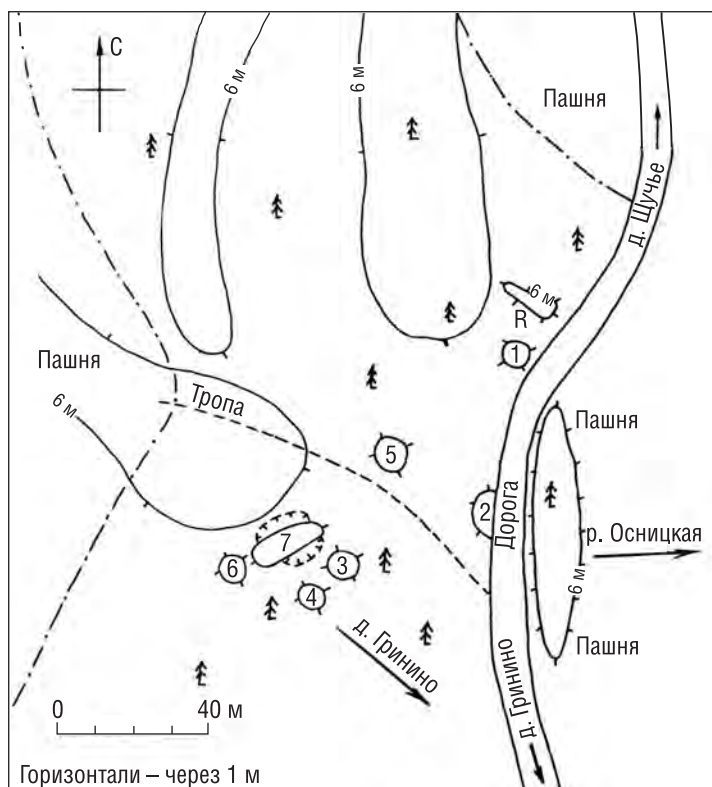

Рис. 2. Ситуационный план курганной группы Гринино 2

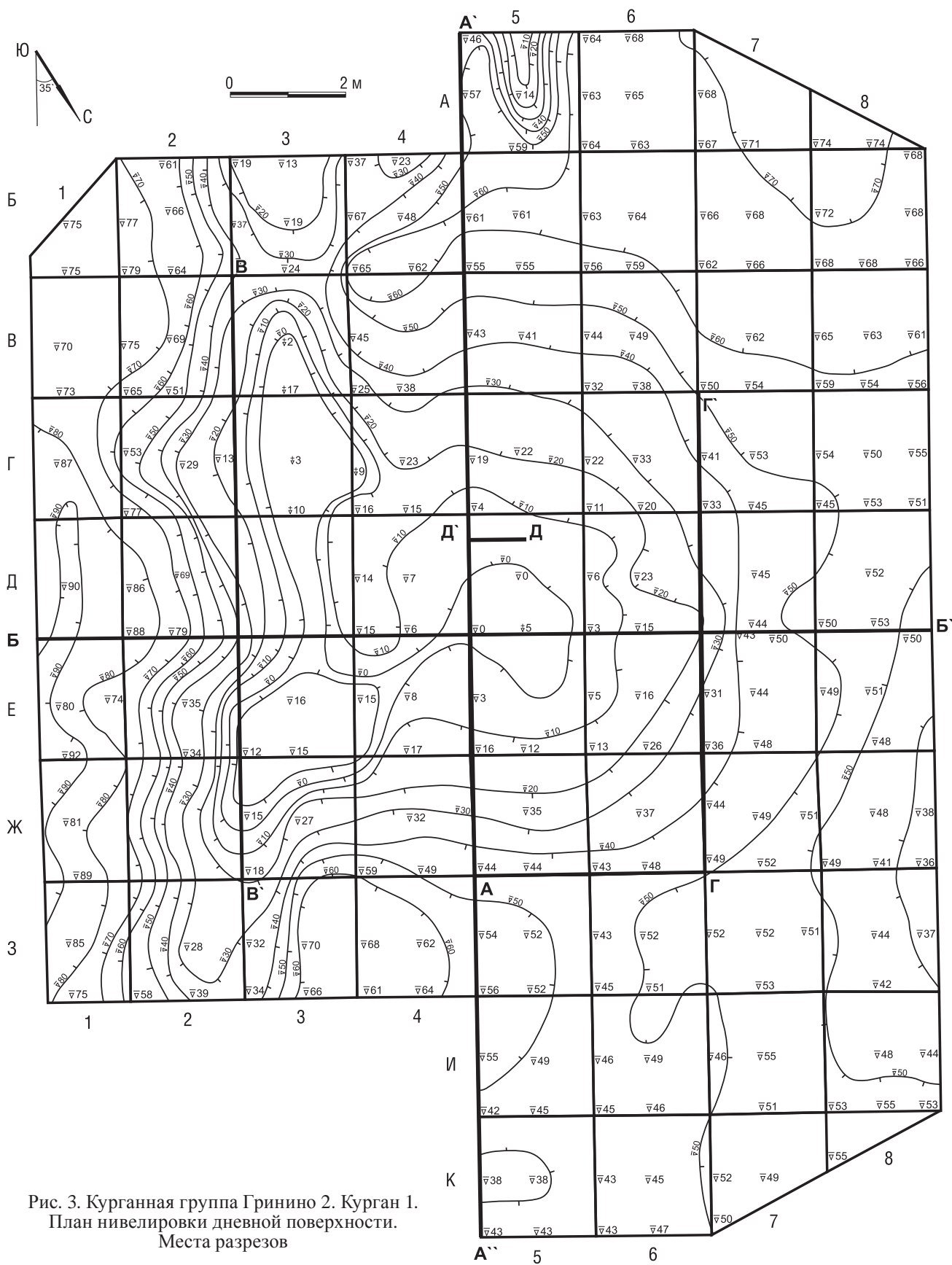

Рис. 3. Курганная группа Гринино 2. Курган 1.
 План нивелировки дневной поверхности.
 Места разрезов

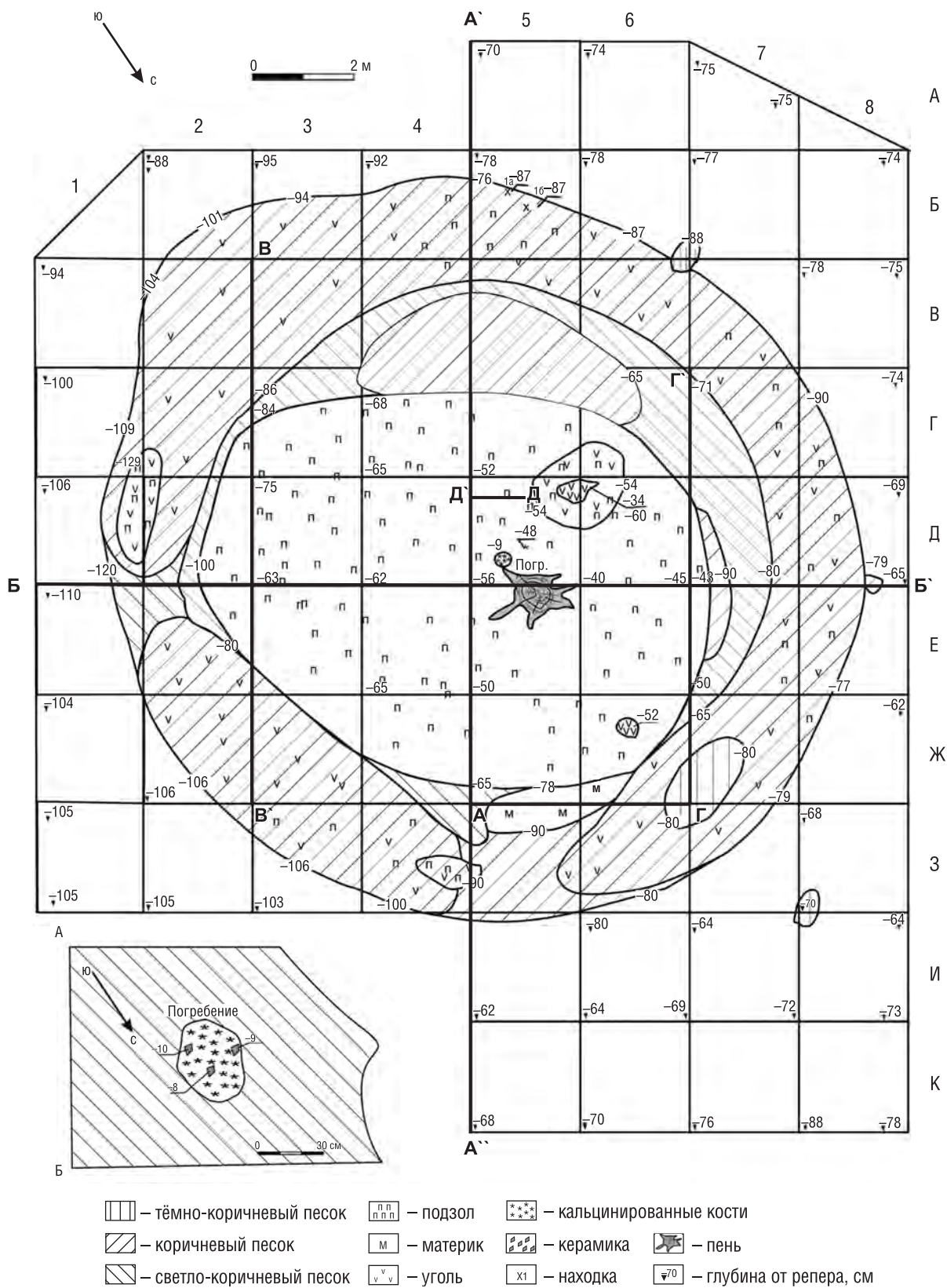

Рис. 4. Курганная группа Гринино 2. Курган № 1. А. План на уровне погребённой почвы. Б. План погребения

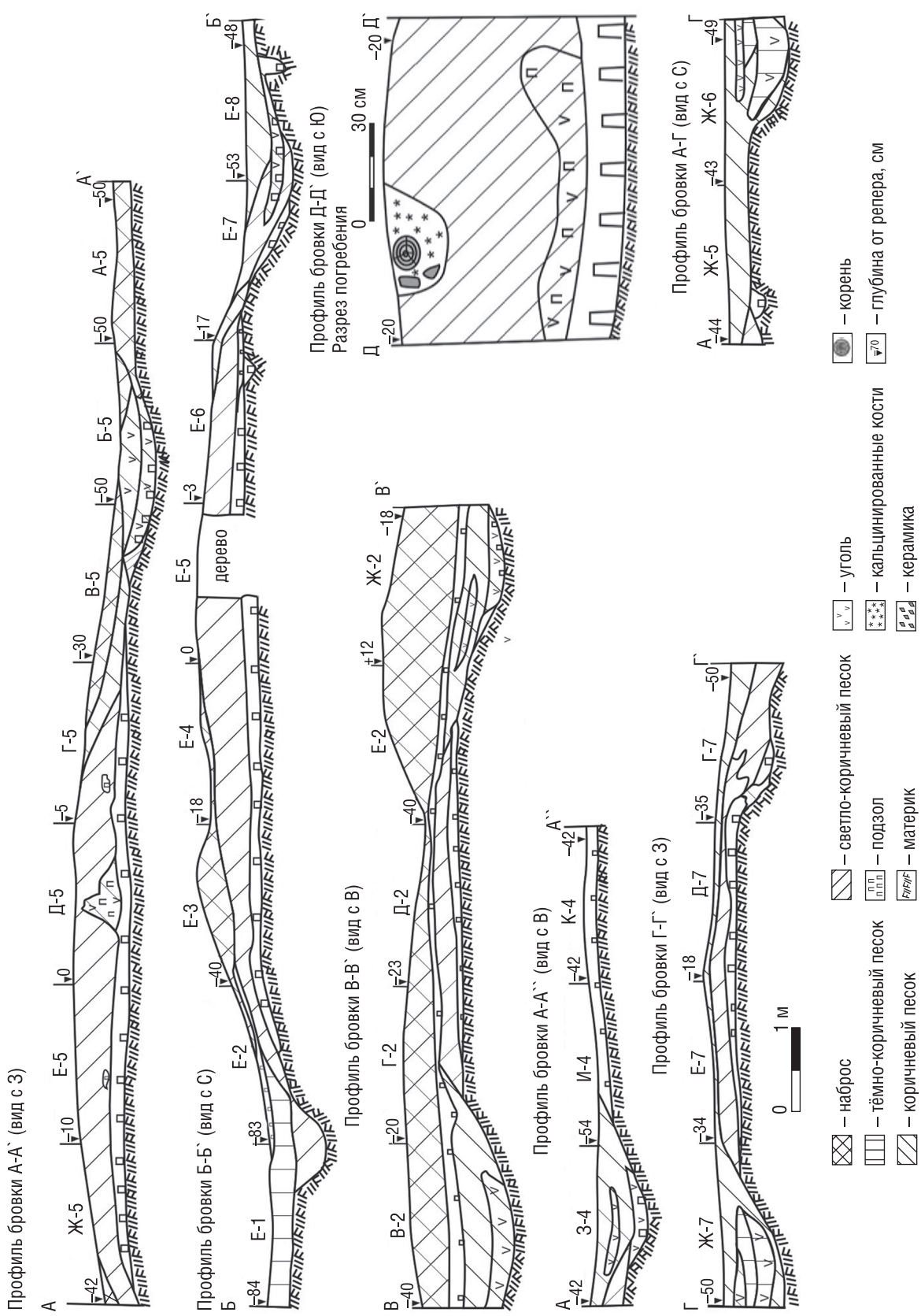

Рис. 5. Курганная группа Гринино 2. Курган № 1. Стратиграфия

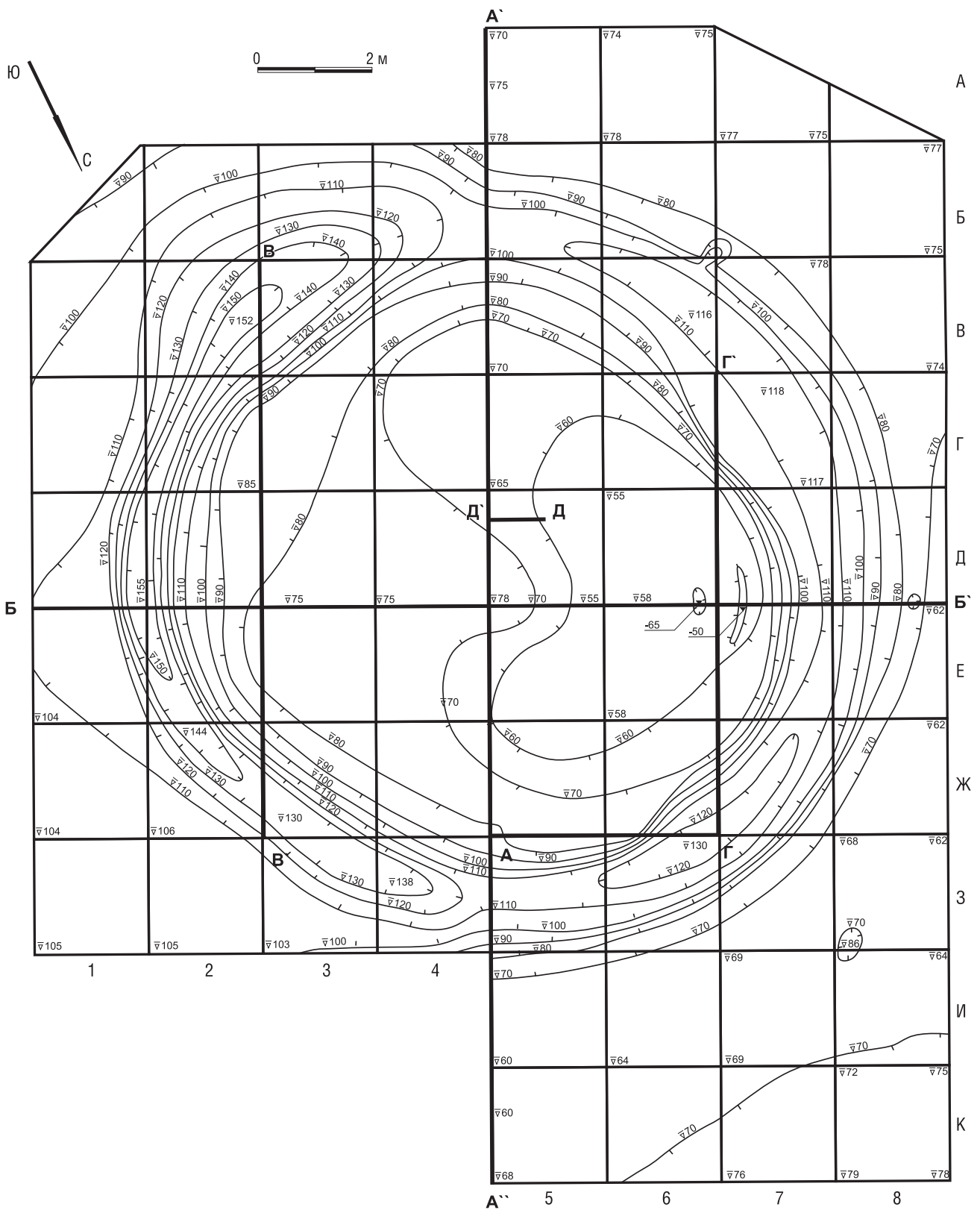

Рис. 6. Курганная группа Гринино 2. Курган № 1. План нивелировки материка

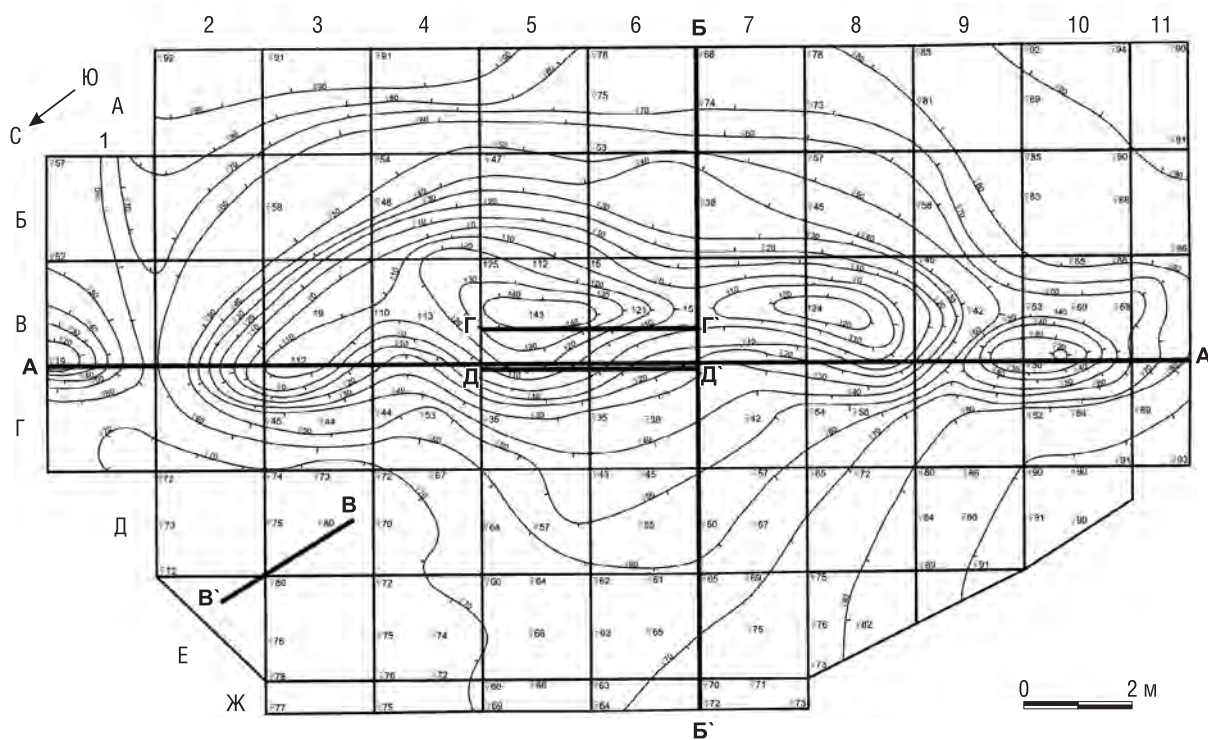
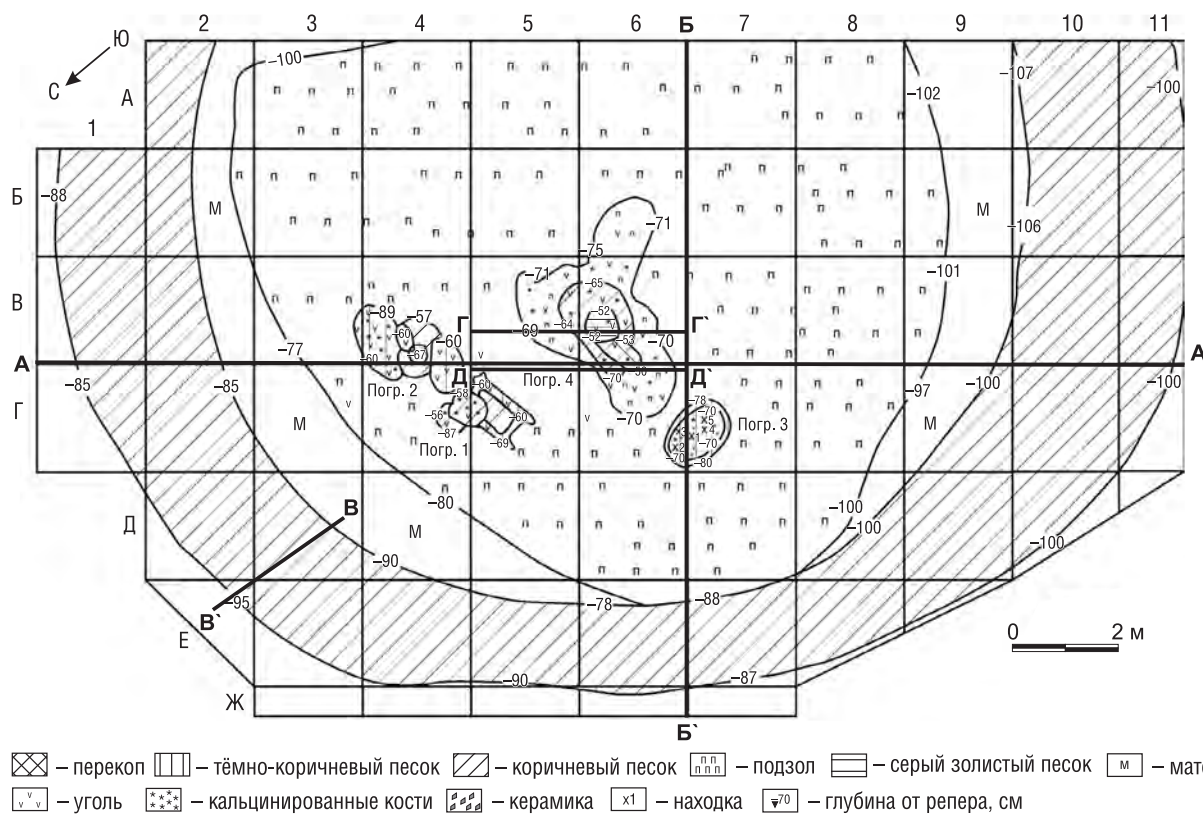

Рис. 7. Курганная группа Гринино 2. Курган № 2. План нивелировки дневной поверхности. Места разрезов

⊞ — перекоп   ⊞ — тёмно-коричневый песок   ⊞ — коричневый песок   ⊞ — подзол   ⊞ — серый золистый песок   М — материк
 ⊞ — уголь   ⊞ — кальцинированные кости   ⊞ — керамика   ⊞ — находка   ⊞ — глубина от репера, см

Рис. 8. Курганная группа Гринино 2. Курган № 2. План на уровне погребённой почвы. Сводный план погребений

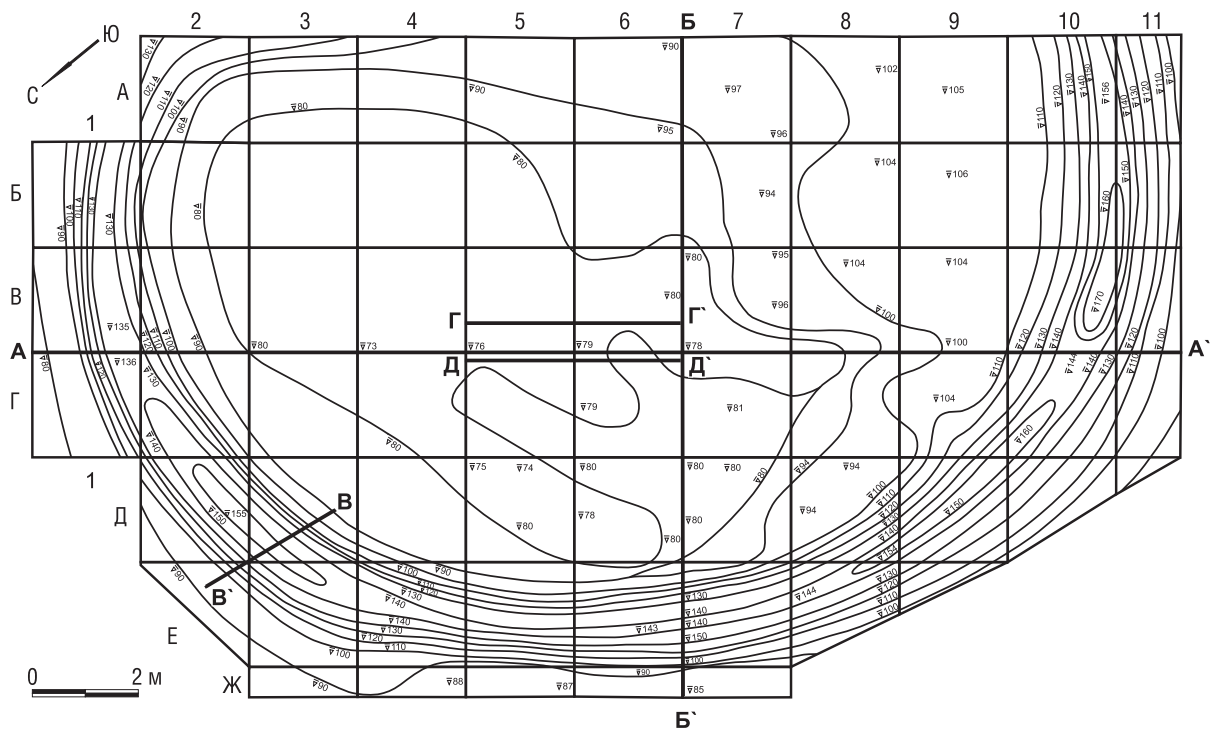

Рис. 10. Курганная группа Гренино 2. Курган № 2. План нивелировки материка

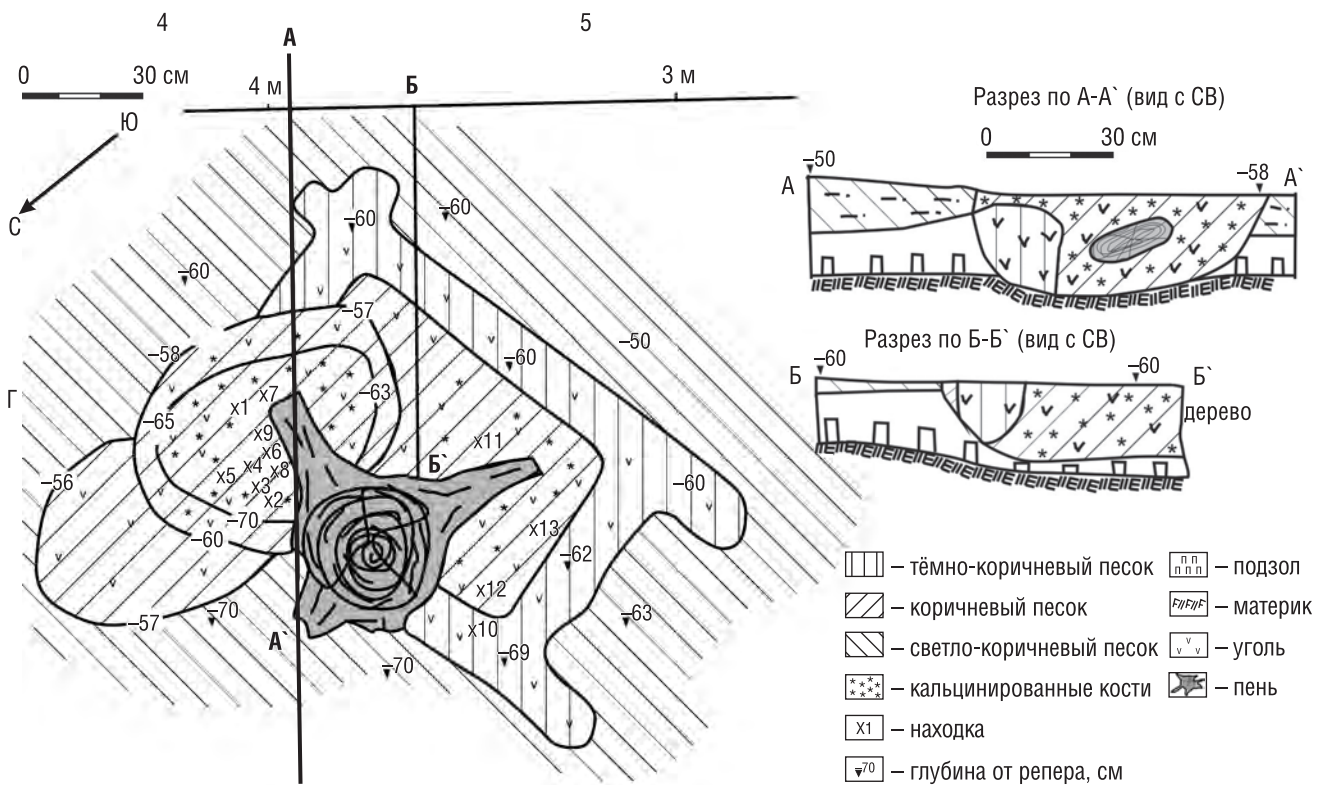

Рис. 11. Курганная группа Гренино 2. Курган № 2. Погребение 1. План и разрезы

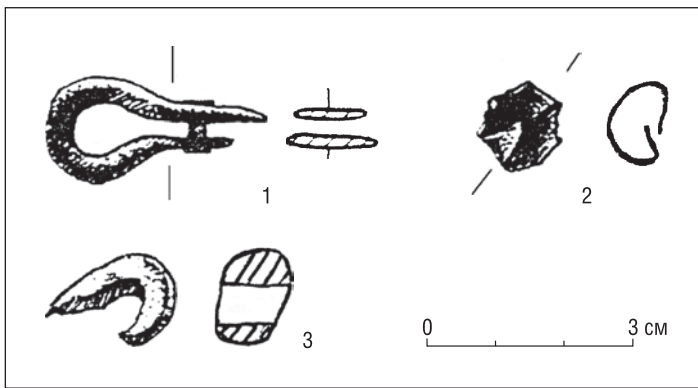

Рис. 12. Курганная группа Гринино 2, курган № 2. Инвентарь из погребения 1:
 1 – петля наременная, железо;
 2 – скорлуповидная бляшка, бронза;
 3 – фрагмент изделия, кость

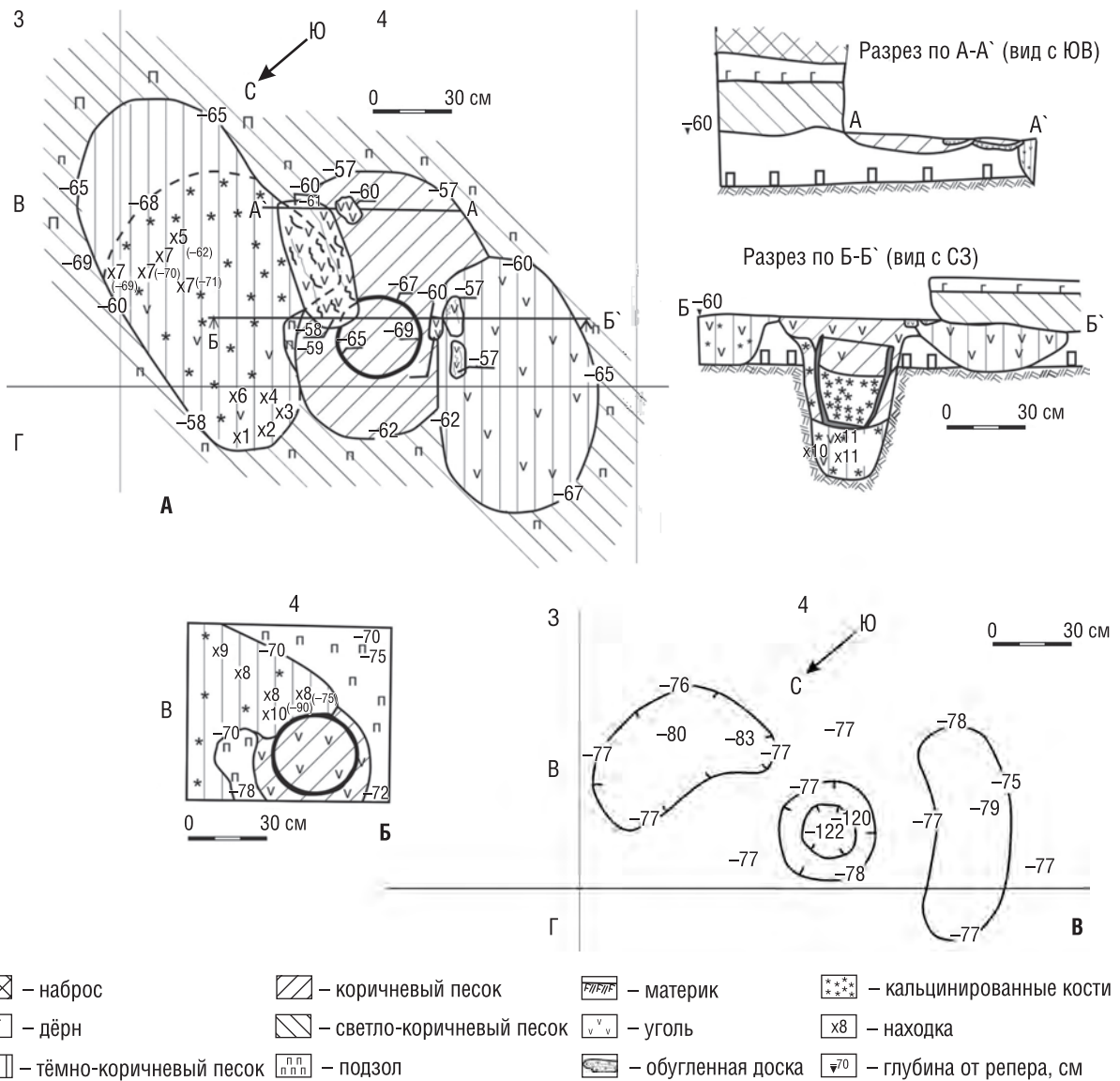

Рис. 13. Гринино 2. Курган № 2. Погребение 2. План и разрезы:
 А – план на гл. -57– -65 см; Б – план на гл. -70 см; В – план материка

в материковую ямку, нижняя часть которой заполнена чёрным углистым песком с кальцинированными костями и оплавленными бронзовыми вещами. Мощность этого заполнения – 20 см. Лежавшие в урне очищенные от угля пережжённые кости принадлежали женщине 35 лет, подростку 14 лет, ребёнку около 5 лет и, возможно, ещё одному взрослому человеку. Среди костей обнаружены оплавленные бронзовые обоймицы (5 фрагментов – рис. 15: 5–6).

Урна сверху была засыпана коричневым углистым песком с отдельными кальцинированными косточками и оплавленными бронзовыми вещами. В 5 см выше края урны были прослежены какие-то обугленные деревянные конструкции в виде досок и плах, которые перекрывали погребение. К востоку и западу от урны, в 20 см от ямы, выявлены овальные углубления в погребённом подзолистом слое и частично в материке. Они слегка огибали погребальную ямку (рис. 13). Заполнение в восточной «канавке» состояло из чёрного углистого песка, насыщенного кальцинированными костями (женщина и ребёнок) и оплавленными бронзовыми вещами, в западной – из чёрного углистого песка. По всей вероятности, эти два углубления являлись своеобразными ровиками вокруг погребения с урной, засыпанными остатками трупосожжения из погребального костра (после взятия основной части пережжённых костей умерших). Похожая конструкция обнаружена в грунтовом погребении в могильнике Подол I в Бологовском районе Тверской области [5, с. 405].

Над урной прослежено проседание почвы, что может свидетельствовать о неких внутренних пустотах, связанных, вероятно, с конструкцией, от которой сохранились обугленные доски и плашки над урной.

Находки из погребения № 2 – спиральки бронзовые (4 экз. – рис. 15: 1–4), буса синяя стеклянная оплавленная, кольцо проволочное бронзовое диаметром 15 мм, обоймицы бронзовые (5 фрагментов). Радиоуглеродная датировка угля из погребения (Гео-56) – 860±70 лет н.э. (Здесь и далее – определение О.Б. Парунина, МГУ)

Погребение № 3 выявлено в 300 см к ЮЗ от погребения № 1, представляет собой овальную кучку углей и пережжённых костей (девочка до 10 лет), вытянутую с севера на юг (140×100 см), насыпанную на погребённый подзолистый слой. Высота этой кучки – 18 см. Среди углей и костей найдены фрагменты бронзовых браслетов (браслета?) треугольного и полуовального сечения и круглое в сечении кольцо (рис. 16), а также оплавленные изделия (6 экз.).

Погребение № 4 расположено в центре насыпи кургана (рис. 8). Это погребение совершено по обряду трупосожжения на месте. После кремации уголь и кальцинированные кости были сдвинуты в одну кучу в центр кострища. Среди костей взрослого человека (мужчина – ?) обнаружены пережжённые кости лошади. Находки – железные фрагмент круглой в сечении дужки с заострённым концом и удила; костяные орнаментированные предметы (фрагменты рукоятей – ?) (рис. 17).

Радиоуглеродная датировка угля из погребения (Гео-55) – 670±125 лет н.э. По хронологии это первое погребение в данном кургане.

Погребальный инвентарь из раскопанных курганов могильника Гринино 2 был проанализирован И.В. Ислановой (автор выражает И.В. Ислановой глубокую признательность).

Курган 2. Погребение 1

Ременная дугообразная обойма (петля – рис. 12 : 1), возможно, является деталью конской узды. Подобные изделия известны во 2-й пол. I тыс. н.э. [6, с. 124–125].

Бляшки-«скорлупки» (рис. 12 : 2) могли находиться в составе поясного или уздечного наборов. Возможно, они были многогранной формы в плане, Полукруглые бляшки – характерные для культуры псковских длинных курганов (КПДК) изделия, – по мнению Е.Р. Михайловой, имели длительный период бытования: от II в. н.э. до кон. I тыс. н.э. [6, с. 63–64].

Фрагмент костяного изделия (рис. 12 : 3) имеет петлевидную форму, назначение неясно.

Курган 2. Погребение 2

Обломки бронзовых спиралек (рис. 15 : 1–4) – частая находка в могильниках КПДК. Они могли использоваться в составе головных венчиков или как нашивные украшения одежды.

Фрагменты двух прямоугольных бронзовых бляшек-обоймиц (рис. 15 : 5–6), вероятно, также входили в состав головного венчика. Они орнаментированы несколькими выпуклыми концентрическими кружками («циркульный» орнамент), относятся к бляшкам-обоймицам группы 1 по Е.Р. Михайловой и входят в реконструируемый ею второй набор женского инвентаря, характерный для восточной области КПДК [7]. Ближайшие территориально аналоги происходят с селища Городок (Верхнемстинский регион КПДК) и Юрьевская Горка (Удомельский тип памятников) [8, рис. 76 : 29; 9, рис. 107 : 1], из кургана КПДК Подол I [5, рис. 6 : 1]. В последнем, правда вне насыпи кургана, было также обнаружено урновое захоронение в ямке, окружённое мелкой кольцевой канавкой [5, рис. 7 : 1].

Буса синего стекла оплавлена, форма не реконструируется.

Урна представляет собой лепной горшок второго типа по О.М. Олейникову [10; 11, с. 171] – слабопрофилированный с маленьким отогнутым наружу венчиком. Наибольшее расширение приходится на верхнюю четверть сосуда. Тулово – усечённо-коническое, плечико – покатое, плавно переходящее в тулово. Размеры сосуда: высота – 34,6 см, диаметр верхний – 35 см, диаметр дна – 21,5 см, то есть высота сосуда почти равна максимальному диаметру, а диаметр дна чуть больше его половины, толщина стенок – 0,7–0,9 см. В качестве отощителя использовалась крупная дресва. Обжиг костровой, неровный. Поверхность – шероховатая от выступающей примеси. Цвет сосуда – коричневый и светло-коричневый. Орнамент отсутствует.

Курган 2. Погребение 3

Представленные в обломках бронзовые браслеты (браслет?) треугольного и полуовального сечения и дровяное кольцо-перстень (рис. 16) имеют широкие территориальные и хронологические рамки бытования.

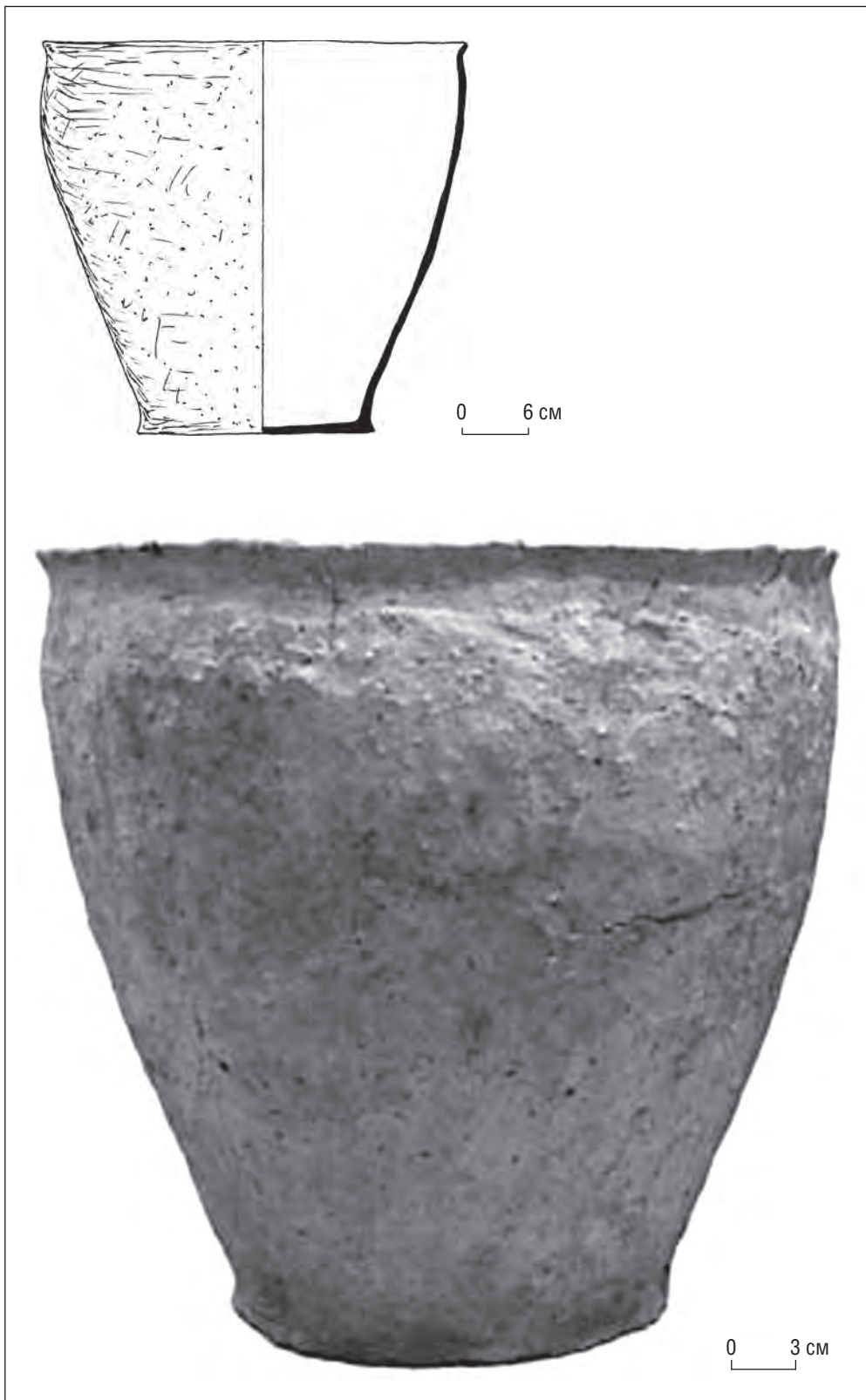

Рис. 14. Курганная группа Гринино 2. Курган № 2. Урна из погребения 2. Керамика

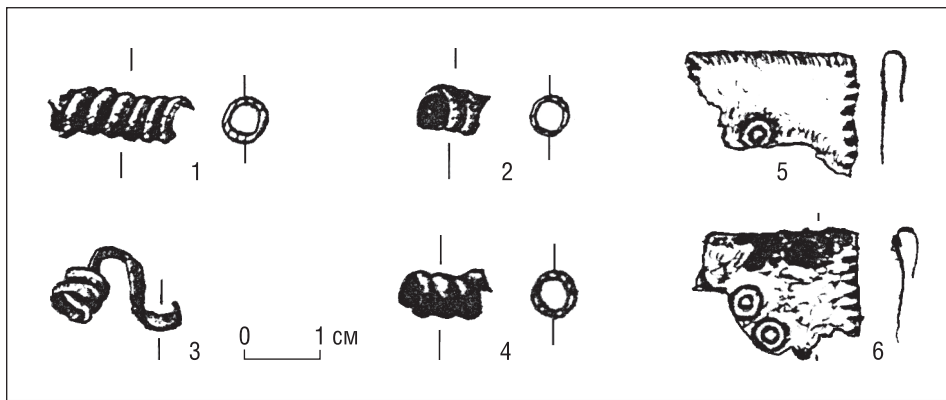

Рис. 15. Гренино 2. Курган № 2. Инвентарь погребения 2:
1–4 – спиральки; 5–6 – обоймы головного венчика. Бронза

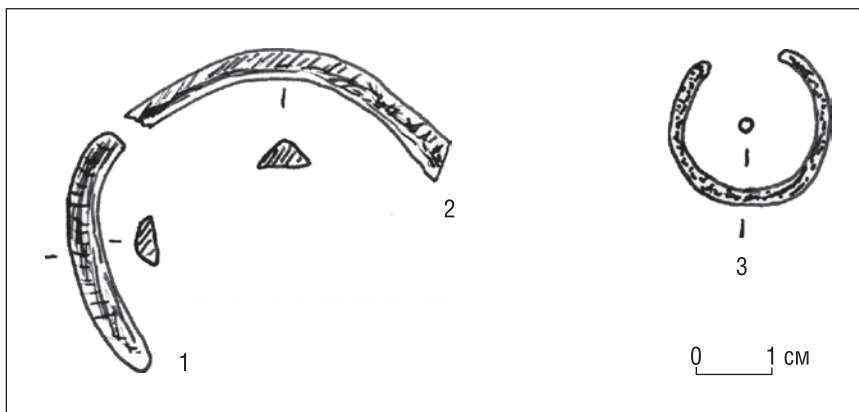

Рис. 16. Гренино 2. Курган № 2. Инвентарь погребения 3:
1–2 – фрагменты браслетов (браслета?); 3 – кольцо. Бронза

Курган 2. Погребение 4

Железные трёхкольчатые удила (рис. 17:4) относятся к «западным» элементам конского снаряжения и были широко распространены в эпоху Великого переселения народов у балтских племён. По мнению М.М. Казанского, подобные удила следует датировать в основном по VI в. н.э., хотя в Карелии они известны и в эпоху викингов [10, с. 310].

Фрагменты костяных изделий могут быть связаны с рукоятями плетей или металлических орудий (ножи, шилья, долотовидные кресала) (рис. 17:1–2) и, возможно, с накладками на гребень (рис. 17:3). Орнаменты, представленные наклонными двойными врезными линиями, образующими косые кресты, напоминают геометрическую орнаментацию костяных изделий из других регионов КПДК [9, рис. 92:4].

Частью какого предмета является обломок железного дрота круглого сечения с заострённым концом (рис. 17:5), неясно.

В целом могильник Гренино 2 датируется 2-й пол. I тыс. н.э. и относится к культуре псковских длинных курганов.

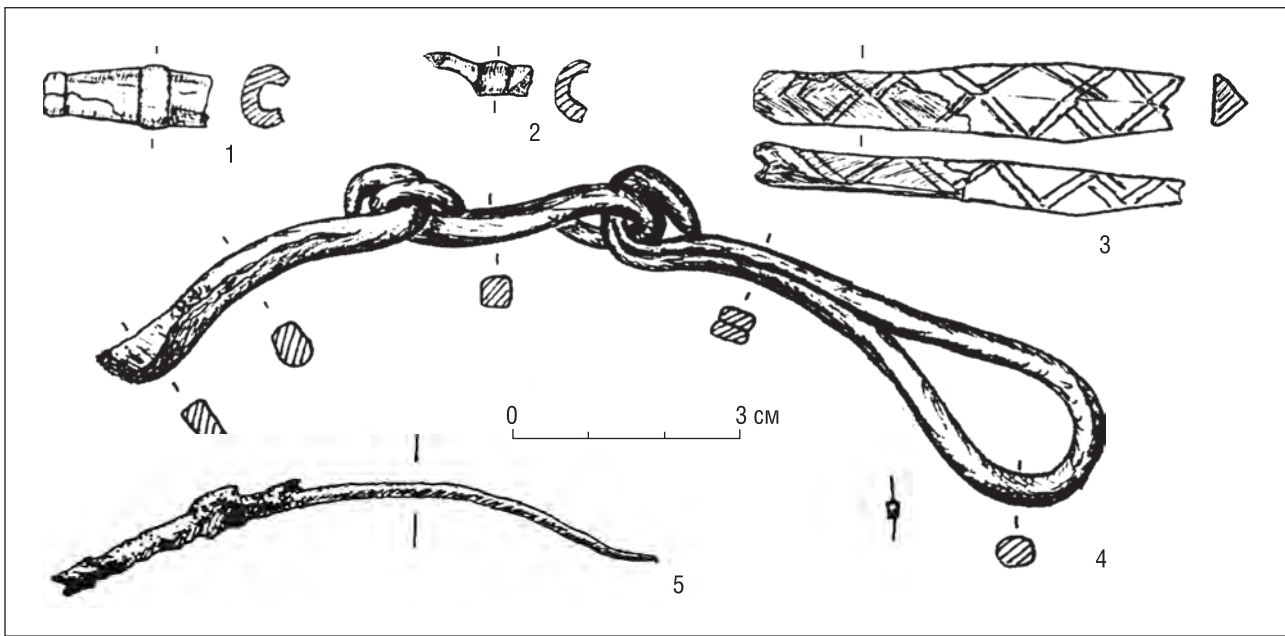

Рис. 17. Гринино 2. Курган № 2. Инвентарь погребения 4:
1–3 – фрагменты рукоятей (?); 4 – удила; 5 – обломок дрота. 1–3 – кость; 4–5 – железо

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ланцев А.П. Отчет о разведках и раскопках на территории Тверской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18767.
2. Олейников О.М. Отчет о раскопках курганной группы Гринино-1 и Гринино 2 в Осташковском районе Тверской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15511.
3. Олейников О.М. Раскопки курганной группы Гринино-1 и Гринино-2 Тверской области Осташковского района // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992.
4. Олейников О.М. Грининский курганный могильник // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы симпозиума. Псков, 1992.
5. Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
6. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009 // Архив ИИМК РАН.
7. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
8. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
9. Исланова И.В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2008.
10. Олейников О.М. Лепная керамика Тверского Поволжья второй половины I тыс. н.э. // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
11. Олейников О.М. Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007.
12. Казанский М.М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.

*Институт археологии РАН,
Москва*

O.M. Oleynikov

**THE BARROWS' GROUP GRININO 2
(Tver Region, Ostashkov District)**

Summary

The cemetery is situated in Ostashkov District of Tver Region 300 m north-west from the barrows' group Grinino 1. Grinino 2 contains 7 mounds, 6 of which are round and 1 is a long one.

In 1990 protective excavations of 2 barrows were made.

In mound 1 (9 m in diameter, 0,5 m high, a round ditch) the remains of «cremation outside» were placed in a small pit on the top of the barrow. The remains consisted of calcinated bones and fragments of moulded vessels.

4 burials were revealed in barrow 2 (15 m in diameter, 0,3 m high) with a destroyed in a course of a road building south-eastern part of the mound, as well as a part of its ditch. One of them was made in a construction of a «mortuary house» type. The second one (number 2) was placed in an urn settled in a pit with a wooden covering construction. The burial had its own “ditches” – small trenches. The third burial was a small heap of bones 18 cm high mound-ed on a buried podzol deposit. Burial 4 was situated in the centre of the barrow and was made according to the rite «cremation at a burial place». This burial is the earliest in the barrow (670±125 AD).

Beside human bones there were the domestic animals' ones: approximetely the remains of a horse and a pig.

Among the burial inventories beside pottery there were articles variously damaged by fire: bronze shell-like small brasses, clips, small spirals, a bracelet and a ring, as well as bone artefacts including ornamented ones; then there were an iron belt loop, a handle and a bit(?); glass blue bead.

As a whole the barrows' group Grinino 2 is dated to the 2nd half of the 1st millenium AD and refers to the Cul-ture of Pskov Long Barrows.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St.,
Moscow, 117036,
Russia*

E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авт.-сост.	– автор-составитель
автореф.	– автореферат
АМС	– ускорительная масс-спектрометрия
АН	– Академия наук
англ.	– английский
АО	– Археологические открытия. Москва
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград)
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
Арх.	– Археология
АЭ	– археологическая экспедиция
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
Б/н, б/н	– без номера
БССР	– Белорусская Советская Социалистическая Республика
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия
В	– восток
в.	– век
ВАК	– Высшая аттестационная комиссия
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж)
вдхр.	– водохранилище
возв.	– возвышенность
ВОКМ	– Воронежский областной краеведческий музей (Воронеж)
Вып., Вып.	– выпуск
г.	– год; город
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры (Ленинград; Москва)
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры
геогр.	– географическая; географических
Гео	– МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). Индекс радиоуглеродных анализов
ГИМ	– Государственный Исторический музей (Москва)
ГИМС	– Государственная инспекция маломерных судов
ГИН	– Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Индекс радиоуглеродных анализов
ГИС	– Географическая информационная система
гл.	– глубина
гр.	– грамм
губ.	– губерния
ГУЛАГ	– Главное управление лагерей
ГЭ, Г.Э.	– Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
ГЭС	– гидроэлектростанция
Д.	– дело
д.	– деревня; дом
д.и.н.	– доктор исторических наук
дис.	– диссертация
дм	– дециметр
дм ³	– дециметр кубический
докт.	– доктор
др.	– другое; другие
ед.	– единица
Ед. хр.	– единица хранения
З	– запад
зам.	– заместитель
ИА	– Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
ИГАН, ИГ	– Институт географии РАН (АН СССР) (Москва) + индекс радиоуглеродных анализов
ИГЕМ	– Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (АН СССР) (Москва) + индекс радиоуглеродных анализов

ИИМК	–	Институт истории материальной культуры АН СССР и РАН (Санкт-Петербург)
Ил., ил.	–	иллюстрация
им.	–	имени
Инст.	–	институт
ист.	–	исторических
кал.	–	калиброванная (дата)
канд.	–	кандидат
кв.	–	квадрат, квадратный
кг, кгр.	–	килограмм
КГПИ	–	Коломенский государственный педагогический институт (Коломна)
к.и.н.	–	кандидат исторических наук
Кл.	–	Коллекция
км	–	километр
кн.	–	книга
КНО	–	Костромское научное общество (Кострома)
КОКМ	–	Калужский областной краеведческий музей (Калуга)
кон.	–	конец
КП, Кп	–	Книга поступлений
К.с., к.с.	–	культурный слой
КСИА	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва. Краткие сообщения института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
куб.	–	кубический
л.	–	лет; лист
Л.	–	Ленинград; лист
л.н.	–	лет назад
ЛОКМ	–	Липецкий областной краеведческий музей (Липецк)
ЛЭП	–	линия электропередач
м	–	метр
м ²	–	квадратный метр
М.	–	Москва
магн.	–	магнитный
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ленинград; Санкт-Петербург)
МБУ	–	Муниципальное бюджетное учреждение
мг	–	миллиграмм
МГУ	–	Московский государственный университет: Первый; им. М.В. Ломоносова (Москва) + индекс радиоуглеродных анализов
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИГМ	–	Музей истории города Москвы (Москва)
мм	–	миллиметр
МНИИЯЛИЭ	–	Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики (Саранск)
МХАТ	–	Московский художественный академический театр (Москва)
Наб., наб.	–	набережная
НАН	–	Национальная Академия наук
нач.	–	начало
НВ	–	научно-вспомогательный
НСОИиА	–	Научное студенческое общество истории и археологии «Поколение» (Шадринский государственный педагогический институт. Шадринск)
н.э.	–	наша (новая) эра
о., о-в	–	остров
ОАО «ТОТ»	–	Открытое акционерное общество «Тверская областная типография» (Тверь)
об.	–	оборот

обл.	– область
оз.	– озеро
ок.	– около
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
Оп.	– описание
Отв.	– ответственный
Отд.	– отдел
п.	– пункт
Пг.	– Петроград
погр.	– погребение
пол.	– половина
пос.	– посёлок; поселение
посл.	– последний
пр., проч.	– прочее
пр-т, пр.	– проспект
проф.,	– профессор
Р.	– Раздел; разряд
р.	– река
РА	– Российская археология. Москва
РАН	– Российская академия наук
РАСХН	– Российская академия сельскохозяйственных наук
РГБ	– Российская государственная библиотека (Москва)
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
Ред., ред.	– редактор, редакция
Рец.	– рецензия
Рис., рис.	– рисунок
р-н	– район
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб.	– рубеж
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
с	– секунда
С	– север
с.	– село; страница
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва; Ленинград
сер.	– середина
Сер.	– серия
СЗАЭ	– Северо-Западная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа
сл.	– следующая
см	– сантиметр
см ²	– сантиметр квадратный
см.	– смотри
с.н.с.	– старший научный сотрудник
СО АССР	– Северо-Осетинская АССР
совр.	– современной
СПб.	– Санкт-Петербург
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ССР	– Советская Социалистическая Республика
США	– Соединённые Штаты Америки
СЭ	– Советская этнография. Москва
Т.	– том
Табл., табл.	– таблица
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТГОМ	– Тверской государственный объединённый музей (Тверь)
т.д.	– так далее
т.е.	– то есть

тел.	– телефон
т.к.	– так как
т.н.	– так называемый; тому назад
т.п.	– тому подобное
Тр.	– Труды
ТУАК	– Тверская учёная архивная комиссия (Тверь)
т.ч.	– том числе
тыс.	– тысячелетие
у.	– уезд
ул.	– улица
УОЛЕ	– Уральское общество любителей естествознания
ур.	– урочище
усл. п. л.	– условный печатный лист
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф.	– фонд
ФГУК	– Федеральное государственное учреждение культуры
ФГУП	– Федеральное государственное унитарное предприятие
ФИО	– Фамилия, имя, отчество
фр.	– французский
ХКТ	– хозяйственно-культурный тип
хоз.	– хозяйственной
ч	– час
Ч.	– часть
четв.	– четверть
ЧНИИЯЛИ	– Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Чебоксары)
шт.	– штука
экз.	– экземпляр
Ю	– юг
abb.	– Abbildung (иллюстрация)
AD	– Anno Domini – от Рождества Христова (новая эра)
AMS	– Accelerator Mass Spectrometry (ускорительная масс-спектрометрия)
Ap.	– Apartment (комната, квартира)
AT	– Atlantic (Атлантик)
Ave.	– Avenue (проспект)
В	– Band (том)
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BC, B.C.	– Before Christmas – до Рождества Христова (до новой эры)
BO	– Boreal (Бореал)
BP, b.p.	– Before Present (до наших дней)
cal	– calibrated (date) (калиброванная дата)
cm	– centimetre (сантиметр)
Dec.	– December (декабрь)
ed.	– editor (редактор)
Dr. 3	– Drias 3 (III) (Дриас)
etc.	– et cetera (и так далее)
Fig.; fig.	– figurine (рисунок)
GIN	– Geological Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Индекс радиоуглеродных анализов
GIS	– Geografic Information System (географическая информационная система)
GrA	– Rijkuniversiteit Groningen–Centrum voor Isotopen Onderzoek. Гронингенский университет (Нидерланды). Индекс радиоуглеродных анализов
GULAG	
(The Gulag)	– Chief Administration of Corrective Labor Camps and Colonies
HELA (Hela, Hel)	– Radiocarbon Laboratory of Helsinki University (Helsinki, Finland). Индекс радиоуглеродных анализов

ill.	– illustration (иллюстрация)
ISKOS	
(SMFF ISKOS)	– Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska Fornminnesföreningen. Helsingfors; Helsinki
Ki	– Institute of Radiogeochemistry of the Environment, Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine). Индекс радиоуглеродных анализов
KIA	– Christian Albrechts Universitaet zu Kiel, CAU (Университет им. Кристиана Альбрехта. Киль, Германия). Индекс радиоуглеродных анализов
LE, Le	– Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). Индекс радиоуглеродных анализов
lk.	– lehekülj (страница)
LLC	– Limited Leability Company (Общество с ограниченной ответственностью)
Ltd	– Limited – Компания с ограниченной ответственностью
m	– metre (метр)
mm	– millimetre (миллиметр)
NE	– North-East (Северо-Восток)
NorFa(A)	– Nordisk Forskerutdanningsakademi; Nordic Academy for Advanced Study (Oslo, Norway)
p.	– page (страница)
РАСТ	– Revue du Groupe europeen d'etudes pour les techn., phys., chim. et math. appliquees a l'archeologie
PAU	– Polska Academia Umiejętnosci (Kraków, Poland)
PhD	– Philosophia Doctor (латынь), Doctor of Philosophy – доктор философии (кандидат наук), учёная степень
S., s.	– Seite, sivu, sida (страница)
s.	– sentury (столетие)
SB	– Subboreal (Суббореал)
Ser.	– Series, serie (серия)
St.	– street (улица)
SW	– South-West (Юго-Запад)
T.	– tome (том)
Tab., tabl.	– Tabelle, tabel, table (таблица)
USSR	– The Union of Soviet Socialist Republics – Союз Советских Социалистических Республик
Vol., V.	– volume (том, выпуск)

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Тверской области «Тверской государственный
объединённый музей» (ГБУК ТГОМ)**

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области:**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская обл., г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-48-264) 2-11-11.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172796, Тверская обл., Пеновский р-н, д. Ворошилово.
Тел. (8-48-230) 3-17-21, 3-17-34.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Вышневолоцкий краеведческий музей**
171163, Тверская обл., г. Вышний Волочёк, Казанский пр-т, д. 63–65.
Тел. (8-48-233) 6-13-23.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 4. Зубцовский краеведческий музей**
172332, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-48-262) 2-12-43.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1988 г.
Резэкспозиция – И.Н. Черных. 2010 г.
- 5. Калязинский краеведческий музей**
171571, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-48-249) 2-94-37.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, А.Н. Хохлов. 1987, 1991 гг.
- 6. Кимрский краеведческий музей**
171506, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-48-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1990 г.
- 7. Конаковский краеведческий музей**
171255, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-48-242) 4-14-49.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1990 г.
- 8. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-48-237) 2-27-11, 2-52-46.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1994 г.
Резэкспозиция – И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 9. Карельский национальный краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-48-261) 3-50-56.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1995 г.
- 10. Осташковский краеведческий музей**
172735, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-48-235) 5-16-46, 5-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1986, 2009 гг.
- 11. Тверской областной краеведческий музей – головное учреждение объединения**
(основан в 1866 г. как историко-археологический музей)
170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.
Тел. (8-4822) 34-51-27 (приёмная генерального директора объединённого музея), факс 34-37-90;
тел./факс 35-79-97 (отдел археологических исследований объединённого музея); 34-77-76 (сектор
археологических материалов отдела фондов объединённого музея). E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Автор археологических разделов экспозиции (территория совр. Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.) И.Н. Черных. 1996 г.

12. Удомельский краеведческий музей

171850, Тверская обл., г. Удомля, ул. Энергетиков, д. 2.

Тел. (8-48-255) 5-04-60.

Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 2002 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи – филиалы ТГОМ.

ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей»

на основе договоров с юридическими и физическими лицами осуществляет различные археологические исследования:

полевые – разведывательные работы, обследование земельных участков, в т.ч. в рамках историко-культурной (археологической) экспертизы, инвентаризация и мониторинг памятников археологии, надзор за проведением земляных работ на объектах культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;

камеральные – реставрация археологических керамики и металла;

разработка историко-археологических опорных планов;

подготовка и оформление археологических экспозиций.

Адрес отдела археологических исследований ГБУК ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15.

Телефоны для справок: (8-4822) 35-79-97 (тел., факс), 34-77-76.

E-mail: archaeology_tver@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Зарецкая Н.Е., Сеницын А.А., Сеницына Г.В., Косорукова Н.В., Инешин Е.М. Памяти Леопольда Дмитриевича Сулержицкого (04.05.1929 – 24.01.2012)	5
Максимов А.Д. Юбилейные и памятные даты 2009 года	9
Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Личный архив Дмитрия Александровича Крайнова в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета	14
Сериков Ю.Б. Использование костей человека в ритуалах и культах древности	23
Сериков Ю.Б. Природные объекты в культах и обрядах древнего населения Урала	31
Сериков Ю.Б. Украшения населения Урала в каменном веке	45
Мартынов А.Я., Шутихин А.В., Казаков А.А. Первобытное мореплавание в Приполярье: опыт и результаты полевых и экспериментальных исследований	64
Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И., Мамонтова Д.А., Долгих А.В. Почвенно-геохимические методы изучения стратиграфии многослойных доисторических памятников	79
Федюнин И.В. Мезолитическая стоянка Четвериково: культурный слой и вопросы планиграфии	91
Юдина Е.А. Планиграфический анализ распределения фрагментов керамических изделий (применительно к изучению древних жилых построек)	96
Хрусталёва И.Ю. Проблема выявления поселенческих объектов в песчаных почвах и их пространственный анализ (по материалам многослойного поселения Сертея XIV)	103
Кольцов Л.В. Адаптация как система в мезолите	111
Косинская Л.Л. Неолит Зауралья: интерпретационные модели и теория миграций	120
Косинская Л.Л. О характере миграций в неолите Урала (на примере кошкинской культуры)	129
Сидоров В.В. Неолитизация лесной зоны Восточной Европы Дневник неолитизации	136
Нордквист К., Икяхеймо Я., Херва В.-П., Лахелма А. Медь в каменном веке Северо-Востока Европы: перспективы исследования	143
Калечиц Е.Г. Проблема первоначального заселения территории Беларуси в свете новых данных (финальный палеолит)	149
Крийска А., Ростедт Т., Юссила Т. Поселение раннего мезолита Йоутсено Саареной 2 в Юго-Восточной Финляндии (результаты археологических раскопок 2008–2009 годов)	160
Аверин В.А. Мезолит Костромского Поволжья: история изучения	170
Аверин В.А., Аверина А.В. Мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южском районе Ивановской области	182
Вискалин А.В. Время и природные условия перехода мезолит – неолит в лесостепном Поволжье и Приуралье	190
Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Ранненеолитическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье	195
Цветкова Н.А. Ранненеолитические орудия для обработки дерева в Верхневолжском регионе	202
Савченко С.Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке Среднего Зауралья	218
Гусенцова Т.М. Исследования памятников неолита на южном побережье Онежского озера (Ленинградская область)	222
Смольянинов Р.В. Поселение Карамышево 19 на Верхнем Дону	232
Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Материалы неолита и энеолита стоянки Ямное в Донской лесостепи	249
Скоробогатов А.М. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных	264
Смольянинов Р.В., Скоробогатов А.М., Бессуднов А.Н., Ивашов М.В., Свиридов А.А. Материалы иванобугорской культуры в Донской лесостепи	279
Королёв А.И. Поселение эпохи раннего металла Сутырское V в Марийском Поволжье (по результатам раскопок 2000 года)	295

Лычагина Е.Л. Позднеэнеолитический комплекс Новоильинского III поселения	313
Хорошун Т.А. К проблеме выделения ромбоямочной керамики на памятниках западного побережья Онежского озера	322
Воронин К.В. Комплексы бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская Слобода II	329
Александровский А.Л., Воронин К.В., Долгих А.В. Палеосреда голоцена и стадии формирования почв и культурного слоя поселений Песочное-1 и Липовка-1 на озере Неро	345
Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации	360
Сыроватко А.С., Трошина А.А., Антипина Е.Е. К вопросу об облике культур финальной бронзы (по материалам стоянки Зарудня)	374
Сыроватко А.С. Культурные трансформации у населения Средней Оки и Москворечья в раннем железном веке в контексте климатических колебаний	390
Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. О социальной структуре дьяковского общества по данным домостроительства – к вопросу о возможностях источника	393
Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. К вопросу об облике построек Троицкого городища	399
Вишневский В.И. Орнаментированные изделия с Кикинского городища	403
Савенкова М.М. Реконструкция технологии выработки текстиля на грузиках «дьякова типа»	409
Модин Р.Н., Столяров Е.В. Предметы конской упряжи с поселений раннего железного века лесной зоны европейской части России (по материалам дьяковской, днепро-двинской, верхнеокской и юхновской культур)	418
Столяров Е.В. Украшения подгорцевского стиля в бассейне Верхней Оки (ажурные навершия булавок)	427
Мясников Н.С. Таутовский могильник железного века в Чувашии в контексте древнемордовской культуры	436
Черных И.Н., Олейников О.М., Исланова И.В. Курганный могильник Гринино 1 (по материалам исследований 1989–1990 гг.)	445
Олейников О.М. Курганная группа Гринино 2 (Тверская область, Осташковский район)	482
Список сокращений	497
Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ): археологические экспозиции, исследования	502

CONTENTS

Kostlyeva E.L., Utkin A.V., Zaretskaya N.E., Sinitsyn A.A., Sinitsyna G.V., Zhilin M.G., Kosorukova N.V., Ineshin E.M. In memoriam of Leopold Dmitrievich Sulerzhitsky (05.04.1929–01.24.2012)	5
Maksimov A.D. Anniversary and Memorable Dates of 2009	9
Kostlyeva E.L., Utkin A.V. The Personal Archives of Dmitry Alexandrovich Krainov in the Holdings of the Archaeological Museum of Ivanovo State University	14
Serikov Yu.B. The Use of Human Bones in the Rituals and Cults of the Antiquity	23
Serikov Yu.B. Natural Objects in the Cults and Rituals of the Ancient Population of the Urals	31
Serikov Yu.B. Decorations of the Population of the Urals in the Stone Age	45
Martynov A.Ya., Shutikhin A.V., Kazakov A.A. The Prehistoric Navigation Near the North Pole: the Experience and Results of the Field and Experimental Investigations	64
Alexandrovskiy A.L., Voronin K.V., Alexandrovskaya E.I., Mamontova D.A., Dolgikh A.V. The Soil-Geochemical Methods for Studying the Stratigraphy of the Multilayer Prehistoric Settlements	79
Fedyunin I.V. The Mesolithic Site Chetverikovo: the Cultural Layer and the Questions of Planigraphy	91
Yudina E.A. The Planigraphical Analysis of the Distribution of the Ceramic Ware Fragments (Relating to the Study of Ancient Habitable Buildings)	96
Khrustalyeva I.Yu. The Problem of the Detecting of the Settlement Objects in the Sandy Soils and Their Spatial Analysis (Based on the Multilayer Settlement Serteya XIV)	103
Koltsov L.V. Adaptation as the System in the Mesolithic	111
Kosinskaya L.L. The Neolithic of the Trans-Urals: Interpretive Models and the Conception of Migrations	120
Kosinskaya L.L. On the Character of Migrations in the Neolithic of the Urals (on the Example of the Koshkinskaya Culture)	129
Sidorov V.V. The Neolithization of the Forest Zone of Eastern Europe Diary of Neolithization	136
Nordqvist K., Ikaheimo Ja., Herva V.-P., Lahelma A. Copper in the Stone Age of the North-East of Europe: the Prospects of the Research	143
Kalechits E.G. The Problem of the Original Occupation of Belarus in the Light of the New Data (The Final Palaeolithic)	149
Kriiska A., Rostedt T., Jussila T. Joutseno Saarenoja 2 Early Mesolithic Dwelling Site in Southeastern Finland (The Results of the Archaeological Excavations in 2008–2009)	160
Averin V.A. The Mesolithic of the Kostroma Volga Region: the History of the Survey	170
Averin V.A., Averina A.V. The Mesolithic Complex of the Dwelling Site Orekhovoe 6 in Yuzhsky District of Ivanovo Region	182
Viskalin A.V. Time and Environmental Conditions of the Transition from the Mesolithic to the Neolithic in the Forest-Steppe of the Volga Region and Cisuralian Area	190
Berezina N.S., Vybornov A.A., Stavitsky V.V., Berezin A.Yu. The Early Neolithic Site Vjunovo Ozero I in the Middle Sura Basin	195
Tsvetkova N.A. The Early Neolithic Tools for Woodworking in the Upper Volga Region	202
Savchenko S.N. Bone Whole Fishhooks in the Stone Age of the Middle Trans-Urals	218
Gusentsova T.M. The Survey of the Neolithic Monuments on the Southern Coast of Lake Onega (the Leningrad Region)	222
Smolyaninov R.V. The Settlement Karamyshevo 19 on the Upper Don	232
Surkov A.V., Skorobogatov A.M. The Materials of the Neolithic and the Aeneolithic of the Site Yamnoye in the Don Wood-Steppe	249
Skorobogatov A.M. The Aeneolithic of the Upper and Middle Done Basin in the Context of the New Data	264
Smolyaninov R.V., Skorobogatov A.M., Bessudnov A.N., Ivashov M.V., Sviridov A.A. The Materials of the Ivanobugorskaya Culture in the Don Wood-Steppe	279
Korolyev A.I. The Settlement Sutyrsкое V of the Early Metal Age in the Mari Volga River Basin (on the Results of the Excavations in 2000)	295

Lychagina E.L. The Late Aeneolithic Complex of the Novoiyinskoe III Settlement	313
Khoroshun T.A. On the Problem of Marking-out Romb-Pit Ceramics on the Sites on the West Coast of Lake Onega	322
Voronin K.V. The Complexes of the Bronze Age of the Settlements Pesochnoye-1 and Dmitrievskaya Sloboda II	329
Alexandrovskiy A.L., Voronin K.V., Dolgikh A.V. The Holocene Palaeoenvironment and the Stages of the Formation of Soils and Cultural Layers of the Settlements Pesochnoe-1 and Lipovka-1 at the Lake Nero	345
Syrovatko A.S. The Final Bronze Age in the Moskva River Basin: the Condition of the Sources and the Problem of Their Interpretation	360
Syrovatko A.S., Troshina A.A., Antipina E.E. On the Question of the Image of the Final Bronze Age Cultures (Based on the Materials from the Settlement Zarudnya)	374
Syrovatko A.S. The Cultural Transformations of the Population of the Middle Oka Basin and Moskva River Basin in the Early Iron Age in the Context of Climatic Fluctuations	390
Syrovatko N.A., Syrovatko A.S. On the Social Structure of the Dyakovo Society According to the House-Building Data – on the Question of the Possibilities of the Source	393
Syrovatko N.A., Syrovatko A.S. On the Outlook of the Buildings of Troitskoye Hillfort	399
Vishnevsky V.I. Ornamented Objects from the Kykynskoye Hillfort	403
Savenkova M.M. The Reconstruction of the Textile Technology with Weights of Dyakovo Type	409
Modin R.N., Stolyarov E.V. The Pieces of Harness from the Early Iron Age Settlements of the Forest Zone of the European Part of Russia (on the Materials of the Dyakovo, the Dnieper-Dvina Rivers, the Upper Oka River and Yuhnovo Cultures)	418
Stolyarov E.V. The Adornments of the Podgortsevo Style in the Upper Oka Basin (the Openworked Tops of Pins)	427
Myasnikov N.S. The Tautovo Burial Ground of the Iron Age in Chuvashia within the Context of the Ancient Mordovian Culture	436
Tchernykh I.N., Oleynikov O.M., Islanova I.B. The Barrow’s Cemetery Grinino 1 (After Materials of 1989–1900’s Investigations)	445
Oleynikov O.M. The Barrows’ Group Grinino 2 (Tver Region, Ostashkov District)	482
List of Abbreviations	497
The State Budget Institution of Culture of the Tver Region «Tver State United Museum»: Archaeological Expositions and Investigations	502

Тверской археологический сборник Выпуск 9

Отв. редактор выпуска И.Н. Черных.

Технический редактор И.Н. Черных.
Корректоры: В.А. Румянцева, И.Н. Черных.
Компьютерный набор, вёрстка: И.А. Хамаулова
Оригинал-макет: И.А. Хамаулова, И.Н. Черных.
Перевод на англ. язык и с англ. языка, корректура:
А.С. Жукова, Е.А. Цветкова, В.А. Миловидов.

ООО «Издательство «Триада».
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, офис 504.
ИД № 06059 от 16.10.2001 г.

Подписано к печати 28.02.13 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объём 31,75 усл. п. л.

Тираж 500 экз. Заказ 394. Цена свободная.

Отпечатано в филиале ОАО «ТОТ» Ржевская типография
(172390, Тверская область, г. Ржев, ул. Урицкого, д. 91).